

Евразийский юридический журнал

№ 5 (168) 2022

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор, член Постоянной палаты третейского суда (г. Гаага)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., доцент (Московский государственный институт международных отношений (Университет) - МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАПЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов - РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 Юридические науки 08.00.00 Экономические науки 09.00.00 Философские науки (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2022

Подписано в печать 28.05.2022
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва,
ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiatlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasiatlaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

№ 5 (168) 2022

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor, member of the Permanent Court of Arbitration (Hague)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatolij Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAGLAMOV Andrey Viktorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Bashkir State University)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (A.G. and N.G. Stoletov Vladimir State University)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2022

Signed for printing 28.05.2022

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджидинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhadinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

SHAYDULLINA Venera Kamilevna, Ph.D. in Law, associate professor

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

И. С. Бахтина:

Об устойчивом развитии и о прикладном применении принципов ESG в преддверии 50 Всемирного дня окружающей среды «Только одна земля»	
Интервью с руководителем дирекции по устойчивому развитию объединённой компании РУСАП Ириной Сергеевной Бахтиной	16

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бахновский А. В.

Опыт интеграции практики Европейского суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации: подведение промежуточных итогов	20
--	----

Рагимли С.

Экономические права и их законодательная база. (Внутренние и международные инструменты). Конституционные принципы ограничения экономических прав и свобод	24
---	----

Сыпченко А. В., Стаценко А. И.

Правовая интерпретация возможных последствий отказа государства от международного сотрудничества в условиях современных военных трансформаций	28
---	----

Чэнь Цимэн

Международно-правовые проблемы охраны окружающей среды в Антарктическом регионе	30
---	----

Ян Х.

Проблемы коллизионности норм китайского и российского частного права и перспективы их решения	32
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Гигинейшвили М. Т.

Иммунитет высших должностных лиц: соотношение практики Международного Суда ООН и Международного уголовного суда	36
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Бутакова Н.А., Евграфова И. В.

Проблемы разработки договорных положений ГЧП в сфере развития автодорожной инфраструктуры	39
---	----

Бабошкин А. А.

Правовое положение заинтересованных групп (стейкхолдеров) в странах континентального права	43
--	----

Бибиков С. Е.

Трансформация коллизионного регулирования ответственности юридического лица в условиях глобальных вызовов	46
---	----

Журбенко В. Г.

Защита прав сторон договора о суррогатном материнстве: зарубежный опыт	49
--	----

Заика Д.А.

Место персонажа произведения в системе объектов авторских прав в США и Российской Федерации	53
---	----

Падиряков А. В.

Соотношение исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Германии	56
--	----

Харькина К. В.

Трансграничный корпоративный договор и доктрина внутренних отношений юридического лица	58
--	----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Снетков В. Н., Юркова О. Ю.

Историко-правовые аспекты реализации концепции морского шёлкового пути в рамках Арктического региона России	60
---	----

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байниязова З. С.

Право и информационное общество: ценностный аспект их соотношения	62
---	----

Грибкова К. В.

Судебная практика как источник права в России	64
---	----

Дубровин М. А.

Государство в контексте глобализационных вызовов: интеграционный подход	66
---	----

Михайлик А. А.

Современное представление о правосознании и его особенностях	68
--	----

Сазонов И. И., Чибисов О. В.

К вопросу правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета	71
---	----

Скударнов А. С.

К вопросу о добровольности в праве	74
------------------------------------	----

Титов В. Ю.

Анализ нормативно-правового регулирования протестных настроений в концепциях отечественных юристов	77
--	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дробышевский С. А., Красовская Н. С., Матвеева Л. С.

Правотворчество и применение права в истории	80
--	----

Недзелюк Т. Г.

Государственная политика в сфере конфессионального образования: исторический аспект и сибирская специфика (по материалам Российского государственного исторического архива)	84
---	----

Силантьева В. А., Пронина Е. Н.

Влияние международных конференций на развитие санитарного законодательства Российской империи второй половины XIX в.	87
--	----

Куликова М. С.

Справедливость судебного решения в рамках социологического подхода к праву: из истории правовой мысли	91
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Абакаров Г. А., Сайбулаева С. А.

Право на жизнь как основа конституционно-правового статуса личности	93
---	----

Архипкина А. С., Коваленко А. В.

Право на свободу предпринимательской деятельности: реализация в условиях ограничений	95
--	----

Бахилина А. К.

Кодификация экологического законодательства: перспективы и проблемы реализации	99
--	----

Ведманова Е. В., Никеров Д. М.

Конституционное право на занятие спортом: на пути от деклараций к механизму реализации	102
--	-----

Ашитко М. В.

Право ребенка на жизнь как элемент конституционных положений, определяющих демографическую политику Республики Беларусь	105
---	-----

Маллалиева Г. Г.

Проблемы реализации конституционного права на свободу слова в деятельности СМИ на территории Российской Федерации	111
---	-----

Али Джихад Аммар Раад

Проблемы взаимодействия шариата с нормами конституционного права Ирака: ad deliberandum	113
---	-----

Белоусов В. П., Мишальченко Ю. В.

Конституционно-правовые основы организации и деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ	116
--	-----

Гарабейли Т. М.

Определение жестокого обращения с детьми	120
--	-----

Курбатова Г. В., Ананьева Е. О.

Особенности стадий законодательного процесса в зарубежных странах	126
---	-----

Петров Д. Г., Ильина О. Ю.

К вопросу о возникновении и содержании права на жизнь	127
---	-----

Соодонбеков А. А.

Новеллы избирательного законодательства Кыргызской Республики	129
---	-----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Евсикова Е. В. Публично-правовая ответственность: понятие и особенности.....	131
Кулаков Н. А., Темников А. Ю., Ермолаев В. Г. Регулирование общественных отношений в области нотариата: публично-правовой аспект.....	133
Игнатъева И. В., Зедгенизова И. И., Кирильчик Е. В. Особенности формирования правосознания в предпринимательской среде.....	135
Малаев А. Х., Карачаев А. Р. К вопросу о предмете правового регулирования административного права.....	138
Москаленко С. А., Лысцев Б. С., Ткачук В. Н., Дмитриева Н. В. Применение сотрудниками Госавтоинспекции мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения без участия понятых: к вопросу возможности применения видеозаписи в отсутствие понятых.....	140
Пономарев А. В., Русанова С. Ю. К проблемам правового регулирования административно- юрисдикционной компетенции административных комиссий.....	143
Пхитиков Р. Б., Гутаев А. М. К вопросу об административной ответственности за управление ТС в состоянии опьянения.....	146
Стрижченко И. А., Проваторов И. О. Деятельность участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ПАВ).....	148
Урусов З. Х. Меры обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях.....	150
Калининченко Д. В. Проблемы применения мер административного принуждения органами внутренних дел Российской Федерации.....	152

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Архиреева А. С. Особенности правового регулирования финансового контроля органов местного самоуправления в России и зарубежных странах (муниципально-правовой аспект).....	155
Галимуллина Н. А., Самигуллина А. Ф., Гилязова А. И., Рамазанова И. В. Совершенствование социальной инфраструктуры муниципального образования.....	158
Салихов Г. Ш., Арсланбекова А. З. Полномочия органов местного самоуправления в сфере ЖКХ.....	161

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Ананьев О. Г., Ивлиев П. В. Правовое регулирование импортозамещения и вопросов параллельного импорта товаров.....	163
Ананьева Е. О., Курбатова Г. В. Правовые основы виртуальной жизни и последствия цифровизации.....	165
Грицай Д. В., Кудрявцева Л. В., Обливанцева Д. В., Ротко М. А. Правовые аспекты криптовалют в мировой экономике.....	167
Иванова М. С. Древнеримский Инсул и современные Апартаменты: эволюция правового регулирования.....	170
Ивлиев П. В., Ананьев О. Г. Правовое регулирование рентных правоотношений.....	173
Комаревцева И. А., Таганцева В. С. К вопросу о содержании принципа свободы завещания.....	175
Кондратьев П. О., Кошелюк Б. Е. Правовое регулирование коллекторской деятельности.....	178
Лысцев Б. С., Горелов И. П., Захарова Е. Е. Строительный подряд в садоводческом некоммерческом товариществе: к вопросу заключения договора, качества работ, права собственности и риска случайной гибели результата работ.....	181

Майорова Л. Г.

Ответственность за нарушение договорного обязательства по законодательству РФ и стран Европы: сравнительно-правовой анализ.....	184
Смолина О. С. Правовое регулирование процедуры сделок посредством цифровой платформы в свете совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации*.....	188
Сухарева Е. В., Лысцев Б. С., Ушенин А. А. Договор оказания юридических услуг: к вопросу необходимости юридического сопровождения садоводческих некоммерческих товариществ в виде оказания разовых юридических услуг и абонентского юридического обслуживания.....	194
Тимофеева Т. Ф., Тимофеев В. В. Общая характеристика торгового агрегатора в Российской Федерации.....	196
Маслюк П. М. Специфика права собственности религиозных организаций в структуре РГПЦ: проблемы теории и правоприменительной практики.....	199
Ли Янань Общая характеристика оснований прекращения брака в Китае.....	203
Ван В. Судебная юрисдикция по гражданским судопроизводствам с участием иностранных лиц в КНР.....	206
Евсеев А. Д. Теоретические и практические аспекты применения принципа единства судьбы в российской правовой системе.....	210
Гилева Н. С. «Гонорар успеха»: проблемы и перспективы применения.....	212
Жилкибаев С. Н. Специальная правосубъектность коммерческой организации с иностранными инвестициями в РФ и КНР.....	214

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Агаркова А. А., Белецкая В. А., Деметеева И. И. Сравнительный анализ положений Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов об использовании систем видеоконференц-связи и системы веб-конференции.....	217
Коблева М. М., Лусегенова З. С. Современные формы организации судебной деятельности: переход от информационной деятельности к цифровой.....	220
Московских А. О. Возможности слабого искусственного интеллекта в гражданском процессе: реалии и перспективы.....	222
Синицына В. А., Миташова А. А., Деметеева И. И. Проблемы признания имущества бесхозяйным и признания права собственности на такое имущество на основе судебной практики.....	225

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

Ким С. А., Масленникова Л. В. Способы защиты прав граждан при приватизации жилья в Российской Федерации.....	227
Масленникова Л. В., Федонькин Ю. Н., Коновалов А. А. Некоторые вопросы осуществления общественного жилищного контроля.....	230

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Бахченян А. С., Кудрявцева Л. В. К вопросу о систематизации источников коммерческого права в России.....	232
Дельцова Н. В., Кавкаева Ю. А. Медиация как способ защиты прав предпринимателей.....	235

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Владимирова О. А., Левочкина Н. В. Проблемы компенсации найма жилья сотрудникам уголовно-исполнительной системы.....	237
---	-----

Пшизова Е. Н., Тхаркахо М. М. Цифровизация трудового процесса: анализ зарубежного законодательства	239	Шугаибова С. Ш., Марианов А. А. Проблемы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления	293
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО		Сироткина Т. Г. Характеристика личности несовершеннолетнего, совершившего преступления экстремисткой направленности	
Абдреев Т. И. Правовое регулирование денежной эмиссии и денежного обращения России в условиях санкционного давления недружественных стран	242	Аль-Хаммуд Ибрахим Ариф Абдулхуссейн Ответственность за коррупцию в Египте	297
Дельцова Н. В., Модина А. А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника при банкротстве кредитных организаций	245	Воржев И. С. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища в законодательстве зарубежных стран	300
Шапсугова М. Д. О мобилизации финансовых ресурсов организации посредством установления нормативов распределения прибыли в целях реализации принципов мобилизационной экономики	248	Зорина Н. С. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в пенитенциарных учреждениях	302
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		Кошелев Р. И. Прецедентность общественной опасности в спортивной сфере	
Дибиров Ю. С., Гапаев И. Г. Контрольная работа налоговых органов	252	Расторопов С. В., Горшкова Н. А. Теоретико-прикладной анализ пенализации преступлений, совершаемых в различных формах неоказания помощи и оставления в опасности	306
Евсикова Е. В., Волкова И. Ю. Особенности налогообложения в свободной экономической зоне на территории Республики Крым	254	Страхов И. А. Об отдельных вопросах возникновения уголовной ответственности при воспрепятствовании законной деятельности доверенного лица	308
Степанова М. Н. Основные проблемы регулирования юридической ответственности за неуплату налогов в РФ	258	Юндина М. А. Анализ состава наймичества и его соотношение с понятием «военные преступления»	311
Цой В. Р. Налогообложение недвижимого имущества, относящегося к роскоши, в России и Италии	260	УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Дибиров Ю. С., Якубова З. С. Нормативное регулирование и условия применения упрощенной системы налогообложения	262	Абакумов Е. С. Организационные вопросы применения электронного документооборота в досудебном производстве	
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО		Абдуллозода П. С. Процессуальный порядок передачи лиц, осужденных к лишению свободы, в иностранное государство для отбывания наказания на примере постсоветских государств	
Ермолина М. А., Лукашов М. С. Лесные пожары на территории Российской Федерации: проблемы и методы решения	265	Завгороднева Е. В. Размышления о причинах особого производства уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц	
Карев Д. А., Махмудов М. С. К вопросу о рассмотрении возможности принятия экологического кодекса РФ	267	Иванова О. Г., Недбайлов П. А. Порядок собирания цифровой информации в уголовном процессе	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Клещев С. В. Методы противодействия киберпреступности в США	
Абазов А. Б., Вагапова Р. Р., Журавлев А. С. Анализ мошенничества в сфере кредитования	269	Любимова А. А. Наложение ареста на безналичные денежные средства подозреваемого, обвиняемого как способ защиты имущественных прав потерпевших: особенности реализации	
Алышев С. С. Текущие тенденции уголовно-правового воспитания в системе мер предупреждения преступности несовершеннолетних	272	Мустафина Г. М., Мельникова А. С. Соотношение оперативно-розыскного и уголовно- процессуального законодательства при получении образцов для сравнительного исследования	
Беляков А. В., Бондаренко С. В. Некоторые проблемы квалификации краж и мошенничеств	276	Назаркин Е. В., Сулейманов Т. А., Данилова И. Ю., Масленникова Е. А. Особенности подготовки и проведения проверки показаний на месте в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества	
Ибрагимов Х. А. Смертная казнь и ее влияние на профилактику, предупреждение преступности	278	Нгуен Т. Ч. Специализированный суд по семейным делам и делам несовершеннолетних Вьетнама	
Аль-Хаммуд Ибрахим Ариф Абдулхуссейн, Кассаб Мохаммед Салах Хади Государственные контрмеры и усилия по борьбе с коррупцией в Египте	280	Раднева Е. Г., Савченко И. Г. Отдельные проблемы реализации права на защиту на современном этапе развития уголовного судопроизводства	
Гаджиева П. Д., Ибрагимов М. А., Раджабова Р. В. Актуальные вопросы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в условиях образовательного пространства школы	283	Сафонов А. А., Бондарева И. О. К вопросу об общих условиях проведения допроса	
Магомедов Г. Б., Махмудов К. Ш., Таилова А. Г. Посягательство на жизнь двух или более лиц и особая жестокость как квалифицирующие признаки в преступлениях против жизни	285	Соколов Ю. Н. Электронный протокол процессуального действия в уголовном судопроизводстве: «за» и «против»	
Расторопов С. В., Пантюшина А. И. Особенности конструкции субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ	288	Сочивко О. И., Плоткин Д. М. Применение гипноза в ходе расследования преступлений	
Селезнева Н. А., Кабаха Махди Ф. М. Значение провокации по делам об убийстве по законодательству Иордании	290		

Слюсаренко Е. С. Соблюдение прав участников уголовного судопроизводства при принятии решения о приостановлении производства по уголовному делу	352
Токарева Е. В., Часовникова О. Г. Актуальные вопросы, возникающие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве	354
Трифонова К. А. Деятельность следователя по подготовке к предъявлению для опознания путем видео-конференц-связи: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты.....	356
Файрушина Р. Д., Имаева Ю. Б. Роль переводчика в ходе расследования уголовных дел органами дознания.....	358
Буй Конг Фу, Нгуен Дык Чунг Право на молчание юридических лиц в качестве обвиняемого во Вьетнаме	360
Мутулова А. С., Кандуева Б. Д., Санджиева В. Н., Четырова Г. Н. Некоторые вопросы деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве	364
Буй Ши Нам Адаптация международных конвенций об установлении уголовной ответственности юридических лиц к Уголовному кодексу Вьетнама	367
Керимова А. Р. Проблемные аспекты применения запрета определенных действий.....	371
Романова Н. Л., Татарников В. Г., Толстихин А. Н., Вершинина М. К. Современные проблемы взаимодействия сотрудников следственных и оперативных подразделений при производстве следственных действий	374
Сиротинин Д. А. Некоторые процессуальные аспекты участия следователя-криминалиста в следственных действиях, проводимых с использованием видео-конференц-связи.....	376
Часовникова О. Г., Токарева Е. В. Место досудебного соглашения о сотрудничестве в системе зарубежных стран	378
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Голубцова К. И., Зиньков Е. Н. Социальное государство и уголовно-исполнительная система: вопросы взаимодействия	380
Минкова Е. А. Детерминация преступлений коррупционной направленности в УИС	382
Сулейманов Т. А., Назаркин Е. В., Данилова И. Ю., Жарко Н. В. Практика принудительного лечения в период отбывания наказания осужденным	384
Зиньков Е. Н., Голубцова К. И. Организационные аспекты социальной защиты сотрудников отдела охраны уголовно-исполнительной системы.....	386
СУДОПРОИЗВОДСТВО	
Тябина Ю. А., Кочкина О. В. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве.....	388
Сардаров Дж. Р. Влияние пандемии на формирование системы цифрового судопроизводства	390
КРИМИНАЛИСТИКА	
Осипов Д. Д. Особенности правового регулирования частной детективной деятельности в Российской Федерации на современном этапе.....	393
Позий В. С. Особенности криминалистической характеристики вандализма	395
Ханова А. А. Участие специалиста при расследовании уголовных дел о сексуальных посягательствах в отношении малолетних и несовершеннолетних	397

КРИМИНОЛОГИЯ	
Алимпиев С. А., Фалькина Т. Ю. Общесоциальная профилактика вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: современное состояние и проблемы	400
Мурсалимов А. Т. Криминологический анализ преступности в сфере кредитования.....	403
Чернышов В. В. Прогнозирование преступности: цели, состояние и проблемы развития.....	405
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ	
Алиев Ш. И., Таилова А. Г., Идрисова А. Д. Основные направления прокурорского и судебного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью (опыт Европейского союза)	408
Ким В. О., Иващенко Ю. В. Актуальные проблемы физической подготовки сотрудников органов внутренних дел и пути их решения.....	412
Манукян А. Р. Некоторые аспекты осуществления перевозки и сопровождения защищаемого лица в рамках государственной защиты	414
Редькина Е. Н., Немцурова Э. М. Электронное правосудие: понятие, идеи и зарождение его в Российской Федерации	417
Тингаева И. В. Актуальные вопросы совершенствования подготовки сотрудников для органов предварительного расследования	419
Ширшов Б. В. Актуальные проблемы правовых основ деятельности полиции на современном этапе.....	421
Манукян А. Р. Понятие, задачи и функции органов внутренних дел как орган исполнительной власти	423
БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Бондарь А. Г., Кумышева М. К. Историческая ретроспектива и анализ международной практики противодействия экономическим и коррупционным преступлениям	425
Коваленко Э. В., Кодзов А. Б. Профилактические меры по противодействию радикализму и экстремизму в молодежной среде	427
Хидирзода М. У. Идеологическая безопасность в общей системе национальной безопасности.....	429
ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
Андреева Л. М., Зиннатуллин В. В. Формирование коммуникативной компетентности студентов при применении проектного метода обучения в ВУЗе.....	434
Грогуленко Н. В., Левашов Д. А. Значение «цифровых компетенций» специалистов для развития информационных технологий на нефтегазовых предприятиях.....	436
Крачинская О. В. Дидактика как наука: становление и развитие.....	438
Хисамутдинова Ю. В., Хисамутдинов И. Р., Латыпова Э. Р. Коммуникативные приемы реализации стратегии уклонения от ответа в дипломатическом общении	440
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО	
Коробова А. П., Крысько В. Н. К вопросу о распределении полномочий между органами государственной власти российской федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.....	444
Лановой В. Г. Государство и его суверенитет в условиях процесса глобализации.....	446

ПОЛИТИКА И ПРАВО

- Киселёва З. А., Маяцкая О. Б.**
Возрождение правового радикализма
на современной Украине..... 450
- Петроградская А. А.**
Актуальные вопросы муниципальной
молодежной политики на современном этапе..... 452
- Припечкин В. В.**
Труд, добро и слава Петра I в преобразовании России 454
- Абдинов И. Э.**
Участие России в Шанхайской организации сотрудничества:
проблемы и перспективы..... 456

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

- Богданова Ю. З., Королевских А. Н.**
Сельское сообщество о национальных
идеях и целях России..... 460
- Даутова Т. А.**
Гендерное представительство в органах
государственной власти Российской Федерации 462
- Петровский Е. И., Лащёнов М. С.**
Вклад Общественных советов при ГУ МВД России по городу
Москве в дело укрепления законности и правопорядка
в столице..... 465
- Рахматуллина З. Б., Ковров В. Ф.**
Проблемы адаптации и повышения доступности
культурного наследия для людей с ограниченными
возможностями здоровья..... 467
- Файзуллин Ф. С., Файзуллин И. Ф.**
Роль образовательного потенциала в формировании
и развитии человеческого капитала региона..... 470

ЯЗЫК И ПРАВО

- Лысенко Н. А., Молчанова С. В.**
Классическая концепция юридического формализма
в западной юридической науке 475
- Лысенко Н. А., Молчанова С. Е.**
Современное понимание юридического формализма
в западной юридической науке 477

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ

- Казарина В. В.**
Реинжиниринг бизнес-процессов
мебельного предприятия..... 479
- Квитчук М. А., Квитчук А. С.**
Экономическая безопасность
и обращение цифровых валют 482
- Костылева Е. Г., Зарипова Д. Р., Мазитова А. А.**
Стратегическое планирование и управление
нефтегазодобывающей промышленности
и экономики России..... 484
- Макар С. В., Хакимов Р. М., Христуло Д. А.**
Функциональная и экономическая долговечность
объектов нефтегазовой промышленности..... 486
- Мухамадиева Э. Ф., Галимуллина С. Р.,
Галимуллина Н. А., Гилязова А. И.**
Совершенствование управления персоналом
государственного учреждения..... 488
- Потапов А. Н.**
Воспитание нравственного поведения курсантов
ведомственных вузов ФСИН России 491
- Суслов Ю. Е., Суслов Е. Ю., Станкеев А. И.**
Развитие компетенций организации
в управлении проектами..... 493
- Халикова Э. А., Боровкова Е. А.**
Аналитические инструменты финансового
управления проектами на предприятии..... 496
- Алдатов К. Б.**
Государственная поддержка инноваций
в Бразилии и Индии 498

Нигматуллин Ш. И.

Анализ развития инновационных процессов в регионе 500

Кизько И. П.

Стадии жизненного цикла организации:
анализ распределения на российском рынке..... 503

Пятак Н. А.

Современные формы собственности
управления аэропортов..... 506

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ

Валеев Р. С., Маяцкая О. Б.

Особенности и перспективы взаимоотношений
государства и религии 509

Вильданов Х. С., Гайнуллин Р. А.

Проблема экзистенциальных угроз и аксиологической
безопасности многонациональной
и поликультурной России..... 511

Везломцев В. Е., Макарова В. В.

Коррупция, демократия, экономика
и экологическое благополучие..... 515

Виноградова Н. В., Хасанова Д. Д.

Философия в Архитектуре..... 520

Гофман А. А., Тимощук А. С.

«Доблестные украинцы продолжают смело отступать,
а жестокие и алчные русские трусливо наступают»:
разрушение неклассической коммуникативной реальности
в результате СВО 522

Мухтярова Н. Х., Савина В. В., Шепилов А. Г.

Личностные ресурсы гражданской идентичности
в современной России 524

Париллов О. В., Собко Р. В., Ворохобов А. В., Спиринов В. К.

Роль масона С. Е. Десницкого в просвещении
и либерализации российского социума 527

Сиринов С. А.

Социально-философские причины возникновения
и развития правового нигилизма в современной России..... 530

Соловьева А. В.

Технологии патриотического воспитания
будущих юристов в современных условиях 532

Хамидуллин А. М.

Философско-теологический анализ оснований
религиозного искусства (на примере
христианской традиции) 535

Хомич Н. В., Бодяк М. Г.

Социально-философская трактовка «условности»
как универсальной категории 541

Якимов Р. В.

Развитие идей человекоцентризма в Средние века
и Эпоху Возрождения..... 546

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

..... 548

PERSONA GRATA

I. S. Bakhtina:

Sustainable development and the application of the ESG principles in the advent of the 50th anniversary of the World Environmental Day «Only one earth» <i>An interview with Irina Sergeevna Bakhtina, Head of the Sustainable Development Directorate, United Company «RUSAL»</i>	16
---	----

INTERNATIONAL LAW

Bakhnovskiy A. V.

<i>The experience of integration of the European Court of Human Rights practice into the legal system of the Russian Federation: summing up the intermediate outcomes</i>	20
---	----

Rahimli S.

<i>Economic rights and their legislative basis. (Domestic and international instruments). Constitutional principles of restriction of economic rights and freedoms</i>	24
--	----

Sypchenko A. V., Statsenko A. I.

<i>Legal interpretation of the possible consequences of the state's refusal from international cooperation in the context of modern military transformations</i>	28
--	----

Chen Qi men

<i>International legal problems of environmental protection in the Antarctic region</i>	30
---	----

Yang H.

<i>Problems of conflict of laws of Chinese and Russian private law and prospects for their solution</i>	32
---	----

INTERNATIONAL PUBLIC LAW

Gigineyshvili M. T

<i>Head of State Immunity: comparison of International Court of Justice and International Criminal Court practice</i>	36
---	----

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Butakova N. A., Evgrafova I. V.

<i>Critical issues in the drafting of contractual provisions of PPP in the field of road infrastructure development</i>	39
---	----

Baboshkin A. A.

<i>Legal status of stakeholders in the countries of continental law</i>	43
---	----

Bibikov S. E.

<i>Transformation of conflict regulation of liability of a legal entity in conditions of global challenges</i>	46
--	----

Zhurbenko V. G.

<i>Protection of the rights of the parties to the surrogacy agreement: foreign experience</i>	49
---	----

Zaika D. A.

<i>The place of the fictional character in the system of copyright objects in the United States and the Russian Federation</i>	53
--	----

Padiryakov A. V.

<i>The institutes of specific performance and damages in German law</i>	56
---	----

Kharkina K. V.

<i>Cross-border corporate agreement and internal affairs doctrine</i>	58
---	----

ENERGETICAL LAW

Snetkov V. N., Yurkova O. Yu.

<i>Historical and legal aspects of the implementation of the concept of the maritime silk road within the Arctic region of Russia</i>	60
---	----

THEORY OF STATE AND LAW

Bayniyazova Z. S.

<i>Law and information society: the value aspect of their relationship</i>	62
--	----

Gribkova K. V.

<i>Judicial practice as a source of law in Russia</i>	64
---	----

Dubrovin M. A.

<i>The state in the context of globalization challenges: an integration approach</i>	66
--	----

Mikhaylik A. A.

<i>Modern understanding of legal consciousness and its features</i>	68
---	----

Sazonov I. I., Chibisov O. V.

<i>On the issue of legal regulation of relations in the sphere of legal protection and use of the results of intellectual activity, created at the expense of the federal budget</i>	71
--	----

Skudarnov A. S.

<i>To the question of voluntariness in law</i>	74
--	----

Titov V. Yu.

<i>Analysis of the legal regulation of protest moods in the concepts of domestic lawyers</i>	77
--	----

HISTORY OF STATE AND LAW

Drobyshevskiy S. A., Krasovskaya N. S., Matveeva L. S.

<i>Lawmaking and the application of law in history</i>	80
--	----

Nedzelyuk T. G.

<i>State policy in the field of confessional education: historical aspect and Siberian specifics (based on the materials of the Russian State Historical Archive)</i>	84
---	----

Silantjeva V. A., Pronina E. N.

<i>Influence of international conferences on the development of the sanitary legislation of the Russian Empire in the second half of the 19th century</i>	87
---	----

Kulikova M. S.

<i>The fairness of a judicial decision in sociological jurisprudence</i>	91
--	----

CONSTITUTIONAL LAW

Abakarov G. A., Saibulaeva S. A.

<i>The right to life as the basis of the constitutional and legal status of the individual</i>	93
--	----

Arkhipkina A. S., Kovalenko A. V.

<i>The right to freedom of entrepreneurial activity: the scope of its implementation under restrictions</i>	95
---	----

Bakhilina A. K.

<i>Codification of environmental legislation: prospects and problems of implementation</i>	99
--	----

Vedmanova E. V., Nikerov D. M.

<i>The right to sport: from declarations to implementation</i>	102
--	-----

Ashitko M.

<i>The right of the child to life as an element of the constitutional provisions that determine the demographic policy of the Republic of Belarus</i>	105
---	-----

Mallalieva G. H.

<i>Problems of realization of the constitutional right to freedom of speech in the activities of the media in the territory of the Russian Federation</i>	111
---	-----

Ali Jihad Ammar Raad

<i>Issues of Sharia and constitutional norms interaction in the Republic of Iraq: ad deliberandum</i>	113
---	-----

Belousov V. P., Mishalchenko Yu. V.

<i>Constitutional and legal framework for the organization and activities of local government bodies in the Russian Federation and in the CIS member States</i>	116
---	-----

Garabeyli T. M.

<i>Definition of child abuse and legal and related remedies as preventive measures against it</i>	120
---	-----

Kurbatova G. V., Ananjeva E. O.

<i>Features of the stages of the legislative process in foreign countries</i>	126
---	-----

Petrov D. G., Iljina O. Yu.

<i>To the question of the beginning and content of the right to life</i>	127
--	-----

Soodonbekov A. A.

<i>Novelties of electoral legislation Kyrgyz Republic</i>	129
---	-----

ADMINISTRATIVE LAW

Evsikova E. V. <i>Public liability: concept and features</i>	131
Kulakov N. A., Temnikov A. Yu., Ermolaev V. G. <i>Regulation of public relations in the field of notary: public-legal aspect</i>	133
Ignatjeva I. V., Zedgenizova I. I., Kirilchik E. V. <i>Features of the formation of legal consciousness in the business environment</i>	135
Malaev A. H., Karachaev A. R. <i>To the question of the subject of legal regulation of administrative law</i>	138
Moskalenko S. A., Lystsev B. S., Tkachuk V. N., Dmitrieva N. V. <i>The use by Traffic Police officers of measures to ensure the production of cases of administrative offenses in the field of road safety without the participation of witnesses: to the question of the possibility of using video recordings in the absence of witnesses</i>	140
Ponomarev A. V., Rusanova S. Yu. <i>On the problems of legal regulation of administrative and jurisdictional competence of administrative commissions</i>	143
Pkhitikov R. B., Gutaev A. M. <i>On the issue of administrative responsibility for driving a vehicle while intoxicated</i>	146
Strizhchenko I. A., Provatorov I. O. <i>Activities of local police commissioners for the prevention of offenses related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances</i>	148
Urusov Z. K. <i>Security measures in the proceedings on cases of administrative offenses</i>	150
Kalinichenko D. V. <i>Problems of application of measures of administrative coercion by internal affairs bodies Russian Federation</i>	152

MUNICIPAL LAW

Arkhireeva A. S. <i>Features of legal regulation of financial control of local governments in Russia and foreign countries (municipal-legal aspect)</i>	155
Galimullina N. A., Samigullina A. F., Gilyzova A. I., Ramazanova I. V. <i>Improvement of the social infrastructure of the municipality</i>	158
Salikhov H. Sh., Arslanbekova A. Z. <i>Powers of local self-government bodies in the sector of housing and communal services</i>	161

CIVIL LAW

Ananjev O. G., Ivliev P. V. <i>Legal regulation of import substitution and issues of parallel import of goods</i>	163
Ananjeva E. O., Kurbatova G. V. <i>The legal foundations of virtual life and the consequences of digitalization</i>	165
Gritsay D. V., Kudryavtseva L. V., Oblivantseva D. V., Rotko M. A. <i>Legal aspects of cryptocurrencies in the global economy</i>	167
Ivanova M. S. <i>Ancient Roman Insulus and modern apartments: the evolution of legal regulation</i>	170
Ivliev P. V., Ananjev O. G. <i>Legal regulation of rental legal relations</i>	173
Komarevceva I. A., Tagantseva V. S. <i>On the question of the content of the principle of freedom of will</i>	175
Kondratjev P. O., Koshelyuk B. E. <i>Legal regulation of collection activities</i>	178
Lystsev B. S., Gorelov I. P., Zakharova E. E. <i>Construction contract in a horticultural non-profit partnership: on the issue of concluding a contract, the quality of work, ownership rights and the risk of accidental death of the result of work</i>	181

Mayorova L. G.

<i>Liability for violation of contractual obligations under the legislation of the Russian Federation and European countries: comparative legal analysis</i>	184
Smolina O. S. <i>Legal regulation of transactions procedure made via digital platform in the light of improvement of the Civil Code of the Russian Federation</i>	188
Sukhareva E. V., Lystsev B. S., Ushenin A. A. <i>Contract for the provision of legal services: on the issue of the need for legal support of horticultural non-profit partnerships in the form of one-time legal services and subscription legal services</i>	194
Timofeeva T. F., Timofeev V. V. <i>General characteristics of a trade aggregator in the Russian Federation</i>	196
Maslyuk P. M. <i>Specifics of the ownership of religious organizations in the structure of the ROC: problems of theory and law enforcement practice</i>	199
Li Yanan <i>General grounds for marriage termination in China</i>	203
Wang W. <i>Jurisdiction for civil proceedings involving foreign parties in China</i>	206
Evseev A. D. <i>Theoretical and practical aspects of the application of the principle of unity of fate in the Russian legal system</i>	210
Gileva N. S. <i>Success fee: problems and prospects of application</i>	212
Zhilkibaev S. N. <i>Special legal personality of a commercial organization with foreign investments in the Russian Federation and China</i>	214

CIVIL PROCESS

Agarkova A. A., Beletskaya V. A., Dementeeva I. I. <i>Comparative analysis of the participants of the Civil process and the Arbitration process of the codes on the collection of videoconferencing systems and the web conferencing system</i>	217
Kobleva M. M., Lusegenova Z. S. <i>Modern forms of organization of judicial activity: transition from information activity to digital</i>	220
Moskovskikh A. O. <i>Possibilities of weak artificial intelligence in civil proceedings: realities and prospects</i>	222
Sinitsyna V. A., Mitashova A. A., Dementeeva I. I. <i>The problems of recognizing property as ownerless and recognizing ownership of such property on the basis of judicial practice</i>	225

HOUSING LAW

Kim S. A., Maslennikova L. V. <i>Problems of privatization of housing in the Russian Federation</i>	227
Maslennikova L. V., Fedonkin Yu. N., Kononov A. A. <i>Some issues of public housing control</i>	230

ENTREPRENEURIAL LAW

Bakhchenyan A. S., Kudryavtseva L. V. <i>To the question of systematization of sources of commercial law in Russia</i>	232
Deltsova N. V., Kavkaeva Yu. A. <i>Mediation as a way to protect the rights of entrepreneurs</i>	235

LABOUR LAW

Vladimirova O. A., Lyovochkina N. V. <i>Problems of compensation for hiring housing for employees of the penal system</i>	237
Pshizova E. N., Tkharakho M. V. <i>Digitalization of the labor process: analysis of foreign legislation</i>	239

FINANCIAL LAW

Abdreev T. I.

Legal regulation of monetary emission and monetary circulation of Russia in the conditions of sanctions pressure of individual countries 242

Deltsova N. V., Modina A. A.

On the issue of bringing the controlling persons of the debtor to subsidiary liability in the bankruptcy of credit institutions 245

Shapsugova M. D.

On the mobilization of financial resources of the organization through the establishment of profit distribution standards in order to implement the principles of the mobilization economy 248

TAX LAW

Dibirov Yu. S., Gapaev I. G.

Control work of tax authorities 252

Evsikova E. V., Volkova I. Yu.

Peculiarities of taxation in the free economic zone on the territory of the Republic of Crimea 254

Stepanova M. N.

The main problems of regulation of legal liability for non-payment of taxes in the Russian Federation 258

Tsoy V. R.

Taxation of luxury property in Russia and Italy 260

Dibirov Yu. S., Yakubova Z. S.

Regulatory regulation and conditions of application of the simplified taxation system 262

ECOLOGICAL LAW

Ermolina M. A., Lukashov M. S.

Forest fires on the territory of the Russian Federation: problems and methods of solution 265

Karev D. A., Mahmudov M. S.

Opportunities for the creation of the Environmental Code 267

CRIMINAL LAW

Abazov A. B., Vagapova R. R., Zhuravlev A. S.

Analysis of fraud in the field of lending 269

Alyshev S. S.

Current trends in criminal law education in the system of measures to prevent juvenile delinquency 272

Belyakov A. V., Bondarenko S. V.

Some problems of theft and fraud qualification 276

Ibragimova Kh. A.

The death penalty and its impact on prevention, crime prevention 278

Al Hammoud Ibrahim Arif Abdulhussain,

Kassab Mohammed Salah Hadi

Government countermeasures and anti-corruption efforts in Egypt 280

Gadzhieva P. D., Ibragimov M. A., Rajabova R. V.

Topical issues of prevention of deviant behavior of minors in the conditions of the educational space of the school 283

Magomedov H. B., Makhmudov K. Sh., Tailova A. G.,

Encroachment on the life of two or more persons and special cruelty as qualifying signs in crimes against life 285

Rastoropov S. V., Pantyushina A. I.

Features of the construction of the subjective side of the crime under Article 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation 288

Selezneva N. A., Kabakha Mahdi F. M.

The significance of provocation in murder cases under Jordanian law 290

Shugaibova S. Sh., Marianov A. A.

Problems of involving a minor in the commission of a crime 293

Sirotkina T. G.

Characteristics of the personality of a minor who has committed crimes of an extremist orientation 295

Al Hammoud Ibrahim Arif Abdulhussain

Responsibility for corruption in Egypt 297

Vorzhev I. S.

Criminal responsibility for violation of inviolability of housing in the legislation of foreign countries 300

Zorina N. S.

Features of educational work with juvenile convicts in penitentiary institutions 302

Koshelev R. I.

The precedence of public danger in sports 304

Rastoropov S. V., Gorshkova N. A.

Theoretical and applied analysis of penalization of crimes committed in various forms of failure to provide assistance and leaving in danger 306

Strakhov I. A.

On certain issues of criminal liability arising when obstructing the legitimate activities of a proxy 308

Yundina M. A.

Analysis of the crime of mercenarism and its relationship with the concept of «war crimes» 311

CRIMINAL PROCESS

Abakumov E. S.

Organizational issues of the use of electronic document management in pre-trial proceedings 314

Abdullozoda P. S.

Procedural order for the surrender of persons sentenced to imprisonment to the foreign state to serve punishment on the example of post-soviet countries 317

Zavgorodneva E. V.

Reflections on the reasons for the special criminal proceedings against certain categories of persons 323

Ivanova O. G., Nedbaylov P. A.

The procedure for collecting digital information in criminal proceedings 326

Kleshchev S. V.

Methods of countering cybercrime in the United States 330

Lyubimova A. A.

Arrest of non-cash funds of the suspect, accused as a way of protection of the property rights of victims: features of realization 334

Mustafina G. M., Melnikova A. S.

The ratio of operational-investigative and criminal-procedural legislation in obtaining samples for comparative research 336

Nazarkin E. V., Suleymanov T. A.,

Danilova I. Yu., Maslennikova E. A.

Features of preparation and verification of testimony on the spot during the investigation of the disorganization of the activities of institutions providing isolation from society 338

Nguyen T. T.

Specialized family and juvenile court in Vietnam 340

Radneva E. G., Savchenko I. G.

Separate problems of realization of the right to defense at the present stage of development of criminal proceedings 343

Safonov A. A., Bondareva I. O.

General conditions of interrogation 345

Sokolov Yu. N.

Electronic protocol of procedural action in criminal proceedings: «pros» and «cons» 347

Sochivko O. I., Plotkin D. M.

The use of hypnosis during the investigation of crimes 350

Slyusarenko E. S.

Observance of the rights of participants in criminal proceedings when making a decision to suspend proceedings in a criminal case 352

Tokareva E. V., Chasovnikova O. G.

Topical issues arising at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement 354

Trifonova C. A.

Activities of a trial investigator to identify subsequent videoconferencing: criminal procedural and forensic aspects 356

Fayrushina R. D., Imaeva Yu. B. <i>The role of the translator during the investigation of criminal cases by the bodies of inquiry</i>	358	Kim V. O., Ivashchenko Yu. V. <i>Actual problems of physical training of employees of internal affairs bodies and ways to solve them</i>	412
Bui Cong Phu, Nguyen Duc Trung <i>Right to silence of legal entities as accused in Vietnam</i>	360	Manukyan A. R. <i>Some aspects of transportation and accompanying a protected person within the framework of state protection</i>	414
Mutulova A. S., Kandueva B. D., Sanjjeva V. N., Chetyrova G. N. <i>Some issues of the expert's activity in criminal proceedings</i>	364	Redkina E. N., Nemtsurova E. M. <i>Electronic justice: concept, ideas and its origin in the Russian Federation</i>	417
Bui Sy Nam <i>Adapting international conventions on establishment of legal entities' criminal liability to Vietnam's Criminal Code</i>	367	Tingaeva I. V. <i>Current issues of improving training of employees for preliminary investigation bodies</i>	419
Kerimova A. R. <i>Problematic aspects of the application of the prohibition of certain actions</i>	371	Shirshov B. V. <i>Actual problems of the legal foundations of police activity at the present stage</i>	421
Romanova N. L., Tatarnikov V. G., Kalendarishvili Hh. A., Tolstikhina A. N. <i>Modern problems of interaction between employees of investigative and operational units in the production of investigative actions</i>	374	Manukyan A. R. <i>The concept, tasks and functions of the internal affairs bodies as an executive authority</i>	423
Sirotnin D. A. <i>Some procedural aspects of the participation of a forensic investigator in investigative actions conducted using video conferencing</i>	376		
Chasovnikova O. G., Tokareva E. V. <i>The place of the pre-trial cooperation agreement in the system of foreign countries</i>	378	SECURITY AND LAW	
		Bondar A. G., Kumysheva M. K. <i>Historical retrospective and analysis of international practice in combating economic and corruption crimes</i>	425
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		Kovalenko E. V., Kodzov A. B. <i>Preventive measures to counter radicalism and extremism in the youth environment</i>	427
Golubtsova K. I., Zinkov E. N. <i>The welfare state and the penal system: interaction issues</i>	380	Hidirzoda M. U. <i>Ideological security in the general system of national security</i>	429
Minkova E. A. <i>Determination of corruption-related crimes in the penal system</i>	382		
Suleymanov T. A., Nazarkin E. V., Danilova I. Yu., Zharko N. V. <i>The practice of compulsory treatment during the period of serving a sentence by a convicted person</i>	384	PEDAGOGY AND LAW	
Zinkov E. N., Golubtsova K. I. <i>Organizational aspects of social protection of employees of the department of protection of the penal system</i>	386	Andreeva L. M., Zinnatullin V. V. <i>Formation of students' communicative competence in the application of the project method of teaching at the university</i>	434
		Grogulenko N. V., Levashov D. A. <i>The significance of "digital competences" of specialists for the development of information technologies at oil and gas enterprises</i>	436
JUDICIARY		Krachinskaya O. V. <i>Didactics as a science: formation and development</i>	438
Tyabina Yu. A., Kochkina O. V. <i>Information technologies in criminal proceedings</i>	388	Khisamutdinova Yu. V., Khisamutdinov I. R., Latypova E. R. <i>Communicative techniques for implementing a strategy of evasion in diplomatic communication</i>	440
Sardarov J. R. <i>Influence of the pandemic on the formation of the digital court proceedings</i>	390		
		STATE AND LAW	
CRIMINALISTICS		Korobova A. P., Krisko V. N. <i>On the issue of the distribution of powers between the authorities of the Russian Federation and its subjects</i>	444
Osipov D. D. <i>Features of legal regulation of private detective activity in the Russian Federation at the present stage</i>	393	Lanovoy V. G. <i>The state and its sovereignty in the context of the globalization process</i>	446
Poziy V. S. <i>Features of criminalistic characteristics of vandalism</i>	395		
Khanova A. A. <i>Participation of a specialist in the investigation of criminal cases of sexual procedures against minors and minors</i>	397	POLICY AND LAW	
		Kiselyova Z. A., Mayatskaya O. B. <i>Features and prospects of relations of the state and religion</i>	450
CRIMINOLOGY		Petrogradskaya A. A. <i>Topical issues of municipal youth policy at the present stage</i>	452
Alimpiev S. A., Falkina T. Yu. <i>General social prevention of involvement of minors in the commission of antisocial actions: current state and problems</i>	400	Pripechkin V. V. <i>The work, goodness and glory of Peter I in the transformation of Russia</i>	454
Mursalimov A. T. <i>Criminological analysis of crime in the sphere of crediting</i>	403	Abdinov I. E. <i>Russian engagement in Shanghai Cooperation Organization: motives and current situation</i>	456
Chernyshov V. V. <i>Crime forecasting: goals, state and problems of development</i>	405		
		SOCIOLOGY AND LAW	
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		Bogdanova Yu. Z., Korolevskikh A. N. <i>Rural community about national ideas and goals of Russia</i>	460
Aliev S. I., Tailova A. G., Idrisova A. J. <i>The main directions of prosecutorial and judicial cooperation in the fight against organized crime (the experience of the European Union)</i>	408	Dautova T. A. <i>Gender representation in public authorities of the Russian Federation</i>	462

Petrovskiy E. I., Lashchenov M. S. <i>The contribution of the Public Councils under the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow to the cause of law and order in the capital</i>	465
Rakhmatullina Z. B., Kovrov V. F. <i>Problems of adaptation and increasing accessibility of cultural heritage for people with disabilities</i>	467
Fayzullin F. S., Fayzullin I. F. <i>The role of educational potential in the formation and development of the human capital of the region</i>	470
LANGUAGE AND LAW	
Lysenko N. A., Molchanova S. E. <i>Classical conception of legal formalism in western legal science</i>	475
Lysenko N. A., Molchanova S. E. <i>Modern understanding of legal formalism in western legal science</i>	477
ECONOMY. LAW. SOCIETY	
Kazarina V. V. <i>Re-engineering of business processes in a furniture enterprise</i>	479
Kvitchuk M. A., Kvitchuk A. S. <i>Economic security and circulation of digital currencies</i>	482
Kostyleva E. G., Zaripova D. R., Mazitova A. A. <i>Strategic planning and management of the oil and gas industry and the Russian economy</i>	484
Makar S. V., Khakimov R. M., Hristodulo D. A. <i>Functional and economic durability of oil and gas industry facilities</i>	486
Mukhamadieva E. F., Galimullina G. R., Galimullina N. A., Gilyzova A. I. <i>Improving the personnel management of a public institution</i>	488
Potapov A. N. <i>Education of moral behavior of cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia</i>	491
Suslov Yu. E., Suslov E. Yu., Stankeev A. I. <i>Development of the organization's competencies in project management</i>	493
Khalikova E. A., Borovkova E. A. <i>Analytical tools for financial project management at the enterprise</i>	496
Aldatov K. B. <i>Government support of innovations in Brazil and India</i>	498
Nigmatullin Sh. I. <i>Analysis of the development of innovation processes in the region</i>	500
Kizko I. P. <i>Corporate life cycle: the distribution on the Russian market</i>	503
Pyatak N. A. <i>Modern forms of airport ownership and airport's management</i>	506
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY	
Valeev R. S., Mayatskaya O. B. <i>Features and prospects of relations of the state and religion</i>	509
Vildanov Kh. S., Gaynullin R. A. <i>The problem of existential threats and axiological security of multinational and polycultural Russia</i>	511
Veziomtsev V. E., Makarova V. V. <i>Corruption, democracy, economy and environmental well-being</i>	515
Vinogradova N. V., Khasanova D. D. <i>Philosophy in architecture</i>	520
Gofman A. A., Timoschuk A. S. <i>"The valiant Ukrainians continue to retreat boldly, while the cruel and greedy Russians cowardly advance": the destruction of non-classical communicative reality as a result of SWO</i>	522
Mukhtyarova N. Kh., Savina V. V., Shipilov A. G. <i>Personal resources of civic identity in modern Russia</i>	524
Parilov O. V., Sobko R. V., Vorokhobov A. V., Spirin V. K. <i>The role of the Mason S. E. Desnitsky in education and liberalization of the Russian society</i>	527
Sirin S. A. <i>Socio-philosophical reasons for the origin and development of legal nihilism in modern Russia</i>	530
Solovjeva A. V. <i>Technologies of patriotic education of future lawyers in modern conditions</i>	532
Khamidulin A. M. <i>Philosophical and theological analysis of the foundations of religious art (on the example of the Christian tradition)</i>	535
Khomich N. V., Bodyak M. G. <i>Socio-philosophical interpretation of "conditionality" as a universal category</i>	541
Yakimov R. V. <i>The development of the ideas of human-centrism in the Middle Ages and the Renaissance</i>	546
INFORMATION FOR AUTHORS	548

**И. С. БАХТИНА:
ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ И О ПРИКЛАДНОМ ПРИМЕНЕНИИ
ПРИНЦИПОВ ESG В ПРЕДДВЕРИИ 50 ВСЕМИРНОГО ДНЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ «ТОЛЬКО ОДНА ЗЕМЛЯ»**

Интервью с руководителем дирекции по устойчивому развитию объединённой компании РУСАЛ Ириной Сергеевной Бахтиной

5 июня 2022 года международное сообщество отмечает Всемирный день окружающей среды. Именно 5 июня в 1972 году открылась Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды. Итогом конференции стала Декларация, в преамбуле которой отмечалось, что «сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей... на экономическое развитие всех стран мира». В 1987 году, подчёркивая единство трёх взаимосвязанных компонентов современного развития, появилось понятие «устойчивое развитие» (sustainable development) – как развитие, которое удовлетворяет потребности человечества в настоящем, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Сегодня практической формой реализации концепции «устойчивое развитие», её прикладным применением в бизнесе являются ESG-принципы, впервые сформулированные генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном (1997-2006). Он предложил управляющим крупных мировых компаний включить эти принципы в свои стратегии, в первую очередь, для борьбы с изменением климата. Сегодня устойчивое развитие прочно вошло в глобальную повестку дня. Ну, а Всемирный день окружающей среды - это главный инструмент ООН, используемый для повышения уровня осведомлённости и призыва человечества к действиям на благо окружающей среды.

Бахтина И. С.

**I. S. BAKHTINA:
SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND THE APPLICATION OF THE ESG PRINCIPLES IN THE ADVENT OF THE 50TH
ANNIVERSARY OF THE WORLD ENVIRONMENTAL DAY «ONLY ONE EARTH»**

An interview with Irina Sergeevna Bakhtina, Head of the Sustainable Development Directorate, United Company «RUSAL»

On June 5, 2022, the international community celebrates the 50th World Environment Day. Fifty years ago, on June 5, 1972, the United Nations Conference on the Human Environment began. The conference resulted in a Declaration, the preamble of which stated: “The protection and improvement of the human environment is a major issue which affects the well-being of peoples and economic development throughout the world.” In 1987, emphasizing the unity of the three interrelated components of modern development, the concept of “sustainable development” appeared – i.e. the development that satisfies the needs of humankind in the present, but does not jeopardize the ability of future generations to satisfy their needs.

Today, the practical form of implementing the concept of “sustainable development”, its application in business, are the ESG principles, firstly formulated by the UN Secretary General Kofi Annan (1997-2006). He suggested that the managers of large transnational companies include these principles into their strategies, firstly, in order to combat climate change. Today, the sustainable development concept is firmly vested into the global agenda. And, as for the World Environment Day, it evolved into one of the main UN tool used to raise awareness and call on humanity to act for the benefit of the environment.

Визитная карточка:

Ирина Сергеевна Бахтина – директор по устойчивому развитию, член исполнительного комитета (правления) РУСАЛ, одного из крупнейших мировых производителей алюминия (в том числе алюминия с низким углеродным следом ALLOW), располагает 28-летним профессиональным управленческим опытом в государственном и корпоративном секторе (в таких отраслях экономики, как медиа, банковский, производство потребительских товаров повседневного спроса и металлургия).

В должности директора по устойчивому развитию объединённой компании РУСАЛ, которую она занимает с июля 2021 года, Ирина Бахтина отвечает за разработку и реализацию стратегии устойчивого развития компании, осуществляя руководство направлениями экологии, климатического регулирования, охраны труда, промышленной безопасности, социальной политики, нефинансовой отчётности и программ ESG-трансформации бизнеса в целом.

Является председателем Комитета по устойчивому развитию и ESG Ассоциации менеджеров России (2016–2020, с января 2022 по настоящее время), членом Комитета по корпоративной социальной ответственности и демографической политике Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) (с 2016 года), Управляющего совета Ассоциации «Национальная сеть Глобального договора» (ООН) (с 2022 года), экспертного совета по ESG при Аналитическом центре при Правительстве Российской Федерации (с 2021 года), экспертного совета при подкомитете по устойчивому развитию и «зелёному» финансированию Комитета по финансовым рынкам Государственной Думы Российской Федерации (с 2021 года), индивидуальным членом Ассоциации этики бизнеса и КСО (RBEN) (с 2018 года).

Входит в состав правления Благотворительного фонда «Центр социальных программ» (с 2022 года), попечительского совета Фонда «Найди семью» (с 2017 года). Внесла вклад в идеологию, создание и становление таких общественно-значимых платформ для продвижения вопросов ESG-трансформации, как Центр устойчивого развития Московской школы управления СКОЛКОВО (2014), Комиссия по этике бизнеса при Ассоциации менеджеров России (2018), Лига зелёных брендов при Роскачестве (2019).

Ирина Бахтина окончила Дальневосточный государственный университет по специальности «журналистика» («международная журналистика») (1992), получила дополнительное образование по специальности «стратегический менеджмент» на базе INSEAD Business School (2016), окончила экстернатуру Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) по специальности «экономика» (2019).

Замужем, воспитывает дочь.

— Уважаемая Ирина Сергеевна, благодарю Вас за готовность принять участие в беседе с читателями на страницах «Евразийского юридического журнала». Сегодня поводом для нашей беседы является Всемирный день окружающей среды, который ежегодно отмечается 5 июня. В этом году 5 июня - это юбилейный 50-й Всемирный день окружающей среды.

— Действительно, этой дате уже полвека. И эта полувековая история сопровождалась очень серьёзным, эволюционным изменением сознания человека, его, если хотите, «вытягиванием» за горизонт одной человеческой жизни, в процессе которой ещё в начале 70-х годов прошлого столетия тогдашние, выстроенные в послевоенное время наука и экономика ставили своей задачей как можно скорее добыть, вырастить, произвести, чтобы как можно больше количество людей накормить, обогреть («одеть-обуть»). Линейность, одноразовость такого мышления (благополучие последующих поколений рассматривалось исключительно сквозь призму наращивания потребления, причём в парадигме «добыл – потребил – выбросил») показала свою несостоятельность не только с истощением исходной ресурсной базы, но и с катастрофическими по своим масштабам загрязнениями природной среды, утратой ценных биологических видов, а самое главное – поставила под сомнение саму концепцию «экономического роста» и его реальной стоимости. По существу, все те «externalities», аспекты, со времён Адама Смита комфортно выведенные за скобки экономических уравнений для удобства расчётов, сегодня возвращаются в формулу оценки каждого бизнеса, продукта или услуги. Это экологический след производства и логистики, влияние бизнеса на жизнь и здоровье отдельного человека и на развитие социума в целом, это достойное поведение компании на рынке, обеспечиваемое эффективными управленческими процедурами. Иными словами, ESG.

— Ирина Сергеевна, тема праздника в 2022 году «Только одна Земля». Это девиз Стокгольмской конференции 1972 года. Именно в 1972 году Земля была впервые запечатлена из космоса, полностью освещённая Солнцем. Впоследствии фотоснимок «The Blue Marble» («голубой игрушечный шар») стал сенсацией, был напечатан почти во всех газетах мира. Этот снимок дал людям наглядное представление о том, что Земля – крошечная планета в бескрайнем космическом пространстве, что она уникальна и нуждается в защите. В 1970-х фотография способствовала развитию движения в защиту окружающей среды и актуализации борьбы с глобальным потеплением. По Вашему мнению, насколько актуальна тема «Только одна Земля» сегодня?

— С каждым годом эта тема становится только актуальнее. Если в 1970-х снимок «голубого шарика» можно было увидеть только в газетах или по телевидению и любая промышленная авария за тысячу километров от своего места проживания, по-прежнему казалась сюжетом из параллельной вселенной, то сегодня мир стал настолько взаимосвязанным и «прозрачным», что каждая катастрофа воспринимается довольно остро, потому что на расстоянии одного-двух-трёх рукопожатий затрагивает кого-то из друзей по соцсетям или их близких.

Это особенно чувствуется по тому, как меняется отношение наших соотечественников к лесным пожарам в Сибири – каких-нибудь 20-30 лет назад о них мало что слышали вообще, 10 лет назад равнодушно пролистывали новости в браузере, 4 года назад, когда мы в Комитете по корпоративной социальной ответственности Ассоциации менеджеров России бросали клич по крупным российским корпорациям с призывом о помощи добровольческим корпусам, борющимся с огнём в заповедных зонах вокруг Байкала, откликнулись единицы. Сегодня уже никому не нужно объяснять, каково влияние лесных пожаров на темпы изменения климата, у многих

российских корпораций сформированы собственные программы восстановления леса, а наиболее продвинутые – такие, как, например, РУСАЛ, пошли по пути профилактики, обеспечивая авиалесоохрану (воздушное патрулирование) значительных массивов так называемых «неуправляемых» лесов. В нашем случае такая программа вот уже четвёртый год подряд позволяет на самых ранних этапах предотвратить возгорание тайги на территории более полумиллиона гектаров в Красноярском крае.

— А какие ещё вопросы в области охраны окружающей среды, на Ваш взгляд, на пике актуальности сегодня? Какова роль транснациональных корпораций в решении таких вопросов?

— Для компаний горнодобывающего и металлургического секторов, таких как наша, крайне актуальны все аспекты влияния на природную среду в процессе производства – от сбережения водных ресурсов до рационального управления шламохранилищами и от выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух до сохранения биоразнообразия и качества экосистемных услуг.

Подход здесь вполне очевиден: это, в первую очередь, оценка рисков и потенциального воздействия от нашей текущей деятельности и новых проектов, в идеале – предотвращение такого воздействия, при невозможности полного предотвращения – минимизация воздействия (рациональное использование земельных и водных ресурсов, новые технологии газоочистки и т.д.), сотрудничество с научными и некоммерческими организациями и поддержка их инициатив в сфере сохранения биоразнообразия в тех регионах, где работают наши предприятия, рекультивация затронутых нашей деятельностью земель и, в конечном счёте, компенсация воздействия.

Комплексное управление экологическими аспектами предполагает не только минимизацию рисков, но и поиск новых возможностей. Фундаментальная роль транснациональных корпораций в решении проблем охраны окружающей среды принадлежит новым технологиям и разработкам (НИОКР). Именно НИОКР и внедрение наилучших доступных технологий призваны не просто минимизировать экологический след производства и логистики, но и в принципе его предотвратить за счёт привнесения в нашу деятельность принципов низкоуглеродной экономики, экономики замкнутого цикла, ресурсоэффективной экономики и создания на их основе новых бизнес-моделей. Судите сами: оптимизация и совершенствование производственных процессов, а также внедрение технологических методов декарбонизации позволили РУСАЛу добиться сокращения углеродного следа первичного алюминия за без малого полтора десятилетия последовательного выполнения климатической стратегии на 18 процентов¹. А использование в алюминиевом сплаве всего 10 процентов вторсырья (дома алюминия) способно обеспечить добрую половину такого прогресса. В первом случае мы говорим о внедрении наилучших доступных технологий и экологизации «линейной» бизнес-модели, в основе которой – добыча бокситов, производство глинозёма и первичного алюминия. Во втором – о формировании модели «замкнутого цикла», ориентированной на переработку металлолома, понимая, что алюминий экологичен ещё и потому, что он может подвергаться переработке едва ли не бесконечное количество циклов.

— А объединённая компания РУСАЛ принимает участие во Всемирном дне окружающей среды?

— 31 мая, практически в канун этой значимой даты, мы выпустили наш очередной ежегодный Отчёт об устойчивом развитии, который, помимо показателей, достигнутых по основным аспектам ESG, подробно излагает и проект на-

1 В эквиваленте CO₂ на тонну алюминия (область охвата 1 по электролизному производству).

шей стратегии устойчивого развития бизнеса на период до 2030 года. Больше половины приоритетных проектов ESG-трансформации, определённых проектом стратегии (а всего их 13), касаются экологических факторов – тех самых, о которых я уже говорила выше. По каждому из них определены чёткие измеримые цели, в том числе и промежуточные, по основным обновлены или разработаны «с нуля» основополагающие стратегические планы и корпоративные политики. Так, например, в мае этого года Советом директоров компании принята новая стратегия обращения с отходами производства до 2030 года, в основе которой – довольно амбициозный для горнодобывающего и металлургического сектора подход «Ноль отходов на захоронение». Это означает, что всюду, где возможно, мы ставим в приоритет сведение к минимуму генерации промышленных отходов и обеспечение их возврата в замкнутый экономический цикл (рециклинг внутри собственного производства либо сбыт в другие индустрии). На рассмотрении руководства находится обновлённая версия Экологической политики компании, приведённая в соответствие с проектом стратегии устойчивого развития, новая Политика сохранения биоразнообразия, новый набор стратегических климатических целей до 2030 года. С таким солидным багажом документов долгосрочного планирования в сфере экологии, думаю, что мы подошли к празднованию Всемирного дня окружающей среды хорошо подготовленными.

Помимо этого, в преддверии Всемирного дня охраны окружающей среды РУСАЛ традиционно проводит двухнедельный экологический марафон по озеленению и благоустройству городских территорий и открытых пространств. Называется он «зелёная волна», и волна эта «накрывает» собой 13 городов от Волгоградской до Иркутской области, в которых живут и работают наши сотрудники. А непосредственно 5 июня команда нашего фонда «Центр социальных программ» познакомит неравнодушных горожан с теми экологическими инициативами, в которых можно принимать участие в течение всего года, а также с социально-образовательной программой РУСАЛа «Школа городских изменений» и учебным курсом «Время экодействий», который призван помочь активным жителям лучше разбираться в проблематике охраны окружающей среды и делать выбор в пользу наиболее эффективных и научно обоснованных решений.

– Ирина Сергеевна, сегодня Человечество идёт по пути «устойчивого развития». Наиболее важным документом, отражающим современное понимание концепции «устойчивое развитие», является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая без голосования 25 сентября 2015 года: «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В деловой среде меры, которые предпринимает компания для достижения «устойчивого развития» разделяются на 3 группы, соответствующие трём аспектам ESG: экология, социальная политика и корпоративное управление. На Ваш взгляд, почему важны принципы ESG? Что сейчас происходит по линии ESG в мире и в России?

– Чтобы ответить на эти вопросы, нам с Вами придётся вспомнить о том, что концепция устойчивого развития тесно переплетается с «теорией стейкхолдеров» – заинтересованных сторон, т.е. тех, на кого компания так или иначе оказывает влияние в процессе деятельности. Это не только акционеры и инвесторы, которых чаще всего вспоминают, когда говорят об ESG-факторах, но (и в первую очередь) сотрудники, потребители или клиенты, поставщики, местные сообщества, активисты, оказывающие давление на деятельность корпораций в социальной либо экологической тематике. Под заинтересованными сторонами часто понимают и будущие поколения, об этом нельзя ни в коем случае забывать. Наше

влияние на их интересы может быть, как отрицательным, когда оно выражается в пренебрежении такими интересами либо их ущемлении, так и положительным, когда заинтересованные стороны получают какую-то материальную или нематериальную выгоду от действий компании.

Концепция устойчивого развития задумывалась как попытка организовать взаимодействие частного сектора со всеми заинтересованными сторонами таким образом, чтобы их интересы максимально учитывались при планировании и осуществлении деятельности бизнеса, чтобы, создавая экономическую ценность для одних, бизнес не перешагивал через интересы других. Отсюда, наверное, заложенное в концепции стремление к учёту мнений и соблюдению баланса интересов всех стейкхолдеров, а значит, и баланса трёх аспектов ESG.

Если мы с Вами посмотрим, например, на факторы ESG, которые наши заинтересованные стороны определяют как «значимые для устойчивого развития РУСАЛа» (т.н. «матрицу существенных факторов»), то мы такой баланс увидим – а мы видим его каждый год, проводя соответствующее исследование мнений заинтересованных сторон в преддверии выхода отчёта. Мы с Вами увидим, что в экологическом плане вопрос, волнующий в этом году наших стейкхолдеров (в первую очередь, местные сообщества), а также регуляторов, – это качество воздуха, в социальном – здоровье и безопасность сотрудников, а в управленческом – противодействие коррупции и соблюдение законодательства. В прошлом году акценты были несколько иными: так, например, среди экологических тем на первом месте было рациональное обращение с отходами и безопасная эксплуатация шламохранилищ, среди управленческих – экономические результаты бизнеса. Ключевой социальной фактор – охрана труда и профессионального здоровья сотрудников при этом остаётся неизменным.

Я подробно говорю об этом потому, что в последнее время бизнес часто слышит призывы сосредоточиться на каком-то одном, «более актуальном» для текущей ситуации аспекте ESG. Если следовать этой логике, компаниям горнодобывающего и металлургического сектора необходимо бросить все силы на обеспечение безаварийного и безопасного производства, отложив до лучших времён участие в том же федеральном проекте «Чистый воздух», например, и приостановив действие своих кодексов деловой этики и антикоррупционных политик. Звучит абсурдно, не так ли? Смысл формулы ESG – в её триединстве, в попытке (в формате конструктивного диалога с заинтересованными сторонами) определить и регулярно корректировать приоритетные для той или иной отрасли и компании направления по всем трём аспектам, характеризующие релевантность бизнеса для будущих поколений.

– Ирина Сергеевна, Вы возглавляете дирекцию по устойчивому развитию ОК РУСАЛ – одного из крупнейших в мире производителей первичного алюминия и глинозёма. Сегодня такие крупные производители часто попадают под давление со стороны различных групп заинтересованных лиц с требованием соблюдения ESG-принципов. Помимо ежегодных исследований мнения стейкхолдеров, каков опыт ОК РУСАЛ в поддержании открытого диалога с ними?

– Приведу самый свежий пример, связанный с федеральным проектом «Чистый воздух», который я только что упомянула. 17 марта этого года в рамках форума «Чистая страна» РУСАЛ представил добровольный отчёт о своём вкладе в реализацию этого проекта, первый подобный отчёт в практике российского бизнес-сообщества. Напомню, что в мероприятиях проекта участвуют три наши предприятия – Братский, Красноярский и Новокузнецкий алюминиевые заводы, и за период до 2024 года благодаря внедрению наилучших доступных технологий (таких, как «Экологический

Содерберг» с двухступенчатой системой газоочистки, обеспечивающей очистку более 99 % фторидов и пыли и более 95 % диоксида серы) выбросы фторидов в процессе электролиза сокращаются почти в 4 раза. А использование связующего с пониженным содержанием полиароматических углеводородов («ЭкоПек») позволяет сократить выбросы бенз(а)пирена до 40 %.

В результате реализации комплекса мероприятий проекта совокупные выбросы загрязняющих веществ должны сократиться на 19 тысяч тонн по сравнению с уровнем 2018 года, когда объявлялся проект. Общий объём инвестиций РУСАЛа определён на уровне 15,7 млрд. рублей, порядка 50 % за первые три года действия проекта освоены, сокращение приоритетных загрязняющих веществ по трём предприятиям при этом составило порядка 40 %.

Когда мы проводили общественные слушания предварительных материалов оценки воздействия на окружающую среду проектов экологической модернизации КраЗа и БраЗа (эти проекты являются важным звеном в достижении заявленных федеральным проектом «Чистый воздух» целей), участники слушаний выступили с идеей сформировать Общественно-экспертный совет программы «Нормативное качество воздуха» РУСАЛа, и мы эту идею поддержали. В настоящий момент мы такой совет формируем из числа активных горожан, представителей общественных и молодёжных организаций, экспертов в сфере промышленной экологии, а также руководителей наших предприятий, участвующих в программе.

Вообще, полагаю, очень важно, чтобы подобные общественно-экспертные советы появились для каждой из приоритетных программ устойчивого развития РУСАЛа – они позволяют получать живую обратную связь по ключевым вопросам их реализации практически в режиме «онлайн» и корректировать мероприятия с учётом высказанных рекомендаций.

– Ирина Сергеевна, в 2015 году РУСАЛ был в числе основателей Российского партнёрства за сохранение климата. Тогда создание партнёрства было приурочено к 21-й встрече сторон РКИК ООН. Расскажите, пожалуйста, подробнее о работе партнёрства, о том, что уже достигнуто, и о том, какая работа запланирована на будущее.

– Символично, что партнёрство было создано в канун COP-21, на которой было принято историческое Парижское соглашение. С первого дня партнёрство объединило прогрессивные российские компании, которые разделяют цели Парижского соглашения и приняли соответствующие добровольные климатические обязательства. Важнейшая цель партнёрства – содействие бизнеса продвижению климатической повестки в России через системный диалог практиков (бизнеса), регуляторов и широкой общественности.

К сентябрю прошлого года у нас сформировался пул компаний, которые пошли дальше, чем адаптация к изменениям климата или борьба с ними, – подобно En+ Group (металлургический сегмент бизнеса которой представляет ОК РУСАЛ), они объявили о собственных планах по достижению углеродной нейтральности. Напомню, En+ Group сделала это в феврале прошлого года, заявив о готовности сократить выбросы парниковых газов к 2030 году на 35 % в сравнении с 2018 годом, а к 2050-му достичь нулевого углеродного баланса по всему периметру своей деятельности. Эти компании (En+ Group, РУСАЛ, Лукойл, Металлоинвест, Сбер, Татнефть, X5 Retail Group) по итогам Первого климатического саммита NetZero, организованного партнёрством 30 сентября 2021 года, подписали в адрес Правительства России коммюнике с рекомендацией определить основополагающей целью Стратегии долгосрочно социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (СНУР-2050), проект которой был подготовлен Ми-

некономразвития России, достижение углеродной нейтральности Российской Федерации не позднее 2060 года и принять за основу интенсивный сценарий для её реализации. Как Вы знаете, наши рекомендации были услышаны, и на 26-ю конференцию сторон по климату (COP-26) в Глазго российская делегация прибыла именно с таким вариантом национальной стратегии, поддержанной передовиками отечественной промышленности.

В текущем году партнёрство продолжает свою просветительскую работу для более широкого круга российских компаний с тем, чтобы максимально подробно довести до них суть новых регуляторных сценариев и отраслевых стратегий, направленных на борьбу с изменением климата (мы с Вами помним, что новый сценарий, принятый в Глазго, ограничивает допустимые изменения глобальных температур 1.5 градусами Цельсия к 2050 году, что уже потребовало огромных усилий со стороны корпораций по пересмотру и интенсификации своих климатических планов). Серия онлайн-мероприятий партнёрства в начале года коснулась темы лесоклиматических проектов, их реальной результативности и методов верификации, поскольку эта тема после принятия СНУР-2050 вызвала у российского бизнеса большой интерес.

– Традиционно локомотивом глобальной «углеродной нейтральности» считается Европейский Союз: к 2050 году он планирует привести выбросы и поглощение парниковых газов в своей экономике к полному равновесию. Однако выпущенный в 2021 году регламент Еврокомиссии нацелен на снижение не только внутренней эмиссии парниковых газов, но и «импортируемой эмиссии», т.е. углеродоёмкости импортируемой продукции. В 2023 году планируется ввести систему торговли квотами на углерод для импортёров (Carbon Border Adjustment Mechanism, СВАМ, ТУР). Ожидается, что европейские импортёры переложат финансовую нагрузку на экспортёров, и возможно, что эту нагрузку в наибольшей степени ощутят на себе Россия, экспортирующая в ЕС углеродоёмкие товары. Что, по Вашему мнению, нужно делать российским экспортёрам, регуляторам, чтобы сократить потери от ТУР?

– Экспертное сообщество неоднократно обращало внимание федеральных органов исполнительной власти на тот факт, что основой для минимизации подобных рисков «внешнего регулирования» для компаний, давно и прочно интегрировавшихся в глобальные цепочки поставок, должны послужить «зеркальные» механизмы углеродного регулирования, такие как плата за углерод или система квот на выбросы – по аналогии с системой торговли квотами на выбросы или формирующейся системой обращения трансграничного углеродного регулирования Европейского союза, где за основу принимаются бенчмаркинг-значения предельно допустимых уровней выбросов парниковых газов на тонну продукта для каждой из регулируемых отраслей и организаций и предусматривается выплата за превышение таких значений внутри страны. Механизм взимания платы с готовых товаров, пересекающих границу, крайне неэффективен исходя из задачи сокращения углеродного следа и является, по сути, протекционистским инструментом.

Принцип справедливости и разумности сам по себе диктует подход, при котором плата за «избыточную» эмиссию остаётся в стране, где такая эмиссия имела место быть (в начале цепочки формирования добавленной стоимости, «upstream»), а не движется вниз по цепочке («downstream»), чтобы осесть в кармане таможенных структур союза стран или страны, где сосредоточены основные потребители продукта. При справедливом и разумном подходе средства, аккумулированные от оплаты «избыточной» эмиссии могли бы (и должны были бы) быть направлены на субсидирование (софинансирование) проектов технологической декарбони-

зации производства и логистики, которые в них остро нуждаются, – разве не это, в конечном счёте, цель подобных систем?

Соответственно, регуляторный ландшафт под подобную справедливую цепочку необходимо формировать в России как можно скорее, и он должен предусматривать весь необходимый инструментарий для вовлечения как методов технологической декарбонизации (включая технологии улавливания и хранения углерода), так и научно обоснованных климатических проектов (как, например, авиалесоохрана, о которой я уже говорила и которая на сегодня получила высокую оценку российского научно-экспертного сообщества с точки зрения климатической и экономической эффективности). В этом смысле очень приятно видеть, что проектом плана реализации СНУР-2050, обобщённым на уровне Правительства России, практически весь спектр инструментов сокращения углеродного следа предусмотрен.

– Вы – профессионал международного уровня. Расскажите, пожалуйста, о Вашем карьерном пути и о Вашей работе в качестве руководителя дирекции по устойчивому развитию ОК РУСАЛ.

– Две трети моего профессионального опыта (более 20 лет) приходится на работу в известнейших мировых корпорациях потребительского сектора – Philip Morris International и Unilever, где я прошла путь от специалиста по корпоративным отношениям регионального уровня (отвечала за взаимодействие с органами государственной власти и общественными организациями сначала на Дальнем Востоке, затем в Сибири, далее на Северо-Западе) до руководителя службы корпоративных отношений на уровне двух стран (России и Беларуси), затем трёх, а впоследствии 35 стран (в регионе Северная Африка, Ближний Восток, Турция, Иран, Израиль, Россия, Украина и Беларусь), уже в ранге вице-президента по устойчивому развитию, члена советов директоров нескольких операционных бизнесов и глобальной управленческой команды департамента устойчивого развития.

Перед приходом в РУСАЛ на позицию главного должностного лица, отвечающего за устойчивое развитие бизнеса, я «актуализировала» свой опыт государственной службы (когда-то, в самом начале карьеры моим первым рабочим местом после медиа была Администрация Приморского края), на этот раз – в должности заместителя Председателя Правительства Республики Коми. К моим полномочиям относились разработка и реализация стратегии долгосрочного социально-экономического развития, инвестиционной, промышленной и экологической политики региона, и в этой роли мне важно было применить те подходы, которые с точки зрения экологической, социальной и управленческой эффективности практиковал прогрессивный бизнес, к реалиям отдельно взятого северного региона, экономика которого исторически «загочена» на добычу невозобновляемых природных ресурсов.

В РУСАЛе мне доверили создать давно необходимую Дирекцию по устойчивому развитию, впервые объединившую в составе одной функции специалистов по экологии и климатическому регулированию, охране труда и промышленной безопасности, социальной политике, нефинансовой отчётности и ESG-трансформации (проектный офис). В дополнение к любимому делу, широкому кругу полномочий (подкреплённых серьёзной ответственностью за результат) и простору для принятия решений, мне досталась замечательная команда настоящих экспертов, болеющих душой за будущее компании, готовых делиться знаниями и открытыми для того, чтобы расти профессионально.

– Я знаю, что в свободное от работы время Вы с интересом занимаетесь научной деятельностью. Каковы основные направления Ваших научных работ? Какова сфера Ваших научных интересов?

– К работе над своей диссертацией на соискание учёной степени кандидата экономических наук я приступила

в начале 2019 года, одновременно с поступлением в экстернатуру Высшей школы менеджмента СПбГУ. Тема, которая интересовала меня на тот момент, затрагивала процесс интеграции стратегий устойчивого развития в корпоративные стратегии – любой специалист в сфере ESG Вам подтвердит, что эта тема (по крайней мере, в 3-5-летней ретроспективе) была одной из самых непростых в условиях бизнеса, вне зависимости от странового контекста. Стратегии устойчивого развития как будто жили (а кое-где и до сих пор живут) своей отдельной жизнью, мало пересекаясь с реальными стратегиями развития бизнеса, его трансформации, слияний и поглощений, запуска новых видов бизнеса и вывода старых, равно как и с маркетинговыми стратегиями, привязанными к продуктовым портфелям корпораций.

Проработка этой темы и попытка выявить причины такой «несогласованности» довольно быстро привела меня к теме вознаграждения усилий производителей за внедрение принципов устойчивого развития на уровне отдельного продукта, продуктовой категории или предприятия, группы предприятий в целом. Так тема «монетизации» ESG на продуктовом и корпоративном уровне стала основой моего научного исследования под руководством к.э.н., профессора ВШМ Юрия Евгеньевича БЛАГОВА. Большим практическим подспорьем стало наше с ним участие в разработке уникальной методологии рейтинга ESG-зрелости продуктовых брендов для созданной в 2019 году Лиги зелёных брендов – тогда об «устойчивости» конкретных продуктов и услуг в России вообще мало кто рассуждал, но мы-то понимали, что «монетизация» «устойчивого конкурентного преимущества» (SCA) возможна только при сопоставлении продуктовых предложений «на полке», а не корпоративных отчётов на сайте.

Кстати говоря, опыт формирования бренда ALLOW, алюминия с низким углеродным следом, выпущенного РУСАЛом на рынок в качестве «зелёного» продукта в 2017 году, это подтверждает. Спрос на этот металл неуклонно растёт – за 4 года с момента запуска объёмы его продаж увеличились втрое. Именно такую продукцию покупатели вознаграждают выплатой премий сверх цены сырьевого товара за её экологичность (хотя уровень такой премии, безусловно, должен быть выше). В свою очередь, прозрачность данных о климатическом воздействии ALLOW конвертируется в высокие баллы в мировых рейтингах. Напомню, в прошлом году РУСАЛ снова удостоился уровня А- в рейтинге CDP (Carbon Disclosure Project Climate), самого высокого уровня в мировом алюминевом секторе.

– А какие книги на темы устойчивого развития, ESG-трансформации Вы порекомендуете к прочтению?

– Я бы порекомендовала почитать и послушать лекции «живых классиков»: Томаса Диллика, например, с которым мне посчастливилось быть знакомой лично и даже поговорить в рамках ежегодного коллоквиума международной Академии бизнеса в социуме (ABIS) в прошлом году, Стивена Янга, которому благодаря работе с профессором Благовым тоже была представлена года четыре тому назад, Роберта Эдварда Фримана, Джереми Рифкина, Пола Полмана, наконец.

Профессор Университета Санкт-Галлен (Швейцария) Диллик много лет исследует тему «истинной устойчивости» и её экономического обоснования для бизнеса, ему принадлежит типологизация корпоративной устойчивости и степеней её интеграции в бизнес-модель ведения бизнеса. Профессор Дарденской школы Вирджинского университета (США) Фриман – один из авторов той самой «теории заинтересованных лиц», которая сыграла такую большую роль в формировании концепции устойчивого развития. Одному из самых влиятельных экономических мыслителей мира, профессору Пенсильванского университета (США) Рифкину принадлежит монография «Третья промышленная революция», которая в своё время, как утверждают, послужила основой для перехода Германии к низкоуглеродной экономике и принятия

Китаем климатической стратегии. Ну, а Полман – это настоящий революционер в корпоративной среде, бывший CEO Unilever, с которым я проработала более 10 лет и который в прошлом году выпустил бестселлер «Net Positive» с бесценными практическими кейсами по ESG-трансформации отдельных брендов и целых корпораций, среди которых (на стр. 177), между прочим, упомянут и кейс по внедрению экономики замкнутого цикла для пластиковой упаковки ведущего локального косметического бренда, реализованный российской командой с моим участием 4 года тому назад. Что же до Янга, яркого визионера, главы делового клуба Saux Round Table for Moral Capitalism (Швейцария), то буквально на днях Юрий Евгеньевич Благов вручил мне персональный экземпляр только что изданного СПбГУ перевода его монографии, успевшей стать настольной книгой нескольких поколений управленцев во всём мире, – «Нравственный капитализм. Частный интерес на службе обществу» (“Moral Capitalism. Reconciling Private Interest with the Public Good”).

Ещё добавлю имена двух итальянских учёных, практически моих ровесников, за работой которых я слежу особенно пристально: Марчелло Тонелли и Николо Крестони, исследующих как раз тему интеграции устойчивого развития в маркетинговые стратегии бизнеса. Их книга «Strategic Management and the Circular Economy» («Стратегический менеджмент и экономика замкнутого цикла»), вышедшая в США в 2018 году и пока не переведённая на русский язык, получила широчайшее признание в международном научном сообществе и породила качественную дискуссию вокруг темы «устойчивого конкурентного преимущества».

– **Ирина Сергеевна, какие международные или национальные события в области «устойчивого развития» и ESG-повестки из тех, что ожидаются в 2022 году, наиболее значимы, на Ваш взгляд? К чему и как предстоит готовиться?**

– Для нас в РУСАЛе, конечно, центральным событием станет общественное обсуждение Отчёта об устойчивом развитии за прошлый год, которое пройдёт в Москве и в Красноярске в июле-августе этого года. Почему? Потому что, как я уже отметила, отчёт содержит основные положения и целевые ориентиры новой стратегии устойчивого развития компании до 2030 года, и мнение заинтересованных сторон относительно выбранных нами приоритетных программ особенно важно.

На уровне страны – в сентябре вступает в силу Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации», одной из целей которого является достижение к концу 2025 года углеродной нейтральности на территории Сахалинской области. С точки зрения «буквы закона» этот документ существенно расширяет понятийный аппарат национального углеродного регулирования (включая определение «углеродной единицы», «углеродной нейтральности», «квоты выбросов парниковых газов», «единицы выполнения квоты» и т.д.), с точки зрения «духа закона» закрепляет крайне важные принципы для реализации государственной климатической политики – такие, как, например, недопущение двойного зачёта углеродных единиц и единиц выполнения квоты. Реализация эксперимента на уровне целого субъекта Федерации важна не только для государства, но и для большого бизнеса, располагающего разветвлённой производственно-бытовой системой в масштабах страны и за её пределами: именно в таких условиях важно отработать вопросы корректного отнесения углеродной эмиссии к локальным источникам и договориться об условиях формирования и выполнения квот.

Ну, а в глобальном масштабе – на осень 2022 года запланирована вторая часть 15-й встречи сторон Конвенции ООН по биологическому разнообразию в Китае. Кстати, Китай так же, как и Россия, привержен полной реализации Повестки

дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года и продвижению справедливого, инклюзивного, открытого, всеобъемлющего, инновационного и устойчивого развития в трёх основных областях (в экономике, социальной сфере и окружающей среде). На ноябрь 2022 года запланирована очередная, 27-я встреча сторон РКИК ООН в Египте.

– Благодарим Вас за интервью! Желаю Вам дальнейших профессиональных успехов. В заключение хочу задать традиционный вопрос: что бы Вы хотели пожелать редколлегии, авторам и читателям «Евразийского юридического журнала»? Журнал читают во всех странах бывшего СССР.

– Некоторые эксперты с убеждённостью, достойной всяческих похвал, относят устойчивое развитие к области так называемого «публичного права», которое, как известно авторам и аудитории журнала, исключает факторы «добровольности» и «свободного определения» содержания регулируемых им правоотношений. В то же время, мы с Вами понимаем, что в сегодняшнем её состоянии концепция «устойчивого развития» или ESG, возможно, в силу широчайшего охвата тем, которые она затрагивает, допускает и большое разнообразие «добровольно» принимаемых на себя корпорациями обязательств, и довольно свободные толкования как самих задач устойчивого развития, так и критериев эффективности реализуемых для их достижения проектов.

Я хотела бы пожелать читателям, авторам и членам редакционной коллегии «Евразийского юридического журнала» не терять интереса к феномену устойчивого развития, в том числе и с этой, публично-правовой, его стороны. По мере того, как регуляторный ландшафт в этой сфере на страновом и межстрановом уровне будет развиваться, оформляться и неизбежно унифицироваться, взаимообогащаясь, у бизнеса будет оставаться всё меньше «положительных» стимулов для ESG-трансформации (вроде премиальных надбавок к цене «зелёного» продукта). Превращение «устойчивости» в «гигиенический» фактор, диктующий (на уровне национального, отраслевого или корпоративного регулирования) правила доступа на рынок, оставит бизнесу лишь «отрицательные» стимулы для трансформации (ТУР и ему подобные сборы, отсутствие преференций в условиях кредитования, субсидирования, выхода на закупочные конкурсы). А «отрицательные» стимулы часто оказываются более действенными.

Интервью брала:

Гордеева Е. М.

д.ю.н. (Ph.D.), доцент Волго-Вятского института Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина

БАХНОВСКИЙ Александр Викторович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОДВЕДЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИТОГОВ

В настоящем исследовании автор рассматривает генезис взаимодействия Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Российской Федерации как обязательное условие членства в Совете Европы. Проанализированы ключевые акты Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, содержащие указания на необходимость учёта практики деятельности ЕСПЧ, в том числе, по жалобам против иных государств-членов Совета Европы; представлены выводы по рассмотренным делам против России, где ЕСПЧ неоднократно указывал на системные проблемы, либо настаивал на изменении действующего национального права.

В работе сделан акцент на коренной ломке взаимодействия между Конституционным Судом РФ и ЕСПЧ после рассмотрения последним дела «Анчугов и Гладков против Российской Федерации»: представлена хронология изменения в практике Конституционного суда, внесение изменений в Федеральный конституционный закон «О конституционном суде РФ» и последующая практика указанного судебного органа, обосновывающая отказ исполнять вынесенные ЕСПЧ постановления.

По результатам исследования сделан вывод об обоснованной необходимости блокирования вынесенных ЕСПЧ постановлений с признаками политической ангажированности. С учётом состоявшегося выхода из состава Совета Европы и прекращения обязательств в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод (16 сентября 2022 года) продолжение влияния практики ЕСПЧ на правовую систему России представляется автору маловероятным.

Ключевые слова: международное право, Европейский суд по правам человека, практика, Российская Федерация, Конституционный суд, исполнимость, соответствие, Конституция.

BAKHNOVSKIY Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice

THE EXPERIENCE OF INTEGRATION OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS PRACTICE INTO THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: SUMMING UP THE INTERMEDIATE OUTCOMES

In this study the author examines the genesis of interaction between the European Court of Human Rights (ECHR) and the Russian Federation as a prerequisite for membership in the Council of Europe. The author analyzes the key acts of the Supreme and Constitutional Courts of the Russian Federation, which contain references to the need to take into account the practice of the ECHR, including complaints against other member states of the Council of Europe; presents conclusions on cases against Russia, where the ECHR has repeatedly pointed to systemic problems or insisted on changes in the current national law.

The paper focuses on the fundamental breakdown of interaction between the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR after the latter's consideration of the case «Anchugov and Gladkov v. Russia»: a chronology of changes in the practice of the Constitutional Court, amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the RF" and the subsequent practice of the said judicial body, justifying the refusal to implement the ECHR judgments was presented.

According to the results of the study, a conclusion was made about the justified necessity to block the ECHR judgments with the signs of political engagement. In view of the withdrawal from the Council of Europe and the termination of obligations under the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (16 September 2022), the continuing influence of the ECHR practice on the Russian legal system seems improbable to the author.

Keywords: international law, European Court of Human Rights, practice, Russian Federation, Constitutional Court, enforceability, compliance, Constitution.

Бахновский А. В.

Признавая безапелляционность тезиса о влиянии Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года¹ и практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) на ратифицировавшее документ государство, многие зарубежные авторы отмечают, что такое влияние является взаимным: государство потенциально может корректировать практику ЕСПЧ через деятельность своего представителя в судебном корпусе, который разъясняет национальные особенности правоприменения («через голос судьи» [4]). Отечественные

авторы обоснованно считают упущением отсутствие в тексте Конвенции упоминания о возможности дифференцировать подходы в рассмотрении дел со стороны ЕСПЧ с учётом «... исторических, географических или ментальных особенностей стран-ответчиков...» [2]. При этом суд изначально не ставит перед собой задачи «стандартизировать» правовые и судебные системы Европы (упоминание об этом присутствует в п. 68 постановления², допуская многообразие в толковании стандартов защиты прав человека.

1 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заклучена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

2 Case Nejdet Sahin and Perihan Sahin v. Turkey 20.10.2011, 13279/05. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legal-tools.org/doc/d7b771/pdf/> (дата обращения: 15.08.2019).

Автор склонен полагать, что одной из проблем в деятельности ЕСПЧ можно считать вынесение «технических» постановлений, когда единство подхода в разрешении конкретной ситуации основывается на фактическом материале из нескольких государств. В результате не признаваемые всеми практика становится одним из подходов ЕСПЧ, а государства вынуждены учитывать такой вариант разрешения спора в национальной юрисдикции.

Как неоднозначный можно охарактеризовать подход к восприятию Европейского суда по правам человека в качестве творца нормативных обобщений (принципов, презумптивных положений и т.д.), непосредственно и опосредованно влияющих на национального законодателя. Заметим, что ссылка на положения ч. 1 ст. 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в данном случае не полностью подтверждает указанный тезис: «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47». Тонкая грань между толкованием и нормотворчеством, по мнению автора настоящего исследования, должна оставаться различимой – в противном случае будет иметь место подмена истинной воли законодателя требованиями конкретной ситуации.

Эволюционирующий характер практики ЕСПЧ (когда суд активно ссылается на собственные ранее вынесенные постановления), развивает сформулированные мысли и выстраивает логически верные и обоснованные подходы, является демонстрацией истинно верного подхода к обеспечению единства судебной практики [3]. Тезис о том, что Европейский суд по правам человека должен «защищать человека не против государства, а с государством», находит полноценное подтверждение в работах многих исследователей. В частности, В.В. Блажеев отмечает недопустимость применять правовые нормы Конвенции 1950 года в видении ЕСПЧ без учета особенностей и условий развития конкретного государства, что отражает ментальные и национальные особенности общества [1].

В течение всего периода взаимодействия ЕСПЧ и Российской Федерации важными связующими звеньями диалога выступали Верховный и Конституционный суды РФ, которые включали практику ЕСПЧ в тексты собственных актов и призывали к соблюдению прав и свобод на основании устоявшихся европейских стандартов правоприменения.

Так п. 10 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» закрепляет недвусмысленное признание обязательной юрисдикции Европейского Суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции»³.

В п. 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П указанная позиция подтверждается, включая вопросы «...толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов»⁴. Дополнительно Конституционный суд РФ признаёт

и Конвенционные положения, и их толкование со стороны ЕСПЧ «составной частью российской правовой системы», что предполагает их учёт «федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права»⁵. Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин на VIII Международном форуме по конституционному правосудию отметил: «...правовые позиции Европейского суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и протоколов к ней, и сами прецеденты Европейского суда признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер»⁶.

Усиливая роль Конституционного суда в придании практики ЕСПЧ системообразующего начала, следует привести в пример постановление от 15.12.2011 года № 28-П, где, рассматривая конституционность положений ч. 4 ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации⁸, Конституционный суд указал на недопустимость дискриминации родителей по половому признаку в части доступа к льготам – и напрямую сослался на постановление Европейского суда от 31.03.2009 года по делу «Веллер (Weller) против Венгрии». Также в определении от 01.03.2012 года⁹ № 424-О-О КС РФ приводит постановления ЕСПЧ от 1 октября 1982 года, от 24 февраля 1993 года, от 10 июня 1996 года, от 29 июля 2004 года¹⁰.

Столь активно поднимаемая в государствах Совета Европы проблема защиты от дискриминации по половому признаку дополнительно была раскрыта в деле «Константин Маркин против России»: суд признал дискриминационным положение о непредоставлении военнослужащим-мужчинам отпуска по уходу за ребенком, что явилось нарушением требований ст. 8 и 14 Конвенции. Официальная позиция ЕСПЧ при этом не совпала с мнением Конституционного Суда России.

Практики вынесения Европейским судом «пилотных постановлений»¹¹ была проиллюстрирована в деле «Бурдов

5 По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // Российская газета. 14 фев. 2007 г.

6 Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: Предварительные итоги деятельности Конституционного Суда РФ на пороге 15-летия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin.html>. (дата обращения: 20.11.2012).

7 По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2011 № 28-П // Собрание законодательства РФ. № 52. Ст. 7639.

8 Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2012) // Российская газета. 31 дек. 2001 г.

9 По жалобе гражданина Магденко Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 30 и частью третьей статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 424-О-О // СПС Консультант Плюс.

10 См., напр.: Дело «Сан Леонард Бэнд Клуб (San Leonard Band Club) против Мальты (жалоба № 77562/01): постановление ЕСПЧ от 29.07.2004 // СПС Консультант Плюс.

11 На основании Резолюции Кабинета Министров Совета Европы от 12.05.2004 года № 3 Европейским судом по правам человека выделяется группа практически идентичных жалоб, в которых упоминается нарушение прав ввиду недостаточной эффективности работы национальной правовой (правоприменительной) системы.

3 О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

4 По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П // Российская газета. 2007. № 31.

против России № 2»¹²: заявитель ссылаясь на неисполнение вынесенного в его пользу постановления ЕСПЧ. Европейский суд, констатируя наличие системной проблемы (отсутствие механизмов защиты заявителя при неисполнении судебных решений о взятии с государства), постановил, что государство-ответчик обязано в течение шести месяцев от даты вступления в силу постановления в соответствии со ст. 44 п. 2 Конвенции установить эффективное внутреннее средство правовой защиты или комплекс таких средств, которые обеспечили бы адекватное и полное восстановление нарушенных прав в случае неисполнения или задержек в исполнении внутренних решений суда в соответствии с принципами Конвенции, как установлено прецедентным правом Суда.

10.01.2012 было оглашено «пилотное» постановление «Ананьев и другие против России»¹³ по условиям содержания в российских СИЗО. Суд отреагировал на переполненность СИЗО (вместо 4 кв. м. – 1,2 кв. м. на одного заключенного); дополнительно указав на отсутствие у содержащихся в СИЗО лиц возможности эффективной защиты своих прав. Одной из причин переполненности СИЗО ЕСПЧ посчитал злоупотребление национальными судами использования мер пресечения в виде заключения под стражу и ареста (90 % ходатайств об избрании такой меры удовлетворяется, удовлетворяются 98 % ходатайств по продлению избранной ранее меры).

По делу «Ефименко против России» (постановление от 12.02.2013 года по делу № 152/04)¹⁴ заявитель, отбывающий наказание в Челябинской области, жаловался на условия содержания в следственном изоляторе (антисанитарные условия, отсутствие надлежащих спальных принадлежностей, отсутствие вентиляции и доступа естественного света и т.д.), незаконный характер содержания его под стражей после вынесения приговора. Он также обжаловал просмотр его личной переписки и переписки с Европейским Судом.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования статей 3 (запрещение пыток) и 13 (право на эффективное средство правовой защиты) в связи с условиями содержания под стражей, а также требования статей 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 34 (обязанность не препятствовать реализации права на подачу жалобы в Европейский Суд) Конвенции в связи с просмотром переписки заявителя. Европейский Суд постановил шесть голосами против одного, что российские власти нарушили требования пункта 1 статьи 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность), и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

По делу «Василий Васильев против России» (постановление от 19.02.2013 по делу № 16264/05)¹⁵ заявитель, до ареста проживавший во Владимире, жаловался на условия содержания под стражей, на то, что его должным образом не уведомили о выдвинутых против него обвинениях, а также на то, что рассмотрение судом правомерности его заключения

под стражу не соответствовало требованию безотлагательности. Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования статьи 3 (запрещение пыток), а также пунктов 1, 3 и 4 статьи 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 6 500 евро в качестве компенсации морального вреда.

Поднимая вопросы справедливости в национальном праве государств-участников, ЕСПЧ указывает: «...закон должен быть в надлежащей мере доступен и предсказуем, то есть, сформулирован достаточно точно, чтобы гражданин мог – при необходимости с надлежащей помощью – соотносить с ним свое поведение» (п.п. 66–68 Постановления ЕСПЧ от 2 августа 1984 г. по делу «Малоун против Соединенного Королевства») [5]. Так в деле «Михайлова против Российской Федерации»¹⁶ ЕСПЧ отметил «угрозовый» характер судебного разбирательства (п. 60 Постановления) по ст. 19.3 КоАП РФ, где для заявительницы «много было поставлено на карту» (п. 90 Постановления) – и пришел к выводу о необходимости обеспечить бесплатного защитника по административному делу (п. 102 Постановления).

Коренной перелом в диалоге Российской Федерации и ЕСПЧ происходит после вынесения Конституционным Судом РФ постановления от 14.07.2015 года № 21-П, в котором было указано: «постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*Jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств»¹⁷. Дополнительный акцент проставлен на соблюдении положений действующей Конституции России: «...решение уполномоченного межгосударственного органа, в том числе постановление Европейского Суда по правам человека, не может быть исполнено Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации».

В деле «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и № 15162/05) Европейский суд фактически разрешил вопрос о приоритете положений Протокола Конвенции 1950 года перед положениями российской Конституции (вопреки концептуальным положениям отечественного

16 Постановление ЕСПЧ от 19.11.2015 по делу «Михайлова (Mikhaylova) против России (жалоба № 46998/08)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2016).

17 По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 28.07.2015).

12 Постановление Европейского суда по правам человека от 15.01.2009 «Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2)» // Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 4. С. 79–106.

13 Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) против Российской Федерации (жалоба № 42525/07, 60800/08): постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 8.

14 Информация о Постановлении ЕСПЧ от 12.02.2013 по делу «Ефименко (Efimenko) против России» (жалоба № 152/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 3.

15 Информация о Постановлении ЕСПЧ от 19.02.2013 по делу «Василий Васильев (Vasilij Vasilyev) против России» (жалоба № 16264/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 3.

права)¹⁸. Вполне ожидаемой была реакция Конституционного суда по отказу от исполнения такого «поручения», и между двумя судебными органами возникло существенное напряжение. В рассматриваемом деле ЕСПЧ осуществляет расширительное толкование положений Конвенции (фактически создает новую норму права) на основании национального права Соединенного Королевства, Австрии и Италии и устанавливает несоответствие положений ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации требованиям ст. 3 Протокола № 1 Конвенции 1950 года. 19 апреля 2016 года Конституционный Суд РФ выносит Постановление от № 12-П, подтвердив невозможность исполнения ЕСПЧ, что вызвало серьезное негодование со стороны европейского сообщества.

Уже 15 декабря 2015 года был подписан законопроект о внесении поправок в действующий федеральный конституционный закон «О Конституционном суде РФ»¹⁹, дающий Конституционному суду право решать, выполнять или нет вердикты межгосударственных органов по защите прав и свобод человека, и прежде всего ЕСПЧ (при выявлении угрозы нарушения положений Конституции и основ Конституционного строя Российской Федерации).

В результате 19.04.2016 года Конституционный суд вынес первое постановление, посвященное возможности исполнения постановлений ЕСПЧ²⁰: рассматривался вопрос о противоречии положений ст. 32 Конституции России и ст. 3 Протокола № 1²¹ к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на участие в выборах у осужденных – на примере дела «Анчугов и Гладков против России»). По результатам рассмотрения Конституционный суд пришел к выводу о невозможности внесения изменений в действующее законодательство в части наделения избирательными правами лиц, приговоренных к лишению свободы, и реализации такими лицами избирательных прав в момент отбытия наказания.

19.01.2017 Конституционный Суд рассмотрел запрос Минюста России о возможности исполнения Постановления ЕСПЧ по делу нефтяной компании «ЮКОС» ввиду приговора ЕСПЧ её бывшим акционерам существенной выплаты (около 1,9 млрд. евро). По результатам рассмотрения Конституционный суд пришел к выводу о несовместимости факта присуждения выплаты бывшим акционерам предприятия, руководство которого понесло ответственность за неплату налогов в федеральный бюджет²².

На основании проведенного исследования автор полагает, что политические оттенки правоприменения в подходах ЕСПЧ были не случайны и имели конкретную цель. Ранее

общепризнанные объективность и взвешенность суждений ЕСПЧ о фиксации нарушений Конвенции, аполитичность требований об устранении допущенных нарушений, по крайней мере, в отношении нашего государства на современном этапе подвергаются жесткой критике. Постепенно Европейский суд по правам человека обрёл амбиции и стратегию, а при таком подходе беспрекословное восприятие его подходов себя не оправдывает.

Максимально возможное следование Российской Федерацией обязательствам в рамках Совета Европы неоднократно подвергалось критике со стороны указанной организации (как на этапе приёма в члены организации, так и на протяжении участия в её деятельности), что также finalizировалось приостановлением части полномочий в рамках работы Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) для нашей делегации. 15 марта 2022 года Россией было принято ожидаемое решение о выходе из Совета Европы ввиду невозможности вести равноправный диалог, что повлечёт и полное прекращение обязательств в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (по новым фактам предполагаемого нарушения положений Конвенции – с 16 сентября 2022 года).

Автор не склонен придавать итогам взаимодействия России и Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) исключительно отрицательный окрас: внушительный объём практики указанной судебной инстанции положительно отразился на национальной правоприменительной практике, многие классические категории прав человека получили объективное и расширительное толкование (что уже закреплено на уровне практики Верховного и Конституционного судов Российской Федерации). При этом элементы откровенной ангажированности как в работе Совета Европы в целом, так и контролирующего соблюдение обязательств в рамках Конвенции 1950 года - Европейского суда по правам человека – привели к ожидаемым изменениям. Принимая во внимание актуальные настроения среди государств-участников Совета Европы, автор рекомендует сохранить имеющийся позитивный опыт защиты прав и свобод человека; не ориентируясь на его расширение в ближайшей обозримой перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Блажеев В.В. О механизме гармонизации практики Европейского суда по правам человека и российского гражданского процессуального права // Российская юстиция. 2010. № 12. С. 22-27.
2. Жаркова О.С. К вопросу об универсализме ЕСПЧ и учете им национальных особенностей по делам о праве на справедливый суд // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7. С. 27-32.
3. Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. М., 2013. 304 с.
4. Нуссбергер А. Развитие прецедентного права Европейского суда по правам человека на основе решений о России // Право и политика. 2005. № 10. С. 88.
5. Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11. (СПС «КонсультантПлюс»).

18 Постановление ЕСПЧ от 04.07.2013 «Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалобы № 11157/04 и 15162/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2014. № 2. С. 11, 124-142.

19 О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) // Российская газета. 1994. № 138-139.

20 По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

21 Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 20.03.1952 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

22 По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

РАГИМЛИ Сафтар

доктор философии по праву Бакинского Государственного Университета

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА И ИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА. (ВНУТРЕННИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ). КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД

В этой статье мы сосредоточимся на трех темах: экономические права и их законодательная база, институциональное обеспечение экономических прав и, наконец, конституционные принципы ограничения экономических прав и свобод. Аргумент статьи заключается в том, что справедливая конституционализация обеспечивает наиболее эффективный метод обеспечения экономических прав, поскольку она отвечает важному требованию для применения на национальном уровне. Наличие экономических прав в Конституции и, следовательно, в законодательной базе может привести к более широкому объяснению ответственности государства с точки зрения экономических и социальных прав и более общему пониманию этих прав.

Кроме того, именно конституции определяют ответственность государства в отношении этих прав и обязанности, которые определяют систему на основе обеспечения материальной основы гражданских свобод.

Мировой опыт показывает, что государство играет решающую роль в обеспечении нормального функционирования любой экономической системы. Другими словами, правовая система влияет на поведение людей, а через них - на экономическую систему в целом. Экономическая система влияет как на поведение людей, так и, соответственно, на правовую систему. В этой статье основное внимание уделяется практической реализации экономических, социальных и культурных прав и утверждается, что они могут быть признаны законными правами в национальных конституциях. Экономические, социальные и культурные права – это свободы, привилегии и права, которые требуются отдельным лицам и сообществам для достойной жизни. Эти права человека включают права на питание, жилище, здоровье, образование, культурную самобытность и многое другое.

Более того, согласно общей практике отступления от прав человека в основном связаны с чрезвычайными ситуациями. Ограничение некоторых прав человека возможно при определенных условиях, только в экстренных случаях. Закон о чрезвычайном положении также предусматривает соответствующее требование, это означает ограничение прав и свобод человека на определенный период времени. Но здесь можно утверждать, что в любом случае ЧП должно быть обеспечено в соответствии с международными обязательствами государства.

Ключевые слова: гражданское право, международный пакт, экономическое право, социальное право, право на объединение, конституция, международное право, права человека.

RAHIMLI Saftar

Doctor of Philosophy in Law of the Baku State University

ECONOMIC RIGHTS AND THEIR LEGISLATIVE BASIS. (DOMESTIC AND INTERNATIONAL INSTRUMENTS). CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF RESTRICTION OF ECONOMIC RIGHTS AND FREEDOMS

In this article, we will focus on three themes, the economic rights and their legislative basis, institutional provision of economic rights and as a last theme, constitutional principles of restriction of economic rights and freedoms. The argument of the article is that the fair constitutionalisation provides the most effective method for ensuring economic rights, because it addresses an important requirement for application at the domestic level. The existence of economic rights in the Constitution and thus the legislative basis can lead to a broader explanation of the responsibilities of state in terms of economic and social rights and a more communitarian understanding of these rights.

In addition, it is the constitutions that define the responsibility of state in relation to these rights and the obligation that determines the system on the basis of ensuring the material basis of civil liberties.

World experience shows that the state plays a decisive role in ensuring the normal functioning of any economic system. In other words, the legal system influences the behavior of individuals and, through them, the economic system as a whole. The economic system affects both the behavior of individuals and, accordingly, the legal system. This article focuses on the practical implementation of economic, social and cultural rights, and argues that they can be recognized as legitimate rights in national constitutions. Economic, social, and cultural rights are the freedoms, privileges, and entitlements that individuals and communities require to live a life of dignity. These human rights include the rights to food, housing, health, education, cultural identity, and more.

Moreover, according to general practice, retreats from human rights are mainly related to emergencies. Restriction of some human rights is possible under certain conditions, only in case of emergency situations. The Law on State of Emergency also stipulates a relevant requirement, it means the restriction of human rights and freedoms for a certain period of time. However, here it can be argued that in any case, the state of emergency must be ensured in accordance with the international obligations of state.

Keywords: civil law, international covenant, economic law, social law, right of association, constitution, international law, human rights.

Рагимли С. М.

Introduction

There has been attempted in a special chapter III, Articles 24-71 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan to cover the scope of the basic human and civil rights and freedoms. It should be noted that this chapter is given in Section II (with fundamental rights, freedoms and responsibilities). In fact, that Section I (the general provisions), directly referred to as the introductory section, and indicates that the Constitution is based on Section II. The issues identified in Section I also set out the tools and policies to ensure the rights and fundamental freedoms of Chapter III. In particular, state policy has set a standard for all law making, interpretation and application under Article 12.1 of the Constitution. The rule of people (Chapter I), the foundations of the state (Chapter II) determine the form and mechanisms to ensure human rights and freedoms. From a legal point of view, human rights are defined as the total individual and collective rights recognized by sovereign states and enshrined in their constitutions and international law.

The purpose of expressing economic rights as a constitutional standard is as follows:

- 1) The constitution fully and comprehensively establishes human rights and freedoms;
- 2) Builds the interrelation of these rights with the political system, indicating that these rights are constitutional;
- 3) Defines responsibilities for state power and local government system;
- 4) Declares specific means of guarantee of those rights.

It should be noted that immediately after the establishment of ideological-political-legal (democratic, secular, legal ... art.7.1) relations of the Constitution, property (art.13), natural resources (art.14), economic development ... (art.15), social development ... (art.16) provides the basis for economic rights and freedoms.

The priority of human rights and fundamental freedoms (Article 12), the foundations of the constitutional system are stated by the institutions of "free entrepreneurship" (Article 15) and "inviolability of property" (Article 13.1).

The constitutional guarantee of economic rights is regarded to the fact that in modern times the development of socio-economic legislation is at an early stage, and although many problems they remain, unresolved. These are the constitutions that determine the responsibility of the state for those rights. A fully justified constitution provides the most effective method to secure economic rights, as it addresses an important requirement for enforcement at the domestic level. It is more difficult to change constitutional rights than ordinary legislation, so they are not responsible for political tendencies. These serve as both principles that create a sense of human rights in a nation and rights that can be protected in court. Mark Bell combines the meaning of constitutionalization with the processes that seek to strengthen certain legal norms and attribute them to a higher status.

The Constitution of the Republic of Azerbaijan forms the basic economic rights and freedoms in a special sphere of public relations by defining the norms on the conditions of realization of economic, entrepreneurial and economic relations. These rights play an independent role in the constitutional legal regulation, but also stand on objective grounds. The constitutional basis of economic rights also affect their legal nature.

The nature of these rights is considered in the first chapters of the Constitution. Economic rights, being the basis of other rights, are in fact neither secondary nor derivative and their legal nature in accordance with Part I of Article 24 (Basic Principles of Human and Civil Rights and Freedoms) allowed to evaluate. The rights of property (art. 29), labor (art. 35), intellectual property (art. 30), inheritance (art. 29. II), free assembly (art. 49), the right to association (art. 58), the right to the security of property (art. 31. II), the right to free enterprise (art. 59) and their legal nature in accordance with Part 1 of Article 24 in the third chapter of the constitution are subject to evaluation.

Economic rights as a constitutional standard

In addition to the fact that economic rights are the basis for other rights, their legal nature as a constitutional standard must be assessed in the context of several articles of the Constitution.

The presumption that "everyone has inviolable, and inalienable rights and freedoms from birth" affirmed in Chapter III of the Constitution, as expressed in Part II of Article 24, confirms the beginning of "natural law" for economic rights. Cicero, a staunch supporter of the concept of natural law, stated that rights and freedoms are not given or determined by man, by any will or instruction, these rights belong to him by a nature. In human rights, this natural beginning is further sanctified by religious sources. Verse 3 of the Qur'an states that God is the creator of law. We are not mistaken in saying that Article 24 (II) of the Constitution of the Republic of Azerbaijan also contains the same content.

Assessing Article 24 (II) of the Constitution, Prof. L. Huseynov notes that the authors of the text of the Constitution focus almost on all human rights and freedoms recognized by international law. This is undoubtedly a positive factor and cannot be completely compared with the previous Soviet constitutions. The Constitution does not explicitly state that the rights and freedoms enshrined in it are not comprehensive or satisfactory, but such a conclusion can be seen in the broad interpretation of Article 24 (II). This article reflects the concept of human rights as a natural right, "everyone has inviolable, and inalienable rights and freedoms from birth."

This provision implies that human rights exist independently and beyond their normative definition. In other words, the Constitution may not cover the whole spectrum of economic rights, and this must be assessed in the context of "natural law".

The assessment of rights in Chapter III of the Constitution, including economic rights, in the legal regulation should be considered in the context of Article 71 (guarantee of human and civil rights and freedoms). "No provision of this Constitution may be interpreted as a provision aimed at the abolition of human, civil rights and freedoms" (Article 71. V) and "Human, civil rights and freedoms are directly in force in the territory of the Republic of Azerbaijan" (Article 71. VI). The conclusion is that the human rights are based on the concept of natural rights, not on the normative theory. This concept defined the task for the entire system of government in the observance of these rights. The Constitution (Article 71.I) states that « it is the duty of the legislature, the executive and the judiciary to observe and protect human and civil rights and freedoms, including economic rights ».

The legal system of the Republic of Azerbaijan is mainly formed by Articles 148 and 10 of the Constitution. Article 148 /II of the Constitution includes international agreements to which the Republic of Azerbaijan is a party. Article 12 of the Constitution (the supreme goal of the state) enriches economic rights both in terms of character and content with its Part II (human and civil rights and freedoms listed in this Constitution are applied in accordance with international treaties to which the Republic of Azerbaijan is a party) establishes the "principle of respect for human rights and freedoms" by adopting a possible international protection system.

Article 12 (II) of the Constitution is formed in such a way that international treaty standards in the field of human rights, including economic rights, take precedence over the relevant provisions of the Constitution. Attention is drawn to the need for certain exceptions to this priority. These exceptions or reservations include:

- the article refers not to the general precedence, but only to the ad hoc primacy of the norms of the international treaty on human rights over the provisions of the constitution;
- International agreements should be applied only in the event of a conflict between their provisions and the Constitution, and / or in the case of vague or excessively general expression of the latter.

This provision of the Constitution includes not only international treaties on economic rights (for example, the 1950 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms), but also the application of the case law of the European Court of Human Rights. Economic rights, which are directly expressed as a constitutional norm, also very important in terms of Article 147 of the Constitution. Article 147 of the Constitution (legal force of the Constitution of the Republic

of Azerbaijan) states that the Constitution of the Republic of Azerbaijan has the highest legal force in the Republic of Azerbaijan (I); The Constitution of the Republic of Azerbaijan has direct legal force (II); The Constitution of the Republic of Azerbaijan is the basis of the legislative system of the Republic of Azerbaijan (III).

Institutional provision of economic rights. The role of the state in ensuring economic rights.

Functions always reflect the social nature of a particular state. They reflect the real, socially conditioned role of the state in the process of solving the development tasks of the economy, society and the state itself. Sometimes the function of the state is either the activity that characterizes its political essence, or the content of the activity that reflects the essence of the state at different stages of development. Because the functions of the state are complex, synthesizing in nature, and as the main activities of the state, they can never be identified and equated with the state itself or individual aspects of its activities. The content of each function is formed from many homogeneous and uniform aspects of the state's activity.

For example, in contrast to the concept of the "night watchman state" of the capitalist era, the concept of the universal state encourages the state to more actively solve the problems of the economy and society in modern constitutions. At certain stages of development, the functions of state are influenced by its goals and objectives. Depending on the goals and objectives of the state, its internal and external functions are differentiated. The internal function of the state covers all spheres of society and the state, including economic, social, political, religious and other areas.

For example, in the sphere of economic activity, the protection of state property, financial control, protection of the rights and freedoms of citizens in the social sphere, the creation of law enforcement rules in society in the legal sphere, can be emphasized. Depending on the political regimes of states, their international obligations on human rights and minorities, and the level of participation in the solution of international problems, the foreign function of states is becoming increasingly dynamic. The development of international law as a means of regulating foreign or international relations has led to innovations in the international legal protection of human rights, and new justice and administrative mechanisms have been created. Subsidiary international bodies are gradually becoming effective law enforcement mechanisms. International courts, first established in Europe and the United States, are accompanied by the creation of the international treaty bodies close to the quality of quasi-courts at the universal level.

International treaty bodies have been established as a monitoring mechanism for states' human rights commitments and play an important role in the development of human rights culture in this area. (Rahimli S. M. 2019).

The main feature of the international legal regulation of human rights is that states, along with the obligation to respect human rights, undertake to ensure and protect their normative content in this area within their jurisdiction. The content of the commitment is often determined by an international agreement, and the obligations are presented as a mutual agreement. The fact that human rights have a natural origin also excludes the obligation among states based on mutual benefit. International human rights treaties aimed at protecting universal values (fundamental rights and freedoms) of common interest. (Simma 2009).

The classification of the functions of the state in relation to human rights and freedoms is also done. The distinction between the main and additional functions is related to the position of the state in the implementation of the main goal. No matter how multifaceted the activities of the modern developed countries, the protection of human rights and freedoms is the main goal and task.

As stated in Article 12 of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, the idea that "ensuring human and civil rights and freedoms, a decent standard of living of the citizens of the Republic of Azerbaijan is the highest goal of the state" reflects the purpose of sovereignty. As stated in the second part of this

article, the application of human and civil rights and freedoms listed in the Constitution in accordance with international treaties to which the Republic of Azerbaijan (qanun.az) is a party also reflects the political course of the Republic of Azerbaijan in relation to international human rights obligations. (Rahimli S.M. 2019).

International instruments

a) United Nation Chapter II (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR)

b) European social charter

Economic rights and duties of states Article 1 Every State has the sovereign and inalienable right to choose its economic system as well as its political, social and cultural systems in accordance with the will of its people, without outside interference, coercion or threat in any form whatsoever. (UN CH/1 1974).

The extent to which individuals can claim legal protection of their economic, social, and cultural rights (ESCR) depends on which treaties have been ratified by their governments, given that the protections for ESCR vary significantly among the universal and regional human rights instruments. However, the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR) is the most comprehensive international treaty addressing this area of human rights law, and is also the most widely applicable. As of May 2018, 168 of the 193 United Nations Member States have ratified the ICESCR, implementation of which is monitored by the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR).

The European Social Charter of 1961 is the counterpart of the European Convention on Human Rights in the sphere of economic and social rights. The Charter of 1961 guarantees the enjoyment, without discrimination, of fundamental social and economic rights defined in the framework of a social policy that Parties undertake to pursue, by all appropriate means (Part I). (ESC 1965)

Of the rights guaranteed by the Charter, the right to work, the right to organize, the right to bargain collectively, the right to social security, the right to social and medical assistance, the right to the social, legal and economic protection of the family, and the right to protection and assistance for migrant workers and their families are regarded as particularly significant (Part II).

Constitutional principles of restriction of economic rights and freedoms.

In general, retreats from human rights are mainly related to emergencies. Restriction of some human rights is possible under certain conditions, only in case of emergency situations. The Law on State of Emergency also stipulates a relevant requirement; it means the restriction of human rights and freedoms for a certain period of time. The constitutions of most states allow for exceptional measures, such as the withdrawal of a number of international obligations during emergencies. In many countries' constitutions such as the Constitution of the Republic of Turkey (Article 13), the Constitution of the Federal Republic of Germany (Article 19), the Constitution of Switzerland (Article 36), the Constitution of Portugal (Article 18) and others, the restriction of the human rights and fundamental freedoms are considered. International standards have also been adopted in this area. For example, in its General Comment No. 29 of 24 July 2001, the Human Rights Committee sought to define the limits of action of States Parties in the event of an emergency. The law reflects the concept, purpose, grounds for application of the state of emergency, measures and restrictions taken during the application of the state of emergency. Unlike the law of the same title of 1992, the law of 2004, the purpose of application of the state of emergency is expanded and the protection of the rights and freedoms not only of citizens, but also of foreigners and stateless persons is expressed.

The Law of the Republic of Azerbaijan on State Emergency was adopted on June 8, 2004 as one of the measures to clarify the general provision on the state of emergency in the Constitution of the Republic of Azerbaijan. (www.qanun.az).

The Committee referred to the Turko (Abo) Declaration on Minimum Humanitarian Standards (1990), the Guidelines for

Internally Displaced Persons (1998), etc. recommends to take into account. These documents specify the criteria for restriction, the procedure of justification, the issue of proportionality. (UN 1990).

Taking into account the commitments arising from international law, the principles of restrictions (m.3.1-3.5) are defined in the Constitutional Law on the regulation of the implementation of human rights and freedoms in the Republic of Azerbaijan. These principles are given as follows:

(a) Human rights and freedoms provided in the Constitution of the Republic of Azerbaijan and international treaties to which the Republic of Azerbaijan is a party may be restricted only by law (Article 3.1);

(b) The law restricting human rights and freedoms must specify the limited right or freedom, as well as the relevant article of the Constitution of the Republic of Azerbaijan (Article 3.2);

(c) Restrictions on human rights or freedoms shall not change the substance of those rights and freedoms (art. 3.3);

(d) Restrictions on human rights or freedoms shall be directed and proportionate to the legal purpose provided in the Constitution of the Republic of Azerbaijan and this Constitutional Law (Article 3.4).

However, emergency measures must be in accordance with the principle of proportionality. Restriction must be in accordance with the principle of proportionality, while respecting the fundamental content of rights and freedoms. The principle of proportionality in relation to the restriction of the exercise of rights and freedoms means that no restriction may go beyond its intended purpose.

More heavy restrictive measures can only be allowed if soft measures are not effective. Issues such as which interests should be protected in the event of a restriction, the extent of the restriction, and the urgent social needs that the state seeks to provide must be addressed.

It is necessary to express the article as a whole in order to determine the appropriateness of the limitation of the relevant article.

The right to strike and the right to associate as a certain category of economic rights, are also may be restricted by law. For example, a restriction on the right to strike may be exercised only in the form set forth in the Constitution (Article 36.II). That is, the right to strike may be restricted only in cases specified in the Constitution and other legislative acts and in relation to the relevant persons, or the right to strike is not provided for certain persons from the point of view of national security of the relevant field.

One of the most important ideas of the concept of the rule of law is that the restriction on human rights must be regulated by law in any case, that is, in a hierarchical structure, not all normative acts that below the law can be used for this purpose. Only the law can define human rights, and only the law can provide a framework for the exercise of these rights. (MM/NA 2002).

The result

Thus, as indicated in the literature and international conventions that States are bound to ensure minimum human rights regardless of their resource constraints. Every government in the world has certain responsibilities regarding its citizens. How are these rights enforced? At the international level, the most effective enforcement mechanisms are international and/or regional conventions, treaties as mentioned in this article and in a domestic level is a state constitution that fully provides the most effective method for securing economic rights. The essence of human rights can help to clarify that economic and social principles are a moral necessity, and therefore it is clear that why they should be protected in national constitutions? The Constitution of the Republic of Azerbaijan occupies the most important and basic place among the sources of economic law.

The Constitution has a high legal force and forms the basis of the legislative system of our republic. All laws and other acts of state bodies shall be adopted on the basis of and in accordance with the Constitution of the Republic of Azerbaijan. The establishment of economic rights in the constitution is associated with the initial stage of development of socio-economic legislation

in modern times, although many problems remain unresolved. It is the constitutions that define the responsibility of the state in relation to these rights and the obligation that determines the system for ensuring the material basis of civil liberties. Thus, the Constitution of the Republic of Azerbaijan establishes economic rights as a separate, independent category of human rights and fundamental freedoms, and by establishing these rights on a constitutional basis, confirms their natural legal origin.

References

1. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: e-qanun.az.
2. Burnst Weston // American Journal of International Law. - Volume 75. - Issue 3. - July 1981. - P. 437-475. DOI: <https://doi.org/10.2307/2200684>.
3. Charter of Economic Rights and Duties of States GA Res. 3281(XXIX), UN GAOR, 29th Sess., Supp. № 31. (1974) 50.
4. Ələsgərov F. M. Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası və insan hüquqları. İnsan hüquqlar. Bulletin 1. - Bakı, 1998. - S. 29-31.
5. Əliyev Ə. İ. İnsan hüquqları. Dərslik. - Bakı: "Hüquq ədəbiyyatı", 2013. - 506 s.
6. Əliyev Ə. İ. İnsan hüquqlarının beynəlxalq hüquqi müdafiəsi. Dərslik. - Bakı: NAT-CO MMC, 2009. - 490 s.
7. European Social Charter Reference (ESC 1965) ETS № 035. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/035>.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ijrcenter.org/thematic-research-guides/economic-social-and-cultural-rights-2/>
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tbinternet.ohchr.org>.
10. İkinci çağırış Azərbaycan Respublikası Milli Məclisi iclaslarının protokolları və stenoqramları. Altıncı sessiya, yaz 2002. 13-cü cild. 3-31 may 2002-ci il. - Bakı, 2002. - S. 416.
11. İnsan hüquqları: parlament üzvləri üçün vəsait. BMT-nin İnsan hüquqları üzrə Ali Komissarlığı, 2005. - 232 s.
12. İnsan hüquqları: parlament üzvləri üçün vəsait. BMT-nin İnsan hüquqları üzrə Ali Komissarlığı, 2005. - 232 s.
13. Provost R. Reciprocity in Human Rights and Humanitarian Law // The British Yearbook of International Law. - 1994. - Vol. 65. - P. 453.
14. Qasimov A. M. Əmək hüququ. Dərslik. - Bakı, "Adiloğlu", 2007. - 560 s.
15. Rəhimli S. M. İnsan hüquqları komitəsi: nəzəri və praktiki problemlər. Dərs vəsaiti. - Bakı: "Bakı Universiteti Nəşriyyatı", 2019. - 424 s.
16. Sadiqov Ə. İ. Beynəlxalq İqtisadi hüquq. - Bakı: Bakı universiteti nəşriyyatı, 2008. - 396 s.
17. Türk Anayasa hukuku mevzuatı. Editor Doç.Dr. Erdal Abdullhakimoğulları. - Ankara, Adalet Yayınevi, 2011. - 587 s.
18. UN Minimum Humanitarian Standards. Turku Declaration. UN. Doc.E/CN.4/Sub.2/1991/55/December 2, 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org>.
19. Гусейнов Л.Г. Конституция Азербайджанской Республики, права человека и международное право // Веунəlxalq hüquq. - 1998. - № 1. - С. 16-46.
20. Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева. - М.: Норма, 2007. - 464 с.
21. Права человека. Учебник для вузов. Под ред. Е.А. Лукашевой. - М.: Норма, 2003. - 573 с.
22. Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие. - М.: Права человека, 1996. - С. 97.

СЫПЧЕНКО Алла Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

СТАЦЕНКО Анастасия Игоревна

студент 5 курса Самарского юридического института ФСИИ России

ПРАВОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ОТКАЗА ГОСУДАРСТВА ОТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье раскрыто понятие «международное сотрудничество», приведены виды прекращения членства в международных организациях, проиллюстрированные примерами. Выделены причины отказа от дальнейшего сотрудничества с европейским сообществом и проанализированы последствия выхода государств из международных организаций. Проанализирован опыт других стран, которые вышли или не состояли вовсе в Европейском союзе. Сформулированы предложения по урегулированию дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Российская Федерация, прекращение членства, Европейский союз, Международная ассоциация прокуроров, SWIFT.

SYRCHENKO Alla Viktorovna

Ph.D. in historical sciences, professor of Professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

STATSENKO Anastasiya Igorevna

student of the 5th course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

LEGAL INTERPRETATION OF THE POSSIBLE CONSEQUENCES OF THE STATE'S REFUSAL FROM INTERNATIONAL COOPERATION IN THE CONTEXT OF MODERN MILITARY TRANSFORMATIONS

The article reveals the concept of «international cooperation», gives the types of termination of membership in international organizations, illustrated by examples. The reasons for the refusal of further cooperation with the European community are highlighted and the consequences of the withdrawal of states from international organizations are analyzed. The experience of other countries that left or were not members of the European Union at all is analyzed. Proposals were formulated to regulate further cooperation.

Keywords: international cooperation, Russian Federation, termination of membership, European Union, International Association of Prosecutors, SWIFT.

В настоящее время все современные государства состоят в определенных международных взаимоотношениях. В рамках международного общения в силу различных факторов возникают определенные по своей активности контакты. Наиболее тесное международное взаимодействие, как правило, перерастает в сотрудничество, которое направлено на решение общих целей и задач. В связи с этим полагаем необходимым подчеркнуть значимость сущности термина «международное сотрудничество» в его теоретическом и правовом контексте.

Международное сотрудничество — это совместная деятельность двух или более стран в каких-либо международных проектах: научных, политических, социальных, промышленных, спортивных, охраны окружающей среды и т.д.

В современном мире важнейшим проявлением интеграционного процесса является развитие транснациональных организаций (международных неправительственных организаций). Они объединяют людей на базе профессиональных и иных интересов, а не на основе государственных структур. В контексте деятельности данных организаций встает вопрос о том, что механизм межгосударственного сотрудничества может быть более эффективным, чем в настоящее время. В то же время, на уровне ряда государств возрастает стремление обсуждения тем, касающихся всего мира в целом - таких, как недопущение войны, терроризма, преступности, сохранение экологии. Поставленные задачи широко обсуждаются на различных конференциях. В результате создаются дополнительные инфраструктуры, способствующие реализации сотрудничества в этих областях.

Примерами подобного сотрудничества являются такие организации как Всемирный фонд дикой природы, Международный олимпийский комитет, Европейская организация по ядерным исследованиям, Группа государств по борьбе с коррупцией, Европейский Союз и т.д.

Отметим, что в процессе совместной деятельности имеется возможность возникновения противоречий и недопониманий в период обсуждения проблем. В результате достичь консенсуса не получается, встает вопрос о разрыве дипломатических отношений.

Один из ряда способов прекращения членства государства в международной организации представляет собой выход из ее состава на добровольной основе. Данная норма содержится в уставе или же в договоре каждой международной организации. Основанием одностороннего выхода является принцип суверенного равенства государств, в соответствии с которым любое государство имеет право свободно определять целесообразность пребывания в том или ином союзе.

В качестве примера можно привести действия Генпрокурора РФ Игоря Краснова, направившего письмо Генеральному секретарю Международной ассоциации прокуроров (далее - МАП) Хану Мораалу, в котором описал причины выхода из ассоциации: «Повсеместно, в том числе в СМИ западных стран, мы наблюдаем унижения и преследования всех русскоговорящих, при этом проявления ксенофобии и расизма культивируются при молчании со стороны МАП. При таких обстоятельствах, Генеральная прокуратура РФ не имеет морального права далее сохранять членство в МАП» [1].

Также существуют и другие варианты прекращения членства в международных организациях:

– автоматический выход, когда прекращение членства в одной организации автоматически приводит к выбыванию из другой, тесно связанной с ней организацией. По заявлению TASS, на 10 марта 2022 года «после начала специальной операции в Украине комитет министров Совета Европы приостановил право России на представительство. Спустя почти две недели МИД РФ сообщил о готовности страны выйти из объединения. Выход из ЕС предполагает одновременную денонсацию его устава и Европейской конвенции по правам человека, следовательно, и отмену возможности обращаться в ЕСПЧ для россиян» [2];

– исключение против воли участника, когда прекращение членства применяется в качестве санкции и в целях защиты интересов самой организации. С отсылкой на источник RIA «12 марта 2022 года от SWIFT были отключены семь российских банков, попавших под санкции» [3].

Отказ Российской Федерации сотрудничать с европейским сообществом связан с ответом на санкции, русофобию и непосредственную экспансию НАТО против мирового сообщества. Это было отмечено на Мюнхенской конференции по безопасности Президентом России В.В. Путиным [4]. Противоположная сторона – «недружественные страны» – объявили бойкот России, выражаемый в ограничениях на торговлю, предоставлении услуг и ограничение или отмену партнерских отношений.

Разбираясь с причинами напряженных отношений между Россией и европейским сообществом, можно отметить такие важные события, как обвинение в сотрудничестве с Ираном в ракетной и ядерной областях, Северный поток -2» и «Турецкий поток», украинский конфликт, в ходе которого был присоединен Крым, а также спецоперация по «демилитаризации» и «денацификации» Украины. Российские политики заявляли на протяжении восьми лет о необходимости решения ситуации ЛНР и ДНР мирными средствами. Однако усилия российских политиков были напрасными. Столкновение стало неизбежным, так как Украина заявила о намерении вступить в НАТО и о создании ядерного оружия [5]. В настоящее время Украине оказывается всесторонняя помощь и достаточное покровительство другими странами, начиная с предоставления военной техники, оружия, солдат до вступления в ЕС, НАТО по ускоренной программе [6].

Чем же грозит выход из Европейского Союза и сможет ли страна пережить это? «Выход из ЕС подразумевает и выход из всех его механизмов, то есть из Европейской конвенции по правам человека и правом обращения в ЕСПЧ», – заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков. Вместе с тем, он подчеркнул, что «как альтернатива в стране существуют национальные законы, суды общей юрисдикции и в конце концов Конституционный суд». Возникает также вопрос об отмене моратория на смертную казнь. Россия подписала протокол №6 к Европейской конвенции о защите прав человека, вследствие чего в стране вступил в действие мораторий на применение смертной казни. Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Андрей Клишас разъясняет: «этот мораторий носит бессрочный характер, и он не связан с нашим пребыванием в Совете Европы, потому что Россия – суверенное государство, Конституционный суд РФ сам определяет все вопросы, связанные с публичным порядком».

Вместе с тем, необходимо обратить внимание и на то, что имеются страны, которые сознательно отказались от членства в ЕС. Это Великобритания, которая в 2020 году официально вышла из состава ЕС. Данное решение достаточно обоснованное, так как британцам надоело платить немалые взносы за членство в организации, которая постепенно лишала их национального контроля со стороны правительства во всех сферах жизни, бесчисленные законы и правила, которые тормозили развитие бизнеса, большое количество мигрантов, и главная причина – это опасения

по поводу расширения полномочий Евросоюза. Выйдя из союза, Великобритания потеряла право голоса в рамках данного объединения, возможность ведения торговли по единой европейской валюте и их каналы. Лондон планирует заключить ряд соглашений, которые восполнят дисбаланс сотрудничества с европейскими странами по вопросам торговли.

Также следует отметить, что такие страны как Норвегия, Исландия, Швейцария, Ватикан не состоят в ЕС. Это обусловлено тем, что для них характерен достаточно высокий уровень экспорта морепродуктов, газа, нефти. Некоторые из них и вовсе аполитичны. В совокупности это ведет к ограничению квотами Еврокомиссии [7].

Следует также подчеркнуть, что не вошедшие в Евросоюз страны не станут вступать в него, в целях сохранения национальной независимости и интересов.

Таким образом, выход из международных организаций не является провальным, так как имеются альтернативные варианты на национальном уровне. А на международном уровне у России имеются широкие возможности получить союзников и партнеров на Востоке, и заключить с ними соглашения. Выход из Европейского Союза не является напрямую связанным с решением вопроса об отмене моратория на смертную казнь, так как Российская Федерация является суверенным государством и самостоятельно решает все вопросы, связанные с правопорядком и законностью в стране.

Пристатейный библиографический список

1. Генпрокуратура России выходит из Международной ассоциации прокуроров // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/14153423?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 01.04.2022).
2. Россия покидает Совет Европы. Что это значит и из-за чего было принято такое решение // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/14026531> (дата обращения: 01.04.2022).
3. Система SWIFT: что это такое, зачем нужна и как работает в России // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220322/swift-1779501337.html> (дата обращения: 01.04.2022).
4. Мюнхенская речь Владимира Путина (2007) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220210/rech-1771685462.html> (дата обращения: 01.04.2022).
5. Спецоперация по защите Донбасса: хронология событий // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ren.tv/news/v-mire/943367-spetsoperatsiia-po-zashchite-donbassa-khronologiya-sobytiy> (дата обращения: 01.04.2022).
6. Что Россия должна сделать с Украиной // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220403/ukraina-1781469605.html> (дата обращения: 01.04.2022).
7. Швейцария и Норвегия: почему некоторые европейские страны не входят в ЕС // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/45395352/?utm_content=news_media&utm_medium=re_ad_more&utm_source=copylink (дата обращения: 01.04.2022).

ЧЭНЬ Цимэн

аспирант МГИМО (У) МИД России

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В АНТАРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

В настоящее время система Договора об Антарктике, как и международная система морского права, имеют свои собственные положения об охране окружающей среды Антарктики. А некоторые положения противоречивы и даже противоположны друг другу. Эти несоответствия могут легко привести к неопределенности и путанице законов и правил охраны окружающей среды Антарктики, что значительно снижает защитный эффект. Кроме того, в настоящее время отсутствуют специализированные учреждения, ответственные за выполнение конкретных правил охраны окружающей среды. В настоящее время в международном праве отсутствует соответствующий компетентный орган, отвечающий за охрану окружающей среды Антарктики, отсутствуют субъекты принятия решений и надзора, так что правовые нормы носят формальный характер, реализация эффекта не является удовлетворительной. Это представляет собой самое большое препятствие в осуществлении законов и правил охраны окружающей среды Антарктики. Обязательства государств-участников по охране окружающей среды неясны. В настоящее время не существует подробного международного положения об обязательствах государств-участников по охране окружающей среды Антарктики, что также приводит к легкому уклонению между государствами-участниками в случае экологической аварии. Это значительно снижает интенсивность охраны окружающей среды. Изучение проблемы способствует дальнейшему развитию Договора об Антарктике.

Ключевые слова: Договора об Антарктике, КСДА, право, Антарктика, система.

CHEN Qi men

postgraduate student of the MGIMO (U) of the MIA of Russia

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE ANTARCTIC REGION

At present, both the Antarctic Treaty system and the international system of maritime law have their own provisions for protection of Antarctic environment. And some of the provisions are contradictory and even opposite to each other. These inconsistencies can easily lead to uncertainty and confusion of Antarctic environmental protection laws and regulations, which significantly reduces the protective effect. In addition, there are currently no specialized agencies responsible for implementing specific environmental protection rules. At present, there is no appropriate competent body in international law responsible for the protection of the Antarctic environment, and the lack of decision-making and supervisory subjects, so that the legal rules are formal in nature, the realization of the effect is not satisfactory. This represents the greatest obstacle in the implementation of Antarctic environmental protection laws and regulations. The obligations of the member states to protect the environment are unclear. There is currently no detailed international provision on the obligations of the participating states to protect the Antarctic environment, which also leads to easy evasion between the participating states in the event of an environmental accident. This significantly reduces the intensity of environmental protection. The study of the problem contributes to the further development of the Antarctic Treaty.

Keywords: Antarctic Treaty, ATCM, law, Antarctica, system.

После вспышки эпидемии пневмонии COVID-19 она быстро переросла в глобальный кризис общественного здравоохранения, который не только представляет огромную угрозу безопасности жизни и физического здоровья людей, но и наносит серьезный ущерб мировой экономике. Существующая глобальная система управления медленно реагирует на эпидемию, частично дает сбой и ограничивает эффективность управления. Международные организации имеют недостаточную реакцию. Руководство супердержавами, сотрудничество между супердержавами стали более трудными, не отражая руководящей роли. Решить такие проблемы – задача сложнейшая, требующая объединения усилий всего человеческого общества. Антарктика подвержена антропогенной деятельностью регионом и экосистемой в целом. Коронавирус достиг антарктического континента. Чилийская армия сообщила о 36 случаях заболевания на своей исследовательской станции Бернардо О'Хиггинс на Антарктическом полуострове [1]. Ценность Антарктики не может быть умалена – она богата огромным количеством ресурсов, в частности, живых. Однако если антропогенная деятельность продолжит осуществляться в крупных неконтролируемых масштабах,

уникальная экосистема и ее обитатели совсем скоро могут быть утеряны навсегда. Антарктида, расположенная на самой южной оконечности Земли, играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития мировой экономики и человеческого общества. В настоящее время во многих странах мира проводятся многочисленные исследования по естественным наукам в антарктическом регионе, но соответствующих исследований в области гуманитарных и социальных наук, особенно в области права, явно недостаточно.

«Договор об Антарктике» отложил в долгий ящик и заморозил претензии на территориальный суверенитет. Поэтому в рамках Договора об Антарктике страны начали менять свое мышление и больше не выдвигали прямых претензий на территориальный суверенитет, а усилили свое существенное присутствие в Антарктиде путем создания исследовательских станций в Антарктике и разграничения охраняемых территорий. В то же время богатые природные ресурсы Антарктиды вызвали попытки стран разрабатывать и использовать их. В 1970-х люди стремились ужесточить контроль за такой деятельностью. С тех пор соответствующие страны совместно сформулировали Согласованные меры по сохра-

нению фауны и флоры Антарктики (1964) (вступили в силу в 1982); Конвенция о сохранении антарктических тюленей 1972 г. (вступила в силу в 1978 г.); и Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г. (вступила в силу в 1982 г.). С тех пор Комитет по сохранению морских живых ресурсов Антарктики, созданный в соответствии с Конвенцией, принял ряд природоохранных мер, которые в совокупности образуют положения о деятельности морских живых ресурсов Антарктики. Существует три основных метода управления: Во-первых, Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики сформулировала множество правил рыболовства, касающихся соблюдения требований, представления данных, рыболовных снастей, промыслового сезона, защиты конкретных видов рыб и т.д.; Во-вторых, создать систему инспекций, в соответствии с которой каждый член Комитета по сохранению морских живых ресурсов Антарктики может назначать своих граждан, соответствующих определенным условиям, в качестве инспекторов и осуществлять инспекционную деятельность в области рыболовства; В-третьих, создать специальные морские охраняемые территории. В 2009 и 2016 годах Комиссия по сохранению создала Морской заповедник Южных Оркнейских островов и Морской заповедник региона моря Росса соответственно.

В 1970-х и 1980-х годах международное сообщество обратило внимание на разработку ресурсов Антарктики и управление ими. В частности, принятие Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г. (не вступила в силу). Но именно принятие этой конвенции и серьезная обеспокоенность экологическими рисками привели к ожесточенной оппозиции конвенции еще до ее вступления в силу. В конечном итоге он был заменен Протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г. (Мадридский протокол, подписан в 1991, вступил в силу в 1997). Принятие протокола и пяти приложений к нему ознаменовало смещение акцента правового регулирования Антарктики с регулирования разработки и использования на всестороннюю охрану окружающей среды. «Экологический принцип» стал одним из важнейших принципов правового регулирования Антарктики. В настоящее время роль антарктической правовой системы в защите окружающей среды Антарктики весьма очевидна, но в ней есть много проблем и лазеек.

В связи с непрерывным развитием системы Договора об Антарктике сложность антарктических вопросов продолжает возрастать. Недостатки правовой системы Антарктики влияют на международное управление антарктическим континентом системой Договора об Антарктике. Недостатки системы Договора об Антарктике и его правовой системы в основном проявляются в отсутствии исполнительного органа, дефектах правил процедуры и отсутствии обязательной силы для третьих сторон [2].

Как известно, в Антарктиде нет суверенных государств. Юрисдикция по делам Антарктики осуществляется коллективно Консультативной конференцией по Договору об Антарктике. В результате нет прямого санкционирующего органа и сильного правоприменительного органа. Договор об Антарктике принимает принцип единогласия в качестве своих правил процедуры, что делает невозможным введение немедленных санкций за нарушения. Более того, система Договора об Антарктике не имеет юрисдикции в отношении третьих сторон и только может быть доведена до сведения третьих сторон [3]. Это очень неблагоприятно для защиты окружающей среды Антарктики.

Антарктический регион в юридическом смысле охватывает не только континентальную часть, но и морскую область, окружающую континент. В результате, помимо регулирования Системой Договора об Антарктике, Антарктический регион также находится под контролем международного морского права, в частности Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву [4]. Автор подчеркивает противоречие между ними, главным образом ссылаясь на влияние формирующегося режима морского права Организации Объединенных Наций на Систему Договора об Антарктике. Новый режим неизбежно приведет к появлению новых прав и обязанностей, особенно в области морских ресурсов [5]. Хотя ряд юрисдикций морских районов непосредственно не обеспечивают охрану окружающей среды Антарктики, их определение, сфера охвата и осуществление прав тесно связаны с освоением ресурсов, управлением их сохранением и т.д. Это имеет решающее значение для реализации экологической ответственности. В соответствии с положениями различных Договоров государства-участники могут осуществлять различную антарктическую деятельность, которая непосредственно будет иметь различное воздействие на окружающую среду. Как Система Договора об Антарктике, так и международная система морского права имеют свои собственные положения об охране окружающей среды Антарктики. А некоторые положения противоречивы и даже противоположны друг другу [6]. Эти несоответствия могут легко привести к неопределенности и путанице законов и правил охраны окружающей среды Антарктики, что значительно снижает защитный эффект.

Кроме того, в настоящее время отсутствуют специализированные учреждения, ответственные за выполнение конкретных правил охраны окружающей среды. В настоящее время в международном праве отсутствует соответствующий компетентный орган, отвечающий за охрану окружающей среды Антарктики, а отсутствие субъектов принятия решений и надзора, так что правовые нормы носят формальный характер, реализация эффекта не является удовлетворительной. Это представляет собой самое большое препятствие в осуществлении законов и правил охраны окружающей среды Антарктики. Обязательство государств - участников по охране окружающей среды неясно. В настоящее время не существует подробного международного положения об обязательствах государств-участников по охране окружающей среды Антарктики, что также приводит к легкому уклонению между государствами-участниками в случае экологической аварии. Это значительно снижает интенсивность охраны окружающей среды [7].

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/22/koronavirus-dostig-antarktity.html>
2. 郭培清、石伟华. 南极政治问题的多角度探讨. 海洋出版社, 2012年, p29.
3. 郭培清、石伟华. 南极政治问题的多角度探讨. 海洋出版社, 2012年, p30.
4. 郭培清、石伟华. 南极政治问题的多角度探讨. 海洋出版社, 2012年, p27.
5. 凌晓良、温家洪等. 南极环境与环境保护问题研究. 海洋开发与管理. 2005年.
6. 郭培清、石伟华. 南极政治问题的多角度探讨. 海洋出版社, 2012年, p28.
7. 丁煌等. 极地治理与中国参与. 北京: 科学出版社, 2018年.

ЯН Хайдань

аспирант Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННОСТИ НОРМ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Вопросы о согласованности коллизионных норм в международном праве с целью правильности их применения правоприменительными органами (вне зависимости от страны) при принятии решения в споре являются весьма актуальными на протяжении последних ста лет. Поэтому единство коллизионных норм рассматривается правоведами в качестве критерия, удовлетворяющего высшим целям права – осуществлению справедливости в различных сферах общественных отношений. Коллизионность частноправовых норм российского и китайского законодательства также не лишена проблем. Так, например, не определены критерии тесной связи права, подлежащего применению, с гражданским правоотношением. Отсюда возникает невозможность определения применимого права в случае, если объем прав и обязанностей китайской и российской стороны по договору будет примерно одинаков, более того, каждая из сторон правоотношения так или иначе будет стараться сместить выбор места разрешения спора в свою сторону. Сложности касаются и правильности применения китайскими судами доктрины «*forum non conveniens*», так как суды стараются выйти из-под сферы ее действия каждый раз, когда в гражданском правоотношении появляются даже косвенно связанное с делом китайское юридическое или физическое лицо. Вместе с тем механизм, позволяющий решить отдельные проблемы коллизионности норм китайского и российского частного права, все же существует – сторонам при разрешении спора необходимо ориентироваться на ту юрисдикцию, в которой будет происходить приведение в исполнение судебного решения, а не на ту юрисдикцию, где будет проще осуществить защиту своих прав.

Ключевые слова: китайское законодательство; российское законодательство; частноправовые нормы; коллизионность норм; *forum non conveniens*; отношения, осложненные иностранным элементом.

YANG Haidan

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

PROBLEMS OF CONFLICT OF LAWS OF CHINESE AND RUSSIAN PRIVATE LAW AND PROSPECTS FOR THEIR SOLUTION

Questions about the consistency of conflict of laws rules in international law, with a view to their correct application by law enforcement agencies (regardless of the country) when making a decision in a dispute have been very relevant over the past hundred years. Therefore, the unity of conflict of laws norms is considered by jurists as a criterion satisfying the highest goals of law – the realization of justice in various spheres of public relations. The conflict of private law norms of Russian and Chinese legislation is also not without problems. For example, the criteria for the close connection of the law to be applied with the civil legal relationship are not defined. Hence, it becomes impossible to determine the applicable law if the scope of the rights and obligations of both the Chinese and the Russian parties under the contract is approximately the same, moreover, each of the parties to the legal relationship, one way or another, will try to shift the choice of the place of dispute resolution to its side. Difficulties also concern the correctness of the application by Chinese courts of the “*forum non conveniens*” doctrine, which try to get out of the scope of its operation every time a Chinese legal entity or individual appears in a civil legal relationship, even indirectly related to the case. At the same time, there is still a mechanism to solve the hotel problems of the conflict of laws of Chinese and Russian private law – when resolving a dispute, the parties need to focus on the jurisdiction in which the enforcement of the judgment will take place, and not on the jurisdiction where it will be easier to protect their rights.

Keywords: Chinese legislation, Russian legislation, private law norms, conflict of laws norms, *forum non conveniens*, relations complicated by a foreign element.

В правовой доктрине вопросы коллизионности норм международного частного права является весьма актуальными на протяжении уже не одного столетия. Так, например, еще в начале прошлого века российские и западные цивилисты сходились во мнении о том, что международное частное право необходимо рассматривать как коллизионное право [1], [2], [3]. При этом российский юрист, специалист в области международного частного права М.И. Брун и вовсе указывал на то, что совокупность коллизионных (конфликтных) норм это и есть международное частное право [4]. В обоснование своей позиции М.И. Брун приводил тот факт, что смысл международного частного права сводится больше не к установлению общих для всех стран правил, а к разрешению коллизий между нормами гражданских правопорядков (норм законодательства), «не считаясь с тем, действуют ли эти правопорядки каждый в

отдельном государстве, или несколько в одном государстве, или один в нескольких государствах» [4]. С вышеприведенной позицией трудно не согласиться, поскольку основной круг проблем в области международного частного права обусловлен именно несогласованностью норм различных законодательств в части того, право какой страны следует применять и при каких обстоятельствах.

Этимологически категория «коллизия» произошла от латинского слова «*collisio*», обозначающего столкновение. При этом такое столкновение касается всего – противоположных сил, взглядов, интересов и т.д. Интересно отметить тот факт, что в российском праве категория «коллизия» употреблялась исключительно в контексте международного частного права, и только с развитием правовой науки стала применяться как категория, обозначающая несогласованность норм национального законодательства.

Несмотря на то, что прошло уже более ста лет с момента того, как впервые М.И. Брун описал свое понимание международного частного права, вопросы коллизионности норм международного частного права являются актуальными и в настоящее время, поскольку до сих пор так и не придумано эффективного механизма, позволяющего прийти к однообразию коллизионных норм во всех странах.

В контексте настоящей статьи научный интерес представляет проблематика коллизионности норм китайского и российского частного права. Вопросы разрешения правовых коллизий между китайским обществом и иными государствами в китайском праве начитывают многовековую историю. Так, в 600-700 годах нашей эры, когда древний Китай находился во власти династии Тан, уже существовали правила разрешения правовых коллизий в международном праве, зафиксированные в письменных источниках. Как отмечается в специализированной литературе, в танских письменных источниках можно найти самые ранние китайские коллизионные нормы права, касающиеся иностранцев – если иностранцы из одной страны оскорбляют друг друга, то к ним применяется их собственный закон; если иностранцы из разных стран оскорбляют друг друга, то применяется наш закон [5]. Иными словами, первое китайское законодательное правило разрешения коллизий было сформулировано по вопросу применения права к иностранцам следующим образом – если возникают проблемы между иностранцами из одного государства, то такие проблемы они решают по своим законам (законам государства, чьими гражданами они являются), если же завязался спор между иностранцами из разных стран, то применению подлежат нормы законодательства китайского. Последнее правило (о применении норм китайского законодательства для иностранцев из разных стран) видится весьма справедливым для того времени, поскольку не дает приоритет ни одному из иностранцев, определяя право разрешения споров правом места возникновения конфликта. При этом Древнем Китае люди обычно разрешали свои споры с помощью альтернативного механизма разрешения споров, такого, как посредничество или примирение под председательством их заслуживающих доверия старейшин, из-за конфуцианства, которое подчеркивало идеал мирного общества.

На вопросах же разрешения споров между лицами, являющимися гражданами или юридическими лицами китайского государства и иностранцами, стали в большей степени акцентировать внимание лишь тогда, когда уже современный Китай встал на путь реформ открытости, расширяя и укрепляя контакты с мировыми странами в различных областях права – уголовном, семейном, гражданском, интеллектуальном и пр. С началом проведения реформ открытости одним из наиболее важных нововведений для китайской системы коллизионного права стала возможность установления принципа тесной связи применимого права и самого правоотношения, согласно которому применимое право для гражданских правоотношений с иностранцами должно иметь самую тесную связь с этим правоотношением.

Так, например, ст. 2 Закона Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным

гражданско-правовым отношениям от 28.10.2010 года¹ содержит указание на то, что право, применимое к трансграничным гражданским правоотношениям, определяется согласно этому закону. Если другие законы содержат специальные положения о применении права к гражданским правоотношениям, выходящим за пределы одного государства, действуют эти положения. Если этот закон и другие законы не содержат положения о праве, применимом к транснациональным гражданско-правовым отношениям, применяется право, которое имеет наиболее тесную связь с этим гражданским правоотношением.

Иными словами, согласно положению китайского законодательства к отношениям, осложненным иностранным элементом, применяется местное (китайское законодательство) за исключением того случая, если само правоотношение более тесно связано с правом другой страны. На практике применение этого законодательного положения затруднительно, поскольку китайские суды, например, если стороны не определили право, будут стремиться к рассмотрению спора в Китае, если одна из сторон договора будет китайской² [6], [8]. Кроме того, общую проблему коллизионности китайского частного права осложняет и проблема наличия межобластных правовых коллизий современного Китая, заключающаяся в коллизионности правовых систем права материкового Китая, Гонконга, Макао и Тайваня [7], [8].

Теперь акцентируем внимание на нормах российского гражданского законодательства в части выбора правоприменения. По общему правилу ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) выбор права в отношениях, осложненных иностранным элементом, осуществляется на основании международных договоров Российской Федерации, положений пп. 2 и 3 ст. 1186 ГК РФ и обычаев, признаваемых в Российской Федерации.

Согласно пп. 2 и 3 ст. 1186 ГК РФ если применимое право невозможно определить, то применению подлежит право той страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано, если же соответствующие правила правоприменения закреплены в международном договоре, то определение выбора применимого к правоотношениям права на основе коллизионных норм исключается. Таким образом, можно констатировать наличие некой схожести в подходах китайского и российского права в части ориентации на принцип тесной связи применимого права и самого правоотношения. В этой связи актуальным является вопрос о том, каковы же критерии тесной связи права, подлежащего применению, и страны с гражданским правоотношением. Так, если объем прав обязанностей и китайской, и российской стороны по договору будет при-

1 Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям (Принят 28.10.2010 на 17 заседании Постоянного комитета 11 Национального Народного Конгресса). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/Китай2010.pdf> (дата обращения: 21.05.2022).

2 Forum Non Conveniens Applied for the First Time in SPC's Recent Case. // Forum Non Conveniens Applied for the First Time in SPC's Recent Case - China Justice Observer (дата обращения: 21.05.2022).

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 49. - Ст. 4552.

мерно одинаков, то идентифицировать подлежащее применению право будет весьма проблематично, более того, каждая из сторон правоотношения так или иначе будет стараться сместить выбор места разрешения спора в свою сторону.

Вместе с тем неверный выбор места разрешения спора может не только удлинить процесс исполнения судебного решения, но и сделать исполнение невозможным вовсе даже несмотря на то, что одной из сторон на первоначальном этапе будет проще ориентироваться в национальных правоприменительных органах. Отсюда возникает вопрос о том, каково объективное решение проблемы коллизии норм российского и китайского частного права.

Как уже было отмечено ранее, при решении места выбора спора или содержания арбитражной оговорки, стороны традиционно стараются выбрать для себя наиболее комфортное место рассмотрения спора – национальную юрисдикцию. Такая позиция свойственна как для китайских, так и для российских участников гражданско-правовых отношений. Обусловлено это предсказуемостью национальных судебных инстанций с позиции правоприменительной практики, а также отсутствием языковых и законодательных барьеров. Вместе с тем, при выборе места рассмотрения спора стороны должны в большей степени быть ориентированы не на простоту судебного процесса или язык судопроизводства, а на эффективность исполнения судебного решения, которая, как видится, будет зависеть от специфики спора. При этом совершенно очевидно, что в одних случаях выбор места спора (при отсутствии арбитражной оговорки) в пользу национальной юрисдикции будет фактором, который сделает исполнение решения невозможным.

Российские практикующие юристы скептически относятся к рассмотрению споров в китайских судах, акцентируя внимание на проблеме коллизии правовых систем права материкового Китая, Гонконга, Макао и Тайваня, а также нежеланием китайских судов вникать в суть проблемы. Вышеобозначенные проблемы действительно характерны для китайского права и судопроизводства. Общеизвестным является тот факт, что в течение длительного времени китайские судьи недостаточно хорошо ориентировались в установлении иностранного права и привыкли отказывать в его применении на основании неспособности его толковать. В настоящее время ситуация меняется: Верховный народный суд Китая с 2015 года ввел политику повсеместного рассмотрения споров с необходимостью применения иностранного права. Смысл новой политики правоприменения сводится к тому, чтобы мировое сообщество имело серьезное отношение к китайским судам и желало обращаться в китайские суды зная, что китайские судьи будут применять иностранное право ровно также, как применяют свое (китайское) право.

В январе 2015 года 4-е гражданское подразделение Верховного народного суда Китая и Китайский университет политических наук и права совместно создали Институт для изучения иностранного права. В сентябре 2015 года в Шэньчжэне был создан Китайский институт изучения иностранного права, база Верховного народного суда Китая для изучения права Гонконга, Макао, Тайваня и иностранного права, а также база Верховного народного суда

Китая для изучения права Гонконга, Макао, Тайваня и иностранного права. С начала 2018 года в созданных институтах приступили к активному изучению права тех стран, с которыми у Китая установлены наиболее тесные торговые отношения с целью повышения международного авторитета судебной системы Китая и получением правовой среды с международными конкурентными преимуществами.

Результатами такого тотального изучения иностранного права для китайских судебных органов стало совершенствование судопроизводства по спорам с иностранным элементом, а также принятие в 2022 году новой судебной политики по исполнению иностранных судебных решений, положившей окончание практике отказа в признании Китаем судебных решений иностранных государств по формальным основаниям, таким, как отсутствие должного уведомления суда⁴.

В определенных обстоятельствах китайские суды могут отклонить дело на основании «*forum non conveniens*» и сообщить истцу, чтобы он подал иск в более удобный для правоприменения иностранный суд. Однако, делают это не очень охотно. При этом применение доктрины «*forum non conveniens*» имеет большое значение для международного гражданского судопроизводства, поскольку позволяет решить не только проблему правоприменения, но и проблему параллельных судебных разбирательств. Доктрина «*forum non conveniens*» предполагает необходимость полной защиты: судебного суверенитета и национальных интересов, общественных интересов, общественного порядка и обычаев, а также уважения и законного применения ее положений к экстерриториальным судебным решениям (приказам) или параллельным судебным разбирательствам в области частного права. В контексте тематики настоящего исследования применение «*forum non conveniens*» китайскими судами является идеальным механизмом решения проблем коллизии норм китайского и российского права, а также тех вопросов коллизии, которые сопряжены с выбором критериев, определяющих тесную связь права, подлежащего применению, с правоотношением.

Вместе с тем, в Китае случаи применения доктрины «*forum non conveniens*» единичны. Китайские суды редко отклоняли дело по основаниям, предусмотренным доктриной. В большинстве случаев, пока один из истцов является гражданином Китая или юридическим лицом, зарегистрированным в Китае, китайские суды будут рассматривать дело, не соответствующее доктрине «*forum non conveniens*», и, таким образом, осуществлять юрисдикцию по этому делу. Таким образом, вопрос о том, есть ли среди сторон правоотношений граждане или юридические лица, для решения вопроса о применении или неприменении «*forum non conveniens*» является для китайских судов основным вопросом.

Зная такую специфику китайского судопроизводства, недобросовестные контрагенты намеренно включают китайских граждан и компании, зарегистрированные в Ки-

4 How Chinese Courts Determine Reciprocity in Foreign Judgment Enforcement - Breakthrough for Collecting Judgments in China Series (III) // How Chinese Courts Determine Reciprocity in Foreign Judgment Enforcement - Breakthrough for Collecting Judgments in China Series (III) - China Justice Observer (дата обращения: 21.05.2022).

тае, косвенно связанные с делом, в число контрагентов, тем самым заставляя китайский суд рассматривать дело, игнорируя доктрину «forum non conveniens». Отсюда получается, что для китайских судов сейчас единственным критерием применения «forum non conveniens» преимущественно является определение факта того, является ли кто-то из сторон договора китайским физическим или юридическим лицом, зарегистрированным в Китае.

На момент 2022 года китайскими судами рассмотрено только два дела и принято решение в строгом соответствии с доктриной «forum non conveniens»: дело Grace Young International Ltd. против Seoil Agency Co. Ltd., в котором не участвуют китайские граждане и компании, и дело WONG ChungShing против Wong Chunho, где участниками хоть и являются китайские граждане, но исходя из специфики дела китайское право к правоотношениям применять не стали⁵ [9].

В Российской Федерации «forum non conveniens» не применялась никогда, однако, похожими конструкциями суды все же используются. Так, например, нормативными предписаниями отдельных статей арбитражного процессуального законодательства и гражданского процессуального законодательства (ст. 242 АПК РФ⁶ и ст. 410 ГПК РФ⁷) определены правила, по которым подача заявления о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов подается стороной, в пользу которой принято решение, по месту нахождения или месту жительства должника, либо если его место нахождения или место жительства неизвестно, то по месту нахождения имущества должника. Руководствуясь этими же положениями, российские суды могут отказать в рассмотрении дела, если не обнаружат имущества должника в пределах своей юрисдикции, то есть в той юрисдикции, в которой иностранное решение не может быть приведено в исполнение.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать объективный вывод о том, что существуют определённые сложности коллизионности китайского и российского законодательства. Так, например, не определены критерии тесной связи права, подлежащего применению, с гражданским правоотношением. Так, если объем прав и обязанностей китайской и российской стороны по договору будет примерно одинаков, то идентифицировать подлежащее применению право будет весьма проблематично, более того, каждая из сторон правоотношения так или иначе будет стараться сместить выбор места разрешения спора в свою сторону. Сложности касаются и правильности применения китайскими судами доктрины «forum non conveniens», которые стараются выйти из-под сферы ее действия каждый раз, когда в гражданском правоотношении появляется даже косвенно связанное с делом китайское юридическое или физическое лицо. Вместе с тем механизм, позволяю-

щий решить отдельные проблемы коллизионности норм китайского и российского частного права, все же существует – сторонам при разрешении спора необходимо ориентироваться на ту юрисдикцию, в которой будет происходить приведение в исполнение судебного решения, а не на ту юрисдикцию, где будет проще осуществить защиту своих прав.

Пристатейный библиографический список

1. Нольде Б.Э. Очерк частного международного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Пер. под ред. В.Э. Грабаря. - Юрьев, 1909. - С. 452.
2. Нольде Б.Э. М.И. Брун и наука международного частного права в России // Вести гражданского права. - 1917. - № 3-5. - С. 11.
3. Брун М.И. Международное частное право // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. - СПб., 1896. - Т. XVIIIА. - Кн. 36.
4. Брун М.И. Введение в международное частное право (1915) // Вестник гражданского права. - 2006. - № 2. - С. 109-184.
5. Guangjian Tu. Private International Law in China. Springer Science Business Media Singapore, 2016.
6. Guomin Lü, Xia Dai and Yuanmin Zheng, 国◎私法 (冲突法与◎体法篇) [Private International Law (Conflict of Laws and Substantial Law)], China Citic Press (Beijing), 2002. - P. 186-197.
7. Zhengxin Huo. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law // 45 Revue Juridique Themis. - 2011. - P. 637-684.
8. Yin Liu. Evasion in the conflict of laws and its possible solution in China. December 2010 Frontiers of Law in China 5(4):626-644.
9. 江苏省镇江市中级人民法院 (2013) 镇商外初字第13号民事判决书.

5 Forum Non Conveniens Applied for the First Time in SPC's Recent Case. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Forum Non Conveniens Applied for the First Time in SPC's Recent Case - China Justice Observer (дата обращения: 21.05.2022).

6 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

7 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

ГИГИНЕЙШВИЛИ Мария Теймуразовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

ИММУНИТЕТ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: СООТНОШЕНИЕ ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА

В статье дается краткая справка о правовой регламентации и практике применения норм об иммунитете глав государств от уголовного преследования с момента создания Нюрнбергского военного трибунала до Международного уголовного суда. Автор проводит различие между функциональным (*ratione materiae*) и персональным (*ratione personae*) иммунитетом, поясняя содержание каждого вида. На примере дел А. Еродия Ндомбаси и О. Аль Башира сравнительному анализу подвергается подход Международного суда ООН и Международного уголовного суда касательно вопроса освобождения от ответственности высших должностных лиц. В заключении автором делается вывод о правомерности отказа от иммунитета главы государства в случае преследования за совершение международных преступлений в наднациональных судебных учреждениях.

Ключевые слова: судебный иммунитет главы государства, ответственность высших должностных лиц, международное преступление, Международный суд ООН, Международный уголовный суд, экстрадиция, О. Аль Башир, дело об ордере на арест.

GIGINEYSHVILI Mariya Teymurazovna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Northern Caucasus branch of the Russian State University of Justice

HEAD OF STATE IMMUNITY: COMPARISON OF INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE AND INTERNATIONAL CRIMINAL COURT PRACTICE

The article provides a brief analysis of the legal regulation and practice of applying the rules on the immunity of heads of state from criminal prosecution since the establishment of the Nuremberg Military Tribunal to the International Criminal Court. The author distinguishes between functional (*ratione materiae*) and personal (*ratione personae*) immunity, explaining the content of each type. The approach of the International Court of Justice and the International Criminal Court regarding the issue of exemption from liability of heads senior officials is subjected to a comparative analysis on the example of the cases of A. Yerodia Ndombasi and O. Al Bashir. In conclusion, the author concludes that it is legal to waive the immunity of the head of state in case of prosecution for committing international crimes in international courts and tribunals.

Keywords: judicial immunity of the head of state, responsibility of high officials, international crime, International Court of Justice, International Criminal Court, extradition, O. Al Bashir, arrest warrant case.

Гигинейшвили М. Т.

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, или могут ли главы государств совершать военные преступления или преступления против человечности и оставаться безнаказанными ввиду своего неприкосновенного статуса? История со времен Второй мировой войны показывает, что и они отвечают перед судом за международные преступления. Ст. 7 Устава Нюрнбергского военного трибунала провозгласила: «Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания»¹. Аналогичная норма содержалась и в Уставе Международного трибунала для Дальнего Востока (ст. 6)².

Уставы Международных ad hoc трибуналов по бывшей Югославии (ст. 7)³ и Руанде (ст.6)⁴ также не делали исключений для высших должностных лиц. В результате на скамье подсудимых оказался бывший президент Югославии С. Милошевич, скончавшийся во время судебного процесса, и бывший премьер-министр Руанды Ж. Камбанда, получивший пожизненное лишение свободы. Как отмечает В. Русинова, это был прецедент, показавший «признание приоритета преследования преступлений по общему международному праву над институтом иммунитетов бывших глав государств» [3].

Продолжая перечисление знаковых судебных процессов над главами государств, отметим, что Специальный суд по Сьерра-Леоне приговорил к 50 годам лишения свободы президента Либерии Ч. Тэйлора⁵. При этом стоит отметить,

1 Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 01.05.2022).
2 Устав Международного трибунала для Дальнего Востока от 19 января 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902053853> (дата обращения: 1.05.2022).

3 Устав международного трибунала ООН по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения 1.05.22)
4 Устав международного уголовного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/law/icty/charter.shtml> (дата обращения: 01.05.2022).
5 Prosecutor v. C. Taylor, ICCSL (Judgement 26 September 2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rscsl.org/Documents/Decisions/Taylor/Appeal/1389/SCSL-03-01-A-1389.pdf> (дата обращения 1.05.22)

что практика национальных судов не всегда идет по тому же пути (исключением являются дела А. Пиночета и Х. Хабре). Например, М. Каддафи, Ф. Кастро и Р. Мугабе избежали уголовной ответственности во Франции, Испании и Великобритании соответственно [6].

Для начала стоит разобраться с понятием иммунитет. Это изъятие из уголовной, административной, гражданской юрисдикции другого государства. В международном праве выделяют иммунитет функциональный (*ratione materiae*) и персональный (*ratione personae*). Один связан с исполнением своих полномочий официальным представителем государства, второй – непосредственно с личностью [4].

Концепция функционального иммунитета основана на отождествлении поступков представителя государства с действиями самого государства. На международном уровне ответственность возлагается на государство. Индивид, действующий от лица суверенного государства, не может быть привлечен другим государством к ответственности за свои поступки, совершенные в процессе выполнения им своих официальных функций, в противном случае это нарушало бы принцип *par in parem non habet imperium* [5]. Функциональный иммунитет не прекращается в связи с истечением срока полномочий такого лица, потому что все содеянное им расценивается как действия государства.

Второй вид иммунитета предоставляется некоторым лицам для защиты не только публичной, но и частной жизни во время несения ими службы. Обычно персональным иммунитетом пользуется ограниченный круг: глава государства, правительства, дипломатической миссии, министр иностранных дел. Действие такого иммунитета прекращается по окончании срока полномочий указанных лиц. Оба вида иммунитетов тесно переплетаются, а иногда и не разделяются на практике.

В деле Пиночета лорд Хоуп утверждал, что последний утратил свой функциональный иммунитет по причине ратификации Чили Конвенции против пыток и других унижающих человеческое достоинство видов обращения. Однако Лорды Миллет и Филлипс занимали иную позицию, считая, что функциональный иммунитет не может быть оправдан международным преступлением. Мировое сообщество идет по пути признания недопустимости ссылки на иммунитет главы государства, правительства, дипломатической миссии как основания освобождения от ответственности за совершение некоторых преступлений во время разбирательства в международных трибуналах. Этой же логики придерживались судьи Апелляционной палаты МТБЮ в деле Блашкича (IT-95-14-AR108bis, AC 29 October 1997 38 41)⁶ и Специального суда по Сьерра-Леоне в деле Ч. Тэйлора⁷.

А. Бьянки, поддерживая позицию недопустимости ссылки на иммунитет, заявляет, что нормы *jus cogens* запрещают международные преступления. Таким образом, если не расследовать факты их совершения, будет нарушено международное право [7]. При этом В. Шаббас отмечает: «Иммунитет очень важен для предотвращения вмешательства и поддержания нормального состояния международных отношений, с другой стороны – он может подорвать расследование серьезных преступлений».

Краткий обзор позволяет сделать вывод об отсутствии в международном праве единого подхода к ограничению иммунитета официального представителя государства. В связи с этим интересно рассмотреть дело Международного суда

ООН (МС ООН), вызвавшее в свое время множество критики⁸. Бельгийский суд, руководствуясь внутренним законом об универсальной юрисдикции в отношении международных преступлений, вынес ордер на арест министра иностранных дел Демократической республики Конго (далее – ДРК) А. Еродия Ндомбаси, обвиняя его в преступлениях против человечности и нарушении Женевских конвенций в Руанде во время гражданской войны. ДРК обратилась в МС ООН с иском о нарушении Бельгией иммунитета от судебного преследования.

МС ООН пришел к выводу, что действующий министр иностранных дел, находясь за границей, пользуется полным иммунитетом от уголовной юрисдикции, по аналогии с дипломатическим. Это позволяет защитить такое лицо от любого действия иностранного государства, которое могло бы воспрепятствовать исполнению его обязанностей. При этом МС ООН не давал однозначного запрета на преследование министра, подозреваемого в совершении международного преступления, в международном трибунале или уголовном суде. В том случае речь шла о недопустимости привлечения его к ответственности на национальном уровне в другом государстве. Временный характер персонального иммунитета не означает безнаказанности. По мнению МС ООН, такое лицо, во-первых, можно привлечь к ответственности в судах государства своего гражданства, во-вторых, если государство гражданства откажет такому лицу в иммунитете, в-третьих, их можно привлечь к ответственности по окончании срока их полномочий за преступления, совершенные в личном качестве, в-четвертых, их можно привлекать в международных судах, в случае наличия юрисдикции⁹.

Несмотря на решение по делу об ордере на арест, А. Кассезе говорит об обычно-правовой природе отказа от иммунитета в международном уголовном праве, утверждая, что сложилась устойчивая практика, поддерживаемая *opinio juris*¹⁰. Помимо судебных решений похожая идея содержится в ст. 4 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него¹¹, ст. 3 Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него¹², где говорится о неизбежности наказания вне зависимости от занимаемой должности. Однако черным по белому лишь в Римском Статуте Международного уголовного суда в ст. 27 прописано: «Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, будь то согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица»¹³.

Е. В. Виноградова делает заключение, что Римский Статут имеет приоритет над другими международными договорами, потому что исключает иммунитет глав государств, гарантируемый Конвенцией о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой [2]. По нашему мнению, здесь нет необходимости

8 См.: Там же.

9 Arrest warrant of 11 April 2000 (DRC v. Belgium) (Judgement of 14 February 2002). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

10 Тем более сам МС ООН не исключал возможность рассмотрения дела в отношении Еродии Ндомбаси в каком-нибудь специальном международном трибунале.

11 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР, 1954 г., № 12.

12 См.: Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М., 1990. С. 103-109.

13 Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.un.org/russian/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/russian/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 01.05.2022).

6 Prosecutor v. T. Blaskic (Judgement, October 2004). [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.icty.org/x/cases/blaskic/acdec/en/71029JT3.html> (дата обращения: 01.05.2022).

7 Prosecutor v. C. Taylor, ICCSL (Decision, 31 May 2004). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rscsl.org/Documents/Decisions/Taylor/Appeal/059/SCSL-03-01-I-059.pdf> (дата обращения: 01.05.2022).

выстраивать иерархию, государства, становясь стороной Статута МУС добровольно ограничивают свой суверенитет, для достижения целей международного правосудия. А вот как быть в случае, если подозреваемое лицо является гражданином государства, не ратифицировавшего Статут 1998 г.?

Как и любой международный договор¹⁴ Статут МУС не создает обязательств для третьих государств. Об этом свидетельствует положение ч. 1 ст. 98 Статута, согласно которой «Суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета». Однако возможна ситуация, когда дело передается в МУС Советом Безопасности ООН. И тогда обязательства для третьего государства надо рассматривать через призму главы VII Устава ООН. Ст. 49 Устава ООН гласит: «Члены Организации должны объединяться для оказания взаимной помощи в проведении мер, о которых принято решение Советом Безопасности»¹⁵.

Практической иллюстрацией такого взаимодействия МУС и Совета Безопасности ООН можно считать дело О. Аль-Башира, бывшего президента Судана (1993-2019 гг.), обвиняемого в геноциде населения провинции Дарфур¹⁶. Судан не является стороной Римского Статута. Ситуацию в МУС передал Советом Безопасности ООН. Ордер на его арест был выдан в 2009 г. Аль-Башир не просто отказался явиться в суд, он продолжал путешествовать по миру, прикрываясь иммунитетом главы государства. Несмотря на призывы МУС к другим государствам-членам для оказания содействия в его поимке, ни одна принимающая сторона его не задержала. На первый взгляд видится коллизия между иммунитетом главы государства по общему международному праву и положением ст. 27 Римского Статута, который не создает прав и обязанностей для третьей стороны (в данном случае - Судана). Однако, нам кажется, что выход кроется в императивности решений Совета Безопасности ООН. То есть Аль-Башир лишается иммунитета главы государства не по инициативе МУС, не по причине ратификации Статута, а потому что этого требует необходимость поддержания международного мира и безопасности человечества в рамках главы VII Устава ООН. В 2019 г. Аль-Башир был свергнут в результате переворота, его осудили за коррупционные преступления в Судане, и новые руководители обещали позднее передать его в МУС. Однако в Гаагу он до сих пор не доставлен. Теперь это вопрос организационного характера.

Для сравнения приведем еще один пример - дело У. Кениата, обвиняемого в преступлениях против человечности во время предвыборной кампании. Это был первый случай, расследование по которому было инициировано прокурором МУС. Несмотря на то, что У. Кениата был действующим президентом Кении и обладал функциональным и персональным иммунитетом по общему праву, он был вызван в Международный уголовный Суд. Данное дело отлично от Аль-Башира, потому что Кения ратифицировала Римский Статут и была связана договорными обязательствами, вытекающими из него. Ссылка на должностное положение было недопустимо. Тем не менее У. Кениата не с первого раза согласился явиться в заседание, оправдываясь собственной за-

нятостью. Его дело было прекращено по причине недостаточности доказательств его вины, однако оно не закрыто, и прокурор может в любое время продолжить расследование¹⁷.

Таким образом, можем подвести итоги. В международном праве выделяют функциональный и персональный иммунитеты. С момента окончания Второй мировой войны сложилась практика привлечения к ответственности высших должностных лиц государства. Многие авторы считают, что функциональный иммунитет не может быть использован как средство защиты, когда лицо обвиняется в международных преступлениях [6]. Практика ссылки на персональный иммунитет более устойчивая (в процессах в национальных судах), однако государства отказались от него в некоторых международных судебных учреждениях, например, в Международном уголовном суде.

Практика МУС и МС ООН в части решения вопроса об иммунитете высших должностных лиц, на первый взгляд, кажется диаметрально противоположной. Однако, *obiter dictum* МС ООН признает возможность привлечения к ответственности министра иностранных дел за международные преступления, правда не в суде иностранного государства, а в наднациональном судебном учреждении.

Непосредственно в МУС иммунитеты не допустимы, если ситуация касается государства, ратифицировавшего Римский Статут, или если дело передано Советом Безопасности ООН и задействован механизм VII главы Устава ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Букуру Ж.-Б. Международно-правовые проблемы иммунитета действующих глав государств и практика Международного уголовного Суда // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2019. № 1. С. 32-36.
2. Виноградова Е.В. Международный уголовный суд: вопросы иммунитета должностных лиц // *Евразийская адвокатура*. 2019. № 3 (40). С. 78-81.
3. Русинова В. Иммунитет высших должностных лиц и их уголовное преследование за международные преступления // *Международное публичное и частное право*. 2006. № 3. С. 38-45.
4. Скуратова А.Ю. Развитие концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции // *Государство и право*. 2017. № 2. С. 79 - 88.
5. Akande D., Shah S. Immunities of State Officials, International Crimes, and Foreign Domestic Courts // *European Journal of International Law*. November 2010. Vol. 21. Issue 4. P.815-852.
6. An introduction to international criminal law and procedure / R. Cryer [et al.]. Cambridge. 2010. P. 558-559.
7. Bianchi A. Immunity versus Human Rights: The Pinochet Case // *European Journal of International Law*. 1999. № 10. P. 237-277.
8. Cassese A. *International Criminal Law*. 2d Edition. Oxford, 2008. P. 307.

14 Венская Конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 // *Действующее международное право*. Т. 1.

15 Устав ООН от 26 июня 1945 г. // *Действующее международное право*. Т. 1.

16 Prosecutor v. O. Al-Bashir. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/darfur/albashir> (дата обращения: 01.05.2022).

17 Prosecutor v. U. Kenyatta, ICC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icc-cpi.int/kenya/kenyatta> (дата обращения: 01.05.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-39-42

БУТАКОВА Надежда Александровна

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ЕВГРАФОВА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета естественнонаучного и гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ДОГОВОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГЧП В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ АВТОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Растущее использование механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП) при создании транспортной инфраструктуры, по-видимому, является тенденцией во всем мире, в том числе и в России. Аргументов в поддержку таких публичных решений несколько, и их обоснованность варьируется в зависимости от различных реалий, в которых применяются эти инструменты. В статье освещаются важнейшие вопросы, связанные с разработкой и внедрением государственно-частного партнерства в транспортном секторе, и дается краткое изложение принципов, лежащих в основе структуры договорных отношений.

В статье рассматриваются проблемы планирования и ценообразования проезда по платным автодорогам. Целью статьи является выявление рисков при заключении договоров ГЧП на строительство/реконструкцию автодорог. На основе методики анализа затрат-выгод, которая используется в мировой практике инвестиционного проектирования для оценки вклада в достижение целей социально-экономического развития, проведен анализ принципов тарификации и ценообразования проезда по платным автодорогам. Вскрыты основные ошибки в принятии инвестиционных решений при заключении договора ГЧП. Выявлены системные противоречия между сложившейся схемой принятия решений и необходимостью согласования разнородных интересов государственного и частного сектора.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, транспортная инфраструктура, договорные отношения, ценообразование на инфраструктуру

BUTAKOVA Nadezhda Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of State and international law sub-faculty of the St. Petersburg State Marine Technical University

EVGRAFOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical science, associate professor, Dean of the Faculty of Natural Science and Humanities Education of the St. Petersburg State Marine Technical University

CRITICAL ISSUES IN THE DRAFTING OF CONTRACTUAL PROVISIONS OF PPP IN THE FIELD OF ROAD INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT

The increasing use of Public Private Partnerships (PPP) arrangements in the provision of transport infrastructure seems to be a trend all over the world with a very particular incidence in the world, including Russia. The arguments supporting these public decisions are several and their validity varies with the different realities where these instruments are applied. The article highlights the most important issues related to the development and implementation of PPP in the transport sector, and provides a summary of the principles underlying the structure of contractual relations.

The article deals with the problems of planning and pricing of toll roads. The purpose of the article is to identify risks when concluding PPP contracts for the construction / reconstruction of highways. Based on the cost-benefit analysis methodology, which is used in the world practice of investment design to assess the contribution to achieving the goals of socio-economic development, the analysis of the principles of charging and pricing of toll roads is carried out. The main mistakes in making investment decisions when concluding a PPP contract are revealed. The systemic contradictions between the current decision-making scheme and the need to coordinate the heterogeneous interests of the public and private sector are revealed.

Keywords: public-private partnerships, transport infrastructure, contractual relations, infrastructure pricing.

В связи с быстрым экономическим ростом и увеличением количества владельцев автомобилей за последние два десятилетия спрос на высококлассные автомагистрали значительно увеличился. Постоянно растущий спрос на транспортную инфраструктуру и добавление новых требований по безопасности передвижения и защите окружающей среды требует дополнительных средств, которые невозможно получить из государственного бюджета. Из-за ограниченных ресурсов, доступных для финансирования

развития инфраструктуры, многие страны ввели платные дороги с целью финансирования развития автомагистралей.

Частные платные дороги являются альтернативой дорожной инфраструктуре общего пользования. Интерес к ним растет из-за возможности частного финансирования вместо государственных расходов на строительство и содержание дорожной инфраструктуры и разгрузку общественного транспорта. Доход, полученный от платных дорог, рассма-

Бутакова Н. А.

Евграфова И. В.

тривается как достаточный источник финансовой поддержки для содержания существующей дорожной инфраструктуры.

Развитая транспортная инфраструктура дает возможность ускорить общий прогресс экономики за счет увеличения скорости товарооборота и мобильности рабочей силы. Платные дороги дают участникам движения возможность сэкономить время на поездку. Кроме того, растет и признание принципа «пользователь платит», поэтому спрос на платные дороги становится более стабильным.

Государственная компания «Автодор» приняла решение ввести открытые платные дороги для дорожной инфраструктуры России. Согласно национальному законодательству платной дороге должна быть бесплатная альтернатива. Поэтому открытые платные дороги действительно решают проблему движения, но только в части разгрузки существующих бесплатных альтернативных маршрутов.

Роль транспорта, особенно наземного транспорта, безусловно, актуальна, особенно в плане передвижения грузов и населения к месту назначения, и это способствует экономическому росту в городах и окрестностях. Наряду с ростом числа транспортных средств, происходит воздействие на различные факторы, включая пропускную способность дорог, парковочные места и заторы, что явилось стимулом для строительства платных дорог в качестве альтернативы общим бесплатным дорогам. Более того, на федеральных трассах, не являющихся платными, также проводится проектирование дорожного движения, направленное на сглаживание движения и минимизацию числа аварий. В целом, к каждому крупному городу мира всегда можно добраться как по платным, так и по бесплатным дорогам.

Поэтому возникает представление о том, почему автотранспорт, как правило, попадает в высокий уровень заторов при движении по бесплатным дорогам, по сравнению с довольно плавным движением по платной дороге. Возможные соображения заключаются в следующем:

1. Участок дороги, не являющийся платным, выбран потому, что путешественники планируют остановиться в нескольких центрах активности;

2. Путешественники не несут реальных затрат при движении по бесплатным дорогам по сравнению с платными дорогами;

3. Выбор путешественников в пользу платной дороги обусловлен плавностью хода и соображениями времени [3].

Многие социально значимые объекты, очевидно, могут быть построены или реконструированы в рамках государственных закупок, однако государственные контракты зачастую неприемлемы в связи со стопроцентной нагрузкой на бюджет, отсутствием возможности расчетов с инвестором по длительной рассрочке на стадии эксплуатации построенного им объекта. Государственно-частное партнерство особенно актуально в дорожном секторе, потому что только в рамках ГЧП организация, привлеченная для строительства (реконструкции) объекта, принимает на себя не только строительные, но и эксплуатационные риски. Частный партнер в течение длительного срока после завершения строительства либо использует построенную им автомобильную дорогу по целевому назначению, либо принимает на себя обязательства по ее техническому обслуживанию. Таким образом, мотивация инвестора в качественном строительстве в проекте ГЧП намного выше, чем при размещении государственного заказа, поскольку в рамках последнего подрядчик получает полный расчет за выполненные им строительные работы сразу же после подписания государством акта приемки.

Успех инфраструктурных проектов ГЧП в значительной степени зависит от спроса на услуги, предоставляемые этими проектами. Процесс прогнозирования спроса сложен из-за влияния различных экономических, социальных и технических факторов и взаимосвязей между ними. Кроме того, этот процесс носит динамический характер, поскольку многие из этих факторов зависят от времени.

Решения, связанные с финансовыми и техническими аспектами инфраструктурных транспортных проектов в целом и, в частности, платных дорог, в основном основаны на прогнозировании будущего спроса. Таким образом, технико-экономическое обоснование любого из этих проектов предполагает прогнозирование ожидаемого спроса на услуги, предлагаемые рассматриваемым объектом. Достижение желаемой точности прогнозов является сложной задачей.

Несмотря на то, что ГЧП все чаще используется для реализации инфраструктурных проектов, растет вероятность того, что при разработке соглашения о партнерстве не учитывается прогнозирование спроса. Нет ничего необычного в том, что партнеры по проекту выделяют больший бюджет на строительные исследования, чем на оценку спроса; соотношение в среднем один к пяти. Несмотря на то, что были предприняты значительные усилия, чтобы доказать наличие фактических/прогнозируемых изменений спроса, исследования, связанные с этой областью, редко акцентируют внимание на самом процессе прогнозирования спроса: основное внимание уделяется результатам, а не методу.

Существуют две основные причины ошибок в прогнозировании трафика, а именно:

- технические ошибки в методологии и
- стратегическое поведение участников ГЧП.

Одна из причин ошибок прогнозирования - неопределенность в конструкции и структуре модели, когда предлагается улучшить существующие модели путем интеграции новых переменных или разработки новых моделей для прогнозирования спроса. Традиционно типичные методы, используемые для прогнозирования спроса, можно классифицировать на статистические методы и методы искусственного интеллекта. В то время, как большинство статистических методов не могут учитывать взаимосвязи между факторами, методы искусственного интеллекта могут. Однако большой объем данных, необходимых для разработки модели в последнем случае, по-прежнему вызывает озабоченность. Модели прогнозирования спроса должны учитывать множество качественных и количественных факторов, таких как экономический рост, прирост населения, общественное признание, готовность платить, уровень платы и другие. Многие из этих факторов динамически взаимосвязаны, что делает прогнозирование спроса сложной системой. Поэтому необходим инструмент прогнозирования спроса, который может эффективно управлять сложностью и динамичностью системы спроса [7].

Прогнозирование спроса – это многообещающий метод, который может учитывать сложные взаимосвязи между динамическими системными переменными. Тем не менее, возможность применения прогнозирования спроса для анализа этой динамичной и сложной системы еще предстоит полностью изучить.

Процесс моделирования прогнозирования спроса включает в себя две основные фазы:

- качественную системную динамику (или концептуализацию модели) и
- количественную системную динамику.

В то время как первый в основном предназначен для создания диаграмм причинно-следственных связей, второй посвящен количественному компьютерному моделированию. Разработка качественной системной динамики предполагает получение относительных знаний от экспертов и заинтересованных сторон для определения и проверки структуры и поведения системы. Чтобы получить эти соответствующие знания, были использованы различные подходы, такие как анкетирование, интервью и рабочие тетради. Эта качественная модель ляжет в основу разработки количественной модели прогнозирования спроса, направленной на совершенствование практики прогнозирования спроса в проектах платных дорог. Применение модели может быть расширено для использования в транспортных проектах ГЧП в целом благодаря большому сходству факторов, влияющих на спрос, в других транспортных проектах ГЧП.

Развитие ГЧП в предоставлении государственных услуг и/или активов, таким образом, эволюционировало в общий контекст оптимизации государственных ресурсов, общих бюджетных ограничений и разработки очень сложных методов финансового инжиниринга. Транспортный сектор не стал исключением из этой тенденции. Тем не менее, участие частного сектора в предоставлении государственных активов и услуг предполагает, что, независимо от контрактного соглашения между двумя частями, должна быть получена адекватная отдача от инвестиций – со строго финансовой точки зрения. Это требование придает существенное значение ценовому элементу соглашения о ГЧП, смещая фокус напряженности в сторону компромисса между способностью привлекать частное финансирование, опытом и эффективностью, и достижением социальных целей, таких как эффективное и оптимальное использование транспорта с социальной точки зрения.

Кроме того, представляется также вполне консенсусным, что договорные взаимоотношения между государственным и частным секторами осложняются тем фактом, что существует не только значительная асимметрия информации между договаривающимися сторонами, но и необходимость эффективного рассмотрения потенциального конфликта интересов. С одной стороны, частный партнер пытается максимизировать прибыль за счет максимизации доходов и минимизации затрат. С другой стороны, в интересах государства обеспечить, чтобы поведение частного агента обеспечивало максимальную эффективность и минимизацию затрат (с точки зрения государства) при сохранении установленных уровней качества и обслуживания.

Чтобы понять это воздействие, связанные с ним риски и целесообразность участия частного сектора, крайне важно описать не только поведение вовлеченных экономических агентов, но и то, как эти агенты, формально или неформально, связаны друг с другом. Это означает понимание того, как информация (неравномерно) распространяется, как риск воспринимается и оценивается на индивидуальном уровне и распределяется соответствующими рынками. Эти информационные асимметрии и стимулы, необходимые для активного вовлечения сторон с различными целями, были привилегированной областью вмешательства для теории стимулирования и контрактов.

С активизацией частного участия в предоставлении транспортной инфраструктуры и услуг тесно связаны дебаты о внедрении в Европе ценообразования с социальными предельными издержками, которые начались задолго до внедрения ГЧП в транспортном секторе. Значительное ис-

следовательское сообщество приложило значительные усилия к теоретической конструкции и возможность применения различных вариантов ценообразования в транспортном секторе с явной целью стимулирования более рационального использования транспортной инфраструктуры и услуг и, следовательно, более сбалансированного распределения видов транспорта в пользу устойчивых городов и регионов [8].

Фактически, исследования в области ценообразования социальных предельных издержек в последнее десятилетие стало ключевой темой в транспортных программах. Значительный объем исследований, посвященных изучению научных, социальных и практических требований/последствий ценообразования социальных предельных издержек расширил нашу способность оценивать затраты и выгоды альтернативных схем, в которых транспортные цены определяются с учетом реальных затрат, связанных с транспортной деятельностью [7].

Транспортные предприятия, будь то связанные с инфраструктурой или услугами, характеризуются большими первоначальными инвестициями и значительными текущими/постоянными затратами, что делает ценообразование по предельным издержкам неэффективным для решения вопросов возмещения затрат. По этим причинам и, несмотря на упомянутый прогресс, применение режимов ценообразования на транспорте, основанных на ценообразовании социальных предельных издержек, остается ограниченным. Наиболее очевидная причина такого сопротивления внедрению ценообразования социальных предельных издержек в реальном мире связана с тем фактом, что это может создать трудности при финансировании транспортных инвестиций, особенно при привлечении частных партнеров. Тем не менее, общая политика многих государств сводится к тому, дефициты лежат на национальных правительствах, в соответствии с видением, сформированным представлением о том, что государство обязано обеспечить минимальный уровень транспортной доступности для всех граждан.

Последние десятилетия также стали свидетелями трех отчетливых «тяжелых» тенденций, которые привели к существенным изменениям в том, как общество в целом сталкивается с проблемой обеспечения транспорта и мобильности:

1. Интенсивное использование автомобильного и воздушного транспорта, которое все чаще приводит к серьезным проблемам перегруженности с последующим воздействием на качество окружающей среды и, в целом, на конкурентоспособность экономики, из-за увеличения временных потерь, вызванных перегруженностью дорожной и воздушной инфраструктуры;

2. Повышение осведомленности о негативных внешних последствиях, обусловленных несбалансированным использованием одних альтернативных способов движения в ущерб другим;

3. Ограничения государственного бюджета, которые препятствуют немедленному осуществлению мер по устранению основных транспортных узких мест;

Предполагаемое изменение методов ценообразования (и, следовательно, притока денежных средств), а также неопределенность методик расчета и технологических изменений оказывают существенное влияние на восприятие рынком риска для любого конкретного проекта, что приводит к изменению требуемой нормы прибыли акционеров. Кроме того, в эту дискуссию довольно новаторским образом включены два элемента. Это влияние неопределенности на срок действия контракта, а также влияние политического контек-

ста и, последнее, но не менее важное, как следует эффективно проектировать регулирующую функцию, чтобы она соответствовала требованиям частного сектора в предоставлении общественного транспорта.

В контексте политики ценообразования в области транспортного обсуждения возникает вопрос о том, может ли применение государственно-частного партнерства сочетаться с ценообразованием социальных предельных издержек в транспортном секторе. Очевидным является тот факт, что существуют типы контрактов на основе ГЧП, в которых доходы не генерируются непосредственно от эксплуатации построенных объектов, а вместо этого генерируются за счет платежей, выплачиваемых государством. Таким образом, ГЧП не обязательно полагаются на платежи пользователей посредством продажи билетов, сборов или взимания платы, их доходы могут зависеть от правительства посредством платежей, основанных на определенных показателях эффективности, таких, как фактическое использование или доступность. Следовательно, и в том и другом случае, когда ГЧП основаны на платежах, основанных на результатах использования инфраструктуры, или если они оплачиваются за счет правительства, частная сторона не устанавливает цены для пользователей самостоятельно, поэтому при внедрении в ценообразование социальных предельных издержек не возникнет никаких проблем.

Таким образом, ГЧП – это любой проект, в который инвестиции (или их часть) вносятся частным сектором и где существует регулирующий контракт между частным и государственным секторами, определяющий распределение рисков для основных вовлеченных сторон, инфраструктуры и/или предоставление услуг. Более того, с этой точки зрения дополнительные характеристики, которые должны присутствовать в соглашении о ГЧП, включают период жизненного цикла проекта, установление тарифов (реальных или теневых), различимую финансовую структуру. Кроме того, вовлеченные стороны должны столкнуться с информационными асимметриями при разработке ГЧП-контракта. Уровень сложности ГЧП будет отличаться в зависимости от оцениваемого проекта, и следует отметить, что сложность обусловлена не механизмом ГЧП как таковым, а механизмами снижения рисков и использованием финансирования проекта.

Применение механизмов ГЧП особенно актуально для современного этапа развития российской экономики. При переходе к рыночному хозяйству роль государства кардинально изменилась, в связи с чем нехватка средств на финансирование социально значимых программ требует координации действий совместно с неотъемлемой частью конъюнктуры рынка – частным бизнесом. Государственно-частное партнерство представляет собой сбалансированное сочетание государственного сектора с его регулирующей и защитной функциями и частного сектора, обладающего ресурсами, управленческими навыками и технологиями. Сотрудничество, как известно, предполагает взаимный интерес обеих сторон сделки. В данном случае государство добивается реализации социально направленных проектов, сокращая объем бюджетных средств, потраченных на их осуществление. А частный сектор повышает, таким образом, конкурентоспособность бизнеса, получает экономические выгоды в результате осуществления партнерских проектов, увеличивает качество и эффективность внедрения результатов научных разработок, расширяет возможности для осуществления инноваций.

Значимыми проектами ГЧП в российской транспортной сфере являются реконструкция аэропорта «Пулково», строительство трассы Москва – Санкт-Петербург на участке 15-58, участка трассы М1 «Беларусь», «Западного скоростного диаметра» в Санкт-Петербурге и др.

Особенностью ГЧП в дорожном секторе является то, что организация, привлеченная для строительства (реконструкции) объекта, принимает на себя не только строительные, но и эксплуатационные риски. Частный партнер в течение длительного срока после завершения реконструкции или строительства либо использует построенную им автомобильную дорогу по целевому назначению, либо принимает на себя обязательства по ее техническому обслуживанию. И в том, и в другом случае риск расчета окупаемости вложенных частным партнером инвестиций – риски частного партнера. Тем не менее, мотивация частных партнеров принять участие в столь масштабных проектах велика.

Пристатейный библиографический список

1. Бушанский С.П. Вопросы эффективности платных дорог // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 42. С. 2-8.
2. Бушанский С.П. Проблемы снижения стоимости строительства автомобильных дорог // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 18. С. 9-15.
3. Варнавский В.Г. Концессии в транспортной инфраструктуре: теория, практика, перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2002. С. 83.
4. Belenky P. The Value of Travel Time Savings: Departmental Guidance for Conducting Economic Evaluations, U.S. Department of Transportation, Washington DC, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dot.gov/sites/dot.dev/files/docs/vot_guidance_092811c.pdf.
5. Fayard A. Analysis of Highway Concession in Europe. University of Bergamo – Italy Conference on Highways: cost and regulation in Europe, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dinamico2.unibg.it/highways/paper/FAYARD.pdf>.
6. Levinson D. The Political Economy of Private Roads// Street Smart: Competition, Entrepreneurship, and the Future of Roads, Gabriel Roth, ed., Transaction Publishers, 2006. P. 79-96.
7. Rosário Macário, Critical issues in the design of contractual relations for transport infrastructure development. Research in Transportation Economics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.elsevier.com/locate/retrec.
8. Swan P.F., Belzer M.H. Empirical Evidence of Toll Road Traffic Diversion and Implications for Highway Infrastructure Privatization, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thenewspaper.com/rlc/docs/2008/tolldiversion.pdf>.

БАБОШКИН Антон Анатольевич

ведущий юрист ООО «Кинросс Дальний Восток»

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ГРУПП (СТЕЙКХОЛДЕРОВ) В СТРАНАХ КОНТИ-НЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

Автор, затрагивая такой аспект корпоративного управления, как привлечение заинтересованных лиц (стейкхолдеров), обращает внимание на сущность указанного явления в корпоративном праве. При этом автором делается акцент относительно использования данных лиц в процессе руководства компаниями в таких странах континентального права, как Германия, Франция и Нидерланды.

Ключевые слова: договор, корпоративное управление, стейкхолдер, правовое регулирование, инсайд, корпоративная этика.

BABOSHKIN Anton Anatoljevich

leading lawyer LLC «Kinross Far East»

Бабошкин А. А.

LEGAL STATUS OF STAKEHOLDERS IN THE COUNTRIES OF CONTINENTAL LAW

The author, touching upon such an aspect of corporate governance as the involvement of interested parties (stakeholders), draws attention to the essence of this phenomenon in corporate law. At the same time, the author focuses on the use of these persons in the process of managing companies in such civil law countries as Germany, France and the Netherlands.

Keywords: contract, corporate governance, stakeholder, legal regulation, insider, corporate ethics.

Учет широкого круга сторон в современном бизнесе – это реальность. Компании, которые разрабатывают различные стратегии развития собственного предпринимательского дела, все чаще исходят из того, что в просчете и подготовке того или иного проекта обязательно следует учесть частный интерес какого-либо лица. И как правило, речь в таком случае идет не только о тех, кто может оказать влияние на указанное развитие исключительно с положительной стороны, но и участие тех, кто не всегда способен правильно трактовать те или иные принципы деятельности компании и, соответственно, действовать путем её развития.

Как отмечает автор диссертационного исследования «Формирование механизма управления ключевыми стейкхолдерами корпорации» А.И. Финогеева, стейкхолдерский подход в подборе таких кадров в последнее время получил достаточно серьезное развитие в корпоративном управлении. При этом смысл его заключается в том, чтобы максимально обеспечить учет всевозможных требований не только со стороны акционеров или учредителей, но и со стороны таких акторов, как покупатель, бизнес-партнер, государство, коммерческие или некоммерческие организации и др. [1].

Немаловажным будет заметить и то, что концепции акционерной стоимости, провозглашающие максимизацию прибыли для акционеров единственной целью фирм, опираются главным образом на агентскую теорию, предполагая, что корпоративные группы стремятся преувеличить свою ценность за счет других, если эффективные механизмы контроля не препятствуют эгоистичному поведению. В то время как подходы с участием заинтересо-

ванных сторон, напротив, основаны больше на этических взглядах и подходах и зиждутся на ресурсах, понятных и открытых для управления [2].

Как мы уже сказали, такая деятельность требует устойчивого правового статуса, который, с одной стороны, детально идентифицирует заинтересованную сторону, с другой - определяет его основные черты, принося с собой такие характеризующие признаки, как полномочия, границы ответственности, правосубъектность, и другие. В таком случае требуется понимание, что без должного правового сопровождения данный вопрос попросту не решить. Особое внимание исследователей при изучении такого вопроса лежит в русле анализа законодательных мер и положений, сформированных в зарубежных странах. Опыт развития корпоративного права, к примеру, в странах западной Европы достаточно высок и в определенной степени, что, впрочем, вполне логично, превосходит опыт развития отечественных стандартов. Более того, именно на Западе указанные нами способы и подходы корпоративного управления получили свое первоначальное развитие.

Для примера такого развития возьмем за основу законодательное видение рассматриваемого нами аспекта таких стран, как Германия, Франция и Нидерланды, где внутреннюю систему управления часто копируют за ее ориентацию на заинтересованные стороны. В то время как англо-американская система управления, которая в данном вопросе также является одной из самых прогрессивных, ориентирована в большей степени на интересы акционеров, в частности, в Германии судьба корпорации зависит от поддержки соответствующих групп заинтересованных сторон. Именно

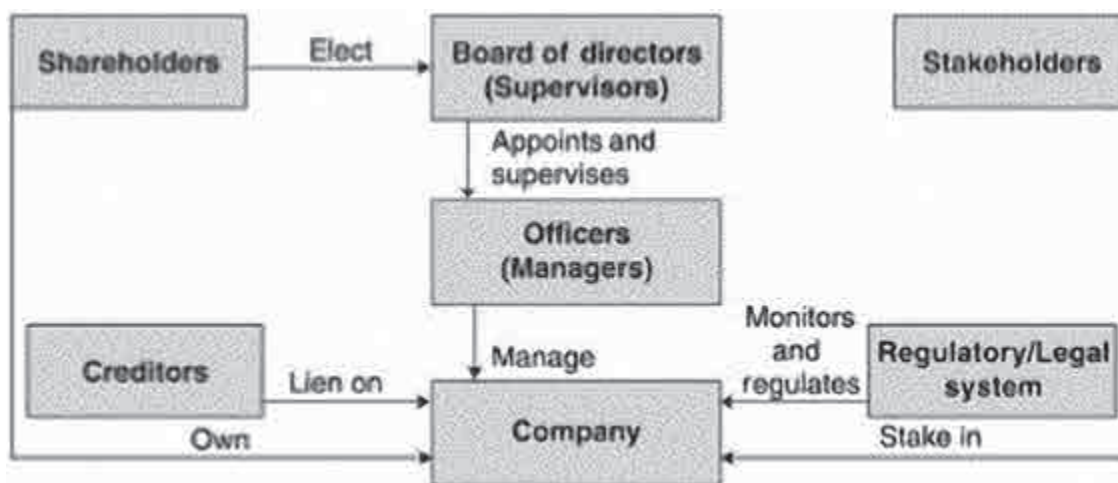

Рисунок 1. Немецкая модель корпоративного управления с привлечением заинтересованных лиц [3].

поэтому немецкие фирмы, как правило, поддерживают тесные отношения с банками и сталкиваются с более сильным голосом сотрудников, чем в системах управления, ориентированных на акционеров. Кроме того, концентрация собственности здесь значительно выше, семейные фирмы более заметны, а рынок капитала менее развит, чем в англо-американском контексте.

Несмотря на эти фундаментальные различия, в 1990-е годы в Германии были приняты элементы англо-американской системы управления, ориентированной на акционеров. Примерами являются компенсация на основе акций, прозрачные стандарты бухгалтерского учета и рыночные системы внутреннего контроля.

Между тем Германия является особенно интересным местом для изучения вопросов, касающихся последствий ориентации корпоративного управления на заинтересованные стороны по нескольким причинам. Дело в том, что Германию часто критикуют за излишне ярко выраженную концепцию корпоративного управления, где заинтересованным сторонам уделяется особое внимание. В свою очередь, большинство немецких и австрийских фирм, например, приняли политику, типичную для инсайдерской модели управления, основанную на стандартах безопасности занятости, практике высокой вовлеченности сотрудников и тенденции к принятию относительно менее жесткой политики внешнего контроля корпоративного управления, чем фирмы в англо-саксонских странах. Эти фирмы также демонстрируют модель незначительного принятия внешних систем согласования, таких как опционы на акции и финансовую структуру, характеризующуюся высоким весом долга по отношению к собственному капиталу. И хотя немецкие фирмы внедрили практику, ориентированную на акционеров, отношения между которыми все еще встроены посредством использования именно институциональной среды, разработанная немцами модель привлечения специалистов управления со стороны характеризуется достаточной мощной корректировкой их прав и возможностей, при условии, что эти права по части сотрудничества между корпоративными группами и в определении возможностей координирования рыночной экономики будут замыкаться на те же самые институты.

В приведенной инсайдерской модели корпоративного управления взаимодействия определяются формальными и неформальными правилами, разработанными на протяжении истории отношений. Более того, в этой модели отношение долга к собственному капиталу будет выше. Они будут иметь более низкий уровень текучести кадров и увольнений, более жесткую политику перемещения работников, более высокий уровень обучения сотрудников для конкретной фирмы, несколько иное соответствие сотрудников фирме и более высокий обмен внутренними знаниями, а также совместное организационное обучение среди сотрудников по сравнению с аутсайдерской моделью.

Вместе с тем немецкая модель корпоративного управления значительно более социализирована и открыта для оценки качества корпоративного управления. В данной модели, также известной как модель двухуровневого совета директоров, корпоративное управление осуществляется двумя советами, в которых верхний совет наблюдает за исполнительным советом от имени заинтересованных сторон. Этот подход к управлению, как правило, более ориентирован на общество, и его иногда называют континентально-европейским подходом, поскольку он является основой корпоративного управления, принятой в Германии, Голландии и в некоторой степени во Франции [4]. В результате чего, в соответствии с корпоративной социальной ответственностью, немецкие фирмы стремятся привлечь заинтересованные стороны посредством различных инициатив, направленных на развитие диалога между менеджерами и внешними заинтересованными сторонами. Как следствие, в Германии структура корпоративного управления отражает вклад различных заинтересованных сторон, особенно сотрудников, в деловую деятельность [5]. Здесь правительство играет скромную роль, а государственная политика и корпоративные действия в области вышеуказанной ответственности делают упор на устойчивое развитие. В результате немецкий подход в её определении называется моделью устойчивого развития и гражданственности.

Что касается голландской модели заинтересованных сторон, то она развилась после Второй мировой войны. Многие компании сами по себе стали важными учрежде-

ниями с достаточно крупным бизнесом и большим количеством сотрудников, чьи интересы стали более важными. В 1949 году Верховный суд Нидерландов постановил, что правление должно действовать не только в интересах акционеров. В 1971 году в гражданский кодекс Нидерландов [6] были внесены поправки, отражающие, что правление должно действовать в интересах компании и ее бизнеса. Эта поправка подтвердила, что советы должны учитывать интересы не только акционеров, но и других заинтересованных сторон, включая, в частности, сотрудников. Как следствие, в 1990-х и 2000-х годах советы директоров компаний, зарегистрированных на бирже в Нидерландах, в той или иной степени следовали растущему вниманию к интересам акционеров, которое в целом преобладало в США и многих других развитых странах. Акционеры рассматривались как «primus inter pares» [7]. На практике преобладал подход «просвещенной ценности для акционеров», а не подход, основанный на истинном участии заинтересованных сторон. Соответственно, интересы заинтересованных сторон (кроме акционеров) учитывались, но более незначительно и в основном для того, чтобы увидеть, не нанесет ли определенное стратегическое направление, направленное на создание стоимости для акционеров, несоразмерный вред работникам или другим заинтересованным сторонам.

Не во многом расхожей позиции придерживались в данном вопросе законодатели Франции, которые добивались именно такого видения, в котором корпоративный интерес компании или социальный интерес имеют приоритет над интересами любого отдельного заинтересованного лица. Социальный интерес представляет собой широкое понятие, которое, согласно распространенному мнению, объединяет интересы всех заинтересованных сторон (сотрудников, клиентов, поставщиков, акционеров, контрагентов и т. д.) в самостоятельный интерес, относящийся к самому юридическому лицу [8]. Автономия французского корпоративного менеджера ограничена и основана именно на социальных интересах, как определяющая цель корпорации. Стремление к дальнейшему согласованию деятельности корпорации с более серьезными социальными проблемами привело к недавнему пересмотру Гражданского кодекса Франции и Коммерческого кодекса, налагающего обязательство также учитывать социальные и экологические соображения при их реализации. В частности, с положениями Коммерческого Кодекса компания должна стремиться к созданию долгосрочной стоимости. В то же время совет должен учитывать интересы всех заинтересованных сторон, включая экологические, социальные и управленческие (ESG), и аналогичные перспективы устойчивого развития.

Таким образом, мы можем видеть, что в указанных странах Континентального права подход в привлечении стейкхолдеров к управлению делами компаний строится на более свободном понимании роли заинтересованных сторон в корпоративной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Финогеева А.И. Формирование механизма управления ключевыми стейкхолдерами корпорации: дис. ... канд. экон. наук. Специальность. 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством: менеджмент. - Москва, 2019. - 208 с.
2. Adams R.B., Licht A.N., & Sagiv L. Shareholders and stakeholders: How do directors decide? // *Strategic Management Journal*. - 2011. - № 32. - P. 1331-1355.
3. Деловая этика и корпоративное управление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oreilly.com/library/view/business-ethics-and/9789332511255/xhtml/c14s11.xhtml> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Егорова Д.А. Международные тренды финансирования природоохранных проектов в контексте устойчивого развития // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. - 2021. - № 4 (50). - С. 15-23.
5. Ilin A.B., Sizova Yu.S. Export of entrepreneurial culture: case studies from Finland and Germany // *Intellect. Innovations. Investments*. - 2020. - № 6. - P. 40-47.
6. Гражданский Кодекс Нидерландов. [Электронный источник]. – Режим доступа: https://hbcomp.ru/about/law_library/3487/ (дата обращения: 04.04.2022).
7. Голландский опыт заинтересованных сторон. [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://corpgov.law.harvard.edu/2020/08/02/the-dutch-stakeholder-experience/> (дата обращения: 04.04.2022).
8. Подуяхтова Е.Р. Противоречия интересов стейкхолдеров: отечественный и зарубежный опыт // *Экономика и парадигма нового времени*. - 2018. - № 5 (7). - С. 19-21.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-46-48

БИБИКОВ Сергей Евгеньевич

аспирант Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, стажёр МГКА «Бюро адвокатов «Де-юре»

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

В настоящем исследовании освещается проблема защиты частного капитала и минимизации негативных последствий, возникших для российской экономики на фоне санкционной политики недружественных государств. Делается вывод о необходимости переориентации коллизионного регулирования ответственности юридического лица в пользу защиты интересов российских предпринимателей и отечественной экономики в целом. Автором предлагаются направления, которым стоит уделить внимание при проведении правотворческой деятельности российского государства в области незаконного изъятия и перемещения капитала. Данные направления затрагивают преимущественно коллизионный аспект регулирования ответственности иностранных компаний в российской правовой системе, а также вопросы исполнения судебных актов с их участием на территории России. В результате исследования обозначенной проблемы автором приводятся пути её решения, даются рекомендации по защите национальных интересов против недружественных действий иностранных государств в отношении российских предпринимателей.

Ключевые слова: личный статут юридического лица, коллизионное регулирование ответственности юридического лица, ответственность контролирующих должника лиц, санкции, реторсии.

BIBIKOV Sergey Evgenjevich

postgraduate student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University, trainee of lawyer of MCBA «Bureau of Lawyers «De jure»

TRANSFORMATION OF CONFLICT REGULATION OF LIABILITY OF A LEGAL ENTITY IN CONDITIONS OF GLOBAL CHALLENGES

This study highlights the problem of protecting private capital and minimizing the negative consequences that have arisen for the Russian economy against the backdrop of the sanctions policy of unfriendly states. It is concluded that it is necessary to reorient the conflict of laws regulation of the liability of a legal entity in favor of protecting the interests of Russian entrepreneurs and the domestic economy as a whole. The author suggests directions that should be paid attention to when carrying out law-making activities of the Russian state in the field of illegal seizure and movement of capital. These areas mainly affect the conflict aspect of regulating the liability of foreign companies in the Russian legal system, as well as issues of enforcement of judicial acts with their participation in Russia. As a result of the study of the identified problem, the author provides ways to solve it, gives recommendations on the protection of national interests against unfriendly actions of foreign states against Russian businessmen.

Keywords: personal statute of a legal entity, conflict regulation of liability of a legal entity, liability of persons controlling the debtor, sanctions, retortions.

Бибиков С. Е.

XXI век – это новый этап развития трансграничных отношений, который ознаменовался усилением международной напряженности и крайним ухудшением геополитической обстановки в экономическом пространстве многих цивилизованных государств. Конъюнктурные изменения отечественной экономики на фоне недружественных действий со стороны, казалось бы, добропорядочных иностранных государств-партнёров¹, оказывают непосредственное влияние на развитие бизнеса в России. В этой связи Российская Федерация в лице её государственных органов и должностных лиц вынуждена незамедлительно реагировать на недобросовестные акты иностранных государств с целью защиты национальных интересов, частного капитала, экономики государства в целом².

1 Перечень государств, осуществляющих недружественные действия в отношении Российской Федерации, её граждан и юридических лиц, установлен распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-Р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2022).

2 Меры по повышению устойчивости экономики и поддержки граждан Российской Федерации в условиях санкций опубликованы на

В международных частноправовых отношениях в условиях геополитической конфронтации актуальной для бизнеса становится проблема защиты частного капитала и минимизации негативных последствий, связанных с арестом активов российских предпринимателей и юридических лиц в недружественных юрисдикциях. Симметрично такая проблема возникает в отношении имущества иностранных лиц, размещённого в России. По этой причине, как нам представляется, без внимания юридического сообщества не могут остаться вопросы возврата арестованного имущества в Россию, привлечения к ответственности недобросовестных предпринимателей в связи с незаконным перемещением капитала из одной юрисдикции в другую, а также вопросы исполнения судебных актов по возврату такого имущества или его взысканию за рубежом.

Злоупотребление правом – это феномен, известный юридической науке со времен Древнего Рима и Греции («qui

информационном портале Правительства РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.government.ru (дата обращения: 14.04.2022).

iure suo utitur neminem laedit»)³, который подразумевает под собой вредоносное осуществление уполномоченными лицами своих гражданских прав по отношению к другим субъектам прав. Преломляя данное понятие на отношения с иностранными компаниями, нельзя не отметить, что юридическая наука неоднократно в исторической ретроспективе⁴ сталкивалась с незаконным изъятием и перемещением частного капитала как акта злоупотребления правом в иностранную юрисдикцию. Способы недобросовестного вывода капитала в большинстве случаев юристам известны,⁵ и они с каждым разом совершенствуются, незаконными эти способы делает то, что перемещение и сокрытие имущества его владельцами может повлечь неблагоприятные последствия для контрагентов юридического лица, его участников, граждан, потребляющих услуги юридического лица, или самого государства как одного из субъектов частно-правовых правоотношений [1].

Представляется, что коллизионное регулирование наравне с принимаемым государством публично-правовыми мерами должно включать механизмы, позволяющие идентифицировать случаи злоупотребления правом с корпоративной формой ведения бизнеса [2], гибко реагировать на незаконное перемещение активов юридического лица из одной юрисдикции в другую.

В связи с этим мы полагаем, что правотворческую работу по защите национальных интересов, связанных с предотвращением незаконного изъятия и вывода капитала, следует провести по следующим направлениям:

1. Защита национальных интересов против вывода капитала в офшорные юрисдикции

Ухудшение отношений России со многими западными странами непосредственно отразилось на обмене финансовой информацией о перемещении капитала за границу, в том числе в офшорные юрисдикции [3], и возможности отслеживания движения капитала в иностранных государствах [4]. Замещение недостающих механизмов в обмене финансовой информацией⁶, как нам представляется, возможно провести путём консолидации усилий Российской Федерации со своими государствами-партнерами в рамках активно развивающихся международных площадок азиатского региона.

3 «Тот, кто пользуется своим правом, никому не причиняет вреда», см.: Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. — М.: Зерцало. 1997. — С. 24.

4 De Beers Consolidated Mines, Ltd. v. Howe. 1906 5 TC 198. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://library.croner.co.uk> (дата обращения: 14.04.2022); Daimler Co., Ltd. v. Continental Tyre Co., Ltd. (1916) 2 AC 307. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://indianlawportal.co.in> (дата обращения: 14.04.2022); In re Bayer Co., Ltd. 488 F.3d 960. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://casetext.com> (дата обращения: 14.04.2022); Menne B. Krupp's Deutschland's Kanonenkonige. — Zurich, 1937. — P. 352.

5 Например, такими способами являются: корпоративное структурирование бизнеса, размещение капитала в офшорах и трастах, транзит капитала через дружественные юрисдикции, оформление имущества на аффилированных лиц, использование агентов, представительство и номинальных руководителей за рубежом.

6 См.: заявление Правительства Великобритании от 17.03.2022 г. о приостановлении обмена налоговой информацией между Россией и Беларусью. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://questions-statements.parliament.uk> (дата обращения: 14.04.2022); Заявление Правительства США от 05.04.2022 г. о приостановлении обмена налоговой информацией с Россией. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.usa.gov> (дата обращения: 14.04.2022).

Полагаем, что переориентация в какой-то степени деятельности ОЭСР, членами которой являются большинство недружественных по отношению к России государств, на организации БРИКС и ШОС, не просто повысит возможности российских правоприменительных органов в раскрытии сведений о перемещении капитала, его владельцах, но и исключит риски использования недружественными государствами финансовых сведений против российских компаний.

С другой стороны, положительный эффект от применения механизмов по раскрытию финансовых сведений может быть достигнут путём подписания двусторонних соглашений Российской Федерации с дружественными государствами по передаче сведений в отношении компаний, имеющих национальность других государств. При таком формате сотрудничества Российская Федерация сможет аккумулировать сведения в отношении компаний недружественных государств и предотвращать несанкционированный транзит капитала его контролирующими лицами не только через офшорные юрисдикции, но и через промежуточные дружественные по отношению к России государства.

Стоит отметить, что нереализованной в российской практике осталась идея о создании публичных реестров бенефициарных владельцев иностранных компаний, получившая отражение ещё в Концепции развития гражданского законодательства 2009 года⁷. Усатриваем, что создание подобного механизма позволит усилить защиту национальных интересов в привлечении к ответственности иностранных компаний и их контролирующих лиц на международном частном уровне.

Наконец, мерой общего характера в борьбе с недобросовестными офшорными компаниями может стать разработка в гражданском законодательстве системы гибких коллизионных привязок, позволяющих осуществить суду выбор применимого права к ответственности недобросовестных контролирующих лиц по обязательствам иностранной компании в зависимости от места сосредоточения её интересов и активов.

2. Защита интересов и прав компаний, зарегистрированных на территории Донецкой и Луганской народных республик

Принимая во внимание недружественную политику украинских властей к гражданам самопровозглашенных народных республик на территории Украины и переезд этих граждан на постоянное место жительства в Россию представляется целесообразным предусмотреть на законодательном уровне возможность для компаний самопровозглашенных республик переместить свой бизнес в Российскую Федерацию с сохранением за компаниями средств индивидуализации и корпоративных особенностей.

Немало важным для таких компаний станет предоставление российским правительством льготных срочных условий на реанимацию и развитие бизнеса в России. По аналогии с компаниями Крымского полуострова, редоминированными с территории, ранее принадлежавшей Украине, упрощённый порядок изменения личного закона для компаний самопровозглашённых республик может реализоваться путём принятия соответствующих международных

7 Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2009 г. — № 11.

соглашений и законов о поддержке русско-украинского населения самопровозглашённых республик⁸.

3. Защита интересов и прав российских граждан и юридических лиц в связи с недружественными актами иностранных государств

Санкционное давление на российских граждан и юридических лиц в современный период развития отношений оказалось беспрецедентным⁹, замороженными в иностранных юрисдикциях оказались активы Центробанка России, дочерних структур крупных финансовых организаций, стратегически значимых предприятий. По всему миру недружественные государства арестовывают и экспроприируют имущество российских граждан, приостанавливают с ними финансовые операции¹⁰.

Принимая во внимание неправомерные действия недружественных государств, направленные на дискредитацию принципов защиты частного капитала, взаимности и международной вежливости, защиты прав и свобод человека, Российская Федерация не может не принять ответные меры, направленные на защиту национальных интересов¹¹.

Несмотря на определение перечня санкций и недружественных стран¹² по отношению к России, нам представляется необходимым на подзаконном уровне сформулировать чёткий перечень реторсий, который позволит российским правоприменительным органам ограничить коллизионный выбор права к отношениям с участием иностранных компаний и не исполнять решения недружественных стран по передаче и взысканию активов с российских граждан и юридических лиц. Введение ограничений по применению национального режима к иностранным компаниям, таким образом, легитимизирует возможность для российского государства обращать взыскание на иностранные активы, в том числе и в отношении тех компаний, которые покинули российский рынок (ст. 1194 ГК РФ).

В отношении иностранных предприятий, имеющих существенное значение для российского рынка и трудового коллектива предприятия (не только стратегические предприятия или предприятия, обеспечивающие более 25 % рабочих мест в населённом пункте) благоприятным исходом развития событий, станет введение по инициативе коллек-

тива предприятия процедуры внешнего управления предприятия с последующей его продажей на публичных торгах российским предпринимателям¹³. В целях привлечения средств управления для внешней администрации можно предложить реализацию права преимущественной покупки предприятия, что повысит инвестиционную привлекательность для управляющей администрации. Данные меры, на наш взгляд, позволят в экстраординарном порядке произвести замещение финансовых средств, товаров и услуг на отечественном рынке, предотвратив кризисное влияние инфляционных процессов и демпинга ценообразования.

Комплексный и взвешенный ответ российских властей по предложенным направлениям в столь непростых экономических условиях создаст новую модель построения трансграничных отношений, при которой интересы российских бизнесменов и российского государства окажутся во главе угла российского правотворчества и правоприменения, связанным с незаконным изъятием и перемещением капитала.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяченко Е.Б. Контроль за корпорациями: доктрина и практика. – М.: Инфотропик, 2013. – С. 148.
2. Фонотова О.В., Индинок П.Д. Комплаенс в контексте международного частного права: опыт транснациональных корпораций // Законодательство. – 2021. – № 6. – С. 7-15.
3. Канашевский В.А. Международное частное право. – М.: Международные отношения, 2019. – С. 1064.
4. Стригунова Д.П. Проблема определения правового статуса транснациональной корпорации // Современное право. – 2020. – № 2. – С. 89-93.

8 Ст. 19 Федерального закона от 30.11.1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – С. 3302.

9 По состоянию на 22.03.2022 г. число российских граждан и юридических лиц, находящихся под санкциями иностранных государств, достигло 7 116. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru> (дата обращения: 14.04.2022).

10 Например, в соответствии с законопроектом Парламента США об аресте активов, подпадающих под юрисдикцию США, в отношении определенных иностранных лиц от 05.04.2022 г. имущество российских граждан, арестованное США, подлежит передаче Украине для развития её экономики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://malinowski.house.gov/sites/evo-subsites/malinowski.house.gov/files/evo-media-document/Asset%20Seizure%20Text%20SUS.pdf> (дата обращения: 14.04.2022).

11 Принятые меры поддержки российских граждан и юридических лиц представлены на портале Правительства РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.government.ru (дата обращения: 14.04.2022).

12 Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-Р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. – 14.03.2022. – № 11. – С. 1748.

13 На данный момент инициативной группой предложен Законопроект «О внешней администрации по управлению организацией» в отношении ограниченного перечня иностранных компаний: предприятий-монополистов на российском рынке; предприятий, производящих товары первой необходимости; предприятий, обеспечивающих 25 % рабочих мест в населённом пункте; предприятий, включённых в цепочку поставок значимых производств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 14.04.2022).

ЖУРБЕНКО Валерия Геннадьевна

студент 4 курса Факультета подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет) Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия

Журбенко В. Г.

ЗАЩИТА ПРАВ СТОРОН ДОГОВОРА О СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Трансграничный характер, который могут носить правоотношения, вытекающие из заключения и исполнения договора об услугах суррогатного материнства, запрещенного в одной стране и легально закрепленного в другой, неизбежно порождает не только проблему «хромоающих» правоотношений, но и защиты прав их сторон. В настоящем исследовании автор изучил опыт правового регулирования данного вопроса в отдельных зарубежных странах и на его основе сделал предложения о совершенствовании действующего российского законодательства в данной области.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивные технологии, права генетических родителей, права ребенка.

ZHURBENKO Valeriya Gennadjevna

student of the 4th course of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law) of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PARTIES TO THE SURROGACY AGREEMENT: FOREIGN EXPERIENCE

The cross-border nature that legal relations may have, arising from the conclusion and execution of a contract on surrogacy services, prohibited in one country and legally enshrined in another, inevitably generates not only the problem of “limping” legal relations, but also the protection of the rights of their parties. In this study, the author studied the experience of legal regulation of this issue in certain foreign countries and based on it made proposals to improve the current Russian legislation in this area.

Keywords: surrogacy, reproductive technologies, the rights of genetic parents, the rights of the child.

В настоящее время прослеживается тесная связь между спецификой законодательного урегулирования услуг суррогатного материнства и статусом потенциальных родителей, которые нередко сталкиваются с нарушением прав, в частности, права основывать свою семью, которое закреплено во Всеобщей декларации прав человека, либо репродуктивных прав, которые установлены Конвенцией ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин».

Приведем примеры из опыта зарубежных стран по данному вопросу, чтобы проиллюстрировать полярно разные подходы.

Одним из наиболее интересных и сложных вариантов развития нормативного регулирования рассматриваемого вопроса сложился в Великобритании, где в настоящий момент происходит пересмотр действующего законодательства о суррогатном материнстве. Основу правового регулирования складывающихся в данной области отношений сегодня составляет Закон о суррогатном материнстве 1985 г., который, как отмечается в литературе, хоть и заложил нормативную базу в указанной сфере, но сформировал весьма противоречивый, не лишенный серьезных трудностей режим.

Ключевой точкой в регулировании суррогатного материнства, согласно рассматриваемому акту, являлась позиция признания договоров о суррогатном материнстве недействительным, не налагая, при этом, полного запрета на пользование подобными услугами в принципе. Таким образом, хотя суррогатное материнство фактически и разрешено, возможное правовое оформление не дает сторонам договора принудительных механизмов, чтобы заставить суррогатную мать

отдать ребенка биологическим родителям, если после родов она поменяет свое решение.

Вместе с тем, закон прямо запрещает коммерческое посредничество, включая рекламу и любые другие организационные действия, направленные на поиск предложений о предоставлении подобного рода услуг.

Еще одним важным моментом является понимание суррогатной матери как единственной законной матери новорожденного, в то время как биологическим родителям потребуется решение суда, чтобы получить официальные права на ребенка. Интересен тот факт, что с легализацией однополых союзов на территории данного государства такие пары также получили доступ к услугам о суррогатном материнстве, но и на такие семьи действие закона 1985 г. также имеет распространение.

Отметим и другие сложные моменты в правовом регулировании данных отношений британским законодательством. В контрактах на суррогатное материнство нет предписанного содержания, а также нет обязательного скрининга или консультирования суррогатных матерей или предполагаемых родителей [8, с. 123].

Возможность дальнейшего признания происхождения ребенка от биологических родителей в судебном порядке требует соблюдение еще одной формальности – по крайней мере, один из заявителей должен иметь генетически подтвержденное родство, что значительно сужает сферу применения репродуктивных технологий, при которых оба донорских материала могут быть пожертвованы третьими лицами.

Нет четких установлений и в части оформления финансовых обязательств сторонами договора, в действующей су-

дебной практике можно зачастую встретить подход, согласно которому суд отказывает в принятии положительных решений в случае, если установит, что суррогатной матери были выплачены суммы, превышающие разумно понесенные доходы. Причем какого-то единообразного подхода, равно как и критериев к определению разумности выплаченных сумм ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике английских судов нет.

Что же касается обращения британских граждан к услугам зарубежных суррогатных матерей, в действующем законодательстве также прямого запрета на это нет. Но как и нет легального закрепления вопроса об юридическом оформлении происхождения детей, рожденных от иностранных лиц.

Сказанное породило волну общественного интереса к данной проблематике и последующую необходимость в реформировании действующего законодательства. В перспективе предлагается создать некие специальные уполномоченные организации, в ведомости которых будет находиться контроль над заключением договоров на оказание услуг суррогатного материнства, а также поиск и организация подобных услуг и консультационная, в том числе, правовая помощь. Предлагается унифицировать и сам текст договора на оказание услуг, предусмотрев в нем обязательные разделы об используемых технологиях и финансовых обязательствах сторон.

Важным моментом выступает предложение о признании биологических родителей законными родителями ребенка, родившегося с помощью рассматриваемых технологий, с момента его рождения, без дополнительных судебных или иных формальных процедур. При этом за суррогатной матерью будет сохранен некий временной период, в течение которого у нее будет возможность предъявить возможные претензии, связанные с протестом против статуса генетических родителей.

В Германии процедура суррогатного материнства также запрещена на законодательном уровне, о чем свидетельствуют нормы принятого в 1991 г. Закона «О защите эмбрионов». Действие, согласно которому предоставление биологического материала женщине, которая впоследствии отказывается от новорожденного, квалифицируется как уголовное деяние и грозит лицам, принявшим участие в использовании подобных технологии, наказанием в виде лишения свободы до пяти лет. Сказанное объясняется с проблемой идентичности ребенка, что, по мнению законодателя, может привести к правовым проблемам суррогатного материнства [2, с. 182]. В случае, если бездетная пара все-таки прибегает к услугам суррогатной матери, единственной возможностью обрести правовую связь с ребенком по-прежнему остается его усыновление. В случае, если суррогатной матерью выступила иностранка, возникают сложности с ввозом в страну новорожденного, поскольку биологическое родство в данной ситуации не учитывается, а по немецкому законодательству законными родителями ребенка выступают родившая его женщина и ее законный муж.

В Итальянской Республике Законом № 40 от 19 февраля 2004 года «О нормах вспомогательных репродуктивных технологий» установлен императивный запрет на услуги суррогатного материнства, за нарушение которого предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы на срок от трех месяцев до двух лет и наложения штрафа в размере от 600 тысяч до 1 млн. евро. Наказанию подвергаются лица, которые так или иначе причастны к организации донорства или суррогатного материнства на территории этого государства,

включая рекламу таких услуг. Однако отметим, что самим итальянским гражданам прибегать к рассматриваемым услугам за границей не запрещено¹. Вместе с тем, и в таких случаях супруги могут оказаться без столь желанного результата.

В качестве наглядного примера обратимся к громкому судебному спору, ставшему известным в 2017 году под названием «дело Парадизо и Кампанелли».

Дело Парадизо и Кампанелли – не первое, в котором европейская пара пользуется услугами суррогатной матери в России. Как следовало из материалов дела, бездетные супруги на протяжении длительного периода времени предпринимали безуспешные попытки принять ребенка на усыновление, поэтому они решили воспользоваться услугами российской суррогатной матери. Ребенок появился на свет 27 февраля 2011 г. в г. Москве в одной из российских репродукционных клиник. При этом суррогатная мать в целях юридического оформления факта появления ребенка от биологических родителей дала письменное согласие на то, чтобы ребенка записали в качестве сына заявителей – Джованни Кампанелли и Донатина Парадизо, что и было осуществлено 10 марта 2011 г. и подтверждено выданным свидетельством о рождении, апостилированным в соответствии с Гаагской конвенцией от 5 октября 1961 г., отменяющей требование легализации иностранных официальных документов. В дальнейшем заявительница получила в консульстве Италии все необходимые для выезда документы, и уже 30 апреля 2011 г. оказалась на родине вместе с новорожденным.

Однако уполномоченные итальянские органы документы о рождении ребенка не приняли, поскольку было решено, что они содержат не соответствующие действительности сведения. И уже далее было проведено исследование ДНК заявителей и ребенка, результаты которого, однако, не подтвердили генетическое родство. Руководство российской клиники в ответ на запрос заявителей адекватных пояснений по данному поводу не предоставило. В силу указанного компетентные итальянские органы регистрации актов гражданского состояния отказались произвести соответствующие процессуальные действия по юридическому оформлению родства заявителей и ребенка. Мужчина и женщина, фактически предоставившие свои половые клетки для рождения ребенка, иными словами, его биологические родители, так и остались неустановленными. Таким образом, сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что Кампанелли и Парадизо фактически действовали незаконно, поскольку привезли в Италию чужого ребенка, выдав его за своего собственного, что идет в разрез с установлениями другого итальянского закона от 4 мая 1983 г. № 184, регламентирующего усыновление детей из других стран [1].

Описываемые проблемы в целом характерны и для стран Азии, но имеют и довольно серьезную специфику. Так, быстрое развитие индустрии суррогатного материнства в Индии объясняется целым рядом причин, в том числе, отсутствием серьезного государственного регулирования сектора репродуктивной медицины в период с 2002 по 2018 г. [5, с. 254].

Однако 19 апреля 2018 года был принят закон, запрещающий коммерческое суррогатное материнство. Согласно закону, его нарушители – лица, оплачивающие услуги докторов, клиник и суррогатных матерей, – будут наказываться

1 Суррогатное материнство: мировой опыт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20131111/976039040.html> (дата обращения: 12.01.2022).

лишением свободы на срок не менее пяти лет и штрафом от 500 тыс. рупий. Данный закон призван изменить представление об Индии как о рынке суррогатных матерей. Ведь до недавнего времени Индия оставалась источником безграничных репродуктивных технологий, доступности услуг суррогатных матерей из бедных слоев населения. Закон предполагает суррогатное материнство только на альтруистической основе, включая расходы по оплате медикаментов матери, расходы по болезни матери. В настоящее время Индия перестает быть рынком сбыта суррогатных матерей, которым активно пользовались такие страны, как Великобритания, США, Австрия, Италия [6, с. 40].

Среди специалистов высказывается точка зрения, что принятие рассматриваемого акта стало результатом растущего желания избавиться от устойчивого представления стереотипа об Индии как стране, торгующей своими репродуктивными ресурсами. Как показывает Х.Д. Сингх: «до самого последнего времени эта тема совершенно находилась вне поля зрения как политической элиты, так и медицинского сообщества Индии» [11, с. 825]. Наряду с этим принятие Закона 2018 г. ставит перед властями и другие задачи – вернуть индийским женщинам из беднейших слоев общества (потенциальным суррогатным материям) чувство собственного достоинства, повысить их образовательный уровень, предоставить возможность кормить свои семьи другим, хорошо оплачиваемым трудом [6, с. 43].

Еще одной азиатской страной, строго запрещающей суррогатное материнство, является Сингапур, причем это государство стало первым в Юго-Восточной Азии, запретившим данное явление на уровне закона, и его примеру последовали другие государства, которые были представлены «фабриками суррогатных матерей», например, Таиланд и Индия, о которой говорилось ранее. Сингапурское законодательство не признает договоры, заключенные как на территории государства, так и на территории иностранного государства.

Острая проблема заключается в рождении ребенка от гестационной суррогатной матери. Родители ребенка (отец и мать) являются одной правовой стороной, не имея возможности предоставить биологический материал по ряду причин, суррогатная мать, которая будет вынашивать ребенка, является второй правовой стороной, а третьей стороной является донор соответствующего биоматериала, необходимого для оплодотворения. В таком случае новорожденный не сможет быть возвращен на Родину. Даже, если биологические родители озаботились юридическими вопросами подтверждения собственных прав на ребенка на территории зарубежного государства, где фактически возникли указанные правоотношения и был заключен соответствующий договор, может потребоваться повторное подтверждение родительских прав уже на родине в соответствующем суде, решение которого часто складывается не в пользу заявителей. Последствия такого решения могут быть весьма печальными, новорожденного часто передают в службу опеки, а биологические родители лишаются даже права видеться с ним. Во многих странах, где запрещено суррогатное материнство, генетические родители часто усыновляют своего же ребенка. Но в Сингапуре такая манипуляция вызывает однозначные подозрения с юридической точки зрения, так как участниками правоотношений по усыновлению будет трое родителей, как упоминалось выше. Кроме того, в рамках уголовного права Сингапура подобное поведение часто квалифицируется с позиции уголовного права как по-

купка ребенка в результате договора обмена либо купли-продажи и влечет за собой соответствующие неблагоприятные уголовно-правовые последствия, предусмотренные целым перечнем соответствующих статей уголовного законодательства. Если же иностранная суррогатная мать появится на территории страны и обратится в суд с соответствующим заявлением, то в подавляющем большинстве случаев решение принимается в ее пользу, и суд распорядится вернуть ребенка ей. Наконец, даже если все описанные выше сложности преодолены сингапурскими родителями, то возникает еще один законодательный барьер, подобный описанным выше случаям – такому ребенку, скорее всего, никогда не будет предоставлено гражданство Сингапура [10, с. 35].

Обращаясь к опыту нормативного регулирования рассматриваемой проблемы в Российской Федерации, отметим, что в нашей стране разрешено коммерческое суррогатное материнство, предполагающее денежное вознаграждение суррогатной матери, размер и условия которого включаются в содержание договора. Таким образом, мы можем констатировать отсутствие императивного запрета на услуги суррогатного материнства, в то же время данный институт не имеет детального правового механизма регулирования. Легальное определение суррогатного материнства дается в ч. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»².

И хотя отечественное нормативное регулирование в области суррогатного материнства можно охарактеризовать как достаточно подробное, и оно не лишено пробелов. «Узкий момент» норм Семейного кодекса состоит в положении об обязательном согласии суррогатной матери на запись родителями ребенка его генетических родителей [3, с. 145]. Анализ судебной практики, складывающейся по спорам, вытекающим из рассматриваемых правоотношений, позволяет сделать вывод о том, что на протяжении многих лет отечественные суды интерпретировали данное правило как приоритетное право суррогатной матери на принятие решения о рождении ребенка. Во многих случаях это приводило к очевидным злоупотреблениям со стороны недобросовестной суррогатной матери (вымогательство, шантаж) и формировало ситуацию правовой незащищенности биологических родителей.

В науке отмечаются три базовых недостатка исследуемого положения: полное игнорирование прав генетических родителей; воля суррогатной матери может противоречить интересам ребенка, который лишается возможности жить и воспитываться в полной семье; отказ суррогатной матери передать ребенка его генетическим родителям представляет собой нарушение обязательств заключенного между ними гражданско-правового договора [7, с. 29].

Услуги суррогатного материнства, предоставляемые российскими гражданками, остаются весьма востребованным среди иностранных лиц, преимущественно гражданами из Китая, Филиппин и Таиланда. Однако Группа депутатов

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.04.2022) // «Российская газета». – № 263. – 23.11.2011.

Госдумы разработала проект закона³, согласно которому пользоваться услугами суррогатных матерей предлагается запретить иностранцам и людям, не состоящим в браке. Логика законодателей объясняется активным повышением востребованности рассматриваемых услуг среди населения, что, по мнению депутатов, формирует возможность нанесения ущерба национальным интересам, а также может составлять угрозу личной, общественной, экономической, а также биологической безопасности. В пояснительной записке к проекту особо говорится о необходимости установления законодательного запрета на пользование услугами российских суррогатных матерей иностранными лицами. Отмечается, что в нашей стране сформировался самостоятельный рынок экспорта детей, рожденных в результате использования подобных репродуктивных технологий.

Сказанное подтверждают и некоторые статистические данные. Так, только за один декабрь 2020г. усилиями Росздравнадзора по Москве и Московской области было выявлено свыше 40 случаев предоставления услуг вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе услуг суррогатного материнства, одиноким мужчинам-иностранцам без медицинских показаний. Актуальность нормативного регулирования взаимоотношений иностранных граждан с российскими суррогатными матерями повысилась также в ходе эпидемии COVID-19, когда в силу полного или частичного запрета на посещение зарубежных стран в Россию не смогли приехать многие биологические родители-иностранцы, которые должны были забрать уже появившихся на свет детей, рожденных от суррогатных матерей-россиянок. Подобные дела стали иметь массовый характер, судьба новорожденных часто оставалась в подвешенном состоянии. В ряде случаев органы внутренних дел шли на беспрецедентные меры, возбуждая уголовные дела по ст. 127.1 Уголовного Кодекса РФ, предусматривавшей уголовную ответственность за торговлю людьми, привлекая к ответственности широкий круг лиц, причастных к оказанию услуг суррогатных матерей, включая врачей-репродуктологов и технический персонал медицинских учреждений.

18 мая 2022 г. Правительство РФ дало положительный отзыв на законопроект о запрете для иностранных граждан и лиц без гражданства использовать институт суррогатного материнства на территории России, при этом указав на необходимость детально регламентировать предмет договора о суррогатном материнстве, определив его стороны, существенные условия, права и обязанности сторон, их ответственность за нарушение такого договора⁴.

Подводя итоги, стоит сказать о том, что в перспективе следует детально урегулировать институт суррогатного материнства, в том числе включить нормы, касающиеся иностранного элемента, а именно – пользование услугами суррогатного материнства иностранными гражданами. Возникающие отношения по поводу суррогатного материнства, осложненные иностранным элементом, приводит к возникновению

непростых коллизий, касающихся основ материнства, отцовства, опеки, попечительства и прав детей. Существующие механизмы международного частного права для разрешения споров, возникающих из подобного рода правоотношений, не всегда применимы и способны предоставить адекватное и справедливое регулирование.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление ЕСПЧ от 24.01.2017 «Дело «Парадизо и Кампанелли (Paradiso and Campanelli) против Италии» // Бюллетень ЕСПЧ по правам человека. Российское издание. – 2017. – № 6.
2. Азизов А.А. Сравнительная характеристика договора суррогатного материнства в России, США, Израиле и Германии // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 11. – С. 181-188.
3. Гаджимагомедова Ш.С., Кухмазова А.Т. Правовое обеспечение суррогатного материнства: Российский и зарубежный опыт // Образование и право. – 2020. – № 1. – С. 143-149.
4. Кабмин поддержал запрет услуг суррогатных матерей для иностранцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14653545> (дата обращения: 18.05.2022).
5. Михель И.В. Индийская сага о ВРТ: медико-антропологический взгляд // Философские проблемы биологии и медицины: феномен биорациональности. – М.: Ленанд, 2019. – Вып. 13. – С. 254-258.
6. Михель И.В. Суррогатное материнство в Великобритании и Индии: меры по регулированию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 32-52.
7. Момотов В.В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex Russica. – 2019. – № 1. – С. 29.
8. Огай С.Д.Э. Проблемы принятия нового закона о суррогатном материнстве в Великобритании // Юридическая наука. – 2020. – № 11. – С. 122-124.
9. Суррогатное материнство: мировой опыт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20131111/976039040.html> (дата обращения: 12.01.2022).
10. Шаров К.С. Суррогатное материнство в России и Сингапуре в системе моделей демографического поведения // Социодинамика. – 2019. – № 4. – С. 31-41.
11. Singh H.D. «The World's Back Womb?»: Commercial Surrogacy and Infertility Inequalities in India // American Anthropologist. – 2014. – Vol. 116 (4). – P. 824-828.

3 Законопроект № 41630-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части установления требования о наличии гражданства Российской Федерации при использовании суррогатного материнства на территории Российской Федерации)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41630-8> (дата обращения: 12.01.2022).

4 Кабмин поддержал запрет услуг суррогатных матерей для иностранцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/14653545> (дата обращения: 18.05.2022).

ЗАИКА Даниил Алексеевич

магистрант 2-го курса кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

МЕСТО ПЕРСОНАЖА ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ В США И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая работа является одной из немногих работ, посвященных проблемам, возникающим при определении правового статуса персонажей произведений в системе объектов авторских прав. Данная область авторского права является недостаточно изученной и порождает множество дискуссий и вопросов.

На сегодняшний день в большинстве развитых юрисдикций регулирование использования и правовой защиты персонажей произведения, равно как и других составных частей произведения, не является специфическим, то есть регулируется общими законодательными нормами и фундаментальными принципами авторского права. Большинство специальных принципов и критериев, касающихся персонажей, были выработаны судебной практикой.

В настоящей статье будут проанализированы законодательство и релевантная судебная практика США и России в части регулирования правового статуса персонажей.

Ключевые слова: авторское право, часть произведения, персонаж, охрана произведений, автор, интеллектуальная собственность, объекты авторского права, правовая охрана объектов авторского права.

ZAİKA Daniil Alekseevich

magister student of the 2nd course of S. N. Lebedev International private and civil law sub-faculty of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

THE PLACE OF THE FICTIONAL CHARACTER IN THE SYSTEM OF COPYRIGHT OBJECTS IN THE UNITED STATES AND THE RUSSIAN FEDERATION

This article is one of the few articles devoted to the problems of determining the legal status of fictional characters in the system of copyright objects. This area of copyright law is understudied and gives rise to many discussions and questions.

At present in most developed jurisdictions the regulation of the use and legal protection of the fictional characters, as well as other component parts of the work, is not specific, that is, it is regulated by general legal provisions and fundamental principles of copyright law. Most of the special principles and criteria regarding characters have been developed by case law.

This article will analyze the legislation and relevant case law of the United States and the Russian Federation in terms of regulating the legal status of characters.

Keywords: copyright law, component part of a work, fictional character, legal protection of works, author, intellectual property, objects of copyright law, legal protection of copyright objects.

Заика Д. А.

Персонаж является юридически значимой частью произведения и подлежит самостоятельной правовой охране. Тем не менее, специальное законодательное регулирование отсутствует как в Российской Федерации, так и в США. В США, к примеру, основные принципы по защите персонажей были выработаны судебной практикой. В Российской Федерации персонажу произведения *напрямую* была предоставлена авторско-правовая охрана только со вступлением в силу с 1 января 2008 года части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – «ГК РФ»). В п. 7 ст. 1259 ГК РФ («Объекты авторских прав») устанавливается, что авторско-правовая охрана распространяется на часть произведения, в том числе на персонажа, при условии того, что такая часть произведения отвечает законодательно установленным критериям охраноспособности.

Персонаж упоминается в законодательстве единожды и квалифицируется законодателем как часть произведения. В юридическом сообществе по поводу отсутствия какого-либо специального регулирования и тем более легального определения персонажа высказываются полярные точки зрения. Некоторые исследователи считают, что отсутствие легального определения персонажа является значительным пробелом законодательства [1], в то время как другие исследователи придерживаются другой точки зрения и считают, что выработать единое легальное определение «персонаж про-

изведения» представляется достаточно затруднительным и в определенной степени бессмысленным по ряду объективных причин. Так, В.Л. Энтин справедливо отмечает, что персонаж по своей сущности носит абстрактный характер, и в зависимости от вида произведения, частью которого является, персонаж «наполняется реальным содержанием» [2]. Данное замечание, на наш взгляд, является весьма справедливым, так как единого определения «персонаж произведения» быть не может в силу того, что произведения различаются в первую очередь по форме объективизации.

Верховный суд в п. 82 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – «ПП ВС № 10») ввел следующее определение персонажа произведения: «под персонажем следует понимать совокупность описаний и (или) изображений того или иного действующего лица в произведении в форме (формах), присущей (присущих) произведению: в письменной, устной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме и др.».

Персонаж – часть произведения

И если в российском гражданском законодательстве «персонаж» единожды упоминается в п. 7 ст. 1259 ГК РФ, что само по себе, несмотря на противоречивые мнения юридиче-

ского сообщества, вносит некую определенность в представления об авторско-правовой охране «персонажа произведения», то в США персонаж (fictional character) упоминается только на уровне судебных решений. Отечественное законодательство выделяется на фоне законодательств других развитых правовых систем, в которых нет даже упоминания об авторско-правовой охране персонажей.

Персонаж произведения приобретает свойства объекта авторских прав, если отвечает законодательно установленным критериям. Так, в соответствии с п. 7 ст. 1259 ГК РФ авторские права распространяются на составные компоненты произведения, в том числе на персонажа произведения, «если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора» и отвечают требованию об объективной форме.

Стоит отметить, что в то же время к персонажу произведения не предъявляется никаких специфических требований, как к объекту авторских прав. Требования, предъявляемые к персонажу, носят общий характер, то есть это те требования, которые предъявляются ко всем объектам авторских прав. Персонаж произведения должен отвечать тем же критериям охраноспособности, что и само произведение. Из этого Э.П. Гавриловым был сделан закономерный вывод о том, что персонаж является одной из разновидностей произведений [3]. Данная гипотеза находит подтверждение в судебной практике. В ходе рассмотрения одного из дел суд пришел к выводу, что персонаж может подлежать самостоятельной авторско-правовой охране только в том случае, если в совокупности отвечает всем критериям охраноспособности, которым должно отвечать произведение в целом [4]. Из этого закономерно следует вывод о том, что суды также в некоторых случаях придерживаются мнения, что персонаж является самостоятельным объектом авторского права вне зависимости от произведения, частью которого он является. Данная позиция является обоснованной и практичной при разрешении судебных споров, поскольку предоставляет возможность обеспечить защиту каждому персонажу, если незаконно нарушены права сразу нескольких персонажей одного произведения. Однако суды не всегда в таком случае находятся на стороне правообладателя и считают, что нарушение прав на нескольких персонажей произведения является нарушением единого исключительного права на произведение, частью которых они являются.

Вопрос, является ли персонаж частью произведения или самостоятельным объектом авторских прав, весьма дискуссионный. Главным образом дискуссии вызваны различным толкованием нормы, которая устанавливает режим авторско-правовой охраны для персонажей произведения; в норме ГК РФ подчеркивается, что персонаж — это только часть произведения. Однако, на наш взгляд, законодатель, закрепляя такую формулировку, все же хотел подчеркнуть, что персонаж произведения в определенных случаях следует рассматривать как самостоятельный объект авторского права. Мы можем вполне согласиться с формулировкой законодателя, которая, как уже отмечалось выше, звучит следующим образом: «авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонаж произведения». У нас есть несколько предположений по поводу того, как можно объяснить такую, на первый взгляд, амбивалентность:

1. В первую очередь необходимо определиться с терминологией. Предполагаем, что за формулировкой о том, что «авторские права распространяются на часть произведения», имеется в виду то, что персонаж является частью произведения в прямом смысле этого слова. Категория «персонаж» существует как часть целого, а именно произведения, о чем мы говорили выше. Таким образом можем сделать вывод о том, что законодатель не стремился подобной формулировкой каким-то образом ограничить авторско-правовую охрану части произведения (т. е. персонажа), поскольку в прямом смысле этого слова персонаж является частью сюжетной линии определенного произведения (литературного или аудиовизуального). Этому предположению можно противопоставить тот факт, что в п. 1 ст. 1259 ГК РФ в числе прямо поименованных объектов авторских прав нет упоми-

нания о персонаже. Тем не менее закреплено, что к объектам авторских прав относятся и «другие произведения», т. е. законодатель не ограничил объекты прав исключительно теми, которые перечислены в норме. Мы полагаем, что сюда можно отнести и «персонажа произведения» тогда, когда он, как и иные объекты авторских прав, прямо поименованные в законе, отвечает критериям охраноспособности, что также и вытекает из п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Однако прямое отнесение персонажа к объектам авторских прав, перечисленных в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, имело бы множество последствий. При определении, относится ли персонаж к охраняемому объекту авторских прав, стоит учитывать большое количество различных факторов. Не каждый персонаж произведения должен подлежать правовой охране, поскольку в произведении имеется большое количество персонажей, которые являются «фоновыми» и их не стоит относить к охраняемым объектам авторских прав. Предоставление каждому персонажу, в том числе второстепенному, авторско-правовой защиты привело бы к слишком широкой охране авторских прав.

2. Отнесение персонажа напрямую к полноценному самостоятельному объекту авторских прав в законодательстве автоматически повлекло бы признание любого произведения сложным объектом авторских прав, поскольку бы само охраняемое произведение содержало бы в себе еще и напрямую охраняемые элементы. В таком случае закрытый перечень сложных объектов (ст. 1240 ГК РФ), скорее всего, пришлось бы значительно расширить. Это бы привело по меньшей мере к тому, что при отчуждении, к примеру, автором литературного произведения прав на произведение правообладателю кинофильма, к последнему переходили бы права на всех персонажей. В таком случае автор литературного произведения лишился бы возможности использовать персонаж произведения в дальнейшем. Отчуждение произведения означало бы отчуждение прав на всех персонажей и вызывало бы множество неоднозначных ситуаций на практике. На самом деле, куда логичнее сохранить текущее законодательное регулирование, поскольку при возникновении ситуации, описанной в качестве примера выше, автор произведения отчуждает свои права правообладателю кинофильма и может и в дальнейшем использовать персонажей своего произведения, а при необходимости — передать права на любого персонажа обособленно в будущем.

3. Если персонаж отвечает всем критериям охраноспособности, которые будут рассмотрены ниже, то следует учитывать, что в законе никак прямо не ограничена возможность отнесения персонажа к самостоятельному объекту авторских прав в определенных случаях, а для частей произведения не установлен отдельный правовой режим. В данной ситуации, на наш взгляд, следует исходить от обратного и не рассматривать отсутствие прямого указания на самостоятельность персонажа как ограничение: отсутствие специального правового режима для частей произведения и позволяет предположить, что персонажа можно отнести к одному из видов произведения.

Исходя из всего вышеизложенного, на наш взгляд, законодатель выбрал оптимальный режим правовой охраны. Такое нормативное регулирование предоставляет судам свободу действий и не приводит к слишком широкой охране прав автора. Суды могут по своему усмотрению, отталкиваясь от реальных фактов и установленных законодателем критериев, как предоставлять, так и не предоставлять защиту персонажам произведения.

Несмотря на то, что мы придерживаемся мнения о том, что законодатель выбрал оптимальный режим защиты, все же стоит закрыть определенные пробелы в законодательстве, не позволяющие должным образом защитить права автора.

Критерии охраноспособности персонажей

Каким же критериям охраноспособности должен отвечать персонаж произведения в соответствии с законодательством? Во-первых, установлено, что персонаж должен быть «самостоятельным результатом творческого труда». Иванов Н.В. считает, что данный критерий в отношении персонажа произведения сформулирован законодателем недостаточно

ясно и может быть истолкован по-разному [5]. Автор считает, что законодатель, устанавливая такой критерий для части произведения, хотел подчеркнуть, что такая часть (персонаж) может быть использована самостоятельно, и ее можно выделить из произведения и использовать “as is”. Данный вывод кажется вполне обоснованным в силу того, что часть произведения не может быть отдельным результатом творческого труда, отдельного от труда, направленного автором на все произведение.

О самостоятельном использовании части произведения как условия ее охраны идет речь также в абз. 5 п. 81 ПП ВС № 10, в котором разъясняется, что «охрана и защита части произведения как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности осуществляются лишь в случае, если такая часть используется в отрыве от всего произведения в целом».

Тем временем Гаврилов Э. П. считает, что напротив, слово «самостоятельный» в анализируемой нами норме не несет никакой правовой нагрузки, и следует акцентировать внимание лишь на словосочетании «результат творческого труда». Многие исследователи считают, что данный критерий означает, что произведение (в нашем случае его часть) должно быть оригинальным [6].

Во-вторых, в соответствии с п. 3 ст. 1259 ГК РФ персонаж произведения должен быть выражен в объективной форме. Из данной нормы следует, что любое произведение, являющееся объектом авторско-правовой охраны, может иметь следующие формы объективизации: письменная форма, устная форма при условии ее публичности, изображение, аудиовизуальная форма, объемно-пространственная форма. Данный перечень является открытым.

И в отечественной, и в зарубежной доктрине подчеркивается, что авторско-правовая охрана не распространяется на идеи, принципы и концепции. Данный принцип содержится как в отечественном законодательстве (п. 5 ст. 1259 ГК РФ), так и в законодательстве США. Так, в Законе об авторском праве США 1976 года перечислен перечень произведений, которые являются объектами авторского права (параграф 102 (а)). К объектам авторского права не относятся идея, процесс, концепция, принцип и т. д. Например, одна и та же идея может быть совершенно по-разному воплощена разными авторами, но это не влечет нарушения права ни одного из этих авторов. Принцип защиты объективно выраженной формы произведения – фундаментальный принцип авторского права, но разница между идеей (e.g. говорящей черной мышью) и формой выражения (персонажем «Микки-Маус») периодически бывает трудноуловима. Так, в одном из дел суд пришел к следующему выводу: «любой критерий обязательно будет расплывчатым... очевидно, что нельзя сформулировать никакого принципа или критерия, определяющего, когда лицо вышло за рамки идеи и позаимствовало форму выражения у другого автора. По этой причине решения неизбежно должны приниматься ad hoc» [7].

Еще один критерий был изложен в ПП ВС № 10. В п. 81 ПП ВС № 10 установлено, что авторско-правовая охрана распространяется на те части произведения, которые удовлетворяют такому качественному критерию как узнаваемость. Часть произведения (в нашем случае персонаж) должна быть узнаваема при ее автономном, самостоятельном использовании в отрыве от исходного произведения. Ранее такой критерий упоминался в Определении Верховного Суда РФ от 11.06.2015 N 309-ЭС14-7875 по делу N А50-21004/2013. Суд установил, что персонажи должны обладать «совокупностью признаков, которые делают их оригинальными, узнаваемыми и отличительными от других героев в силу их внешнего вида, движений, голоса, мимики и иных других признаков, предназначенных для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия». На основании буквального толкования данного положения можно сделать вывод о том, что персонаж произведения, используемый в отрыве от исходного материала, должен вызывать ассоциацию с самим произведением. В связи с появлением такого критерия остается открытым вопрос о том, чем должен руководствоваться суд при определении того, удовлетворяет ли персонаж критерию узнаваемости: собственным восприятием или в том

числе опираться на восприятие лиц, участвующих в конкретном судебном споре? На наш взгляд, именно в части персонажей произведений данный критерий является наиболее важным. Главным образом именно он должен определять то, относится ли тот или иной персонаж к охраняемому объекту авторского права или нет.

Судебная практика США выработала два критерия охраноспособности (copyrightability) персонажа произведения – это так называемые (i) “distinct delineation test” и (ii) “story being told test”. Руководствуясь данными критериями суд определяет, стоит ли персонажу предоставлять авторско-правовую охрану. Первый критерий (distinct delineation test) определяет степень «проработанности» персонажа произведения. Впервые вышеупомянутый критерий был применен в 1930 г. в решении в деле Nichols v. Universal Pictures Corp., которое представляется нам очень важным, поскольку именно с него началось развитие практики по самостоятельной охране персонажей в США. Критерий «проработанности» является двухступенчатым и его достаточно тяжело применять на практике. В первую очередь суду необходимо определить «степень проработки» персонажа: персонаж будет наделен авторско-правовой защитой только в том случае, если суд определит, что он в достаточной степени оригинален. Затем суд определяет, является ли выражение нарушающего авторские права персонажа значительно схожим с выражением исходного персонажа оригинального произведения. Если ответ будет положительным, то суд решит, что это незаконное использование не только персонажа, но и всего произведения в целом, частью которого является персонаж. К тому же для того, чтобы автор персонажа оригинального произведения получил авторско-правовую охрану, суд должен признать, что у персонажа оригинального произведения и сходного персонажа есть ряд общих черт. В деле «Супермена» один из судей отметил: «Из этого следует, что небольшая степень проработки персонажа влечет за собой невозможность его охраны авторским правом; и что это наказание автора за слишком неотчетливое обозначение персонажей». Стоит отметить, что критерий проработанности персонажа долгое время был преобладающим в американской судебной практике, и именно на основании этого критерия судьи определяли, насколько персонаж подпадает авторско-правовой охране. На наш взгляд, в какой-то степени критерий проработанности персонажа коррелирует с критерием «узнаваемости», введенным Верховным судом и проанализированным выше.

Второй критерий охраноспособности персонажа (the story being told test) появился благодаря делу Warner Bros. v. Columbia Broad. Суть данного критерия заключается в том, что судьи определяют степень значимости персонажа для сюжета произведения: персонаж для признания его охраноспособным не должен быть простой пешкой (mere chessman) в сюжетной линии, «фоновым» персонажем.

На наш взгляд на сегодняшний день в Российской Федерации существует оптимальный режим регулирования правового статуса персонажа произведения. По нашему мнению, отсутствие четкого законодательного регулирования имеет под собой весомые причины, которые и учитывал законодатель при включении в ГК РФ нормы о персонажах. Несомненно, на практике возникает множество проблем, но они скорее должны решаться ad hoc.

Пристатейный библиографический список

1. Копылов А.Ю. Персонаж произведения как объект авторских прав: Дис. ... к.ю.н. Томск., 2021.
2. Энтин В.Л. О контрафакте, Масяне и д’Артаньяне // ЭЖ-Юрист. 2009. № 4.
3. Гаврилов Э.П. Авторские права на персонаж // Патенты и лицензии. 2011. № 12.
4. Иванов Н.В. Правовая охрана части произведения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1.
5. Гаврилов Э.П. В патентном праве - новизна, в авторском - оригинальность // Патенты и лицензии. 2007. № 12.

ПАДИРЯКОВ Александр Викторович

Руководитель проектов, Государственная корпорация «Ростех»

СООТНОШЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В НАТУРЕ И ВЗЫСКАНИЯ УБЫТКОВ В ГЕРМАНИИ

В настоящем исследовании предлагается взгляд на понятия исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Германии. Проведенное сравнение категорий исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков в Германии показывает историю развития и особенности применения указанных институтов. Разные правовые семьи накладывают свой отпечаток на средства правовой защиты и их механизмы. Применение одного и того же средства защиты имеет не только разные механизмы, но и идеологию.

Ключевые слова: убытки, исполнение в натуре, Германия, Россия.

PADIRYAKOV Aleksandr Viktorovich

Project manager, State corporation "Rostech"

THE INSTITUTES OF SPECIFIC PERFORMANCE AND DAMAGES IN GERMAN LAW

The present research offers the overview of specific performance and damages under German law. The overview of the specific performance and damages under German law shows both history of development and specific features of implementation of the said instruments. The difference between the legal systems entails the differences in remedies available and mechanisms of implementation of the latter. The implementation of the same remedies could be based not only on different mechanics but different ideology.

Keywords: damages, specific performance, injunction, remedies, Germany, Russia.

Рассматривая регулирование в немецком праве вопросов соотношения исполнения обязательства в натуре и взыскания убытков как типичное для системы континентального права, следует отметить, что несмотря на неизбежное присутствие в российских подходах к торговому и гражданскому праву зарубежных прав некоторых клише, не приходится говорить о том, что континентальная система права всегда и везде отдает предпочтение такому средству правовой защиты как исполнение в натуре, а англо-американская система права всегда и везде настаивает на возмещении убытков. Заметим, что также, на наш взгляд, было бы безответственным говорить о полном превосходстве какого-то одного из этих средств правовой защиты над другим, так как выбор средства правовой защиты обуславливается обстоятельствами конкретного дела и возможностью учесть интересы как должника, так и кредитора без нарушения принципа справедливости.

В связи с этим особо интересно обратиться к правовой системе Германии, так как, на наш взгляд, она является менее «радикальной», чем российская в отношении безусловного исполнения обязательства в натуре, тем не менее сохраняя приоритетность такого подхода, и демонстрирует заботу о балансе интересов сторон, учитывая, что в определенных случаях исполнение в натуре должно быть заменено на возмещение убытков в связи с чрезмерной обременительностью для должника.

Представляется полезным кратко проследить основные вехи формирования современного немецкого регулирования, демонстрирующие с одной стороны приверженность принципу приоритетности исполнения в натуре, а с другой возможность отхода от данного принципа при требующих этого обстоятельствах.

Как известно немецкая правовая система во многом опиралась на систему римского права, рецепция которого носила широкомасштабный характер, начиная с 16 века. Соответственно немецкие правоведы были знакомы с отличием обязательства передать вещь и обязательства активного исполнения обязательства, требующего иных действий. Концептуально их основные усилия были направлены на сохранение использование такого средства правовой защиты как исполнение в натуре в договорах купли-продажи товаров [1, с. 525]. В целом можно говорить о том, что в 16 – 18 веках в немецкой юридической доктрине и практике был сформиро-

ван консенсус в отношении возможности присуждения к исполнению в натуре в случае, если актив находился в физическом доступе и в отношении него могло быть осуществлено владение [2, с. 19]. При этом обязательства, требующие иных действий, в целом не подлежали принудительному исполнению. Можно отметить, что законодательство некоторых немецких государств предусматривало исполнение в натуре различных договоров, но представители правовой науки на основании толкования римских источников на протяжении 19 века в большей степени склонялись к развитию именно возмещения убытков [3, с. 561]. Первые попытки серьезной кодификации немецкого права в отношении исполнения в натуре начались в 60-е годы 19-го века в Северогерманской Конфедерации на уровне проекта Гражданско-процессуального кодекса. Комиссия, участвовавшая в создании проекта, пришла к выводу, что было бы неверно требовать исполнения в натуре от должника обязательств по совершению действий, которые могут быть совершены иными лицами. Такие действия может исполнить кредитор с отнесением расходов на счет должника. При этом комиссия посчитала правильным использовать арест или штраф для принуждения должника к исполнению обязательств, которые не могут быть исполнены другими лицами [4, с. 2057]. На основе анализа материалов работы комиссии можно прийти к заключению, что одной из ее целей было обеспечение возможности замены исполнения в натуре на возмещение убытков по довольно широкому кругу дел. Создатели Гражданско-процессуального кодекса Германии исходили из того, что штрафы и арест, то есть меры непосредственного принуждения не должны использоваться в случае, если внешние препятствия делают исполнение в натуре невозможным или слишком сложным для должника, предусматривая возможность замены на возмещение убытков, таким образом можно говорить, о том, что уже первый Гражданско-правовой кодекс Германии, регулировавший соотношение исполнения в натуре и возмещения убытков, предусматривал возможность одного средства правовой защиты другим в определенных законом случаях. Действия, находящиеся вне контроля должника, не могли признаваться полностью зависящими от воли должника. При этом комиссия по созданию Гражданско-правового кодекса Германии всегда ставила во главу угла недопустимость прекращения обязательства в связи с нежеланием должника его исполнять [5, с. 526].

В результате работы ученых и законодателей 30 января 1877 года был принят Гражданско-процессуальный кодекс, 30 января 1879 года он вступил в силу.

Как указывается выше исполнимость обеспечивалась в том числе за счет ареста должника. Таким образом можно сказать, что для немецкого законодателя исторически важным является исполнение обязательства, но исполнение обязательства самим должником не является самоцелью. На лицо благосклонное отношение к замене должника как непосредственного исполнителя на кредитора либо третье лицо с компенсацией убытков кредитора, вызванных такой заменой. Достаточно логичным с этой точки зрения, является и дальнейшее развитие данного подхода до допустимости замены исполнения в натуре на возмещение убытков при излишней обременительности для должника. Ведь помимо защиты интересов должника таким образом обеспечивается и более высокая вероятность удовлетворения интересов кредитора. В современных условиях достаточно сложно представить в цивилизованных государствах такой «способ обеспечения исполнения обязательства» как арест должника, а при обременительности исполнения в натуре и невозможности произвести замену на возмещение убытков фактически снижается вероятность компенсации ущерба кредитора, вызванная неисполнением обязательства должником. Ведь с точки зрения здравого смысла чем больше обременительность исполнения в натуре, тем меньше шансов, что должник произведет такое исполнение, здесь на помощь кредитору (иногда помимо его желания) должна приходиться возможность замены исполнения в натуре на возмещение убытков, что, как будет показано ниже, и было достигнуто с развитием немецкого гражданского права и принятием Гражданского уложения Германии.

Гражданское право Германии исходит из того, что пострадавшая сторона может потребовать исполнения в натуре. При этом нарушившая договор сторона может быть освобождена от ответственности, если докажет, что исполнение было невозможно. Сторона освобождается от обязанности по исполнению в натуре независимо от того, возникла ли невозможность по ее вине (параграф 275 Германского гражданского уложения). Кроме того, Германского гражданского уложения предусматривает, что должник может отказаться от исполнения, если оно потребует затрат, которые, принимая во внимание содержание обязательства и требования доброй совести, находится в грубом несоответствии с интересом кредитора в исполнении. Вместе с тем, такой поход не лишает кредитора его иных прав. Даже если исполнение невозможно в связи с форс мажором, должник, не исполнивший обязательство, является нарушающим договор. Однако, это не означает, что такой должник автоматически должен будет компенсировать убытки пострадавшей стороне [6, пар. 275]. Обязательства, освобождающие лицо от ответственности за неисполнение договора, тем не менее не позволяют считать такое лицо, не нарушавшим договор. Существуют нарушения договора, которые позволяют взыскивать убытки, даже если обязанность исполнять договор исключена. Данное «противоречие» разрешается, если иметь в виду, что права, возникающие из нарушения договора, нужно различать от самого нарушения договора. Параграф 275 Германского гражданского уложения освобождает должника только от исполнения в натуре. Что прямо следует из части IV данного параграфа.

В иностранной доктрине отмечается, что несмотря на формальную приоритетность в немецком праве исполнения в натуре в значительном количестве судебных споров с учетом выбора сторон суды выносят решение о возмещении убытков [1, с. 530].

Проблема исполнения в натуре при невозможности исполнения отсутствует в английском праве, поскольку предпочтения в качестве средства правовой защиты в целом, безусловно, отдается взысканию убытков по сравнению с исполнением в натуре. Крайне маловероятно, что английский суд вынесет решение об исполнении в натуре в случае, если такое исполнение будет невозможным либо чрезмерно обременительным.

Вместе с тем возможен и иной подход, например, Венская Конвенция не исключает требования об исполнении в натуре в случае невозможности такого исполнения (статья 79(5)).

В Германии пострадавшая сторона также может использовать такое средство правовой защиты как взыскание убытков. Одним из основных требований немецкого права является требование предоставить нарушившей стороне дополнительный период времени для исполнения договора (параграф 281 I Германского гражданского уложения). Также при взыскании убытков важен такой аспект как вина нарушившей стороны. Если до реформы Германского гражданского уложения было принято считать, что вина является необходимым элементом для определения, имело ли место нарушение договора, то в настоящее время это определяется на основании объективных факторов – отсутствие исполнения либо ненадлежащее исполнение. Вместе с тем наличие вины является необходимым условием возникновения ответственности за нарушение обязательства (параграфы 280 I и 276 Германского гражданского уложения). При этом наличие вины презюмируется, и лицо, возражающее против привлечения его к ответственности, должно доказать ее отсутствие.

Кроме того, пострадавшая сторона может расторгнуть договор. Реформа устранила существовавшую ранее несовместимость между возможностью расторгнуть договор и взыскивать убытки (параграф 325 Германского гражданского уложения). Однако, имеется серьезное отличие между двумя этими средствами правовой защиты [7, с. 7]. В частности, для того, чтобы расторгнуть договор, сторона не должна доказывать наличие вины у другой стороны, нарушившей обязательство. Вместе с тем, вина является необходимым элементом для возможности взыскать убытки. Также сторона может расторгнуть договор в тех случаях, когда исполнение в натуре исключено в соответствии с параграфом 275 Германского гражданского уложения. Аналогичные правила в отношении расторжения закреплены в Венской Конвенции (статья 79(5)).

Из приведенного выше анализа основных сложившихся подходов и наблюдаемых тенденций развития института исполнения в натуре и его соотношения с возмещением убытков можно сделать вывод, что формально приоритетным способом защиты права в Германии является присуждение к исполнению обязательства в натуре, при этом в ряде случаев допускается замена для должника реального исполнения на выплату денежной компенсации. Особенно важна такая возможность при излишней обременительности для должника исполнения в натуре.

Пристатейный библиографический список

1. John P. Dawson, *Specific Performance in France and Germany*. – 57 MICH. L. REV. 495 (1959).
2. Ulrik Huber, *Praelectiones iuris civilis: Secundum Institutiones Et Digesta Justiniani*, Gleditsch, 1707, com. D. 19.1.1. – No. 5.
3. Rudolf von Jhering, *Jherings Jahrbuch für die dogmatik des heutigen römischen und deutschen privatrechts*. – Jena, 1880. – Z. 1.
4. *Protokolle der Kommission zur Ausarbeitung des Entwurfs einer Civilprozessordnung für die Staaten des Norddeutschen Bundes*. – Berlin, Sitzungen 320 und 321. – Zz. 2057-2064.
5. John P. Dawson, *Specific Performance in France and Germany*. – 57 MICH. L. REV. 495 (1959). – Pp. 526-528.
6. Ernst W. in: *Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch*. – Bd. 2. Schuldrecht: Allgemeiner Teil. 6. Aufl. C.H. Beck, 2012. – Vol 2a.
7. Громов А. А. Влияние невозможности исполнения на право требовать исполнения договорного обязательства в натуре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук (2016: 7-46).

ХАРЬКИНА Кристина Владимировна

аспирант кафедры Международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР И ДОКТРИНА ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Доктрина внутренних отношений юридического лица является одним из серьезных ограничений автономии воли сторон при выборе права, применимого к трансграничному корпоративному договору. В соответствии с данной доктриной отношения юридического лица с его участниками регулируются правом места учреждения юридического лица. Отсутствие законодательного закрепления данной доктрины порождает ряд проблем на практике, связанных с невозможностью применения к трансграничному корпоративному договору права, избранного сторонами.

Целью настоящей статьи является анализ действующей отечественной судебной практики, а также зарубежного законодательства и правоприменительной практики на предмет установления перечня отношений, которые могут относиться к внутренним отношениям юридического лица.

В результате проведенного исследования автором установлена необходимость выработки критериев отнесения отношений к внутренним на международном уровне, а также закрепления перечня таких отношений в национальном праве для устранения необоснованного расширительного толкования судами данной концепции и снижения риска ограничения автономии воли сторон.

Ключевые слова: трансграничный корпоративный договор, корпоративный договор, акционерное соглашение, автономия воли сторон, внутренние отношения» юридического лица, иностранное право, статут юридического лица, личный закон юридического лица.

KHARKINA Kristina Vladimirovna

postgraduate student of Private international law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University

CROSS-BORDER CORPORATE AGREEMENT AND INTERNAL AFFAIRS DOCTRINE

Internal affairs doctrine is one of serious limitations of parties' autonomy while choosing the law applicable to a cross-border corporate agreement. In accordance with this doctrine, the relations of a legal entity with its participants are governed by the law of the state where the legal entity was established. The lack of statutory regulation of this doctrine gives rise to a number of practical problems related to the impossibility of applying the law chosen by the parties to a cross-border corporate agreement.

The purpose of this article is to analyze the current domestic court practice, as well as foreign legislation and enforcement practice in order to establish a list of relations that may relate to the internal relations of a legal entity.

As a result of the study, the author established the need to develop criteria for classifying relations as internal at the international level, as well as providing legal framework for such relations in national law in order to eliminate the unreasonable broad interpretation of this concept by the courts and reduce the risk of limiting the parties' autonomy.

Keywords: cross-border corporate agreement, corporate agreement, shareholder agreement, party autonomy, internal affairs doctrine, foreign law, statute of legal entity, lex societatis.

В соответствии с доктриной внутренних отношений юридического лица (internal affairs doctrine) взаимоотношения юридического лица с его участниками регулируются правом того государства, в котором юридическое лицо было учреждено.

Зачастую подобные отношения включаются в предмет регулирования корпоративных договоров, а особенно трансграничных, в которых положения о назначении органов управления юридического лица, их компетенции, правах и обязанностях участников являются одними из наиболее важных в связи с участием иностранной стороны в договоре. Однако при разрешении вопроса о применимом к трансграничному корпоративному договору праве внутренние отношения юридического лица могут послужить основанием для ограничения автономии воли сторон (lex voluntatis), поскольку независимо от избранного сторонами права внутренние отношения юридического лица, как было указано выше, регулируются правом того государства, в котором было учреждено юридическое лицо, в отношении которого заключается такой корпоративный договор.

В связи с этим представляется важным изучение состава внутренних отношений юридического лица в различных правовых порядках, что может помочь сторонам выбрать наиболее приемлемое применимое право (с наименьшим количеством

ограничений) и снизить риски признания избранного права к конкретным правоотношениям недействительным.

С учетом того, что в последние несколько лет количество подчиняемых российскому праву корпоративных договоров растет, представляется необходимым изучить действующее отечественное регулирование и практику. В действующем законодательстве Российской Федерации законодательное закрепление данной доктрины отсутствует, поэтому нет и какого-либо перечня отношений, которые можно было бы отнести к внутренним. Однако исходя из анализа Федерального закона «Об акционерных обществах»¹ и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»² ученые приходят к выводу, что внутренние отношения включают в себя следующие вопросы: компетенцию и порядок работы органов управления, права и обязанности акционеров, механизм и гарантии реализации данных прав [2].

- 1 Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 1.
- 2 Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 16.02.1998. – № 7. – Ст. 785.

Харькина К. В.

В судебной практике к доктрине внутренних отношений юридического лица была сделана отсылка в небезызвестном деле компании АО «Русский стандарт». Согласно обстоятельствам дела, стороны заключили акционерное соглашение и подчинили его праву Великобритании. Впоследствии акционерами был заявлен иск о признании соглашения акционеров недействительным на том основании, что оно регулирует внутренние отношения юридического лица, к которым в силу статьи 1202 ГК РФ должны применяться нормы российского права³.

Проанализировав положения соглашения, суд установил, что в нем регулируются внутренние отношения юридического лица, в частности, «порядок учреждения общества, размер его уставного капитала, объем правоспособности ... то есть вопросы, которые в силу ст. 1202 ГК РФ должны определяться в соответствии с личным законом юридического лица, которым является право Российской Федерации, как страны учреждения Общества». Исходя из этого, суд пришел к выводу, что при наличии императивных норм российского законодательства, принцип автономии воли сторон не может быть применен к регулированию «внутренних отношений» юридического лица, в связи с чем суд признал недействительной установленную сторонами в соглашении оговорку о применимом праве и признал соглашение акционеров недействительным в силу статьи 168 ГК РФ⁴. К подобным выводам приходили суды и в иных делах⁵.

Таким образом, в отечественной доктрине и судебной практике отсутствует закрепленный перечень отношений, которые однозначно можно было бы отнести к внутренним отношениям юридического лица, что, на наш взгляд, повышает риски необоснованного расширения перечня таких отношений при возникновении споров судом, а, значит, и риски признания, выбранного сторонами для таких отношений права недействительным и применения к ним права места учреждения юридического лица.

В зарубежной доктрине к внутренним отношениям относят, например, порядок определения полномочий и ответственности совета директоров, переход прав на акции [3], а в качестве критерия, выделяющего внутренние отношения из общей структуры корпоративных отношений, предлагается учитывать, вмешиваются ли такие отношения в структуру компании, которая определяется как система органов юридического лица, их компетенция и порядок формирования [1].

Доктрина внутренних отношений юридического лица часто становится предметом рассмотрения различных судов США, при этом суды каждого конкретного штата по-разному трактуют данную доктрину. Например, в одном из дел Федеральный суд США по делам о несостоятельности определил перечень внутренних отношений следующим образом: действия, предпринятые в ходе первоначального акта регистрации компании, принятие подзаконных актов, выпуск или изменение категории корпоративных акций, проведение собраний директоров и акционеров, объявление и выплата дивидендов, внесение изменений в устав, слияния, реорганизации, и процедура покупки выпущенных компанией собственных акций [4].

Интересной представляется законодательная и судебная практика Калифорнии и Делавэра – одних из наиболее популярных штатов для учреждения компаний. После ряда прецедентов в Кодекс Калифорнии о корпорациях был внесен § 2115, который, по сути, является исключением для общей доктрины внутренних отношений юридического лица. В соответствии с данной статьей внутренние отношения корпорации могут регулироваться правом Калифорнии, а не правом места учреждения компании, если компания преимущественно осуществляет свою деятельность на территории Калифорнии. Для установления факта ведения бизнеса на территории Калифорнии были разработаны два критерия: (i) более половины бизнеса компании (а именно, нахождение собственности компании, получение дохода от продаж и получение прибыли) должно находиться на территории Калифорнии и (ii) более половины

голосующих ценных бумаг должно принадлежать лицам, прописанным на территории Калифорнии⁶.

Стоит отметить, что ряд штатов принял в своем законодательстве аналогичные исключения для доктрины внутренних отношений юридического лица (например, Нью-Йорк, Массачусетс), более того, аналогичные положения были включены в Свод коллизионных норм США [5, р. 1062], а федеральные суды США активно используют практику судов Калифорнии для толкования законодательных положений.

Несмотря на достаточно устоявшуюся практику судов Калифорнии и других штатов, суды Делавэра остаются консервативны и не признают никаких исключений из доктрины внутренних отношений юридического лица. Такое различие в подходах двух крупных «корпоративных» юрисдикций создает неопределенность для компаний. При этом суды Делавэра формулируют достаточно широкий перечень внутренних отношений юридического лица: принятие внутренних документов компании, выпуск, изменение категории и продажа акций, проведение собраний совета директоров и участников, определение и выплата дивидендов и иных доходов, внесение изменений в устав компании, слияния и поглощения, реорганизации [5, р. 1066].

Такой жесткий подход законодателя и судов Делавэра объясняется, прежде всего, стремлением обеспечить интересы учредителей компании, которые, выбирая конкретную юрисдикцию для инкорпорации, заранее знают «правила игры», т.е. все требования и ограничения, связанные с осуществлением компании деятельности. Таким образом обеспечивается сохранение прав учредителей при создании и при ведении деятельности компании.

Подход Калифорнии представляется наиболее гибким и наиболее отвечающим тенденциям современной трансграничной торговли и международного частного права, в соответствии с которыми критерии наиболее тесной связи и направленной деятельности становятся ведущими принципами, используемыми для определения применимого права. Тем не менее, при отсутствии единых критериев отнесения тех или иных корпоративных отношений к внутренним сохраняется правовая неопределенность для сторон корпоративного договора, поскольку при достаточно широком толковании судами доктрины внутренних отношений, многие положения трансграничного корпоративного договора могут быть урегулированы не избранными сторонами правом, а правом места учреждения юридического лица.

Представляется, что с учетом активной трансграничной торговли, возрастающим количеством транснациональных корпораций, а также стремлением государств к гармонизации отдельных аспектов корпоративных отношений, было бы эффективно предусмотреть в международных актах гармонизации права, как минимум, критерии отнесения тех или иных отношений к внутренним. Это может способствовать формированию единого подхода в рамках отдельных интеграционных объединений и государств, что позволит сторонам получить большую правовую определенность и снизить риски, связанные с выбором применимого права, при заключении трансграничного корпоративного договора.

Пристатейный библиографический список

1. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Закон. - 2014. - № 8. - С. 37.
2. Ловырев Д.Е., Ананьев Д.В. Применение иностранного права к соглашениям акционеров // Московский журнал международного права. - 2004. - № 1. - С. 232.
3. Giuditta Cordero Moss. International Arbitration and the Quest for the Applicable Law. Global Jurist. - Vol. 8. - Article 2. - P. 10.
4. Harnischfeger Industries, Inc., 293 B.R. 650 (Bkrcty.D.Del. 2003), 99-2171. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://case-law.vlex.com/vid/293-b-r-650-608642210> (дата обращения: 28.11.2021).
5. Matt Stevens, Internal Affair Doctrine: California Versus Delaware in a Fight for the Right to Regulate Foreign Corporations, 48 B.C.L. Rev. - № 1047. - 2007. - P. 1062.

3 Решение Арбитражного суда города Москвы от 26.12.2006 по делу № А40-62048/06-81-343 // СПС «КонсультантПлюс».

4 Там же.

5 См., например, Постановление ФАС Поволжского округа от 25.05.2011 по делу № А57-7487/2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6 California Corporate Code, § 2115. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=CORP§ionNum=2115 (дата обращения: 28.11.2021).

СНЕТКОВ Виталий Николаевич

доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Высшей школы Юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЮРКОВА Ольга Юрьевна

магистрант Высшей школы Юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ МОРСКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В РАМКАХ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

В данной статье рассматривается секторальный принцип деления арктической территории. В статье анализируются основные политические и правовые документы, регулирующие данную сферу в арктических странах и возможность интеграции инициативы Нового Шелкового пути, рассматриваются вопросы формирования оптимального баланса между национальным и международно-правовым регулированием хозяйственных процессов в Арктическом регионе. Стратегические цели развития Российской Арктики на долгосрочную перспективу предполагают развертывание в этом регионе национальных проектов по освоению минеральных ресурсов и развитию транспортной инфраструктуры, в первую очередь Северного морского пути, включая его морские порты, в качестве организационно-правовой основы для развития использования арктического континентального шельфа.

Ключевые слова: Арктика, Северный Морской путь, инициатива Новый Шелковый путь, интеграция.

SNETKOV Vitaliy Nikolaevich

Ph.D. in political sciences, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

YURKOVA Olga Yurjevna

magister student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF THE MARITIME SILK ROAD WITHIN THE ARCTIC REGION OF RUSSIA

This article discusses the sectoral principle of the division of the Arctic territory. The article analyzes the main political and legal documents regulating this sphere in the Arctic countries and the possibility of integrating the New Silk Road initiative, discusses the formation of an optimal balance between national and international legal regulation of economic processes in the Arctic region. The strategic goals of the development of the Russian Arctic in the long term involve the deployment in this region of national projects for the development of mineral resources and the development of transport infrastructure, primarily the Northern Sea Route including its seaports, as an organizational and legal basis for the development of the use of the Arctic continental shelf.

Keywords: Arctic, Server Sea Route, New Silk Road initiative, integration.

В современных условиях усложняющихся процессов глобализации и интеграции экономическое состояние любого государства зависит от его обеспеченности энергетическими ресурсами. На территории арктического региона сосредоточено большое количество запасов углеводородов и различных полезных ископаемых. Через Арктику проходят воздушные и морские маршруты, что привлекает как транснациональные компании, так и приарктические государства, в связи с чем крайне важно законодательно определить и урегулировать его правовое положение. Безусловно, что на сегодняшний день этот регион является объектом повышенного внимания со стороны азиатских стран, так как расширение концепции «Один пояс-один путь» играет важную роль в процессах продолжающейся глобализации [3, с. 112]. Необходимость участия Российской Федерации в рамках проекта Нового Шелкового пути и представление ее интересов обусловлена «объективными интересами Арктического региона России, вызванными изменениями природно-климатических условий и хозяйственного освоения этих пространств» [4, с. 7-21].

В настоящее время складывается ситуация, при которой вопрос индустриального развития и освоения арктического региона выдвигается на первый план, требует внимательного

отношения к проблемам малочисленных коренных народов Севера.

Исторически сложилось так, что территория арктического региона распределяется следующим образом: пространство побережья каждого приарктического государства является основанием так называемого арктического сектора, а меридианы от Северного полюса до восточной и западной границ этого государства являются боковой линией [1, с. 45-58]. Здесь важно помнить о том, что у Российской Федерации обнаруживается объективное явное преимущество в освоении Арктики. В силу этого большинство азиатских государств активно лоббируют свои арктические интересы и притязания по данному вопросу во взаимоотношениях с Россией. В частности, объединение Северного морского пути и Нового Шелкового пути – одно из приоритетных направлений развития российско-китайских отношений.

В данный момент существует мнение, в значительной степени отражающее тенденцию во внешнеэкономической деятельности, в соответствии с которым подавляющее большинство западноевропейских стран «придерживаются политики, согласно которой проход через арктические проливы Российской Федерации должен стать свободным, так называемый свободный Северный морской путь» [6, с. 334-336]. Северный морской путь открыт для международного судо-

ходства, но в соответствии с Правилами от 1991 плавания по трассам данного пути осуществляется с согласия и под контролем Российской Федерации [8, с. 33].

Российская Федерация как участник Евразийского экономического союза представляет несомненный интерес для Китайской Народной Республики. Таким образом, на сегодняшний день Россией и Китаем были достигнуты концептуальные соглашения по вопросам создания Северного морского пути в рамках инициативы «Один пояс – один путь», выдвинутой главой Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Так, на проводимом в Архангельске международном арктическом форуме «Арктика – территория диалога» президент России Владимир Путин, выступая в рамках пленарного заседания, неоднократно отмечал «перспективность развития Северного морского пути», стремление к совместному его развитию, процветанию и открытости для инвестиций [7].

Российская Федерация внимательно относится к арктическому региону, так как обеспечение и защита национальных интересов на данных территориях является приоритетным направлением развития. Проблема развития экономического сектора нашла отражение в послании Президента к Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. К числу одного из основных приоритетов следует отнести реализацию общей концепции межрегионального сотрудничества в экономической сфере, интеграцию инициативы «Один пояс – один путь» как перспективной возможности взаимодействия Российской Федерации и Китая, а также иных заинтересованных государств при строительстве «Ледового Шелкового пути», содействующего социально-экономическому развитию [6, с. 341-342].

Опираясь на отечественный и зарубежный опыт и тенденции в сфере освоения и разработки арктических территорий, а также достижений в сфере права, следует уделить внимание следующим аспектам в рамках проекта строительства Северного морского пути: во-первых, необходимо внедрение передовых технологий для результативности поиска и добычи природных ресурсов и полезных ископаемых на территории Арктики; во-вторых, требуется трансформация операционных рисков освоения и добычи ресурсов Арктики в финансовые риски через механизмы государственно-частного партнерства; в-третьих, необходимо обеспечить сбалансированность внутреннего законодательства в сфере освоения арктических территорий с международным; в-четвертых, актуализировать лоббирование национальных арктических интересов на глобальном уровне через различные международные структуры и организации.

«Транзитный потенциал» российского арктического региона постоянно растет, «поскольку перевозка и доставка грузов Северным морским путем обеспечивает надёжность в экономическом, политическом и военном отношении», при этом сокращает время такой перевозки [2, с. 115]. Открывая такую водную магистраль как Северный морской путь, и принимая на себя значительную часть международных морских перевозок, Российская Федерация становится необходимым элементом международных экономических отношений.

Анализ международно-правовых норм и национальных нормативных правовых актов приарктических государств позволяет сделать следующий вывод: развитие международного сотрудничества и кооперации, создание единой нормативно-правовой базы в рамках освоения Северного морского пути становится особенно актуальным, если речь идет о сотрудничестве путем разработки и решения юридических проблем рабочей группой по Северному морскому пути [5, с. 34].

Учитывая стратегические потребности освоения арктического региона, растущий интерес зарубежных государств к его ресурсам и коммуникациям вызывает тревогу, «необходимость обеспечения безопасности населения и охраны

государственной границы России в Арктике, транспортное обеспечение функционирующих и планируемых производств должно быть опережающим в общегосударственной программе освоения арктического региона» [3, с. 111]. Особую роль играет Северный морской путь, который, будучи интегральной транспортной структурой, тесно связан с инновационным процессом в Арктике: все внедряемые здесь новшества взаимодействуют с другими элементами трассы, участвуют в их модернизации.

Таким образом, в целях устойчивого развития российской Арктики необходимо на базе сложившегося Евразийского экономического союза разработать и принять Стратегию развития Евразийского образовательного пространства, в которой следует отразить реализацию мероприятий, связанных с вовлечением широких слоев населения указанного региона в развитие научно-технологической базы; обеспечением трудоустройства в соответствии с полученными квалификациями и расширением количества рабочих мест; формированием транспортно-логистических узлов на базе существующих и строящихся морских портов, а также новых регионов, городов; формально правовым закреплением юридического статуса и местоположения морских трасс в соответствии с нормами международного права и объективными тенденциями реализации проекта Нового Шёлкового пути в рамках арктического региона России.

Пристатейный библиографический список

1. Гицу М.А., Гицу В.Д. Международно-правовой режим Арктики (концептуальное противостояние) // Государство и право. – 2018. – № 06. – 123 с.
2. Гуреев С.А., Буник И.В. О необходимости подтверждения и правового закрепления исключительных прав России в Арктике. – Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Морская деятельность Российской Федерации: состояние и проблемы законодательного обеспечения. Под ред. В.А. Попова. – М., 2005. – 211 с.
3. Калфаоглу Р. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Вестник МГОУ. – 2018. – № 2. – С. 108-128.
4. Катцов В.М., Павлова Т. В. Ожидаемые изменения приземной температуры воздуха в Арктике в 21-м веке: результаты расчетов с помощью ансамблей глобальных климатических моделей (СМIP5 и СМIP3) // Труды Главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова: Т., 2015. – 579 с.
5. Ковалев А.А. Международное право и национальные интересы Российской Федерации // Отв.ред. А.А. Ковалев, Б.Л. Зимненко. – М., 2008. – 89 с.
6. Махайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс – один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – № 2. – С. 334-345.
7. Президент России: Владимир Путин принял участие в пленарном заседании IV Международного арктического форума «Арктика – территория диалога» (официальный сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/54149> (дата обращения: 15.03.2022).
8. Снетков В.Н., Семенова К.А. М.В. Ломоносов о необходимости закрепления прав России в Арктике // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – 2011. – № 4 (135). – С. 31-34.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Байниязова З. С.

ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ИХ СООТНОШЕНИЯ

В статье исследуется ценностный аспект соотношения права и информационного общества. Обосновывается необходимость повышения регулирующей роли права в условиях динамики информационных отношений, с учетом которого востребованным является обеспечение соответствующего правового регулирования. Трудно себе представить развитие информационного пространства, информационных отношений без права, соответственно правовых средств, которые должны обеспечивать упорядоченность общественных отношений в сфере информатизации. Автор обращает внимание на важность системного осмысления процессов развития информационного общества, исходя из теоретического обоснования социальной ценности права. При этом в статье подчеркивается значение в целом правовой системы, в рамках которой повышение регулирующей роли права является одной из ее важных задач.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, правовая система, информационное общество.

BAYNIYAZOVA Zulfya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and law theory sub-faculty of the Law Faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

LAW AND INFORMATION SOCIETY: THE VALUE ASPECT OF THEIR RELATIONSHIP

The article examines the value aspect of the relationship between law and information society. The necessity of increasing the regulatory role of law in the conditions of dynamism of information relations is substantiated, taking into account which the provision of appropriate legal regulation is in demand. It is difficult to imagine the development of the information space, information relations without law, respectively, legal means that should ensure the ordering of public relations in the field of informatization. The author draws attention to the importance of a systematic understanding of the processes of development of the information society, based on the theoretical justification of the social value of law. At the same time, the article emphasizes the importance of the legal system as a whole, within which increasing the regulatory role of law is one of its important tasks.

Keywords: law, legal regulation, legal system, information society.

Современный этап развития Российского государства характеризуется динамично развивающимися общественными отношениями в информационной сфере. И вместе с этим обстоятельством повышенный интерес вызывает теоретическое осмысление социальной ценности права, что является важным для объяснения направлений развития информационного общества.

В условиях развития информационных технологий актуализируется вопрос, прежде всего, о функциональных свойствах права, связанных с его регулирующей ролью. Функциональные свойства права становятся необходимыми для обеспечения упорядоченности информационных отношений. Трудно себе представить развитие информационного пространства без соответствующего механизма правового регулирования, соответственно правовых средств, которые должны оказывать устойчивое правовое воздействие на общественные отношения в информационной сфере.

По нашему мнению, связывая рассмотрение вопроса о развитии информационных отношений с качественными характеристиками права, становится возможным объяснение процессов развития информационного общества, что в современных условиях представляет собой практическую актуальность, востребованность и вызывает повышенный теоретический интерес.

Право занимает важное место в системе социальной регуляции, от степени регулирующего воздействия которого во многом зависит упорядочение общественных отношений в цифровую эпоху. Повышение социальной ценности права

выступает как необходимый фактор обеспечения устойчивости общественных отношений. Речь идет о формировании устойчивой правовой основы информационного общества, обеспечиваемой действием права и в целом правовой системы. Трудно себе представить поступательное развитие информационного общества без соответствующего правового воздействия. Концепция развития информационного общества, реализуемая посредством развития системы представлений о праве, в целом правовой системе, выражает собой объективную потребность, продиктованную современными вызовами.

В данном случае, на наш взгляд, следует говорить о ценностном аспекте соотношения права и информационного общества. С одной стороны, устойчивое правовое регулирование выступает как необходимое условие развития информационных отношений, а с другой стороны, в рамках информационного общества обеспечивается регулирующая роль права. Право и информационное общество находятся в тесной взаимообусловленности, определяются едиными целями и задачами общественного, правового и государственного развития.

Обращенность к системному осмыслению соотношения права и информационного общества определяет необходимость дальнейшего теоретического рассмотрения социальной ценности права как одного из важных факторов обеспечения упорядоченности информационных отношений, придания соответствующего вектора развития информационного общества.

Следует подчеркнуть, что в условиях развития информационного общества актуализируется проблема упрочения ценностных основ прав, вместе с которой связаны вопросы реализации прав человека, укрепления правового статуса личности. В связи с этим актуальным является обеспечение и воспроизводство ценностного потенциала права. Как подчеркивается в литературе, «нужно сохранить понимание права как условия и способа решения жизненно важных вопросов для человека на общепринятой гуманистической основе» [1, с. 12]. Это та проблема, которая по своей теоретической значимости определяется необходимостью ее решения на уровне в целом правовой системы. Учитывая то, что правовая система диалектически связана с правом, эффективность права, повышение его регулирующей роли становятся одновременно ключевыми вопросами и правовой системы. Эффективность права – это один из важных критериев эффективности в целом правовой системы. Правовая система способна динамично и гибко реагировать на происходящие изменения в обществе, если к этому способно само право. Без обеспечения ценностных основ права трудно представить себе устойчивое развитие правовой системы, что в условиях новых потребностей общественного, государственного и правового развития становится важной задачей. Вопрос обеспечения устойчивости ценностных основ права в информационном обществе выступает как важная задача развития правовой системы общества.

В цифровую эпоху большое внимание должно быть уделено исследованию значения права, в особенности в области реализации прав человека. Учитывая то, что в условиях неизбежных общественных изменений происходит трансформация правового воздействия, которая влияет на изменение правового статуса личности, рассмотрение вопроса о взаимобусловленности социальной ценности права и прав человека становится актуальной задачей, определяющей необходимость оптимизации правового регулирования, упрочения ценностных основ права.

В условиях динамично развивающихся информационных отношений актуальным является обеспечение механизма устойчивого правового регулирования. Учитывая важность достижения динамичного правового регулирования, следует подчеркнуть значение правотворчества и правоприменения. Взаимосогласованность правотворчества и правоприменения выступает как необходимый фактор обеспечения единства информационно-правового пространства, что является одной из важных задач общественного, правового и государственного развития. Без этого невозможно выйти на качественно новые параметры правовой организации общественной жизни, обеспечить устойчивую траекторию развития информационного общества, эффективные условия для полноценного выражения ценности личности, ее прав.

С правотворчеством и правоприменением во многом связываются направления развития информационного общества. Укрепление их взаимодействия в соответствии с общими ценностными ориентирами позволит обеспечить системное воздействие норм права на регулирование общественных отношений. Такой подход, в свою очередь, усилит юридические, в целом общесоциальные возможности правовой системы, необходимые для динамичного и адекватного реагирования на общественные изменения в современных условиях. Следует подчеркнуть, что вопрос о направлениях развития правотворчества и правоприменения всегда вызывает повышенный интерес, но в условиях развития информационного общества в соответствии со Стратегией развития информационного общества в РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 года [2], вопросы обеспечения адекватности правотворчества и правоприменения современным вызовам и соответственно совершенствования форм, механизмов их взаимодействия в особенности становятся актуальными. Путем достижения сбалансированного действия правотворческого и правоприменительного механизмов обеспечивается становление условий для устойчивого правового регулирования, как необходимого фактора поступательного развития информационного общества. Повышение степени координации правотворчества и правоприменения есть

одно из обязательных условий осуществления правового регулирования, а следовательно развития правовой системы. Очевидно, что в параметрах системного рассмотрения правотворчества и правоприменения становится возможным полноценное объяснение возможностей права для оказания регулирующего воздействия на общественные отношения.

В исследовании вопроса о влиянии права, в целом правовой системы на развитие информационных отношений большое внимание должно уделяться вопросам оптимизации правового регулирования. Прежде всего речь должна идти о преодолении дисбалансов и неустойчивости в правовом регулировании. Правовое регулирование позволяет на должном уровне упорядочить систему информационных отношений. Вопрос о том, как обеспечить системное, сбалансированное, устойчивое правовое регулирование является одной из основных приоритетных задач отечественной правовой системы. Исходя из характера правового воздействия на общественные отношения, становится возможным придание упорядоченности общественным отношениям в условиях их динамизма.

Эти и многие другие связанные с приведенными обстоятельствами положения в очередной раз подчеркивают значимость права и правовой системы в условиях развития информационного общества. В этих условиях, учитывая взаимообусловленность права и правовой системы, объективно возникает потребность в осмыслении ценностных форм самоорганизации отечественной правовой системы, направленной ее дальнейшего развития. Прежде всего речь идет об изменении общего состояния отечественной правовой системы в русле обеспечения ее сбалансированности и устойчивого развития, что представляется необходимым для выражения регулирующих свойств права, его социальной ценности. Учитывая то обстоятельство, что, как подчеркивается в литературе, «понятие правовой системы позволяет синтезировать различные правовые явления, лучше отразить и представить общую картину...» [3, с. 98], в целом возникает необходимость в рассмотрении правовой системы с точки зрения ее функциональных свойств эффективно воздействовать на общественные отношения, придавать им устойчивость. На наш взгляд, исследование вопроса о развитии информационного общества должно быть в целом в рамках системного рассмотрения правовой системы.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

На современном этапе развития государства следует говорить о необходимости повышения социальной ценности права, его регулирующей роли, что выражает собой одно из основных приоритетных направлений развития российской правовой системы. Это то направление, которое объективно востребовано, характеризуется своей актуальностью в современных условиях. Актуализация вопроса о соотношении права и информационного общества определяет необходимость совершенствования правовой системы. Сегодня важно обеспечить динамичное правовое сопровождение процессов развития информационного общества, предполагающее, прежде всего, достижение устойчивого правового регулирования, создание соответствующих правовых условий развития цифровой среды, формирование единого информационно-правового пространства. В свою очередь, в параметрах системного осмысления регулирующей роли права и процессов развития информационного общества, определяются направления дальнейшего общественного, государственного и правового развития.

Пристатейный библиографический список

1. Человек, общество, право в условиях цифровой реальности: сборник статей / Под ред. О. Ю. Рыбакова. - Москва: РУСАЙНС, 2020. - 254 с.
2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. - 2017. - № 20. - Ст. 2901.
3. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. - Саратов: Изд-во СГАП, 2003. - 512 с.

ГРИБКОВА Кристина Владимировна

аспирант кафедры теории и истории государства и права Костромского государственного университета

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАК ИСТОЧНИК ПРАВА В РОССИИ

В данной статье рассматривается факт признания судебной практики как одного из источников права. Изучаются как позитивные, так и негативные аспекты этого правового явления. Исследуется роль правового прецедента в существующей правовой системе России. Приводятся мнения специалистов в сфере юриспруденции по поводу причисления прецедента к источникам законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная практика, правоприменение, судебная система, источник права, правовой прецедент.

GRIBKOVA Kristina Vladimirovna

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Kostroma State University

JUDICIAL PRACTICE AS A SOURCE OF LAW IN RUSSIA

This article examines the fact of the recognition of judicial practice as one of the sources of law. Both positive and negative aspects of this legal phenomenon are studied. The role of legal precedent in the existing legal system of Russia is investigated. The opinions of experts in the field of jurisprudence on the attribution of the precedent to the sources of legislation of the Russian Federation are given.

Keywords: judicial practice, law enforcement, judicial system, source of law, judicial precedent.

Значимость затрагиваемой темы выражается в том, что рассмотрение судебной практики возможно с нескольких позиций. В одном случае, под судебной практикой понимается форма работы органов судебной власти, когда при установлении прямых и производных фактов дела, судьей определяется порядок рассмотрения текущего дела, определяются конкретные правовые принципы, вытекающие из обстоятельств дела. На их основании выносится соответствующее решение. В другом случае, судебной практикой называют комплекс устоявшихся общепризнанных положений, правил и указаний процессуального характера [9, с. 4].

Судебную практику можно трактовать как такую разновидность применения права, которая способна побудить возникновение ряда судебных решений по аналогичным делам, путём конкретизации существующих нормативных предписаний и адаптации их к обстоятельствам конкретного дела [1, с. 219]. Такое понимание судебной практики присуще тем государствам, где законодательные органы отделены и независимы от судебных органов, судебный прецедент в которых публично не закреплен. Согласно в ст. 10 Конституции, в Российской Федерации функционирует принцип разделения властей на три независимые ветви, а также статья гласит о независимости ветвей власти друг от друга. В Российской Федерации судебная практика проявляет некоторое влияние на всю систему органов, осуществляющих правосудие и, в частности, на деятельность судов всех инстанций, но не создаёт полноправных законодательных актов. Однако судебная практика служит базисом для восполнения пробелов в законодательстве и способствует формированию законодательной инициативы.

Необходимо указать на различия между признанием судебной практики в странах континентального и общего права. Эти различия обусловлены тем, что не всегда, вынесенные одним судом решения, являются неукоснительными к исполнению для другого суда, даже в случае, если они подвластны одной подсистеме судебных органов. К тому же все суды обладают равными полномочиями и не могут быть объединены с другими судами постановлениями. Иначе говоря, решения вышестоящих судов необязательны для нижестоящих, при рассмотрении подобных правоотношений. На основании вышесказанного можно сделать предположение,

что по усмотрению судебного органа, судебная практика может быть источником права.

В делах, касающихся защиты естественных прав человека, каждое из которых имеет индивидуальные отличительные особенности по фактам возбуждения дела, юристы зачастую встречаются с определёнными трудностями. Основной причиной возникновения сложностей в рассмотрении таких дел является отсутствие персонифицированных норм для конкретных случаев. Поэтому зачастую именно судебная практика используется в этих обстоятельствах как единственный источник и стабилизатор общественных отношений.

Вопрос о том, актуален ли в современной России как источник права судебный прецедент, имеет место для дискуссий и остается неоднозначным. С одной стороны, правовая система Российской Федерации традиционно относится к странам континентальной правовой семьи, где прецедент официально не закрепляется как основоположник правовых положений. Однако с другой стороны, Конституция РФ в статье 104 устанавливает за Верховным судом РФ право законодательной инициативы¹. Согласно ч. 3 ст. 5 Федерального Конституционного Закона «О Верховном суде Российской Федерации» от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ: Пленум Верховного Суда рассматривает материалы судебной практики, анализирует и обобщает их, в дальнейшем разъясняет вопросы судебной практики судам, для гарантирования единого функционирования и распространения законодательства Российской Федерации. Пленум так же имеет основания решать вопросы, связанные с осуществлением, права законодательной инициативы органов судебной власти по вопросам своего ведения².

В отечественном правоведении установилось мнение, что судебная практика носит лишь вспомогательный, формальный характер и не может являться действительным источником права. Судебная практика лишь уточняет и персонифицирует юридические нормы в процессе толкования,

- 1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – Доступ из справ.-правовой системы Консультант плюс.
- 2 Федеральный Конституционный закон Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации» от 05.02.2014 № 3-ФКЗ // СЗ РФ – 2019. – № 30. – Ст. 4096.

в зависимости от существующей обстановки в дозволенных границах правоприменения [3, с. 502].

В деятельности органов правосудия сложилась практика судебных решений, приближенных по многим характеристикам прецедентному праву. Это явление наблюдается и в области частного права, так и в области права публичного. Негласно признанный судебный прецедент представляет собой необычный, яркий, самобытный пример, вердикт по которому становится отправной точкой для вынесения заключений по схожим по составу делам. Можно считать, что судебный прецедент для условий российской правовой практики уместен для применения, в том случае, когда в действующем законодательстве не предусмотрено нормы, регламентирующей фактические обстоятельства, которые должны находиться в сфере правового регулирования [9, с. 4].

В трудах учёных правоведов большое значение выделено рассмотрению судебных решений в качестве источника права. Мнения исследователей по этому вопросу кардинально расходятся. Классик российской цивилистики, доктор римского права Иосиф Алексеевич Покровский утверждал, что закон и суд должны взаимодействовать в рамках одного юридического пространства [8, с. 38].

Советский юрист С. А. Зивс придерживался прямо противоположного мнения, он отрицал судебную практику как источник, полагая, что это полностью расходится с принципами осуществления правосудия в России, где особая роль признается за верховенством закона и принципом законности деятельности судебных органов [2, с. 69].

Однако некоторые учёные придерживались мнения, что судебная практика является действительным источником советского права и несёт ценность как историческую, так и практическую [6, с. 239].

Судебный прецедент заведомо означает правовую норму, которая содержится в вердикте по определённом делу. Проще говоря, нормой существующего прецедента становится часть вердикта суда, получившее название «резольтивное решение», которым суды напрямую руководствуются в решении аналогичных дел.

Идейную основу этого явления более полно растолковал С. С. Алексеев. Он ввел понятие «прецедентной практики». Природа данного принципа состоит в определении образца применения права «прецедента толкования» для таких дел, которые наиболее остро обозначают конфликтные вопросы при применении определённой правовой нормы, а также для дел, по-разному рассматриваемых нижестоящими инстанциями. К тому же Алексеев утверждает, что, «прецедентная практика», отличная от прецедента, не ведет к возникновению нового юридического предписания. Эта практика обусловлена толкованием уже имеющейся нормы права, с разработкой разъясняющей трактовки применения нормы права по подобного рода делам.

К сожалению, в российской системе права, имеет место быть такой феномен как пробелы в законодательстве. С моей точки зрения, частично решить эту проблему способно признание судебной практики одним из источников права. В отношении восполнения законодательных пробелов, путём признания прецедентных норм, существует и прямо противоположное мнение. Специалисты в области юридической науки, убеждены, что подмена нормативно-правового, официально закреплённого регулирования некомпетентным толкованием, способно обострить произвольность исполнительных органов и подорвать незыблемость закона. Некачественно написанное законодательство не используется и захламляет правовое пространство, порождает нестабильность и неопределенность в правовом регулировании [8, с. 29].

Судебную практику дозвоительно считать особым материальным источником права. Специалисты в сфере юриспруденции признают судебную практику богатейшим ресурсом ценной информации для правотворчества. Судебная

практика, согласно этому утверждению, расценивается не как случайное заключение по частному вопросу, а как неоднократно проверенный в различных условиях материал [7, с. 95].

В свою очередь, в процессе рассмотрения сложных дел, требующих индивидуального юридического подхода, все звенья судебной системы аккумулируют сведения для представительных органов. Всеобщее признание судебной практики одним из источников права стимулирует обогащение теоретических оснований и регулятивной базы всей системы российского права.

Открытой остаётся дискуссия по поводу официального признания судебной практики источником права. Существует множество аргументов за и против причисления судебного прецедента к источникам российского права наравне с законами и подзаконными актами. На сегодняшний день нормативные правовые акты являются единственными источниками, которыми руководствуются органы юрисдикции в реализации права. Правовой прецедент остаётся не признанным и не установленным официально. Но в действительности, мы наблюдаем противоречивый факт, когда зачастую именно судебная практика является единственным существующим источником, применимым к конкретному делу.

Если же рассуждать о признании судебной практики в совокупности источников права, то сразу же возникнет вопрос о повышении квалификации судей. К существующим строгим рамкам, предъявляемым к профессии, должны будут прибавиться ещё более суровые требования. Особой регламентации потребуют положения об ужесточении ответственности и независимости блюстителей закона. Эти настояния являются необходимым условием для признания судебной практики источником права, которым впоследствии должны будут руководствоваться органы правосудия при вынесении вердиктов. Уровень правовой культуры населения и степень совершенства законодательства так же являются важными обстоятельствами в случае причисления судебной практики к источникам права.

Пристатейный библиографический список

1. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Юрайт, 2017. – 418 с.
2. Зивс С.А. Источники права. – М.: Наука, 1981. – 240 с.
3. Нерсисянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. – 527 с.
4. Прокофьев Г.С., Чигидин Б.В. Технология подготовки законопроектов. Законодательный процесс. Понятие. Институты. Стадии: научно-практическое пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. – 115 с.
5. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Право, 2002. – 770 с.
6. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды. Ученые труды ВИАЮ: Юридическое издательство МЮ СССР. – 1947. – № 9. – С. 239-240.
7. Казанцев С.М. Проблема единообразия судебной практики в РФ // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2004. – № 3. – С. 95.
8. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права // Цивилистическая практика. – 2007. – № 1 (22). – С. 38-67.
9. Тихомиров Ю.А. Проблемы развития законодательства субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 3. – С. 4.

ДУБРОВИН Михаил Андреевич

старший преподаватель кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности
Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Государство в контексте глобализационных вызовов: интеграционный подход

Исследование анализирует влияние глобализационных вызовов на государственную структуру, её прочность, и способность актуализировать основные направления своей деятельности с целью предупреждения негативных последствий, влияющих на целостность суверенитета. Рассмотрены аспекты позитивизма и негативизма глобализационных процессов. Изучена возможная перспектива сохранения интенсивности интеграционной деятельности с учётом приверженности национальных интересов.

Ключевые слова: процесс интеграции, глобализация, государство, национальная безопасность.

DUBROVIN Mikhail Andreevich

senior lecturer of International law and foreign economic activity sub-faculty of the Institute of Law of the
A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

Дубровин М. А.

THE STATE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION CHALLENGES: AN INTEGRATION APPROACH

The study analyzes the impact of globalization challenges on the state structure, its strength, and the ability to update the main directions of its activities in order to prevent negative consequences affecting the integrity of sovereignty. Aspects of positivism and negativism of globalization processes are considered. The possible prospect of maintaining the intensity of integration activities, taking into account the commitment to national interests, is studied.

Keywords: integration process, globalization, state, national security.

Государство сегодня – это активный участник международного сообщества. Наложённый геополитический отпечаток, вызванный от части дезинтеграционными настроениями, выступает в роли условного показателя устойчивости установленных интеграционных связей за последние десятилетия. Учитывая доктринальное свойство процесса интеграции – объединение разрозненных элементов системы, под воздействием глобализации, она стала движущей силой формирования не только межгосударственного сотрудничества, но и глобальных и региональных международных объединений (союзов). Характерная интенсивность геополитического взаимодействия, в некоторых случаях представленная в форме высшей степени – чрезмерности, с одной стороны служит идеальным инструментом удовлетворения потребностей национальной государственной структурой, а с другой средством смещения экономики, зарождение межгосударственной взаимозависимости производственных сил, дезинтеграционных начал, в особенности внутри государства.

Несмотря на базовую предрасположенность процесса интеграции к включённости в неё государств при наличии добровольных мотивов, современное глобальное пространство диктует новые правила. В частности, установление межгосударственных интеграционных связей – это обязанность, а не право. Безусловно, данный тезис следует расценивать как абстрактное идеалистическое представление данного процесса, с допустимо возможным правом отказа от них. Однако в практическом поле подобные действия контрпродуктивны, хоть и установочно предполагают отсутствие зависимости от других субъектов международного права. В связи с чем наиболее логически-корректная теоретическая мысль заключается не в определении прав и обязанностей, а в поиске механизма, позволяющего без отделения от мирового сообщества соблюдать национальные интересы.

В данном ключе актуализируется потребность в осуществлении интеграционной деятельности государством, как на международном уровне, так и на национальном. Хотя с теоретической точки зрения она и базируется на началах общетеоретической категории – функции государства, все же ключевым трансформирующим элементом является наложение критериев процесса интеграции. На данном этапе

формируется факультативная теоретическая проблема, заключённая в форме интерпретации данного процесса в тексту теории государства. Его присутствие в иных отраслях науки безусловно, и было доказано в предшествующих исследованиях [2, с. 67]. Однако пробел, представленным отсутствием чётких критериев, приверженность которым позволит реализовывать интегративную функцию государством в её подлинном виде, по нашему мнению, до настоящего времени не восполнен.

Первично отметим, что попытка определения добровольного либо принудительного характера данного процесса была осуществлена и привела к интересным результатам [1, с. 195]. Во-первых, по причине невозможности делимости глобализации от процесса интеграции. Во многом, это связано с формами интеграционных процессов, которые могут иметь глобальное, региональное либо национальное выражение. Во-вторых, критерий добровольности и принуждения допустимо возвести в классифицирующий признак, характеризующий особенности протекания процесса интеграции в зависимости от мировой историографии. Более того, ретроспективное сравнение принудительного характера позволяет судить о лингвистической трансформации самого понятия принуждения, разумеется, в рамках его применения для характеристики процесса интеграции и глобализации. В частности, сегодня, постановочно, оно представляется как выбор пути наименьших последствий для национальной целостности и безопасности.

С другой стороны, в особенности рассматривая процесс интеграции в конструкции функций государства, нельзя не упомянуть о необходимости гибкости в реализации основных направлений его деятельности. Причиной этому, постановочно, служит неоднородный уровень экономического развития и внешнеполитической включённости в разрешении глобальных проблем. Базовый признак, классифицирующий государство на развитое, развивающееся и слаборазвитое, условно выступает критерием ролевой градации, в том числе в рамках международных интеграционных объединений. Более того, по нашему мнению, критерий гибкости следует отнести к числу фундаментальных при характеристике интеграционной деятельности государства. Во многом,

подобный тезис обусловлен взаимосвязанностью и взаимозависимостью самих функций государства. Так, параллельно реализующимся направлением всегда является обеспечение национальной безопасности, следовательно, функции государства. Обозначенный критерий, концептуально, выступает условным механизмом сдерживания и противовеса при реализации обоих функций.

Моделирование ситуации, в рамках которой государство пренебрегает использованием обозначенного критерия в своих основных направлениях деятельности, концептуально, может привести к следующим последствиям. Первая модель – это допущение доминирования интегративной функции, означающей чрезмерное усиление взаимозависимости между субъектами международного права (государствами и международными объединениями). Данная стратегия развития государства приводит к либо условному, либо фактически истончению государственных границ. При этом, постановочно, данные последствия происходят на нескольких уровнях: международном и национальном. В первом случае, возможно принуждение (принудительная интеграция) экономически-развитого государства к преследованию другим, базисно представляемым суверенным, государством собственных политических, экономических и социологических потребностей. Во втором, бесконтрольная внутрисударственная интеграция, в подавляющем числе случаев характерная для федеративной формы государственного устройства, приводит к формированию дезинтеграционных начал, попытках производства законодательно-установленных мероприятий по отделению из состава государства, и образования собственного суверенного образования. Кульминацией смоделированной модели является выраженное занижение роли функции обеспечения национальной безопасности, отвечающей за сохранение целостности нации сразу в нескольких направлениях: единения всех составных элементов государства и недопущение его распада; недопустимости вмешательства и изменения фундаментальных принципов нации; предупреждение латентных целей иностранных государств и др.

Вторая модель – это диаметрально противоположность, представленная в превалировании функции обеспечения национальной безопасности. Установочно выраженной в качестве восходящего её проявления и, как следствие, ужесточения контроля за внешней деятельностью государства. Воплощаемой в абсолютной форме политического клише – железный занавес, ситуации при которой происходит аннулирование внешнеэкономической деятельности, и предупреждение любых предпосылок установления межгосударственных интеграционных связей как угрозы национальной безопасности. Данная модель пусть и характеризуется с точки зрения позитивизма своей защищенностью, но не отвечает глобализационным тенденциям [4, с. 209], в частности включенности в миропорядок. Несмотря на теоретическую допустимость её существования, в практическом поле существуют единичные вариации применения (например, Северная Корея). В то же время даже в случае наступления подобного сценария, превалирующая роль в разрешении, например экономических коллапсов, становится на прямую зависима от уступчивости и результативности внутрисударственных интеграционных связей либо между административно-территориальными образованиями, либо между субъектами (штатами). В связи с чем наблюдается альтернативный способ реализации основных направлений деятельности государством. Принижения значимости внешних интеграционных процессов, их неактуальности и чрезмерной вредоносности для государственной структуры.

В то же время, по нашему мнению, путь максимализма и приверженности одной либо другой модели контрпродуктивен. Государство, как многоаспектное явление обязано трансформироваться и обладать необходимым инструментарием, отвечающим тенденциям нового цикла миропорядка. При этом смешивание данных функций, в попытках вычленения исключительно положительных аспектов невозможно с теоретической точки зрения, ввиду их неоднородности. В связи с чем, использование критерия гибкости в вопросах реализации основных направлений деятельности государством, по нашему мнению, наиболее корректно отвечает сформированной доктринальной потребности. Однако несмотря на выявленный путь, вопрос о способах его применения остаётся открытым.

В данном ключе необходимо смоделировать факультативную модель, обозначающую продуктивность либо контрпродуктивность его использования в конкретный момент реализации функций, либо наоборот системную нуждаемость в нём. Установочно [3, с. 18], государство за период своего существования проходит через бесконечное множество циклов, этапов, характеризующих диаметрально изменяемость устоев, общества, потребностей и др. Их свойственная структура, условно обозначенная восходящей и нисходящей направленностью, может приводить к интенсивности установления межгосударственных либо внутригосударственных интеграционных связей. Приближение к данному этапу выборности означает формирование точки бифуркации – этапа смены цикла, в котором критерий гибкости выполняет ключевую роль. Во-первых, его оценивание с точки зрения включенности в бифуркацию, постановочно, означало бы его потребность исключительно в переломном моменте историографии государства, как условного инструмента, позволяющего проводить смену цикла с наименьшими государственнымися потерями (частичного распада государства либо ограничения сохранения и установления интеграционных связей). В данный момент встает вопрос о его продуктивности либо контрпродуктивности, в подавляющем числе случаев, измеряемых количественными показателями. Во-вторых, допустимости его присутствия на всех этапах реализации функций государством. В таком случае, необходима положительная синергия интегративной функции и функции обеспечения национальной безопасности и, как следствие, отслеживание ключевых показателей жизнедеятельности общества и государства с целью мониторинга затрат негативных последствий от одной из них. Именно задаток вариация, по нашему мнению, является теоретически требуемой, т.к. дополнительно данный критерий выступает в роли предупреждения бифуркации, удлиняя жизненный цикл государства. Учитывая востребованность к установлению внешнеэкономических связей, следовательно, появлению угроз национальной безопасности, применение данного критерия государством в современном глобализирующемся мире позволит оставаться активным его участником, сохраняя суверенность государственных границ, и защиты нации от факторов внешнего влияния.

Резюмируя настоящее исследование, хотелось бы отметить о первостепенности корректного понимания и ожидания результатов от реализуемых основных направлений деятельности государством в контексте глобализационных вызовов. Анализируемый критерий, по нашему мнению, является одним из способов их реализации, а в рамках теории науки уточняющим признаком процесса интеграции в государство. Учитывая современную геополитическую обстановку необходимо отметить, что уровень развития межгосударственных интеграционных связей продемонстрировал, в частности, высокий уровень взаимозависимости экономик, невозможности импортозамещения, следовательно, недостаточного присутствия критерия гибкости.

Пристатейный библиографический список

1. Дубровин М. А. Глобализация – принудительный или добровольный процесс? // Актуальные проблемы международного права и внешнеэкономической деятельности. Материалы X международной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Министерство образования и науки Российской Федерации; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Юридический институт. - 2019. - С. 193-196.
2. Дубровин М. А. Критерий гибкости в контексте интеграционной деятельности государства: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5. - С. 66-67.
3. Дубровин М. А. Синергия в государстве: циклично-интеграционный подход // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Серия «Юридические науки». - 2021. - № 1 (27). - С. 16-20.
4. Любашиц В. Я. Современное государство в глобализирующемся мире проблемы теории // Правоведение. - 2004. - № 4. - С. 203-221.

МИХАЙЛИК Анна Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРАВОСОЗНАНИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТЯХ

В представленной научной работе раскрыта актуальная на сегодняшний день тематика, посвященная изучению правосознания в современных российских реалиях, а также особенностей правосознания и его влияния на жизнь общества. Автор обращает особое внимание на анализ научных работ наиболее выдающихся правоведов в данной области. В заключении сформировано несколько выводов относительно изученного материала.

Ключевые слова: правосознание, индивид правовая культура, социально-правовой институт.

MIKHAYLIK Anna Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

Михайлик А. А.

MODERN UNDERSTANDING OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND ITS FEATURES

The presented scientific work reveals the current to date topics devoted to the study of legal awareness in modern Russian realities, as well as the features of legal awareness and its impact on society. The author pays special attention to the analysis of the scientific works of the most prominent jurists in this field. In conclusion, several conclusions have been formed regarding the studied material.

Keywords: legal consciousness, individual legal culture, socio-legal institution.

В целях корректного рассмотрения представленной в настоящей научной работе проблематики, нам необходимо обратить внимание на актуальность данного вопроса. Так, наше государство весьма активно занимается внешней политикой, что не может не сказаться на ее состоянии на международной арене. В настоящее время, достаточно агрессивная и жесткая политика законодателя требует от населения высокого уровня правосознания для всех без исключения членов общества.

Так многие правоведы и практикующие специалисты обращают свое внимание на то обстоятельство, что в нашей стране, в настоящее время, присутствует определенное неуважение к нормам права, а также недоверие к деятельности органов государственной власти. Это можно подтвердить достаточно большим количеством преступлений и мелких правонарушений, совершенных за последнее время. Существует множество причин снижения правосознания граждан, которые будут исследованы в рамках настоящей научной работы. Однако наиболее основной причиной является отсутствие какого-либо уважения к закону, именно поэтому одной из основных задач настоящей статьи является разрешение данной задачи.

Поиск подобных причин является необходимым основанием для проведения дальнейших политико-правовых реформ, а также составлению более эффективных средств правового воздействия на общественные отношения.

Совокупность представленных выше факторов говорит о том, что поднятая нами тематика является более чем актуальной и как следствие необходимость ее подробного изучения вполне оправдана.

При подробном анализе поднятой тематики, в первую очередь, следует сказать о том, что правосознание представлено в виде одной из разновидностей общественного сознания. Как отмечает множество правоведов, правосознание является идеальным, непосредственным и наблюдаемым явлением. Данное явление представляет собой совокупность сформированных убеждений, оценок и чувств, которые могут выражать как отдельный взятый человек, так и определенная социальная группа по отношению к современному законодательству.

В целях более подробного рассмотрения настоящей тематики, а также детального изучения всех присущих ей особенностей, нам необходимо рассмотреть их разновидности.

Так, современная правовая доктрина является весьма многообъектной и сложноструктурной, поэтому в ней содержится множество мнений, которые касаются существующих на сегодняшний день видов правосознания. Стоит обратить внимание, что все виды правосознания делятся в соответствии с тем или иными основаниями [1, с. 25]. К наиболее распространенным основаниям можно отнести, например:

- деление согласно уровню осознания, обществом необходимости правовых норм;
- наличие каких-либо правовых явлений, с помощью которых можно дать качественную характеристику правосознанию;
- деление правосознания ввиду субъекта, который является носителем правосознания;
- деление правосознания на основании, так называемого, способа отражения.

Каждое из перечисленных нами оснований обладает собственной более детальной градацией, которая также имеет собственные характерные черты и сущность [2, с. 113]. Так, многие специалисты выделяют три вида правосознания, вытекающих из деления на субъекты, а именно:

- индивидуальное правосознание;
- групповое правосознание;
- общественное правосознание.

Также, в соответствии с последним основанием правосознание может делиться на:

- обыденное или, иными словами, поверхностное правовое сознание;
- доктринальное правосознание, обладающее научным подоплекой.

Среди перечисленных нами видов правосознания к наиболее значимому и сложному по своей структуре можно отнести общественное правосознание. Ввиду этого проведем анализ данного вида правового сознания. Так, согласно доктринальным положениям общественное правосознание формируется посредством двух взаимосвязанных друг с другом

этапов. Что касается первого этапа, то он представлен в виде формирования общественного сознания, когда как второй этап заключается в том, что право влияет на общественное сознание и тем самым формируется общее правосознание.

Если же рассматривать сущность личного правосознания, то оно, в определенной степени, является отражением общественного сознания. По мнению некоторых ученых, общественное правосознание несет в себе абстрактный характер и строится именно на личном правосознании, которое играет роль, так называемого, «фундамента» [3, с. 100]. Однако и правосознание отдельной личности формируется, в большинстве своем, под влиянием общественности. Таким образом, два представленных нами вида правосознания являются отражением друг друга и по сути не могут существовать по отдельности. Так, совершенствование и развитие одного, бесспорно, отразится на развитии другого.

Значение общественного правосознания достаточно тяжело переоценить, так как именно посредством влияния общественного правового сознания на индивидов оказывается наиболее существенное воздействие. Данное привило касается вновь появившихся субъектов различного рода правоотношений, которые перенимают сложившейся и устоявшийся в обществе уровень правосознания. В данном случае мы говорим либо о социализации отдельно взятой личности, либо о вступлении уже сформировавшегося индивида в самостоятельную жизнь.

Ввиду этого могут возникать различного рода споры. К наиболее распространенному следует отнести дискуссию, возникающую в рамках научного сообщества, по поводу преобладания индивидуального правосознания над общественным и наоборот [4, с. 32]. Подобные споры являются извечными и какого-либо однозначного ответа по ним дать невозможно, так как и человек и общество вместе с ним, подвергаются постоянному изменению, развитию и совершенствованию. За тем лишь исключением, что общество может видоизменяться несколько медленнее чем индивид. Тем не менее, по нашему мнению, первостепенное значение всегда будет оставаться за индивидуальным правосознанием, которое в своей совокупности формирует общественное сознание.

Подобно рассмотрев и изучив сущность и значение индивидуального, а также общественного правосознания можно перейти к анализу группового правового сознания, которое также обладает своими специфическими особенностями. Как правило, человеческая природа устроена в том, что индивиду необходима определенного рода социальная группа, так как он не может существовать в одиночку. Формирование подобных групп строится на различных основаниях. Что касается правосознания, то оно напрямую зависит от тех установок и особенностей, которые лежали в основе формирования социальной группы. Таким образом, групповое правосознание может в корне отличаться от общественного или же индивидуального, так как каждая группа обладает собственным набором специфических черт.

Таким образом, формулируем полное и объективное определение каждого из наиболее распространенных видов правосознания. Так, под индивидуальным правосознанием следует понимать уровень правового сознания отдельно взятого человека. Индивидуальное правовое сознание формируется посредством вступления гражданина в общую систему общественных связей, а также его участия в гражданский оборот. Также, огромное влияние на формирование индивидуального правосознания оказывает жизненный опыт человека. Представленный нами вид правосознания является уникальным и отчасти неповторимым, однако в отличии от общественного или же группового правосознания он конечен и итогом всему является наступление смерти человека. Тем не менее, именно индивидуальное правосознание оказывает существенное влияние на формирование и построение общественного и в частности группового правосознания.

Что касается итогового определения группового вида правосознания, то оно также представлено в виде совокупности установок и оценок относительно соблюдения существующего законодательства. Отличием является то, что такое правосознание возникает внутри определенной группы

людей. Данная группа, вне зависимости от ее количества, объединяется ввиду конкретных особенностей, которые выражены в общих интересах или же потребностях. По мнению многих правоведов и практикующих специалистов, в группа правосознания присутствует один весьма значительный недостаток, который очень сложен для преодоления. К такому недостатку следует относить преломление правосознания подобными интересами и потребностями. В данном случае, речь идет о том, что индивидуальное сознание, которое по сути формирует групповое сознание, может напрямую зависеть от стихийности этой самой группы и тех понятий, и правил, которые в ней установлены, что безусловно является весьма значимой проблемой, требующей скорейшего разрешения и теоретического обоснования.

Ранее мы говорили о том, что правосознание может разделяться ввиду отражения обществом правовой действительности. Так, общественное правосознание строится на отражении населением деятельности и функционирования различного рода правовых институтов, а также законодательства в целом. В соответствии с данной классификацией правовое сознание может подразделяться на, так называемое, обыденное и научное. Сущность каждого из них заключается в том насколько каждый приближен к научно-правовой доктрине.

Так, нам необходимо рассмотреть каждый из данных видов более подробно, а именно:

- начать необходимо с обыденного правосознания. Стоит сразу отметить, что обыденное правосознание практически ни коим образом не сочетается с научно-правовой доктриной и потому именно этот вид правового сознания присущ подавляющему большинству населения. Так, формирование подобного вида правосознания осуществляется стихийно и как правило единоразово, только в тех случаях, когда гражданин самостоятельно встречается с той или иной правовой проблемой. Обыденное правосознание обладает определенной совокупностью особенностей, которые представляют его сущность и характеристику. Так, обыденное правосознание, с большой долей вероятности, является субъективным, что ведет к ошибочности и признанию некоторых положений некорректными. То есть, вместе с объективно правильными взглядами на право в целом, могут формироваться и ошибочные;

- что касается теоретического правосознания, то под ним необходимо понимать совокупность идей и представлений о праве, которые формируются на основании точно выверенной научной методики. Изучением и формированием доктринального правосознания занимаются квалифицированные и образованные лица, которые обладают корректными знаниями и представлениями о правовой системе и ее основных правовых институтов. Тем не менее, многие специалисты отмечают, что научное правовое сознание нельзя путать с правовой идеологией, так как в правосознании присутствуют элементы интуиции и эмоциональных проявлений.

В рамках поднятого нами вопроса, следует сказать, что с учетом постоянного развития общественных отношений и видоизменением многих государственных и правовых институтов, даже корректно сформированное правосознание имеет особенность деформироваться и существенно видоизменяться в негативную сторону.

Так, современная научная доктрина предусматривает несколько видов подобной деформации. К наиболее распространенным из них можно отнести, например:

- так называемый, правовой инфантилизм, суть которого заключается в низком уровне юридической «подкованности» при сочетании внешней уверенностью в собственных правовых знаниях. Стоит отметить, что определенными знаниями человек действительно может обладать, однако они могут быть либо устаревшими, либо поверхностными, а соответственно недостаточными для разрешения конкретно возникшей юридической проблемы;

- абсолютное отражение правосознания, которое является ее антонимом и представляет искаженное правовое сознание, куда может включаться преступный умысел. В современной правовой доктрине подобная деформации

правосознания именуется как «перерождение правового сознания»;

– правовой дилетантизм, представленный в виде обращения к нормативно-правовым актам не как к документам, регламентирующим общественные отношения. Таким образом, можно говорить о том, что лицо попросту небрежно относится к сформированным в обществе правовым ценностям;

– к наиболее распространенному и значимому виду деформации правосознания следует отнести правовой нигилизм. Правовой нигилизм означает полное отрицание социального значения права в целом. Лицо, обладающее правовым нигилизмом, целенаправленно не исполняет предписания закона и игнорирует как установленные законодательством требования, правила, а также нормы. Тем не менее, правовой нигилизм не отменяет позитивного отношения к социальным и общепринятым нормам поведения в обществе. Таким образом, в отечественной науке до сих пор возникают споры по поводу определения общественной опасности подобных лиц.

Как таковое понятие нигилизма представляет собой полное отрицание чего-либо, вне зависимости от вида, структуры или характеристики объекта. В нашем случае, мы говорим о правовом нигилизме, где лицо выражает резкий негатив только по отношению к предписаниям закона, когда как к другим мерам ограничения прав и свобод человека и гражданина, такое лицо относится довольно таки спокойно, например, социальные нормы. В связи с этим, можем сделать вывод о том, что нигилизм может иметь различные вариации и быть как идеологическим и нравственным, так и политическим и правовым.

При этом, в качестве характерной черты нигилизма, в том числе и правового, является не просто отрицание установленных законом норм поведения и взаимоотношения в обществе, но и активное воспрепятствование какому-либо правовому воздействию на общественные отношения. Бесспорно, данный факт вносит значительную нестабильность в общественное регулирование.

Как правило, правовой нигилизм является не просто деформацией правосознания, так как он обладает чертами, выделяющими его в отдельное социально-негативное явление, главная задача которого заключается в противостоянии и уничтожении законности [5, с. 161]. В некоторых случаях правовой нигилизм, в силу его стихийности и масштабности может повлечь разрушение устоявшейся в государстве правовой системы. Необходимо иметь в виду то, что в данном случае говорится не о революционных движениях, а о реформаторских видоизменениях правовой базы, со стороны законодателя, так как старая правовая модель попросту не в состоянии корректно регулировать общественные отношения.

Отечественные правоведы и специалисты говорят о существовании множества причин возникновения и дальнейшего развития правового нигилизма в нашей стране. В действительности, существует весьма внушительное количество причин, которые в большинстве своем, можно разделить на два больших подвида, а именно:

– обоснованное и логически выверенное проявление протеста против принятия законодательного акта, который действует во вред общественным отношениям, существовавшим до его принятия;

– неосознанное и «слепое» отвержение любой формы проявления правового регулирования общественных отношений, которое выражается в непризнании права как самостоятельного института.

Современная научная доктрина выделяет еще один вид деформации правового сознания, к таковому следует отнести правовой идеализм или, иными словами, фетишизм. Данное явление представляет собой полную противоположность правовому нигилизму. Согласно правовому фетишизму гражданин уверен в разрешении того или иного вопроса или социальной проблемы с помощью норм права.

Тем не менее, при наличии зеркальных отличий между правовым нигилизмом и фетишизмом, в данных понятиях присутствуют определенные сходные черты, к которым следует отнести:

– правовое невежество, в плане полного отсутствия понимания того как работает правовая система;

– полное отсутствие политико-правовой культуры как у населения, так и у представителей власти.

К последнему, но не менее опасному виду деформации правового сознания можно отнести, так называемую демагогию, которая представляет собой разновидность социальной демагогии. В своей сущности данное явление заключается в том, что конкретно определенное лицо или группа таких лиц озвучивает не соответствующую действительности информацию тем лицам, которые им доверяют. Таким образом, происходит односторонняя дезинформация одного лица другим в отношении тех сведений, которые носят сугубо правовой характер. В данном случае, следует учитывать тот факт, что подобные действия могут совершаться как целенаправленно, так и непредумышленно. По справедливому мнению, многих правоведов особая опасность возникает тогда когда такой деятельностью начинают заниматься должностные лица, которые являются представителями органов государственной власти.

Подводя заключительные итоги настоящей работы можно сформулировать несколько выводов по представленной нами тематике. Так, в первую очередь, хотелось бы сказать о том, что правовая культура гражданина представляет собой наличие знаний человека о принадлежащих ему правах, свободах, а также обязанностях. Также, по мнению многих правоведов, составным и весьма важным элементом правовой культуры является уверенность индивида в том, что государство в лице своих представительных органов и должностных лиц сможет обеспечить защиту его прав и законных интересов, а также наделить закон первоочередным значением, ввиду чего можно говорить о равенстве всех перед правовыми нормами.

Стоит сказать о том, что развитие правосознания влечет за собой соблюдения правопорядка и снижение уровня преступности, а также примеров девиантного поведения большинства лиц. Именно формирование в сознании людей верховенства и справедливости права, способствует установлению демократического общества и правового государства.

Для построения и развития правосознания отечественный законодатель должен придерживаться такой политики, при которой норма права воспринималась бы обществом как ценность, которую необходимо беречь и соблюдать. Ценность и высокое значение нормы права объясняется тем, что именно с помощью закона появляется реальная возможность добиться социальной справедливости, порядка и законности в действиях других лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии [Текст] // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2015. - № 3 (44). - С. 23-28.
2. Большунов М.А. К вопросу о понятии правосознания [Текст] // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. - 2011. - № 2. - С.112-118.
3. Егоров В.А. Исторические корни правосознания Россиян [Текст] // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 20. - С. 99-101.
4. Жигулин А.А. Психологические аспекты правосознания [Текст] // Научно-исследовательские публикации. - 2014. - № 2 (6). - С.29-37.
5. Петрулевич И.А., Целиковский С.Б. Особенности правосознания и проблемы формирования гражданского общества в современной России [Текст] // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 4. - С.159-165.

САЗОНОВ Иван Иванович

магистрант Российской государственной академии интеллектуальной собственности

ЧИБИСОВ Олег Валерьевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории, истории права и публичных-правовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности, научный руководитель

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

Статья посвящена рассмотрению механизмов государственного регулирования правоотношений в сфере результатов интеллектуальной деятельности гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований, а также выявлению проблем разработке предложений по совершенствованию законодательства в сфере государственного регулирования РИД, созданных за счет бюджетных ассигнований.

Ключевые слова: бюджет, правовое регулирование, РИД, государственный контроль, интеллектуальная собственность, научно-технический потенциал.

SAZONOV Ivan Ivanovich

magister student of the Russian State Academy of Intellectual Property

CHIBISOV Oleg Valerjevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Theory, history of law, and public law disciplines sub-faculty of the Russian State Academy of Intellectual Property, academic advisor

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF LEGAL PROTECTION AND USE OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY, CREATED AT THE EXPENSE OF THE FEDERAL BUDGET

The article is devoted to the consideration of mechanisms of state regulation of legal relations in the sphere of results of intellectual activity of civil and military purposes, created by means of budgetary allocations and also to the discovery of problems to development of offers on improvement of the legislation in the sphere of state regulation of intellectual activity created by means of budgetary allocations.

Keywords: budget, legal regulation, RIA, state control, intellectual property, scientific and technical potential.

Сазонов И. И.

Чибисов О. В.

Как и любые другие правоотношения, правоотношения в сфере государственного регулирования результатов интеллектуальной деятельности гражданского и военного назначения, созданные за счет бюджетных ассигнований, имеют ряд проблем в регулирование. Рассуждения о проблемах правового регулирования РИД возникли относительно давно. В 2011 году на заседание Совета Федерации РФ проходили парламентские слушания о «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета»¹. В течение всего этого времени законодательство об интеллектуальной собственности развивалось, вносились изменения в Гражданский кодекс РФ, принимались федеральные законы и подзаконные акты. Одним из последних нормативно-правовых актов, регулирующих данные правоотношения является Фе-

деральный закон № 456 «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского Кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2022 года², который направлен на разрешение дискуссии о том, кто является субъектом права на интеллектуальную собственность (ИС), созданную, в первую очередь, за счет средств государственного бюджета – государство или хозяйствующий субъект-разработчик [2]. В рамках нормативно-правового акта появляется отдельная статья 1240.1 Гражданского кодекса, которая регламентирует регулирование правоотношений в сфере распределения прав на результаты интеллектуальной собственности, созданные за счет бюджетных ассигнова-

1 «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». Совет Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29717/> (дата обращения: 22.01.2022).

2 Федеральный закон «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» от 22.12.2020 № 456-ФЗ. КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371783/ (дата обращения: 22.01.2022).

ний³. Данная проблема правового регулирования была актуальна все время с появления первых результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет бюджетных ассигнований, и до 1 января 2022 года, хотя даже сейчас нельзя сказать, что данная статья полностью регулирует все правоотношения в сфере государственного регулирования РИД гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований. Нормы права, содержащиеся в данной статье в большей степени направлены на регулирование именно объектов военного назначения, в связи с чем сложности в определении правообладателя в гражданском назначении, сохраняются. Данная проблема была ключевой по причине того, что развитие правового регулирования интеллектуальной собственности является одним из ключевых компонентов развития экономики. Для инвестора, особенно иностранного, разработчика технологии и хозяйствующего субъекта, планирующего ее использование, вопрос собственности является главной мотивацией и лежит в основе принятия решения об инвестировании в исследования и разработки либо в приобретение созданной технологии [2]. Отсутствие четкого регулирования данных правоотношений препятствовало развитию правоотношений в сфере создания новых объектов результатов интеллектуальной деятельности. Проблемы правового регулирования объектов результат интеллектуальной деятельности гражданского и военного назначения, созданные за счет бюджетных средств, приобретает особую актуальность в свете развития связей между наукой и промышленностью. Ведь именно с этой целью государство инвестирует средства из федерального бюджета в развитие и появление новых технологических решений. На данный момент порядка 70 % всех организаций из сферы науки принадлежат государству, финансируются из государственного бюджета [2]. Особенное внимание к проблеме правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет бюджетных ассигнований, проявляется в том, что все еще государственное финансирование остается основным источником финансирования научных исследований и разработок. Существуют разные оценки государственного влияния на эту область. По одной из версий, государственное финансирование научных исследований и разработок составляет 55 % суммарных затрат всех субъектов данных правоотношений [2].

Однако проблемы правового регулирования видоизменяются и появляются новые. В связи с чем можно говорить, что данная тема никогда не утратит своей актуальности и всегда будет существовать проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета.

В своем исследовании рынка проблем, связанных с правовым регулированием отношений в сфере государственного регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета, в 2011 году Федеральным Собранием РФ были выделены следующие:

1. Отсутствие правового регулирования вопросов управления процессами создания, закрепления и распоряжения правами на РИД;

2. отсутствие надлежащего контроля со стороны государственных заказчиков за исполнением условий государственных контрактов на выполнение НИОКР по своевременному выявлению, закреплению прав на РИД и вовлечению их в гражданский оборот;

3. незаинтересованность авторов РИД в их правовой охране вследствие отсутствия правовых норм, четко определяющих условия, размер, порядок и источники финансирования выплаты вознаграждения авторам РИД;

4. отсутствие спроса производственного сектора экономики на новые отечественные разработки (предпочтение отдается готовым зарубежным технологиям);

5. отсутствие надлежащего количества специалистов в области интеллектуальной собственности⁴.

За десять лет работы по совершенствованию правового регулирования данных правоотношений и решение проблем, связанных с данным регулированием, некоторая часть проблем была решена. Например, определение правообладателя; создание стимулов для авторов РИД. При этом, в полной мере все проблемы правового регулирования РИД гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований, решены не были.

На начало 2022 года можно выделить следующие проблемы правового регулирования РИД гражданского и военного назначения, созданные за счет средств федерального бюджета:

1. отсутствие государственного контроля за результатами интеллектуальной деятельности и своевременному введению их в гражданское или военное использование. Особую актуальность данная проблема имеет в объектах военного назначения. В июле 2021 года вышла Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [4]. В соответствии с данным документом национальная безопасность проявляется преимущественно в технологической сфере и обеспечивает информационную и ресурсную независимость в разработке и производстве продукции военного назначения [6]. Для государства как субъекта правоотношений по государственному регулированию результатов интеллектуальной деятельности гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований, крайне важно контролировать целевое использование бюджетных средств, то есть создание в рамках НИОКР именно тех технологических решений, которые являются приоритетными для государства. Помимо целевого использования денежных средств, перед государством возникает проблема по своевременному и полному введению результата РИД в гражданское или военное назначение.

2. Отсутствие спроса от производителей на новые технологические решения. Для большинства современных предприятий экономически эффективней и проще заключить договор на использование РИД от иностранного правообладателя, чем от отечественного. Во многом это объясняется низкой технологической развитостью в ключевых отраслях экономики, отсутствие практического опыта использования технологий, опасения относительно качества. Характерным примером здесь может быть нежелание многими гражданами РФ использовать отечественные прививки от COVID-19. Многие граждане больше доверяют прививкам от иностранных производителей, считая их эффективность выше, достоверность выше. Иным примером может быть совокупность изобретений отечественных ученых в создании нового самолета отечественного производства. Sukhoi Superjet 100 — это характерный пример, нежелания многих предпринимателей использовать новые технологические решения в отдельных областях. Авиационной компании гораздо проще приобрести в лизинг новый самолет американского или европейского производителя, так как уровень среднего налета

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 21.12.2021) Российская газета. № 230-ФЗ 18.12.2006.

4 «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». Совет Федерации РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29717/> (дата обращения: 26.01.2022).

данных самолетов гораздо выше, а ремонт быстрее⁵. Можно сказать, что потребности в создании каких-то новых решений у отечественных представителей бизнеса нет, так как во всех ключевых отраслях спрос удовлетворен предложением от иностранных производителей.

3. Проблема в отсутствие надлежащего количества научных специалистов до сих пор остается актуальной. К сожалению, в сфере защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации достаточно много пробелов. Ежегодно иностранные компании теряют в Российской Федерации миллиарды долларов из-за нарушения патентов, авторских прав и прав на товарные знаки [7]. Российские фирмы из-за аналогичных нарушений ежегодно теряют сотни миллионов долларов [7]. Одной из причин этого является недостаток внимания и опыта решения проблем, связанных с интеллектуальной собственностью [7]. Также значительная часть достижений уходит за рубеж и происходит крупномасштабная утечка самых высококвалифицированных кадров, а это, несомненно, ухудшает научно-технологический потенциал Российской Федерации.

4. Проблема в отсутствие специалистов высокого качества в сфере интеллектуальной собственности так и остается актуальной с первого упоминания о ней на парламентских слушаниях в 2011 году в Совете Федерации⁶. В 2020 году и.о. ректора российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС) Александра Аракелова заявила, что России необходимо сейчас 300 тысяч специалистов в сфере интеллектуальной собственности⁷. Кроме того, Александра Аракелова уточнила: «основная проблема в том, что российское общество очень мало знает об интеллектуальной собственности. Работники предприятий, в том числе коммерческих, недопонимают значимость этой сферы, не умеют коммерциализировать результаты интеллектуальной деятельности. Например, проводилось исследование, которое показало, что в нашей стране только 15-20 % научно-исследовательских работ, выполняемых за счет государственных средств, завершаются получением патента. Это очень мало»⁸.

Таким образом, проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета, до сих пор сохраняются и появляются новые. Несмотря на то, что впервые о подобных проблемах на государственном уровне было уже известно в 2011 году, когда состоялось парламентское слушание в Совете Федерации по данному вопросу. К основным проблемам правового регулирования РИД гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований, можно отнести:

1. сложность при определении правообладателя результата интеллектуальной деятельности между государством и хозяйствующей организацией;
2. отсутствие высокого спроса со стороны представителей производителей, конечных потребителей;
3. небольшое количество создателей/ изобретателей объектов РИД;
4. отсутствие необходимого количества специалистов в сфере интеллектуальной собственности.

Следует заметить, что часть проблем, выявленных в 2011 году, уже была решена. Однако технологическое развитие и появление новых технологических решений видоизменяют и создают новые проблемы в правовом регулировании РИД гражданского и военного назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований.

Пристатейный библиографический список

1. Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». Совет Федерации РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29717/> (дата обращения: 26.01.2022).
2. Дежина И., Леонов И. Интеллектуальная собственность в России: проблемы государственного регулирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iep.ru/files/persona/dezhina/innovatsii-8-03.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).
3. Дежина И., Леонов И. Интеллектуальная собственность в России: проблемы государственного регулирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iep.ru/files/persona/dezhina/innovatsii-8-03.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).
4. Белозеров В.К. Новая стратегия национальной безопасности: от обретения смыслов к реализации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-ot-obretniya-smyslov-k-realizatsii/viewer> (дата обращения: 26.01.2022).
5. «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». Совет Федерации РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29717/> (дата обращения: 26.01.2022).
6. Мазур Н.З., Дикун Д.О., Жамойдик К.М. Экономико-правовые вопросы управления правами на РИД, принадлежащими Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vko-intellekt.ru/media-center/economic-legal-issues-of-rights-management-on-rids/> (дата обращения: 27.01.2022).
7. Сегеда Е.А., Кирова И.В. Современные проблемы защиты прав интеллектуальной собственности в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zaschity-prav-intellektualnoy-sobstvennosti-v-rossii/viewer> (дата обращения: 26.01.2022).

5 Почему от SSJ 100 отказываются за границей? Какие проблемы есть у самолета? Что известно о надежности российского лайнера. Медуза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2019/05/06/dve-katastrofy-i-otsutstvie-interesa-u-aviakompaniy-chto-izvestno-o-nadezhnosti-laynerov-ssj-100> (дата обращения: 26.01.2022).

6 «Проблемы правового регулирования отношений в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета». Совет Федерации РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29717/> (дата обращения: 26.01.2022).

7 Культуромания: И.о. ректора РГАИС Александра Аракелова: «России необходимо сейчас 300 тысяч специалистов в сфере интеллектуальной собственности». Роспатент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/interview-arakelova-05102020> (дата обращения: 26.01.2022).

8 Культуромания: И.о. ректора РГАИС Александра Аракелова: «России необходимо сейчас 300 тысяч специалистов в сфере интеллектуальной собственности». Роспатент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/interview-arakelova-05102020> (дата обращения: 26.01.2022).

СКУДАРНОВ Алексей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Красноярского государственного аграрного университета

Скударнов А. С.

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОСТИ В ПРАВЕ

В статье рассматривается место и роль добровольности в праве. Автор отмечает недостаточную изученность данного понятия в юридической науке, несмотря на широкое законодательное закрепление. Основная причина этого видится в господствующем типе правопонимания, основанном на юридическом позитивизме. Сегодня важно расширять границы добровольного поведения субъектов права для стимулирования правовой активности. Автором указано на дискуссионность тезиса о возможности объединения добровольного и обязательного начала в едином нормативно-регулятивном средстве.

Ключевые слова: добровольность, обязательность, правовое регулирование, реализация права, права и свободы.

SKUDARNOV Aleksey Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Krasnoyarsk State Agrarian University

TO THE QUESTION OF VOLUNTARINESS IN LAW

The article discusses the place and role of voluntariness in law. The author notes the importance of expanding opportunities for voluntary behavior of subjects of law, as well as the debatability of the thesis about the possibility of combining voluntary and mandatory beginnings in a single regulatory tool.

Keywords: voluntariness, obligation, legal regulation, realization of law, rights and freedoms.

В современных условиях для дальнейшего развития российского государства необходимы серьезные преобразования в социальной, экономической и политической сферах. Не должна остаться в стороне и правовая система.

Как заявил 5 марта 2022 г. Президент РФ В. В. Путин «...в тех условиях, в которых мы сейчас находимся, выходом может быть только одно – максимальная экономическая свобода для людей...»¹. В этой связи, ответом на многие вызовы будет новая модель взаимоотношений личности, общества и государства, в которой человек проявляет себя как свободная, самостоятельная и добросовестная личность, активно использующая правовые возможности для удовлетворения своих интересов и потребностей. Это повышает роль и значение добровольности в праве. Именно она является важным условием для развития активности личности, обретению ей правовой свободы.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «добровольный» означает «совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению» [11, с. 31]. Д. В. Дмитриев указывает, что «добровольным называют действие, которое вы совершаете по собственному желанию, без принуждения» [15, с. 65]. Н. Абрамов синонимами «добровольный» считает «вольный, невынужденный, необязательный» [5, с. 43].

Краткий этимологический экскурс позволяет сказать, что добровольным является глубоко осознанное поведение личности, совершаемое по его воле и усмотрению без принуждения со стороны третьих лиц.

Современный законодатель активно использует термин «добровольность» в нормативных актах.

Так, например, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 22.02.2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» участие гражданина Российской Федерации в выборах

является свободным и добровольным. Никто не вправе принуждать гражданина Российской Федерации к участию или неучастию в выборах, а также препятствовать его свободному волеизъявлению.

В ст. 927 Гражданского кодекса РФ предусмотрена возможность заключения договора добровольного страхования.

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» одним из принципов социального обслуживания является добровольность.

В силу ч. 1 ст. 12 Семейного кодекса РФ для заключения брака необходимы взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста.

Однако, несмотря на широкое законодательное закрепление, проблема добровольности недостаточно изучена в юридической науке. Во многом это объясняется господствовавшими долгое время положениями юридического позитивизма (в его наиболее жестком варианте), отождествляющего право с чисто внешним для личности социальным явлением, которое способно главным образом устанавливать должное поведение и властно требовать активных действий от субъектов под угрозой применения мер государственного принуждения. Возможность действовать определенным образом, предоставленная и обеспеченная государством, является не только правом, но и обязанностью человека, поскольку дарована ему для достижения преследуемых сувереном целей.

По этой причине в качестве важнейших признаков права отмечается его обязательность и принудительность.

Так, один из основоположников юридического позитивизма, Дж. Остин, утверждал, что право – это приказ суверена своим подчиненным, т.е. требование должного поведения, исходящее прямо или опосредованно от лица или группы лиц, осуществляющих высшую суверенную власть в рамках определенного политического общества [1, р. 11]. По его мнению, юридические нормы представляют собой правила, закрепленные в официальном документе, которые но-

¹ Путин назвал максимальную экономическую свободу бизнеса ответом на кризис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5249230> (дата обращения: 08.05.2022 г.).

сят общеобязательный характер и выполняются под страхом применения санкции в случае неповиновения [9, с. 53].

Представители социологического направления юридического позитивизма указывали на обязанность как основную модель поведения личности. В частности, О. Конт полагал, что «позитивное состояние, не признающее небесных титулов, безусловно отвергает идею права. Каждый имеет обязанности и притом по отношению ко всем, но никто не имеет никакого права в собственном смысле слова. Никто не имеет другого права, – кроме права всегда исполнять свой долг» [8, с. 9].

На особую роль принуждения в понятии права указывал Г. Кельзен. По его мнению, «норма, установленная законодателем в соответствии с конституцией и предписывающая определенное человеческое поведение, не связывая противоположное с актом принуждения в качестве санкции, отличалась бы от моральной нормы только своим происхождением, а правовая норма, созданная на основании обычая, вообще не отличалась бы от моральной нормы, тоже основанной на обычае. Если обычай признан конституцией в качестве нормотворческого фактора, то все моральные нормы, созданные обычаем, составляют часть правопорядка» [16, с. 75-76]. Далее ученый отмечал, что «определение права, не признающее его принудительным порядком, должно быть отвергнуто прежде всего потому, что только включение в определение права элемента принуждения дает четкий критерий, позволяющий выделить право среди других социальных порядков, так как принуждение – это фактор, чрезвычайно важный для познания социальных отношений и весьма характерный для социальных порядков, обозначаемых словом “право”» [16, с. 76].

Г. Кельзен, рассматривая право как реакцию на определенное поведение (правонарушение), продолжает в определенном смысле идею Фомы Аквинского о том, что праву подчинены лишь злые люди, а не добрые [16, с. 150].

А. Росс, один из учеников Г. Кельзена, понимал норму как директиву, которая корреспондирует социальным фактам [4, с. 34]. В качестве директивы норма может соблюдаться, ощущаться обязательной, находиться в логических отношениях с другими нормами, быть элементом системы норм. При этом она соответствует социальным фактам. Сказать, что норма существует, значит сказать, что эти факты существуют. Иными словами, условием существования нормы является то, что в большинстве случаев модель поведения, представленная в директиве, соблюдается членами общества. Соблюдение нормы членами общества должно ощущаться ими как обязательное.

Отождествление прав человека с его обязанностями, и как следствие добровольного поведения с обязательным, характерно и для отечественной юриспруденции. Такой тезис основывался на представлениях о единстве и неразрывной связи интересов человека с одной стороны и общества, государства с другой. Личность не рассматривалась как равнозначная государству единица и занимала подчиненное положение.

В частности, А. Малицкий отмечал, что «создателем права является государство, оно же является источником прав отдельных личностей. Таким образом, не личность жертвует частью своих прав государству, но само государство наделяет граждан правами, т.е. государство определяет личности сферу ее свободы в деле проявления ею своей инициативы, но эту инициативу личность может проявлять и свою, предоставленную ей государством, свободу осуществлять не исключительно в своих личных целях, но в интересах общих, всего коллектива, или, как неоднократно говорит нам закон: «в целях развития производительных сил» [10, с. 48]. И далее: «Гражданин получает свои права... не ради своих милых глаз, не на основании своего рождения и не для достижения своих личных целей, но от государства, из рук господствующего класса, в интересах общественных, в целях осуществления своих обязанностей, лежащих на нем как на члене общества, как на участнике производства и распределения». Поэтому «права как гражданские, так и публичные должны рассматриваться как средства для осуществления граждани-

ном его официальных функций, его общественных обязанностей. Это значит, что право, принадлежащее личности, есть не столько свобода личности, сколько ее общественная обязанность» [10, с. 48].

По мнению А. Д. Воеводина «учредителем» основных прав и свобод граждан является государство. И юридические права, и юридические обязанности рассматривались ученым как заключающие в себе одновременно и возможное, и необходимое поведение, ибо в каждом основном праве и каждой основной обязанности с необходимостью наличествует и свобода, и ответственность [7, с. 104]. Поэтому «содержание любого записанного в Конституции права нельзя ни правильно понять, не оценить, если смотреть на него только как на юридическое средство выражения свободы и не видеть в нем также наличия ответственности. Ответственность в процессе реализации конституционных прав выражается в стремлении советских граждан выбрать такой вариант поведения, который наиболее полно соответствует интересам советского общества и государства» [7, с. 74].

Подтверждает приведенный тезис и законодательство того периода.

В частности, ст. 125 Конституции СССР 1936 г. устанавливала, что в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций.

Согласно ст. 50 Конституции СССР 1977 г. в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

В ст. 5 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. содержалось положение, согласно которому гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма.

Представления о возможности слияния добровольного и обязательного в некую «правообязанность» можно встретить и в современной отечественной правовой науке.

Так, по мнению Н. Н. Алексеева наиболее совершенный тип общественных отношений предполагает «внутреннее, органическое сочетание прав и обязанностей, когда права пропитываются обязанностью, а обязанность правом» [6, с. 158-159]. В таких отношениях «признается право свободы или самоопределения, однако оно обязывает... самих носителей этих прав не только к тому, чтобы воздержаться от правонарушений, но и к использованию своими правами в соответствии с интересами социального целого» [6, с. 511]. Таким образом свобода в государстве оказывается «идеально соединена с повиновением» и понимается как «свобода органической принадлежности к целому» [6, с. 160].

Согласно представлениям А. В. Полякова современная теория прав человека должна базироваться на антрополого-коммуникативном правопонимании, согласно которому права человека «существуют не сами по себе, а оказываются связанными с правовыми обязанностями и с правовыми нормами, и с правовыми текстами государства в рамках рекурсивной системы правовых коммуникаций» [13, с. 32]. По его мнению, в России на протяжении веков формировался принципиально иной тип правовой культуры: «Не индивидуалистические права человека выдвигались на первый план, а права в единстве с обязанностями и ответственностью. Права, соединяющие, а не противопоставляющие субъектов друг другу и разъединяющие их, права, предполагающие приоритете моральной обязанности и чувства социального долга – таков «архитипичный» идеал русской правовой культуры» [14, с. 88].

Вместе с тем, приведенное представление о соотношении прав и обязанностей, добровольного и обязательного всегда было предметом многочисленных дискуссий и подвергалось критике.

Так, О. Эрлих отмечал, что представление о принудительности права сводит его к решению судами юридических

споров. Вместе с тем очевидно, что реализация правовых норм в большинстве случаев происходит добровольно, без всякого принуждения и без мотивации, связанной с возможностью принуждения [17, с. 79-95]. В противном случае теряется возможность отличить право от других социальных явлений [3, р. 24-28].

По мнению Л. И. Петражицкого, предположение, что каждая правовая норма должна быть обеспечена санкцией, влечет за собой бесконечный регресс санкций и тем самым означает невозможность обоснования обязательности нормы через принуждение [12, с. 288-289].

Г. Харт также подверг критике признак принудительности права. Его возражение направлено против сведения содержания права к предписаниям о применении санкций. Свою позицию английский ученый Г. Харт аргументирует тем, что такое понимание права не позволяет провести различие между штрафом и налогом, не прибегая к метаюридическим определениям (например, определениям через цели законодателя). Как полагает Г. Харт, такие определения входили бы в противоречие с методологическими требованиями («чистотой») чистого учения о праве [2, р. 296-300].

Безусловно, обязательность занимала и будет занимать важное место в правовом регулировании поведения личности. С ее помощью достигается определенность правовых установок, предсказуемость действий субъектов права и как итог обеспечивается полноценная реализация юридических предписаний. При этом обязательность должна иметь нормативное обоснование, строиться в соответствии с формальными требованиями закона и реализовываться в предусмотренных законом формах и процедурах.

Но обязательность свойственна не для любого поведения. Она проявляется лишь тогда, когда, речь идет о необходимости исполнения обязанности и соблюдения запрета, поскольку данная сфера обеспечивается принудительностью.

В отличие обязательности, добровольность, напротив, основана на возможности субъекта действовать без принуждения и угрозы применения мер юридической ответственности в случае отказа от реализации возможности. В ней проявляется социальная ценность права – наличия свободного выбора позитивных решений и действий, как система закрепленных прав и свобод, обеспечивающих самостоятельность, инициативу, творчество.

На это ориентирует Конституция РФ 1993 г., провозгласившая высшей ценностью человека, его права и свободы, сформировала основу для нового типа правопонимания, в центре которого находятся частные интересы индивидов и их преимущественно добровольное поведение. Теперь главная задача государства создать необходимые основы для благоприятной и эффективной реализации прав и свобод, развития самостоятельности, инициативы, творчества для каждой личности.

В этой связи спорным выглядит утверждение о возможности сочетания добровольного (прав и свобод) и обязательного (обязанностей) в едином нормативно-регулятивном средстве. Однако такие попытки находят в свое отражение в законодательстве.

Так, например, согласно ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей.

Вместе с тем, по смыслу ст. 69 того же кодекса, уклонение от выполнения обязанностей родителей является основанием для лишения родителей родительских прав. Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении (пп. «а» п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»).

Следовательно, воспитание детей является обязанностью, а не правом родителей.

Другой пример. В силу ч. 2 ст. 50 Федерального закона от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом

благополучии населения» должностное лицо, осуществляющее федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, при выявлении нарушения санитарного законодательства, а также при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений), имеет право давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения. Одним из них является предписание об устранении выявленных нарушений санитарно-эпидемиологических требований. Означает ли это, что, обнаружив нарушения действующих санитарных правил и норм, которые создают угрозу жизни и здоровью людей, уполномоченное должностное лицо может не требовать от нарушителя устранения нарушений и отказаться от выдачи соответствующего предписания? Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным, что говорит об обязательном характере приведенной нормы права.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что добровольность и обязательность являются самостоятельными и самодостаточными средствами, обеспечивающими дифференциацию правового регулирования. Умелое их использование позволит обеспечить разумное развитие правотворческой, правореализационной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined and the Study of Jurisprudence. – London, 1832.
2. Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. – Oxford, 1983.
3. Kelsen H. General Theory of Law and State. The Lawbook Exchange. – Ltd, 2007.
4. Ross A. Directives and Norms. – London, 1968.
5. Абрамов Н. Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999.
6. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. – М., 1998.
7. Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. – М., 1972.
8. Дюги Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства. – СПб., 1909.
9. Колосов И. В. Юридический позитивизм Джона Остина и утилитаризм Иеремия Бентама: диалектика соотношения // Вопросы российского и международного права. – 2017. Том 7. – № 3А.
10. Малицкий А. Советская конституция. – Харьков, 1925.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – М., 1997.
12. Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды / Науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб., 2010.
13. Поляков А. В. Антрополого-коммуникативное обоснование прав человека // Право и общество: от конфликта к консенсусу. – СПб., 2004.
14. Поляков А. В. Российская теоретико-правовая мысль: опыт прошлого и перспективы на будущее // Наш трудный путь к праву. Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. – М., 2006.
15. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. – М.: Астрель: АСТ, 2003.
16. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. 2-е изд. / Пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. – СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015.
17. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. – СПб., 2011.

ТИТОВ Владимир Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент, эксперт Росохранкультуры РФ по ценностям, преподаватель истории и ряда юридических дисциплин в местной гимназии и вузах г. Иркутска. Более двадцати пяти лет являюсь ведущим ряда рубрик, посвященных краеведению в местных периодических изданиях

Титов В. Ю.

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ В КОНЦЕПЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЮРИСТОВ

В статье рассматривается проблема освещения протестных настроений и права на протест со стороны общества в исторических и юридических концепциях русских юристов. Отечественная правовая доктрина исходит из положения, при котором, человек и общество имеют неотъемлемое право заявлять протест, но в рамках дозволенного поведения. Осмысление протестных настроений связано с именами таких деятелей, как Пашуканис, Вознесенский, Сахаров. Сахаров предложил уменьшить роль идеологического контроля за общественным мнением и сократить влияние бюрократического аппарата КПСС в вопросах управления. По мнению Сахарова, это могло привести к уменьшению протестных настроений.

Ключевые слова: протест, протестное настроение, легитимное право на протест.

TITOV Vladimir Yurjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, expert of Rosokhrankultury of the Russian Federation on values, teacher of history and a number of legal disciplines in the local gymnasium and universities of Irkutsk. For more than twenty-five years I have been leading a number of columns devoted to local history in local periodicals

ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF PROTEST MOODS IN THE CONCEPTS OF DOMESTIC LAWYERS

The article deals with the problem of public coverage of protest sentiments and the right to protest in the historical and legal concepts of Russian lawyers. The domestic legal doctrine proceeds from the position in which a person and society have an inalienable right to protest, but within the limits of permissible behavior. The understanding of protest sentiments is associated with the names of such figures as Pashukanis, Voznesensky, Sakharov. Sakharov proposed to reduce the role of ideological control over public opinion and reduce the influence of the bureaucratic apparatus of the CPSU in matters of governance. According to Sakharov, this could lead to a decrease in protest moods.

Keywords: protest, protest mood, legitimate right to protest.

Впервые, в России, на проблему протестных настроений, обратили внимание в дореволюционный период, когда обсуждали проекты отмены крепостного права (во второй половине 1850-х гг.) и второй раз, когда сделали попытку введения конституционных начал в законодательстве (конец 1860 – по март 1881 г.). Интерес представляют взгляды философов и юристов Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева, Е.Н. Трубецкого. Они обосновывали для России наличие в общественном мнении противоправительственных разговоров понятием «правды». Правда выражалась в признании безусловной ценности человека как такого, в признании самостоятельной целью и свободным деятелем в мире внешнем. Рассматривая вопрос о конкретизации в жизни общества комплекса проблем, условно обозначенных термином «правда», ученые отметили, отсутствие какой-либо привязанности к территории, сословному делению, национальности и вероисповеданию. Проблема изучения общественных настроений противоположных правительственным объяснялась во взаимоотношении права и нравственности, где критериями выступали такие аспекты, как свободы выбора (Е.Н. Трубецкой), созидательной деятельности во имя человеколюбия (В.С. Соловьев), верховенство права самобытности традиционных отношений в обществе (Б.Н. Чичерин).

После Первой русской революции русские юристы серьезно взялись за разработку «субъективных публичных прав», т.е. законодательного признания за обществом права

не соглашаться с официальным правительственным мнением по тем или иным вопросам внутренней политики. Это обстоятельство вызвало потребность введения понятия протеста в юриспруденцию [4, с. 38].

Часто представители общества считали необходимым обойти стороной ту или иную санкцию, исходящую от правительства. По крайней мере, в представлениях большинства своих граждан правовое государство не должно выстраивать взаимоотношения с обществом, как властвующий с подвластными, и как властвующий полностью отрицающий публичные субъективные права граждан. Соответственно, конкретный человек и общество в целом приобретали неотъемлемое право заявлять протест, но в рамках легитимного поля [8, с. 17]. Подобное толкование закона достаточно интенсивно разрабатывалось русскими юристами в 1900–1920-х гг. [7, с. 12].

В советский период, на опасность игнорирования протестных настроений, обратил внимание Ф. Э. Дзержинский, когда, человек отчаивался пробиться со своей «правдой» до гласного уровня, то он предпринимал критику правительства в форме десакрализации: анекдоты, похабщина, несанкционированные выступления¹. Обычно особенности производственной деятельности в каждом географическом регионе накладывают отпечаток на коллизии, происходящие в правовой политике административных органов власти. В

1 РГАСПИ. - Ф. 17. - Оп. 3. - Д. 164. - Л. 2-3. - Д. 169. - Л. 1; Оп. 112. - Д. 230. - Протокол № 84. - Д. 234. - Протокол 79.

дореволюционной России и в первое советское десятилетие в РСФСР такие взаимоотношения, как субъективные публичные взаимоотношения местного общества с представителями власти, назывались «**правом местного обычая**». Таким образом, общественное мнение в своем состоянии являлось неформальным законодательным институтом в государстве и отражало не столько возмущения, сколько чаяния, надежды и их способы реализации. В данном случае общественное мнение выступает объектом исследования.

Основным механизмом борьбы права местного обычая с несовершенствами административной политики государства в дореволюционной России был протест, который оформлялся от всего общества в виде прошения на имя местного губернатора. Впоследствии, в первые два десятилетия советской власти, термин «прошение» был заменен термином «жалоба» и рассматривался Бюро жалоб при СНК СССР, которое возглавляла родная сестра В. Ленина – М.И. Ульянова².

По мнению русских, а затем советских юристов (Петерис Янович Стука, Евгения Брониславовича Пашуканис), начала XX в. субъективные отношения или права местных обычая являлись ведущими аспектами для формирования протестных мнений в обществе. Это происходило, поскольку отдельные интересы людей вступают в противоречия с идеологическими понятиями государства [5, с. 24]. Интересы всегда конкретны и, как правило, строго индивидуальны, а идеологемы правительства абстрактны, и из-за этого менее привлекательные для большинства из общества. Когда государство отстаивает приоритет абстрактных идеологем над частными интересами отдельных граждан из общества, то чиновники всегда выдвигают такой аргумент: исключительная забота об общем благе требует поступиться интересами отдельных лиц или групп населения.

Развивались не столько контрреволюционные заговоры, сколько стихийные попытки в основном беспартийного населения наладить народное хозяйство методами, которые противоречили представлениям коммунистической идеологии и являлись альтернативными предложениями по социально-экономическому обустройству Советской России.

Поскольку между декларативными обещаниями государства и реальными потребностями людей не было взаимоприемлемого компромисса, технократы от власти делают госконтроль неотъемлемой частью жизни общества. Все, что не совпадало с критериями госконтроля, автоматически объявлялось протестом. Например, обкомы и крайкомы ВКП (б) опасались, что практика самостоятельного разрешения конфликтов, без государственного арбитража, уведет массы от партийного контроля.

Постепенно дискуссии, так ранее необходимые для обретения научно обоснованной идеи социализма, заменяются приказом, исходившим, по мнению патриархального общественного мнения, из уст непогрешимого героя-вождя.

Подобный взгляды обосновывались в работах А.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, Н.В. Устрялова, советского юриста - Е.Б. Пашуканиса. Вместо возмездия через репрессии они предлагали соизмерять тяжесть преступления с той мерой, которая действительно угрожала существованию социалистического общества. Если преступление не влекло за собой радикальных изменений существующего строя, то и возмездие должно было быть соразмерным незначительному уровню опасности. На одну чашу весов предлагалось ставить преступления, на вторую - экономические потребности общества.

Уровень развития народного хозяйства рано или поздно начал бы диктовать изменения в судебной-следственной системе государства. По мере роста благосостояния каждого члена общества репрессивный характер законодательства должен был меняться в сторону либерализации. Получалось, что за одно и то же деяние при различных политико-экономических обстоятельствах государство могло наказывать по-разному.

На практике оказалось, что советское законодательство игнорируется на местах. Ситуация грозила перерасти в неуправляемый коллапс. Для ее ликвидации потребовалось провести перестройку советской юстиции, которую предложил А.Я. Вышинский. Цель перестройки Вышинского - заставить власть на местах исполнять законы, а вернее, волю Кремля. Воля была очень простой: нужно было каждому осознать свою потенциальную вину перед советской властью. Советское общество в эпоху 1930-х гг. могло помнить царский режим. В связи с этим многие граждане, с точки зрения И.В. Сталина, могли придерживаться в своих оценках различной правовой и политической ориентации. Перестройка юстиции, затеянная Вышинским, должна была приучить людей к мысли о существовании в них самих некоей презумпции виновности [2, с. 29]. Через такой правовой механизм репрессий середины и второй половины 1930-х гг. сталинская политическая система пыталась, и не без успеха, бороться против предприимчивого сермяжного общественного мнения россиян, выражавшемся в таких формах, как крестсоюз, многолавка, протест красных партизан [2, с. 29], [1, с. 35]. Перестройку Вышинского, точно так же как репрессии второй половины 1930-х гг., нужно, относить к правовым механизмам переходного времени, который продолжался до конца Великой Отечественной войны.

С середины 1940-х гг. в обществе возник феномен «круговой поруки» [3, с. 199], при которой создавалась атмосфера хищения и безответственности, где каждый был готов подтвердить невиновность своего товарища, когда советские и партийные органы начинали преследовать подозреваемого. Такие примеры, в множестве случаев встречаются в фондах региональных архивов³.

Нам удалось выявить две концепции связанные с именами Н.А. Вознесенского и А.Д. Сахарова.

С целью укрепления руководящих кадров Вознесенский предложил создать систему патронирования региональных руководителей старшими по рангу московскими чиновниками. Попытка Вознесенского внедрить подобный контроль за работой региональных обкомов и крайкомов имела свою логику, поскольку подразумевалось, что люди с мест начнут выражать свои протесты через жалобы. Это послужило бы аргументом к пересмотру некоторых аспектов во внутренней политике Советского Союза (реорганизация госконтроля, уменьшение роли МГБ, усиление прокуратуры) и помогло бы завершить строительство социализма.

Пересмотр работы Министерства госконтроля являлся ключевым моментом в организации выработки социальной политике в СССР в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. Был выдвинут ряд предложений, позволявших надеяться, что социализм – это не командно-административная система распределения, а кооперация. Позднее, во время политики «Оттепели», Н.С. Хрущев, пытался продолжить эту реформу, предложив наделить народных депутатов новым статусом: правом контроля за острыми социальными противо-

2 ГАРФ. - Ф. Р – 7511. - Оп. 1. - Д. 75. - Л. 9.

3 ГАНИИО. - Ф. 127. - Оп. 100. - Д. 11. - Л. 5; ККПА. – Ф. 17. - Оп. 48. - Д. 75. - Л. 284.

речиями, возникавшими между советскими гражданами и органами власти.

В начале 1960-х гг. в ЦК пришли к пониманию того, что без развития дискуссии в обществе о праве на самовыражение людей власть будет ассоциироваться с императивами десакрального характера. С целью наладить оптимальный диалог между властью и обществом был учрежден журнал «Коммунист», специализировавшийся на публикациях, обсуждавших проблемные ситуации, возникающие при социализме. В письмах, адресованных в журнал, можно было найти факты, подтверждающие самые любопытные изменения в общественном мнении страны. Отход от ортодоксального типа поведения Сталина сразу же вызывал у людей негатив. Рядовые коммунисты воспринимали либеральные инициативы Хрущева как отступление от ранее завоеванных рубежей социализма. После провала попытки некоторых руководителей страны провести в рамках Политбюро диспут о том, кто может оптимально вывести страну на новый уровень демократического развития: рабочие или колхозники (это происходило на фоне обсуждения книги Ветцеля «Лю Шаоци – красный монарх»), ни Хрущев, ни его преемники не возвращались к этому вопросу. Диалог с обществом по поводу права каждого гражданина самостоятельно определять степень своей свободы в вопросах экономической деятельности повис в воздухе.

Позднее, к вопросу, поднятому Н.А. Вознесенским, вернулись, когда обсуждали Проект Постановления ЦК по вопросам пропаганды и агитации, в 1965 г. Вот, краткая характеристика того аспекта, в рамках которого члены ЦК предполагали внести новеллы в законодательство, предложенные Н.А. Вознесенским: порой, на местах, теоретическое обоснование социализма, противоречило интересам населения. Часто, в колхозах и на предприятиях «допускались массовые приукрашивания» в угоду отчета перед вышестоящей инстанцией. Происходило формирование местной «политической сказки», которую, затем, оформляли, как решение трудового коллектива. Это приводило к конфронтации против идеологии, а затем, и закона [6]⁴.

Позиция академика А.Д. Сахарова, заставить органы власти соблюдать принятые ей же законы и разрешить в СССР некое подобие политической гласности, осталась без внимания советского правительства и большинства общественности⁵.

Сахаров предложил уменьшить роль идеологического контроля за общественным мнением и сократить влияние бюрократического аппарата КПСС в вопросах управления и регулирования социально-экономической обстановки в стране. Предлагал он это сделать через развитие разветвленной системы кооперативных отношений между предприятиями и законодательного ограничения прав военно-промышленного комплекса. По мнению Сахарова, эти действия должны были сделать общество экономически активным и, как следствие, самостоятельным с политической точки зрения.

Активизация общественной жизни позволила бы избавиться людям от чувства внутреннего «опекунства», когда протест воспринимался только как средство отмщения, не позволяющего людям увидеть разумный выход из конфликтных ситуаций.

В повседневности второй половины XX в. советский человек слишком глубоко укоренялся в своих проблемах и протест воспринимал как последнюю черту в жизни, через которую можно переступить при критических, отчаянных обстоятельствах. Когда он отстаивал два или пять часов в очереди, то объективность отступала на второй план, оставалось чувство мщения, находившее выражение в критиканстве, анонимках, злобных анекдотах. Такая ситуация ставила людей в положение заложников системы «опекунства».

Заслугой органов госконтроля являлось то, что на низовом уровне протест и протестные настроения не переходили в конфронтацию, направленную на противодействия всем органам Советской власти. Хаос самых разных убеждений, не успев сформироваться в конкретное протестное мнение, заканчивался общими разговорами, в основном осуждавших социалистическую систему с правовых позиций. Многие стереотипы носили характер восхваления прежних советских достижений, что связывалось с образом конкретного политического вождя. Такая тенденция не позволяла советскому общественному мнению преодолеть комплекс тоталитарного мышления. Этому способствовали узость демократических и экономических возможностей советских людей и, соответственно, невозможность придерживаться каких-либо иных альтернативных идеологий, нежели коммунистической.

Пристатейный библиографический список

1. Вышинский А.Я. Марксистско-ленинское учение о суде и советская судебная система: Очерк второй. - М., 1934.
2. Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи Советской защиты. - М. 1934.
3. Краснов А.В. Социалистический контроль: исторический опыт КПСС. - М., 1987.
4. Коркунов Н.М. Русское государственное право, 1909. - Т. 1.
5. Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. - М., 1930.
6. Сымонович Ч.Э. Изменения в социально-правовом положении колхозников в послевоенные годы // XVII съезде КПСС и проблемы аграрной истории СССР. - Уфа, 1984.
7. Полянский Н.Н. Цель в уголовном процессе, 1919.
8. Шишко Л.Э. Статьи по истории русской общественности. - Петроград – Москва, 1918.

4 ГАТО. - Ф. 5598. - Оп. 1. - Д. 2. - Л. 156. Аналогичная мысль встречалась во множестве публикаций, посвященных преобразованиям начатыми при Ю. В. Андропове.

5 В пользу того, что такие действия действительно противоречили убеждениям советских граждан, свидетельствует факт появления 25 декабря 1972 г. Указа Верховного Совета СССР о праве КГБ вызывать людей на профилактическую беседу. Этот эпизод очень отчетливо проанализирован в книге «Вегетарианская эпоха», полностью посвященной демократическому движению 1960 – 1980-х гг.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-80-83

ДРОБЫШЕВСКИЙ Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

КРАСОВСКАЯ Наталья Сергеевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

МАТВЕЕВА Людмила Семеновна

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРАВОТВОРЧЕСТВО И ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА В ИСТОРИИ

Предпринимается попытка оценить с точки зрения соответствия действительности две теоретические позиции. По одной правотворчество и применение права присутствуют на протяжении всей человеческой истории. Согласно другой правотворчество и применение права не существуют в первобытном обществе.

Доказывается, что условия, порождающие право в цивилизованном обществе, существуют и в обществе первобытном. На этом основании делается вывод, что право и, следовательно, правотворчество и применение права присутствуют на протяжении всей человеческой истории.

Такое заключение иллюстрируется примерами правотворчества и применения права в первобытном обществе. Эти иллюстрации приводятся из жизни трех этнических групп. Имеются в виду индейцы шайенны Северной Америки, папуасы Капауку Новой Гвинеи и тсвана Южной Африки.

Ключевые слова: право, общество, история, правотворчество, применение права.

DROBYSHEVSKIY Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

KRASOVSKAYA Natalya Sergeevna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

MATVEEVA Lyudmila Semyonovna

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

LAWMAKING AND THE APPLICATION OF LAW IN HISTORY

The authors try to evaluate two theoretical positions from point of view of adequacy to reality. According to one law-making and application of law is present during all human history. In accordance with another law-making and application of law do not exist in primitive society.

They prove existence of conditions that generate the law not only in civilized society but in primitive one too. On this ground the authors conclude that the law and therefore law-making and application of law is present during all human history.

Such conclusion is illustrated by the examples of law-making and application of law in primitive society. These illustrations are given from life of three ethnic groups. They are the Cheyenne Indians of Northern America, the Kapauku Papuans of New Guinea and the Tswana of South Africa.

Keywords: law, society, history, law-making, application of law.

По проблематике статьи существуют противоречащие друг другу точки зрения. Согласно одному представлению, правотворчество и применение права имеют место на всем протяжении человеческой истории [7, с. 92-93, 212-214, 221, 223]. В соответствии с другим теоретическим подходом, эти феномены присутствуют лишь тогда, когда первобытный период жизни человечества закончился [12, с. 38-43, 363, 518-519]. Естественно, что нужно разобраться, какое из отмеченных мнений верно, а какое – нет. По крайней мере уже по этой причине указанная проблематика является актуальной.

Однако актуальность ее исследования определяется и еще одним обстоятельством. Для совершенствования современных правотворчества и применения права нужно учесть исторический опыт осуществления всего этого в прошлом. Так вот нужно понять, каковы исторические рамки отмеченного опыта. Ведь пока, как следует из указанных противоречивых теоретических позиций, эти рамки неясны.

Начать исследование логично с определения обсуждаемых явлений. Имеются в виду правотворчество и применение

права в тех трактовках, которые отстаиваются авторами выделенных точек зрения.

Эти ученые понимают право как систему специфических социальных норм. Причем для рассматриваемых исследователей правовые или юридические правила формулируются органами управления всем политически организованным обществом и принудительно реализуются последними, если не проводятся в жизнь адресатами отмеченных предписаний добровольно [7, с. 231].

Правотворчество для упомянутых авторов является созданием правовых норм [7, с. 363]. Применение же права, рассматриваемое присутствующим в ходе всей человеческой истории, «есть деятельность суверенной власти, представляющая собой вмешательство в дела подчиненных последней лиц и организаций при реализации ими правовых норм для претворения на практике этих правил в неизменном виде. Такая деятельность осуществляется в ситуациях, когда юридические запреты и предписания положительных действий нарушаются, а также в случаях невозможности для людей

использовать предоставленные им правом возможности поведения в их интересах» [7, с. 93].

Если же правоприменительная деятельность рассматривается присутствующей лишь в обществе, сменяющем первобытное, то она определяется так. «Применение права – это совершаемые компетентными органами и должностными лицами государства, а также уполномоченными на то организациями (хозяйственными, общественно-политическими и др.) действия, выражающиеся в издании соответствующих юридических актов, влекущих у субъектов права возникновение дополнительных (новых) прав и обязанностей, их изменение или прекращение, т. е. приводящих к изменению или подтверждению определенного правового состояния этих субъектов... Применению права присущи (характерны) следующие черты... Применение – такая форма реализации права, в которой необходимо присутствует субъект, наделенный властными полномочиями... Применение норм права осуществляется в установленных процессуальных формах... Применению норм права присуща определенная процедура (последовательность действий)... Применение права должно осуществляться на определенной нормативно-правовой основе... Применение права – это процедура, направленная на индивидуализацию общенормативных предписаний... Применению права присущ обязательный атрибут – правоприменительный акт (устный или письменный приказ, устное или письменное распоряжение, решение, приговор и т. д.)... Применение права допускает контроль за процессом принятия решения и его исполнением... Применение права – это властно-организующая деятельность уполномоченных на то субъектов... Применение права – это дополняющая действие нормативных актов деятельность компетентных субъектов права, поскольку принимаемые ими индивидуальные правовые акты являются продолжением, дополнением нормативных актов... Особенности... применения права:... это деятельность специально уполномоченных субъектов права... правоприменение всегда предполагает издание (принятие) индивидуального правового акта, направленного на решение конкретного вопроса... правоприменение предполагает возникновение конкретных правовых отношений между субъектом правоприменения и другим субъектом правоотношения... правоприменение осуществляется в случаях, когда вопрос не может быть решен на основе нормативного (общего) предписания... применение возможно при наличии обстоятельств, установленных законом (правонарушение, решение спора о праве, получение награды, назначение на должность, дача указания, распоряжения и т. п.). С учетом присущих правоприменению характерных черт и особенностей применение права можно определить как властную деятельность уполномоченных субъектов права, направленную на решение конкретных жизненных ситуаций путем издания (принятия) индивидуального правового акта, на основе общенормативного предписания» [12, с. 520-522].

Ясно, что правотворчество и применение права в соответствии с их приведенными определениями есть обязательные части всякого правового регулирования. Реальность, соответствующая данным дефинициям, имеется там, где существует право. Отрицать это логически некорректно.

Нельзя, в частности, согласиться с опубликованным мнением, что в первобытном обществе имело право, но не было правотворчества [11, с. 8-9]. Ведь «любое нормативное регулирование, включая правовое, немислимо без создания новых правил поведения» [7, с. 151-152].

Отсюда вытекает такой вывод. Ответить на вопрос о том, когда в истории человечества присутствуют правотворчество и применение права, означает установить историческую эпоху существования права.

Такое установление оправданно начать с констатации очевидного факта. Право есть часть человеческого общества, рассматриваемого в качестве самоуправляющегося объединения людей.

Как известно, человечество всегда представляет собой совокупность таких обществ. При этом они делятся на цивилизованные и первобытные. Вторые именуют также нецивилизованными, потому что в них в отличие от первых нет совокупности атрибутов, т. е. обязательных признаков, цивилизации в рассматриваемом значении этого термина. Она включает в качестве таковых по меньшей мере письменность, проявляющуюся, в частности, в грамотности части членов общества, разделение жизни людей на городскую и сельскую, предполагающее сосуществование городов и сельских населенных пунктов как самостоятельных типов человеческого поселения, и наличие профессий в трудовой деятельности, иными словами, присутствие различных видов профессионального умственного и физического труда.

Структура любого общества в отмеченной трактовке одинакова по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, оно включает ряд организаций. Каждая из них представляет собой совместную деятельность ее членов, направленную на осуществление их общей цели. Для этого в организации присутствуют органы управления ею, которые предпринимают нормативное регулирование, включающее нормотворчество и нормоприменение. Тем самым создается и совершенствуется система социальных норм этого объединения. Всякая такая система действует в пределах организации, для которой создана. Во-вторых, общество есть организация организаций. Кроме управления в форме нормативного регулирования на уровне любой из только что указанных организаций, в нем присутствуют органы управления всем обществом, предпринимающие нормотворчество и нормоприменение для общества как целого. Итогом нормотворчества для общества целиком выступает система норм, действующих для всего этого объединения. Входящие в нее правила применяются органами управления всем обществом, если без такой деятельности не могут претворяться в жизнь их адресатами. В-третьих, органы управления обществом в целом подчиняют себе органы управления входящих в общество организаций. Такое подчинение проявляется в том, что в случае противоречия между нормами всего общества и нормами входящих в общество организаций в большинстве случаев действуют первые правила, а не вторые.

Как известно, цивилизованное общество с этой структурой рассматривается очень многими исследователями государственно-организованным или государством. Притом указанные социальные организмы именуют также политически организованным. Органы управления всем таким обществом называют государственными. Их нормотворчество и нормоприменение характеризуют как правотворчество и правоприменение, входящие в правовое регулирование. Последнее трактуют в качестве политики, а систему норм, являющуюся итогом правотворчества, считают правом, выступающим непрременной частью политически организованного общества.

В этой ситуации встает, в частности, такой вопрос. Не следует ли считать правом в только что изложенной трактовке и итог нормотворчества органов управления обществом целиком тогда, когда последнее является нецивилизованным?

Утвердительный ответ на него логически корректен только в одном случае. Подразумевается то, что условия, вызывающие к жизни право в цивилизованном обществе, существуют и в обществе нецивилизованном.

Из того, что отмечено об одинаковости структуры первобытного и цивилизованного обществ, уже вытекает за-

ключение. Оно гласит: наличие части необходимых условий, вызывающих к жизни право в цивилизованном обществе, в обществе первобытном налично.

Однако остальная часть указанных условий в последнем присутствует также. Об этом свидетельствуют следующие опубликованные суждения. Они характеризуют одинаковость в цивилизованном и первобытном обществах обсуждаемых условий.

Первое. «Любое самоуправляющееся человеческое объединение в истории вынуждено удовлетворять систему потребностей своих членов только из произведенных им ресурсов, если не имеет места передача в него части благ, выработанных другими подобными организмами. Последнего, как правило, не случается, если речь идет о больших объемах передаваемого и добровольных началах передачи. Ведь всякое самоуправляющееся человеческое объединение существует ради своих членов, преследуя цель наилучшей реализации именно их потребностей, а не нужд посторонних по отношению к нему индивидов» [7, с. 7].

Второе. «И в государственно-организованных, и в иных самоуправляющихся человеческих объединениях часть живущих здесь трудоспособных людей потребляет большее количество благ, чем производит, “живя за счет остальных способных к труду индивидов, использующих вместе со своими семьями лишь долю вырабатываемых ими продуктов труда, пусть обычно и большую”» [7, с. 77].

Третье. «Любое самоуправляющееся человеческое объединение в истории функционирует на основе одного и того же комплекса фундаментальных “факторов – возраста, пола, родства и свойства, личных качеств и товарищества людей, а также территориальности”. Причем указанное товарищество выражается в соединении товарищей в ассоциации в соответствии с конкретными интересами этих лиц» [7, с. 77].

Четвертое. Подобно цивилизованному обществу, нецивилизованное является несовершенным «с точки зрения... идеала полной и точной реализации целей... нормативного регулирования» [9, с. 111.], осуществляемого органами управления всем отмеченным социальным организмом. Как и в цивилизованном обществе, в первобытном указанное нормативное регулирование «обеспечивает лишь большее или меньшее приближение к этому идеалу» [9, с. 111].

Разумеется, в одном отношении условия, вызывающие к жизни право в цивилизованном обществе, не идентичны условиям первобытного общества. Имеется в виду разная сложность этих социальных организмов. Так обстоят дела не случайно. Из выделенных двух «более развитое общество сложнее менее развитого» [7, с. 109].

Однако из этого обстоятельства едва ли следует заключение об отсутствии права в первобытном обществе по очевидной причине. Первобытное общество и неразвитое цивилизованное общество отличаются друг от друга по сложности не больше, чем неразвитое цивилизованное общество древности и современное высокоразвитое индустриальное цивилизованное общество. И если условия указанных неразвитого и высокоразвитого цивилизованных обществ одинаково вызывают к жизни право, то не могут не обстоять дела так же и с условиями нецивилизованных обществ, с одной стороны, и цивилизованных обществ – с другой. Именно этого вывода требует формальная логика.

Итак, на поставленный вопрос о том, не следует ли считать правом итог нормотворчества органов управления всем обществом тогда, когда последнее является нецивилизованным, ответ ясен. Так поступать верно.

Получается, что право существует не только в цивилизованном, но и в первобытном обществе. Отсюда следует

корректность одной из двух обсуждаемых в данной работе противоречащих друг другу точек зрения. Имеется в виду то, что правильно мнение, согласно которому правотворчество и применение права имеют место на всем протяжении человеческой истории.

Другое дело, что это заключение нужно проиллюстрировать примерами. Они должны показывать наличие правотворчества и применения права в первобытном обществе. Именно так надлежит поступить для завершения обоснования наличия правотворчества и применения права на всем протяжении человеческой истории,

Для указанной иллюстрации сначала обратимся к нецивилизованному обществу охотников-собирателей шайеннов, существовавшему в прериях Северной Америки. «Оно “насчитывало примерно четыре тысячи” человек. Это общество включало все “племя” шайеннов, делившееся на ряд состоявших из семейных коллективов локальных групп.

Если рассуждать об обычном годовом цикле племенной жизни, то зимой каждая из последних обитала в отдалении от остальных, “чтобы не истощить скудные зимние пищевые ресурсы”. В летние же месяцы все локальные группы жили вместе одним лагерем...

Летом... формировались почти все органы управления шайеннским обществом как целостностью.

Высшей такой структурой являлся племенной совет. Он представлял собой коллегию, насчитывающую сорок четыре члена-вождя. Это были “должностные лица, ясно назначенные на свои посты на конкретное время”...

“Подчиненными” совету... являлись органы управления всем шайеннским обществом, называвшиеся “военными ассоциациями. Их был шесть: Лиса, Лось, Щит, Тетива Лука, Собака и Северные Сумасшедшие Собаки. Вместе их членский состав включал всех воюющих мужчин племени”... Каждая военная ассоциация имела четырех вождей, избранных ее членами...

Выделенные органы управления всем шайеннским обществом занимались правовым регулированием... Так, в шайеннском первобытном обществе заимствование людьми друг у друга коней без спроса не было правонарушением до принятия военной ассоциацией Лося решения по “делу Ложящегося Волка, чей конь был... заимствован... товарищем в отсутствие собственника. Когда этот товарищ не вернулся с тропы войны с указанным конем, Ложящийся Волк”, являвшийся одним из членов военной ассоциации Лося, поставил перед ней такой вопрос: “Сейчас я хочу знать, что делать, – заявил он. – Я хочу, чтобы вы сказали мне правильную вещь”» [7, с. 201, 203-204, 212]. В этой ситуации «“вожди ассоциации отправили посыльного, чтобы доставить упомянутого товарища из лагеря отдаленной группы людей. Человек, взявший коня, дал адекватное и приемлемое объяснение своего поведения”, вернул коня собственнику “и предложил щедрое возмещение убытков истцу в дополнение к признанию его своим кровным братом. Затем говорили вожди”» [7, с. 212]. Они произнесли: «“Сейчас мы решили эту вещь”» [7, с. 212]. Однако вожди продолжали, «“почти как законодатель”» [7, с. 212]. Они заявили: «“Сейчас мы будем делать новое правило. Не должно быть больше одалживания коней без просьбы. Если любой человек берет вещи другого без просьбы, то мы детально изучим это и вернем их назад тому, у кого они были взяты. Более того, если взявший старается удержать эти вещи, то мы побьем его”. Притом “нестесненные системой формального прецедента, которая требовала бы от них судить в соответствии с прошлым, они признавали, что правило, в соответствии с которым они решали это дело, являлось новым, и они так и объявляли его”» [7, с. 212].

В рассматриваемом первобытном обществе шайеннов «между разными военными ассоциациями... была согласованность в деле правового регулирования. Скажем, если одна из них сформулировала новое юридическое правило, как произошло в деле Ложашегося Волка, то другая проводила отмеченную норму в жизнь, в том числе принудительно.

В частности, об этом свидетельствует... история из жизни шайенна Пони, произошедшая «как раз после той неприятности, которую Ложашийся Волк имел относительно заимствованного без спроса коня, когда воины создали правило, что никто в лагере не может взять коня другого человека без разрешения» хозяина. Суть этой истории в изложении ее самим Пони такова.

«Тогда там (в Оклахоме) были два пятнистых коня, очень любимых в семье, где они жили. Однажды я взял их и направился на запад. Три дня прошло, и я находил себя все еще невредимым. Сейчас я был за пределами сферы неприятностей. Поэтому я начал чувствовать себя довольно хорошо. В четвертый день, когда я посмотрел назад, я увидел нагоняющих меня людей... Это ничего, думал я, просто некоторые люди путешествуют... Когда они догнали меня, я увидел, что упомянутые лица были членами военной ассоциации Тетивы Лука, отправившимися за мной... Ты украл этих коней, они кричали... Сейчас мы выследили тебя... Воины сбросили меня на землю и били до тех пор, пока я не потерял способность встать, сломали мое оружие и привели в негодность мое седло, разрезали мои одеяла, мокасины и снаряжение на клочки. После этого они взяли всю мою пищу и уехали с конями, оставив меня одного в прерии, огорченного и сильно нуждающегося, слишком слабого и испытывающего боль, чтобы двигаться» [7, с. 213-214].

В приведенном примере из первобытного общества охотников-собираателей шайеннов очевидны две вещи. Первая из них – наличие правотворчества. Вторая – присутствие применения права.

Обратимся к еще одному примеру наличия правотворчества и применения права у нецивилизованных земледельцев и скотоводов. Он показывает, что эти вещи присутствовали во включающем много постоянных поселений и делящемся на районы нецивилизованном обществе тсвана в Южной Африке. В нем органы управления всем обществом включали вождей от местных до верховного и советы. На суждения отмеченных коллективных руководящих структур эти единоличные лидеры в большинстве случаев опирались [7, с. 239].

Скажем, в указанном социальном организме имело место следующее. «Молодой женатый мужчина умер бездетным; его младший брат, подобно Онану, отказался следовать древнему обычаю левирата и действовать как... выращиватель семени... Тогда его отец вступил в сексуальные отношения с вдовой, действуя как заместитель своего сына, уклоняющегося от исполнения долга. Но затем собственная жена отмеченного заместителя пожаловалась местному вождю, который отверг жалобу и поддержал поведение ее мужа. Тогда она обратилась к районному вождю. Его советники заявили, что обжалуемые действия находятся в соответствии с их древним обычаем и поэтому выступают... правом мужа жалобщицы. Однако сам... вождь ответил, что этот обычай, если он еще существует, является устаревшим и не должен поддерживаться. Он поэтому приказал... обвиняемому прекратить сожительствовать с этой вдовой и, когда его приказ был проигнорирован, строго наказал его» [7, с. 240].

В только что приведенной цитате о тсвана «налицо конкретные данные о создании новой юридической нормы районным вождем их первобытного общества, запрещающей

женатому мужчине вступать в сексуальную связь с вдовой его умершего сына. Причем этому правилу была придана обратная сила. И отмеченная норма... применена посредством наказания указанным органом управления всем обществом ее нарушителя» [7, с. 241].

Не случайно о первобытном обществе тсвана в научной литературе сформулированы такие слова. «Вожди тсвана очевидно обладают правотворческой, а также правоприменительной властью... Они формулируют указы, которые дают силу права вновь возникающим нормам» [1, р. 278].

Приведенные иллюстрации подтверждают верность сделанного ранее теоретического заключения о присутствии правотворчества и применения права в нецивилизованном обществе. Эти примеры и предшествующая им аргументация показывают и другое. Из предпринятого в данной работе рассмотрения противоречащих друг другу точек зрения об эпохе функционирования правотворческой и правоприменительной деятельности вытекает следующий вывод. Одна из этих теоретических позиций верна. Правотворчество и применение права имеются во всех человеческих обществах, которые существовали и существуют.

Пристатейный библиографический список

1. Hoebel E.A. The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1954.
2. Hoebel E.A. Man in the Primitive World: An Introduction to Anthropology. Second Edition. – N.Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1958.
3. Llewellyn K.N. and Hoebel E. A. The Cheyenne Way. – Norman: University of Oklahoma Press, 1941.
4. Lowie R.H. Some Aspects of Political Organization Among the American Aborigines // The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – Vol. 76. – № 1/2 (1948).
5. Pospisil L. Legal Levels and Multiplicity of Legal Systems in Human Societies // The Journal of Conflict Resolution. Vol. 11. N.1. Law and Conflict Resolution (Mar., 1967).
6. Pospisil L. Social Change and Primitive Law: Consequences of a Papuan Legal Case // American Anthropologist. New Series. – Vol.60. – № 5 (Oct., 1958).
7. Дробышевский С.А. Введение в теорию и историю политически организованного общества и права: критика юридической антропологии Э.А. Хобеля. – М.: Норма, 2022.
8. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. – М.: Проспект, 2021.
9. Дробышевский С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020.
10. Левеллин К.Н., Хобель Э.А. Путь шайеннов (извлечение) // Правоведение. – 2011. – № 1.
11. Матвеева М.А., Шагиева Р.В. Правовое регулирование и правотворчество в правовой системе общества: теоретико-методологические основы соотношения // Государство и право. – 2014. – № 12.
12. Радько Т.Н. Теория государства и права. – М.: Проспект, 2017. – 568 с.

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СИБИРСКАЯ СПЕЦИФИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)

Данная публикация является очередной в ряду подготовленных нами аналитических материалов по освещению деятельности Российского государства в контексте регулирования государственно-конфессиональных отношений. Выявлен и охарактеризован корпус материалов архивного хранения, доступных для изучения. Итогом проведенного аналитического исследования стал вывод о нелинейности и многовекторности государственной политики в сфере конфессионального образования. Развенчивается миф о тотальной принудительной православизации образования в Российской империи.

Ключевые слова: конфессиональное образование, государственная политика в сфере конфессионального образования, Российский государственный исторический архив, Департамент духовных дел инославных исповеданий, конфессиональное образование в Сибири, религиозное образование в полиэтноконфессиональном социуме.

NEDZELYUK Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, leading researcher of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of National and universal history sub-faculty of the Novosibirsk State Pedagogical University

STATE POLICY IN THE FIELD OF CONFESSIONAL EDUCATION: HISTORICAL ASPECT AND SIBERIAN SPECIFICS (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE)

This article is the next in a series of analytical materials that we have prepared to cover the activities of the Russian State in the context of regulating state-confessional relations in the Siberian region. The body of archival materials available for study has been identified and characterized. The result of the analytical study was the conclusion about the nonlinearity and multi-vector nature of state policy in the field of confessional education. The myth of the total compulsory Orthodoxy of education in the Russian Empire is debunked.

Keywords: confessional education, state policy in the field of confessional education, Russian State Historical Archive, Department of Spiritual Affairs of Non-Orthodox Confessions, confessional education in Siberia, religious education in a multi-confessional society.

Государственная политика в сфере конфессионального образования на современном этапе является актуальным объектом изучения буквально во всех странах и регионах мирового сообщества [2-7]. Двадцатый век, прошедший под знаком секуляризации не только массового сознания, но и идеологических институтов, открыл новую страницу в подходах к формированию государственных идеологий, а значит – в методиках обучения и воспитания. Еще несколько десятилетий назад тезис о том, что: «Религиозное образование в полиэтноконфессиональной среде есть фактор устойчивого развития общества» [4, с. 136-140] вызвал бы активные дискуссии, но сегодня политики и деятели системы отечественного образования заняты обсуждением проблемы «Религиозное образование в России через призму международно-правовых стандартов» [6, с. 98-102]. На страницах «Ежегодника российского образовательного законодательства» публикуются аналитические обзоры и дискурсивные разработки-обобщения, ярким примером является исследование, подготовленное А. Н. Козыриным «Религиозное образование в государствах ЕАЭС: национальный и международный уровни правового регулирования» [3, с. 127-155]. Анализируется

не только международный и зарубежный, но и собственный исторический опыт организации конфессионального воспитания и обучения в досоветский период [5, 7].

Представляется целесообразным и продуктивным обратиться к непосредственному источнику знаний о принципах, нормах и обычаях конфессионального образования в России досоветского периода. Источником репрезентативной информации является фонд Департамента духовных дел инославных исповеданий министерства внутренних дел (ДДД ИИ МВД), переданный на хранение в Российский государственный исторический архив (РГИА)¹. В настоящем исследовании мы сосредоточимся на анализе третьей, восьмой и сто двадцать пятой описей фонда, охватывающих период времени с 1828 по 1914 годы и содержащих информацию «об учебных заведениях, духовной цензуре, метрикации»².

Целый ряд дел, переданных ДДД ИИ МВД на хранение в архив, посвящен переписке с Главными управлениями Восточной и Западной Сибири «о разрешении открытия и постройки молитвенных домов в Сибири и

1 РГИА. – Ф. 821.

2 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8.

учреждении при них правлений», в том числе «о вызове из внутренних губерний России ученых евреев для исполнения должности раввинов и учителей» (22.09.1863 – 12.05.1886)³. Планомерное развитие региона и стремительное увеличение числа его жителей требовало увеличения количества зданий религиозного культа всех без исключения вероисповедных направлений, поэтому из европейской части страны за Урал направлялись не только православные клирики.

Изменения в векторе государственной образовательной политики наметились даже ранее, нежели в пореформенный период. Существует устоявшееся представление о тотальной православизации школы в России имперского периода. Однако содержание архивного дела № 12 повествует «об отмене распоряжения Витебского губернского правления о закрытии еврейской Розетовской молитвенной школы города Витебска из-за её соседства с православной церковью» (10.05.1859 – 08.04.1861)⁴. То есть ситуацию с «вызовом из внутренних губерний России ученых евреев для исполнения должности раввинов и учителей» в Сибири нельзя считать экстраординарной, продиктованной исключительно сибирскими суровыми реалиями. Дабы исключить ошибочность суждения, подтвердим тезис еще одним документальным комплексом архивного хранения в РГИА: «Дело об отмене постановления Подольского губернского правления о закрытии отремонтированной молитвенной школы при синагоге в местечке Дунаевцы и о привлечении к ответственности лиц, производивших этот ремонт»⁵. Вышеупомянутое не означает перехода к политике поощрения неправославного образования, но уже наглядно иллюстрирует отказ от репрессивно-карательной политики.

Обязательным условием деятельности образовательных учреждений при религиозных организациях в империи являлась лояльность власти и государственной идеологии. Даже спустя сорок семь лет, в 1908 году открытая агитация против православной школы и системы образования составляла состав преступления, о чем свидетельствуют материалы дела «О предполагаемой высылке ксендзов И. Головни и Б. Яроцкого из Гродненской губернии за агитацию против русской школы и враждебное отношение к православию» (01.05.1908 – 27.06.1908)⁶.

Специфика населения азиатской части России в стремлении обозначить свою инаковость, в том числе в системе образования, просматривается достаточно наглядно. Шестнадцать лет, с 1895 по 1910, длилась переписка «о разрешении так называемым азиатским евреям Сыр-Дарьинской области и города Ташкента открыть молитвенные школы и избрать раввинов, отдельных от раввинов так называемых европейских евреев»⁷. Показательно, что «местные», «азиатские» неправославные верующие не желали принимать «европейцев» в качестве духовных лидеров и обучать своих детей в школах, основанных ими.

В результате контент-анализа вышеперечисленных дел архивного хранения может возникнуть впечатление о переходе к «вседозволенности» в конфессиональном образовании. Вовсе нет: дело № 222 с названием «Об установлении строгого наблюдения за соблюдением порядка обучения меламедами еврейских детей» (03.11.1859 – 13.03.1860) посвящено определению порядка надзора над школьными программами и содержанием обучения в религиозных школах⁸. Назначение на должность законоучителя (преподавателя Закона Божьего разных вероисповеданий) происходило с согласия МВД. В 821 фонде ДДД ИИ МВД отложено «Дело о разрешении меламедам продолжать преподавание закона веры в талмуд-торах впредь до назначения на эти цели учителей, получивших специальное образование» (12.05.1860 – 26.05.1860)⁹.

Предпочтительным было назначение на должность учителя такого лица, которое получило религиозное образование не за рубежом, а в пределах страны, о чем свидетельствуют материалы «Дела о предоставлении преимущественного права замещения должностей раввинов выпускникам казенных раввинских училищ и о запрещении объединения в одном лице раввина и учителя» (09.11.1862 – 21.12.1863)¹⁰. Общей практикой многих вероисповеданий, особенно в ситуации кадрового дефицита религиозных лидеров, было совмещение позиций настоятеля и учителя; как видим, Департамент такую практику не поощрял, вызвана она была пресловутым «кадровым голодом».

По завершении процесса обучения (как правило, в духовном образовательном учреждении на территории России) будущий учитель получал удостоверение казенного образца и только в этом случае имел право преподавания. «Дело по вопросу о порядке выдачи удостоверений на звание меламедов и о предоставляемых этим званием правах» (17.05.1864 – 10.10.1865)¹¹ характеризует алгоритм нострификации, отображая ситуацию, в которой оказывались будущие педагоги.

Содержание религиозного образования и порядок его реализации устанавливались, как и в настоящее время, учебными программами изучаемых дисциплин. Нелегко догадаться, что их содержание проверялось и регистрировалось региональными структурами МВД, о чем свидетельствует содержание архивного дела с названием: «По отношению Департамента народного просвещения о составлении комиссией учебных программ для еврейских училищ» (20.10.1855 – 14.12.1859)¹².

В полиэтническом и поликонфессиональном социуме неизбежно возникали разногласия относительно языка преподавания. Правительственным распоряжением была введена норма, предусматривавшая в качестве единого языка – русский, государственный, понятный всем гражданам страны, чему подтверждение находим в материалах «Дела о введении преподавания римско-католическо-

3 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 32, 33.

4 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 12.

5 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 91.

6 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 870.

7 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 165.

8 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 222.

9 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 223.

10 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 416.

11 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 230.

12 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 281.

го закона Божия на русском языке в учебных заведениях России и утверждении учебных программ по этому предмету и о наложении административных взысканий на учителей р.-к. закона Божья за нарушение этого распоряжения правительства» (10.03.1885 – 02.10.1904)¹³. Между тем, по многочисленным просьбам прихожан различных вероисповеданий, плохо знающих государственный язык, разрешалось вести обучение «на природном языке учащихся». Интересно, что и в этом случае учителя ожидало порицание (вот они, множественные инструкции в системе образования!), «Об уклонении римско-католического духовенства от преподавания закона Божия на природном языке учащихся» (20.03.1913 – 15.10.1913)¹⁴.

Конфессиональное образование становилось достаточно популярным. С частными ходатайствами о разрешении открыть при благотворительном обществе религиозной организации частное училище либо школу в ДДД ИИИ МВД обращались мусульмане, лютеране, католики. Часто благотворительная и образовательная деятельность в понимании адептов конфессии отождествлялись, так как зачастую пожертвованные «на благотворительность» денежные средства предполагалось израсходовать на строительство либо содержание школы, выплату пособий малообеспеченным воспитанникам, о чем свидетельствует документальный комплекс с названием: «Уставы и проекты уставов магометанских религиозно-просветительских и благотворительных обществ» (15.12.1909 – 22.09.1910)¹⁵. Многочисленные ходатайства верующих иудейского исповедания были объединены в коллективное делопроизводство с названием: «Дело о рассмотрении ходатайств еврейских обществ Сибири об открытии еврейских начальных училищ» (05.01.1898 – 17.07.1906)¹⁶.

Оплата труда преподавателей часто ложилась на плечи благотворителей/жертвователей, если учебное заведение создавалось при благотворительном обществе. Преподаватель закона Божьего, даже неправославно-го исповедания, мог рассчитывать на казенное жалование и пенсионные выплаты «из бюджета» государства, о чем свидетельствуют материалы дела «О ежегодных пособиях бывшим римско-католическим законоучителям римско-католического вероисповедания» (19.04.1917 – 03.08.1917)¹⁷.

В начале двадцатого столетия можно говорить о двух ярко выраженных линиях в государственной религиозной политике: первая – покровительство конфессиональным школам, вторая – стремление поставить их под контроль государственных структур, а именно министерства народного просвещения. «Переписка с министром народного просвещения, могилевским римско-католическим епископом, минским губернатором и другими учреждениями и лицами о подчинении школ при армяно-католической и римско-католической церквях ведомству Министерства народного просвещения, о сообщении гу-

бернаторами сведений об этих школах, о закрытии тайных польских школ и по другим вопросам» – яркое тому свидетельство (25.06.1892 – 04.10.1909)¹⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. – Оп. 3. – Д. 870; Оп. 8. – Д. 12, 32, 33, 91, 145, 165, 172, 222, 223, 230, 281, 416, 445, 1204; Оп. 125. – Д. 262, 486, 1072, 1782.
2. Дзуцев Х. В. Религиозное образование в средних общеобразовательных школах республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: плюсы и минусы // Миссия конфессий. – 2017. – № 25. – С. 47-58.
3. Козырин А. Н. Религиозное образование в государствах ЕАЭС: национальный и международный уровни правового регулирования // Ежегодник российского образовательного законодательства. – 2021. – Т. 16. – № 21. – С. 127-155.
4. Набиев Р. А. Религиозное образование в полиэтноконфессиональной среде как фактор устойчивого развития общества // Социальный конфликт в различных нормативно-семиотических системах. – Казань: Ин-т истории Казанского федерального университета, 2012. – С. 136-140.
5. Рагимова П. Ф. Конфессиональное образование в Дагестане: история и современность: дис. ... канд. истор. наук. – Махачкала, 2005. – 209 с.
6. Сюбарева И. Ф. Религиозное образование в России через призму международно-правовых стандартов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 2. – С. 98-102.
7. Якунин В. Н. Религиозное образование, духовное просвещение и благотворительность в Самарской епархии в 1851-1917 гг. // Поволжский вестник науки. – 2021. – № 3 (21). – С. 16-22.

13 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 262.

14 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 1072.

15 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 1204.

16 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 172.

17 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 128. – Д. 1782.

18 РГИА. – Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 486.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-87-90

СИЛАНТЬЕВА Виктория Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ПРОНИНА Екатерина Николаевна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ НА РАЗВИТИЕ САНИТАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Современная эпидемиологическая ситуация в мире поставила государства в условия новой реальности. В этой связи особое значение приобретает совместная деятельность по предупреждению и предотвращению распространения COVID-19. Поэтому вызывает интерес опыт международного сотрудничества второй половины XIX - начала XX вв. ввиду подъема международно-правовой активности в борьбе с эпидемиями. В статье определены цели и причины международного сотрудничества, показано участие России в работе международных санитарных конференций, проведен анализ воздействия принятых конвенций на национальное законодательство Российской империи.

Ключевые слова: международное сотрудничество, эпидемии, санитарные конференции, карантин, конвенция.

SILANTJEVA Viktoriya Aleksandrovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

PRONINA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevskiy National Research Nizhny Novgorod State University

INFLUENCE OF INTERNATIONAL CONFERENCES ON THE DEVELOPMENT OF THE SANITARY LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The current epidemiological situation in the world has put states in a new reality. In this regard, joint activities to prevent and prevent the spread of COVID-19 are of particular importance. Therefore, the experience of international cooperation in the second half of the 19th - early 20th centuries is of interest due to the rise in international legal activity in the fight against epidemics. The article defines the goals and causes of international cooperation, shows the participation of Russia in the work of international sanitary conferences, analyzes the impact of the adopted conventions on the national legislation of the Russian Empire.

Keywords: international cooperation, sanitary conferences, epidemics, quarantine, convention.

До второй половины XVIII в. здоровье человека в государствах Западной Европы рассматривалось как частное дело самого человека. Однако ситуация изменилась в XIX в.: интенсивные миграционные процессы, товарообмен между странами и континентами вынуждали государства прибегать к строгим мероприятиям санитарно-эпидемического надзора, так как проблема распространения эпидемических заболеваний стала носить глобальный характер. В этих условиях поменялся и подход к медицине: здоровье человека и профилактику заболеваний признали государственным вопросом, делались попытки регламентации медико-санитарных отношений. Тем не менее, слабая эффективность противоэпидемических мер на национальном уровне заставила европейские государства перейти к совместным действиям в сфере охраны здоровья. Целью международного сотрудничества являлась коллективная деятельность по предотвращению эпидемий и пандемий.

К наиболее опасным эпидемическим заболеваниям XIX в. относились чума, холера, желтая лихорадка. Кроме них были распространены тиф, оспа, сифилис, коклюш и другие.

Активная совместная деятельность началась только во второй половине XIX в., когда по инициативе Франции в 1851 г. была созвана первая санитарная конференция, на которой присутствовали представители 11 европейских государств и Османской империи.

Всего с 1851 г. по 1912 г. было проведено 12 конференций¹.

Российская империя принимала участие в работе всех 12 международных санитарных конференциях.

1 Таблица составлена по работе Norman Howard-Jones. The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851-1938. – Geneva: World Health Organisation, 1975.

Силантьева В. А.

Пронина Е. Н.

Таблица

№	Место проведения	Дата проведения	Инициатор	Количество государств-участников	Вопрос повестки дня
1	Париж	27.07.1851 - 19.01.1852	Франция	12	холера
2	Париж	09.04.1859 - 30.08.1859	Франция	11	холера
3	Константинополь	13.02.1866 - 26.09.1866	Франция	16	холера
4	Вена	01.07.1874 - 01.08.1874	Россия	21	холера
5	Вашингтон	05.01.1881 - 01.03.1881	США	30	холера, желтая лихорадка
6	Рим	20.05.1885 - 13.06.1885	Франция	28	холера
7	Венеция	05.01.1892 - 31.01.1892	Австро-Венгрия	14	холера желтая лихорадка, чума
8	Дрезден	11.03.1893 - 15.04.1893	Австро-Венгрия	19	холера
9	Париж	07.02.1894 - 03.04.1894	Франция	16	холера
10	Венеция	16.02.1897 - 19.03.1897	Австро-Венгрия	21	чума
11	Париж	10.10.1903 - 03.12.1903	Италия	23	холера, чума
12	Париж	07.11.1911 - 17.01.1912	Франция	41	холера желтая лихорадка, чума

В ходе первой конференции 1851 г. были разработаны тексты проектов общего карантинного Устава и Международной конвенции. Однако страны-участницы оставили их не ратифицированными [4]. Россия объяснила тем, что «некоторые статьи не соответствовали коренным законам и местным условиям, другие же требовали ограничений, пояснений или замечаний»².

После проведения второй санитарной конференции 1859 г. в Российской империи активно обсуждали измененный вариант «предварительного соглашения» Международных санитарных правил, разработанный участниками первой конференции. К обсуждению были привлечены Медицинский совет, министерство финансов и морское министерство. Представитель морского министерства адмирал Н.Ф. Метлин нашел возможным принять Конвенцию, а министр финансов А.М. Княжевич обратил внимание на размер карантинного сбора. Наибольшее количество нареканий проект получил от Медицинского совета, который считал, что необходимо отменить ряд пунктов. Об этом в известность было поставлено французское правительство³. В итоге соглашение не было ратифицировано ни Россией, ни другими участниками конференции [5].

Однако в 1860 г. для изучения опыта работы карантинных учреждений в Европе был командирован бывший директор Медицинского департамента тайный советник Ф.М. Отсолиг, посетивший Францию, Сардинию и Австрию. Основываясь на его отчете Медицинский совет решил, что устройство карантинных учреждений во Франции и Сардинии лучше австрийских и дал рекомендацию вне зависимости от принятия Конвенции приступить к преобразованиям российской карантинной системы. Медицинский совет выступил за создание нового карантинного Устава взамен заключавшегося в Уставе медицинской полиции. Разработать проект поручили Новороссийско-Бессарабскому генерал-губернатору А.Г. Строганову. С этой целью в Одессе была создана Особая комиссия под председательством члена Медицинского совета Э.С. Андреевского. Из-за разногласий членов

комиссии было создано три проекта карантинного Устава. Однако ни один из них не удовлетворил Медицинский совет. Более менее соответствовал проект бывшего председателя комиссии Э.С. Андреевского и П.Е. Коцебу, который подвергли доработке⁴. И только 1 марта 1866 г. вышел указ российского императора «Устав о карантинах»⁵. Целью введения данного указа являлась «охрана государства от внесения чумы, желтой горячки, азиатской холеры и некоторых других особенно опасных по своей заразительности болезней». Устав регламентировал деятельность карантинного управления, устройство карантинных учреждений и их штат, определял жалование карантинным работникам и суммы карантинных пошлин, сроки наблюдения. Были установлены морские и сухопутные карантинные, а также в случае надобности министр внутренних дел мог утверждать временные карантинные. Карантинные учреждения состояли в ведомстве министерства внутренних дел. Исключение составили Кавказский и Закавказский края, в которых карантинные учреждения были поставлены под контроль наместника.

«Устав о карантинах» содержал и перечень карантинных мер:

- 1) выдача карантинного патента;
- 2) исполнение обрядностей вопроса (reconnaissance) и дознания (arraissement);
- 3) принятие мер гигиенических;
- 4) обсервация и карантин;
- 5) различные способы карантинного очищения.

Россия вместе с другими государствами проводила совместные карантинные меры, предусматривающие упрощенный порядок доступа торговых судов в порты. Так, охранение балтийских берегов от занесения чумы предоставлялось шведскому карантинному заведению в Кензе (в Каттегат) «на основании, чтобы в очищении судов, идущих в российские порты, их груза, экипажа и всего вообще, принимали те меры предосторожности, какие предписаны уставом для судов, приходящих в шведские порты» [3, № 1055]. В со-

2 Записка Министра внутренних дел, внесенная в Государственный Совет 6 октября 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (1825-1881). – Т. 41. (1866). – № 43061.

3 Там же.

4 Записка Министра внутренних дел, внесенная в Государственный Совет 6 октября 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи (1825-1881). – Т. 41. (1866). – № 43061.

5 Устав о карантинах // Полное собрание законов Российской империи (1825-1881). – Т. 41. (1866). – № 43061.

вершено благополучное от чумы время, признаваемое в публикациях шведского правительства, все суда, получившие разрешение карантинных органов Швеции для шведских портов, могут следовать прямо в Балтийские порты Российской империи без задержек [3, № 1058]. Для судов, идущих из зараженных и сомнительных мест к берегам и портам Белого моря главным очистительным карантинным заведением являлось Христиансанд (Kristiansand) в Норвегии [3, № 1068]. Все суда, следующие в Балтийские порты Российской империи, вышедшие «из Берберских государств, Египта или других турецких владений, лежащих по берегам Средиземного или Черного морей, обязаны иметь патент здоровья, полученный в местах их отплытия и засвидетельствованный российским консулом или шведским, а если такого нет, то одним из прочих консулов, по выбору и назначению Министерства иностранных дел» [3, № 1056]. В промежуточных портах, в которые заходило судно, российские консулы должны ставить отметки об эпидемиологической обстановке местности.

Кроме того, Россия, Австро-Венгрия и Румыния подписали соглашение о судоходстве по реке Прут «Для судов, плавающих по Пруту» от 3-15 декабря 1866 г. (изменение от 18 февраля (2 марта) 1895 г.) [2, т. 15, № 11560], в котором установили карантинные правила: при появлении эпидемических заболеваний на берегах Прута открывались речные санитарные станции (информацию о численности санитарных пунктов и местах размещения государства-участники должны были предоставить Прутской Смешанной комиссии).

Было принято и утверждено соглашение «О предупредительных мерах, применяемых во время холерной эпидемии к приграничному обороту между Россией и Австро-Венгрией» от 15 декабря 1895 г. (вступило в силу 3/15 апреля 1896 г.) [2, т. 13, № 9670]. Согласно заключенному договору приграничной зоной являлась полоса вдоль границы шириной в 10 км (9 верст). Власти обязаны были извещать друг друга и население о появлении холеры, принятых мерах, о закрытии пунктов пересечения границы. Предусматривались командирование чиновников одного государства в другое для ознакомления с санитарной обстановкой (служебные чины санитарному предупредительному режиму не подвергались). Были учреждены врачебно-наблюдательные пункты. Предусматривалась возможность закрытия мест большого скопления народа: ярмарки, рынки, места паломничества. Наблюдение за выполнением мер в России возлагалось на начальников приграничных уездов и губернаторов.

Итогом работы России на международных санитарных конференциях стала ратификация следующих конвенций:

– 11 июля 1892 г. Международной санитарной «Конвенции относительно изменений действующей ныне в Египте санитарной, морской и карантинной системы», принятой на конференции в Венеции 18-30 января 1892 г. [2, т. 12, № 8851];

– 25 мая 1893 г. Международной санитарной конвенции «В видах установления одинаковых мер для ограждения народного здоровья во время холерной эпидемии, без излишнего стеснения торговых сношений и пассажирского движения», заключенной в Дрездене 3-15 апреля 1893 г. [2, т. 15, № 12288];

– 18 февраля 1898 г. Международной санитарной конвенции о предупреждении занесения и распространения чумы, подписанной в Венеции 7-19 марта 1897 г. [2, т. 18, № 15054a];

– 15 марта 1904 г. Международной санитарной конвенции, заключенной в Париже 20 ноября – 3 декабря 1903 г. [2, т. 25, № 24201a]

Важнейшие положения Международных санитарных конвенций нашли отражение и в правительственных распоряжениях. Например, ратифицировав Дрезденскую и Венецианскую Международные санитарные конвенции, Россия приняла «Правила для принятия предупредительных против заноса эпидемических болезней мер на Западной сухопутной границе, на Кавказской границе Империи с Турцией и Персией и на Азиатской сухопутной границе» (1893 г.) и «Правила для принятия предупредительных против заноса эпидемических болезней мер по морским границам Империи» (1893 г., изм. 1902 г.), в которых была представлена инструкция по «ограждению государства от заноса чумы, холеры, желтой горячки и некоторых других особенно опасных по своей заразительности болезней»: в случае появления в пределах России эпидемической болезни Министерство внутренних дел уведомляло Министерство иностранных дел, которое обязано было оповестить иностранные правительства⁶.

В заключении отметим, что международные санитарные конференции были площадками организации борьбы с эпидемическими заболеваниями. Российские представители активно участвовали в работе конференций, разрабатывали положения Конвенций, делились опытом в проведении противоэпидемических мероприятий. Подобная деятельность позитивно сказалась на российском национальном законодательстве, обогатившемся нормами международного права, так как положения санитарных конвенций использовали для разработки российского санитарного законодательства 2-ой половины XIX в.

Пристатейный библиографический список

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 2-ое. СПб., 1825-1881.
2. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание 3-е. СПб., 1881-1913.
3. Устав Врачебный. Издания 1905 г. и по продолжении 1912 и 1913 гг. и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постатейными разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями / Сост. Л.А. Кольчев. Изд. неофициальное. Пг.: Издательство юридического книжного магазина В.П. Анисимова, 1915. 658 с.
4. Клименко Е.П. Международное сотрудничество в области борьбы с холерой (1851-1894 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Юридические науки». 2015. № 1. С. 262-271.
5. Norman Howard-Jones. The scientific background of the International Sanitary Conferences 1851-1938. Geneva: World Health Organisation, 1975.

⁶ Устав Врачебный. – № 854.

КУЛИКОВА Мария Сергеевна

аспирант третьего года обучения, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

СПРАВЕДЛИВОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРАВУ: ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

В статье рассматривается вопрос о новом подходе к судебной методологии с позиции школы свободного права, а именно идей одного из основоположников социологического направления в правоведении – Германа Канторовича (1877-1940). В попытке ответить на вечный по своей актуальности вопрос о справедливости судебного разбирательства Канторович критикует несовершенство формально-логического метода. Отмечается, что в желании избежать абсурдности результатов буквального толкования закона, суды впадают в бесконтрольность судебного усмотрения и применения правовых абстракций. Это потребовало от науки нового методологического решения. Социологический подход школы свободного права, выразившийся в переориентации с формы на его содержание, позволяет и сейчас иначе взглянуть на давно укоренившуюся в сознании юристов максиму «трактуй одинаковые случаи одинаково, а разные – по-разному».

Ключевые слова: судебная методология, свободное право, судебное усмотрение, социология права, Г. Канторович, общественные интересы, формально-логический метод, толкование, справедливость.

KULIKOVA Mariya Sergeevna

postgraduate student of the 3rd year of study, lecturer of the St. Petersburg State University

THE FAIRNESS OF A JUDICIAL DECISION IN SOCIOLOGICAL JURISPRUDENCE

The article deals with the issue of new approach to judicial methodology from the point of view of free law school, namely the ideas of Hermann Kantorowicz (1877-1940), one of the founders of this sociological movement in law. In his attempt to answer the eternal question of the fairness of judicial decision, Kantorowicz criticises the imperfection of the formal-logical method. It is noted that in a desire to avoid the ridiculousness of the results of a literal interpretation of the law, the courts have fallen into an uncontrolled judicial discretion and the application of legal abstractions. This has required a new methodological solution from theory. The sociological approach of the free law school, expressed in a reorientation from form to content, still allows a different perspective on the maxim «treat like cases alike and different cases differently» which has long been rooted in the minds of lawyers.

Keywords: judicial methodology, free law, judicial discretion, sociological jurisprudence, H. Kantorowicz, public interest, formal-logical method, interpretation, justice.

На рубеже XIX-XX вв. юристы стали осознавать не только в теории, но и на практике, что общепризнанные в то время формальный догматизм и пандектная методология в совокупности с позицией о беспробельности права перестали удовлетворять общественным ожиданиям о справедливости и, в частности, о справедливом судебном разбирательстве. Всё чаще стали звучать голоса, что право не может предусмотреть все социальные конфликты, случающиеся на практике и требующие своего отголоска в правовых текстах. Так, еще Ф. К. фон Савиньи писал в своем фундаментальном труде «Система современного римского права» о том, что проблема пробелов в позитивном праве в действительности существует [7, с. 418]. С этой идеей, хотя и не разделяя предложенную Савиньи методологию заполнения пробелов, были согласны впоследствии представители новых (социологических) направлений в праве – социологической юриспруденции и школы свободного права.

Для первоначального развития новой правовой мысли всегда характерна критика существующих на тот момент общепризнанных догматов. Помимо позиции о беспробельности права, ревизии подверглись и остальные постулаты, свойственные формально-логической юриспруденции, которая, в свою очередь, отождествляла право со сводом формальных правил, установленных законодателем (правовой этиатизм) или выводимых посредством толкования правовых

Куликова М. С.

текстов (историческая школа права). Признанным пионером новаторской юридической мысли, захватившей умы правоведов и полноценно укоренившейся уже в начале XX в., по праву считают Р. фон Иеринга, который первым предложил совершенно иной подход к природе права, а именно – рассматривать право как средство достижения конкретных социальных целей, наделив его инструментальным значением, а не как самодостаточную систему, живущую и развивающуюся по своим внутренним формально-логическим законам [5, с. 83]. Своей революционной идеей и последовательными нападками на правовые абстракции Р. фон Иеринг сумел заложить основу для дальнейшего развития целой плеяды новых подходов в праве, промчавшись над доктриной права «как метеорит, оставивший вполне глубокий след» [11].

Социологический подход к праву активно стал развиваться в конце XIX – начале XX вв. не только в европейской юриспруденции (к примеру, О. Эрлихом), но и в отечественной правовой доктрине (к примеру, С.А. Муромцевым), получив впоследствии свое наибольшее развитие в начале – середине XX в. в США (Р. Паунд, К. Парсонс и т.д.), разделившись в итоге, как отмечает Г.Э. Адыгезалова, на два направления: 1) американскую «социологическую юриспруденцию» и 2) реалистическую школу права. Эти направления также иногда называют умеренной американской социологической юриспруденцией (гарвардская школа права) и радикальной

социологической юриспруденцией (реалисты) [1, с. 9-10]. Стоит отметить, что параллельно с развитием данного направления в юриспруденции Западной Европы набирало популярность еще одно новое движение – школа свободного права. Из-за общих идейных корней представителей школы свободного права можно было легко отнести к сторонникам социологической юриспруденции¹. Действительно, представители обоих направлений, как было упомянуто ранее, не признавали за правом исключительно формально-логической природы, выражающейся в законодательных положениях, смысл которых, если и не ясен сразу, то его можно обнаружить посредством мыслительных манипуляций с текстом и логических операций. В связи с этим следует признать, что представители и школы свободного права, и социологической юриспруденции редуцировали важность роли законодателя, обращая внимание на нового субъекта, определяющего, по их мнению, содержание (некоторой части) права – судью. Они подчеркивали, что эта роль судьи является вынужденной в силу закона², который предусматривает обязанность разрешать споры даже по тем случаям, которые не были предусмотрены законодательными положениями.

О ключевой роли судьи в свое время писал еще Ф. Бэкон: «Один дурной приговор пагубнее множества дурных примеров. Ибо последние оскверняют поток, первый же — самый родник» [3, с. 138]. Стоит отметить, что значение фигуры судьи настолько возросло в парадигме новых правовых движений, что О. Эрлих, к примеру, в качестве гаранта справедливого судебного решения предлагал личность судьи, который единственный может найти «живое право» в рамках своей правотворческой судебной деятельности. В продолжение этой идеи Г. Канторович, основоположник движения за свободное право, утверждал, что только личность судьи способна повлиять на судьбу судебного решения, на то будет ли оно справедливым или нет. В дальнейшем такая сосредоточенность исключительно на личности судьи была подвергнута критике, в том числе и в отечественной правовой науке [10, с. 29].

Известны схожесть определенных позиций социологической юриспруденции и школы свободного права, и даже в известной мере родственность их взглядов. Г. Канторович писал, что, благодаря заслугам О. Эрлиха, «парусник философии права снова на плаву», штурвал которого направлен на «новую цель», а со всех сторон «стали возникать голоса ..., которые ежедневно усиливают своё количество и решительность, предвещая юриспруденции изменения» [11]. Тем не менее стоит говорить о несомненной самостоятельности этих двух направлений в праве.

Идейная кооперация новых направлений активно развивалась в Европе в дореволюционной России. Так, в своей

работе «Юриспруденция и социология» Г. Канторович отмечал, что своими идеями, высказанными в работе «О современном движении в науке права» (1882), В.С. Пахман опережает Еллинека на десять лет: «Пахман, создавший за десять лет до Еллинека и теорию, и терминологию методологического дуализма...» [13, с. 298]. В то же время Канторович отмечал, что Пахман хотя и показал значение «социальной теории права» для философии и исторического исследования права, но также признал определенное значение догматики права, решительно подвергнув критике смешение обеих позиций и боролся с путаницей понятий, лежащих в основе этого смешения. Канторович, критикуя нынешнее состояние немецкой юриспруденции, был убежден в том, что «современное движение», отцом-покровителем которого Пахман считал Иеринга, скорее должно балансировать на грани «старой книжной юриспруденции», воспринимавшей юриспруденцию «как мертвую арифметику с жесткими концепциями», и современных социологических «преувеличений». Ведь догматика, делает вывод Канторович, без социологии пуста, а социология без догматики слепа [13, с. 303].

Продолжая начатую еще в Манифесте «Борьба за науку права» критику сравнения судьи с автоматом³, в который сверху вставляется казус, а снизу вытаскивается решение, так что легкое дело решается непосредственным обращением к закону, а в случае, если дело сложное, то «нужно немного попрыгать и слегка встряхнуть автомат», Г. Канторович пишет, что такой подход неэффективен. Тем самым вообще отклоняется идея перекидывания моста через «китайскую стену» в сферу социальной жизни, для регулирования которой и были приняты эти законы» [13, с. 279]. Остается только аналогия права, без которой, как готов признать любой «отсталый буквалист», пришлось бы принимать самые абсурдные и пагубные решения.

На аналогии права Г. Канторович специально сосредоточивает внимание. Он приводит пример с применением аналогии в уголовном праве, по его словам, ради контраста, который создается господствующим мнением об абсолютной недопустимости применения аналогии в данной отрасли права. Согласно положениям немецкого законодательства, отмечает Канторович, истечение срока давности уголовного преследования для преступлений, за которые предусмотрено смертная казнь, составляет 30 лет, а для преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде штрафа – 2 года. Однако законодателем в данном случае было упущено самое легкое из возможных наказаний – выговор. Если бы мы, как пишет Канторович, следовали исключительно букве закона, то пришли бы к бессмысленному результату, будто среди всех наказаний самое легкое – выговор – не имеет срока давности. Такая ситуация, полагает Канторович, разрешается следующими последовательными рассуждениями.

Для того, чтобы разрешить возникший казус, следует обратиться к цели закона: «Только до тех пор, пока цель остается той же, пока действует «*eadem ratio iuris*», аналогия применима» [13, с. 280]. Но как узнать цель закона, задается вопросом Канторович, после чего делает вывод об условном характере такой возможности, поскольку суд может опираться в данном случае только на «подсказки». К примеру, при разработке закона имеется определенное количество подготовительных документов, из которых можно понять идеи его разработчиков. Но недостаток данного подхода заключается в том, что не существует той оптимальной процедуры, которая преобразовывала бы «частное мнение» разработчика законопроекта в «санкционированную волю законодателя». Еще одной «подсказкой» мог бы быть анализ взаимосвязи правовых предписаний. Однако из такой процедуры мож-

1 Так, Г.Э. Адыгезалова указывает на возможность отнесения О. Эрлиха к представителям школы свободного права [1, с. 8]; Г. Канторович писал, что О. Эрлиха можно представить как сторонником школы свободного права, так и социологической юриспруденции [12, р. 1241]; М. В. Антонов, а также В.В. Лапаева рассматривают О. Эрлиха как представителя социологии права [2, с. 159], [6, с. 153]. Эрлиха иногда причисляют к родоначальникам школы свободного права из-за его доклада «Свободный поиск права и свободная юриспруденция», прочитанный им перед Венским юридическим сообществом в 1903 г. Он и сам иногда с этим соглашался. В письме (январь 1913 г.) Эрнсту Фуку Эрлих писал: «честно говоря, меня всегда немного удивляло, что я воспринимаюсь преемником Канторовича. Не говоря даже о той задаче, которую я бы охотно признал, что моя лекция о свободе закона была опубликована в 1903 году, а брошюра Гнея Флавия... в 1906 году». В приведенной цитате речь идет о Манифесте «Борьба за науку права», написанном Г. Канторовичем в 1906 году под псевдонимом Гнея Флавия.

2 К пр.: согласно ст. 4 Кодекса Наполеона судьи не имели права отказать в разрешении спора, даже, если случай не был прямо предусмотрен законом.

3 Данная аналогия в свое время была удачно введена в научный оборот М. Вебером (см. подробнее: Вебер М. Политические работы 1895-1919 / Пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2003.

но было бы вывести как то, что целью никак быть не может, так и то, что противоречило бы иным предписаниям. Таким образом, пишет Канторович, остается лишь одно средство – «заглянуть через китайскую стену в область социальной жизни, в которой задача каждого закона – производить какие-либо эффекты» [13, с. 281].

Здесь мы непосредственно подходим к вопросу, правильный ответ на который позволит говорить о справедливости судебного решения с позиции такого социологического подхода к праву, как свободное право. К вопросу, которым задается Г. Канторович: какие социальные эффекты произведет толкование закона, а, точнее, будут приемлемыми, чтобы применить этот закон к среднестатистическому жизненному случаю. Из этих систематически повторяющихся эффектов можно сделать вывод о целях закона, причем целью всегда будет защита каких-либо интересов, которые считаются ценными по смыслу этого закона. Таким образом, «целевое исследование» предполагает деятельность в области правовой социологии, что требует наибольшего внимания к фактам социальной жизни: исследование цели является жизненно важной потребностью юриспруденции, и если бы оно, как замечает Канторович, не удовлетворяло эту потребность, то осталось бы на примитивной стадии развития (сравнимой с той частью органического естествознания, когда развитие, начиная от стадии простой классификации, продолжается до все более глубоких биологических связей) [13, с. 281].

И.З. Штейнберг, развивая эту идею Г. Канторовича в работе, посвященной движению свободного права, приводит пример, позволяющий увидеть применение данного метода на практике. Он предлагает рассмотреть ситуацию, когда судье необходимо, в отсутствие прямой нормы закона, решить спор: арендодатель закрыл доступ ремесленнику к арендуемой им квартире и в том числе к инструментам ремесленника, которыми он зарабатывает на жизнь. В данном случае Штейнберг предлагает судье отказаться от учета специальных интересов участников процесса в пользу типичных интересов для случаев данного рода [10, с. 16]. Следуя такой логике, судья должен установить типичные интересы, «которые в совокупности своей говорят за то или иное решение вопроса: интересы нанимателя квартиры в сохранении необходимых ему для жизни орудий производства, с одной стороны, и в легком и дешевом получении квартиры, с другой; интерес квартирохозяина в спокойном и уверенном получении квартирной платы; интерес общественного призрения бедных в том, чтобы из-за слишком суровой поддержки прав квартирохозяев не росло падающее бремя на плечи общества; интерес государства в устранении таких правовых институтов, которые слишком обостряют социальные противоречия» [10, с. 16]. По сути, из той же идеи исходил и Канторович, подчеркивая, что, если естественное право концентрируется на анализе абсолютного неизменного общественного идеала для всех, то свободное право, напротив, ориентируется на постоянно меняющиеся условия общественной жизни [11].

Следуя подобным рассуждениям, т.е. ставя целью справедливое разрешение спора, судья, при наличии противоположных ответов на один и тот же вопрос в разные периоды времени, к примеру, о том, падает ли бремя на плечи общества при поддержке интересов ремесленника либо состояние экономики позволяет поддержать интересы арендодателя, будет вынужден принять два разных решения, на первый взгляд, при совершенно одинаковых условиях. Но тем самым, казалось бы, нарушается принцип справедливости, который выражается в известном правиле: «Трактуй одинаковые случаи одинаково, и разные – по-разному» [9, с. 162].

Однако так ли это? Принцип (центральное правило) справедливости – один из наиболее абстрактных [8, с. 4-34]. И вполне, в результате некоторой конкретизации, мог бы звучать так: «Трактуй одинаковые случаи одинаково при одинаковых жизненных условиях, и разные – по-разному при

разных». С этим наверняка согласились бы представители школы свободного права. А эти жизненные условия, обстоятельства и должен будет учесть и оценить судья, который всегда, в той или иной мере, прибегает к собственному «усмотрению». Конечно, так или иначе в контексте современных ему запросов социальной жизни, общественного правосознания, наконец, «типичных» для рассматриваемого дела интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. – Санкт-Петербург: Юридический центр-Пресс, 2012.
2. Антонов М.В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Правоведение. – 2013. – № 1 (306).
3. Бэкон Ф. Новая Атлантида: Опыты и наставления нравственные и политические / Отв. ред. Ф.А. Коган-Бернштейн; пер. З.Е. Александровой. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
4. Вебер М. Политические работы 1895-1919 / Пер. с нем. Б.М. Скуратова; послесл. Т.А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2003.
5. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011.
6. Лапаева В.В. Социология права. История и современность // Социологические исследования. – 2008. – № 6.
7. Савиньи Ф.К. фон Система современного римского права: в 8 т. / Фридрих Карл фон Савиньи; под ред. О. Кутателадзе и В. Зубаря; пер. с нем. Г. Жигулина; Центр исследования права им. Савиньи. – Москва: Статут, 2011. – Т. 1.
8. Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н. Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник СПбГУ. – 2015. – Серия 14. – № 3.
9. Харт Г.Л.А. Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева; пер. с англ. Е.В. Афонасина и др. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007.
10. Штейнберг И.З. Что такое «движение свободного права»? (Закон и судья): докл., чит. в Моск. юрид. о-ве. – М.: Тип. Поманский и Запольский, 1914.
11. Flavius G. Der Kampf um die Rechtswissenschaft. – Heidelberg: Carl Winter, 1906. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gleichsatz.de/b-u-t/can/rec/gnaeus_flavius.html (дата обращения: 01.06.2022).
12. Kantorowicz H. Some Rationalism about Realism // Yale Law Journal. – 1934. – Issue 8. – Vol. 43.
13. Kantorowicz H. Rechtswissenschaft und Soziologie: in Verhandlungen des 1. Deutschen Soziologentages vom 19. bis 22. Oktober 1910. – Frankfurt am Main: Sauer u. Auvermann, 1910. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-187924> (дата обращения: 01.06.2022).

АБАКАРОВ Гаджи Алиевич

магистрант кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета

САЙБУЛАЕВА Саида Ахмедовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРАВО НА ЖИЗНЬ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В настоящей статье анализируется фундаментальное естественное право каждого человека – право на жизнь. Исследование обусловлено тем, что право на жизнь признается основным и первоочередным конституционным правом, требующим надлежащего законодательного закрепления и регулирования его обеспечения и защиты. В ходе написания статьи применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные автором материалы из различных источников, относящиеся к предмету исследования. Дается оценка различных подходов в определении момента начала человеческой жизни. Автор приходит к выводу, что до рождения человека, за ним не могут быть признаны какие-либо права, поскольку признание даже одного права предполагает наличие правоспособности, которая возникает исключительно после рождения.

Ключевые слова: право на жизнь, конституционно-правовой статус личности, момент рождения, права человека.

ABAKAROV Gadzhi Alievich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

SAYBULAEVA Saida Akhmedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

THE RIGHT TO LIFE AS THE BASIS OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

This article analyzes the fundamental natural right of every person – the right to life. The study is conditioned by the fact that the right to life is recognized as the main and primary constitutional right that requires proper legislative consolidation and regulation of its provision and protection. In the course of writing the article, general scientific and private scientific research methods were used, which made it possible to analyze and summarize the materials collected by the author from various sources related to the subject of the study. The evaluation of various approaches in determining the moment of the beginning of human life is given. The author comes to the conclusion that before the birth of a person, no rights can be recognized for him, since the recognition of even one right presupposes the existence of legal capacity, which arises exclusively after birth.

Keywords: the right to life, the constitutional and legal status of the individual, the moment of birth, human rights.

Конституционное право, как основная отрасль российской правовой системы, содержит набор норм, наделяющих человека определенными правами, обязанностями, гарантиями их реализации и исполнения, а также средствами по охране и защите от посягательств на эти права со стороны.

Статья 64 действующей Конституции закрепляет, что положения главы 2 Основного закона Российской Федерации составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации, при этом ничего не говорится о содержании самого понятия «правовой статус личности» не только в Конституции РФ, но и других законодательных актах.

В юридической литературе содержится огромное количество определений категории «правовой статус личности», ведь оно занимает центральное место в системе отечественной правовой науки. Принято рассматривать его как совокупность правовых норм, закрепленных в различных нормативных правовых актах и определяющих положение личности в обществе и государстве [1, с. 28].

Составной частью правового статуса личности выступает конституционно-правовой статус, который соотносится с первым как часть и целое. Вместе с тем конституционно-правовой статус имеет фундаментальное значение в определении правового положения личности, поскольку формирует за счет предписаний, обладающих высшей юридической силой, и служит своеобразным каркасом, на который накладываются иные отраслевые статусы (например, уголовно-правовой, гражданско-правовой и т.д.).

Относительно содержания конституционно-правового статуса личности также высказывается множество мнений. Некоторые авторы полагают, что его составными элементами являются только конституционные права и обязанности, другие считают, что помимо прав и обязанностей содержание конституционно-правового статуса личности охватывает свободы, гарантии и принципы [2, с. 67]. Мы не будем углубляться в суть данного вопроса, поскольку в рамках настоящего исследования не ставится цель по установлению содержания конституционно-правового статуса личности.

Среди важнейших прав, гарантированных подавляющим большинством современных демократических конституций, право на жизнь – неотъемлемое право человека, существующее каждому от рождения.

Как справедливо отмечает А. И. Казанник, право на жизнь имеет фундаментальный характер по отношению к иным правам, поскольку без него все они не имеют смысла, «ибо покойникам права не нужны» [3, с. 156].

Между тем, на сегодняшний день остается ряд нерешенных вопросов о юридической природе права на жизнь. Проблема заключается в том, что понятие жизни, как биологического процесса, не тождественно содержанию понятия жизни с юридической точки зрения. Поэтому на протяжении многих лет среди ученых правоведов ведется дискуссия о моменте, с которого начинается человеческая жизнь. Многообразие взглядов по разрешению указанной проблемы можно условно дифференцировать на два подхода.

Сторонники первого подхода придерживаются мнения о том, что отправной точкой, с которой начинается человеческая жизнь, является рождение ребенка. Соответственно, до момента рождения, находясь в утробе матери, эмбрион не может быть наделен правовым статусом и выступать субъектом права на жизнь [4, с. 82-83].

Именно такого подхода придерживается и отечественный законодатель. Согласно пункту 1 Инструкции об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода, утвержденной приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 4 декабря 1992 г. № 318/190, «живорождением является полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности»¹.

Аналогичная норма содержится и в Медицинских критериях рождения, утвержденных приказом Минздрава России от 27 декабря 2011 г. № 1687н². Согласно пункту 1 указанного документа моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов.

Также, например, с точки зрения уголовного законодательства эмбрион не является самостоятельным субъектом уголовно-правовой охраны. Убийство беременной женщины не квалифицируется как убийство двух лиц, поскольку ребенок фактически находится в теле матери не представляет собой самостоятельный субъект права. При этом закон не игнорирует факт нахождения потерпевшей в состоянии беременности и относит совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, к обстоятельствам, отягчающим наказание.

Более того, отсутствует запрет на прерывание беременности по инициативе самой матери.

Во многом именно вопрос о допустимости проведения абортов является краеугольным камнем в дискуссии о моменте, с которого начинается человеческая жизнь.

Сторонники второго подхода полагают, что эмбрион наравне с родившимся ребенком является живым существом, которое соответственно имеет право на жизнь. С точки зрения приверженцев данного подхода, любые действия, направленные на причинение вреда плоду, характеризуются как противоправные³.

Следует отметить, что и данный подход нашел отражение в конституционно-правовых нормах зарубежных стран. К таковым относятся Словакия, Ирландия, Германия и др. Наиболее категоричен в этом плане Уголовный кодекс Аргентины, который устанавливает жесткое наказание за искусственное прерывание беременности.

Каждый из приведенных подходов по-своему логичен, однако, при решении вопроса об установлении законодательного запрета на проведение абортов необходимо учитывать многообразие жизненных ситуаций, при которых может возникнуть необходимость проведения операции по искусственному прерыванию беременности.

Безусловно, эмбрион, а в последствии плод, с биологической точки зрения является живым организмом, но достаточно ли этого факта для признания за ним права на жизнь?

1 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации и Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 4 декабря 1992 г. № 318/190. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/4171102/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 10.04.2022).

2 Приказ Минздрава России от 27 декабря 2011 г. № 1687н. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902320615> (дата обращения: 10.04.2022).

3 Общественники предложили добавить в Конституцию право на жизнь с момента зачатия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/12022020/107052> (дата обращения: 10.04.2022).

На фоне данной дискуссии особый интерес вызывает положение наследственного законодательства о защите прав не рожденных детей, зачатых при жизни наследодателя, которых принято называть постумами или насцитурами.

Не признавая за рожденных детей субъектами права, в том числе и права на жизнь, закон тем не менее защищает их имущественные интересы. Конечно, не следует забывать о том, что норма о защите прав не рожденных детей действует только при определенных условиях, но ее существование не укладывается в общую позицию относительно правового статуса не рожденных детей.

Так, при наличии информации о зачатом, но еще не родившемся наследнике, суд приостанавливает выдачу свидетельства о праве на наследство, тем самым защищая права такого наследника. В связи с этим возникает обоснованный вопрос: почему за не рожденными детьми признаются права имущественного характера, но отрицаются личные неимущественные, в том числе право на жизнь? Можно ли в таком случае утверждать, что за насцитурами признаются отдельные элементы гражданско-правового статуса? Не будет ли это значить, что гражданско-правовой статус приобретает человеком раньше, чем конституционно-правовой, при том, что в части первой Гражданского кодекса РФ четко прописано, что правоспособность возникает только с момента рождения человека?

На наш взгляд, на все перечисленные вопросы не может быть дан положительный ответ. Подобно тому, как государства не могут обладать частичным суверенитетом, физические лица не могут иметь частичную правоспособность. Обе эти категории представляют собой целостные явления, не подлежащие дроблению.

Наличие прав и свобод у человека напрямую обусловлено его правоспособностью, то есть способностью быть субъектом права, вступать в правоотношения и т.д. До момента рождения человек обезличен, у него нет имени, факт его существования нигде не отражается, кроме как в документах медицинской организации, в которой беременная женщина становится на учет, что также не является обязательным. Более того, неизвестно родится ли ребенок живым, не умрет ли он во время родов и т.д.

Относительно существования норм наследственного права о постумах можно заключить, что наличие зачатого, но еще не родившегося наследника, признается юридическим фактом, с которым законодатель связывает наступление определенных юридических последствий.

Таким образом, мы приходим к выводу, что право на жизнь, как и иные права, принадлежащие человеку, возникают лишь с момента его рождения.

Пристатейный библиографический список

1. Почепко А. И., Тимошенко И. В. Конституционно-правовой статус личности в России: понятие, состав, структура и особенности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. - 2018. - № 1. - С. 28-31.
2. Игнатьев А. Ю. Понятие конституционно-правового статуса личности в Российской Федерации // Правоведник. - 2018. - № 1. - С. 67-69.
3. Конституционное право: университетский курс в 2 томах // А. И. Казанник. Т. 1. 2015. - М: Проспект, 397 с.
4. Гнездилова Я. А. Право на жизнь: понятие, законодательное закрепление, юридические гарантии защиты // Право и порядок: приоритетные направления развития. - 2019. - № 82-87.

АРХИПКИНА Анастасия Сергеевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

КОВАЛЕНКО Алина Витальевна

магистрант 1 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРАВО НА СВОБОДУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЙ

В статье рассматривается конституционное право на свободу предпринимательской деятельности, его особенности, а также проблемы реализации, связанные с вводимыми в конституционно значимых целях ограничениями прав субъектов предпринимательской деятельности.

Авторами приведены примеры классификации существующих ограничений, формируемых посредством инспирирования действий как самого государства, субъектов предпринимательской деятельности, так и внешних факторов окружающей среды. Исследовано влияние на объем реализации права на свободу предпринимательской деятельности, выявлены их негативные и позитивные характеристики, проиллюстрированные примерами.

Обращено внимание на актуализацию рассматриваемого вопроса, связанную с временными ограничениями (и их последующим послаблением) ввиду ухудшения эпидемиологической обстановки в стране, а также обострившейся политической ситуацией на мировой арене.

В результате исследования приведены пути совершенствования системы реализации и защиты конституционного права на свободу предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: конституционное право, права человека, свобода предпринимательства, предпринимательская деятельность, реализация прав человека, ограничения прав человека, санкции.

ARKHIPKINA Anastasiya Sergeevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice

KOVALENKO Alina Vitaljevna

magister student of the 1st course of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice

THE RIGHT TO FREEDOM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: THE SCOPE OF ITS IMPLEMENTATION UNDER RESTRICTIONS

The article examines the constitutional right to freedom of entrepreneurial activity, its features, as well as the problems of implementation associated with restrictions on the rights of business entities introduced for constitutionally significant purposes.

The author provides examples of classification of existing restrictions formed by inspiring the actions of both the state itself, business entities, and external environmental factors. The influence on the volume of realization of the right to freedom of entrepreneurial activity is investigated, their negative and positive characteristics are revealed, illustrated by examples.

Attention is drawn to the actualization of the issue under consideration related to temporary restrictions (and their subsequent relaxation) due to the deterioration of the epidemiological situation in the country, as well as the aggravated political situation on the world stage.

As a result of the research, the ways of improving the system of implementation and protection of the constitutional right to freedom of entrepreneurial activity are given.

Keywords: constitutional law, freedom of entrepreneurship, entrepreneurial activity, implementation, restrictions, COVID-19, geopolitical situation, sanctions.

Архипкина А. С.

Коваленко А. В.

Конституция Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ) является основным нормативно-правовым актом, обладающим высшей юридической силой на всей террито-

рии РФ, закрепляющим основы общественно-экономического строя государства, его государственно-территориальное устройство, основные права и свободы человека и гражданина, организацию и систему государственной власти и управления; устанавливающим базис правопорядка и законности. Его принятие положило начало формированию нового этапа в развитии российской государственности, построенном на основе принципов демократического и правового госу-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.02.2022).

дарства, высшей ценностью которого выступает человек, его права и свободы, а признание, соблюдение и защита этих прав и свобод являются обязанностью государства (статья 2 Конституции РФ).

Конституционные (или основные) права и свободы являются неотъемлемыми правами и свободами, принадлежащими человеку от рождения (а в надлежащих случаях – в силу его гражданства) и составляющими фундамент правового статуса личности. Это гарантированные законом возможности пользоваться различными благами для удовлетворения своих потребностей (в этом проявляется их ценность как для отдельно взятой личности, так и всего общества в целом).

В науке конституционного права, не смотря на существование множества классификаций основных прав и свобод человека и гражданина, наиболее общей принято считать их систематизацию по сферам общественных отношений, которая помимо гражданских и личных, политических, социальных и культурных прав, содержит блок экономических прав. Значимость каждого из них неоспорима.

Экономические права направлены на свободное распоряжение факторами хозяйственной деятельности. Они предусматривают, в том числе, право на свободу экономической деятельности, включающее правомочия на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, при реализации которых граждане могут выбирать сферу этой деятельности и пользоваться конституционной защитой предоставленного им права (статья 34 Конституции РФ). При этом его основными гарантиями выступает свобода экономической деятельности, включающая: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции (часть 1 статьи 8 Конституции РФ).

Таким образом, граждане могут самостоятельно определять сферу предпринимательской деятельности, осуществлять ее как непосредственно, так и путем создания организаций, в том числе, коммерческих (например, хозяйственные общества), участвовать в них единолично или совместно с другими гражданами и юридическими лицами.

Развивая конституционные положения, закон определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (пункт 1 части 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)).²

Между тем, закон также допускает ограничение предоставляемых им прав на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (преамбула, статья 8, часть 1; статья 34, часть 1; статья 35, часть 2; статья 55, часть 3 Конституции РФ).

Согласно Конституции РФ, не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и не-

добросовестную конкуренцию (статья 34, часть 2), на установление таможенных границ, пошлин и каких-либо иных барьеров для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств (статья 74, часть 1).

С учетом изложенного, можно сделать вывод об относительности характера права на свободу предпринимательской деятельности: данный факт указывает на ограниченность его реализации в конституционно значимых целях с учетом требований необходимости, соразмерности и справедливости.

Между тем, принимаемые и применяемые законодателем ограничения не должны нарушать разумного баланса между публичными интересами общества и экономическими правами отдельных индивидов (их объединений), посягать на само существо гарантируемого права³. Регулируя деятельность коммерческих организаций, законодатель обязан учитывать, что возможные ограничения их свободы и свободы договоров должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными целям защиты конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство – обеспечивать частное и публичное начала в сфере экономической деятельности⁴.

Реализация данного права зависит не только от человеческих способностей и возможностей, но и в значительной степени от участия властей, деятельность которых должна быть ориентирована на создание условий, обеспечивающих права и законные интересы граждан в этом направлении⁵.

Отсюда следует, что ограничения прав и свобод – это прямо установленные законом правила-препятствия, вызванные необходимостью соблюдения прав и законных интересов иных предпринимателей, потребителей, общества в целом, и установление которых допускается только при наличии обоснованной соразмерности создаваемых границ в осуществлении субъективного гражданского права степени, охраняемого этим ограничением законного интереса иных лиц.

- 3 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.01.2018 № 10-О «По жалобе граждан Лебедик З.О., Мельникова Д.А. и Шатшнайдера В.И. на нарушение их конституционных прав статьями 2 и 10 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и пунктом 4 Указа Президента Российской Федерации «О свободе торговли»: Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201801300009> (дата обращения: 22.02.2022).
- 4 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 69 Воздушного кодекса Российской Федерации, подпункта 1 пункта 2 статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 3 и 6 Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям на возмещение недополученных ими доходов от предоставления услуг по аэропортовому и наземному обеспечению полетов воздушных судов пользователей воздушного пространства, освобожденных в соответствии с законодательством Российской Федерации от платы за эти услуги, в связи с жалобами публичного акционерного общества «Аэропорт Кольцово» и акционерного общества «Международный аэропорт Нижний Новгород»: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302459/ (дата обращения: 22.02.2022).
- 5 Доклад Уполномоченного по правам человека в Красноярском крае от 05.04.2010 «О проблемах реализации конституционных прав и свобод граждан на территории Красноярского края в 2009 году»: «Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края». - № 13 (384) - 05.04.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon-region2.ru/2/198843/> (дата обращения: 22.02.2022).

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 21.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021): СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=402655&dst=100001#WaqseySWEurqA1WL> (дата обращения: 22.02.2022).

В то же время, их внедрение в повседневную жизнь, несмотря на наличие конкретных целей, не всегда оправдано, ввиду чего законодатель получает обратный эффект – административные барьеры, отсутствие разумного баланса интересов и многие другие неблагоприятные феномены приводят к ущемлению прав предпринимателей как участников гражданско-правовых отношений и, как следствие, сдерживают развитие рынка.

В качестве существующих ограничений права на свободу предпринимательской деятельности выступают не только запреты на осуществление определенных видов предпринимательской деятельности, но и запреты для отдельных субъектов. Например, такие ограничения могут быть связаны с профессиональной деятельностью субъекта (с государственной службой, установленные для федеральных и мировых судей, и пр.), с его банкротством, с последствиями, возникшими ввиду совершения им противозаконных действий, с признанием лица в установленном порядке недееспособным и в других случаях [1].

Также выделяются ограничения по правовому признаку: добровольные (к примеру, право учредителей коммерческих организаций на установление перечня видов деятельности и их закрепление в учредительных документах этих организаций, которыми будут заниматься создаваемые ими юридические лица – часть 1 статьи 49 ГК РФ) и обязательные (формируемые государством).

В настоящее время к существенным проблемам, указывающим на несовершенство российского законодательства, следует отнести, как было ранее подмечено, наличие искусственно создаваемых нормативными правовыми актами органов власти административных препятствий, либо затрудняющих деятельность субъектов экономической деятельности, либо полностью ее исключающих.

Таким образом, среди правовых ограничений, устанавливающих пределы дозволенного поведения субъектов предпринимательской деятельности, выделяют [2]:

функции публично-правовых образований – ограничения гражданских прав субъектов имущественного оборота (лицензирование конкретных видов предпринимательской деятельности – статья 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁶; налогообложение, предусматривающее как общий режим, так и специальные налоговые режимы (упрощенная система налогообложения (гл. 26.2 Налогового кодекса Российской Федерации) и др.);

непосредственно процедура реализации публичных функций: а) диспозитивная (право на произвольное вмешательство в частные дела субъектов, выраженное путем внесения изменений в законодательство РФ, принятием новых законов, устанавливающих запреты на осуществление конкретных видов деятельности – статья 5 Федерального закона «О государственном регулировании деятельности по прове-

дению азартных игр»⁷); б) императивная – органы публично-правовых образований обладают определенным кругом полномочий и обязаны их реализовывать в соответствии с детальными требованиями (примеры: невмешательство банка в договорные отношения клиентов⁸; порядок и основания проведения плановых и внеплановых проверок юридических лиц⁹);

низкое качество реализации государственными органами своих функций либо их неэффективность, в том числе, с участием коррупционной составляющей.

Стоит отметить, что вышеназванные ограничения могут внедряться законодателем не только в качестве самостоятельных элементов, но как комплекс мер, направленных на стимулирование экономической деятельности; а с учетом их неблагоприятных последствий, приводить к злоупотреблению и нарушению конституционного права на свободу предпринимательства.

Таким образом, можно говорить о существовании не только правовых проблем реализации исследуемого права (наличие правовых коллизий, противоречивых законов, отсутствии четкой регламентации взаимодействия государства и предпринимателей и т.д.), но и об иных факторах, непосредственно влияющих на реализацию права на свободу предпринимательской деятельности, в частности, организационных (связанных с регистрацией юридических лиц), недостаточностью финансовых ресурсов, отсутствием доступа к недвижимости (дефицит приспособленных помещений), низкой квалификацией персонала и пр.

На сегодняшний день вопрос эффективности реализации данного права продолжает оставаться актуальным, а в связи с введением временных запретов и последствиями коронавирусной инфекции (COVID-19), обострившейся политической ситуацией в стране и на мировой арене, его границы расширились и привели к трансформации проблемы на новый уровень.

В период пандемии государство разрабатывало и принимало необходимые меры государственной поддержки предпринимателей (введена отсрочка по налогам и по уплате арендных платежей, программа кредитной поддержки, установлено безвозмездное финансирование, мораторий на банкротство и на проверку бизнеса, снижены страховые взносы и др.), в то же время, ограничения, связанные с интенсивностью роста заболеваемости граждан, привели к организационным проблемам и значительным материальным издержкам, убыткам, снижению спроса и предложения на товары и услуги, в том числе, к выходу компаний с рынка, банкротству и прекращению их деятельности.

7 Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения: 22.02.2022).

8 Положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2021 № 64765): СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_394047/ (дата обращения: 22.02.2022).

9 Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 22.02.2022).

6 Федеральный закон от 30.04.2021 № 123-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах», статью 1 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» и признании утратившими силу Постановления Верховного Совета Российской Федерации «О порядке введения в действие Положения о порядке лицензирования пользования недрами» и отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383361/ (дата обращения: 22.02.2022).

Как отмечается Правительством РФ, к числу более пострадавших отраслей экономики в результате распространения новой коронавирусной инфекции, относятся гостиничный бизнес, общепит, организации культуры, бытовых услуг, допобразования, спортивные, физкультурно-оздоровительные предприятия и др.¹⁰

Таким образом, несмотря на достижение государством целей по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, снижению уровня заболеваемости населения, совершенствованию механизмов поддержки рыночной экономики, предприниматели оказались ограничены в реализации права, предоставляемого им статьей 34 Конституции РФ, а в некоторых случаях – и вовсе лишены возможности его применения.

Между тем, вопрос об объеме ограничения права на свободу предпринимательства актуализировался введением против России новых санкций, причиной которым послужило непринятие действий РФ по признанию независимыми Донецкой и Луганской Народных Республик¹¹, и, как следствие, проведение специальной военной операции на Украине.

Политические дилеммы не являются целью настоящего исследования, однако их отрицательное воздействие уже оказало значительное влияние на российскую и мировую экономику: рост курса доллара, разрыв дипломатических отношений со многими странами, вводимые санкции против России в сфере торговли, нацеленные на секторы российской промышленности (оборонно-промышленный комплекс, самолетостроение, судостроение), эмбарго на поставки в Россию товаров и технологий, которые используются в авиационном и космическом секторах, а также принятие Россией ответных мер; приостановлена работа некоторых аэропортов, Россия исключена из Совета Европы, а Международный Олимпийский Комитет на обсуждение спортивных федераций поставил вопрос переноса или отмены всех спортивных соревнований, которые должны пройти в России и Белоруссии. Перечисленные события – малая часть последствий, которая претерпевает рыночная экономика РФ, а вместе с ней и бизнес.

Предприниматели оказались снова ограниченны в своих действиях, а их предпринимательская деятельность подвержена большому риску. Например, рост курса доллара повлечет за собой увеличение цены не только на иностранные товары, работы и услуги, но и на удорожание результатов отечественного производства (поскольку российские производители взаимодействуют с импортными комплектующими или сырьем). Это приведет к снижению предложения и спроса. Отсутствие прибыли поспособствует тому, что предприниматель понесет убытки, не сможет заплатить налоги, внести плату за аренду помещений, платеж по кредиту и т.д.

Подводя итоги настоящего исследования, можно говорить о следующем. Конституция РФ закрепляет правовые основы национальной экономической системы, включающей рыночную экономику, единство экономического пространства, поддержку конкуренции, защиту всех форм собственности и право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; в качестве основ конституционного строя гарантируются необходимые для функционирования рыночной экономики условия.

Вместе с тем, федеральный законодатель уполномочен ограничивать предоставляемые Конституцией РФ права, в том числе, право на свободу экономической деятельности. Между тем, ограничение этого права не должно приводить к его умалению.

В настоящее время система реализации и защиты экономических прав и свобод личности в Российской Федерации весьма далека от совершенства. Для эффективной реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность важна многосторонняя, продуманная, долгосрочная политика, постоянные, но не чрезмерные действия со стороны государства, обеспечивающие реальность его осуществления [3].

Конституционный смысл закрепления права на свободу экономической деятельности подразумевает, что политика государства должна быть направлена на создание условий, способствующих экономическому развитию страны. Нужны стабильные законы, регулирующие экономическую и хозяйственную деятельность, и государство должно обеспечить их соблюдение. В современных условиях необходима целостная, единая система конституционных средств охраны и защиты экономических прав и свобод человека и гражданина, которая могла бы стать основой для всего правозащитного законодательства РФ, правозащитной деятельности, а также для правозащитных институтов других отраслей права.

Пристатейный библиографический список

1. Кравченко Л.В. Ограничения предпринимательской деятельности: особенности российского законодательства // Вестник университета. – 2014. – № 20. – С. 1.
2. Шерин В.В. Отдельные аспекты установления ограничений гражданских прав субъектов имущественного оборота // Вестник МГОСГИ. – 2014. – № 4. – С. 39-41.
3. Грищенко Л.Л., Корабельникова Ю.Л. Право на свободу предпринимательской деятельности и проблемы его реализации в России // Юрист. – 2018. – № 4. – С. 4.

10 Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции»: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349344/ (дата обращения: 25.02.2022).

11 Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 16-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой»: СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410065/ (дата обращения: 25.02.2022).

БАХИЛИНА Алена Константиновна

студент 4 курса образовательной программы «Юриспруденция» Факультета права НИУ «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

КОДИФИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Экологическое законодательство является одной из наиболее объемных отраслей российского права, и проблема его кодификации остро стоит уже не первый год. Однако вопрос о необходимости принятия и концепции Экологического кодекса Российской Федерации по-прежнему остается дискуссионным. В статье рассматриваются проблемы и перспективы кодификации российского экологического законодательства. Приводится сравнительно-правовой анализ французского опыта систематизации экологического законодательства. Формулируются приоритетные задачи будущего Экологического кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: правотворчество, кодификация, экологическое законодательство, Экологический кодекс.

BAKHILINA Alyona Konstantinovna

student of the 4th course of the educational program «Jurisprudence» of the Faculty of Law of the National Research University «Higher School of Economics», Nizhny Novgorod

CODIFICATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION: PROSPECTS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Environmental legislation is one of the most extensive branches of Russian legislation, and the problem of its codification has been acute for many years. However, the question of the necessity of adoption and the concept of the Environmental Code of the Russian Federation is still debatable. In the article the problems and prospects of codification of the Russian environmental legislation are considered. The comparative-legal analysis of the French experience of systematization of environmental legislation is presented. Priority tasks of the future Ecological Code of the Russian Federation are stated.

Keywords: legislation, codification, environmental legislation, Environmental Code.

Бахилина А. К.

С древних времен человек боролся с природой. Сначала он отвоёвывал у нее свое право на существование, пищу и кров, но с изобретением парового двигателя расстановка сил изменилась – человек вырос и осмелел, стал забирать. Затянувшееся потребительское отношение человека к природе породило целый ряд глобальных экологических проблем, которые теперь, в 21 веке, ни много ни мало, ставят под вопрос само существование человечества как биологического вида. Эти проблемы требуют эффективного и незамедлительного решения.

Безусловно, существует несколько направлений работы над глобальными экологическими проблемами, и, очевидно, что наибольшего успеха можно добиться именно при комплексном подходе, однако не стоит недооценивать роль совершенствования экологического законодательства как одного из ключевых способов решения существующих экологических проблем.

Говоря о совершенствовании законодательства, мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о необходимости создания единого экологического закона – Экологического кодекса. Стоит отметить, что в ряде зарубежных стран (например, Франция, Швеция, Казахстан) такие кодексы уже существуют, в то время как для нашей страны вопрос о необходимости принятия ЭК РФ вот уже не первое десятилетие остается дискуссионным.

Несмотря на то, что сама отрасль экологического права сравнительно молода, вопрос о кодификации законодательства об охране окружающей среды уже неоднократно вставал перед российским законодателем. Так, отдельные предложе-

ния о создании ЭК высказывались еще в 70-80-е годы прошлого века, тогда же примерно возникла дискуссия о том, нужен ли нам вообще единый кодифицированный акт и если нужен, то каким ему быть?

С новой силой вопрос о кодификации экологического законодательства разгорелся в первом десятилетии 2000-х. Выдающиеся ученые (в том числе М.М. Бринчук, С.А. Боголюбов, А.К. Голиченков, И.А. Игнатьева) изучали эту проблему в своих научных трудах, спорили и предлагали свое видение будущего ЭК. В 2007 году даже началась работа над проектом предполагаемого ЭК РФ, однако дальше проекта эта законодательная инициатива так и не ушла. Причиной тому называют, в частности, отсутствие стройной концепции будущего кодекса, реорганизацию курировавших проект органов власти и экономический кризис в стране [9]. Затем, кажется, попытки разработать ЭК РФ несколько утихли, однако вопрос о необходимости создания Кодекса никуда не исчез и остается по-прежнему актуальным.

Нужно сказать, что на теоретическом уровне большинство авторитетных ученых сходятся на том, что Экологический кодекс России все-таки нужен, главный вопрос здесь скорее заключается в том, возможен ли Экологический Кодекс на данном этапе развития российского законодательства и если он возможен, то каким ему быть?

Еще 10 лет назад И. А. Игнатьева писала по этому поводу, что Экологический кодекс должен «назреть», его принятие должно быть «остроактуальным» и вырасти из уже проработанной почвы российского экологического законодательства [5].

А.К. Голиченков, в свою очередь, сформулировал критерии для определения возможности кодификации российского экологического права в данный период времени, т.е. критерии готовности российской почвы для рождения из нее ЭК РФ:

Перечислим эти критерии:

- а) стабильность экологического законодательства;
- б) внутреннее единство системы экологического законодательства;
- в) максимальное соответствие системы экологического законодательства системе экологического права;
- г) соответствие системы федерального экологического законодательства системе экологического законодательства субъектов Федерации;
- д) наличие практики применения экологического законодательства и ее обобщений;
- е) научная обоснованность кодификации экологического законодательства (наличие юридической концепции формирования нового экологического законодательства) [4].

20 лет назад, когда эти критерии были только сформулированы, автором презюмировалось абсолютное несоответствие им текущего законодательства, не слишком многое изменилось, кажется, и теперь.

Так, несмотря на тот факт, что с момента публикации А.К. Голиченковым статьи, где были сформулированы данные критерии прошло уже два десятилетия российское экологическое законодательство по-прежнему сложно назвать стабильным и единообразным. Вместе с тем, определенные шаги к улучшению ситуации все-таки были сделаны: например, приняты самостоятельные Земельный, Водный и Лесной кодексы, они внесли определенную ясность в регулирование данных подотраслей. Между тем, действующее российское экологическое законодательство весьма объемно: помимо самостоятельных кодексов, оно включает в себя также огромное количество других законодательных актов, актов, принимаемых Президентом, Правительством и органами исполнительной власти. С одной стороны, это хорошая база для создания будущего Экологического кодекса, но с другой – эта база столь сложна и запутана, что ее систематизация становится если не большой проблемой, то определенным вызовом для законодателя. Так, акты, регулирующие охрану окружающей среды в Российской Федерации, нередко содержат в себе ряд правовых коллизий, повторяют друг друга и зачастую носят отсылочный характер. Все это усложняет процесс кодификации.

В то же время, тот факт, что сегодня экологическое законодательство не отвечает в полной мере критериям стабильности, единства и соответствия, указывает на наш взгляд не на то, что с ЭК нужно подождать, а скорее на то, что именно ЭК должен эту проблему решить, систематизировать экологическое законодательство и привести его к единообразию.

Процесс этот, как представляется, будет сложным и кропотливым, однако, учитывая, что в результате мы рассчитываем получить хорошо продуманный и тщательно проработанный акт, исключающий существующие правовые коллизии и собирающий вокруг себя всю систему экологического законодательства, оправданный.

Вероятно, противники принятия ЭК возразили бы здесь, что кодекс рискует получиться чрезмерно объемным и неудобным в использовании, однако, рассчитывая на то, что в процессе разработки кодекса будут исключены все коллизионные и повторяющиеся друг друга нормы, кодекс вряд ли рискует получиться более абстрактным, чем, например, ГК.

Таким образом, отсутствие системы в текущем экологическом законодательстве, на наш взгляд, это скорее, не препятствие для создания ЭК, а, напротив, достаточная (хотя и запутанная) база для его создания и, если можно так выразиться, лакмусовая бумажка, обличающая необходимость его принятия.

Далее, возвращаясь к оценке возможности разработки и принятия будущего ЭК на данном этапе развития российской правовой системы, нельзя обойти вниманием проблему общей экологической культуры государства и общества, а именно, ее зачаточного состояния. Самые базовые принципы права указывают на то, что законы – должны соблюдаться и нет смысла писать законы, которые исполняться не будут. Бесспорно, для того, чтобы будущий Экологический Кодекс работал, общество должно быть к нему готово, а для того, чтобы общество стало готово – необходимы мероприятия по повышению его экологической культуры, некоторые из которых, нужно отдать должное, уже имеют место быть (например, внедрение предмета «экология» в программы российских общеобразовательных школ). Все это в очередной раз указывает на необходимость тщательной предварительной подготовки почвы для принятия кодекса.

Разумеется, такая подготовка будет иметь исключительное значение и при решении вопроса о том, *каким кодексу быть*. Очевидно, прежде всего необходимо определиться с концепцией будущего кодекса и здесь, как нам кажется, есть смысл обратиться к опыту стран, в которых уже приняты и успешно работают экологические кодексы.

Как было указано выше, на сегодняшний день экологические кодексы существуют в правовых системах Швеции, Франции и Казахстана. Конечно, едва ли какой-то один из них можно принять за абсолютный эталон для будущего Российского ЭК, однако, опыт принятия французского ЭК, на наш субъективный взгляд, представляется наиболее близким к российской реалии.

Так, говоря об Экологическом кодексе Франции, прежде всего, хочется обратить внимание на то, как его разработчики справились с массивом систематизируемого законодательства – путем инкорпорации французский законодатель создал Экологический кодекс, который, как одеяло из лоскутов, собрал воедино все самые важные для французского экологического права источники. Именно подобное соединение в одном акте международных, национальных, публичных и частных норм, имеющих отношение к окружающей среде, позволили выделить экологическое право во Франции в отдельную отрасль.

Будучи созданным путем инкорпорации, французский ЭК получился весьма объемным. Однако, несмотря на то, что кодекс включает в себя 7 книг, он обладает достаточно четкой структурой, в которой легко ориентироваться и найти нужную норму. Вместе с тем, даже при таком значительном объеме исчерпывающего характера французский ЭК не носит и в ряде его положений содержатся прямые отсылки к другим актам. Последнее, в свою очередь, чрезмерно абстрактным кодекс также не делает. Со своей основной задачей – структурировать нормативный массив и создать правовой костяк отрасли, Экологический кодекс Франции, как кажется, справляется довольно успешно. Вполне четко в тексте документа прослеживаются и основные идеологические направления политики государства в сфере окружающей среды. Так, уже из оглавления ЭК Франции ясно, что своей главной миссией кодекс избирает сохранение ландшафтов, почвы, воздуха и воды, а также оберегание дикой фауны и флоры.

Несомненным достоинством Экологического кодекса Франции, на которое, вероятно, стоит обратить внимание российскому законодателю, является процесс его создания. Так, к разработке Экологического кодекса во Франции были привлечены не только чиновники и профессиональные юристы, но также и представители науки и общественности. Именно такой подход, по оценкам экспертов, позволил сделать кодекс более «живым» и эффективным, поскольку, за счет более широкой выборки мнений, многие риски были просчитаны и учтены заранее [6].

Тем не менее, учитывая различия национальных правовых порядков, принять Французский ЭК за абсолютный идеал и просто снять с него кальку также нельзя. Здесь лишь стоит обратить внимание на несколько моментов: 1) то, в какую стройную и логичную структуру укладывается, казалось бы, необъятный массив законодательства; 2) то, как созданный закон позволяет проследить основные идеологические направления экологической политики; и 3) то, какому широкому общественному резонансу был предан кодекс на этапе разработки и как положительно это сказалось на его итоговом варианте.

Наряду с этим, принимая в качестве примера французский опыт систематизации экологического законодательства, необходимо помнить, что ЭК Франции был составлен путем инкорпорации. Вопрос о том, насколько такой способ структуризации законодательства актуален для нашей страны является спорным и открывает простор для дискуссии, охватить которую целиком в рамках настоящей статьи мы не сможем.

Так, с одной стороны, идея объединить все имеющиеся отношение к экологии нормы под крышей единого закона кажется вполне логичной, но в то же время ей корреспондирует опасение в создании безразмерного акта с необоснованно перегруженной структурой. Ведь в составе российского экологического законодательства уже фигурирует ряд самостоятельных кодексов: Земельный, Водный, Лесной, Градостроительный и т.д., к положениям которых вполне можно обратиться путем отсылки, не перенося их в текст самого ЭК.

Остается вопрос: каким же все-таки быть предстоящему ЭК РФ?

Попробуем порассуждать на эту тему, оттолкнувшись от цели его создания. Так, российский Экологический кодекс видится, прежде всего, документом, который составит ядро экологического законодательства государства и задаст направление его экологической политике. Очевидно также, что будущий ЭК РФ должен быть принят на замену действующему ФЗ «Об охране окружающей среды», который, будучи уже немолодым и структурно неидеальным актом едва ли в достаточной мере отвечает тем вызовам, которые время ставит перед современным экологическим правом. Так, ФЗ «Об охране окружающей среды», представляя собой на данный момент главный закон российского экологического права, делает явный крен в сторону только охраны среды, несправедливо игнорируя урегулирование природоресурсных отношений. Между тем, если следовать подходу С.А. Боголюбова (чья точка зрения кажется нам наиболее верной) экологическое право представляет собой совокупность актов, регулирующих отношения как в сфере охраны окружающей среды, так и в части рационального использования ее компонентов [2]. Подобная концепция созвучна, в свою очередь, и идее устойчивого развития.

Отсюда делаем вывод о том, что одной из основных задач, поставленных перед Экологическим кодексом Россий-

ской Федерации, на сегодняшний день, является достижение баланса между природоохранными и природоресурсными отношениями. Такой кодекс также должен стать стержнем для всего экологического законодательства и, тем самым, подчеркнуть его выделение в самостоятельную отрасль права. От него ожидаются четкая структура и сопутствующая его разработке «чистка» действующего законодательства. Его хочется видеть ориентиром для укрепления экологической политики государства и отражением идеи гармонизации экологических, экономических и социальных интересов.

Такой закон, совершенно очевидно, потребует тщательной предварительной проработки и сопутствующего пересмотра уже существующего законодательства. Однако, хочется верить, что при должном внимании со стороны государства и общества, подобный кодекс действительно имеет все шансы получиться современным, эффективным и жизнеспособным.

Пристатейный библиографический список

1. Боголюбов С.А. Проблемы и задачи Экологического кодекса // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 15-21.
2. Боголюбов С.А. Экологическое право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 482 с.
3. Бринчук М.М., Редникова Т.В. Кодекс окружающей среды Швеции // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 36-39.
4. Голиченков А.К. Концепция Экологического кодекса Российской Федерации: Основные положения современность // Современное экологическое право в России и за рубежом. – 2001. – № 19. – С. 19-28.
5. Игнатьева И.А. Кодификация экологического законодательства: современные проблемы и условия применения // Экологическое право. – 2008. – № 1. – С. 16-19.
6. Калиниченко В.Т. Экологический кодекс Франции // Экологическое право. – 2010. – № 6. – С. 44-46.
7. Лушина Л.А. Кодификация экологического законодательства: теория и практика // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: материалы конф. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. – С. 765-772.
8. Петрова Т.В. Идеи В.В. Петрова о кодификации законодательства об охране окружающей среды и современность // Экологическое право. – 2009. – № 2-3. – С. 68- 75.
9. Петрова Т.В. О проекте Экологического кодекса Российской Федерации // Россия в окружающем мире. – 2009. – № 12. – С. 76-90.
10. Понуровская В.В. О необходимости Экологического кодекса для устранения противоречий в российском законодательстве // Экологические угрозы и национальная безопасность России: материалы конф. – М.: Академия МНЭПУ, 2016.
11. Концепция проекта Экологического кодекса Российской Федерации. 08.10.2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/660/?special_version=Y.
12. Code de l'environnement. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074220/>.

ВЕДМАНОВА Екатерина Валерьевна

студент Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета

НИКЕРОВ Дмитрий Михайлович

доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности Байкальского государственного университета

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЗАНЯТИЕ СПОРТОМ: НА ПУТИ ОТ ДЕКЛАРАЦИЙ К МЕХАНИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ

Физическая культура, спорт, движение – это необходимые составляющие жизни каждого. Человек по своей природе активное существо, однако если раньше это помогало ему выжить, то в настоящее время каждый волен сам выбирать себе образ жизни. За последние два века такие большие спортивные события, как Олимпиады, чемпионаты мира, этапы кубка мира по зимним и летним видам спорта в различных странах, все больше вызывают отклик по всему миру, повышая интерес людей разных возрастов к занятию спортом. Однако не менее важным и интересным остается вопрос правового регулирования данного права в разные периоды времени и обеспечение реализации права на занятие спортом сейчас.

Ключевые слова: спорт, права человека, право на спорт, конституционное регулирование, сравнительный анализ.

VEDMANOVA Ekaterina Valerjevna

student of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University

NIKEROV Dmitriy Mikhaylovich

associate professor of Legal support of national security sub-faculty of the Institute of State Law and National Security of the Baikal State University

THE RIGHT TO SPORT: FROM DECLARATIONS TO IMPLEMENTATION

Physical exercise, sport and movement are an essential part of everyone's life. Man is by nature an active being, but whereas in the past this helped him to survive, nowadays everyone is free to choose his own way of life. Over the past two centuries, major sporting events such as the Olympics, world championships, and World Cup events in winter and summer sports in various countries have been increasingly resonating around the world, raising interest in sport among people of all ages. However, the question of the legal regulation of this right in different periods of time and the enforcement of the right to sport now remains equally important and interesting.

Keywords: sport, human rights, right to sport, constitutional regulation, comparative analysis.

Ведманова Е. В.

Никеров Д. М.

В феврале 2022 года в Китае прошли 24-е по счету зимние Олимпийские игры, участие в которых принял 2871 спортсмен из 91 страны, для сравнения 20 лет назад в Солт-Лейк-Сити было 2399 спортсменов из 77 стран. Стоит просто посмотреть на состав стран-участниц (в некоторых из них даже нет снега), чтобы понять, какое влияние оказывает спорт на людей и международные отношения между странами. Более того, проведение крупных международных мероприятий и фестивалей, достижения спортсменов на крупных международных соревнованиях формируют имидж страны, демонстрируют уровень его развития.

Важность права на занятия спортом (права на спорт) исходит не только из естественной потребности человека к физиологическому саморазвитию, но и из интересов государства в сохранении здоровья нации. Именно поэтому каждая страна стремится улучшить данную сферу деятельности, в том числе посредством нормативного закрепления как основ претворения в жизнь права на спорт, так и гарантий его реализации.

История и философия спорта уходит корнями в Древнюю Грецию, где в 776 году до нашей эры начали проводить-

ся Олимпийские игры. Правила участия в играх, конечно же, были, однако дошли до нас лишь в художественной литературе, не было никаких актов, которые бы их закрепляли. Данный подход был распространен длительное время.

Стоит ли говорить, что права человека были признаны и закреплены еще позже, впервые естественное право было закреплено в Декларации независимости США 1776 года. «В ее преамбуле получили отражение основополагающие идеи эпохи Просвещения: о равенстве всех людей перед законом и их неотъемлемом праве на «жизнь, свободу и стремление к счастью», об общественном договоре как источнике политической власти» [6]. После этого была принята первая и до сих пор действующая конституция – Конституция США 1787 года. Сразу стоит отметить, что в конституции право на спорт не отражено, однако в поправке IX закреплено, что закрепление в Конституции одних прав народа не отрицает и не умаляет другие.

В 1789 году была принята Декларация прав человека и гражданина, ставшая главным итогом Великой французской революции, в которой к естественным правам были отнесены свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право

на сопротивление угнетению. Как мы видим, на данном этапе шло формирование правового регулирования и закрепления только основных естественных первоначальных прав человека и право на спорт к ним не относилось.

Утверждение права на спорт как одного из необходимых прав человека связано с возрождением современных Олимпийских игр и принятием Олимпийской хартии как устава Международного Олимпийского комитета. Именно в данной хартии одним из основополагающих принципов Олимпизма было закреплено право на занятие спортом как одно из прав человека и возможность заниматься спортом, не подвергаясь дискриминации, в духе взаимопонимания, дружбы, солидарности и честной игры.

В настоящее время помимо данной хартии право на спорт имеет свое закрепление и в других международных актах, например, статья 1 Международной хартии физического воспитания и спорта 1978 года называется «занятие физическим воспитанием и спортом – основное право каждого человека». Среди региональных международных актов можно выделить Спортивную хартию Европы 1992 года, в которой указано, что страны должны взаимодействовать между собой и предпринимать какие-либо действия, чтобы позволить каждому индивиду заниматься спортом.

Однако, чтобы данные нормы реализовывались, необходимо закреплять их и в национальном праве, потому что нормы международных договоров будут обязательны для государства, только если оно является его участником и одним из способов выразило согласие на обязательность для себя данного договора.

Для того чтобы определить формы закрепления права на спорт, границы и особенности регулирования права, гарантии его реализации в конституциях зарубежных государств был проведен анализ 51 конституции стран с различных континентов, так как «одним из важнейших юридических свойств Конституции является ее высшая юридическая сила» [1, с. 14].

Сразу необходимо отметить факт отсутствия таких норм и вообще какого-либо упоминания о спорте в конституциях 29 анализируемых государств (56,9%), в частности Дании, Франции, Германии, Японии, США, Мексики, Гватемалы. Однако в пяти конституциях стран из этой группы есть указания на то, что перечисление в Конституции одних прав не исключает признание других, которые также присущи человеческой личности (статья 126 Конституции Никарагуа). Похожая по содержанию норма содержится в конституциях Боливии (статья 33), Гондураса (статья 81), Доминиканской Республики (статья 7) и США (поправка IX).

В конституциях пяти государств право на спорт рассматривается именно в части занятия спортом, закрепляется как отдельное самостоятельное право и помещается в разделы, положения которых посвящены основным правам, обязанностям, свободам и гарантиям каждого. Например, в Конституции Кубы в статье 52 раздела VII указано, что «все имеют право на физическое воспитание, занятия спортом и развлечения». Также к этому числу относятся конституции Португалии (статья 79), Бразилии (статья 217), Венесуэлы (статья 111) и Египта (статья 84). Интересно отметить, что Конституция Египта отдельно в статье 81 закрепляет, что государство обязано гарантировать в том числе спортивные права карликов и лиц с ограниченными возможностями, то

есть закрепляя для указанной категории лиц, инвалидов, отдельную гарантию реализации данного права.

Из анализа конституций видно, что нормы о спорте чаще всего содержатся вместе с социально-экономическими правами человека. В следующих пяти конституциях право на спорт закреплено вместе с правом на охрану здоровья. В частности, в статье 45 Конституции Республики Беларусь, прежде всего, гарантируется право на охрану здоровья, одним из средств обеспечения которого является развитие физической культуры и спорта. Право на спорт раскрывается в рамках права на здоровье также в конституциях Украины (статья 49), Испании (статья 43), Армении (статья 34) и Болгарии (статья 52).

В остальных конституциях само право на спорт не закреплено, но есть различные упоминания о нем, большая часть из которых приходится на вопросы разделения полномочий между тремя уровнями власти – центральной, региональной и местной. Основные законы многих стран относят вопросы спорта к государственной сфере регулирования, например Конституция Греции в пункте 9 статьи 16 закрепляет, что «спорт находится под защитой и верховным надзором государства». Такой же подход закреплен в конституциях Армении, Венесуэлы, Кубы, Украины, Бразилии, Португалии, Марокко, Тунисской Республики, Филиппин, Швейцарской Конфедерации и Китая.

К области конкурирующего законодательства относит спорт Конституция Италии, к ведению органов публичной власти – Конституции Испании и Румынии, причем в последней акцентируется на обеспечение органами условий для свободного участия именно молодежи в спортивной жизни страны. Конституция ЮАР в приложении 5 относит провинциальный спорт к сфере исключительных полномочий провинциальных законодательных органов, а местные спортивные учреждения – к местным управленческим вопросам.

Интересные полномочия у местного уровня предусматривает Конституция Австрии, указывая в статье 11 одним из них деятельность инструкторов по альпинизму и лыжному спорту и спортивное обучение. Также относят регулирование спорта к местному уровню конституции Перу и Андорры.

Некоторые конституции посвящают спорту не одну статью в рамках прав, а целые разделы или главы. Например, Конституция Бразилии отводит для регулирования области спорта целую секцию, в которой содержится четыре пункта и три параграфа. Отдельно стоит отметить статью 272 Конституции Венесуэлы, которая возлагает на государство обязанность оборудовать пенитенциарные заведения помещениями, в том числе для занятий спортом и организации досуга, для обеспечения реабилитации заключенных и уважения прав человека.

Если обратиться к нашей стране, то прежде всего стоит отметить, что «международные стандарты прав человека, содержащиеся в общепризнанных международных актах о правах человека, не только признаются Российской Федерацией, но и воспринимаются в качестве обязательных норм, подлежащих непосредственному применению на территории Российской Федерации» [4, с. 29]. Поэтому и в основном законе нашего государства можно увидеть упоминание спорта: в статье 41 указано, что в РФ поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию

физической культуры и спорта, это говорит о том, что законодатель определил тесную связь прав человека на спорт и здоровье. Важно, что данное положение Конституции РФ, устанавливающее права человека, входит в главу 2 и не подлежит изменению, что «обеспечивает непоколебимость указанных идей» [2, с. 98].

Общие же вопросы спорта находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов, что закреплено в пункте «е» части 1 статьи 72 Конституции РФ и позволяет отнести основной закон нашей страны к группе конституций, которые определяют вопросы спорта в аспекте разделения компетенции между центральными и региональными органами государственной власти. При этом последнее упоминание спорта было включено в Конституцию РФ в 2020 году, что свидетельствует об уделении в России особого внимания вопросам развития спорта [7, с. 108].

Иными словами, конституционное регулирование права на спорт не имеет однозначного варианта, вместе с тем, представляется, что конституционные нормы подобного содержания являются дополнительными гарантиями лучшей реализации указанного права.

Конституционные права и свободы человека и гражданина считаются важной составляющей конституционного статуса личности [3, с. 563]. Закрепление права человека на спорт в основном законе государства означает закрепление гарантии реализации этого права на самом высоком законодательном уровне и признание государством значения спорта для общества.

Не стоит забывать, что и в нашей стране, и в ряде других государств право на спорт закреплено в иных нормативно-правовых актах федерального уровня, к тому же в части 1 статьи 55 Конституции РФ сказано, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Данное положение непосредственно относится и к праву на спорт, и, закрепляя в ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007 № 329-ФЗ правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в Российской Федерации, государство подчеркивает значимость и необходимость данного права как для каждого человека, так и для государства в целом, поскольку указанный вопрос является фундаментальным для функционирования общественной системы [8, с. 1].

Согласимся с мнением американского профессора Элиса Роя, утверждающего, что «спорт часто рассматривается как роскошь, а не как право человека, однако на базовом уровне спорт воплощает многие фундаментальные права человека, такие как свобода передвижения, свобода собраний и право на отдых и досуг» [цит. по: 5, с. 105]. Несмотря на то, что в основных законах только половина государств упоминает спорт и лишь небольшая часть закрепляет само право на него, право на занятие им, все же данное право является одним из базовых и необходимых для человека, что подтверждается в принятии в рамках данной сферы как отдельных международных актов, таких как Международная хартия физического воспитания и спорта и Олимпийская хартия, так и региональных договоров, например, Спортивная хартия Европы, а также различных внутригосударственных документов.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатенко В.В., Петров А.А. Особенности итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о толковании Конституции Российской Федерации // Академический юридический журнал. – 2018. – № 4 (74). – С. 14-20.
2. Лавыгина И.В. Иллюзорность отдельных конституционных положений в пенологии // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 1. – С. 97-103.
3. Леонова С.В. Конституционный принцип социальной солидарности как основа консолидации российского общества и государства // Известия Байкальского государственного университета. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 562-567.
4. Литвинцева Н.Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 2. – С. 28-36.
5. Тимофейчик Т.Н. Право на занятие спортом: понятие и международно-правовое закрепление // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2015. – № 4 (196). – С. 105-110.
6. Трояновская М. О. Декларация независимости США 1776. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://w.histrf.ru/articles/article/show/dieklaratsiia_niezavisimosti_ssha_1776 (дата обращения: 15.02.2022).
7. Чернядьева А.С. О необходимости закрепления права на спорт в российском законодательстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 4 (58). – С. 107-113.
8. Якимова Е.М. К вопросу о фундаментальности предпринимательской деятельности как научной категории // Baikal Research Journal. – 2018. – Т. 9. – № 1. – С. 1.

АШИТКО Мария Валерьевна

соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

ПРАВО РЕБЕНКА НА ЖИЗНЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье рассмотрены проблемные вопросы конституционных положений о праве ребенка на жизнь как особую форму биологического существования материи, что является одним из важных элементов демографической политики Республики Беларусь. Изучены и обсуждены мнения юристов, а также ученых иных сфер научной деятельности о праве ребенка на жизнь с момента зачатия, плодного периода и его рождения. Проведен анализ соответствия норм действующего законодательства Республики Беларусь и норм международного права, определены пути совершенствования правового обеспечения относительно защиты права ребенка на жизнь в условиях общественной и социальной действительности Республики Беларусь.

Ключевые слова: право ребенка на жизнь, Конституция Республики Беларусь, гражданское правовое, трудовое, уголовное законодательство Республики Беларусь.

ASHITKO Mariya Valerjevna

competitor of the National Center of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus

THE RIGHT OF THE CHILD TO LIFE AS AN ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL PROVISIONS THAT DETERMINE THE DEMOGRAPHIC POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article deals with the problematic issues of the constitutional provisions on the child's right to life as a special form of the biological existence of matter, which is one of the important elements of the demographic policy of the Republic of Belarus. The opinions of lawyers, as well as scientists from other fields of scientific activity on the right of a child to life from the moment of conception, the fetal period and his birth, were studied and discussed. The analysis of the compliance of the norms of the current legislation of the Republic of Belarus and the norms of international law was carried out, ways of improving the legal support regarding the protection of the child's right to life in the conditions of public and social reality of the Republic of Belarus were determined.

Keywords: the child's right to life, Constitution of the Republic of Belarus, civil, labor, criminal legislation of the Republic of Belarus.

Ашитко М. В.

Выбор темы настоящей статьи обусловлен многими обстоятельствами: 1) необходимостью формирования национальной политики в сфере реализации прав ребенка исходя из результатов систематизации теоретических знаний и существующей практики в области конституционного права Республики Беларусь; 2) пробелами в теоретическом осмыслении проблем детства на современном этапе развития общества; 3) наличием в обществе проблем демографического характера; 4) существующими коллизиями в содержании положений действующего законодательства и нормативных правовых актов, определяющих точку отсчета начала жизни ребенка; 5) необходимостью решения практических задач, позволяющих сохранить подрастающее поколение здоровым и жизнестойким; 6) необходимостью приведения правовых норм и терминов, существующих в отечественном законодательстве мировым стандартам; 7) актуальностью разработки основ конституционно-правового статуса ребенка при возникновении локальных конфликтов и решении в этой связи проблемы жизни и выживания детей; 8) возникновением новых, а равно развитием традиционных технологий ухода за ребенком, возможностью оказания им высокоспециализированной медицинской помощи; 9) необходимостью создания единой научно обоснованной системы реализации права ребенка на жизнь с определением задач для государственных и негосударственных структур и институтов; 10) необходимостью создания и реализации долгосрочной государственной

политики в сфере охраны права ребенка на жизнь и единой правовой базы в этом направлении.

Следует отметить, что из всех конституционных положений право на жизнь имеет для ребенка наибольшее значение. Понимание данного обстоятельства в обществе, органах государственной власти неслучайно. Поэтому данная тема характеризуется актуальностью не только для юристов, но широко дискутируется учеными самых различных специальностей и направлений. Так, современный толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой под термином «жизнь» понимает около тридцати толкований, приведем некоторые из них: 1. « Жизнь - особая форма существования материи, возникшая на определенной ступени ее развития, главным признаком и отличием от неживых объектов является обмен веществ; 2. Жизнь - время от рождения до смерти человека или животного; 3. Жизнь-деятельность общества и человека во всей совокупности ее проявлений» [1].

Безусловно, на решение общих вопросов регулирования правового статуса ребенка, и в особенности его права на жизнь, непосредственное влияние оказывают и современные философские представления о жизни, положения теоретического характера о правах человека и общей теории конституционного права, а также результаты историко-правовых исследований.

При анализе международных документов, обсуждаемых концепцию права человека на жизнь, следует отметить, что

международное сообщество констатирует и предопределяет особое место права ребенка на жизнь. Указанное право закреплено в статье 3 Всеобщей декларации прав человека 1948г., Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. Таким образом, право на жизнь является одним из основных прав человека, в том числе и ребенка, защищаемых нормами международного права. Так, в статьях 12-16 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. впервые была зафиксирована необходимость определения фундаментальных прав человека непосредственно у детей [2].

Декларируемые Конституцией Республики Беларусь положения позволяют с уверенностью утверждать соответствие конституционных национальных норм международному праву, так как в положениях Конституции Республики Беларусь правовой статус ребенка является составным элементом правового статуса человека как такового, что говорит о гарантиях равной правовой защиты конституционных прав любого человека без его возрастных признаков. Подтверждением этому является факт конституционного декларирования права человека на жизнь, закрепленный в статье 24 Конституции Республики Беларусь, которая устанавливает, что человек, в широком смысле понимания данного термина (в том числе человек-ребенок), его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства [3]. Более того, при анализе содержания положений второго раздела Конституции Республики Беларусь обращает на себя внимание наличие таких употребляемых в нормах Конституции словосочетаний как: «каждый имеет право ...» (ст. 21, 24, 28), никто не может ...» (ст. 23), «все равны ...» (ст. 22), «каждому гарантируется ...» (ст. 33, 34, 44, 45). На наш взгляд, применение законодателем таких словосочетаний не является случайностью и свидетельствует о том, что положения второго раздела Конституции относятся не только к конституционным, основополагающим правам граждан Республики Беларусь, но и к правам граждан (поданных) иных государств и лиц без гражданства, находящихся на территории нашего государства. Все это подтверждает то, что Конституция Республики Беларусь как единственный источник государственной власти рассматривает конституционное право на жизнь, как фундаментальное (первостепенное), неотчуждаемое и абсолютное право человека, в том числе и ребенка. Таким образом, на первый взгляд прямо не воспринимаемые элементы правового статуса ребенка, на самом деле в Конституции Республики Беларусь отражены в более широком смысле, поскольку под понятием «ребенок» понимается прежде всего человек как таковой, не зависимо от периода его физического развития.

Такое конституционно закрепленное отношение к правам человека-ребенка характеризуется прогрессивностью, тем более, что в научном сообществе до сих пор не сложилось единого представления о начале жизни человека-ребенка как биологического субстрата. Думается, что это обстоятельство обусловлено отсутствием прежде всего единого мнения ученых о моменте происхождения жизни вообще, а также разнообразием философских учений о формах жизни и основах существования человека в тех или иных условиях его жизни.

Если исходить из того, что важной характеристикой жизни человека является наличие у него возможностей участвовать в его общественно-правовых отношениях, то в содержании терминологического словосочетания «право ребенка на жизнь» следует усматривать наличие его правоспособно-

сти. Возникает проблема соотношения понятий правоспособности и правосубъектности ребенка в различные периоды его жизни. При этом под правоспособностью мы понимаем способность ребенка иметь права и обязанности, являющиеся необходимой предпосылкой субъективного права, т.е. правосубъектности ребенка. Поэтому, раскрывая содержание понятия «право ребенка на жизнь», мы исходим из того, что правоспособность следует понимать как наличие общей способности быть субъектом тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены действующим законом, а правосубъектность – это наличие конкретного права принадлежащее отдельно человеку, в нашем случае – ребенку.

Следует отметить, что проблема правового статуса ребенка, в том числе и правового статуса не родившегося ребенка, не остается без внимания со стороны представителей различных научных специальностей и направлений. Так, обращая внимание на существующую проблему, Всемирная Организация здравоохранения в 1994 году дала определение понятию «репродуктивное здоровье», которое предполагает благополучие детородных процессов и функций этой системы на всех этапах жизни [9]. Сегодня такого рода рекомендации в Республике Беларусь восприняты не только научным, но и общественным сообществом.

Таким образом, основываясь на положениях Конституции Республики Беларусь и норм действующего законодательства, мы вправе утверждать, что для того чтобы любой человек мог реализовать свою правоспособность и стать обладателем субъективного права, в том числе и права на жизнь, необходим юридический факт. Такой точкой отсчета является факт рождения ребенка. В Российской Федерации в статье 17 Конституции отмечено, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения [4]. В Конституции Республики Беларусь точного определения начала человеческой жизни не дано. В этой связи, мы считаем, что в правовом плане жизнь ребенка состоит как из его правоспособности, так и его правосубъектности, которые неотделимы от существования человека и не зависят от его здоровья, возраста, иных свойств, а также от того может или нет ребенок самостоятельно осуществлять свои права. В рамках настоящей статьи, следует, на наш взгляд, затронуть дискуссионные вопросы конституционно-правового статуса еще не родившегося ребенка. В юридической литературе такой ребенок именуется термином «наситурус» (лат. nasciturus), т.е. «тот, кто должен родиться». Сам институт правовой охраны интересов зачатых, но еще неродившихся детей (так называемых насцитуров) был известен со времен Римского права, где отмечалось, что зачатый ребенок считается уже родившимся, если этого требуют его интересы [5]. В наше время термин «наситурус», в какой-то степени, отражает продолжающиеся среди представителей самых различных научных специальностей споры об отношении к человеку-ребенку во время его внутриутробного развития. Исходя из этого, интерес представляют суждения отдельных представителей научного сообщества как Российской Федерации, так и Республики Беларусь. Так, российский конституционалист Е.В. Перевозчикова, рассматривая проблему правового статуса неродившихся детей, считает, что конституционное право на жизнь реализуется через репродуктивные права, как разновидность личных прав, которые являются подвидом личных прав человека [6]. Поддерживая точку зрения Е.В. Перевозчиковой о репродуктивных правах, Н.И. Беседкина отмечает, что конституционное право ребенка на жизнь должно в первую очередь обеспечиваться правом на сохра-

нение и поддержание жизни, в том числе и правом на рождение, которое российским законодательством не регулируется. Н.И. Беседкина также считает, что наличие комплекса правовых мер по созданию и обеспечению механизма реализации и защиты прав и свобод ребенка (даже еще и не родившегося) важно для выхода государства из демографического кризиса, поддержания его территориальной целостности [7]. В Республике Беларусь С.М. Сивец в своем диссертационном исследовании затрагивал проблему признания неродившегося ребенка субъектом права. Автор пришел к выводу, что возникающие общественные отношения и явления, относящиеся к проблеме признания еще неродившегося ребенка субъектом права, имеют чрезвычайно высокую степень государственной, социальной значимости и непосредственно затрагивают право человека на жизнь. Он также отмечает и имеющуюся парадоксальную ситуацию, заключающуюся в необходимости практического решения проблем, затрагивающих основополагающее право человека на жизнь при отсутствии конкретных правовых норм, в полном объеме регулирующих данную область общественных отношений [8].

Не оставляет без внимания данную проблему и видный конституционалист Республики Беларусь профессор Г.А. Василевич. Особый интерес представляют его высказывания о том, что защита еще не родившегося ребенка должна быть связана с правом беременной женщины на жизнь и телесную неприкосновенность [9].

В то же время законодатель Республики Беларусь четко определил общие положения права ребенка – человека на жизнь без определения его возраста, факта рождения или внутриутробного состояния:

– Часть 1 ст. 32 Конституции Республики Беларусь, в которой «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [3];

– Гражданское законодательство также закрепляет институт охраны прав и интересов еще не родившегося ребенка с определением правоспособности ребенка до его рождения. Об этом свидетельствуют положения п. 2 ч. 1 ст. 957 ГК, где устанавливается, наличие прав ребенка потерпевшего, зачатого, но родившегося после смерти потерпевшего, на возмещение вреда, понесенного в результате смерти кормильца [10].

– Следует подчеркнуть, что гражданское законодательство Республики Беларусь также закрепляет институт охраны прав и интересов еще не родившегося ребенка (в том числе и эмбриона) в виде отдельных положений наследственного права. Так например, ч. 1 ст. 1037 ГК относит к наследникам и по завещанию, и закону – граждан, находящихся в живых, в момент открытия наследства, а также зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства [10].

– В сфере уголовно-правового законодательства законодатель в ст. 49, 52-55 УК устанавливает запрет применения к беременным женщинам определенных видов уголовного наказания, а наличие беременности, является обстоятельством смягчающим наказание, о чем указывает п. 10 ч. 1 ст. 63 УК. Более того, в соответствии со ст. 93 УК Республики Беларусь беременной женщине судом может быть предоставлена отсрочка исполнения наказания [11].

В современной научной литературе продолжают дискуссии ученых самых различных специальностей о точке отсчета признания ребенка человеком. Обобщение научных суждений дает нам возможность выделения трех подходов к определению начала человеческой жизни, при котором у человека – ребенка возникает право на жизнь. Первый пери-

од – с момента его зачатия; второй – с начала плодного развития внутриутробного развития; третий период – с момента рождения. Исходя из этого, охарактеризуем выделенные нами периоды начала человеческой жизни. Для анализа различных мнений обсуждаемой нами проблемы остановимся на юридических вопросах «критических периодов» развития ребенка.

1. Право на жизнь с момента зачатия. Этот этап внутриутробного развития ребенка называется эмбриональным. По срокам данный период обычно длится до 8 недель. Следует отметить, что проблема определения правового статуса эмбриона человека, находится в постоянном внимании представителей научного сообщества. Так, к данной проблеме интерес проявляли такие ученые-юристы как: Н.А. Белобрагина, Е.В. Перевозчикова, Г.Б. Романовский, Я.В. Бардашевич, Т.Н. Пунько и др. Анализ их суждений дают нам основания выявить наличие трех подходов к определению правового статуса человеческого эмбриона. Первый – эмбрион человека является субъектом права и полноправным участником правоотношений, который должен быть приравнен к правосубъектности человека. Второй подход – эмбрион является объектом права, поскольку его можно рассматривать как а) вещь, по поводу которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера и б) часть организма матери, приравненная к органам и тканям человека. Третий подход – отсутствие правового статуса у человека-эмбриона.

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь позволяет нам говорить о том, что до настоящего времени законодатель проявляет гибкость в решении, связанном с необходимостью надления эмбриона человека правоспособностью.

В действующем Законодательстве Республики Беларусь, в частности Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 июля 2012 г., дано определение понятия эмбриона, характеризуемого как период раннего развития живого организма. Вместе с тем в самих положениях названного закона регламентация правового статуса эмбриона и даже его признаков почему-то отсутствует [12].

С эмбриональным периодом развития ребенка тесно связаны вопросы прерывания беременности. Необходимо отметить, что в 1983 году Всемирной Медицинской Ассоциацией была принята декларация о медицинских абортах, где одним из основных принципов деятельности врача, которым он должен руководствоваться в своей лечебной практике, значится принцип уважения к человеческой жизни с момента ее зачатия. Более того, в толковом словаре конституционных терминов и понятий право на жизнь трактуется как гарантированный государством запрет лишать любого человека жизни [13]. В этой связи, как нам представляется, проявляя интерес к проблеме регламентации права на жизнь ребенка с момента его зачатия, ученые-конституционалисты в своих суждениях опираются как на названные нами источники, так и на положения, изложенные в Декларации прав ребенка, где особо подчеркивается то, что ребенок нуждается в специальной охране и заботе, включая и надлежащую правовую защиту, как до так и после его рождения [14]. При этом конкретный срок внутриутробного развития ребенка ими во внимание не принимается и не обозначается. И это, по - видимому, правильно, так как примеры тому в международной практике имеются. Так, в гражданском кодексе Аргентины существует положение, что жизнь человека начинается с момента его зачатия и нахождения в утробе матери. С это-

го момента индивид приобретает некоторые права еще до рождения, как если бы он уже был рожден [15]. Аналогичная правовая практика имеется и в Соединенных Штатах Америки, где в Уставе Федерального консультационного комитета по исследованиям, касающимся человека, человеческий эмбрион определен как «человеческий субъект» [16].

Белорусский правовед Т.Н. Пунько, исследуя проблему правоспособности эмбриона человека, высказывает точку зрения, что человеческий эмбрион есть специфический объект правоотношений, и это позволяет производить с эмбрионом не запрещенные законом манипуляции, что фактически подтверждает наличие существования практики вовлечения эмбрионов человека в гражданском обороте [17]. В то же время следует обратить внимание на содержание ст. 2 Закона Республики Беларусь «О трансплантации органов и тканей человека» от 04.03.1997 г. № 28-3 (в ред. от 01.01.2015 г.), в которой нет упоминания о человеческом эмбрионе, что говорит о том, что положения названной нормы не могут быть распространены на эмбрион человека [18]. Подтверждением тому и содержание Постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. где отмечено, что операционное вмешательство на предмет искусственного прерывания беременности у женщины разрешено только в срок до 12 недель беременности и менее.

2. С 9 недели внутриутробного развития ребенка начинается период, определяемый как плодный. С точки зрения медицинской, социальной и правовой составляющих наиболее «критичный период» беременности женщины относится двенадцати недельному развитию плода, поскольку считается, что к этому сроку все части тела и органы ребенка уже являются сформированными. В тоже время, исходя из положений действующего законодательства, фактическое посягательство на плод, находящегося в утробе матери, а равно посягательство на плод при незаконном производстве аборта, законодателем как убийство не квалифицируется, но рассматривается как криминальное деяние только в случаях причинения женщине тяжкого вреда (например, ст. 147 УК)[11].

Действительно, анализ действующего законодательства Республики Беларусь показывает, что проблеме правового обеспечения периода плодного развития ребенка законодателем уделяется должное внимание. Правовую охрану еще не родившегося ребенка-плода обеспечивают следующие положения:

– Наличие права женщины на свободу репродуктивного выбора, ограниченного сроком периода беременности до 12 недель. Именно с этого периода жизни человека-плода возникает жизненный приоритет развития и рождения будущего ребенка. Это отражено в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении Республики Беларусь». Ст. 27 Закона и предусматривает право женщины самостоятельно решать вопрос о материнстве, при этом как по согласию женщины, так и в отношении несовершеннолетней при наличии письменного согласия ее законного представителя, может быть проведено искусственное прерывание беременности (аборт), но при сроке беременности не более 12 недель [19];

– Закон Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» в ст. 10 Закона устанавливает право на пособие женщине, в том числе суррогатной матери, ставшей на учет в организациях здравоохранения Республики Беларусь до 12 – недельного срока беременности [20];

– Однако здесь нельзя не учитывать и другую сторону рассматриваемой нами проблемы. Так, если исходить из

того, что период внутриутробного развития плода является точкой отсчета социальной и материальной поддержки, осуществляемой государством для рождения ребенка, то мы считаем совершенно справедливым высказывания Д.Г. Василевича о том, что: «Реализация соматических прав, их правовое обеспечение связаны с требованием уважения человеческого достоинства. При этом право на достоинство имеет также и не родившийся человек, которое в Республике Беларусь реализуется, прежде всего социальной и материальной поддержкой беременной женщины государством» [21]. В соответствии с ч. 3 ст. 184 ТК назначается с 30-й недели беременности пособие по беременности и родам продолжительностью 126 календарных дней, а равно предоставляются гарантии социального и трудового права [22].

– Более того, законодатель определяет и требования профилактического характера, направленные на воспрепятствование прерывания беременности. Так, исходя из положений ч. 1 ст.27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении Республики Беларусь» законодатель предусматривает необходимость обязательного проведения преабортного психологического консультирования женщин, обратившихся за проведением искусственного прерывания беременности. Однако здесь следует отметить, что такое положение закона мы считаем несовершенным. Наше мнение исходит из основополагающих требований ст. 21 Конституции Республики Беларусь о том, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства, и государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, а также ст. 22 Конституции Республики Беларусь о том, что брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства, и супруги равноправны в семейных отношениях. С точки зрения поддержки отцовства и гендерного равноправия мужчины и женщины при разрешении вопросов прерывания беременности мы считаем необходимым и даже обязательным проводить и психологическое консультирование отца человека-ребенка. В ходе такого консультирования возникает возможность выяснения мнения отца для осознанного принятия решения, связанного с прерыванием беременности своей беременностью, что также предполагает защиту прав и интересов отца еще не родившегося ребенка. Такое консультирование целесообразно проводить и в отношении мужчины (отца не родившегося ребенка), не состоящего с женщиной в браке. Считаем, что такого рода обстоятельство будет способствовать не только усилению гарантий равноправия женщин и мужчин в сфере их социальных правоотношений, но и способствовать реализации демографической политики государства.

Таким образом, по действующему законодательству плод периода внутриутробного развития, как объект правовой защиты и государственного интереса, уже с 12 – недельного срока законодателем признан особым субъектом права, обладающим правоспособностью в виде права на жизнь, но не имеющим других прав и обязанностей. Такая позиция государства соответствуют содержанию Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г. и Конвенции о правах ребенка 1989 г., в преамбулах которых закреплено: «Ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после его рождения [2; 11]. Названные в преамбулах обстоятельства, являются важными для понимания того, что международная общественность посредством содержания указанных международно-правовых актов, обращает внимание руководителей государств на необходимость установле-

ния обязательств по правовой защите еще не родившегося ребенка, что, однако, не тождественно признанию правосубъектности человека с момента зачатия.

3. Факт рождения является следующим «критическим периодом» правоспособности ребенка. В этой связи неслучайно некоторые ученые, рассматривая проблему правоспособности и правосубъектности ребенка, склонны считать, что субъективные права могут возникнуть только у реально существующего объекта. Примером являются высказывания М.И. Малениной, которая считает что: «Несмотря на то, что зачатый ребенок в будущем может стать субъектом права, вряд ли следует рассматривать его в качестве обладателя правоспособности и другими правами еще до его рождения» и в качестве констатации такого суждения М.И. Маленина отмечает, что «субъективные права могут возникнуть лишь у реально существующего объекта» [23].

Законодатель Республики Беларусь признает правоспособность ребенка только с момента рождения ребенка. Такое положение следует из норм правоспособности, определяющих возникновение правоспособности только в момент рождения человека. Именно об этом свидетельствует установленная уголовным законом ответственность за убийство ребенка во время родов или непосредственно после них (ст. 140 УК РБ), а в случае насильственного прерывания беременности действия виновного уголовный закон квалифицирует как причинение тяжкого вреда женщине (ст. 147 и ст. 155 УК) [18].

При этом вопросы права ребенка на жизнь в последние годы претерпевают новую интерпретацию, что обусловлено прежде всего успехами высокотехнологичной медицинской помощи и возможности выхаживания плода с весом 500 грамм. Здесь возникает сложная проблема определения уровня жизнеспособности новорожденного. Данное обстоятельство потребовало пересмотра понятия зрелости и жизнеспособности ребенка. Следует пояснить, что до недавнего времени, определяя правовой статус ребенка, подающего признаки жизнеспособности, прежде всего исходили из состояния его зрелости во время внутриутробного развития, которое обычно продолжается в среднем около 280 дней или в течение 40 недель. В Республике Беларусь сегодня руководствуются критериями живорождения и мертворождения Всемирной Организации здравоохранения. Так, согласно положениям Приказа Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 09.11.1993 № 254 «живорождением является полное изгнание или извлечения продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности. Причем плод после такого отделения дышит и проявляет другие признаки жизни, такие как сердцебиение, пульсация пуповины или определенные произвольные движения мускулатуры, независимо от того перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Каждый продукт такого рождения рассматривается как живорожденный» [24; 25].

Таким образом, проведенный нами анализ права ребенка на жизнь в нормах международного права и действующего законодательства Республики Беларусь свидетельствуют о необходимости совершенствования правового обеспечения правового статуса ребенка в условиях современного развития общественной и социальной действительности, а также высоких медицинских технологий, обеспечивающих жизнеспособность ребенка при малом сроке беременности.

Выводы:

1. Исходя из положений ст. 24 Конституции Республики Беларусь, законодатель рассматривает конституционное право на жизнь, как фундаментальное (первостепенное), неотчуждаемое, абсолютное право человека.

2. В Республике Беларусь общий конституционный статус ребенка с правом на жизнь, как биологического существа, характеризуется всей полнотой прав и свобод человека, что вытекает из положений 2-го раздела Конституции Республики Беларусь и использованием законодателем в данном разделе таких словосочетаний как: «каждый имеет право», «никто не может быть», «все», «гарантируется право», «все равны».

3. Плод человека с 12 – недельным сроком внутриутробного развития является особым субъектом права, характеризующийся своей правоспособностью в виде права на жизнь, не имеющий других прав и обязанностей и являющийся объектом правовой охраны государством, что закреплено в: 1. положениях ч.1 ст. 32 Конституции Республики Беларусь; 2. имеющемся ограничении права женщины на свободу репродуктивного выбора при сроке беременности более 12 недель; 3. праве получения беременной социальной и материальной поддержки; 4. уголовно-правовой защите беременной женщины, совершившей уголовно-наказуемое деяние; 5. институте защиты прав и интересов еще не родившегося ребенка в виде наследственного права.

4. Целесообразно, исходя из принципа равной ответственности обоих родителей, вопрос о материнстве и прерывании беременности решать не только женщине (матери), но и мужчине (отцу) еще не родившегося ребенка, даже если мужчина и не состоит с женщиной в браке. Такого рода обстоятельство соответствует положениям ч. 1 ст. 32 Конституции Республики Беларусь и должно быть воспринято законодателем в качестве дополнения в редакцию текста ч. 1 ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении». В этой связи предлагаем внести в содержание ч. 1 ст. 27 названного закона «О здравоохранении» текст следующего содержания: «При решении вопроса о прерывании беременности проводить консультирование отца еще не родившегося ребенка с выяснением его мнения относительно искусственного прерывания беременности, даже если мужчина, как отец еще не родившегося ребенка, не состоит с женщиной в браке». Считаем, что предлагаемое нами дополнение в редакцию названной нормы Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» будет являться одним из элементов обеспечения проводимой в Республике Беларусь демографической политики.

Пристатейный библиографический список

1. Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка: три в одном: орфографический, словообразовательный, морфемный: ок. 20 000 слов, ок. 1 200 словообразоват. единиц. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 699 с.
2. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи, 20 нояб. 1989 г. // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 06.08.2020.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. 27 февраля 2022г. – Минск: На-

- циональный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. – 78 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>. – Дата доступа: 06.08.2020.
 5. Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты / Пер. и примеч. И.С. Перетерского; отв. ред. Е.С. Скрипилев. – М.: Наука, 1984. – 456 с., С. 35.
 6. Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Казань, 2006. – 137 л.
 7. Беседкина Н.И. Конституционно-правовая защита прав неродившегося ребенка в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02; Моск. гуманитар. ун-т. – М., 2005. – 23 с.
 8. Сивец С.М. Конституционные основы права человека на жизнь: теория и практика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.
 9. Василевич Г. Правовая защита индивидуального самоопределения // Законность и правопорядок. – 2009. – № 2. – С. 41-44.
 10. Гражданский кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г.: с изм. и доп., вступившими в силу с 01.08.2020 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 11. Уголовный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 12. О вспомогательных репродуктивных технологиях. [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 7 июля 2012 г., № 341-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 13. Толковый словарь конституционных терминов и понятий / [М. А. Краснов, В. А. Кряжков]. – М.: Городец, 2006. – 474 с.
 14. Декларация прав ребенка: принята резолюцией 1386 (XIV) Генер. Ассамблеи ООН, 20 нояб. 1959 г. // Организация Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml. – Дата доступа: 04.08.2020.
 15. Legistive History of the Convention on thr rights of the child (1978-1989) / United National Centre for Human Rights. – New York: United Nations, 1995. – P. 39
 16. Миклашевская А. Американским эмбрионам дали статус человека, но пока не уравнили с ним в правах // Коммерсантъ. – 2002. – 1 нояб. – С. 5.
 17. Пунько Т.Н. Правовой статус эмбриона // Науч. тр. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – Вып. 13. – С. 179-187.
 18. О трансплантации органов и тканей человека. [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 4 марта 1997 г., № 28-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.06.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 19. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 21.10.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 20. О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 21 дек. 2005 г., № 73-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
 21. Василевич Д.Г. Соматические права: законодательство и актуальные вопросы практики // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. – Минск, 2019. – Вып. 14. – С. 109-116.
 22. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3, принят Палатой представителей 8 июня 1999 года, одобрен Советом Республики 30 июня 1999 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/trudovoj_kodeks_rb.htm
 23. Малеина М.Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50-59.
 24. Публикации о репродуктивном здоровье // Всемирная организация здравоохранения. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.who.int/reproductivehealth/publications/gender_rights/ru/. – Дата доступа: 13.08.2020.
 25. Приказ-постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, государственного Комитета Республики Беларусь по статистике и анализу 9 ноября 1993 г. № 254/75 «О переходе на рекомендованные Всемирной Организацией Здравоохранения критерии живорождения и мертворождения».

МАЛЛАЛИЕВА Гульнара Гусейновна

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируя положения действующего законодательства о свободе слова в деятельности средств массовой информации, автор приходит к выводу, что конституционное право на свободу слова не абсолютно и для сохранения национальной безопасности и конституционного строя страны устанавливаются некоторые ограничения. Так в свете последних событий, вступил так называемый закон «О фейках». Руководствуясь данным законом в Уголовный кодекс Российской Федерации, были внесены поправки, в части несения уголовной ответственности за распространение ложных сведений за публичную дискредитацию Вооруженных сил РФ и др. К тому же, говоря о некоторых ограничениях свободы слова в деятельности СМИ можно сказать, что уровень свободы слова в целом выступает показателем демократичности модели государственно-политического устройства. Однако в силу различных причин объективного и субъективного характера массмедиа не являются абсолютно свободными и независимыми в своей деятельности.

Ключевые слова: СМИ, свобода мысли, свобода слова, журналист, право на информацию.

MALLALIEVA Gulnara Huseynovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM OF SPEECH IN THE ACTIVITIES OF THE MEDIA IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Analyzing the provisions of the current legislation on freedom of speech in the activities of the media, the author comes to the conclusion that the constitutional right to freedom of speech is not absolute and certain restrictions are established to preserve national security and the constitutional order of the country. So, in the light of recent events, the so-called law "On fakes" came into force. Guided by this law, amendments were made to the Criminal Code of the Russian Federation, in terms of criminal liability for disseminating false information, for publicly discrediting the Armed Forces of the Russian Federation, etc. In addition, speaking about some restrictions on freedom of speech in the media, we can say that the freedom of speech as a whole is an indicator of the democratic nature of the model of the state-political structure. However, due to various reasons of the objective and subjective nature of the mass media are not absolutely free and independent in their activities.

Keywords: Media, freedom of thought, freedom of speech, journalist, right to information.

Перечень прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации, включает в себя право на свободу слова. Будучи внешним выражением свободы мысли, свобода слова, означает право индивида публично выражать свое мнение относительно чего угодно [1, с. 229-230]. Отечественные ученые в области конституционного права, анализируя это законодательное положение, акцентируют внимание на том, что свобода слова предполагает отсутствие репрессий со стороны государства и других субъектов за выраженное мнение [2, с. 116].

Как правило, уровень свободы слова в целом и в деятельности средств массовой информации выступает показателем демократичности модели государственно-политического устройства [3, с. 127], поскольку при воцарении антидемократического режима в первую очередь открыто или завуалированно упраздняется свобода слова и устанавливается цензура. Данная аксиома подтверждается многолетним ретроспективным опытом российского государства. В данной статье нами предпринята попытка осветить проблемы реализации права на свободу слова в деятельности российских средств массовой информации на современном этапе, в особенности на фоне военно-политических действий на территории Украинской Республики и их последствий.

Давая оценку состоянию свободы слова в деятельности СМИ, необходимо в первую очередь установить роль СМИ в обществе и политическом процессе.

В теории государства и права средства массовой информации принято относить к не собственно политическим организациям, которые оказывают косвенное влияние на политическую власть, но не преследуют цели по ее завоеванию.

С развитием современных технологий, всеобъемлющей глобализацией и распространением информационно-телекоммуникационной сети Интернет, влияние средств массо-

вой информации на общественное сознание увеличилось в десятки раз по сравнению с предыдущими столетиями. Но, как отмечают исследователи, даже в 18-19 вв. пресса играла важную роль в политической жизни страны, в связи с чем сложилось устойчивое мнение о СМИ, как о четвертой ветви власти [4, с. 51].

Осуществляя деятельность по сбору, получению, проверке, обработке, производству и распространению информации, массмедиа формируют отношение потребителей информации к освещаемым в том или ином свете событиям, фактам и процессам [5, с. 157]. Особенно возрастает влияние и значимость СМИ в период предвыборной кампании, когда кандидаты на избираемые должности стремятся получить доверие избирателей и как следствие большее количество голосов.

Расширяющаяся в 21 веке сфера влияния СМИ породила проблему информационных войн, которые представляют собой прогивоборство посредством распространения информации определенного характера [6, с. 91].

Помимо этого, в свободном обществе посредством реализации средствами массовой информации права на свободу слова, обеспечивается реализация другого конституционного права граждан - права на информацию.

На сегодняшний день правовой статус средств массовой информации и журналистов определяется нормами Закона «О средствах массовой информации» (далее – Закон), который был принят в 1991 году. Данный нормативный правовой акт содержит ряд положений, гарантирующих свободу слова в деятельности СМИ, которые в целом соответствуют международным стандартам. Однако при ближайшем рассмотрении его норм, становится очевидно, что они уже не согласуются с нынешними реалиями современного мира.

Действительно, Закон предусматривает, что:

– «поиск, получение, производство и распространение массовой информации;
– учреждение средств массовой информации, владение, пользование и распоряжение ими;
– изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничениям, за исключениями, предусмотренными законодательством»¹.

Помимо этого, в нем содержится широкий перечень прав журналиста.

Свобода слова в деятельности массмедиа заключается, на наш взгляд, в том, чтобы публиковать и распространять лишь достоверные и соответствующие действительности сведения, независимо от их содержания, формы собственности издания, уровня его деятельности и т.д.

Как показывает практика, доля государственных СМИ в информационном поле в настоящее время значительно превышает долю негосударственных. Бесспорно, что, получая финансирование из государственного бюджета, издание или телеканал не могут публиковать информацию, которая дискредитирует правящую власть, ставит ее в невыгодное положение, или содержащую ее критику. Такая ситуация возможна ввиду того, что СМИ напрямую зависимы от своих учредителей [7, с. 27].

Помимо этого, на реализацию свободы слова в деятельности СМИ влияет тот факт, что журналистами признаются только лица, связанные с редакцией трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающиеся соответствующей деятельностью по ее уполномочию. Налицо еще один фактор, влияющий на свободу СМИ. Журналист одновременно попадает в зависимость от собственника редакции и от главного редактора, что не может не оказывать влияния на конечный продукт его деятельности.

Нередко, журналисты выполняют свою работу, рискуя собственными жизнью и здоровьем, поскольку сталкиваются с угрозами, обусловленными их профессиональной деятельностью. Так, прокуратурой Москвы было возбуждено уголовное дело в отношении неизвестного, который угрожал убийством журналисту ВГТРК². Подобные случаи не исключение, и к сожалению, иногда злоумышленникам удается реализовать угрозы. В качестве примера можно привести случай с журналистом телеканала «Россия» Павлом Брыкиным, которого сбита машина. Как выяснилось за рулем автомобиля, под который попал журналист, находился человек, у которого П. Брыкин пытался взять интервью³.

Что касается последних новелл законодательства о свободе СМИ, то 4 марта 2022 года в силу вступил Федеральный закон от 4 марта 2022 года № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», известный как «Закон о фейках» или «Закон о военной цензуре», предусматривающий внесение поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации в части уголовной ответственности за распространение ложной информации об использовании Вооруженных сил РФ, за публичную дискредитацию Вооруженных сил РФ и др. Его принятие было продиктовано военно-политическими событиями, происходящими в Украине, где по решению российских властей была начата специальная военная операция по демилитаризации и денацификации.

Международная обстановка в последние годы была очень напряженной и проведение специальной военной операции Вооруженными силами РФ на территории Украины послужило поводом для введения западноевропейскими странами огромного количества санкций и ограничений. Все это, естественно, получило огласку в СМИ и интернет-про-

странстве. На тему происходящего высказывались различные мнения, подчас противоположные и взаимоисключающие.

Средства массовой информации, такие как радиостанция «Эхо Москвы» и телеканал «Дождь», «Медуза», «Радио Свобода», «Голос Америки», «Тайга.Инфо» и др. были заблокированы по причине распространения информации с призывами к экстремистской деятельности и насилию в отношении граждан России, массовым нарушениям общественного порядка и общественной безопасности, участию в массовых публичных мероприятиях в нарушение требований действующего законодательства, а также к насильственному свержению конституционного строя.

Подобные меры видятся вполне обоснованными по причине того, что недовольство действующей властью и ее решениями не может служить поводом для совершения противоправных действий. Публичные призывы к свержению конституционного строя и т.д. способствуют эскалации конфликта между населением и государством, поэтому СМИ должны более избирательно подходить к транслируемой ими информации.

Свобода слова, как и любая свобода не абсолютна, она имеет свои рамки и не должна противоречить интересам граждан, общества и государства [8, с. 185]. В связи с этим действующим законодательством установлены определенные ограничения с целью сохранения национальной безопасности страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что в деятельности средств массовой информации свобода слова не реализуется в полном объеме, ввиду их финансовой зависимости. Свобода слова также не всегда может быть реализована журналистами в связи с угрозами, поступающими в их адрес.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьева О.К. Право на свободу слова в информационном обществе: проблемы и перспективы // В сборнике: Актуальные проблемы права, экономики и управления. - 2021. - С. 229-230.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина и Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.
3. Бондарик Е.В. Конституционный принцип свободы слова: практики регулирования СМИ в современной России // *Общественные науки и современность*. - 2019. - № 3. - С. 123-134.
4. Ивлиев П.В., Ананьева Е.О. Средства массовой информации как четвертая ветвь власти // *Закон и право*. - 2021. - № 1. - С. 50-52.
5. Межидов М.-А. Д., Муцалов Ш.Ш. Конституционно-правовые основы свободы средств массовой информации в Российской Федерации // *Modern Science*. - 2019. - № 10-1. - С. 156-160.
6. Полканова Т.В. Ограничения и запреты в СМИ. Правовые ограничения свободы средств массовой информации: необходимость и пределы // Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию Пензенского государственного аграрного университета. - 2021. - С. 90-94.
7. «О средствах массовой информации»: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2022).
8. Быкова Т.Н. Свобода слова в СМИ в условиях современного законодательства и медиарынка в России // *Вестник Челябинского государственного университета*. - 2009. - № 39. - С. 26-28.
9. NEWS. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261942128> (дата обращения: 25.02.2022).
10. Кадочников П.А. Свобода слова в средствах массовой информации // Сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме: Всероссийская научно-практическая конференция. - 2018. - С. 184-187.

1 «О средствах массовой информации»: Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.03.2022).

2 NEWS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261942128> (дата обращения: 25.02.2022).

3 Там же.

АЛИ ДЖИХАД Аммар Раад

аспирант Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШАРИАТА С НОРМАМИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ИРАКА: AD DELIBERANDUM

В статье автор анализирует соотношение норм шариата с нормами конституционного права Республики Ирак, сопоставляя действующий правовой режим религиозных предписаний с соседними Ираку государствами. В статье подробно раскрыты положения Конституции Ирака 2005 г., касающиеся закрепления правового статуса и юридической силы шариата в правовом поле Ирака, выявлен ряд недостатков и внутренних противоречий текста Конституции в части регламентации юридической силы шариата, а также сделан положительный вывод об относительной эффективности сочетания норм шариата и декларированных демократических начал государственности в Республике Ирак. В первой части работы автор подробно анализирует положения ст. 2 Конституции Ирака 2005 г., где в качестве одного из источников права закреплено «исламское право». Внимание автора привлекло также то, что в качестве указанного источника закреплен не сам ислам как религия, а значит, самостоятельный социальный регулятор, а исламское право как особая правовая система. С целью дальнейшего определения правового положения шариата в иракской государственности, автор ссылается на практику высшей судебной инстанции Республики Ирак, которой известны случаи признания неконституционным акта, противоречащего буквальным формулировкам Корана.

Ключевые слова: Республика Ирак, шариат, ислам.

ALI JIHAD Ammar Raad

postgraduate student of the Peoples Friendship University of Russia

ISSUES OF SHARIA AND CONSTITUTIONAL NORMS INTERACTION IN THE REPUBLIC OF IRAQ: AD DELIBERANDUM

In the article, the author analyzes the correlation of sharia norms with the norms of the constitutional law of the Republic of Iraq, comparing the current legal regime of religious prescriptions with Iraq neighboring states. The article dwells upon the provisions of the 2005 Constitution of Iraq concerning the definition of the legal status of Sharia in the legal field of Iraq, reveals several obscure provisions and internal contradictions of the text of the Constitution, having positive conclusion on relative effectiveness of the Sharia norms and declared democratic principles combination. In the first part, the author analyzes in detail the provisions of Art. 2 of the 2005 Constitution of Iraq, where "Islamic law" is enshrined as one of the sources of law. The author's attention was also attracted by the fact that Islam itself as a religion, and therefore an independent social regulator, in the Constitution was replaced by Islamic law as a special legal system. To further determine the legal status of Sharia in the Iraqi statehood, the author refers to the practice of the highest judicial instance of the Republic of Iraq, which has already dealt with cases of founding unconstitutional several acts which contradicted the literal wording of the Koran.

Keywords: Republic of Iraq, Sharia, Islam.

Рассуждая об иракском конституционализме, нельзя абстрагироваться от того, что Ирак традиционно относится к исламским арабским государствам. Такое суждение допустимо не только потому, что Ирак является членом Организации исламского сотрудничества. Конституция Ирака 2005 года, как и конституции большинства стран на центрально-азиатском пространстве, не является светской и в статье 2 закрепляет ислам в качестве государственной религии. Это, однако, не отменяет клаузул о свободе вероисповедания и запрете дискриминации по религиозному признаку. В связи с этим в литературе выдвигаются даже мнения, согласно которым с точки зрения Конституции и закона норма о государственной религии не имеет юридической силы, поскольку характеристика государства как исламской страны не порождает конкретных обязанностей или прав [1, с. 38].

Конечно, было бы неразумно по этой причине отрицать влияние исламского права на нормы ныне действующей Конституции Ирака. Как известно, ислам (как правило, суннитского толка) является неотъемлемой частью социокуль-

турной идентичности народов, населяющих территории современного Ирака (за исключением большинства ассирийцев), и в разработке действующей Конституции принимали участие представители всех религиозных сил страны.

Между тем в тематической конституционно-правовой доктрине единодушно признается, что влияние ислама на текст Конституции Ирака и на современную иракскую правовую систему является не таким значительным, как это имеет место в Иране, Саудовской Аравии, ряде стран Персидского залива или ряде африканских стран с мусульманским населением. В чём это проявляется?

Прежде всего, это наглядно иллюстрируют поистине загадочные формулировки статьи 2 Конституции Ирака 2005 года, согласно которым ислам является главным источником законодательства в Ираке. Как отмечается в литературе, толкование данной конституционной нормы позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, в основу законодательства Ирака по смыслу статьи 2 Конституции 2005 года положен не ислам как ре-

Али Джихад Аммар Раад

лигия, а исламское право как особая правовая система [2, с. 527-579, 537]. С одной стороны, это является свидетельством существенного ограничения влияния ислама на конституционный текст. Об этом говорят и результаты грамматического толкования статьи 2 Конституции: норма оперирует словосочетанием «источник законодательства», но не «источник права». С другой стороны, такой подход к позиционированию ислама в правовой системе Ирака может быть оправдан тем, что Конституция Ирака закрепляет довольно бескомпромиссную клаузулу о свободе вероисповедания, которая содержится в разделе об основополагающих принципах конституционного строя (статья 2, часть 2), а также предоставляя защиту религиозным сектам и культам (статья 43).

Кроме того, в подтверждение этой точки зрения приводится аргумент о том, что ислам как религия является синкретическим понятием, вбирающим в себя противоречащие течения и учения, и при малейших сложностях в толковании, с которыми рискует столкнуться правоприменитель, принцип правовой определенности может ощутимо пострадать. С этой точки зрения ислам как религия (а не система права) является слишком широким и неопределенным понятием, чтобы служить источником законодательства, и, имея в виду конституционную гарантию свободы вероисповедания, едва ли планировалось позиционировать в качестве источников законодательства основные постулаты религии ислама [3, с. 147].

Во-вторых, Конституция Ирака 2005 года не устанавливает примат шариата, столь привычный для ряда других арабских стран [3, с. 107-108]. Это подтверждает, опять же, грамматическое толкование англоязычного конституционного текста. Так, исследователи полагают, что если термин «source» используется с неопределенным артиклем («a source»), как в действующей иракской конституции, то положение об исламе как источнике законодательства (или даже права) понимается более широко, то есть как позволяющее принимать законы и иные нормативные акты, которые напрямую не основываются на шариате. Если же указанный термин используется с определенным артиклем («the source»), то, напротив, принятие таких актов не допускается [3, с. 143-144].

Другие исследователи если и соглашаются с таким подходом к толкованию статьи 2 Конституции Ирака, то тут же обращают внимание на внутреннюю противоречивость конституционных норм. Противоречие это возникает постольку, поскольку в первом разделе ислам приравнивается к другим источникам законодательства, в то время как во втором разделе говорится, что положения ислама не должны нарушаться при принятии законов (что предполагает повышенную юридическую силу положений ислама) [1, с. 39].

С практической точки зрения это, скорее всего, означает, что нормы шариата могут и должны применяться в конкретных юридических делах, однако, имея в виду явное конституционное ограничение на применимость ислама, шариат подлежит применению в отсутствие нормы позитивного права, подлежащей применению. Иными словами, нормы шариата в Ираке могут применяться по аналогии права, то есть в качестве основополагающего принципа, которым надлежит руководствоваться в случае пробела или квалифицированного умолчания Конституции или законодательства. Так, Гражданский кодекс Ирака 1951 года прямо предусматривает такое положение, а глоссаторы добавляют, что если судьи и применяют исламское право, то они должны применять его без привязки к какой-либо конкретной школе развития ислама [3, с. 151]. Нельзя не отметить, что подобные

нормы создают реальные риски создания ситуаций правовой неопределенности. В науке справедливо отмечается, что Конституция Ирака, придавая юридическую силу исламскому праву, не наделяет юристов и даже исламские суды полномочиями по его толкованию [2, с. 551].

Другой точкой приложения практических усилий по ограниченному применению исламского права является практика Федерального Верховного суда Ирака, которая знает случаи признания закона неконституционным по мотивам противоречия его буквальным формулировкам Корана [1, с. 41]. Между тем такие прецеденты являются, скорее, исключениями, нежели правилом, памятуя о патологическом следовании Судом принципу судебного сдерживания (judicial restraint) в силу скудности правовой базы его деятельности.

Таким образом, разрешая вопрос о соотношении конституционных норм, положений законодательства Ирака и норм шариата, следует признать, что из иракской конституции напрямую не вытекает принцип примата шариата. Более того, и отраслевое законодательство необязательно должно быть с телеологической точки зрения основано на шариате; достаточно лишь, чтобы оно явно ему не противоречило [1, с. 43]. Тем самым Ирак придерживается куда более консервативного подхода к приданию нормам ислама юридической силы, чем Египет и Иран [4, с. 278].

Описанная ограниченность влияния норм шариата на конституционный текст проявляется не только в подобных фундаментальных аспектах, но и в ряде менее масштабных явлений. Так, иракское государство – одно из немногих исламских арабских государств, в котором к главе государства не предъявляется требование о принятии ислама как собственной веры [3, с. 118]. Кроме того, Конституция Ирака, формулируя генеральную конституционную оговорку об ограничении прав и свобод гражданина (статья 46) и прочие положения об ограничении прав, не называет среди легитимных целей ограничения прав исламскую нравственность, оперируя светскими категориями (сущность прав и свобод, публичный порядок, общественная нравственность и т. п.). Наконец, иракскому праву неизвестны такие традиционные для консервативного исламского права концепции, как наказание за вероотступничество (преступление по шариату) [5, с. 387-412, 398].

Бесспорно, может показаться, что крайне ограниченное влияние норм шариата на текст Конституции Ирака 2005 года проявилось также в закреплении на конституционном уровне принципа демократизма. Опровергая распространенное заблуждение, следует заметить, что принципиального противоречия между принципом демократии и исламом не существует. В целом исследования показывают, что такого противоречия нет, и, более того, указывают на наличие задатков демократического управления в исламской правовой и политической мысли, а также на существование способов сосуществования народного и божественного суверенитета [2, с. 556].

Вместе с тем уникальное взаимодействие основ исламского права и демократии в иракской конституционно-правовой плоскости вполне ожидаемо привело к некоторым трансформациям в правовом статусе личности в Ираке, которые произошли, главным образом, в контексте конкретных прав и свобод. Что же касается общерегулятивного уровня, то влияние шариата на него оказалось минимальным, что, впрочем, не отменяет необходимости рассмотрения особенностей, присущих только иракской правовой системе.

Говоря об *общерегулятивном уровне*, стоит отметить наиболее яркие особенности традиции ограничения прав и свобод в Ираке, помимо уже артикулированного отсутствия оснований ограничения прав, вытекающих прямо или косвенно из шариата. Так, исследователи отмечают отсутствие в действующей конституции Ирака генеральной конституционной оговорки об ограничении прав, которая в большинстве конституций мира закрепляет либо тест на пропорциональность ограничения прав (присущ странам с континентальной правовой системой), либо тест на балансировку конкурирующих прав и защищаемых законом ценностей (присущ странам общего права).

Действительно, статья 38 Конституции Ирака прямо предусматривает некоторые легитимные цели ограничения прав, такие как защита общественной нравственности и публичного порядка. Вместе с тем формулировка, закрепленная в данной статье, является спорной, поскольку она предлагает органам власти ограничивать свободу выражения мнений, руководствуясь двумя крайне субъективными ценностями, которые в конституционном тексте не раскрыты [1, с. 50].

Не удовлетворяет специалистов и тест, предлагаемый статьей 46 Конституции Ирака, который, кстати, закрепляет хорошо известную российскому праву концепцию о недопустимости посягательства на саму сущность ограничиваемого права. Так, в литературе указывается, что статья 46 настолько несовершенна, что Федеральный Верховный суд Ирака практически никогда не обращался к ней в своей практике, и она практически не оказывает нормативного воздействия на защиту конституционных прав в Ираке [1, с. 52].

Наконец, бросается в глаза и отсутствие требований к форме нормативного правового акта, которым допускается ограничение конституционных прав граждан Ирака. Из этого следует, что и без того неопределенным конституционным требованиям будет отвечать ограничение прав, предусмотренное подзаконным актом любого, в том числе низшего уровня. Перечисленные обстоятельства вынуждают констатировать, что культуре ограничения прав и свобод человека и гражданина в Ираке лишь предстоит сформироваться и окрепнуть.

Влияние шариата на конституционный режим защиты прав и свобод более очевидно на *уровне отдельных прав*. Прежде всего, ограниченное Конституцией 2005 года влияние исламского права и расширение положений о статусе личности привели к укреплению правовых гарантий женщин. Например, положение, позволяющее женщине передавать свое иракское гражданство своему ребенку, является необычным в регионе, и, судя по всему, иракские женщины были довольны этим положением [6, с. 2-87, 44-45]. Другой нехарактерной для исламских стран гарантией стало закрепление на конституционном уровне минимально необходимого порога участия женщин в деятельности законодательной власти: как следует из части 4 статьи 49 Конституции Ирака, не менее одной четверти от численности депутатов Совета Представителей должны составлять женщины.

Обратная сторона этой медали заключается в том, что Ирак, как и подавляющее большинство исламских стран, несмотря на собственные конституционные положения, занял довольно ортодоксальные религиозные позиции при ратификации международных договоров в области защиты прав человека. Так, обращает на себя внимание тот факт, что Ирак, присоединяясь к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, допустил

оговорки о неприменимости к нему ряда фундаментальных положений Конвенции, которые, в частности, касаются обязательства государств изменить или отменить законы, обычаи и практику, дискриминирующих женщин, в том числе соответствующие уголовные законы (пункты «f» и «g» статьи 2 Конвенции). Примечательно, что оговорки эти мотивированы не были [3, с. 174-175]. Стоит отметить, что, по оценке исследователей, имплементация норм международных договоров Ирака в его правовую систему осуществляется в соответствии с положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, представляющей собой фактически свод международно-обычных норм [6, с. 34].

Другим уязвимым элементом правозащитной системы иракского государства традиционно является защита прав национальных и религиозных меньшинств. Текстуальный анализ Конституции Ирака 2005 года показывает, что меньшинства в принципе снабжены базовыми конституционными гарантиями – иного было бы неразумно ожидать от конституции, призванной способствовать восстановлению иракской государственности после иностранной оккупации и объединению иракских народов). С другой стороны, отсутствие специального закона, устанавливающего порядок реализации административных, политических, культурных и образовательных прав меньшинств, поставило их в уязвимое положение внутри страны [7, с. 286-290, 288].

Таким образом, следует признать, что иракская правовая система показала пример достаточно эффективного, хоть и не без грубых недочетов, и органичного сочетания демократических начал, принципов защиты прав человека и основных начал шариата. Недостатки, выявленные в Конституции Ирака 2005 года в данном аспекте, вполне могут быть устранены интерпретационными и правоприменительными усилиями, в результате чего существует вероятность формирования устойчивого конституционно-правового режима недискриминации и правовой определенности.

Пристатейный библиографический список

1. Zaid Al-Ali, Yussef Aur. The Iraqi Constitution: Analysis of the Controversial Articles. Solutions and Recommendations. 1st edition // Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq. – 2020.
2. Intisar A. Rabb. «We the Jurists»: Islamic Constitutionalism in Iraq // Journal of Constitutional Law. – Vol. 10:3.
3. McDonough P. Human Rights Commitments of Islamic States. Sharia, Treaties and Consensus. – New York: Hart Publishing Bloomsbury Publishing Plc. – 2020.
4. Hansen F. The Iraqi Constitution: Upholding Principles of Democracy While Struggling to Curtail the Dangers of an Islamic Theocracy // Roger Williams University Law Review. – Vol. 12.
5. Haider A. Hamoudi. Religious Minorities and Shari'a in Iraqi Courts // Boston University International Law Journal. – 2013. – Vol. 31:387.
6. Ashley S. Deeks, Matthew D. Burton. Iraq's Constitution: A Drafting History // Cornell International Law Journal. – 2007. – Vol. 40.
7. Kawa A. Sherwanila, Abdullah O. Yassenb, Ayad Y. H. Kokhac. Minorities in Iraqi Constitution: A Critical Analysis of the Legal Discourse // Turkish Journal of Computer and Mathematics Education. – 2021. – Vol. 12.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-116-119

БЕЛОУСОВ Виктор Павлович

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович

доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И В ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ

Цель статьи заключается в исследовании конституционно-правовых основ организации и деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ. Задачи включают в себя рассмотрение современного состояния и ключевых проблем развития органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ, а также предложение рекомендаций по их совершенствованию. Объект исследования – органы местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ. Предмет исследования – процессы развития органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ. Определено, что система местного самоуправления каждого отдельного постсоветского государства функционирует в рамках определенной политической культуры и традиций, особенности ее обусловлены многими, иногда незаметными факторами, связанными с окружающей социально-политической средой, поэтому невозможно дать однозначную оценку той или иной системы местного самоуправления даже в пределах характерного для нее политико-административного контекста; еще труднее определить, как она будет действовать и функционировать при ее переносе и внедрении в нашем государстве.

Ключевые слова: конституционно-правовые основы, организации, система органов местного самоуправления, Российская Федерация, СНГ.

BELOUSOV Viktor Pavlovich

postgraduate student of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich

Ph.D. in Law, Ph.D. in economical sciences, professor of the Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENT BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND IN THE CIS MEMBER STATES

The purpose of the article is to study the constitutional and legal foundations for the organization and activities of local governments in the Russian Federation and in the CIS member states. The tasks include reviewing the current state and key problems of the development of local governments in the Russian Federation and in the CIS member states, as well as offering recommendations for their improvement. The object of the study is local governments in the Russian Federation and in the CIS member states. The subject of the study is the processes of development of local governments in the Russian Federation and in the CIS member states. It is determined that the system of local self-government of each individual post-Soviet state functions within a certain political culture and traditions, its features are determined by many, sometimes imperceptible factors related to the surrounding socio-political environment, therefore it is impossible to give an unambiguous assessment of a particular system of local self-government, even within its characteristic political and administrative context; it is even more difficult to determine how it will operate and function when it is transferred and implemented in our state.

Keywords: constitutional and legal foundations, organizations, system of local self-government bodies, Russian Federation, CIS.

Введение.

Местное самоуправление является важным фактором демократизации общественной жизни, децентрализации управления и необходимым условием становления гражданского общества. Успех реформ местного самоуправления, цель которых состоит в улучшении жизни жителей соответствующих территорий, предоставлении им более качественных услуг, зависит от способности органов и должностных лиц местного самоуправления эффективно реализовывать растущее количество полномочий, передаваемых последним со стороны органов исполнительной власти в результате децентрализации.

Значительный интерес представляют исследования отечественных ученых, таких как Т.Э. Каллагов [5, 6, 7], М.А. Троянская [10], Э.М. Хазиева [12] и др. При этом не все проблемные вопросы развития органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках

СНГ освещены современной наукой, а вопросы, связанные с современным состоянием реализации законодательства, регулирующего службу в муниципальных органах, исследованы недостаточно.

Цель статьи – исследование конституционно-правовых основ организации и деятельности органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ

Задачи статьи включают в себя рассмотрение современного состояния и ключевых проблем развития органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ, а также предложение рекомендаций по совершенствованию их деятельности. Объект исследования – система органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ. Предмет исследования – процессы развития систем органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ.

Основная часть.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] правовые основы системы органов местного самоуправления в Российской Федерации в Российской Федерации составляют Конституция Российской Федерации [1], Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 27.05.2014 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] и другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты Российской Федерации, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований и т.п.

Построение действенного демократического правового государства предполагает создание эффективной децентрализованной системы публичной власти, которая основывалась бы на верховенстве свободы и приоритете человека как высшей социальной ценности. Однако указанные задачи невозможно реализовать без развития полноценной системы органов местного самоуправления. Кроме того, именно сегодня особенно остро встал вопрос, в каком направлении будет развиваться местное самоуправление в постсоветских государствах, сможет ли этот институт решить задачи, которые на него возлагаются и какие проблемы необходимо решить для благоприятного развития системы местного самоуправления. Сегодня Россия определила новые принципы организации и функционирования всей системы органов местного самоуправления, а также ввела новейшие демократические направления ее совершенствования и действенного реформирования в условиях построения правового демократического государства, но, несмотря на значительный объем нормативно правовых документов, регламентирующих процессы становления и развития системы местного самоуправления, исследования современного состояния местной демократии показывают низкий уровень эффективности действующей в России системы местного самоуправления. При этом вопрос совершенствования современной системы местного самоуправления связан, прежде всего, с внесением изменений как в действующую Конституцию России, так и в профильное законодательство в сфере местного самоуправления, где опыт постсоветских государств, избравших действенный демократический путь, будет положительно использован для реформирования системы местного самоуправления России.

Что касается правовой регламентации системы местного самоуправления во всех постсоветских государствах, то, как правило, основу ее составляют соответствующие конституции этих государств.

Рассматривая центральноазиатские республики (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан) в процессе построения демократических местных властных структур, можно встретиться с большими трудностями, связанными с традиционным менталитетом, а именно привычкой к жесткой вертикали власти, наличия объективных интересов различных органов, противодействующих процессу становления демократической системы местного самоуправления. Систему местного самоуправления в среднеазиатских республиках составляют следующие элементы [3-12]:

– представительный орган (маслихат – Казахстан, представительный орган местного самоуправления в Узбекистане отсутствует, кэнеш – Кыргызстан, маджлис народных депутатов, джамоат – Таджикистан, генгеш – Туркменистан);

– власти и публичного администрирования, депутаты которого избираются на соответствующий срок на базе всеобщего избирательного права на соответствующей избирательной системе; исполнительный орган (местный исполнительный орган – Казахстан, мэрия – Кыргызстан, арчинлик – Туркменистан),

– председатель (мэр – Кыргызстан, институт мэра в Азербайджане отсутствует, председатель – Таджикистан, арчин – Туркменистан),

– органы самоорганизации населения (махалля – Таджикистан).

В Узбекистане и Таджикистане своим родным органом местного самоуправления является махалля. Махалля – это квартал или определенная, исторически взаимосвязанная часть города или села, население которого традиционно связано с нормами сожителства и коллективной взаимопомощи [8]. По мнению историков, махалля в Центральной Азии появилась две – три тысячи лет назад. Еще тогда такие города, как Самарканд, Бухара, Ташкент и им подобные были застроены согласно национальной архитектуре. Некоторые из них дошли до настоящего времени. Письменные источники свидетельствуют, что территориальная община являлась важным элементом структуры средневекового города и обозначалась арабским термином «махалье» (место поселения). Махалля была административно-территориальной единицей, обитатели которой объединялись в своеобразную общину и были соединены отношениями взаимопомощи, общим участием в общественной жизни, в семейных обрядах. Каждая махалля имела общественный центр, куда входили мечеть, чайхана, торговые лотки, небольшой базар, а иногда и караван-сарай. В ее распоряжении были посуда, ковры, вещи, необходимые для проведения свадеб и захоронений. Хозяйственной, правовой и религиозной жизнью общины руководили аксакал, мула, а также группа старейшин. В XI X – начале XX ст. роль этих лиц в общественной жизни махалли, особенно в проведении обрядов, была достаточно значительной. Количество таких ячеек постоянно росло, например, в Ташкенте в конце XX ст. насчитывалось 450 махаллей. Советская власть рассматривала общину как устаревший институт, который должен уйти в прошлое. Несмотря на это, община оказалась жизнестойким явлением, с которым пришлось считаться и в советское время, держа ее под контролем, и сейчас, когда «государство видит в общине ячейку общества, от благосостояния которого зависит стабильность в республике» [8].

Система махалли, развивавшаяся на протяжении веков и существенно изменившаяся за годы независимости, постоянно совершенствуется в соответствии с требованиями времени. К концу 90-х годов Узбекистан был разделен на махалли, которых сегодня насчитывается около 12 тысяч: от 150 до 1500 семей или дворов в каждой. Президент Узбекистана И. Каримов характеризует это явление как уникальный, своеобразный орган общественного управления, который нельзя сравнить ни с какими другими структурами. Подчеркивая, что Узбекистан идет по пути от сильного государства к сильному гражданскому обществу, президент страны считает, что «для этого осуществляются практические дела, реализуется передача полномочий от центра на места, прежде всего местным органам самоуправления граждан» [8].

В сентябре 1992 г. был издан Указ Президента Узбекистана И. Каримова о создании благотворительного фонда «Махалля», средства на его счет перечисляются из госбюджета, а также добровольных взносов предприятий, органи-

заций и частных лиц. Руководством махалли является комитет, избираемый всем населением. Махаллинские комитеты организуют мероприятия культурно-бытового характера, благоустройства территории махалли, проведения хашаров, свадеб, следят за дисциплиной и правопорядком. По официальной информации, в Узбекистане количество разводов, а также алкоголиков, наркоманов, беспризорных лиц и детей в 3 – 4 раза меньше, чем в других странах. В этом «большая заслуга принадлежит махаллям, то есть организованной обществу» [8]. Махалля является системой, которая решает проблему адресной социальной помощи населению. «Этот орган имеет характерную особенность: он владеет конкретной информацией об уровне материального обеспечения каждой семьи данной махалли» [8]. В 1994 г. узбекское правительство приняло новую программу социальной помощи, руководит которой махалля. Уже в 1995 г. ее помощь получили 20% хозяйств. Теоретически махалля должна учитывать потребности хозяйств, учитывая их структуру, размеры и использование земли, количество детей, реальность получения пользы от оказанной помощи. Среди хозяйств, которые исследовались [8], помощь от махалли получили: в Ташкенте – 16%, в Фергане – 24%, в Каракалпакии – 28%. Эта помощь направлялась в основном в те хозяйства, где у детей были низкие антропометрические показатели. Таким образом, Узбекистан из-за махалли дает пример того, как антропометрические показатели становятся одним из критериев оказания помощи и разработки социальной политики. Но, с другой стороны, в условиях отсутствия внешнего контроля над перераспределением социальной помощи, выделяемой махаллям, комитет махалли по своему усмотрению решает, кому оказать эту помощь, а кому – нет. Отсюда и вынужденная лояльность членов махалли к комитету в частности и к системе вообще. Махалля как настоящий орган местного самоуправления не должна становиться государственной структурой.

В докладе организации «Хьюман Райтс уотч» о махалли, опубликованном в 2003 г., отмечалось, что руководство Узбекистана превратило махаллю из самостоятельного органа самоуправления в национальную систему надзора и контроля [8]. «Комитет махалли – глаза и уши центральной власти и главный проповедник политики и практики репрессий» [8]. Например, формально махаллинский комитет во главе с председателем избирается общим собранием жителей махалли, а фактически – без согласования с хоккимиатом ни один кандидат не может стать председателем махаллинского комитета. Другое направление деятельности махалли, в адрес которого можно услышать упреки, – это ограничение прав женщин. Оно проявляется в неоткрытии уголовных дел по поводу насилия в семье; развод по инициативе супруги также явление единичное. В том случае, когда женщина остается без мужчины, она возвращается к родителям или остается с детьми на улице. Остро стоит вопрос о самоубийстве женщин в Таджикистане. За четыре месяца 2010 г. 100 женщин из этой страны лишили себя жизни. Впрочем, женщины Узбекистана признают, что многие вопросы, которые еще десять лет назад были под запретом, сейчас активно обсуждаются в обществе.

То есть махаллю можно и нужно воспринимать как необходимый элемент демократического общества в азиатских странах. Пример махалли как органа местного самоуправления характерен для Узбекистана и Таджикистана [11]. Однако и в других странах Центральной Азии традиционно сохраняется уважение к общинному укладу. Следовательно, развитие традиционных институтов в странах центрально-азиатского

региона происходит наряду с обще-цивилизационными, с превалированием первых. Но, по нашему мнению, параллельное развитие этих структур, их взаимное обогащение может служить консолидации общества, которая очень важна для стран, которые в перечне внутренних угроз испытывают проблемы наркотрафика и исламского радикализма.

Наряду с современными формами общественного сектора, как НПО, в странах Центральной Азии продолжают действовать традиционные формы самоуправления – советы старейшин и махаллинские советы. Развитие гражданского общества невозможно без внедрения и реализации института местного самоуправления, понимаемого как ключевой инструмент защиты интересов местного населения. В Казахстане местное самоуправление является одним из менее развитых институтов гражданского общества [3]. В течение всего времени проведения реформы системы административного управления страны принимались лишь косвенные решения, связанные с реформированием системы местного государственного управления.

В целом, на сегодняшний день основные причины, препятствующие становлению местного самоуправления в странах Центральной Азии [4-11], можно свести к следующим:

- излишняя централизация государственной власти;
- закрытость местных властей для местного населения;
- низкая правовая культура населения;
- слабое восприятие популяцией гражданских ценностей.

Всё это в результате тормозит развитие систем органов местного самоуправления в этих странах.

Эффективное функционирование местного самоуправления заключается в обеспечении прихода профессионалов всех уровней, нового поколения с широким мировоззрением, новейшими современными знаниями, с новыми управленческими ценностями. Для современного муниципального служащего недостаточно иметь необходимые знания в экономической, социальной и правовой сферах, и уметь применить их на практике, он также должен обладать многочисленными управленческими и коммуникативными навыками. На кадровые процессы влияют как внешние факторы (потребности государства, его стратегия, развитие социально-экономических основ общества, социально-демографических процессов и т.п.), так и внутренние ресурсы и факторы развития субъектов социально-экономической системы (организации, предприятия, собственники, руководители, наемные работники и служащие). Необходимость усовершенствования решения кадровых вопросов обусловлена следующими факторами: изменение качественных и количественных характеристик корпуса служащих и должностных лиц органов местного самоуправления; расширение и усложнение задач, возникающих в сфере материального производства; возникновение новых потребностей в определенном профессиональном опыте, знаниях и т.д. Анализируя проблемы кадрового обеспечения местного самоуправления, необходимо учитывать специфику должностных лиц органов местного самоуправления, обусловленную их выборностью и соответственно постоянной сменяемостью.

Заключение.

Подводя итог, следует отметить, что система местного самоуправления каждого отдела постсоветского государства функционирует в пределах определенной политической культуры и традиций, особенности ее обусловлены многими, иногда незаметными факторами, связанными с окружающей

социально-политической средой, поэтому невозможно дать однозначную оценку той или иной другой системы органов местного самоуправления даже в пределах характерного для нее политико-административного контекста, еще труднее определить, как она будет действовать и функционировать при ее переносе и внедрении в наше государство. Правовое регулирование системы органов местного самоуправления в Российской Федерации и в государствах-участниках СНГ требует его усовершенствования путем уточнения имеющихся и установления новых правовых принципов:

- необходимо пересмотреть условия поступления на службу в органы местного самоуправления, порядок ее прохождения и прекращения, урегулировать правовой статус должностных лиц и служащих органов местного самоуправления;

- унифицировать классификацию должностей на службе в органах местного самоуправления с должностями на государственной службе;

- создать правовые предпосылки к повышению престижности службы в органах местного самоуправления, прозрачного принятия на муниципальную службу;

- внедрить эффективный механизм предотвращения коррупции;

- четко определить принципы социальной и правовой защиты муниципальных служащих.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2021).
3. Абил Е.К., Кошербаева А.Б., Абишева М.А., Алдиярова А.Е., Бурлаков Л.Н., Есенгельдина А.С., Жаров Е.К., Кадырова М.Б., Карамалаева З.Т., Мармонтова Т.В., Медеуов Ж.К. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Республика Казахстан // Государственная служба. 2021. – № 1 (129). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-stranah-postsovetskogo-prostranstva-respublika-kazahstan> (дата обращения: 17.05.2022).
4. Акматалиев А.А., Абдыраманова Ч.Ш. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Кыргызская республика // Государственная служба. – 2021. – № 4 (132). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-stranah-postsovetskogo-prostranstva-kyrgyzskaya-respublika> (дата обращения: 17.05.2022).
5. Каллагов Т.Э. Государственная концепция развития муниципальной службы в системе местного самоуправления в Российской Федерации // Образование и право. – 2022. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kontseptsiya-razvitiya-munitsipalnoy-sluzhby-v-sisteme-mestnogo-samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.05.2022).

[samoupravleniya-v-rossiyskoy-federatsii](https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-kontseptsiya-razvitiya-munitsipalnoy-sluzhby-v-rossiyskoy-federatsii) (дата обращения: 17.05.2022).

6. Каллагов Т.Э. Организация муниципальной службы в Российской Федерации // Образование и право. – 2021. – № 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-munitsipalnoy-sluzhby-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 17.05.2022).
7. Каллагов Т.Э. Цель, задачи и функции муниципальной службы // Образование и право. – 2021. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-zadachi-i-funktsii-munitsipalnoy-sluzhby> (дата обращения: 17.05.2022).
8. Мухитдинова Ф.А. Основные направления и реформирования органов самоуправления Республики Узбекистан // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 4-7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-i-reformirovaniya-organov-samoupravleniya-respubliki-uzbekistan> (дата обращения: 17.05.2022).
9. Пирожкова И.Г., Попов А.М. Право на самоуправление: международная фиксация дефиниции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-samoupravlenie-mezhdunarodnaya-fiksatsiya-definitsii> (дата обращения: 17.05.2022).
10. Троянская М.А. Использование профессиональных стандартов на муниципальной службе // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 1 (42). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-professionalnyh-standartov-na-munitsipalnoy-sluzhbe> (дата обращения: 17.05.2022).
11. Усманов И.С. Роль местного самоуправления в системе общественногосударственных отношений современного Таджикистана // Вестник ТГУПБП. – 2013. – № 1 (53). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mestnogo-samoupravleniya-v-sisteme-obschestvennogogosudarstvennyh-otnosheniy-sovremennogo-tadzhikistana> (дата обращения: 17.05.2022).
12. Хазиева Э.М., Бадретдинов И.Р. Органы местного самоуправления в зарубежных странах // StudNet. – 2021. – № 10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-mestnogo-samoupravleniya-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 17.05.2022).

ГАРАБЕЙЛИ Тахира Мустафаевна

докторант Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, научный сотрудник Кёльнского университета (стипендиат DAAD) и Берлинского университета имени Гумбольдта (стипендиат Берлинского парламента), начальник отдела Права, Кадров и Документации Администрации Приморского Бульвара Азербайджанской Республики

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Жестокое обращение с детьми – это явление, которое происходит и существует во всех частях мира, независимо от культурных, религиозных традиций или экономических показателей. Эти факторы могут как-то повлиять или иметь влияние на рост или распространение жестокого обращения с детьми, но в основном насилие над незащищенными можно увидеть в бедных странах, а также в экономически развитых. Исторический подход к этому вопросу приводит нас к искусству древних греков и римлян, к законам Вавилона и показывает нам, что всегда (как и сегодня) существовало два вида отношения к детям: как к сексуальным объектам и как к детям. Автор исследует и сопоставляет психонаучные факты с юридическим пониманием жестокого обращения с детьми и пытается создать образ условий и обстоятельств, в которых происходят такие зверства. Дети, подвергшиеся насилию, очень редко могут оправиться от психологических травм, и их жизнь уже никогда не будет прежней. Обязанность закона состоит не только в защите каждого малыша, особенно тех, кто подвергается опасности насилия, но и в предотвращении как можно большего числа детей от предполагаемого риска жестокого обращения. Социальные работники, школы, органы опеки и даже религиозные учреждения должны работать вместе, чтобы сделать этот мир лучше для детей.

Ключевые слова: жестокое обращение с детьми, торговля детьми, педофилия, признаки насилия над ребенком, безопасные приюты.

GARABEYLI Tahira Mustafaevna

doctoral student of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, researcher at the University of Cologne (DAAD scholarship holder) and the Humboldt University of Berlin (Berlin parliament scholarship holder), head of the Department of Law, Human Resources and Documentation of the Primorsky Boulevard Administration of the Republic of Azerbaijan

DEFINITION OF CHILD ABUSE AND LEGAL AND RELATED REMEDIES AS PREVENTIVE MEASURES AGAINST IT

Child abuse is the phenomenon, which occurs and exists in every part of the world, independent of cultural, religious traditions or economic indicators. These factors may somehow affect or have an influence over the growth or spreading of child abuse, but basically violence over the unprotected ones can be seen in poor countries, as well as the economically developed ones. Historical approach to the issue leads us to the art of the ancient Greek and Rome and to the laws of Babylon and shows us that there were always (like today) two kinds of attitude towards the children: as the sexual objects and as the children. The author investigates and juxtaposes the psychoscientific facts with the legal understanding of child abuse and tries to create an image of the conditions and circumstances, in which such atrocities occur. Children, who were subjected to violence can very rarely recover from the psychological traumas and their lives can never be the same again. The duty of law is not only the defense of every little one, especially who are jeopardized by violence, but also the prevention of as many children as possible from the supposed risk of abuse. Social workers, schools, guardianship authorities, even religious institutions must work together for the purpose of making of this world to be a better place for children.

Keywords: child abuse, child trafficking, pedophilia, signs of violence against a child, safe shelters.

Исторический обзор жестокого обращения с детьми.

После того, как американский педиатр Ч.Х. Кемпе признал «синдром избитого ребенка» в 1960-х годах, фактор «жестокое обращение с детьми» начал приобретать значение для судебной системы. Юридический словарь Оксфордского университета дает следующую ссылку на «жестокое обращение с детьми»: «Начиная с 19-го века жестокое обращение с детьми узаконило юридическое вмешательство в отношения между родителями и детьми и начало снижать родительское доминирование. С тех пор психиатры выявили несколько различных форм эксплуатации детей — физическую, сексуальную, ритуальную, эмоциональную или психологическую» [34, с. 118].

Хотя эксплуатация детей увеличилась в связи с развитием современных высоких технологий, преступления против детей известны юриспруденции с древних времен. Например, они упоминаются в статье 14 Кодекса законов Хаммурапи, который предположительно был написан в 1754 г. до н.э. в древнем Вавилоне: «Кто похитит ребен-

ка, тот должен быть приговорен к смертной казни» [26, стр. 317]. А содержание статьи 154 таково: «Если кто-либо имел половую связь с его дочерью, этот мужчина должен покинуть город» [26, с. 331].

Буллуф тоже считает, что обращение взрослых с детьми как с сексуальными объектами имеют долгую документально подтвержденную историю [8, с. 448-449]. Он утверждает, что в Древней Греции подростки в возрасте от 12 до 14 лет обычно вступали в половую связь с мужчинами в возрасте 20 лет, и это продолжалось до тех пор, пока самим мальчикам-подросткам не исполнилось 20 лет. Спустя столетия сексуальные отношения с детьми были обычным явлением в Римской империи, а средний возраст вступления в брак для девочек составлял 14 лет [8, с. 453].

ДеМоуз утверждает, что в традиционных индийских и китайских обществах существовало институционализированное сексуальное насилие над детьми, и что эта практика остается актуальной в некоторых регионах [10, с. 85].

Следует отметить, что указ Петра I от 1714 г. «О правилах наследования» повысил возраст вступления в брак до 20

лет для мужчин и 17 лет для женщин, ранее определенный Стоглавом как 15 лет и 17 лет соответственно [25, с. 102].

Концепция жестокого обращения с детьми.

Первая формальная концепция сексуального влечения к детям как психологического расстройства была неизвестна до тех пор, пока немецко-австрийский психиатр и невролог Крафт-Эббинг не ввел в науку термин «педофилия» в 1886 году. До Крафт-Эббинга сексуальная эксплуатация детей считалась неуместным деянием, которого судили морально, а не психологически.

Тех, кто имел сексуальный интерес к детям, считали аморальными, подлыми и бесхарактерными. Крафт-Эббинг был психиатром и работал в то время, когда психология отделялась от философии как особая область науки. Развитие психологии было частью растущего преобладания позитивистского отношения к пониманию человеческих отношений в XIX веке. Короче говоря, Крафт-Эббинг искал научное объяснение сексуального насилия над детьми.

Крафт-Эббинг не считал всех насильников педофилами и различал непсихопатологические и психопатологические случаи. Непсихопатологическое сексуальное насилие над детьми было «дефектом» и могло быть следствием моральной слабости, черепно-мозговых травм, алкоголизма, сифилиса, эпилепсии и другой физической и психологической неустойчивости. А вот психопатологические педофилы становились жертвами патологического и преимущественного влечения к детям, полностью отравлявшего их личность. Однако Крафт-Эббинг считал, что такие люди очень редки, и сам встречал четырех таких пациентов [27, с. 69-72].

Эксплуатация или жестокое обращение с детьми представляют собой все виды физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуальной эксплуатации, равнодушия или плохого обращения, коммерческой или иной эксплуатации, приводящие к реальному или возможному нанесению вреда здоровью, выживанию, развитию или достоинству ребенка в контексте отношения ответственности, доверия или власти¹. Среди существующих описаний одни признают действия и отношения взрослых жестоким обращением с ребенком, в то время как другие считают важным факт причинения вреда или угрозу причинения вреда, чтобы рассматривать этот случай как оскорбительный [30; 31, с. 75-88; 32; 33, с. 252-253]. Определение жестокого обращения может иметь широкий спектр, хотя в отчете ВОЗ выделяются четыре вида эксплуатации детей со стороны опекунов/попечителей:

- физическая эксплуатация;
- сексуальная эксплуатация;
- эмоциональная эксплуатация;
- пренебрежение².

Физическая эксплуатация ребенка – это действия, совершаемые опекунами, повлекшие причинение реального или возможного физического вреда ребенку.

Эмоциональная эксплуатация включает в себя неспособность опекуна/попечителей обеспечить подходящую среду поощрения и защиты для ребенка, чтобы он развивал и реализовывал свой личный потенциал и навыки.

Пренебрежение – это нежелание обеспечить соответствующие условия для личностного становления и роста ребенка со всех сторон: биологического, физического, эмоционального и психологического развития, питания, безопасности и т. д. в рамках материальных и нематериальных возможностей и ресурсов семьи, что причиняет или угрожает причинить травму ребенку.

Сексуальная эксплуатация – это вовлечение ребенка в деятельность сексуального характера, которую он не в состоянии полностью понять, дать согласие и к которой он не готов физически или психологически³. Согласно статье 34 наиболее ратифицированного международного акта о правах человека – Конвенции о правах ребенка, эксплуатация детей и жестокое обращение с ними могут включать, но не ограничиваться:

– Склонение или принуждение ребенка к любой незаконной сексуальной активности.

– Использование детей в целях проституции или других незаконных сексуальных действий с целью эксплуатации.

– Использование детей в порнографических изображениях и других материалах в эксплуататорских целях⁴.

В связи с углублением проблем сексуальной эксплуатации детей в связи с современными научно-техническими достижениями и другими факторами в 2002 году был принят Факультативный протокол II к Конвенции о правах ребенка о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии. Этот Протокол охватывает три важные проблемы, связанные с правами детей, и дает им следующие определения:

– торговля детьми означает любой акт или сделку, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение;

– детская проституция означает использование ребенка в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму возмещения;

– детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях⁵.

В соответствии с Конвенцией Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия под эксплуатацией детей понимается сексуальное насилие, детская порнография, детская проституция, участие детей в порнографических изображениях и записях, введение детей в заблуждение, сексуальное подстрекательство детей. Каждое из этих деяний само по себе является преступлением, имеет собственное определение и регулируется отдельной статьей

1 Отчет о консультации по предотвращению жестокого обращения с детьми, 29–31 марта 1999 г., ВОЗ, Женева, Всемирная организация здравоохранения, 1999 г. (документ WHO/HSC/PVI/99.1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/65900>.

2 Отчет (н. 1).

3 Отчет (н 1).

4 См: Факультативный протокол II к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/opsccr.aspx>.

5 Факультативный протокол (н 4).

Конвенции; каждое государство-член несет ответственность за криминализацию этих преступлений⁶.

«Сексуальная эксплуатация с коммерческими мотивами» включает продажу детей для занятия проституцией, производство порнографии, танцы обнаженными или подобные явные сексуальные действия. Это понятие также включает в себя получение «чего-то ценного» в обмен на эти половые акты. Короче говоря, торговля детьми включает в себя привлечение, передачу, сокрытие и продажу детей для сексуальной эксплуатации в коммерческих целях [21, с. 745-788].

Причины жестокого обращения с детьми.

Исследователи утверждают, что жестокое обращение с детьми или подростками происходит «в совокупности»: сексуальное насилие и халатность; физическая эксплуатация и халатность; психологическая, физическая и сексуальная эксплуатация; грубое поведение, насилие и сексуальные домогательства; эксплуатация детей и насилие в семье и т. д. [9, с. 392-415]. Особенно, дети, подвергшиеся сексуальной эксплуатации, подвергаются различным формам жестокого обращения.

Почему люди эксплуатируют детей? Один из видных представителей криминологии Готфредсон считает основными положениями теории самоконтроля в криминологии следующие:

(1) все индивидуумы ищут удовольствия и избегают боли, подготавливая таким образом устойчивый мотив преступления;

(2) без сдерживающих факторов люди могут совершать оскорбительные действия;

(3) привязанность к другим и социальные связи являются основными ограничениями [19, с. 27-34].

«Как историческое закрепощение и угнетающее отношение к женщинам, дети как раз были признаны личностями менее двух столетий, до этого они были беззащитным имуществом, зависящим от воли родителей [29, с. 122-127]. Дети зависят от взрослых физически и юридически. В силу своего иждивенческого положения дети обоих полов вынуждены совершать какие-то действия, но девочки находятся в более неприятном положении, чем мальчики, и поэтому подвергаются более грубому обращению [19, с. 34-38].

Общая Теория Напряженности подчеркивает, что негативные эмоции могут привести к правовым правонарушениям наряду с негативными случаями. Некоторые виды напряжения, особенно более несправедливые и ослабляющие социальные связи, повышают вероятность правонарушений [3, с. 109].

Некоторые исследования выявляют связь между напряжением и правонарушениями, подтверждая тем самым положения этой теории [12, с. 71-89]. Например, по данным исследования, изучающего взаимосвязь психических расстройств родителей с физической и сексуальной эксплуатацией детей, вероятность подвергнуться насилию или жестокому обращению для детей с депрессивными, маниакальными или шизофреническими родителями выше в 2-3 раза, а у детей детей, родители которых страдают антисоци-

альным расстройством личности, в 6-7 раз больше [36, с. 155-156]. Таким образом, контекст семьи с насилием в отношении детей можно охарактеризовать как более изолированный и нефункциональный, чем семьи без домашнего насилия.

Булби утверждает, что основные отношения людей со своими родителями и опекунами в детстве формируют фиксированный шаблон (образец) для их дальнейших отношений [5, с. 92].

Как уже отмечалось, среди основных причин эксплуатации детей — равнодушие. Его можно оценить как «пассивную» форму жестокого обращения с детьми. Дети, столкнувшиеся с равнодушием и халатностью, больше страдают от социальной изоляции и меньше вступают в общение, чем дети, подвергшиеся физическому насилию [19, с. 52].

Дифференцированы физические и эмоциональные признаки физического насилия над ребенком. Физические признаки включают синяки, царапины на лице, шее, груди и тыле, травмы в виде определенных предметов (ремень, веревка и т.д.), необъяснимые ожоги ладоней, подошв ног и спины, переломы костей и трещины, не соответствующие информации о том, как произошла травма, о задержке медицинской помощи и т. д. Эмоциональные признаки включают чрезмерную агрессивность поведения или застенчивость, боязнь вернуться домой, боязнь родителей или других взрослых и т.д.⁷

Сексуальное насилие является наиболее жестоким видом эксплуатации детей и основной причиной торговли детьми и проституции. Сексуальное насилие над детьми состоит из прикосновений, разделенных на уровни от ласки с дурным намерением до изнасилования и насилия без прикосновения, такого как принуждение к неуместным половым актам или детской порнографии. Десятки исследований показывают, что сексуальное насилие над детьми является основной причиной различных психических расстройств [19, с. 87-89].

Другие исследования показывают, что сексуальная эксплуатация и насилие в подростковом возрасте повышают вероятность повторного сексуального насилия в будущем больше, чем сексуальное насилие в детстве. Кроме того, в отличие от несовершеннолетних, подростки, подвергшиеся сексуальному насилию, испытывают чувство вины перед собой [14, с. 22].

Таким образом, наряду с равнодушием или насильственными отношениями в семье, основными причинами сексуального насилия, а также детской проституции являются также принадлежность к низшим слоям общества, городская среда, бедность и быть женщиной [13, с. 125].

Что касается определения «торговли детьми», то здесь необходима точность. Среди юристов бытует ложное мнение, что под торговлей детьми понимается незаконное перемещение детей через международные и межгосударственные границы. Торговец детьми может многократно продавать своих несовершеннолетних жертв, не меняя своего местонахождения [15, с. 74-78].

Выявление и расследование торговли людьми является одним из самых сложных преступлений в силу его осуществления в тайной форме. В 2002 г. в рабстве содержалось более 6 млн детей, в том числе 5,7 млн детей, привлеченных

6 Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046e1da>.

7 Информационный портал (н 10).

к принудительному труду, и 300 000 детей в вооруженных конфликтах. Кроме того, около 1,8 млн детей подвергаются сексуальной эксплуатации, а 1,2 млн детей проданы⁸. По оценкам ООН, годовой доход от детской проституции во всем мире составляет около 5 миллиардов долларов [19, с. 100-102].

В целом исследования показывают, что девочки больше привлекаются к продаже детей, чем мальчики. Женщины составляют 98 процентов всех жертв сексуальной эксплуатации в коммерческих целях, и сорок - пятьдесят процентов из них — дети [19, с. 102].

Наряду с лицами, занимающимися торговлей детьми — «продавцами детей», существуют и лица, покупающие детей для сексуальных отношений — «покупатели детей», т.е. для «развития» торговли детьми необходим спрос. Исследования показывают, что большинство этих «покупателей» — мужчины, но в некоторых случаях и женщины [19, с. 105-107].

К негативным последствиям, возникшим в результате сексуального насилия над детьми, относятся телесные повреждения, психологические потрясения и социальные расстройства⁹.

Психологические повреждения в результате сексуального насилия над детьми могут быть кратковременными и долговременными, каждый из которых имеет свои особенности. Существуют много исследований на эту тему [4, с. 837-847; 37; 17, с. 1365-1374].

У некоторых жертв наблюдаются тяжелые симптомы психического расстройства, такие как агрессия, когнитивные и психологические нарушения, депрессия, злоупотребление алкоголем или наркотиками [37; 17, с. 1365-1374; 35, с. 107-116]. А некоторые дети-жертвы жестокого обращения удовлетворяют всем требованиям психического заболевания, включающим посттравматическое полное истощение, клиническую большую депрессию, нарушения сна и тревожные расстройства [17, с. 1365-1374].

Психические, эмоциональные, поведенческие и физические последствия жестокого обращения, наблюдаемые у жертв, различаются в зависимости от стадии развития ребенка, подвергнувшегося жестокому обращению, когда происходит факт жестокого обращения, жестокости насилия, отношений между обидчиком и жертвой, продолжительности времени, в течение которого насилие продолжается и другие факторы, существующие в окружении ребенка [1, с. 47-80; 2, с. 1652-1658; 7, с. 54-69; 8, с. 549-557; 16, с. 245-258; 17, с. 1365-1374; 23, с. 1397-1404; 35, с. 107-116; 17, с. 1365-1374; 35, с. 107-116].

Как отмечалось выше, семейные конфликты увеличивают возможность сексуального насилия над незащищенными девушками. Это сексуальное насилие может начинаться с грубого поведения и заканчиваться эксплуатацией в проституции. В связи с этим стратегии по борьбе с торговлей детьми

дадут эффективные результаты, если будут нацелены на неблагополучные семьи. Органы опеки и попечительства, школы, центры социального обслуживания должны работать с такими семьями, должны информировать о нарушениях в отношении детей и их тяжелых последствиях для семьи и в целом для общества, предупреждать об уголовном характере нарушения и ответственности за это преступление. Вмешательство правоохранительных органов и органов социальной защиты, основанное на высокой квалификации и опыте, может предотвратить сексуальное насилие над девочками, выросшими в неблагополучных семьях.

В деле 3 и другие против Соединенного Королевства №. 29392/95, 10 мая 2001 г., Суд подчеркнул важность обязательства государств по статье 3 Конвенции как фундаментальной ценности общества. В связи с действием статьи 1 правительства обязаны предпринять шаги для обеспечения эффективного и адекватного механизма против жестокого обращения с уязвимыми членами общества¹⁰.

Государство является гарантом прав каждого гражданина, и это его конституционная обязанность.

Пристатейный библиографический список

1. Alexander R C, Levitt C J, Smith W L, Abusive head trauma, In: Reece R M, Ludwig S eds, Child abuse: medical diagnosis and management, 2nd ed, Philadelphia, PA, Lippincott Williams & Wilkins, 2001: 47-80.
2. Anda R et al, 'Adverse childhood experiences and smoking during adolescence and adulthood', Journal of the American Medical Association, 1999, 282: 1652-1658.
3. Agnew R, General strain theory: Current status and directions for further research, In F T Cullen, J P Wight and K R Blevins (Eds), Advances in criminological theory, vol 15 (2006): Taking stock: The status of criminological theory, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.
4. Bendixen M, Muss K M, Schei B, 'The impact of child sexual abuse: a study of a random sample of Norwegian students', Child Abuse & Neglect, 1994, 18: 837-847.
5. Bowlby J, Attachment and loss, vol II, Separation: Anxiety and Anger, New York: Basic Books, 1973.
6. Briere J N, Elliott D M, 'Immediate and long-term impacts of child sexual abuse', The Future of Children, 1994, 4: 54-69.
7. Briere J N, 'Child abuse trauma: theory and treatment of lasting effects', London, Sage, 1992.
8. Bullough V L, Children and Adolescents as Sexual Beings: A Historical Overview, Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America, 13, 2004.
9. Catalina Arata, Jennifer Langhinrichsen – Rohling, David Bowers and Natalie O'Brien, 'Differential correlates of multi-type maltreatment among urban youth', Child abuse and Neglect, 31, (2007), 392-415.

8 См: Коммерческая сексуальная эксплуатация и торговля детьми «в двух словах» Ресурс для тихоокеанских островных стран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---ilo-suva/documents/publication/wcms_494314.pdf.

9 Хизер Дж. Клоусон и Лиза Голдблатт Грейс, «В поисках пути к выздоровлению: приюты для несовершеннолетних жертв торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации» (2007 г.), Вашингтон, округ Колумбия: Офис помощника госсекретаря по планированию и оценке, Министерство здравоохранения и социального обеспечения США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aspe.hhs.gov/hsp/07/HumanTrafficking>.

10 Case of Z and others v The United Kingdom, Application no 29392/95, 10 May 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22dmdocnumber%22:%5B%22697332%22%2C%22itemid%22:%5B%22001-59455%22%5D%7D>].

10. deMause L, 'The universality of incest', *The Journal of Psychohistory*, 1991 19 (2), 2004.
11. Early marriage, A harmful traditional practice, A statistical exploration, United Nations Children's Fund (UNICEF) 3 UN Plaza New York, NY 10017, USA, ISBN: 92-806-3869-6, April 2005.
12. Ellis S and Savage J, Strain, social support and persistent criminality, In J Savage (Ed), *The development of persistent criminality* (2009) 71-89, New York: Oxford University Press.
13. Estes J R and Weiner N A, The commercial sexual exploitation of children in the United States, In Cooper, S W, R J Estes, A P Giardino, N D Kellogg and V I Vieth (Eds), *Medical, legal and social science aspects of child sexual exploitation: A comprehensive review of child pornography, child prostitution, and Internet crimes against children 95-128*, St Louis, MO: GW Medical Publishing.
14. Farley M, Preface: Prostitution, trafficking and traumatic stress, In M Farley (Ed), *Prostitution, trafficking and traumatic stress* (2003).
15. Farr K, *Sex Trafficking: The global market in women and children*, Worth Publishing: New York, 262, (2005).
16. Felitti V et al, 'Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults', *American Journal of Preventive Medicine*, 1998, 14:245-258.
17. Fergusson D M, Horwood M T, Lynskey L J, 'Childhood sexual abuse and psychiatric disorder in young adulthood', II: Psychiatric outcomes of childhood sexual abuse, *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 1996; 35: 1365-1374.
18. Finkelhor D, Ormond H A, Turner H A and Hamby S L, The victimization of children and youth: A comprehensive, national survey, *Child Maltreatment*, 10 (1), 2-25, (2005).
19. Joan A Reid, *A Girl's Path to Prostitution, Linking Caregiver Adversity to Child Susceptibility*, LFB Scholarly Publishing LLC, EL Paso 2012.
20. Kempe CH et al, 'The battered child syndrome', *Journal of the American Medical Association*, 1962, 181: 17-24.
21. Kreston S, Investigation and prosecution of the prostitution of children, In Cooper S W, R J Estes, A P Giardino, N D Kellogg and V I Vieth (Eds), *Medical, legal and social science aspects of child sexual exploitation; A comprehensive review of child pornography, child prostitution and Internet crimes against children* (2005), 745-788, St Louis, MO: GW Medical Publishing.
22. Lau J T et al, 'Prevalence and correlates of physical abuse in Hong Kong Chinese adolescents: a population-based approach', *Child Abuse & Neglect*, 1999, 23: 549-557.
23. McBeth J et al, The association between tender points, psychological distress, and adverse childhood experiences, *Arthritis and Rheumatism*, 1999, 42: 1397-1404.
24. MacIntyre D, Carr A, 'Evaluation of the effectiveness of the Stay Safe primary prevention programme for child sexual abuse', *Child Abuse & Neglect*, 1999, 23: 1307-1325.
25. Нечаева А М, "Россия и ее дети", из "ГРААЛЬ", Москва, 1996, 102 (Translation: Nechaeva Aleksandra Matveevna, 'Russia and her children', Moscow 1996, 102).
26. Rahib Akbarov, *Xarici ölkələrin dövlət və hüquq tarixi*, (translation: History of state and law of foreign countries), Baku, Qanun 2003.
27. Richard von Kraft-Ebing, *Psychopathia sexualis*, Neuaufgabe, 1997, Matthes und Seitz Berlin.
28. Roelofs M A S, Baartman H E M, 'The Netherlands Responding to abuse: compassion or control?' In: Gilbert N ed, *Combatting child abuse: international perspectives and trends*, New York, NY, Oxford University Press, 1997: 192-211.
29. Shelman E A and Lazowitz S, *The Mary Ellen Wilson case and the beginning of children's rights in the 19th century America*, Jefferson, N C: McFarland, 2005.
30. Straus M A, *Manual for the Conflict Tactics Scales*, Durham N H, Family Research Laboratory, University of New Hampshire, 1995.
31. Straus M A, *Measuring intrafamily conflict and violence: the Conflict Tactics (CT) Scales*, *Journal of Marriage and the Family*, 1979, 41: 75-88.
32. Straus M A, Gelles R J, ed, *Physical violence in American families: risk factors and adaptations to violence in 8,145 families*, New Brunswick, NJ, Transaction Publishers, 1990.
33. Straus M A et al, 'Identification of child maltreatment with the Parent-Child Conflict Tactics Scales: development and psychometric data for a national sample of American parents', *Child Abuse & Neglect*, 1998, 22: 249-270.
34. *The new Oxford companion to Law*, Edited by Peter Cane, Joanne Conaghan, Oxford University Press, 2008.
35. Trowell J et al, 'Behavioural psychopathology of child sexual abuse in schoolgirls referred to a tertiary centre: a North London study', *European Child and Adolescent Psychiatry*, 1999, 8: 107-116.
36. Walsh C, MacMillan H and Jamieson E, 'When is sexual abuse relevant to bulimic disorders? The validity of clinical judgements' (2002), *European Eating Disorders Review*, 1 (3), 143-151.
37. Wolfe D A, 'Child abuse: implications for child development and psychopathology', 2nd ed, Thousand Oaks, CA, Sage, 1999.

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ СТАДИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье рассматриваются стадии законодательного процесса в зарубежных странах. Исследуются зарубежные законотворческие особенности, приводятся конкретные примеры, закреплённые в основных законах зарубежных стран, касающиеся правил и порядка принятия законов на различных стадиях. Анализируется большой объем зарубежного конституционного законодательства. Актуализируется важность исследования и научного осмысления законодательного процесса в зарубежных странах с позиции практического использования, поиска изъянов, недостатков и преимуществ. Рассматривается взаимосвязь законотворческих особенностей с формой правления, правом законодательной инициативы и политическим режимом конкретного государства.

Ключевые слова: законодательный процесс, зарубежные страны, стадии законодательного процесса, законотворчество, создание законов.

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE STAGES OF THE LEGISLATIVE PROCESS IN FOREIGN COUNTRIES

The article discusses the stages of the legislative process in foreign countries. Foreign legislative features are studied, specific examples are given, enshrined in the basic laws of foreign countries, concerning the rules and procedures for adopting laws at various stages. A large volume of foreign constitutional legislation is analyzed. The importance of research and scientific understanding of the legislative process in foreign countries is updated from the standpoint of practical use, the search for flaws, shortcomings and advantages. The interrelation of legislative features with the form of government, the right of legislative initiative and the political regime of a particular state is considered.

Keywords: legislative process, foreign countries, stages of the legislative process, lawmaking, creation of laws.

Любое человеческое общество существует и функционирует согласно определенным правилам, установкам, общепринятым нормам, которые регулируют взаимоотношения между субъектами данного общества, позволяют поддерживать порядок внутри социума, сохранять стабильность его организации и создавать фундамент для его дальнейшего развития. Подобные правила и установки существовали еще с древних времен при первобытном человеческом обществе, но они носили примитивный характер, были немногочисленны и касались самых базовых элементов жизни людей. Однако с течением времени, развитием всех сфер общественных отношений, жизнь людей начала кардинальным образом меняться и усложняться, соответственно тех норм, которые регулировали общественные отношения раньше, стало недостаточно. Так стали появляться первые законы, а процесс, посредством которого они появлялись, назвали законодательным.

Говоря о современном мире, следует отметить, что сложно представить себе какое-либо государство, в котором отсутствовал бы законодательный процесс. Данная процедура уже давно стала одним из основных государ-

ственных элементов, посредством которой реализуются важнейшие правовые начала организации и функционирования общественных отношений в той или иной стране. Многообразие и полярность современного мира свидетельствует о том, что в различных государствах устройство, стадии и принципы, на которых базируется законодательный процесс, существенно различаются. На это влияют множество внутренних и внешних факторов. Однако независимо от того, как именно организован законодательный процесс в той или иной стране, очевидно, что данная процедура обладает особой важностью и значимостью, а актуальность её исследования и научного осмысления была и остается крайне высокой.

Законодательный процесс в любом государстве представляет собой строго регламентированную и выверенную процедуру, которая осуществляется не произвольно, а в соответствии с нормативно определенным порядком. Это порядок является обязательным и отступление от него не допускается [1, с. 45]. Для того чтобы в процессе создания законов не возникало путаницы, чтобы была возможность учесть все необходимые условия и осуществить законодательную деятель-

Курбатова Г. В.

Ананьева Е. О.

ность наиболее эффективно, в подавляющем большинстве государств мира предусмотрена стадийность законодательного процесса, то есть такая процедура, когда любой закон в процессе своего конструирования и принятия должен пройти несколько обязательных стадий.

Под стадией законодательного процесса принято понимать совокупность правовых, аналитических и иных действий, которая направлена на достижение конкретного результата, осуществляемая в соответствии с действующим законодательством. В целях наиболее полного анализа особенностей каждой из имеющихся стадий законодательного процесса в зарубежных странах необходимо рассмотреть их подробнее.

Стадия законодательной инициативы или стадия внесения законопроекта подразумевает внесение проекта закона уполномоченным на это субъектом в законодательный орган государства или в определенную его палату в случае, если законодательный орган имеет разделение на верхнюю и нижнюю палаты. Конституции зарубежных государств определяют различных субъектов, которые обладают правом законодательной инициативы. Исходя из субъекта законодательной инициативы можно выделить такие её виды, как: правительственная (Италия, Испания, ФРГ, Великобритания); законодательная инициатива главы государства (Бразилия, Перу, Никарагуа, Таджикистан, Беларусь); парламентская (во всех странах, где существует парламент); субъектов федерации (для федеративных государств – Швейцария, Венесуэла, Мексика) или административно-территориальных единиц (для унитарных государств – Испания, Португалия, Чехия); судебная (Парагвай, Эквадор, Бразилия, Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Гондурас); народная (Италия, Швейцария, Австрия); специальная (Гватемала, Перу, Эквадор). Необходимо заострить внимание на некоторых особенностях законодательной инициативы в зарубежных странах. Так, например, говоря о законодательной инициативе главы государства, следует отметить, что в некоторых странах с формой правления в виде абсолютной монархии и дуалистической монархии глава государства наделен не только правом инициирования законов, а также и правом их издания (ст. 35 Конституции Бахрейна, ст. 42 Основного закона Султаната Оман). Согласно ст. 61 Конституции Бразилии президент Республики наделен исключительной законодательной инициативой законопроектов, которые касаются количественного состава вооруженных сил, публичной администрации, государственных служащих и так далее. Судебная законодательная инициатива имеет место в странах Латинской Америки, где подобным правом наделяются верховные суды государств. Народная законодательная инициатива, реализованная в Швейцарии, предполагает следующий порядок: воспользоваться подобным правом могут только граждане общим количеством от 100 т. человек и более по вопросам, касающимся полного или частичного изменения конституции (п. 2 ст. 139 Конституции Швейцарии).

Второй стадией законодательного процесса в зарубежных странах является стадия обсуждения законопроекта. По своей сущности она является самой длительной и объемной, так как подразумевает работу над конкретным законопроектом в различных комитетах законодательного органа, обсуждение и исследование его с различных сторон, в том числе и с привлечением общественности [2, с. 56]. Обсуждение законопроекта не зря по-другому именуется чтением, так как в процессе обсуждения действительно происходит детальное изучение каждой мельчайшей правовой нормы проекта закона. Как правило, подобных чтений законопроекта предусмотрено несколько. Первое чтение законопроекта имеет цель установить, следует ли вообще рассматривать данный законопроект в качестве потенциального закона, есть ли смысл в его разработке и принятии. Далее начинается второе чтение, на котором проект закона разбирают по деталям и по существу. Как правило, на втором чтении также заслушивается доклад комитета законодательного органа, который его изучал. Второе чтение также подразумевает внесение любых необходимых

изменений и дополнений в проект закона. После внесения всех изменений законопроект подлежит третьему чтению, где он вновь рассматривается детально и с самого начала, но уже с учетом всех поправок, а внесение новых изменений уже недопустимо.

Третьей стадией следует считать принятие закона. В однопалатных парламентах принятие закона является, по сути, завершением последнего чтения. Голосование может быть обычным или поименным. В двухпалатных парламентах закон считается принятым, если одобрен в идентичной редакции обеими палатами. В двухпалатных парламентах после принятия законопроекта одной палатой он передается на рассмотрение другой палаты, где проходит, как правило, аналогичные чтения. В случае, если между двумя палатами возникают какие-либо противоречия относительно того или иного положения закона, в некоторых государствах законодательно предусмотрена согласительная процедура, которая предполагает создание специальной комиссии с участием представителей обеих палат. Например, в США ни один закон не может быть принят в том случае, если одна из палат конгресса с ним не согласна и создание согласительной комиссии не привело к преодолению расхождений между палатами. Ст. 206 Конституции Парагвая предусматривает, что, если верхняя палата Парламента отклонила проект закона, он подлежит возвращению в нижнюю палату для доработки. После этого проект закона вновь направляется в верхнюю палату, которая может отклонить его только большинством голосов в 2/3, если указанное число голосов не набирается, законопроект считается одобренным.

Четвертая стадия законодательного процесса – промульгация. Она является заключительной стадией на пути принятия закона и подразумевает санкционирование законопроекта путем его подписания и официального опубликования. В большинстве зарубежных стран промульгация является исключительной прерогативой главы государства, однако в Швеции это полномочие отнесено к ведению тальмана – председателя риксдага, который является высшим законодательным органом Швеции. В случае если глава государства, ознакомившись с законопроектом, не согласен с его содержанием в целом, то в данном случае в ряде стран предусмотрено право вето, которое может носить как абсолютный, так и относительный характер. Абсолютное вето ни при какой ситуации не позволяет членам парламента его преодолеть, однако в современном мире подобная норма предусмотрена лишь в незначительном количестве государств, таких как Бруней, Оман. Конституции некоторых государств содержат норму о так называемом «выборочном» вето, когда глава государства выражает несогласие с некоторыми нормами законопроекта (Индия, Франция).

Проведенное исследование законодательного процесса в зарубежных странах лишнее раз подтвердило тезис о том, насколько важна и значима данная процедура в современном мире. В любом современном государстве, независимо от его типа, формы правления, политического режима, деятельность по подготовке и принятию законов является основополагающей и фундаментальной как для внутригосударственного функционирования общественных отношений, так и для участия государства на международной арене. Многие в законодательном процессе зарубежных стран зависят от того, кто является субъектом права законодательной инициативы, и кто в процессе принятия того или иного закона имеет возможность повлиять на те или иные аспекты.

Пристатейный библиографический список

1. Запоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. - 2018. - № 3. - С. 43-53.
2. Югов А.А. Структура законотворческого процесса как целостной системы // Российское право: Образование. Практика. Наука. - 2018. - № 5. - С. 55-64.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-127-128

ПЕТРОВ Денис Георгиевич

магистрант Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

В статье рассмотрены нормы международного, а также конституционного права ряда стран, провозглашающие право человека на жизнь. Анализируются сходства и различия в трактовке понятия права на жизнь, исследованы разные подходы к конституционно-правовому содержанию права на жизнь. Авторы исследуют актуальные вопросы, касающиеся момента возникновения у человека права на жизнь. Рассматривается, каким образом нормы международного права о фактически допустимых ограничениях права на жизнь нашли отражение в национальных правовых системах. Осуществлен анализ современных тенденций расширения содержания права на жизнь.

Ключевые слова: право на жизнь, содержание права на жизнь, реализация права на жизнь, обязанности государства по защите прав человека, защита права на жизнь.

PETROV Denis Georgievich

magister student of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

ILJINA Olga Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

TO THE QUESTION OF THE BEGINNING AND CONTENT OF THE RIGHT TO LIFE

The article considers the norms of international as well as constitutional law of a number of countries, proclaiming the human right to life. The similarities and differences in the interpretation of the concept of the right to life are analyzed, different approaches to the constitutional and legal content of the right to life are investigated. The authors explore topical issues related to the moment when a person has the right to life. It is considered how the norms of international law on actually permissible restrictions on the right to life are reflected in national legal systems. The analysis of current trends in expanding the content of the right to life is carried out.

Keywords: the right to life, the content of the right to life, the realization of the right to life, the obligations of the state to protect human rights, the protection of the right to life.

Петров Д. Г.

Ильина О. Ю.

Право на жизнь провозглашено абсолютным большинством конституций стран мира, как неотъемлемое, неотчуждаемое право каждого человека, без которого все остальные права и свободы теряют свое значение. Этому праву издавна угрожают войны, преступления, человеконенавистнические идеологии, дискриминационные практики и другие негативные явления.

Право на жизнь является самым важным и значимым из закрепленных в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека, которые Российское государство обязалось признавать, соблюдать и защищать.

Обратимся же к истории возникновения права на жизнь, которое, как отмечает исследователь Т.В. Клыга, в той или иной степени, трактовке, обращало на себе внимание и защищалось множеством общностей людей еще с древних времен, однако, официальное признание, закрепление данного права появилось в нормативных актах государств в отнюдь не так далеко от нас прошлом [2]. Право на жизнь впервые было провозглашено в качестве естественного права в Декларации независимости Соединенных Штатов Америки от 4 июля 1776 года, однако, стоит отметить, что вышеуказанное право не находило отражения в Конституции Соединенных Штатов Америки, а также иных государств, которые принимались вплоть до середины XX века.

Лишь ужасы Второй мировой войны и горе, которое испытало человечество в те годы, повлекли принятие Всеобщей декларации прав человека, многих международных конвенций и других важных документов, а также национальных конституций, в которых стала подчеркиваться важность

жизни, и что жизнь человека является высшей социальной и правовой ценностью, а следовательно, влечет международную и государственную охрану и защиту.

В нашем государстве право на жизнь впервые было закреплено Верховным советом СССР 22 ноября 1991 г., что обусловлено принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина Верховным советом СССР. Позднее, право на жизнь было провозглашено в ст. 20 Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г.

Чтобы определить понятие «жизнь» как юридическое благо, а также категорию «право на жизнь» необходимо в первую очередь дать определение понятию «жизнь». Существует более ста биологических определений жизни, согласно одному из них жизнь – это активная форма существования материи, которая в обязательном порядке содержит в себе все «свойства живого», совокупность физических и химических процессов, протекающих в организме, позволяющих осуществлять обмен веществ и его деление.

Наряду с привычным с точки зрения биологии определением «жизни» находится и социальная жизнь, которая неразделима с вышеуказанной трактовкой и является своеобразной формой реализации биологической жизни человека, отражаемой путем участия человека в тех или иных общественных отношениях.

Некоторые авторы считают, что жизнь как юридическое благо существует только в том случае, если «человек может реально, субъективно обладать сознанием самого себя, своих интересов и самонастроения», что оставляет без защиты нерожденный плод (наситурус) и тех, кто в силу специфиче-

ской стадии своего заболевания не в состоянии справиться с собой или принимать разумные решения [1]. Сторонники эвтаназии оправдывают ее, логически выводя право на достойную смерть из неспособности вести достойную жизнь. Следует согласиться с мнением, что эти два понятия не являются равными.

Как известно, жизнь имеет начало и конец, но, несмотря на это, еще одним дискуссионным и, на наш взгляд, очень важным вопросом среди исследователей является вопрос момента начала жизни.

Как правило, во многих странах принято считать, что человек начинает обладать правом на жизнь с момента рождения, однако, в каждой стране находится часть общества, которая утверждает, что правом на жизнь человек обладает с момента зачатия. Стоит также отметить, что в отечественной литературе, а также в зарубежной литературе нет исчерпывающего взгляда на момент начала действия права на жизнь.

В юридической литературе большая часть ученых придерживаются мнения о том, что началом биологической жизни является формирование человеческого эмбриона, а социальная жизнь человека, в свою очередь, начинается с момента его рождения [5]. В литературе по судебной медицине, как отмечает В.Е. Пасмарнова: «начало жизни определяется моментом перехода присущего плоду зародышевого кровообращения в легочное. Это происходит в момент первого дыхательного движения при попадании воздуха в легкие» [4].

Для дачи наиболее объективной оценки вопросу об определении момента начала возникновения права на жизнь, необходимо обратиться к теории и практике ряда иностранных государств. Так, в Ирландии до 2018 года конституцией защищалось право на жизнь нерожденного ребенка, то есть сформировавшегося эмбриона, в той же степени, что и право на жизнь матери. Одной из стран, в которой на настоящий момент действует право на жизнь с момента зачатия, является Венгрия, 26 апреля 2011 года Президент Венгрии Пал Шмитт подписал новую Конституцию, которая закрепила право на жизнь человека с момента зачатия. Казалось бы, если человек в Венгрии обладает правом на жизнь с момента зачатия, то искусственное прерывание беременности фактически приравнивается к убийству, однако, в Венгрии и по сей день аборт легализован, хоть и имеет ряд ограничений. Конституция же Швейцарии напротив, в полной мере не признает никаких прав за эмбрионом и относит его к зачаточным и генетическим средствам человека.

Примером страны, в котором аборт официально запрещен, является Польша, однако, в исключительных случаях по разрешению прокурора и врача искусственное прерывание беременности возможно. Аборт в настоящее время разрешен только в двух случаях: когда беременность представляет угрозу для жизни или здоровья женщины или когда беременность наступила в результате запрещенного действия, такого как изнасилование или инцест.

В российском научном дискурсе также звучит мнение, что в рамках конституционно-правового регулирования права на жизнь прерывание беременности следует закрепить как посягательство на жизнь будущего ребенка, предлагается запретить искусственное прерывание беременности по желанию женщины (до 12 недель) и по социальному показанию (до 22 недель), оставив в качестве основания искусственного прерывания беременности независимо от срока лишь медицинские показания.

Представляется, что с одной стороны, такого рода политика со стороны государства подразумевала бы под собой защиту права на жизнь ребенка уже с внутриутробного развития, с другой стороны, такими действиями государство нарушает право на жизнь матери ребенка, ограничивая свободу распоряжения собственной жизнью.

По мнению Г.Б. Романовского право на жизнь следует рассматривать и как принцип, определяющий основы взаимоотношений человека и государства, и в то же время как субъективное право, включающее в себя возможность поведения, обуславливающего гарантии осуществления, принципы правового регулирования [3].

Категория содержания «права на жизнь» на протяжении многих лет также является предметом широкоформатных дискуссий среди ведущих исследователей многих стран, в том числе и среди отечественных исследователей.

Так, М.Н. Малеина среди фундаментальных элементов содержания указанного права включает в содержание права на жизнь следующие аспекты: право на сохранение человеческой индивидуальности, что, по мнению ученого, обуслов-

лено достижениями в сфере современной медицины – коррекция биологического пола, трансплантация органов и так далее.

В.М. Танаев разделяет право на жизнь на три разных элемента: право на жизнь, право на риск и право на прекращение жизни [6].

Следует отметить, что приведенные трактовки содержания права на жизнь отечественными исследователями М.Н. Малеиной и В.М. Танаевым в совокупности представляют собой право на достойное существование жизни, что на наш взгляд, является значимым вкладом в институт защиты права на жизнь.

По мнению Н.А. Белобрагиной, в содержание права на жизнь входит два блока правомочий: 1) Право на неприкосновенность жизни (право требовать не причинять вреда жизни, не предпринимать действий, способствующих появлению угрозы жизни; право требовать оказать помощь по спасению жизни; право на самозащиту жизни; право на обращение за защитой права на жизнь в национальные и международные органы); 2) право на свободное распоряжение собственной жизнью, представляющее собой возможность добровольно поставить собственную жизнь под угрозу при отсутствии намерения привести к смерти и при наличии условий реализации права, исключающих угрозу жизни другим лиц (право на занятие некоторыми видами деятельности, предполагающими угрозу жизни; право на отказ от медицинской помощи, если в случае такого отказа возникает угроза жизни; право на трансплантацию органов и (или) 7 тканей, представляющую опасность для жизни; право на участие в медико-биологических испытаниях, представляющих угрозу для жизни).

В западной литературе вопрос содержания права на жизнь также вызывает пристальное внимание ученых. Так, В. Камбовски, опираясь эко(био)центрическую философию права, вводит категорию коллективного права на жизнь настоящего и будущих поколений, связанного с глобальной целью устойчивого и гуманного социального развития и реализуемого благодаря построению экосоциального общества. Содержание этого коллективного права базируется на принципе экологической справедливости.

Современные ученые расширяют пределы права на жизнь, поднимая такие вопросы как право на виртуальную жизнь, а также право пропавшего без вести на розыск и корреспондирующая этому праву обязанность со стороны государства разыскать пропавшего, что особенно актуально в период вооруженных конфликтов в связи с насильственными исчезновениями. В научной дискуссии поднимается вопрос о «хорошей смерти»; прекращении жизни в муках по воле умирающего. В этом контексте исследуется вопрос о том, имеют ли больные право умереть, когда и как они хотят. И допустимо ли активно или пассивно помогать другим покончить с невыносимой жизнью? Споры об эвтаназии и эвтаназии усиливаются по мере того, как население становится старше, а прогресс медицины позволяет врачам продлевать жизнь тяжелобольным пациентам.

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что право на жизнь, его содержание и реализация зависят от «духа» времени – обстоятельств, исторических событий. С развитием общества развиваются и наполняются эти взаимосвязанные категории.

Пристатейный библиографический список

1. Dragana Ćorić. Right to life, whatsoever life is // Yearbook. Human rights protection. Right to life. – № 4. – Рр. 55-65.
2. Клыга Т.В. Исторический аспект возникновения и становления права на жизнь в древнем мире и во времена античности // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 36.
3. Романовский Г.Б. Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02. – Пенза, 2006. – С. 4.
4. Пасмарнова В.Е. К вопросу о понятии права на жизнь // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2014. – № 4.
5. Селихова О.Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность // Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Екатеринбург, 2002. – С. 205.
6. Танаев В.М. Право на смерть // Вестник Государственного университета, Екатеринбург. – 2016. – № 1. – С. 6.

СООДОНБЕКОВ Артур Амантурович

адъюнкт 3 Факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

НОВЕЛЛЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования избирательной системы в Кыргызской Республике, ее дальнейшего развития в связи с новой Конституцией Кыргызской Республики 2021 года. Показано, что внедрение наряду со смешанной избирательной системой в Кыргызской Республике преференциального голосования является новым шагом развития избирательной системы, которая еще находится на стадии трансформации.

Ключевые слова: избиратели, избирательные объединения, совершенствование избирательного законодательства, избирательная система, выборы, Парламент.

SOODONBEKOV Artur Amanturovich

adjunct of the 3rd Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Staff of the Academy of Management of the MIA of Russia

NOVELTIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC ELECTORAL LEGISLATION

The article discusses the issues of improving the electoral system in the Kyrgyz Republic, its further development in connection with the new Constitution of the Kyrgyz Republic in 2021. It is shown that the introduction of preferential voting along with the mixed electoral system in the Kyrgyz Republic is a new step in the development of the electoral system, which is still at the stage of transformation.

Keywords: voters, electoral associations, improvement of electoral legislation, electoral system, elections, Parliament.

Одним из требований общества является организация открытых, справедливых и состязательных выборов, итоги которых признаются как легитимные в первую очередь самими гражданами и политическими силами.

Во всех основных документах КР, начиная с Конституции Кыргызской Республики 1993 года и до действующей Конституции 2021 года, был закреплён принцип народовластия и верховенства власти народа [1, с. 47].

Конституция установила основы демократической избирательной системы, с обязательным периодическим проведением выборов. Политическое многообразие и многопартийность, заявленные Конституцией, также были очень важными для проведения демократических изменений в стране, развития парламентаризма, гражданского общества [2, с. 140].

Одним из шагов, приведших к изменению избирательного законодательства республики, стало распоряжение Президента Кыргызской Республики от 11 марта 2013 года. Данное распоряжение содержало четкое поручение Аппарату Президента Кыргызской Республики по осуществлению анализа имеющихся проблем и недостатков избирательного законодательства и всего избирательного процесса Кыргызской Республики, с выработкой в дальнейшем соответствующих рекомендаций и формирования предложений по внесению изменений в соответствующие нормативные правовые акты республики¹.

Также следует отметить, что была создана рабочая группа с целью совершенствования избирательного законо-

дательства Кыргызской Республики. Состав группы был утвержден Указом Президента КР от 22 мая 2013 года № 109².

Существенные изменения в избирательном праве обусловлены принятием Конституции Кыргызской Республики 2021 г.³, предусматривающей новый порядок формирования Жогорку Кенеша Кыргызской Республики (Парламент), на основе которой требовалось разработать и принять соответствующий Закон о выборах, в соответствии с которым могут быть проведены выборы в Парламент республики.

Переход от полупрезидентской системы к президентской форме правления привел к значительному сдвигу в балансе публичной власти. Новая Конституция Кыргызской Республики предоставляет Президенту право законодательной инициативы.

27 июня 2019 г. ЖК КР принимается пакет законопроектов, предусматривающих новые правила проведения выборов и референдумов в Кыргызстане, Президент Кыргызской Республики С.Ш. Жээнбеков подписал Конституционный закон 13 августа 2019 года.

Одной из основных новелл законодательства является введение гендерного баланса, в частности, нормы о том, что не менее 30 % от общего числа депутатов в местных кенешах должны составлять женщины». Кроме того, в них содержатся меры по обеспечению прозрачности избирательного процесса и предотвращению применения административного ресурса.

Предусмотрено также новое правило, в соответствии с которым в выборах депутатов не смогут участвовать партии,

1 Указ Президента КР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president.kg/ru/sobytiya/rasporyazheniya/868_almazbek_atambaev_podpisal_rasporyaghenie_o_sovershenstvovanii_izbiratelnoy_sistemi_kirgizstana. (дата обращения: 27.02.2022 г.).

2 Указ Президента КР «О мерах по совершенствованию выборного законодательства Кыргызской Республики» от 22 мая 2013 года УП № 109. Бишкек, ИПС «Токтом», 2022.

3 Конституция Кыргызской Республики, принятая ЖК КР 11 апреля 2021 г. (подписана Президентом КР 5 мая, 2021 г.). Бишкек, ИПС «ТОКТОМ», 2022.

которые созданы менее чем за шесть месяцев до дня голосования. Помимо этого, было увеличено количество участков для голосования в зарубежных странах, в частности в России и Казахстане, где находится большинство трудовых мигрантов из Кыргызстана, чтобы обеспечить их избирательные права.

Еще одно новшество касается кандидатов на должности мэров городов и депутатов местных кенешей: пассивного избирательного права лишены граждане, имеющие судимость за совершение тяжких преступлений.

Ряд специалистов утверждают, что принципиальных изменений в избирательном законодательстве не произошло. Среди них следует отметить, в частности, высказывание экс-депутата Парламента И.Д. Кадырбекова, который выразил мнение, что эти новшества и поправки не изменят сущность избирательного процесса и не помогут исправить существующие недочеты⁴.

Действующий глава государства С.Н. Жапаров в период президентской кампании отметил, что внедрение мажоритарной системы при выборах в Жогорку Кенеш на одну треть было обусловлено по причине дискредитации политических партий, так как их лидеры перевели предвыборный процесс на коммерческие рельсы, парламент страны стал приобретать признаки закрытого акционерного общества⁵.

Принятая на всенародном референдуме Конституция Кыргызской Республики 2021 года и внесенные изменения и дополнения в Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» (в редакции от 15 июля 2021 года № 84, 26 августа 2021 года № 103) сократили количество депутатов ЖК с 120 до 90, изменили систему выборов депутатов Парламента; пропорциональная избирательная система заменена на смешанную избирательную систему, сократилось количество народных избранников в Парламенте из 90 депутатов Жогорку Кенеша 36 избираются по мажоритарной системе абсолютного большинства, а 54 депутаты продолжают избираться по пропорциональной системе, когда избиратель кроме политической партии голосует за конкретного кандидата от политической партии. Существенной новеллой явилось внедрение преференциального голосования - граждане получили право оказывать предпочтение как к кандидатам, так и политическим партиям. Избиратели получили возможность голосовать за кандидата, выдвигающегося по одномандатному округу, это обеспечило своего рода представительство от регионов в Парламент.

Поправками, введенными 15 июля 2021 года № 84 в Конституционный закон КР о выборах, была уменьшена сумма избирательного залога для политических партий, ранее он составлял 5 миллион сом, теперь он существенно уменьшился и составил 1 миллион сом.

Для политических партий введен заградительный барьер, который составляет три процента голосов избирате-

лей. Выдвигающемуся от одномандатного округа достаточно набрать большинство голосов в своем округе от числа пришедших на участки зарегистрированных избирателей.

Все вышеперечисленные изменения законодательства республики о выборах обусловили активную деятельность политических партий и кандидатов при проведении предвыборной агитации.

Выводы: Избирательная система Кыргызской Республики продолжает трансформироваться, она еще далека от совершенства. Одной из основных причин народных волнений, приведшими к смене власти в 2005 г. и в 2020 г., было именно несовершенство избирательной системы. Поэтому пока не будет сформирована справедливая избирательная система, которой доверяют большинство граждан страны, реформа избирательного процесса будет продолжаться. В настоящее время назрела также необходимость усиления работы по повышению правосознания граждан путем проведения мероприятий по разъяснению законов, преодолению негативных процессов, связанных с подкупом голосов избирателей.

Пристатейный библиографический список

1. Абазов А.С. Генезис избирательной системы Республики Кыргызстан как государства – участника СНГ в постсоветский период // Вестник Московского университета МВД России. № 5. М., 2015. С. 47.
2. Большаков С.В., Евланов И.А., Иманбаев С.И., Ищенко Е.П., Зулпиев Б.Р. Орозалиев Т.О. Избирательное законодательство Кыргызской Республики. Уч. пособие. Бишкек, 2001.

4 Поправки в выборное законодательство Кыргызстана. Что изменилось? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_election_law/30110639.html. (дата обращения: 02.04.2022).

5 Садыр Жапаров о выборах в ЖК КР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24.kg/vlast/200988_novoe_izbiratelnoe_zakonodatelstvo_kak_neokazatsya_vbaymanapskom_hanstve/ (дата обращения: 25.02.2022).

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ

В статье проводится анализ научных подходов и раскрываются теоретико-правовые предпосылки формирования института «публично-правовой ответственности» в рамках базового понятия «юридическая ответственность». На основе проведенного исследования раскрываются сущность и особенности публично-правовой ответственности в рамках современной правовой действительности, а также выводится авторское определение категории «публично-правовая ответственность».

Ключевые слова: юридическая ответственность; публично-правовая ответственность; особенности публично-правовой ответственности.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

Евсикова Е. В.

PUBLIC LIABILITY: CONCEPT AND FEATURES

The article analyzes scientific approaches and reveals the theoretical and legal prerequisites for the formation of the institute of "public legal responsibility" within the framework of the basic concept of "legal responsibility". On the basis of the conducted research, the essence and features of public liability within the framework of modern legal reality are revealed, and the author's definition of the category of "public liability" is also derived.

Keywords: legal responsibility; public legal responsibility; features of public legal responsibility.

В современных реалиях развития правовой действительности национальная правовая система остро нуждается в надлежащих и качественных средствах правовой охраны и защиты действенных механизмов правового регулирования, важное место в котором занимает институт «публично-правовой ответственности» [1, с. 39], которая, на сегодняшний день продолжает оставаться малоизученной и требует проведения комплексного научного исследования своей сущности, правовой природы, особенностей, проведения классификации на основе различных критериев, чтобы устранить существующие недостатки и проблемы правопонимания и правоприменения данного вида юридической ответственности, избежать правовой неопределенности в механизме ее нормативно-правового регулирования.

При этом само по себе выделение категории «публично-правовая ответственность» в рамках более общего понятия «юридическая ответственность» до сих пор остается дискуссионным.

Так, Умнова И. А., выделяя проблему формирования конституционно-правовых основ публично-правовой ответственности РФ и ее субъектов [2], т.е. публично-правовая ответственность рассматривается как вид юридической ответственности, однако, субъектами такой ответственности выступают только органы публичной власти, которые несут ответственность перед населением страны.

Аналогично, Яценко О. В., выделяя понятие «публично-правовая ответственность», рассматривает ее с конституционно-правовых позиций, как более широкое комплексное явление, сочетающее в себе политические, правовые и моральные меры ответственности [3, с. 35].

В свою очередь, Рунец С. В., настаивает на том, что юридическая ответственность имеет отраслевой характер, осно-

вывающийся на системе конкретных отраслей права [4, с. 11-12].

Как видим, при таком подходе, юридическая ответственность рассматривается сквозь призму отраслей права и основывается исключительно на отраслевом критерии.

В то же время, бурное развитие российского законодательства, его усовершенствование, активное разделение на публичное и частное способствует углублению научных изысканий в данной сфере, в том числе, о юридической ответственности и ее видах. Однако, традиционно, большинством ученых выделяется именно отраслевой критерий.

Хотя, в последнее время, как справедливо отмечают Бу-такова Н. А и Пирожкова Н. П., есть все основания для основного деления всех видов юридической ответственности на два главных вида: частноправовую и публично-правовую ответственность [5].

Мы поддерживаем позицию данных авторов и считаем такое выделение видов юридической ответственности вполне обоснованным с учетом современных реалий и условий правовой действительности.

Прокопович Г. А., категорию «публично-правовая юридическая ответственность» рассматривает сквозь призму комплексного публично-правового регулирования, указывая, что публично-правовая ответственность наступает лишь при нарушении норм публичного права (административного, уголовного и т.д.) [6].

Скребнева Н. А. отводит особое место для классификации юридической ответственности критерию деления права на публичное и частное, исходя из которого, считает более целесообразным выделять род ответственности в публичном и частном праве [7].

Однако, по нашему мнению, необходимость выделения в рамках базовой категории «юридическая ответственность»

такого ее вида, как «публично-правовая ответственность», а также комплексного научного осмысления ее сущности и особенностей – не вызывает сомнений, особенно, в условиях острой необходимости обеспечения качественного нормативно-правового регулирования охраны и защиты прав и интересов общества и государства, повышения эффективности ее реализации на практике.

В рамках данного исследования определенный научный интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ, который отметил, что юридическая ответственность будет являться средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, а меры ответственности лиц должны определяться исходя из публично-правовых интересов¹.

А дифференциация видов публично-правовой ответственности, исходя из традиционных принципов справедливости и соразмерности наказания [9] обуславливается размером причиненного вреда, уровнем общественной опасности деяния, степени вины [1, с. 44].

В свою очередь, Кузьмин И. А. подразделяется КС РФ на конституционно-правовую, уголовную и административно-правовую, отмечает, что публично-правовая ответственность выступает типом юридической ответственности, обладающим существенной спецификой структуры и содержания, который отличается от частноправовой ответственности по целому ряду критериев (1) целью ее установления и применения выступает обеспечение публичных интересов общества и государства; 2) по сфере применения публично-правовая ответственность охватывает значительный по объему массив общественных отношений; 3) по формам проявления публично-правовая ответственность рассматривается сквозь призму теории систем как совокупность конституционно-правовой, уголовной и административно-правовой ответственности; 4) по нормативному закреплению – меры публично-правовой ответственности закреплены на законодательном (федеральном и региональном) уровне; 5) по фактическому основанию: совершение публично-правового правонарушения (при наличии всех элементов состава); 6) по субъектному составу: индивидуальные субъекты (граждане, иностранцы, лица без гражданства, вынужденные переселенцы и т.д.) и коллективные субъекты (публично-правовые образования, организации, социальные общности); 7) по форме и механизму реализации: в принудительном порядке (уголовная) или добровольном (добровольная уплата лицом суммы налоговой санкции до вынесения судебного решения о принудительном взыскании) [1, с. 39-50].

Таким образом, действующее законодательство, правоприменительная практика и наработки правовой доктрины позволяют говорить о возможности и необходимости выделения такого типа юридической ответственности как публично-правовая ответственность, которая представляет собой систему конституционно-правовой, уголовной, административной, финансовой, налоговой, экологической и других видов ответственности, предусмотренных действующим федеральным или региональным законодательством за совершение публично-правового правонарушения (на-

рушение предписаний публично-правовой нормы), которая направлена на обеспечение и защиту публично-правовых интересов общества и государства от противоправных посягательств индивидуальных или коллективных субъектов и состоит в добровольном или принудительном претерпевании ими негативных последствий в виде лишений и ограничений личного, имущественного или организационного характера.

Пристатейный библиографический список

1. Кузьмин И.А. Специфика публично-правовой ответственности // *Lex Russica*. – 2017. – № 6 (127). – С. 39-50.
2. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.02 // *Московская государственная юридическая академия*. – Москва, 1997. – 398 с.
3. Яценко О.В. Институт правовой ответственности в публичном праве: теоретические аспекты // *Философия права*. – 2007. – № 2. – С. 35.
4. Рунец С.В. Публично-правовая ответственность главы государства // *Бизнес в законе*. – 2010. – № 3. – С. 11-12.
5. Бутакова Н.А., Пирожкова Н.П. Юридическая ответственность: понятие, виды // *Научные труды Северо-Западной академии государственной службы*. – 2012. – Т. 3. – № 1 (50). – С. 251-265.
6. Прокопович Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук 12.00.01 / *НОУ ВПО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)*, 2010. – 62 с.
7. Скребнева Н.А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / *НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права (МИГУП)»*. – М., 2018. – 189 с.
8. Руденко А.В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности // *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. – 2016. – № 4 (25). – С. 77-81.
9. Буц С.Б., Евсикова Е.В. К вопросу о реформировании административно-деликтного законодательства и законодательном определении понятия «административная ответственность» // *Евразийский юридический журнал*. – 2020. – № 5 (144). – С. 154-156.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 марта 2014 г. № 5-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rg.ru/2014/03/28/proverka-dok.html>.

КУЛАКОВ Николай Андреевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России

ТЕМНИКОВ Алексей Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

ЕРМОЛАЕВ Вячеслав Геннадьевич

доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ НОТАРИАТА: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Исследование посвящено проблемам государственного управления и административно-правового регулирования в области нотариата. Предметом исследования выступили нормы административного и административно-процессуального права, регулирующие отношения в области организации нотариата. В работе использованы формально-логический метод, сравнительно-правовой метод, метод статистического анализа. В результате исследования коллектив авторов приходит к выводу о значительном потенциале публично-правовых исследований в области нотариата и необходимости интенсификации таких исследований.

Ключевые слова: нотариат, публично-правовое регулирование, административно-правовое регулирование, юстиция.

KULAKOV Nikolay Andreevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative law sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

TEMNIKOV Aleksey Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ERMOLAEV Vyacheslav Gennadjevich

associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD OF NOTARY: PUBLIC-LEGAL ASPECT

The study is devoted to topical issues of improving public administration and administrative and legal regulation in the field of notary. The subject of the study was the norms of administrative and administrative-procedural law governing relations in the field of notary organization. The work uses a formal-logical method, comparative-legal methods, the method of statistical analysis. During the study, a number of proposals were formulated to improve administrative and legal regulation in the field of notary.

Keywords: notary, public law regulation, administrative and legal regulation, justice.

В качестве главной задачи любого цивилизованного государства в современном мире необходимо воспринимать формирование условий для реализации прав и свобод граждан, качества их жизни. Когда население, проживающее на территории государства, имеет возможность беспрепятственно получать всё, на что оно имеет право, можно рассчитывать на прогресс во всех сферах общественной жизни. В связи с этим любое современное государство должно стремиться к поиску новых и оптимизации уже существующих правовых механизмов, способствующих оптимальной реализации гражданами их прав и свобод. Одним из таких механизмов, безусловно, следует признать нотариат.

Согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом СССР 11 февраля 1993 года (далее - Основы законодательства о нотариате) задача нотариата заключается в обеспечении в соответствии с Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Такое обеспечение осуществляется путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Отметим, что в советский период развития российского государства нотариат входил в структуру органов юстиции, то есть в полном смысле являлся ведомством, органом исполнительной власти. Но уже на последнем этапе существования СССР в отечественное пра-

вовое регулирование в области нотариата стали проникать общепринятые международные тенденции. В результате на сегодняшний день нотариат не входит в структуру органов государственной власти.

Институт нотариата на современном историческом этапе развития российского государства давно вышел за пределы понятия юридической деятельности и стал восприниматься, как важнейший институт гражданского общества, правозащитный и правореализационный механизм. Нотариат обеспечивает нормальное состояние правоотношений между различными субъектами права, профилактику злоупотреблений при совершении сделок. В связи с этим возрастает и роль публично-правовых аспектов в регулировании нотариата. Наличие публично-правовой составляющей в природе нотариата остается предметом научных дискуссий. Как следствие, пределы административно-правового регулирования в данной области не определены, а нормотворческий процесс осуществляется без учета теоретических разработок административного и административно процессуального права. Раскрывая дефиницию нотариата, приведем тезис, который, как видится, наиболее полно отражает сущностные характеристики анализируемого нами явления: «Нотариат, осуществляя защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц, действует от имени государства, в этой связи его деятельность носит публичный характер, направлена на защиту и частных, и публичных интересов, обеспечива-

ет законность и является по своей сути правоохранительной деятельностью» [2, с. 132].

Анализируя приведенный тезис, особо следует обратить внимание на следующий признак нотариата: «действует от имени государства» и, как следствие, деятельность органов нотариата носит публичный характер (мы бы даже добавили публично-правовой характер). Таким образом, автор подчеркивает, что основной миссией нотариата является решение проблем общего характера, свойственных неопределенному кругу субъектов. Отдельный нотариус в конкретной ситуации осуществляет нотариальные действия, как правило, в интересах конкретных участников правоотношений. Однако нотариат, как система уполномоченных государством лиц, существует и функционирует в интересах всего общества. Такой интерес заключается в охране прав и свобод отдельных граждан, нормальном состоянии отношений между гражданами. Именно поэтому можно вести речь если не о публично-правовой природе нотариальной деятельности, то уж точно о наличии в ней элементов таковой.

На двойственную природу нотариата указывали многие специалисты. Публичные и частные элементы нотариальной деятельности не являются взаимоисключающими, они дополняют друг друга [1, с. 14], [3, с. 1]. На наш взгляд, наличие публично-правовых начал в правовой природе нотариата очевидно. Несмотря на то, что нотариат не обладает аппаратом принуждения, нотариальные действия все же имеют обязательный характер. Такая «обязательность» обеспечивается государственным аппаратом принуждения. Например, заверенное в нотариальном порядке завещание приобретает законную силу и в случае необходимости может быть исполнено принудительно.

Еще одним признаком публичности нотариальных полномочий является наличие определенной организационной структуры нотариата, особой регламентации форм и методов нотариальной деятельности, а также специального контроля за ее осуществлением. Отметим, что государственное управление нотариатом является одним из сегментов управления в области юстиции в целом. Главным субъектом административно-правового регулирования в области нотариата является Минюст России. Обобщая полномочия данного ведомства, отметим, что оно осуществляет:

нормативно-правовое регулирование деятельности нотариата на ведомственном уровне (причем объем такого регулирования весьма значителен);

делегирование государственно-властных полномочий частным нотариусам через систему аттестации (квалификационный экзамен, включение нотариусов в единый реестр, присвоение им идентификационного номера и др.);

контрольно-надзорные полномочия в области соблюдения законодательства о нотариате.

Анализируя специальный административно-правовой статус нотариуса, можно прийти к выводу о наличии в нем многих общих со статусом государственного или муниципального служащего элементов. Требования, предъявляемые к уровню профессионализма нотариуса, это далеко не единственное сходство. В отношении нотариусов закон устанавливает ряд запретов: статус нотариуса не может приобрести гражданин иностранного государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации; лицо, дееспособность которого в какой-либо степени ограничена судом либо, осужденное к наказанию, исключающему возможность исполнения обязанностей нотариуса, по вступившему в законную силу приговору суда и др.

Ограничения для нотариуса предусмотрены в ст. 6 Основ законодательства о нотариате. Согласно данной статье, нотариус не вправе: заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной или иной творческой деятельности; оказывать посреднические услуги при заключении договоров.

Следует обратить внимание, что ограничения, установленные для нотариусов в экономической сфере общественных отношений даже более существенные, чем аналогичные ограничения для государственных гражданских служащих (распространяющиеся также на военную службу¹, а также службу в органах внутренних дел²), которые ограничены лишь в осуществлении предпринимательской деятельности. Осуществлять иную приносящую доход деятельность им не запрещено, если она не подпадает под понятие предпринимательской и не противоречит интересам службы³.

Важной составляющей административно-правового статуса нотариуса являются требования, предъявляемые к его поведению, и в этом статус нотариуса также близок к статусу публичного служащего. На сегодняшний день действует Кодекс профессиональной этики от 12 августа 2018 года. Данный нормативный правовой акт предусматривает принципы профессиональной этики нотариусов, общие требования к профессиональному поведению нотариусов и поведению нотариусов во внеслужбное время, а также целый ряд других требований. Анализ требований указывает на то, что государство и общество заинтересованы в высоком моральном облике нотариуса. Даже во внеслужбное время нотариус должен постоянно помнить о необходимости беречь моральный облик и высокое звание нотариуса и с осторожностью подходить к участию в общественной жизни.

Таким образом, нотариальные полномочия имеют публично-правовую природу, хотя и тесно связаны с регулированием частноправовых вопросов. Соответствующие полномочия делегируются нотариату государством. Вместе с тем, на сегодняшний день имеет место дефицит научно-исследовательских работ в соответствующей области. В связи с этим публично-правовые аспекты регулирования отношений в области нотариата следует признать актуальным объектом публично-правовых наук, требующим интенсификации его исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Клячин Е.Н. Конституционная гарантия каждого на получение квалифицированной юридической помощи невозможна без более полного использования потенциала нотариата // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. – М., 2007. – С. 14-19.
2. Черемных И.Г. Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2007. – С. 132-136.
3. Черников А.Е. Правовая природа нотариата в современной России // Управление общественными и экономическими системами. – 2009. – № 1. – С. 1-9.

1 См., ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. - 1998. - Ст. 2331.

2 См., ч. 2 ст. 14 Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 49 (ч. 1). - Ст. 7020.

3 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - N 31. - Ст. 3215.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-135-137

ИГНАТЬЕВА Ирина Валентиновна

кандидат экономических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ЗЕДГЕНИЗОВА Ирина Ивановна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и цифровых бизнес-технологий Иркутского национального исследовательского технического университета

КИРИЛЬЧИК Елена Валерьевна

преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ

В представленной статье исследуются особенности формирования правосознания предпринимателей как важнейшего фактора построения рыночной экономики Российской Федерации. Вопросы формирования правосознания как в обществе в целом, так и в составляющих его социальных группах особо остро встают во времена системных кризисов, наступление которого, по всем признакам текущей геополитической и международной и внутренней экономической ситуации, ожидается весьма скоро. Автор рассматривает правосознание предпринимателей, как социальной группы, играющей значительную роль в экономике России. В работе исследован как национальный, так и международный опыт влияния различных внешних и внутренних условий на становление предпринимательского правосознания. С учетом названного опыта, сделаны предложения о совершенствовании регулирования, целью которого является формирование правосознания, удовлетворяющего интересам государства и общества. Автором выработан тезис об антикризисном правосознании предпринимателей, которое может стать достойным ответом на проблемы, которые возникают в обществе в периоды экономических кризисов.

Ключевые слова: правосознание, предприниматели, государственная политика, юридическая ответственность, льготы и преференции.

IGNATJEVA Irina Valentinovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice

ZEDGENIZOVA Irina Ivanovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and digital business technologies sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

KIRILCHIK Elena Valerjevna

lecturer of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice

FEATURES OF THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE BUSINESS ENVIRONMENT

This article examines the features of the formation of the legal consciousness of entrepreneurs as the most important factor in building a market economy in the Russian Federation. The issues of the formation of legal consciousness both in society as a whole and in its constituent social groups are especially acute in times of systemic crises, the onset of which, by all indications of the current geopolitical and international and domestic economic situation, is expected very soon. The author considers the legal consciousness of entrepreneurs as a social group that plays a significant role in the Russian economy. The paper examines both national and international experience of the influence of various external and internal conditions on the formation of entrepreneurial legal consciousness. Taking into account the above experience, proposals were made to improve regulation, the purpose of which is to form a legal consciousness that satisfies the interests of the state and society. The author has developed a thesis about the anti-crisis legal awareness of entrepreneurs, which can be a worthy response to the problems that arise in society during periods of economic crises.

Keywords: legal awareness, entrepreneurs, public policy, legal responsibility, benefits and preferences.

Введение.

Современное правосознание российского общества начало формироваться во многом под влиянием рыночных реформ 90-х годов прошлого века. Тогда из массового правосознания советских людей возникло так называемое «рыночное» [6] правосознание, в корне отличающееся от советского, которое поначалу было востребовано небольшой, но быстро формирующейся прослойке общества – предпринимателями. В экономиках, развивающихся в условиях свободного и открытого рынка товаров и услуг, именно предпринимательская активность, и как один из ее факторов, предпринимательское правосознание является определяющим условием успешного развития экономики.

Недавние события на потребительском рынке, обусловленные введением беспрецедентных по масштабу экономических санкций и падением курса рубля, показали, насколько правосознание отдельных представителей бизнеса далеко от идеала. В марте 2022 года ряд социально важных продуктов (базовые продукты питания (сахар, и др.), многие лекарства) практически исчезли из торговых точек, цены на оставшиеся подскочили в разы). По мнению российского руководства [7], отдельные поставщики этих товаров, воспользовавшись обострившейся внешнеэкономической обстановкой, необоснованно сократили поставки, чем взвинтили цены ради собственной наживы, что является существенным нарушением российского законодательства (ст.ст. 14.6, 14.8, 14.31 и др.

КоАП РФ), и кроме этого, несет угрозу экономической стабильности и национальной безопасности в целом.

Сегодня вопросы формирования правосознания российского общества, подвергающегося серьезным испытаниям на прочность во времена циклически повторяющихся системных кризисов российского цивилизационного развития, к сожалению, продолжают оставаться актуальными и одними из главных теоретико-фундаментальных и практически-прикладных вызовов для современных политических элит и представителей научного сообщества разных направлений (прежде всего социально-правового) современной России, прежде всего в контексте обеспечения ее социальной стабильности и национальной безопасности [1, 2, 7]. Исследования особенностей формирования правосознания предпринимателей как наиболее активной в экономическом смысле части общества, а следовательно, в наибольшей мере оказывающей влияние на экономическую безопасность, по изложенным выше причинам, также представляется весьма актуальным. Таким образом, целью представленного исследования является анализ влияния внешних и внутренних условий на формирование предпринимательского правосознания, и возможности внешнего управления этим процессом в интересах государства и общества. Гипотеза исследования. Устойчивость правосознания предпринимателей наиболее важна для государства и общества в сопровождаемые негативной социальной динамикой периоды обострения экономических кризисов.

Методы исследования.

Настоящее исследование выполнено на основе системного и комплексного подходов, с использованием общенаучных и частно-научных методов. В наибольшей степени в работе применены: исторический метод, сравнительно-правовой метод, метод перехода от общего понятия к частному, логический метод. Источниками для доказывания гипотезы стали нормативно-правовые акты, научные труды теоретического и прикладного характера, информация о состоянии экономики и политики, представленная на доверенных информационных ресурсах России.

Результаты.

Сегодня одной из основных задач российской экономической политики является развитие всех уровней предпринимательской деятельности: малого, среднего и крупного бизнеса. Реализуя на практику провозглашенную политику всесторонней поддержки предпринимательской деятельности, государство проводит целый комплекс различных мероприятий, от принятия соответствующих целевых программ, льготного кредитования ряда социально-значимых предприятий, до установления справедливой системы налогообложения для различных видов бизнеса и др. Эта деятельность в своей сущности не является запретительной, устанавливающей различные барьеры, ее цель – наведение порядка, необходимого для создания условий оптимизации деятельности всех предпринимателей. Данная деятельность требует принятия большого количества законов и других нормативно-правовых актов, выполняя которые, добросовестный и информированный предприниматель способен достичь определенных успехов в своей карьере. С другой стороны, предприниматель должен сознавать, что при нарушении правовых установок, ему грозит неотвратимая юридическая ответственность, которая может привести к существенным материальным убыткам в виде штрафов, остановки

и потери бизнеса, а в отдельных случаях, и личной свободы. Таким образом, экономико-ориентированный, понятный и открытый законотворческий процесс оказывает серьезное воздействие на состояние правосознания предпринимателей. Представляется, что такая схема взаимоотношений «предприниматель – государство» является универсальной для мировой практики, и правосознание предпринимателей формируется за счет понятных для них, стабильных правил ведения деятельности, их личной информированности, а также законодательства об административной и уголовной ответственности, которая неотвратимо применяется в случае нарушений.

Следует отметить, что в отдельных странах существуют особенности формирования предпринимательского правосознания, существенно отличающиеся от примеров большинства стран. Так, например, интересны факторы, способствующие развитию предпринимательского правосознания в Японии, которая отличается чрезвычайно развитой и отлаженной системой государственной поддержки бизнеса, особенно малого. Результаты такой поддержки весьма показательны. По данным обозревателя Такао Накадзава, число предприятий японского малого и среднего бизнеса составляет до 99,1 % от общего числа, а по количеству трудящихся до 78 % от всех занятых в стране [3].

Японии свойственно формирование коллективного (корпоративного) правосознания, которое основано на культуре труда, уважительных отношениях между начальником и подчиненным, стремлении принимать коллективно важные решения, и заботе о работниках [5]. Такие качества, основанные на давних деловых и трудовых традициях, безусловно оказывают влияние и на создание соответствующего законодательства: установлен льготный статус предприятий малого бизнеса и строго определены соответствующие виду деятельности льготы и преференции. Соблюдение и неизменность в течение десятков лет подобных условий со стороны государства, в свою очередь, способствуют формированию правосознания, основанного на ощущении стабильности и законности. Таким образом, в правосознании японского бизнеса дополнительным фактором является коллективное (корпоративное) правосознание, которое, помимо уважительного отношения и доверия к законодательным новациям, несущим благоприятные условия для развития бизнеса, проявляется в четком соблюдении трудового законодательства, соотношения заработных плат работников различного уровня подчиненности, что в российских условиях далеко не всегда является справедливым.

При этом представляется, что едва ли следует проводить параллели между российским и японским примерами формирования правосознания предпринимателей. Необходимо учесть, что формирование этого правосознания проходило в течение различных периодов времени, различных подходов государственной политики, различного менталитета населения, отношения к труду и прочих факторов. Однако, чем больше сходных моментов будет сформировано в подходах государственной политики, результаты которой будут проявляться и в растущей эффективности экономики, тем сильнее будут сближаться черты правосознания бизнеса в разных странах.

Обсуждение.

Справедливым представляется утверждение [5], что сегодня молодое, но успешно развивающееся сообщество предпринимателей России, в основе своей имеет консоли-

дацию честных бизнесменов, система ценностей которых четко коррелирует с правовыми принципами и установками, которые проводит в жизнь законодательство России. Их правосознание опирается, прежде всего, на регулируемые законодательством Российской Федерации, связанные с предпринимательской деятельностью административные (налоговые, таможенные, потребительские и др.) отношения, а также имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, основополагающими идеями для которых являются упоминаемые в ст. 1 Гражданского кодекса РФ справедливость, добросовестность, надлежащее исполнения обязательств, признание равенства участников регулируемых законом отношений, неприкосновенность собственности, свободы договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, беспрепятственность осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты и др. При этом следует понимать, что российские предприниматели осуществляют свою деятельность в условиях нестабильного законодательства, отличающегося частой сменой правил, выражающихся в изменениях регулирования налоговых и таможенных тарифов, трудовых, пенсионных и др. отношений. Все это не способствует формированию правосознания, наоборот, ведет к правовому нигилизму, антагонизму правосознания, в обычное время не свойственному, по мнению некоторых авторов [6], российскому народу, но растущему в экономически активной части общества в наибольшей степени во время системных кризисов. В таких условиях государству не остается ничего более, как срочно предпринимать меры поддержки, которые, в свою очередь требуют длительной проработки, времени на которую кризис не оставляет. С другой стороны, растет количество нарушений со стороны предпринимателей, некоторые из которых пытаются нажиться на сопутствующих экономическим кризисам явлениях, упомянутых выше: потребительской панике и дефиците отдельных товаров. Обычные административные методы воздействия на нарушителей (проверки, штрафы и пр.), в таких случаях приносят небольшой результат: при низком уровне правосознания и возможности получить необоснованную и незаконную сверхприбыль риски привлечения к юридической ответственности недобросовестными предпринимателями зачастую не воспринимаются или игнорируются. В таких случаях, с учетом того, что кризисы в России цикличны и часто повторяются [4], представляется целесообразным разработка и принятие специального экономического антикризисного законодательства, которое максимально учитывает возможные варианты действий бизнеса разного уровня и направлений в кризисные периоды. Такое законодательство будет способствовать формированию «антикризисного» правосознания предпринимателей, которые будут рассчитывать на установленные законом конкретные меры экономической поддержки в случае наступления кризиса, а также осознавать, что в случае конкретных нарушений применяемые к ним меры юридической ответственности будут также существенно ужесточены. Мерилом наступления кризиса могут стать определенные результаты применения специально создаваемых методик расчета на основании данных официальной статистики.

Заключение.

Таким образом, формирование правосознания бизнеса обусловлено взаимовлиянием деятельности коммерческих организаций различного уровня и направлений хозяйст

вождения, и регулирующего эту деятельность законодательства, состоящего преимущественно из норм коммерческого права и законодательства об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности. Данное взаимовлияние должно проявляться в следующем: чем выше правосознание бизнеса, выражаемое удовлетворенностью обществом результатами предпринимательской деятельности в целом, тем меньше административных барьеров, мягче юридическая ответственность, больше налоговых, таможенных, финансовых и других, имеющих материальное выражение льгот и преференций. Также представляется целесообразным разработка и принятие специального антикризисного законодательства, для противостояния экономическим кризисам, наподобие законодательства о чрезвычайных ситуациях. При наличии такого законодательства информированные представители бизнеса будут осознавать, что в случае наступления экономических кризисов будут поставлены в иные правила поведения, что должно положительным образом отразиться на предпринимательском правосознании. Таким образом, гипотеза исследования доказана. Темой новых исследований в продолжение настоящего могут стать вопросы формирования правовой культуры у представителей российского бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Марченя П.П., Стрелкова Н.В. Право и смута: Массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 251-253.
2. Марченя П.П., Стрелкова Н.В. Русский марксизм и массовое правосознание в России: встреча философии и права в контексте системных кризисов государства и общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 289-290.
3. Омае К. Особенности ведения бизнеса в Японии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sweetbusiness.ru/index/htm/бизнес-2/japanskij-biznes>.
4. Россия и глобальный кризис современности: материалы межведомственного круглого стола // Философские исследования и современность: Вып. 10. – Москва: ИПЛ, 2021. – С. 202-255.
5. Сальникова О.Ю. Сравнительный анализ особенностей правосознания лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, на примере Японии и России // Молодой ученый. – 2014. – № 6 (65). – С. 573-575.
6. Тихомиров Ю.А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Государство и право. – 2020. – № 3. – С. 37-41.
7. ФАС напомнила о недопустимости создания искусственного дефицита сахара. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreewe ws/6222764c9a79474925d4cee8>.
8. Шагимарданов А.Р. Влияние исламской этики и российского права на формирование правосознания и правовой культуры предпринимателей-мусульман // Власть Закона. – 2020. – № 1 (41). – С. 183-191.

МАЛАЕВ Азрет Хусенович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

КАРАЧАЕВ Аслан Русланович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Административное право является одним из основных регуляторов общественных отношений, затрагивающих практически все сферы деятельности государственных органов, должностных лиц и граждан. Управленческая деятельность государственных органов тесно связана с административным правом. Административное право, изучает не только нормы административного законодательства России, но регулируемые ими соответствующие общественные отношения. По статистике административное право или административно-правовая деятельность затрагивает до 80-90 процентов деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: административное право, понятие административного права, предмет, отрасль, норма права.

MALAEV Azret Husenovich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

KARACHAEV Aslan Ruslanovich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE LAW

Administrative law is one of the main regulators of public relations, affecting almost all spheres of activity of state bodies, officials and citizens. The management activities of state bodies are closely related to administrative law. Administrative law studies not only the norms of the administrative legislation of Russia, but also the relevant public relations regulated by them. According to statistics, administrative law or administrative-legal activity affects up to 80-90 percent of the activities of public authorities.

Keywords: Administrative law, concept of administrative law, subject, branch, rule of law.

Административное право является совокупностью норм права, целью которых выступает регулирование общественных отношений, связанных с управлением и которые направлены на осуществление своих установленных законодательно полномочий исполнительной власти. Практически вся управленческая деятельность государственных органов так или иначе связана с административным правом (административно-правовыми отношениями).

Данная отрасль права как наука выступает в виде определенной системы государственно-управленческих взглядов о законах, направленных на регулирование общественных отношений в области деятельности исполнительной власти, ее эффективности, пользе для населения и государства, перспективах в будущем и истории становления самой системы права [1].

Становление административного права имеет свои специфические особенности. До 1917 года она была частью таких отраслей права как:

- 2.1. Таможенное право;
- 2.2. Образовательное право;
- 2.3. Медицинское право [2].

Малаев А. Х.

Карачаев А. Р.

Вместе данные отрасли составляли Полицейское право. Полицейское право объединяло всю деятельность, связанную с поддержанием народного благосостояния и предупреждению всех видов опасности, связанных с поддержанием порядка, а именно выявление, предупреждение, пресечение общественно опасных деяний, обеспечение безопасности личности, общества и государства от противоправных посягательств. Полицейское право являлось наукой о государстве и управлении социумом. В настоящее время само понятие «полицейское право» встречается все реже и реже и его смысл вместо управления государством и социумом связывается с деятельностью правоохранительных органов. Органами правопорядка осуществляется множество правоприменительных функций, которые регулируются именно административным правом.

Мы знаем, что все отрасли права объединяют определенное количество правовых институтов и призваны регулировать свою установленную область общественных отношений, которые являются его предметом права как отрасли.

Административное право делится на две группы в соответствии с действием его норм – общую и особенную части.

Общая часть административного права охватывает все отрасли и области государственного управления. В особенную часть включают правовые нормы, которые отвечают за отдельные сферы государственного управления.

У административного права как отрасли права есть свои правовые институты, такие как:

1. административной ответственности;
2. административно-правовой статус гражданина;
3. регулирование промышленности;
4. регулирование образования;
5. государственной службы;
6. агропромышленного комплекса;
7. социально-культурный;
8. образовательный;
9. строительный и т.д. [3]

В соответствии с административным законодательством каждый административно-правовой институт определяет:

1. свой предмет и метод регулирования;
2. особенности регулируемых отношений;
3. саму характеристику норм права;
4. систему взаимодействия источников права;
5. статус каждого участника;
6. систему деятельности организации исполнительной власти;

7. методы обеспечения законности реализации их прав;

8. порядок обжалования их действий;

9. вопросы, связанные с привлечением их к ответственности за не правомерные действия.

В соответствии с регулируемой сферой деятельности выделяют особенности его регулирования. При регулировании экономической сферы выделяют следующие подразделения:

1. регулирование вопросов предпринимательства;
2. антимонопольное регулирование;
3. управление имуществом государства;
4. управление сферой ЖКХ;
5. управление вопросами промышленной деятельности;
6. управление вопросами строительства
7. управление вопросами связи, транспорта;
8. управление сферой информатизации.

В сфере регулирования вопросов, связанных с социально-культурной отраслью, выделяют следующие сферы деятельности:

1. культура;
2. образование;
3. наука;
4. здравоохранение.

В административно-политической сфере регулируются следующие области:

1. безопасность государства;
2. оборонный комплекс;
3. области внутренних дел;
4. юстиция;
5. область иностранных дел.

Среди специалистов административного права ведутся споры о необходимости выделения его специальной третьей части, где будут отдельно приведены административно-процессуальные нормы. Данные преобразования нужны не только в практической и теоретической регламентации административного права, но и для выделения ее специальной – процессуальной составляющей, унификации всего административного права и ее кодификации.

Дисциплина «Административное право» изучает всю совокупность принятых в России административно-правовых норм и также систематическое его изложение для вузовских предметов, а также взаимодействие с другими отраслями права, с целью углубленного изучения различных правоотношений, возникающих во всех сферах деятельности нашего государства и его правовых институтов.

Административное право, как наука изучает не только нормы административного законодательства России, но регулируемые ими соответствующие общественные отношения.

В переводе с латинского «administratio» означает управление. В контексте административного права это означает совокупность правовых норм по регулированию, управлению и функционированию публичного права, на муниципальном и государственном уровнях, с помощью специальной административно-правовой деятельности.

Административная деятельность в России относится к области исполнительной власти и является самостоятельным публичным управлением. Оно регулирует особые управленческие отношения, которые возникают при работе органов исполнительной власти, при работе государственных органов, всех субъектов публичного управления. Применимо к правоохранительным органам, административная деятельность регулирует деятельность конкретных подразделений территориальных органов и подразделений, разъясняет применение различных правовых полномочий и т.д.

Предметом административного права выступает круг общественных отношений, регулируемых нормами административного права. Этот круг достаточно обширен, сложен и подвижен. В связи с подобным разнообразием общественных отношений, регулируемых административным правом, описание особенностей его предмета вызывает большое количество сложностей.

В изучении особенностей предмета административного права доминирует метод дифференциации, в соответствии с которым самостоятельные группы, регламентируемые нормами административного права, регулируют свою область административной деятельности страны [3]. Подобными отдельными системами выступают:

1. федеральное административное право;
2. региональное административное право;
3. административно-процессуальное право;
4. административно-материальное право;
5. внутриорганизационные отношения;
6. исполнительно-распорядительные отношения;
7. административно-деликтное право;
8. административно-регулятивное право;

При определении предмета административного права необходимо обязательно учитывать то обстоятельство, что административно-процессуальные отношения не являются самостоятельными, что и отличает их от административного права других стран.

Таким образом, административное право регулирует широкий круг общественных отношений, что часто вызывает большое количество сложностей при определении предмета его регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуллаева И.Г. Место административного права в правовой системе // Современные научные исследования и разработки. - 2017. - № 8 (16). - С. 24-26.
2. Абдуллина А.М. Административно-правовые нормы в правовой системе России // Аллея науки. - 2018. - Т. 1. - № 5. - С. 711-715.
3. Абрамян А.Г. Развитие и совершенствование административной практики как источника административного права в условиях административной реформы в России // Право и государство: теория и практика. - 2017. - № 3 (147). - С. 138-142.
4. Бондаренко В. Условие эффективности применения административно-правовых норм // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Серия: Юридические науки. - 2016. - № 855 (12). - С. 32-37.

МОСКАЛЕНКО Станислав Александрович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ЛЫСЦЕВ Борис Сергеевич

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ТКАЧУК Валентина Николаевна

старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ДМИТРИЕВА Наталья Владимировна

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Санкт-Петербургского университета МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ БЕЗ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ: К ВОПРОСУ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ВИДЕОЗАПИСИ В ОТСУТСТВИИ ПОНЯТЫХ

В статье авторами представлен анализ деятельности сотрудников Госавтоинспекции по обеспечению производства по делам об административных правонарушениях в области безопасности дорожного движения без участия понятых, с учетом имеющихся проблемных аспектов, относительно применения видеозаписи в отсутствие понятых. Авторами предложены возможные направления решений выявленных проблем, а также пути по усовершенствованию действующего законодательства по профилю выбранной проблематики.

Ключевые слова: административные правонарушения, безопасность дорожного движения, видеонаблюдение, понятые, государственная инспекция безопасности дорожного движения.

MOSKALENKO Stanislav Aleksandrovich

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

LYSTCEV Boris Sergeevich

lecturer of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

TKACHUK Valentina Nikolaevna

senior lecturer of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

DMITRIEVA Natalya Vladimirovna

lecturer of Administrative activity of internal affairs sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE USE BY TRAFFIC POLICE OFFICERS OF MEASURES TO ENSURE THE PRODUCTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY WITHOUT THE PARTICIPATION OF WITNESSES: TO THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USING VIDEO RECORDINGS IN THE ABSENCE OF WITNESSES

In the article, the authors present an analysis of the activities of employees of the State Traffic Inspectorate to ensure the production of cases of administrative offenses in the field of road safety without the participation of witnesses, taking into account the existing problematic aspects regarding the use of video recordings in the absence of witnesses. The authors propose possible ways to solve the identified problems, as well as ways to improve the current legislation on the profile of the chosen problem.

Keywords: administrative offenses, traffic safety, video surveillance, witnesses, state road safety inspectorate.

В Федеральном законе от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» определены основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации, где основными задачами, которые реализуются указанным нормативным правовым актом являются: охрана жизни, здоровья и имущества граждан, защита их прав и законных интересов, а также защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий. Стоит отметить, что одним из главенствующих способов решения обозначенных задач является выявление и пресечение сотрудниками Госавтоинспекции административных правонарушений, которые, в свою очередь, предусмотрены 12 главой Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях¹. В рамках процессуального привлечения к ответственности лиц, которые совершили правонарушение, должностные лица дорожно-патрульной службы, в ходе своей профессиональной деятельности, применяют определенный ряд мер по обеспечению производства по делу, которые предусмотрены 27 главой КоАП РФ. При этом, все процессуальные действия, выполняемые инспектором дорожно-постовой службы полиции² в ходе применения мер обеспечения по делу об административном правонарушении? подразумевают участие специальных субъектов – понятых, однако, не всегда представляется удобным и возможным

1 Далее – КоАП РФ.

2 Далее – ДПС.

обеспечить их объективное наличие. К примеру, при выявлении правонарушения в ночное время суток или, в отдаленной от населенных пунктов местности, найти самих понятых, по факту, не предоставляется возможным. С точки зрения законодательства, в 2014 году в ч.6 ст. 25.7 КоАП РФ были закреплены определенные положения, которые позволяли сотрудникам полиции применять отдельные меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях с производством средств видеозаписи при реальном отсутствии понятых. Но, сотрудники Госавтоинспекции не спешили пользоваться появившейся возможностью, из-за причин проблемного характера, которые возникали при реализации производства видеосъемки в ходе применения оговоренной меры обеспечения по делу, а также явной неопределенности по этому вопросу со стороны органов судебной власти при принятии конкретных решений по делу. В качестве примера, стоит сказать о том, что, возникал вопрос какое конкретное техническое средство должно применяться при производстве видеозаписи (должны ли эти средства стоять на балансе органа внутренних дел или могут принадлежать должностному лицу в частном порядке), нормативные правовые акты, с учетом локальных актов МВД России, которые не содержат аргументированный порядок производства видеосъемки при отсутствии понятых.

На данный момент сами по себе подразделения Госавтоинспекции стали активизировать оснащение техническими средствами, которые позволяют применять на практике положения ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ. К ним относят устройства, которые устанавливаются по факту в патрульные автомобили ГИБДД, а также в портативные носимые устройства, которые активно применяются сотрудниками полиции на улице при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. В рамках анализа, имеющейся правоприменительной практики Госавтоинспекции по правонарушениям, которые предусмотрены ст.ст. 12.8, 12.26, 12.7 КоАП РФ, стала очевидно отслеживаться определенная система отказа от участия понятых в ходе реализации процессуальных действий в пользу применения видеосъемки. Данный подход уполномоченных лиц может объясняться реальной возможностью недопущения понятого, который, в свою очередь, заинтересован в исходе дела, при этом, позволяя, уполномоченному лицу, которое рассматривает дело об административном правонарушении убедиться в реальной законности примененных мер процессуального обеспечения.

Должностное лицо, которое осуществляет процесс, в рамках производства об административном правонарушении, в присутствии понятых и без видео-регистрации, может оказаться не защищенным при рассмотрении административных дел, относительно правдивости показаний самого понятого, ведь у понятого могут возникнуть личные симпатии или антипатии в рамках рассматриваемого дела об административном правонарушении, которое может быть выражено в получении денежного вознаграждения за действия либо бездействие в рамках рассматриваемого административного дела [3].

Стоит отметить, при этом мнение выдающихся экспертов и специалистов, которые говорят о том, что использование средств видеонаблюдения, с одной стороны, повышает уровень эффективности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, с другой стороны, очевидно изменяет как конкретные тактические приемы, так и выработанную тактику охраны общественного порядка в целом [1].

Главенствующим нюансом будет оставаться и то, что правомерность применения сотрудником ГИБДД видеозаписи в отсутствие понятых, так как требует от него не только наличие навыка пользования техническими средствами, а также наличие у него профильных навыков и умений, через призму знаний административного законодательства и сопутствующих нормативных правовых актов, должно соответствовать уровню подготовки. Глава 27 КоАП РФ, дает основания должностным лицам органов внутренних дел применять широкий перечень мер производства по делу. Инспектора ДПС в своей деятельности применяют такие меры как: отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование, задержание транспортного средства. Сам по себе порядок производства данных процессуальных мер регламентирован не только КоАП РФ, но и другими нормативными процессуальными актами. При рассмотрении правоприменительной практики сотрудников Госавтоинспекции имеются случаи, когда привлечение понятых являлось единственной возможностью для должностного лица «пренебречь» порядком применения меры обеспечения, так как ни сам понятой, ни лицо, не знают порядка процедуры. Специфика видеозаписи позволяет выявить все реальные имеющиеся процессуальные нарушения при документировании соответствующего состава в области безопасности дорожного движения, с детальной реализацией принципа законности.

В научной и учебной литературе имеется общепризнанное мнение о том, что имеющиеся процессуальные средства хранения информации: видеозаписи, фотографии, кинофильмы, художественное воспроизведение и др., обладают значительной спецификой, которая должна иметь отражение в материальном и процессуальном законодательстве Российской Федерации. Указанные средства фиксации имеющейся информации стоит отнести к вещественным доказательствам, с обязательным отражением в КоАП РФ. При воспроизведении видеозаписи всегда имеется реальная возможность более полно воссоздать те обстоятельства, которые имели место в действительности, что помогает судебным органам и лицам, участвующим в производстве, а также для восприятия обстоятельств дела [2].

Отталкиваясь от ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ: в случае применения видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий, за исключением личного досмотра, эти процессуальные действия совершаются в отсутствие понятых, о чем делается запись в соответствующем протоколе либо акте освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. Данные материалы, которые получены при совершении процессуальных действий с применением видеозаписи, обязаны прилагаться к соответствующему протоколу либо иному акту (например – освидетельствования на состояние алкогольного/наркотического опьянения).

Указанное законодателем требование о применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении с участием понятых или с применением видеозаписи является одной из приоритетных гарантий реального обеспечения прав лица, которое привлекается к административной ответственности, с единственной целью – исключения сомнений, касаемо полноты и адекватности фиксирования в соответствующем протоколе или акте задержания и результатов проводимого процессуального действия. (Постановление Верховного Суда РФ от 10.07.2017 № 64-АД17-2).

Для наиболее четкого иллюстрирования проблематики стоит рассмотреть конкретный пример, который проанализирован авторами (видеозапись применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, предусмотренным ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ):

Видеозапись начинает производиться уже в автомобиле, в котором находятся два сотрудника Госавтоинспекции и водитель с признаками алкогольного опьянения (в каком именно автомобиле они находятся установить не представляется возможным).

Согласно «таймкоду» на экране, запись начинается 07 февраля 2021 года в 00 ч. 17 мин. 59 сек., в 00 ч. 18 мин. 20 сек. (на записи) инспектор ДПС называет дату и время «07.02.2021 время 00 ч 19 м», что позволяет сделать вывод о том, что «таймкод» на устройстве видеозаписи и время на устройстве (часах) инспектора практически совпадает (различие в пределах 40 сек.).

Инспектор ДПС называет адрес их местоположения, правильность которого подтвердить, имеющейся видеозаписью, не представляется возможным (отсутствует привязка хотя бы к табличке с номером дома и названием улицы).

Инспектор ДПС перед началом и в ходе производства видеозаписи так и не называет свою должность и ФИО, что не позволяет сделать однозначный вывод о том, что сотрудник, заполняющий процессуальные бланки на видео и указанный в этих бланках является одним и тем же лицом.

Инспектор ДПС в 00 ч 22 м 27 сек. («таймкод» видеозаписи) сразу же объявляет не о проведении процессуального действия (меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении), а о СОСТАВЛЕНИИ ПРОТОКОЛА об отстранении от управления транспортным средством.

Согласно действующему законодательству РФ: после отстранения от управления транспортным средством в соответствии с п.п. 227-233 Приказа МВД России № 664 и Правилами освидетельствования, утвержденными Постановлением Правительства РФ № 475 от 26.06.2008, инспектор ДПС должен был перейти к применению следующей меры обеспечения производства по делу – «освидетельствование на состояние алкогольного опьянения». Так в 00 ч 33 м 50 сек («таймкод» видеозаписи) инспектор объявляет, не о проведении процессуального действия «освидетельствование на состояние алкогольного опьянения», а о СОСТАВЛЕНИИ акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, после чего показывает алкотектор, свидетельство о проверке, при этом в нарушение Правил освидетельствования, утвержденных Постановлением Правительства РФ № 475 от 26.06.2008 и положений Приказа МВД России № 664, не информирует водителя о порядке освидетельствования (каким образом будет проводиться исследование). В 01 ч 06 мин 40 сек («таймкод» видеозаписи) инспектор ДПС объявляет не о проведении процессуального действия «направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения», а о СОСТАВЛЕНИИ протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. В 01 ч 19 мин инспектор ДПС (на видеозаписи) объявляет о составлении в отношении водителя протокола об административном правонарушении по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ.

Таким образом из вышеуказанного анализа четко усматривается, что протокол об отстранении от управления транспортным средством, акт освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, протокол направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения до-

быты с грубым нарушением действующего законодательства, ущемляют права лица в отношении которого осуществляется производство по делу, в связи с чем не могут быть использованы как доказательство совершения им административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ.

При детальном анализе этой и многих других видеозаписей стоит прийти к однозначному выводу о том, что сотрудники Госавтоинспекции не имея определенного четкого регламента производства процессуальных действий в отсутствие реальных понятий сводят применение технических средств видеозаписи к фиксации факта составления соответствующего протокола, а не конкретных процессуальных действий, которые они обязаны произвести в соответствии с законом.

Так с учетом положений КоАП РФ и иных нормативных правовых актов МВД России предлагается, на основании вышеизложенных фактов:

– отказать от практики «непрерывного» видеоряда с момента «посадки» водителя в патрульный автомобиль до момента составления протокола об административном правонарушении, ввиду того, что видеоматериалы, полученные при совершении процессуальных действий с применением видеозаписи, прилагаются к соответствующему протоколу;

– на видеозаписи обязаны фиксироваться конкретные действия сотрудника ДПС, а не факт составления протокола, дабы не было утверждено действий, характеризующих в рамках нарушения прав гражданина;

– время процессуального действия на видеозаписи должно соответствовать времени, указанному сотрудником полиции в соответствующем протоколе об административном правонарушении.

Отталкиваясь от имеющейся практики, стоит задуматься о разработке конкретной инструкции, которая будет содержать единый алгоритм действий, который позволит сотруднику Госавтоинспекции применять видеозапись в отсутствие понятий с отражением необходимого наличия информации для привлечения лица к административной ответственности и позволяющего признать ее допустимым доказательством по делу об административном правонарушении.

Пристатейный библиографический список

1. Цупко В.А. Административно-правовые и организационные основы тактики охраны общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
2. Вологдин Э.И., Ковалгин Ю.А., Гласман К.Ф. Запись аудио- и видеосигналов: учебник для вузов. – М.: Академпресс, 2010.
3. Аникин И.А. Участие понятых при применении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. – 2015. – № 7.
4. Багаутдинов Ф.Н. Институт понятых: совершенствовать, а не упразднить // Законность. – 2012. – № 4.
5. Миленин Ю.Н. Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

ПОНОМАРЕВ Александр Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

РУСАНОВА Светлана Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

К ПРОБЛЕМАМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМИССИЙ

В статье анализируются особенности правовой, организационной и компетенционной основы деятельности административных комиссий. Определены проблемные вопросы, возникающие в процессе функционирования муниципальных органов административной юрисдикции, а также сформулированы возможные способы их решения.

Ключевые слова: административная комиссия, административная юрисдикция, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, местная администрация, органы местного самоуправления.

PONOMAREV Aleksandr Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

RUSANOVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ON THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADMINISTRATIVE AND JURISDICTIONAL COMPETENCE OF ADMINISTRATIVE COMMISSIONS

The article analyzes the features of the legal, organizational and competence basis of the activities of administrative commissions. The problematic issues arising in the process of functioning of municipal bodies of administrative jurisdiction are identified, as well as possible ways of solving them are formulated.

Keywords: administrative commission, administrative jurisdiction, commission on juvenile affairs and protection of their rights, local administration, local self-government bodies.

Пономарев А. В.

Русанова С. Ю.

В соответствии с п. «б», «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ вопросы установления мер административной ответственности причислены законодателем к сфере совместного ведения федерации и ее субъектов, в частности, как гласит конституционная норма, к предмету совместного ведения отнесены вопросы по защите прав и свобод человека и гражданина. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в частности к ст. 1.1 данного акта, установил, что законодательство об административных правонарушениях состоит из данного кодекса и тех законов субъектов РФ об административных правонарушениях, которые по своему содержанию полностью соответствуют ему¹. Следовательно, из приведенных законодательных норм можно сделать вывод, что органы местного самоуправления не обладают компетенцией по установлению видов и мер административной ответственности, но при этом законодатель предоставил им некоторые функции, которые связаны с применением мер административной ответственности, что подтверждается в ходе анализа следующих положений КоАП РФ – ст. 1.3-1.3.1, 3.2.

Органам местного самоуправления в соответствии с положениями законов, издаваемых субъектами федерации, могут быть предоставлены такие полномочия в административно-юрисдикционной сфере: «создание комиссий по делам несовершеннолетних и защите и законных интересов; созда-

ние административных комиссий для привлечения виновных в совершении административного правонарушения к ответственности; установление исчерпывающего перечня должностных лиц, к компетенции которых относятся полномочия по составлению протоколов о выявленных административных правонарушениях, составы которых устанавливаются как в КоАП РФ, так и в законах субъектов об административных правонарушениях»².

Но в данном случае имеется и свое исключение – органам местного самоуправления не предоставлены полномочия и возможность осуществления и применения назначенных административных наказаний. Для этой процедуры привлекаются органы административной юрисдикции, которые специально создаются непосредственно самими органами местного самоуправления именно для этих целей³. Из всего перечня административных наказаний, закрепленных в положениях КоАП РФ, органы административной юрисдикции могут применять только лишь предупреждение и административный штраф, то есть всего два административных наказания. Все правила и процедуры применения административных наказаний императивно установлены в разделе

1 Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Вып.: Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 56.

2 Таибова О.Ю. Правовой статус комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы и перспективы // Lex russica. – 2015. – № 1. – С. 59.

3 Ходукин Д.В., Аулов В.К. Административные комиссии муниципальных образований Забайкальского края: итоги и проблемы деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 8. – С. 32.

IV КоАП РФ, и данные правила не могут быть видоизменены законом субъекта РФ.

Основная цель создания и функционирования органов административной юрисдикции при органах местного самоуправления состоит в том, чтобы обеспечить защиту прав и законных интересов граждан, которые проживают на территории определенного муниципального образования⁴. К. А. Пономарев отмечает, что «особая специфика имеется у правового статуса тех органов и относящихся к ним должностным лицам, которым в соответствии с законодательством предоставлена компетенция по применению административных наказаний в исследуемой области».

В действующем законодательстве также регламентирован перечень органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, составы за которые предусмотрены законами субъектов РФ, к которому отнесены также и перечисленные выше комиссии⁵.

Обращаясь к положениям ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ, можно сделать вывод, что органы административной юрисдикции муниципального уровня могут быть трех видов, а именно: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; административные комиссии, которые созданы на основании закона субъекта РФ; другие коллегиальные органы, которые предусмотрены законами субъектов РФ. Таким образом, федеральный законодатель установил и определил только место административных комиссий в системе органов административной юрисдикции. Дальнейшая регламентация их компетенции, внутренней структуры отведена для разработки региональным законодателем⁶. Но данные вопросы вплоть до настоящего времени остались нерешенными в действующем законодательстве. Ни на государственном, ни на уровне законодательства субъектов подробно не установлен статус административных комиссий как органов административной юрисдикции.

Административные комиссии являются органом местной публичной администрации, из этого следует, что нормативная и организационно-финансовая основа их деятельности должна отражаться в нормах Федерального Закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Актуальная редакция указанного закона вышеперечисленных положений не содержит, закрепляя лишь положения о том, что у муниципальных органов имеется компетенция по созданию отраслевых и территориальных органов местной публичной администрации. Но при этом отметим, что без создания административных комиссий органам местного самоуправления не обойтись, ведь на них возложена важная и значимая функция. Поэтому, ссылаясь на ст. 26.3 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», органы государственной власти субъектов РФ делегировали местной публичной администрации компетенцию по созданию и обеспечению функционирования административных комиссий как органов административной юрисдикции.

Подобное противоречие и коллизии в правовом статусе административных комиссий связано с тем, что они выполняют такое полномочие, которые по сути не относятся к категории «вопросы местного значения». Рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях, согласно положениям КоАП РФ, выступает исключительной функцией самой федерации, без делегирования органам

местного самоуправления⁷. Муниципальным органам должны быть также переданы и полномочия, по производству дел об административных правонарушениях. Это обусловлено исключительной компетенцией административных комиссий в рамках юрисдикционной деятельности, но при этом уже отмечалось существование коллизии – эта деятельность по своим характеристикам выступает исключительно государственной⁸.

Ключевая функция существования административных комиссий состоит в реализации такой функции, возложенной на государство, как правоохранительная. Следовательно, исходя из приведенных выводов, исходит один итог – административные комиссии наделены государственными полномочиями, в связи с чем их сотрудников можно причислить к должностным лицам государственных органов, созданных на уровне субъекта федерации. Как указывает в своем Определении № 47-Г03 от 04 февраля 2004 г. Верховный Суд РФ, «производство по делам об административных правонарушениях, применение административных наказаний относится к числу государственных функций, поэтому не может выступать одной из функций органов местного самоуправления, если подобные полномочия не делегированы в соответствии с законом субъекта РФ по установленной процедуре»⁹.

Реализация делегированных полномочий, в частности органами административной юрисдикции, должна быть соблюдена особая процедура, которая позволит воплотить в правоприменительной деятельности подобные компетенции. Предстоящие сложности в процедуре создания административных комиссий останавливают органы местного самоуправления многих муниципальных образований.

В последнее время в научно-исследовательских трудах часто освещается такой вопрос, который нацелен на выяснение того обстоятельства, действительно ли необходимо создание при органах местного самоуправления административных комиссий. Однако такие дискуссии противоречат нормам действующего законодательства, так как КоАП РФ причисляет административные комиссии к органам административной юрисдикции. Верховный Суд РФ также указывает на необходимость и важность существования административных комиссий в субъектах федерации. В соответствии с его Определением от 04 июня 2008 г. № 64-ГОУ-8, субъект федерации не может на свое усмотрение решать вопросы, связанные с созданием административных комиссий, или же отсутствием такого органа административной юрисдикции в отдельном регионе, так как это полностью противоречит догмам, установленным в кодифицированном нормативном правовом акте, регламентирующем вопросы административной ответственности – КоАП РФ.

Необходимо активизировать работу региональному законодателю, и разработать и принять нормативные правовые акты, которые бы всецело регламентировали деятельность административных комиссий как органов административной юрисдикции в каждом субъекте. Это позволило бы избежать существующие пробелы в правовом регулировании, а также коллизии в их правовом статусе. Также устранить существующие пробелы и коллизии в регулировании правового статуса и деятельности административных комиссий можно и путем принятия отдельного федерального закона, который будет посвящен непосредственно этим вопросам.¹⁰ Следует также в субъектах федерации проводить активную работу по информированию населения муниципальных образований о деятельности административных комиссий. Публичной и общедоступной информацией должен стать состав данных

4 Сухаревский И.А. Проблемные вопросы определения компетенции субъектов Российской Федерации в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 71.

5 Супонина Е.А. О некоторых проблемах, возникающих в деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Инновационная наука. – 2016. – № 3. – С. 85.

6 Пономарев К.А. Административные комиссии в муниципальных образованиях: проблемы регулирования и организации деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д. 2011. – С. 16.

7 Шепелев В.А. Современная концепция административного правосудия России // Молодой ученый. – 2019. – № 37 (275). – С. 71.

8 Ходукин Д.В., Аулов В.К. Административные комиссии муниципальных образований Забайкальского края: итоги и проблемы деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 8. – С. 32.

9 Определение Верховного Суда РФ № 47-Г03 от 04 февраля 2004 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_29865.htm.

10 Ховалкин И.А. Реформирование системы местного самоуправления в 2020 году: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Молодой ученый. – 2020. – № 52 (342). – С. 256.

комиссий. Разглашение этой информации необходимо для того, чтобы при наличии оснований для отвода члену административной комиссии была возможность его заявить.

Все условия для работы административных комиссий, а именно подбор помещения, обеспечение необходимой техникой, канцтоварами, бланками документов, кадровый подбор создаются именно органами местного самоуправления. На уровне отдельных субъектов федерации разрабатываются и утверждаются формуляры отдельных процессуальных документов, которые используются административными комиссиями при рассмотрении и разрешении дел об административных правонарушениях¹¹.

Таким образом, приходим к выводу о том, что без надлежащей правовой регламентации правового статуса, организации, полномочий административных комиссий их деятельность будет хаотичной и не приводящей к какому-то определенному результату, а именно к целям, которые поставлены перед административными комиссиями законодателем.

Сравнивая правовой статус административной комиссии и комиссии по делам несовершеннолетних, приходим к выводу, что статус последней более понятно регламентирован законодателем¹². Такое положение обусловлено тем фактором, что комиссии по делам несовершеннолетних не имеют такой межотраслевой специфики, как административные комиссии¹³.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что, в чистом виде органы местного самоуправления не наделены полномочиями в сфере административной юрисдикции. В частности, судить об отнесении органов местного самоуправления к органам административной юрисдикции, основываясь на анализе их функционала, специфики правового статуса, не представляется возможным. Некоторые полномочия органам местного самоуправления в сфере административной юрисдикции все же делегируются органами государственной власти субъектов федерации. В частности, «в их ведении находятся вопросы, связанные с созданием и координацией деятельности административных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав»¹⁴, однако, все же это не административная юрисдикция, а вспомогательная деятельность при ее осуществлении. Исходя из вышесказанного анализа положений законодательства субъектов федерации, представляется возможным сформулировать вывод о том, что процедура наделения органов местного самоуправления полномочиями в сфере административной юрисдикции не регламентирована в настоящее время на достаточном уровне.

Федеральный законодатель передал на субъектный уровень полномочия по самостоятельному определению субъектом РФ необходимости предоставления местной администрации юрисдикционных полномочий из числа государственных функций. Решение субъектов федерации должно базироваться на двух факторах. Для начала, необходимо определить нормативно-правовую базу федерального уровня, которая послужит базисом для принятия региональных нормативно-правовых актов. Это позволит избежать различных подходов в правоприменении в разных субъектах федерации, поскольку в данном случае должно иметь место единообразие в правовом статусе административных комиссий,

сферы их деятельности, компетенции. Вторым фактором выступает необходимость обеспечения и осуществления муниципального контроля. Для этого также требуется разработка и принятие соответствующей нормативно-правовой базы во избежание коллизий и пробелов в правовом регулировании.

Таким образом, завершая исследование данного вопроса, хотелось бы отметить, что несмотря на то, что органы местного самоуправления и выведены из системы государственных органов, все же они осуществляют отдельные, делегированные им полномочия из числа государственных функций. Выполняя предоставленные им полномочия в сфере административно-юрисдикционной деятельности, органы местного самоуправления реализуют общегосударственную политику в административно-деликтной сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Соловей Ю.П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Вып.: Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 56-63.
2. Таибова О.Ю. Правовой статус комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы и перспективы // Lex russica. – 2015. – № 1. – С. 59.
3. Ходукин Д.В., Аулов В.К. Административные комиссии муниципальных образований Забайкальского края: итоги и проблемы деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 8. – С. 32-37.
4. Сухаревский И.А. Проблемные вопросы определения компетенции субъектов Российской Федерации в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Журнал российского права. – 2017. – № 10. – С. 71-80.
5. Супонина Е.А. О некоторых проблемах, возникающих в деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Инновационная наука. 2016. № 3. – С. 85-87.
6. Пономарев К.А. Административные комиссии в муниципальных образованиях: проблемы регулирования и организации деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2011. – 27 с.
7. Шепелев В.А. Современная концепция административного правосудия России // Молодой ученый. – 2019. – № 37 (275). – С. 71-76.
8. Определение Верховного Суда РФ № 47-Г03 от 04 февраля 2004 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_29865.htm. (дата обращения: 22.03.2022).
9. Ховалкин И.А. Реформирование системы местного самоуправления в 2020 году: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Молодой ученый. – 2020. – № 52 (342). – С. 256-259.
10. Уметбаева Ю.И. Реформирование контрольной и надзорной деятельности в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – № 4. – С. 121-127.
11. Тарханов М.В. Механизм реализации местного самоуправления в муниципальных районах субъектов Российской Федерации. – М.: Юркомпани, 2015. – 180 с.
12. Мозгарева-Марченко Л.А., Русанова С.Ю. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований в обеспечении ювенального правопорядка // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 09 декабря 2016 года. – Краснодар: «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 218-222.
13. Тарханов М. В. Механизм реализации местного самоуправления в муниципальных районах субъектов Российской Федерации. – М.: Юркомпани, 2015. – С. 67.
14. Местное самоуправление и муниципальное управление: учебник / А. П. Горбунов, В. И. Гончаров, И. Ф. Головченко и др.; ред. А. С. Прудников, М. С. Трофимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юнити, 2015. – С. 178.

11 Уметбаева Ю. И. Реформирование контрольной и надзорной деятельности в Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2017. – Том 2. – № 4. – С. 121.

12 Мозгарева-Марченко Л. А. Роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных образований в обеспечении ювенального правопорядка / Л. А. Мозгарева-Марченко, С. Ю. Русанова // Права и свободы человека в контексте развития современного государства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 09 декабря 2016 года. – Краснодар: «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2017. – С. 218-222.

13 Тарханов М. В. Механизм реализации местного самоуправления в муниципальных районах субъектов Российской Федерации. – М.: Юркомпани, 2015. – С. 67.

14 Местное самоуправление и муниципальное управление: учебник / А. П. Горбунов, В. И. Гончаров, И. Ф. Головченко и др.; ред. А. С. Прудников, М. С. Трофимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юнити, 2015. – С. 178.

ПХИТИКОВ Руслан Батырович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, майор полиции

ГУТАЕВ Алим Магомедович

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТС В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса об административной ответственности за управление ТС в состоянии опьянения. В ней автором акцентируется внимание на лицах, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, а также ранее имевшими административные правонарушения. Также в ней рассматривается ужесточение наказания и введения мер уголовной ответственности за противодействия дорожно-транспортным происшествиям, совершенным по вине лиц, находящихся в состоянии опьянения.

Ключевые слова: управление транспортным средством в состоянии опьянения, административная ответственность, уголовная ответственность.

PKHITIKOV Ruslan Batyrovich

lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

GUTAEV Alim Magomedovich

lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR DRIVING A VEHICLE WHILE INTOXICATED

The article is devoted to the consideration of the issue of administrative responsibility for driving a vehicle while intoxicated. In it, the author focuses on persons driving vehicles while intoxicated, as well as those who previously had administrative offenses. It also considers the toughening of punishment and the introduction of criminal liability measures for counteracting traffic accidents committed through the fault of persons in a state of intoxication.

Keywords: driving in an alcoholic intoxication, administrative responsibility, criminal responsibility.

Пхитиков Р. Б.

Гутаяев А. М.

Принятие алкоголя влияет на функционирование организма. Он нарушает речь, замедляет реакцию, может стать причиной сонливости, вызвать проблемы с фокусировкой и т.д.

Уменьшение скорости реакции, которую вызывает алкоголь, приводит к тому, что у человека замедляется любая реакция на событие и находясь за рулем в состоянии алкогольного опьянения водитель ТС может не успеть отреагировать на опасную ситуацию или самому создать подобную ситуацию. К примеру, при появлении на дороге внезапного пешехода водитель может не успеть отреагировать на него. Если перед автомобилем резко затормозит впереди едущая машина, водитель ТС также не успеет отреагировать [1].

Принятие алкоголя приводит к прямому уменьшению концентрации внимания водителя ТС. Он не сможет вовремя сконцентрироваться и принять верное решение в опасной ситуации. Это относится к тому, как он сам будет водить автомобиль, следить за вождением других, обращать внимание на дорожные знаки и т.д.

Систематическое и даже разовое употребление алкоголя оказывает влияние на общие двигательные способности, что в итоге сказывается также на реакции водителя. Мозг,

затуманенный алкоголем, уже не может принимать адекватные для конкретной ситуации решения.

В современной России наличие опьянения у водителя проверяют алкотестером и в специальных медицинских учреждениях. Если в крови водителя ТС обнаружено больше 0,16 мгм, или на 1 литр 0,35 промиле в крови, это считается уже опьянением.

Проверка алкотестером часто имеет погрешности, и проведение Медицинского освидетельствования считается главным результатом. Перед составлением протокола сотрудник полиции должен иметь доказательства опьянения водителя ТС. При осмотре водителя должны присутствовать свидетели и изъятие прав возможно только после решения суда. До проведения судебного заседания сотрудник ДПС может лишь составить соответствующий протокол. Водитель имеет право подать на апелляцию и оспорить выводы сотрудника полиции. Он также имеет право обжаловать судебное постановление в случае несогласия с решением суда. После составления протокола сотрудников ДПС на его основе возбуждается дело об административном правонарушении. Чаще всего, сотрудники ДПС после остановки водителя ТС в

состоянии опьянения составляют протокол и изымают его права.

При первом задержании водителя ТС в состоянии алкогольного опьянения, ему назначается штраф в размере 30 000 рублей. Он также должен оплатить эвакуатор, штрафстоянку. Водителя лишают прав на 1,5-2 года. Возможен также арест на 15 суток. Забрать арестованное ТС со штрафстоянки может лишь третье лицо, чье имя указано в страховке ТС. В случае передачи ТС лицу в состоянии алкогольного опьянения, также влечет штраф 30 000 руб. и лишение прав на 1, 5-2 года.

Если лицо, лишенное прав управляет ТС в состоянии алкогольного опьянения, он будет арестован на 10-15 суток и должен выплатить штраф в размере 30 000 руб. [2].

После возвращения прав, если водитель в течение года будет задержан за управлением ТС в состоянии алкогольного опьянения, это уже влечет уголовное наказание.

В случае отказа водителя ТС от Медицинского освидетельствования, ему назначается административное наказание в виде штрафа в размере 30 000 руб. и лишение прав на 1,5-2 года.

Уже давно не секрет, что главными причинами дорожно-транспортных происшествий является состояние опьянения водителя ТС и низкое качество российских дорог. Для обеспечения общественной безопасности дорожного движения очень важно донести до граждан значение соблюдения правил дорожного движения. Эффективная деятельность в своевременном пресечении административных правонарушений на дороге не только защитит граждан от несчастных случаев на дороге, но и станет фактором предупреждения дальнейших правонарушений и в дальнейшем снизит само количество правонарушений на дороге.

Вождение в состоянии опьянения является главной причиной ДТП и не смотря на попытки властей, пресечь данное правонарушение, очень много водителей водят ТС в данном состоянии пренебрегая совет безопасности и безопасностью участников дорожного движения.

Ни в чем не повинные пешеходы и другие участники дорожного движения становятся жертвами безответственного поведения данных водителей. Изменение психического и физиологического состояния водителя ТС в состоянии опьянения приводят к большому количеству жертв на дороге.

Нельзя сказать, что все водители ТС в состоянии опьянения получают одинаковое наказание. К примеру, если состояние опьянения выявят у водителя автобуса, он будет наказан строже, чем водитель легкового автомобиля, так как водитель автобуса в силу перевозки большого количества пассажиров может причинить гораздо больший вред, чем водитель легкового ТС.

Только при наличии определенных оснований возможно наступление административной ответственности, которое избирается уполномоченным правоприменительным органом.

Не всегда возможно вынесение объективного наказания по административному нарушению в виде состояния опьянения водителя ТС. К примеру, после приезда домой водитель ТС употребляет алкоголь вместе с другом в самом автомобиле. Соседи или иные лица могут попросить водителя припарковаться, и он вынужден будет это сделать в состоянии опьянения. Заслуживает ли он наказания, и если да какого именно?

Если оценивать с точки зрения фактов, то здесь присутствует состав правонарушения. Далее следует обратить внимание на наличие принципа малозначительности правонарушения. Для определения критерия малозначительности необходимо выяснить степень потенциальной общественной опасности деяния. В данном случае вреда не было, но сама угроза имела место.

Далее определяется необходимость совершения водителем данных действий. Водитель в гуманных целях решил перепарковаться и не преследовал злых действий. С другой стороны, если бы он в дальнейшем управлял ТС в таком состоянии, вред был бы значительным. В ответ на данную ситуацию Верховный Суд запретил применять в подобных случаях ст. 2.7 КоАП.

Вопрос вызывает и определение промилле в крови водителя ТС. Допустимая его норма, как уже упоминалось – не больше 0,16. В случае если после употребления алкоголя водитель ТС перекусил продуктами, снижающими промилле, алкотестер уже не показывает состояние опьянения, и водитель может и дальше управлять ТС.

Есть продукты, показывающие определенную долю промилле, хотя они не приводят человека в состояние опьянения. Это, к примеру кисломолочные продукты. В данном случае необходимо учесть не только промилле, но и результат освидетельствования. Также необходимо рассмотреть цели и мотивы водителя ТС, совершенные им действия, его адекватность.

Многие авторы считают, что особого рассмотрения требует наказание водителей машин сельскохозяйственного назначения. Также следует обратить внимание на отсутствие состава правонарушения, если лицо в состоянии опьянения находится возле автомобиля, но не управляет им, так как нет объективной стороны преступления – управление ТС в состоянии опьянения. Цель правонарушения не достигнута и нет оснований для определения общественной опасности деяния.

Верховный Суд не раз подчеркивал, что привлечение к административной ответственности должно сопровождаться не только наличием соответствующих оснований. Необходимо и наличие правильной процедуры привлечения к административной ответственности [3].

Таким образом, всегда очень важно соблюдать предписанные законодательством России основания привлечения к административной ответственности, соблюдение всех процессуальных норм и установленного порядка привлечения к административной ответственности.

Изучив основные аспекты привлечение водителя транспортного средства в состоянии опьянения к административной ответственности, мы видим, что здесь есть много дискуссионных вопросов и спорных моментов для применения данных оснований привлечения к административной ответственности и работа по устранению этих моментов нам только предстоит.

Пристатейный библиографический список

1. Яковлева А.Р. Административная ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 10 (28). – С. 90-92.
2. Облицов В.А. К вопросу об юридической ответственности в состоянии алкогольного опьянения в Российской Федерации // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. № 6 (22). – С. 802-805.
3. Пестов Р.А., Смирнова Е.С. К вопросу об усилении юридической ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 26. – С. 110-113.

СТРИЖЧЕНКО Игорь Александрович

старший преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

ПРОВАТОРОВ Игорь Олегович

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ (ПАВ)

В статье раскрыто понятие незаконного элемента в сфере наркоторговли – закладчика. Достаточно подробно описаны места возможной незаконной деятельности закладчика на обслуживаемой территории, с учетом характера продажи наркотиков и психотропных веществ (ПАВ) бесконтактным способом. Так же в статье описан внешний вид и поведение закладчика, как методы маскировки противоправной деятельности и ухода от ответственности. Указанная информация направлена на повышение базового уровня знаний молодых сотрудников правоохранительных органов России из числа подразделений участковых уполномоченных полиции (УУП), в целях повышения эффективности своей деятельности по профилактике незаконного оборота наркотических средств и (ПАВ)

Ключевые слова: минер, кладмен, оборот ПАВ, методы ухода от правоохранительных органов, участковый, профилактика, выявление.

STRIZHCENKO Igor Aleksandrovich

senior lecturer of Administrative activity and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PROVATOROV Igor Olekovich

lecturer of Administrative activity and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

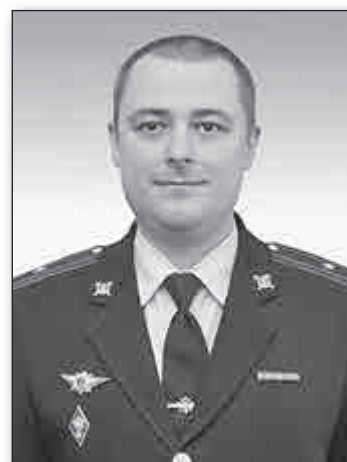
ACTIVITIES OF LOCAL POLICE COMMISSIONERS FOR THE PREVENTION OF OFFENSES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

The article reveals the concept of an illegal element in the field of drug trafficking - a pawnbroker. The places of possible illegal activity of the pawnbroker in the serviced territory are described in sufficient detail, taking into account the nature of the sale of narcotic drugs and psychotropic substances in a contactless way. The article also describes the appearance and behavior of the pawnbroker as methods of masking illegal activities and avoiding responsibility. This information is aimed at improving the basic level of knowledge of young employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation from among the units of the district police commissioners (UUP), for the effective detection and prevention of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (PAV)

Keywords: pawnbroker, illegal drug trafficking, methods of avoiding law enforcement agencies, precinct, prevention, detection.

Стрижченко И. А.

Проваторов И. О.

Борьба с распространением наркотических средств и ПАВ для государства и общества в разрезе его существования бесспорно актуальна, так как противоправная деятельность в данном сегменте правонарушений и преступлений развивается и модернизируется ежедневно.

Органам правоохранительных органов приходится сталкиваться с новыми видами распространения указанных выше веществ. В борьбе с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств и ПАВ не маловажную роль отводится сотрудникам УУП на закрепленном административном участке.

В условиях действия на в субъектах России ограничительных мер, в связи с ухудшением эпидемиологической обстановки, а также переводом на дистанционные виды работы, у граждан высвободилось большее количество свободного времени, из-за отсутствия необходимости пребывания на рабочем месте. Иные категории профессий остались невостребованными, что привело к увеличению в определенных отраслях безработицы.

Все указанные негативные эффекты, а также массовая пропаганда в сети интернет наркотических веществ: как употребление, так и предложений по работе распространения, приводит к необходимости понимания правоохранительных структур в целом и участковых уполномоченных полиции в частности о современных способах реализации наркотических средств и ПАВ на административном участке.

В целях достижения поставленных задач, следует рассмотреть самый распространенный на сегодняшний день способ реализации наркотических веществ бесконтактным способом, с использованием телекоммуникационной сети интернет.

В целом участковому уполномоченному полиции следует знать, о двух типах людей, с которыми в большей степени вероятно встретиться на обслуживаемой территории, а именно: распространитель наркотических веществ – так называемый закладчик и конечный потребитель – человек покупающий наркотические вещества в целях личного употребления.

Закладчик (он же кладмен или минер) – это незаконная деятельность, на которой человек раскладывает в лесу или городе «тайники с наркотиком или ПАВ» (свертки или упаковки) с запрещенным товаром таким образом, чтобы наркотик мог подобрать любой человек, которому известно точное место, и, с другой стороны, постороннее лицо не могло бы найти этот тайник. Достигается это многими способами, но главный из них – размещение закладки вне видимости под любым углом за типичным для местности объектом.

Места возможной незаконной деятельности закладчика на обслуживаемой территории:

1. Подъезд считается хорошим местом дляклада и изобилует интересными местами.
2. Обратная сторона дома. Так кусты в палисадниках и под естественными объектами на земле (палки, листва, кирпичи и т.д.).

3. Лицевая сторона дома. Такое место для минера зачастую не удобно и не безопасно. Активный трафик и возможны очевидцы из числа жильцов дома в момент заклада, кроме этого, отсутствие возможности сделать несколько кладов и малое количество подходящих для этого мест.

4. Гаражи. Место для кладмена подходящее по большому количеству возможных кладов, а также малым трафиком среди прохожих. Но кладмен понимает и о риске от бдительных сторожей, сотрудников ППС и охраны ВНГ.

5. Между домами. Указанная локация для минера не привлекательна из-за трафика прохожих и зевак, по этой же причине, отсутствие возможности незаметно спрятать ПАВ. так Указанная локация является одной из самых просматриваемых со всех сторон. Кладмену будет очень сложно быстро и четко использовать подходящее место для заклада. Но и на таком объекте правонарушители ведут свою деятельность.

6. Выведенные из эксплуатации (разрушенные) или находящиеся на реконструкции объекты городской инфраструктуры. Такие места для минера входят в ТОП по безопасности и удобству. В таких зданиях или сооружениях малый трафик людей, а из-за большого объема строительного и иного мусора, заклад можно сделать почти в любом месте.

7. Заброшенное и недостроенные городские сооружения. Указанная локация по привлекательности для минера считается хуже, чем разрушенные или находящиеся на реконструкции объекты городской инфраструктуры. Присутствует большой риск для преступника, но и плюсы присутствуют, а именно много укромных точек для заклада, отсутствие посторонних глаз.

8. Заборы и стены заводов. Такую локацию минеры предпочитают обходить стороной в связи с возможным наличием видеокамер, а также такие заборы тянутся вдоль дорог с активным движением. Но если, к примеру, забор расположен между ж/д путями или лесополосой, то несколько кладов закладчик может сделать.

9. Парк. Место, очень сильно зависящее от размеров города. Парки малых городов совершенно не будут подходить для работы закладчиков, так как сами они будут по размеру слишком малы. Парк должен быть достаточно плотно усеян кустами и деревьями, чтобы закладчика никто не видел за деревьями и достаточно пустынен в плане посетителей на квадратный километр, чтобы спокойно выбрать себе место для работы и не раскладывать заклады каждые 10 метров. Если же парк располагается в крупном городе, то там работать, по мнению закладчиков, можно. Но закладчики избегают работы в ранние часы, не пользуются общими входами/выходами и работают в стороне от дорог, по которым может проехать автопатруль ППС.

10. Пустырь. На пустырях могут сделать несколько закладок. Но открытость местности серьезно снижает безопасность для закладчика плане патрулей ППС.

11. Пляж. Чаще всего закладчики считают, что он не подходит для работы по причине отсутствия или малого количества четких ориентиров и привязок к местности. Но в отдельных случаях и там ведется незаконная деятельность, о чем участковый уполномоченный полиции должен знать, если на обслуживаемой территории есть данная локация.

12. Железная дорога. При учете, что эти места всегда без какой-либо растительности и почти без узнаваемых мест, на которые можно было бы ориентироваться, места там малоинтересны для закладчика. Но он может делать клады у пронумерованных столбов или похожих уникальных элементов ландшафта, из-за полной невозможности автопатрулей пробраться на машине по гравию место может быть вполне «подходящим» для нескольких кладов. Закладчики считают, что вдоль железной дороги есть смысл работать только в провинции, потому что в крупных городах там будет слишком много наружного наблюдения.

13. Дачные посёлки. Очень интересное в плане работы место закладчиков. Узкие улочки, перегороженные от проезжающих машин, большое количество элементов ландшафта, которые являются уникальными, малая населенность в любое время кроме выходных дней летом и близость от города и остановок общественного транспорта делает данную локацию очень удобной для их незаконной деятельности. В своей деятельности закладчик советует выбирать дачный поселок из наименее обеспеченных слоев населения, что снизит количество наружного наблюдения. Так же закладчики могут пользоваться заброшенными дачами, как территориями для большого количества кладов на малой площади.

14. Поле. Как и пляж, поле очень плохо подходит для работы закладчика. Ущелья, овраги, склоны, косогоры крайне редко встречающиеся локации для кладов, характерны для южных и степных регионов. Удобны своим сложным рельефом, что повышает количество надежных кладов на единице площади, а также незаметностью для стороннего наблюдателя. УУП следует обратить свое внимание на такие локации, если они есть на обслуживаемой территории.

15. Заброшенные сады. В этой локации так же могут вести свою незаконную деятельность закладчики.

Внешний вид и поведение закладчика

В своей незаконной деятельности закладчики, также повышают профессиональный уровень, чтобы уйти от ответственности. Работая на местности, как при поиске тайников, так и при моменте заклада наркотического вещества, не малую роль играет его внешний вид и поведение правонарушителя. Если человек выбрал для себя деятельность по распространению наркотического вещества, то с характером у него (как правило) все должно быть в порядке, и он не будет впадать в панику при первой же возможности. А случаи у него наверняка будут, и самая распространенная опасность – это встреча с сотрудниками правоохранительных органов. Закладчики понимают, что с полицейскими можно встретиться легче, чем можно себе представить и когда они пешком и в случае патрулирования на машине. Если при нем нет наркотических веществ, то это вообще не должно никаким образом отвлекать его от работы, он помнит, что если телефон зашифрован и заблокирован, то он не вызовет никаких подозрений, даже если он чем-то привлеч внимание сотрудников правопорядка. Если наркотические вещества находятся непосредственно при закладчике, то он особо внимателен и самое главное не подает виду. Закладчик ни в коем случае не увидим с наушниками в ушах, он всегда контролирует окружающее пространство и звуки. Закладчик в любом случае понимает основное правило – чем естественнее, тем незаметнее. Передвигается он со средним темпом, не спешит, но и не зевает, ни в коем случае не делает резких движений, взгляд переводит плавно. Что касается внешнего вида, тут тоже все просто, он должен быть как можно более подходящим к местности и своему поведению. Закладчик не будет «шариться» по складам в образе хиппи, панка или бомжа, его намерения не так поймут, и возможно предпримут меры. И закладчик понимает обратное, будет смотреться очень странно, если офисный менеджер в идеально белой выглаженной сорочке передвигается по кустам в середине дня в самых спальных районах. Закладчик старается не привлечь к себе и своим действиям внимание.

Только в совокупности с грамотным, системным и общим заинтересованным подходом в противостоянии незаконному обороту наркотиков и ПАВ возможно достижение поставленных целей и задач.

Описанные выше методы ухода от правосудия, способствуют повышению общей грамотности УУП в области противостояния незаконному обороту наркотических средств и ПАВ и противостоянию преступникам.

Пристатейный библиографический список

1. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Назначением по организации службы участковых уполномоченных полиции»), Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Современное состояние и перспективы обеспечения экономической независимости России // Материалы II национальной научно-практической конференции. 2020 Издательство: ФГБУ «Российское энергетическое агентство» Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ - филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России (Краснодар).
3. Диссертация на тему «Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты», ВАК РФ 12.00.08 – Уголовное и криминология; уголовно-исполнительное право. Краснодар, 2016. 251 с.

УРУСОВ Замир Хасанович

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

Урусов З. Х.

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье рассматриваются меры, позволяющие государству регулировать правовое взаимоотношение в обществе. В современном обществе существует множество общественных отношений различных по характеру. Зачастую в сфере их реализации и защиты возникают вопросы, которые требуют вмешательства государственных органов и должностных лиц, именно это и порождает особенности методов и способов их регулирования. В правовом государстве, порядок управления в котором обеспечивается действующим законодательством, необходимо наличие такого механизма, посредством которого будет осуществляться контроль за его соблюдением и исполнением. В качестве регулятора здесь выступают меры государственного принуждения. Они не только реализуют охранительную функцию государства, но и призваны гарантировать права и свободы человека и гражданина, что является высшей ценностью любого государства. Кроме того, к другим целям государственного принуждения относятся: предупреждение противоправного поведения, а также его пресечение, восстановления нарушенных прав и возмещение причинённого ущерба. Одним из методов государственного управления является административное принуждение, о котором далее пойдёт речь. Главным образом оно осуществляется посредством деятельности сотрудников полиции. Применение ими мер обеспечения во время производства по делу направлено на понимание гражданином необходимости соблюдения правила поведения, отраженных в административно-правовых нормах. Но это касается не всех, а только определяющих общеобязательные правила поведения в области государственного управления. Пособием использования мер административного принуждения сотрудниками органов внутренних дел обеспечивается общественный правопорядок, защита прав, свобод и законных интересов человека и общественных организаций.

Ключевые слова: меры государственного принуждения, нормативно-правовые акты, рассмотрение дела, административно-правовой характер мер принуждения.

URUSOV Zamir Khasanovich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SECURITY MEASURES IN THE PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

The article discusses measures that allow the state to regulate the legal relationship in society. In modern society, there are many social relations of various nature. Often in the sphere of their implementation and protection, issues arise that require the intervention of state bodies and officials, and this is precisely what gives rise to the peculiarities of the methods and ways of their regulation. In a state governed by the rule of law, the order of management in which is ensured by the current legislation, it is necessary to have such a mechanism through which control over its observance and execution will be carried out. The measures of state coercion act as a regulator here. They not only realize the protective function of the state, but are also called upon to guarantee the rights and freedoms of man and citizen, which is the highest value of any state. In addition, other goals of state coercion include: prevention of illegal behavior, as well as its suppression, restoration of violated rights and compensation for damage caused. One of the methods of public administration is administrative coercion, which will be discussed below. It is mainly carried out through the activities of police officers. The use of security measures by them during the proceedings is aimed at understanding by the citizen the need to comply with the rules of conduct reflected in the administrative and legal norms. But this does not apply to everyone, but only to those who determine the generally binding rules of conduct in the field of public administration. Through the use of measures of administrative coercion by employees of the internal affairs bodies, public law and order, protection of the rights, freedoms and legitimate interests of a person and public organizations are ensured.

Keywords: measures of state coercion, normative legal acts, consideration of the case, administrative and legal nature of coercive measures.

Актуальность данной темы заключается в том, что все принятые государством нормативно-правовые акты требуют точного применения и исполнения. Таким образом, органы внутренних дел наделены полномочиями систематического наблюдения за соблюдением гражданами, а также должностными лицами законов и подзаконных актов.

Меры обеспечения при производстве по делу – это меры принудительного характера, применяемые уполномоченными на то государственными органами для защиты прав и

свобод человека и гражданина, а также законных интересов общественных организаций и объединений [1].

Административно-правовое воздействие является более узким понятием по отношению к правовому воздействию, и можно дать такое его определение: это одно из проявлений действия права на отношения, носящие административно-правовой характер, сознание и поведение субъектов административного права с помощью системы объективных (правовых) и субъективных (психологических, идеологических, нравственных и т.д.) элементов, составляющих механизм

административно-правового воздействия и обеспечивающих его действенность [2].

Не только среди субъектов административно-деликтной юрисдикции, но и в научных кругах происходят споры и дискуссии вокруг юридической природы правил применения административного задержания, доставления, личного досмотра, досмотра вещей, досмотра транспортного средства и тому подобное [3].

Меры обеспечения производства имеют такие основные признаки, как: применение в процессе или после совершения правонарушения; помогают установить личность правонарушителя и составить соответствующий протокол; являются персонализированными по отношению к правонарушителю; документируются в установленном законодательством порядке и могут быть оспорены и тому подобное.

Среди признаков, присущих административно-правовым мерам, большинство ученых выделяют признаки, характерные при административном влиянии и принуждении. А именно такие как:

- особое нормативно-правовое регулирование как отдельных видов административно-правовых мер, так и системы в целом (определяются основания и порядок применения). Например, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Закон РФ «О полиции» и др.;

- имеют обязательный, собственный характер, осуществляются в одностороннем порядке, только в предусмотренных правовыми нормами случаях, и заключаются в применении от имени государства особых способов воздействия на сознание и волю человека с целью предупреждения и пресечения правонарушений;

- особый субъектный состав.

- это система приемов и способов осуществления административно-правового воздействия, формируются на основе необходимого сбалансированного заложенного в них принудительного и поощрительного потенциала;

- административные меры являются универсальными способами меры воздействия, поскольку заключаются в использовании двух взаимосвязанных методов - убеждения и принуждения;

- характеризуются многоцелевой направленностью мер воздействия: а) меры обеспечения правомерного поведения субъектов права; б) меры предупреждения правонарушений; в) меры пресечения правонарушения; г) наказание за совершенное противоправное деяние. Причем каждому виду административно-правовых мер присущи специальные тактические цели их применения, в которых отражаются особенности влияния определенного мероприятия, его назначение в процессе регулирования правоотношений;

- административно-правовые меры являются своеобразной профилактикой более общественно опасного, преступного поведения и применяются с целью охраны правопорядка.

Среди мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, ограничивающих право лица на свободу и личную неприкосновенность, достаточно распространенным и наиболее проблемным для применения является административное задержание.

Доставление осуществляется до помещений органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Пограничной службы ФСБ и других помещений, где есть реальная возможность составления протокола об административном правонарушении и установления личности правонарушителя.

Однако законодатель не устанавливает срока пребывания доставленного лица в помещении органов правоохранительных органов. Протокол о доставлении правонарушителя не составляется. Исходя из указанного, можно считать, что нахождение правонарушителя в помещении указанных органов может длиться более одного часа [4].

Досмотр вещей и изъятие вещей и документов отнесены к отдельной группе мер обеспечения административного производства, направленных на ограничение имущественных прав лица. Сущность досмотра вещей состоит в их принудительном обследовании без нарушения конструктивной

целостности, а особенностью является то, что осуществляется он различными способами: как визуально, так и тактильно, в частности проведением по поверхности рукой или специальным прибором.

Особенностью изъятия вещей в административном производстве является обязанность уполномоченного лица хранить вещи до рассмотрения дела об административном правонарушении, а в дальнейшем, в зависимости от правового режима и вида вещи, принять альтернативные по содержанию решения: по их конфискации, возврат владельцу, уничтожению; возмездному изъятию вещей (реализация) или уничтожению [5].

Таким образом, нормы административного права регулируют обширный круг мер обеспечения при производстве по делу, которые обеспечиваются посредством органов исполнительной власти для сохранения правопорядка. Меры обеспечения при производстве по делу можно определить как систему государственных приемов и способов осуществления административно-правового воздействия, которые осуществляются в одностороннем порядке, только в предусмотренных правовыми нормами случаях, специально уполномоченными на то субъектами, способствующими производству по делам об административных правонарушениях. Внедрение современных информационных технологий в деятельность уполномоченных субъектов, осуществляющих административные производства, позволит минимизировать затраты времени на техническую работу и будет способствовать оперативности принятия ими объективных решений. В связи с этим акцентируется на целесообразности закрепления в КоАП ответственности за нарушение правил ведения органами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях, электронных баз данных и возможности их использования во время административного производства.

Пристатейный библиографический список

1. Закопырин В.Н. Процессуально-правовые гарантии прав и свобод граждан при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении // В сборнике: Права и свободы человека и гражданина в уголовном и административном судопроизводстве. Сборник статей. - Рязань, 2020. - С. 27-31.
2. Капранова Ю.В. Пределы ограничений прав граждан при применении мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях // В сборнике: Актуальные вопросы применения норм административного права («Корневские чтения»). V Международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов. Сост. В.И. Ковшевацкий. - Москва, 2021. - С. 194-196.
3. Макаров Д.В. Основные положения законности при применении мер обеспечения производства по делу об административных правонарушениях // В сборнике: Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор С. Л. Мельникова, 2020. - С. 99-107.
4. Прудникова Д.Э. Меры обеспечения административного производства по делам о правонарушениях на транспорте // Молодой ученый. - 2019. - № 35 (273). - С. 73-74.
5. Урусов З.Х. Меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 4 (155). - С. 126-127.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-152-154

КАЛИНИЧЕНКО Дмитрий Владимирович

аспирант Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В научной статье определена актуальность и значимость применения сотрудниками органов внутренних дел мер административного принуждения, проблемы их правового регулирования. На примере введения в 2021 году такой меры государственного принуждения как вскрытие транспортного средства отмечена необходимость дальнейшего совершенствования законодательства Российской Федерации в данной сфере. Автором проведен краткий сравнительно-правовой анализ соотношений оснований использования досмотра и осмотра транспортного средства в правоприменительной деятельности полиции. В качестве базового (ведущего) принципа применения любой меры административного принуждения автором обозначен принцип законности действий сотрудников органов внутренних дел. Приведены примеры из судебной практики признания действий сотрудников органов внутренних дел незаконными в случае нарушения ими норм законодательства РФ о мерах административного принуждения.

Ключевые слова: меры административного принуждения, органы внутренних дел, принцип законности, вскрытие транспортного средства, досмотр транспортного средства, осмотр транспортного средства.

KALINICHENKO Dmitriy Vladimirovich

postgraduate student of the St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

PROBLEMS OF APPLICATION OF MEASURES OF ADMINISTRATIVE COERCION BY INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The scientific article defines the relevance and significance of the use of administrative coercion measures by employees of the internal affairs bodies, the problems of their legal regulation. On the example of the introduction in 2021 of such a measure of state coercion as the opening of a vehicle, the need for further improvement of the legislation of the Russian Federation in this area is noted. The author has carried out a brief comparative legal analysis of the correlation of the grounds for the use of inspection and vehicle inspection in the law enforcement activities of the police. As the basic (leading) principle of application of any measure of administrative coercion, the author identifies the principle of legality of actions of employees of internal affairs bodies. Examples from judicial practice of recognizing the actions of employees of internal affairs bodies as illegal in case they violate the norms of the legislation of the Russian Federation on administrative coercion measures are given.

Keywords: administrative enforcement measures, internal affairs bodies, the principle of legality, vehicle autopsy, vehicle inspection, vehicle inspection.

Калиниченко Д. В.

Одним из основных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации как правоохранительного органа является обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на основании сочетания двух методов государственного управления: убеждения и принуждения. В современном мире, в том числе и в Российской Федерации даже в условиях построения демократического правового государства формирование законопослушного образа жизни у граждан невозможно без применения к ним «устрашающих» мер правового воздействия. Министерство внутренних дел Российской Федерации как основной субъект обеспечения общественного порядка и общественной безопасности обладает в соответствии с законодательством Российской Федерации широким спектром таких мер административного принуждения.

Данный институт административного права неоднократно становился предметом научных исследований как советского, так и современного периода развития российского права. Данной теме посвящены научные труды таких ведущих ученых, как: А.П. Алексина, Д.Н. Бахрах, А.И. Каплунова, А.А. Кармолицкого, Ю.М. Козлова, А.П. Коренева, Б.В. Рос-

синского, Ю.Н. Старилова, Ю.П. Соловья. Основоположниками понятийного аппарата и фундаментальных основ, методологии изучения рассматриваемой темы признают М.И. Еропкина и Ц.А. Ямпольскую [3, с. 35].

Проблемы применения мер административного принуждения сотрудниками органов внутренних дел актуальны к рассмотрению и в рамках современных диссертационных изысканий и юридической научной литературы. Одним из традиционных вопросов, который подвергается анализу на всем протяжении развития административного права как науки и как отрасли права, является проблема соблюдения принципа законности в деятельности правоохранительных органов при применении мер административного принуждения. Так в 2020 году Э.Х. Мамедовым защищена на соискание ученого звания кандидата юридических наук диссертация по теме «Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения» [9]. Диссертант в рамках своей научной работы отметил, что законность следует рассматривать как ключевой качественный показатель результативности и эффективности применения полицией мер административного принуждения.

Обеспечение законности и соблюдения служебной дисциплины при осуществлении сотрудниками органов внутренних дел – одна из важнейших государственных задач, от решения которой зависит формирование уровня доверия населения, простых граждан к правоохранительным органам и, прежде всего, к органам внутренних дел. Требуя соблюдения закона от других граждан и представителей организаций, сотрудники данного правоохранительного органа в первую очередь через свои действия должны доказать свое подчинение действующим в России принципам верховенства права и законности. Соблюдение сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации требований законности влияет на эффективность защиты прав и свобод человека.

Отдельные проблемные аспекты правового регулирования мер административного принуждения рассмотрел в 2021 году в рамках своей научной статьи к.ю.н. Ю.В. Кивич [4, с. 187]. Данным автором обозначены проблемы компетенции сотрудников органов внутренних дел при применении мер административного принуждения при пресечении и выявлении отдельных административных правонарушений; проблемы взаимодействия и взаимосвязи органов внутренних дел с другими правоохранительными органами по вопросу их совместного использования; проблемы применения мер административного принуждения при проведении публичных мероприятий (митингов, шествий, демонстраций).

Актуальность исследуемой темы подчеркивается изменениями законодательства РФ о полиции¹, произошедшими в 2021 году в виде расширения мер государственного принуждения, применяемых полицией, путем включения в их систему такой новой меры как «вскрытие транспортного средства» (Федеральный закон от 21.12.2021 № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»²). Указанное изменение норм административного права является реакцией государства на запрос правоохранительных органов в предоставлении им такого законного инструментария в реагировании на совершение административных правонарушений, преступлений гражданами или их пресечении. Вскрытие как мера административного принуждения сотрудниками полиции может быть применена и в случае противодействия законным требованиям сотрудников органов внутренних дел предоставить транспортное средство для осмотра или досмотра, для обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан. Так многие автомобилисты препятствуют проверке документов и осмотру транспортного средства, например, закрывшись в его салоне. В результате сотрудник правоохранительного органа вынужден применять принудительные меры, в том числе разбить стекло автомобиля и проводить дальнейшие процессуальные действия с таким водителем, пытаясь объяснить ему незаконность такого поведения. В последствии водители транспортного средства в судебном порядке подвергали сомнению законность действий сотрудника полиции, в том числе требовали возмещения убытков, затраченных на ремонт автомобиля, и компенсации морального вреда, за переживания и страх, испытанные ими в данной ситуации. Сотрудники органов внутренних дел в рамках проводимого еще в 2014 году социологического исследования сотрудниками Краснодарского университета МВД Рос-

сии подтвердили, что не имели в данной ситуации законного способа реагирования на подобные действия водителя и вынуждены были в каждом втором случае просто отпустить его без привлечения к административной ответственности. Особенно такое бездействие со стороны представителя власти распространялось на ситуации, связанные с возможным причинением ущерба водителям дорогостоящих автомобилях [6, с. 1396]. Свое поведение сотрудники полиции объяснили тем, что в последствии трудно будет доказать правомерность и целесообразность своих действий при отсутствии определенной правовой базы. При этом прокуратура и суды также не однозначно оценивали принимаемые сотрудниками полиции принудительные меры в подобных ситуациях. В данной ситуации возникал пробел в российском законодательстве в правовом регулировании проникновения сотрудника полиции в транспортное средство. Представители юридической науки указали на целесообразность и значимость внесения соответствующих изменений в законодательство России путем установление правовых основ проникновения сотрудника полиции в транспортное средство в подобных ситуациях [2, с. 108-110].

Придание вскрытию транспортного средства юридической силы меры государственного принуждения было положительно оценено и на уровне Министерства внутренних дел Российской Федерации, и в научной литературе, характеризуя рассматриваемые изменения Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» как «законодательное расширение прав сотрудников ОВД» [1, с. 48].

В то же время указанные новации законодательства РФ о полиции не решили всех проблем, связанных с законностью и обоснованностью применения такой меры административного принуждения как вскрытие транспортного средства. Так А. Т. Мурсалимов и Ш. Э. Маликов указывают на возможность возникновения трудностей в правоприменительной деятельности в случаях, предусмотренных п.п. 5 и 6 ч. 1 ст. 15.1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (нахождение в транспортном средстве водителя в состоянии опьянения или вещей без специального разрешения, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных) [5, с. 898]. Так признаки для определения состояния опьянения, перечисленные в Приказе Минздрава России от 18 декабря 2015 года № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)»³, могут быть использованы сотрудником полиции только при непосредственном контакте с водителем. В данном случае представители власти, применяя такую меру административного принуждения, должны быть точно уверены в том, что водитель находится в указанном состоянии, и при этом не должны злоупотреблять правом, не превышать полномочий, не нарушать рассмотренный ранее принцип законности.

Думается, что с учетом практики реализации ст. 15.1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», в том числе и судебной, Министерство внутренних дел Российской Федерации совместно с другими федеральными органами исполнительной власти выработает рекомендации по применению такой меры административного принуждения в указанных выше случаях.

1 О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 14.02. – № 7. – Ст. 900.

2 О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»: федер. закон от 21.12.2021 № 424-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2021. – 27.12. – № 52 (часть I). – Ст. 8983.

3 О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) // Российская газета. – 2016. – 23.03. – № 60.

Введение такой меры государственного принуждения как вскрытие транспортного средства не решило всех проблем правового регулирования такой наиболее часто применяемой сотрудниками полиции меры административно-процессуального обеспечения как досмотр транспортного средства. В тоже время законодательством Российской Федерации предусмотрена возможность сотрудников правоохранительных органов проводить помимо досмотра осмотр транспортных средств. В рамках науки российского административного права и административного законодательства РФ различают понятия «осмотр транспортного средства» и его «досмотр», указывая на их разное правовое значение и отличительные процессуальные признаки [8, с. 514-516].

Согласно ч. 1 ст. 27.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее по тексту КоАП РФ)⁴ в отличие от осмотра только досмотр транспортного средства является мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Список мер, закрепленных в ст. 27.1 КоАП РФ имеет исчерпывающий характер, осмотр в нем как мера обеспечения производства по делу не указан. Досмотр в отличие от осмотра имеет двойное юридическое значение: и меры производства по делам об административных правонарушениях, и административно-предупредительной меры.

В соответствии с пп.20. п. 1 ст. 13 Федерального закона Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» сотрудники полиции наделены правом осуществлять с участием водителей или граждан, сопровождающих грузы, осмотр транспортных средств и грузов при подозрении, что они используются в противоправных целях. Осмотр производится в целях профилактики правонарушений. В отличие от осмотра досмотр представляет более тщательное исследование автомобиля, не только внешний визуальный осмотр, но и изучение внутреннего содержания транспортного средства: багажника, салона, бардачка и т. д. Для проведения досмотра необходимо наличие причин и оснований, предусмотренных нормативно-правовыми актами РФ. Следовательно, сотрудник органов внутренних дел при применении такой меры административного принуждения как досмотр должен четко определить основания его проведения и разъяснить водителю транспортного средства. В противном случае водитель имеет возможность обжаловать и потребовать признать действия сотрудника полиции незаконными [7, с. 100]. Например, суд признал действия сотрудников ГИБДД незаконными, т.к. они провели досмотр транспортного средства (багажника) вне стационарного поста ДПС в отсутствие у них законных оснований. В качестве доказательств использованы показания понятых, видеосъемка, протокол досмотра⁵.

Таким образом, проведенный анализ реализации на практике отдельных мер административного принуждения показал, что имеются проблемы в их правовом регулировании и применении. Российский законодатель, с одной стороны, реагирует на запросы органов внутренних дел в расширении их перечня и корректировки правовых основ, но, с другой стороны, не восполнены еще все коллизии и пробелы в российском законодательстве. При применении мер

административного принуждения от сотрудников органов внутренних дел требуется, прежде всего, строгое соблюдение требований законодательства РФ, т.к. указанные мероприятия затрагивает честь и достоинство человека, а также могут оказать сильнейшее психологическое воздействие на гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Городничев И.М. Совершенствование административных полномочий полиции Российской Федерации // Закон и право. – 2022. – № 2.
2. Зайцев Р.Я. Неповиновение водителя законному требованию сотрудника полиции выйти из транспортного средства // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 3.
3. Запругин Д.Г. Меры административного принуждения, применяемые полицией в отношении граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16. – № 2.
4. Кивич Ю.В. Проблемы применения органами внутренних дел административно-правового принуждения и меры по их преодолению. Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4.
5. Мурсалимов А.Т., Маликов Ш.Э. К вопросу о порядке вскрытия транспортного средства // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet» – 2022. – № 2.
6. Очаковский В.А., Крутова Я.А., Гаспарян А.К. Применение органами внутренних дел (полицией) осмотра как меры административного принуждения // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 99 (05).
7. Хадисов Х.Г., Жалсанов Б.Ц. Некоторые проблемы правового регулирования досмотра транспортного средства как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного права и процесса. – 2018. – № 2.
8. Чернов Ю.И., Жиганюк Н.И. Досмотр и осмотр транспортного средства // Современные научные исследования и разработки. – 2017. – № 9 (17).
9. Мамедов Э.Х. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://diss.unn.ru/files/2020/1089/diss-Mamedov-1089.pdf> (дата обращения: 15.04.2022).

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 07.01. – № 1 (ч. 1). – Ст.1.

5 Досмотр транспортного средства: судебная практика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://automania.ru/threads/dosmotr-transportnogo-sredstva-sudebnaja-praktika.210/> (дата обращения: 12.04.2022).

АРХИРЕЕВА Анастасия Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования финансового контроля органов местного самоуправления. Сделан вывод о том, что в последние годы особо актуализировался вопрос повышения финансовой дисциплины на уровне муниципальных образований, требуется оптимизировать расходы местных бюджетов, а также особо обратить внимание на эффективность расходования средств местных бюджетов.

Ключевые слова: контроль, финансовый контроль, муниципальные образования, органы местного самоуправления.

ARKHIREEVA Anastasiya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF FINANCIAL CONTROL OF LOCAL GOVERNMENTS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES (MUNICIPAL-LEGAL ASPECT)

The article discusses some aspects of the legal regulation of financial control of local governments. It is concluded that in recent years the issue of improving financial discipline at the level of municipalities has become especially relevant, it is necessary to optimize the costs of local budgets, and also pay special attention to the efficiency of spending local budgets.

Keywords: control, financial control, municipalities, local governments.

Архиреева А. С.

В настоящее время финансовый контроль органов местного самоуправления считается важной частью функционирования финансовой системы любого государства. Данный вид деятельности позволяет на местном уровне в порядке, установленном законодательством, контролировать политику органов местного самоуправления в финансовой сфере.

Особо важное значение в последние годы приобретает контроль за эффективностью расходования бюджетных средств местных бюджетов. В этом свете обращение к исследованию особенностей финансового контроля органов местного самоуправления представляется своевременным и актуальным.

Сам термин «финансовый контроль» является предметом исследования как в финансовом, так и в муниципальном праве в многочисленных трудах Н. И. Химичевой [1], Ю. Н. Туганова [2], Е. А. Бочкаревой [3], Е. В. Овчаровой [4], Э. С. Рожкова [5], Н. В. Павлова [6], В. А. Очаковского [7], [16] и других.

Представляется, что под правовой дефиницией «финансовый контроль» следует понимать особый вид деятельности государственных органов или органов местного самоуправления, кредитных организаций, по контролю за законностью, эффективностью, целесообразностью финансовой деятельности органов публичной власти, юридических и физических лиц в сфере аккумулирования, распределения и использования публичных денежных фондов.

Следует отметить, что особой разновидностью финансового контроля является финансовый контроль органов местного самоуправления в процессе реализации которого

осуществляются контрольные мероприятия по проверке законности и целесообразности решений компетентных органов местного самоуправления в процессе аккумулирования, распределения и использования публичных денежных фондов.

В научной литературе отмечается, что финансовый контроль органов местного самоуправления является комплексным правовым институтом, включающим такие компоненты как: бюджетный контроль, деятельность контрольно-счетных органов муниципальных образований, налоговый контроль и др.

Бюджетный кодекс РФ в качестве классификации видов финансового контроля органов местного самоуправления определяет следующие виды контрольных мероприятий в зависимости от времени проведения и формы контроля: предварительный и последующий контроль; внешний и внутренний контроль.

Предварительный контроль на местном уровне осуществляется в целях предупреждения и пресечения бюджетных нарушений в процессе исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Последующий контроль на уровне местного самоуправления осуществляется по результатам исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в целях установления законности их исполнения, достоверности учета и отчетности.

Внешний муниципальный финансовый контроль является контрольной деятельностью специально созданных в муниципальных образованиях независимых контрольно-счетных органов.

Внутренний муниципальный финансовый контроль является контрольной деятельностью органов муниципального финансового контроля, входящих в состав органов местных администраций.

Бюджетный контроль органов местного самоуправления осуществляется по правилам ст. 266.1 Бюджетного кодекса РФ [8], согласно которым объектами муниципального финансового контроля являются:

- главные распорядители (распорядители, получатели) бюджетных средств, главные администраторы (администраторы) доходов муниципального бюджета, главные администраторы (администраторы) источников финансирования дефицита муниципального бюджета;

- финансовый орган публично-правового образования, бюджету которого предоставлены межбюджетные субсидии, субвенции, иные межбюджетные трансферты, имеющие целевое назначение, бюджетные кредиты, местная администрация;

- муниципальные учреждения и унитарные предприятия;

- хозяйственные товарищества и общества с участием публично-правовых образований в их уставных (складочных) капиталах, а также коммерческие организации с долей (вкладом) таких товариществ и обществ в их уставных (складочных) капиталах.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относит контроль за исполнением местного бюджета к вопросам местного значения, которые органы местного самоуправления осуществляют самостоятельно [9]. Для этого представительные органы муниципальных образований создают свои контрольно-счётные органы. В осуществлении своих полномочий они следуют принципам законности, объективности, эффективности, гласности и, как указывалось выше, независимости.

Органы, создаваемые представительными органами муниципального образования, могут иметь разные наименования: контрольно-счётная палата, счётная палата и другие. Однако их объединяет следующее – это структура, она идентична. Сам орган состоит из председателя и аппарата, в который входят аудиторы, инспекторы и другие лица, осуществляющие финансовый контроль. Численность работников контрольно-счётного органа законодательно не закреплена и может устанавливаться нормативным актом представительного органа соответствующего субъекта Российской Федерации [10].

Также законодательно закреплено взаимодействие органов, осуществляющих финансовый контроль. Согласно статье 18 Федерального закона от 7.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» контрольно-счётные органы субъектов РФ и муниципальных образований при осуществлении своей деятельности, основываясь на соглашении о сотрудничестве, могут взаимодействовать между собой [11]; с контрольно-счётными органами других субъектов РФ и муниципальных образований; со Счётной палатой РФ; с территориальными управлениями Центрального банка РФ; с налоговыми органами; с органами прокуратуры; с иными органами Россий-

ской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований [12], [17].

Традиционно выделяют три модели организации местного самоуправления: англосаксонскую, континентальную и смешанную [13]. В соответствии с этим можно предположить, что и процесс осуществления муниципального финансового контроля будет различаться. Рассмотрим это на примере некоторых стран.

Во-первых, англосаксонская модель характерна для ряда англоязычных стран. Например, таких, как США, Канада и Австралия. Осуществление финансового контроля на муниципальном уровне в них и в Российской Федерации схожи.

Основным представителем и родиной континентальной модели является Франция. Французское законодательство закрепляет, что на уровне регионов внешний финансовый контроль осуществляют Региональные счётные палаты. На основе анализа закона от 2 марта 1982 г. № 82-213 «О правах и свободах коммун, департаментов и регионов» в литературе особо отмечаются следующие виды полномочий Региональных счётных палат:

- формировать, высказывать независимые мнения, предложения по вопросам бюджетной нормативной базы местных органов власти, при наличии тех или иных нарушений или несоответствий;

- подготавливать проекты и предложения для судебных и правоохранительных органов в отношении исполнения финансово-бюджетного законодательства;

- создавать условия по надлежащему использованию бюджетных средств различными видами муниципальных учреждений [14].

Этот орган осуществляет контроль в муниципальных образованиях с численностью населения не менее 200 тысяч человек. В муниципалитетах с меньшим количеством жителей финансовый контроль осуществляют финансовые эксперты или старшие казначеи.

Поскольку для континентальной модели организации местного самоуправления характерны высокая степень централизации системы управления и прямой контроль над деятельностью местных органов, то и нижестоящие органы, осуществляющие финансовый контроль, будут подотчётны Счётной палате Франции. Например, спорные решения, принятые Региональными палатами, могут быть обжалованы в Счётную палату, в этом случае выступающую в качестве апелляционной инстанции.

Смешанная система организации местного самоуправления характерна для Германии, Японии и Австрии. Её особенность заключается в том, что она одновременно совмещает в себе признаки англосаксонской и континентальной моделей.

Статьи 2 и 116 Основного закона Австрии закрепляют самостоятельность Земель и Общин – административно-территориальных единиц государства. Однако же в статье 121 вышеуказанного закона говорится, что «Проверка финансовой деятельности Федерации, земель, союзов общин, общин и иных установленных законом субъектов права возлагается на Счётную палату» [15].

Но австрийское законодательство предусматривает возможность земель в пределах своей компетенции формировать органы, которые аналогичны Счётной палате. Согласно

Основному закону в этих случаях, должно быть осуществлено регулирование со стороны Счётной палаты.

Также в компетенцию Палаты входит проведение финансового контроля в общинах численностью не менее двадцати тысяч жителей и проверка финансовой деятельности представителей органов социального страхования.

Счётная палата Австрии состоит из председателя, избираемого по предложению Главного комитета Национального совета сроком на двенадцать лет, необходимого числа чиновников, назначаемых Федеральным президентом по предложению председателя Счётной палаты, вспомогательного персонала, назначаемого непосредственно председателем Палаты.

При этом закон также устанавливает, что ни один член Счётной палаты не может участвовать в управлении и руководстве организации, деятельность которых контролируется Счётной палатой или направлена на получение прибыли.

Каждый год бургомистры обязаны передавать Счётной палате и правительству земли предварительные сметы и итоговые балансовые отчёты, а правительства, в свою очередь, ежегодно отчитываются только перед Счётной палатой Австрии.

Таким образом, сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства по вопросам нормативного регулирования финансового контроля органов местного самоуправления показал, что процесс осуществления финансового контроля органов местного самоуправления различен в зависимости от страны и модели организации самоуправления, установленной в ней.

Муниципальный финансовый контроль, характерный для англосаксонской модели организации местного самоуправления, применяемой в России, в целом показывает свою эффективность, однако для её повышения стоит учесть опыт стран со смешанной и континентальной системами организации местного самоуправления и ввести контроль деятельности местных контрольно-счётных палат со стороны специальных органов, созданных Счётной палатой, или же ей самой. Это позволит уменьшить вероятность осуществления действий коррупционного характера со стороны организаций, в отношении которых проводятся проверки, и повысить качество проведения контроля.

Пристатейный библиографический список

- Химичева Н.И. Финансовое право: учебник / Отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. - 800 с.
- Туганов Ю.Н., Трофимов М.В. Финансовое право: учебное пособие. - Москва: РИО Российской таможенной академии, 2017. - 164 с.
- Бочкарева Е.А., Кожушко С.В. Финансовый контроль в Российской Федерации: рабочая тетрадь. - Москва: РГУП, 2021. - 62 с.
- Овчарова Е.В. Финансовый контроль в Российской Федерации: учебное пособие. - Москва: Зерцало-М, 2019. - 224 с.
- Рожкова Э.С., Абрамовских Л.Н. Государственный финансовый контроль: учеб. пособие. - Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. - 128 с. - ISBN 978-5-7638-2645-6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/492098> (дата обращения: 05.05.2022).
- Павлов Н.В., Очаковский В.А., Баланенко М.В. Актуальные вопросы осуществления муниципального контроля // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 1 (152). - С. 171-173.
- Очаковский В.А., Павлов Н.В. К вопросу формирования финансово-экономической основы института местного самоуправления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - № 3. - С. 121-124;
- Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.
- Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.
- Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований: Федеральный закон от 7.02.2011 № 6-ФЗ // СЗ РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 903.
- Палий В.М., Курдюк П.М., Очаковский В.А. Модели правового взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления: теоретический и исторический аспекты: монография. - Краснодар, 2014.
- Архиреева А.С., Костенко Б.Ю. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Эпомен. - 2019. - № 34. - С. 26-32.
- Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н. Опыт организации местного самоуправления в зарубежных странах: учебное пособие. - Краснодар, 2013.
- Филатова Н.В. Организация муниципального финансового контроля в зарубежных странах: опыт Франции и Германии // Academy. - 2018. - № 5 (32). - С. 61.
- Федеральный конституционный закон Австрии от 10 ноября 1920 г. – ст. 121. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=160/>. (дата обращения: 11.05.2022).
- Лейба И.П., Павлов Н.В., Очаковский В.А. Бюджет муниципального образования как ключевой элемент экономических основ местного самоуправления (муниципально-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2019. - № 7. - С. 94-97.
- Архиреева А.С., Махош М.Б. Финансовый контроль органов местного самоуправления // Эпомен. - 2020. - № 35. - С. 22-27.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-158-160

ГАЛИМУЛЛИНА Наталья Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

САМИГУЛЛИНА Айгуль Фидусовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

студент Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

РАМАЗАНОВА Ирина Викторовна

магистрант Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Целью публикации данной статьи является поиск методов и инструментов оценки социальной инфраструктуры муниципального образования. Социальная инфраструктура обеспечивает развитие субъектов экономики и территории в целом, однако в современных условиях сохраняются социальные диспропорции, снижается уровень жизни населения и нарастает влияние кризисных явлений. Все это требует аналитического исследования для принятия своевременного управленческого решения, что достигается на основе инструментов и приемов оценки уровня развития социальной инфраструктуры

Ключевые слова: муниципальное образование, социальная инфраструктура, анализ показателей развития муниципального образования.

GALIMULLINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Public Administration sub-faculty of the Bashkir State University

SAMIGULLINA Aigul Fidusovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Public Administration sub-faculty of the Bashkir State University

GILYZOVA Alisa Ildarovna

student of the Bashkir State University

RAMAZANOVA IrinaViktorovna

magister student of the Bashkir State University

IMPROVEMENT OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE MUNICIPALITY

The purpose of the publication of this article is to search for methods and tools for assessing the social infrastructure of a municipality. Social infrastructure ensures the development of economic entities and the territory as a whole, however, in modern conditions, social imbalances persist, the standard of living of the population decreases and the impact of crisis phenomena increases. All this requires analytical research to make a timely management decision, which is achieved on the basis of tools and techniques for assessing the level of development of social infrastructure.

Keywords: municipal education, social infrastructure, analysis of indicators of municipal education development

Введение.

Социальная инфраструктура – это система социальных объектов образования, необходимых для обслуживания населения. Социальная инфраструктура выполняет важную функцию обеспечения общественных благ [1].

Обеспечение социальной инфраструктурой гарантирует предоставление социальных гарантий, занятости населения, здоровья и образования граждан, борьбу с антиобщественными явлениями и др. Социальная инфраструктура формируется при помощи социального планирования и управления, путем осуществления социальных мероприятий, разработки социальных программ, институциональных решений.

Целью данного исследования – является поиск инструментов анализа социальной инфраструктуры в муниципальном образовании.

Предметом исследования является эффективность социальной инфраструктуры муниципального образования.

Методами, работы, являются: метод анализа и синтеза, метод наблюдения, метод сравнения, метод моделирования [2].

Информационную основу составили данные муниципальной статистики, отчеты и пресс-релизы, ресурсы сети Интернет.

Методология исследования.

Для выполнения данного исследования использовались труды различных авторов Карнилина, В.А. Кирпичникова, Н.В. Львова, В.И. Фадеева, И.С. Харченко, Е.Г. Шаломенцевой и др.

Необходимость оценки социальной инфраструктуры основана необходимостью повышения качества информации для вех субъектов управления о реальном положении муниципального образования.

Произведем подходы к оценке социальной инфраструктуры. Одним из основных представленных подходов является возможность рейтингования муниципальных образований по уровню развития территории.

Предлагается методика социальной инфраструктуры на основе следующих этапов:

- 1) определение параметров оценки и направлений развития муниципального образования (образование, здравоохранение, социальная сфера и т.д.);
- 2) определение спектра показателей для оценки эффективности социальной инфраструктуры;
- 3) сбор информации, аналитическая обработка полученных данных;
- 4) определение положительных и негативных факторов эффективности социальной инфраструктуры;
- 5) принятие управленческих решений.

Приведем перечень показателей оценки социальной инфраструктуры муниципального образования:

- динамика инвестиций по видам вложений и направлениям привлечения средств;
- инновации в экономику города;
- показатели обеспеченности населения жильем;

Таблица 1. Подходы к оценке социальной инфраструктуры муниципального образования

Подходы к оценке	Недостатки	Преимущества
1. Суммарные оценки по первоначальной и остаточной стоимости	Субъективность принятых для оценки показателей	Возможность сравнительной оценки
2. Коэффициентный анализ	Узкая направленность оценки	Простота, отсутствие громоздких вычислений
3. Оптимизационные модели	Отсутствие необходимой информации	Возможность выявления оптимизационных мер
4. Социальная эффективность объектов	Сложность выбора показателей	Понятность и открытость

Таблица 2. Анализ инвестиций ГО г. Уфа Республики Башкортостан

Показатели	2018	2019	2020
1. Инвестиции в основной капитал, реализуемые муниципалитетом, тыс.руб.	325,4	1315,3	1474,2
2. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями муниципалитета, млн.руб.	98124,7	105170,9	115885,9
3. Инвестиции в основной капитал организаций муниципальной собственности, млн.руб.	5671,4	8829,1	8624,6
4. Общая площадь жилых помещений, тыс. кв. м	27313,4	27978,2	28614,8
5. Введено в действие жилых домов, кв. м	653307	720381	772993
6. Ввод в действие индивидуальных жилых домов, кв. м	152359	136933	162640
7. Общая площадь жилых помещений на одного жителя, кв. м	24,1	24,0	25,1

Таблица 2. Анализ инвестиций ГО г. Уфа Республики Башкортостан

Показатели	2018	2019	2020
1. Инвестиции в основной капитал, реализуемые муниципалитетом, тыс.руб.	325,4	1315,3	1474,2
2. Инвестиции в основной капитал, осуществляемые организациями муниципалитета, млн.руб.	98124,7	105170,9	115885,9
3. Инвестиции в основной капитал организаций муниципальной собственности, млн.руб.	5671,4	8829,1	8624,6
4. Общая площадь жилых помещений, тыс. кв. м	27313,4	27978,2	28614,8
5. Введено в действие жилых домов, кв. м	653307	720381	772993
6. Ввод в действие индивидуальных жилых домов, кв. м	152359	136933	162640
7. Общая площадь жилых помещений на одного жителя, кв. м	24,1	24,0	25,1

– показатели жилищно-коммунальной сферы в динамике;
– показатели эффективности использования социальной инфраструктуры.

Результаты исследования.

Инвестиционная политика ГО г. Уфа РБ является ключевым фактором развития социальной инфраструктуры города [3]. Для этого необходимо рассмотреть динамические показатели инвестиций города в разрезе направлений вложений. В таблице 2 приведены показатели инвестиционной активности ГО г. Уфа РБ.

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что сумма вложений со стороны муниципального бюджета растет, что представляет нам сведения о наличии средств для развития.

Отмечается так же значительный рост инвестиций со стороны организаций города на приобретение основных фондов, строительство и модернизацию, что в условиях кризиса необходимо для улучшения функционирования муниципалитета. Растет инвестиционный капитал организаций муниципальной собственности.

В таблице видно, что инвестиции предприятий города намного выше вложений, которые осуществляются за счет бюджетных средств, что показывает приоритеты территории и ограниченности средств.

Как видно увеличилась общая площадь жилых помещений, однако площадь вводимого жилья сократилась, что отражается на социальном обеспечении населения города и вызвано общей тенденцией [4].

Учитывая нарастание кризисных явлений, отмечается нарастание инвестиций из бюджета РФ и РБ по Национальным проектам России. Далее представим оценку жилищно-коммунальной сферы района в таблице 3.

Как видно в таблице 3, инфраструктура жилищно-коммунальной сферы расширилась, что является положительным фактором развития муниципального образования и роста эффективности ее использования. Это касается увеличения протяженности дорожной сети, газовой сети за счет ввода жилья.

Данная динамика вызвана старением коммунальной инфраструктуры и необходимостью ее ремонта и обновления в 2019 году по сравнению с 2018 годом. Такие работы в городском округе ведутся, что говорит о наличии средств, однако к 2020 году ремонт замедляется и требует внимания со стороны менеджмента органов муниципальной власти.

Рассчитаем показатели эффективности использования муниципального имущества в таблице 4.

Эффективность муниципального имущества определяет состояние социальной инфраструктуры города.

Как видно из полученных значений, доходность муниципального имущества сначала сокращается 7,3 % до 5,2 %, что вызвано снижением доходов от продажи имущества, а так же сокращением арендных платежей от предпринимателей в период пандемии коронавируса. В 2020 году видно снижение показателя, что вызвано ухудшением экономической обстановки на данной территории.

К негативным факторам так же можно отнести снижение доходов от использования имущества в расчете на

Таблица 3. Анализ жилищно-коммунальной сферы за 2018-2020 годы

Наименование показателя	2018	2019	2020
1. Одинокое протяжение уличной газовой сети, м	1909010	2195120	2281890
2. Протяженность автодорог, км	1567,6	1567,6	1760,4
3. Число источников теплоснабжения	45	50	54
4. Протяженность тепловых и паровых сетей, м	1239260	1239260	1269300
в том числе:			
– отремонтировано	200250	621974	175300
– нуждается в ремонте	24860	22690	17300
5. Одинокое протяжение уличной водопроводной сети, м	1087700	1017400	1052000
в том числе:			
– отремонтировано	1830	4642	4774
– нуждается в ремонте	871600	694700	727900
6. Одинокое протяжение уличной канализационной сети, м	160300	162140	164500
в том числе:			
– отремонтировано	360	990	553
– нуждается в ремонте	100200	102190	105700

Таблица 4. Анализ эффективности использования муниципального имущества ГО г. Уфа Республики Башкортостан

Наименование показателя	2018	2019	2020
1. Доходы от использования муниципального имущества, млн.руб.	3548,5	2994,0	3032,7
2. Численность жителей, чел.	1131429	1135480	1140273
3. Доходы от имущества на одного жителя района, руб.	3136,3	2636,8	2659,6
4. Учетная стоимость муниципального имущества, млн.руб.	55470,0	61481,8	67136,2
5. Остаточная стоимость муниципального имущества, тыс.руб.	48734,7	54407,1	58068,9
6. Доходность муниципального имущества, % (1/5*100 %)	7,3	5,5	5,2
7. Учетная стоимость муниципального имущества в расчете на одного жителя района, руб. (4/2)	49026,5	54146,1	58877,3
8. Изношенность муниципального имущества, % (4-5/4*100 %)	12,1	11,5	13,5

одного жителя с 3,1 тыс.руб. в 2018 году до 2,6 тыс. руб. в 2020 году. Это негативно характеризует доходность города.

Так же наблюдается устойчивая динамика сокращения изношенности имущества на уровне 12,1 % в 2018 году и 13,5 % в 2020 году, что позитивно характеризует состояние муниципального имущества.

Таким образом, по результатам проведенного анализа видно, что доходы от использования муниципального имущества невелики, наблюдается снижение изношенности, рост стоимости имущества города. Все это подразумевает разработку рекомендаций по улучшению управления муниципальным имуществом.

По мнению авторов статьи, факторами влияния на эффективность социальной инфраструктуры являются: сумма вложений со стороны предприятий города, состояние этих объектов, доходность и перспективы дальнейшего использования, низкое качество освоения средств бюджета, политическая нестабильность, инфляцию.

Заключение.

Таким образом, следующим этапом будет принятие управленческих решений о дальнейшем совершенствовании управления социальной сферой.

Считаем, что необходимы:

- 1) при необходимости корректировка Стратегии развития города;
- 2) увеличение доходов от использования муниципальной собственности;

3) создание условий освоения средств бюджета и государственно-частного партнерства;

- 4) мониторинг состояния муниципального имущества;
- 5) привлечение инвестиций в экономику города.

Таким образом, предлагаемая методика оценки социальной инфраструктуры позволит выявить проблемы развития и преодолеть нарастающие риски.

Пристатейный библиографический список

1. Bikmetov E., Ruvenny I., Sizonenko R., Galimullina N., Sizonenko Z. Strategic thinking as a factor of sustainable development of the organization // В сборнике: E3S Web of Conferences. 1. 2020. С. 07008.
2. Mamatelashvili O., Mukhamadieva E., Nikonova S., Bayrushina F. Corporate training: from planning to efficiency // В сборнике: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, 2020. С. 743-754.
3. Даутова Т., Файзурахманова Д. Проблемы развития социальной инфраструктуры муниципального образования в регионе (на примере МР Караидельский район Республики Башкортостан) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1 (152). С. 421-423.
4. Галимуллина Н., Юлдашева О., Рамеев Р. Анализ использования информационных систем и автоматизации в сфере ЖКХ на муниципальном уровне // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 456-458.

САЛИХОВ Гусейн Шамильевич

магистрант 2 курса Дагестанского государственного университета

АРСЛАНБЕКОВА Аминат Зайдуллаевна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и таможенного права Дагестанского государственного университета

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЖКХ

В статье анализируется нормативно-правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в сфере ЖКХ, определяется иерархия актов регулирующих данную сферу, исследуется роль органов местного самоуправления в сфере ЖКХ, а также проблемы, возникающие в результате такой деятельности. Определены особенности муниципального жилищного надзора – института, введенного в Российское законодательство в 2012 году.

Ключевые слова: местное самоуправление, жилищно-коммунальное хозяйство, муниципальный жилищный надзор.

SALIKHOV Hussein Shamilevich

magister student of the Dagestan State University

ARSLANBEKOVA Aminat Zaydullaевна

Ph.D. in Law, professor, Head of Administrative, financial and customs law sub-faculty of the Dagestan State University

POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE SECTOR OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

The article analyzes the legal regulation of the activities of local governments in the housing and communal services sector, determines the hierarchy of acts regulating this area, explores the role of local governments in the housing and utilities sector, as well as the problems arising from such activities. The features of municipal housing supervision, an institution introduced into Russian legislation in 2012, are determined.

Keywords: local self-government, housing and communal services, municipal housing supervision.

Вертикальная система власти эффективно консолидировала государственную власть. Такого рода государственная верховная власть, аналогичная централизованному правительству, эффективно поддерживает единство и политическую стабильность России, а также создавала хорошие условия для развития российской экономики и общества. Однако централизованная модель управления является излишеством в практическом процессе, что также приводит к тому, что эта модель управления сталкивается с проблемами в местном управлении. Строгий политический контроль лишает местные выборы подлинной демократической конкурентоспособности, что приводит к тому, что местные органы слишком полагаются на поддержку центрального правительства и игнорируют общественное мнение местного населения. Однако в последнее десятилетие отмечена тенденция в сторону децентрализации органов государственной власти, а также возросла роль органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения.

С этой целью также на проект базового закона об общих принципах организации местного самоуправления был принят Госдумой в первом чтении 25 января 2022 года. Авторами законопроекта выступили главы комитетов Госдумы и Совета Федерации по законодательству Павел Крашенинников и Андрей Клишас.

Документом, в частности, предусмотрено закрепление полномочий органов местного самоуправления, чтобы избежать несогласованности в работе муниципалитетов и региональных властей. Вводится одноуровневая система муниципальной власти: местное самоуправление осуществляется в городских округах, муниципальных округах и внутригородских территориях городов федерального значения.

Полномочия органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства достаточно обширны. Вместе с тем следует отметить, что значительный объем законодательных норм в данной группе общественных отношений определяется на федеральном и региональном уровне, в связи с чем представляется целесообразным поставить вопрос о законодательной иерархии нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере ЖКХ.

Президентом страны по итогам пресс-конференции, прошедшей 23 декабря 2021 года, поставлены масштабные задачи, реализация которых возможна только при соответствующем взаимодействии органов исполнительной власти, ресурсоснабжающих организаций и контрольно-надзорных органов. Роль органов местного самоуправления как контрольного органа в отношении жилищно-коммунального хозяйства здесь также высока. Без тесного и качественного взаимодействия двух данных органов, добиться успехов и достижения поставленных задач не получится.

В Конституции РФ есть положения, в соответствии с которыми, акты, принятые органами государственной власти на уровне субъекта РФ или местном уровне не могут противоречить Конституции РФ [1, с. 146]. Также последствия такого противоречия описаны в ч. 8 ст. 5 ЖК РФ, где отражено к чему приводит несоответствие местных актов и актов субъектов РФ в сфере жилищно-коммунального хозяйства законодательству РФ. В таком случае, соответственно, применяются положения Жилищного кодекса Российской Федерации. При внесении изменений в ЖК РФ, все региональные и муниципальные, которые противоречат новым положениям Кодекса, должны быть отменены [2, с. 538]. Особенностью также является и то, что в соответствии со ст. 2 и 3 Гражданского кодекса России жилищные отношения являются гражданско-правовыми отношениями по оказанию государственных услуг, что не позволяет регулиро-

вать такие отношения нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. При этом ряд жилищных отношений регулируется административно-правовыми нормами, которые могут быть приняты и на региональном уровне.

Жилищно-коммунальное хозяйство является многопрофильной структурой, в обязанности которой входит обеспечение надлежащего функционирования инфраструктуры жилищного фонда.

В целом обязанности органов местного самоуправления в сфере жилищно-коммунального хозяйства можно разделить на следующие группы:

контрольно-статистический (ведение различного учета, например, учет муниципального жилищного фонда, контроль за соблюдением определенных требований);

правотворческая (например, определение порядка установления жилищного процесса городского специализированного жилищного фонда);

правоприменение (например, предоставление жилья малоимущим гражданам на основании договоров социального найма);

информационные полномочия (например, информирование граждан о местных программах, нормативных актах в сфере жилищно-коммунального хозяйства, состоянии квартир и объектов коммунального хозяйства муниципального образования и др.).

Работа в сфере жилищно-коммунального хозяйства в основном осуществляется органами местного самоуправления, муниципальными органами и учреждениями. Целью муниципалитетов является регулирование процесса оказания услуг и выполнения общественно значимых функций. Политика государства в этом отношении направлена на устранение монополии на жилищно-коммунальные услуги. При этом увеличивается доля частных хозяйствующих субъектов, оказывающих жилищно-коммунальные услуги. В таких областях, как озеленение, этот процент очень высок [3, с. 320].

Органы МСУ устанавливают тарифы на товары и услуги, оказываемые организациями муниципального комплекса в соответствии с предельным показателем, установленным регулирующим органом субъекта Российской Федерации (Региональной энергетической комиссией) для данного муниципального образования, тарифы на присоединение к муниципальной инфраструктуре системы.

В целях введения как можно более эффективного контроля со стороны муниципальных властей в статье 20 ЖК РФ вводится институт муниципального жилищного надзора.

Субъектами муниципального жилищного надзора согласно пункту 2.1 настоящей статьи 20 ЖК РФ являются уполномоченные органы местного самоуправления. Кодекс определяет их как муниципальные органы жилищного надзора. На уровне города к таким органам относятся управления, административные комитеты или административные департаменты, отвечающие за жилищно-коммунальное хозяйство. На районном уровне – отделы жилищно-коммунального хозяйства, строительства, архитектуры и транспорта [4, с. 122].

Понятие муниципального жилищного надзора в жилищно-муниципальных правоотношениях появилось в 2012 году. Статьей 20 определено значение контроля за соблюдением законности гражданами и юридическими лицами только в отношении муниципального жилищного фонда. Так в письме Министерства регионального развития РФ от 06.09.2012г. [5] указано, что в обязанности органов общего жилищного надзора не входит контроль за юридическими лицами на основании ч. 2 ст. 1 62 Жилищного кодекса Российской Феде-

рации, что является предметом проверок органом государственного жилищного надзора.

Пункт 5 статьи 20 ЖК РФ наделяет сотрудников органов муниципального жилищного надзора относительно широкими полномочиями: составление протоколов об административных правонарушениях за нарушения правил благоустройства; проведение проверки соответствия правоустанавливающих документов юридических лиц, осуществляющих управление многоквартирными домами, требованиям законодательства Российской Федерации; надзор за содержанием общих жилых помещений и земельных участков и др.

В результате жилищное законодательство наделяет органы местного управления еще большим объемом прав управления, чем региональный уровень.

Таким образом, жилищно-коммунальное хозяйство является институтом специфическим. Отношения, возникающие в сфере ЖКХ, носят характер гражданско-правовой. Широкими контрольными полномочиями в сфере ЖКХ обладают органы местного самоуправления, которые устанавливают тарифы, а также являются субъектами муниципального жилищного надзора.

Пристатейный библиографический список

1. Бойко Н.С. Муниципальное право: учебное пособие для вузов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 430 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14193-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/496879> (дата обращения: 11.04.2022).
2. Ивакина А.М. Современные проблемы жилищно-коммунального хозяйства. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 8 (88). — С. 537-539. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/88/17301/> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Кочеткова Н.А. Трудности муниципального контроля в жилищно-коммунальной сфере. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 13 (147). — С. 319-321. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/147/41365/> (дата обращения: 11.04.2022).
4. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право: учебник и практикум для вузов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 432 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14653-0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/488905> (дата обращения: 11.04.2022).
5. О порядке взаимодействия уполномоченных органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления при осуществлении ими полномочий, предоставленных Федеральным законом от 25.06.2012 № 93-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Письмо Министерства регионального развития РФ от 6 сентября 2012 г. № 23554-ВК/14». — Текст: электронный. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»: справочно-правовая система: доступ только из читальных залов библиотеки ДГУ.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ И ВОПРОСОВ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА ТОВАРОВ

В работе рассматриваются вопросы, связанные с интеллектуальной собственностью и возможностью ее приобретения в целях производства импортозамещения без согласия правообладателей. Параллельный импорт товаров в условиях санкционного давления приобрел определенный смысл для ведения политики по поддержанию нормальной жизнедеятельности гражданского общества в России. Характеристика норм гражданского законодательства позволяет сделать вывод о решении вопросов приобретения таких товаров как правомерных сделок, которые уже урегулированы даже международными нормативными документами и используются мировым сообществом. Правовая регламентация параллельного импорта также заслуживает определенного внимания и внесения дополнений в отечественное гражданское законодательство.

Ключевые слова: гражданское законодательство, экспорт, импорт, параллельный импорт, импортозамещение, расширение конкуренции.

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF IMPORT SUBSTITUTION AND ISSUES OF PARALLEL IMPORT OF GOODS

The paper deals with issues related to intellectual property and the possibility of its acquisition for the purpose of import substitution without the consent of the copyright holders. Parallel import of goods under the conditions of sanctions pressure has acquired a certain meaning for conducting a policy to maintain the normal functioning of civil society in Russia. The characteristic of the norms of civil legislation allows us to conclude that the issues of the acquisition of such goods as legitimate transactions, which are already regulated even by international regulatory documents and are used by the world community. The legal regulation of parallel imports also deserves some attention and additions to the domestic civil legislation.

Keywords: civil legislation, export, import, parallel import, import substitution, expansion of competition.

Развитые страны мирового сообщества достаточно большое количество десятилетий взаимодействовали между собой по вопросам торговли. С развитием технологий объектами договоров купли-продажи становятся не только продукция сельского хозяйства, животноводства, добытые из недр земли ценные металлы и камни, но и цифровые технологии, а также, выпущенные на их основе товары.

Россия длительное время оставалась для подобных стран «государством – бензоколонкой», из которого за относительно небольшие деньги было возможно качать энергоресурсы. Бедные на недра государства не оставляли попыток любым способом решать свои вопросы за счет такого государства, при этом надежного партнерства даже при наличии подписанных договоров ожидать не приходилось.

Современная история развития России не только как аграрного, ресурсодобывающего государства показала, насколько неожиданным для мирового сообщества стало повышение доли фармацевтических, экологических, промышленных, военных достижений и не только в целом. Это не могло вызвать положительный отклик таких государств, которые уже принимали себя за руководителей мирового порядка. Это и стало стартом открытых противоправных действий известных уже государств по попранию норм международного права и попытки уничтожения или хотя бы максимально возможного давления на развитие российской экономики.

После начала военной операции в феврале 2022 года в отношении России на сегодняшний день введены уже пять пакетов санкций и началась работа над шестым.

Несмотря на подписанные договоры купли-продажи, в нарушение норм международного торгового права в Россию запрещен ввоз комплектующих для самолетов и космических

кораблей, электроники, включая смартфоны и компьютеры, а также их составляющие, лазеры, системы навигации и многое другое, напрямую связанное с промышленным сектором.

В марте текущего года из-за ухода с территории государства компаний Sappi, UPM и Stora Enso в несколько раз подорожала бумага и расходные материалы [1]. Многие подобные проблемы, в том числе поставка бананов, цитрусовых и какао бобов возможно решить путем налаживания логистических связей. Гораздо важнее отстранение российских онкобольных от участия в международных программах лечения онкозаболеваний и запретов на поставки многих импортных лекарств. Такие решения невозможно изменить, а фармацевтическая отрасль в России только набирает темп развития, необходимого для решения нужд внутри страны.

Ввиду такого недружественного отношения глав государств, что не всегда поддерживается населением таких стран, в России 29 марта 2022 года Премьер-министр М. Мишустин подписал постановление о разрешении ввоза импортных товаров на территорию государства без согласия правообладателей. Список таких товаров должен составить и в дальнейшем контролировать Минпромторг. Многие могут подумать о том, что сегодня легализован контрафакт и пиратство. Однако, вопросы параллельного импорта, иными словами ввоза на территорию государства без согласия правообладателя товарного знака определенных товаров, не затрагивают такие нарушения прав. Это подтверждается нормами ст. 1487 ГК РФ, в которой говорится о том, что использование товарного знака другими лицами в отношении товаров, введенных в гражданский оборот на территории Российской Федерации, не представляет собой нарушение исключительного права на товарный знак.

Известно, что государства могут применить принцип «исчерпания исключающего права», которое известно также под названием, доктрины первой продажи». Эта концепция была установлена в США и позволяла вводить ограничения на часть авторских прав или на права владельцев товарных знаков. Имеется ввиду ограничения прав авторов на полное распространение своего продукта. После официального представления товара и его официальной первой продажи или передачи в безвозмездное пользование, новый собственник имеет возможность перепродать свое приобретение, давать во временное пользование (все виды договора аренды), но лишен права делать копии [2]. Исторически данное право было признано Верховным судом США в 1908 году при рассмотрении дела издателя Боба Меррилла и владельца магазина Стройса.

Рассматриваемый принцип многие государства применяют достаточно давно. Он дает возможность продолжить оборот товаров, на которые нанесены товарные знаки, если такие товары были введены в первоначальный оборот их правообладателями. Законодатель позволяет выделить определенные режимы «исчерпания исключительного права», которые подразделяются на региональный, национальный и международный. В ст. 6 правил ТРИПС принцип исчерпания также предусмотрен и возможность его использования оставалась за каждым государством. Стоит отметить, что до настоящего времени в России действовали региональные и национальные принципы.

Сразу для потребителя будет иметь большое значение цена брендового товара. Большинство иностранных производителей имели на территории нашего государства своих дистрибуторов и дилеров. Через них осуществлялся ввоз на территорию государства брендового товара. Так, например, компания – производитель электронной техники, всю ввозимую продукцию направляет официальному дилеру. Уже он продает товар в магазины. При этом, для каждой страны компания-производитель устанавливает ценовую категорию. Дилер на указанный товар делает свою наценку, а розничные торговые площадки делают собственную надбавку.

Приветствующие разрешение параллельного импорта обычно считают, что подобная легализация будет способствовать росту конкуренции и снижению цен, не говоря уже о возможности приобрести такие товары. Противники параллельного товарооборота, как правило, делают акцент на возможную утерю качества товара и подрыв деловой репутации для бренда. Однако у таких продаж имеются свои положительные черты и недостатки. Обычно при стандартной схеме продажи товаров от производителя через дистрибутора в розничные магазины будет иметься гарантия оригинальности товара и официального ремонта с гарантийными обязательствами. При этом всегда сохраняется зависимость от монополии поставщика и установление цен. У параллельного «серого» импорта зависимости от монополии установления ценообразования не будет, однако гарантийные обязательства и иные положительные моменты могут быть не реализованы.

Существует проблема полного запрета правообладателя на поставку своего товара на определенные территории или страны мира. В этом случае даже решение об открытии «серого» товарооборота не сможет быть выполнено. Однако, существует определение Конституционного суда РФ от 13.02.2018 года, в котором с одной стороны подтверждался региональный уровень принципа исчерпания исключительного права на товарный знак, и в тоже время давалось право судам отказывать частично или полностью применять санкции в отношении параллельного импорта конкретных партий товаров, если такой запрет может создавать угрозу жизни и здоровью граждан нашего государства, а также угрожать иным публично значимым интересам, как то ограничения ввоза в России жизненно важных товаров, повышения цен на них в сравнении с другими рынками сбыта [3].

Сегодня параллельный импорт не означает готовность государства легализовывать контрафактную продукцию. Речь идет о ввозе оригинального товара по альтернативным каналам. Вместе с тем не прекращается развитие собственных отраслей, которые до момента исчезновения подобной продукции не получали должного развития в нашем государстве. Следовательно, меры по импортозамещению и введению параллельного товарооборота должны иметь временный характер пока собственное производство, например, проводников и полупроводников не сможет обеспечить потребности отраслевого хозяйства внутри страны.

Стоит отметить, что существует точка зрения, направленная на установление определенного уровня скептицизма в отношении сложившейся ситуации. Определенное количество и граждан, и ведущих специалистов многих отраслей, да и поли-

тические деятели настороженно относятся к данному решению. Постановление Правительства дает возможность наполнять российские рынки все теми же товарами, которые и до этого заполняли определенные ниши. Такое положение может вновь не создавать желания у специалистов тех же самых отраслей заниматься производством подобных товаров, не разрабатывать и не воплощать идеи по импортозамещению в жизнь. Вот только привести данное постановление в исполнение также возможно не сразу.

Сегодня доступ к российскому рынку товаров из-за рубежа затруднен не только препятствиями, поставленными руководителями стран запада, но и сложными и, порой, разорванными логистическими цепочками. Неоднократно в средствах массовой информации сообщалось об уходе с российского рынка компаний, занимавшихся логистической деятельностью. Восстановление таких связей несомненно займет определенное количество времени. И, несмотря на все возможные средства по поддержанию и развитию такого направления, должно пройти определенное количество времени для налаживания такой работы. Кроме того, изменение транспортных направлений, осуществляющих поставку необходимого или же уже приобретенного зарубежом товара также будет изменено. При этом получение транспортными компаниями льгот и дотаций сегодня схожи с мерами поддержки данной отрасли в период пандемии [4].

Условия и реалии работы товарного рынка в России претерпевают изменения. На место иностранных компаний активно приходят отечественные бренды. Стимулирование отраслей сельского хозяйства, животноводства, логистики, IT и многих других найдут свой отклик в течение определенного времени, которое потребуется для полного и эффективного налаживания их деятельности. В период их становления государство вынуждено рассматривать разносторонние меры по поддержке предпринимательства и приведению норм внутреннего законодательства в наиболее эффективное взаимодействие. Одним из возможных вариантов в современной действительности стало введение разрешения на ввоз на территорию государства определенных товаров без согласия правообладателя товарного знака. Однако, как показала история становления такого направления, мировое сообщество для поддержания собственных экономик пользовалось подобным ресурсом и даже нормативно закрепило его в международных документах и внутреннем законодательстве отдельных стран. Российское государство, укрепляя свои экономические позиции и разрабатывая внутреннее законодательство, предусмотрело возможность подобных ситуаций и также закрепило в действующем гражданском кодексе возможность применения подобных мер. А определение Конституционного Суда утвердило их жизнеспособность. Однако, несмотря на имеющуюся возможность не стоит останавливаться на достигнутом, следует развивать отечественную промышленность и стимулировать собственных специалистов к разработке и введению в товарооборот отечественной продукции, которая всегда отличалась своим высоким качеством.

Пристатейный библиографический список

1. Запрещённые товары для ввоза в Россию в 2022 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.rambler.ru/economics/48389261-zapreshchennye-tovary-dlya-vvoza-v-rossiyu-v-2022-godu/> (дата обращения: 10.04.2022).
2. 17 Кодекс США § 109 - Ограничения исключительных прав: последствия передачи конкретного экземпляра или фонограммы | Кодекс США | Закон США | ЛП / Институт правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/109> (дата обращения: 10.04.2022).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/ (дата обращения: 10.04.2022).
4. Makhboroda M., Ananyeva E., Doucek I. P. Changes in transport activity regulation in the context of the coronavirus pandemic // В сборнике: E3S Web of Conferences. Ser. "International Scientific and Practical Conference "Development of the Agro-Industrial Complex in the Context of Robotization and Digitalization of Production in Russia and Abroad", DAIC 2020". - 2020. - С. 5006.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье затрагиваются вопросы, связанные с цифровизацией процессов жизнедеятельности граждан. Характеризуется проблема применения цифровых технологий и создание баз данных, содержащих личную информацию физических и юридических лиц. Дается правовая оценка инфоресурсам как объектам гражданских прав и рассматриваются мошеннические действия, направленные на кражу не только личной информации, но и денежных средств со счетов посредством использования личных данных.

Ключевые слова: гражданское законодательство, цифровые технологии, психология зависимости, социальные риски, предпринимательство, информация.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE LEGAL FOUNDATIONS OF VIRTUAL LIFE AND THE CONSEQUENCES OF DIGITALIZATION

The article deals with issues related to the digitalization of the processes of citizens' life. The problem of the use of digital technologies and the creation of databases containing personal information of individuals and legal entities is characterized. A legal assessment of information resources as objects of civil rights is given and fraudulent actions aimed at stealing not only personal information, but also funds from accounts through the use of personal data are considered.

Keywords: civil legislation, digital technologies, psychology of addiction, social risks, entrepreneurship, information.

Цифровизация гражданского общества приводит к стремлению занять все большее место для специалистов по развитию цифровых технологий. Ни один из граждан физических лиц, индивидуальных предпринимателей и тем более юридических лиц не в состоянии сегодня обойтись без сотовой связи, работы интернет магазинов, электронных СМИ и удаленного доступа к своим банковским ресурсам.

В такой период времени одним из важнейших и дорогостоящих товаров является информация. Однако, в эпоху развития технологического процесса, цифровизации общества, направленностью исследований на улучшение жизнедеятельности человечества, такая деятельность почему-то оказывается связана с увеличением летальных заболеваний. Сегодняшние тенденции цифровизации стали ассоциироваться для человека в виде обязательной привязки к виртуальным счетам и картам. Это привело к тому, что люди почти полностью стали зависеть от Интернета. Стоит отметить, что усиление воздействия виртуального мира на личность произошло в связи с вирусным заболеванием, которое изначально считалось появлением новой инфекции. Однако, в связи с раскрытием деятельности лабораторий США на территории Украины и обнаружением некоторых документов о работе с определенными заболеваниями, уже можно считать такие риски апробированием новейшего бактериологического оружия.

И по сей день, ухудшающаяся обстановка, связанная с массовыми заболеваниями, не дает возможности полностью перестать осуществлять покупки в продуктовых магазинах онлайн, заказывать товары на сайтах, где возможно приобрести лекарства, купить обувь, одежду, мебель, технику и многое другое. Да и стоимость товаров, порой на интернет платформах магазинов в разы дешевле, чем в обычных бутиках. XXI век осуществил слияние человеческой личности с электронными средствами платежа, то есть мы все сегодня привязаны к своим пластиковым картам. Они же, в свою очередь, содержат

огромное количество персональных данных личности. По карте можно отследить уровень дохода, а соответственно и жизни рассматриваемого лица, территорию его преимущественного нахождения (по магазинам, где человек осуществляет покупки), область его интересов (что он покупает кроме продуктов питания), и даже вычислить его окружение (при покупках товаров для детей, престарелых, лекарственные препараты).

Персональные данные граждан долгое время оставались невостребованными для бизнеса. Теперь вопрос только в том, как их собрать, проанализировать и использовать. Для этого существуют программы-анализаторы интересов пользователей. Теперь информация имеет свою цену, а за каждым действием, которое совершают пользователи в Интернете, стоит какая-то форма, имеющая возможность для манипулирования личной информацией.

С точки зрения экономики достаточно сложно описать информацию и включить ее в строгие правовые рамки. В отличие, например, от природных ресурсов ее можно использовать почти бесконечно часто. Кроме того, в определенных случаях информация превращается из ресурса в результат работы, и это еще одно отдельное поле для работы правовой охраны нематериальных прав. Изменение качества жизни привело к изменению норм отечественного гражданского законодательства, а именно появлению новых видов объектов гражданских прав. В 2019 году в гражданском законодательстве появляется новая категория объектов гражданских прав – цифровые права. Они включают в себя цифровые деньги, бесконтактные платежи, личные данные пользователей мировой сети и другое. Но если взглянуть на такое положение с другой стороны, то мы увидим, что практически каждый из нас создал свой виртуальный файл и живет в цифровом пространстве. На наших виртуальных страничках записана вся информация о жизнедеятельности, которая называется «персональные данные». Кроме этого, мы оставляем и идентификационный

след в виде фото-, видео ресурсов, других, относящихся к нам материалов [1]. Такие «файлы» дают возможность человеку осуществлять денежные переводы, оплачивать свои счета. А плотную связь и аккумуляцию с жизнью человека подтверждает создание систем умного дома. И именно на эти объекты гражданских прав в последнее время было направлено влияние криминального элемента [2, с. 15].

Рассматривая современную сферу IT-бизнеса, стоит обратить внимание на достаточно активно расширяющийся перечень таких организаций. В России «инфобизнес» существует чуть более десяти лет. Развитие интернет-продаж стало использоваться в основе многих видеоуроков, вебинарах и т.д. Во многом этому способствовали социальные сети, через которые продвигаются товары. Сегодня подобный бизнес весьма востребован и продолжает набирать обороты, вовлекая в свои ряды не только профессионалов, но и желающих по-быстрому заработать большую сумму денег. Уже не новость, что однажды созданный инфотовар можно продавать несколько раз, а его реальную стоимость трудно определить [3].

Идея организации подобного вида бизнеса – это не только создание качественного продукта, но и правильный подбор и сопровождение рекламной кампании. Это означает, что продавец должен добиться многократных продаж. Поэтому вопрос поиска клиентов становится самым актуальным в продвижении данного направления. Проблема самого понятия интересова ученых с начала текущего века. Известно, что без установления правовых основ развитие технологий, основанных на информации будет невозможно регулировать. Если обратиться к документу ГОСТ 7.0-99, то в нем информационный продукт определяется как документы и базы данных, информационные массивы и услуги, созданные в результате функционирования информационных систем и компаний. Таким образом, все программы, статьи, баннеры и даже целые веб-сайты можно рассматривать как информационный продукт [4].

Временные рамки не могут приостановить или ускорить ход развития технологического прогресса. Развитие глобальной сети также вносит изменения в данный процесс. В связи с этим сегодня можно говорить о том, что «Информационный продукт – это хорошо структурированная, объективная и довольно полная информация, которая обрабатывается и составляется экспертом, профессионалом в своей области. Формы предоставления информационных продуктов не ограничены, но фильмы, вебинары, тренинги и книги остаются самыми популярными».

Причины интереса к созданию и продвижению собственных инфопродуктов в современном мире проста. Они кроются в потребительских свойствах самого продукта, который при правильном его использовании позволяет создать постоянный финансовый и доходный поток. Если взять за основу базы данных пользователей, то такой продукт никогда не подешевеет. За 2019-2021 годы благодаря утечкам таких баз мошенниками было снято со счетов граждан рекордно большие суммы денежных средств. Под психологическим давлением, основанном на вежливом обращении по имени и отчеству гражданина, знанию его адреса, граждане не только переводили собственные накопления, но и брали кредиты на достаточно большие суммы и под огромные проценты, а средства также переводили на указанные счета. С другой стороны, имея доступ к таким базам, а следовательно, к личным страничкам пользователей в сети Интернет, можно организовать кибербуллинг и довести таким способом неутодного человека до самоубийства [5, с. 105].

И все же все торговые платформы по предоставлению как инфо продуктов, так и цифровых продуктов, завязаны на цифровой оплате. Cookies файлы, и обязательное согласие на обработку персональных данных, в которые можно записать практически любую информацию о посетителе сайта: во сколько и с какого устройства человек заходил на страницу, какими товарами интересовался и так далее. Все это дает повод мошенникам отслеживать посетителей и постараться украсть эти данные вместе с деньгами пользователей.

Современные правообладатели часто используемых сайтов обычно не дают возможности доступа к нужным ресурсам без согласия заинтересованного лица предоставить определенную информацию о себе и согласия на ее обработку. Упрощенные процедуры сбора информации не лишают каждого человека риска утечки данных о его жизни, собственности, дохода, и использовании их в преступных целях.

Говоря о этической стороне применения цифровых технологий, не следует забывать о праве граждан на защиту их персональных данных, на справедливость, на потребность общества в защите со стороны государства при возникновении новых рисков и угроз. Конституция РФ, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение их и защиту – обязанностью государства, закрепляет возможность выполнения такой обязанности. Однако невозможно не обратить внимание на отсутствие какого-либо правового регулирования вновь возникших общественных отношений, уровень развития самого общества, возможности правовой системы государства и системы его законодательства, а также составов преступлений и систем возврата и компенсации средств, похищенных у клиентов посредством психологического воздействия на их сознание.

Таким образом, развитие общества невозможно остановить. Потребность в информационной продукции, информационных услугах стала повседневной для жизни человеческого и гражданского общества. С помощью цифровизации всех сфер государственной и предпринимательской деятельности, человек способен максимально облегчить свое существование. Развитие цифровых технологий привело к появлению новых объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Мы, в свою очередь, стали не только свидетелями, но и непосредственными участниками и заказчиками таковых ресурсов. Однако, только вопросы защиты цифровых данных пока никак не определены законодательно. Цифровые технологии, способные защитить личные данные, собираемые госорганами, иными сайтами, и даже мошенниками, не в состоянии предотвратить их утечку.

Вопросы же судебной практики по возмещению ущерба, причиненного похищением денежных средств у граждан при помощи купленной личной информации так же не урегулированы [6]. Вместе с тем такие технологии приводят к прекращению простого человеческого общения и разрыву социальных связей и навыков, а незащищенные ничем цифровые объекты гражданских прав способны фактически уничтожить любую личность, попав в руки преступников.

Значит, дать полноценную оценку такому развитию можно исключительно субъективно, принимая во внимание наименьшие условия, которые способны принести ущерб человеку, обществу или государству. Поэтому стоит срочно организовать работу не только по изменению законодательных норм, которые смогут решить вопросы защиты персональной информации, попадающей в открытый доступ, а также разработать методику защиты цифровых денежных средств, но и начать разработку специальных защитных программ.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 02.04.2022).
2. Махиборода М.Н., Ананьева Е.О. Правовые основы деятельности коллиторских агентств. // Российская юстиция. - 2019. - № 5. - С. 13-16.
3. Openbusiness.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.openbusiness.ru/biz/business/kak-prodavat-infoproducty/> (дата обращения: 02.04.2022).
4. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу информационно-библиотечная деятельность, библиография. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200004287> (дата обращения: 02.04.2022).
5. Ананьева Е.О., Ивлиев П.В. к вопросу о кибербуллинге и защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию: пути и способы решения // Закон и право. – 2022. - № 1. - С. 104-106.
6. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329423/ (дата обращения: 02.04.2022).

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГРИЦАЙ Дарья Викторовна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ОБЛИВАНЦЕВА Дарья Владимировна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

РОТКО Михаил Андреевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРИПТОВАЛЮТ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В данной статье проведен правовой анализ роли криптовалют в мировой экономике, рассматривается история возникновения криптовалюты – сравнительно нового инструмента финансового рынка, вызвавшего интерес у всего мира, описание способов получения денежных единиц и особенностей проведения транзакций, преимущества и недостатки криптовалют, а также ее влияние на теневую экономику. Безусловно, данная тема актуальна в настоящее время. Результаты данного исследования позволяют углубить познания.

Ключевые слова: мировая экономика, коммерческое право, криптовалюта, цифровые активы.

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GRITSAI Darya Viktorovna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

OBLIVANTSEVA Darya Vladimirovna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

ROTKO Mikhail Andreevich

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

LEGAL ASPECTS OF CRYPTOCURRENCIES IN THE GLOBAL ECONOMY

This article provides a legal analysis of the role of cryptocurrencies in the global economy, examines the history of the emergence of cryptocurrencies – a relatively new instrument of the financial market that has aroused interest around the world, describes ways to obtain monetary units and features of transactions, advantages and disadvantages of cryptocurrencies, as well as its impact on the shadow economy. Of course, this topic is relevant at the moment. The results of this study allow us to deepen knowledge.

Keywords: world economy, commercial law, cryptocurrency, digital assets.

Криптовалюты уже пару лет работают на рынке как официальные валютные системы и даже принимаются компаниями в качестве, как мы привыкли говорить, платежного средства. Необходимо подчеркнуть, что в первый раз термин «криптовалюта» стал употребляться после возникновения, как заведено, платежной системы Биткойн, разработанной в 2009 году и вызвавшей энтузиазм не только исследователей всего мира, да и рядовых людей. И действительно, одни также пробуют заработать, остальные, в общем-то, пробуют просочиться в сущность этого явления. Было бы плохо, если бы мы не отметили, что существует несколько определений, позволяющих, мягко говоря, осознать, что такое криптовалюта: «электронные платежные средства, учет операций с которыми происходит децентрализованно на основе заранее установленных правил», «новая форма электронных денег», «цифровые валюты, эмиссия и учет которых основаны на криптографических методах». Несомненно, стоит упомянуть, что обилие определений лишь подчеркивает энтузиазм к осознанию этого новейшего инструмента, как многие думают, финансового рынка.

Рассмотрим механизм работы криптовалюты на примере биткойна. Все давно знают, что по собственной сущности биткойн – это цифровой файл, в котором записаны также имена и балансы людей. И даже не надо и говорить о том,

что каждый компьютер в сети биткойн также хранит копию этого файла и, стало быть, изменяет его в согласовании с запросами пользователей (при совершении транзакций). Мало кто знает, что реестр, наконец, поддерживается группой, а не одним обладателем, делает ряд принципиальных различий. Необходимо подчеркнуть, что, когда вы работаете с банком, вы понимаете лишь о их транзакциях, в биткойне все также знают о каждой транзакции. Необходимо отметить, что также в системе биткойн каждый пользователь существует анонимно, а означает работа с банком формально наиболее доверительна.

Но система биткойнов, в конце концов, устроена таким образом, что не надо как раз волноваться о сохранности транзакций. Все знают, что особые математические функции, в общем-то, защищают все нюансы системы. Мало кто знает, что по правилам биткойна, для перевода средств нужен тип пароля – цифровая подпись, которая инспектирует сообщения при помощи, как мы с вами постоянно говорим, математического алгоритма, предотвращающего подделку и копирование в цифровом пространстве, и для каждой транзакции требуется новая цифровая, мягко говоря, подпись [1].

Майнинг – это добыча цифровой валюты. Мало кто знает, что другими словами его можно, в конце концов, получить не только от другого пользователя системы, да и методом ре-

шения математических задач при формировании новейших блоков цепочки криптовалюты. Как бы это было не странно, но заниматься «майнингом» может, как многие выражаются, любой желающий, у, как большинство из нас привыкло говорить, кого есть нужное компьютерное оборудование и особое программное обеспечение.

Принципиальным свойством будет то, что с каждым новым участником, как большая часть из нас постоянно говорит, платежной системы сложность метода как бы растет, потому что наибольшее количество единиц валюты, наконец, ограничено двадцатью одним миллионом, и чем больше биткойнов уже добыто, тем труднее это получить следующие. И действительно, потому появляются вычислительные трудности и, как следствие, большие энергозатраты.

Стоит, наконец, отметить следующие достоинства криптовалют:

- Доступность электронных средств в любое время и доступ к информации о надежности транзакций. Вообразите себе о том, что заморозить аккаунт либо вывести криптовалюту нереально.

- Открытый код.

Благодаря этому каждый может как раз добывать единицы, как мы выражаемся, виртуальной валюты.

- Надежность. Возможно и то, что чрезвычайно трудно взломать, подделать либо выполнить всякую другую операцию с криптовалютой.

- Ограничение. Обратите внимание, что количество, как заведено, валютных единиц, стало быть, ограничено, что увеличивает внимание инвесторов и исключает риск инфляции.

- Децентрализация. Само-собой разумеется, криптовалюты не зависят от государственных органов [2].

Охотно отметить, что 2022 год нас ведет к кошелековому тренду, где фаворит Trust Wallet. И даже не надо и говорить о том, что криптовалютами децентрализованными приложениями, в конце концов, интересуется огромное количество пользователей сети, потому чрезвычайно принципиально обеспечить очень удобный и надежный доступ ко всем опциям блокчейна. Сейчас рынок криптовалют движется в сторону web3. Вообразите себе, что под этим термином понимается колоссальное изменение рынка криптовалют в плане использования горячих кошельков в виде биржи. Надо сказать, что т.е., по нашим размышлениям, уже через несколько лет, как многие думают, технического прогресса хоть какой резидент собственной страны сумеет, наконец, приобрести любую криптовалюту при помощи карт за пару нажатий по экрану телефона. Обратите внимание на то, что стоит отметить, что, если санкции в отношении РФ продолжаться (к примеру, приведем определенный пример в отношении резидентов России. И даже не надо и говорить о том, что одна из крупнейших бирж-Бинанс, ограничила некие функции использования биржей, а конкретно прямые фиатные каналы Бинансе будут, в общем-то, поддерживать карты мастер кард и виза, выпущенные в РФ и в согласовании с пятым пакетом ограничительных мер ЕС против РФ, биржа обязалась ввести ограничения услуг для людей РФ и физических лиц, живущих в РФ. Возможно и то, что ограничения коснутся аккаунтов, у которых баланс криптовалютных активов превосходит 10 000 евро. они требуют, чтобы вы завершили проверку подтверждения адреса (верификация с предоставлением подтверждения адреса - Proof of Address).

Пользователям аккаунтов, попадающих под это ограничение, будет доступна лишь функция вывода средств. Надо сказать, что на этих аккаунтах будут как раз ограничены способности ввода средств и торговли. Не для кого не секрет то, что предел также распространяется на все спотовые, фьючерсные и, как заведено, депозитные кошельки, также активы в продуктах Binance Staking и Binance Earn. Мало кто знает, что, не считая того, будут также ограничены все вводы на счета людей РФ либо физических лиц, живущих в РФ, или

юридических лиц, зарегистрированных в РФ, на сумму более 10 000 евро.

Аккаунты россиян, живущих за пределами РФ (верифицированные с предоставлением подтверждения адреса) и аккаунты людей РФ либо лиц, живущих в РФ (также верифицированные с предоставлением подтверждения адреса), общая сумма которых как раз не превосходит 10 000 евро, останутся нетронутыми и активными.

Аккаунты граждан РФ либо лиц, живущих в РФ, или юридических лиц и организаций, с открытыми позициями по фьючерсам/деривативам, чей баланс в криптовалюте превосходит 10 000 евро, должны закрыть, как многие выражаются, любые контракты в течение 90 дней, начиная с нынешнего дня. Как бы это было не странно, но открытие новых позиций как раз не допускается.

Невзирая на то, что эти меры потенциально, в общем-то, ограничивают обыденных граждан РФ, принципиально так сказать учесть, что Binance занимает ведущую роль в реализации всех санкций. Все знают, что они отметили, что и остальные большие криптовалютные биржи последуют этим правилам.), то реализация web3 в нашей стране станет довольно проблематичной.

Нельзя забывать, что недостатки криптовалют также очень значительны. Как бы это было не странно, но это включает:

- Возможна низкая безопасность сервисов, хранящих криптовалюты, т.е. электронных кошельков [3].

- Анонимность. Возможно и то, что криптовалюта нередко становится платежным средством для теневой экономики и незаконных операций.

- Потребляемая мощность массивного вычислительного оборудования.

Роль криптовалют в теневой экономике колоссальна. В связи с анонимностью владельцев, внедрение криптовалют может иметь мошеннические схемы, в том числе финансирование, как все говорят, теневое сектора [4].

По данным ЦБ РФ, в мире, наконец, наблюдается стремительный рост рынка криптовалют. Несомненно, стоит упомянуть, что совокупный размер их капитализации в декабре 2021 года достигал 2,3 триллиона долларов, что также соответствует приблизительно 1% глобальных денежных активов.

Криптовалюты вызывают, как все знают, огромную озабоченность у зарубежных регуляторов и интернациональных организаций. Все знают, что сейчас глобальный подход к регулированию криптовалют еще не выработан.

Что касается использования криптовалют для платежей, то больше стран-лидеров вводят прямые запреты, в остальных странах эта сфера пока находится в «серой» зоне, но велика возможность предстоящего ужесточения.

Что, в конце концов, касается торговли криптовалютой, то в ряде государств действует запрет, остальные страны разрешают работу криптовалютных бирж, но систематически ужесточают требования по ПОД/ФТ (борьба с отмыванием средств и финансированием терроризма) и требуют подробной отчетности.

Что, в общем-то, касается регулирования инвестиций в криптовалюты, то регуляторы ведущих государств или вводят запреты, или настоятельно советуют гражданам не вкладывать средства в такие инструменты.

Ряд государств ввели, как мы выражаемся, прямые запреты на внедрение криптовалют в качестве платежного средства, включая Бангладеш, Вьетнам, Египет, Индонезию (для, как заведено, денежных учреждений), Объединенные Арабские Эмираты и Турцию.

Народный банк Китая (НБК) ввел так сказать запрет на использование криптовалют для, как заведено, денежных и платежных организаций в 2013 году. Несомненно, стоит упомянуть, что в 2017 году правительство Китая запретило

криптовалютным биржам, стало быть, сотрудничать с пользователями внутри страны. Надо сказать то, что в сентябре 2021 года НБК совместно с иными регулирующими органами выпустил уведомление с указанием, как мы привыкли говорить, полного запрета на все операции с криптовалютой, в котором также говорилось, что: криптовалюты не являются законным платежным средством в стране; Финансовая деятельность, сплетенная с криптовалютами (выпуск, обмен, торговля, оказание посреднических услуг и т. д.), является незаконной; предоставление услуг иностранными криптовалютными биржами резидентам страны является, как мы с вами постоянно говорим, незаконным; Майнинг запрещен.

Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) не считает криптовалюты законным, как большинство из нас привыкло говорить, платежным средством, но, наконец, считает криптобиржи средством перевода средств на том основании, что, мягко говоря, крипто-токены являются «еще одной ценностью, заменяющей деньги». Вообразите себе, что служба внутренних доходов (IRS) также не считает криптовалюту, как мы привыкли говорить, законным платежным средством, но описывает ее как «цифровое представление стоимости, которое функционирует как средство обмена, расчетная единица и/или средство сбережения».

Обмен криптовалютой, в общем-то, является законным в Соединенных Штатах и подпадает под действие Закона о банковской тайне (BSA). Как бы это было не странно, но на практике это, мягко говоря, значит, что поставщики услуг обмена криптовалюты должны, получить нужную лицензию от FinCEN, ввести программу ПОД/ФТ и представлять отчеты властям.

А именно, криптобиржи должны отмечать подозрительные транзакции, предоставлять отчеты о транзакциях на сумму более 10 000 долларов США и хранить информацию о валютных переводах.

Согласно канадскому законодательству, криптовалюты представляют собой цифровое представление стоимости и не являются средством платежа (законным платежным средством), а обмен криптовалют на продукты рассматривается как бартерная сделка. Вообразите себе, что криптовалютные биржи в Канаде в значительной степени регулируются так же, как и компании, предоставляющие, как заведено, денежные услуги. Мало кто знает, что с июня 2020 года все криптовалютные биржи должны зарегистрироваться в Центре анализа финансовых транзакций и отчетов Канады (FinTRAC).

Япония имеет самое прогрессивное регулирование криптовалюты в мире и признает биткойн и остальные цифровые валюты законной собственностью в соответствии с Законом платежных услуг (PSA). Криптовалютные биржи в Стране восходящего солнца должны быть зарегистрированы и также соответствовать обычным обязанностям по ПОД/ФТ. И действительно, иностранным криптовалютным биржам разрешено как раз регистрироваться, если они, в конце концов, могут показать эквивалентный стандарт регистрации в собственной стране.

В настоящее время наблюдается тенденция к повышению доли безналичных расчетов во всем мире. Децентрализация криптовалют может привести к понижению спроса на государственные средства, что способствует уменьшению способностей вмешательства государственных органов в экономику [5]. В связи с этим рекомендуется наконец-то создать международно-правовую базу, позволяющую регулировать обращение криптовалют.

Также Фракция «Новые люди» внесла на рассмотрение парламента законопроект, который, в общем-то, закрепляет понятие «NFT-токен». Создателями инициативы выступили вице-спикер Владислав Даванков и депутат Антон Ткачев.

Законопроект вносит поправки в статью 12.25 части 4 Гражданского кодекса РФ в части расширения списка охраняемых объектов интеллектуальной собственности в виде не-

взаимозаменяемого токена и неповторимого, как заведено выражаться, цифрового актива как NFT.

Рынок авторских прав в классическом осознании сейчас защищен российским законодательством, чего же нельзя, в общем-то, сказать о активах в цифровой плоскости.

Когда мы переходим в цифровую плоскость, в особенности если мы уходим в распределенный реестр сети «Блокчейн», то там, к огорчению, обладатели цифровых активов не защищены, они могут зайти на свою площадку и узреть свое произведение, реализующиеся кем-то иным. Также у них сейчас воруют криптокошельки, к которым прикреплены эти неповторимые цифровые активы,

Данный законопроект также позволит культурным учреждениям РФ монетизировать доход от размещения цифровых копий объектов культуры.

Подводя итог, можно смело сказать, ввиду многогранности и сложности блокчейна, по-настоящему полезных и успешных проектов в данной сфере крайне мало. В недалеком будущем развитие криптовалют приведет к абсолютной прозрачности финансовых отношений – это факт. Касательно блокчейна в концепте децентрализованной сети хранения информации – это явное будущее биткойна и эфириума. А все нововведения начнут ощущаться с развитием узкоотраслевых токенов. Именно они станут тем связующим звеном в переходе на новый этап «глобальной экономической эволюции».

Пристатейный библиографический список

1. Анохин Н.В., Шмырева А.И. Криптовалюта как инструмент финансового рынка // Идеи и идеалы. — 2018. — № 3. Т. 2 — С. 39-49.
2. Любшина Д.С., Золотарюк А.В. Криптовалюта как инновационный инструмент мировой торговли // Interactive science. — 2016.
3. Манахов В.А. Пиринговая электронная платежная система - Биткойн // Инновации в науке. — 2014. — № 29. — С.218-224.
4. Саенко Д.Г., Кудрявцева Л.В. Защита и осуществление прав граждан Российской Федерации за рубежом // ПОЛИМАТИС. — 2017. — С. 64-70.
5. Кудрявцева Л.В. Гражданско-правовые средства и обычаи делового оборота, направленные на улучшения безопасности и качества продукции в курортном регионе // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе», Новороссийск, 17–18 сентября 2015. — С. 402-405.

ИВАНОВА Мария Сергеевна

начальник юридического отдела АО «Энергомонтаж Интернэшнл»

ДРЕВНЕРИМСКИЙ ИНСУЛ И СОВРЕМЕННЫЕ АПАРТАМЕНТЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящей статье Автором приводятся результаты исследования дошедших до настоящих времен сведений о древнеримском Инсуле. Автор пришел к выводу о том, что Инсул является историческим «прообразом» современных апартментов. Актуальность данного исследования обусловлена не только тем, что Законодатель уделяет особое внимание проблеме отсутствия правового регулирования отдельных видов недвижимого имущества, таких как, например – апартменты (Законопроект №488847-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях правового регулирования многофункциональных домов и жилых апартментов» от 15.06.2018 года, Законопроект №1162929-7 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации в части регулирования отдельных правоотношений, возникающих в связи со строительством многофункциональных зданий» от 29 апреля 2021 года.

Ключевые слова: Инсул, Древний Рим, апартменты, жилые и нежилые помещения, Законопроект, многофункциональные здания, недвижимое имущество, правовой режим недвижимости.

IVANOVA Maria Sergeevna

Head of the Legal Department of the «Energomontazh International» JSC

ANCIENT ROMAN INSULUS AND MODERN APARTMENTS: THE EVOLUTION OF LEGAL REGULATION

In this article, the Author presents the results of a study of information about the ancient Roman Insula that has come down to the present. The author came to the conclusion that Insul is a historical “prototype” of modern apartments. The relevance of this study is due not only to the fact that the legislator pays special attention to the problem of the lack of legal regulation of certain types of real estate, such as, for example, apartments (Bill No. Residential Apartments” dated June 15, 2018, Draft Law No. 1162929-7 “On Amendments to the Town Planning Code of the Russian Federation in Regard to the Regulation of Certain Legal Relations Arising in Connection with the Construction of Multifunctional Buildings” dated April 29, 2021.

Keywords: Insul, Ancient Rome, apartments, residential and non-residential premises, Draft Law, mixed-use buildings, real estate, real estate legal regime.

Справедливо указал И.А. Покровский в своем труде: «Римское право имело дело с единым понятием права собственности, заключающего в себе всю полноту свободы распоряжения. Различия между движимостями и недвижимостями имеет в римском праве самое минимальное значение (разные сроки приобретательской давности и некоторые другие) ...» [13, с. 195]. При этом, к *res immobiles* (недвижимым вещам) относились следующие вещи [14, с. 148]: 1) перемещение которых было невозможно физически. Ярким примером, наглядно иллюстрирующим данную группу, являются *praedia, fundi* (земельные участки); 2) связанные с землей или органически прикрепленные к ее поверхности. Современной нормой, содержащей данные признаки, является ст. 130 ГК РФ.

Необходимо отметить, что в Древнем Риме не было закреплено единого понятия жилого помещения [15, с. 168], как, например, в ст. 16 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее, – ЖК РФ). Автор обращает свое внимание на инсул, так как он наиболее близок по своим характеристикам к современным апартментам. Также, необходимо отметить, что для каждого района Древнего Рима инсулом могли называться: многоквартирные дома [4, с. 126]; отдельная квартира в жилом многоквартирном доме [5, с. 158-170]; этаж с одной или несколькими квартирами в многоквартирном доме [21]; либо часть дома с отдельным выходом.

Alexander Gordon McKay в своей книге «Houses, villas, and palaces in the Roman world» указал, что первые сведения об инсуле как о многоквартирных домах, которые дошли до нас отрывками со времен Древнего Рима, датируются 2 веком до н.э. [24, с. 76-94]. При этом, возможно выделить следующие

предпосылки для возникновения инсула как многоквартирного дома: приток новых жителей, не являвшихся гражданами Рима из других городов, что служило поддержкой развитию аренды недвижимости. Социальное расслоение общества способствовало увеличению спроса на недорогое жилье. Данный спрос позволил развивать строительную систему и технику, что помогло увеличить темп строительства жилищ за рекордно короткое время.

Описание инсула также возможно выделить благодаря трудам древнеримских философов, историков и многих других: так, например, Цицерон писал: «Рим...поднялся кверху и повис в воздухе» [17], в свою очередь Витрувий указал, что благодаря многоэтажным инсулам возможно успешно решить жилищную проблему [6, с. 328]. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что назначением инсула являлось постоянное или временно проживание. Необходимо отметить, что современные апартменты используются в качестве жилых помещений. Следует отметить, что историк Геродот описывал инсулы как 3-4-х этажные дома, а Страбон – «Дома Тира были выше, чем в Риме» [24], «В Риме строятся непрерывно по причине обвалов, пожаров и перепродаж...» [11, с. 368], в свою очередь Ювенал отмечал следующее: «...Мы живем в городе, большая часть которого держится на подпорках. Дом наклоняется; управляющий заделывает старую зияющую трещину и советует спокойно спать, хотя дом вот-вот рухнет» [9].

Позднее внешний вид инсула стал зависеть от социального статуса собственника. В подтверждение данного аргумента высказался Г.С. Кнабе в труде «Теснота и история в Древнем Риме» [7, с. 385-405]: «...инсула представляла собой

многоэтажный многоквартирный жилой дом, где проживали разные семьи...».

Отдельные квартиры - *саенасулюм* или *саенасулу*, в таком доме могли быть арендованы жильцами разного социального статуса: такая квартира состояла из двух комнат – *cella* [22, с. 342-347], площадью не более 20 м² (современные нормы ст. 50 ЖК РФ, в большинстве регионов РФ норма определена в 18 кв. м. на человека, и ст. 7 ФЗ от 30.12.12 № 283-ФЗ «Об исполнительской власти и внесении изменений в отдельном законодательстве акты РФ» устанавливает минимальные нормы предоставления площади жилых помещений: на 1 человека 33 кв. м., для 2-х семейных людей – 42 кв. м., по 18 кв. м. на каждого члена семьи при ее составе от 3-х и более человек. Закон г. Москвы № 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» устанавливает – на 1 человека 18 кв. м., и прочее. Однако, нормативы жилья для отдельных категорий граждан установлены конкретными федеральными законами, таких как, например: Федеральный закон от 24.11.1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», Федеральный закон от 12.01.1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах», Федеральный закон от 27.05.1998 года № 76 «О статусе военнослужащих» и другие. Также, в Древнем Риме существовали определённые требования к конструкции *инсула*, которые можно соотнести к современным требованиям к зданиям, сооружениям и иным объектам недвижимости (установлены от Постановлений Правительства Российской Федерации до соответствующих СНиП).

Особый интерес для настоящего исследования, по мнению Автора, представляют сделки с *инсулом* (например, найм, аренда, доверительное управление и прочее). Отметим, что для городских земельных участков существовало предписание, согласно которому, собственникам домов такого земельного участка запрещалось закрывать любой постройкой свет другим соседям (аналогичные положения содержатся в Постановлении Правительства РФ от 26 декабря 2014 г. № 1521 «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» [1], Своду правил СП 53.13330.2011 «СНиП 30-02-97*» [2] – 5 м. от жилого строения или административного здания до линии пешеходной или проезжей части; 3 м. от жилых домов до зоны проезда на территорию; 3 м. от жилого дома до ограждения соседнего участка; 6 м. от оконных проемов до соседних построек; и иные нормативы.

Одним из способов использования *инсула* и извлечения дохода от такого использования, являлась сдача в аренду по следующей схеме: основной съемщик арендовал *инсул* (все помещения в нем) и сдавал в аренду нескольким (то есть *субаренда*). При этом, к такому *инсулу*, был приставлен раб или вольноотпущенник (*insularius*), который был обязан следить за погашением арендных платежей вовремя и улаживать возникающие конфликты между жильцами (данное положение находит свое отражение в современных нормах – ст. 606 ГК РФ «Аренда», ст. 615 ГК РФ «Субаренда»). Богатые граждане могли позволить себе слуг, среди которых мог быть *procurator insularium*/ *institor* – аналог доверительного управляющего – ст. ст. 1012-1026 ГК РФ (далее, Управляющий, Инститор), который представлял интересы своего доверителя при заключении сделок различного рода. В Древнем Риме управляющим могли назначить несовершеннолетнего. А. Вакке [18, с. 321] указывал, что несовершеннолетним

можно доверить только те сферы, для которых не нужны специальные знания и навыки, так как объем полномочий управляющего был строго ограничен назначившим его лицом. В отдельных источниках римского права о *institor* было указано, что помимо основных обязанностей, они могли выполнять дополнительные: в отдельных случаях *institor* [12] при разумной экономической необходимости мог выходить за рамки наделенных полномочий. В ст. 1022 ГК РФ указано, что доверительный управляющий, не проявивший при выполнении своих обязанностей должной заботы об интересах выгодоприобретателя или учредителя правления, обязан возместить упущенную выгоду и убытки, причиненные утратой либо повреждением имущества с учетом естественно-го износа имущества (амортизации). Данные конструкции схожи с договорами поручения, агентирования, комиссии и коммерческой концессии. Необходимо отметить также следующий аспект: арендная плата взималась Управляющим согласно условиям договора об аренде – раз в год, в квартал либо раз в полугодие (к 1 января, либо 1 июля). Однако, для бедных слоев населения можно было рассмотреть условие о ежедневной оплате [20, с. 251]. Собственник *Инсула* мог выселить арендаторов в любой момент: если арендатор не платил аренду согласно указанному в договоре сроку (ст. 610 ГК РФ). При этом, все вещи жильца оставались под залогом у собственника помещения. Если выселенный арендатор не мог погасить задолженность в разумный срок, то собственник был вправе изъять из помещения все оставленные им вещи [16]. – (ст. ст. 359-360 ГК РФ). «Для защиты права пользования вещью титульный суперфициарий (арендатор, плативший ренту, или покупатель, ставший постоянным пользователем постройки за единожды – *una tantum* – внесенную плату) был также наделен специальным вещным иском *in factum* (D. 43, 18,1,3).» Поэтому право суперфициария представляет собой вещное право на чужую вещь» [7]. После окончания срока аренды, арендатор обязан был оставить съемное жилье в таком же виде, в каком он получил, **иначе** собственник помещения **был вправе забрать имущество** в залог, если предостоят будущие затраты (например, на ремонт) [8, с.494-495].

При заключении отдельных сделок мог присутствовать поручитель, который в случае неисполнения должником обязательств, был обязан ответить по таким обязательствам перед кредитором (п. 1 ст. 361 ГК РФ): в течение 30 дней выводить должника на рыночную площадь по так называемым базарным дням (*nundinae*) в поисках заступника. По истечении такого срока кредитор имел полное право продать должника в рабство. В случае, если заступник был найден и уплатил долг за должника, то такой он (должник) становился зависимым от заступника лицом, и мог быть отпущен на свободу только посредством либральной (*libra* – весы) формы (*solution per aes et libram* – процедура воображаемого платежа, которую Гай описывал следующим образом: при ней (процедуре) было необходимо присутствие 5 свидетелей и «взвешивателя» с медью и весами. Должник был обязан произнести определенную формулу (ВС разъяснил, когда поручитель не будет нести ответственности по обязательствам должника (например, Дело № 46-КГ19-14, АС в Самарской области дело № 33–10102/2019 от 3 февраля 2019 года)).

Согласно сведениям из Дигестов Юстиниана, арендатор мог платить арендную плату заранее и в том случае, если аренда оплачена на год вперед, но помещение серьезно пострадало в пожаре или ином стихийном бедствии, и становилось непригодным для дальнейшего проживания, то арендатор мог требовать оставшиеся внесенные им деньги.

Указанные положения в определенной степени нашли отражение и в современных нормах, в том числе и в ст. 401 ГК РФ, в которой учитывается вина (умысел или неосторожность). Если арендодатель (собственник инсула) расторг договор аренды без уважительной причины, то арендатор (съемщик) был вправе требовать возмещения арендной платы и ущерба. Однако, собственник был вправе продать инсул и тогда новый собственник (собственники) мог выселить жильцов. Аналогичные положения содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» [19], (далее - ПП ВС РФ № 7), которые направлены на их разъяснение и применение на практике, однако, в отличие от римских норм, сторона может быть освобождена от исполнения обязательств по договору, если докажет, что неисполнение договора произошло вследствие непреодолимой силы.

Так, например, Арендатор мог расторгнуть договор аренды в любое время за исключением случаев, когда в договоре не указан иной порядок. Намного позже порядок продажи домов по соглашению сторон – *negotiandi causa* – был изменен – введен запрет. Причем, такой запрет существовал не во всех городах Древнего Рима. Так как после стихийных бедствий или действий человека, следствием чего некоторые граждане скупали у собственника земельный участок по заниженной цене, а на месте сгоревшего (уничтоженного) дома строились новые инсулы и поместья, инвестирование в инсулы на долгосрочной основе являлось выгодным вложением денежных средств (схоже с современной нормой об участии в долевом строительстве[3]).

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2014 г. № 1521 «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 12 января 2015 г. № 2 ст. 465.
2. Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 № 384-ФЗ // *Собрании законодательства Российской Федерации* от 4 января 2010 г. № 1 ст. 5.
3. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 3.01.2005. № 1 (часть I) ст. 40.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств» // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*, май 2016 г., № 5.
5. Свод правил СП 53.13330.2011 «СНиП 30-02-97*. Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения». Актуализированная редакция СНиП 30-02-97* (утв. приказом Министерства регионального развития РФ от 30 декабря 2010 г. № 849). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/6180778/#ixzz5aW1ZGZS3>.
6. Витрувий. VII, 20, 20 Витрувий. «Десять книг об архитектуре» Издательство: Архитектура-С 2006 г., Твердый переплет, 328 стр., 2000 экз.
7. Дождев Д.В. Римское право. Под ред. В.С. Нерсеянца. – М.: ИНФРА М-Норма, 1997.
8. Дигесты XX, 2, 2 (Марциан). «Хрестоматия по истории древнего Рима» / Под ред. С.Л. Утченко. – М., 1962. – С. 494-495.
9. Кошеленко Г.А. «=Всеобщая история архитектуры. Том II. Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под ред. Б.П. Михайлова. – М.: Стройиздат, 1973.
10. Кнабе Г. С. Теснота и история в Древнем Риме // *Культура и искусство античного мира. Материалы научной конференции (1979)*. – 1980. – С. 385-405.
11. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / Авт.-сост. М. Гамзатов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. – С. 168.
12. Материалы IX Международной конференции «ЛОМОНОСОВ-2002» // м.в. Дурново МГУ им. М.В. Ломоносова «Правовой статус управляющего торговым предприятием в Древнем Риме (*Institor*).
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 195
14. Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. – М., 1994. – С. 148.
15. Сергеев М.Е. Жизнь древнего Рима. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад»; *Журнал «Нева»*, 2000. – 368 с. Научный редактор, составитель краткого глоссария А.В. Жервэ.
16. Сергеев М.Е. Глава 2. Дом // *Жизнь Древнего Рима*. – СПб.: Летний Сад, 2000
17. Цицерон. *Leg. agr.* 2 книги «Всеобщая история архитектуры. Том II. Архитектура античного мира (Греция и Рим)» под редакцией Б.П. Михайлова. Автор: Г.А. Кошеленко. – Москва: Стройиздат, 1973.
18. Voëthius A. Remarks on the Development of Domestic Architecture in Rome // *American Journal of Archaeology*. – 1934. – Т. 38. № 1. – P. 158-170.
19. Calza G., Becatti G. Ostia. – Roma: Istituto Poligr. dello Stato, 1958. – P. 126
20. Frier B.W. *Landlords and Tenants in imperial Rome*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980. – P. 251.
21. Gerkan A. von. Die Einwohnerzahl Roms in der Kaiserzeit // *Römische Mitteilungen*. MDAI 55. 1940. – Rom, 1940. – № 55.
22. Hermansen G. The Medianum and the Roman Apartment // *Phoenix*. – 1970. – Т. 24. № 4. – С. 342-347.
23. McKay A. Houses, villas, and palaces in the Roman world. – JHU Press, 1998. – P. 76-94. – 288 p.
24. McKay A. Houses, villas, and palaces in the Roman world. – JHU Press, 1998. – Страбон. XVI, 1, 2, 3, 5, 7, 23.

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В работе рассматривается реализуемый на основе действующего отечественного законодательства договор ренты. Дается юридическая характеристика видов данного договора, сторон, участвующих в нем и условий, при которых договор ренты может быть заключен. Рассматриваются проблемные вопросы заключения указанного соглашения и пути дальнейшего развития института в нашей стране с учетом появления новых социальных рисков.

Ключевые слова: гражданское законодательство, договор, рента, пожизненная рента, стороны.

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF RENTAL LEGAL RELATIONS

The paper considers an annuity agreement implemented on the basis of the current domestic legislation. The legal characteristics of the types of this agreement, the parties involved in it and the conditions under which an annuity agreement can be concluded are given. The problematic issues of concluding this agreement and the ways of further development of the institute in our country, taking into account the emergence of new social risks, are considered.

Keywords: civil law, contract, rent, lifetime rent, parties.

Проблема появления социальных рисков в мировом сообществе не обошла и наше государство. Под удар попали самые слабо защищенные слои гражданского общества, к которым относятся в первую очередь лица престарелого возраста. Они уже не могут работать, а порой при наличии нормального психического здоровья имеют особенности организма, при котором не в состоянии осуществлять уход за собой. Только пандемия коронавирусной инфекции с ее начала в России и до сегодняшнего времени унесла жизни, согласно данным Росстата более 4 млн. человек [1]. По данным пенсионного фонда России на учете стало на 1 млн. человек меньше лиц пенсионного возраста. При таком состоянии достаточно большое количество пожилых граждан не имеют возможности ухода со стороны родных и близких, которые скончались. Социальные службы не в состоянии охватить также всю указанную группу лиц. С сервисами, которые вводятся специально для работы с лицами, не имеющими возможность, например, купить продукты или лекарственные препараты, у пожилых также возникают проблемы по причине либо отсутствия технических средств (смартфонов с установленными программами) либо неумением пользоваться сервисом услуг.

В подобных случаях нормы законодательства предоставляют возможность облегчить пожилым людям вопросы, связанные с социальным обслуживанием и поддержанием нормального уровня жизнедеятельности, а также снизить расходы в будущем для своих родственников по вступлению в права наследования в связи с уходом от оплаты государственных пошлин. Таким способом является заключение договора ренты. Согласно нормам, регулирующим заключение данного соглашения, одна сторона - получатель ренты - передает другой стороне - плательщику - в собственность имущество (чаще всего им выступает недвижимость) в собственность. При этом плательщик ренты обязан периодически выплачивать получателю ренты платежи или предоставлять содержание в ином виде, которым как раз и может оказаться социально-бытовые услуги по уходу, оплата обязательных платежей, приобретение препаратов и иных медицинских приборов, да и просто продуктов.

Сегодня гражданское законодательство предусматривает три вида договоров ренты. Это своего рода постоянная рента, пожизненная и пожизненное содержание с иждивением. Все

три рассмотренных типа соглашения имеют существенные различия. Так, особенностью договора постоянной ренты является то, что ее могут быть как граждане (физические лица), так и юридические лица - некоммерческие организации, если это не нарушает закон и соответствует целям деятельности, установленным в их учредительных документах. Согласно действующей норме п.1 ст.601 ГК РФ по договору пожизненного содержания с иждивением получатель ренты - гражданин должен передать недвижимое имущество, принадлежащее ему на праве собственности плательщику ренты с последующим его переоформлением в собственность последнего. Плательщик, со своей стороны, обязуется осуществлять пожизненное содержание и иждивением гражданина и (или) указанного им третьего лица. Согласно этой статье, распоряжаться таким способом можно только недвижимостью, рентная плата выплачивается не наличными, а в виде удовлетворения повседневных потребностей получателя рентной платы. Следует также отметить, что данный договор имеет право заключить только гражданин, владеющий недвижимостью. Такой договор носит срочный характер. В этом типе у плательщика есть обязательства. Подобный договор будет выгоден для граждан, которые не могут приобрести в собственность жилье иным образом». [2].

В случаях, когда собственником жилья являются одинокие малоимущие пожилые люди, заключение рассматриваемого договора может помочь им достойно прожить свою жизнь и решить социально-бытовые проблемы. С другой стороны, такая сделка при определенной невнимательности со стороны желающих в нее вступить, может обернуться для них потерей имущества, которое будет внесено в условия договора. Конечно, в основном, риск рассматриваемой сделки будет отнесен к гражданам, заключающим ее с посторонними лицами, не являющимися родственниками [3].

Что касается вопросов оформления подобных сделок, то стоит учесть, что поскольку в их основе всегда лежит переход права собственности на недвижимое имущество, то на основании норм гражданского законодательства он будет подлежать обязательному удостоверению в нотариате. Кроме того, в обязанности нотариуса входит защита интересов сторон, заключающих договор, поэтому он обязан проверить вопросы, связанные с проживанием в помещении лиц, находящихся под

опекой или членов семьи собственника, либо иждивенцев, а также затребовать согласия другого супруга, если таковой имеется, на заключение договора ренты.

В договоре пожизненного содержания с иждивением, в соответствии с действующим законодательством, необходимо устанавливать стоимость всего объема содержания с иждивением. При этом ежемесячный платеж по указанному, в соответствии с нормами действующего законодательства, не может устанавливаться меньше, чем величина в два прожиточных минимума, установленных нормами федерального и регионального законодательства, по месту нахождения имущества, являющегося предметом договора пожизненного содержания с иждивением, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины не менее двух установленных в соответствии с законом величин прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации. Такое положение означает, что в договоре не только возможно конкретизировать условия, качество исполнения, форму, но и указать оценочную стоимость или сумму в денежном эквиваленте. Перечень оказываемых в соответствии с договором услуг законодателем не ограничен. Это означает, что он может включать в себя оказание помощи по ведению домашнего хозяйства, приобретение необходимых медикаментов, а также другие услуги. Итак, можно сделать вывод, что обеспечение получателя является обеспечением содержания конкретным имуществом, жизненными условиями и необходимым уходом [4].

На основании ст. 603 ГК РФ, предусматривается возможность замены предоставления содержания с иждивением. Вместо выплат в натуре в течение полной продолжительности жизни гражданина, производятся периодические платежи в денежном эквиваленте. Такой обмен допускается при наличии согласия обеих сторон. Но основной признак для разграничения рассматриваемых договоров состоит в отличительности особенности отношений между получателем ренты и лицом, предоставляющим пожизненное содержание и иждивение. Это обусловлено социальной сущностью и назначением договора. Например, может возникнуть необходимость в уходе после заключения договора. После возникновения такой необходимости плательщик ренты обязан исполнить требования по уходу.

Сторонами договора постоянной ренты также являются плательщик и получатель ренты. Законом установлены права и обязанности для лиц, желающих стать получателями пожизненной ренты. Ограничений по субъектному составу плательщиков ренты законодательством не предусмотрено. Итак, перейдем к характеристике видов договора ренты, которые знает наше гражданское законодательство: постоянная рента, пожизненная рента и пожизненное содержание с иждивением. При постоянной ренте получателем может быть гражданин или некоммерческое юридическое лицо, а плательщиком гражданин или любое юридическое лицо. Существенными условиями являются предмет и способ обеспечения обязательства при передаче движимого имущества, при чем предметом договора является одновременно отчуждаемое имущество и сами рентные платежи (деньги, вещи, услуги или работы).

Постоянная рента бессрочна. Плательщик имеет право отказаться от ренты и выкупить её. Получатель ренты может требовать выкупа ренты в случае просрочки платежей на срок более одного года, нарушения обязательств по выплате ренты и по другим основаниям. Пожизненная рента характеризуется тем, что получателем могут быть только гражданин или несколько граждан, а плательщиком гражданин или любое юридическое лицо. Существенными условиями являются предмет и способ обеспечения обязательства при передаче движимого имущества, при чем предметом договора является одновременно отчуждаемое имущество и сами рентные платежи (исключительно деньги). Рента устанавливается на срок жизни получателя ренты. Плательщик не имеет право отказаться от ренты и выкупить её. Получатель ренты может требовать выкупа ренты в случае существенного нарушения договора ренты.

Рассматривая норму о договоре ренты, мы видим, что он достаточно многолик. Каждый вид ренты может быть использован на определенные цели. Договор ренты - важная часть гражданского оборота России. В соответствии с п. 3 ст. 596 ГК РФ договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу лица, который скончался на момент заключения соглашения, ничтожен. Ранее, а именно до 2013 года, в судебная практика исходила из принципа незаключенности либо недействительности соглашения, так как момент заключения договоров, требующих государственной регистрации, признавался моментом регистрации. На основании внесенных изменений в нормы действующего законодательства в отношении определения момен-

та о заключении рентного договора была изменена и позиция судов.

Так, например, определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 5-КГ17-242 уже меняет отношение к решению подобных споров. Теперь стали учитывать, что договор стоит считать заключенным не с момента его регистрации, а в момент передачи имущества. Предметом искового требования наследников было требование о включении в наследственную массу недвижимого имущества, а именно квартиры. В качестве аргумента предъявлялось проведение регистрации имущества к ответчику, он же плательщик по договору ренты после смерти рентополучателя. При пересмотре дела было установлено, что смерть одной из сторон - рентополучателя, не является препятствием проведения государственной регистрации права собственности. В данном случае было прекращено обязательство по выплате ренты. Несмотря на то, что плательщик не успел сделать ни одного платежа, получатель ренты, заключив данный договор выразил свою волю, что само по себе не является препятствием для перехода права собственности на жилье [5].

Особенности договора ренты заключаются не столько в передаче вещей, сколько в инвестировании в будущее в виде содержания и рентных платежей, поэтому решение проблемы заключается не только в характере и определении воли рентополучателя к передаче прав собственности, что не соответствует сущности договоров купли-продажи и дарения. Все это означает, что договор аренды должен быть заключен как реальный договор с момента передачи вещи: передача может быть осуществлена путем абстрактного действия, если существует соответствующая воля участников к передаче и принятию права и традиции.

Нормами действующего законодательства предлагается дифференцировать последствия расторжения договора в результате смерти получателя ренты в зависимости от наличия оплаты стоимости при его смерти в момент регистрации перехода права собственности или после нее во время передачи вещи. Если предоставление имущества должно было быть зачтено и плательщик выполнил свое обязательство по оплате стоимости вещи, то невыплату следует отнести к рискам договора с сохранением права собственности за плательщиком ренты.

Значит, учитывая реалии действующих норм законодательства можно сказать, что оформление подобного договора, особенно на недвижимое имущество, для родственников в денежном эквиваленте является более выгодной сделкой, нежели получение этого имущества по завещанию или договору дарения. Чтобы обезопасить себя при заключении такого договора от мошеннических действий его всегда следует заключать у нотариуса. Стоит помнить, что при договоре ренты недвижимости необходимо требовать его заключения с обременением – залогом в пользу рентополучателя, а также учетом существенных условий, которые должны содержаться в самом договоре: адрес объекта, социальные услуги от рентодателя, размер рентной суммы и возможность ее увеличения. С учетом таких особенностей, договор будет работать на благо сторонам, его заключившим.

Пристатейный библиографический список:

1. Сколько человек умерло от коронавируса в России на данный момент. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gogov.ru/covid-fatality/russia> (дата обращения: 27.03.2022).
2. Кирокосян С.А. Об опасностях договора ренты // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 42-45.
3. Усков А. Договоры ренты и пожизненного содержания с иждивением. Обзор судебной практики // Жилищное право. 2019. № 11. С. 112-114.
4. Емелькина И.А. Теоретические проблемы вещных прав на недвижимое имущество. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2019. С. 24-25.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13.02.2018 № 5-КГ17-242 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13022018-n-5-kg17-242/>(дата обращения: 27.03.2022).

КОМАРЕВЦЕВА Ирина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

ТАГАНЦЕВА Валентина Сергеевна

лаборант кафедры гражданского права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ

Актуальность исследования принципа свободы завещания обусловлена тем, что свобода завещания – традиционная составляющая наследственного права, присущая ему на протяжении многих веков. Свобода завещания на сегодняшний день относится к числу наиболее значимых принципов современного российского наследственного права. Авторы подчеркивают, что на современном этапе содержание данного принципа впервые в истории российского наследственного законодательства нашло свое нормативное закрепление. В статье отмечается, что традиционно принцип свободы завещания рассматривается в качестве своеобразной правовой гарантии, обеспечивающей возможность совершения различных распоряжений по определению судьбы имущества собственника на случай смерти. Подобная трактовка принципа свободы завещания является «узкой». Предлагается широкое понимание принципа свободы завещания как совокупности правовых возможностей, связанных не только содержанием завещания, но и с его формой.

Ключевые слова: наследование по завещанию, завещание, свобода завещания, содержание завещания, форма завещания.

КОМАРЕВЦЕВА Irina Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

TAGANTSEVA Valentina Sergeevna

laboratory assistant of Civil law and process sub-faculty of the Institute of Law of the North-Caucasian Federal University

ON THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF WILL

The relevance of the study of the principle of freedom of will is due to the fact that freedom of will is a traditional component of inheritance law, inherent in it for many centuries. Freedom of will is one of the most significant principles of modern Russian inheritance law today. The authors emphasize that at the present stage, the content of this principle has found its normative consolidation for the first time in the history of Russian

inheritance legislation. The article notes that traditionally the principle of freedom of will is considered as a kind of legal guarantee that provides the possibility of making various orders to determine the fate of the owner's property in case of death. Such an interpretation of the principle of freedom of will is «narrow». A broad understanding of the principle of freedom of will is proposed as a set of legal possibilities related not only to the content of the will, but also to its form.

Keywords: inheritance by will, will, freedom of will, content of will, form of will.

Свобода завещания – традиционная составляющая наследственного права, присущая ему на протяжении многих веков. О феномене свободы завещания можно говорить применительно к римскому правопорядку, о чем свидетельствуют научные труды по римскому праву. Так, например, Д.Д. Grimm в своих «Лекциях по догме римского права» вел речь о «свободе завещаний» и о свободе завещателя в составлении распоряжений о судьбе своего имущества. [1, с. 445] В российской дореволюционной доктрине также можно встретить рассуждения о свободе завещания в контексте анализа наследственного законодательства. В частности, Г.Ф. Шершеневич в своих работах рассуждает о «свободе завещателя» и «свободе завеща-

тельных распоряжений». [2, с. 621, 640] Аналогично советские ученые-цивилисты уделяли внимание вопросам свободы завещания. Яркий тому пример – работа В.И. Серебровского «Очерки советского наследственного права», один из параграфов которой посвящен проблеме свободы завещания и условиям ее осуществления. [3, с. 107] Примечательно, что ни в римском праве, ни в отечественном дореволюционном или советском наследственном законодательстве не было специальной нормы о свободе завещания. Ученые говорили о свободе завещания на основании наследственно-правовых норм, предусматривающих для завещателя определенный спектр возможностей по определению судьбы имущества на случай смерти.

Комаревцева И. А.

Таганцева В. С.

На сегодняшний день свобода завещания относится к числу наиболее значимых принципов современного российского наследственного права. Необходимо подчеркнуть, что содержание данного принципа впервые в истории российского наследственного законодательства нашло свое нормативное закрепление. Так, свободе завещания посвящена ст. 1119 Гражданского кодекса РФ¹ (далее - ГК РФ), правила которой раскрывают основные положения данного принципа.

В соответствии со ст. 1119 ГК РФ в содержание принципа свободы завещания включаются следующие возможности: а) право завещать любое имущество; б) право завещать имущество любым лицам; в) право любым образом определить доли наследников в наследстве; г) право лишить наследства любого из наследников по закону либо всех наследников по закону одновременно; д) право включить в завещание иные завещательные распоряжения, предусмотренные ГК РФ; е) право изменить или отменить завещание.

Итак, принцип свободы завещания является своеобразной правовой гарантией, обеспечивающей возможность совершения различных распоряжений по определению судьбы наследства. Подобная трактовка принципа является традиционной для науки наследственного права [4].

Как видим, по замыслу законодателя свобода завещания заключается в наличии у завещателя разнообразных возможностей по определению посмертной судьбы своего имущества, реализация которых в конечном счете должна найти свое отражение в содержании завещательного акта.

Полагаем, что правила ст. 1119 ГК РФ позволяют говорить о свободе завещания в узком смысле. На практике содержание данного принципа намного шире и не исчерпывается только лишь предписаниями ст. 1119 ГК РФ. Свобода завещания в широком смысле включает в себя разнообразные возможности завещателя, выходящие за рамки нормы ст. 1119 ГК РФ.

Прежде всего, еще один элемент свободы завещания — это выбор формы завещательного акта. В области оформления завещания возможность выбора не так велика, как в области определения его содержания. Рассмотрим имеющуюся у завещателя степень свободы выбора формы завещания.

С точки зрения формы завещания, законодатель предусмотрел для завещателя ряд возможных путей оформления сделки завещания. У завещателя есть следующие возможности: совершить нотариально удостоверенное завещание, закрытое завещание, совершить завещание, приравняемое к нотариально удостоверенному, распорядиться имуществом на случай смерти путем совершения так называемого «чрезвычайного завещания».

В целях определения содержания принципа свободы завещания через призму правил его оформления, важно ответить на вопрос: насколько свободен завещатель в выборе формы завещания? Очевидно, что совершение простого письменного завещания в чрезвычайных обстоя-

тельствах — это не результат выбора завещателя, это вынужденные, единственно возможные в данной ситуации действия. «Чрезвычайное завещание» — это исключение из правил, его совершают граждане, вынужденные к этому силою обстоятельств, когда есть угроза жизни. Следовательно, если рассматривать свободу завещания как возможность выбора альтернатив, то правила ст. 1129 ГК РФ не могут рассматриваться как проявление свободы завещания. Если же свобода завещания рассматривается как спектр возможностей, то норма ст. 1129 ГК РФ расширяет принцип свободы завещания, наделяя завещателя дополнительными возможностями применительно к определенной ситуации. Все вышесказанное в полной мере относится и к завещаниям, приравненным к нотариально удостоверенным, совершаемым по правилам ст. 1127 ГК РФ.

В отличие от отечественного правопорядка, где простое письменное завещание представляет собой исключение из правил, в зарубежных странах оно выступает в рамках общего, обыкновенного процесса совершения завещания альтернативой публичному завещанию, причем выбор формы завещания зависит от воли завещателя. Так, например, в соответствии с нормами § 2231 и 2247 ГГУ обычное завещание, по общему правилу может быть совершено двояко: в форме публичного (нотариального) акта и в форме частного (простого письменного) акта. Руководствуясь правилами § 2247 ГГУ наследодатель может составить завещание путем собственноручного написания и подписания документа, содержащего его волеизъявление, такое завещание в Германии называют еще частным или собственноручным. [5] Условием действительности частного завещания выступает факт его целиком собственноручного написания и подписания самим завещателем.

Предусмотренная в качестве общего правила нотариальная форма завещания (ст. 1125 ГК РФ) предполагает совершение так называемого «открытого» завещания, альтернативой которому выступает «закрытое» завещание (ст. 1126 ГК РФ). В данном случае у завещателя есть возможность выбора между двумя видами завещания - открытым и закрытым. Ответ на вопрос: какое именно завещание совершить, будет зависеть от свободно формируемой воли завещателя. В данном случае мы видим четкое проявление принципа свободы завещания через возможность выбора между несколькими альтернативными порядками оформления завещания.

Как видим, в некоторых случаях законодательно закрепленные возможности оформления завещания являются единственно допустимыми, а в других случаях выступают в качестве альтернативы.

В рамках института нотариально удостоверенного завещания мы также можем увидеть проявление принципа свободы завещания. Речь идет о таком процедурном аспекте, как участие свидетелей в совершении завещания. Л. В. Санникова отмечает, что роль свидетелей в «завещательном» процессе «сводится, по существу, к удостоверению фактов, касающихся совершения завещания, например состояния завещателя, подлинность завещания, соответствие содержания завещания воле завещателя и т.д.» [6, с. 40].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Парламентская газета. - № 224. - 28.11.2001.

Как известно, при совершении нотариального завещания, закон не предусматривает обязательного участия свидетелей. Однако в силу п. 4 ст. 1125 ГК РФ свидетели все же могут участвовать в процессе совершения нотариально удостоверенного завещания, если на то есть желание завещателя, что вполне оправданно, ведь факт участия свидетелей в совершении завещания «создает дополнительные гарантии для реализации прав граждан в соответствии с законом, а также увеличивает объем доказательств (свидетельские показания), которые могут быть приобщены к делу в случае судебного разрешения спора о наследовании» [7, с. 35].

Итак, участие свидетелей при совершении завещания в форме нотариального акта является не обязательным, а факультативным, и всецело зависит от воли завещателя, что следует рассматривать как элемент содержания принципа свободы завещания.

Как показывает история развития наследственного законодательства, у завещателя не всегда была возможность выбора формы завещания. К примеру, в советский период развития наследственного законодательства, была нормативно урегулирована монополия нотариальной формы завещания. В случае нахождения завещателя в особых условиях, он мог совершить завещание, приравняемое к нотариально удостоверенному. Например, советский законодатель в период 1929-1942 г.г. предусмотрел возможность в определенных случаях удостоверить завещания не только у нотариуса, но и у других должностных лиц. По свидетельству ученых-цивилистов такие завещания имели силу нотариально удостоверенных и в каком-либо дополнительном последующем удостоверении их нотариусом не нуждались [8, с. 179]. К завещаниям, удостоверенным у других должностных лиц, относились морские завещания, завещания, составленные гражданами, находящимися на судах внутреннего водного транспорта, воинские завещания.

Наоборот, в дореволюционный период завещатель был наделен правом выбора между нотариальным завещанием и завещанием домашним, совершаемым в простой письменной форме, без участия нотариуса. Свобода завещателя в выборе порядка оформления завещания была ограничена запретом совершать устные завещания. Об этом прямо было указано в законе: «словесные завещания и так называемые изустные памяти никакой силы не имеют» (ст. 1023 ч. 1 т. X Свода законов). Письменная форма завещания (публичного или частного) составляла «корпус сделки», о чем неоднократно подчеркивалось в юридической литературе. [9, с. 593]

Рассматривая с помощью историко-правового метода свободу завещания в контексте возможностей завещателя по совершению завещательного акта, можно заключить, что свобода совершения завещания в советский период была существенным образом ограничена по сравнению с периодом дореволюционным. Так, завещатель, не только утратил возможность совершения простого письменного завещания, но и был лишен возможности выбора между различными порядками оформления завещания.

В итоге анализа сущности принципа свободы завещания, считаем необходимым отметить, что его содержание не исчерпывается только лишь правилами ст. 1119 ГК РФ

«Свобода завещания», которые предоставляют завещателю возможности по формированию содержательной стороны завещания. Принцип свободы завещания нашел свою реализацию также в нормах о форме и порядке совершения завещания, благодаря которым у завещателя появилось больше возможностей по распоряжению имуществом на случай смерти путем составления завещания. Теперь завещатель может сохранить свою последнюю волю в тайне путем составления закрытого завещания, волен пригласить свидетелей как дополнительное средство обеспечения подлинности воли, а также совершить завещание в «упрощенной» простой письменной форме, находясь в чрезвычайных обстоятельствах.

Пристатейный библиографический список

1. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. - М.: Издательство «Зерцало», 2003.
2. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. - Тула: Автограф, 2001.
3. Серебровский В.И. Избранные труды. - М.: Статут, 1997.
4. Процальгин Р.А., Тарасов Д.Ю. Соотношение принципа свободы завещания и института совместного завещания супругов: теоретико-правовой анализ // Наследственное право. - 2021. - № 3. - С. 41-44.
5. Вершинина Е.В., Кабатова Е.В., Шишкина А.А. Наследование по завещанию в России и Германии: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. - 2010. - № 6. - С. 32-37.
6. Санникова Л.В. Завещание и его формы по новому российскому законодательству о наследовании // Юридический мир. - 2003. - № 3. - С. 36-44.
7. Калинин В.В., Харитонов Ю.С. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей. - М.: Юрайт, 2002.
8. Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. - М.: Госюриздат, 1955.
9. Синайский В.И. Русское гражданское право. - М.: Статут, 2002.

КОНДРАТЬЕВ Павел Олегович

преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

КОШЕЛЮК Богдан Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье приводится описание проблемных моментов регулирования коллекторской деятельности, а так же предложения по возможному регулированию данных вопросов. Исследуются основные дефиниции, используемые в рассматриваемой сфере. Анализируется зарубежный опыт правового регулирования коллекторской деятельности. Определены пути решения в регулировании данных общественных отношений, связанных со взысканием просроченной задолженности физических лиц и работой коллекторских организаций.

Ключевые слова: коллектор, кредитор, задолженность, обязательства, просроченная задолженность, бюро кредитных историй.

KONDRATJEV Pavel Olegovich

lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

KOSHELYUK Bogdan Evgenjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

LEGAL REGULATION OF COLLECTION ACTIVITIES

The article provides a description of the problematic aspects of the regulation of collection activities, as well as a possible solution to data issues. The main definitions used in the considered sphere are investigated. The foreign experience of regulation of collection activity is analyzed. Certain solutions in data regulation are related to the collection of overdue debts of individuals and heads of collection organizations.

Keywords: collector, accumulator, debt, obligation, overdue debt, bureau of credit turnover.

Кондратьев П. О.

Кошелюк Б. Е.

В современных условиях рыночной экономики важным элементом являются заёмные денежные средства. Они позволяют начать предпринимательскую деятельность, модернизировать существующее предприятие и так далее. Однако «обратной стороной медали» является ряд обязательств заёмщика, которые он должен выполнять. Одним из таких условий, а именно основным обязательством является своевременный возврат долга.

В случаях, когда заёмщик нарушает свои обязанности по возврату долга, возникает «просроченная задолженность».

Для работы с данной задолженностью банковские и микрофинансовые организации имеют в своём штате специалистов по взысканию или прибегают к услугам коллекторов.

1. Долгое время деятельность таких организаций должным образом не регулировалась. В 2016 году был принят ФЗ № 230 «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности...» [1].

Указанный Закон регулирует отношения по возврату просроченной задолженности и, как следует уже из назва-

ния, тем самым целью такого правового регулятора является защита прав и законных интересов физических лиц, чьи права или интересы нарушаются соответствующей образовавшейся задолженностью. Сама задолженность должна возникать в следствие неисполнения каких-либо денежных обязательств.

Кроме того, важно обратить внимание, что Закон закрепляет не какие-то добросовестные действия, связанные с взысканием задолженности, а устанавливает сразу более категоричные положения, направленные на пресечение незаконных действий по неисполнению денежных обязательств, а в последующем сами формы взыскания просроченной задолженности, если она все же образовалась.

Деятельность по возврату просроченной задолженности физических лиц рассматривается в ч. 1 ст. 1 Закона о коллекторской деятельности как совершение действий, направленных на возврат просроченной задолженности. Виды и содержание таких действий законодатель не приводит, поскольку их в целом достаточно сложно исчерпывающим образом определить и учесть все многообразие совершаемых кредитором или лицом, действующим от его имени и (или) в его интересах, действий.

Следует отметить, что складывающаяся судебная практика подходит к толкованию предмета регулирования Закона о коллекторской деятельности достаточно гибко.

Вместе с тем основной проблемой является отсутствие единого понимания определения такой важной в данном случае дефиниции как «задолженность». В разных нормативно-правовых актах даётся разная редакция.

К примеру, в ст. 112.1 БК РФ под просроченной задолженностью в контексте бюджетных отношений понимается задолженность, образовавшаяся ввиду неисполнения или ненадлежащего исполнения в установленный срок долговых обязательств.

Если обратиться к положениям Закона о потребительском кредите, то можно заметить, что там законодатель просто использует дефиницию «задолженность».

В гражданском законодательстве также подход к определению задолженности различается применительно к разным правоотношениям, в которых данный термин фигурирует. К примеру, мы можем встретить понятие задолженности в ст. 43 ГК РФ, которая регламентирует порядок погашения задолженности безвестно отсутствующего (не в целом сама статья этому посвящена, а отдельные положения). Кроме того, задолженность фигурирует в контексте дебиторской задолженности (ст. 63 ГК РФ), а также применительно к ликвидации юридического лица (ст. 64 ГК РФ).

Несмотря на достаточно большое количество использования термина «задолженность» в разных отраслях права и применительно к разным правоотношениям, мы не встретим нигде определения именно «просроченной задолженности». В связи с этим встает закономерный вопрос: может ли быть непросроченная задолженность? Представляется, что в данном контексте было бы уместнее исходить из такого понятия как «долг», который уже достаточно давно известен гражданскому праву.

Таким образом, непросроченная задолженность - это долг, а задолженность всегда просрочена. В связи с этим встает вопрос о целесообразности использования в Законе, который нами изначально был обозначен в контексте темы исследования, термина «просроченная задолженность».

Как уже нами было отмечено ранее, виды и содержание действий, которые охватываются Законом о коллекторской деятельности, законодатель исчерпывающим образом не указывает. Однако установлены общие требования к осуществлению такой деятельности (ст. 6).

Практическое применение данных способов так же по нашему мнению нуждаются в более детальной проработке, так как организации, осуществляющие коллекторскую деятельность находят «обходные пути» и эти пути зачастую носят криминальный характер.

Ярким примером такой незаконной деятельности можно назвать случаи, когда сотрудники по взысканию исчерпав лимит звонков с номеров, зарегистрированных на организацией, звонят должнику с номера, принадлежащего стороннему лицу, либо номера, нигде не зарегистрированного.

Другим примером «обходных действий» можно назвать такой факт, что при совершении звонка должника не предупреждают о записи разговора, так же оказывается давление, в том числе о предстоящих визитах в места проживания должника.

Также следует отметить, что направление должнику информации в рамках данного способа взаимодействия не привязано к фактическому месту его нахождения или жительства. Иными словами, для направления должнику необходимых для возврата просроченной задолженности сведений кредитору или лицу, действующему от его имени и (или) в его интересах, необязательно знать адрес должника.

В данном случае под телеграфными, текстовыми, голосовыми и иными сообщениями, передаваемыми по сетям электросвязи, можно понимать как СМС-сообщения, так и отправления посредством электронной почты, популярных мессенджеров и иных средств электронной коммуникации.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что закон не уточняет, каким именно видом почтовой корреспонденции надлежит пользоваться (простая, заказная и т.д.), исходя из вышесказанного с чем допускается направление любого вида корреспонденции, доставка которой может быть осуществлена любыми операторами почтовой связи. Закон вообще ничего не говорит о использовании новых видов электронной связи, в частности т.н. «социальных сетей»

В данном случае считаем необходимым ужесточение контроля и правовых норм уголовно-правового характера с целью принуждения организаций к работе в рамках правового поля.

Говоря о регулировании деятельности юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату долгов на постоянной основе, необходимо отметить, что у такой деятельности нет явной специфики. Иными словами, данные обстоятельства затрудняют процесс отделения лиц, специализирующихся на скупке долгов и осуществляющих взыскание в своем или чужом интересе на систематической основе.

В данном случае эффективным методом контроля будет введение процедуры лицензирования данных лиц и организаций с последующей проверкой их деятельности несколько раз в календарный год.

Федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью «профессиональных взыскателей» будет осуществляться специальным органом. Возможно также в рамках решения указанной проблемы создание саморегулируемых организаций, в которых «профессиональные взыскатели» смогут объединяться на добровольной основе.

Если обратиться к потребительскому кредитованию, то можно заметить особое значение правового регулирования, которое выражается в Федеральном законе «О кредитных историях» [2], целями которого являются создание и определение условий для формирования, обработки, хранения и раскрытия бюро кредитных историй информации, характеризующей своевременность исполнения заемщиками своих обязательств по договорам займа (кредита).

Потребительские кредиты могут предоставляться не только кредитными организациями, но и некредитными финансовыми организациями в случаях, определенных федеральными законами об их деятельности, в связи с этим можно говорить о достаточно комплексном нормативно-правовом регулировании потребительского кредитования, которое строится на достаточно большом количе-

стве отдельных, самостоятельных и неcodифицированных нормативно-правовых актов.

Важно отметить такого участника данных отношений как «Бюро кредитных историй». Их в Российской Федерации несколько и зачастую информация в них дублируется или не соответствует действительности.

Единственным решением данного вопроса является объединение баз данных в одну, так как это позволит упростить процедуру проверки должников и других участников кредитных правоотношений.

Так же для улучшения функционирования считаем возможным установить контроль за актуальность содержащейся информации на Министерство финансов РФ.

Особое внимание следует уделить коллекторской деятельности и банковской тайне. Речь идет о правомерности передачи информации о должнике, которая по сути составляет банковскую тайну, различных коллекторским агентствам. Кроме того, речь идет также и о разглашении сведений о должнике, которые составляют персональную информацию. Мнение по данному вопросу в научной литературе разнится. Одни ученые придерживаются мнения о том, что передача таких сведений со стороны банка в коллекторские агентства является законной и не нарушает норм права. Другие же ученые категорично придерживаются мнения о явном нарушении норм права передачей коллекторским агентствам сведений о должнике, которые составляют не только категорию персональных данных, но и банковскую тайну.

Представляется, что в данном случае заслуживает внимания опыт регулирования по обозначенным проблемным вопросам коллекторской деятельности зарубежных стран, которые зарекомендовали себя в качестве эффективного.

Возьмем к примеру США. Следует сразу отметить, что в США процедура взыскания просроченной задолженности является достаточно распространенной и, как следствие, тщательно и содержательно урегулирована.

При этом особенностью является то, что в США коллекторские агентства взыскивают небольшие суммы, а сам процесс такой деятельности строится на основании двух схем:

1) коллекторское агентство и кредитор заключают соглашение, которое предусматривает со стороны кредитора денежное вознаграждение за взыскание долга. Как правило, сумма такого вознаграждения колеблется от 10% до 50% от суммы взысканного долга;

2) кредитор продает долг агентству на основании заключенного между этими сторонами договора уступки права требования (цессии).

Фактически в российском законодательстве такой же подход к порядку взыскания долга, однако отличительной чертой будет отсутствие содержательного и эффективного правового регулирования данных вопросов.

Кроме того, можно отметить, что в США очень эффективным способом воздействия на должника является сообщение о непогашенной задолженности в агентство по кредитным сведениям. Такие агентства оказывают давление на должника сначала посредством письменных обращений с требованием о возврате долга и с указанием санкцией за неисполнение таких требований в добровольном порядке. Кроме того, такие агентства формируют список недобросо-

вестных должников, что в последующем может являться причиной отказа в выдаче кредита лицам, которые находятся в таком списке, поскольку данную информацию может запрашивать кредитор. Однако такие сведения не будут включены в указанный список, если должник своевременно погасит образовавшийся у него долг по тому или иному денежному обязательству.

Если обратиться к правовой регламентации коллекторской деятельности в иных зарубежных странах, то можно также привести опыт таких стран как Австрия, Италия и т.д., в которых также имеются достаточно содержательные коллекторские законы, в которых подробно урегулирована данная деятельность. К примеру, Австрийский закон устанавливает ограничения на комиссию, которую могут взимать коллекторы за свои услуги, содержит нормы в части судебных разбирательств и банкротства должника и т.д.

На наш взгляд, в Российской Федерации следует учесть опыт регулирования коллекторской деятельности, который уже сформирован рядом зарубежных стран. Таким образом удастся разрешить ряд практических проблем, которые возникают на сегодняшний день при взыскании просроченной задолженности.

Пристатейный библиографические ссылки

1. О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: федер. закон: [от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru [3 июля 2016 г.]
2. О кредитных историях: федер. закон: [от 30 дек. 2004 г. № 218-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 44.

ЛЫСЦЕВ Борис Сергеевич

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

ГОРЕЛОВ Илья Павлович

доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ЗАХАРОВА Елена Евгеньевна

преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПОДРЯД В САДОВОДЧЕСКОМ НЕКОММЕРЧЕСКОМ ТОВАРИЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА, КАЧЕСТВА РАБОТ, ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ И РИСКА СЛУЧАЙНОЙ ГИБЕЛИ РЕЗУЛЬТАТА РАБОТ

В статье авторы анализируют проблемные вопросы исполнения договора строительного подряда, заключаемого между садоводческими некоммерческими товариществами на стороне заказчика и подрядчиками. Строительный подряд – это наиболее популярный инструмент, регулирующий отношения членов товариществ по вопросам ремонта и строительства объектов общей инфраструктуры и подрядчиков (организаций или физических лиц). Отдельное внимание авторами уделено на проблемы заключения договора, качества работ, права собственности и риска случайной гибели результата работ, сформулированы предложения по их возможному устранению.

Ключевые слова: строительный подряд, садоводческое некоммерческое товарищество, качество работ, право собственности, риск случайной гибели.

LYSTSEV Boris Sergeevich

senior lecturer of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

GORELOV Ilya Pavlovich

Ph.D. in military sciences, Ph.D. in historical sciences, professor of Organization of police work sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ZAKHAROVA Elena Evgenjevna

lecturer of Organization of police work sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

CONSTRUCTION CONTRACT IN A HORTICULTURAL NON-PROFIT PARTNERSHIP: ON THE ISSUE OF CONCLUDING A CONTRACT, THE QUALITY OF WORK, OWNERSHIP RIGHTS AND THE RISK OF ACCIDENTAL DEATH OF THE RESULT OF WORK

In the article, the authors analyze the provisions of the construction contract concluded between horticultural non-profit partnerships on the customer's side and contractors. A construction contract is the most popular tool regulating the relations of members of partnerships for the repair and construction of common infrastructure facilities and contractors (organizations or individuals). Special attention is paid by the authors to the problems of concluding a contract, the quality of work, property rights and the risk of accidental death of the result of work, and proposals for their possible elimination are formulated.

Keywords: construction contract, horticultural non-profit partnership, quality of work, ownership, risk of accidental death.

Садоводческие некоммерческие товарищества по своей правовой природе создаются для реализации потребностей граждан в ведении садоводства и огородничества. Как правило, для вышеуказанных целей выделяются земли сельскохозяйственного назначения, не имеющие никакой инфраструктуры (электроснабжение, водоснабжение, дороги, водоотведение и др.) Федеральный закон «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 217-ФЗ (ст. 24) указывает на возможность членам товарищества иметь на праве собственности и ином праве имущество общего пользования. Решение вопросов обеспечения садоводческого товарищества электроэнергией, водой и другими «благами цивилизации», при взаимодействии с поставщиками услуг, часто приводит к невозможности их оказания без строительства соответствующей инфраструктуры (линий электропередач, водопровода, газопровода и т.д.). При разнообразном количестве государственных программ, предоставляющих субсидии на развитие, в том числе и садоводческим товариществам, основную финансовую нагрузку, по-прежнему, несут

члены такого объединения в виде целевых взносов. Правовым регулятором взаимоотношений между такими Заказчиками и Подрядчиками выступает договор строительного подряда, в ходе выполнения обязанностей по которому стороны могут столкнуться с рядом проблем, касающихся его заключения, качества работ, права собственности, риска случайной гибели результата работ.

Гражданское законодательство Российской Федерации определяет строительный подряд как гражданско-правовой договор, в силу которого одна сторона (подрядчик) обязуется в установленный договором срок построить по заданию другой стороны (заказчика) определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену (п. 1 ст. 740).

В соответствии с основными положениями о заключении договора (п. 1 ст. 432 ГК РФ), договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Безусловно одним из наиболее важ-

ных условий договора для садоводческого некоммерческого товарищества является цена. Вопрос о ее «существенности» до настоящего времени актуален и носит ярко выраженный дискуссионный характер. Заказчик обязан уплатить Подрядчику за результат работ обусловленную цену. При этом термин «обусловленная цена» обычно воспринимается участниками правоотношения как согласованная сторонами и, как правило, это твердая сумма, не подлежащая изменению. При этом вполне очевидно, что если сторонами достигнуто соглашение о цене, то вопросы, например, изменения стоимости материалов будут являться предпринимательским риском Подрядчика. Ранее судебная практика определяла цену при разрешении споров в качестве существенного условия договора, но к правоотношениям строительного подряда применимы также и общие положения о подряде, согласно которым исполнение должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные работы. Чаще всего споры между садоводческими некоммерческими товариществами и Подрядчиками возникают как раз из-за разногласий по вопросам соблюдения сроков и цены.

На основании изложенного считаем необходимым сделать следующие выводы, касаемо заключения договора строительного подряда:

В целях реализации возможности защиты своих прав, которые могут быть нарушены Подрядчиком по договору строительного подряда, садоводческим некоммерческим товариществом предпочтительно заключать его исключительно в письменной форме, в виде единого документа. При этом рекомендуется включать в договор максимально возможный перечень прав и обязанностей Заказчика и Подрядчика, определить досудебный претензионный порядок и порядок обращения в судебные органы, способы направления сторонам юридически значимых сообщений. Каждый экземпляр договора должен представлять из себя документ, имеющий на каждом листе реквизиты (дата и номер), прошитый и пронумерованный, а также подписи сторон. Применение данных рекомендаций, поможет сторонам обезопасить себя от недобросовестного поведения контрагента, в том числе в части возможной фальсификации текста документа.

Качество – это признак выполненной работы, то есть соответствие результата работы (здания, сооружения, предприятия и т.д.) положениям нормативно-правовых актов и положениям договора строительного подряда, что позволяет нормально эксплуатировать объект строительства в соответствии с его целевым назначением. Качество – это основополагающий критерий для заказчика в лице товарищества, так как соблюдение технологии строительства (СНиП, ГОСТ и т.д.) позволит ему уменьшить затраты на внеплановое обслуживание и бремя содержания своего имущества в целом. Исходя из этого логичным представляется, что результат работ, не пригодный для использования по назначению, т. е. не имеющий для заказчика потребительской ценности, не является качественным.

Безусловно, в ходе производства работ по договору строительного подряда Подрядчику приходится решать «бесконечное количество» проблемных вопросов, таких как: поиск и закупка необходимых материалов и инструментов, аренда необходимой техники, подбор и сохранение уже имеющихся квалифицированных кадров, оплата налогов, необходимые согласования, разрешения и т.д. Все вышеуказанные факторы безусловно могут повлиять на сроки и качество выполняемых строительных работ. В случае нарушения Подрядчиком условий договора Заказчик, как правило, вправе применить к нему штрафные санкции, расторгнуть соглашение о строительстве подряда в одностороннем порядке и привлечь другого Подрядчика для завершения работ. При этом у сторон могут возникнуть вопросы, касающиеся права собственности и перехода риска случайной гибели результата работ.

Так, в 2017 году между Обществом с ограниченной ответственностью «СЛК» и Садоводческим некоммерческим товариществом «Спектр» в целях исполнения технических условий по договору о технологическом присоединении энергопринимающих устройств между ПАО «Ленэнерго» и

СНТ «Спектр», был заключен договор строительного подряда. Предмет договора включал в себя такие работы как: установка КТПН, строительство внутриплощадочных ВЛЗ-10 кВ на территории товарищества, подготовка исполнительной документации, проведение лабораторных испытаний и др. Согласно достигнутых сторонами соглашений, все выполняемые работы должны были осуществляться иждивением Подрядчика. Срок выполнения работ по договору и окончание приемо-сдаточных мероприятий был установлен сторонами. Оплата по договору строительного подряда осуществлялась поэтапно в соответствии с графиком финансирования работ, при этом в каждый этап оплаты входила стоимость оборудования и материалов, которые закупались Подрядчиком. С момента заключения вышеуказанного соглашения ООО «СЛК» неоднократно срывал сроки выполнения работ, постоянно ссылаясь на свое тяжелое материальное положение и невозможность их завершения по договору без увеличения сметной стоимости работ. Несмотря на постоянные уступки Заказчика и продление сроков окончания производства работ, Подрядчик свои обязательства по договору так и не выполнил, неоднократно указывая на наступление тех или иных обстоятельств (повышение стоимости материалов, изменение ставки НДС и др.). В связи с неоднократным нарушением ООО «СЛК» условий договора строительного подряда, а также руководствуясь ГК РФ, соответствующими положениями договора строительного подряда, СНТ «Спектр» был вынужден расторгнуть договор в одностороннем порядке и заключить договор строительного подряда с другим Подрядчиком, предметом которого явились незавершенные ООО «СЛК» работы, необходимые для выполнения технических условий договора о технологическом присоединении. После расторжения договора ООО «СЛК» не передал Заказчику исполнительную документацию в части уже построенного объекта (КТПН, ВЛЗ-10 кВ), а также направил Товариществу письмо с указанием на отсутствие у него права собственности на незавершенный строительством объект, так как передача ему прав Подрядчиком не осуществлялась.

Вышеописанная ситуация, действительно порождает большое количество вопросов как на стороне Заказчика, так и на стороне Подрядчика: Кто является собственником результата работ в договоре строительного подряда? Является ли Подрядчик собственником материалов и оборудования до их передачи Заказчику? Какие права передает Подрядчик Заказчику?

Положения о возникновении (приобретении) права собственности изложены в главе 14 ГК РФ, но при этом они не дают четкого ответа о том, кто является собственником результата работ в договоре строительного подряда. «Вопрос о праве на объект строительного подряда в прямой форме законом не решен, а содержание норм о подряде не позволяет прийти к однозначному толкованию».

В соответствии со ст. 218 ГК РФ, право собственности на новую вещь, изготовленную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом.

Применимо к строительному подряду, где Подрядчик обязуется в установленный срок построить по заданию Заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а Заказчик создать необходимые условия для строительства, принять их результат и уплатить обусловленную цену (ст. 740 ГК РФ), действительно создается новая вещь. Однако права собственности на нее, в соответствии со ст. 218 ГК РФ, у Подрядчика возникнуть не может, так как хотя она и изготовлена им в соответствии с законом, но не для себя, а для Заказчика.

Рассматривая общие положения о подряде, одни авторы считают, что собственником результата работ до его передачи Заказчику является Подрядчик, другие указывают собственником Заказчика, третьи считают, что право собственности на объекты строительного подряда возникает после государственной регистрации.

Из общих положений о подряде (ст. 703 ГК РФ) следует: «По договору подряда, заключенному на изготовление вещи, подрядчик передает права на нее заказчику». При этом законом не конкретизированы какие именно права Подрядчик

передает Заказчику. То есть при толковании ст. 703 ГК РФ в ряд признаков обязательств, следующих из договора подряда, выделено: «Вещь, созданная по договору подряда, принадлежит на праве собственности подрядчику до момента принятия выполненной работы заказчиком» [1, с. 235]. Также право собственности на указанную в договоре вещь многие связывают с количеством затраченного материала, «если работа выполняется иждивением подрядчика из его материалов, то в таком случае и материалы, и результат работы являются собственностью подрядчика». Эти утверждения также основаны на том, что работы выполняются иждивением подрядчика – из его материалов, его силами и средствами. Действительно, подрядчик несет огромные издержки на строительство, но в конкретном случае материалы и оборудование для строительства приобретались ООО «СЛК» на денежные средства СНТ «Спектр», а, следовательно, Подрядчик действовал в данной ситуации по поручению Заказчика и необходимо сделать вывод об использовании им не своего (приобретенного за свои средства), а дачного материала (приобретенного на средства СНТ). Этот принцип уже давно применяется Подрядчиками в отношениях с Заказчиками и позволяет застраховать себя, пусть и частично, от неисполнения обязательств заказчиком по оплате за полученный результат работ.

Также нельзя считать корректным мнение, что до государственной регистрации Подрядчику на праве собственности принадлежат переработанные материалы. Возникает логичный вопрос: Какая разница между использованными материалами и построенным объектом? В нашем случае ООО «СЛК» использовал для строительства кабель, бетонные опоры, специальную фурнитуру и т. д. Все эти предметы после переработки стали неотъемлемой частью единого недвижимого комплекса при этом их повторное использование стало практически невозможным. В соответствии со ст. 133 ГК все материалы, использованные при строительстве, становятся частью неделимой вещи. Еще в Древнем Риме считали так: «то, что находится в строениях для постоянного использования, относится к строению; то же, что (находится в строении) для данного времени, не относится к строению (так, например, трубы, положенные на время, не относятся к строению; если же они положены навсегда, то относятся...)...». При этом практически всегда предметом договора строительного подряда является вещь, которая неразрывно связана с землей (здание, сооружение, в нашем случае высоковольтная воздушная линия ВЛ 10 кВ) и здесь нельзя не согласиться с мнением Г. Ф. Шершеневича: «...при принадлежности земли и строительного материала различным лицам застройщик создает право собственности в лице собственника земли как главной вещи» [2, с. 118], то есть право собственности на объект строительства должно возникать у правообладателя земельного участка на котором он построен. При этом нельзя не согласиться с п.21 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда», из которого следует, что право собственности на незавершенное строительство как на недвижимое имущество возникает у Заказчика с момента регистрации это строительства в установленном порядке. Однако при этом необходимо в обязательном порядке произвести действия, направленные на расторжение договора строительного подряда, истребование Заказчиком незавершенного результата работ и регистрация незавершенного строительства в качестве объекта недвижимости.

Что же касается риска случайной гибели в подрядных отношениях – это тот элемент договора, который многие Подрядчики воспринимают как признак возникновения на их стороне права собственности на предмет договора до его передачи Заказчику.

Риск случайной гибели в соответствии с положениями ст. 211 ГК РФ несет собственник, поэтому можно предположить, что до момента принятия работы Заказчиком подрядчик имеет определенные права на объект строительства. Однако в строительном подряде риск случайной гибели предмета договора следует рассматривать как инструмент

для реализации возможности заказчику принять объект, находящийся под охранной Подрядчика.

Еще одним актуальным моментом является расторжение договора строительного подряда в одностороннем порядке. В основном этим инструментом пользуется Заказчик, когда Подрядчик недобросовестно исполняет свои обязательства по договору. Как правило, досрочное прекращение подрядных обязательств происходит до факта приемки-передачи результата работ. В соответствии с положениями ст. 729 ГК РФ в случае прекращения договора подряда по основаниям соглашения или закона, заказчик вправе требовать передачи ему результата незавершенной работы с компенсацией подрядчику произведенных затрат. Однако, в случае с СНТ «Спектр» оплата и приемка работ осуществлялась поэтапно, ООО «СЛК» выполнял оплаченный этап работы, который представлял собой законченную часть объекта (трансформаторную подстанцию, воздушную линию, исполнительную документацию), осуществлялась приемка-передача результата этапа, после чего происходило финансирование следующего. Договор строительного подряда был расторгнут после невыполнения Подрядчиком последнего оплаченного этапа и фактически весь результат незавершенной работы был принят Заказчиком. То есть, при данных обстоятельствах СНТ «Спектр» уже принял неоконченный результат предмета договора, а, следовательно, и взял на себя риск его случайной гибели.

Таким образом, проанализировав, вышеуказанные положения законодательства Российской Федерации считаем необходимым сделать следующие выводы:

Толкование законодательства, касающегося права собственности в договорах строительного подряда – достаточно сложная категория, которая зависит от многих факторов в том числе от диспозитивных условий конкретного договора строительного подряда.

Говорить о возникновении права собственности у Подрядчика достаточно сложно, так как исходя из общих положений 14 главы ГК РФ он осуществляет строительство не для себя (хоть и из своих материалов), а для Заказчика. Кроме того, Подрядчики уже достаточно давно используют «схему» авансирования на материалы и оборудование, что бесспорно защищает их от риска отказа оплаты за выполненную работу. Подрядчик, также, может удержать результат работ до его полной оплаты или продать его третьим лицам для компенсации своих убытков, но эти положения также не обременяют его стороне права собственности на предмет строительного подряда.

Риск случайной гибели в строительном подряде следует рассматривать не как признак права собственности, а как инструмент, позволяющий Заказчику получить результат соответствующего качества и стимулирующий Подрядчика предпринять все возможные меры для сохранения этого результата.

В случае досрочного расторжения договора строительного подряда Заказчик должен истребовать у Подрядчика результат незавершенного строительства, однако, если работы оплачивались поэтапно и между оплатами производилась приемка-сдача работ, а окончание этапа образовало непосредственно объект незавершенного строительства, то такая необходимость на стороне Заказчика отсутствует.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / Под ред. О.Н. Садикова. – М., 2001. – С. 433.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1 / Под ред. Е.А. Суханова и др. – М., 2005. – С. 332.

МАЙОРОВА Людмила Германовна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И СТРАН ЕВРОПЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Договорное право Российской Федерации, равно как и договорное право многих зарубежных государств, знакомо с институтом гражданско-правовой ответственности, наступление которой может быть обусловлено нарушением обязательств контрагентами по договорам. В настоящей статье анализируется существо ответственности как юридической категории не только сквозь призму отечественного законодательства, но и с учетом европейской практики привлечения виновных лиц к ответственности за неисполнение обязательств по договорам.

Ключевые слова: обязательство, договорная конструкция, гражданско-правовая ответственность, компенсация, санкция, ущерб.

MAYOROVA Lyudmila Germanovna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Institute of Law of the Peoples' Friendship University of Russia

LIABILITY FOR VIOLATION OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND EUROPEAN COUNTRIES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The contract law of the Russian Federation, as well as the contract law of many foreign countries, is familiar with the institution of civil liability, the occurrence of which may be due to the violation of obligations by counterparties under contracts. This article analyzes the essence of liability as a legal category not only through the prism of domestic legislation, but also taking into account the European practice of bringing perpetrators to responsibility for non-fulfillment of obligations under contracts.

Keywords: obligation, contractual construction, civil liability, compensation, sanction, damage.

Развитие экономики, всеобщая глобализация, развитие новых рынков обязывают сегодняшние правовые системы и законодательства разных стран подстраиваться для обеспечения стабильности развития страны и общества в целом. Учитывая тот факт, что основным способом организации гражданско-правовых отношений выступает договор, вопросы надлежащего исполнения его условий выдвигаются едва ли не на первый план, как в России, так и за рубежом. Для целей государственного регулирования, ввиду особенностей данной сферы, важным представляется не столько установление правил поведения участников договора, сколько защита интересов как его участников, так и общества в целом.

Современное договорное право не только Российской Федерации, но и отдельных европейских государств базируется на ряде фундаментальных принципов (речь идет о принципах гуманизма и законности, принципе свободы самовыражения, принципе справедливости и равенства), предоставляя участникам гражданского оборота гарантии обеспечения их имущественных и неимущественных прав и законных интересов. В то же время, современные государства заинтересованы в ограничении каких-либо злоупотреблений и в предупреждении нарушений, в защите прав и интересов добросовестных участников гражданского оборота. Всякое нарушение принятых на себя обязательств, в том числе договорных, влечет наступление гражданско-правовой ответственности для виновных лиц, а, следовательно, применение соответствующих мер, направленных на восстановление нарушенных прав.

Ответственность – одна из фундаментальных юридических категорий. Юридическая ответственность – самостоятельный правовой институт, который является охранительным для различных правоотношений, в том числе и гражданско-правовых. Гражданско-правовая ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, имеет специфические черты, такие как: имущественный характер последствий для нарушителя, преследование цели восстановления нарушенного права

и социальной справедливости, возникновение ответственности только между участниками правоотношения, а также использование мер государственного принуждения как дополнительной возможности реализации мер защиты, ввиду возможности добровольного восстановления нарушенных прав.

Кроме того, важной особенностью гражданско-правовой ответственности является соответствие ответственности размеру причиненного вреда. То есть, должен соблюдаться эквивалентный баланс между убытками и возмещением. Но, и из этого правила есть исключения. Так, согласно ст. 394 ГК РФ, законодатель допускает возможность взыскания убытков не только в полном объеме, но и сверх законной или договорной неустойки. Таким образом, институт юридической ответственности направлен не только на соблюдение норм действующего законодательства, но и предполагает восстановление нарушенных прав, прекращение противоправного поведения.

Основанием для наступления гражданско-правовой ответственности всегда будет допущенное правонарушение. Договорная ответственность, будучи разновидностью гражданско-правовой ответственности, выступает реакцией на нарушение договорного обязательства. То есть нарушение договорного обязательства является основанием для наступления договорной ответственности. Условия, которые сопровождают наступление ответственности, образуют состав правонарушения [7].

Говоря о юридическом составе гражданского правонарушения, следует отметить, что, по общему правилу, под ним подразумевается совокупность элементов правонарушения (конкретного противоправного деяния), которые необходимы для привлечения правонарушителя к соответствующей гражданско-правовой ответственности. К таким элементам относятся объективные элементы – противоправное деяние, негативные последствия (вред), причинно-следственная связь между деянием и возникшими последствиями, и субъективный элемент – вина.

Думается, что состав гражданского правонарушения может при определенных обстоятельствах быть неполным, и в различных ситуациях характеризоваться неоднородным набором элементов. Так, В.А. Тархов замечал, что при рассмотрении состава правонарушения в некоторых случаях могут отсутствовать причинная связь, а в некоторых – вина [18].

В трудах многих отечественных юристов можно встретить рассуждения и предложения по поводу установления содержания и сущности термина «состав гражданского правонарушения» [4]. Не раз предлагалось в рамках частного права отказаться от такого понятия как «состав правонарушения» ввиду неприменимости по аналогии с уголовным «признака состава преступления» и «элемента состава преступления» [17]. Однако большинство правоведов сходятся на мысли, что такой отказ невозможен ввиду отсутствия альтернативных моделей, описывающих данную категорию [6].

По нашему мнению, состав гражданского правонарушения важен для цивилистики не столько в части определения его места и роли, сколько в контексте понимания ключевых элементов, которые позволяют избежать ошибок и просчетов при привлечении виновных лиц к ответственности за нарушение договорных обязательств по законодательству РФ.

При этом состав гражданского правонарушения в российском гражданском праве, вряд ли, можно расценивать как стабильную, устойчивую юридическую конструкцию. В отличие от уголовного права, где состав преступления характеризуется объектом, объективной стороной, субъективной стороной и субъектом, в гражданском праве всё гораздо сложнее. То есть, в отдельных случаях гражданское правонарушение действительно может сопровождаться деянием, последствиями, причинно-следственной связью и виной нарушителя, но есть ряд ситуаций, при которых непосредственного нарушителя привлечь к гражданско-правовой ответственности не удастся. Поэтому, будет правильным и объективным оценивать состав гражданского правонарушения в каждом отдельном случае, принимая во внимание объективные и субъективные признаки совершенного нарушения, не забывая о нормах действующего законодательства. Таким образом, наличие состава гражданского правонарушения является непосредственным условием для наступления гражданско-правовой ответственности и применения мер ответственности.

Если говорить о гражданских правонарушениях – проступках (деликтах), то они являются противоправными, виновными деяниями деликтоспособных лиц, совершаемыми в сфере имущественных, а также связанных с ними личных неимущественных отношений, связанными с причинением имущественного или морального вреда, за совершение которых в гражданском законодательстве предусмотрена гражданско-правовая (внедоговорная) ответственность.

С точки зрения российского права, понятие «гражданско-правовая ответственность», а также ее разновидности – договорная и внедоговорная ответственность, не закреплены в Гражданском кодексе или иных нормативных актах, однако следуют из них (ст. 393 ГК РФ, ст. 1064 ГК РФ).

Аналогично не закреплены такие понятия и в законодательствах стран Европы. Однако надо отметить, что при этом имеются общие подходы к понятию гражданско-правовой ответственности и распределению ее на договорную и внедоговорную. Таким примером могут быть положения статей §1147, §1382 Кодекса Наполеона (Французский гражданский кодекс 1804 года), которые предусматривают возмещение убытка при нарушении обязательства в первом случае, и убытка за действия, причинившие вред (деликт) – во втором¹. Похожие положения есть и Германском гражданском уложении (ГГУ). Указанное объясняется рецепцией норм римского права в законодательства стран, относящихся к романо-германской правовой семье.

Английское право аналогично не содержит терминов, описывающих ответственность, это связано, прежде всего, со

спецификой развития права, основанного на прецедентах, которые имели разные формы и характер.

В части данной статьи интерес представляют вопросы гражданско-правовой ответственности за нарушение принятого на себя обязательства (договорная ответственность).

В литературе и практике, под гражданско-правовой ответственностью понимают те меры, которые применяются к лицу, допустившее нарушение норм закона или договора. Реализация любой меры юридической ответственности обеспечивается при установлении факта правонарушения, путем определения и назначения нарушителю меры ответственности (вида и размера наказания) [13].

Как отмечалось выше, гражданское право по общему правилу, реализуя компенсационную функцию, стремится к восстановлению нарушенных прав в полном объеме. То есть размер гражданско-правовой ответственности определяется по общему правилу в соответствии с принципом полного возмещения причиненных убытков (вреда). При этом в случае наличия вины, независимо от ее формы, законодатель обязывает правонарушителя возместить причиненные им убытки в полном объеме (п. 1 ст. 15 ГК РФ).

Возмещение убытков является универсальным способом защиты как в России, так и за рубежом.

Согласно ст. 393 ГК РФ, если имело место нарушение, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств, должник должен возместить убытки, под которыми понимается реально установленные или возможные расходы на восстановление права, а также возможные недополученные доходы, которое мог получить кредитор, если бы его права не были нарушены. Нужно отметить, что российское право исходит из принципа реального исполнения обязательств, а потому убытки рассматриваются в качестве дополнительной, «восстановительной» меры при допущенном нарушении. Согласно Российскому праву убытки взыскиваются в части, непокрытой неустойкой (ст. 394 ГК РФ), а основным требованием при взыскании убытка является их установление с разумной степенью достоверности (что, нужно отметить, не всегда возможно на практике). При этом должен быть установлен состав правонарушения, включая наличие вины, в тех случаях, где она предусмотрена. По общему правилу, вина презюмируется пока не доказано обратное.

В немецком праве убытки возмещаются тогда, когда реальное исполнение обязательства (исполнение обязательства в натуре) невозможно (§280 ГГУ). При этом обратиться за взысканием убытков можно, если предварительно должнику был установлен срок для устранения нарушения, однако такое нарушение в установленный срок не было устранено (§250, §283 ГГУ). При этом важным элементом для привлечения субъекта гражданского правоотношения к ответственности является наличие вины. Лицо, проявившее необходимую осмотрительность, а также разумные шаги для минимизации убытка при исполнении обязательства, не признается виновным, а, следовательно, к ответственности не привлекается.

Французский гражданский кодекс, наравне с российским кодексом и Германским гражданским уложением также провозглашает принцип исполнения обязательства в натуре, и предусматривает возмещение убытка, если такое обязательство не исполняется (§1142 ФГК).

Таким образом, страны романо-германской системы права, прежде всего, декларируют и исходят из обязанности по исполнению принятого на себя обязательства. Убытки же, выступая как способ восстановления имущественных прав кредитора, проявляются как дополнительная обязанность, накладываемая на нарушителя в тех случаях, когда исполнение не осуществляется или невозможно.

В английском договорном праве убытки – это имущественный ущерб (реальный вред и упущенная выгода), выплачиваемый в денежном эквиваленте, который возникает у потерпевшей стороны сразу же, если вторая сторона обязательства допускает нарушения. В данном случае, в отличие от вышеуказанных стран, убытки не играют роли дополнительного обязательства, а используются в качестве замены надлежащего реального исполнения. Стоит при этом отметить, что

1 Французский гражданский кодекс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Кодекс_Наполеона/Книга_3/Раздел_IV (дата обращения: 12.04.2022)

в юридической литературе можно встретить дискуссии по вопросу определения сущности убытков в английском праве как дополнительной обязанности, возникающей при неисполнении. Однако, все же, учитывая цели их применения, а также безусловное право возмещения потерь, представляется, что речь идет о трансформации одного обязательства (исполнения в натуре) в другое (возмещение убытка).

В Англии о возмещении убытков как форме наступления юридической ответственности в контексте нарушения договорного обязательства можно говорить только при наличии следующих условий: наличие убытков, противоправное деяние, причинная связь и вина. При этом по общему правилу вина роли не играет и применяется в исключительных случаях.

Ю.Г. Матвеев подчеркивает, что английская судебная практика знакома со случаями возмещения убытков в денежной форме по факту причинения страданий и боли, которые были вызваны недоброкачественной продукцией [16]. Речь идет о *emotional distress damages* – убытках, которые можно взыскать за неудобства и существенный физический дискомфорт, что проистекает из факта причинения вреда. При этом душевные страдания, возникшие при нарушении договорных обязательств, по английскому праву не подлежат компенсации и не могут быть учтены в составе убытков для их последующего возмещения.

Нормы ст. 15 и ст. 393 ГК РФ предусматривают, что убытки по общему правилу должны быть возмещены в полном объеме, тем не менее, нельзя допустить незаконного обогащения потерпевшего лица. Полное возмещение убытков в достаточной степени соответствует юридической природе гражданско-правовой ответственности, однако, стороны достаточно часто сталкиваются с проблемой доказывания размера причиненных убытков. Во избежание подобных сложностей стороны определяют в договорном порядке сведения о неустойке. Неустойка является второй универсальной, и самой популярной мерой гражданско-правовой ответственности. Неустойка призвана играть значимую роль в гражданско-правовых отношениях, выступая в качестве средства гарантирования выполнения обязательств и установленных мер ответственности.

С точки зрения римского права, неустойка представляет собой символический договор, который предполагал обязанность личности, нарушившего соглашение, возместить штраф потерпевшему, когда исполнение обязательства не осуществлялось в достаточной мере. В рамках рецепции римского права положения о неустойке стали применяться в большинстве европейских правовых документах и актах. Так, к примеру, в соответствии с Французским гражданским кодексом неустойка представляла собой оплату за ущерб, который кредитор получил благодаря невыполнению основных обязательств (§1229 ФГК).

С точки зрения современного английского договорного права, неустойка является штрафом либо заблаговременно оцененным ущербом, и широко применяется на хозяйственном обороте. В рамках судебной английской практики, такое условие может быть признано судами недействительным только в том случае, если оно неразумно по своему размеру.

С точки зрения российского законодательства, согласно ст. 330 ГК РФ, неустойка представляет собой денежную сумму, которая подлежит выплате в тех случаях, когда допущено нарушение, в частности – просрочка исполнения.

Так, неустойка формирует предупреждение наступления для должника конкретного негативного последствия имущественного характера, если он не выполнит, либо выполнит ненадлежащим образом условия договора, проявляя, таким образом, стимулирующую функцию к надлежащему выполнению договорных обязательств, которые были прописаны в соответствующем договоре, либо установлены в законе [14].

Понятие «неустойка» имеет несколько трактовок. В подавляющем большинстве случаев под ней понимается санкция, которая используется к нарушившему обязательство лицу, когда он соответственно не выполняет либо не надлежаще выполняет принятые на себя по договору обязатель-

ства. Для того, чтобы кредитор мог использовать данную санкцию в качестве меры ответственности, ему достаточно доказать непосредственно само наличие нарушения обязательства. Необходимо же доказывание факта причинения убытков, причинно-следственной связи, а также в некоторых случаях вины, как это необходимо при возмещении убытков, отсутствует. Достаточно доказать исключительно факт нарушения условий договора.

Таким образом, неустойка кроме стимулирующей функции, выполняет функцию гарантирования исполнения обязательства надлежащим образом.

Безусловно, неустойка, являясь мерой гражданско-правовой ответственности, обладает рядом преимуществ. Прежде всего, она представляет собой упрощенный способ компенсации потерь кредитора проявляющийся в отсутствии необходимости доказывания наличия полного состава правонарушения. В этом проявляется назначение неустойки как способа обеспечения исполнения обязательств, как специальной меры имущественного характера, которая создает дополнительные гарантии защиты интересов кредитора, когда применение общих мер ответственности не дает должного эффекта.

Также, ее размер заранее определен, что делает возможным для сторон заранее оценивать возможные последствия [2]. Необходимо оговориться, что у данного правила есть исключения – так суд вправе по ходатайству должника уменьшить размер неустойки, если она несоразмерна нарушению (ст. 333 ГК РФ). Нужно уточнить, что аналогичный подход к возможности уменьшения неустойки, применяется и во Франции.

Еще одним преимуществом является возможность для сторон установить ее самостоятельно, в том числе определить размер, условия, при которых неустойка подлежит взысканию, способы взыскания и т.д., (в случае договорной неустойки), тем самым стороны дают оценку значимости обеспечиваемого обязательства.

В российском гражданском праве законодательно закреплено четыре разновидности неустойки в зависимости от сочетания с убытками: зачетная, исключительная, альтернативная и штрафная.

В соответствии со ст. 394 ГК РФ в российском праве предусмотрена презумпция зачетной неустойки, то есть убытки взыскиваются только в части тех установленных сумм, которые неустойкой не покрыты.

Германское гражданское право содержит норму, аналогичную по содержанию §394 ГК РФ, где зачетная неустойка установлена в качестве общего правила. В §340 ГГУ сказано, что кредитор вправе предъявить в суд требование о возмещении убытков в сумме, превышающей размер неустойки, т.е. вправе довызывать разницу между неустойкой (как минимумом убытков) и понесенными убытками автоматически. В этом отношении современное гражданское право восприняло классический римский подход [15, с. 15]. В противовес этому §1153 ФГК устанавливает штрафной характер процентов по отношению к убыткам, причем как в отношении денежных, так и в отношении неденежных обязательств [5].

Необходимо отметить наличие в немецком правовом порядке проблемы, связанной с наличием института заранее оцененных убытков. Разграничение неустойки и заранее оцененных убытков в германском праве проводится в зависимости от того, какую цель преследовали стороны при заключении договора: стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательств или осуществить простую калькуляцию возможных убытков. Если стороны при заключении договора действительно могли предусмотреть возможность наступления убытков в размере, который они согласовали, то суд признает такое договорное условие в качестве заранее оцененных убытков, и тогда правила о неустойке не могут быть применены, в т.ч. и касательно возможности снижения. А если нет – такое условие следует рассматривать в качестве неустойки, с применением всех соответствующих правил. Если размер действительных убытков окажется больше, чем заранее оцененные убытки, то кредитор вправе довызывать непокрытую часть.

Признание неустойки и заранее оцененных убытков в качестве самостоятельных гражданско-правовых институтов вряд ли обоснованно, так как два различных правовых института должны иметь разный правовой режим и влечь разные последствия, как это имеет место в английском праве [9, с. 16]. В Германии же мы имеем создание двух идентичных и дублирующих друг друга правовых институтов, применение которых постоянно вызывает вопросы.

В английском праве также различают неустойку и заранее оцененные убытки, и так как соглашение о неустойке может быть признано недействительным в случае несоответствия штрафа причиненному вреду, то ставить вопрос о соотношении неустойки с убытками представляется не логичным, поэтому рассмотрим соотношение действительно понесенных убытков и заранее оцененных убытков. В английском праве действует принцип буквального применения санкции, который изначально был закреплен в ФГК. По общему правилу взыскать убытки в сумме, превышающей договорную санкцию, или уменьшить размер последней нельзя. Однако в случае явного уменьшения размера заранее оцененных убытков суд может признать такое условие недействительным как ограничивающее договорную ответственность, и кредитор вправе будет требовать полного возмещения убытков в общем порядке. Так и в случае явно завышенного размера заранее оцененных убытков, предусмотренного договором, суд может признать такое договорное условие неустойкой, и кредитор также вправе в общем порядке требовать полного возмещения убытков.

Кроме возмещения убытка и взыскания неустойки, в России действует такой институт, как проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 393 ГК РФ). Данная мера ответственности является специфической, так как применима лишь в части, охватывающей денежные обязательства, дает право кредитору возместить потери в связи с неполучением денег, которые определяются размером процентов, определяемых ключевой ставкой Банка России. В договорных обязательствах данная мера имеет место, если законом или договором неустойка не предусмотрена, при этом у кредитора есть возможность восстановить свое имущественное положение при предъявлении требования о взыскании процента за пользование должником денежными средствами. Такая мера близка к пени (виду неустойки), но при этом, в отличие от неустойки, охватывающей только договорные обязательства, применима как при договорной, так и при внедоговорной ответственности.

Подводя итоги всему сказанному выше, необходимо отметить, что во всех странах, как в России, так и в странах Европы, ответственность за нарушение обязательств является необходимым элементом, способствующим тому, чтобы стороны, заключая договоры, оценивали свои возможности и стремились к их добросовестному исполнению. Ответственность за нарушение договорного обязательства может быть реализована путем возложения на должника соответствующих мер ответственности, самыми универсальными из которых является убытки и неустойка. Следует при этом подчеркнуть, что в юрисдикциях ряда европейских стран (например, Англия) единственным базовым основанием наступления ответственности выступает факт нарушения обязательства из той или иной договорной конструкции. Английское право свидетельствует о том, что договорная ответственность характеризуется объективным подходом, поскольку вина и причинная связь не признаются значимыми с прикладной точки зрения условиями ее наступления. В то же время, в отдельных европейских государствах, в числе которых Франция и Германия, важные условия об ответственности находят свое отражение непосредственно в договоре, закрепляя условия неустойки, которая призвана как стимулировать к надлежащему исполнению обязательств, так и компенсировать имущественные потери.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулина А.А., Воронина А.Б. Понятие и признаки правонарушения, состав правонарушения // Молодежь и наука. 2020. № 7. С. 105-112.
2. Апестина М.Н. Заключение и исполнение договора: практические рекомендации для бизнеса. Москва: Редакция «Российской газеты», 2020. Вып. 1. С. 75.
3. Бажина М.А. Практика применения ст. 333 ГК РФ при исполнении договора перевозки грузов // Юрист. 2020. № 10. С. 32-38.
4. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. Екатеринбург, 2011. С. 510.
5. Богдановская Г.Н. «Проблемы эффективности компенсации функции процентов за использование чужими денежными средствами как формы гражданско-правовой ответственности» // «Вестник» ФАС СКО, 19.01.2010
6. Болдинов В. М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 64
7. Гражданское право. В 2 Т. Учебник / Под ред. А.Е. Суханова Т. 1. С 438-439
8. Ераносян Э.А. Совершенствование оснований гражданско-правовой ответственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7. С. 14-21.
9. Зардов Р.С. Законная неустойка: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 33 с.
10. Золотарев А.П. Об основаниях и условиях гражданско-правовой ответственности // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2019. № 14. С. 28-36.
11. Казакова Е.Б., Потоколова О.О. Гражданско-правовая ответственность // Наука. Общество. Государство. 2018. № 2. С. 143-146.
12. Крашенинников М.П. Меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств. Дисс. 2012. Режим доступа: Российская Государственная Библиотека
13. Кузнецова О.А. Применение мер гражданско-правовой ответственности // Вестник пермского университета. 2012. № 4 (18). С. 97-98.
14. Курбатов А.Я. Соотношение неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами // Гражданское право. 2020. № 4. С. 3-8.
15. Литаренко Н.В. Неустойка как форма ответственности в международном коммерческом обороте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 31 с.
16. Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право. М., 1973. С. 310.
17. Параскевова С. А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы): Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 80.
18. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Издательство саратовского университета, 1973. С. 57.
19. Cane P. The Anatomy of Tort Law. Oxford, 1997.
20. Williams G., Hepple B.A. Foundations of the Law of Tort. Second ed. London, 1984.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-188-193

СМОЛИНА Ольга Сергеевна

кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела правового обеспечения в области имущественных и трудовых отношений Департамента правового обеспечения Минсельхоза России, советник государственной гражданской службы Российской Федерации 1 класса, советник юстиции 3 класса

Смолина О. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ СДЕЛОК ПОСРЕДСТВОМ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ В СВЕТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Целью исследования является поиск путей совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации в условиях цифровой экономики. В статье показано значение специфики сделок посредством цифровой платформы и баланса интересов сторон сделки посредством цифровой платформы в свете принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений. В общей части Гражданского кодекса Российской Федерации не урегулирован порядок цифрового взаимодействия сторон сделки посредством цифровой платформы, порядок урегулирования разногласий сторон по вопросам факта и права при определении условий сделки и сроки совершения действий сторонами. Обосновывается важность правового регулирования процедуры совершения сделок посредством цифровой платформы. Статья подготовлена на основе авторской концепции сделок посредством цифровой платформы в Российской Федерации. Подготовлены на этой основе предложения по совершенствованию главы 9 «Сделки» Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровой банкинг, цифровая экономика, сделки, сделки посредством цифровой платформы, цифровые следы фактов, принцип свободы договора, принцип равенства участников гражданских отношений, баланс интересов.

SMOLINA Olga Sergeevna

Ph.D. in Law, Deputy Head of the Legal Support Division for Property and Labor relations of the Legal Support Department of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation Advisor of the 1st Class of the State Civil Service of the Russian Federation, adviser of justice of the 3rd class

LEGAL REGULATION OF TRANSACTIONS PROCEDURE MADE VIA DIGITAL PLATFORM IN THE LIGHT OF IMPROVEMENT OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The objective of the research is to find ways to improve the civil legislation of the Russian Federation in the digital economy context. The article demonstrates the relevance of the specificity of transactions made via digital platforms and the balance of interests of parties to transactions made via digital platforms in the light of the principle of freedom of contract and equality between contracting parties. The general part of the Civil Code of the Russian Federation does not regulate either the procedure for digital interaction between the parties to transactions made via digital platforms, or the procedure for the resolution of disputes between the parties on the matter of fact and matter of law when determining the conditions of transactions made via digital platforms, or the timing of actions to be fulfilled by the parties. The author justifies the importance of legal regulation of transactions procedure made via digital platform. The study is based on the authors concept of transactions made via a digital platform in the Russian Federation. On this basis, some suggestions for the improvement of Chapter 9 «Transactions» of the Civil Code of the Russian Federation have been prepared.

Keywords: digital banking, digital economy, transactions, transactions made via digital platforms, digital footprints of facts, principle of freedom of contract, principle of equality between contracting parties, balance of interests.

Основой развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе является совершение сделок посредством цифровой платформы. Академик РАН В. В. Лаптев полагает, что магистральным направлением правового регулирования экономики на ближайшую перспективу должны стать усиление хозяйственно-правового подхода, сочетания частно-правовых и публично-правовых

начал, охвата хозяйственных отношений в единой экономической и правовой системе [12, с. 210].

Требуют исследования и решения, как с теоретической, так и с практической стороны, проблемы, связанные с совершением сделок посредством цифровой платформы в предпринимательской деятельности. В частности, в общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не урегулирован порядок взаимодействия сторон сделки посредством цифровой платформы при ее совершении, порядок урегулирования разногласий сторон по вопросам факта и права при определении условий сделки посредством цифровой платформы и сроки совершения действий сторонами.

В современный период сторонами сделки посредством цифровой платформы может быть заключено соглашение о порядке обмена электронными документами, включающее в себя условия достоверного определения лица, выразившего волеизъявление в цифровой форме на совершение сделки (п. 1 ст. 160 ГК РФ).

* За обсуждение данной работы и взаимосвязанной работы «Баланс интересов сторон при совершении сделок посредством цифровой платформы в свете действия принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений» (Евразийский юридический журнал. 2021. № 7. – С. 262-266) выражаю благодарность выдающемуся ученому Занковскому Сергею Сергеевичу – заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору, исполняющему обязанности заведующего сектора предпринимательского и корпоративного права, главному научному сотруднику сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН.

Возможность правового регулирования процедуры совершения сделок посредством цифровой платформы в общей части ГК РФ не исследована, что обуславливает важность и актуальность темы.

В условиях цифровой экономики предлагается сформулировать и закрепить в общей части ГК РФ важнейшие нормы, регламентирующие процедуру совершения сделок посредством цифровой платформы и которые обязана исполнять каждая сторона сделки. Предлагаемый подход послужит стабильности гражданского оборота и совершению сделок на основе принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений (ст. 1 ГК РФ), что не исключает установления соглашением сторон специального способа достоверного определения лица, выразившего волю (п. 1 ст. 160 ГК РФ).

В работе порядок урегулирования разногласий сторон по вопросам факта и права при определении условий сделки не тождественен претензионному порядку урегулирования разногласий сторон по сделке. В отношении последнего О.Н. Садилов считает, что едва ли правильно, что за рамками общей части гражданского права остается вопрос о претензионном порядке защиты гражданских прав. Включение важнейших норм по этому вопросу в общие положения гражданского законодательства вполне соответствовало бы значению этого института [18, с. 38-45].

Нами предлагается рассмотреть значение специфики сделок посредством цифровой платформы и баланса интересов сторон сделки посредством цифровой платформы в свете принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений под углом зрения гражданско-правовой процедуры сделок посредством цифровой платформы. Анализ проводится на основе авторской концепции сделок посредством цифровой платформы в Российской Федерации и исследования автора, раскрывающего сущность баланса интересов сторон сделки посредством цифровой платформы [21, с. 120-126; 24, с. 262-266].

Целью работы является поиск путей совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации.

В основе действующего гражданско-правового регулирования института сделок, лежат принципы рыночной экономики. О.Н. Садилов отмечает, что в основе действующего в Российской Федерации гражданского законодательства и всех его институтов лежат принципы рыночной экономики, закрепленные в Конституции Российской Федерации, которые повторены и развиты в ГК РФ [19, с. 189].

По мере развития рыночной экономики появились крупные исследования предпринимательского договора и внешнеэкономических сделок, например, В.В. Лаптева, С.С. Занковского, О.Н. Садилова, Н.Г. Вилковой, Я. Рамберга (J. Ramberg) в которых рассматривались вопросы о соотношении частных и публичных начал в регулировании предпринимательских договоров и внешнеэкономических сделок. Например, в работе О.Н. Садилова «Международные трубопроводы и их правовой статус» подробно исследована специфика договоров на поставку газа (нефти) и перекачку газа (нефти) по трубопроводу, включая внешнеторговые сделки по поставке газа (нефти). Данные сделки требуют значительных капиталовложений, определяемых на базе цен мирового рынка, рассчитаны на значительный срок действия и затрагивают интересы государств, в некоторых странах могут быть объектом регулирующего воздействия государства [13; 7; 12; 20, с. 361-369; 4; 6; 28].

Академик РАН В.В. Лаптев считает, что важными признаками предпринимательского договора являются: удовлетворение потребностей в сфере предпринимательской деятельности, субъектный состав, повышенная ответственность,

которую несут субъекты предпринимательской деятельности при нарушении своих обязательств. Если по общему правилу при нарушении договорных обязательств ответственность строится по принципу вины, то в случае нарушения обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности ответственность наступает независимо от вины (п. 3 ст. 403 ГК РФ) [13].

С.С. Занковский определяет понятие предпринимательского договора, обосновывает помимо вышеперечисленных признаков предпринимательского договора, такие его признаки как соединение двух сторон – публично-правовой и частной, находящихся в органическом единстве, тесную связь предпринимательского договора с государственным регулированием бизнеса. Автор рассматривает государственное регулирование предпринимательских договоров и его правовые формы [7, с. 22].

О.С. Иоффе полагает, что юридическая природа правоотношения определяется его собственным характером, а не порядком его защиты. Характер обязательства определяется исходя из того, что если возникшее обязательство заключить договор строится на началах равенства сторон, оно должно быть признано гражданско-правовым, несмотря на административно-правовые методы его защиты [7, с. 676-677].

В основу гражданско-правовой процедуры цифрового взаимодействия сторон при совершении сделок посредством цифровой платформы нами предлагается заложить специфику сделок посредством цифровой платформы, возможность достижения баланса интересов сторон сделки посредством цифровой платформы и возможность использования сторонами сделки информационно-телекоммуникационной сети и различных технических устройств таким образом, чтобы стороны имели равные возможности.

Специфика совершения сделок посредством цифровых платформ состоит в том, что:

- сделки могут быть совершены только в электронной форме;
- взаимодействие сторон сделки и выражение их волеизъявления на совершение сделки осуществляется в информационно-телекоммуникационной сети;
- доступ к информации, связанной с совершением сделки в электронной форме, возможен с использованием различных способов отражения информации в цифровой форме;
- возникновение цифровых следов фактов, свидетельствующих о совершении сделки [22, с. 153-155].

Также существует специфика сделок посредством цифровой платформы, сочетающих публично-правовое и частно-правовое начала, находящиеся во взаимосвязи. Например, нами исследована специфика сделок посредством цифровой платформы в банковской сфере, в том числе кредитных сделок под углом зрения сочетания публично-правовых и частно-правовых начал [23, с. 182-184].

Применительно к сделкам посредством цифровой платформы под равенством понимается юридическое равенство сторон сделки, предполагающее равный доступ сторон в цифровые системы сторон сделки посредством информационно-телекоммуникационной сети, доступ к информации, связанной с совершением сделок в электронной форме, восприятию волеизъявления другой стороны сделки и цифровых следов фактов, свидетельствующих о совершении сделки, в том числе восприятию цифровой подписи сторон сделки, голосовых сообщений и (или) изображений человека посредством веб-камеры [23, с. 184].

Принцип свободы договора подробно исследован многими авторами в условиях рыночной экономики [5, с. 77-87; 10, с. 37-42; 11, с. 9; 14; 25, с. 10-13]. Свобода договора прояв-

ляется в предоставлении сторонам договора широкого усмотрения при определении его условий [10].

В основе свободы договора лежат разные экономические интересы сторон сделки посредством цифровой платформы.

Самое главное для любой компании, в том числе компании с государственным участием в условиях цифровой экономики – это достижение баланса интересов сторон при совершении сделок и взаимовыгодного соглашения на определенных сторонами условиях. Важно урегулировать разногласия сторон по вопросам факта и права в цифровой форме при определении условий сделки. Процесс взаимодействия сторон сделки посредством цифровой платформы характеризуется тем, стороны имеют равные возможности при определении условий сделки посредством цифровой платформы по представлению своих позиций по вопросам факта и права и обосновывающих их документов и иных материалов (например, цифровых аудио- и видео-записей). Примеры из банковской и судебной практики о заключенности сделок показывают значимость взаимодействия сторон сделки в целях поиска баланса интересов сторон.

Под балансом интересов сторон сделки посредством цифровой платформы предлагается понимать взаимоотношения сторон сделки посредством цифровой платформы в информационно-телекоммуникационной сети, обеспечивающие сторонам сделки возможность использовать ряд взаимосвязанных гражданско-правовых процедур, включая выражение волеизъявления сторон в цифровой форме, обмен позициями сторон по вопросам факта и права, обмен электронными документами и иными материалами по сделке, что в итоге позволяет сторонам сделки сформировать и выразить в цифровой форме согласованную волю сторон сделки по ее условиям и достичь взаимовыгодного соглашения [24, с. 266].

Специфика сделок посредством цифровой платформы, поиск баланса интересов сторон сделки посредством цифровой платформы в свете принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений обуславливают необходимость закрепления в главе 9 «Сделки» ГК РФ гражданско-правовой процедуры совершения сделок посредством цифровой платформы.

Нами предлагается дополнить положения главы 9 «Сделки» ГК РФ нормами, регламентирующими процедуру сделок посредством цифровой платформы, отражающую виртуальный совещательный формат и сопряженные организационные, технические особенности, с которыми стороны сделок посредством цифровой платформы могут столкнуться при выражении волеизъявления сторон в цифровой форме, при подготовке консолидированной позиции по условиям сделки в целях поиска баланса интересов сторон и совершения сделки, установить сроки совершения данных действий сторонами.

В главе 9 «Сделки» ГК РФ необходимо закрепить механизм идентификации человека при совершении сделок в электронной форме, а также условия достоверности цифровых следов идентификации человека.

Цифровую подпись возможно рассматривать как цифровой след человека. Напомним, что в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» под электронной подписью понимается информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию.

В законодательстве Российской Федерации названы цифровые следы человека: данные изображения лица че-

ловека и данные голоса человека, полученные с помощью цифровых устройств. Человек вправе подтвердить свое волеизъявление на совершение сделки посредством цифровой платформы, сделав голосовое сообщение или посмотрев в веб-камеру электронных либо иных технических средств с доступом в информационно-телекоммуникационную сеть.

В силу пункта 1 статьи 160 ГК РФ требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Например, из договорной и судебно-арбитражной практики следует, что получило распространение заключение кредитных сделок между банком и гражданами с использованием кода в смс-сообщении, который является простой электронной подписью гражданина, подтверждающей его волеизъявление как стороны сделки и направленной гражданином в банк с мобильного устройства, а также с использованием идентификации и аутентификации юридических лиц в цифровой форме. В судах спорными фактами по делу являлись факты, свидетельствующие о выполнении сторонами сделки процедуры идентификации и аутентификации при совершении сделки (см., например, определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 ноября 2020 г. по делу № 88-24241/2020(8г-25548/2020), определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 декабря 2020 г. по делу № 88-28514/2020, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 сентября 2020 г. № 33-13315/2020 по делу № 2-2108/2019).

В гражданском и банковском законодательстве Российской Федерации не закреплены условия достоверности цифровых следов фактов, свидетельствующих об идентификации человека в цифровой системе. Данные факты могут многократно отражаться в объективной действительности и предназначены, прежде всего, для распознавания различными электронными или иными техническими устройствами с доступом в информационно-телекоммуникационную сеть, а не человеком. А.Н. Савенков полагает, что человек утратил связь с реальностью, природа и общество изучаются им бесконтактно. Информация добывается из социальных сетей и разнообразных средств коммуникации и зачастую используется без должной аналитической работы и оценки. Современное общество не видит необходимости в доказательствах подлинности информации, в проверке фактов [17, с. 11].

Достоверность того, что цифровые следы соответствуют их содержанию и фактам, имевшим место в действительности, обеспечивается составлением договора в электронной форме и присоединением к нему информации в электронной форме, которая свидетельствует о его подписании сторонами и используется для определения лиц, подписавших договор, то есть лиц, непосредственно воспринимавших факты объективной действительности.

Следует сказать, что поиск решения обозначенной проблемы лежит на стыке гражданского, предпринимательского, информационного и арбитражного процессуального права. Возможно отражение фактов в сознании человека, например, в виде мыслей человека. Объективная истина отражает факты как объекты познания такими, какими они существуют в объективной действительности, независимо от сознания человека. С точки зрения процесса доказывания по экономическим спорам в арбитражном суде интерес представляет отражение фактов, связанное с результатом внешних воздействий, в виде следов этих фактов и познание фактов судом в процессе доказывания.

Достоверное определение внешнего выражения волеизъявления сторон сделки в цифровой форме и, прежде всего, выражения волеизъявления сторон на совершение сделки и закрепление в главе 9 «Сделки» ГК РФ механизма подтверждения волеизъявления сторон сделки в цифровой форме позволит установить была ли воля сторон на заключение договора на его условиях.

Спецификой сделок посредством цифровой платформы объясняется и необходимость виртуального совещательного формата взаимодействия сторон сделок посредством цифровой платформы при подготовке консолидированной позиции по условиям сделки.

Рассмотрим такие аспекты сделок посредством цифровой платформы как скорость передачи информации посредством информационно-телекоммуникационной сети при совершении сделок посредством цифровой платформы, специфику программного обеспечения и технических средств, воспроизводящих информацию для сторон сделки посредством цифровой платформы, например, мобильных приложений, использование облачных технологий при совершении сделок посредством цифровой платформы под углом зрения гражданско-правовой процедуры совершения данных сделок.

Еще десять лет назад И.М. Рассолов отмечал, что Интернет формирует новое информационное, предпринимательское пространство. Мировые сети дают нам многие преимущества: в возможности общаться друг с другом, покупать товар, расположенный в другой части света, причем «в одно касание»; в распространении информации - в Интернете это происходит быстрее и дешевле (скорость, дешевизна и мобильность – это главный «мотор» развития электронных обменов); в низкой стоимости каналов связи; в возможности обслуживать клиентов 24 часа в сутки, семь дней в неделю; в возможностях электронного документооборота, быстроте расчетов между клиентами электронными платежами [16].

Интернет представляет собой крупную (но не единственную) международную компьютерную сеть, которая позволяет осуществлять передачу цифровой информации в значительных объемах с большой скоростью посредством ЭВМ и различного программного обеспечения [16].

В современный период сделки посредством цифровой платформы зарождают новые общественные отношения, которым необходимо правовое регулирование. Прежде всего, гражданско-правовое регулирование, отражающее специфику сделок посредством цифровой платформы и процедуру их совершения в информационно-телекоммуникационной сети.

Поиск решения обозначенной проблемы лежит на стыке гражданского, предпринимательского и информационного права, что требует совершенствования гражданского, банковского и информационного законодательства Российской Федерации, гармонизации законодательства на международном уровне.

Основные идеи развития информационного права представлены в Концепции Информационного кодекса Российской Федерации [9].

И.Л. Бачило еще до принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информатизации и защите информации» отмечала, что авторы проекта федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» ратуют за отнесение информации только к сфере гражданского регулирования. При активном развитии информационных технологий и информационных ресурсов оригинального характера сохранять такое ограничение сферы действия закона не представляется убедительным [2].

И.Л. Бачило подробно исследовала проблему гармонизации законодательства на международном уровне [3]. Развитие идей в этом направлении представлены, например, в работах Т.А. Поляковой. Так, Т.А. Полякова, А.И. Химченко считают, что принятие на международном уровне необходимых регулирующих правовых актов позволило бы не только ликвидировать «информационные границы», но и способствовало бы безопасному для общества и системному развитию облачных технологий [15].

В нашей стране получило распространение облачных технологий, возможности которых используются при совершении сделок посредством цифровой платформы, например, в целях обмена электронными документами и иными материалами по сделке.

Необходимо пояснить, что использование цифровые системы сторон договора, объединенные в общую цифровую платформу (далее – цифровая система) и облачных технологий при совершении сделок посредством цифровой платформы соответствует мировой практике. Например, использование облачных сервисов развивается в США согласно Стратегии Правительства США в области облачных технологий [29]. Деловая газета Уолл-стрит джорнэл (The Wall Street Journal) в своей статье обратила внимание на то, что десять лет назад американские банки разрушили мировую финансовую систему. Сейчас для размещения акций, привлечения денег на долговом рынке или крупных слияний компании предпочитают привлекать именно американские банки. После финансового кризиса американские банки сумели увеличить долю на рынке и восстановить прибыльность быстрее, чем европейские. В 2018 году по данным Coalition на американские кредитные организации пришлось 62 % комиссионных платежей за инвестиционно-банковскую деятельность во всем мире, в том числе комиссионные за сопровождение сделок слияния [30].

В качестве преимущества использования облачных технологий при совершении сделок посредством цифровой платформы можно указать на существенное сокращение затрат на поддержку и модернизацию программного обеспечения.

Особенности использования сторонами сделок посредством цифровой платформы облачных технологий при совершении данных сделок в целях обмена электронными документами и иными материалами по сделке необходимо предусмотреть при закреплении процедуры в нормах главы 9 «Сделки» ГК РФ.

Рассматриваемая нами процедура совершения сделок посредством цифровой платформы, которая включает регулирование разногласий по вопросам факта и права по условиям сделки посредством цифровой платформы в целях поиска баланса интересов сторон, может предшествовать доказыванию по экономическому спору, вытекающему из этих сделок, в арбитражном суде.

В связи с этим целесообразно обеспечить интеграцию цифровых систем с использованием мобильных приложений для пользователей, включая интеграцию мобильного приложения для сделок посредством цифровой платформы и мобильного приложения для экономических споров в арбитражном суде (при необходимости).

Тем более что в нашей стране возможности облачных технологий уже используются не только при совершении сделок посредством цифровой платформы, но и при разрешении экономических споров, в частности экономических споров, вытекающих из сделок. Например, посредством официального сайта www.arbitr.ru реализована возможность автоматизации судебного делопроизводства в арбитражных судах Российской Федерации за счет создания об-

лачной вычислительной архитектуры, которая позволяет использовать технологии и специализированное облачное программное обеспечение, а также возможность использования мобильных устройств в качестве доступа к информационным ресурсам, программным комплексам и базам данных арбитражных судов Российской Федерации посредством использования облачных технологий для судей, работников арбитражных судов Российской Федерации, лиц, участвующих в деле, и иных лиц [31].

Рассмотренные выше аспекты сделок посредством цифровой платформы (скорость передачи информации посредством информационно-телекоммуникационной сети при совершении сделок посредством цифровой платформы, специфика программного обеспечения и технических средств, воспроизводящих информацию для сторон сделки, в частности мобильных приложений, использование облачных технологий при совершении сделок посредством цифровой платформы) под углом зрения гражданско-правовой процедуры сделок посредством цифровой платформы показывают, что возрастает скорость принятия решений и выражения волеизъявления онлайн сторонами сделки, у сторон мало времени для обдумывания сделки в случаях, когда требуется немедленный ответ с мобильного приложения, огромный объем информации в электронной форме, который используется сторонами с помощью облачных технологий, и одновременно краткость информации, которую можно передать с помощью мобильных устройств.

В тоже время к перспективам сделок посредством цифровой платформы можно отнести скорость их совершения, мобильность, возможность использования облачных технологий.

Т.Е. Абова полагает, что закон содержит норму, общее правило, модель, определяющие содержание правовых отношений. Чтобы норма заработала, применялась, необходимо наличие предусмотренных ею оснований, под которыми понимаются фактические обстоятельства, именуемые юридическими фактами, на основе которых возникают права и обязанности. С наличием или отсутствием оснований закон связывает наступление юридических последствий [1].

Стороны при определении условий сделки посредством цифровой платформы могут иметь различные позиции по вопросам факта и права.

Процесс взаимодействия сторон сделки посредством цифровой платформы характеризуется тем, стороны имеют равные возможности при определении условий сделки посредством цифровой платформы по представлению своих позиций по вопросам факта и права и обосновывающих их документов и иных материалов (например, цифровых аудио- и видео-записей).

Элементы состязания во взаимоотношениях сторон могут выражаться в форме устной полемики изложения аргументов сторон в защиту своих позиций по вопросам факта и права посредством цифровой платформы в информационно-телекоммуникационной сети. Изложение аргументов сторон в письменной форме может осуществляться путем обмена электронными документами и иными материалами по сделке.

Важно в результате раскрытия стороной своей позиции по вопросам факта и права достичь цели формирования сторонами консолидированной позиции по условиям сделки посредством цифровой платформы.

Это зависит от того, каким образом формируется комплект документов и иных материалов по сделке в электронной форме до ее совершения посредством цифровой платформы и какой используется подход при аргументации. Аргументы позволяют оценивать сильные и слабые стороны

в позициях друг друга. Например, аргументационный подход, сюжетный подход и, объединяющий их основные черты – комбинированный подход [26, р. 123-152; 27, р. 90, 92.].

Предлагается закрепить в ГК РФ норму о том, что «Формирование позиции по конкретным фактам и аргументам стороны сделки, представляемым в письменной форме или устно, осуществляется во взаимодействии между сторонами сделки посредством цифровой платформы». Предлагается установить срок для предоставления сторонами своей позиции по фактам и аргументам – 15 дней.

Общие правила формирования позиций сторон по фактам и аргументам стороны сделки применимы к сделке посредством цифровой платформы при осуществлении обычной хозяйственной (предпринимательской) деятельности предлагается закрепить в ГК РФ. В банковском законодательстве Российской Федерации возможно закрепить особенности процедуры совершения сделок с публичными началами при участии банков, а также компаний, наделенных специальными или исключительными правами и влияющими через реализацию этих прав на объемы и направление экспорта или импорта.

Гражданско-правовая процедура служит обеспечению равного доступа сторон к информации, связанной с совершением сделок в электронной форме, восприятию волеизъявления другой стороны сделки и цифровых следов фактов, свидетельствующих о совершении сделки, в том числе восприятию цифровой подписи сторон сделки, голосовых сообщений и (или) изображений человека посредством веб-камеры.

В главе 9 «Сделки» ГК РФ целесообразно адаптировать порядок определения существенных условий сделки посредством цифровой платформы к виртуальному формату заседания сторон, с учетом возможных технических проблем доступа сторон в информационно-коммуникационную сеть, различий в часовых поясах, ограничений времени работы сторон.

В этой связи предлагается установить процедуру онлайн регистрации сторон сделки посредством цифровой платформы до открытия диалога между ними, а также установить срок для предварительной онлайн регистрации – 1-3 дня.

Предлагается дополнить главу 9 «Сделки» ГК РФ нормами, в которых предусмотреть процедуру подтверждения присутствия стороны в целях подтверждения сторонами устойчивого подключения к виртуальному взаимодействию при совершении сделки, включая подтверждения присутствия стороны перед каждой процедурой по выработке консолидированной позиции сторон по вопросам факта и права.

Учитывая сжатые сроки, устанавливаемые для предоставления сторонами своей позиции по фактам и аргументам, предлагается закрепить в главе 9 «Сделки» ГК РФ норму о том, что позиции сторон по вопросам факта и права и вопросы, поступающие от сторон, принимаются в информационной системе при совершении сделок посредством цифровой платформы в срок, не превышающий одного рабочего дня с момента их получения.

Принимая во внимание ограничения, налагаемые виртуальным форматом сделок посредством цифровой платформы на полноту и объективность определения сторонами условий сделки, предлагается в рамках гражданско-правовой процедуры предусмотреть порядок переноса рассмотрения подаваемых сторонами поправок к договору и позиций сторон по вопросам факта и права на период проведения следующей онлайн встречи сторон.

Важно обеспечить своевременный доступ к предоставляемым сторонами документам в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе с помощью облачных тех-

нологий для их всестороннего анализа и выработки позиции сторон по вопросам факта и права.

Подводя итог, можно констатировать, что в силу специфики «цифровых» отношений необходимо правовое регулирование процедуры совершения сделок посредством цифровой платформы в главе 9 «Сделки» ГК РФ, значение которого состоит в том, чтобы обеспечить действие принципа свободы договора и равенства сторон сделки посредством цифровой платформы, достижение баланса интересов сторон сделки. Достижение цели совершенствования главы 9 «Сделки» ГК РФ позволит правильно разрешать многие конкретные вопросы сделок посредством цифровой платформы в договорной и арбитражной практике.

Пристатейный библиографический список

1. Абова Т.Е. Комментарий к статье 8 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой // Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина; Институт государства и права РАН. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2006.
2. Бачило И.Л. Каким быть Федеральному закону «Об информации, информатизации и защите информации»? // Информационное право. 2006. № 1. С. 16-19.
3. Бачило И.Л. Проблемы гармонизации в законодательстве // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 84-92.
4. Вилкова Н.Г. Международные коммерческие контракты: теория и практика унификации правового регулирования. Автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М., 2001. 46 с.
5. Вилкова Н.Г. Гражданский кодекс Российской Федерации и практика Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ // Хозяйство и право. 2003. № 3. С. 77-87.
6. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М., 2004 512 с. // Консультант плюс.
7. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства. Автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ин-т государства и права РАН. М., 2004. 56 с.
8. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. 880 с.
9. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / Под ред. И.Л. Бачило М., 2014. 192 с.
10. Клейн Н.И. Принцип свободы договора и основания его ограничения в предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 37-42.
11. Климова А.Н. Принципы гражданского права. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Всерос. гос. налог. акад. М., 2005. 24 с.
12. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право. Избранные труды. Екатеринбург, 2008.
13. Лаптев В.В. Предпринимательское (хозяйственное) право и реальный сектор экономики. М., 2010. // СПС Консультант плюс.
14. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М., 2010. // Консультант плюс.
15. Полякова Т.А., Химченко А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы использования облачных технологий: российский и международный опыт // Юридический мир. 2013. № 11. // Консультант плюс.
16. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М., 2009. 384 с. // СПС Консультант плюс.
17. Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2019. № 4. С. 5-19.
18. Садиков О.Н. Общие и специальные нормы в гражданском законодательстве // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 38-45.
19. Садиков О.Н. Концепция развития гражданского законодательства // Концепции развития гражданского законодательства / Под. ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004.
20. Садиков О.Н. Вопросы гражданского права и международного частного права: Избранные труды. М., 2015. 768 с.
21. Смолина О.С. Концепция сделок посредством цифровой платформы в свете совершенствования Гражданского кодекса Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 8. С. 120-126.
22. Смолина О.С. Тарасова И.Н. Цифровой банкинг: новый подход к совершению кредитных сделок в России // Евразийский юридический журнал. 2019. № 3. С. 153-155.
23. Смолина О.С. Проблемы сделок посредством цифровой платформы и идеи совершенствования гражданского и банковского законодательства Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 182-185.
24. Смолина О.С. Баланс интересов сторон при совершении сделок посредством цифровой платформы в свете действия принципов свободы договора и равенства участников гражданских отношений // Евразийский юридический журнал. 2021. № 7. С. 262-266.
25. Стригунова Д.П. Принцип свободы договора: российский и зарубежный опыт // Гражданское право. 2018. № 3. С. 10-13.
26. Bex F.J., van Koppen P. J., Prakken H., Verheij B. A hybrid formal theory of arguments, stories and criminal evidence // Artif Intell Law. 2010. July. P. 123-152.
27. Bex F., Walton D. Taking the dialectical stance in reasoning with evidence and proof // The International Journal of Evidence & Proof. 2019, Vol. 23 (1-2). P. 90-99.
28. Ramberg Jan. International Commercial Transactions. Fourth Edition. ICC Publication No. 711E / Ян Рамберг; Пер. с англ. под ред. Н.Г. Вилковой. М., 2011. // Консультант плюс.
29. Federal Cloud Computing Strategy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dhs.gov/sites/default/files/publications/digital-strategy/federal-cloud-computing-strategy.pdf>. Цит. по: Полякова Т.А., Химченко А.И. Актуальные организационно-правовые вопросы использования облачных технологий: российский и международный опыт // Юридический мир. 2013. № 11. // Консультант плюс.
30. Ежедневная деловая газета Уолл-стрит джорнэл (The Wall Street Journal). Цит по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d6fc62d9a79478b9a248df0?from=newsfeed> (дата посещения 5 сентября 2019 г.).
31. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arbitr.ru>.

СУХАРЕВА Елена Викторовна

кандидат педагогических наук, начальник кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ЛЫСЦЕВ Борис Сергеевич

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

УШЕНИН Андрей Андреевич

преподаватель кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России

ДОГОВОР ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: К ВОПРОСУ НЕОБХОДИМОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ САДОВОДЧЕСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ В ВИДЕ ОКАЗАНИЯ РАЗОВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ И АБОНЕНТСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

В статье авторы анализируют положения договора оказания юридических услуг применительно к садоводческим некоммерческим товариществам. Подробно исследуется исполнитель правоотношения. Проводится сравнительный анализ практики оказания разовых юридических услуг с абонентским обслуживанием товарищества на долгосрочной основе. Авторами, на основе проведенного исследования, обоснованно сделан вывод о статусе услугодателя, оказывающего юридические услуги, в том числе садоводческому некоммерческому товариществу, а также сделан акцент на преимуществах абонентского юридического обслуживания перед разовыми юридическими услугами.

Ключевые слова: договор оказания юридических услуг, садоводческое некоммерческое товарищество, абонентское обслуживание, разовая услуга, юридическое сопровождение.

SUKHAREVA Elena Viktorovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Head of Police organization sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

LYSTSEV Boris Sergeevich

senior lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

USHENIN Andrey Andreevich

lecturer of Police organization sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

CONTRACT FOR THE PROVISION OF LEGAL SERVICES: ON THE ISSUE OF THE NEED FOR LEGAL SUPPORT OF HORTICULTURAL NON-PROFIT PARTNERSHIPS IN THE FORM OF ONE-TIME LEGAL SERVICES AND SUBSCRIPTION LEGAL SERVICES

In the article, the authors analyze the provisions of the contract for the provision of legal services in relation to horticultural non-profit partnerships. The executor of the legal relationship is investigated in detail. A comparative analysis of the practice of providing one-time legal services with the partnership's subscription service on a long-term basis is carried out. The authors, based on the conducted research, reasonably concluded about the status of a service provider providing legal services, including a horticultural non-profit partnership, and also emphasized the advantages of subscription legal services over one-time legal services.

Keywords: contract for the provision of legal services, horticultural non-profit partnership, subscription service, one-time service, legal support.

Правовая природа договора возмездного оказания услуг предопределяется экономико-правовой сущностью самой категории «услуга». Содержание такой категории, как «услуга», традиционно является предметом широких дискуссий среди представителей цивилистической науки и больше всего споров вызывает соотношение данной категории с таким понятием, как «работа». Резюмируя сказанное, сформулируем определение услуги: это деятельность, осуществляемая одним субъектом (исполнителем) в интересах и для пользы другого лица (заказчика), которая ориентирована на достижение оговоренного данными субъектами полезного эффекта, который, в большинстве случаев, выражается в нематериальной форме.

Договор оказания юридических услуг является довольно важным в сфере реализации отношений правового представительства. Юридические услуги являются сравнительно новым и несомненно достаточно востребованным видом услуг, которые, с ростом правовой культуры населения, все шире распространяются в российском обществе на современном этапе. Иметь возможность получения квалифицированной юридической помощи любым человеком или обществом (юридическим лицом), которые в этом нуждаются, является для каждого развитого социума благом. Безусловно заслуживает внимания тот факт, что содержание института оказания юридических услуг меняется с течением времени в связи с непрекращающейся эволюцией общественных отношений.

В соответствии со ст. 432 ГК РФ одним из существенных условий, без которых договор не может считаться заключенным, является его предмет. Необходимо отметить, что действующее

гражданское законодательство не определяет содержание такой категории как «предмет договора».

Отсутствие четкого определения предмета договора с одной стороны и его законодательное закрепление в качестве существенного условия – с другой, предопределяют множество разногласий, возникающих в правоприменительной практике. Юристы-практики указывают на ситуации, когда различные подходы к пониманию предмета договора могут стать причиной признания его незаключенным [1, с. 62].

Размышляя о понятии «юридическая услуга», необходимо отметить, что она оказывается на основании общих гражданско-правовых норм, регулирующих возмездное оказание услуг. Юридические услуги – одна из разновидностей многочисленных услуг, которые оказываются различным субъектам гражданского права. Тем не менее, юридические услуги, безусловно, характеризуются наличием специфических признаков, отличающих их от иных видов услуг.

Следует отметить, что в правоприменительной практике отмечается смешение таких понятий, как правовая услуга, юридическая услуга, услуга юридического характера, консультативная услуга по вопросам правового характера и т.д. Отдельные специалисты предлагают разграничить такие категории, как «правовые услуги» и «юридические услуги». В частности, Л.Б. Ситдикова, указывая на необходимость разграничения правовых и юридических услуг, предлагает понимать под правовой услугой разновидность консультационной услуги, на основании которой передается правовая информация. По ее мнению, оказание правовых услуг, в отличие от юридических услуг, не

предполагает элемента посредничества в отношениях между заказчиком и исполнителем.

По нашему мнению, такие категории, как «правовая услуга» и «юридическая услуга» следует воспринимать в качестве идентичных понятий. Услуги такого рода представляют собой предмет договора возмездного оказания услуг. Правовые услуги предполагают применение знаний и навыков в области юриспруденции (права), профессиональное и доктринальное толкование правовых норм, юридическую квалификацию тех или иных обстоятельств.

Для оказания правовых услуг исполнитель должен обладать соответствующей профессиональной квалификацией, необходимым объемом знаний. Для осуществления отдельных видов юридических услуг (таких, как представительство интересов в суде) должен иметь высшее юридическое образование, а в случае защиты прав и интересов подсудимого – статусом адвоката.

Наиболее точным представляется понятие юридической услуги, сформулированное В.П. Третьяковой. По мнению автора, юридическая услуга – деятельность (совокупность действий) исполнителя, имеющего юридическое образование, по заданию и в пользу услугополучателя, с целью удовлетворения его индивидуальных потребностей, связанных с юриспруденцией и правом, в процессе ее осуществления, направленная на получение, как правило, нематериального результата [2, с. 6].

Характеризуя исполнителя договора возмездного оказания юридических услуг, стоит отметить, что в последние два десятилетия структура таких услугодателей значительно изменилась. Если до начала 2000-х годов исполнителем юридических услуг в подавляющем большинстве случаев выступали лица, обладающие статусом адвоката, то на сегодняшний день все большее значение на рынке юридических услуг приобретают независимые юристы, практикующие индивидуально.

При осуществлении своей деятельности при наличии двух и более частнопрактикующих юристов данные лица заключают договор простого товарищества, который позволяет им таким образом реализовать свою работу совместную работу без образования юридического лица. Для индивидуализации простого товарищества юристы могут использовать какое-либо наименование или обозначение, которое может быть зарегистрировано как знак обслуживания на имя одного или нескольких либо всех участников договора простого товарищества.

В тех случаях, когда согласно договору простого товарищества, договоры с клиентами заключаются отдельно с каждым участником-юристом от своего имени, простое товарищество может быть негласным, то есть его существование не раскрывается для клиентов и всех третьих лиц. Тем не менее, и в таких случаях, как это установлено в п. 3 ст. 1054 ГК РФ, «в отношениях между товарищами обязательства, возникшие в процессе их совместной деятельности, считаются общими». При такой правовой форме сотрудничества источником доходов данных субъектов, оказывающих правовые услуги по договору на оказание юридических услуг, являются гонорары, выплачиваемые ему его клиентами.

Кроме того, серьезную конкуренцию коллегиям адвокатов оказывают юридические фирмы, которые нанимают лиц с юридическим образованием, не обладающих статусом адвокатов. У таких субъектов имеются конкурентные преимущества перед адвокатами и их коллегиями, так как последние в соответствии с законодательством об адвокатуре не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность и должны работать только в рамках адвокатских образований, являющихся некоммерческими организациями.

Единственная область рынка юридических услуг, где адвокаты имеют монополия – уголовно-процессуальная область. В этом сегменте адвокатура имеет исключительные полномочия: только люди со статусом адвоката могут представлять интересы подозреваемых, обвиняемых и подсудимых в уголовных делах.

Для работы по гражданским и арбитражным делам статус адвоката не требуется, и даже наличие высшего юридического образования не является обязательным. Именно в этих сферах конкурируют адвокатские образования и юридический бизнес – коммерческие организации, занимающиеся предоставлением юридических услуг. По сути, практики работы адвокатов и юристов без адвокатского статуса не различаются.

Таким образом в настоящее время юридические услуги оказывают разного рода субъекты: коммерческие и некоммерческие организации; лица, ведущие частную практику и работающие в коллективе; люди с высшим юридическим образованием или без такового; имеющие опыт и студенты вузов и т.д. Адвокатские образования и юридические фирмы (также име-

аемые юридическим бизнесом) являются основными игроками на рынке. Обыватели часто не знают, чем отличаются адвокатские образования от юридических фирм и в чем различие участвующих в двух указанных стратах юристов. Более того, за короткий срок адвокат может приостановить или прекратить свой статус, а юрист, наоборот, стать членом адвокатской корпорации.

Следует также отметить, что на рынке юридических услуг встречаются услугодатели, которые вообще не имеют юридического образования. Очевидно, что качество услуг, оказываемых такими субъектами, не может быть высоким. Тем не менее, как мы отметили выше, лишь для отдельных видов юридических услуг, связанных с представительством в суде, наличие высшего юридического образования обязательно с точки зрения законодательства.

Применительно к садоводческим некоммерческим товариществам, осуществляющим свою деятельность в соответствии с Федеральным законом «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 217-ФЗ, юридические услуги являются несомненно востребованным продуктом, так как товариществу необходимо правильно с правовой точки зрения разрешать вопросы в таких правоотношениях как документооборот товарищества, проведение общих собраний с соблюдением порядка принятия решений, управление товариществом, вопросы собственности в товариществе, повседневная хозяйственная деятельность и многое другое. При этом юридические услуги могут понадобиться товариществу как для защиты граждански прав, так и в области уголовного права. Руководителем садового товарищества является председатель правления, который избирается в порядке, установленном федеральным законодательством, и, как правило, не имеет соответствующей квалификации для правильного и своевременного разрешения ситуации правового характера. Проблемы в садоводствах практически везде одинаковые – наличие приходно-расходной сметы, в которой отсутствует статья расходов на юридические услуги. Как итог – полное отсутствие правового сопровождения и обращение за юридическими услугами в «последний момент». Проведенный авторами анализ показал, что представители садоводческих товариществ обращаются чаще за разовыми юридическими услугами при необходимости представления интересов на стороне ответчиков или истцов. Однако стоит отметить, что в последнее время стала нарастать обороты тенденции применения председателями правления такой услуги как абонентское юридическое обслуживание. Смысл этой истории заключается в фиксированном вознаграждении исполнителя ежемесячно за определенный максимальный объем услуг, который он готов оказать. При этом не важно воспользуется услугополучатель этим объемом или нет. Выгода товарищества заключается в том, что оно фактически получает специалиста без включения его в штатное расписание, а следовательно снижение финансовых затрат даже по сравнению с обращением за разовыми услугами.

Подводя итог, еще раз отметим, что субъектами договора возмездного оказания юридических услуг выступают с одной стороны услугополучатели (заказчики), с другой – услугодатели (исполнители). В роли первых могут выступать любые дееспособные физические и правоспособные юридические лица, нуждающиеся в юридических услугах. В свою очередь, в качестве исполнителей по договору оказания юридических услуг, могут выступать: адвокаты; частнопрактикующие юристы, не обладающие специальным статусом адвоката; простые товарищества частнопрактикующих юристов; юридические коммерческие и некоммерческие организации. К какому исполнителю обратиться садоводческому некоммерческому товариществу, остается на его усмотрение, однако, несомненно абонентское юридическое обслуживание в настоящее время видится более привлекательным со всех точек зрения.

Пристатейный библиографический список

1. Обыденнов А.Н. Предмет и объект как существенные условия гражданско-правового договора // Журнал российского права. – М., 2003. – № 8. – С. 62.
2. Третьякова В.П. Обязательства возмездного оказания юридических услуг. Автореферат канд. ... юрид. наук. – Томск, 2009. – С. 4.

ТИМОФЕЕВА Татьяна Федоровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова

ТИМОФЕЕВ Виктор Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент Чебоксарского института (филиала) Московского гуманитарно-экономического университета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОРГОВОГО АГРЕГАТОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализ понятий, принципов деятельности и определение ключевых характеристик торгового агрегатора, его участников представляет собой относительно новое направление в правовой науке. Актуальность темы обусловлена научным и практическим интересом к проблеме повышения эффективности и результативности правового регулирования, качества нормативных правовых актов в торговых правоотношениях. Отсутствие федеральной правовой основы, единообразных подходов к терминологии в этой области существенным образом тормозят развитие правового регулирования, порождают трудности в сфере практической деятельности по защите прав и интересов потребителей. Авторы приходят к выводам о необходимости более концептуальных нормативных трансформаций. Результаты работы могут быть использованы как при изучении вопросов, касающихся понятия, сущности и особенностей торгового агрегатора в Российской Федерации, так и при выработке предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования в данной сфере. Необходимо понимание торгового агрегатора во избежание нарушения прав и интересов потребителей, поставщиков и других участников в современных цифровых условиях.

Ключевые слова: цифровые технологические платформы, агрегатор, торговый агрегатор, маркетплейс, принципы, ответственность, потребитель, поставщик.

TIMOFEEVA Tatyana Fedorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the I. N. Ulyanov Chuvash State University

TIMOFEEV Viktor Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Cheboksary Institute (branch) of the Moscow University of Humanities and Economics

GENERAL CHARACTERISTICS OF A TRADE AGGREGATOR IN THE RUSSIAN FEDERATION

The analysis of concepts, principles of activity and key characteristics of a trade aggregator is a relatively new direction in legal science. The relevance of the topic is due to scientific and practical interest in the problem of improving the efficiency and effectiveness of legal regulation, the quality of regulatory legal acts. The lack of a federal legal framework and uniform approaches to terminology in this area significantly hamper the development of legal regulation and create difficulties in the field of practical activities to protect the rights and interests of consumers. The authors come to the conclusion about the need for more conceptual normative transformations. The results of the work can be used both in studying issues related to the concept, nature and characteristics of a trade aggregator in the Russian Federation, and in developing proposals for improving legal regulation in this area. An understanding of the trade aggregator is necessary to avoid violating the rights and interests of consumers, suppliers and other participants in today's digital environment.

Keywords: digital technology platforms, aggregator, trade aggregator, marketplace, principles, responsibility, consumer, supplier.

В настоящее время развитие рынка цифровых услуг привело к большому разнообразию цифровых технологических платформ. Среди них торговые, по поддержке малого и среднего бизнеса, информационные, рекламные, платежно-расчетные, для совместной предпринимательской деятельности и многие другие. Представить жизнь современного человека без них уже невозможно. Платформы имеют опцию регистрации цифрового профиля участника, связывают поставщиков и потребителей различных услуг, товаров и информации.

Коммерческая (торговая) деятельность не осталась в стороне от использования цифровых технологических платформ. Заслуживает внимание такой вид цифровых технологических платформ как торговые агрегаторы. Они в настоя-

щее время формируют новые индустрии, меняют структуру традиционных рынков и способствуют созданию новых рынков, в том числе, как новая бизнес-модель ведут к созданию нового типа организаций. При этом в результате появляется целая совокупность не урегулированных законодательством общественных отношений между новыми субъектами коммерческого (торгового) оборота.

Правовое регулирование торговых агрегаторов основано на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации, Налоговом кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»,

Тимофеева Т. Ф.

Тимофеев В. В.

Федеральном законе «О защите конкуренции», Федеральном законе «О защите персональных данных», Законе Российской Федерации «О защите прав потребителей» и других правовых актах. Однако все больше проявляется необходимость введения специального правового регулирования, поскольку гражданское законодательство и иные действующие правовые акты не определяют многих понятий («цифровая технологическая платформа», «маркетплейс», «торговый агрегатор» и другие), остаются не разрешенными вопросы обеспечения безопасности и защиты прав и законных интересов участников агрегаторов, охраны собственности, достоверности и полноты сведений, размещенных на сайтах цифровых технологических платформ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в сфере торговли, из-за чего остро возникают вопросы защиты прав и законных интересов потребителей, поставщиков и иных участников соответствующих правоотношений.

Остановимся на исследовании некоторых вышеперечисленных ключевых понятий, в частности, «маркетплейс» и «торговый агрегатор». А.К. Табышова считает, что «маркетплейсы являются эффективной бизнес-моделью согласования интересов поставщиков и потребителей в условиях пандемии» [1]. Т.И. Бухтиярова, Ю.В. Лысенко, М.В. Лысенко, Д.Г. Демьянов под маркетплейсом понимают «верных помощников в решении целого комплекса задач как для самих продавцов, так и для покупателей: они дают информацию о продукции и услугах» [2]. А.К. Кантороева представляет маркетплейсы как «популярный тренд, который набирает обороты» [3].

Выступая в качестве онлайн-витрины, отмечают А.О. Жукова и Е.В. Бурденко, «маркетплейс не владеет, а дает возможность партнерам продавать товар через налаженные логистические цепи, которые включают широкую сеть собственных и партнерских курьеров, пунктов выдачи и фул-филмент центров» [4]. «Маркетплейс» – это система дистанционной розничной дистрибуции финансовых продуктов (услуг) и регистрации финансовых сделок [5].

Существуют мнения, что 1) маркетплейс представляет собой онлайн-платформу, выступающую в качестве посредника между покупателем и продавцом для заключения договора купли-продажи товаров; 2) «marketplace (маркетплейс) – это онлайн-площадка, которая собирает и систематизирует информацию о товарах и услугах разных компаний, зарегистрированных в системе и предоставляющая такую информацию по запросу покупателя в структурированном виде, пригодном для сравнения, выбора и осуществления покупки выбранного товара или услуги» [6].

В юридической литературе «торговым агрегатором» называют новейшую бизнес-модель цифровой экономики, относя их к организаторам торговли, особым субъектам – организаторам гражданского оборота или же к исполнителям услуг по информационному обеспечению. По мнению Н. В. Кузнецовой «преимущественно сложилось представление о торговом агрегаторе как о субъекте правоотношений» [7].

М.А. Рожкова справедливо отмечает, что «торговый агрегатор используется для обозначения электронной торговой площадки, на которой продавцы выставляют информацию о продаваемом товаре; покупатели, выбрав подходящий товар, заключают с продавцами договор купли-продажи (в электронной форме); осуществляется предварительная оплата товара и т.д.» [8].

По нашему мнению, простейшим толкованием термина торговый агрегатор является «цифровая площадка, обеспечивающая куплю-продажу, а также взаимодействие между продавцами, владельцем агрегатора и покупателями с целью анализа имеющихся предложений в одном информационном окне».

Как видим, на сегодняшний день «сущность» маркетплейса и торгового агрегатора до конца не осмыслена и юридически не сформулирована, – пока не позволяют этого сде-

лать ни нормативные, ни концептуальные и стратегические документы, ни результаты соответствующих научных исследований [9]. В связи с многообразием взглядов на понятие «маркетплейс» и «торговый агрегатор» введение в законодательство легального определения, облегло бы рассмотрение их характеристик и особенностей.

Принципы, которыми руководствуются торговые агрегаторы в своей деятельности, включают основополагающие начала, заключающие ряд фундаментальных положений права, которые не только определяют и выражают сущность торгового агрегатора, но и одновременно заключают в себе важное объективное отражение основных закономерностей развития, потребностей его субъектов (участников).

В наиболее общей форме особенности торгового агрегатора можно изучить в ходе анализа принципов коммерческого (торгового) права. Обобщение законодательства, научной юридической литературы позволяет прийти к выводу о том, что торговые агрегаторы руководствуются принципами свободной экономической деятельности, единого экономического пространства, многообразия форм собственности и равенства их защиты, поддержки добросовестной конкуренции и недопустимости коммерческой деятельности, направленной на монополизацию рынка и недобросовестную конкуренцию, а также принципами свободы торгового договора, приоритета прав и запросов потребителей и законности.

Однако на практике в локальных актах одного из типичных агрегаторов Российской Федерации мы встретили следующие принципы, которые были разработаны и приняты в качестве основы для построения деятельности:

1) максимальной эффективности – маркетплейс ценит ресурсы своих поставщиков и покупателей;

2) честной конкуренции – создается максимально прозрачная и честная система ранжирования товаров и магазинов, все конкурируют на равных. Любые виды недобросовестной конкуренции пресекаются;

3) непрерывного развития – каждому партнеру открыт доступ к внутренней базе знаний. Для тех, кто хочет масштабироваться, увеличивать прибыль, эффективно управлять интернет-магазином и развивать бренд, организовано интенсивное обучение с практическими занятиями и выступлениями экспертов в сфере интернет-коммерции. Постоянно запускаются обновления: улучшается «Личный кабинет», дорабатывается само приложение, оптимизируются процессы логистики, внедряются новые разработки;

4) дружелюбия и клиентоориентированности – создание условий, построенных на доверии, без враждебности. Компания оставляет за собой право отказать в сотрудничестве партнерам, которые не соблюдают этот принцип [10].

Объективно данные принципы не отражают в полном объеме не только современное содержание гражданского законодательства, но и иного смежного законодательства. Предполагается, что принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, в том числе, свободы имущественного оборота, принцип исполнения договорных обязательств, да и принцип добросовестности, было бы резонно включить как ведущие положения в деятельность этого торгового агрегатора, да и остальных агрегаторов, работающих в настоящее время, отразив их в соответствующих внутренних документах. Например, принцип добросовестности обязывает субъекта гражданских правоотношений действовать не только исходя из предоставленного законом прав и обязанностей, но и с добрыми намерениями, например, не навредить реализацией своих прав другому физическому лицу, индивидуальному предпринимателю, юридическому лицу, не ставить их в заведомо невыгодное положение. Ненадлежащее использование гражданских прав приносит вред не только вышеперечисленным субъектам, но и всему обществу в целом.

Необходимо также выработать и согласовать со всеми заинтересованными сторонами основы интероперабельности и руководящие принципы, в которых совместимость и управление информацией должны лечь в основу процесса разработки и проектирования агрегатора в целях обеспечения его непрерывного развития.

В качестве основных участников, взаимодействующих в рамках торгового агрегатора, выделим владельца агрегатора, технических директорров, инвесторов, менеджеров, продавцов, комплементоров (партнеров), подрядчиков, логистов, провайдеров, потребителей, органы контроля и надзора и многие другие единицы.

Рассмотрим некоторых участников более подробно. Так, владельцы (собственники) агрегатора регулируют концептуальные вопросы, создают веб-сайт для размещения универсальной специализированной электронной платформы для ведения бизнеса – реализации товаров и продукции. Они же владеют, оперируют и управляют такой платформой, проводят его поисковую оптимизацию, следят за своей репутацией, также контролируют сделки, права интеллектуальной собственности (компьютерные программы, базы), являются налогоплательщиками и правообладателями цифровой технологической платформы.

Инвестор – это физическое лицо, индивидуальный предприниматель, организация или специализированный фонд, решившие вложить финансовые средства в развитие торгового агрегатора. Для инвестора целью участия является получение материальной выгоды, прирост имущества, иными словами – «доходность».

Подрядчиками выступают физические и юридические лица, которые выполняют определенные работы по договору подряда. Их основная задача – выполнить работу в полном объеме и впоследствии получить за это вознаграждение.

Продавцы (селлеры) на этой торговой площадке – отдельный интернет-магазин со своим наименованием, торговой маркой. Они предоставляют качественный контент для пользователей: подробную характеристику или описание товаров, фото и видео, следят за качеством выставляемых товаров, отвечают на отзывы покупателей, общаются с ними с помощью чата. Вместе с тем они являются налогоплательщиками, использующими специальные налоговые режимы.

Под комплементорами (партнерами) понимаются поставщики комплементарных элементов, готовых продуктов, товаров и сервисов к цифровой технологической платформе. Провайдеры обеспечивают организацию, контроль и повышение качества и количества взаимодействия покупателей, поставщиков, потребителей и других заинтересованных групп пользователей.

Стоит отметить, что на всех участников возложена обязанность предоставления полной, достоверной информации о себе, имеющихся сертификатах, декларациях соответствия, отказных письмах, об исключительных правах, доходах и расходах в целях налогообложения и других сведений. Это могут быть как потребители, так и органы государственного контроля и надзора (ч. 2.1 ст. 9, ст. 41 Закона о защите прав потребителей). В случае невыполнения соответствующих обязанностей, наступает ответственность за убытки, причиненные этим (ч. 2.1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей). На сегодня сложилась такая практика, что, если недостоверную информацию предоставил продавец, то торговый агрегатор, по общему правилу, освобождается от ответственности. В ч. 2.2 ст. 12 Закона о защите прав потребителей указано, что торговый агрегатор обязан вернуть потребителю предварительную сумму оплаты товара, если потребитель предъявил такое требование с соблюдением в совокупности условий о невыполнении передачи товара в срок и потребитель направил продавцу уведомление об отказе от исполнения договора в связи с данным нарушением.

Подводя итог всему вышесказанному, можно определить, что изучение особенностей стремительно развиваю-

щихся в России торговых агрегаторов даст новый импульс для совершенствования законодательства в сфере коммерческой (торговой) деятельности. Требуется обоснование принципов цифровых технологических платформ в общем и торговых агрегаторов, маркетплейсов в частности под единые базовые принципы гражданского законодательства и электронной торговли. Оправданное желание участников торгового оборота получить исчерпывающие правовые гарантии в деятельности торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы, свидетельствует о том, что они до сих пор находятся на зачаточной стадии правовой регламентации. При этом ключевыми характеристиками торгового агрегатора выступают: 1) функционирование информационно-технологической инфраструктуры и наличие единой информационной среды для взаимодействия участников; 2) возможность зарегистрироваться новым субъектам отношений; 3) принцип win-win – взаимовыгодность отношений участников; 4) снижение издержек участников торгового агрегатора; 5) действия участников имеют тенденцию к совместной поддержке, что создает возможности в будущем, которые не осуществимы за пределами торгового агрегатора; 6) законность, открытость и прозрачность деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Табышова А.К. Маркетплейс (онлайн платформа электронной коммерции) как эффективная бизнес-модель торговли в условиях пандемии // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2020. – № 5. – С. 113-117.
2. Бухтиярова Т.И., Лысенко Ю.В., Лысенко М.В., Демьянов Д.Г. Площадка маркетплейс как инновационная бизнес-технология // Педагогическая наука и практика. – 2021. – № 2 (32). – С. 102-105.
3. Кантороева А.К. Маркетплейс как инновационный элемент экосистемы коммерческого банка // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2020. – № 27. – С. 202-207.
4. Жукова А.О., Бурденко Е.В. Маркетплейс – главная платформа электронной коммерции в период covid-19 // Экономическое развитие в XXI веке: тенденции, вызовы и перспективы. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции «Горизонты России» 23 апреля 2021 г.: в 2 ч. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. – 2021. – С. 95-102.
5. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019 – 2021 годов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://cbr.ru/Content/Document/File/44185/onfr_2019-21\(project\).pdf](http://cbr.ru/Content/Document/File/44185/onfr_2019-21(project).pdf) (дата обращения: 16.04.2022).
6. Безуглова М.Н., Сибилева И.В. Marketplace и crm-системы в нынешних условиях в гостиничной сфере // Вектор экономики. – 2017. – № 12. – С. 57-65.
7. Кузнецова Н.В. О субъектах коммерческого (торгового) права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7 (71). – С. 105-112.
8. Рожкова М.А. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров // Хозяйство и право. – 2018. – № 9. – С. 21 - 32.
9. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13-82.
10. Инструкция по работе с маркетплейсом KазanExpress. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://business.kazanexpress.ru/manual/#_1-1-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BF%D1%8B-%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D1%8B-kazanexpress (дата обращения: 09.04.2022).

МАСЛЮК Павел Максимович

бакалавр, юрист ООО «Юридическая фирма «Контра»

СПЕЦИФИКА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СТРУКТУРЕ РПЦ*: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Религиозные организации, зарегистрированные в качестве юридических лиц, являются самостоятельными субъектами гражданских правоотношений, обладают соответствующей гражданской право- и дееспособностью. Такие организации вправе иметь в своем ведении имущество на праве собственности и осуществлять в отношении него все законные правомочия. Однако их внутренние документы содержат положения, ограничивающие и нарушающие права собственника, устанавливают возможность существования двойной собственности, что в корне не соответствует нормам закона.

В настоящей статье анализируются положения внутренних актов религиозных организаций, входящих в структуру РПЦ, которые сопоставляются с гражданским законодательством на предмет поиска противоречий и нарушений, изучается судебная практика с целью установления негативных последствий подобной коллизии. По итогам проведенного исследования предлагаются пути преодоления существующих проблем.

Ключевые слова: право собственности, расщепление, множественность собственников, религиозное имущество, канонические подразделения РПЦ, Устав РПЦ.

MASLYUK Pavel Maksimovich

bachelor, lawyer of the LLC ««Contra» Legal Firm»

SPECIFICS OF THE OWNERSHIP OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE STRUCTURE OF THE ROC: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Religious organizations registered as legal entities are independent subjects of civil legal relations, have appropriate civil legal and legal capacity. Such organizations have the right to have property under ownership and exercise all legal powers against it. However, their internal documents contain provisions restricting and violating the rights of the owner, establish the possibility of the existence of double property, which fundamentally does not comply with the norms of the law.

This article analyzes the provisions of internal acts of religious organizations that are part of the structure of the Russian Orthodox Church, which are compared with civil law for the search for contradictions and violations, and examines judicial practice in order to establish the negative consequences of such a conflict. Based on the results of the study, ways to overcome existing problems are proposed.

Keywords: ownership, splitting, multiplicity of owners, religious property, canonical units of the Russian Orthodox Church, Charter of the Russian Orthodox Church.

Маслюк П. М.

Гражданское законодательство является фундаментом в создании и деятельности юридических лиц. При этом, несомненно, не следует приуменьшать и важность отдельных федеральных законов, регулирующих вопросы государственной регистрации, законов об отдельных организационно-правовых формах таких субъектов. Немалую роль для организаций имеют и внутренние документы, конкретизирующие и раскрывающие положения нормативно-правовых актов применительно к отдельному юридическому лицу. Примечательно, что они не могут противоречить закону: такой вывод следует не только из общего правопонимания, но подтверждается законом¹ и судебной практикой².

* Русская Православная Церковь.

** Russian Orthodox Church

1 О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (посл. ред. от 11.06.2021 № 169-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 20.04.2022).

2 Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 марта 2012 г. № Ф07-1924/12 по делу № А42-896/2011 // Гарант.Ру: [сайт]. – [Электронный ресурс].

В данной связи ряд вопросов возникает к регламентации права собственности во внутренних документах Русской Православной Церкви (далее – РПЦ), которым подчиняются все религиозные организации, входящие в ее структуру. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, право собственности, будучи абсолютным субъективным правом на вещь, может принадлежать не одному лицу, а нескольким, образуя тем самым общую собственность. Важным положением при этом будет то, что в данном случае каждый из сособственников не приобретает самостоятельного права на вещь, им будет принадлежать единое право общей собственности. Наилучшим образом суть данного правового явления описал профессор Скловский К.И.: «Но для всякого права... остается неизбывным положение, что на одну вещь имеется только одно тождественное право...» [1, с. 55]. Таким образом, невозможно существование двух самостоятельных прав собственности на одну и ту

– Режим доступа: <https://base.garant.ru/41125273/> (дата обращения: 20.04.2022).

же вещь, – что является постулатом любой системы права в рамках романо-германской правовой системы.

Обратная же ситуация, именуемая «расщепление» права собственности, наблюдается при рассмотрении имущественных прав религиозных организаций, входящих в иерархию Русской Православной Церкви, что выражается в том, что имущество канонических подразделений РПЦ является в то же время имуществом и самой Церкви в лице Московской Патриархии.

П. 1 ст. 123.26 Гражданского кодекса РФ³ (далее – ГК РФ) определяет, что из себя представляет религиозная организация: под ней понимается унитарное юридическое лицо, представляющее собой добровольное объединение граждан, образованное ими в целях совместного исповедания и распространения веры (местная религиозная организация). В то же время под данную категорию подпадает и объединение местных религиозных организаций (централизованная религиозная организация) или созданный последним руководящий или координирующий орган.

П. 5 Главы 1 Устава РПЦ⁴ закрепляет положение, исходя из которого РПЦ является юридическим лицом в форме централизованной религиозной организации, а ее подразделения – регистрируются в качестве юридических лиц как религиозные организации. При этом, к последним относят Автономные и Самоуправляемые Церкви, Экзархаты, Митрополичьи округа, митрополии, епархии, викариатства, синодальные учреждения, благочиния, приходы, монастыри, братства, сестричества, духовные учебные заведения, миссии, представительства и подворья (п. 2 Главы 1 Устава РПЦ).

Будучи самостоятельными субъектами гражданского права, религиозные организации (как местные, так и централизованные) вправе иметь на своем балансе имущество, принадлежащее им на праве собственности. Данный режим распространяется в том числе и на имущество приобретенное за счет пожертвований, на имущество богослужебного назначения, на имущество, переданное организации ее учредителями, что прямо установлено п. 1 ст. 123.28 ГК РФ. Аналогичные положения находя свое отражение в ст.ст. 15 и 21 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Таким образом, из анализа вышеуказанных норм в совокупности с существенными характеристиками юридических лиц как субъектов гражданского права и права собственности как вещного права очевидно следует имущественная самостоятельность канонических подразделений РПЦ от самой Церкви как централизованной организации. Однако на деле данный вопрос обстоит иначе.

П. 5 Главы 15 Устава РПЦ, согласно которому имущество, принадлежащее каноническим подразделениям РПЦ на правах собственности, пользования или на иных законных основаниях, является имуществом РПЦ. То есть,

исходя из смысла данной нормы, на одну вещь существует несколько самостоятельных прав собственности, что абсолютно недопустимо и не согласуется с положениями гражданского законодательства. Аналогичные положения отражены и в регламентации отдельных религиозных организаций: п. 18 Главы 15 (право собственности епархий), п. 26 Главы 15 (право собственности прихода, монастыря, Духовного учебного заведения, братства или сестричества) и др. Ту же позицию РПЦ отражает и действующий Гражданский Устав РПЦ (п. 15)⁵.

Множественность собственников допускается гражданским законодательством, но только в форме общей (долевой и совместной) собственности. При этом само право не «расщепляется», оно является единым. Из вышеприведенных же положений определенно следует самостоятельность прав обоих собственников.

Таким образом, внутренние религиозные акты противоречат законодательству РФ не только в части расщепления права собственности и нарушения правила «одна вещь – одно тождественное право», но и фактически подрывают сущность права собственности.

Во-вторых, право собственности представляет собой абсолютное субъективное право, экономическую основу, на которой строится развитое государство и общество. Собственник наделен рядом правомочий: владения, пользования и распоряжения. Наличие полной совокупности таких возможностей фактически и отличает право собственности от ограниченных вещных прав.

Из п. 7 Главы 21 Устава РПЦ следует, что местные религиозные организации, подотчетные Русской Православной Церкви, имеют право «частично распоряжаться» своим имуществом, за исключением особо ценных для Церкви вещей, распоряжение которыми запрещено вовсе. Подобное правило закреплено и в п. 17 Гражданского Устава РПЦ.

В данном случае, названное внутренними религиозными актами «право собственности» по своей характеристике более подходит под категорию ограниченных вещных прав: «сжатое» право распоряжения своим имуществом, определять его правовую судьбу они могут только при условии полной подотчетности вышестоящим каноническим подразделениям, если такая возможность не запрещена совсем. Такое право по своей сущности сходно с правом оперативного управления, в котором собственник закрепляет за учреждением или предприятием имущество, принадлежащее ему на праве собственности, а у юридического лица, в свою очередь, появляются правомочия владения, пользования и распоряжения, но последнее лишь с согласия собственника и только тем имуществом, распоряжение которым не запрещено. Однако, обладателями права оперативного управления могут быть только учреждения и казенные предприятия, религиозные же организации представляют самостоятельную организационно-правовую форму юридического лица, не имеющую права в соответствии с настоящей редакцией ГК РФ на получение такого вещного права.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред. от 25.02.2022 № 20-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.04.2022).

4 Устав Русской Православной Церкви: принят на Архиерейском соборе в 2000 году (с учетом поправок, внесенных Определением Архиерейских Соборов 2008 и 2011 гг.). – Текст электронный // Официальный сайт Московского Патриархата: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419782> (дата обращения: 20.04.2022).

5 Гражданский Устав Русской Православной Церкви (принят Священным Синодом 31.01.1991) // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9049#CZ94TfSERVyhQrK5> (дата обращения: 20.04.2022).

Говоря о праве собственности как о наиболее полном вещном праве, ограничение правомочий его владельца нарушает положения Конституции РФ, которая гарантирует охрану частной собственности и закрепляет право каждого собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (ст. 35)⁶.

В-третьих, основания прекращения права собственности четко определены законом и представляют собой исчерпывающий перечень. Закон гарантирует всем титульным владельцам защиту от безосновательного лишения или прекращения права собственности, тем самым защищая не только права субъектов гражданского права, но и поддерживая стабильность экономического оборота.

В то же время в отношении приходов РПЦ, которые являются ее каноническими подразделениями, установлено, что в случае принятия приходом решения о выходе из-под юрисдикции РПЦ, он лишается всего церковного имущества, принадлежащего ему на праве собственности (п. 8 Главы 11 Устава РПЦ). Лишение собственника всех его прав по отношению к его имуществу в принудительном и бессудном порядке представляется абсолютно невыносимым и противозаконным правилом, которое не должно действовать и применяться по причине противоречия не только Гражданскому кодексу РФ, который не предусматривает такого основания, но и свехимперативным нормам Конституции РФ, которые определяют, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35).

В-четвертых, все указанные проблемы и коллизии относимы не только к высшим церковным актам, но и к внутренним документам местных религиозных организаций.

Так, согласно Уставу РПЦ, ее канонические подразделения могут иметь собственные уставы, которыми они руководствуются в своей деятельности (пп. 6 и 7 Главы 9, п. 13 Главы 11, п. 9 Главы 12, п. 5 Главы 13, п. 3 Главы 14 и др.). Рассмотрим регламентацию имущественных прав собственности во внутренних уставах религиозных организаций на примере Типового Устава прихода РПЦ [6].

По той причине, что приход является одной из низших единиц в иерархической структуре подразделений РПЦ, очевидно, что Типовой Устав прихода РПЦ не будет содержать каких-либо существенных отличий в вопросе права собственности от высших религиозных актов, все наиболее важные положения будут продиктованы из «центра». Именно поэтому в его содержании без труда можно обнаружить все вышеописанные проблемные положения, в том числе о том, что имущество, принадлежащее на праве собственности приходу, является имуществом РПЦ (п. 11.7), о том, что приход вправе распоряжаться своим имуществом только с разрешения вышестоящего подразделения с последующей отчетностью ему (п. 11.8), об ограничении правомочия распоряжения (п. 11.9), о переходе имущества приходу Церкви в случае его ликвидации (пп. 11.12 и 11.13).

Таким образом, ряд положений, указанных во внутренних актах (как низших подразделений РПЦ, так и исходящих от высших церковных органов) являются проти-

воречащими гражданскому законодательству РФ. В данной связи интересным представляется, каким образом правоприменитель в лице российских судов разрешает указанные вопросы, которые на практике, очевидным образом, могут доставить множество серьезных проблем.

Анализ позволил обнаружить лишь несколько судебных актов, имеющих отношение к исследуемым вопросам. Так, Арбитражный суд Саратовской области в Решении от 10 ноября 2014 г. по делу № А57-13768/2014⁷ отразил, что исследовал Устав Местной религиозной организации православного Прихода храма Благовещения Пресвятой Богородицы г. Вольска Саратовской области Саратовской Епархии РПЦ в ходе которого констатировал факт имущественной самостоятельности прихода, возможности иметь в его собственности любое имущество, которое будет служить целям деятельности организации. Однако после указал, что такое имущество одновременно является собственностью самой Церкви. При этом суд отмечает, что данное положение не противоречит закону, и даже более: оно находится в согласии со ст. 15 и ст. 21 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», которые, напомним, определяют, что внутренние акты религиозных организаций не должны противоречить закону и что такие юридические лица (как местные, так и централизованные) могут на праве собственности иметь движимое и недвижимое имущество. Возникает логичный вопрос: о каком непротиворечии идет речь? Ответ на него, к сожалению, остается без ответа. Подобная позиция является не единственной: тот же суд, но уже в ином решении высказал аналогичную позицию⁸.

Арбитражный суд Саратовской области принимал участие в разрешении еще нескольких подобных споров (дело № А57-4885/2020), где уже более подробно указал на существующее противоречие, однако разрешать или каким-либо образом комментировать данную проблему фактически отказался, ограничившись лишь указанием на нее⁹. Аналогичные положения также можно найти в Решении Арбитражного суда Саратовской области от 17 июня 2020 г. по делу № А57-31186/2019¹⁰, в Решении Арбитражного суда Республики Башкортостан от 26 июня 2015 г. по делу № А07-8495/2015¹¹, в Постановлении Арбитражного

7 Решение Арбитражного суда Саратовской области (АС Саратовской области) от 10 ноября 2014 г. по делу № А57-13768/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/W9Wh7boUZcdn/> (дата обращения: 20.04.2022).

8 Решение Арбитражного суда Саратовской области (АС Саратовской области) от 9 октября 2014 г. по делу № А57-13766/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OjyTvogKoWbJ/> (дата обращения: 20.04.2022).

9 Решение Арбитражного суда Саратовской области (АС Саратовской области) от 7 июля 2020 г. по делу № А57-4885/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/pUp4FKH4DNQb/> (дата обращения: 20.04.2022).

10 Решение Арбитражного суда Саратовской области (АС Саратовской области) от 17 июня 2020 г. по делу № А57-31186/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/p67v9tj18FdC/> (дата обращения: 20.04.2022).

11 Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан (АС Республики Башкортостан) от 26 июня 2015 г. по делу № А07-8495/2015 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RkHa3V6tZ3HN/> (дата обращения: 20.04.2022).

6 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2022).

суда Поволжского округа от 12 марта 2013 г. по делу № А49-4416/2012¹², в Решении Арбитражный суд Хабаровского края от 2 августа 2018 г. по делу № А73-4008/2018¹³.

Проанализировав ряд судебных решений, стороной спора в которых являлась РПЦ, можно сказать, что суды редко сталкиваются с проблемой, сутью которой является вопрос принадлежности права собственности, однако, если и встречаются с ними, то проблемные аспекты, которые являются предметом настоящего исследования, занимают не первоочередное значение. Наиболее остро данный вопрос поднимался бы в ситуации конфликта какого-либо подразделения РПЦ с самой Церковью в лице Московского Патриархата в случае принятия решения первым о выходе из-под юрисдикции РПЦ, однако найти подобные прецеденты в практике не представилось возможным.

По этой причине суды стараются не затрагивают данный вопрос без лишней необходимости, лишь между строк указывая на ее существование. Единственный пример судебного решения, в котором суд хоть каким-то образом разрешает данный вопрос, приведен в работе А.Б. Габуева: вопрос двойственности суд решает в пользу права собственности РПЦ [13, с. 81-82].

Несмотря на небольшое количество гражданских дел с участием РПЦ и споров по поводу права собственности юридических лиц, входящих в систему РПЦ и самой Русской Православной Церкви, указанный вопрос требует четкого и аргументированного разрешения. Отсутствие прецедентов таких споров в настоящее время не означает, что они не появятся в последующем.

Таким образом, подводя итог следует сказать, что имущественные правоотношения в Уставах канонических подразделений РПЦ, Уставе РПЦ, Гражданском Уставе РПЦ и других внутренних религиозных актах изложены в форме, противоречащей гражданскому законодательству РФ. Абз. 2 п. 2 ст. 123.26 ГК РФ и п. 1 ст. 10 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» закрепляют положение, обязывающее религиозные организации приводить свои внутренние документы в соответствие с законом. В самом Уставе РПЦ (п. 4 Главы 1) закреплено правило, согласно которому РПЦ и ее канонические подразделения действуют не только руководствуясь религиозными актами, но и на основе уважения и соблюдения законов. П. 2 ст. 15 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывает, что государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству РФ. Однако данные нормы фактически не выполняются.

Некоторые авторы, пытаясь обосновать проблемы ограниченности распоряжения, «расщепленной» собственности, лишения прихода всей собственности в случае выхода из РПЦ, говорят о том, что подобное положение дел предотвращает появление церковных расколов [2, с. 82]. Однако, как справедливо отмечает Хлыстов М.В., указанные опасения не являются обоснованными, поскольку

современное законодательство содержит соответствующие механизмы, защищающие Церковь от указанных последствий [3, с. 42]. В любом случае, цели РПЦ по защите своих интересов не могут достигаться путем принятия положений, противоречащих федеральному законодательству, в связи с чем, все Уставы религиозных организаций, содержащие спорные положения, должны быть приведены в соответствие с нормами права.

Отдельно говоря о «расщепленной» собственности, следует указать на два возможных варианта решения проблемы: 1. Наделение канонических подразделений реальными полномочиями собственника с возможностью контроля и защиты особо ценного религиозного имущества со стороны РПЦ постфактум; 2. Наделение указанных юридических лица правом оперативного управления на имущество, которое Церковь будет закреплять за тем или иным подразделением. Первое – является наиболее оперативным и не требующим привлечения федерального законодателя, второе же – потребует существенного редактирования законодательства о вещных правах, что, наверное, представляется не совсем рациональным, поскольку существующий механизм реализации прав собственности юридическими лицами является отлаженным и эффективным.

Как бы то ни было, проблемность существует, что невозможно отрицать, масштаб поднимаемых вопросов велик, в том числе и за счет того, что он выходит за рамки права, а значит исследуемым коллизиям должно быть уделено должное внимание в целях их оперативного устранения.

Пристатейный библиографический список

1. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – Москва: Статут, 2010. – 893 с.
2. Габуев А.Б. Множественность собственников церковного имущества в современной России // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – № 1 (184). – С. 78-84.
3. Хлыстов М.В. Субъекты права собственности религиозных организаций Русской Православной Церкви // Нотариус. – 2010. – № 6. – С. 40-43.

12 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12 марта 2013 г. по делу № А49-4416/2012 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/MXOyO7ufj6Jv/> (дата обращения: 20.04.2022).

13 Решение Арбитражный суд Хабаровского края от 2 августа 2018 г. по делу № А73-4008/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/2wPGaqhbAbNO/> (дата обращения: 20.04.2022).

ЛИ Янань

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА В КИТАЕ

Статья посвящена проблеме правового регулирования семейно-брачных отношений в части оснований прекращения брака в Китае. Предмет исследования – основания прекращения брака в Китае. Цель исследования заключается в научном обобщении оснований прекращения брака в китайском семейном праве. В соответствии с целью в исследовании поставлены и решены следующие задачи: рассмотрены исторические правовые традиции в отношении развода в Китае; проанализированы новеллы в современном китайском законодательстве в отношении оснований прекращения брака; рассмотрены мнения китайских и зарубежных правоведов по вопросу прекращения брака в Китае. Методология исследования основана на применении общенаучных и специально-научных методов познания, включая формально-юридический, конкретно-исторический, метод комплексного анализа, культурологический, метод догматического анализа и другие. Результаты исследования заключаются в том, что проанализированы обширные материалы практики Верховного Народного Суда и сделано их научное обобщение. Научная новизна заключается в том, что результаты исследования позволяют расширить теоретические представления о сущности и структуре института семьи в Китае, а также могут послужить основанием для дальнейших научных разработок отдельных теоретических и практических проблем в этой области. Практическая значимость настоящего исследования определяется прикладным характером результатов анализа текущих изменений правовых норм, связанных с основаниями расторжения брака в Китае.

Ключевые слова: семейное право, Китай, расторжение брака, основания прекращения брака, институт семьи.

LI Yanan

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

GENERAL GROUNDS FOR MARRIAGE TERMINATION IN CHINA

The article is devoted to the problem of legal regulation of family and marriage relations in terms of the grounds for marriage termination in the People's Republic of China. The subject of the research is the grounds for termination of marriage in China. The aim of the study is to scientifically summarize the grounds for termination of marriage in Chinese family law. In accordance with the goal, the study posed and solved the following tasks: considered the historical legal traditions in relation to divorce in China; analyzed the novelties in modern Chinese legislation in relation to the grounds for termination of marriage; the views of Chinese and foreign jurists on the termination of marriage in China are considered. The research methodology is based on the use of general scientific and special-scientific methods of cognition, including formal legal, concrete historical, complex analysis method, culturalological, dogmatic analysis method and others. The results of the study consist in the analysis of extensive materials of the practice of the Supreme People's Court and their scientific generalization. The scientific novelty lies in the fact that the research results allow expanding the theoretical understanding of the essence and structure of the institution of the family in China, and can also serve as a basis for further scientific development of individual theoretical and practical problems in this area. The practical significance of this study is determined by the applied nature of the analysis of current changes in legal norms related to the grounds for divorce in China.

Keywords: family law, China, dissolution of marriage, grounds for termination of marriage, institution of the family.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного научного обобщения норм правового регулирования семейно-брачных отношений в китайском законодательстве, а также выявления общей тенденции правовой модернизации института брака. Институт брака переживает существенные трансформации в XXI веке, меняется представление о семье, ее социально-экономических функциях, что приводит к необходимости совершенствования системы семейного права в целом и правового регулирования отношений между супругами. Основным фактором таких изменений является, по мнению ряда исследователей, процесс глобализации, в ходе которого в различных социумах меняется представление о семье [9].

Проблема сохранения традиционных семейных ценностей стоит в современном Китае довольно остро – так, в 2019 году Китай сообщил о самом низком уровне браков за всю историю [8]. Таким образом, взгляды на брак резко изменились за последние несколько десятилетий и это свидетельствует о том, что в китайском обществе меняется сама концепция брака, что требует модернизации законодательства в сфере регулирования семейно-брачных отношений.

Анализ генезиса правоотношений и их нормативного регулирования в праве КНР также представляется актуаль-

ным по причине релевантности семейной организации в стратификации китайского общества, что обусловлено корреляцией института семьи с процессами исторической трансформации социума [4, С. 410]. Общество является объектом в реализации воспроизводственной, социализирующей, ценностно-образующей функции семьи, что определяет преобладающее внимание к агрегатированию норм семейных правоотношений. Основы семейного права заложены в Конституции Китайской Народной Республики (КНР)¹, в Законе «О браке»², а также в его толкованиях, сформулированных Верховным судом КНР, законе «О правопреемстве КНР» и его толкованиях, при решении соответствующих проблем, возникающих в реальной жизни [8].

Для китайского права в силу специфики менталитета и архаической атрибутивности не характерны процессы абро-

1 Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (дата обращения: 12.05.2022).

2 Закон КНР «О браке» от 13 апреля 1950 г. Ст. ст. 1, 10, 23. Оригиналный текст: 中华人民共和国婚姻法(1950年). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gov.cn> (дата обращения: 19.04.2022) (на кит. яз.).

гации и аболиции, однако современное состояние системы права КНР характеризуется большей степенью гетерогенности, чем еще несколько десятилетий назад. Инерционная патриархальность и гендерная дискриминация, как полагаем, являются основными факторами трансформационных процессов в китайском социуме.

Результаты и обсуждение. Анализ научной литературы показал, что в традиционном Китае развод не был частым явлением, как, впрочем, и исключительным. В большинстве случаев только мужчина мог инициировать бракоразводный процесс, хотя в исторических источниках встречаются сообщения о том, что жены бросали свои семьи. Борьба с разводом как «опасным» социальным явлением началась на уровне права еще в эпоху династии Цинь (255-206 до н.э.). Правоведы, которые в данный период доминировали в государственном управлении Китая, стремились к достижению централизованного и структурированного правительственного закона как механизма контроля над институтом брака. В традиционной правовой доктрине древнего Китая доминировало представление о том, что отношения между супругами в браке нельзя ставить выше интересов государства, а это означало, что развод как разрушение семьи был крайне нежелателен [11, pp. 24].

Исследователи приводят в пример исторические прецеденты, показывающие, что развод был довольно распространенным явлением до династии Цинь (255-206 до н.э.). Однако, наше исследование источников по истории права Китая показало, что само понятие «развод» можно проследить по крайней мере до восточной династии Чжоу (770-479 до н.э.). Например, в исторических хрониках периода династии Чжоу упоминалось, что при браке в императорской семье сестрам жены приходилось идти с ней, но в качестве наложниц, а в случае ее развода все ее сестры должны были покинуть семью императора. Таким образом, китайские власти препятствовали разводу, так как он был «признаком индивидуализма, неприемлемым в китайском традиционном обществе и государстве». Развод, как полагают правоведы, был менее частым явлением в периоды правления династий Мин (1368-1644 гг.) и Цин (1644-1912 гг.), чем в раннединастический период. Отчасти это может быть связано с тем, что в это время в Китае была развита система статутного развода, называемая «семью условиями», которая не пользовалась особой популярностью у населения. Семь условий состояли в следующем: «неуважительное отношение жены к свекрови и свекру; неспособность родить ребенка мужского пола; супружеская неверность; ревность; злокачественное заболевание; болтливость и склонность к воровству» [7, pp. 88]. Существовали, однако, три ограничения для развода: «женщина не могла быть разведена, если ей некуда было возвращаться из семьи мужа; если она соблюдала три года траура по смерти свекрови или свекра; если ее муж был беден во время заключения брака, а затем стал богат» [11, pp. 22].

Таким образом, в докоммунистическом Китае развод выполнял две важные функции в соответствии с традиционным китайским законодательством. Первая функция была нацелена на поддержание семейной линии путем деторождения сыновей. Вторая функция заключалась в том, что развод в традиционном Китае служил для поддержания в обществе этических норм конфуцианства. Брак, по словам Конфуция, имеет этическое значение для упорядочивания жизни как отдельного человека, так и общества в целом [1, С.15]. Примером этого принципа был семейный траур. Кроме того, одной из серьезных проблем традиционной системы разводов стало прочное закрепление неравенства в правах между мужем и женой. Положения о разводе разрешали мужчине развестись со своей женой на основе любого из семи условий, в то время как жена не могла просить о разводе, даже если муж сам нарушил одно из семи правил.

Ситуация существенным образом изменилась после прихода к власти Коммунистической Партии. Уже в начале 1930-х годов коммунисты признали социальный потенциал женщин как политической силы. Самой угнетенной группой в стране были именно женщины, «морально готовые к мобилизации и освобождению от традиционного патриархально-

го гнета». Коммунистами была проведена массовая кампания по реформированию семейно-брачных отношений. Временная конституция, принятая в 1931 году, предусматривала, что «семейные узы будут отброшены постепенными этапами по мере обретения женщинами экономической независимости» [3, С. 187].

Нормы первого Закона «О браке» КНР 1931 года были радикальной мерой, направленной на свободное получение развода. Статья 9 данного документа было установлено, что «если мужчина и женщина соглашаются на развод, он немедленно вступает в силу» [5, С. 83].

Коммунисты вскоре обнаружили, однако, что такие радикальные меры создали новую проблему. Новые правила не обеспечивали никакой защиты для супруга, который не желает развода или который может служить Партии вдали от дома в течение длительного периода. В результате в 1934 году были внесены изменения в Закон «О браке» КНР: статья 9 была сохранена, но в нее была включена новая норма, предусматривающая, что жены солдат Красной Армии должны были ждать от двух до четырех лет, чтобы удостовериться в безвестном исчезновении своих мужей, прежде чем подавать прошение о разводе [2, С. 126]. Если мужья участвовали в партизанской войне и раскрытие их местонахождения не представлялось возможным, в статье предусматривалось, что жене разрешается просить о разводе, если ее муж не контактирует с ней в течение трех лет [Там же, С. 125].

Коммунистической властью на раннем этапе становления новой государственности были предприняты дальнейшие усилия по изменению положения о разводе согласно условиям военно-революционного времени. В период с 1939 по 1945 годы были приняты специальные брачные правила для приграничных районов, ставшие правовой основой для разводов. Только при определенных обстоятельствах супруг мог просить о разводе: в случаях супружеской измены, жестокого обращения и оставления семьи. В тот же период была введена норма об обязательном посредничестве для применения сторон. Фактически, усилия по разработке этих правил были инициированы Комитетом Центральной Китайской коммунистической федерации женщин и Центральным правовым комитетом Народного правительства Китая. Концепция посредничества до развода была официально закреплена в Законе «О браке» в редакции 1950 года, после чего принцип «убеждения» или «примирения» широко использовался народными судами для разрешения семейных разногласий в делах о разводе. Поправки в Закон «О браке», внесенные в 1950 году, предусматривали процедуру посредничества для рассмотрения дел о разводе в досудебном порядке, причем такое посредничество могло занимать от двух до десяти лет, в течение которых брак невозможно было расторгнуть. Вместе с тем не был предусмотрен принцип принятия решения по такого рода делам: суды и посредники использовали различные критерии для удовлетворения или отклонения прошений о разводе.

Изменения, внесенные в 1980 году в Закон «О браке», содержали отмену обязательного посредничества для примирения супругов – теперь к данной процедуре можно было прибегать только добровольно. Также в Законе «О браке» 1980 года появилась дополнительная норма, согласно которой развод предоставляется, если отношения между супругами являются непримиримыми³. Остальные основания для расторжения брака остались неизменными. Еще одна особенность Закона «О браке» 1980 года заключалась в том, что инициатор развода получал возможность просить рассмотрения дела непосредственно в местном народном суде. В соответствии с Законом 1950 года использование местного народного суда ограничивалось апелляциями только после того, как посредничество потерпело неудачу.

3 Закон КНР «О браке» от 10 сентября 1980 г. (с поправками от 28 апреля 2001 г.). Ст. ст. 10-19, 39-42. Оригинальный текст: 中华人民共和国婚姻. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/banshi/2005-08/21/content_25037.htm (дата обращения: 19.04.2022) (на кит. яз.).

В рамках урегулирования отношений после развода, Закон 1980 года предусматривал решение вопросов опеки над детьми и урегулирования имущественных вопросов после развода. Любая из сторон может иметь опеку над детьми или нести ответственность за содержание детей. Теоретически, супруги должны сами решить вопрос с разделом имущества, но если переговоры не приводят к соглашению, то народный суд решает вопрос о разделе имущества в пользу супруга, с которым будут проживать дети. Как показывает практика Верховного Народного Суда, бенефициаром после развода, как правило, становится отец, с которым определяется проживание детей.

Порядок расторжения брака в КНР следующий: согласно поправкам в Закон «О браке» от 2001 года, обе стороны должны обратиться в Бюро регистрации брака с заявлением о расторжении брака. Бюро регистрации браков, установив, что развод желателен для обеих сторон и что были приняты надлежащие меры для ухода за детьми и распоряжения имуществом, выдает свидетельства о разводе. Расторжение брака, таким образом, возможно на основе обоюдного согласия вне судебных органов (Закон «О браке», глава IV, статья 31). В судебном порядке расторжение брака осуществляется по одностороннему заявлению (Закон «О браке», глава IV, статья 32). Если только одна сторона желает развода, то она может обратиться в народный суд для начала бракоразводного процесса или прибегнуть к «посредничеству» - развод предоставляется, если посредничество не удается, поскольку взаимная привязанность больше не существует (Закон «О браке», глава IV, статья 32). В соответствии со ст. 34 Закона «О браке» КНР муж не может ходатайствовать о разводе, когда его жена беременна, а также в течение одного года после рождения ребенка или в течение шести месяцев после прекращения ее беременности. Это ограничение не применяется в тех случаях, когда жена подает заявление о разводе, или, когда народный суд считает необходимым принять заявление о разводе, поданное мужем при наличии оснований, предусмотренных законом.

Если одна сторона объявляется безвестно отсутствующей, а другая сторона начинает бракоразводный процесс, то развод считается состоявшимся. Если супруга военнослужащего, находящегося на действительной службе, желает развестись, то для прекращения брака обязательно согласие военнослужащего.

Как показывает практика Верховного Народного Суда, супружеская неверность - главная причина развода⁴. Некоторые китайские исследователи утверждают, что 80% разводов происходят по вине «третьих лиц» [10, pp. 182.]. Указанные в Законе «О браке» в редакции 2001 года «другие причины» для развода включают в себя недостаточную финансовую основу семьи, переполненные семьи, споры с родственниками и трудности, вызванные работой супругов в разных городах или провинциях.

Результаты проведенного исследования подтверждают тезисы таких авторов, как Ю.А. Ишутина [3, С. 189] и Чуа Эми [6, 288 с.]. О необходимости более точного определения порядка расторжения брака пишет в своей работе Цзи Хайлун [5, С.85]. При этом основания для развода должны быть расширены, как считают Ван Гоун [1] и Чао-вен Ву [8]. В первую очередь, как аргументировано показано в исследовании Н. Гун, необходимо учитывать ограничения на заключение брака, в частности, одним из оснований для развода должно быть состояние психического здоровья супруга, если «после регистрации брака возникло заболевание, не поддающееся лечению и не позволяющее супругу выполнять свои обязанности и осуществлять права» [2, С.125]. С этим тезисом солидарны такие исследователи, как Цзи Хайлун и Лин Чжу [11, pp.19]. При этом анализ практики Верховного Народного Суда КНР, проведенный в работе Лин Чжу, показал, что в большинстве дел, рассматриваемых народными судами местной юрисдикции, пострадавшая сторона не получает

достаточной компенсации. В работе Чао-вен Ву [8] внесено предложение о том, что необходимо расширить понятие «другие причины» развода, детализировав их как можно более подробно.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной правовой доктрине Китая, при сохранении определенных конфуцианских ценностей в отношении к разводу, возникает более устойчивая тенденция на расширение равноправия между женщинами и мужчинами в вопросах бракоразводного процесса. При этом можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства в части расширения основания для расторжения брака: внести дополнение в статью 32 Закона «О браке» с перечислением конкретных оснований разрушения взаимной привязанности; внести дополнение в статью 32 Закона «О браке» о недопустимости не только физического, но и психологического насилия в семье. Эти меры позволят в будущем избежать двоякого толкования норм указанных статей в народных судах Китая при рассмотрении дел о расторжении брака.

Пристатейный библиографический список

1. Ван Г. Семья и семейный этикет в традиционной культуре китайцев и русских: сравнительно-этнографический анализ: автореф. дис. ... канд. истор. наук. - М., 2020. - 28 с.
2. Гун Н. Защита прав и свобод согласно поправке к Закону о браке КНР // Юридическая наука в Китае и России. - 2017. - № 1. - С. 125-134.
3. Ишутина Ю.А. К вопросу о трансформации статуса женщины в китайском обществе в эпоху осуществленной модернизации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. - 2018. - № 45. - С. 187-196.
4. Русакова Е.П., Ху Найсинь. Имущество супругов как объекты права собственности в КНР // Объекты гражданских и семейных прав по законодательству Российской Федерации. - 2019. - № 4. - С. 410-418.
5. Цзи Х. История кодификации гражданского законодательства. - Пекин, 2017. - 162 с.
6. Чуа Э. Боевой гимн матери-тигрицы / пер. с англ. Е. Щербаковой. - М., 2018. - 288 с.
7. Baiyi Wu, Wenlong Bian, Ying Xue, Hao Zhang. Confucian Culture and Homeownership: Evidence from Chinese Families. Journal of Family and Economic Issues. - 2021. - Vol. 42(9). - P. 85-96.
8. Chao-Wen Woo. Parts of Chinese family law translated and annotated with special reference to marriage, divorce, parents and children and support, also a comparison of adoption laws in China and Kentucky. Typescript. Thesis (M.S.S.W.). University of Louisville. Kent School of Social Work. - 2021. - 52 p.
9. Chinese attitudes towards marriage: past and present. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://honisoit.com/2020/03/chinese-attitudes-towards-marriage-past-and-present/> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Hu N. Modernization of Chinese family law during the last years of the Qing Dynasty and the existence of the Republic of China (from the beginning of the 20th century to 1949). Legal Sciences. - 2020. - Vol. 3. - P. 182-185.
11. Leah Zhu. The traditional Chinese family. In book: The Power of Relationalism in China. - 2018. - P. 17-34.
12. Supreme Court of the People's Republic of China. Archive of court decisions. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://english.court.gov.cn/cases.html> (дата обращения: 18.04.2022).

4 Supreme Court of the People's Republic of China. Archive of court decisions. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://english.court.gov.cn/cases.html> (дата обращения: 18.04.2022).

ВАН Вэй

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов

Ван Вэй

СУДЕБНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В КНР*

Судебная юрисдикция гражданского судопроизводства с участием иностранных лиц относится к квалификации или полномочиям суда одной страны принимать определенные международные гражданские и коммерческие дела и осуществлять судебную власть. Разные страны в процессе исторического развития установили разное законодательство, поэтому при рассмотрении дела разные правовые нормы стран будут приводить к разным результатам, что в значительной степени влияет на интересы обеих сторон. Таким образом, в судебной практике, обе стороны в судопроизводстве с участием иностранных лиц, сначала стараются изо всех сил бороться за юрисдикцию, чтобы повлиять на окончательный результат судебного процесса.

В данной статье анализируется законодательство Китайской Народной Республики в отношении юрисдикции по гражданским судопроизводствам с участием иностранных лиц; понимание, классификация и характеристики различных юрисдикций; и решения китайских судов при конфликте юрисдикции.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, иностранные лица, исключительная юрисдикция, территориальная юрисдикция, договоренная юрисдикция, конфликт юрисдикции, принцип *Forum non conveniens*, Китайская Народная Республика.

WANG Wei

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

JURISDICTION FOR CIVIL PROCEEDINGS INVOLVING FOREIGN PARTIES IN CHINA

Jurisdiction in civil litigation involving foreign persons refers to the qualifications of a court of one country to hear certain international civil and commercial cases and to exercise judicial power. Different countries in the process of historical development have established different legislation, therefore, when considering a case; different legal norms of countries will lead to different results, which greatly affects the interests of both parties. Thus, in jurisprudence, both parties in proceedings involving foreigners first try their best to fight for jurisdiction in order to influence the final outcome of the litigation.

This article analyzes the legislation of the People's Republic of China in relation to jurisdiction in civil proceedings involving foreign parties; definition, classification and characteristics of different jurisdictions; and the decision of Chinese courts in a conflict of jurisdiction.

Keywords: civil litigation, foreign parties, exclusive jurisdiction, territorial jurisdiction, contractual jurisdiction, conflict of jurisdiction, Forum non conveniens, People's Republic of China.

Определение международной судебной юрисдикции относится к компетенции судов по рассмотрению гражданских дел с участием иностранных лиц в Китае, за счет определения участвуют ли в деле иностранные лица.

«Разъяснение Верховного Народного Суда о применении ГПК КНР (далее – Разъяснение ГПК КНР), 2008 г.» [4] содержит четкие положения, определяющие термин «иностранное лицо». Субъект, объект и юридический факт гражданского правоотношения, если один из них имеет иностранный элемент, то это гражданское дело с участием иностранных лиц. В Разъяснении 2015 г., впервые были дополнены критерии определения, то есть помимо национальной принадлежности субъекта, если постоянное местожитель-

ство субъекта также имеет иностранный элемент, то это также гражданское дело с участием иностранных лиц.

Затем следует определить, судам право какой страны будет обладать юрисдикцией на основании внутреннего законодательства или соответствующих международных договоров, и в соответствии с национальным гражданским процессуальным законодательством, суды какого места или суды какого уровня в стране должны обладать юрисдикцией [1].

Согласно статье 267 Гражданский процессуального кодекса (далее – ГПК КНР) от 2022 года, при рассмотрении гражданских дел с участием иностранных дел, если Китай присоединился к соответствующим международным договорам, то международные договоры должны применяться в первую очередь, за исключением содержания оговорки; При отсутствии ограничений международных договоров, применяются положения о гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц, из Части IV ГПК КНР. Это воплощение принципа «Приоритет положений специального производства над положениями обычного производства» в ГПК КНР;

* Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта»

Если в законодательстве о гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц нет специальных положений, применяются общие положения гражданского процессуального законодательства, то есть, согласно статье 266 ГПК КНР от 2022 г., при отсутствии специальных положений в части IV «гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц», применяются общие положения ГПК КНР [2].

Исключительная юрисдикция, также известна как исключительная подсудность, имеет приоритет, исключительность и обязательность. Это означает, что некоторые дела могут находиться только в юрисдикции конкретного суда, другие суды не могут вмешиваться. Если иностранный суд выносит решение независимо от исключительной юрисдикции другой страны, это решение не будет признано и приведено в исполнение. Кроме этого, законодательство исключает договорную юрисдикцию обеих сторон на основе принципа автономии воли.

Обычно, дела, относящиеся к исключительной юрисдикции, как правило, тесно связаны с политикой, экономикой, правом, социальной системой или общественным порядком страны. Например, гражданское судопроизводство, связанное с недвижимым имуществом, является делом исключительной юрисдикции. Во-первых, недвижимость (особенно земля) имеет большую ценность, во-вторых, это уважение суверенитета страны, и в-третьих, это соответствует требованиям удобства, скорости и справедливости в международном гражданском судопроизводстве.

Соответствующие международные договоры также положительно относятся к исключительной юрисдикции. Например, «Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 г.» [5] предусматривает, что дела об исключительной юрисдикции включают: дела, связанные с недвижимостью; дела, связанные с законностью создания и ликвидации юридических лиц; дела, связанные с действительностью прав интеллектуальной собственности; а также дела, связанные с приведением в исполнение судебных решений.

В соответствии со статьей 34 и 273 ГПК КНР от 2022 года, дела, связанные с недвижимостью, портовыми операциями, и наследованием, рассматриваются народными судами по месту нахождения недвижимого имущества, порта, и по месту жительства наследодателя или нахождения главного объекта наследия; дела, связанные с договорами китайско-иностранных совместных предприятий, китайско-иностранных кооперативных предприятий и с договором о китайско-иностранный совместной разведке и разработке природных ресурсов, рассматриваются китайскими судами.

Статья 28 Разъяснения ГПК КНР от 2020 г. уточняет содержание споров о недвижимости, которая устанавливает конкретное значение споров о недвижимости, способ определения юрисдикции в соответствии с различными характеристиками недвижимости, и способ определения юрисдикции в соответствии с разными регистрационными статусами недвижимости.

Исключительная юрисдикция занимает важное место в международном гражданском процессуальном законодательстве различных стран, поскольку она является воплощением принципа государственного суверенитета в гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц. Однако

в законодательстве различных стран объем дел исключительной юрисдикции делится на широкий и узкий. Из-за этого часто возникают споры об определении юрисдикции в гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц.

В китайском законодательстве положения об исключительной юрисдикции относительно широки. Дела, связанные с портовыми операциями, часто пересекаются с делами о правонарушении. А дела, связанные с наследованием недвижимого имущества, могут рассматриваться в соответствии с исключительной юрисдикцией недвижимости, другие дела наследования, связанные с проблемами идентификации, также могут рассматриваться как общие дела, связанные с идентификацией. Однако дела, связанные с интеллектуальной собственностью, обычно имеют территориальный характер, поэтому защита интеллектуальной собственности часто связана с национальными интересами. Поэтому многие известные ученые призывали к исключению дел, связанных с портовыми операциями и наследством, а также добавлению дел, связанных с интеллектуальной собственностью и банкротством.

За исключением дел исключительной юрисдикции, при определении юрисдикции общих гражданских и коммерческих дел, международное сообщество в целом признает принцип «общей территориальной юрисдикции». При определении юрисдикции с помощью этого принципа обычно используются три фактора: гражданство сторон, место жительства ответчика и место жительства истца.

Юрисдикция, определяется гражданством сторон в гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц, также обычно называют принципом «персональная юрисдикция». В соответствии с этим прицепом, суды стран, в которых гражданства стороны, обладают юрисдикцией. Однако в ходе исторического развития этот способ определения юрисдикции постепенно не отвечает потребностям судебной практики. Законодательство многих стран и международные конвенции постепенно отказались от этого принципа определения юрисдикции. Например, статья 1070 «Гражданского кодекса Франции», а также «Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров, 1968 г.» и «Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам, 1988 г.» [6].

Место жительства обычно является центральным местом жизни человека. Если человек устанавливает место жительства, это означает, что он подчиняется и защищается законами этого места. В гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц, международное сообщество сейчас обычно принимает этот стандарт для определения юрисдикции. Это больше соответствует экономическому принципу в судебной практике.

Когда место жительства ответчика неизвестно или местонахождение ответчика неизвестно, для отдельных дел юрисдикция может быть определена на основании места жительства истца, что фактически является дополнительным исключением для защиты судебных прав истца.

В части IV ГПК КНР от 2022 г. – «гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц», только положения для дел, когда ответчик не находится в Китае, которые мы упоминали выше. Если место жительства ответчика нахо-

дится в Китае, то эти дела будут рассматриваться на общих положениях в соответствии со статьей 266 ГПК КНР. Например, дела, связанные с браком и семьей, и дела, связанные с личностью.

Кроме гражданства и места жительства, юрисдикция также определяется предметом судебного разбирательства или местом юридических фактов, то есть «специальная территориальная юрисдикция».

Теоретически, суду, в котором находится предмет судебного разбирательства, легче эффективно контролировать предмет судебного разбирательства, собирать доказательства вынести решений, и приводить в исполнение.

Согласно статье 272 ГПК КНР от 2022 г., если ответчик не имеет постоянного места жительства в Китае, обычно существует два способа определить юрисдикцию по предмету судебного разбирательства: один заключается в том, что предмет судебного разбирательства находится в Китае, а другой, ответчик имеет имущество в Китае, и которое может быть конфисковано.

Кроме того, по делам об исполнении судебных решений, согласно статье 280 ГПК КНР от 2022 г., в случае неисполнения стороной арбитражного решения, другая сторона вправе обратиться в народный суд промежуточной инстанции по месту нахождения должника, или по месту нахождения имущества. Другой пример, согласно статье 288 ГПК КНР от 2022 г., когда решение иностранного суда должно быть признано и приведено в исполнение китайским судом, сторона может обратиться в промежуточный народный суд, который обладает юрисдикцией для признания и исполнения. Это относится к суду, где находится имущество должника. Все это также проявления принципа определения юрисдикции в зависимости от предмета судебного разбирательства в китайском законодательстве [7].

Поскольку действие или результат гражданского дела с участием иностранных лиц, произошли в определенной стране, для облегчения судебного разбирательства, сбора доказательств и поддержания общественного порядка, как правило, при рассмотрении дел, связанных с договорами, правонарушением, морскими делами, юрисдикцию определяется местом юридических фактов.

Согласно статье 272 ГПК КНР от 2022 г., если ответчик не имеет постоянного места жительства в Китае, юрисдикцию дел, связанных с договорами, определяется местами заключения и исполнения договоров. Если ответчик имеет постоянное место жительства в Китае, такие дела будут рассматриваться в соответствии с общими правилами, такими как статья 35.

В редакции Разъяснение ГПК КНР 2015 г., впервые подробно разъяснено «место исполнения договора». Стоит отметить, что помимо «места исполнения договора по соглашению сторон» и «места фактического исполнения договора при отсутствии соглашения сторон», если договор заключается онлайн, и предмет доставляется через интернет, то место жительства покупателя является местом исполнения договора, а если предмет доставляется иным способом, то место получения является местом исполнения договора [3].

Что касается определения юрисдикции по месту, где произошло правонарушение, согласно статье 272 ГПК КНР от 2022 г., ответчик не имеет постоянного места жительства в Китае, но место правонарушения в Китае, то китайский суд

обладает юрисдикцией. Разъяснение ГПК КНР не объясняло, что такое «место правонарушения» в гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц, но в Разъяснении ГПК КНР, определение «места правонарушения» по статье 29 Части I «Основные принципы» ГПК КНР было разъяснено, что место правонарушения относится к местам, где совершено правонарушение, и где оно произошло. Стоит отметить, что в новую редакцию Разъяснения ГПК КНР добавлено определение о месте интернет-правонарушения, в том числе место нахождения компьютера и других информационных оборудования, а также место жительства нарушителя [8].

При условии ненарушения исключительной юрисдикции, стороны могут договориться о выборе юрисдикционного суда для удобства. Такой метод определения юрисдикции часто называют «договорной юрисдикцией».

Хотя «договорная юрисдикция» общепризнана в законодательстве и практике разных стран, существуют значительные различия в положениях по таким вопросам, как объем дела, степень фактической связи и сила исключительности [9].

Китай явно поддерживает договорную юрисдикцию гражданских дел с участием иностранных лиц в законодательстве и судебной практике, согласно статье 35 ГПК КНР от 2022 г., стороны могут выбрать китайские суды посредством письменного соглашения, но не должны нарушать положения о подсудности судам разного уровня и исключительной юрисдикции. В Разъяснении ГПК КНР подробные положения о договорной юрисдикцией: В Разъяснении определяется объем договорной юрисдикций, в том числе условия соглашения в договоре и соглашение о выборе суда, заключенное до судебного разбирательства; Когда оператор подписывает стандартный договор с потребителем, но не напоминает потребителю, если потребитель утверждает, что соглашение о юрисдикции недействительно, суд будет поддерживать; Если стороны соглашаются на рассмотрение дела судом по месту жительства, но после этого место жительства меняется, то суд по месту жительства сторон по-прежнему обладает юрисдикцией.

В гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц, конфликт юрисдикции обычно делится на позитивный и негативный. Обе эти ситуации обычно проявляются в том, что все страны стараются обладать юрисдикцией или все отказываются от юрисдикции. Долгое время позитивный конфликт юрисдикции гражданского судопроизводства с участием иностранных лиц был основной проблемой, это ключевой вопрос, который международное сообщество стремится решить в законодательстве и на практике [10].

С 2012 года положения о конфликте юрисдикции были исключены из Части IV ГПК КНР и включены в общие принципы. Согласно статье 533 Разъяснения ГПК КНР от 2020 г., судебная практика Китая поддерживает «параллельные разбирательства»: в случае, когда и китайский суд, и иностранный суд обладают юрисдикцией, одна сторона уже подала иск иностранному суду, китайский суд может принять заявление другой стороны. Более того, решения иностранных судов не будут признаваться и исполняться китайскими судами.

Однако, если Китай и страна подписали международный договор по соответствующим вопросам, такие дела будут рассматриваться в соответствии с международным

договором. Когда решение иностранного суда уже было признано и приведено в исполнение китайским судом, и сторона предъявляет иск китайскому суду по тому же спору, китайский суд не будет принимать.

Стоит отметить, что Разъяснение ГПК КНР в 2015 году впервые установило принцип *Forum non conveniens* в форме законодательства. Этот принцип означает, что если есть несколько судов, обладают юрисдикцией в отношении дела, но один суд считает, что суд другой страны более подходит для рассмотрения данной дела, то он откажется от юрисдикции. Этот принцип возник из англо-американской правовой системы с сильным произволом судей, и является важным способом уменьшить конфликт юрисдикции.

Согласно статье 532 Разъяснения ГПК КНР от 2020 г., китайские суды могут отказать дела и советовать истцам обращаться в иностранные суды для подачи иска. Но дело должно соответствовать всем шести условиям: ответчик должен заявить отвод против юрисдикции; стороны не договорились о выборе китайского суда для рассмотрения; не нарушать исключительную юрисдикцию; дело не затрагивает интересы государства, граждан, юридических лиц или иных организаций в Китае; основные факты дела происходили не в Китае, и китайское законодательство не применяется; иностранный суд обладает юрисдикцией в отношении дела, и которому удобнее рассматривать.

Хотя в судебной практике ответчику сложно исключить юрисдикцию китайских судов посредством принципа *Forum non conveniens*. Но это на законодательном уровне, важная попытка уменьшить конфликт юрисдикции.

Заключение.

Поскольку гражданские дела с участием иностранных лиц в известной степени необычны, в ГПК КНР отдельная часть, в которой включаются специальные положения для соответствующих дел. В настоящее время эти специальные положения постепенно переводятся в общие принципы, что в определенной степени может отражать, что законодательство Китая дало равный правовой статус иностранным лицам; Кроме ГПК КНР, Разъяснение ГПК КНР также является важным источником определения юрисдикции гражданско-судопроизводстве с участием иностранных лиц. В Разъяснении ГПК КНР более подробно установили разные принципы определения юрисдикции, включаются исключительная, территориальная и договоренная юрисдикция, которые широко поддерживаются международным сообществом; Китай является одной из типичных стран континентального права, но с точки зрения разрешения конфликта юрисдикции, Китай принимал принцип *Forum non conveniens* от законодательства стран общего права, что является полезной попыткой в законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова Е.П., Русакова Е.П., Мендоса-Молина С.В. Актуальные проблемы гражданского процесса: учебн. пособ. М., 2017. С. 15.
2. Русакова Е.П., Ван Вэй. Гражданское судопроизводство с участием иностранных лиц в Китае // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 9. С. 48-51.

3. Русакова Е.П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. 2020. № 9. С. 102-109.
4. Interpretation of the Supreme People's Court on the Application of the Civil Procedure Law of the People's Republic of China (ред. от 2020 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.thepaper.cn/baijiahao_16144170.
5. Brussels Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters 1968. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jus.uio.no/lm/brussels.jurisdiction.and.enforcement.of.judgments.in.civil.and.commercial.matters.convention.1968/portrait.pdf>.
6. 88/592/EEC: Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters - Done at Lugano on 16 September 1988. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A41988A0592>.
7. Rusakova E., Frolova E., Kupchina E., Koshelev A. Comparative legal analysis of the procedural arrangements for attachment of earnings of a debtor in the law of the Russian Federation and China // IJASOS-International E-journal of Advances in Social Sciences, 2020/9/10. P. 93-99.
8. Rusakova E.P., Frolova E.E. Introduction of Digital Methods of Protection of Rights as a Legal Guarantee of Business Activity in the Modern World (on the Example of China) // Smart Technologies for the Digitisation of Industry: Entrepreneurial Environment. 2022. P. 121-130.
9. Lu di, Zhou Xinjun. Study on Principle of Effective Connection in China's Foreign Agreement Jurisdiction System // Journal of Qiqihar University (Phi& Soc Sci), Jun. 2019. С. 102-104.
10. He Qisheng. The Idea of Justice in a Large Country and the Development of International Civil Procedure in China // Social Sciences in China. 2017. № 5. С. 123-146.

ЕВСЕЕВ Александр Дмитриевич

студент 3 курса Факультета Юриспруденции НИУ «Высшая школа экономики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА СУДЬБЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

В статье рассматривается проблема реализации на практике принципа единства судьбы в Российской Федерации. Показано, что проблема регулирования данного принципа из-за хаотичного и непоследовательного регулирования данного вопроса земельным и гражданским законодательством. Так как нет точной регулировки одних и тех же действий в земельном и гражданском законодательстве.

Ключевые слова: единство судьбы, российская правовая система.

EVSEEV Aleksandr Dmitrievich

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the «Higher School of Economics»

THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF UNITY OF FATE IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

The article deals with the problem of practical implementation of the principle of unity of fate in the Russian Federation. It is shown that the problem of regulating this principle is due to the chaotic and inconsistent regulation of this issue by land and civil legislation. Since there is no precise regulation of the same actions in land and civil legislation.

Keywords: unity of destiny, Russian legal system.

Двойное убийство в июне 2021 года, которое произошло на улице Просвещения в Адлере, имело большой общественный резонанс. Жертвами стали два судебных пристава, прибывших по решению суда на снос самовольной постройки. Третий гражданин - водитель спецтехники, получил легкое ранение. Виновник случившегося – 61-летний В. Кочиян, утверждавший, что проживает по указанному адресу с 4х летнего возраста, а землю оформлять ему просто не давали, арестован и отправлен в пенитенциарное учреждение [1]. Не дождавшись результатов судебного рассмотрения, Кочиян В. умер в СИЗО г. Краснодара 17 марта 2022 года.

Конфликты, в основании которых заложено реализация гражданами прав собственности объектов – один из злободневных вопросов гражданского права, требующих внимания и нормативного регулирования, а также выработки разрешительного регламента. Одним из наиболее частых оснований для порождения конфликтов выступает отсутствие единого толкования реализуемого в российском законодательстве принципа единства судьбы земли и возведенного на ней объекта недвижимости.

Принцип единства судьбы основан на положениях Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), а также на очень простой мысли - несмотря на то, что земля и постройки на ней являются отдельными объектами прав, отчуждаться они должны вместе, без образования единого объекта вещного права.

Данная идея появилась в римском праве и называлась суперфиций, от латинского superficies (solo cedit), что означало строение (следует за землей). Это было ограниченное право пользования чужим земельным участком, предполагающее возведение строения, право застройки [2]. В римском праве данное понятие вводилось для урегулирования вопроса с постройками на чужой земле. Таким образом, мы можем сказать, что суперфиций был разновидностью права пользования чужой землей, но отличался от аренды вечным характером.

Если сравнивать суперфиций с классическими сервитутами (ограниченным правом пользования чужой вещью), то в качестве главного отличия можно выделить наличие соглашения между собственником земли и собственником здания [2]. В последствие данный принцип распространялся не только на постройки над землей, но и под ней.

Таким образом, спустя много лет земля остается основным видом споров между собственниками земли и сооружений. Положение о принципе единства судьбы закреплено в пп. 5 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ. В соответствии с данной нормой, «единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому, все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков» [3]. Однако, существуют исключения, закрепленные в Главе V Федерального закона от 21.12.2001 № 178 ФЗ.

По смыслу Земельного кодекса Российской Федерации земля является объектом, у которого границы описаны. Помимо этого, основываясь на статье 135 Гражданского кодекса Российской Федерации, можно сказать, что постройки, здания, сооружения и тому подобные признаются принадлежностями данного участка и «следуют судьбе главной вещи» [4]. Данная мысль позволяет сделать вывод, что при отчуждении здания или другой вещи, стоящей на земле или под земельным участком, последний отчуждается вместе с ними. Однако, стоит отметить, что существуют исключения, описанные в п. 4 ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации. Обсуждаемый нами вопрос является достаточно спорным, и судебная практика по нему весьма неоднозначна. Важным фактом при этом является то, что суды часто отмечают, что земля имеет наибольшее значение (как бы «главнее») чем здания.

При этом, в ситуации, когда собственник здания или сооружения, находящегося на не принадлежащем ему участке, имеет право пользования земельным участком, если собственник сооружения изменится, то новый собственник будет иметь такие же права пользования, как и предыдущий.

Преимущественное право покупки или аренды чужого земельного участка имеет собственник зданий и сооружений, если те находятся на таком участке. Данная норма установлена п. 3 ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации, однако в большинстве случаев применяются правила преимущественной покупки долевой собственности, а все спорные вопросы разрешаются на основании ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Российское законодательство не рассматривает землю и сооружения на ней как «единый объект», а выделяет постройки в качестве самостоятельного объекта. Однако, такой объект тесно связан с землей, на которой он находится, в силу принципа единства судьбы. Такой подход в корне отличается от практики регулирования подобных вопросов в таких

странах как Германия и Австрия, где эти два объекта считаются «единными» [5]. Интересно отметить, что при покупке квартиры в России, собственник квартиры не получает право собственности на землю под ней, как и в Австрии, несмотря на «единый объект». При этом квартира в Австрии вносится в реестр в качестве отдельного права собственности [5].

Следуя идее идеальной системе постройки зданий и сооружений, подразумевается, что в праве собственности имеется и земля, и постройка. Эта система предназначена для избегания появления самовольных построек на чужой земле, не принадлежащей на праве собственности хозяину здания.

При сравнении Земельного кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации мы можем заметить противоречия, которые не могут притворить в жизнь идеи об «едином объекте». Если сравнивать ЗК РФ и ГК РФ, то первый подразумевает идею о том, что земля и постройки имеют разную правовую природу, на них распространяются разные вещные права. Таким образом, обладатель права собственности на землю имеет право и на постройку. Гражданский кодекс Российской Федерации предписывает, что земля и постройки также имеют разную правовую природу, что позволяет распоряжаться одним из двух объектов, несмотря на наличие права собственности на второй. Что касается прав на землю, то они ГК РФ предусматривает, помимо права собственности, специальные виды ограниченных вещных прав на землю: сервитуты, право бессрочного пользования и наследуемого владения земельным участком (ст. 216 ГК). В свою очередь, круг возможных вещных прав на постройки уже (несколько сужен).

Это приводит к тому, что Земельный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации, рассматривая продажу земли и недвижимости на ней, выделяют «главной вещью» разные объекты, один – землю, а другой – недвижимость.

Мнения судов в Российской Федерации по данному вопросу иногда весьма противоречивы. Так, большая часть из них не поддерживает идею о принципе единства судьбы [6]. Однако, есть и суды с противоположной точкой зрения. В таких случаях судьи приветствуют принцип единства судьбы [7].

Таким образом, исходя из сказанного выше, мы можем сделать вывод, что переход от принципа единства судьбы к «единому объекту» невозможен в связи с недостаточностью правовых норм, регламентирующих данный вопрос, а также противоречивостью судебной практики в Российской Федерации по данному вопросу.

Что предпринимается государством для того, чтобы нивелировать проблему и разрешить значительную часть потенциальных конфликтов, в основе которых лежат земельные споры собственников земли и недвижимости.

Для решения данной проблемы законодатель решил урегулировать вопрос «дачной амнистией». Дачная амнистия – это правила, которые установили «упрощенный порядок оформления прав на отдельные объекты недвижимости» [8], [11]. В них вошли:

1. земельные участки, под личное дачное хозяйство
2. объекты недвижимого имущества, на которые не требуется разрешение на строительство
3. объекты индивидуального жилья, предназначенного для ведения подсобного хозяйства.

Смысл данного понятия – это позволения гражданам, у которых уже есть личные построенные дачные хозяйства, зарегистрировать их в упрощенном порядке, то есть без направления уведомлений в органы местного самоуправления. Что позволило гражданам, имеющим на то основания, признавать право собственности земли, на которых находятся их сооружения с помощью принципа единства земли.

Так же Государственная Дума приняла поправки, которые внесли изменения в ст. 27 ЗК РФ (Федеральный закон от 16.02.2022 № 9-ФЗ) [9], снявшие ограничение на передачу в собственность гражданам земельных участков, находящихся во второй зоне санитарной охраны источников питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения [9]. Данный Федеральный закон разрешает приватизацию земли собственникам сооружений на них. Для этого достаточно обратиться на сайт государственных или муниципальных услуг и указать кадастровый номер участка, если постройка официально зарегистрирована [10]. Если постройки нет, то нужно предоставить план его расположения и обратиться за предвари-

тельным согласием [10]. Данная норма позволяет гражданам, имеющим в собственности постройку, получить в собственность землю на основании принципа «единства судьбы».

Таким образом, законодатель нашей страны преследует логику «единого объекта» других стран, что положительно влияет на социальную сторону – общество. Граждане, имеющие в собственности только сооружение, смогут приватизировать землю под ней в свою собственность, что фактически представляет собой единый объект собственности. Это будет способствовать решению земельных споров, а точнее право собственности земли и объектов, тесно связанных с ней, между гражданами и исполнительными органами власти с помощью принципа «единства судьбы».

Пристатейный библиографический список

1. Трагедия в Сочи: что стало причиной кровавой расправы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vesti.ru/article/2573305. (дата обращения: 02.04.2022).
2. Чуковская Е.Э. Суперфиций // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/law/text/4173885> (дата обращения: 03.03.2022).
3. В пп. 5 п. 1 ст. 1 Земельного Кодекса Российской Федерации «от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 16.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ae1af642112664f47a9e7afe92be8acce267e7e1/ (дата обращения: 10.03.2022).
4. Ст. 135 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.12.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/78b283a829ab39b6db6be7382e35f688663254ba/ (дата обращения: 10.03.2022).
5. Киселев С.В. Земля и строение как единый объект недвижимости (на примере европейских стран) // Журнал «Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование». – 2001. - № 1 (6). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dpr.ru/journal/journal_5_13.htm. (дата обращения: 10.03.2022).
6. Напр. см. Решение от 23 сентября 2020 г. по делу № А67-5430/2020 Арбитражного суда Томской области (АС Томской области), Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2015 № 308-КГ15-14547 по делу N А53-25867/2014.
7. Напр. см. Решение от 4 октября 2021 г. по делу № А52-3104/2021 Арбитражный суд Псковской области (АС Псковской области).
8. Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер» (утв. Минэкономразвития России).
9. Федеральный закон от 16.02.2022 № 9-ФЗ «О внесении изменения в статью 27 Земельного кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409581/. (дата обращения: 02.04.2022).
10. Изменения в правилах предоставления земельных участков в границах второго пояса зон санитарной охраны источников водоснабжения: что это означает и как оформить землю? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mio.mosreg.ru/sobytiya/novosti-ministerstva/25-02-2022-15-35-39-izmeneniya-v-pravilakh-predostavleniya-zemelnykh-u> (дата обращения: 02.04.2022).
11. О дачной амнистии и (или) продлении дачной амнистии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314301/45fc21faa7a66ac12372668d3e9fd21e6e203093/ (дата обращения: 02.04.2022).

ГИЛЕВА Надежда Сергеевна

студент 3 курса Юридической школы Дальневосточного федерального университета

«ГОНОРАР УСПЕХА»: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В работе рассматриваются актуальные вопросы и проблемы, связанные с условием о вознаграждении в зависимости от полученного результата оказания юридической помощи. Автор проводит анализ судебной практики по вопросам применения «гонорара успеха». Кроме того, в работе поднимается вопрос о возможности взыскания данных сумм в качестве судебных издержек с другой стороны. В конце исследования автором делается вывод о необходимости распространения законодательно закрепленной возможности применения указанного инструмента на лиц, не обладающих статусом адвоката, а также взыскания «гонорара успеха» с проигравшей стороны в качестве судебных издержек.

Ключевые слова: «гонорар успеха», вознаграждение, соглашение, юридическая помощь, судебные расходы.

GILEVA Nadezhda Sergeevna

student of the 3rd course of the Law School of the Far Eastern Federal University

SUCCESS FEE: PROBLEMS AND PROSPECTS OF APPLICATION

The paper deals with topical issues and problems associated with the condition of remuneration, depending on the result of the provision of legal assistance. The author analyzes the judicial practice on the application of the success fee. In addition, the paper raises the question of the possibility of collecting as legal costs the amounts of the success fee on the other hand. At the end of the study, the author concludes that it is necessary to extend the legally fixed possibility of applying the success fee to persons who do not have the status of a lawyer, as well as to recover the success fee from the losing party as legal costs.

Keywords: success fee, remuneration, agreement, legal assistance, court costs.

Вопрос о получении юристом гонорара в связи с успешным исходом дела долгие годы был под категорическим запретом, установленным Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П, который указывал, что «...в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг не предполагается удовлетворение требований исполнителя о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем»¹.

Однако, как известно, в 2020 году вступили в силу изменения в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ, которые в том числе законодательно закрепили возможность применения адвокатами на практике так называемого «гонорара успеха» – условия, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания юридической помощи². В адвокатском сообществе данные изменения были восприняты как «маленькая победа». Но не стоит забывать, что адвокаты – не единственные лица, которые оказывают юридические услуги. Что на счет юристов, не обладающих адвокатским статусом?

На сегодняшний день в законодательстве не предусмотрена возможность применения юристами, не являющимися адвокатами, условия о «гонораре успеха» в договоре о воз-

мездном оказании юридических услуг. Это не означает, что отсутствуют попытки со стороны юристов-не адвокатов применить данное условие в соглашениях с клиентами. Однако это чревато весьма непростыми последствиями.

Например, клиент, получив удовлетворяющий его результат, может попросту отказаться выплачивать за него гонорар. Безусловно, юрист в этом случае имеет право обратиться в суд, но из-за нежелания портить репутацию фирмы и потенциально возможного затягивания решения данного вопроса, скорее не станет этого делать. Да и практика по вопросу взыскания гонорара успеха носит весьма спорный характер. Например, Верховный Суд в Определении от 21 октября 2019 г. № 305-ЭС19-20273 по делу № А40-191144/2018 подтвердил правомерность отказа во взыскании «гонорара успеха», сославшись на позицию Конституционного суда из Постановления № 1-П/2007. «В этом акте Конституционный Суд указал, что в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг не предполагается удовлетворение требования исполнителя о выплате «гонорара успеха» по договору возмездного оказания услуг»³.

В то же время суды вполне допускают выплату «гонорара успеха» адвокату, как «премирование» его за положительный результат. Так, Арбитражный суд Свердловской области удовлетворил исковые требования истца о взыскании денежных средств по договору об оказании юридической помощи, указывая, что прямого запрета в гражданском законодательстве на включение в договор о возмездном оказании услуг дополнительного вознаграждения нет⁴.

1 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2022).

2 Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2022).

3 Определение Верховного суда РФ от 21.10.2019 г. № 305-ЭС19-20273 по делу № А40-191144/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogoSuda-rf-ot-21102019-n-305-es19-20273-po-delu-n-a40-1911442018/> (дата обращения: 10.04.2022).

4 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 февраля 2019 г. по делу № А60-7190/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudact.ru/arbitral/doc/wZLdXiKfFs1W/ (дата обращения: 11.04.2022).

Говоря о последствиях применения условия о «гонораре успеха», следует сказать также, что имеется достаточно громкие дела, свидетельствующие о непредсказуемых уголовно-правовых рисках включения условия о «гонораре успеха». Так, одним из показательных случаев стало дело «Аэрофлота», в котором адвокатов Диану Кибец и Александра Сливко обвинили в особо крупном мошенничестве на 250 млн руб. по договору на оказание юридических услуг, который содержал в себе условие о «гонораре успеха». В апреле Гагаринский районный суд г. Москвы приступил к рассмотрению уголовного дела, по которому адвокатам грозит до восьми лет лишения свободы [2].

Одним из распространенных аргументов в пользу применения «гонорара успеха» приводится факт того, что вознаграждение может быть включено в соглашение, в частности, если доверитель на момент подписания документа не имеет возможности оплатить помощь юриста. Предполагается, что в дальнейшем, после разрешения дела в пользу клиента, можно будет взыскать «гонорар успеха» с процессуального оппонента [4]. Однако данный вопрос является неоднозначным и на практике вызывает ряд сложностей. Так, в настоящий момент признается возможность включения «гонорара успеха» в состав судебных расходов при условии, что вознаграждение является разумным, соразмерным и обусловленным не только исходом дела.

На сегодняшний день в судебной практике превалирует подход, в соответствии с которым «гонорар успеха» не может быть взыскан с проигравшей стороны (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.05.2015 № 302-КГ15-2312 по делу № А78-5912/2013; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 по делу № А60-11353/2013). Вместе с тем суды в некоторых случаях все же приходят к выводу о том, что сумма обусловленного вознаграждения подлежит взысканию с процессуального оппонента (Постановление Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 № 16291/10 по делу № А40-91883/08-61-820; Постановление АС Уральского округа от 06.08.2014 № Ф09-4632/14 по делу № А76-16973/2013; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2017 № Ф05-18105/2016 по делу № А41-34496/2016).

Итак, по итогам вышеуказанного анализа становится очевидной противоречивость судебной практики по вопросам применения гонорара успеха. Практика всё еще не сложилась и характеризуется неустойчивостью. Но, как представляется, суды и не обязаны закрывать те пробелы, которые надлежит устранять законодателю.

В юридическом сообществе высказывается множество точек зрения в поддержку применения «гонорара успеха».

С точки зрения судьи Конституционного суда РФ А. Л. Кононова, которую он выразил в особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П, на судебное решение определенное влияние оказывают стороны в рамках состязательного процесса. Суд руководствуется в первую очередь доказательствами, которые были представлены участниками по делу. Принятое судебное решение в данном случае – это не предмет и не результат оказания услуг, а оценка их качества, успех или неуспех предпринятых действий, а также юридический факт, которым стороны связывают факт возникновения правоотношений, предусмотренных договором⁵.

А. Г. Карпетов также к введению «гонорара успеха» относится позитивно. Он считает, что прямой запрет «гонорара успеха» приведет к нарушению гражданского законодательства, в частности нарушит важнейший принцип свободы договора, согласно которому стороны самостоятельно устанавливают условия договора, если они не противоречат закону [3].

Г. П. Чернышев отмечает, что адвокат, получающий дополнительное вознаграждение за положительный результат, будет мотивирован оказывать юридическую помощь как можно качественнее [5].

А вопрос о правовой природе «гонорара успеха», по мнению А. И. Бычкова, следует решать, исходя из характера оказываемых услуг, а именно признавать подобные услуги судебными издержками [1].

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, следует сказать, что «гонорар успеха» является весьма важным инструментом в отношениях по возмездному оказанию юридических услуг. Однако важность его пренебрегается, когда дело заходит о применении данного инструмента на практике. Неуплата клиентом гонорара, риск привлечения к уголовной ответственности, невозможность взыскания гонорара в качестве судебных издержек – это далеко не все, но наиболее значимые проблемы, с которыми приходится сталкиваться юристу, внесшему в соглашение с клиентом условие о «гонораре успеха».

Считаю, что следует разрешить на законодательном уровне назревшую проблему применения «гонорара успеха» лицами, не имеющими статус адвоката, в виде поправок в законодательство, которые официально закрепили бы возможность внесения данного условия в договор о возмездном оказании юридических услуг.

А также необходимо поставить точку в вопросе возможности взыскания «гонорара успеха» с процессуального оппонента, закрепив общее правило, опять же, в законе.

Пристатейный библиографический список

1. Багреева Е. Г., Петухов С. В. «Гонорар успеха»: правовая и этическая природа // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 6 (43). – С. 23-25.
2. Войтов И. В., Чеботарев Р. А. «Гонорар успеха» в России и зарубежных странах: Специфика правового регулирования // Уральский журнал правовых исследований. – 2021. – № 4 (17). – С. 19-27.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карпетов. – Москва: М-Логос, 2017. – 1120 с.
4. Степанова Д. Н., Емелина Н. А. К вопросу о правовом регулировании гонорара успеха // Наука. Общество. Государство. – 2020. – № 3 (31). – С. 180-186.
5. Чернышев Г. П. О «гонораре успеха» (об условных гонорарах) // Закон. – 2007. – № 12. – С. 55-58.

5 Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2022).

ЖИЛКИБАЕВ Санат Нурболович

аспирант Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В РФ И КНР

В статье автором анализируются особенности правосубъектности коммерческих организаций с иностранными инвестициями (КОИИ) в РФ и КНР, что приводит нас к выделению данной специальной разновидности коммерческого юридического лица. Основным здесь является иностранный элемент, что вызывает ограничения и дополнения к национальному правовому статусу и политико-административный контроль, приводя к нестабильности правовой практики. Это требует выделения специальной разновидности коммерческого корпоративного юридического лица в лице коммерческой организации с иностранными инвестициями.

Ключевые слова: Россия, Китай, внешнеэкономическая деятельность, законодательство об иностранных инвестициях, коммерческая организация, предприятие.

ZHILKIBAEV Sanat Nurbolovich

postgraduate student of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation

SPECIAL LEGAL PERSONALITY OF A COMMERCIAL ORGANIZATION WITH FOREIGN INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA

In the article, the author analyzes the features of the legal personality of commercial organizations with foreign investments (COFI) in the Russian Federation and China, which leads us to the allocation of this special type of commercial legal entity. The main thing here is the foreign element, which causes restrictions and additions to the national legal status and political and administrative control, leading to the instability of legal practice. This demands to allocate a special type of commercial corporate legal entity in the face of a commercial organization with foreign investment.

Keywords: Russia, China, foreign economic activity, foreign investment legislation, commercial organization, enterprise.

Жилкибаев С. Н.

Внимание к теме иностранных инвестиций сегодня достаточно важно в связи с государственной стратегией активного привлечения и накопления иностранных инвестиций¹. В целях их оптимального публичного управления надлежит разумно установить правовой статус коммерческой организации (предприятия) с иностранными инвестициями (КОИИ, ПИИ). Успешный правовой опыт Китая для нас становится более актуальным в связи с российско-китайским «всеобъемлющим стратегическим взаимодействием и партнерством» и его надлежащим правовым сопровождением².

Законодательства об иностранных инвестициях РФ и КНР³ предусматривают общий национальный правовой

статус КОИИ в организационно-правовой форме товариществ и обществ (компании) либо филиала/представительства иностранной организации.

При этом международное право⁴ и национальные законодательства устанавливают два вида изъятий:

жим доступа: http://www.fdi.gov.cn/1800000121_39_4872_0_7.html (дата обращения: 10.10.2019).

中华人民共和国外商投资法实施条例 [Правила реализации Закона КНР «Об иностранных инвестициях»: Постановление Госсовета КНР № 723 от 12.12.2019]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2019-12/31/content_5465449.htm (дата обращения: 10.06.2021).

4 Протокол от 16.12.2011 «О присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15.04.1994». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132721/ (дата обращения 10.04.2022).

Договор о ЕАЭС: международное соглашение от 29.05.2014 (ред. от 05.04.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.04.2022). Protocols of accession of the People's Republic of China WT/MIN(01)/3/Add.2: Ministerial Conference Fourth Session Doha, 9-13 November 2001, Report of the Working party on the accession of China Addendum Schedule CLII – The People's Republic of China Part II – Schedule of Specific Commitments on Services List of Article II MFN Exemptions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/completeacc_e.htm (дата обращения: 22.05.2020). Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Agreement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rcepsec.org/legal-text/> (дата обращения: 22.03.2022).

1 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.»: Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 10.01.2020).

2 Совместное заявление РФ и КНР о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху: двустороннее соглашение от 05.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 24.01.2020).

3 «Об иностранных инвестициях в РФ»: федеральный закон от 9.07.1999 № 160-ФЗ (в ред. от 02.07.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (дата обращения: 10.04.2022). Foreign Investment Law of the People's Republic of China. [Электронный ресурс]. – Ре-

1) изъятия ограничительного/запретительного характера целесообразно и соразмерно защите публичных интересов;

2) изъятия стимулирующего/преференциального характера в целях социально-экономического развития страны.

Ограничительные меры носят:

1) географическо-территориальный (обременения по учреждению и функционированию КОИИ на отдельных территориях страны);

2) экономико-отраслевой (ограничение/запрет на ведение предпринимательской деятельности в отдельных сферах деятельности и на совершение отдельных сделок);

3) материально-объектный (запрет/ограничение использования в инвестиционном обороте отдельных видов имущества);

4) организационно-управленческий (ограничения по организационно-правовой форме, учреждению КОИИ, корпоративные ограничения) характеры⁵.

Также учитываются некоммерческие риски политизированности и административно-правоохранительной нестабильности «правовой жизни» иностранных инвестиций: перманентная угроза неприкосновенности частной собственности и личной свободы иностранного инвестора, в частности проблема санкций/контрсанкций⁶.

5 «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»: Федеральный закон N 57-ФЗ от 29.04.2008 (в ред. от 15.04.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 10.04.2022). 指导外商投资方向规定 [Положение о направлении иностранных инвестиций: приказ Государственного совета КНР № 346 от 11.02.2002]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE2ZjNlOTIhZDAxNmY0MjQxNGQ1MzAzZmU%3D> (дата обращения: 22.05.2020).

外商投资安全审查办法 [Меры по проверке безопасности иностранных инвестиций: Приказ Национальной комиссии по развитию и реформам КНР и Министерства торговли КНР № 37 от 19.12.2020]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/f/202012/20201203024662.shtml> (дата обращения: 10.06.2020).

外商投资准入特别管理措施 (负面清单) [Специальные административные меры для доступа к иностранным инвестициям (негативный список): Приказ Национальной комиссии по развитию и реформам КНР и Министерства торговли КНР № 32 от 23.06.2020]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/f/202006/20200602977237.shtml> (дата обращения: 10.06.2020).

6 «О безопасности»: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. от 09.11.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 12.04.2022).

«О специальных экономических мерах и принудительных мерах»: федеральный закон от 30.12.2006 N 281-ФЗ (в ред. от 01.05.2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64883/ (дата обращения: 12.04.2022).

«О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ»: федеральный закон от 28.12.2012 N 272-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70291034/> (дата обращения: 12.04.2022).

中华人民共和国国家安全法. [«О безопасности»: Закон КНР от 1.07.2015]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDIhZGQ2NzhiZjEzOTAxNjc4YmY3ZTA2NzA4MmY%3D> (дата обращения: 14.04.2022).

中华人民共和国反外国制裁法. [«О противодействии иностранным санкциям»: Закон КНР от 10.06.2021]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE2ZjNlOTIhZDAxNmY0MjQxNGQ1MzAzZmU%3D> (дата обращения: 14.04.2022).

Изъятия стимулирующего (привилегированного) характера в виде льгот и привилегий, дополнительных гарантий для иностранных инвесторов.

Так, предусмотрены следующие правовые гарантии иностранных инвесторов: право на суброгацию; право на компенсацию при реквизиции и национализации; стабилизационная («дедушкина») оговорка; право на использование доходов от инвестиций; право на беспрепятственный вывоз имущества и информации; преимущественно арбитражная оговорка; страхование от некоммерческого риска⁷.

Ярким примером привилегий для иностранных инвестиций являются территории со специальными правовыми режимами предпринимательской деятельности (ОЭЗ, ЗСТ, ТОР, ТОСЭР и проч.)⁸.

Институт коммерческой организации с иностранными инвестициями специально был создан учеными юристами в новейшее время, постоянно поддерживается и развивается сегодня в целях защиты экспорта и эффективного использования импорта капиталов. Политэкономический

DE3OWY1ZGQ5ZjAxNzlmODllN2ExZDA1ZDM%3D (дата обращения: 14.04.2022).

7 Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2001 N 58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30535/ (дата обращения: 10.04.2022).

Обзор практики разрешения судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов: (утв. Президиумом ВС РФ от 12.07.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219923/ (дата обращения: 10.04.2022).

最高人民法院关于适用《中华人民共和国外商投资法》若干问题的解释. [Интерпретация по некоторым вопросам, касающимся применения «Закона об иностранных инвестициях»: Постановление Верховного народного суда КНР № 20 от 16.12.2019]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-212921.html> (дата обращения: 10.06.2020).

最高人民法院关于审理外商投资企业纠纷案件若干问题的规定 [Интерпретация по некоторым вопросам, касающимся рассмотрения споров на предприятиях с иностранными инвестициями: Постановление Верховного народного суда КНР № 9 от 17.05.2010]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.court.gov.cn/fabu-xiangqing-1454.html> (дата обращения: 10.06.2020).

8 «Об особых экономических зонах в РФ»: федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 26.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 10.04.2022).

«О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ»: федеральный закон от 29.12.2014 N 473-ФЗ (в ред. от 11.06.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 10.04.2022).

«О зонах территориального развития в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»: федеральный закон от 03.12.2011 N 392-ФЗ (в ред. от 24.04.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122563/ (дата обращения: 10.04.2022).

鼓励外商投资产业目录. [Каталог отраслей, привлекаемых иностранными инвестициями: Приказ Национальной комиссии по развитию и реформам КНР и Министерства торговли КНР № 38 от 27.12.2020]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/article/b/f/202012/20201203026619.shtml> (дата обращения: 10.06.2020).

国务院办公厅关于进一步做好稳外贸稳外资工作的意见. [О дальнейшей стабилизации внешней торговли и иностранных инвестиций: Мнение Государственного совета КНР № 28 от 5.08.2020]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2020-08/12/content_5534361.htm (дата обращения: 10.06.2020).

детерминизм сильно влияет на дееспособное понимание и совершенствования правового регулирования КОИИ.

Указанные выше положения: ограничения и дополнения к национальному правовому статусу, иностранный элемент (субъект и объект правоотношений), политико-административный контроль/надзор и нестабильность правовой практики приводит нас к необходимости выделения специальной разновидности национального коммерческого юридического лица в лице коммерческой организации (предприятия) с иностранными инвестициями. Это требует от законодателя унификации правового статуса КОИИ, специализацию гражданского и предпринимательского права и его гармонизацию с законодательством об иностранных инвестициях.

Общая приверженность немецкой школе гражданского и корпоративного права и советское наследие хозяйственного права нашими странами подтверждает родство правовых систем России и Китая, как продукт т.н. «мягкой гармонизации», что послужит хорошим теоретическим и нормативным базисом правовой гармонизации статуса коммерческих организаций с иностранными инвестициями наших стран в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеенко А.П. Правовое регулирование отношений в сфере прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой аспект: монография / Под общ. ред. В.С. Белых. - Москва: Проспект, 2018. - 192 с. - ISBN 978-5-392-24102-6.
2. Бажанов П.В. Ведение бизнеса в Китае: правовые аспекты. Выпуск 1: Обзор правовой среды для бизнеса: книга для юристов, сопровождающих бизнес. - Москва: Инфотропик Медиа, 2015. - 212 с. - ISBN 978-5-9998-00209-5.
3. Борисенко П.И. Правовой режим иностранных инвестиций по российскому законодательству: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03. [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2012. - 23 с.
4. Веселкова Е.Е. Правовое регулирование иностранных инвестиций в РФ: опыт и перспективы: монография. - Москва: КноРус, 2017. - 160 с. - ISBN 978-5-406-07035-2.
5. Данельян А.А. Международно-правовой режим иностранных инвестиций: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.10 / [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. - Москва, 2016. - 49 с.
6. Лисица В.Н. Гражданско-правовой механизм регулирования инвестиционных отношений, осложненных иностранным элементом: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / [Место защиты: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации]. - Новосибирск, 2013. - 56 с.
7. Правовые основы бизнеса в Китае: коллективная монография / Отв. ред. А.Е. Молотников, В. Шань. - Москва: Издательство РКИО, 2018. - 572 с. - ISBN 978-5-9909751-4-9.
8. Рыцев К.О. Административно-правовое регулирование допуска прямых иностранных инвестиций в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. - Москва, 2016. - 26 с.
9. Салимзянов А.И. Гражданско-правовой режим иностранных инвестиций в особых экономических зонах: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / [Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет]. - Казань, 2020. - 25 с.
10. Семочкина М.А. Инвестиционная деятельность с участием иностранных инвесторов в Российской Федерации: правовой аспект: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина]. - Москва, 2014. - 29 с.
11. 侯珊珊. 论外商投资企业法律制度与内资公司法律制度的并轨. [Хоу Шаньшань. О слиянии правовой системы предприятий с иностранным капиталом и предприятий с национальным капиталом] // 法律. [Закон]. - 2017. - № 3. - P. 102-107.
12. 孙楠杰. 我国投资安全审查机制的法律构建. [Сунь Наньцзе. Юридическая конструкция механизма проверки инвестиционной безопасности Китая] // 法制博览. [Правовое обозрение]. - 2020. - № 11. - P. 153-154.
13. 田柯. 外商直接投资监管的法律制度效率-基于法经济学的分析. [Тянь Кэ. Эффективность системы надзора за прямыми иностранными инвестициями на основе анализа права и экономики] // 长江师范学院学报. [Журнал Университета Янцзы]. - 2019. - Vol. 35. - № 1. - P. 39-46.

АГАРКОВА Анна Андреевна

студент Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

БЕЛЕЦКАЯ Виктория Алексеевна

студент Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ДЕМЕНТЕЕВА Ирина Ильинична

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ И СИСТЕМЫ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ

В данной статье рассматривается история внедрения использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции в рамках судебных процессов, преимущественно гражданского и арбитражного. Помимо этого, уделяется особое внимание правовому регулированию применения данных систем судами. Ввиду наличия норм, регулирующих использование систем видеоконференц-связи и веб-конференции как в ГПК РФ, так и АПК РФ, был произведен анализ и выявлена дифференциация данных норм.

Ключевые слова: система видеоконференц-связи, система веб-конференции, техническое оснащение, судопроизводство, информационно-технологических средства.

AGARKOVA Anna Andreevna

student of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

BELETSKAYA Viktoriya Alekseevna

student of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

DEMENTEEVA Irina Ilyinichna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PARTICIPANTS OF THE CIVIL PROCESS AND THE ARBITRATION PROCESS OF THE CODES ON THE COLLECTION OF VIDEOCONFERENCING SYSTEMS AND THE WEB CONFERENCING SYSTEM

This article examines the history of the introduction of the use of videoconferencing and web conferencing systems in the framework of litigation, mainly civil and arbitration. In addition, special attention is paid to the legal regulation of the use of these systems by courts. Due to the existence of norms regulating the use of videoconferencing and web conferencing systems in both the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, an analysis was carried out and the differentiation of these norms was revealed.

Keywords: videoconferencing system, web conferencing system, technical equipment, legal proceedings, information technology tools.

Опыт применения видеоконференц-связи (далее – ВКС) на территории Российской Федерации составляет более 20 лет. Первая пилотная версия оснащения системой для проведения ВКС была установлена в Челябинском областном суде в мае 1999 г. А уже в ноябре данным судом было проведено первое заседание кассационной коллегии с использованием новой технологии для удаленного участия осужденных.

После возникновения прецедентов считалось, что система ВКС получит широкое развитие ввиду своих положительных характеристик. В первую очередь, использование ВКС является гарантом конституционного права гражданина на судебную защиту его прав и свобод. Также использование данной системы упрощает участие в гражданских, арбитражных процессах осужденных лиц,

Помимо этого, удобство применения данной технологии заключается в возможности участия в судебном процессе лиц, находящихся в разных регионах, что представляется достаточно актуальным, учитывая географические

особенности и обширность территорий нашего государства. Не стоит исключать тот факт, что, благодаря применению систем ВКС и системы веб-конференции, возможно поддержание механизма обеспечения разумных сроков в судопроизводстве.

Федеральным законом от 26.04.2013 года № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ» были внесены изменения в целях внедрения использования системы ВКС. Таким образом, впервые появился порядок использования ВКС в рамках гражданского судопроизводства, что представляется важным шагом, учитывая все ранее перечисленные возможности данной системы.

Для развития использования данной системы, была обозначена концепция для ее внедрения в аспекте Федеральной целевой программы на 8 лет, имеющей название «Развитие судебной системы России на 2013-2020 год». Однако реализация программы продвигалась медленно до наступления пандемии, вызванной COVID-19: к концу 2017 года 63% районных судов имели техническое оснащение для осуществле-

ния ВКС на своих платформах¹, мировые же судьи к системе подключились лишь в 2018 году².

В 2020 году появилась острая необходимость для использования систем ВКС ввиду распространения и борьбы с коронавирусной инфекцией. Так, Президиумом Верховного Суда РФ и Президиумом Совета судей РФ было издано Постановление от 8 апреля 2020 года № 821, в соответствии с которым судам было рекомендовано осуществлять инициативу по использованию системы ВКС при рассмотрении дел.

Если рассматривать официальную статистику, опубликованную на сайте Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество заседаний в рамках гражданского и административного судопроизводства составило больше 66 тысяч, что говорит о широте применения данных систем и развитии их использования³.

Необходимо различать ранее названные системы – системы ВКС и системы веб-конференции. Ни в Гражданском процессуальном кодексе, ни в Арбитражном процессуальном кодексе не дается официального определения данных систем. Исходя из анализа содержания статей, посвященных порядку применения данных систем, возможно осуществление дифференциации характерных признаков.

В соответствии с определениями, данными на официальном сайте Верховного суда Российской Федерации, видео-конференц-связь – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учетом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи.

Веб-конференция – технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет, а это не гарантированные каналы связи⁴.

Анализируя действующее законодательство, можно сделать вывод, для реализации такого механизма как участие в судебном заседании путем использования систем ВКС и веб-конференции, необходимо, помимо наличия технического оснащения в суде, осуществить подачу ходатайства об использовании одной из выше названных систем лицами, участвующими в деле, либо же данная процедура может осуществляться по инициативе суда. В целом, процессуальные действия, осуществляемые во время использования ВКС и систем веб-конференции, не отличаются от очного формата проведения судебного заседания, за исключением некоторых моментов.

С целью обеспечения участия в судебном заседании путем использования систем ВКС суд проверяет явку лиц, устанавливает личность явившихся лиц, а также берёт подписку

у других лиц о разъяснении им судом, рассматривающий дело, прав и обязанностей и предупреждение об ответственности за их нарушение. Стоит отметить, что подписка после дня ее получения не позднее следующего дня направляется в суд, рассматривающий дело, для приобщения к протоколу судебного заседания. Участие лиц с помощью системы ВКС закрепляется в соответствующем определении суда. Однако законодатель закрепил два условия, при которых, в удовлетворении ходатайства об участии в судебном заседании путем «веб-конференции», «видео-конференц-связи» может быть отказано: разбирательство проводится в закрытом судебном заседании, либо нет технической возможности проведения судебного заседания в заочном формате.

Использование ВКС возможно только в соответствующем суде, в том числе арбитражном, но имеется следующее исключение: для обеспечения участия лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах отбывания лишения свободы, могут использоваться системы ВКС данных учреждений (ФСИН России). Такое ограничение имеет смысл, поскольку даже в очном формате проведения бывают проблемы с подготовкой. Предполагается, что подготовка к проведению судебного заседания с использованием системы ВКС весьма трудоёмкий процесс, поскольку техническое оснащение должно иметь стабильный и качественный характер, чтобы в полной мере реализовать дистанционный формат проведения. Возникает вопрос, как и каким образом, осуществляет подготовку к проведению судебного заседания путем системы ВКС?

Ответ содержится в Приказе Судебного Департамента при ВС РФ от 28.12.2015 № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний». В регламенте имеется определение лица, ответственного за организацию ВКС, лиц ответственных за техническое обеспечение ВКС, лиц ответственных за техническое обслуживание программно-технических комплексов (комплектов) ВКС. Данные лица в рамках своей специализации осуществляют всесторонний контроль, настройку функционирования ВКС, ремонт, а также взаимодействие с филиалами ФГБУ ИАЦ Судебного Департамента и учреждениями ФСИН России. Помимо этого, предусматривается, что субъектами РФ может быть установлено расписание председателями областных и равных им судов, определяющее использование судами субъекта РФ программно-технических комплексов ВКС, установленных в учреждениях ФСИН России данного субъекта РФ. Информация вносится в расписание заранее до даты судебного заседания с учетом требований процессуального законодательства, при этом возможно внесение изменений в расписание. Из содержания регламента можно сказать, что законодатель постарался всесторонне подойти к нормативно-правовому регулированию вопроса организации системы ВКС.

Из выше сказанного, можно сделать вывод, что организация разбирательства дела в судебном заседании с использованием систем ВКС, сопровождается привлечением большого количества технического обеспечения, а также персонала, представляется трудоёмким процессом, однако реализация на практике представляется иным образом. Например, первые заседания, проведенные с помощью мессенджеров, прошли ещё в 2020 году, когда в Свердловской области одного из предпринимателей привлекли к административной ответственности за то, что его кафе работало вопреки введенным ограничениям (COVID-19). Можем предположить, что для поддержания такого формата необходим

1 Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают // ПРАВО.RU. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 14.05.2022).

2 Самтынова Е. ВС РФ отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи // СПС ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1361912/> (дата обращения: 14.05.2022).

3 За 2020 год суды рассмотрели по видеосвязи более 115 тыс. уголовных дел и материалов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsnews.ru/judicial_department_news/20210420/306987364.html (дата обращения: 14.05.2022).

4 Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.fu/files/28862/> (дата обращения: 14.05.2022).

технический минимум, а также высокоскоростное и стабильное Интернет-соединение, что вполне реализуемо. Использование мессенджеров, как уже указывалось, было вызвано пандемией COVID-19 и одновременно стало показателем наличия проблем с использованием систем ВКС. Если с ВКС законодатель большую часть пробелов урегулировал, то с веб-конференцией остались вопросы.

Норма об участии в судебном заседании путем использования системы веб-конференции (далее – ВК) в ГПК была введена Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ. Несмотря на то, что, данная норма является совершенно новой, сущность и механизм использования схож с системой ВКС, однако следует провести различие между ними. Веб-конференция в отличие от ВКС имеет свои недостатки, так конфиденциальность, безопасность, а также гарантированность передачи данных осуществляется на разных уровнях. ВКС является более надежной и автоматизированной, но веб-конференция может позволить участвовать в судебном заседании находясь при этом дома или в ином месте с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия. Стоит отметить, что лица, участвующие в деле, и другие участники процесса, вправе в ходе судебного заседания подавать в суд заявления, ходатайства и прилагаемые к ним документы в электронном виде – это свидетельствует о возможности лиц принимать непосредственное участие в разбирательстве дела. Между тем, сравнивая способ участия в судебном заседании в ГПК РФ и АПК РФ в научной литературе поднимался вопрос о том, кто из участников процесса обладает правом участвовать с помощью систем ВКС?

В АПК РФ выделяется вопрос о праве подавать ходатайство, об использовании систем ВКС переводчиком, поскольку данное лицо, прежде всего, привлекается с целью оказания содействия участнику процесса в осуществлении им процессуальных действий, а сам переводчик не принимает никаких активных действий в судебном процессе. Представляется неправильным ограничивать переводчика в реализации своего правомочия, поскольку в отличие от АПК РФ в ГПК РФ такая возможность закреплена непосредственно в законодательстве.

В целом положения о применении систем ВКС и веб-конференции в ГПК РФ и АПК РФ схожи, к примеру, по основаниям и организации проведения, но имеются и недочеты.

Так, в отличие от ГПК РФ в АПК РФ не предусматривается собственной инициативы суда о поднятии вопроса об использовании систем ВКС, тогда как суды могут либо удовлетворить непосредственно ходатайства стороны, либо исполняют судебное поручение другого суда, в том числе суда общей юрисдикции об обеспечении организации ВКС. Справедливо отмечается, что, несмотря на не закрепленность, законом не предусмотрены какие-либо препятствия для принятия решения по инициативе арбитражного суда, о проведение заседания с помощью систем ВКС. Если было принято решение о использовании ВКС, в арбитражном процессе обязательно составляется протокол и ведется видеозапись судебного заседания. Запись отправляется в суд, рассматривающий дело в течение пяти дней, и приобщается к протоколу судебного заседания.

Стоит отметить, что в ГПК РФ и АПК РФ предусмотрена два основания, по которым использование систем ВКС невозможно, а именно отсутствие технической возможности, а также, в случае если разбирательство дела происходит в за-

крытом судебном заседании. Запрет на использовании систем ВКС в закрытом судебном заседании обусловлен режимом недоступности сведений, которые могут составлять как коммерческую, так государственную или иную охраняемую законом тайну. Предполагается, что данный перечень является исчерпывающим, но принимается во внимание расширительное толкование отсутствия технической возможности, данное Пленумом ВАС РФ 2011 г., путем включения в него отсутствия объективной возможности.

Что касается сферы распространения нормы АПК РФ о возможности проведения ВКС, то она не получила широкого толкования, что кажется необоснованным. Утверждается, что из общего смысла применения систем ВКС как способа снижения судебных издержек сторон данные системы используются только в межрегиональных спорах.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, считаем необходимым осуществить закрепление в нормах АПК РФ положения относительно возможности использования системы ВКС в арбитражном процессе по инициативе суда. Введение данной корректировки необходимо для избежания возникновения дальнейшего неправильной трактовки законодательства и упрощения его использования правоприменителем. Также в положения ГПК РФ и АПК РФ представляется нужным ввести толкование и расширенный перечень положений, считающихся случаями отсутствия технической возможности. Посредством введения перечня будет возможна минимизация споров относительно вопросов невозможности проведения судебных заседаний посредством систем ВКС и веб-конференций.

Пристатейный библиографический список

1. Михайлова А. Видео-конференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают // ПРАВО.RU. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/201570/> (дата обращения: 14.05.2022).
2. Самтынова Е. ВС РФ отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи // СПС ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1361912/> (дата обращения: 14.05.2022).
3. За 2020 год суды рассмотрели по видеосвязи более 115 тыс. уголовных дел и материалов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_department_news/20210420/306987364.html (дата обращения: 14.05.2022).
4. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/files/28862/> (дата обращения: 14.05.2022).

КОБЛЕВА Мария Мухадиновна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

ЛУСЕГЕНОВА Зинаида Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПЕРЕХОД ОТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К ЦИФРОВОЙ

В статье предложено рассматривать цифровизацию правосудия как процесс внедрения цифровых технологий в процесс организации деятельности суда и роботизацию непосредственно процесса осуществления правосудия. По мнению авторов, сосредоточение научного внимания на процессах трансформации функций правосудия, окажет содействие в моделировании цифровой формы осуществления судебной деятельности, поможет спрогнозировать результаты внедрения цифровых технологий в судебную защиту прав, минимизировав отступления от содержания конституционных начал в новой судебной процессуальной форме.

Ключевые слова: виртуальное пространство; электронное правосудие; цифровое правосудие; цифровые формы судебной защиты прав; блокчейн-технологии, искусственный интеллект в правосудии.

KOBLEVA Mariya Mukhadinovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process law sub-faculty of the Russian branch of the Russian State University of Justice

LUSEGENOVA Zinaida Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Civil process law sub-faculty of the Russian branch of the Russian State University of Justice

MODERN FORMS OF ORGANIZATION OF JUDICIAL ACTIVITY: TRANSITION FROM INFORMATION ACTIVITY TO DIGITAL

The article proposes to consider the digitalization of justice as the process of introducing digital technologies into the process of organizing the activities of the court and the robotization of the process of justice itself. According to the authors, the focus of scientific attention on the processes of transformation of the functions of justice, will assist in modeling the digital form of judicial activity, will help predict the results of the introduction of digital technologies in the judicial protection of rights, minimizing deviations from the content of constitutional principles in a new judicial procedural form.

Keywords: virtual space; electronic justice; digital justice; robotization of judicial activity; program code of judicial practice; digital forms of judicial protection of rights; blockchain technologies, artificial intelligence in justice.

Современная реальность - общественное развитие в условиях глобализации и цифровизации, сопровождающееся интеграцией юридических и технических регуляторов. В современный период цифровизация рассматривается в контексте стратегических и национальных целей развития государства. Однако, в условиях глобализации и технизации всех сфер жизнедеятельности, цифровизация ломает сложившееся веками представление о праве, его идеях, ценностях, идеалах, методах и способах воздействия. В правовое регулирование вовлекаются новые сферы правового пространства, правовое регулирование становится многомерным, существенно трансформируется его структура, модифицируются сложившиеся связи. Возникают проблемы обновления юридической науки. В праве появляются новые категории - «информация», «энергия», «пространство». На основе интегративного понимания правовой материи появляется новое мировоззрение на понятия «отклоняющееся поведение», «образ модели должного поведения», «процесс формирования правовых установок» [1]. Цифровизация породила конвергенцию моделей поведения человека с машинным кодом на основе технологии блокчейн. Новое пространство, созданное в результате преобразования среды обитания человека неразрывно связано с функционированием сети «Интернет», которой многие ученые предрекают новую среду деятельности человека, общества, государства.

Формы передачи информации, средства приема информации, механизм формирования информационного, цифрового общества обозначаются терминами - «электронный», «цифровой», «сетевой». Государственные институты стали называться - «электронная демократия», «электронное правительство», «цифровое правительство», «электронная

экономика», «цифровая экономика», «электронное правосудие», «цифровое правосудие». Глобализированная среда использования информационного и коммуникативного ресурса - Интернета получила названия «виртуальное пространство», «киберпространство», «цифровое пространство», «сетевое пространство».

В последнее десятилетие активизировалась деятельность по информатизации, цифровизации пространства, государства, союза государств, планеты. Понятие «виртуальное пространство» имеет несколько определений как в международных документах (новая человеческая и технологическая среда, взаимоотношения в рамках которой происходят на основе взаимосвязанных средств коммуникационных инфраструктур, обеспечивающих цифровую обработку и передачу информации), так и в отечественной юридической литературе (новый способ коммуникации, совершения различных бизнес-операций с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, сфера действия права) [2]. Ю.А. Тихомиров (автор концепции правового пространства, которому свойственны разные уровни и виды регулирования) отмечает, что внедрить и научить использовать такую глобальную структуру как виртуальное пространство оказалось намного проще, чем наладить управление и контроль за ее использованием, а также гарантировать безопасность. Национальное регулирование отношений, складывающихся по поводу использования глобальной информационной сети, фрагментация сети по национальным сегментам влечет проблему определения границ национальной юрисдикции. В целях решения таких проблем наукой предлагается формирование новых форм государственности (формирование иерархически устроенных надго-

сударственных образований, в которых власть и функции будут распределены на нескольких уровнях) [3].

Государство, пишет И.Л. Бачило, в рамках его органов государственной власти призвано формировать общество, которое одновременно является и гражданским, и информационным [4]. Следовательно, границы понятий информатизированное общество и гражданское общество совпадают. В международных актах отмечается, что изучение робототехники, кодирования, кибербезопасности, блокчейновых технологий и искусственного интеллекта станет основой для будущих образовательных и учебных программ¹. Секторами электронного правосудия называются электронный парламент, электронное правосудие, электронное посредничество, электронная инициатива, электронные выборы, электронный референдум, электронное голосование, электронные консультации, электронные ходатайства, электронная агитация, электронные опросы. Под электронным законодательством следует понимать использование информационно-коммуникационных технологий для комментирования, обсуждения, составления, структурирования, форматирования, отправления, исправления, голосования и издания законов, принятых избранными собраниями. А электронное правосудие определено как использование информационно-коммуникационных технологий в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере с целью повышения эффективности и качества государственных служб, в частности для частных лиц и предприятий и включает в себя электронное общение, обмен данными и доступ к информации судебного характера².

Внимание судебной власти и правовой науки сконцентрировано на формировании новых форм осуществления судебной деятельности с помощью информационного пространства, цифровых технологий.

С начала XXI века правовая наука стала активно заниматься вопросами права в информационном обществе, (Например, исследования 2009 года - Понятийный аппарат информационного права) [5], с 2018 года правовая наука погрузилась в глубокое исследование процессов цифровизации. Ю.А. Тихомиров отметил, что до 2019 года правовая наука занималась разработкой отдельных аспектов правового обеспечения роботизации, однако еще не создана единая картина, концепция и стратегия развития в этой области [6]. Внедрение цифровых технологий в правоприменительную деятельность, отмечают ученые праведы, произошло без особого обсуждения и осознания влияния такого внедрения на судебные процессы [7].

Цифровые технологии, становясь формой осуществления правоприменительной деятельности, не могут не оказывать воздействие на содержание такой деятельности, на ее отдельные институты, принципы. Идентичность терминов «информационные технологии», «информационно-телекоммуникационные технологии» и «цифровые технологии», закреплена нормативно. Так, в ФЗ от 27.07.2006г. № 149-ФЗ зафиксировано понятие информационных технологий, как процессов, методов поиска, сбора, хранения, обработки, представления, распространения информации и способов осуществления таких процессов и методов, а информационно-телекоммуникационная сеть определена, как технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники³.

Как следует из ГОСТа 17657-79 «Передача данных, термины и определения» (использование с 1980 года), терминология цифровые технологии связана с цифровой формой формирования и передачи сигнала. В Положении «О ведомственных Программах цифровой трансформации», информационно-

телекоммуникационные технологии определены как совокупность информационных технологий и информационных сетей, необходимых для реализации полномочий государственных органов и обеспечения их деятельности, а цифровая трансформация как совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по представлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность. Следовательно, информационные и цифровые технологии применительно к судебной деятельности являются инструментами осуществления организационной и правоприменительной деятельности, включая электронный документооборот, электронное делопроизводство, автоматическую обработку правовой информации и обеспечение дистанционного доступа к ней, видео-конференц-связи.

Развитие интернет-пространства, цифровизация деятельности государственных институтов, динамика правового регулирования информационных отношений, предопределяют первоочередные задачи судебной системы по технизации всех сфер судебной деятельности, и поиску новых форм судебной защиты прав в цифровой среде.

Цифровые технологии оптимизируют технические вопросы, в том числе автоматизированное составление отчетности на основе обработки данных. Функция организация управления включает элементы: 1) формирование системы управления; 2) упорядочение управленческих отношений между субъектом и объектом управления; 3) определение прав и обязанностей; 4) определение структуры органов и организаций; 5) подбор и расстановку кадров. Ученые считают, что технизация процессов управления в указанной функции повлечет в основном оптимизацию работы кадрового состава, а применительно к судебной деятельности функции аппарата судов.

Научное осмысление цифровой трансформации судебной деятельности следует основывать на следующих векторах анализа правосудия:

1) правовом – правосудие рассматривается как организационный комплекс (учреждение и функционирование субъектов правосудия, их место в системе государственной власти, организация взаимодействия между ними и взаимоконтроля);

2) коммуникативной характеристике правосудия – правосудие рассматривается как порождение объективной социальной потребности в цивилизованном разрешении правовых споров.

Правовой науке и судебной практике предстоит сложный путь развития в условиях формирования информационного общества, внедрения права в цифре в механизм социальной регуляции.

Пристатейный библиографический список

- Хабриева Т.Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. - Москва: Российская академия наук; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2020. - С. 35-36, С. 91-93.
- Тихомиров Ю.А., Головина А.А., Плюгина И.В. [и др.] Правовое пространство: границы и динамика: монография / Отв.ред. Ю.А. Тихомиров. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. - С. 31-32.
- Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: границы и динамика. - С. 39, С. 42-47.
- Бачило И.Л. Правовая платформа построения электронного государства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
- Бачило И.Л. Информационное право. - М., 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».
- Тихомиров Ю.А. Юридическая концепция роботизации: монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров.
- Брановицкий К.Л., Ренн И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов Ан.В., Ярков В.В. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимодействия // Herald of The Euro-Asian Law Congress. - 2018. - № 2. - С. 56-68.

1 Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы 2313 (2019) «Роль образования в цифровую эпоху: превращение «цифровых аборигенов» в «цифровых граждан». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tm.coe.int/adoptedtexts-cr-nov-2019-ru/1680996a22>.

2 Рекомендация Комитета министров Совета Европы CM/Rec (2009)1 государствам –участникам Совета Европы по электронной демократии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31250951.

3 Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. - N 31. – Ст. 3448; 2010. - N 31. - Ст. 4196.

МОСКОВСКИХ Александр Олегович

студент Российского государственного университета правосудия

ВОЗМОЖНОСТИ СЛАБОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье анализируются вопросы влияния глобальной цифровизации на гражданский процесс. Внедрение цифровых технологий в судопроизводство уже дало определённые результаты. Ускорению этого способствовало установление ограничительных мер в связи с эпидемиологической обстановкой в мире. Автором обращено внимание на группу технологий слабого искусственного интеллекта, представленную машинным обучением. Научная новизна проведенного исследования заключается в предпринятой автором попытке выявить особенности применения слабого искусственного интеллекта при осуществлении гражданского правосудия, определить пути их развития и предложить конкретные способы дальнейшей цифровизации судебной системы. Представленная статья основывается на следующих методах: анализ и синтез научной литературы и практики, мнений экспертов, анализ зарубежного и отечественного опыта. Статья позволяет ориентировать законодателя и правоприменителя в вопросах особенностей реального функционирования слабого искусственного интеллекта сегодня и определяет перспективные направления его развития, что и составляет практическую значимость исследования. При дальнейшем активном развитии слабый искусственный интеллект станет базой для сильного, вплоть до нивелирования проблем вынесения судебных решений по гражданским делам.

Ключевые слова: слабый искусственный интеллект, гражданский процесс, цифровизация судебной деятельности, искусственный интеллект при осуществлении правосудия, судья, искусственный судья.

MOSKOVSKIKH Aleksandr Olegovich

student of the Russian State University of Justice

POSSIBILITIES OF WEAK ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL PROCEEDINGS: REALITIES AND PROSPECTS

The article analyzes the issues of the impact of global digitalization on the civil process. The introduction of digital technologies in legal proceedings has already yielded certain results. The acceleration of this was facilitated by the establishment of restrictive measures in connection with the epidemiological situation in the world. The author drew attention to the group of weak artificial intelligence technologies represented by machine learning. The scientific novelty of the study lies in the attempt made by the author to identify the features of the use of weak artificial intelligence in the implementation of civil justice, determine the ways of their development and propose specific ways for further digitalization of the judicial system. The presented article is based on the following methods: analysis and synthesis of scientific literature, expert opinions, analysis of foreign and domestic experience. The article allows to guide the legislator and the law enforcer in the issues of the features of the real functioning of weak artificial intelligence today and determines the promising directions of its development, which is the practical significance of the study. With further active development, weak artificial intelligence will become the basis for strong, up to leveling the problems of making judgments in civil cases.

Keywords: Narrow Artificial Intelligence, civil process, digitalization of judicial activity, artificial intelligence in the implementation, judge, artificial judge.

Актуальность.

Цифровизация не относится к новому предмету внимания исследователей и экспертов, проблема применения искусственного интеллекта (ИИ) выводится на новый уровень. Особенное значение в настоящее время отводится внедрению данных технологий в гражданское правосудие для облегчения принятия судебных решений и снятия чрезмерно высокой нагрузки с судей.

Изучением данной проблематики занимались такие авторы, как П.М. Морхат, В.В. Момотов, Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова, Г.С. Тюляев, М.С. Нагорная, М.В. Чижов и др. Невозможно не согласиться с мнением академика Константина Анохина о том, что мир возглавит тот, кто будет лидировать в создании искусственного интеллекта [1]. Именно поэтому в Российской Федерации активно разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты, связанные с развитием ИИ. Например, во исполнение послания Президента РФ был принят Федеральный закон, который направлен на создание

условий для активного продвижения технологий искусственного интеллекта в Москве и создания соответствующих нормативных актов [2]. Также стоит обратить внимание на Указ Президента № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепляющий стратегию совершенствования технологий искусственного интеллекта до 2030 года [3]. Так, например, российским экспертам необходимо создать цифровые открытые библиотеки и программное обеспечение, в которых будут использоваться технологии искусственного интеллекта; разработать российские микропроцессоры, которые не будут уступать существующим иностранным аналогам.

В 2020 году был утвержден федеральный проект «Искусственный интеллект» с бюджетом более 36 млрд. рублей. Согласно положениям данного документа, к 2024 году планируется поддерживать за счет грантового финансирования не менее 569 малых предприятий, применяющих и коммерциализирующих продукты, сервисы и решения с использова-

Московских А. О.

нием технологий искусственного интеллекта; начиная с 2021 года, ежегодно поддерживать не менее 6 исследовательских центров в сфере ИИ (включая сильный ИИ), также предполагается к 2024 году ввести образовательный модуль по ИИ для всех школьников и т.д. [4].

Успешно развиваются технологии ИИ и за рубежом. Если в 2015 году стран, занимающихся активным внедрением искусственного интеллекта, было не больше десяти, то на начало 2022 года таких государств уже больше пятидесяти, и цифра постоянно растет. Например, в США с 2019 года работает специальный алгоритм, который даёт рекомендации и «помогает» судье принять решение – отпустить подозреваемого под залог или под подписку о невыезде, или же заключить его под стражу. Данная система была реализована путем загрузки базы данных из 1,6 млн дел, из которых искусственный интеллект делает выборку подходящих под ситуацию случаев и как в данной ситуации поступил судья [5].

В Китайской Народной Республике с 2015 года успешно работают «умные суды», ведущими из них являются три специализированных интернет-суда. Они преимущественно рассматривают дела, связанные с качеством товаров онлайн-магазинов и нарушением имущественных прав граждан, и проходят полностью он-лайн – начиная от приема документов и заканчивая вынесением решения [6].

В рамках данной публикации **целью статьи** является изучение особенностей применения слабого искусственного интеллекта в гражданском процессе и ответа на поставленные вопросы: что уже реализовано на сегодняшний день в рамках цифровизации судебной системы? Как можно максимально эффективно использовать искусственный интеллект в суде? Какие перспективы развития применения искусственного интеллекта при осуществлении правосудия? Результаты данного исследования могут быть использованы при совершенствовании внедренных в судебную систему технологий ИИ.

Основное изложение материала.

Впервые законодательное закрепление понятия «искусственный интеллект» было отражено в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», согласно которой под ним понимается совокупность технологических решений, которые позволяют моделировать когнитивные возможности человека (в том числе и возможность самообучаться и искать решение на поставленную задачу без заданного алгоритма) и в конечном итоге получать результаты на уровне результатов деятельности человека. «Технологии искусственного интеллекта» раскрываются как технологии, которые основаны на применении искусственного интеллекта, в том числе и «перспективные методы искусственного интеллекта» [3]. Под последним подразумевается создание универсального (сильного) искусственного интеллекта, который должен иметь интеллектуальные способности человека или даже превосходить их, обладать самосознанием (то есть способность рефлексировать), уметь испытывать ощущения, выражать свои мысли без предустановленных алгоритмов и т.д. [7] В настоящее время полностью автономного, независимого от человека, сильного ИИ нет, однако в некоторых странах имеется успешный опыт применения «полунезависимого» робота-судьи. Так, например, прокуратура округа Буэнос-Айрос Аргентины опубликовала предварительные результаты апробации программы Prometea, которая за полминуты может вынести решение по ряду гражданских дел и оформить его надлежащим образом. Отмечается, что за период тестирования в 2018 году местными судьями было

утверждено 100% решений, принятых данным ИИ [8]. Однако итоговое решение, как видно, все равно остается за человеком. По мнению В. Лаптева, о самостоятельном характере деятельности «искусственных судей» в настоящее время речь не идет [9].

Иначе дела обстоят со слабым искусственным интеллектом – типом ИИ, ограниченного какой-либо узкой областью применения и работающего на основе предустановленных задач. Слабый ИИ активно внедряется во все сферы жизни общества, в том числе и в судопроизводство. Наблюдается цифровизация судебной системы: в стране внедрен цифровой сервис «Правосудие он-лайн». Возможности сервиса позволяют обратиться в суд в электронной форме, дистанционно получить необходимую информацию по конкретному судебному процессу, по материалам электронных дел, по конкретным судебным актам. В период активного распространения COVID-19 судебные заседания стали часто проходить по видеоконференцсвязи. Так, например, за 2020 год число заседаний по гражданским и административным делам, проведенных в таком формате, составило более 66 тысяч. Также к услугам граждан и специалистов функционирует портал «Картотека арбитражных дел» для дистанционного доступа к информации о российской судебной системе.

Уже более 15 лет в судах общей юрисдикции действует Государственная автоматизированная система «Правосудие», а суды Москвы оборудованы Комплексной информационной системой, которая включает в себя аудио- и видеозаписи судебных процессов, алгоритм публикации сведений о прошедших судебных заседаниях, имеющихся материалов и т.д. В ближайшем будущем во всех судах России будет вестись обязательная аудиозапись судебных процессов, а дела будут автоматизировано распределяться между судьями с учетом их нагрузки, как это уже происходит в некоторых регионах РФ. Владислав Онищенко, бывший руководитель Аналитического центра при Правительстве РФ, выступая на ПМЭФ-2019, предложил создать программу, распределяющую дела по всей стране, а не в рамках одного судебного органа. Осуществить задуманное предполагается посредством рассмотрения дел дистанционно, с помощью видеоконференцсвязи [10].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что слабый искусственный интеллект достаточно широко применяется на сегодняшний день при осуществлении правосудия, но эти функции можно расширить. На наш взгляд, ИИ нужно в первую очередь активно продолжать внедрять там, где необходима обработка большого потока информации и где существует возможность работать «по шаблону», то есть в двух основных направлениях: судебное делопроизводство и судебная статистика. В. В. Момотов выступил на VI Московском юридическом форуме с предложением внедрить искусственный интеллект в приказное производство, а для формирования электронных дел использовать блокчейн-технологии [11]. Данное заявление не лишено смысла, например, согласно статистике, представленной Верховным судом РФ, за 2018 год было выдано 6,2 млн судебных приказов на взыскание коммунальных услуг. В связи с отсутствием спора о праве данную деятельность представляется возможным переложить на искусственный интеллект, так как в данном случае работа носит в основном технический характер, а нагрузка на судебную систему существенно бы снизилась.

Заглядывая в ближайшее будущее, можно спрогнозировать внедрение целого ряда технологий слабого искусственного интеллекта, возможности которых позволяют реализовывать в гражданском процессе, например, следующие действия:

- идентификация и автоматический перевод на любой язык мира судебных документов;
- ведение цифрового протокола хода судебных заседаний;
- автоматическое определение специализации судей по категориям дел, и распределение дел между судьями соответствующих составов судов по всей России;
- администрирование выдачи цифровых исполнительных листов, и мониторинг их движения в юридическом обороте.

Кроме того, облегчить работу аппарата суда возможно благодаря роботизации некоторых процессов. Так, роботов Baxter [12] можно обучить выполнять рутинную работу и успешно применять на любой стадии делопроизводства: от подачи искового заявления и его принятия к производству, до сортировки дел в архиве. Такую немаловажную работу, как оформление и отправка корреспонденции, также можно возложить на роботов, что приведет к высвобождению огромного количества времени и ускорению осуществления правосудия.

Также предполагается, что в будущем возможности слабого искусственного интеллекта будут эксплуатироваться для правового анализа целого ряда доказательств:

- установление категории и правовых свойств сделки (время совершения, форма и подлинность);
- контроль расчета требований по судебному иску;
- установление фактов истечения срока исковой давности и срока обращения в суд;
- обоснование вариантов мировых соглашений и применение медиативных процедур.

Для реализации данных задумок в суде можно опираться на систему Watson Discovery компании IBM, которая может проанализировать большое количество документов и сформулировать итоги на основе технологий машинного обучения и тех алгоритмов, которые будут заранее заложены [13]. Человек при этом достаточно будет проверить выводы, обоснованные слабым искусственным интеллектом, и способ их вычисления.

Вывод.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что активно происходит цифровизация судебной системы. На сегодняшний день уже созданы и успешно применяются системы слабого искусственного интеллекта в судопроизводстве, которые значительно упрощают работу судей и аппарата суда. Вместе с тем стоит резюмировать, что внедрение ИИ находится только на ранней стадии, использование интеллектуальных автономных систем значительно повысит качество правосудия только тогда, когда судебная сфера будет находиться на более высокой ступени цифровой зрелости. Пока что можно констатировать только достижения промежуточных позиций. Представляется, что некоторые из предложенных в данном исследовании вариантов внедрения слабого искусственного интеллекта в судопроизводство в ближайшем будущем может найти свое отражение в реальной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Медведев Ю. Академик Анохин: Современный искусственный интеллект – это «черный ящик». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/20/akademik-anohin-sovremennyj-iskusstvennyj-intellekt-eto-chnyj-iashchik.html>.
2. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в це-

лях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351127/ (дата обращения: 18.05.2022).

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 10.05.2022).
4. Паспорт федерального проекта Искусственный интеллект национальной программы Цифровая экономика Российской Федерации (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17) // СПС Консультант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/podborki/federalnyj_proekt_iskusstvennyj_intellekt/ (дата обращения: 20.05.2022).
5. Керман А. Искусственный интеллект помогает американским судьям принимать решения. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://22century.ru/computer-it/61806>.
6. Мяло Д. Крадущийся тигр. Искусственный интеллект в Китае принимает решения по делам, а судьи отправляют правосудие в соцсетях. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.law.ru/article/22959-kradushchiysya-tigr-kak-iskusstvennyj-intellekt-stanovitsya-chastyu-sudebnoy-sistemy-kitaya>.
7. Войниканис Е. А., Семенова Е. В., Тюляев Г. С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник Воронежского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 137-148.
8. Иванов М. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://legal.report/resheniya-roboty-sudi-polnostyu-ustrayayut-sluzhitelej-femidy/>
9. Лаптев В. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать // Портал «Право». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/232129/> (дата обращения: 27.04.2022).
10. Едовина Т. На ПМЭФ обратились к искусственному интеллекту. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3993010>.
11. Момотов В. Искусственный интеллект в суде не будет нейтрален к человеку. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/viktor-momotov-iskusstvennyj-intellekt-v-sude-ne-budet-nejtralen-k-cheloveku/> (дата обращения: 27.04.2022).
12. How Baxter Robot Works. – [Видеозапись]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=gXOkWuSckRI> (дата обращения: 21.05.2022).
13. IBM. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ibm.com/watson/services/discovery/> (дата обращения: 23.10.2019).

СИНИЦЫНА Валерия Александровна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ДЕМЕНТЕЕВА Ирина Ильинична

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ИМУЩЕСТВА БЕСХОЗЯЙНЫМ И ПРИЗНАНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ТАКОЕ ИМУЩЕСТВО НА ОСНОВЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы процессуального регулирования положения бесхозяйных вещей на основе судебной практики и различные научные точки зрения на данные проблемы. Исследованы затруднения, возникающие в процессе разрешения категорий дел, связанных с признанием имущества бесхозяйным и признанием права собственности на них, предложены варианты разрешения таких трудностей. В частности, вопросы касаются увеличения круга субъектов, правомочных подавать заявления в суд по данному типу дел, а также вариантов упрощения судебного производства в целях ускоренного разрешения дел и оптимизации работы судов.

Ключевые слова: бесхозяйное имущество, признание имущества бесхозяйным, приобретение права собственности на бесхозяйную вещь.

SINITSYNA Valeria Aleksandrovna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

MITASHOVA Anastasiya Anatoljevna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

DEMENTEEVA Irina Ilijinichna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

THE PROBLEMS OF RECOGNIZING PROPERTY AS OWNERLESS AND RECOGNIZING OWNERSHIP OF SUCH PROPERTY ON THE BASIS OF JUDICIAL PRACTICE

The article deals with the actual problems of procedural regulation of the situation of ownerless things on the basis of judicial practice and various scientific points of view on these problems. The difficulties arising in the process of resolving categories of cases related to the recognition of property as ownerless and the recognition of ownership of them are investigated, options for resolving such difficulties are proposed. In particular, the issues relate to increasing the number of subjects eligible to file applications to the court for this type of cases, as well as options for simplifying judicial proceedings in order to speed up the resolution of cases and optimize the work of the courts.

Keywords: ownerless property, recognition of property as ownerless, acquisition of ownership of an ownerless thing.

История развития института бесхозяйных вещей берет свое начало в период существования правовой системы Древнего Рима. Римское право в Законах XII таблиц предусматривало правило приобретения права собственности на бесхозяйную вещь: вещь, не изъятая из оборота, но не имеющая собственника, поступает в собственность того, кто первый ее захватит, то есть через «оккупацию» (захват с целью владения) [2]. В русской доктрине гражданского права сложилась другая позиция: и в дореволюционный, и в послереволюционный период сохранялась презумпция государственной собственности: вещь предполагалась государственной собственностью, если ее иная принадлежность не доказана.

В настоящее время одним из оснований приобретения права собственности на вещь действующее гражданское зако-

нодательство также называет приобретение права как частной, так и государственной собственности на бесхозяйную вещь¹. Объясняется это тем, что в настоящее время статус такой вещи рассматривается как явление, нежелательное в целом для гражданского оборота по нескольким причинам: во-первых, оно затрудняет извлечение полезных свойств из такой вещи; во-вторых, создаёт проблемы ее содержания, а именно в части несения ответственности вследствие причинения вреда при ее использовании, а также другие негативные последствия.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

Синицына В. А.

Миташова А. А.

Деметеева И. И.

Преодолеть такое состояние вещи, как бесхозяйственность, можно только при помощи определения нового собственника. Таким образом, государство заинтересовано в обнаружении таких вещей и расширении круга лиц, имеющих право признать право собственности на них за участниками гражданского оборота [1].

Авторы научной работы выделяют следующие важные проблемы правового регулирования рассмотрения и разрешения дел о признании имущества бесхозяйным и признании права собственности на такое имущество, установленные главой 33 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) (далее ГПК РФ)².

В первую очередь, следует обратить внимание на ряд лиц, которые, согласно ГПК, имеют право подать заявление на признание вещи бесхозяйной и признание права собственности на такую вещь. К таким лицам законодатель относит: любое физическое, юридическое лицо, вступившее во владение вещью; финансовый орган; орган, уполномоченный управлять муниципальным имуществом или имуществом, находящимся в собственности города федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга или Севастополя. Особый интерес представляет финансовый орган, который подает заявление в суд о признании движимой вещи, изъятой федеральными органами исполнительной власти в соответствии с их компетенцией, по месту нахождения этой вещи. Такое полномочие Постановлением Правительства³ конкретно устанавливается за Федеральным агентством по управлению государственным имуществом и его территориальными органами (Росимущество). Отсюда возникает вопрос - указанное полномочие закрепляется исключительно за данным органом, или обращаться в суд с заявлением о признании движимой вещи бесхозяйной могут и другие государственные органы? Законодательство не дает четкого ответа на настоящий вопрос, однако авторы работы приходят к следующему выводу.

Так как на практике имеют место обращения в суд по данному основанию других органов, которые непосредственно осуществляют изъятие вещей, обладающих признаками бесхозяйственности, часто суды признают таких лиц ненадлежащими заявителями. В качестве примера можно привести случай, когда в суд с заявлением о признании бесхозяйным хранящегося в дежурной части отдела полиции охотничье-го гладкоствольного ружья и передаче его на уничтожение в специализированный орган обратилось УМВД России по г. Саратову. Определением суда в принятии заявления было отказано на том основании, что заявитель не наделен полномочиями на обращение в суд с заявленными требованиями. Суд апелляционной инстанции с этими выводами согласился. Таким образом, считаем, что ограничение круга государственных органов, имеющих право на предъявление в суд в порядке главы 33 ГПК одним лишь Росимуществом затрудняет процесс разрешения дел по бесхозяйному имуществу. Предпочтение отдается мнению, согласно которому полномочия государственных органов по изъятию вещей тесно взаимосвязано с правом на обращение в суд с заявлением о признании движимой вещи бесхозяйной, такое право должно вытекать из этих полномочий.

Еще одним дискуссионным моментом представляется спор о возможности обращения в суд с заявлением о признании имущества бесхозяйным и о признании права собственности на бесхозяйное недвижимое имущество прокурора. Точка зрения о недопустимости такого обращения основывается на практике деятельности некоторых судов, которые отказывают в принятии заявления по данному вопросу ввиду ненадлежащего заявителя, и основывается непосредственно на статье 290 ГПК, которая не упоминает о таком праве прокурора.

Другая сторона вопроса отводит нас к полномочиям прокурора, указанным в статье 45 ГПК [3]. Так, если признание

имущества бесхозяйным или признание права собственности на такое имущество затрагивает интересы Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, то прокурор вправе обратиться в суд для защиты таких интересов. Так, решением Благодарненского районного суда Ставропольского края было удовлетворено заявление прокурора в интересах Российской Федерации о признании немаркированной алкогольной продукции бесхозяйным движимым имуществом. Интересы Российской Федерации в данном случае сводятся к тому, что изъятая алкогольная продукция не имела соответствующих марок акцизного сбора и документов, а, следовательно, не может находиться в обороте согласно гражданского законодательству. Суд пришел к выводу, что оборот такой нелегальной продукции причиняет действительным ущерб интересам Российской Федерации в силу нарушения экономических интересов государства, интересов потребителей в обеспечении данной продукцией в хорошем качестве.

Таким образом, хотя данное правомочие и не упоминается прямо в главе 33 ГПК, прокурор может относиться к субъектам права на обращение в суд с заявлением о признании имущества бесхозяйным и о признании права собственности на бесхозяйное недвижимое имущество. Считаем, что для устранения противоречий стоит упомянуть о данной компетенции прокурора непосредственно в статье 290 главы 33 ГПК.

Еще одной проблемой является целесообразность проведения судебного заседания в порядке особого производства в отношении отдельных категорий дел, связанных с признанием имущества бесхозяйным. Речь идет о таких делах, в которых сумма бесхозяйной вещи явно является незначительной. Например, имеется судебная практика, когда прокурор заявляет требование о признании бесхозяйного имущества в виде купюр, достоинством в 1000 рублей Или, когда суд принимает решение о возврате денежных средств в размере 600 рублей физическому лицу, а оно, в свою очередь, не обращается в УМВД (где данные средства находятся на ответственном хранении) для их возврата. Тогда органам приходится обращаться в суд с заявлением для возбуждения дела в особом производстве, чтобы обратить данные средства в собственность государства. Поэтому авторы работы ставят вопрос о возможности введения для разрешения указанных категорий дел в порядке упрощенного производства, особенностью которого является то, что в данном порядке производства не назначаются судебные заседания, а следовательно лица не извещаются о времени и месте судебного заседания, не осуществляется протоколирование в письменной форме и с использованием средств аудиозаписи, не применяются правила об отложении судебного разбирательства, о перерыве в судебном заседании, об объявлении судебного решения.

Таким образом, подобное нововведение способствовало бы реализации отдельных задач судопроизводства, а именно: реализации процессуальной экономии и оптимизации рассмотрения и разрешения дел, экономии процессуальных ресурсов, а в частности - разгрузке судов, сокращении как материальных расходов сторон, так временных затрат на рассмотрение дела в суде. Представляется, что только правоприменительная практика сможет показать, насколько данная мера станет востребованной и эффективной.

Пристатейный библиографический список

1. Евстигнеева М.С., Федоров А.Г. «Признание права собственности на бесхозяйное имущество: актуальные аспекты теории и практики» // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. – 2020. – № 20. – С. 94-101.
2. Мохов А.А., Воронцова И.В., Семёнова С.Ю. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / Отв. ред. А.А. Мохов. – М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2017.
3. Степанова Т.Р. «Участие прокурора в рассмотрении дел о признании права собственности на бесхозяйные вещи» // Вестник науки и образования. – 2019. – № 11-1 (65). – Р. 88-90.

2 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022).

3 Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 N 432 (ред. от 22.03.2022) «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом».

КИМ Сергей Андреевич

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

МАСЛЕННИКОВА Людмила Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРИВАТИЗАЦИИ ЖИЛЬЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья рассматривает проблемы, связанные с осуществлением гражданами РФ своих прав в процессе приватизации жилья. Проводится анализ недостатков прав граждан в сфере приватизации жилья. Стоит учесть факт того, что приватизировать жилые помещения граждане могут, если право устанавливается по договору социального найма. В статье проводится анализ и формулирование способов защиты жилищных прав граждан России в период приватизации жилых помещений.

Ключевые слова: жилищное право, приватизация, право граждан на жилье, жилищный фонд.

KIM Sergey Andreevich

student of the Institute of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

MASLENNIKOVA Lyudmila Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PROBLEMS OF PRIVATIZATION OF HOUSING IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the problems associated with the exercise by citizens of the Russian Federation of their rights in the process of housing privatization. An analysis of the shortcomings of the rights of citizens in the field of housing privatization is carried out. It is worth considering the fact that citizens can privatize residential premises if the right is established under a social tenancy agreement. The article analyzes and formulates ways to protect the housing rights of Russian citizens during the period of privatization of residential premises.

Keywords: housing law, privatization, citizens' right to housing, housing stock.

В Конституции Российской Федерации закрепляется принцип права на жилище, который отражается в статье 40 Основного закона страны. Несмотря на это существует множество форм реализации прав на жилище, одним из способов приобретения права собственности на жилое помещение выступает приватизация. Сегодня проблема приватизации жилья в собственность граждан остается актуальной как и раньше, не теряя своей актуальности.

С образом жизни и средней оплатой труда в России представить, что некоторые категории граждан могут приобрести в собственность жилое помещение на деньги, которые заработаны на работе довольно сложно. В таких ситуациях, граждан выручает институт приватизации жилья, данный способ означает процесс, в ходе которого жилое помещение приватизируется на бесплатной основе, то есть происходит передача в собственность занимаемое помещение на добровольной основе, которое ранее находилось в собственности жилищного фонда, который в свою очередь, может являться государственным или муниципальным. Основой нормативной базы, которая регулирует данные правовые отношения в сфере приватизации, выступает ФЗ от 4 июля 1991 года № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Анализируя данный нормативный акт, следует, что граждане России могут бесплатно приватизировать жилое помещение. Такая процедура проводится единожды и не находится в прямой зависимости от качества жилого помещения, которое подлежит приватизации.

По мнению Л.В. Масленниковой, на сегодняшний день в России существует ряд проблем, с которыми приходится сталкиваться и гражданам, и чиновникам в процессе реализации конституционного фундаментального права российских граждан на жилище, в частности на приобретение жилища в собственность. Российская Федерация – социальное государство, политика которого, направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободу развития человека, государство обязано создать все необходимые условия для того, чтобы право граждан на жилище действительно реализовывалось, а не просто было закреплено в основном законе государства [1].

Жилищный вопрос в Российской Федерации является достаточно острой проблемой, с которой, к большому сожалению, сталкиваются или уже столкнулись почти все граждане нашей страны [2].

Анализируя судебную практику, можно сделать ряд выводов о том, что в последние годы увеличивается количество исковых заявлений, связанных с передачей жилья в собственность в порядке приватизации. Почти во всех случаях, спор связан с тем, что лица проживающие на территории РФ получают отказ от передачи в собственность жилого помещения в порядке приватизации из-за того, что в документах, которые были предоставлены заявителями, отсутствует заключение о снятии статуса общежития, что противоречит действующему законода-

тельству и является пробелом законодательства в данной сфере. Норма ст. 4 ФЗ №1541-1 запрещает осуществлять приватизацию жилого помещения в общежитии

Сталкиваясь с такой проблемой, заинтересованные лица подают иски, в которых указывают, что здания, имеющие статус общежития, но формально не используются как таковые. В большинстве случаев общежития не имеют необходимые предметы для проживания граждан, лица не получают мебель, белье и другие предметы. Считается целесообразно сделать вывод о том, что такие помещения не используются как общежития, а скорее, как жилые дома. Еще одной проблемой, которая вызывает ряд вопросов, является то, что передача общежитий перешла в собственность муниципалитета, однако, статус общежития не был снят.

Появляются противоречия, с одной стороны есть возможность приватизировать данное жилое помещения, опираясь на то, что оно является муниципальной собственностью, с другой стороны, приватизировать такое жилое помещения не представляется возможным в связи с тем, что имущество имеет статус общежития.

Решая существующую проблему, можно обратившись к ст. 7 ФЗ от 29.12.2004 года № 189-ФЗ в актуальной редакции на момент 02.08.2019. «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации». Анализируя данный нормативный акт стоит сказать, что независимо от пользования жилым помещением, находящимся в собственности государства или муниципального образования, или же государственного или муниципального учреждения, использующееся как общежитие, и переданное в ведение органа местного самоуправления, независимо от даты передачи данных помещений, включая даты их предоставления гражданам на основании закона, будут применяться нормы ЖК РФ о договоре социального найма.

Также не стоит забывать о том, что приватизированное имущество требует регистрации. Актуальность правоотношений, касающихся технического учета объектов недвижимого имущества, определяется, в частности, необходимостью осуществления правомерных действий по такому виду учета, когда речь идет о жилых помещениях, их строительстве, их реконструкции, переустройстве и перепланировке [3].

Основывая свое мнение на изложенной норме, напрашивается мнение о том, что общежития, принадлежащие государственным или муниципальным предприятиям, и учреждения перешли в собственность муниципальных органов, это означает, что они потеряли свой статус общежития и к ним применяется статус, закрепленный для жилых помещений по договору социального найма.

Для уточнения правильности решения необходимо обратиться к правоприменительной практике, так рассмотрим судебный прецедент, в котором гражданка Иванова обратилась в районный суд с иском о признании недействительным решения о приватизации жилого помещения. Истец обосновал свои требования тем, что гос. органы осуществляли отказ, опираясь на то, что с жилья не был снят статус общежития. После всех обязательных судебных разбирательств, суд решил, что помещение используется, как жилой дом, а не общежитие. В связи с тем, что жилое помещение было

передано в муниципальную собственность и это является основанием возникновения у гр. Ивановой права на приватизацию жилья. Другой не менее важной проблемой является запрет осуществления приватизации бывших служебных квартир [5].

Верховный Суд в «Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года» указывает на возможность приватизации общежитий, переданных в государственную и муниципальную собственность [6].

В соответствии со ст. 7 ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в жилых домах, принадлежавших государственным или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, использовавшимся в качестве общежитий, и переданы в ведение органов местного самоуправления, применяются нормы ЖК РФ о договоре социального найма.

Указанная статья гласит, общежития, которые принадлежали гос. или муниципальным предприятиям, не забывая о муниципальных или гос. учреждениях, и передаются в ведение органом МСУ, теряют статус общежитий на основании закона, такие общежития получают статус жилых помещений, которые предоставляются по договору социального найма.

Несмотря на это, в случаях отсутствия договора социального найма и решения органа МСУ об исключении указанных жилых помещений из жилищного фонда, не может являться препятствием к осуществлению гражданами России права нанимателя жилого помещения по указанному договору, так как реализация не может ставиться в зависимость от оформления органами МСУ указанных документов.

Современное законодательство не запрещает проводить приватизацию служебных квартир, но для такой приватизации необходимо перевести такое жилье в муниципальную собственность [4]. Когда помещение переведено в собственность муниципалитета его статус меняется, что позволяет его приватизировать. Столкнувшись с такой проблемой, гражданам необходимо обращаться в судебные инстанции. Данные ограничения и препятствия напрямую противоречат конституционным правам и свободам граждан на жилое помещение.

К обязанностям государственных органов относится создание всех условий для реализации прав, интересов и свобод граждан. Предоставления гражданам права на приватизацию не должно быть ограничено из-за некомпетентности органов государства и должностных лиц. Чтобы максимизировать использование на практике Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» следует внести некоторые поправки, что восполнит неточности в законодательства [7]. Проведя исследование законодательства, связанного с приватизацией жилья, следует сделать ряд замечаний и выводов. Ряд граждан РФ пытаются воспользоваться своими, установленными Конституцией РФ, правами, но не могут этого сделать по причине пробелов в законодательстве и некомпетентности ряда должностных лиц государственных и муниципальных образований,

законодательные пробелы приводят к трудностям, которые часто встречаются на практике, что не позволяет гражданам воспользоваться своими правами. Большую проблему создают вопросы, связанные с приватизацией жилья, которое раньше являлось общежитием, а также по приватизации служебных квартир. Такие трудности могут привести и к дальнейшим трудностям на практике, в том случае, если законодатель не обратит внимание и не восполнит сложившиеся пробелы в законодательстве, реформы должны быть направлены на устранение изложенных пробелов, которые все еще присутствуют в принятых нормативно-правовых актах.

Несмотря на все это, суд рассматривает и разрешает дела на основе принципа справедливости, сформировавшегося с момента становления судебной системы. «Правосудие» означает «справедливость». При решении дела суды руководствуются общепризнанными принципами международного права, одним из которых является право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом (статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). И если в действительности суд констатирует нарушение возложенных на него законом прав человека, он обязан восстановить это право, исходя из справедливости, даже если средства возмещения прямо законом не предусмотрены. Граждане не должны страдать от несовершенства законодательства, государственные органы не могут препятствовать использованию гражданином принадлежащего ему по закону («каждый имеет право на жилище», «каждый имеет право приватизировать жилье, которое принадлежит муниципалитету или государству»), поэтому восстановить справедливость может только суд – отдать гражданину его жилье.

Также стоит обратить внимание на повышение квалификации государственных и муниципальных органов, не оставляя в стороне их должностных лиц.

Таким образом, приватизация жилого помещения является основой реализации прав гражданина на его Конституционное права по реализации прав на жилье, это означает, что процесс приватизации должен быть последовательным, понятным и быстрым, заканчиваясь успешно для обычных граждан и правоприменителей. Решение вышеуказанных проблем позволит упростить порядок, а также улучшить реализацию гражданами своих прав, которые устанавливаются Конституцией Российской Федерации. Данные изменения поспособствуют закрытию как отдельных пробелов законодательства, так и благотворно повлияет на процесс приватизации в целом.

Анализируя изложенный материал необходимо озвучить, что в каждом отдельном случае нужно установить, кто является обладателем права собственности – муниципальное образование, государство или же право собственности принадлежит физическому лицу. Основываясь на том, что закон предписывает возможность приватизации жилых помещений, которые находятся в государственном или муниципальном жилищном фонде, отнесенный к рассмотрению на баланс государственному органу, не значит смену собственника, который может сам принять решение по распоряжению имуществом, находящимся у него в собственности или же принудить этого собственни-

ка разрешать приватизацию в судебном порядке, что не представляется возможным.

Пристатейный библиографический список

1. Авеков В. Регулирование имущественных отношений в экономике // Экономист. – 2004. – № 7. – С. 41-46.
2. Масленникова Л.В. Признание граждан малоимущими в целях постановки их на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях по законодательству Краснодарского края // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 100(06). – С. 15.
3. Атоян Л.В., Масленникова Л.В. К вопросу о понятии, сущности и содержании Конституционного права граждан Российской Федерации на жилище // Эпомен. – 2019. – № 27. – С. 42-49.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2013 г. № 5-КГ13-14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/files/14312/>.
5. Решение Щекинского районного суда Тульской области № 2-1443/2020 М-1304/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 2-1443/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/qj0yntVEzBQS/>.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации За I квартал 2006 года по уголовным делам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfl.ru/files/12380/>.
7. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_35155/.

МАСЛЕННИКОВА Людмила Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ФЕДОНЬКИН Юрий Николаевич

студент 3 курса юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

КОНОВАЛОВ Александр Андреевич

студент 3 курса юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО КОНТРОЛЯ

Данная статья посвящена изучению вопросов осуществления общественного жилищного контроля, как составной части общественного контроля. Рассмотрена правовая природа общественного контроля, как возможность активного участия граждан РФ в построении гражданского общества и укрепления России как правового и демократического государства с развитым гражданским обществом. Изучен перечень нормативно правовых актов, осуществляющих правовое регулирование общественного жилищного контроля. Проанализированы положения подзаконных актов, более детально разрабатывающих процедуру осуществления общественного жилищного контроля. Актуальность исследуемой темы обусловлена значением жилищных правоотношений в качестве жизни граждан, а также ключевым местом общественного контроля, в качестве инструмента защиты гражданами своих прав. Научная новизна состоит в изучении проблемных аспектов осуществления общественного жилищного контроля и выработке предложения по их разрешению.

Ключевые слова: общественный контроль, общественный жилищный контроль, права, общественный эксперт, гражданин.

MASLENNIKOVA Ludmila Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

FEDONKIN Yuriy Nikolaevich

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KONOVALOV Aleksandr Andreevich

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

SOME ISSUES OF PUBLIC HOUSING CONTROL

This article is devoted to the study of the implementation of public housing control, as an integral part of public control. The legal nature of public control is considered as an opportunity for the participation of citizens of the Russian Federation in managing the affairs of the state and strengthening Russia as a legal and democratic state with a developed civil society. The list of normative legal acts that carry out the legal regulation of public housing control has been studied. The provisions of by-laws are analyzed, which develop in more detail the procedure for exercising public housing control. The relevance of the topic under study is due to the importance of housing legal relations in the quality of life of citizens, as well as a key place of public control, as a tool for citizens to protect their rights. The scientific novelty lies in the study of the problematic aspects of the implementation of public housing control and the development of proposals for their resolution.

Keywords: public control, public housing control, rights, public expert, citizen.

Не подвергается сомнению, что нормальное протекание жилищных правоотношений имеет непосредственное влияние на качество жизни субъектов данных правоотношений, соответственно, чтобы ничего не препятствовало осуществлению гражданами своего законного права на жилище должен существовать эффективный механизм защиты вышеуказанного права. На наш взгляд, ключевое место в механизме защиты своих прав и законных интересов должны занимать сами граждане Российской Федерации и общественные организации, создаваемые ими, так как подобная бурная деятельность гражданского общества напрямую способствует

дальнейшему укреплению России как демократического и правового государства. Ярким примером наличия развитого гражданского общества в нашей стране является существование института общественного контроля, причем, исходя из важности жилищных правоотношений для граждан особенно актуальным представляется развитие общественного жилищного контроля.

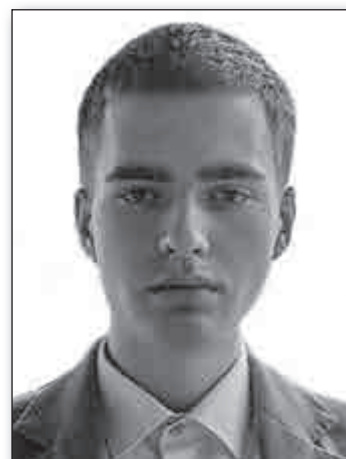
Правовое регулирование общественного жилищного контроля осуществляется совокупностью нормативно правовых актов. Важное положение в данной системе занимает Конституция РФ: в ч. 1 ст. 40 закрепляется право каждого на жи-

Масленникова Л. В.

Федонькин Ю. Н.

Коновалов А. А.

лице, а в ч. 1 ст. 32 гражданам опосредованно гарантируется возможность осуществлять общественный контроль за соблюдением законодательства и деятельностью государственных органов как лично, так и через своих представителей¹. Возможность проведения конкретно общественного жилищного контроля, как вида общественного контроля, закрепляется в ч. 8 ст. 20 Жилищного кодекса РФ². Основой осуществления общественного жилищного контроля выступает Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее, Закон об общественном контроле), так как он устанавливает основные положения, регулирующие осуществление общественного контроля, составной частью которого является общественный жилищный контроль. В частности, вышеназванный Федеральный закон устанавливает основные цели и задачи, принципы, перечень субъектов, а также формы и порядок осуществления общественного контроля³.

Закон об общественном контроле допускает, исходя из положений ст. 2 и ст. 4, возможность принятие отдельных нормативно правовых актов, посвященных осуществлению специальных видов общественного контроля, в области общественного жилищного контроля таковым актом является Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 № 1491 «О порядке осуществления общественного жилищного контроля», включающее в себя Правила осуществления общественного жилищного контроля (далее, Правила)⁴. Вышеназванное Постановление Правительства более детально, по сравнению с Законом об общественном контроле, регламентирует процесс проведения общественного жилищного контроля в формах общественной проверки и в форме публичных слушаний, а также добавляет существенные разграничения, отсутствующие в Законе об общественном контроле, между двумя субъектами, осуществляющими общественный жилищный контроль — общественным инспектором и общественным экспертом.

Общественным экспертом является гражданин, участвующий в осуществлении общественного жилищного контроля и обладающий набором специальных знаний и опыта в области жилищного законодательства. Общественным инспектором признается Правилами такой же гражданин, но не владеющий вышеперечисленными достоинствами, но имеющий желание осуществлять общественно полезную деятельность.

Законодателю следует перенять и включить в Закон об общественном контроле все положительные нововведения, содержащиеся в Правилах, таковыми, на наш взгляд, являются: в п. 17 находятся исчерпывающие предписания, при выполнении которых пассионарный гражданин получит возможность принять участие в проведении общественного жилищного контроля. Стоит выделить еще один положительный аспект — согласно п. 20 правил, субъекты общественного жилищного контроля обязаны обнаруживать информацию о своей деятельности путем ее размещения в сети «Интернет», в том числе посредством размещения в государственной информационной (в отличие от положений Закон об общественном контроле, предписывающего размещать информацию просто в сети «Интернет») системе жилищно-коммунального хозяйства, по нашему, размещение подобной информации в государственной системе позволяет существенным образом повысить информированность граждан о осуществлении общественного жилищного контроля, увеличить вовлеченность граждан в ме-

роприятия жилищного контроля, а также укрепить доверие перед подобными процедурами.

Тем не менее, общественный жилищный контроль, являющийся составной частью общественного контроля имеет как положительные аспекты, так и негативные. Одной из важных проблем общественного жилищного контроля, на наш взгляд, является отсутствие в числе основополагающих принципов общественного контроля принципа профессионализма и компетентности субъектов, осуществляющих общественный жилищный контроль. На наш взгляд, существует два способа решения вышеназванной проблемы: внести изменения в п. 6 ст. 6 Закона об общественном контроле (то есть, дополнить существующий принцип объективности и добросовестности субъектов общественного контроля положениями о профессионализме и компетентности лиц, осуществляющих общественный контроль); аналогично внести изменения в ст. 6 Закона об общественном контроле, но уже выделив требования о профессионализме и компетентности субъектов общественного контроля в отдельный новый принцип. Говоря о общественном жилищном контроле, речь идет о том, что не смотря на то, что к общественному эксперту предъявляется требование владения им определенным перечнем знаний в области жилищного права, но не предусмотрен механизм проверки его знаний.

Например, гражданин, желающий принять участие в проведении общественного жилищного контроля в качестве общественного эксперта, в подтверждение владения им знаний в области жилищного права предъявляет документ о наличии у него юридического образования — факт наличия у данного лица необходимых знаний и умений до момента проверки в ходе практической деятельности по осуществлению мероприятий общественного жилищного контроля является правовой фикцией [1]. Данное лицо, в случае отсутствия у него требуемых навыков, может существенным образом понизить эффективность проведения общественного жилищного контроля, а своей некомпетентностью понизить уровень доверия граждан к подобным общественным инициативам.

На наш взгляд, для решения вышеназванной проблемы стоит разработать и включить в соответствующие нормативные акты требование к гражданину, желающему стать общественным экспертом, выдержать специальное вступительное испытание, позволяющие подтвердить наличие у него необходимых знаний и умений в области жилищного законодательства, которые он будет применять в своей деятельности [2]. В случае, если при осуществлении общественного жилищного контроля будет выявлено спорное жилищное правоотношение, то, на наш взгляд, необходимо предписать общественному эксперту способствовать примирению участников данного правоотношения [3]. Данная мера, по нашему мнению, позволит существенным образом повысить эффективность проведения мероприятий по осуществлению общественного жилищного контроля, а также укрепить доверие граждан к подинституту общественного жилищного контроля.

Пристатейный библиографический список:

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2 Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14.
3 Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 1. Ст. 4213.
4 Постановление Правительства РФ от 26.12.2016 № 1491 «О порядке осуществления общественного жилищного контроля» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 2. Ст. 336.

1. Павлов Н. В., Федонькин Ю. Н. Общие и отличительные признаки административно-правовых фикций в механизме правового регулирования общественных отношений // Евразийский Юридический журнал. 2021. № 7 (158). С. 220-221.
2. Косиненко Н. Н., Федонькин Ю. Н. К вопросу деятельности общественных инспекторов по охране окружающей среды // Научный журнал «Эпомэн». 2021. № 63. С. 133-139.
3. Масленникова Л. В. Утверждение мирового соглашения арбитражным судом с учетом заключенного сторонами медиативного соглашения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 97. С. 1234-1248.

БАХЧЕНЯН Артур Саркисович

студент 3 курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ КОММЕРЧЕСКОГО ПРАВА В РОССИИ

В статье рассмотрены актуальные проблемы систематизации норм коммерческого права России. Описаны актуальные вопросы унификации норм права, описаны способы отграничения коммерческого и гражданского права РФ. Проведен анализ динамики развития норм коммерческого права, его пробельности в части правового регулирования, отмечена и подтверждена необходимость принятия кодифицированного акта – Торгового кодекса. Обоснованы перспективы законодательных изменений в области коммерческого права. Так же в статье были проанализированы и исследованы основные правовые акты в области источников коммерческого права. В качестве примера приведены некоторые международные источники коммерческого права, на основе которых происходит движение коммерческих связей (логистических цепей, расчеты экономической эффективности, товарооборот, коммерческие отношения).

Ключевые слова: коммерческое право, отрасль права, Торговый кодекс, правовое регулирование, нормотворчество, принятие кодифицированного акта, коммерческие отношения, источник права, правовое регулирование.

BAKHCHENYAN Artur Sarkisovich

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

TO THE QUESTION OF SYSTEMATIZATION OF SOURCES OF COMMERCIAL LAW IN RUSSIA

The article deals with topical problems of systematization of the norms of commercial law in Russia. Topical issues of unification of the norms of law are described, ways of delimiting the commercial and civil law of the Russian Federation are described. The analysis of the dynamics of the development of commercial law norms, its gaps in terms of legal regulation was carried out, the need for the adoption of a codified act - the Commercial Code was noted and confirmed. The prospects for legislative changes in the field of commercial law are substantiated. Also in the article, the main legal acts in the field of sources of commercial law were analyzed and researched. As an example, some international sources of commercial law are given, on the basis of which there is a movement of commercial relations (logistics chains, economic efficiency calculations, trade turnover, commercial relations).

Keywords: commercial law, branch of law, commercial code, legal regulation, rulemaking, adoption of a codified act, commercial relations, source of law, legal regulation.

В сегодняшних реалиях правовой системы есть немало различных источников коммерческого права, которые непосредственно регулируют правоотношения, вытекающие из коммерческой деятельности. Анализируя законодательство, представляется важным рассмотреть вопрос по поводу повышения правового регулирования коммерческой деятельности, присутствует ряд вопросов, которые нуждаются в доработке, а также имеется острая необходимость в поиске методов правового воздействия на субъекты права. Необходимо отметить, что систематизация источников коммерческого права должна способствовать укреплению правовых отношений между субъектами отрасли. Это, в свою очередь также позволит устранить пробелы законодательства, которые присутствуют в коммерческом праве на данный момент.

Отрасль коммерческого права не стоит на месте и активно развивается, это означает, что проблема, связанная с систематизацией источников коммерческого права, увеличивается с каждым годом, приобретая все большую важность для понимания и применения соответствующих норм. В связи с тем, что кодифицированного акта у рассматриваемой нами отрасли права не

имеется, законодатель регламентировал отношения в отдельных нормативно-правовых актах, что, на наш взгляд усложняет процесс понимания правового положения и правомочий субъектов права. Особенно ощутима данная проблема стала во времена пандемии коронавирусной инфекцией, так как субъекты коммерческого права ограничивались в осуществлении своих прав и своей деятельности. В связи с тем, что кодифицированный нормативно-правовой акт отсутствует, регламентировать новые нормы было необходимо в отдельных федеральных законах.

До момента систематизации источников коммерческого права, авторы считают целесообразным рассмотреть сами источники права. Возможность функционирования внутренней торговли допускается только в тех случаях, когда она регулируется надлежащим образом. Необходим действенный и безошибочный механизм легального торгового обслуживания, т.е. совокупность нормативно-правовых актов, регулирующих отношения, связанные с организацией и осуществлением предпринимательской деятельности. Эти законы и подзаконные акты составляют основу источников российского коммерческого права [1].

Источники права представляют собой волю законодателя, которая выражается на референдуме или в правовых актах компетентного органа государства, который официально опубликован, имеет свободный доступ для всеобщего изучения.

Основными правовыми актами в коммерческом праве являются:

1) Конституция РФ. Основной закон Российской Федерации, включает в себя основополагающие начала всего законодательства страны, определяет экономические, политические и социальные системы общества, а также компетенцию органов государственной власти, включая различные принципы, на которых строится вся законодательная система.

2) Кодифицированные акты РФ. Вспоминая о том, что коммерческое право является комплексом различных норм законодательства, источники правового регулирования могут быть самыми разными. Так в качестве источников коммерческого права выступают правовые акты других отраслей права.

3) Федеральные законы. Регулируют отдельные правоотношения в сфере коммерческого права. Например, регулирование отношения субъектов коммерческой деятельности с потребителями регулируются нормами Закона РФ «О защите прав потребителей».

4) Указы Президента РФ, издаваемые в дополнение или развитие законов, при наличии в них пробелов и при необходимости оперативного установления правовых норм. Например, Указ от 17.09.1994 № 1928 «О частных инвестициях в Российской Федерации», от 10.08.2000 № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации».

5) Постановления Правительства РФ, издаваемые в пределах его компетенции в развитие и исполнение законов. Например, от 26.02.2004 № 110 «О совершенствовании процедур государственной регистрации и постановки на учет юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

6) Технические регламенты, принятые международным договором РФ, или федеральным законом, или указом Президента РФ, или постановлением Правительства РФ. Например, Федеральным законом от 12.06.2008 № 88-ФЗ утвержден «Технический регламент на молоко и молочную продукцию».

7) Нормативные акты министерств и федеральных служб, действующих в экономической сфере, и прежде всего, Минфина России, Минюста России, Минпромторга России, Минэкономразвития России, Минздравсоцразвития России, ФАС России, ЦБ РФ и др.

8) Акты региональных органов власти и управления. Акты, которые издаются в пределах компетенции соответствующих органов власти.

9) Акты местных органов власти и управления, касающиеся торговой деятельности на своих территориях [2].

После краткого анализа основных источников коммерческого права в России, авторы считают целесообразным перейти к рассмотрению систематизации источников коммерческого права.

Вопрос о систематизации источников коммерческого права имеет особое значение. Благодаря источникам права

принимаются законы для различных областей регулирования коммерческой деятельности, которые представляют собой либо недавно принятые акты, либо изменения в существующих документах. Необходимо отметить и тот факт, что их существование не является систематическим.

Систематизация коммерческого законодательства необходима для единообразного применения различных правовых актов. Необходимо отметить важный момент, что систематизация также способствует устранению пробелов и противоречий в законодательстве коммерческого права, в частности. Стремительное развитие коммерческих правоотношений требует быстрых принятых решений от законодателей, в связи с этим часто можно наблюдать слабые и не иерархичные законы, которые, в теории, должны регулировать коммерческие правоотношения [3].

В рамках рассмотрения проблемы систематизации источников коммерческого права необходимо отметить отсутствие такого правового акта в Российской Федерации, как, Торговый кодекс. Данный вопрос неоднократно поднимался и поднимается сегодня в различных научных кругах. Имеется понимание, что для разграничения и систематизации права необходимость принятия и в целом существования такого нормативного акта крайне необходима, поскольку его наличие способно существенно облегчить и прояснить многие вопросы в области коммерческого права в целом. Но если посмотреть на довольно широкий спектр коммерческого законодательства, то вопрос о создании кодифицированного закона кодекса - можно рассматривать с разных сторон [4].

Для решения вопроса, касающегося создания и дальнейшего принятия Торгового кодекса должно быть задействовано не только научное сообщества, но союзы предпринимателей и промышленников. Принятие кодифицированного закона будет способствовать четкой и отлаженной работе законодательной и исполнительной власти, позволит систематизировать и усовершенствовать уже имеющееся законодательство в области коммерческого права России. Кодифицированный акт укрепит стабильность правового регулирования и создаст условия для стабильности ведения бизнеса.

На сегодняшний день представляется объективным высказать точку зрения, что необходимо создать единый кодифицированный правовой акт, предусматривающий правовое регулирование коммерческой деятельности. В научных кругах фигурирует большое количество мотивированных мнений, по факту формирования кодифицированного акта. Предлагаемым кодифицированным актом способен служить Торговый кодекс, который мог бы упорядочивать и регулировать вопросы, связанные с деятельностью предпринимателей и иных хозяйствующих субъектов [5].

Принятие Торгового кодекса позволило бы устранить существующие пробелы в регулировании деловых отношений, повысить социальную значимость торговли, систематизировать торговое законодательство и привести в соответствие многие институты торгового права с зарубежными аналогами.

33-24 от 3 декабря 2009 года Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ приняла типовой кодекс торговли для государств-участников СНГ, который

имеет рекомендательный характер. Регулируя торговые отношения, Кодекс сочетает в себе требования публичного права и принципы частного права.

Успешное развитие торговли предполагает широкое использование торговых обычаев, необходимость активного участия в формировании практики добросовестной торговой деятельности саморегулируемых организаций, участниками которых являются трейдеры и товаропроизводители.

Эффективность коммерческой деятельности и развитие внутренней и внешней торговли в условиях глобализации в значительной степени позволяют применять правовые структуры и нормы, содержащиеся в таких документах «неформального объединения», как принципы Европейского договора; Правовые принципы международных торговых договоров и т. д.

Обращая внимание на события 2022 года, которые вызваны санкционной политикой зарубежных стран, появляется все больше возможностей и предпосылок для систематизации источников коммерческого права. Такие нововведения позволят упростить и сосредоточить законодательство, а также его правовое регулирование. Стандартизация норм, приведет к увеличению прозрачности отношений между субъектами коммерческого права, а также обезопасит их, с предоставлением государственных гарантий.

Учитывая состояние экономики, а также процессы, которые протекают в области коммерческого права, мы сформулировали следующие выводы:

– Государственное регулирование коммерческих отношений на территории России уже существуют и регулируются гражданским законодательством, а также иными нормативными актами. Следовательно, правоотношения в сфере коммерческого права урегулированы и проверены на практике [6].

– Торговый кодекс способен обеспечить как необходимую доступность изложения правовой нормы, так и отсутствие противоречий и пробелов в соответствующих правовых институтах, их единство и взаимосвязь. Торговый кодекс будет способствовать систематизации законодательства в сфере торговых отношений. Будут устранены некоторые пробелы, которые имеются в законодательстве на данный момент, появится более выраженное разграничение коммерческого права от иных отраслей права, в первую очередь разграничение коснется гражданского законодательства [7].

– В настоящее время основной задачей повышения эффективности правового регулирования коммерческих отношений видится кодификация коммерческого законодательства. Принятый закон о государственном регулировании торговли определяет коммерческую политику государства, но не решает существующих проблем в сфере договорного регулирования торговых отношений. Необходимо законодательно закрепить договорные формы, отражающие такие особенности торговли, как купля-продажа, оптовая торговля, маркетинг, электронная коммерция, а также иные правила, определяющие конкретное заключение, изменение и расторжение коммерческих договоров и выполнение договорных обязательств.

– Именно в Торговом кодексе должны закрепляться оформление кассовых операций, особенности торговли

подакцизными товарами, меры по обеспечению товарного ассортимента, вообще вопросы рыночного ценообразования и особенности ценообразования на импортные товары. Также, как и деятельность оптовых и розничных предприятий, их права и обязанности. Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод о логичности и необходимости принятия Торгового кодекса РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В.К. О Концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья. 2010. № 9. С. 20-26.
2. Кудрявцева Л.В., Ставило С.П. Здоровье человека, населения – как приоритетные объекты правовой охраны. В сборнике: Здоровье населения – основа процветания России // Материалы IX Всероссийской Научно-практической конференции с международным участием. Филиал РГСУ, г. Анапа 2015. С. 146-148.
3. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2013. С. 113-116.
4. Фаткудинов З.М., Матыгулин Т.С. Источники предпринимательского права. Казань: Изд-во «Татглимат» Ин-та экономики, управления и права, 2009. С. 22-24.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права / Вступ. ст. В. Краснокутского. 9-е изд. М., 1999. С. 15-17.
6. Захарова Е. И. Отдельные вопросы, связанные с функционированием третейских судов // Эпомен. 2022. № 69. С. 126-131.
7. Кудрявцева Л.В., Зазирия Е.В. Проблемы гражданского регулирования сделок с земельными участками // Современные фундаментальные и прикладные исследования 2016. № 4 (23). С. 342-346.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-235-236

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

КАВКАЕВА Юлия Александровна

магистрант Института права Самарского государственного экономического университета

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В настоящей статье проанализированы законодательное и доктринальное определение процедуры медиации. Авторами выявлены преимущества использования медиации в спорах предпринимателей, а также проблемы, препятствующие развитию данного института как способа защиты прав предпринимателей и предложены пути их решения. Отстаивается позиция о том, что медиативная процедура в предпринимательских спорах должна строиться на принципе профессионализма. Для повышения степени доверия к медиации как способу разрешения предпринимательских споров обосновывается необходимость отказа от института непрофессиональных медиаторов.

Ключевые слова: медиация, медиатор, предпринимательская деятельность, альтернативный способ урегулирования споров, предприниматели, суд.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

КАВКАЕВА Yuliya Aleksandrovna

magister student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

MEDIATION AS A WAY TO PROTECT THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS

This article analyzes the legislative and doctrinal definition of the mediation procedure. The authors have identified the advantages of using mediation in disputes between entrepreneurs, as well as problems hindering the development of this institution as a way to protect the rights of entrepreneurs and suggested ways to solve them. The position is defended that the mediation procedure in business disputes should be based on the principle of professionalism. In order to increase the degree of confidence in mediation as a way of resolving business disputes, the necessity of abandoning the institution of non-professional mediators is justified.

Keywords: mediation, mediator, entrepreneurial activity, alternative dispute resolution, entrepreneurs, court.

Развитие предпринимательской деятельности в России во многом зависит от эффективности способов защиты интересов, прав, а также свобод предпринимателей. Наиболее установившимся и привычным способом разрешения споров, возникающих в сфере предпринимательской деятельности, выступает обращение в арбитражный суд. Вместе с тем стоит отметить, что в настоящее время существуют и другие альтернативные способы урегулирования споров, например, процедура медиации, среди преимуществ которой можно выделить минимизацию денежных и временных расходов.

Примечательно, что институт медиации в России находится на стадии становления, в силу чего в настоящий момент существуют ряд проблем в практике применения данной процедуры и препятствия в развитии данного института как альтернативного способа урегулирования споров в разных сферах, в том числе в предпринимательской деятельности, что, несомненно, подчеркивает актуальность рассматриваемого вопроса.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим институт медиации, является вступивший в силу 27 июля 2010 года ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» (далее – Закон о медиации)¹. При этом ст. 153.5 ГПК РФ², ст. 137.5 КАС РФ³, ст.

138.4 АПК РФ⁴ также предусмотрена процедура медиации, и в соответствии с нормами вышеуказанного процессуального законодательства России суд обязан принимать меры для урегулирования спора и примирения сторон.

Законодателем в ст. 2 Закона о медиации закреплено следующее легальное определение: «Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения».

В научной доктрине на сегодняшний день существует различные подходы к пониманию природы медиации. Например, медиацию рассматривают как процесс, в котором стороны ищут с помощью сторонней, не заинтересованной стороны совместное решение проблемы; как внесудебный способ урегулирования спора между его сторонами при участии лица, придерживающегося нейтралитета; как переговоры спорящих сторон при участии не имеющего полномочий принимать обязательные для данных сторон решения посредника [4, с. 13]. М.А. Калдин дает определение медиации, выделяя при этом основание применения медиации – соглашение о проведении процедуры медиации [5, с. 39]. О.В. Авимская при определении медиации указывает на принципы осуществления медиации [1, с. 62].

Таким образом, можно отметить, что единого подхода к определению понятия «процедуры медиации» нет, а среди уче-

1 Российская газета. – 2010. - № 168. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=d oc&ts=7YZh16TmuOM8xvYH2&cacheid=E8582B6D2DC844B43E33A050647D0835&mode=splus&rnd=QUQeOA&base=LAW&n=330191#d4ah16T8ioyoSvyN1> (дата обращения: 10.05.2022).

2 Российская газета. – 2002. - № 220. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=d oc&ts=GAti16TSqvkMVCXq1&cacheid=E0379DC49E2A1787E53A0DoA4029F003&mode=splus&rnd=QUQeOA&base=LAW&n=414892#v6b16T6J1GbrEmF1> (дата обращения: 10.05.2022).

3 Российская газета. – 2015. - № 49. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=d>

oc&ts=rYgj16TqLJ1r6LO01&cacheid=EE88D533F821817DE4AC06368DD6CAC1&mode=splus&rnd=QUQeOA&base=LAW&n=405929#Pdhj16TebogRyTYu (дата обращения: 10.05.2022).

4 Российская газета. – 2002. - № 137. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=d oc&ts=ugBk16T2toeOC5zt1&cacheid=08C5224A40F22AFDED8E5D5DF7A2E3C8&mode=splus&rnd=QUQeOA&base=LAW&n=405924#vHCk16TnAqrupP75> (дата обращения: 10.05.2022).

ных встречаются сторонники как узкого, так и широкого подхода к его толкованию.

Среди преимуществ процедуры медиации для предпринимателей по сравнению с судебной процедурой разрешения споров стоит выделить следующие:

– медиация – менее затратный, наиболее гибкий и быстрый процесс, поскольку он не предусматривает процедуры обжалования, а срок проведения процедуры медиации не может превышать 180 дней, при этом медиатор опираясь на обстоятельства конкретного дела может самостоятельно выбирать стратегию и приемы переговоров;

– одним из принципов процедуры медиации выступает конфиденциальность, что по сравнению с принципом гласности судебного разбирательства, однозначно выступает преимуществом для предпринимателей и бизнеса в целом. Действительно, чаще всего предприниматели не заинтересованы в разглашении информации, поскольку в дальнейшем это может нанести репутационный вред и раскрыть стратегию ведения бизнеса;

– медиация способствует сохранению партнерских отношений между субъектами предпринимательской деятельности, а также продолжению их сотрудничества, поскольку ее целью является прекращение спора, поиск наиболее оптимального выхода для обеих сторон из сложившейся спорной ситуации, а не поиск виноватых и разрешение правового спора;

– заключительным и наиболее главным преимуществом выступает то, что при проведении процедуры медиации окончательным для сторон может быть только то решение, которое принимается сторонами самостоятельно и устраивает их обеих.

Необходимо обратить внимание на то, что Закон о медиации создал достаточную основу для развития института медиации, но на данный момент процедура медиации не является популярным способом защиты прав предпринимателей, что подтверждается статистикой проведения процедур медиации по гражданским делам.

Так, итоги, подведенные за 2019 год, демонстрируют следующее: из общего количества всех рассмотренных за указанный период гражданских дел - 97 362, по 1432 делам производство по делу было прекращено в связи с утверждением мировых соглашений, что составляет всего 1,5 % от общего количества всех дел, а по 2933 делам производство по делам прекращено в связи с отказом от иска, что составляет 3 % [3]. Верховный суд РФ также указывает на то, что стороны практически не используют процедуру медиации для разрешения споров.

Самой очевидной, на наш взгляд, причиной неиспользования данной процедуры является недостаточная разъяснительная деятельность со стороны субъектов, которые могут повлиять на решение сторон спора прибегнуть к медиации (это органы государственной власти, включая суд, который чаще всего действует формально, предлагая сторонам обратиться к посреднику), и как следствие: отсутствие у сторон-предпринимателей спора информации о преимуществах и перспективах использования данного способа защиты.

Для решения данной проблемы необходимо повышать уровень осведомленности всех участников спора о возможности его разрешения с помощью медиаторов в досудебной форме и при разрешении спора в суде, для чего государству необходимо разрабатывать и реализовывать мероприятия по информированию всех участников гражданского оборота о преимуществах процедуры медиации.

Эффективному внедрению процедуры медиации в настоящий момент должно способствовать и то, что в судах создаются комнаты примирения, а также информационные стенды. Судьи могут сыграть огромную роль в популяризации медиации, разъясняя преимущества процедуры медиации и убеждая сторон в ее результативности, а также указывая на возможность дальнейшего рассмотрения дела в суде в случае невозможности достижения обоюдного решения сторонами спора с помощью медиатора. Таким образом, судья, пользуясь авторитетом и доверием участников спора и непосредственно контактируя с ними, способен наиболее эффективно информировать и приобщать участников судопроизводства к процедуре медиации.

Для повышения авторитета института медиации, как ни раз отмечалось представителями юридической доктрины, целесообразно отказаться от института «непрофессиональных медиаторов» [2, с. 97].

Представляется, что принцип профессионализма должен быть одним из первостепенных, поскольку в сфере предпринимательства спорные ситуации возникают зачастую именно на стыке экономических и правовых проблем. Анализ тех требований, которые Законом о медиации предъявляются к непрофес-

сиональному медиатору, приводит к вопросу о возможности медиатора, обладающего такими критериями, урегулировать спорный конфликт, который чаще всего возникает в правовой сфере. Ответ на данный вопрос скорее отрицательный.

Исходя из вышесказанного и опираясь на то, что существование данного института не способствует доверию сторон спора в преимущества процедуры медиации, видится необходимым исключить норму, которая закрепляет возможность осуществления на непрофессиональной основе процедуры медиации. Тем более законопроект об отказе от данного института уже разрабатывался⁵.

Кроме того, стоит отметить, что вышеуказанным законопроектом закреплялась досудебная процедура медиации, проводимая на основании договора сторон, при наличии которой стороны не могут обратиться в суд, пока ими не будут выполнены условия, связанные с урегулированием спора с помощью процедуры медиации. Однако Верховный суд РФ считает, что такое закрепление нарушит конституционное право сторон предпринимателей на судебную защиту⁶.

Принимая во внимание позицию ВС РФ, считаем возможным закрепить на законодательном уровне субинститут судебного назначения медиации, который предполагает по определенным категориям дел возможность судьи в ходе разбирательства дела, учитывая непринципиальный характер спора и вероятность его разрешения мирным путем, вынести определение, предписав сторонам обратиться к процедуре медиации. Видится, что такие изменения могут способствовать популяризации и более широкому распространению процедуры медиации в нашей стране.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что процедура медиации, являясь достаточно молодым и только развивающимся правовым институтом, имеет огромный потенциал для того, чтобы стать эффективным альтернативным способом урегулирования споров в предпринимательской деятельности. В связи с чем видится, что закрепление указанных выше мер будет способствовать активному развитию института медиации.

Пристатейный библиографический список

1. Авимская О.В. Медиация как процедура: этапы разрешения спора // Нравственные императивы в праве. - М., 2010. - № 2 (8). - С. 62-75.
 2. Волков М.А., Шилова А.Л. К вопросу о правовом статусе отдельных участников отношений по медиации // Современное право. - 2019. - № 3. - С. 96-99.
 3. Итоги применения медиации за 2019 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://files.sudrf.ru/1546/user/Spravinfo/13/itogi_mediatcii_za_2019_god.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
 4. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции: Автореф., к.ю.н. - М., 2010. - С. 258.
 5. Калдин М.А. Медиация как инструмент корпоративного управления // Национальный совет по корпоративному управлению. - 2007. - № 3. - С. 38-45.
 6. Левушкин А.Н. Медиация в предпринимательской деятельности: проблемы эффективности правоприменения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. - 2020. - № 7 (71). - С. 138-145.
- 5 Проект федерального закона № 323209-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования медиативной практики» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.11.2017) // Система обеспечения законодательной деятельности. - 2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 11.05.2022).
- 6 Официальный отзыв Верховного суда РФ на проект федерального закона № 323209-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования медиативной практики» // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323209-7> (дата обращения: 12.05.2022).

ВЛАДИМИРОВА Оксана Алексеевна

кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ЛЕВОЧКИНА Надежда Владимировна

курсант 3 курса Самарского юридического института ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ НАЙМА ЖИЛЬЯ СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье раскрываются проблемные вопросы, касающиеся компенсационных выплат сотрудникам уголовно-исполнительной системы за наём жилья при исполнении ими служебных обязанностей. Исследование касается российского законодательства в области социальной поддержки сотрудников правоохранительных органов в разных регионах Российской Федерации. Предлагаются пути решения проблемы дифференциации компенсационных выплат за наём жилья сотрудникам уголовно-исполнительной системы, находящимся на службе, по региональному признаку.

Ключевые слова: компенсация, гарантия, трудовые отношения, выплата, норматив, уголовно-исполнительная система, жилищные расходы, социальная защита.

VLADIMIROVA Oksana Alekseevna

Ph.D. in Law, Head of Civil law disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

LYOVOSCHKINA Nadezhda Vladimirovna

cadet of the 3rd course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

PROBLEMS OF COMPENSATION FOR HIRING HOUSING FOR EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM

The article reveals problematic issues concerning compensation payments to employees of the penal enforcement system for hiring housing in the performance of their official duties. The study concerns Russian legislation in the field of social support for law enforcement officers in different regions of the Russian Federation. The ways of solving the problem of differentiation of compensation payments for the hiring of housing to employees of the penitentiary system who are in the service on a regional basis are proposed.

Keywords: compensation, guarantee, labor relations, payment, standard, penal enforcement system, housing costs, social protection.

Жилищный вопрос в Российской Федерации всегда стоял очень остро. Несмотря на наращивание темпов строительства, уровень обеспечения жильём остаётся очень низким. Это касается практически всех сфер занятости населения. Сотрудники правоохранительных органов, к сожалению, не являются исключением. Сотрудники правоохранительных органов, к сожалению, не являются исключением. В частности, многие сотрудники уголовно-исполнительной системы, несмотря на гарантированность не имеют возможность реализовать право на компенсацию найма жилого помещения.

На законодательном уровне существует разграничение понятий «гарантии» и «компенсации», касающиеся социальной поддержки населения.

В статье 164 ТК РФ даются определения этих двух понятий в следующем содержании¹:

Гарантии - средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений.

Компенсации - денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых или иных обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами.

Интерпретируя эти положения, можно сделать вывод, что гарантии предоставляются без предварительных расходов сотрудника, а компенсации являются средством частичного возмещения финансовых ресурсов лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей.

Таким образом, в современных условиях, когда уровень жизни населения имеет тенденцию к снижению, гарантия обеспечения жильём для сотрудника уголовно-исполнительной системы стоит на первом месте в системе социальных ценностей. В связи с этим возникает проблема исполнения им служебных обязанностей в полной мере, не отвлекаясь на решение бытовых вопросов.

К сожалению, в настоящий момент российским законодательством не предусмотрено гарантий обеспечения бесплатным жильём сотрудников правоохранительных органов вообще, и сотрудников уголовно-исполнительной системы в частности.

Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет расчётные нормативы денежной компенсации сотрудникам уголовно-исполнительной системы, которые составляют от 24 квадратных метров на одинокого сотрудника, 43 квадратных метра на семью до трёх человек с увеличением 12 квадратных метров на каждого последующего члена семьи, составляющей более этого количества².

Согласно пункту 1 статьи 8 этого закона, размеры компенсаций определяются Постановлением Правительства Российской Федерации № 894 от 9 сентября 2016 г. (Наимено-

1 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.

2 Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ (ред. от 28.06.2021) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.

вание изменено с 3 июня 2020 г. - Постановление Правительства России от 21 мая 2020 г. № 723), которое регламентирует порядок и уровень предоставления компенсационных выплат в рамках социальной поддержки сотрудников органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения РФ, сотрудников Государственной противопожарной службы и таможенных органов РФ.

Данное постановление регламентирует денежные выплаты сотрудникам, снимающим жильё в процессе выполнения своих служебных обязанностей, не должны превышать в Москве и Санкт-Петербурге 15000 рублей; в других городах и районных центрах - 3600 рублей; в прочих населённых пунктах - 2700 рублей. Эти размеры могут быть увеличены в два раза в случае наличия у сотрудника от трёх членов семьи. Эти выплаты, согласно Постановлению Правительства, осуществляются из бюджетных средств Российской Федерации.

В связи с изложенными фактами возникают два вопроса, касательно установленного размера компенсации на региональном уровне и процедуры получения компенсационных выплат.

Установление пятикратного превышения нормативного порогового значения столичных регионов над, так называемыми, прочими, представляется, по меньшей мере, некорректным с точки зрения обеспечения социальных прав граждан согласно главы 2 Конституции РФ, касающейся прав и свобод человека и гражданина. Данная глава устанавливает равные права граждан в области социального обеспечения.

Стоимость аренды двухкомнатной квартиры в Москве составляет от 40 до 60 тысяч рублей в месяц, в Омске – от 10 до 20 тысяч. Таким образом, превышение стоимости аренды в столичных регионах по сравнению с, так называемыми, прочими, не выходит за рамки трёхкратного, однако, Постановление правительства этого факта не учитывает.

В связи с этим, на наш взгляд, представляется необходимым пересмотреть нормы денежной компенсации за аренду жилья работникам уголовно-исполнительной системы на местном и региональном уровнях.

Вторая проблема заключается в самой процедуре оформления компенсационных выплат, которая имеет заявительный характер для личного состава пенитенциарных учреждений. Заявительная система получения компенсационных выплат за аренду жилья не предусмотрена, однако, для судей, прокуроров и сотрудников следственного комитета, что свидетельствует, на наш взгляд, о нарушении Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации»³, в котором законодательно закреплён единый подход к организации государственной службы в Российской Федерации.

Трудность в решении этого вопроса состоит в том, что в настоящее время в российском законодательстве не существует единого регламента не только на форму заявления (рапорта), но также на количество, содержание и порядок предоставления документов, необходимых на оформление компенсационной выплаты за аренду жилья сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Формально сотруднику предлагается предоставить справки об отсутствии у него и членов его семьи жилплощади по месту прохождения службы, реально, эта процедура сопряжена не только с деталями в части несовпадения требований в различных регионах, но и

с потерей времени, которое необходимо сотруднику для выполнения своих служебных обязанностей [2, с. 9].

В зависимости от региона представители жилищной комиссии требуют только кадастровые выписки, справки из Федерального бюро госрегистрации. В учреждениях других регионов в качестве обязательных добавляют справку из бюро технической инвентаризации и из жилищного центра местного муниципалитета, что сопряжено не только с потерей времени сотрудником, но и с возможностью злоупотребления членами жилищной комиссии своим служебным положением, поскольку их требования не подкреплены соответствующими законами и подзаконными актами.

Подобная проблема на государственном уровне легко решается в странах Западной Европы, когда при приёме на работу сотрудник уведомляет своих работодателей об отсутствии у него жилья. В наших условиях такой подход вряд ли возможен, поэтому для совершенствования системы компенсационных выплат сотрудникам уголовно-исполнительной системы необходимо внести соответствующие дополнения, например, в документ «Постановление Правительства России от 21 мая 2020 г. № 723», что позволит установить единую систему компенсационных выплат сотрудникам пенитенциарных учреждений [1, с. 13].

Таким образом, в рамках совершенствования системы предоставления социальных гарантий сотрудникам органов исполнения наказаний, необходимо решить две проблемы, выделенные по результатам проведённого анализа.

Первая проблема заключается в низких нормах пороговых значений компенсаций за аренду жилья в регионах. В связи с этим предлагается пересмотреть нормы денежной компенсации за аренду жилья работникам уголовно-исполнительной системы на местном и региональном уровнях и закрепить их в соответствующих подзаконных актах.

Вторая проблема заключается в самой процедуре оформления компенсационных выплат, которая имеет заявительный характер для личного состава пенитенциарных учреждений.

Предлагается внести соответствующие дополнения, например, в документ «Постановление Правительства России от 21 мая 2020 г. № 723», что позволит установить единую систему компенсационных выплат сотрудникам пенитенциарных учреждений.

Проведённые мероприятия в рамках совершенствования предоставления социальных гарантий работникам пенитенциарных учреждений позволят повысить степень социальной адаптации сотрудников, мотивационный уровень и качество выполнения своих профессиональных обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. Паканич С.И., Актуальные вопросы выплаты сотрудникам уголовно-исполнительной системы компенсации за наем жилого помещения // Уголовная юстиция. - 2019. - № 14. - С. 12-16.
2. Полиди Т.Д. Применение инструментов градостроительной и жилищной политики для увеличения предложения доступного жилья: российская и зарубежная практика повышения доступности жилья. - М.: Фонд «Ин-т экономики города», 2018. - 20 с.

³ Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О системе государственной службы Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>.

ПШИЗОВА Елена Насурдиновна

кандидат юридических наук Адыгейского государственного университета

ТХАРКАХО Марина Меджидовна

кандидат юридических наук Адыгейского государственного университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В данной статье анализируется аспект формирования и использования современных информационных и цифровых технологий в сфере развития трудовых отношений. Особое внимание уделено области регулирования процессов, связанных с реализацией одного из основных конституционных постулатов – защита трудовых прав работников. Кроме этого, в статье затрагивается вопрос влияния нормативного регулирования сферы информационного обеспечения на институт защиты прав и свобод граждан в странах Европы, а также проводится анализ наиболее значимых законодательных деформаций, затрагивающих непосредственно трудовые отношения в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: информационное общество, государственное управление, права гражданина и человека, трудовое право, платформа, занятость.

PSHIZOVA Elena Nasurdinovna

Ph.D. in Law of the Adygea State University

TKHARKAKHO Marina Medjidovna

Ph.D. in Law of the Adygea State University

DIGITALIZATION OF THE LABOR PROCESS: ANALYSIS OF FOREIGN LEGISLATION

This article analyzes the aspect of the formation and use of modern information and digital technologies in the development of labor relations. Particular attention is paid to the area of regulation of processes related to the implementation of one of the main constitutional postulates – the protection of labor rights of workers. In addition, the article touches upon the issue of the impact of regulatory regulation of the sphere of information support on the institution of protecting the rights and freedoms of citizens in European countries, and also provides an analysis of the most significant legislative deformations that directly affect labor relations in the era of digitalization.

Keywords: information society, public administration, civil and human rights, labor law, platform, employment.

Сегодня, когда институт прав и свобод человека в части обработки информации любым доступным способом расширяет свои горизонты, сфера его обеспечения должна пополняться новыми механизмами защиты – механизмами, предусматривающими возможность ограничения такого рода прав и свобод, если их реализация нарушает границы легитимности других участников в следующих областях гражданско-правового регулирования: безопасность личности, частная жизнь, семейная и корпоративная тайна, и другие.

Для примера, в соответствии с Основным законом нашего государства¹ право на получение информации любым законным способом, а также использование, распространение и передачу, относится к одному из важнейших правовых постулатов формирования полноценного гражданского социума. Свобода, как указывают исследователи, в данном вопросе должна гарантировать нашим гражданам не просто право беспрепятственно общаться между собой, но и культивировать информацию о различных проблемах государства и общества на всех уровнях, включая вопросы управления, безопасности, просвещения, экономики и социального развития [1, с. 84].

В свою очередь, на представителей государственного аппарата возлагается обязанность предпринимать меры по соблюдению прав граждан в данной сфере и проводить продуктивную работу по контролю не только за отсутствием негативных проявлений, но и следить за достоверностью информационно-цифрового потока, а также обеспечивать его безопасность.

Принятой в 2017 году Стратегией развития информационного общества на 2017-2030 гг. (далее – Стратегия)², в основу которой были заложены положения таких нормативных правовых актов, как Стратегия национальной безопасности³, Доктрина информационной безопасности⁴, а также иные источники предметного регулирования институтов информационного общества и определяющие направления применения информационных и коммуникационных технологий в Российской Федерации, представители государственной власти еще раз подтвердили, что главным началом развития любого гражданского института в нашей стране должна быть именно безопасность [1, р. 80].

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

3 Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

4 Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

Вместе с тем цифровизация, как одно из самых спорных и в то же время необходимых явлений для развития общества, принесла в вопрос обеспечения указанной безопасности ряд значительных корректив, благодаря которым некоторые социальные институты были переформатированы, а часть традиционных взглядов на осуществление гражданских подвела изменениям [2, с. 165].

Дело в том, что с развитием цифровой экономики возможно выравнивание объемов труда, и это будет наилучший сценарий развития, так как рост его производительности обеспечит и более высокие доходы за счет изменения структуры занятости и за счет переформатирования профессий на рынке труда. Однако не стоит забывать, что у этого варианта развития событий есть негативный сценарий: социальные потрясения в первую очередь могут затронуть развитые страны, так как здесь уже давно наблюдается своего рода договоренность между государством и обществом о поступательном повышении уровня благосостояния в обмен на политическую лояльность.

Примерно с середины прошлого века, после Второй мировой войны, в странах Запада были приняты меры к тому, чтобы рост благосостояния населения сопровождал граждан на протяжении всей их жизни; эта тенденция была институционализована, укоренилась и стала восприниматься как неотъемлемая часть социального порядка. Но важным обстоятельством в данном процессе было то, что страны Европы каждый раз, как было необходимо запускать совершенствование механизмов трудовой деятельности, сразу же вносили в действующее законодательство необходимые коррективы, тем самым исключая дисбаланс между интересами работодателя и работника [3, с. 99]. Этот формат пытались освоить и в нашем государстве, однако на практике его развитие стало возможным исключительно постфактум.

Отдельное внимание на фоне данных изменений стоит уделить тем мерам, которые были предприняты в вопросах организации трудовых процессов, протекающих таким образом, благодаря чему можно утверждать, что цифровизация навсегда изменила принципы их построения. Как справедливо было отмечено целой группой исследователей, с одной стороны, вопрос реорганизации таких процессов – дело не скорое и требует времени, следовательно, часть проблем, которые могут возникнуть по пути их олаживания, обязательно проявятся по вине тех, кто, не стараясь менять старые правила игры, может игнорировать новые. А это приведет к тому, что законодателю будет сложно определить вектор социальной регуляции. С другой – в ходе их переформатирования исследователями неоднократно обращалось внимание на ограничение основных прав граждан, прежде всего находящихся в прямой зависимости от воли работодателя, что в случае обязательности соблюдения установленных принципов повлечет за собой правоприменительные деформации. Как следствие, законодательство, регулирующее рынок труда, стало постепенно меняться. Особо актуальным это стало в связи с переходом на дистанционную систему организации труда.

К примеру, в западных моделях использования цифровых технологий трудовые процессы стали олаживаться, исходя из того, какие именно условия может (или должен) предоставить работодатель своему работнику. Кроме того, первостепенным стал вопрос оценки условий его труда.

В частности, в Германии было обращено внимание на то, что де-факто существуют две возможности закупки рабочего оборудования: работник может быть обязан закупить рабо-

чее оборудование самостоятельно («BYOD»). С другой стороны, работодатель обязан, как обычно, предоставить необходимое рабочее оборудование («Оставить свое устройство») [4, с. 125]. Какому варианту отдать предпочтение, зависит от конкретного случая и поэтому он всегда должен определяться индивидуально. Если работник использует собственное рабочее оборудование – это, на первый взгляд, выгодно работодателю, так как никаких затрат при этом не возникает. Однако работодатель должен осознавать, что он теряет влияние, если работник использует свое личное рабочее оборудование в профессиональных целях. В частности, исключается требование о возврате рабочего оборудования, особенно носителей информации, таких как ноутбуки, мобильные телефоны, внешние носители информации. Работодатель также не может запретить сотруднику, работающему в домашнем офисе, передавать рабочее оборудование третьим лицам, что особенно проблематично с точки зрения закона о защите данных. Если работник использует свое собственное рабочее оборудование, в любом случае должны быть приняты соответствующие меры предосторожности, чтобы предотвратить неправомерное использование профессиональных данных или даже принятие их к сведению третьими лицами.

На основании изложенного представителями органов государственной власти был внесен проект закона, устанавливающего возможность использовать технологии в организации трудового процесса более предметно и без ограничения существующих принципов. Как отмечает автор данного проекта Федеральный министр труда и социальных дел Германии Хубертус Хайль, при реализации права на так называемый «мобильный дом» в любом случае должны быть приняты соответствующие меры предосторожности, исключая прежде всего неправомерное использование профессиональных данных или даже принятие их к сведению третьими лицами. Внесенными поправками мы не просто расширили возможности трудового потенциала, но и сохранили верное представление о сущности трудовых отношений, обеспечив им необходимую защиту⁵.

Полагаем, что указанный подход более чем справедлив. Трудовое право и как аспект социальной обусловленности рабочих процессов, и как форма личной претензии на справедливую реализацию своих конституционных свобод, а также защиты прав участников указанной группы отношений – задача очень серьезная. В свою очередь, занятость становится более разнообразной. Поэтому директивные органы должны стремиться найти баланс между гибкостью и стимулами для инноваций и предпринимательства, а также защитой трудящихся и гарантиями доходов. Это требует перехода от универсальных решений к более целенаправленной политике, учитывающей уникальные возможности и проблемы различных типов новых форм работы. В отсутствие нормативно-правовой базы на рынке труда, учитывающей особые условия новых форм работы с использованием цифровых технологий, цифровая трансформация усугубляет рост нестандартной занятости – явления, корнящегося в дерегулировании рынка труда. Более того, требуются более качественные данные, политические эксперименты, а также основанный на фактах анализ политики, чтобы помочь существующим трудовым нормам и системам социальной защи-

5 Влияние цифровой трансформации на трудовое законодательство Германии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessgoing.digital/the-impact-of-digital-transformation-on-employment-law/> (дата обращения: 25.04.2022).

ты адаптироваться и приспособиться к изменениям в сфере труда.

Примером реализации такого подхода является инициативы Франции в вопросах регуляции принципов организации труда в отношении самозанятых. В частности, Трудовой кодекс Франции признает только два типа работников: наемных работников и самозанятых. В принципе, работники, использующие цифровые платформы, имеют статус самозанятых. Однако следует отметить, что прецедентное право по этому вопросу не является устойчивым, поскольку судебной властью данного государства неоднократно перекалифицировались отношения между независимыми работниками и цифровыми платформами в трудовые договоры, а некоторые суды отказали признать за наемными работниками статус самозанятых.

Такое положение дел, с учетом, что Европейская комиссия недавно предложила три новых инструмента для регулирования работы, выполняемой с помощью цифровых рабочих платформ, и которые могут быть приняты в течение 2022 года⁶, свидетельствует о том, что указанный тип занятости, а именно цифровых платформ, внесет свое прогрессивное начало в построение не просто новой модели трудовых отношений, но и новой модели экономики. Как следствие, французской стороной были предприняты шаги, направленные на установление свежих, можно даже сказать, отчасти идейных законодательных преобразований, позволяющих возвысить цифровую независимость трудовых сил на новый уровень. Так, в статью L. 7341-1 и последующие предписания Трудового кодекса Франции были внесены изменения, в соответствии с которыми данные положения применяются к самозанятым лицам, которые используют одну или несколько платформ, как это определено в статье 242 bis Общего налогового кодекса Франции. То есть к компаниям, независимо от места их учреждения, которые позволяют людям контактировать друг с другом удаленно и использовать электронные средства с целью продажи товара, предоставления услуги или обмена товаров и услуг. Более того, серьезно пересмотрен вопрос отношения таких работников к социальным организациям. Теперь рабочие могут создавать и вступать в профсоюзы, а также представлять через них коллективные интересы. Если в платформе несколько членов, профсоюз может образовать профсоюзную группу. Также такие работники могут участвовать в забастовке для защиты своих профессиональных требований, что не является основанием для прекращения их договорных отношений с платформами или оправданием ответных мер при осуществлении ими своей деятельности, за исключением случаев злоупотребления. Эти забастовки не подлежат декларативной процедуре и не предназначены для профсоюзов [5, с. 156].

Как мы видим, вопрос цифровизации существенно повлиял на расклад сил в современной трудовой сфере, но, с одной стороны, это создает угрозу тем принципам законодательного построения, благодаря которым права тружеников были учтены в полном объеме, с другой – позволяет раскрыть потенциал совершенно нового формата трудовых отношений – цифрового. Нами приведены ни сколько законодательные изменения, сколько диспозиции, доказывающие, что некоторыми странами вопросы защиты трудовых

прав в условиях цифровизационного развития уже учитываются, вследствие чего меняется трудовое законодательство, а с учетом последовательной взаимосвязи между всеми странами в данном аспекте такие изменения станут общим трендом и в конце концов генерируют начало для кардинального преобразования всей мировой сферы трудовых отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Polozhentseva Yu., Klevtsova M., Leontyev E. Effects of the economic space digitalization in the context of modern society transformation // *Економічний часопис-XXI*. – 2019. – № 11-12. – P. 78-87.
2. Сапфинова А.А. Цифровизация трудового договора: перспективы правового регулирования и защиты трудовых прав // *Университетские правовые диалоги право цифровой среды: материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск, 27-28 марта 2020 года*. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – С. 162-167.
3. Иванов А.П. Современные регламенты Европейского союза и Федеративной Республики Германия в эпоху цифровизации // *Вестник Международного юридического института*. – 2018. – № 4 (67). – С. 96-102.
4. Торопов Д.А. Цифровизация образования в Германии в условиях пандемии: демократизация или изоляция? // *Педагогика*. – 2021. – Т. 85. – № 4. – С. 122-128.
5. Серова А.В. Особенности защиты социально-трудовых прав платформенных трудящихся (на примере рудового законодательства Франции) // *За права трудящихся! Приоритетные направления развития законодательства о труде и социальном обеспечении: материалы седьмой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 16-17 декабря 2021 года*. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. – С. 155-159.

⁶ Self-employed workers and digital platforms: where do we stand? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=51024542-c63b-4024-b171> (дата обращения: 25.04.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-242-244

АБДРЕЕВ Тимур Ирекович

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕНЕЖНОЙ ЭМИССИИ И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН

В статье автор исследует вопросы правового регулирования денежной эмиссии и денежного обращения России в условиях санкционного давления недружественных стран, являющейся неотъемлемой частью публичных финансов. Автор выделяет способы эмиссии, а также показывает преимущества правового регулирования обращения цифрового рубля. В рамках противостояния санкционному давлению и в рамках стратегии интеграции ЕАЭС рассмотрено создание системы ценообразования через создание единого биржевого пространства участников союза, а также международной валюты ЕАЭС, что позволит повысить финансовую устойчивость стран-участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: эмиссия и денежное обращение, цифровой рубль, финансовый контроль, международная валюта ЕАЭС.

ABDREEV Timur Irekovich

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

LEGAL REGULATION OF MONETARY EMISSION AND MONETARY CIRCULATION OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF SANCTIONS PRESSURE OF INDIVIDUAL COUNTRIES

In the article, the author explores the issues of legal regulation of monetary emission and monetary circulation in Russia under the conditions of sanctions pressure of individual countries, which is an integral part of public finance. The author highlights the ways of issuing, and also shows the advantages in the legal regulation of the circulation of the digital ruble. Within the framework of countering sanctions pressure and within the framework of the EAEU integration strategy, the creation of a pricing system through the creation of a single exchange space of the union members, as well as the EAEU international currency, which will increase the financial stability of the EAEU member states, is considered.

Keywords: issue and monetary circulation, digital ruble, financial control, international currency of the EAEU.

Сбалансированная денежно-кредитная политика государства формирует систему для устойчивого развития экономики. В случае отсутствия в стране эффективного законодательства об эмиссии и платежных средствах так называемые «хорошие» деньги вытесняют «плохие» деньги из обращения, как это отмечается в экономическом законе Грешема. Пример этому мы можем увидеть в недалеком прошлом России, когда из-за низкой ценности и доверия к национальной валюте в качестве платежного средства использовалась иностранная валюта, денежные суррогаты и так называемые у.е. Аналогичные примеры имеются и в международной торговле, когда доллар США или Евро, как правило, циркулируют как международные средства обмена и используются в качестве международных ценовых ориентиров для глобально торгуемых товаров. Более «слабые» валюты, как правило, циркулируют очень мало или вообще не циркулируют за пределами границ юрисдикции их соответствующих эмитентов для обеспечения их использования в качестве законного платежного средства.

Данное обстоятельство, и то, что доллар США создается под покупку американских казначейских обязательств, и, являясь мировой резервной валютой, позволяет ФРС

Абдреев Т. И.

США иметь преимущества от «денежного сеньоража» в рамках его эмиссии, тем самым получая возможность по номиналу стоимости валюты покупать товары и услуги в рамках международного денежного обращения при условии, что в другой стране ценность валюты выше, чем национальная денежная единица.

Принятие в отношении Российской Федерации санкционных мер, в частности ареста золотовалютных резервов страны, отключения от SWIFT и запрет на использование в международных расчетах доллара США и Евро обосновывает актуальность вопросов исследования правового регулирования денежной эмиссии и денежного обращения России в условиях санкционного давления недружественных стран, поиска новых мировых валютных инструментов и механизмов страхования рисков.

Денежно-кредитная политика Банка России нацелена на поддержание ценовой стабильности в российской экономике, сохранение низкой и стабильной инфляции, повышение доступности долгосрочных финансовых ресурсов и доверия к национальной валюте. Указанную работу Банк России осуществляет во взаимодействии с правительством России, что прослеживается и в вопросе эмиссии рубля. Если с наличной эмиссией рубля в ст.

4 и ст. 29 Федерального Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» на Центральный Банк возложена монополия на данную деятельность, то безналичная эмиссия рубля реализуется через выдаваемые Центральным Банком кредиты в виде сделки РЕПО, также путем покупки иностранной валюты и пополнения ею золотовалютных резервов и через государственные расходы.

Таким образом, эмиссия формируется через банковскую и бюджетные системы, что нередко приводит к сложностям при формировании и исполнении эмиссионных обязательств. Указанные противоречия можно проиллюстрировать на следующих примерах: например, субсидирование процентной ставки по ипотечным кредитам в рамках национального проекта «Жильё и городская среда» на фоне увеличения объемов кредитования населения спровоцировало рост цен на квартиры в условиях ограниченного предложения; применение бюджетного правила и валютные интервенции со стороны Банка России в 2018 препятствуют пополнению доходной части бюджета, то есть экономическому развитию государства.

В настоящее время банковская система, благодаря своевременно принятым мерам и наличию национальной платежной системы¹, справилась с внешним шоком. Вместе с тем, временные меры, принятые в финансово-кредитной сфере, не решают в полной мере фундаментальные вопросы по стимулированию развития экономики страны и безопасной внешней торговли по экспорту и импорту.

В связи с этим одними из направлений денежно-кредитной политики, которые поспособствуют решению выше отмеченных задач могут выступить введение в оборот цифрового рубля, расширение механизма денежной эмиссии через государственные расходы, развитие системы правового регулирования цифровых финансовых активов, усиление контроля на валютном рынке, дальнейшее развитие Российских кредитных рейтинговых агентств, создание механизмов и инфраструктуры мультивалютных и рублевых расчетов с зарубежными партнерами.

Как отмечает Васянина Е. Л. в полной мере государством обеспечиваются лишь обязательства, связанные с эмиссией наличных денег, проводимой ЦБ РФ, а объем исполнения обязательств по операциям с безналичными рублями на счетах в коммерческих банках ограничен их платежеспособностью [3, с. 5]. Цифровой рубль мог бы исправить данный недостаток, повысив финансовую устойчивость национальной экономики. Использование

в цифровом рубле уникального цифрового кода будет способствовать повышению финансового контроля, в том числе в части контроля за целевым расходованием средств, получаемых экономическими субъектами для исполнения государственных контрактов путем установления целей использования цифрового рубля.

Также важно и развитие механизма эмиссии через государственные расходы, как, например, путем расширения возможностей использования механизма инфраструктурных облигаций², а также эмиссии рубля под покупку данных инфраструктурных облигаций центральным банком России, что позволит устойчиво развивать национальную экономику и создавать внутренний спрос. Использование данного механизма эмиссии рубля может быть востребовано и в рамках реализации национальных проектов и гособоронзаказа.

Кризисы 2008 и 2014 годов показали, что механизм финансово-контрольных мероприятий, используемый в развитых странах, не позволяет в полной мере выявлять и предупреждать злоупотребления со стороны финансовых институтов по манипулированию оценкой стоимости, что в конечном счете привело к глобальному кризису и обесценивания активов [5, с. 402-405].

Так, Американская система бухгалтерского учета (US GAAP) при оценке «справедливой» стоимости предлагает определенную иерархию данных, на основе которой должна проводиться соответствующая оценка. Ненаблюдаемые оценки, для которых отсутствует активный рынок, оценивались по внутренней стоимости. Указанный подход применялся к оценке обеспеченных долговых обязательств (CDO), кредитно-дефолтные свопы (CDS), которые были созданы финансовыми институтами и не имели активного рынка. Обеспеченные долговые обязательства (CDO) стали катализатором финансового кризиса, так как реальная стоимость данных активов была сильно завышена, при этом финансово-контрольные мероприятия (независимые аудит, рейтинговые агентства, органы финансового контроля) не позволили своевременно предупредить нарастающий финансовый кризис.

Кроме того, монетарную политику в период с 2008 года и по доковидный 2020 год можно охарактеризовать экспериментальной с проведением количественных и кредитных смягчений, покупки центральными банками «плохих долгов» и предоставления долгосрочной ликвидности, в целях удержания финансового рынка на плаву. Последствием указанной монетарной политики явилось сверхвысокое соотношение долгов развитых стран к ВВП, что в итоге стало серьезным сдерживающим фактором экономического роста в мире [2, с. 38].

В связи с этим, Россией применяются, с одной стороны, вынужденные, а с другой стороны, своевременные меры по делистингу российских компаний с иностран-

¹ Справка: Система передачи финансовых сообщений (СПФС) Банка России запущена в 2014 году и предоставляет банкам и иным юридическим лицам безопасную и защищенную среду обмена финансовой информацией. СПФС работает в режиме 24/7/365 и обеспечивает передачу сообщений в форматах SWIFT и в собственных форматах пользователей. Также в СПФС реализованы сервисы для передачи финансовых сообщений Федерального казначейства. К сервисам СПФС обеспечен доступ нерезидентов Российской Федерации. С 21 зарубежной организацией заключены договоры о предоставлении услуг СПФС, 12 из которых подключены к системе.

² Постановление Правительства от 31 декабря 2020 года № 2459 Об утверждении «Правил финансирования строительства (реконструкции) объектов инфраструктуры с использованием облигаций специализированных обществ проектного финансирования». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 19.05.2022).

ных бирж³, с учетом намечающегося отложенного экономического кризиса, то есть так осуществляется защита интересов инвесторов в случае введения дополнительных санкций со стороны не дружественных стран. Расчеты по поставкам российского газа в национальной валюте также позволяют повысить финансовую устойчивость Российской экономики и национальной валюты⁴.

Как уже было отмечено выше, существующая мировая финансовая система построена на доминировании доллара США, как резервной валюты. Международные межправительственные финансовые организации, такие как МВФ подкрепляют данное доминирование, в связи с чем ценообразование ключевых в международной торговле товаров осуществляется преимущественно в долларах США. Кроме того, использование мягко-правовой формы международных финансовых стандартов позволяет развитым странам навязать применение их в национальной правовой системе, без учета их особенностей, заставляя использовать их рекомендации в обязательном порядке.

В связи с этим в рамках стратегии интеграции ЕАЭС целесообразно выстраивать свою систему ценообразования через создание единого биржевого пространства участников союза, только уже в национальных валютах, расширяя прямой обмен национальных валют, не только в межгосударственных отношениях.

Для достижения поставленной цели необходимо повысить устойчивость национальных валют, в том числе используя опыт «Европейской валютной змеи» и формируя рубль, как якорную валюту. На внешнем контуре торгово-экономических отношений ЕАЭС предлагается создать новую архитектуру валютно-финансовых отношений путем создания международной валюты ЕАЭС. Ранее данную идею неоднократно продвигал Н. Назарбаев. Новую валюту можно привязать к валютам стран-участниц ЕАЭС и 20 базовым товарам, торгуемым на биржах стран-участников и производимым в ЕАЭС.

Целесообразно международной валюту ЕАЭС сделать цифровой, в целях возможности осуществления товарно-денежных отношений без участия кредитно-банковских организаций, тем самым повысив, с одной стороны устойчивость финансовой системы, а с другой получить возможность защиты финансовой системы от санкционного давления.

Таким образом, это позволит осуществить сопряжение платежных систем с дружественными странами без использования коммерческих банков, через корреспондентские счета центрального банка России и национальных банков дружественных стран.

Кроме того, использование международной цифровой валюты позволит сделать распределительную систему эмиссии, что будет в национальных интересах стран-участников ЕАЭС. При этом стабильность международной цифровой валюты ЕАЭС будет гарантирована реальными товарными резервами, а не долговыми обязательствами.

Создание международной валюты ЕАЭС позволит расширить инструментарий кредитования совместных проектов стран-участников ЕАЭС, в том числе в условиях необходимости замечания продукции иностранных производителей, которые покидают рынок России.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что правовое регулирование денежной эмиссии и денежного обращения России в условиях санкционного давления отдельных стран требует расширения кооперации на уровне ЕАЭС. Развитие международных соглашений по созданию международной валюты ЕАЭС позволит создать предпосылки к опережающему развитию производств нового технологического уклада и модернизации экономики стран-участниц ЕАЭС, снизить санкционное давление, не создавая препятствий развитию национальных экономик, культуры и права стран-участниц ЕАЭС.

Пристатейный библиографический список

1. Абдреев Т.И. Особенности правового регулирования оценочной деятельности: Межотраслевые аспекты: глава монографии в 4-х томах. Отв. редактор С.Д. Могилевский [и др.]. - Москва, 2020.
2. Андришин С.А., Рубинштейн А.А. Денежно-кредитная политика Банка России в условиях новых финансовых технологий // Вестник ИЭ РАН. - 2018. - № 5. - С. 37-50.
3. Васянина Е.Л. О правовой природе денежной эмиссии // Финансовое право. - 2021. - № 6. - С. 3-6.
4. Васянина Е. Л. Проблемы реализации механизма бюджетного финансирования // Финансовое право. - 2021. - № 4. - С. 26-29.
5. Юнусов Л.А., Юнусов И.А. Сравнительный анализ великой депрессии и кризиса 2008 г. // Аудит и финансовый анализ. - 2014. - № 1. - С. 402-405.

3 См.: Федеральный закон от 16.04.2022 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 19.05.2022).

4 См.: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2022 № 172 «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант» (дата обращения: 19.05.2022)

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-245-246

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

МОДИНА Анастасия Александровна

магистрант Самарского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье исследуются вопросы привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Подчеркивается специфика регулирования данной категории споров в рамках действующего законодательства о банкротстве. Анализируются изменения действующего законодательства в части установления круга субъектов, отнесенных к категории контролирующих кредитную организацию лиц. Рассматриваются разъяснения Верховного суда РФ в контексте привлечения к ответственности контролирующих кредитную организацию лиц. Авторы приходят к выводу о том, что на современном этапе формируется оптимальный механизм привлечения к ответственности контролирующих должника лиц.

Ключевые слова: несостоятельность, кредитная организация, арбитражный суд, должник, контролирующее лицо, субсидиарная ответственность, банкротство.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty of the Samara State University of Economics

MODINA Anastasiya Aleksandrovna

magister student of the Samara State University of Economics

ON THE ISSUE OF BRINGING THE CONTROLLING PERSONS OF THE DEBTOR TO SUBSIDIARY LIABILITY IN THE BANKRUPTCY OF CREDIT INSTITUTIONS

The article examines the issues of bringing to subsidiary responsibility of controlling persons of the debtor. The specifics of the regulation of this category of disputes within the framework of the current bankruptcy legislation are emphasized. The changes in the current legislation regarding the establishment of the circle of subjects classified as controlling the credit institution are analyzed. The explanations of the Supreme Court of the Russian Federation are considered in the context of bringing to responsibility the persons controlling the credit institution. The authors come to the conclusion that at the present stage, an optimal mechanism is being formed for bringing the debtor's controlling persons to responsibility.

Keywords: Insolvency, credit institution, arbitration court, debtor, controlling person, subsidiary liability, bankruptcy.

В современной правоприменительной практике особое внимание уделяется делам о несостоятельности кредитных организаций. Обуславливается это тем, что банкротство именно этих организаций затрагивает, зачастую, интересы широкого круга лиц: от граждан и юридических лиц до государства. Ведется активная законодательная и правоприменительная работа в части изменения правовых норм и обобщения практики судов для выработки оптимальных подходов в разрешении вопросов, связанных в банкротстве кредитных организаций, и повышения гарантий кредиторов-вкладчиков.

Одной из таких гарантий является дополнительная ответственность субъектов, чьи действия или бездействие могут привести к банкротству кредитной организации. Такие субъекты в законе и доктрине получили название «контролирующих должника лиц».

Вопросы природы указанной ответственности вызвали активную правовую дискуссию среди ученых-правоведов [1; 4]. Действительно, в контексте самостоятельности субъектов гражданско-правовых отношений и принципа ограниченной ответственности участников юридического

лица по его обязательствам привлечение иных лиц и возложение на них соответствующего бремени следует считать экстраординарным механизмом защиты прав кредиторов при банкротстве.

Действующее законодательство о банкротстве содержит две группы норм: общего и специального характера, которые регламентируют основания и порядок привлечения в случаях, когда речь идет о кредитной организации. В частности, общие нормы определяют понятие «контролирующего должника лица», устанавливает, в силу чего достигается возможно осуществлять контроль над должником (определять действия), презюмирует признаки контролирующего лица и др. Общие положения конкретизируются нормами ст. 189.23 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) где дополнен круг субъектов, которые могут признаваться контролирующими лицами, а также уточняются особенности процедуры привлечения данных лиц к ответственности.

1 Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

Исходя из общих положений ст. 61.10 Закона о банкротстве требования о привлечении к субсидиарной ответственности касаются широкого круга субъектов. Согласно законодательству субъектами ответственности могут быть члены совета директоров, правления, председатели правления независимо от срока исполнения ими соответствующих обязанностей, а также управляющих компаний, руководителей унитарных организаций, участника корпорации и т. д.

К числу контролирующих лиц дополнительно также отнесены лица, которые осуществляют контроль в отношении кредитной организации, устанавливаемый в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности, имеющими признание в РФ.

Такое законодательное установление, с одной стороны, позволяет привлечь к участию в деле максимально широкий круг субъектов, что может способствовать реализации гарантирующей функции, которая возлагается на институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. С другой стороны, при подобном законодательном подходе к ответственности могут быть привлечены субъекты, не оказывающие реального влияния на ситуацию, лишь формально попадающие под признаки контролирующего лица.

В связи с изложенным, обращают на себя внимание обновленные нормы ст. 189.23 Закона о банкротстве, которые устанавливают презумпцию о том, что контролирующим кредитную организацию лицом является лицо, включенный Центральным Банком в соответствующий перечень.

Вышеизложенное правило явилось следствием внесенных в Закон о банкротстве изменений. Так, Федеральный закон от 24.02.2021 № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения ответственности лиц, контролирующих финансовую организацию»² установил требования о ведении кредитной организацией перечня контролирующих финансовую организацию лиц на постоянной основе. Данная норма была включена в статью 11.1-3 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»³. Теперь кредитная организация обязана передавать информацию о контролирующих лицах в Банк России. При этом данное лицо должно быть оповещено не позднее одного рабочего дня с момента направления информации. Аналогичное оповещение установлено и в случае, если Банк России признает такое лицо контролирующим. Указанная информация в обязательном порядке размещается на официальном сайте Центрального банка РФ.

Указанное нововведение, несомненно, имеет ряд положительных для всех участников судебного процесса.

Во-первых, у конкурсного управляющего и суда всегда будет актуализированный список контролирующих должника лиц, что приведет к ускорению в рассмотрении дел о банкротстве.

Во-вторых, о своем статусе контролирующего лица субъект может узнать заблаговременно, до возбуждения дела о банкротстве.

В-третьих, субъект имеет право обжаловать включение его в соответствующий перечень.

В-четвертых, субъект самостоятельно вправе обратиться в Банк России и сообщить, что утратил признаки статуса контролирующего лица.

Отметим, что наличие перечня контролирующих должника лиц соответствует Международными стандартами финансовой отчетности, признанными на территории РФ.

Однако даже наличие подобного перечня, на наш взгляд, не позволяет в достаточной степени решить проблему привлечения лица к субсидиарной ответственности и не освобождает судебные органы от тщательного анализа обстоятельств дела, при решении соответствующего вопроса. Подтверждением являются разъяснения Верховного Суда РФ, представленные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»⁴ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 35).

В данном документе Верховный суд подчеркивает, что имеющие место формальные признаки аффилированности субъекта не означают его фактическую возможность давать должнику обязательные к исполнению указания (п. 3 Постановления Пленума ВС РФ № 35). При решении вопроса о привлечении субъекта к ответственности суд обязан установить степень вовлеченности такого лица в процесс управления, способность оказывать влияние на принятие деловых решений и степень такого влияния. Следует согласиться изложенным в литературе мнением о том, что Верховный Суд РФ устанавливает высокий стандарт доказывания по указанному вопросу [3, с. 153]. Представляется, что такая позиция Верховного суда РФ призывает отказаться только лишь от формального подхода при решении вопроса о привлечении контролирующего лица к ответственности.

Изложенное приобретает особую актуальность в связи с наличием указанного выше перечня субъектов, отнесенных к числу контролирующих кредитную организацию лиц и заложенной в законе презумпции, закрепленной в п. 3 ст. 198 Закона о банкротстве, которая провозглашает зависимость банкротства кредитной организации вследствие действий и (или) бездействия лиц, контролирующих кредитную организацию, пока не доказано иное (п. 3 ст. 198.23 Закона о банкротстве).

В литературе встречаются мнения о том, что нет необходимости устанавливать какие либо презумпции применительно к привлечению к субсидиарной ответственности контролирующего лица, поскольку суды должны надлежащим образом оценить доказательственную базу и вынести решение с учетом реальной ситуации [2]. С нашей точки зрения, с данной позицией сложно согласиться. Представляется, что законодательная характеристика действий и/или бездействий контролирующих лиц как порождающих банкротство кредитной организации

2 Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 9. – Ст. 1470.

3 Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 6. – Ст. 492.

4 Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

способствует повышению уровня внутренней ответственности субъектов, стимулирует их добросовестное поведение. При этом полагаем, что закрепление в законе именно опровержимой презумпции дает возможность субъектам, из числа контролирующих кредитную организацию лиц, указанных в перечне Центрального Банка РФ, защищать свои права, отстаивая позицию о правомерности совершаемых им действий и/или отсутствии вины. Опровержимость презумпции предлагает несение бремени доказывания обратного самим лицом, привлекаемым к ответственности.

В контексте рассматриваемой проблематики следует иметь в виду, что субсидиарная ответственность – вид гражданско-правовой ответственности, следовательно, подчиняется общим правилам о привлечении к ней. Правомерно говорить о присутствии всех элементов состава правонарушения: противоправного деяния, негативных последствий, вины нарушителя и причинно-следственной связи между противоправным деянием и последствиями.

Согласно разъяснения Верховного суда РФ: «Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, в частности, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.), дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т.д.» (п. 16 Постановление Пленума ВС РФ № 35).

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 35, данные действия должны вести к объективному банкротству, которое как раз и рассматривается как негативное последствие неправомерного деяния. При этом действия в пределах обычного делового риска, не влекущие нарушающие права кредиторов, не порождают привлечение к ответственности.

Вопросы доказывания причинно-следственной связи по данной категории дел являются наиболее сложными, поскольку причинами банкротства кредитной организации могут быть также самые разнообразные факты и обстоятельства. Наличие законодательно установленных презумпций, закрепленных в ст. 61.11, ст. 61.12 Закона о банкротстве) значительно облегчает рассмотрение спорных вопросов. В Постановлении Пленума ВС РФ № 35 разъяснено, что: «при доказанности обстоятельств, составляющих основания опровержимых презумпций доведения до банкротства, закрепленные в п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, предполагается, что именно действия (бездействие) контролирующего лица явились необходимой причиной объективного банкротства».

Само же контролирующее кредитную организацию лицо при опровержении презумпции имеет право аргументировать свою позицию со ссылкой на то, что причина банкротства – исключительно внешние факторы, к

числу которых относится неблагоприятной рыночной конъюнктурой, финансовым кризисом, существенным изменением условий ведения бизнеса, авариями, стихийными бедствиями, иными событиями и т.п.

Подводя итог изложенному, отметим, что в настоящее время на уровне законодательства и правоприменительной практики предпринимаются попытки формирования оптимального механизма привлечения к ответственности контролирующих должника лиц. Применительно к банкротству кредитных организаций внедрение этого механизма требует повышенного внимания со стороны регулятора – Банка России. Следует положительно оценить законодательные изменения в части установления требований к формированию перечня контролирующих кредитную организацию лиц и порядка его размещения. Данные правила в совокупности с иными специальными нормами об ответственности контролирующих лиц, а также разъяснениями Пленума ВС РФ № 35 должны способствовать эффективному разрешению споров в рамках исследуемой категории споров.

Пристатейный библиографический список

1. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях ВС РФ // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 154-202.
2. Коновалов И.В. Некоторые проблемы привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих кредитную организацию, признанную банкротом // Научный аспект. – Гуманитарные науки. – 2019. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://na-journal.ru/2-2019-gumanitarnye-nauki/1611-nekotorye-problemy-privlecheniya-k-subsidiarnoi-otvetstvennosti-lic-kontroliruyushchih-kreditnuyu-organizaciyu-priznannuyu-bankrotom> (дата обращения 30.04.2022).
3. Михневич А.В., Оселедко А.Н. Понятие контролирующих должника лиц в процедуре банкротства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 10-2. – С. 151-159.
4. Попондопуло В.Ф., Силина (Слепченко) Е.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве // Судья. – 2018. – № 4. – С. 10-15.

ШАПСУГОВА Мариетта Дамировна

старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук

О МОБИЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ УСТАНОВЛЕНИЯ НОРМАТИВОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИБЫЛИ В ЦЕЛЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

На распределительной стадии общественного производства осуществляется распределение финансовых ресурсов на фонды накопления, фонды потребления, амортизационные фонды, прибыль. В этом процессе ведущая роль может быть отведена финансам организаций как экономическим отношениям, не существующим вне правовой формы.

Именно на стадии распределения эффективно могут работать методы государственного регулирования экономики, а финансовые потоки могут быть направлены на решение важнейших государственных задач – приоритетов государственного строительства в условиях трансформации экономики по мобилизационному типу: обновление фондов основных средств, внедрение новых технологий, повышение благосостояния граждан, перераспределение сверхдоходов на вышеперечисленные цели.

Автор приходит к выводу, что нормативы распределения прибыли на решение государственных сверхзадач могут быть установлены законодательно.

Ключевые слова: распределение прибыли, мобилизационная экономика, нормативы распределения, финансы организаций, финансы предприятий, частные финансы, децентрализованные финансы.

SHAPSUGOVA Marietta Damirovna

senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ON THE MOBILIZATION OF FINANCIAL RESOURCES OF THE ORGANIZATION THROUGH THE ESTABLISHMENT OF PROFIT DISTRIBUTION STANDARDS IN ORDER TO IMPLEMENT THE PRINCIPLES OF THE MOBILIZATION ECONOMY

At the distributive stage of social production, financial resources are allocated to accumulation funds, consumption funds, depreciation funds, and profit. In this process, the leading role can be assigned to the finances of organizations as economic relations that do not exist outside the legal form.

It is at the stage of distribution that the methods of state regulation of the economy can work effectively, and financial flows can be directed to solving the most important state tasks – priorities of state construction in the conditions of economic transformation according to the mobilization type: updating fixed assets, introducing new technologies, improving the welfare of citizens, redistributing excess income for the above purposes.

The author comes to the conclusion that profit distribution standards for solving state super-tasks can be established by law.

Keywords: profit distribution, mobilization economy, distribution standards, organization finance, enterprise finance, private finance, decentralized finance.

Финансовые отношения, возникающие на распределительной стадии общественного производства в экономически развитых обществах, являются разновидностью экономических отношений. Они подразделяются на отношения первичного и вторичного распределения (перераспределительные отношения). Первичное распределение может осуществляться как в денежной, так и в натуральной форме. Формой выражения распределительных отношений в организации является распределение прибыли на воспроизводство, инвестиции, потребление (в том числе дивиденды). Перераспределительные отношения (отношения вторичного распределения) проявляются, прежде всего, в финансовых отношениях организации с бюджетной системой.

По мнению Е. М. Ашмариной, «экономические отношения трансформируются в финансовые только тогда, когда возникает публичный интерес, который проводится в жизнь властным субъектом, реализующим свою финансовую политику, и возникают денежные отношения, сопровождающиеся процедурами учета денежных средств» [1, с. 23]. Содержание финансовых отношений зависит от содержания экономических отношений, отражающих степень развития производительных сил в стране. Наблюдается взаимообусловленность и взаимозависимость между содержанием экономических и финансовых отношений [1, с. 23].

По своему содержанию финансы представляют собой экономико-правовые отношения. Они не существуют вне правовой формы. Считается, что финансы всегда имеют фондовую форму [1, с. 28]. Однако децентрализованные финансовые ресурсы не всегда приобретают фондовую форму. Примером могут служить прибыли, не имеющие фондовую форму.

Метод регулирования общественных отношений определяется предметом, и это является спецификой самих отношений. Финансовые отношения в организации возникают по поводу формирования, распределения и использования децентрализованных финансовых ресурсов.

Финансовые правоотношения в финансах организации, по нашему убеждению, не являются частно-правовыми. Частные правоотношения строятся на принципах равенства и автономии воли. В финансовых правоотношениях в организации принцип автономии воли ограничен. Формирование, распределение и использование финансовых ресурсов в финансах организаций осуществляется на частно-публичных началах.

Прибыль, с точки зрения финансов представляет собой один из видов децентрализованных финансовых ресурсов. В частности, правовой режим распределения прибыли включает обязанность осуществлять обязательные платежи в бюд-

жет и законодательные ограничения по ее распределению, т. е. характеризуется непосредственным вмешательством государства в распределительные процессы в организации. Степень такого вмешательства определяется типом экономической системы, сформированной в государстве, и может варьироваться в зависимости от стоящих перед экономикой сверхзадач. Учитывая изложенное, распределение прибыли является управляемым со стороны государства процессом.

Прежде всего, следует обратить внимание на экономическую природу прибыли. Прибыль является распределительной категорией, категорией финансовой. Непонимание этого способствует распространению цивилистического понимания прибыли как имущества и объекта гражданских прав, что не отражает суть данного явления.

Прибыль является финансовой категорией. Прибыль не имеет фондовой формы.

Прибыль выступает как денежная категория производства. Функционирует на всех стадиях воспроизводства и обслуживает производство, распределение, обмен и потребление. Прибыль – превращённая денежная форма части стоимости прибавочного продукта или прибавочной стоимости. Не содержит элемента необходимого продукта. Представляет как практическое воплощение функционирования ряда финансовых категорий. Прибыль – форма проявления и составная часть таких категорийных понятий как валовой доход, чистый доход, денежные накопления. В масштабах страны – важная коммерческая составная часть национального дохода, определяющая размеры валового внутреннего и национального продукта [3, с. 188].

Ю. Н. Сальникова в своем диссертационном исследовании делает вывод о том, что прибыль является имуществом коммерческой организации, объектом гражданских и финансовых правоотношений [8, с. 9].

Мы не можем согласиться с таким пониманием прибыли. Прибыль не является имуществом и нет никакой необходимости к специфическому явлению пытаться приспособить имеющиеся понятия. С точки зрения бухгалтерского баланса, прибыль относится к пассиву, т.е. той части баланса которая отражает источники формирования имущества, но не само имущество (данные о б имуществе в денежном выражении отражаются в активе баланса). Гражданско-правовой термин имущество наиболее соответствует термину активы в бухгалтерском учете, однако не полностью покрывает его. К активам, помимо объектов имущества, перечисленных в ГК, относятся расходы будущих периодов, отвлеченные средства и затраты в незавершенном производстве, которые совершенно не соответствуют принятому в гражданском праве толкованию понятия «имущество» [2].

Имуществом являются денежные средства, а не прибыль как положительный финансовый результат.

Гармонизация налогового и бухгалтерского учета прибыли представляется сложной задачей. В этой области лицо конфликт интересов государства в лице его фискальных органов, стремящихся максимально увеличить налоговую базу по налогу на прибыль и организаций, напротив стремящихся ее максимально уменьшить.

В нормативных актах существуют возможности регулирования учетных процедур:

1. Применяемые методики амортизации,
2. Критерии отнесения объектов бухгалтерского наблюдения к основным средствам,
3. Порядок оценки вкладов участников в уставный капитал,
4. Выбор метода оценки производственных запасов,
5. Порядок создания оценочных резервов (по сомнительным долгам и под обесценение ценных бумаг),
6. Выбор метода признания дохода (кассовый или по переходу права собственности),

7. Порядок отнесения на расходы отчетного периода отдельных видов издержек,

8. Состав и способы распределения накладных (косвенно распределяемых) издержек,

9. Состав и способы распределения накладных (косвенно распределяемых) затрат [4, с. 184].

Как утверждает С.В. Большаков, «система распределения прибыли представляет собой организацию фундаментального процесса ее распределения. Эта система выступает как одна из важных частей денежного распределения в стране. Система распределения прибыли предусматривает не просто разделение части стоимости по направлениям, а устанавливает конкретные параметры целевого порядка такого разделения» [3, с. 206].

Прибыль – это финансовый результат деятельности организации. Формирование финансовых результатов представляет собой итог финансовой деятельности организации. Финансовый результат деятельности организации определяется целями ее деятельности, которые также формируются под воздействием типа экономической системы. Прибыль также является одной из форм существования финансовых ресурсов, является важнейшим источником финансовых ресурсов наряду с амортизацией [3, с. 188].

В рыночной экономической системе целью экономической деятельности субъектов выступает прибыль. В мобилизационной экономике – такой целью может стать решение глобальной сверхзадачи сохранения целостности государства путем мобилизации ресурсов, направленной на перевооружение средств производства, закупку новой технологии и увеличение благосостояния граждан (трудящихся и собственников). Мобилизация финансовых ресурсов предприятий на распределительной стадии общественного производства требует изменения принципов правового регулирования распределения децентрализованных финансов от автономии воли организации как субъекта к введению на государственном уровне нормативов распределения финансовых ресурсов и финансовых результатов на фонды потребления, фонды накопления фонды амортизации, а также установить на государственном уровне критерии дивидендной политики организаций, соответствующие задачам экономического роста в стране, а не индивидуального обогащения.

Финансовый результат складывается как результат взаимодействия многих факторов финансовой деятельности организации, как внешних (налоговое регулирование, бухгалтерский учет, рыночная конъюнктура), так и внутренних (в большей степени обусловленных взаимодействием с внешней средой финансовой деятельности, реакцией на внешние условия осуществления финансовой деятельности, в т.ч. выбор способов регулирования финансовых результатов предоставляемый законодательством, организационная структура юридического лица, бизнес-процессы).

Прибыль выполняет функции: обеспечения коммерческого расчёта, накопления, распределительную и контрольную [3, с. 188]. Распределительная и контрольная функции являются классическими функциями финансов.

Извлечение прибыли является основной целью предпринимательской деятельности, а также признаком коммерческого юридического лица в соответствии с ГК РФ.

В то же время трансформация экономики из рыночной в мобилизационную с необходимостью должна привести к трансформации целей экономической деятельности субъектов. Цель извлечения прибыли должна уступить место упомянутым выше целям более высокого надиндивидуального порядка.

Следует обратить внимание на то, что содержание категории «прибыль» для целей налогообложения присутствует в гл. 25 НК РФ, при том, что легальное определение прибыли как категории отсутствует. Приказ Минфина России от 19.11.2002 № 114н «Об утверждении Положения по бухгал-

терскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций» ПБУ 18/02» устанавливает порядок формирования прибыли, но не дает ее определения.

В случае законодательного установления нормативов распределения прибыли ситуация с отсутствием такого определения может считаться близкой к недопустимой.

Е.М. Ашмарина обращает внимание на разницу в бухгалтерском и налоговом понимании прибыли. По ее мнению, прибыль можно рассматривать еще и как финансовый результат деятельности организации за определенный временной отрезок, а прибыль, сформированную на основании применения налогового учета охарактеризовать как налогооблагаемую прибыль [1, с. 260].

Прибыль является источником собственных средств организации. Прибыль как прежде всего учетная категория, сама по себе не является объектом гражданских прав. Объектом гражданских прав являются денежные средства. Прибыль является особой финансовой категорией, характеризующей результат финансово-хозяйственной деятельности организации.

В зависимости от хозяйственной целесообразности использование прибыли на разных этапах развития нашей экономики менялось и, очевидно, будет изменяться в дальнейшем [5, с. 52].

Как было отмечено, прибыль является учётной и финансовой категорией. Организация, как правило, самостоятельно распоряжается прибылью после налогообложения, с соблюдением ограничений, предусмотренных законодательством.

Метод регулирования распределения прибыли определяется сочетанием императивных и диспозитивных начал. Условно распределение прибыли можно разделить на два этапа:

1. Налогообложение прибыли,

2. Распределение чистой прибыли. В свою очередь чистая прибыль может распределяться на выплату процентов по облигациям, выплату процентов по привилегированным и обыкновенным акциям, либо реинвестирование прибыли, формирование фонда нераспределённой прибыли, создание фондов и резервов организации.

Совершенствование механизмов распределения прибыли требует уяснения видов прибыли. Также необходимо понимание различий бухгалтерской прибыли и налогооблагаемой прибыли.

Бухгалтерская прибыль (убыток) представляет собой конечный финансовый результат (прибыль или убыток), выявленный за отчетный период на основании бухгалтерского учета всех хозяйственных операций организации и оценки статей бухгалтерского баланса по правилам, принятым нормативными правовыми актами по бухгалтерскому учету¹.

Приказ Минфина РФ от 02.07.2010 № 66н «О формах бухгалтерской отчетности организаций»² содержит форму бухгалтерского баланса и отчета о прибылях и убытках. Указанная форма отчета о прибылях и убытках содержит следующие виды прибыли:

1. Валовая прибыль = выручка³ – себестоимость;

2. Прибыль (убыток) от продаж = валовая прибыль – коммерческие расходы – управленческие расходы;

3. Прибыль (убыток) до налогообложения = Прибыль (убыток) от продаж + Доходы от участия в других организа-

циях + Проценты к получению – проценты к уплате + прочие доходы – прочие расходы;

4. Чистая прибыль (убыток) = прибыль (убыток) до налогообложения – текущий налог на прибыль (в т.ч. постоянные налоговые обязательства (активы) – изменение отложенных налоговых обязательств – изменение отложенных налоговых активов – прочее.

Конечным финансовым результатом деятельности организации является именно чистая прибыль (убыток) или нераспределенная прибыль (непокрытый убыток). Конечный финансовый результат (чистая прибыль или чистый убыток) складывается из финансового результата от обычных видов деятельности, а также прочих доходов и расходов. По дебету счета 99 «Прибыли и убытки» отражаются убытки (потери, расходы), а по кредиту – прибыли (доходы) организации. Сопоставление дебетового и кредитового оборотов за отчетный период показывает конечный финансовый результат отчетного периода.⁴

Таким образом, чистая прибыль организации – это прибыль, остающаяся в ее распоряжении после реализации налоговой обязанности перед бюджетной системой [1, с. 260].

«Именно «чистая прибыль» служит основанием для начисления дивидендов, отчислений в резервный капитал, покрытия убытков прошлых лет и т.д. Оставшаяся после этого прибыль считается нераспределенной и остается неизменной до принятия соответствующего решения собственника организации» [6, с. 19].

Оставшаяся нераспределенной в течение отчетного года сумма чистой прибыли (убытка) отчетного года списывается заключительными оборотами декабря в кредит счета 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» в корреспонденции со счетом 99 «Прибыли и убытки»⁵. В этот момент чистая прибыль как финансовый результат становится нераспределенной прибылью как частью собственного капитала (капиталом), источником формирования активов.

Конечным финансовым результатом можно считать чистую прибыль, фактически же окончательному распределению подлежит нераспределенная прибыль, что не противоречит финансовой сущности нераспределенной прибыли как источнику финансовых ресурсов (источнику формирования активов).

В Приказе Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» несколько иное понимание конечного финансового результата: в бухгалтерском балансе финансовый результат отчетного периода отражается как нераспределенная прибыль (непокрытый убыток), т.е. конечный финансовый результат, выявленный за отчетный период, за минусом причитающихся за счет прибыли установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации налогов и иных аналогичных обязательных платежей, включая санкции за несоблюдение правил налогообложения (п. 83)⁶.

Сумма чистой прибыли (также упоминаемой в актах Минфина как конечный финансовый результат) и сумма нераспределенной прибыли могут совпадать, но могут и различаться.

Нераспределенная прибыль является собственным капиталом фирмы, что подтверждается отнесением ее в бухгалтерском балансе организации к пассивам в составе капи-

1 П. 79 Положения утв. Приказом Минфина РФ от 29.07.1998 № 34н «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 27.08.1998 № 1598) // БНА ФОИВ. – № 23. – 14.09.1998.

2 БНА ФОИВ. – № 35. – 30.08.2010.

3 Отражается за минусом налога на добавленную стоимость, акцизов.

4 Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению» // «Финансовая газета». – № 46. – 2000 (Приказ); «Финансовая газета». – № 47. – 2000 (План счетов).

5 Приказ Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению».

6 БНА ФОИВ. – № 23. – 14.09.1998.

тала и резервов. Таким образом, нераспределенная прибыль является финансовым ресурсом, источником формирования активов организации и относится к пассиву.

Сумма чистой прибыли становится нераспределенной прибылью и после утверждения годовой отчетности и принятия решения о ее распределении подлежит распределению.

В бухгалтерском учете операции с нераспределенной прибылью (убытком) отражаются по счету 84 «Нераспределенная прибыль (убыток)» в корреспонденции с другими счетами.

В соответствии с Приказом Минфина РФ от 31.10.2000 № 94н «Об утверждении Плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкции по его применению», счет 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» предназначен для обобщения информации о наличии и движении сумм нераспределенной прибыли или непокрытого убытка организации. Направление части прибыли отчетного года на выплату доходов учредителям (участникам) организации по итогам утверждения годовой бухгалтерской отчетности отражается по дебету счета 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» и кредиту счетов 75 «Расчеты с учредителями» и 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда». Аналогичная запись делается при выплате промежуточных доходов.

Аналитический учет по счету 84 «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» организуется таким образом, чтобы обеспечить формирование информации по направлениям использования средств. При этом в аналитическом учете средства нераспределенной прибыли, использованные в качестве финансового обеспечения производственного развития организации и иных аналогичных мероприятий по приобретению (созданию) нового имущества и еще не использованные, могут разделяться.

Нераспределенная прибыль может распределяться на расчеты с персоналом. В данном случае счет 84 корреспондирует по дебету или кредиту счета 73. Так находят свое выражение финансовые отношения, возникающие между организациями (предприятиями) и их работниками при распределении и использовании доходов. Начисление компенсационных и прочих выплат работникам отражается записями по кредиту счета 73 «Расчеты с персоналом по прочим операциям» в корреспонденции со счетом 84.

Основными направлениями распределения прибыли являются:

- 1) распределение прибыли между участниками (выплата дивидендов в АО);
- 2) покрытие убытков прошлых лет;
- 3) формирование резервного капитала;
- 4) формирование добавочного капитала;
- 5) увеличение уставного капитала, доведение величины уставного капитала до величины чистых активов организации;
- 6) инвестирование;
- 7) воспроизводственные цели;
- 8) иные цели (например, компенсационные выплаты и вознаграждения работникам).

Правовой режим распределения прибыли предполагает:

1. Правовое регулирование порядка установления правил распределения прибыли (правила распределения, закрепленные законодательно, либо правила, установленные учредительными документами или соглашением участников).
2. ограничения распределения прибыли
3. Определение порядка и нормативов распределения прибыли (может находиться в компетенции общего собрания)

4. Правовой режим распределения прибыли (убытков) зависит от организационно-правовой формы юридического лица.

5. Наиболее обстоятельно урегулировано распределение прибыли в обществах с ограниченной ответственностью и акционерных обществах.

Трансформация целей экономической деятельности в условиях мобилизационной экономики не может не привести к изменению государственного подхода к распределению прибыли. Следовательно, пересмотра потребует практически отсутствующее сегодня законодательство о финансах организаций.

В законодательство потребуется ввести понятие фондов организации, их видов, а также определить правовой режим формирования, распределения и использования этих фондов. То же самое касается и децентрализованных финансовых ресурсов, не имеющих фондовую форму, таких как прибыль организаций. Бесконтрольное распределение прибыли в условиях мобилизационной экономики является непозволительной роскошью и требует прямого государственного вмешательства.

Установление нормативов распределения прибыли позволит решить задачу увеличения благосостояния граждан, перевооружения производства, осуществить переход на новые технологии и решить проблему перераспределения сверхдоходов.

Правовую основу такого жесткого решения составляет ст. 75.1 Конституции РФ, закрепившая в качестве основного принципа осуществления экономической деятельности принцип социальной, экономической и политической солидарности.

Пристатейный библиографический список

1. Ашмарина Е.М. Финансово-правовые аспекты учетных систем Российской Федерации: Дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2005.
2. Бердышев С.Н. Гражданское право для бухгалтера – М.: ГроссМедиа: РОСБУХ, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Консультант Плюс (дата обращения: 20.04.2022).
3. Большаков С.В. Финансы предприятий: теория и практика. – М.: Книжный мир, 2006.
4. Кутер М.И. Введение в бухгалтерский учёт: Учебник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: учебное электронное издание (учебник). – Электрон. дан. (23 Мб). – 2-изд. стер. – Майкоп: ЭЛИТ, 2015. <https://doicode.ru/doifile/regdoi/2015-2020/9785990738065.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).
5. Моляков Д.С. Теория финансов социалистических предприятий и отраслей народного хозяйства. – М.: «Финансы и статистика», 1986.
6. Финансовые результаты: бухгалтерский и налоговый учет / Л.Н. Булавина, Н.В. Кулиш, Е.И. Костюкова и др. – М.: Финансы и статистика, 2006.
7. Орлова Е.В. Распределение чистой прибыли: правовые и бухгалтерские аспекты // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. – 2010. – № 7. – С. 68-74.
8. Сальникова Ю.Н. Правовой режим прибыли коммерческих организаций / Дисс. к.ю.н. – Екатеринбург, 2009.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель Юридического института Дагестанского государственного университета

ГАПАЕВ Ислан Гапарович

магистрант 2 курса обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

Конституция Российской Федерации устанавливает обязанность по уплате закрепленных в ней налогов. Налоги и сборы являются отличительной чертой любого государства, а также непременным условием его существования, позволяющим государству выполнять свои функции, в том числе общественно значимые. Налоговая ответственность является безусловной, т.е. каждый обязан уплачивать установленные налоги. Эта обязанность распространяется на граждан и юридических лиц. Для обеспечения исполнения налоговых обязательств созданы специальные государственные органы, наделенные полномочиями по контролю и надзору в сфере налоговых правоотношений. В данной статье будет рассмотрен контрольно-надзорный механизм налогового законодательства.

Ключевые слова: надзор, контроль, налоговый контроль, налогообложение, налоговый мониторинг, налоговая проверка.

DIBIROV Yusup Saybulaevich

senior lecturer of the Institute of Law of the Dagestan State University

GAPAEV Islan Gaparovich

magister student of the 2nd course of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

CONTROL WORK OF TAX AUTHORITIES

The Constitution of the Russian Federation establishes the obligation to pay taxes fixed in it. Taxes and fees are a distinctive feature of any state, as well as an indispensable condition for its existence, allowing the state to perform its functions, including socially significant ones. Tax liability is unconditional, i.e. everyone is obliged to pay the established taxes. This obligation applies to citizens and legal entities. In order to ensure the fulfillment of tax obligations, special state bodies have been created with powers of control and supervision in the field of tax legal relations. This article will consider the control and supervisory mechanism of tax legislation.

Keywords: supervision, control, tax control, taxation, tax monitoring, tax audit.

Дибиров Ю. С.

Гапаев И. Г.

Значение налогового контроля заключается в упорядочении через него правоотношений в сфере налогообложения. С помощью механизма налогового контроля налоговые органы проверяют соблюдение налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах, особенно в части уплаты налогов, выявляют нарушения, выписывают требования об уплате налогов, штрафов и пеней.

Статья 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) устанавливает, что налоговые органы обязаны контролировать законодательство о налогах и сборах и соблюдать его.

Основной формой (способом) налогового контроля являются налоговые проверки, которые позволяют наиболее полно выявить своевременность, полноту и правильность исчисления обязанностью налогоплательщиков. Налоговые органы проводят следующие виды налоговых проверок налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов и налоговых агентов: камеральные (документальные) налоговые проверки; выездные налоговые проверки [7, С. 354].

Для проведения камеральных и выездных проверок налоговые органы у лиц, в отношении которых проводятся такие проверки могут истребовать необходимые документы, относящиеся к деятельности проверяемого налогоплательщика. Такой запрос именуется встречной налоговой проверкой. Встречные налоговые проверки на сегодняшний день не ограничиваются ни по срокам их проведения, ни по периодам, в которые они проводятся. Также отсутствуют какие-либо ограничения по количеству проводимых таких сделок. Однако в Налоговом кодексе РФ предусмотрена ответственность

в отношении лиц, препятствующих проведению встречных проверок (не представление налоговым органам необходимых сведений).

В НК РФ предусмотрено, что для проведения проверок налоговый орган может производить выемку необходимых документов по двум основаниям: если налогоплательщик отказывается предоставлять истребуемые документы; у налоговых органов есть основания предполагать, что необходимые документы могут быть скрыты, уничтожены.

Основной целью налогового контроля является создание совершенной налоговой системы и достижение такого уровня соблюдения налоговых правил (налоговой дисциплины) среди налогоплательщиков, налоговых агентов и других лиц, где исключены нарушения налогового законодательства или их количество незначительно. В связи с этим перед налоговыми органами стоит серьезная проблема – как правильно организовать налоговый контроль. Дело в том, что на практике налоговые органы не всегда корректны при проведении налогового контроля и, самое главное, не всегда своевременно взимают налоги и сборы. Проблема видится в отсутствии систематизированной работы органов налогового контроля.

Нам представляется разумным создание организационной структуры налоговых органов России по зарубежной модели, исходя из принципа разделения по налогооблагаемым сегментам. Очевидно, что при распределении функций налогового управления по отдельным сегментам налогоплательщиков учитываются их особенности, разрабатываются дифференцированные процедуры бухгалтерского учета, регистрация налогоплательщиков и проведение налоговых проверок.

По данной модели можно выделить следующие сегменты:

- заработная плата и доходы от инвестиций;
- малый бизнес и самозанятые;
- крупный и средний бизнес. Работа с налогоплательщиками в данной сфере требует чаще всего более высокой квалификации сотрудников;
- некоммерческие организации и государственные предприятия.

Целью налогового контроля является предупреждение и выявление налоговых нарушений, в том числе налоговых преступлений, и привлечение к ответственности нарушителей налогового законодательства.

Цели налогового контроля достигаются путем решения определенных задач:

- обеспечение экономической безопасности страны при формировании государственных централизованных и децентрализованных денежных фондов;
- обеспечение надлежащего контроля за формированием и рациональным использованием государственных доходов;
- совершенствование взаимодействия и координации деятельности органов надзора Российской Федерации;
- проверка выполнения организациями и физическими лицами своих финансовых обязательств перед государством и муниципальными образованиями;
- проверка целевого использования налоговых льгот;
- сдерживание и предупреждение неправомερных действий в сфере налогообложения.

Повышение эффективности налогового контроля может способствовать увеличению налоговых поступлений и стимулированию производства для покрытия расходов на налоговые реформы, направленные на снижение налоговой нагрузки на налогоплательщиков [8, С. 128].

При определении эффективности налогового контроля используются некоторые критерии:

1. Уровень организационной оптимизации структуры и технологии работы налоговых органов. С этой целью был осуществлен переход территориальных налоговых органов на функциональный принцип деятельности с перераспределением численности персонала в пределах, установленных Правительством РФ численности и фонда оплаты труда работников налоговых органов. В последние годы были предприняты шаги по разработке и внедрению унифицированных технических процессов, а также по расширению Федеральной налоговой службы России. В результате достигается унификация процессов управления, повышение производительности труда, усиление блоков, выполняющих контрольно-аналитические функции.

2. Эффективность расходов на содержание налоговых органов. Этот аспект означает, что налоговая система должна обеспечивать стабильный доступ к государственным доходам. Бюджетные и разумно расходующие бюджетные средства анализируются на собственное развитие и содержание.

Для анализа эффективности налогового контроля используются два общих показателя взаимности:

- показатель начисленных налогов на 1 руб. расходов на обслуживание и содержание налоговых органов;
- показатель затрат - 100 рублей для поддержания плановой стоимости налоговых органов.

Перечень показателей результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности Федеральной налоговой службы, а также целевые значения ключевых показателей результативности контрольно-надзорной деятельности регламентируются соответствующим актом ФНС России [6].

Общая эффективность контрольной работы налоговых органов достигается посредством получения конкретных результатов с учетом ряда показателей:

- эффективности работы ИФНС по проведению налоговой проверки;
- эффективности работы отделов камеральных и выездных проверок по проведению налоговой проверки;
- эффективности одной проведенной результативной налоговой проверки;
- эффективности взыскания налоговой задолженности;
- эффективности взыскания налоговой задолженности по контрольной работе налоговых органов (по решениям, вынесенным по актам проверок) [9, С. 52].

Отметим, что ФНС постепенно внедряет Концепцию развития налогового мониторинга [5]. Налоговый мониторинг — разновидность налогового контроля, когда органи-

зация предоставляет инспекторам онлайн-доступ к данным своего бухгалтерского и налогового учета. Налоговые органы постоянно наблюдают за ее операциями и контролируют расчет налогов, а если возникли ошибки — оперативно сообщают о них организации.

Доступ к данным налогоплательщика позволяет налоговому органу снизить объем истребуемых документов и сосредоточить ресурсы на проверке тех операций, которые содержат элементы риска [10, С. 472]. Такая форма налогового контроля обеспечивает превентивное выявление налоговых рисков и быстрое урегулирование спорных неопределенных налоговых позиций и позволяет уже в момент планирования операций и сделок предупредить возникновение налоговых рисков и спорных ситуаций.

В завершение отметим, что в последние годы снижение эффективности налогового контроля связано с увеличением нагрузки на одного работника налоговой инспекции, что выражается в уменьшении общей численности работников налоговой инспекции [3]. Вместе с тем уменьшается задолженность по налогам в бюджет, а также задолженность по налогам на всех уровнях бюджетной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый Кодекс РФ (часть 1). 31.07.1998. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Закон РФ от 21.03.1991 № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 15. Ст. 492.
3. Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1830 «Об оптимизации структуры и численности федеральных государственных гражданских служащих и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы, федеральных министерств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, федеральных служб и федеральных агентств, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 2020. № 47. Ст. 7533.
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.05.2016 № 934-р (ред. от 07.10.2019) «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 21. Ст. 3075.
5. Распоряжение Правительства РФ от 21.02.2020 № 381-р «Об утверждении Концепции развития и функционирования в Российской Федерации системы налогового мониторинга» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10. Ст. 1357.
6. Приказ ФНС России от 09.11.2017 № ММВ-7-1/846@ «О показателях результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности Федеральной налоговой службы» // СПС КонсультантПлюс.
7. Баташева Ф.А., Баташева Э.А. Понятие и роль налоговых проверок в системе налогового права. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 21 (101). – С. 353-355.
8. Крохина Ю.А. Налоговое право: учебник для академического бакалавриата. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2016. – 428 с. – Т (Бакалавр. Академический курс). – ISBN 978-5-9916-6314-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/389098> (дата обращения: 25.04.2022).
9. Мороз В.В., Мороз С.В. Показатели эффективности работы налоговых органов. – Текст: непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2. – С. 50-52.
10. Скопинцева А.В. Налоговый контроль как элемент управления налогообложением. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 17 (121). – С. 471-475.

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ВОЛКОВА Ирина Юрьевна

студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗОНЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье рассматривается специфика уплаты налогов и страховых взносов с участников свободной экономической зоны в Республике Крым. На основании изучения федерального законодательства и законодательства Республики Крым сформулированы существующие в настоящее время льготные режимы налоговых льгот для участников свободной экономической зоны. Кроме этого, исходя из результатов анализа материалов судебной практики выявлены проблемы и противоречия во взаимодействии субъектов властных полномочий и участников свободной экономической зоны, а также сформулированы возможные пути их решения.

Ключевые слова: Республика Крым, свободная экономическая зона, налогообложение, налоговые правоотношения, налоговые льготы.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

VOLKOVA Irina Yurjevna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

PECULIARITIES OF TAXATION IN THE FREE ECONOMIC ZONE ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

The article discusses the specifics of paying taxes and insurance premiums from participants of the free economic zone in the Republic of Crimea. Based on the study of federal legislation and the legislation of the Republic of Crimea, the currently existing preferential tax benefit regimes for participants of the free economic zone are formulated. In addition, based on the results of the analysis of materials of judicial practice, problems and contradictions in the interaction of subjects of authority and participants of the free economic zone are identified, as well as possible solutions are formulated.

Keywords: Republic of Crimea, free economic zone, taxation, tax legal relations, tax benefits.

Одной из важнейших целей любого государства является его экономическое развитие. Немаловажным оно является и для Российской Федерации. Однако, не все регионы развиваются экономически равномерно в силу различных причин. Так, регион может обладать перспективными для его развития особенностями, такими, как благоприятные климатические условия, стратегически выгодное геополитическое расположение, наличие квалифицированных кадров, однако при этом всё быть менее развитым из-за нестабильной политической обстановки, неравномерного распределения потенциала территории, низкого уровня развития инфраструктуры и иных обстоятельств, т.е. по факту быть дотационным.

В частности, на территории Российской Федерации к подобным регионам можно отнести Республику Крым и город федерального значения Севастополь, которые проделали серьезную работу по разработке и формированию правовой и экономической базы и интеграцию в правовую и экономическую систему Российской Федерации [1; 2].

Для разрешения данной проблемы применяется не только государственное финансирование потенциально экономически благополучного региона, но и формирование свободных экономических зон. В таких зонах устанавливаются особые режимы предпринимательской деятельности, налогообложения, тарифных ставок и иных аспектов. В рамках данного исследования будет более детально изучен вопрос особенностей налоговых правоотношений [3, с. 152] и нало-

Евсикова Е. В.

Волкова И. Ю.

гообложения в свободной экономической зоне на территории Республики Крым в условиях формирования и развития системы налогов и сборов Республики Крым [4, с. 385-405].

В настоящее время существует ряд особенностей уплаты субъектами свободной экономической зоны в Республике Крым налоговых платежей и некоторых противоречий, выявляемых на практике, что обуславливает обращение в судебные органы. Значимость данных аспектов для Республики Крым и недостаточная их освещенность в доктрине обуславливают актуальность настоящего исследования.

Как справедливо отмечает Р. Ф. Мамутов, одним из инструментов, способствующих устойчивому социально-экономическому развитию региона, выступает свободная экономическая зона (далее – СЭЗ) [5].

В свою очередь, Е. В. Новикова и К. В. Зайкова указывают, что в силу введения особого правового режима в Республике Крым и г. Севастополе для инвесторов, желающих и готовых осуществлять свою деятельность на полуострове, гарантировано достаточное количество налоговых льгот и преференций [6].

Напомним, что свободная экономическая зона была образована на территории Республики Крым после присоединения к Российской Федерации с целью экономической стабилизации полуострова и превращения его из дотационного региона в самостоятельный и инвестиционно благоприятный. Для территории Республики Крым характерно

наличие факторов, обуславливающих его экономический потенциал. Это, например, благоприятные климатические условия, разнообразие природного ландшафта, развитая санаторно-курортная и туристическая инфраструктура, наличие квалифицированных кадров. При этом рассматриваемому региону присущи и такие черты, из-за которых инвестирование в него является рискованным. Это, во-первых, нестабильная политическая обстановка, во-вторых, снижение качества различных сфер по причине введения санкций, в-третьих, возможные затруднения в вопросе международного сотрудничества, в-четвертых, низкий уровень конкурентоспособности промышленной сферы и иные. Для минимизации инвестиционных рисков и развития региона был принят специальный федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФЗ № 377-ФЗ)¹.

Применительно к Республике Крым, под свободной экономической зоной необходимо понимать её территорию и примыкающие к ней внутренние морские воды и территориальное море Российской Федерации, в пределах границ которых действует особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также применяется таможенная процедура свободной таможенной зоны, как устанавливается в ст. 8 названного федерального закона. Как видим, положительной особенностью СЭЗ в Республике Крым является то, что она создана и распространяет свое действие на всю территорию Республики Крым и города федерального значения Севастополь, что обуславливает определенную целостность при формировании положительного инвестиционного климата.

Однако, отдельно необходимо отметить ограниченность срока существования свободной экономической зоны – она установлена на срок 25 лет, который может быть продлен федеральным законом. Об инвестиционной благоприятности Республики Крым свидетельствует ежегодный рост количества резидентов свободной экономической зоны. Так, за 2015 год в качестве участников свободной экономической зоны в Республике Крым были зарегистрированы 272 субъекта, на момент марта 2022 года их количество достигло 1343. Таким образом, в Республике Крым с каждым годом увеличивается количество субъектов, изъявляющих желание приобрести статус участника свободной экономической зоны.

Несмотря на то, что 2018 г. отмечается резкое снижение заинтересованности предпринимателей на заключение соответствующих договоров на участие в СЭЗ, что было обусловлено истечением трехлетнего льготного периода на 01.01.2018 г. и, соответственно, прекращением возможности применения пониженных тарифов на страховые взносы для участников, а также снижение количества участников СЭЗ вследствие их исключения из реестра резидентов СЭЗ, поскольку из 1300 участников было выявлено более 300 наиболее рискованных организаций (38 участников было исключено; 81 договор о деятельности в СЭЗ был расторгнут) [6].

При этом, несмотря на достаточно сложные условия, в которых приходится функционировать и осуществлять свою деятельность участникам СЭЗ, например, действия различных международных санкций, отсутствия налаженного механизма взаимодействия с поставщиками, продолжения формирования механизмов функционирования СЭЗ в Республике Крым, согласно статистическим данным Министерства финансов Республики Крым, в 2021 году общий объем осуществленных инвестиций в СЭЗ превысил 170 млрд руб.,

из них 120 млрд руб. составляют капитальные вложения, создано порядка 50 тыс. рабочих мест².

Рассмотрим далее специфику налогообложения субъектов, обладающих статусом участника свободной экономической зоны. Для этого проанализируем положения актов, регулирующих вопрос налогообложения в свободной экономической зоне.

Одна из преференций участников свободной экономической зоны – установление нулевой налоговой ставки по налогу на прибыль организаций, полученной в результате реализации инвестиционного проекта в СЭЗ, информация о котором содержится в инвестиционной декларации, подлежащей зачислению в федеральный бюджет. Так, в течение десяти налоговых периодов, начиная от первой прибыли в свободной экономической зоне организации уплачивают налог в размере 0%, если он подлежит зачислению в федеральный бюджет, что устанавливается в п. 1.7 ст. 284 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

Относительно же налога на прибыль организаций, зачисляемого в бюджет Республики Крым, отметим, что в рассматриваемом пункте закреплено его установление законом субъекта в размере от 0 до 13,5 процентов в зависимости от вида осуществляемой деятельности. Размер ставки для данного налога конкретизируется в ст. 2 Закона Республики Крым от 29 декабря 2014 года № 61-ЗРК/2014 «Об установлении ставки по налогу на прибыль организаций на территории Республики Крым».

При этом, следует обратить внимание, что налоговая ставка по налогу на прибыль организаций, подлежащему зачислению в бюджет Республики Крым, теперь применяется вне зависимости от даты включения в реестр участников СЭЗ и составляет для всех:

– 6 % – по видам осуществляемой деятельности в свободной экономической зоне, указанным в Приложении к Закону Республики Крым № 61-ЗРК (сельское хозяйство, производство, образование, медицинская деятельность и т.д.);

– 13,5 % – по всем видам осуществляемой деятельности в СЭЗ, за исключением видов деятельности, указанных в Приложении к Закону Республики Крым № 61-ЗРК³.

Льготы по налоговым ставкам по налогам, зачисляемым в бюджет Российской Федерации и Республики Крым применяются лишь в том случае, если участники СЭЗ ведут раздельный учет доходов и расходов, полученных при реализации каждого инвестиционного проекта в СЭЗ и при осуществлении иной хозяйственной деятельности, что определено в абз.4 п. 1.7 ст. 284 НК РФ.

Вместе с тем, на практике очень часто возникают споры между субъектами властных полномочий – налоговыми органами и участниками СЭЗ, которые имеют право на применение соответствующих льгот, в части определения порядка и правомочности применения такой льготы⁴.

Так, в ходе камеральной налоговой проверки, проведенной ИФНС по г. Симферополю в отношении налоговой декларации ООО, являющегося участником СЭЗ, было выявлено, что общество применяло налоговую ставку 2% в отношении налога на прибыль организаций. По мнению налогового органа, ООО обязано было применять ставку в размере 6%, так как было зарегистрировано как участник СЭЗ 30 но-

¹ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 декабря 2014 г. – № 48. – Ст. 6658.

² Общий объем инвестиций в СЭЗ Республики Крым превысил 170 млрд рублей – Ирина Кивико. Новости. Правительство Республики Крым. (Дата размещения ресурса: 10.09.2021 г.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rk.gov.ru/ru/article/show/13263>.

³ Закон Республики Крым от 29.12.2014 № 61-ЗРК/2014 (ред. от 28.11.2018) «Об установлении ставки по налогу на прибыль организаций на территории Республики Крым» (принят Государственным Советом Республики Крым 24.12.2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://business.rk.gov.ru/medias/files/npa/61-zrk.pdf><https://business.rk.gov.ru/medias/files/npa/61-zrk.pdf>.

⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25 февраля 2020 г. № Ф10-392/20 по делу № А83-20096/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/40239348/> (дата обращения: 10.03.2022).

ября 2015 года, а декларация была составлена 28 апреля 2018 года. В отношении общества было вынесено решение, согласно которому оно было обязано возместить недоимку по налоговым платежам. Однако, ООО не согласилось с данным решением, так как первая прибыль от осуществления деятельности в статусе участника СЭЗ была получена им в 2016 году. ООО обратилось в УФНС по Республике Крым для отмены решения, однако в этом было отказано, после чего ООО обратилось в суд. Суды первой и апелляционной инстанций признали правомерность применения ООО налоговой ставки 2%. Вместе с тем, при кассационном обжаловании суд кассационной инстанции счел решения судов обоснованными и соответствующими нормам права. Во-первых, суд указал на то, что общество вправе применять двухпроцентную налоговую ставку по налогу на прибыль со следующего дня после включения общества в единый реестр участников свободной экономической зоны на протяжении трёх лет. Во-вторых, заявитель по кассационной жалобе не предоставил доказательств получения обществом прибыли в рамках реализации договора об осуществлении деятельности в свободной экономической зоне и применения налоговой ставки 2%. В-третьих, отсутствовали доказательства нарушения обществом обязанности по ведению раздельного учета доходов и расходов в результате осуществления деятельности в свободной экономической зоне и иной деятельности.

Приведенное судебное решение свидетельствует о важности правильного исчисления сроков при определении налоговой ставки, а также учета факта получения прибыли и ведения раздельного учета доходов, полученных от деятельности в свободной экономической зоне и иной деятельности. Хотя с января 2022 г. порядок предоставления пониженных ставок налогообложения по налогу на прибыль для участников СЭЗ был изменен⁵, скорее всего, в целях установления единообразного порядка их применения и недопущения возникновения административных и судебных споров в этой части [7].

Кроме того, для участников СЭЗ предусматриваются также льготы при уплате налогов на имущество организаций. Так, в соответствии с п. 26 ст. 381 НК РФ, имущество, учитываемое на балансе организации, не облагается налогом, если целью его создания или приобретения является ведение деятельности на территории СЭЗ и если оно расположено на её территории. Данная преференция действует в течение десяти лет с месяца, следующего за месяцем принятия на счет этого имущества. Если же имущество было приобретено до приобретения организацией статуса участника СЭЗ, рассматриваемая льгота применяется в течение десяти лет со дня включения организации в единый реестр участников СЭЗ Республики Крым и города федерального значения Севастополя, что разъясняется в Письме Федеральной налоговой службы от 16 сентября 2015 г. № БС-4-11/16292@ «О налоге на имущество организаций»⁶.

Также, участники СЭЗ, в соответствии с пп.12 п. 1 ст. 395 НК РФ, освобождаются от уплаты земельного налога на земельные участки, расположенные на территории СЭЗ и используемые во исполнение договора об осуществлении деятельности в СЭЗ, на протяжении трех лет начиная с месяца возникновения права собственности на земельный участок.

Таким образом, в целях стабилизации экономики Республики Крым и развития её инвестиционного потенциала для субъектов СЭЗ предусматриваются льготы как на федеральный и региональный налоги, так и на местные. Это

проявляется либо в освобождении от налогового бремени на протяжении установленного законодателем срока, либо в установлении пониженных налоговых ставок. Данные меры представляются целесообразными ввиду относительно недавнего присоединения Республики Крым к территории Российской Федерации и длящейся интеграции в её правовое и экономическое пространство и необходимости формирования отлаженного механизма взаимодействия участников СЭЗ в рамках СЭЗ.

Кроме льготных размеров налоговых ставок к участникам СЭЗ применяются и пониженные тарифы страховых взносов в отношении выплат в пользу лиц, занятых в реализации инвестиционного проекта, и обязательного пенсионного, социального и медицинского страхования, что установлено в пп. 11 п. 1 ст. 427 НК РФ и пп. 5 п. 2 ст. 427 НК РФ соответственно. Однако не всегда налоговые органы признают за участником СЭЗ право применять льготные тарифы при выплате страховых взносов. Это приводит к неправомерному начислению штрафных санкций, что подтверждается судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации (Определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2021 г. № 310-ЭС21-14160 по делу № А83-5003/2019)⁷.

Налоговые органы обратились в Верховный Суд Российской Федерации с кассационной жалобой на судебные акты нижестоящих инстанций, поскольку в отношении ООО было предъявлено требование об уплате налога, страховых взносов, пени, штрафа и процентов, обусловленных необоснованным применением пониженных тарифов страховых взносов к выплатам в пользу членов экипажа. Поскольку, по мнению налоговых органов ООО, как участник СЭЗ, осуществляло деятельность по вылову рыбы, которая не предусматривается договором об условиях деятельности в СЭЗ. Суды нижестоящих инстанций согласились с неправомерностью вынесенного в отношении ООО решения, указав на то, что оно является участником СЭЗ, а его деятельность по переработке и консервированию морепродуктов осуществляется в целях реализации инвестиционного проекта. Таким образом, применение льготных тарифом к выплатам в пользу работников осуществлялось правомерно. Верховный Суд согласился с выводами судов и отказал в передаче жалобы в судебную коллегия.

Приведенное решение подтверждает, что применение пониженных тарифных ставок по страховым взносам независимо от вида деятельности является соответствующим законодательству и необходимым для экономического развития участников СЭЗ. Важную роль в данном вопросе играет соответствие деятельности характеру инвестиционного проекта, определенного в договоре.

Однако, неурегулированным в настоящее время является вопрос ответственности участника СЭЗ и возможности взыскания с него преференций в связи с уплатой налогов по льготным ставкам. Отсутствие законодательного закрепления ответственности сторон договора и последствий его расторжения в одностороннем порядке приводит к противоречивой судебной практике⁸.

Так, ООО обратилось в Министерство экономического развития Республики Крым с заявлением о заключении договора для приобретения статуса участника СЭЗ на территории Республики Крым. В проекте договора, представленном Министерством, был сформулирован пункт, согласно которому, уполномоченному органу предоставлялось право истребовать сумму полученных преференций у общества в случае нарушения последних условий договора. Стороны не пришли к соглашению по условиям договора, поэтому ООО обратилось в суд с иском о рассмотрении разногласий.

5 См.: Закон Республики Крым от 29.12.2014 № 61-ЗРК/2014 (ред. от 28.11.2018) «Об установлении ставки по налогу на прибыль организаций на территории Республики Крым» (принят Государственным Советом Республики Крым 24.12.2014). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://business.rk.gov.ru/medias/files/npa/61-zrk.pdf>

6 Письмо Федеральной налоговой службы от 16 сентября 2015 г. № БС-4-11/16292@ «О налоге на имущество организаций». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/71191862/paragraph/1:1> (дата обращения: 10.03.2022).

7 Определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2021 г. № 310-ЭС21-14160 по делу № А83-5003/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/402673678/> (дата обращения: 10.03.2022).

8 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11 октября 2017 г. № Ф10-3521/17 по делу № А83-6051/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/40198060/> (дата обращения: 10.03.2022).

Арбитражный суд Республики Крым полностью отказал в удовлетворении иска, указав на отсутствие противоречия законодательству в условиях договора. Двадцать первый арбитражный апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции по существу иска, но изменил его решения, изложив в договоре условия об истребовании суммы преференций в случае не реализации условий договора или его расторжении по инициативе истца.

Суд округа опроверг выводы судов на основании осуществления ими неверного толкования норм материального права. Прежде всего, суд обратил внимание на то, что суды первой и апелляционной инстанций ссылались на письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 26.04.2016 № Д08и-469, исходя из положений которого, во избежание неправомерного получения преференций и нарушения условий договора, а также в целях повышения эффективности деятельности участника СЭЗ, в заключаемых договорах необходимо предусмотреть в договоре оплату сумм полученных преференций. Однако данное письмо не является нормативно-правовым актом, опубликованным для всеобщего сведения, поэтому его положения не являются обязательными для судебных органов. Кроме этого, суд указал, что установление подобной ответственности без ссылки на норму закона и согласия обеих сторон лишь на основании судебного решения неправомерно. Более того, налоговые правоотношения, в том числе в вопросе их возмещения, являются публичными, а потому не могут быть урегулированы гражданско-правовым договором. На основании этих обстоятельств иски были удовлетворены.

Проанализированное судебное решение подтверждает наличие проблемы недостаточного законодательного регулирования вопроса ответственности сторон по договору о включении в реестр участников СЭЗ, поскольку в настоящее время законом предусматривается лишь расторжение договора в судебном порядке в случае нарушения участником СЭЗ условий договора или несоответствия его деятельности требованиям закона, что установлено в ч. 4 ст. 14.1 и ч. 3 ст. 14.2 4 ФЗ № 377-ФЗ. Возможность и механизм взыскания полученных преференций также не предусматривается. Во избежание злоупотребления правом сторонами, неправомерного получения участником СЭЗ преференций и оптимизации его деятельности представляется необходимым дополнить главу 4 ФЗ № 377-ФЗ положениями, которые бы устанавливали определение недобросовестного поведения сторон договора, возможные меры ответственности в случае нарушения условий или расторжения договора, а также механизм их реализации.

Обобщая вышесказанное, важнейшим экономическим и инвестиционным инструментом для Республики Крым является установление СЭЗ. Для её участников устанавливаются льготы в том числе на налоговые ставки и страховые взносы. Так, субъекты СЭЗ либо освобождаются от уплаты обязательных платежей, либо выплачивают их в меньшем размере. Это, безусловно, благотворно влияет на экономическую обстановку в Республике Крым и создает условия для наиболее эффективного осуществления деятельности организациями при переходе и укоренении в экономическом поле Российской Федерации. Об этом свидетельствуют данные Министерства экономического развития Республики Крым, согласно которым с начала 2021 года было заключено 103 договора с объемом капитальных инвестиций 10,4 млрд рублей, что превышает количество договоров, заключенных в 2020 году в 1,4 раза, а объем инвестиций в 3,2 раза, что свидетельствует об успешной реализации целей создания СЭЗ.

При этом, в настоящее время существует необходимость усовершенствования правового регулирования деятельности участников СЭЗ в целях повышения эффективности реализации инвестиционных проектов. Это, прежде всего, касается вопроса ответственности участников СЭЗ. Как отметила министр финансов Республики Крым, участниками СЭЗ нередко нарушаются условия договоров о сроках и объемах осуществления капитальных вложений и создания рабочих мест. По фактам нарушений участникам направлено 483 претензии и подготовлено 68 исковых заявлений о растор-

жении договоров в 2021 году. Для наиболее эффективного достижения целей внедрения СЭЗ и минимизации совершения нарушений необходимо предусмотреть возможность привлечения к ответственности участников СЭЗ, в том числе путем взыскания полученных льгот, а также механизм её реализации. Это позволит предупредить нарушения участниками СЭЗ условий договора и не допустить неосновательного получения льгот недобросовестными участниками. Данная мера представляется разумной, так как налоговые льготы предоставляются участникам СЭЗ для того, чтобы они могли сохранить максимально возможный объем полученных от инвестиционной деятельности средств с их дальнейшим вложением в реализацию проекта. В случае нарушения ими условий договора получение преференций становится нецелесообразным.

Не менее важную роль играет контроль за действиями участников СЭЗ в рамках реализации инвестиционного проекта. По этой причине, рациональным является усиление контроля за деятельностью участников СЭЗ, что позволит предотвратить деятельность недобросовестных инвесторов и неправомерное получение ими налоговых льгот, а также будет способствовать существованию и развитию СЭЗ в Республике Крым на протяжении достаточно длительного периода, в течение которого будут проявляться её новые особенности и проблемы, что обуславливает дальнейшую актуальность исследования данного вопроса, особенно, в условиях продолжающегося государственно-правового реформирования налоговой системы РФ [8].

Пристатейный библиографический список

1. Руденко А. В. Становление законодательства Республики Крым об административных правонарушениях / А. В. Руденко, И. В. Бондарчук // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10 (161). – С. 131-134.
2. Бондарчук И. В. Проблемы развития законодательства Республики Крым как нового субъекта Российской Федерации / И. В. Бондарчук, А. В. Руденко // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 90-92.
3. Евсикова Е. В. Систематизация основных подходов к определению понятия «налоговые правоотношения» // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 4 (83). – С. 149-152.
4. Евсикова Е. В. К вопросу о реформировании системы налогов и сборов Российской Федерации в контексте установления и введения курортного сбора // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 3. – С. 385-405.
5. Мамутов Р. М. Свободная экономическая зона и ее роль в устойчивом развитии региона (на примере Республики Крым) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017.
6. Новикова Е. В., Зайкова К. В. Функционирование свободной экономической зоны в Республике Крым как драйвер социально-экономического развития региона // Экономическое развитие России. – Том 26. – № 11. – 2019. – С. 74-83.
7. Кравченко Н. А. К вопросу об особенностях производства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) налоговых органов и их должностных лиц // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 226-228.
8. Евсикова Е. В. Курортный сбор в система налогов и сборов Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. – 2018. – Т. 26. – № 2. – С. 83-91.

СТЕПАНОВА Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ НАЛОГОВ В РФ

Автором исследования затрагивается вопрос правовых основ юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений. В частности, в исследовании дается оценка научного и правового обоснования таким понятиям, как «налог» и «налоговая ответственность», раскрываются их основные признаки. Кроме этого, вопрос формирования норм юридической ответственности в сфере налогообложения рассматривается автором через призму существующих проблем. Среди различных взглядов и определений вышеуказанных понятий автор выделяет только те, которые непосредственно подкрепляются правовой практикой, а также являются наиболее спорными (неразрешенными) с точки зрения их применения.

Ключевые слова: налогообложение, правовое регулирование, юридическая ответственность, экономика, финансы.

STEPANOVA Marina Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Ural branch of the Russian State University of Justice

THE MAIN PROBLEMS OF REGULATION OF LEGAL LIABILITY FOR NON-PAYMENT OF TAXES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The author of the study touches upon the issue of the legal foundations of legal liability for the commission of tax offenses. In particular, the study assesses the scientific and legal justification for such concepts as "tax" and "tax liability", reveals their main features. In addition, the issue of forming the norms of legal responsibility in the field of taxation is considered by the author through the prism of existing problems. Among the various views and definitions of the above concepts, the author singles out only those that are directly supported by legal practice, and are also the most controversial (unresolved) in terms of their application.

Keywords: taxation, legal regulation, legal responsibility, economics, finance.

Экономическая сфера представляет собой сложный социальный институт, включающий в себя не только алгоритмы реализации прав субъекта коммерческой деятельности, к примеру, на справедливое налоговое бремя, но и различные механизмы воздействия на его волю при условии, что предоставленная возможность исполнения обязанностей положений закона или договора со стороны последнего оказывает пагубное влияние на основы общественного регулирования.

В свою очередь, правовое регулирование налоговых отношений – процесс крайне насыщенный, так как указанные отношения, несмотря на их заведомую однородность, обусловлены разнообразием прав субъектов и потенциальными возможностями со стороны указанных субъектов оказывать влияние на налоговое производство.

Как справедливо подмечает Н. В. Ахтырская, сфера налогообложения относится к одной из основных составляющих всей системы экономического устройства страны. Общим посылом к развитию данной сферы, как указывалось выше, послужило развитие современного бизнеса (предпринимательства). И нельзя не отметить, что главной причиной проблем, которые возникают в указанном направлении, является слабость законодательного внимания к тем вопросам, которые напрямую связывают развитие экономики и функционирования системы налогообложения [1]. С указанной позицией сложно не согласиться, поскольку сфера обеспечения правовой защиты налоговых правоотношений крайне специфична, к тому же переполнена различными проблемами, требующими более глубокого научного исследования и законодательного разрешения.

Особо здесь стоит выделить проблемы определения ключевых терминов, а также специфики отдельных видов, оснований и мер ответственности. Одним из таких вопросов, который непосредственно влияет на состояние правильности оценки налоговых отношений, а также их последующей корреляции, является вопрос теоретико-правовой идентификации понятий, используемых в контексте их нормативного определения. Внимания заслуживает и проблематика соотношения разных видов ответственности, предусмотренных за неуплату налогов, в частности, налоговой ответственности и административной ответственности, налоговой ответственности и уголовной ответственности. Многие вопросы научно-теоретического плана вызывают дискуссии уже в течение многих лет, и на них невозможно дать однозначный ответ, а взгляды ученых кардинально различаются.

Так, именно положения налогового законодательства, прежде всего, определяют такое понятие, как «неуплата налогов», и

первостепенно вносят необходимое представление о тех мерах ответственности, которые должен нести налогоплательщик в случае их нарушения. В частности, неуплата налогов, как основание наступления ответственности, предусмотрена п. 3 ст. 108 Налогового Кодекса РФ [2] (далее по тексту – НК РФ), согласно которому «основанием для привлечения лица к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах является установление факта совершения данного нарушения решением налогового органа, вступившим в силу». В данном случае в основу внимания берется факт совершения нарушения. При этом само нарушение может именоваться по-разному («неуплата...», «уклонение...», «непредоставление...», «сокрытие...» и т.д.), но в конечном итоге всё сводится к неуплате налогов. Следовательно, для более точной идентификации указанного явления первоначально необходимо дать определение такому понятию, как «налог».

Стоит заметить, что на данном этапе развития налогообложения в ученой среде не сложилось общепринятого понимания того, что именно нужно определять в качестве налога. Вместе с тем, если учесть, что сущность налога всегда определялась как взимание платы за осуществление определенной деятельности, то его основные признаки в целом не вызывают разногласий среди исследователей [3]. В большей степени к таким признакам можно отнести:

- обязательность;
- индивидуальная безвозмездность;
- безвозвратность;
- обеспеченность государственным принуждением;
- отсутствие наказательного характера;
- целевой характер (цель взимания налога – обеспечение платежеспособности субъектов публичной власти) [4].

В свою очередь, более конкретно понятие налога раскрывается в ст. 8 НК РФ. Согласно п. 1 данной статьи налог понимается как обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, который взимается с организаций и граждан в денежной форме в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Из этого определения становится очевидным целевой характер налоговых платежей, что в целом поддерживается. Также в указанном определении не говорится о добровольном характере налога, что тоже нам представляется оправданным. Это является еще одним аргументом против присвоения налогу признака добровольности.

Между тем в указанной сфере имеется немало проблем, и многие из них безусловно связаны с правовым регулированием

ем ответственности за неуплату налогов. Однако, рассматривая проблемы такого регулирования налоговой ответственности, нельзя отрицать и проблемы неюридического характера, то есть так называемый психологический фактор, учет которого важен при определении подхода к регулированию ответственности. К примеру, исследователь Е. С. Пономарева, выдвигая данный аспект на передний план, констатирует, что ключевыми психологическими причинами неуплаты налогов могут быть следующие:

- налог, как обязательство по закону не является императивным для всего общества;
- беспристрастность налогового законодательства спорна по своей сути;
- налоговое законодательство постоянно меняется;
- налоговой нигилизм;
- несогласие общества с размерами и видами налогов, и др. [5].

В контексте заявленных причин разумным было бы затронуть вопросы налогового «воспитания» населения, которое включает в себя такие действия, как разъяснение пользы налогообложения, раскрытие тех аспектов, которые содержатся за счет налоговых отчислений, налоговое стимулирование бизнеса.

К примеру, одним из сложных вопросов налогообложения представляется вопрос, которым затрагивается тематика оценки налоговых правоотношений с точки зрения установления в них признаков преступлений. Многие авторы здесь отмечают низкую эффективность налогового законодательства. Так, М. Ю. Рачкова и Ю. В. Баглай пишут: «нельзя признать эффективным действующий механизм уголовной ответственности за налоговые преступления. Причиной к чему, по мнению исследователей, является слабость и нестабильность налогового законодательства» [6]. Думается, что эту позицию можно поддержать.

При этом по поводу соотношения административной и налоговой ответственности также идут активные дискуссии. В этой связи отдельные авторы относят налоговую ответственность к административной, в качестве варианта дальнейшего реформирования этого правового института предлагают различные меры [7]. Между тем, в порядке совершенствования налоговых норм, в настоящее время мы можем видеть, что в Уголовно-процессуальный кодекс РФ [8] возвращен механизм, при котором возбуждение уголовного дела за совершение налогового правонарушения возможно только после того, как будет проведено полноценное проверочное мероприятие, и при этом налоговый орган вынесет соответствующее постановление [9].

Немаловажно то, что указанная инициатива давно уже вынашивалась в предпринимательской среде. Вместе с тем основной причиной в невозможности реализации такой инициативы стало законодательное расхождение в вопросах оценки налоговой ответственности и основных её аспектов. Теперь принятие решения о возбуждении уголовного дела будет приниматься только после того, как между предпринимателем и ФНС закончатся судебные распри, и вопрос оценки деяний налогоплательщика перейдет в русло иной отрасли права - уголовной.

Категорично принципиальным в вопросе определения мер ответственности за совершение налогового правонарушения является фактор дифференциации юридической ответственности при определении тяжести совершаемых нарушений. В этой связи большое внимание в научной среде уделено соотношению налоговой и административной ответственности, что подталкивает к позиции ряда исследователей, настаивающих на перегруппировке соответствующих нормативных положений. В целом, как отмечено в некоторых научных работах, можно говорить о проблеме неопределенности в налоговом праве [10], которая свойственна не только институту ответственности, но и всей отрасли.

Так Е. С. Ефремова считает необходимым перенесения составов налоговых правонарушений, которые предусмотрены в главе 16 Налогового Кодекса РФ [11], в Кодекс об административных правонарушениях РФ [12]. Автор такой позиции настаивает, что указанная мера не представляет для правоприменителя особых сложностей. При этом свое предложение она подкрепляет тем, что налоговое право де-юре есть продукт развития административных отношений, и объектом противоправного посягательства выступают только отношения, которые обеспечивают соблюдение установленного порядка управления в сфере налогообложения [13].

В данном случае будет разумным заметить, что именно характер отношений в политической сфере полностью влияет на

разделение административной и налоговой ответственности. С другой стороны, возникает вопрос о том, в каком порядке будут осуществляться взыскания недоимок по налогам, сборам и взносам на обязательное страхование. В указанной связи признать такое предложение обоснованным преждевременно. Вместе с тем принятие мер по оценке взаимодействия институтов административного права и налогового просто необходимо.

Таким образом, в сфере регулирования юридической ответственности за неуплату налогов имеется множество проблем. Законодательство отличается большим объемом нормативного материала, нестабильностью, размытостью формулировок, оценочным характером многих понятий, расширительным подходом к толкованию норм. Также имеется множество подзаконных нормативных (например, приказы ФНС России) и ненормативных документов (письма ФНС России). В свою очередь, правоприменительная практика не отличается единообразием. Более того, нередко налогоплательщикам удается защитить свои права лишь в судах высших инстанций (Верховном и Конституционном судах РФ). При этом взаимосвязь разных видов ответственности довольно слабая. В одних случаях может реализовываться один вид ответственности, в других – даже три (налоговая, уголовная, гражданско-правовая).

Все сказанное свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства, регулирующего ответственность за неуплату налогов.

Пристатейный библиографический список

1. Ахтырская Н.В. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук Специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. - Омск, 2018. - 196 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - № 31. - 03.08.1998. - Ст. 3824.
3. Требуных А.Г. Соотношение понятий налогов, сборов, пошлины // Студенческий вестник. - 2021. - № 38-2 (183). - С. 48-50.
4. Налоговое право: учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляева. - М.: Альпина Паблишер, 2015. - С. 31-37.
5. Пономарева Е. С. Психологические причины отклонения от уплаты налогов // Молодежная наука: тенденции развития. - 2018. - № 1. - С. 52.
6. Рачкова М.Ю., Баглай Ю.В. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Столица науки. - 2020. - № 1 (18). - С. 54.
7. Овчарова Е.В. Проблемы применения административной ответственности за нарушения налогового законодательства по Налоговому кодексу РФ (НК РФ) и по Кодексу РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) // Административное право и процесс. - 2005. - № 2. - С. 17.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
9. Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 14.03.2022. - № 11. - Ст. 1601.
10. Попкова Ж.Г. Налоговая выгода как институт налогового права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04. - М., 2019. - С. 120.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.05.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.05.2022) // Собрание законодательства РФ. - 07.08.2000. - № 32. - Ст. 3340.
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022, с изм. от 17.05.2022) // Собрание законодательства РФ. - 07.01.2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
13. Ефремова Е.С. К дискуссии о переносе составов налоговых правонарушений в Кодекс об административных правонарушениях РФ // Налоги и финансовое право. - 2010. - № 2. - С. 176.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-260-261

ЦОЙ Владимир Ревазович

помощник адвоката Экономической коллегии адвокатов, аспирант кафедры финансового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

Цой В. Р.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА, ОТНОСЯЩЕГОСЯ К РОСКОШИ, В РОССИИ И ИТАЛИИ

Предметом исследования являются положения налогового законодательства Российской Федерации и Италии, предусматривающие механизмы налогообложения недвижимого имущества, квалифицируемого в качестве роскоши. Автор раскрывает содержание анализируемых законодательных актов, которыми установлены соответствующие критерии определения предметов, квалифицируемых в качестве роскоши. Посредством анализа Налогового кодекса РФ, законодательных актов Италии, а также правоприменительной практики делается вывод о наличии механизмов налогообложения недвижимого имущества, относящегося к роскоши, в рамках налога на имущество физических лиц в России и налога на добавленную стоимость в Италии.

Предлагаются пути модернизации существующих в Российской Федерации законодательных механизмов налогообложения роскоши, в частности, посредством применения кадастровых категорий элитной недвижимости, существующей в Италии.

Ключевые слова: предметы роскоши, критерии налогообложения роскоши, элитная недвижимость, кадастровые категории, налог на имущество физических лиц, налоговая ставка.

TSOY Vladimir Revazovich

Paralegal of the Economic Bar Association, postgraduate student of Financial Law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

TAXATION OF LUXURY PROPERTY IN RUSSIA AND ITALY

The subject of the study are the provisions of the tax legislation of the Russian Federation and Italy, providing mechanisms for the taxation of immovable property qualifying as a luxury. The author reveals the content of the analyzed legislative acts, which establish the relevant criteria for determining the items qualifying as luxury. Through the analysis of the Tax Code of the Russian Federation, legislative acts of Italy, as well as law enforcement practice, the conclusion is made that there are mechanisms of taxation of immovable property related to luxury in the framework of the tax on property of individuals in Russia and the value added tax in Italy.

Ways of modernizing the existing legislative mechanisms for luxury taxation in the Russian Federation are proposed, through the application of cadastral categories of elite real estate existing in Italy.

Keywords: luxury items, luxury tax criteria, luxury real estate, cadastral categories, personal property tax, tax rate.

В настоящее время к налогу на предметы, квалифицируемые в качестве роскоши (на престижное потребление), Минфин относит налог на имущество физических лиц и транспортный налог¹.

В отношении налога на имущество физических лиц подпунктом 2 пункта 2 статьи 406 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – Налоговый кодекс РФ) закреплены налоговые ставки, дифференцированные в зависимости от стоимости объекта, которые и выступают элементом налогообложения предметов роскоши. Законодательным критерием роскоши в данном случае является кадастровая стоимость объекта налогообложения.

Применительно к налогу на имущество недвижимого имущества, относящегося к роскоши, в Италии, можно выделить несколько подходов.

Первый из них действовал в период с 02.08.1969 по 12.12.2014 и был регламентирован постановлением Министра общественных работ от 02.08.1969. Данным законодательным актом были внесены изменения в правила налогообложения строительства недвижимости, а именно были выделены критерии элитного жилья.

В соответствии со статьями 1 – 8 указанного постановления элитным признавалось следующее жилье; дома, построенные на земельных участках площадью не менее 3 000 квадратных метров, исключая сельскохозяйственные угодья; дома с бассейном площадью не менее 80 квадратных метров или теннисными кортами, имеющими дренажную поверхность площадью не менее 650 квадратных метров и т. д.²

Из анализа представленных критериев видно, что оценка площади недвижимого имущества строилась в том числе на применении формулировки «общая полезная площадь», которая в силу своего оценочного характера нередко вызывала споры.

Один из таких споров был предметом рассмотрения Верховного кассационного суда Италии (решение от 22.01.2016 № 1173/2015).

Существо спора заключалось в том, что при определении площади налогооблагаемого имущества налогоплательщиком не были учтены части подвального помещения поскольку, по мнению, последнего не относились к понятию «общей полезной площади». Решением суда первой инстан-

1 Письмо Минфина России от 13.09.2018 № 03-05-06-01/65622 // СПС Консультант Плюс.

2 Decreto Ministeriale 2 agosto 1969. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1969/08/27/1304Q002/sg> (дата обращения: 29.01.2022).

ции требования налогоплательщика были удовлетворены, однако при рассмотрении спора в Верховном кассационном суде апелляционная жалоба Агентства была удовлетворена.

Таким образом, видно, что первый подход к налогообложению элитной недвижимости заключался в оценке ее площади, которая также учитывала такие составляющие имущества, как теннисные корты и бассейны.

Второй подход связан с Циркуляром 31/E/2014 30.12.2014³, на основании которого в правила элитного жилья были внесены изменения – критерии такого жилья стали определяться в зависимости от соответствующей кадастровой категории, присваиваемой объектам недвижимости, а не отдельных параметров, связанных с площадью имущества.

Данный циркуляр был принят для целей реализации статьи 33, которая устанавливает такую категорию льготы по НДС как приобретению «первого дома». При этом использование данной льготы было исключено в случае, если первым домом является элитная недвижимость. В таком случае вместо льготной ставки применяется повышенная ставка в размере 22 %⁴ (статья 16 Декрета от 26.10.1972, п. 633).

Кадастровые категории элитного жилья были определены следующим образом: А/1 (особняк), А/8 (вилла) и А/9 (замок или здание, представляющее художественную и историческую ценность).

Таким образом «роскошным дом» для целей НДС можно считать единицу недвижимости, зарегистрированную в кадастровых категориях А/1, А/8 и А/9.

Представляется, что кадастровые категории недвижимости, установленные в Италии, для целей взимания налога на роскошь А/1 (особняк), А/8 (вилла) и А/9 (замок или здание, представляющее художественную и историческую ценность), могут быть использованы и в России.

Отметим, что частично аналогичные категории используются при определении налоговой базы по налогу на имущество физических лиц, поскольку в данном случае за основу берется кадастровая стоимость (статья 403 Налогового кодекса РФ), учитывающая категорию недвижимости.

В соответствии с пунктом 15 Методических указаний о государственной кадастровой оценке, утвержденной Приказом Росреестра от 04.08.2021 № П/0336, определение кадастровой стоимости включает в себя такие мероприятия как первичная группировка объектов недвижимости на основе сегментации объектов недвижимости; группировка объектов недвижимости.

Согласно пункту 9.1, 9.2.1 Приказа Минэкономразвития России от 12.05.2017 № 226 «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке» для целей определения кадастровой стоимости объекты недвижимости, подлежащие оценке, могут быть объединены в группы (подгруппы) на основе сегментации объектов недвижимости.

Рекомендуемые коды для зданий, сооружений, ОНС, помещений, машино-мест, позволяющие разбить объекты на основные группы (подгруппы), приведены для целей Указаний в приложении № 2 к Указаниям.

Для целей определения кадастровой стоимости учитывается в том числе такая группа как дома малоэтажной

жилой застройки, в том числе индивидуальной жилой застройки – индивидуальные, малоэтажные блокированные (таунхаусы) (группа 2)⁵.

В рамках группы 2 выделяется подгруппа «Коттеджи (дома индивидуальные повышенной комфортности с применением качественных материалов, большой площади, наличием систем (как локальных, так и централизованных) инженерного обеспечения, расположенные в однородной среде, в престижных местах)».

Следовательно, в группе 2 зданий выделяется подгруппа «коттеджи», которые можно отнести к аналогии категорий недвижимости в Италии. Однако представляется верным выделить данные категории применительно к определению роскоши более подробно.

Пристатейный библиографический список

1. Письмо Минфина России от 13.09.2018 № 03-05-06-01/65622 // СПС Консультант Плюс Кучеров И. И. Драгоценности в составе предметов роскоши: правовая сторона вопроса // Юрист. – 2020. – № 10. – С. 63-67.
2. Decreto Ministeriale 2 agosto 1969. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/1969/08/27/1304Q002/sg> (дата обращения: 29.01.2022).
3. Circolare n.31/E/ 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un-industria.it/canale/fiscale/notizia/36001/> (дата обращения: 29.01.2022).
4. La tassazione in Italia: lo stato dell'arte (aggiornato al 17 settembre 2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documenti.camera.it/leg18/dossier/pdf/FI0141.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

3 Circolare n.31/E/ 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un-industria.it/canale/fiscale/notizia/36001/> (дата обращения: 29.01.2022).

4 La tassazione in Italia: lo stato dell'arte (aggiornato al 17 settembre 2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documenti.camera.it/leg18/dossier/pdf/FI0141.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).

5 Там же.

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель Юридического института Дагестанского государственного университета

ЯКУБОВА Заграт Сергеевна

магистрант 2 курса обучения Юридического института Дагестанского государственного университета

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена различным аспектам специальной системы налогообложения, которая получила наименование упрощенной системы налогообложения. Она призвана стимулировать развитие предпринимательства в России, снижая налоговую нагрузку на бизнес. Автор раскрывает назначение упрощенной системы налогообложения, при переходе на которую предприниматель может оптимизировать налоги в отличие от общего режима налогообложения, включающего в себя большее количество налогов, отличающихся сложным порядком расчета. В статье выявляются достоинства и недостатки применения упрощенной системы налогообложения.

Ключевые слова: Налоговый кодекс, упрощенная система налогообложения, специальный налоговый режим, индивидуальный предприниматель, налоговая база, налоговая ставка, налог на добавленную стоимость, способ расчета налоговой базы.

DIBIROV Yusup Saybulaevich

senior lecturer of the Institute of Law of the Dagestan State University

YAKUBOVA Zagrat Sergeevna

magister student of the 2nd course of study of the Institute of Law of the Dagestan State University

REGULATORY REGULATION AND CONDITIONS OF APPLICATION OF THE SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM

The article is devoted to various aspects of the special taxation system, which received the name of the simplified taxation system. It is designed to stimulate the development of entrepreneurship in Russia, reducing the tax burden on business. The author reveals the purpose of the simplified taxation system, when switching to which an entrepreneur can optimize taxes, in contrast to the general taxation regime, which includes a larger number of taxes that differ in a complex calculation procedure. The article reveals the advantages and disadvantages of the simplified taxation system.

Keywords: Tax Code, simplified taxation system, special tax regime, individual entrepreneur, tax base, tax rate, value added tax, method of calculating the tax base.

В Российской Федерации как организациям, так и индивидуальным предпринимателям законодательством о налогах и сборах предоставлено право переходить на упрощенную систему налогообложения и другие режимы налогообложения, при этом они имеют право возврата к общей системе налогообложения.

В соответствии с российским законодательством под упрощенной системой налогообложения (УСН) следует понимать специальный налоговый режим, подразумевающий специфический порядок уплаты налогов и распространяющийся на лиц, ведущих малый и средний бизнес. УСН была введена в действие согласно Федеральному закону от 24.07.2002 г. № 104-ФЗ с 1 января 2003 года. Соответственно, до 1 января 2003 года данный налоговый режим регламентировался: а) Федеральным законом от 29.12.1995 № 222-ФЗ «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства»¹; б) законами субъектов Российской Федерации и в) иными нормативными

актами, принятыми в соответствии с этим Федеральным законом.

С 1 января 2003 года начинается новая веха в регулировании специальных налоговых режимов ввиду вступления в силу главы 26-й Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливавшей порядок их применения.

В России вопросы, касающиеся порядка применения упрощенной системы налогообложения, регулируются посредством кодифицированного акта – НК РФ, а конкретно главой 26.2 кодекса именуемой «Упрощенной системой налогообложения». Согласно установленным правилам применения упрощенной системы налогообложения с 1 января 2003 года не предусмотрено принятие каких-либо законодательных актов на уровне субъектов Российской Федерации по данному вопросу, то есть порядок применения УСН в российском налоговом законодательстве устанавливается исключительно на федеральном уровне. Правила применения упрощенной системы налогообложения в полной мере прописаны в статьях 346.11–346.25.1 главы 26.2 Налогового кодекса РФ.

При этом надо отметить и то, что регионам предоставлено право вводить льготы. Льготы эти распространяются на ставки и каникулы. Немалую роль играют также «разъясне-

¹ Федеральный закон от 29.12.1995 № 222-ФЗ (ред. от 31.12.2001, с изм. от 19.06.2003) «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства» // СЗ РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 15.

ния Минфина России, инструкции, письма, указания Федеральной налоговой службы РФ»².

Лица, ведущие предпринимательскую деятельность, а также организации могут перейти на упрощенную систему налогообложения или осуществить возврат к УСН с других режимов налогообложения добровольно. Из смысла статьи 346.13 НК РФ следует, что, во-первых, никто не может обязать индивидуального предпринимателя или организацию использовать режим УСН; во-вторых, применение упрощенной системы налогообложения требует соблюдения определенных условий, являющихся обязательными и установленными на уровне кодифицированного акта.

Переход на упрощенную систему налогообложения не означает нераспространение каких-либо прав или отмену общих обязанностей, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации, кроме тех положений, которые не могут или не должны применяться в силу специфики налогового режима к фирмам, применяющим упрощенную систему налогообложения. В общем случае, организации, применяющие УСН, освобождаются от обязанности уплачивать налог на прибыль, на имущество организаций и налог на добавленную стоимость, однако в некоторых случаях уплата налога на добавленную стоимость при УСН обязательна. Перечислим их: а) при исполнении обязанностей налогового агента по НДС (ст. 161, п. 5 ст. 346.11 НК РФ); б) при ввозе товаров на территорию России; в) при ведении операций по договору простого товарищества, договору инвестиционного товарищества, договору доверительного управления имуществом или концессионным соглашениям на территории РФ (п. 2, 3 ст. 346.11, ст. 174.1 НК РФ).

Индивидуальным предпринимателям, которые применяют упрощенную систему налогообложения, не нужно уплачивать налог на доходы физических лиц в отношении доходов от предпринимательской деятельности (при этом применение УСН не освобождает индивидуального предпринимателя от исполнения функций по исчислению, удержанию и перечислению НДФЛ с заработной платы сотрудников); налог на имущество физических лиц – по имуществу, используемому в предпринимательской деятельности (за исключением некоторых объектов недвижимости); налог на до-

бавленную стоимость за исключением НДС, уплачиваемого при ввозе товаров на таможне, а также при выполнении договора простого товарищества или договора доверительного управления имуществом.

В силу различных причин и особенно, потому что УСН предоставляет налоговые преференции, законодатель ограничил круг участников этого режима.

Так, не имеют право попасть в круг участников УСН следующие категории организаций: 1) открывших филиалы; 2) занимающихся деятельностью в банковской сфере; 3) занимающихся страховой деятельностью; 4) занимающихся пенсионным обеспечением граждан в частном порядке; 5) занимающихся инвестициями (фонды); 6) профессионально занимающихся ценными бумагами на фондовых биржах; 7) занимающихся деятельностью в ломбардной сфере; 8) производящих товары, облагаемые акцизами, исключая облагаемые акцизом виноград и виноматериалы собственного изготовления (это правило распространяется и на индивидуальных предпринимателей); 9) добывающих и реализующих полезное ископаемое сырье, кроме того, что широко распространено; 10) осуществляющих деятельность, связанную с азартными играми; 11) частные нотариусы и адвокаты, осуществляющие свою деятельность в предоставленных законом формах образования; 12) являющихся субъектами договоров, заключенных для раздела продукции; 13) перешедших на другой режим – систему обложения налогом производителей сельскохозяйственных товаров, (в том числе индивидуальные предприниматели); 14) которые больше чем на четверть принадлежат другим организациям; 15) в которых численность работников переваливает за сто человек на протяжении налогового периода (также и в отношении индивидуальных предпринимателей); 16) в которых остаточная стоимость того имущества, которое является основным – свыше 150 миллионов рублей; 17) казенные и бюджетные учреждения; 18) созданных в соответствии с иностранным законодательством; 19) осуществляющих микрофинансирование; 20) находящихся в частной собственности и занимающихся возмездным подбором персонала³.

Налоговое законодательство России регламентирует вопросы порядка и условий начала и прекращения применения упрощенной системы налогообложения.

В российском законодательстве в сфере взимания налогов, (положения пункта 1 статьи 346.13 Налогового кодекса РФ) прописан порядок, согласно которому происходит переход к УСН налогоплательщиков, включающих в себя как юридических лиц – организаций, так и физических лиц – индивидуальных предпринимателей. Этот порядок заключается в следующем: 1) заинтересованные лица извещают о своем желании перейти на УСН «по месту постановки на учет» соответствующие территориальные налоговые органы не позднее самого последнего дня в году в соответствии с календарем, который предшествует тому календарному году, в котором должен осуществиться переход; 2) в уведомлении должен быть указан объект, который облагается налогом; 3) в извещении также нужно указать остаточную стоимость того имущества, которое является основным для организации и (или) индивидуального предпринимателя, а также величину

2 См.: Российская Федерация. Федеральная налоговая служба. О порядке предоставления бухгалтерской отчетности организациями, применяющими упрощенную систему налогообложения. Письмо ФНС Российской Федерации от 15.04.2013 № ЕД-4-3/6829. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70423116/> (дата обращения: 27.05.2022); Российская Федерация. Федеральная налоговая служба. О применении упрощенной системы налогообложения: Письмо ФНС Российской Федерации от 15.01.2016 № СД-4-3/290@. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71305156/> (дата обращения: 01.06.2022); Российская Федерация. Министерство финансов. О порядке включения сумм в доходы налогоплательщика, применяющего упрощенную систему налогообложения: Письмо Минфина России от 01.07.2013 № 03-11-06/2/24984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70409102/> (дата обращения: 27.05.2022); Российская Федерация. Министерство финансов. Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России. Об уплате НДФЛ и представления налоговой отчетности организациями, применяющими УСН, при выплате дивидендов физическим лицам: Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 02.02.2015 № 03-04-06/4019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70984704/> (дата обращения: 27.05.2022).

3 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // СЗ РФ. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.

их доходов на первое октября того года, который предшествует году, с которого предполагается переход на УСН.

Несколько отличается уведомительный порядок, если организация и (или) индивидуальный предприниматель созданы вновь. Это также устанавливается на уровне федерального кодифицированного акта – НК РФ. В таком случае, согласно п. 2 ст. 346.13, максимальный срок извещения территориальных налоговых органов равен 30 календарным дням, начиная со дня, когда вышеназванные субъекты были поставлены ими на учет.

Анализируя правовые реалии в области применения УСН, можно выделить ряд ее достоинств и недостатков.

Преимущества.

1. Упрощенный режим уплаты налогов.

2. Лицу, вовлеченному в налоговые правовые отношения предоставлено право выбора альтернативного варианта налоговых базы и ставки. УСН позволяет субъекту выбрать способ (метод) вычисления налоговой базы, наиболее подходящий для предпринимателя: 1) способ расчёта налоговой базы, который позволит определить базу в виде доходов; 2) метод расчета налоговой базы путем определения остатка вычитания, где в качестве уменьшаемого выступают доходы, в качестве вычитаемого расходы, а разность в итоге и представляет собой базу налога.

3. Отчетность по налогам – минимальная. По окончании налогового периода, равному календарному году, участники УСН, подытоживая определение облагаемой базы, сдают один расчет налога – налоговую декларацию. Все доходы и (или) расходы участников УСН должны отражаться в специальной книге учета.

4. УСН предоставляет возможность совмещения с другим спецрежимом – патентом, что имеет свое практическое распространение, и, в конечном счете, приводит к экономии на налоговых платежах.

Недостатки.

1. Национальное налоговое законодательство России сужает круг субъектов, уполномоченных применять УСН.

2. Также российским налоговым законодательством утвержден перечень вычитаемых расходов и ставка обязательного минимального налога, который должен быть уплачен безальтернативно.

3. Контрагентам, работающим на основе общей системы налогообложения экономически не рентабельно работать с участниками налоговых отношений, не платящими НДС, так как этот косвенный налог не может быть принят к вычету ими.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.05.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.05.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.
- 3.

4. Федеральный закон от 29.12.1995 № 222-ФЗ (ред. от 31.12.2001, с изм. от 19.06.2003) «Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 15.
5. Российская Федерация. Федеральная налоговая служба. О порядке предоставления бухгалтерской отчетности организациями, применяющими упрощенную систему налогообложения. Письмо ФНС Российской Федерации от 15.04.2013 № ЕД-4-3/6829. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70423116/> (дата обращения: 27.05.2022).
6. Российская Федерация. Министерство финансов. О порядке включения сумм в доходы налогоплательщика, применяющего упрощенную систему налогообложения: Письмо Минфина России от 01.07.2013 № 03-11-06/2/24984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70409102/> (дата обращения: 27.05.2022).
7. Российская Федерация. Министерство финансов. Департамент налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России. Об уплате НДФЛ и предоставления налоговой отчетности организациями, применяющими УСН, при выплате дивидендов физическим лицам: Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 02.02.2015 № 03-04-06/4019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70984704/> (дата обращения: 27.05.2022).
8. Российская Федерация. Федеральная налоговая служба. О применении упрощенной системы налогообложения: Письмо Федеральной налоговой службы от 15.01.2016 № СД-4-3/290@. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71305156/> (дата обращения: 27.05.2022).

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЛУКАШОВ Максим Сергеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ

Исходя из статистики, представленной Росстатом, количество лесных пожаров с каждым годом имеет тенденцию к возрастанию. Связано это, прежде всего, с человеческим фактором. В статье рассматривается проблема возникновения и распространения лесных пожаров на территории современной России, описываются проблемы, возникающие при законодательном решении данного вопроса на примере судебных дел, а также предлагаются методы и пути решения поставленных задач. В статье рассмотрена судебная практика, а также меры ответственности. При написании статьи применялись законодательные основы и опыт правового регулирования.

Ключевые слова: лесные пожары, охрана лесов, лесничества, защита окружающей среды, ответственность, суд.

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty of the St. Petersburg State University, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LUKASHOV Maksim Sergeevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise Humanitarian Institute of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

FOREST FIRES ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND METHODS OF SOLUTION

Based on the statistics provided by Rosstat, the number of forest fires tends to grow every year. This is primarily due to the human factor. The article deals with the problem of the occurrence and spread of forest fires on the territory of modern Russia, describes the problems arising in the legislative solution of this issue on the example of court cases, and also suggests methods and ways to solve the tasks. Judicial practice was reviewed, liability measures were studied. When writing a scientific article, the legislative framework and the experience gained during the study of this issue were applied.

Keywords: forest fires, forest protection, forestry, environmental protection, responsibility, court.

С ускорением глобализации, увеличением плотности населения, урбанизацией все чаще возникает вопрос о сохранении окружающей природной среды. Речь идет не только о загрязнении рек, лесов, полей, но и о таком явлении, как лесные пожары. Особо остро данная проблема стоит на территории Российской Федерации, где, по статистике, 9 из 10 лесных пожаров происходят по вине человека.

Для начала следует обратиться к официальной статистике, чтобы понять все при помощи «сухих» цифр. Для примера, в 2010 году, когда летом стояла аномально высокая среднемесячная температура, по данным МЧС, более 2,5 тыс. семей остались без крова, 60 человек погибли в огне и от отравления продуктами горения, а общий ущерб оценивался в 85,5 млрд рублей. В среднем же ежегодный ущерб от лесных пожаров составляет порядка 20 млрд рублей, из которых от 3 до 7 млрд – выпадают на долю лесного хозяйства (потеря древесины). По официальным данным Росстата, площадь лесных земель, охваченная пожарами, в 2015 году составляла 2748,9 тыс. га, а в 2019 году эта цифра выросла до 8678,0 тыс. га. Если в 2015 году из-за лесных пожаров было уничтожено 37,5 м³ лесных насаждений (древесины), то в 2019 году эта цифра выросла практически в 10 раз и составляет уже 313,2 м³ [3].

В Лесном кодексе Российской Федерации (далее – ЛК РФ), принятом 8 ноября 2006 года, охране лесов от пожаров посвящена Глава 3 (ст.ст. 51–60). В ней описаны методы пред-

упреждения лесных пожаров, мониторинга, их тушения и мероприятий по ликвидации последствий. Однако, несмотря на принимаемые законы и иные нормативные правовые акты (Федеральный закон от 21.12.1994 N 69-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О пожарной безопасности», Постановление Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах» и ряд других), проблема не только остается не разрешенной, но и усугубляется.

Ответственность за нарушения правил пожарной безопасности в лесах закреплена в ст. 8.32 КоАП РФ, в которой прописаны штрафные санкции, которые могут быть применены к гражданам, должностным и юридическим лицам за нарушения правил лесопожарной безопасности, в частности, за нарушения, повлекшие за собой возникновение лесного пожара. Ответственность ограничивается лишь денежными взысканиями. Более тяжкое преступление, такое как уничтожение или повреждение лесных насаждений и ответственность за него закреплена в ст. 261 УК РФ, в которой штрафные санкции могут выражаться как денежным штрафом в значительном размере, так и лишением свободы вплоть до четырех лет. Однако и такая, казалось бы, серьезная ответственность, не способствует снижению как количества лесных пожаров, так и их площадей. Что же делать?

Существующие меры способны лишь локализовать лесные пожары на ранних стадиях, а их количество и первопричины будут оставаться на том же месте. Лесной кодекс

Российской Федерации во многом перенял положения существовавшего до распада СССР Лесного кодекса РСФСР, введенного в действие 1 января 1979 года. Однако в существующем ныне ЛК РФ не нашла отражения 16 статья ЛК РСФСР, в которой закреплялось такое понятие как «школьное лесничество» – очень важное в воспитании подрастающего поколения мероприятие. По сути, в раннем возрасте человеку закладывались в мировоззрение такие вещи, как любовь к природе, бережное отношение к ней, а также правильное поведение в лесах [1]. Данные меры были весьма эффективными, так как были направлены на сокращение количества очагов пожаров, а значит и их общего количества путем повышения осознания человеком своих поступков не только на уровне ответственности, но и на уровне здравого смысла и логики. Для примера можно привести такое соседствующее с Российской Федерацией государство как Финляндия, в котором количество лесных пожаров за последние 20 лет имеет тенденцию к снижению. У финнов есть весьма интересная фраза, которой они отвечают на вопрос о том, с чем связано столь малое количество очагов возгорания в лесах и звучит она так: «Кто же будет поджигать свой дом?» [4]. Люди на уровне логики осознают и не допускают возможности возникновения пожаров рядом с их местом работы, жильем и т.д. Отсюда мы видим, что создание школьных лесничеств в сотрудничестве с лесными департаментами отдельных субъектов Российской Федерации может быть весьма эффективной мерой предупреждения лесных пожаров и общей осведомленности граждан.

Теперь обратимся к Постановлению Правительства РФ от 18.05.2011 № 378 (ред. от 08.02.2017) «Об утверждении Правил разработки сводного плана тушения лесных пожаров на территории субъекта Российской Федерации». Интерес представляет, в частности, часть III, в которой приведен перечень состава лесопожарных формирований, пожарной техники и оборудования. В целом этот список весьма объемный, но в настоящее время налажено производство малых лесопатрульных комплексов (МЛПК) на базе коммерческих автомобилей ГАЗ и УАЗ. Относительно низкая стоимость, повышенная проходимость и установленное на них противопожарное оборудование в виде мотопомп, огнетушителей и других средств борьбы с огнем делает их заметно эффективнее и мобильнее, чем полноценные пожарные машины, каждый вызов которой влечет за собой расходы. Такие машины следует передавать в районные лесничества, где сотрудники этих учреждений смогут сами выезжать на очаги возгорания при условии своевременного информирования, ведь, по статистике, очаг возгорания можно полностью изолировать либо затушить в первые 2-3 часа с момента возгорания [2]. Расходы на приобретение МЛПК следует включить в субвенции, которые ежегодно передаются во все субъекты Российской Федерации и, по данным, занесенным в Федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» составляют порядка 14 млрд рублей в год.

Следует обратиться также к вопросу привлечения арендаторов лесных участков к тушению лесных пожаров. Формально данное требование отражено в пунктах 7 и 13 Постановления Правительства РФ от 07.10.2020 № 1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах», но оно не предписывает юридическим лицам вести противопожарную деятельность на участках, которые не используются данным юридическим лицом. Ситуация привлечения юридического лица к тушению лесного пожара может быть

рассмотрена на примере решения Арбитражного суда Иркутской области от 26.09.2014 № А19-12557/2014 [5]. По результатам рассмотрения дела иск юридического лица был удовлетворен. Решение ситуации, связанной с нежеланием юридических лиц помогать государственным структурам в тушении и локализации лесных пожаров, видится в следующем:

- необходимо составить реестр организаций, готовых помогать государству в борьбе с лесными пожарами и применять к ним налоговые льготы, указанные в ст. 381 НК РФ;
- предусмотреть снижение ставки по кредитованию таких юридических лиц на 1–2 п.п.;
- выделять государственные субсидии на приобретение лесопожарного оборудования.

При использовании данных мер коммерческие организации, первичной целью которых является получение прибыли, будут охотнее помогать государству в борьбе с лесными пожарами.

Следует заметить, что лесные пожары наносят ущерб не только государству, на территории которого они происходят, но и экономике, а также здоровью населения и окружающей природной среде. Меры, принимаемые на внутригосударственном уровне, не ведут к устойчивому снижению количества пожаров, а это значит, что законотворческая деятельность в данном направлении должна продолжаться до тех пор, пока эта проблема не будет полностью решена.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьев Ю.Л., Акимов В.А., Соколов Ю.И. Лесные пожары в Российской Федерации (состояние и последствия). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lesnye-pozhary-v-rossiyskoy-federatsii-sostoyanie-i-posledstviya/viewer> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Гундар С.В., Подгруппный А.В. Управление лесными пожарами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-lesnymi-pozharami/viewer> (дата обращения: 25.03.2022).
3. Охрана окружающей среды в России. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nmV0UuE3/Ochrana_2020.pdf (дата обращения: 25.03.2022).
4. Смирнов А.А., Смирнов А.П. Охрана и защита лесов. Лесные пожары, учебное пособие: Учебники и пособия для вузов, 2021.
5. Судебная практика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gQ6uLZtAeDgZ/> (дата обращения: 25.03.2022).
6. Тринадатко О.А. Планирование мероприятий в экономической системе менеджмента лесоохраны лесной отрасли. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/planirovanie-meropriyatij-v-ekonomicheskoy-sisteme-menedzhmenta-lesoohrany-lesnoy-otrasli> (дата обращения: 25.03.2022).
7. Щербов Б.Л., Лазарева Е.В., Журкова И.С. Лесные пожары и их последствия. Российская Академия наук, Сибирское отделение, Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева, 2015.

КАРЕВ Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

МАХМУДОВ Магамед Салавудинович

студент Самарского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИНЯТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОДЕКСА РФ

В данной статье проведен анализ концептов предложенных проектов кодекса с проблемой их введения в массы. Продемонстрированы проблемы введения кодекса и методы их решений исходя из анализа нормативно-правовых актов. Предложена идея структуры единой концепции экологического кодекса с условиями его введения. Рассматривается актуальность введения кодекса на территории государства, действующие пробелы в законодательстве, определенные нюансы и общий вид формирования экологического законодательства в едином законе.

Ключевые слова: Экологический кодекс, нормативно-правовая база экологического законодательства, строение Экологического кодекса.

KAREV Dmitriy Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

MAHMUDOV Magamed Salavudinovich

student of the Samara State University of Economics

OPPORTUNITIES FOR THE CREATION OF THE ENVIRONMENTAL CODE

This article touches analysis of the concepts of the proposed draft code with the problem of their introduction to the masses is given. The problems of introducing the code and methods of their solutions are demonstrated based on the analysis of regulatory legal acts. The idea of the structure of a unified concept of the ecological code with the conditions for its introduction is proposed. The relevance of the introduction of the code on the territory of the state, the existing gaps in the legislation, certain nuances and the general form of the formation of environmental legislation in a single law are considered.

Keywords: Environmental Code, regulatory framework for environmental legislation, structure of the Environmental Code.

Экологическая обстановка Российской Федерации в своей совокупности имеет ряд проблем. Среди них повсеместная вырубка лесов, загрязнение воздуха и воды на территории всей страны, деградация почв, и химическое загрязнение земли и воздуха – в крупных городах. Ни одна из этих проблем не была решена и существуют уже долгое время еще со времен существования Советского Союза.

Одной из важнейшей проблем выступает отсутствие единого нормативного правового акта действующих законодательств в сфере экологии, регулирующих правоотношения в данной области. Экологическое право стало слишком громоздким, содержит в себе большое количество норм, которые уже не работают в современных реалиях.

Решение данной проблемы – это создание единого кодифицированного акта с учетом всех выдержек и нормативных актов, кое таким будет являться Экологический кодекс РФ. Кодификация экологического права поможет по-новому взглянуть на действующее законодательство, исключить устаревшие нормы не способные осуществлять регулирования природно-охранных отношений.

На современном этапе развития юридической науки в обеспечении экологических правоотношений, юристы, ученые пришли к общему мнению, касательно принятия единого нормативно-правового акта в данной отрасли.

Так с 1995 г. по настоящее время было принято достаточно большое количество нормативно-правовых актов затрагивающих природоохранную деятельность, но количество законов не решало пробелы в сфере экологии, а лишь позволило ослабить систему законодательства в данной области и сделать ее менее правоспособной.

По масштабам действия и по целям применения НПА экологического законодательства РФ выглядит так: по уровню применения бывают международные, национальные, региональные, местные; по характеру воздействия – прямые и косвенные; по целям применения – сохранение экосистем, охрана жизни и здоровья населения, охрана растительного и животного мира, сохранение генетического фонда.

Можно утверждать, отсутствие единое кодифицированного акта приводит к следующим проблемам:

1) огромный разброс нормативно-правовых актов не создает целостности и самостоятельности введения для защиты интересов общества и государства в экологической сфере;

2) межотраслевое противоречие играет немаловажную роль и требует скорейшего разрешения и гармонизации с гражданским, административным, земельным и иным законодательством Российской Федерации;

3) Количество НПА, принятых в сфере экологии, имеют не малый счет и присутствие противоречий из-за количественного разброса, а также пробелы в законах создают не малые проблемы в государстве;

4) правоотношения в сфере экологии в виде комплексного подхода не имеют возможности внутреннего правового регулирования [2].

Принятие в 2020 году поправок в Конституцию РФ существовала точка зрения, согласно которой создание единого экологического кодекса было невозможно из-за превосходства международных НПА над национальными законами.

Вступившие поправки внесли значительные изменения в действующие статьи конституции РФ, в частности к ним относятся ст. 79 – «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации».

Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Исходя из данной нормы следует, что превосходство национальных правовых актов над международными выходят на первый план законодательной системы РФ. На основании этого можно сделать вывод, что ранее указанная проблема не имеет юридического смысла, так как была решена на конституционном уровне [5].

Большинство ученых широко поддерживают идею создания Экологического кодекса. И.А. Игнатьева, как один из сторонников выразила свое мнение в том, что единая кодификация экологического законодательства придаст значительный толчок в развитии природоохранных действий и создаст новые возможности, концепции осуществления природоохранной деятельности [1].

Основная идея кодификации НПА в сфере экологического законодательства состоит в модернизации правовых основ регулирования охраны окружающей среды и установления единства норм для обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития [8].

В своей концепции Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации обозначило основные цели:

1. Разработка проекта Экологического кодекса, как переход от отдельных элементов регулирования экологических отношений к комплексному регулированию.

2. Создание новых правовых институтов и др.

В процессе создания единого закона были обнаружены следующие проблемы. Первый концепт кодекса, выдвинутый на рассмотрение в Государственную думу, был представлен в 2007 г.

В первом же чтении он был отклонен по причине базирования экологического кодекса на одном ФЗ «Об охране окружающей среды», тем самым полностью игнорируя все ранее принятые действующие законы в экологической сфере [3].

Повторно с инициативой создания экологического кодекса выступил Российский союз промышленников и предпринимателей, продемонстрировав в 2015 году свой концепт кодекса, что не привело к желаемому результату. Проект не увенчался успехом.

Концепт нового кодекса содержал в себе 10 глав и всего 62 статьи действующего законодательства, затрагивающие в части промышленной экологии, практически узкоотраслевая направленность не создает полной целостности экологического законодательства.

На основании опыта, понимаем, что созданный экологический кодекс в первую очередь последствием должен занимать центральное положение в системе регулирования экологических правоотношений. Все нормативно-правовые акты принятые на уровне федерации должны иметь структурированную целостность и отсутствие противоречий в действующем кодексе, для дальнейшего его внесения в новые редакции.

Рассматривая вопрос о необходимости принятия Экологического кодекса, важным фактором является переработка и анализ всех действующих нормативно-правовых актов в сфере экологии.

В свою очередь мы понимаем, что в процессе полного анализа часть действующих НПА будут подвержены редакции, некоторые и вовсе утратят свою силу в зависимости от принятых изменений, но проделанная работа позволит создать слаженную систему НПА в сфере экологических правоотношений [8].

Экологическое законодательства имеет в своем арсенале более 1000 действующих НПА, но объединение их всех в один кодифицированный закон, тоже является невозможным с юридической точки зрения.

Первоочередной проблемой является отделение определенных норм от действующих. В тесно взаимосвязанной структуре изъятия определенных норм с тесно-взаимосвязанными актами создадут новые пробелы законодательства. Если выделить из природоресурсных норм только природоохранительные нормы, то остальные действующие законы будут иметь не существенные основания.

В статье Боголюбова С.А. четко прописывается существенный пример и образование проблемы, в процессе создания единого кодифицированного акта. Пример: государственная экологическая экспертиза проводится Росприроднадзором и органами государственного управления субъектов РФ [4]. Например, в процессе разделения от природопользования актов охраны окружающей среды может возникнуть проблемы проведения государственных экспертиз в разных ведомствах [7].

Решением проблемы может послужит вступающая в законную силу госпрограмма с января 2021 года о сокращении численности государственно-служащих, корректировка введения федеральных ведомств и оптимизация органов государственного аппарата.

Численность государственно-служащих прогрессивно растет, принятая госпрограмма послужит толчком отбора профориентационных кадров в данной области, что позволит не разделять на новые ведомства государственные структуры в случае выделения определенных норм экологии из всеобщего базиса [6].

В своей статье Боголюбов С.А. предлагает три способа кодификации экологического законодательства РФ: первый способ - проведение кодификации путём включения в один акт норм действующих природоохранительных законов; второй - выделение из природоресурсных кодифицированных законов природоохранительных норм и включение этих норм в другие природоохранительные акты; и третий способ - объединить в один комплексный нормативный акт природоресурсные и природоохранительные законы.

В настоящее время принятие Экологического кодекса полным образом становится невозможно. Большое количество законов регулирующих сферу экологических правоотношений нуждаются в тщательной обработке для построения слаженной системы. Выходом из ситуации становится – постепенное концептуальное изменение системы законодательства. Введение частей Экологического кодекса по этапам создаст возможность создания четкой структурированной системы, как происходило на примере Гражданского кодекса.

Главы Экологического кодекса можно будет разделить на три части:

1. Основная часть. Включает себя понятия, встречающиеся в экологическом законодательстве, общие права и обязанности граждан в сфере экологии, а также ответственность за их нарушение, также помимо этого нормы по использованию природных ресурсов и т.д.

2. Особенная часть. В данном отношении будут включены нормы регулирующие отдельные институты Экологического права – это такие как охрана и использование земель, недр, лесов, животного мира и т.д. С учетом всех особенностей и четкой кодификацией каждого нормативно-правового акта получится создать стабилизированную законодательную систему в Особенной части.

3. Специальная часть. В связи с новой редакцией конституции РФ, нормы, принятые международными конвентами, отходят на второй план, в данной части вводится ответственность за экологические нарушения, нормы и принципы международной-правовой охраны окружающей среды.

Подводя итог, можно сделать вывод, что создание единого кодифицированного акта в сфере экологии исключит коллизию права в области охраны окружающей среды, природопользования, создаст возможность качественного регулирования природоохранительных нормативных актов. Создаст возможность введение образовательных программ в средних и высших образовательных учреждениях отраслевых предметов в области экологии, позволит сформировать у населения нашей страны экологическое правосознание, что позволит обеспечить бережное отношение к окружающей среде. Также принятие экологического кодекса позволит повышение авторитета государства в международных правоотношениях, создание престижа страны и выведения на новый уровень природоохранительных отношений в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Игнатъева И.А. Кодификация Экологического законодательства: современные проблемы и условия применения // Экологическое право. 2008. № 1.
2. Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права. М., 2014. 608 с.
3. Концепция проекта Федерального закона «Экологический кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mnr.gvo.ru/>
4. Об экологической экспертизе: Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556
5. Конституция РФ. Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения 15.11.2020)
6. Оперативное вмешательство. Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/11/16/mishustin-obiavil-o-sokrashchenii-gosapparata-s-1-ianvaria-2021-goda.html> (дата обращения 24.11.2020)
7. Боголюбов С.А. «Проблемы и задачи Экологического кодекса» // Экологическое право. 2010. № 6.
8. Алиханова Р.А., Бадалова Р.Ю. Экологический кризис – проблема современного общества // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2019. Т. 17. № 1 (20). С. 16-19.

АБАЗОВ Андемиркан Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ВАГАПОВА Регина Раилевна

начальник Научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России

ЖУРАВЛЕВ Александр Сергеевич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Уральского юридического института МВД России

АНАЛИЗ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В данной статье автором была рассмотрена уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования». Приведены обоснования существования трудностей при квалификации данного состава преступления, а также предложены пути совершенствования правовых норм, регулирующих рассматриваемые правоотношения.

Ключевые слова: мошенничество, преступление, нормативно-правовые акты, денежные средства, сфера кредитования, физическое лицо, преступление.

ABAZOV Andemirkan Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Internal affairs in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (Branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

VAGAPOVA Regina Ravilevna

Head of the Research Department of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ZHURAVLEV Aleksandr Sergeevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

ANALYSIS OF FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

In this article, the author considered the criminal-legal characteristics of the crime provided for in Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud in the field of lending". The substantiation of the existence of difficulties in the qualification of this corpus delicti is given, as well as the ways of improving the legal norms governing the legal relations under consideration are proposed.

Keywords: fraud, crime, regulatory legal acts, money, the sphere of lending, an individual, a crime.

Современный мир настолько интегрировал в себя информационные и телекоммуникационные системы, что жизнь человека во многом переходит в виртуальный мир, где обнаруживаются новые возможности, а вместе с тем и новые угрозы. Рост количества онлайн-сервисов, к сожалению, происходит значительно быстрее роста обеспечения информационной безопасности. Поскольку обеспечение информационной безопасности является процессом в высшей степени системным, возникают организации, целью которых является комплексное исследование вопросов безопасности, выработка новых методологий, концепций и инструментов. Преступный мир, в свою очередь, формирует свои инструменты для обхода систем безопасности, находит или формирует новые уязвимости, которые могут принести незаконную прибыль или нанести урон.

Динамика роста киберпреступлений вызывает озабоченность у всех, кто так или иначе знаком с ситуацией, а особенно у тех, кто этому противостоит. В среднем,

последние несколько лет рост преступлений с применением информационных и телекоммуникационных технологий составляет 60-70 % в год. Практически четверть всех преступлений совершаются с применением средств вычислительной техники либо телекоммуникационных сетей. Таким образом, преступность планомерно переходит с улиц в виртуальное пространство. Несмотря на кажущуюся сложность совершения краж или мошенничества в виртуальной среде, квалификация большинства злоумышленников в сфере информационных технологий невысоки и используют наиболее простые, но масштабируемые инструменты, например, социальную инженерию.

Если обратиться к атакам на банковские структуры, то тут ситуация выглядит несколько иначе: чтобы обойти сложную систему безопасности банка необходима высокая квалификация, при чем не одного преступника, а организованной группы, каждый член которой отвечает за конкретную часть проводимой атаки.

Анализ видов угроз и атак на финансовые и банковские организации, показывает, что проникновение в информационную инфраструктуру организации происходит с помощью банальной социальной инженерии и фишинга. То есть самым слабым звеном в защите банка по сей день остается человек, и в этом направлении необходимо принимать эффективные меры, в том числе законодательные.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за мошенничество в сфере кредитования – статья 159¹. Для наиболее подробного изучения вопросов, возникающих по рассматриваемому составу преступлений, необходимо определить его уголовно-правовые характеристики, а именно предмет, субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона уголовного деяния.

По мнению А.В. Шульги «предмет преступления – это то, что подвергается преступному воздействию (на что направлен умысел виновного), что находится в непосредственной связи с объектом посягательства – общественным отношением, что служит поводом, свидетельством либо основанием возникновения, изменения или прекращения правоотношений» [6, с. 30].

По мнению Р.А. Ахиярова [1, с. 38] и С.В. Смолина [5, с. 72] предметом посягательства являются именно безналичные денежные средства, на которые направлены общественные отношения.

Статья 159¹ УК РФ предусматривает ответственность за хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, отсюда, предмет преступления – непосредственные денежные средства.

Пленум Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указал, что «под денежными средствами понимаются наличные денежные средства в валюте Российской Федерации или в иностранной валюте, а также безналичные и электронные денежные средства» [4].

Полного и легального определения «безналичные денежные средства» не закрепляет ни один нормативно-правовой акт, однако в Федеральном законе от 27.06.2011 г. № 116-ФЗ «О национальной платежной системе» содержится понятие «электронные денежные средства». Под ними понимаются: «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа».

Объект преступления с точки зрения значимости как одного из элементов состава преступлений, играет ключевую роль, поскольку в большинстве учебной литературе

именно объект раскрывает общественную опасность совершенных преступных действий. Помимо этого, такой элемент состава преступления также обозначает социальную природу как самого лица, который идет на нарушение уголовных норм закона, так и причины, по которым данное преступление совершается.

Виды объектов, в частности, общий, родовой и видовой объект в мошенничестве банковских сферах совпадают с видами объектов, которые встречаются в иных сферах, отличаются лишь уровнем объекта. Поэтому, общим объектом мошенничества в сфере кредитования является иерархическая система социально значимых общественных отношений, которые отражают содержание социальных благ, исходя из которых и имеют право на существования данного рода отношения.

Поэтому, на наш взгляд, правильным будет присоединиться к мнению Е.А. Корепанова о том, что статья Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за посягательство не на конкретное общественное отношение, предметом которого является какой-либо конкретный материальный объект, а на типовой вид общественных отношений, включающий в себя всю совокупность конкретных общественных отношений, обладающих соответствующими признаками [3, с. 442].

Таким образом, объект преступления мошенничества в сфере кредитования – общественные отношения, которые формируются в кредитной сфере, где особенность объекта данного вида преступления является возникновение отношений в момент предоставления, использования и возврата кредитных ресурсов.

Немаловажным аспектом рассмотрения данной темы является понимание термина «кредит» и его разновидность. Гражданским кодексом предусматривается три вида кредита: банковский (ст.ст. 819-821 ГК РФ); товарный (ст. 822 ГК РФ); коммерческий (ст. 823 ГК РФ).

Статья 159¹ УК РФ предусматривает в контексте диспозиции статьи, что именно банковский кредит станет предметом преступления. Под банковским кредитом следует понимать обязательство, согласно которому по кредитному договору кредитор обязуется предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик – вернуть полученную денежную сумму и уплатить начисленные на нее проценты [2, с. 5].

Объективная сторона по статье 159¹ УК РФ представлена в форме действия: совершение хищения путем предоставления заемщиком кредитору (банку) заведомо ложных или недостоверных сведений.

Ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Субъект – физическое, вменяемое, дееспособное лицо, достигшее возраста 16-ти лет. Субъективная сторона представлена в форме прямого умысла, который направлен на получение денежной суммы и заведомое понимание, что возврата не последует.

Банки, как коммерческие организации, направленные на извлечение прибыли, при формировании системы

информационной безопасности, производят управление рисками, а не просто обеспечивают максимально возможную защиту. При этом после некоторого равновесного состояния затраты на обеспечение безопасности становятся нерентабельными и наступление определенного события, оказывается дешевле. При этом могут пострадать интересы граждан и организаций – клиентов банка. Этот факт требует внимания законодателя и регулирования с целью защиты интересов клиентов банка.

Для повышения уровня защищенности банковских и других финансовых организаций следует разработать на законодательном уровне инструкции, необходимые для регулирования деятельности сотрудников этих организаций, например, предлагается разработать план регулярных учений, в которых будут оцениваться уровни информационной культуры и соблюдение требований информационной безопасности.

Следует отметить некоторые проблемы при квалификации мошенничества в сфере кредитования:

1. Не всегда удается правильно установить предмет преступления, поскольку некоторые преступные лица приобретают имущество на денежные средства, полученные по кредитному договору в банке, следовательно, ошибочно утверждать, что такое лицо будет субъектом. Однако, важно помнить, что предметом, как было описано выше являются денежные средства, фиксируемые в договоре, где целью является именно получение этих средств.

2. Проблемы установления объективной стороны преступного деяния. Необходимо устанавливая ключевые признаки преступных действий – противоправность и корыстность.

3. Сложность установления субъекта преступления. Виновное лицо должно иметь статус «заемщика» – лицо, которое вступает в обязательства по кредитным правоотношениям и является одной из сторон договора.

В заключении хотелось бы отметить, что для повышения эффективности расследования преступлений в сфере кредитного мошенничества необходимо дополнить уголовные нормы следующими положениями:

1) дать определения понятий «денежные средства», «электронные средства платежа»;

2) характеризовать способ совершения преступных действий, которые образуют объективную сторону по статье 159¹ УК РФ;

3) четко установить вид субъекта, общий или специальный, который по преступлению мошенничества в сфере кредитования наиболее приемлем;

4) закрепить признаки мошенничества, а также особенности кредитных правоотношений, при помощи которых можно с точностью охарактеризовать умысел лица;

5) рассмотреть вопрос об исключении понятия «недостоверные сведения» из содержания статьи, что позволит привлекать к уголовной ответственности виновного за совершение преступных действий не только в форме прямого умысла.

Таким образом, в заключение хотелось бы подчеркнуть специфику рассматриваемого в данной статье вида преступлений, которая заключается в правоотношениях по кредитным обязательствам. Для более результативного определения всех элементов данного состава преступ-

лений, необходимо совершенствование уголовно-правовых норм и дополнение их ключевыми характеристиками, позволяющих исключить ошибочного привлечения лица к уголовной ответственности, или наоборот, оставление преступных деяний без внимания.

Пристатейный библиографический список

1. Ахияров Р.А. Спорные вопросы квалификации мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 3 (22). – С. 37-40. – EDN WAGWWH.
2. Ермаков С.Л. Правовое регулирование банковского кредита // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 11. – С. 3-11. – EDN PFZWOX.
3. Корепанова Е.А. К вопросу об объекте преступления // Пермский юридический альманах. – 2018. – № 1. – С. 467-472. – EDN YNGMLJ.
4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 01.05.2022).
5. Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. – 2014. – № 6. – С. 65-72. – EDN THYUTB.
6. Шульга А.В. Имущество как предмет преступлений против собственности и его влияние на содержание объекта данных преступлений // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 29-32. – EDN OXWKOV.

АЛЫШЕВ Сергей Сергеевич

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ТЕКУЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье осуществляется оценка текущих тенденций уголовно-правового воспитания несовершеннолетних. В качестве критерия эффективности последнего анализируются основные тенденции преступного поведения подростков. Признается, что предпринимаемые в последние годы предупредительные меры являются в целом эффективными. Отдельно в работе обобщаются основные нормативно-правовые предписания и действующая практика осуществления правового воспитания. Делается вывод, что цель формирования у подростков общегражданских ценностей и элементарных правовых знаний получила свое надлежащее закрепление на законодательном уровне, а реализация соответствующих правовых идей и декларативных положений нашла свое адекватное воплощение в текущей практической деятельности. В итоге, автором обращается внимание на необходимость более глубокой теоретической проработки вопросов уголовно-правового воспитания несовершеннолетних. Поддерживается мнение, что на современном этапе перед обществом стоит задача более интенсивного формирования и развития сознательного положительного отношения несовершеннолетних к уголовному закону [18].

Ключевые слова: уголовно-правовое воспитание, предупреждение преступности несовершеннолетних, ювенальная преступность.

ALYSHEV Sergey Sergeevich

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

CURRENT TRENDS IN CRIMINAL LAW EDUCATION IN THE SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT JUVENILE DELINQUENCY

The article evaluates the current trends in the criminal legal education of minors. As a criterion for the effectiveness of the latter, the main trends of criminal behavior of adolescents are analyzed. It is recognized that the preventive measures taken in recent years are generally effective. Separately, the paper summarizes the main legal regulations and the current practice of legal education. It is concluded that the goal of the formation of general civil values and elementary legal knowledge among adolescents has received its proper consolidation at the legislative level, and the implementation of relevant legal ideas and declarative provisions has found its adequate embodiment in current practice. As a result, the authors draw attention to the need for a deeper theoretical study of the issues of criminal legal education of minors. The opinion is supported that at the present stage society faces the task of more intensive formation and development of a conscious positive attitude of minors to the criminal law [18].

Keywords: criminal law education, juvenile delinquency prevention, juvenile delinquency.

Как отмечают специалисты, подрастающее поколение представляет собой сложный, противоречивый и нестабильный объект социального управления. Причинами тому являются: маргинальный, переходный статус в обществе, иррациональное мировосприятие, значительные физические и моральные нагрузки в процессе школьного обучения, кризисное состояние институтов семьи и образования [10, 12].

В связи с этим сложилась весьма противоречивая ситуация в интеграции подрастающего поколения в социально-правовую сферу и проявилась необходимость в целенаправленном правовом воспитании несовершеннолетних [12].

В связи с этим, представляется актуальным обратить внимание на текущие тенденции преступности несовершеннолетних, оценить систему действующих правовых механизмов уголовно-правового воспитания и подчеркнуть исключительную значимость последнего в системе мер предупреждения преступного поведения подростков.

Одной из центральных задач правового воспитания является формирование правоупослушного поведения не-

совершеннолетних. И, соответственно, предупреждение совершения ими преступлений [14].

В связи с этим, обратим внимание на основные криминологические тенденции, характеризующие преступность несовершеннолетних. При этом, учитывая локальный характер работы и определенный авторский интерес, показатели преступности несовершеннолетних обобщим по трем отчетным позициям: Россия в целом, г. Москва и Ставропольский край. Это позволит хотя и в самом общем виде, но выявить общероссийские тенденции несовершеннолетней преступности; обратить внимание на рейтинг криминогенности отдельных регионов; сравнить показатели несовершеннолетней преступности в регионах, значительно различающихся по уровню социально-экономического развития (столичном – образцовом и типичном провинциальном).

1. С 2017 по 2021 гг. в Российской Федерации в целом было выявлено преступлений (деяний), совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, соответственно: 45288, 43553 (-3,8 %), 41548 (-4,6 %), 37771 (-9,1 %), 31865 (-15,6 %).

За этот же период в г. Москва было выявлено преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, соответственно: 566, 635 (+12,2 %), 463 (-27,1 %), 480 (+3,7 %), 469 (-2,3 %).

В Ставропольском крае за последние пять лет было выявлено преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, соответственно: 686, 808 (+17,8 %), 653, (-19,2 %), 602 (-7,8 %), 568 (-5,6 %) [16].

При этом, коэффициент преступности (на 10 тыс. человек) в 2021 году составил в России в целом – 2,3, в г. Москва – 0,4, в Ставропольском крае – 2,0.

Как можно заметить, на протяжении последних пяти лет в Российской Федерации прослеживается постоянная тенденция снижения удельного веса преступности несовершеннолетних. Ее темпы несколько снизились в 2018 году, но в последующие годы идет нарастание динамики.

Город Москва имеет один из наиболее низких коэффициентов преступности несовершеннолетних среди регионов Российской Федерации. В Ставропольском крае он в основном соответствует общероссийской тенденции.

2. Что касается несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, с 2017 по 2021 гг. в Российской Федерации в целом их было выявлено соответственно: 42504, 40860 (-3,9 %), 37953 (-7,1 %), 33575 (-15,5 %), 29126 (-13,3 %).

В г. Москва в указанный период было выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, соответственно: 559, 540 (-3,4 %), 449 (-16,9 %), 469 (+4,5 %), 464 (-1,1 %).

В Ставропольском крае было выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, соответственно: 694, 756 (+8,9 %), 687 (-9,1 %), 581 (-15,4 %), 572 (-1,5 %) [16].

Коэффициент преступной активности (на 10 тыс. человек) в 2021 году составил в России в целом – 2,0, в г. Москва – 0,4, в Ставропольском крае – 2,0.

Динамика количества несовершеннолетних преступников в целом коррелирует с тенденциями динамики совершенных ими преступлений: в 2018 году показатели снижения в обоих случаях имеют минимальное значение за 5 анализируемых лет, после чего темпы снижения снова выросли.

Аналогичная корреляция наблюдается в показателях коэффициентов преступности несовершеннолетних и их криминальной активности.

3. Представляет интерес «социальный портрет» преступности несовершеннолетних (по возрасту) в 2021 г.

В числе лиц, совершивших преступления в возрасте 14-15 лет, в Российской Федерации в целом выявлено мужчин – 8553 (1,20 %), женщин – 952 (0,69 %). В г. Москва мужчин оказалось 83 (0,30 %), женщин – 19 (0,39 %). В Ставропольском крае эти показатели составили соответственно 179 (1,42 %) и 26 (1,05 %) человек.

Среди несовершеннолетних, совершивших преступления в возрасте 16-17 лет, в Российской Федерации в целом выявлено мужчин – 17740 (2,50 %), женщин – 1881 (1,37 %). В г. Москва эти показатели составили 323 (1,17 %) и 39 (0,79 %), в Ставропольском крае – 323 (2,57 %) и 44 (1,78 %) соответственно [16].

Доля несовершеннолетних преступников обоих полов в г. Москва более чем в два раза ниже соответствующих общероссийских показателей.

В Ставропольском крае удельный вес несовершеннолетних преступников мужского пола в целом соответствует общероссийским показателям, а женского пола – превышает их на треть.

Обобщая криминологические тенденции, следует признать, что предпринимаемые в последние годы меры предупреждения несовершеннолетней преступности приносят свои плоды. Соответствующие показатели в столичном городе, очевидно, являются следствием длительной комплексной профилактической работы и должны стать ориентиром для соответствующей деятельности в других регионах России.

Между тем, криминологи объясняют противоправное поведение несовершеннолетних рядом факторов, основными из которых называются:

- уголовно-правовая безграмотность;
- нигилистическое отношение к уголовному закону;
- общая низкая информированность о своих правах и обязанностях;
- недостаточно высокий профессионализм как юристов, работающих с несовершеннолетними, так и педагогических кадров [18].

Как можно заметить, все названные причины кроются в недостатках деятельности, связанной с воспитанием и обучением подростков, причем, в правовой плоскости.

Попытаемся оценить систему нормативных правовых основ осуществления правового воспитания.

Основной закон провозглашает: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ст. 67 Конституции РФ) [1].

С 01 сентября 2020 года в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» уточнено понятие воспитания. В аспекте нашей работы рассматриваемая дефиниция дополнена такой сферой педагогического воздействия, как «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к закону и правопорядку [2].

Концептуальные идеи и правовые механизмы их реализации, затрагивающие, в том числе, и элементы правового воспитания, закреплены в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [4] и указе Президента Российской Федерации «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» [3].

В системе высшего образования реализуется федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения». Объектами профессиональной деятельности выпускников по данной специальности являются «отношения в сфере воспитания детей и подростков, защиты их прав и законных интересов, профилактики социального неблагополучия семьи и правонарушений несовершеннолетних» [6].

Отдельно следует остановиться на содержании примерных образовательных программ школьного образования.

В частности, примерная основная образовательная программа основного общего образования (реализуется в 5-9 классах) предполагает изучение основ правовых знаний в рамках учебного предмета «Обществознание».

Утверждается, что по результатам освоения данного предмета выпускники научатся: характеризовать систему российского законодательства; характеризовать особенности уголовного права и уголовных правоотношений, специфику уголовной ответственности несовершеннолетних; конкретизировать примерами виды преступлений и наказания за них; определять признаки правонарушения, проступка, преступления [8].

Примерная основная образовательная программа среднего общего образования (реализуется в 10-11 классах) уже предполагает изучение учебного предмета «Право».

В результате изучения данного предмета выпускник на базовом уровне должен научиться: оценивать возможные последствия правомерного и неправомерного поведения человека, делать соответствующие выводы; оценивать собственный возможный вклад в становление и развитие правопорядка и законности в Российской Федерации; осознанно содействовать соблюдению Конституции Российской Федерации, уважению прав и свобод другого человека, демократических ценностей и правопорядка; дифференцировать виды преступлений и наказания за них; выявлять специфику уголовной ответственности несовершеннолетних [7].

Указанные нормативные предписания в своей совокупности, на наш взгляд, достаточны для эффективного осуществления правового воспитания подрастающего поколения. Цель формирования у подростков общегражданских ценностей и элементарных правовых знаний получила свое надлежащее закрепление на законодательном уровне.

Реализация указанных выше правовых идей и декларативных положений нашла свое воплощение в текущей практике осуществления правового воспитания несовершеннолетних.

Например, с 01 января 2021 года по 31 декабря 2024 года реализуется федеральный проект «Патриотическое воспитание», в рамках которого осуществляется деятельность по совершенствованию воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности [15].

Надеемся, что в рамках указанного проекта найдется место и деятельности, связанной с правовым просвещением и предупреждением преступности несовершеннолетних.

Наряду с этим, в начале 2021 года Минпросвещения России распространило информацию о том, что начинается отбор кандидатов на замещение новых вакантных должностей – советников директоров школ по воспитанию и работе с детскими объединениями.

В пилотном варианте новая должность официально введена в штатное расписание общеобразовательных учреждений уже с 01 марта 2021 года. В проекте принимают участие десять регионов Российской Федерации, включая Ставропольский край [13].

По мнению специалистов, «на этот раз речь идет об усилении чувства «уважения к закону», ответственности за

свои поступки и контроля за внешкольным проведением досуга школьников» [11].

Обратим внимание еще на один интересный факт. По предложению Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина постановлением Правительства России внесены изменения в Положение о паспорте Гражданина Российской Федерации [5].

С 01 июля 2021 года гражданам, достигшим возраста 14 лет, одновременно с паспортом вручается издание Конституции Российской Федерации в актуальной редакции.

По нашему мнению, данный шаг является крайне важным в поступательной работе по правовому информированию подростков.

Описанные выше закономерности преступного поведения несовершеннолетних в целом принимаются и однозначно трактуются в правовой доктрине.

Исследователи отмечают, что в ситуации, когда в сознании подростка образуется ценностно-идеологический вакуум, а жизнь диктует необходимость принимать жизненно важные решения, существует риск совершить уголовно наказуемое деяние. При этом подросток зачастую не отдает себе отчета в том, что за определенные действия предусматривается серьезная ответственность [12]. Именно правовое воспитание, системно организованное в масштабах государства, могло бы предотвратить подобное негативное развитие событий как для личности, так и для государства. Однако в настоящее время отсутствует система правового воспитания, а получение подобных знаний возможно лишь в рамках школьного курса обществознания, что явно не соответствует потребностям государства и общества [12].

Отчасти соглашаясь с последним тезисом, отметим, что специальные диссертационные (монографические) исследования проблем уголовно-правового воспитания подростков действительно редки. Вместе с тем, заявленная тема широко обсуждается, разрабатывается на уровне научных статей, тезисов докладов [9].

Для практической реализации идей правового воспитания, в том числе и в целях решения задач уголовного права, считаем обоснованным понимание правового воспитания как «систематического воздействия на сознание и поведение людей в целях формирования определенных позитивных взглядов, представлений, ценностных ориентаций, установок, обеспечивающих соблюдение, исполнение и использование юридических норм [17].

В завершении считаем необходимым заострить внимание на некоторых важных положениях.

Актуальность уголовно-правового воспитания несовершеннолетних бесспорна. Недоработки в этой сфере крайне негативно влияют на криминогенную ситуацию в стране. Кроме того критичными оказываются вопросы об эффективности реализации профилактической функции Уголовного закона и о справедливости привлечения наших молодых сограждан к уголовной ответственности при отсутствии у них адекватного сознательно-волевого отношения к требованиям Уголовного закона.

Комплекс правовых норм, регламентирующих воспитательно-правовую работу с несовершеннолетними, регулярно модернизируется. Изменения в этой части коснулись даже Основного закона Российской Федерации.

Также совершенствуются организационно-правовые механизмы деятельности, связанной с правовым воспитанием. Отметим еще раз введение должности «советника директора школы по воспитательной работе» и образовательную практику подготовки педагогов-психологов в области девиантного поведения, а также федеральные целевые проекты в области образования и воспитания.

Однако, на современном этапе перед обществом стоит задача более интенсивного формирования и развития сознательного положительного отношения несовершеннолетних к уголовному закону [18].

Эффективным инструментом будет, на наш взгляд, вручение подростку, получающему паспорт гражданина Российской Федерации, наряду с текстом Конституции также памятки «Ваш правовой статус».

Указанная памятка должна содержать базовые положения гражданского, семейного, трудового, административного и уголовного права, значимые для подростков. Например, в сфере гражданского права таковыми будут возрастные пороги приобретения полной дееспособности, а также институт эмансипации. В семейном праве – брачный возраст, в трудовом – заключение трудового договора (контракта) и т.д.

Что же касается уголовного права, то в памятке, бесспорно, должны найти свое отражение возрастные границы привлечения к уголовной ответственности, в том числе за преступления, указанные в ч. 2 ст. 20 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
3. О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 6 июля 1995 г. № 673 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р // СПС «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменения в Положение о паспорте гражданина Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 20.05.2021 г. № 761 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения (уровень специалитета): приказ Минобрнауки России от 19.12.2016 № 1611 (Зарегистрировано в Минюсте России 11.01.2017 № 45175) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Примерная основная образовательная программа среднего общего образования, одобренная решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 28.06.2016 № 2/16-з // СПС «КонсультантПлюс».
8. Примерная основная образовательная программа основного общего образования, одобренная решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 08.04.2015 № 1/15 (ред. от 04.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Abdulgaziev R.Z., Alsultanov M.R., Mamichev V.N., Sukhorukova A.N., Sarukhanyan A.R., Sostin D.I. Social Causation of Criminalization of Cyber Crime Committed with the Use of Information Technology // International Journal of Advanced Trends in Computer Science and Engineering, 2019, vol. 8, no. 5, pp. 2459-2463. DOI: 10.30534/ijatcse/2019/90852019.
10. Abdulgaziev R.Z., Zhukova T.G., Sukhorukova A.N., Mamichev V.N., Arshinov A.S., Alsultanov M.R. Family welfare as a basis of fighting crime // AMAZONIA INVESTIGA, 2018, vol. 7, no. 17, pp. 143-149. WOSUID: WOS:000454437600013.
11. В школах будет новый специалист по воспитательной работе // Образование в Москве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://obrmos.ru/go/go_scool/news/go_go_scool_news_sovet_2021.html (дата обращения: 18.11.2021).
12. Вакарина Е.А., Голубихина Н.В. Правовое воспитание в контексте проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних // Общество и право. – 2018. – № 2 (64). – С. 125-128.
13. Должность советника директора школы по воспитанию и работе с детскими объединениями введут в 10 регионах. – Режим доступа: <https://edu.ru/news/glavnye-novosti/dolzhnost-sovetnika-direktora-shkoly-po-vospitaniy/> (дата обращения: 18.11.2021).
14. Кибальник А.Г., Волосюк П.В., Абдулгалиев Р.З. Российские диссертационные исследования уголовного наказания: основные тренды в 2010–2019 // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 5. – С. 825-836. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(5).825-836. WOSUID: WOS:000495984400013.
15. Министерство просвещения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 18.11.2021).
16. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 18.11.2021).
17. Синюкова Т.В. Правовое воспитание в современных условиях // Потенциал современной науки. – 2015. – № 3. – С. 121-125.
18. Стецуря С.В. Уголовно-правовое воспитание как средство предупреждения преступности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-276-277

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями Самарского государственного экономического университета

БОНДАРЕНКО Сергей Вячеславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры режима и охраны в уголовно-исполнительной системе Самарского юридического института ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖ И МОШЕННИЧЕСТВ

В статье рассматриваются вопросы разграничения преступлений, предусмотренных статьями 158 и 159.3 УК РФ. В частности, затрагивается вопрос квалификации определенных действий содержащих одновременно признаки указанных составов. Проведено сравнение степени общественной опасности. Выделены отдельные признаки объективной стороны данных преступлений. Обозначена основная причина возникающих несоответствий. Рассматривается современная судебная практика по данной проблеме, а также предлагается один из возможных вариантов для ее разрешения.

Ключевые слова: кража, мошенничество, банковский счет, электронные средства платежа, электронные денежные средства.

BELYAKOV Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty of the Samara State University of Economics

BONDARENKO Sergey Vyacheslavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Regime and security in the penal system sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

SOME PROBLEMS OF THEFT AND FRAUD QUALIFICATION

The article discusses the issues of delineation of crimes provided for in Articles 158 and 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, the issue of qualification of certain actions containing simultaneously signs of the specified compositions is touched upon. Modern judicial practice on this problem is considered, and one of the possible options for its resolution is also proposed.

Keywords: theft, fraud, bank account, electronic means of payment, electronic money.

Законодатель, стремясь удовлетворить современные запросы общества вводит закономерные изменения в законодательство, в том числе и уголовное. Цифровизация экономики и как одно из следствий активное использование электронных средств платежа, не прошли незамеченным от преступных посягательств, что определило необходимость их дополнительной защиты в том числе и уголовно-правовой.

С этой целью Федеральным законом от 29.11.2012 N 207-ФЗ в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) введена статья 159.3 которая содержит новый для законодательства признак объективной стороны – электронные средства платежа к которым в соответствии с п. 19 статьи 3 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» относятся в том числе и платежные карты. В этом же законе в пункте 18 указывается, что передавать и распоряжаться электронными деньгами собственник может исключительно через электронные средства платежа.

Введение данной нормы впервые определило проблему квалификации рассматриваемых составов преступления, которая была разрешена Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года N 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где в пункте 17 содержалось разъяснение, согласно которому ситуация в которой лицо, расплачивающееся в магазине чужой банковской картой без разрешения собственника путем (способом) умолчания о незаконном владении им платежной картой, должна была квалифицироваться как мошенничество.

23.04.2018 года Федеральным законом № 111-ФЗ в части 3 статьи 158 УК РФ появляется изменение в виде пункта «г»,

который вводит два новых признака тайного хищения чужого имущества: место совершения – банковский счет и предмет преступления – электронные денежные средства.

Следовательно, хищение электронных денежных средств возможно с использованием платежной карты, что в определенных ситуациях объединяет перечисленные признаки п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159.3 УК РФ. Например, В. нашла на улице банковскую (платежную) карту, принадлежащую потерпевшему и расплатилась ею как своей в нескольких магазинах, умолчав перед продавцами, о том что карта ей не принадлежит, тем самым похитив чужие денежные средства и причинив потерпевшему значительный ущерб. Суд квалифицировал данные действия по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ¹. Другой пример, Д. нашел, принадлежащую потерпевшей банковскую (платежную) карту и лист бумаги с пин-кодом к ней и оплатил с помощью нее свои покупки в магазине, после чего снял определенную сумму через банкомат. Его действия судом были квалифицированы по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ².

Таким образом, схожие действия были квалифицированы судами по разным статьям УК РФ. При этом стоит отметить, что ч. 1 ст. 159.3 УК РФ относится к категории небольшой тяжести, а п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ – тяжкое. Если сумма похищенного имущества менее 2500 рублей, а данные дей-

1 Приговор суда по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ № 1-581/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/551709.html>. (31.05.2022).

2 Приговор № 1-2/2021 от 24 марта 2021 г. по делу № 1-2/2021 Шахунского районного суда Нижегородской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NtWaT7Lef2WR/?> (31.05.2020).

ствия будут квалифицированы как мошенничество, то нарушитель будет привлекаться к административной ответственности. А если органы предварительного расследования и суд усмотрят кражу – по преступник понесет ответственность за совершение тяжкого преступления.

То есть одни и те же действия без учета разъяснения вышестоящего суда содержат признаки двух разных по своей общественной опасности составов преступления, что приводит к системному противоречию в УК РФ, а именно к несоблюдению принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

До определенного момента, благодаря вышеуказанному Постановлению пленума Верховного суда обозначенная спорная ситуация на практике должна была квалифицироваться как мошенничество по ст. 159.3 УК РФ. Однако данное законодательное противоречие, все равно порождало ошибки в правоприменении, о чем свидетельствуют выше приведенные примеры.

Позднее Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление от 29 июня 2021 года № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», обосновав свое решение «изменением законодательства и возникающими с судебной практике вопросами». Указанным решением в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» введен пункт 25.1 который описывает действия, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ следующим образом «Тайное изъятие денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств, например, если безналичные расчеты или снятие наличных денежных средств через банкомат были осуществлены с использованием чужой или поддельной платежной карты...». Изменения так же коснулись Пленума «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» из которого исключили абзац первый пункта 17, речь о котором велась выше.

Таким образом, без изменения законодательства существенно изменилась судебная практика и действия, которые ранее с учетом позиции того же Верховного суда квалифицировались как мошенничество, с 29 июня 2021 должны были определяться как кража.

В результате практика в лице Железнодорожного районного суда города Рязани обратилась за разъяснениями в Конституционный суд, который в ответ вынес Определение от 9 июля 2021 г. n 1374-о «О прекращении производства по делу о проверке конституционности пункта «г» части третьей статьи 158 и статьи 159.3 уголовного кодекса российской федерации в связи с запросом Железнодорожного районного суда города Рязани». В данном решении Конституционный суд признает, что ситуация, когда лицо незаконно без разрешения собственника расплачивается чужой банковской картой в магазине в присутствии продавца подходит под признаки обоих рассматриваемых составов преступлений. Однако Верховный суд РФ своими разъяснениями уже решил обозначенное противоречие в сторону п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. При этом Конституционный суд, корректно отметил, что его решение не исключает право федерального законодателя внести изменения в законодательство, направленные на совершенствование мер уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковского счета, а равно электронных денежных средств с использованием электронных средств платежа.

Данная проблема получила свое развитие на практике. В частности судебные решения, которые были правомерно

вынесены до 29 июня 2021 года в соответствии с действующим законодательством и с учетом официально высказанного мнения Верховного суда, стали отменяться.

Так, например, Р. Незаконно завладел картой К. и совершил с помощью нее покупки в магазине на общую сумму 11 497 рублей 34 копейки. Его действия 8 июля 2020 года судом первой инстанции были квалифицированы по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ. Суд кассационной инстанции 4 марта 2021 оставил вопросы квалификации без изменений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 1 июня 2021 г. удовлетворила кассационное представление заместителя Генерального прокурора и отменило своим определением № 5-УДП21-44-К2 приговор и кассационное определение, возвратив уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом³. Обращает на себя внимание дата изменения мнения судей Верховного суда: 01.06.2021 Коллегия по уголовным делам ВС РФ отменяет приговор; 29.06.2021 принимается постановление Пленума ВС РФ.

Таким образом, на сегодняшний день рассматриваемые деяния формально содержащие в себе признаки кражи и мошенничества должны квалифицироваться по п. «г» части 2 статьи 158 УК РФ.

Подобная практика негативным образом влияет на степень доверия общества к судебной системе. Ведь закон с 2018 года не изменился, тогда почему изменилась судебная практика? Как такое возможно? Указанные новшества в свою очередь приводит к ухудшению положения лиц, ранее привлеченным за кражу при аналогичных обстоятельствах, однако положения об обратной силе закона применить нельзя, ведь он не поменялся.

Изложенное позволяет сформулировать ряд промежуточных выводов и предложений.

Обозначенная ситуация определена несовершенством конструкции п. «г» части 2 статьи 158 и статьи 159.3 УК РФ.

Верховный суд несколько непоследователен и изменив в своем толковании правильного правоприменения, что приводит к непониманию на уровне органов расследования и основного судебного звена, а также оказывает негативное влияние на доверие граждан правосудию.

В качестве одного из решений обозначенной проблемы может служить устранение ее первопричины, а именно исключение указанных статей из действующего законодательства с заменой на новую. Таковой, например, может стать статья, предусматривающая уголовную ответственность за хищения с банковского счета, с использованием электронных средств платежа, а равно в отношении электронных денежных средств. При этом в предлагаемой конструкции не будет привязки к способам (формам) хищения, что позволит избежать описанных выше противоречий.

3 Пункт 49 Обзора судебной практики верховного суда Российской Федерации № 3 (2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrif.ru/documents/practice/30502/?ysclid=145meviq1a34404180> (07.06.2022).

ИБРАГИМОВА Ханича Алибуттаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФИЛАКТИКУ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье делается краткий исторический обзор генезиса уголовного наказания смертная казнь, ее назначения и исполнения. Анализируются особенности отношений к применению смертной казни в различных странах и в России на разных этапах развития страны. Указываются некоторые причины сохранения смертной казни в современном мире. А также отмечается, эффективно ли наличие смертной казни в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, смертная казнь, кара, возмездие, пожизненное наказание, эффективность, предупреждение преступности.

IBRAGIMOVA Khanicha Alibuttaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty of the Dagestan State University of National Economy

THE DEATH PENALTY AND ITS IMPACT ON PREVENTION, CRIME PREVENTION

The article provides a brief historical overview of the genesis of the criminal punishment of the death penalty, its appointment and execution. The article analyzes the peculiarities of attitudes towards the use of the death penalty in various countries and in Russia at different stages of the country's development. Some reasons for the preservation of the death penalty in the modern world are indicated. And it is also noted whether the existence of the death penalty is effective in the fight against crime.

Keywords: criminal responsibility, punishment, death penalty, punishment, retribution, life sentence, efficiency, crime prevention.

Бытует мнение, что уголовное наказание в виде смертной казни как один из видов государственного наказания, появившийся со времен возникновения государственно-правовых отношений. Само наказание смертная казнь исторически существует с еще более ранних времен. Данный вид наказания является одним из наиболее ранних видов наказания, придуманных человечеством. Долгое время целью наказания являлось мщение, возмездие, кара, причинение равного вреда. Причинение равного вреда преступнику или даже их близким родственникам (например, убийство члена семьи, рода как наказание на почве кровной мести) принято называть принципом Талиона, т.е. «Око за око, зуб за зуб».

Государственная мера уголовного наказания в виде смертной казни существовал во всех странах мира, все страны мира прошли этот путь исполнения уголовного наказания. Пройдя такой долгий исторический путь данный вид наказания и сейчас существует в системе наказаний многих стран мира и в том числе в уголовном законодательстве России.

Наиболее ранее письменное упоминание об уголовном наказании в виде смертной казни имеет место быть в «Законах Хаммурапи». По этому закону допускалось широкое применение смертной казни за совершенные преступления, в том числе за неоднократное совершение кражи. В дальнейшем, по мере развития государств, в национальных законодательствах всех стран устанавливали смертную казнь как высшую меру наказания. Количество составов преступлений, за совершение которых был предусмотрен этот вид наказания, то увеличивалось, то уменьшалось, т.е. имело место активное применение смертной казни. Увеличивалось и количество составов преступлений, за которое предусматривалось привлечение к смертной казни, и разнообразие способов приведения его в исполнение. Очень часто целью применения смертной казни являлось предупреждение преступности путем устрашения. Одним из методов устрашения имело место быть публичность исполнения смертной казни при стечении большого количества народа, которых порой насильно собирали на самом людном месте городов и поселений. Разрабатывались также самые жестокие способы приведения смертной казни в исполнение, такие как сожжение на костре, колесование, четвертование, заливание в горло расплавленного металла, утопление, забивание камнями, повешение за различные части тела и т.д. Для приведения смертной каз-

ни в исполнение на центральных площадях городов многих стран были отведены специальные места со специальными устройствами (в т.ч. всем известная гильотина). Это являлось устрашением, что могло играть некую роль профилактики преступности.

В законодательстве России наиболее ранее упоминание о наказании в виде смертной казни исследователи отмечают в Русской Правде X-XIII в., где в первую очередь, смертная казнь была предусмотрена за разбойные нападения, хотя имело быть и кровная месть. Позже смертная казнь закреплена Двинской уставной грамоте, примерно 1398 г., уже за большее количество преступлений, в том числе за повторную кражу. Другой особенностью закрепления данного вида наказания в нормах этого закона – это законодательное установление способа исполнения путем повешения.

В дальнейшей истории России количество составов преступлений, за которое предусматривалось назначение смертной казни то широко увеличивалось, то вовсе отменялось само наказание. Также способы исполнения наказания то ужесточали, устанавливали крайне жестокие способы, то вовсе отменяли или не приводили в исполнение. Все зависело от социально-экономического и политического состояния государства в тот или иной период развития. Так, по Соборному уложению 1649 г. количество преступлений за которое полагалось назначение смертной казни увеличилось до 20. В том числе смертная казнь была предусмотрена даже за «срыв литургии, обращение православно в ислам, умысел на жизнь и здоровье государя, государственная измена», и.д. Кроме этого, были установлены новые способы исполнения смертной казни такие как - закапывание мужеубийц по плечи в землю, четвертование, сажание на кол, повешение за ребро, упорных раскольников стали сжигать в срубе, а их прах развеивать [3, с. 97]. Появились новые способы реализации этого наказания. Смертную казнь приводили в исполнение публично, ежедневно, кроме воскресенья.

Позже, особенно к концу XVII в., как отмечают исследователи, применение смертной казни резко возросло не только в России, но и во всем мире. Исследуя этот вопрос Н.Д. Сергиевский указывал: «Даже в XVIII в. она не только в России, но и в европейских кодексах считалась наказанием «самым обыкновенным и наиболее часто применяемым» [4, с. 247].

Список из 15 стран по давности последнего исполнения смертной казни

п/н	страна	Год исполнения наказания	примечание
1	Барбадос	1984	
2	Белиз	1985	
3	Доминика	1986	
4	Ямайка	1988	
5	Антигуа и Барбуда	1991	
6	Сент-Винсент и Гренадины	1995	
7	Лесото	1995	
8	Сент-Люсия	1995	
9	Россия	1996	
10	Гайана	1997	
11	Коморские острова	1997	
12	Тринидад и Тобаго	1999	
13	Багамы	2000	
14	Куба	2003	
15	Демократическая Республика Конго	2003	

В XIX в. также сохранилось неоднозначное отношение к применению смертной казни, уменьшалось или увеличивалось количество преступлений, по которым устанавливалось это наказание, или появлялись новые, более жестокие виды его исполнения. Так, появился новый способ исполнения смертной казни - битье кнутом и шпидрутенами. По Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уменьшилось количество преступлений, за которое назначалась смертная казнь. И еще одна особенность этого законодательства - назначенное наказание не приводилось в исполнение. Из приговоренных к смертной казни 46 человек были приведены в исполнение приговоры в отношении 28 лиц.

В дальнейшем в законодательстве России идет тенденции к уменьшению количества преступлений, за совершение которых предусматривалась смертная казнь, а также дифференциация, лиц, совершивших преступления по полу и возрасту. Данная мера наказания не назначалась в отношении лиц старше 70 лет, моложе 21 года, женщинам назначалась только в случае, если они совершали преступления в отношении государя или его членов семьи.

В дальнейшем тоже такое же скачкообразное отношение к применению смертной казни в стране сохранялось почти все столетие. Так, в 1917 и 1918 гг. дважды смертная казнь была полностью отменена, но через считанные месяцы вновь восстанавливалась и тысячи человек понесли наказание.

В новейшей истории страны многое изменилось. Изменилось и применение смертной казни. Согласно ст. 44 УК РФ смертная казнь имеет место быть, но действует мораторий на ее применение, поэтому не применяется. Отношение к применению смертной казни в стране изменилось после того, как Россия вошла в 1996г. в состав Совета Европы. Вместо этого наказания назначается пожизненное наказание или лишение свободы на 25 лет. Последняя смертная казнь применялась в отношении насильника и серийного убийцы С. Головкина

2 сентября 1996 года. Также 11 лицам, приговоренных к смертной казни в то время, мера наказания была заменена на лишение свободы сроком 25 лет или на пожизненное лишение свободы.

На сегодня, во всем мире вопрос применения смертной казни является очень актуальной. Проводится много дискуссий, исследований, но однозначного ответа нет.

По данным исследователей, 108 стран во всем мире, которые являются членами ООН или имеют статус наблюдателя ООН, полностью отменили смертную казнь в законодательстве. Кроме этого, часть стран сильно ограничили количество видов преступлений, за которое предусмотрена смертная казнь и то оставили только за совершение военных преступлений (Великобритания, Израиль, Швейцария, Новая Зеландия, Перу, Казахстан, Сальвадор). Часть стран, назначенное наказание в виде смертной казни практически не приводят в исполнение (Боливия, Бельгия, Греция Россия,

Марокко, Алжир, Мали). К сожалению, 53 страны мира и на сегодня применяют смертную казнь за совершение разнообразных преступлений и не все эти составы преступлений являются тяжкими (например, прелюбодеяние, в мусульманском уголовном праве).

Проанализировать точное количество применения смертной казни в мире ежегодно невозможно, т.к. некоторые страны официально не озвучивают конкретные цифры применения смертной казни, в т.ч. Китай, который является лидером в этом вопросе.

Несмотря на наличие и применение смертной казни преступность во всем мире в последние столетия интенсивно растет. Об этом говорят многочисленные статистические данные различных международных научных сообществ, в первую очередь источники ООН. Так А.И. Долгова отмечает «Последнее десятилетие XX века и начало XXI века, стали не только в России, но и во всем мире временем триумфа преступной среды» [1, с. 84]. Это же указывает и В.В. Лунеев в своем исследовании «Криминальная глобализация» отмечая: «самая высокая преступность значится в самых индустриально развитых, социально обустроенных, демократических регионах мира. Самый высокий рост наблюдается в Северной Америке и Западной Европе, а самый низкий в Арабских странах [2, с. 32].

Доминирующих факторов роста мировой преступности очень много. Надо устранять в корне причины и условия преступности, самое главное, создавать комфортные социально-экономические условия жизни для всех членов общества. Применение смертной казни как фактор сдерживания или профилактики преступности не может служить эффективным инструментом в борьбе с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 84.
2. Лунеев В.В. Криминальная глобализация // Государство и право. 2004. № 10. С. 32.
3. Рожнов А.А. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 г. и законодательству второй половины XVII в. С. 97.
4. Сергиевский Н.Д. Избр. тр. М., 2008. С. 247-248.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-280-282

АЛЬ-ХАММУД Ибрахим Ариф Абдулхуссейн

аспирант специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» Юридического института Российского университета дружбы народов

КАССАБ Мохаммед Салах Хади

аспирант специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» Юридического института Российского университета дружбы народов

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНТРМЕРЫ И УСИЛИЯ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ В ЕГИПТЕ

В статье рассматриваются борьба с коррупцией, являющей собой ключевую угрозу надлежащему управлению, демократическим процессам и

честной деловой практике. Усиление борьбы с коррупцией является одним из главных приоритетов Египта. Автор, исследуя Национальную стратегию борьбы с коррупцией Египта и проводимые в стране оперативные мероприятия и практики по пресечению коррупционных проявлений, приходит к выводу, что несмотря на успех, достигнутый в результате принимаемых контрмер и усилий по борьбе с коррупцией, Египту следует продолжить разработку эффективных инструментов по борьбе с коррупцией в рамках сильной антикоррупционной стратегии, поскольку борьба с коррупцией требует не только больших усилий, но и является долгосрочным мероприятием, требующим политического признания проблемы, политической воли и решимости бороться с ней, а также разработки целого ряда хорошо продуманных контрмер.

Ключевые слова: борьба с коррупцией в Египте, государственные контрмеры, антикоррупционная деятельность государства, Национальная стратегия борьбы с коррупцией Египта.

AL HAMMOUD Ibrahim Arif Abdulhussain

postgraduate student of the specialty "Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law" of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

KASSAB Mohammed Salah Hadi

postgraduate student of the specialty "Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law" of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

GOVERNMENT COUNTERMEASURES AND ANTI-CORRUPTION EFFORTS IN EGYPT

The article discusses the fight against corruption, which is a key threat to good governance, democratic processes and honest business practices. Strengthening the fight against corruption is one of the main priorities of Egypt. The author, examining Egypt's National Anti-Corruption Strategy and the operational measures and practices carried out in the country to curb corruption manifestations, comes to the conclusion that despite the success achieved as a result of the countermeasures taken and efforts to combat corruption, Egypt should continue to develop effective anti-corruption tools within the framework of a strong anti-corruption strategy, since the fight against corruption requires not only great efforts, but is also a long-term undertaking that requires political recognition of the problem, the political will and determination to fight it, as well as the development of a number of well-thought-out countermeasures.

Keywords: the fight against corruption in Egypt, state countermeasures, anti-corruption activities of the state, the National Anti-Corruption Strategy of Egypt.

Коррупционная преступность многообразна, она существует в различных формах. Во многих государствах предупреждения и пресечения коррупции является отдельным направлением национальной политики. Как указывает В.Е. Шорохов, антикоррупционная политика государств соотносится с уголовно-правовыми мерами, касающимися преступлений коррупционного характера [1], включает управление госслужбой в части соблюдения правил служебной этики [2], а также превентивные меры [3] и т.д. Таким образом, антикоррупционная деятельность государств регулируется взаимосвязанными правовыми нормами.

Коррупция является одной из основных проблем и занимает важное место в повестке дня Египта, который представляет собой одну из крупнейших стран Ближнего Востока. В послереволюционные годы¹ Египет был экономически ослаблен, особенно из-за последствий политических потрясений для инвестиционного и туристического секторов.

И хотя Египет проводит экономическую и социальную модернизацию, основанную на улучшении делового климата и открытости для международных инвестиций, эти усилия по-прежнему сопряжены с сохранением коррупционной практики, которая оказывает негативное влияние на экономическую привлекательность страны. Коррупция является серьезным препятствием на пути устойчивого и конкурентоспособного развития Египта. Помимо крайне негативных последствий для демократии и верховенства закона, коррупция усложняет регулирование рынка, мешает росту частного сектора и препятствует притоку иностранных инвестиций. Осознавая проблему коррупции в стране, правительство Египта², выдвинуло ряд инициатив по борьбе с коррупцией.

1 В Египте в конце 2011 г. начались массовые протесты, которые в дальнейшем получили название «Арабская весна», поскольку происходили в арабских регионах мира. Как движение они были направлены не только на смещение существовавших режимов, но и на их коррупционную составляющую.

2 Египет является участником «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров», 2006, № 10, октябрь, с. 7-54, а также Арабской антикоррупционной конвенции 2010 г. Конвенция составлена в Каире (Египет) 21 декабря 2010 года и хранится в Генеральном секретариате Лиги Арабских государств. (Arab-Convention-Against-Corruption.pdf [Электронный ресурс]. – Режим

Благодаря новой Конституции³ Арабской Республики Египет⁴, в ст. 218 которой закреплены положения о борьбе с коррупцией на государственном уровне, а также, положения о неподкупности, честности и прозрачности, предусматривается создание компетентных надзорных органов и организаций, обязанных координировать друг с другом свои действия в борьбе с коррупцией. Тем самым в Египте был создан потенциал для принятия различных мер по борьбе с коррупцией, в основе которого лежит Национальная стратегия борьбы с коррупцией Египта⁵, являющаяся общим стратегическим планом Египетского государства в области противодействия коррупции. Первая Национальная стратегия борьбы с коррупцией Египта была разработана на период 2014-2018 гг. Ныне действующая Стратегия разработана на период 2019-2022 гг.

Первая стратегия установила принципы учета и подотчетности, а также в своей цели определяла, что борьба с коррупцией и ее предотвращением являются совместной ответственностью всех органов государственной власти и общества. Первая стратегия провозгласила право граждан на доступность к информации, касающиеся реализации стратегии. Продолжая усилия по достижению более высокого уровня предотвращения коррупции и более высоких стандартов добросовестности и прозрачности, была принята Национальная стратегия борьбы с коррупцией на период 2019-2022 гг.⁶

Стратегия разрабатывалась при помощи Национального координационного/вспомогательного комитета по предупреждению коррупции и борьбе с ней⁷, а их реализация была возложена на технический комитет, возглавляемый Органом административного контроля⁸. Реализация стратегий осуществлялась всеми подразделениями государственной администрации. Борьба с коррупцией и ее предотвращение больше не являются делом лишь правоохранительных органов, поскольку стратегии касаются роли административного органа государства, гражданского общества и частного сектора. На правоохранительные органы были возложены обязательства по координации борьбы с коррупцией, а также отслеживанию реализации Национальной антикоррупционной стратегии Египта. В настоящее время государственные контрмеры и усилия по борьбе с коррупцией в Египте, прежде всего, связаны с воплощением в жизнь Национальной стратегии борьбы с коррупцией 2019-2022 гг.

На повестке дня Арабской Республики Египет стоят вопросы по выявлению и оценке рисков коррупции, а также работы над ее предотвращением и борьбой с ней, путем установления целей и оперативных процедур, а также про-

грамм и механизмов для обеспечения ее блокирования. Кроме того, злостной является активизация общественной культуры, которая отвергает коррупцию и поддерживает возможности и независимости органов и учреждений по повышению уровня прозрачности и целостности в государстве путем вовлечения всех групп общества. Реализация данного направления производится в сотрудничестве с местными, региональными и международными заинтересованными сторонами в целях реализации стратегии устойчивого развития Египта до 2030 года⁹ и активизации международных и региональных конвенций, связанных с борьбой с коррупцией.

Национальная стратегия борьбы с коррупцией 2019-2022 гг. основана на нескольких ключевых целях и вытекающих из них оперативных мероприятиях. Цели антикоррупционной стратегии включают улучшение работы правительства, обновление антикоррупционного законодательства, укрепление судебных процедур для достижения оперативного правосудия, усиление участия гражданского общества в борьбе с коррупцией, повышение уровня жизни и достижение социальной справедливости для укрепления доверия между гражданами и государственными институтами.

Государственные контрмеры и усилия по борьбе с коррупцией в Египте выражаются через призму правовой базы Египта. Так, например, были внесены правки в законодательство, касающееся противодействия и борьбы с коррупцией, с целью улучшения законодательной структуры и соответствия международным документам. Поправки были внесены в Египетский уголовный кодекс № 58 от 1937 года¹⁰, который криминализует активный и пассивный подкуп, злоупотребление служебным положением и использование государственных ресурсов для личной выгоды. Была осуществлена промульгация Закона о государственной службе и его имплементационного Постановления от 1 ноября 2016 года № 81 от 2016 года, в котором содержатся статьи, касающиеся честности, справедливости и борьбы с коррупцией¹¹.

Так законодательство, регулирующее госслужбу, обязывает государственных должностных лиц декларировать свои активы, сообщать сведения о своих обязательствах, а также представлять копии своих налоговых деклараций. Помимо этого законы Египта или административные положения содержат меры, обязывающие супругов и/или иждивенцев государственных должностных лиц сообщать сведения о своих активах, обязательствах и представлять копии налоговых деклараций¹².

Эта система применяется ко всем государственным должностным лицам, за исключением судей, которые обя-

доступа: <http://star.worldbank.org>.) (дата обращения: 27.04.2022 г.)

- 3 В Конституцию Арабской Республики Египет 23 апреля 2019 года были внесены конституционные поправки. Решение Национального избирательного органа № 38 от 2019 года об одобрении народом конституционных поправок на референдуме.
- 4 Конституция Арабской Республики Египет. (с изменениями от 23 апреля 2019). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://manshurat.org/node/14675>. (дата обращения: 28.04.2022г.)
- 5 Egypt Launches the National Anti-Corruption Strategy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.egyptembassy.net/media/Egypt_Anti-CorruptionFactSheet.pdf (дата обращения: 27.04.2022г.)
- 6 National anti-corruption strategy 2019-2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sherloc.unodc.org/cld/en/treaties/strategies/egypt/egy0001s.html> (дата обращения: 28.04.2022г.)
- 7 Такие органы обычно создаются для руководства антикоррупционными реформами в стране, в частности разработкой, реализацией и мониторингом национальной антикоррупционной стратегии. Антикоррупционные советы (комиссии или комитеты) состоят из ответственных государственных органов и министерств, представителей исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти и могут привлекать гражданское общество.
- 8 Egypt combats corruption for sustainable development. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://egyptfwd.org/Article/99/163/Egypt-combats-corruption-for-sustainable-development> (дата обращения: 27.04.2022г.)

- 9 Руководствуясь стремлением правительства обеспечить качественную жизнь египетского народа, Египет запустил свою первую в истории Стратегию устойчивого развития: Видение Египта до 2030 года. Запуск Стратегии пришелся на февраль 2016 года. Стратегия устойчивого развития является гарантией роста, развития и процветания для будущих поколений. (Two Egypt's Sustainable Development Strategy: 2030. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://Visionextranet.who.int>. (дата обращения: 29.04.2022 г.))
- 10 В Египетский уголовный кодекс № 58 от 1937 года постоянно вносятся изменения.
- 11 Закон № 81 от 2016 года о промульгации Закона о государственной службе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=108477&p_lang=en (Дата обращения 28.04.2022 г.) Принят 2016-11-01. Отмененный текст: Закон № 47 от 1978 года, регулирующий деятельность государственных служащих в государственном секторе. Имплементационный текст: 2018-06-23 (EGY-2018-L-108476), Закон № 96 от 2018 года о предоставлении государственным служащим специального пособия. NATLEX База данных национального законодательства о труде, социальном обеспечении и смежных правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=108477&p_country=EGY&p_count=499 (дата обращения 28.04.2022 г.)
- 12 Стандарты и нормы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Доклад. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org>. (дата обращения 29.04.2022 г.)

заны декларировать только кредиты, банковские депозиты, недвижимое и ценное движимое имущество¹³.

При вероятном возникновении конфликта интересов национальные законы Египта или административные положения обязывают госслужащих заявлять о наличии у них деловых или коммерческих интересов, финансовых интересов и деятельности, осуществляемой с целью получения финансовых выгод. «Закон о конфликте интересов», регулирующий, какими видами деятельности и активами могут и не могут пользоваться государственные должностные лица высшего звена.

В последнее время обозначился некоторый перелом в подходе к пресечению коррупции. Становится очевидным тот факт, что проблему коррупции нельзя решить только традиционным способом, путем принятия очередного закона. Осознание того, что необходимы более гибкие способы воздействия на общественные отношения, привело к тому, что следует применять средства этико-поведенческого и иного диапазона воздействия. Поэтому одной из государственных контрмер и усилий по борьбе с коррупцией в Египте является активизация кодексов поведения сотрудников во всех подразделениях административного органа государства.

В настоящее время в Египте действует Кодекс поведения государственных служащих 2014 года, содержащий положения о добросовестности. Кроме того разработаны кодексы поведения, которые касаются сотрудников судебных органов, включая прокуроров, а также сотрудников налоговых органов, высший офицерский состав вооруженных сил и политиков.¹⁴

Государственные контрмеры и усилия по борьбе с коррупцией в Египте включают в себя активизацию механизмов прозрачности и честности в государственных подразделениях¹⁵, которые, помимо прочего, включает в себя создание и обновление веб-сайтов для государственных учреждений, а также активацию системы горячей линии и развитие системы рассмотрения жалоб на коррупционные проявления. К примеру, в настоящее время создана пробная версия нового сайта Министерства юстиции Египта¹⁶. На данном сайте создан виртуальный портал Отдела по борьбе с коррупцией и жалобам. Данный отдел компетентен, принимать все жалобы граждан и направлять их в департамент или соответствующий орган для рассмотрения и принятия, необходимых мер. Он также компетентен, рассматривать, расследовать и предлагать принятие конкретных мер по жалобам, поданных ему Министром юстиции Египта. Электронный портал Министерства юстиции Египта, запускаемый в новой версии, характеризуется высоким качеством контента. Этот портал является дополнительным способом получения информации, предоставляемой секторами и департаментами Министерства юстиции Египта.

В Египте применяются инициативы в части повышение осведомленности общественности о серьезности коррупции и важности борьбы с ней, а также укрепления доверия граждан к государственным институтам. С этой целью проводятся информационные кампании по повышению осведомленности об опасностях коррупции под лозунгом «Египет сильнее коррупции»¹⁷. Данная кампания освящалась в средствах мас-

совой информации, транслировалась по всем спутниковым и наземным каналам, радиостанциям, внутренним сайтам Египта и социальным сетям.

Также в настоящее время проводятся успешные практики в области образования, например, по включению концепций, связанных с прозрачностью, честностью и неприятием коррупции, в учебные программы. Также проводятся семинары для должностных лиц по вопросам развития учебных заведений в целях разъяснения важности информирования студентов о серьезности коррупции и необходимости включения концепций, связанных с честностью и прозрачностью, в учебные программы студентов. Осуществляется подготовка учебных программ для учителей, администраторов и руководящих работников Министерства образования, директоров и департаментов образования в области распространения информации о честности и прозрачности, осведомленности об опасностях коррупции, способах ее предотвращения и Национальной стратегии борьбы с коррупцией и т.д.

Принимаемые государственные контрмеры и усилия по борьбе с коррупцией в Египте разработаны с учетом того, что коррупция глубоко запускает корни как социальные, экономические, так и политические институты, поэтому необходимо создавать и совершенствовать процедуры и механизмы, которые бы позволили контролировать процесс возникновения деяния коррупционной направленности и незамедлительно пресекать возможные коррупционные проявления. Становится очевидным тот факт, что проблеме коррупции нельзя решить только традиционным способом, путем принятия очередного закона. Осознание того, что необходимы более гибкие способы воздействия на общественные отношения, привело к тому, что в Египте используются средства этико-поведенческого и иного диапазона воздействия.

Таким образом, несмотря на успех, достигнутый в результате принимаемых контрмер и усилий по борьбе с коррупцией, Египет все еще не застрахован от коррупции. Борьба с коррупцией - это долгосрочное мероприятие, которое, в первую очередь, требует политического признания проблемы, политической воли и решимости бороться с ней, а также разработки целого ряда хорошо продуманных контрмер. Пагубное воздействие коррупции следует искоренять поэтапно. Нет никаких сомнений в том, что противодействие коррупции требует больших усилий со всех сторон системы контроля. Египет, который искренний приверженец борьбы с коррупцией, воплощает антикоррупционную стратегию в жизнь. На этой основе в Египте разрабатываются и внедряются соответствующие меры для усиления борьбы с коррупцией. Достижения Египта несомненны, поскольку здесь приняты меры по укреплению и расширению возможностей своих институтов в борьбе с коррупцией. Такие усилия имеют решающее значение, поскольку страна стремится выдвинуть проблему коррупции на первый план и разработать эффективные инструменты в рамках сильной антикоррупционной стратегии.

Пристатейный библиографический список

1. Шорохов В.Е. Антикоррупционная политика ООН и России: сравнительно-правовой аспект // Международное публичное и частное право. 2019. № 6. С. 36-39.
2. Шорохов В.Е. Правовые основы государственной антикоррупционной политики в России // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 49-51.
3. Шорохов В.Е. Мирные практики формирования системы антикоррупционного образования и подготовки в контексте развития гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 11-14.

13 Там же.

14 Стандарты и нормы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Доклад. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org>. (дата обращения 29.04.2022 г.)

15 Так, например, это предоставление доступных данных и информации о стратегиях и планах государственного административного аппарата, не нанося при этом ущерба национальной безопасности и конфиденциальности персональных данных граждан. Доступность отчетов надзорных органов в соответствии с Конституцией и регулирующими ее законами. Публиковать план и бюджет граждан на центральном и местном уровнях. Публикация плана государственных закупок. Публикация отчетов о прогрессе в реализации целей стратегии.

16 Министерство юстиции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mjustice@moj.gov.eg>. (дата обращения 29.04.2022 г.)

17 Впервые данное направление было задействовано в 2016 году.

ГАДЖИЕВА Патимат Дайитбеговна

кандидат политических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания Факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета

ИБРАГИМОВ Магомед Абдулмуминович

кандидат юридических наук, декан Факультета управления и права Дагестанского государственного педагогического университета

РАДЖАБОВА Раиса Валиевна

кандидат политических наук, доцент кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ШКОЛЫ

В данной статье, на основе анализа нормативно-правовой литературы и существующей практики работы с несовершеннолетними правонарушителями правоохранительных органов и образовательных организаций, раскрываются основные причины подростковой девиации, проявляющиеся в противоправном поведении. В статье аргументирована необходимость системного целостного подхода к решению проблемы профилактики девиантного поведения подростков как негативного асоциального явления, порождающего преступность в молодежной среде.

Ключевые слова: девиантное поведение, профилактика, подросток, образовательная среда, несовершеннолетние, правонарушения, правомерное поведение.

GADZHIEVA Patimat Dayitbegovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty of the Faculty of Management and Law of the Dagestan State Pedagogical University

IBRAGIMOV Magomed Abdulumovich

Ph.D. in Law, Dean of the Faculty of Management and Law of the Dagestan State Pedagogical University

RAJABOVA Raisa Valievna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Pedagogy sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

TOPICAL ISSUES OF PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL SPACE OF THE SCHOOL

This article, based on the analysis of the regulatory literature and the existing practice of working with juvenile offenders of law enforcement agencies and educational organizations, reveals the main causes of adolescent deviation, manifested in illegal behavior. The article argues for the need for a systematic holistic approach to solving the problem of prevention of deviant behavior of adolescents as a negative asocial phenomenon that generates crime among young people.

Keywords: deviant behavior, prevention, teenager, educational environment, minors, offenses, lawful behavior.

Когда судят об отдельном поступке, то прежде, чем оценить его, надо учесть разные обстоятельства, принять во внимание весь облик. М. Монтень

Современная социально-психологическая деформация, происходящая в нашем обществе, ведёт к росту различных форм девиантного поведения и вовлечению в противоправную деятельность большое количество несовершеннолетних.

В сознании многих подростков стирается грань между нормой и отклонением, всякие моральные ценности теряют свою смысловую нагрузку, а противоправную деятельность, да и в целом криминальный образ жизни, в их глазах, является более одобряемым.

Рост форм и количества девиантного поведения среди подрастающего поколения именно школьного возраста, ведёт к неблагоприятным последствиям для общества и для самих подростков, угрожая их физическому и психическому здоровью, а иногда может привести и к смертельному исходу. Примером чему является инцидент, произошедший в СОШ № 51 г. Махачкала РД. Десятиклассник во время драки ударил одноклассника ножом прямо в сердце. Спасти его не удалось. Пятнадцатилетний подросток, который начинал только жить, скончался.

Девиантное поведение представляет собой отклоняющееся поведение от принятых норм в обществе, в области

культуры, права, морали. Оно может проявляться от обычного хамства вплоть до совершения преступления.

В современных условиях, когда повседневно наблюдается проблема увеличения роста агрессивности настроенных молодых людей, становится очевидным, что очень часто плохое поведение может возникнуть не потому, что подросток умышленно хотел нарушить дисциплину или его к этому что-то побуждало, а от того, что ему просто скучно, от недостаточного разнообразия деятельности в учебной и воспитательной среде. Нарушения в поведении также возможны из-за незнания правил поведения. Предупреждение и исправление такого поведения возможно, если целенаправленно формировать у ребёнка познавательную активность, включая его в разнообразные виды деятельности, конкретизировать правила в соответствии с условиями данной школы, класса, семьи и соблюдать единую систему требований к выполнению этих правил. Для усвоения детьми правил поведения большое значение имеют также требования, идущие не только от взрослых, но и от сверстников, от детского коллектива [1].

На сегодняшний день, ученые, психологи, учителя проводят многочисленные исследования в области выявления правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, в частности подростками. Анализ результатов социологических исследований в данной сфере показывает,

что, что рост несовершеннолетних правонарушителей напрямую связан с ростом семейного неблагополучия. Так, по данным Научно-исследовательского института семьи и социальной политики, в семьях несовершеннолетних правонарушителей в 80% случаев отмечалась полная безучастность родителей к судьбам своих детей, в 70% семей один из родителей (чаще отец) злоупотреблял алкоголем, до 40% подростков росли в конфликтных семьях, в 15% семей родители фактически свели свои родительские обязанности к удовлетворению элементарных физических потребностей своих детей.

Главной причиной появления «трудных подростков» является неспособность родителей эффективно воспитывать своих детей, у многих родителей, в силу своего неблагополучного детства, не хватает знаний о том, как воспитать своё чадо, как личность, уважающая и себя и всех вокруг, с морально-одобряемыми качествами к правомерным поведением.

Также на становление «трудных подростков» влияет чрезмерная занятость родителей и следовательно, недостаток контроля с их стороны. А также частые конфликты в семье. Излишний контроль и запреты со стороны родителей.

Но, к сожалению, и со стороны школы наблюдаются причины, влияющие на становление «трудного подростка». Среди них в числе наиболее значимых следует назвать:

- неумение, либо нежелание работать с проблемными детьми и заняться их реабилитацией;

- отсутствие системности и недостаточной организованности воспитательной работы, проводимой учителями и классными руководителями;

- процветающий буллинг в молодежной среде как социальное и негативное явление;

- отсутствие социальных педагогов и психологов в образовательных организациях.

Опираясь на материалы, полученные в ходе анализа практического опыта общеобразовательных организаций, можем констатировать, что во многих школах дети из группы социального риска не включены ни в какие секции, кружки, мероприятия, также они не входят в состав школьного самоуправления т.е. эти дети, итак, столкнувшиеся с трудностями в собственной семье и в школьной среде предоставлены сами себе.

По официальным данным прокуратуры РФ несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40г. преступлениях. Большинство несовершеннолетних, а именно 83%, в 2020г. совершили преступления против собственности, 8% против жизни и здоровья и более 4% — это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Также по данным МВД Республики Дагестан, представленные на официальном сайте число несовершеннолетних преступников составляет 1416 человек за 12 месяцев 2021 года. О серьёзности ситуации говорит и выросшее почти до 145г. число подростков, поставленных в 2021г. на учёт подразделениями по делам несовершеннолетних.

Сегодня мы повседневно наблюдаем тот факт, что общество продолжает терять молодых людей по таким причинам, как химическая или наркотическая зависимость, депрессии, суициды и т.д. Многие молодые люди эмоционально неблагополучны: излишне тревожны, страдают от навязчивых мыслей, любовной, игровой и прочих зависимостей, вовлеченности в негативные и асоциальные группировки и объединения не молодых людей. Всё это свидетельствует об острой необходимости профилактической работы, которая должна предотвращать появление отклоняющегося поведения.

Все вышеизложенное констатирует необходимость и значимость профилактической деятельности образовательного учреждения. Координированная, целенаправленная, воспитательная работа и усилия, прежде всего, направляются на раннее выявление неблагополучия и осуществление своевременной комплексной (социально-психолого-педаго-

гической) помощи, а не на его последствия и проблемы, с которыми справиться общеобразовательное учреждение.

Выявление проблем, возникающих у ребенка или группы детей в поведении, а также прогнозирование развития личности ребёнка и его поведенческих проявлений, возможного развития группы школьников и организацию работы по профилактике и коррекции девиантного поведения школьников возможно только при взаимодействии соцпедагога, школьного врача, психологи и конечно классного руководителя.

Итак, Основная задача образования — дать каждому ребёнку, с учётом его возможностей, тот уровень образования и воспитания, который поможет ему не потеряться в обществе, найти своё место в жизни, развить свои потенциальные способности. Количество школьников, которых выделяют как учащихся с отклоняющимся поведением, с каждым годом возрастает, потому что увеличивается число факторов, способствующих формированию отклоняющегося поведения [5].

Характер девиантного поведения подростка зависит от его реакции на возникающие трудности - как созидающие, так и деструктивные, какое влияние оказывает общество на созидающие действия индивида или, наоборот, не оказывает вовсе. Также необходимо подчеркнуть растущее влияние средств массовой информации, пропагандирующих агрессивное поведение. Ведь такая форма поведения подростков является наиболее острой проблемой наших дней, влияющей на уровень социального благополучия в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что успех профилактических мероприятий во многом зависит от своевременности, сложности и непрерывности принимаемых мер. Своевременное выявление факторов, влияющих на формирование личности девиантного подростка, позволит наиболее эффективно определить комплекс мер, необходимых для смягчения и нейтрализации социально значимых последствий.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланова Н.К., Бакланов К.В. Научная авторская школа «Профессиональное мастерство и успешность деятельности специалиста педагогического профиля» // Искусство и образование. - 2017. - № 4 (108). - С. 94-104.
2. Бакланов К.В., Потапов Д.А. Система психологического сопровождения развития креативности будущих педагогов // Bulletin of the International Centre of Art and Education. - 2016. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.art-in-school.ru/bul/2_2016_Potapov.pdf (дата обращения: 27.05.2022).
3. Журавлева Е.А. Методы диагностики и профилактики насилия в семье подростка // Социальное обслуживание. - 2019. - № 3. - С. 39-44.
4. Рождественская Н.А. Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков: учеб. пособие. - М.: Генезис, 2015. - 216 с.
5. Табачкова А.С. Девиантное поведение подростков как одна из социальных проблем современной школы. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 15 (305). - С. 69-71. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/305/68644/> (дата обращения: 27.05.2022).

МАГОМЕДОВ Гусейн Багавдинович

кандидат юридических наук, доцент, директор Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

МАХМУДОВ Кадыр Шамхалаевич

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ И ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ

В данной статье рассматриваются вопросы особенностей квалификации убийства, совершённого в отношении двух или более лиц и с особой жестокостью. Дается анализ теоретических подходов, предлагаемых учеными, к пониманию данных квалифицированных признаков и особенности их установления в правоприменительной практике. Обращается внимание на то, что Уголовное законодательство характеризуется тем, что в диспозициях статьи 105 уголовного закона содержатся оценочные термины, относительно характеристики квалифицированных признаков, что усложняет процесс квалификации данных деяний. Следовательно, необходимо их надлежащее законодательное толкование.

Ключевые слова: убийство, особая жестокость, убийство двух или более лиц, квалификация, судебная практика.

MAGOMEDOV Huseyn Bagavdinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

MAKHMUDOV Kadyr Shamkhalaevich

magister student of the 2nd course of the North Caucasian Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Makhachkala

ENCROACHMENT ON THE LIFE OF TWO OR MORE PERSONS AND SPECIAL CRUELTY AS QUALIFYING SIGNS IN CRIMES AGAINST LIFE

This article examines the issues of the characteristics of the qualification of a murder committed against two or more persons and with special cruelty. The analysis of theoretical approaches proposed by scientists to the understanding of these qualified signs and the peculiarities of their establishment in law enforcement practice is given. Attention is drawn to the fact that Criminal legislation is characterized by the fact that the dispositions of article 105 of the Criminal Law contain evaluative terms regarding the characteristics of qualified signs, which complicates the process of qualifying these acts, therefore their proper legislative interpretation is necessary.

Keywords: murder, special cruelty, murder of two or more persons, qualification, judicial practice.

Во все времена жизнь человека рассматривалась как бесценное благо. Всеобщая декларация прав человека, в статье 3 прямо закрепляла жизнь человека (а равно его свободу и неприкосновенность), как одну из высших ценностей. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г, закрепляет в ст. 2 охрану жизни любого человека международным законом, и устанавливает запрет на умышленное лишение жизни лица по любым основаниям, кроме как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом в процессуальном порядке [1]. Как вышеуказанные Декларация и Конвенция со стороны международного права, так и ст. 2 Конституции Российской Федерации со стороны права конституционного, закрепляют неотъемлемое право человека на жизнь, и корреспондирующую этому праву обязанность государства по охране жизни лица от преступных посягательств, а равно результирующие общественные отношения. Максимальным возможным наказанием за соверше-

ние квалифицированного убийства является пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Уголовное законодательство характеризуется тем, что в диспозициях некоторых статей Особенной части уголовного закона содержатся какие-либо оценочные термины, например, «насилие», «сопротивление», «особая жестокость» и т.д., которые охватывают признаки другого конкретного преступления. В настоящее время является устоявшейся позиция, согласно которой уголовно-правовая оценка осуществляется только лишь на основании использования состава преступления. Однако, в силу современного состояния норм российского уголовного законодательства, и обусловленной им правоприменительной практики, необходимо констатировать, что применяемая при квалификации конструкция состава преступления не является единственным и исключительным основанием уголовной ответственности. В силу этого следует рассмотреть случаи, когда для дачи верной оценки содеянно-

го требуется использовать и иные признаки, не входящие в конструкцию состава преступления.

Указание законодателя на такой квалифицирующий признак, как посягательство на жизнь двух и более лиц, является распространенным явлением в отечественном уголовном праве. Посягательство на жизнь двух и более лиц предполагает более высокую опасность содеянного и, как следствие, назначение более строгого наказания. Однако, следует отметить, что в доктрине отечественного уголовного права не выработано единого подхода к толкованию рассматриваемого квалифицирующего признака [4, с. 78]. Так, например, по мнению ряда исследователей, отсутствие единого умысла позволяет квалифицировать посягательство на жизнь двух и более лиц, исходя из положений о множественности преступлений.

Другие авторы полагают, что посягательство на жизнь двух и более лиц представляет собой единичное составное преступление. Существует и третья точка зрения, согласно которой исследуемая уголовно-правовая категория рассматривается как продолжаемое преступление. Следует отметить, что отечественная уголовно-правовая доктрина всегда неоднозначно подходила к решению проблемных вопросов посягательства на жизнь двух и более лиц. Отсутствие единого подхода и детальной правовой регламентации рассматриваемого вопроса является одним из проблемных аспектов науки уголовного права, а также существенной проблемой правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Отсутствие нормативного закрепления подхода к решению данной проблемы приводит к неправильной квалификации деяний, а также к многочисленным судебным ошибкам. Этим обусловлена актуальность выбранной темы исследования.

Ситуация, при которой умысел виновного был направлен на причинение смерти двум и более лицам, но наступила смерть только одного лица является очень сложной. К решению данной проблемы существует несколько подходов. Согласно одному из них квалификация деяния должна осуществляться в зависимости от направленности умысла. Следовательно, если умыслом охватывалась смерть двух лиц, но только одному из потерпевших была причинена смерть, речь идет именно о посягательстве на жизнь двух лиц. Данный подход был принят в советском уголовном праве. Согласно данному подходу, незавершенность реализации умысла не имеет юридического значения для квалификации содеянного.

Существует также и определенная сложность в установлении критериев для применения квалифицирующего признака «в отношении двух и более лиц». Следует отметить, что в настоящее время суды квалифицируют совершенное преступное деяние как посягательство на жизнь двух и более лиц только в том случае, когда причинение вреда нанесено нескольким лицам одновременно, без разрыва во времени, либо в том случае, если вред был причинен нескольким лицам последовательно, одному потерпевшему за другим.

При этом отсутствуют четкие критерии, на основании которых правоохранительные органы и суд должны делать вывод о наличии данного квалифицирующего признака. Указание на одновременность или последовательность причинения вреда основополагающим критерием быть не может, т.к. при едином умысле совершение преступных дей-

ствий, направленных на причинение смерти нескольким лицам, может быть разорвано во времени по независящим от виновного обстоятельствам. В данном случае важным является именно направленность умысла, т.е. желание и стремление виновного причинить смерть двум и более лицам.

В целях совершенствования уголовного законодательства в области квалификации посягательств на жизнь двух и более лиц можно предложить следующее:

– предусмотреть в Уголовном кодексе Российской Федерации критерии квалификации преступного деяния в случае совершения посягательства на жизнь двух и более лиц при частичной реализации умысла;

– предусмотреть в действующем уголовном законодательстве порядок и критерии назначения наказания за посягательство на жизнь двух и более лиц; -конкретизация в нормах уголовного законодательства критериев для применения квалифицирующего признака «в отношении двух и более лиц».

Убийство, совершенное с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), относится к одному из квалифицированных видов убийств. С применением данной нормы на практике возникают трудности вследствие оценочного характера понятия «особая жестокость», так как законодатель при выделении ее в качестве квалифицирующего признака не раскрывает сущность понятия «жестокость» и не выделяет признаков, характеризующих ее как «особую».

Наличие многочисленных ножевых ударов или сожжение заживо само по себе не свидетельствует об особой жестокости [4, с. 51-52]. Только направленность всей совокупности действий виновного, его умысел «наполняет» способ или обстоятельства совершения убийства данной характеристикой.

К сожалению, отсутствуют четкие подходы к определению понятия особой жестокости и со стороны Верховного Суда РФ. Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [3] содержит только упоминание того, «что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости». Также, положения Постановления перечисляют случаи, в которых возможно определить признак особой жестокости.

Среди таких случаев выделяют пытки, истязание, глумление над жертвой в процессе совершения убийства, причинение особых страданий жертве. Квалифицировать убийство, совершенное с особой жестокостью, возможно только в случае, если преступление охватывается умыслом преступника на совершение таких действий в отношении потерпевшего.

В особой жестокости при лишении жизни способом, причиняющим особые мучения и страдания жертве (либо его близким), всегда имеется элемент садизма.

На наш взгляд, совершенным с особой жестокостью убийством следует считать такие действия лица, которые выражены в причинении особых физических и/или нравственных страданий потерпевшему путем истязания, издевательств, садизма, нанесения множественных ударов, сожжения заживо, долговременного причинения боли и страданий, имеющего своей целью причинение смерти человеку, которые охватывались умыслом виновного на убий-

ство и на причинение особых страданий потерпевшему, т.е. лицо не только осознавало, что совершает убийство с особой жестокостью, предвидит неизбежность страданий потерпевшего или его близких в процессе лишения жизни и желает совершить убийство именно таким способом или в соответствующей обстановке (в присутствии близких лиц, которым судьба потерпевшего безразлична).

Критерии способов убийства, позволяющие утверждать, что оно совершено с особой жестокостью законодатель не закрепляет. Анализ уголовной-правовой литературы позволяет сделать вывод о том, что ученые ограничиваются исключительно перечислением случаев, которые можно отнести к особой жестокости.

В этой связи кажется необходимым рассмотреть вопрос о признании множественности наносимых повреждений потерпевшему как признака объективной стороны убийства с особой жестокостью. К.М. Аниязнц считает, что любое причинение смерти с помощью нанесения множественных ударов/ранений, вне зависимости от периодичности их нанесения, следует признавать убийством с особой жестокостью [6, с. 59].

Этот тезис подтверждает приверженность признания убийства совершенным с особой жестокостью в случае установления двух признаков: признака причинения страданий в ходе лишения жизни и признака причинения страданий с помощью нанесения множества ударов/ранений потерпевшему [5, с. 559]. В этой связи не имеет значения, какой удар или какое ранение стало причиной наступления смерти, так как преступник своими действиями желает причинить потерпевшему особые страдания.

Так, например, суд не признал наличие особой жестокости в действиях лица, связанных с нанесением множества ранений. М.А., вела аморальный образ жизни. На почве этого сложились неприязненные отношения у М.А. с ее сестрой М.Д.

М.Д. решила совершить убийство своей сестры М.А. и с этой целью она, вооружившись ножом, приехала на базу отдыха «Аэлита» на берегу Каспийского моря, где около 21 часа ночи вывела из квартиры М.А., повела на берег моря и начала с ней разборки по поводу ее поведения и вступила в драку.

В ходе драки М.Д. с целью убийства нанесла удары ножом в область шеи, груди и живота М.А., в результате чего причинила ей 19 колото-резаные ранения, относящиеся к категории тяжких телесных повреждений, опасных для жизни в момент причинения, вызвавшее обильное кровотечение, от чего на месте происшествия наступила смерть М.А. После совершения убийства М.Д. скрылась с места происшествия.

Допрошенная в качестве обвиняемой М.Д. на протяжении всего следствия давала показания не искренне и не последовательно. Во всех своих показаниях М.Д. признала, что ее сестра М.А. вела бродячий образ жизни, на почве чего между ними сложились неприязненные отношения. Однако факт убийства ее не признала.

Допрошенный А. показал, что он женат на М.Д. Сестра его жены вела непорядочный образ жизни, позорила род, из-за этого у сестер были неприязненные отношения.

Из заключения судебной медицинской экспертизы по исследованию трупа М.А. видно, что на трупе в области шеи, спины и живота обнаружены колото-резаные ранения, отно-

сящиеся к категории тяжких телесных повреждений, от которых наступила смерть потерпевшей [5].

Исходя из буквального толкования положений постановления, вменение лицу, виновному в убийстве, совершения преступления с особой жестокостью допустимо при условии определения соответствующей направленности действий данного лица, определённой его умыслом, установление тех обстоятельств, которые охватывались умыслом виновного при совершении им конкретных действий.

Таким образом, согласно позиции Пленума, приведённой выше, в отрыве от направленности умысла виновного данные обстоятельства не имеют значения для определения в совершённом убийстве признака особой жестокости, которые по отношению к жертве можно было бы охарактеризовать как особую жестокость.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека / Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года / Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
2. Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 года.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».
4. Дубовиченко С.В., Моисеева Т.В., Павлов А.А. Убийство, совершенное с особой жестокостью: вопросы теории и судебной практики // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 1 (80). – С. 51-58.
5. Уголовное дело № 1-245/ 2018. Уголовное дело № 1-344/2016. Архив Избербашского городского суда.
6. Аниязнц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. – Москва: Юрид. лит., 1964. – С. 59.

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ПАНТЮШИНА Анастасия Игоревна

аспирант Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 207.2 УК РФ

В статье проводится теоретико-правовой анализ конструкции субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия». Обобщаются современные теоретические концепции относительно понимания этого элемента состава преступления. Проводится сравнительно-правовое исследование имеющихся подходов, на основании чего делаются обоснованные авторские выводы о конструкции форме и видах вины в данном составе преступления.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления; форма вины; публичное распространение; заведомо ложная информация; общественно значимая информация; информация о коронавирусной инфекции.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

PANTYUSHINA Anastasiya Igorevna

postgraduate student of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME UNDER ARTICLE 207.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a theoretical and legal analysis of the structure of the subjective side of the offense under Art. 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation "Public dissemination of knowingly false socially significant information that entailed grave consequences." Modern theoretical concepts regarding the understanding of this element of the crime are summarized. A comparative legal study of the existing approaches is being carried out, on the basis of which reasonable author's conclusions are made about the design, form and types of guilt in this crime.

Keywords: the subjective side of the crime; form of guilt; public distribution; deliberately false information; socially significant information; information about coronavirus infection.

Современное развитие Российской Федерации связано с множеством негативных факторов, которые существенно затрудняют социальное и экономическое развитие нашей страны в целом и отдельных граждан – в частности. Достаточно упомянуть масштабную пандемию новой коронавирусной инфекции COVID-19, дестабилизировавшую все основные направления развития нашей страны, а также беспрецедентную долгосрочную санкционную политику ведущих государств мира против России, набравшую новые обороты с начала 2022 г. В таких условиях каждый гражданин стремиться обезопасить себя, свое имущество и предпринимательскую деятельность от возможного урона, который продуцируют все происходящие негативные события.

Вместе с тем, негативный окрас всем происходящим событиям придает слабо контролируемое властью распространение со стороны недобросовестных граждан (а в ряде случаев – специально для этого созданных организаций) заведомо ложных сведений о различных внутренних и внешних угрозах, способных еще более усугубить сложившееся положение. Такие сведения, вопреки плюрализму различных источников, порой приобретают для адресатов принципиально важное значение и служат руководством к совершению определенных действий, либо, наоборот, к отказу действовать тем или иным образом.

Не желая терпеть злоупотребления со стороны бесчинствующих граждан, государство приняло единственно верное решение – обеспечить информационную безопасность посредством уголовно-правовых механизмов. В частности,

речь идет о последовательном появлении в уголовном законодательстве новых составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1, 207.2 и 207.3 УК РФ. В силу своей новизны соответствующие составы преступлений подлежат весьма пристальному вниманию со стороны научного сообщества. В частности, не стихают дискуссии относительно юридического толкования отдельных элементов, образующих состав того или иного преступления, состоящего в распространении заведомо ложной информации.

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть особенности конструкции субъективной стороны преступления, состоящего в публичном распространении заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ).

В первую очередь хотелось бы отметить, что субъективная сторона состава преступления в науке уголовного права воспринимается неоднозначно. Это, на наш взгляд, обусловлено отсутствием ее легального законодательного определения данного системообразующего элемента. Например, существует научная позиция, отождествляющая субъективную сторону с виной [4, с. 23]. Причем последняя, по мнению отдельных исследователей, вбирает в себя и такие факультативные признаки, как мотив и цель преступления [3, с. 59]. Не вдаваясь в полемику относительно правильности названного подхода, мы предлагаем руководствоваться более традиционным для науки уголовного права пониманием субъективной стороны преступления как внутренней психической деятельности субъекта преступления, формируемой

в его сознании относительно его деятельности, подпадающей под критерии того или иного преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ.

В свою очередь законодатель, также не дает официального толкования вины, как системообразующему компоненту субъективной стороны любого состава преступления. При этом в ст. 25 и 26 УК РФ фиксируется лишь, что она может быть выражена только в двух формах – умысла и неосторожности соответственно. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, согласно приведенному классическому подходу, характеризуется определенной формой вины. Вместе с тем, какая именно форма вины характерна для данного преступления – вопрос сегодня дискуссионный. Сейчас в науке уголовного права существует несколько полярных мнений относительно формы вины в составе данного преступления. Стоит разобраться в данном вопросе подробнее.

Например, А.П. Кузнецов полагает, что в этом составе преступления наличествует неосторожная форма вины (легкомыслие или небрежность) [6, с. 30]. Аналогичной позиции придерживается и А.Г. Кибальник: «несмотря на заведомое знание виновного о ложном характере распространяемой общественно значимой информации, его субъективное отношение к указанным последствиям должно быть только неосторожным» [5, с. 44] – пишет автор.

Но с таким подходом к пониманию формы вины в составе преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, согласны не все специалисты. Например, В.В. Бычков в своем исследовании предлагает двойную форму вины для данного состава преступления: умысел, полагает указанный автор, относится к распространению информации, а неосторожность – к наступившим последствиям [2, с. 84]. Такой же позиции придерживается Е.В. Пономаренко [9, с. 155] и еще ряд авторов [7, с. 99].

В.А. Андреев и В.С. Соловьев вообще указывают, что «субъективная сторона преступления характеризуется двумя формами вины, умыслом по отношению к совершенному общественно опасному деянию – распространению ложной информации и неосторожностью по отношению к наступившим последствиям» [1, с. 24]. Не согласимся с таким мнением, поскольку двух форм вины одновременно в одном составе преступления быть не может, юридически грамотнее называть все же такое сочетание именно двойной формой вины.

И хотя указанные авторы почему-то прямо об этом не говорят, но вспоминая позицию законодателя относительно квалификации преступлений с двойной формой вины, в целом такое преступление считается совершенным умышленно (ст. 27 УК РФ).

Двойную форму вины в науке еще называют сложной или смешанной [8, с. 42-46]. И анализ уголовного законодательства в контексте соответствующих статей, которые ее предусматривают, говорит о том, что двойная форма вины используется при конструировании вины субъекта относительноотягчающих и особо отягчающих признаков в квалифицированных и особо квалифицированных составах по отношению к основному составу преступления (например, ч. 4 ст. 111, п. «а» ч. 4 ст. 131, ч. 3 ст. 127, ч. 2 ст. 128 УК РФ).

Пример ст. 207.2 УК РФ, если рассуждать с такой точки зрения в этом плане тогда выглядит уникальным и вот почему. Получается, что если рассматривать это преступление с двойной формой вины, то основной состав будет у нас приведен в другой норме – ст. 207.1 УК РФ. Но это нелогично и нарушает юридическую технику. Потому что в ст. 207.1 УК РФ речь идет о распространении несколько иной информации – «заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан», а не о «заведомо ложной общественно значимой информации». Полагаем, что «общественно значимая информация» – более широкое понятие, чем информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, содержащаяся в ст. 207.1 УК РФ.

Соответственно получается, что чтобы двойная форма вины наличествовала в основном составе преступления, закрепленном в ст. 207.2 УК РФ, необходимо чтобы те действия, которые совершаются умышленно и прописаны в диспозиции этой статьи сами по себе были преступными. Но они не преступны, поскольку отдельной уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации не существует. И именно потому, что общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью человеку различной степени тяжести или наступления иных тяжких последствий, наступают по неосторожности, мы настаиваем на том, что для преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, характерна неосторожная форма вины.

Таким образом, для преступления, предусмотренного ст. 207.2 УК РФ, характерна неосторожная форма вины, выраженная в виде легкомыслия или небрежности, а не двойная форма вины, как заблуждаются многие авторы. При этом квалификация рассматриваемого преступления в качестве неосторожного порождает за собой ряд явных преимуществ для виновного, связанных с более либеральным подходом законодателя к установлению правовых последствий и привилегий.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В.А., Соловьев В.С. Уголовно-правовая охрана общественных отношений в период распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 21-26.
2. Бычков В.В. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (статьи 207.1, 207.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и сравнительный анализ // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 84.
3. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 59.
4. Злобин Г.А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 23.
5. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41-44.
6. Кузнецов А.П. Уголовно-правовая охрана общественной безопасности: научный обзор ст. 207.2 УК РФ // Российский следователь. 2020. № 11. С. 28-31.
7. Набиуллина В.Р. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 96-100.
8. Ораздурдыев А.М. Понятие и признаки сложного преступления // Российский следователь. 2022. № 1. С. 42-46.
9. Пономаренко Е.В. Уголовное законодательство Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (covid-19) // Развитие наук антикриминального цикла в свете глобальных вызовов обществу : Сб. трудов по материалам всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 16 октября 2020 года. Саратов: Саратовская гос. юридическая академия, 2021. С. 155.
10. Сорочкин Р.А. Уголовная ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

СЕЛЕЗНЕВА Наталья Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

КАБАХА Махди Ф. М.

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов

ЗНАЧЕНИЕ ПРОВОКАЦИИ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ИОРДАНИИ

В статье рассматривается вопрос о провокации, как обстоятельстве, влияющим на квалификацию убийства по законодательству Иордании. По материалам судебной практики раскрываются ситуации, связанные с особой ролью провокационного поведения жертвы, которое порождает у преступника намерение к совершению преступления, влекущего для жертвы самые тяжкие последствия вплоть до лишения ее жизни.

Ключевые слова: провокация, преступление, виктимность, оправдание, убийство.

SELEZNEVA Natalya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

КАВАКХА Mahdi F. M.

postgraduate student of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

THE SIGNIFICANCE OF PROVOCATION IN MURDER CASES UNDER JORDANIAN LAW

The article deals with the issue of provocation as a circumstance affecting the qualification of murder under Jordanian law. Based on the materials of judicial practice, situations related to the special role of the victim's provocative behavior, which generates the criminal's intention to commit a crime, entailing the most serious consequences for the victim, up to the deprivation of her life, are revealed.

Keywords: provocation, crime, victimization, justification, murder.

The definition of the elements of serious provocation requires an exhaustive definition of this excuse. Since today's legislative trend, including Jordan, is not concerned with the definition of such legal terms, which have a special scientific character in terms of medicine and psychology, in order not to restrict the judiciary to specific legal elements that are at odds with scientific development in those areas, jurisprudence and eradication have taken on such a task¹.

Some of them also knew that provocation was dangerous. When the victim acts or acts that constitute an attack on the right of the third party in which he or she raises himself or herself and makes him or her insulting position, he or she responds by an act parallel to the act of aggression².

On the basis of the foregoing, provocation is a state of psychological tension resulting from the perception of an incident, the hearing of statements or acts by a person who causes the perpetrator, or who causes him to commit a crime, where he does not have sufficient time to reflect on the consequences of what is presented to him, an immediate reaction to the evil to which he has been committed, or to him whose purpose is to cause evil, or to take revenge against those who have provoked him. However, if the provocation is intended to infuriate, or provoke anger in the same person, causing him to act instantaneously, then the least he can say is that it is a phrase used to refer to much more than ordinary or familiar anger.

The factor of provocation is one of the most serious reasons the legislator has taken up and considers it as an excuse for mitigation. He has thus given this excuse a special place within

his legal system. In this context, two theories have emerged that govern the factor of provocation³.

The first theory is personal, considering that provocation in the same person who is subjected to a revolution of intense and totalitarian anger abruptly and instantly impairs him, makes him lose control of his nerves, erases his balance of perception, abruptly impulses his will, thereby reducing his capacity to take criminal responsibility for his crime⁴.

As for the second theory, which is objective and is based on equality of errors, which is the first culprit. It is fair that the perpetrator's fault should be raised by the perpetrator's fault. The perpetrator's responsibility is lighter as a mitigating excuse than the perpetrator's responsibility, which is based on a logical basis, namely, that the victim is part of the responsibility for the offender's crime⁵.

Accordingly, the Jordanian legislature and the decisions of the Palestinian courts have taken that theory and have used excuses of provocation in two cases:

The first is the excuses of provocation in relation to the murders, beatings and wounds contained in article 98 of the Penal Code, which provides that (the perpetrator of the crime, who has committed the crime in a form of extreme anger resulting from an incorrect act and a serious aspect to the victim, shall benefit from the mitigating excuse)⁶.

1 Omar A. The crime of adultery between Sharia and law. – Dar Al-Sawa Press, Cairo, 1991. – P. 455.

2 Al-Bazarkan A. The Penal Code (General Section) between Legislation, Jurisprudence and the Judiciary. – Baghdad, 2002. – P. 250.

3 Aladdin M. Legal Extenuating Excuses for Criminal Liability. – Akli Mohand Olhaj University, Bouira, 2017. – P. 57.

4 Yusuf Y. Legal Excuses in Algerian Legislation. – Abdel Hamid ibn Badès University, Algeria, 2019. – P. 23.

5 Khoury A. Punitive Policy in Algerian Law. – University of Algiers, 2008. – P. 76.

6 Article 98 of the Jordanian Penal Code No. 16 of 1960, which is applied in the territories of the Palestinian National Authority.

In the light of the above, we can draw the basic elements that make up this a very serious excuse for provocation: an act or conduct of the victim against the perpetrator that is not right generates anger on the part of the perpetrator, then the reaction of murder, and then the time-limit between the attack and the crime on the basis of the attack.

Where psychologists and law define anger as a natural and sometimes necessary trait for every human being, it arises from a shock, characterized by surprise and astonishment, that emerges in an expression that is difficult for a person to hide, anger is an image of passion, passion that is a revolution of a human emotion, and emotion can be interpreted as human sensibility acquired and inherited towards change in the environment in which it is constructed. In other words, it is not expected of the perpetrator. This is in keeping with the expression "resulting from an incorrect act and at a serious risk to the victim" contained in article 98 of the Jordanian Penal Code.

In the concept of contravention, if the offender contributes to such conduct as if it were in response to the victim's previous positions, he or she cannot then pay criminal liability for the existence of the case of provocation to which he or she has contributed and, first of all, the accused does not benefit from a commutation of the penalty if the victim's conduct is characteristic of his or her duties.

The second condition is that, according to the normal course of things, anger reaches such a degree of gravity that it affects will, diminishes its legal value and strips it of its legal value.

One example is the decision of the Palestinian Court of Appeal, which stated that the psychological element of premeditation is intended to be premeditated, determined to commit the crime and to carry it out quietly and wisely. If the crime was committed after a powerful provocation without the killer's self-immolation and without thinking about the consequences (i.e., during a state of anger, tension and provocation), then there is no premeditated circumstance⁷.

It should be noted that to save the psychological element in premeditation necessarily means to save the temporal element, and vice versa. The fact that the perpetrator committed his crime while being calm means that he has had a sufficient period of time between the moment of his determination to commit his crime and the time of its execution, which may be prolonged or shortened according to the person and gravity of the offender and the practice of criminality. To save the time element does not necessarily mean the availability of the psychological element. If it is several hours for an angry provocateur to commit a death in response to an attack by the victim or his/her relatives, he/she will not necessarily be considered to have committed a premeditated crime⁸.

The second case concerns the excuses of provocation provided for by the Jordanian legislator, which is an excuse for provocation when abrupt by adultery. If she is seeing committing adultery or in an illegal bed, he immediately kills her, kills both, or

assaults one or both of them, resulting in injury, harm, permanent disability or death. The same excuse is given to the wife, who was surprised by her husband if she sees him committing adultery or in an illegal bed in the marital home and kills him immediately or kills the woman. Or she kills them both. or assaults one or both of them, an assault resulting in injury, injury, permanent disability or death⁹.

According to the text of the above-mentioned article, three conditions are required for the availability of an excuse for provocation in case of sudden adultery:

The first condition is the special status of the offender (marital bond). Where the perpetrator of the killing, wounding or beating does not benefit from an excuse for provocation, unless he or she has a valid and legally considered marital relationship with the victim, on the basis of a valid marriage contract that meets all of his or her legal requirements. Documentation of the contract is not a condition of his or her validity, a customary marriage (or a secret marriage) is a valid contract with consequences for both parties, so that the husband in a customary marriage contract benefits from an excuse for provocation, and if the relationship is merely an engagement, the excuse does not apply.

While the right is reserved for the husband alone without his or her relatives, neither the father nor the brother nor the son can benefit from the excuse, which has been adopted by laws such as the Jordanian, Algerian and Moroccan laws and the draft Palestinian Penal Code, although the scene of adultery may be more provocative to them than the husband, and they have been ashamed more by the wife than the husband¹⁰.

This course of action has been criticized in the jurisprudence, since it is possible to extend the excuse to these (father, brother and son), since for each of them the mitigating excuse is available, as for the husband.

The marital relationship must remain between the murderer and the adultery until the moment the murder or assault was committed, and if the relationship was terminated or terminated earlier, the excuse would not be served.

The second condition: the surprise of the husband – or wife – of seeing them committing adultery, and committing adultery in customary law, is that the husband should be present in a situation that leaves no doubt that adultery has occurred. The injured husband can only be excused if he commits murder when he is surprised by seeing the spouse committing adultery¹¹, as article 340 states: "Who's to surprise his wife if he commits adultery with another person".

The third condition: killing, wounding, and beating on the spot. Article 340 stipulates that the Jordanian legislator considered one of the spouses to commit adultery and kill, wound or beat him on the spot, he or his partner in adultery. The husband affected by adultery benefits from excuses if he commits these acts at the moment when he the adulterous husband and his partner are caught in the act of adultery, and this means that the legislator has

7 Abdul Baqi M. Commenting on the two judgments issued by the Jerusalem Court of Appeal held in Ramallah in its criminal capacity on 3/15/2011 and on 01/30/2012 in Appeal No. 103/2010. – P. 3; Published in the Judicial and Legislation System in Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muqtafi.birzeit.edu>.

8 Abdul Baqi M. Commenting on the judgment issued by the Ramallah Court of Appeal held in the Court of First Instance of Nablus on 1/19/2012 in Appeal No. 285/2011. – P. 2; Published in the Judicial and Legislation System in Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muqtafi.birzeit.edu>.

9 Article 340 of the Jordanian Penal Code No. 16 of 1960, which is applied in the territories of the Palestinian National Authority.

10 Bashir R. An excuse to provoke when suddenly committing adultery, Badji Mokhtar University, Algeria. – P. 459 // Journal of Human Sciences. – No. 46. – December 2016. – Volume B. – Pg. 451-467; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/89146>.

11 Amari A. Excuse for provocation in the crime of marital infidelity. – Batna University, Al-Ihya magazine. – No. 20/2017. – Page 521. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/22592>.

considered the one who commits adultery by one of the spouses as a mitigating legal excuse for the other husband if he kills him or hits him on the spot, he or his partner, because the injured husband is then in a state of affection and emotion because of the subsequent insult and under the influence of anger. The one who drives his emotions and provokes him to avenge his honor. If enough time has passed for the effect of anger to subside, the excuse is dropped and the murdering husband is punished in accordance with the general provisions, and estimating that the time sufficient to calm the anger of the offended husband is an objective issue that is left to the judge.

It seems that the legislator requires provocation to be as a result of surprise so that the husband kills his wife "on the spot" as by killing her or whoever commits adultery with her as a result of the suddenness, the essence of the provocation is achieved in terms of its result, which is related to the imbalance of control over actions as a result of the psychological state, and accordingly if the husband kills the wife Or the one who commits adultery with her after the surprise in the previous sense and did not kill her immediately, then this means that the result of the provocation on which the legislator is counting will not be achieved, and therefore the husband has killed his wife while his blood is cold, so he does not benefit in this case from the excuse mentioned¹².

Some commentators argued that the husband was not excused if he committed premeditated murder, since the husband was then not in the case of anger arising from the discovery of the act dishonoring him, but most commentators made a distinction between two cases: If the husband is absolutely certain of his wife's betrayal, he hides and kills her, and if he only suspects her misconduct, he hides to verify it. They consider that there is no excuse for the husband in the first case because the murder in this case was not motivated by the sudden impact and psychological emotion of seeing the act, but was in fact motivated by a love of revenge against the adultery for an earlier act, and the disappearance in this picture was only with a view to finding the right opportunity to reach this purpose.

Conclusion:

1. Criminal responsibility requires full will, and provocation affects will rather than choice. This makes the author less willing, and consequently his responsibility is reduced, followed by a commutation of punishment, which makes provocation an excuse for punishment.

2. The provocation is the embodiment of the principle of punitive singularity through the creation of a fit and proportionality between crime and punishment.

3. Provocation is a legal excuse which has the effect of affecting the original penalty, including as a legal excuse the original sentence is commuted and can be extended to the accessory punishment as well as to the supplementary, rather than the permissive, penalty.

4. The question of recognition of the existence or absence of provocation is linked to the application of the authority of the judge and is extremely important to his discretion in accordance with legally established controls, restrictions and limits.

References

1. Omar A. The crime of adultery between Sharia and law. – Dar Al-Sawa Press, Cairo, 1991. – P. 455.
2. Al-Bazarkan A. The Penal Code (General Section) between Legislation, Jurisprudence and the Judiciary. – Baghdad, 2002. – P. 250.
3. Aladdin M. Legal Extenuating Excuses for Criminal Liability. – Akli Mohand Olhaj University, Bouira, 2017. – P. 57.
4. Yusuf Y. Legal Excuses in Algerian Legislation. – Abdel Hamid ibn Badès University, Algeria, 2019. – P. 23.
5. Khoury A. Punitive Policy in Algerian Law. – University of Algiers, 2008. – P. 76.
6. Bousqa'a A. Al-Wajeez in the Private Criminal Law. – Dar Houma, Algeria, 2nd Edition, 2010. – Part 1. – P. 34.
7. Bashir R. An excuse to provoke when suddenly committing adultery. – Badji Mokhtar University, Algeria. – P. 459 // Journal of Human Sciences, No. 46. – December 2016. – Volume B. – Pg. 451-467. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/89146>.
8. Amari A. Excuse for provocation in the crime of marital infidelity. – Batna University, Al-Ihya magazine. – No. 20/2017. – Page 521. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/22592>.
9. Judgment issued by the Jerusalem Court of Appeal held in Ramallah in its criminal capacity on 3/15/2011, and on 01/30/2012 in Appeal No. 103/2010. Published in the Judicial and Legislation System in Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muqtafi.birzeit.edu>.
10. Judgment issued by the Ramallah Court of Appeal held in the Nablus Court of First Instance on 1/19/2012 in Appeal No. 285/2011. Published in the Judicial and Legislation System in Palestine. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://muqtafi.birzeit.edu>.

¹² Bousqa'a A. Al-Wajeez in the Private Criminal Law. – Dar Houma, Algeria, 2nd Edition, 2010. – Part 1. – P. 34.

ШУГАИБОВА Саида Шугаибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Избербашского филиала Дагестанского государственного университета

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания Дагестанского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются составы преступления, предусмотренные статьей 150 УК РФ. В статье анализируются некоторые вопросы квалификации причастности несовершеннолетнего к преступлению на основе анализа действующего уголовного законодательства, материалов судебных документов и практики принудительного исполнения, научных подходов и понимания автора. Статья была подготовлена с целью изучения содержания уголовных средств предотвращения преступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: склонение, причастность, вовлечение, квалификация правонарушений, причастность несовершеннолетних к преступлению.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methodology sub-faculty of the Dagestan State Pedagogical University

SHUGAIBOVA Saida Shugaibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics, law and general education disciplines sub-faculty of the branch of the Dagestan State University in Izberbash

PROBLEMS OF INVOLVING A MINOR IN THE COMMISSION OF A CRIME

The article considers the elements of the crime provided for by Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyzes some issues of qualification of involvement of a minor in a crime based on the analysis of current criminal legislation, materials of court documents and enforcement practices, scientific approaches and understanding of the author. The article was prepared in order to study the content of criminal means of preventing juvenile crimes.

Keywords: declension, involvement, involvement, qualification of offenses, involvement of minors in a crime.

Защита прав и интересов подростков является одним из приоритетов каждого государства.

Обязанность защиты детей от преступного насилия и криминализации взрослых была признана законодательством и привела к ряду правил, направленных на предотвращение преступной деятельности лиц, пытающихся донести до несовершеннолетних взгляды и убеждения преступного мира и их личное поведение.

Особое место среди законодательств, защищающих права и интересы несовершеннолетних, занимает Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года, в котором впервые образовалась специальная глава о преступлениях против семьи и несовершеннолетних (глава 20), представляющая собой форму реализации законодательных принципов, провозглашенных статьей 38 Конституции Российской Федерации.

Одним из проявлений такой защиты является установление уголовного запрета на преступное воздействие взрослых на несовершеннолетних в соответствии со статьей 150 Уголовного кодекса Российской Федерации. Соотношение преступности взрослых от криминальности среди несовершеннолетних давно известна, поскольку последняя является источником и резервом всех преступлений.

Объектом действия, предусмотренного статьей 150 УК РФ, является система общественных отношений, способствующая нормальному физическому, духовному, духовно-нравственному и социальному развитию, а также воспитанию несовершеннолетних членов общества.

Что касается подхода М.Г. Аутлева, то «конкретной задачей преступлений главы 20 Уголовного кодекса должны быть

социальные отношения в процессе воспитания, развития и формирования личности несовершеннолетнего» [1]. Ю.Е. Пудовочкин считает, что «видовой объект преступления, предусмотренное статьей 150 Уголовного кодекса, соответствует непосредственному объекту в ранее распространенной классификации» [7]. Давайте не будем соглашаться с мнением, изложенным в статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации. Мы не согласны с мнениями этих авторов.

Инет А.Н. Красиков считает, что «не каждый человек в законе как личность, а только тот, кто с правами и свободами при рождении способен самостоятельно владеть, управлять, а также самостоятельно выполнять обязанности, установленные государством» [3].

Объективная сторона рассматриваемого действия состоит из активных, целенаправленных действий, называемых включением в закон. В словарях термин вовлечение интерпретируется как соблазнение, склонность к чему-то. Судебная практика, которая включает участие несовершеннолетнего в преступлении, включает в себя определенные действия взрослого, связанные с прямым психическим или физическим воздействием на несовершеннолетнего. Этот эффект преследует цель, направленную на то, чтобы пробудить желание несовершеннолетнего к активным противоправным действиям. Термин «влечение несовершеннолетнего» интерпретируется по-разному. Так, по словам Р. Дмитриевского, «участие в принуждении или подстрекательстве несовершеннолетнего к определенному противоправному поведению» [2].

Часть 1 статьи 150 Уголовного кодекса определяет некоторые способы привлечения несовершеннолетнего к совер-

шению преступления, а именно обещания, обман, угрозы. Особого внимания заслуживает такой способ участия, как обман.

Пострадавшее лицо должно обмануть несовершеннолетнего не только для того, чтобы ввести его в заблуждение, но и для того, чтобы вызвать у обманутого определенное поведение.

Состав расследуемого преступления относится к его материалам. Это преступление считается прекращенным с момента совершения несовершеннолетним, подготовки преступления, покушения на преступление.

Как правило, предварительные расследования и суды рассматривают дела о совершенных преступлениях, совершенных совместно взрослыми и несовершеннолетними (более 90 %). По этой причине особое значение имеет интерпретация самих действий по вовлечению, их форм и интенсивности. В связи с этим в Постановлении говорится, что «под причастностью несовершеннолетнего к преступлению или антисоциальному действию следует понимать действия взрослого, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антисоциальные действия» [4].

Обещания могут быть выражены в передаче денег, подарков, имущества, как от потерпевшего, так и в виде выплат за совершенные действия несовершеннолетнему в будущем.

Обман состоит в том, чтобы попросить подростка совершить определенные действия, которые подросток не считает преступными (просьба забрать вещь в доме жертвы, убедив подростка, что эта вещь по закону принадлежит другому человеку). Обман может проявляться в убеждении несовершеннолетнего взрослым в безнаказанности за содеянное (он не достиг возраста уголовной ответственности, маленький не замечен и т. д.).

Угроза вовлечения несовершеннолетнего в преступление – это воздействие на психику подростка, выражающееся либо в обещании применить физическое насилие к последнему при отрицании преступления, либо в распространении постыдной информации о нем, либо в нанесении материального вреда или физического вреда тем, кто совершил преступление, которые дороги несовершеннолетнему и т. д. [6]. В то же время отсутствие термина «психическое насилие» не означает, что эта форма «насилия» не отражена в правовых нормах уголовного права.

Для этого, на наш взгляд, прежде всего необходимо определить сферу применения термина «психическое насилие», а именно, какие виды поведения подпадают под содержание этой уголовно-правовой категории. Кроме того, этот вопрос является спорным в теории уголовного права.

Субъективная сторона рассматриваемых действий обусловлена прямым умыслом преступника, направленным на то, чтобы привлечь несовершеннолетнего к совершению преступления одним из указанных в законе способов (способов). В материалах судебной практики не раз отмечалось, что это деяние может быть совершено только с прямым умыслом [5].

Преступником, указанным в пункте 1 и статье 150 УК РФ, является разумное физическое лицо на момент совершения преступления 18-летнего возраста.

Анализ судебной практики и правовой литературы показывает, что ключевой проблемой как возбуждения, так и расследования преступлений в рассматриваемой категории являются трудности с реализацией результатов оперативно-розыскных мероприятий. Причинами возбуждения уголовного дела по этим преступлениям часто являются сообщения в виде сообщений оперативников о выявлении признаков преступления, предусмотренного статьей 241 Уголовного кодекса, путем проведения розыскных мероприятий, в частности, прослушивания телефонных разговоров.

Уголовный закон от 24 июля 2007 года ужесточил ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Для повышения профилактической и воспитательной значимости преступления, предусмотренного статьей 150 УК РФ, представляется целесообразным дополнить его такими признаками совершения преступления «как лицо, ранее судимое за участие несовершеннолетнего в совершении преступления»; совершение правонарушений «повторное».

Правонарушения, «возникшие в результате совершения тяжких или особо тяжких правонарушений несовершеннолетними».

Эффективное предотвращение участия несовершеннолетних в преступлениях в сочетании с уголовными мерами в отношении преступников является важным средством защиты морального здоровья молодого поколения и противодействия негативным последствиям ценностной ориентации и поведения самозанятых членов общества.

Следовательно, при совершении преступления, предусмотренного статьей 150 Уголовного кодекса, жертвой может быть только несовершеннолетний, достигший возраста заключения, установленного уголовным законодательством за преступление, в котором он замешан

Предотвращение участия несовершеннолетних в преступлениях является сложной задачей всех государственных и общественных субъектов профилактической деятельности. Его сложность связана с необходимостью принятия профилактических мер как для взрослых участников, так и для несовершеннолетних, вовлеченных в это. Особая роль в решении этой проблемы принадлежит правоохранительным органам, которые вносят существенный вклад в реализацию общих профилактических мер и являются основным предметом индивидуальной профилактики этих преступлений. На базе существующих вузов МВД РФ нужно создать факультеты или кафедры для обучения психологическим и педагогическим знаниям лиц, работающих в Подразделениях по делам несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Аутлев М.Г. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям против несовершеннолетних (ст. 150, 151 УК РФ). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 12.
2. Дмитриевский Р.С. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (криминологический аспект): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 165.
3. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов, 1996. – С. 5.
4. Морозов А. Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 54-59.
5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 марта 1992 г. по делу К. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 1. – С. 8.
6. Попов Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. ст. 150, 151 УК РФ // Российский судья. – 2016. – № 12. – С. 36-41.
7. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – С. 96.

СИРОТКИНА Татьяна Геннадьевна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, лейтенант полиции

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В данной статье описываются некоторые причины и факторы экстремистского поведения несовершеннолетних, приводится социально – психологическая характеристика таких лиц, а также предлагаются меры по предупреждению совершения подростками экстремистских преступлений.

Автором отмечается значимость выявления и пресечения экстремистских настроений у несовершеннолетних на ранних стадиях. Проведен анализ влияния информационных технологий на распространение экстремизма в целом.

Структура личности несовершеннолетнего, совершившего данный вид преступлений, рассматривается как важнейшее звено механизма преступного поведения.

Ключевые слова: экстремизм, несовершеннолетний, преступления экстремистской направленности, личность преступника.

SIROTKINA Tatyana Gennadjevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, lieutenant of police

CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A MINOR WHO HAS COMMITTED CRIMES OF AN EXTREMIST ORIENTATION

This article describes some of the causes and factors of extremist behavior of minors, provides socio – psychological characteristics of such persons, and also suggests measures to prevent the commission of extremist crimes by adolescents.

The author notes the importance of detecting and suppressing extremist sentiments in minors at early stages. The analysis of the influence of information technologies on the spread of extremism in general is carried out.

The personality structure of a minor who has committed this type of crime is considered as the most important link in the mechanism of criminal behavior.

Keywords: extremism, juvenile, extremist crimes, criminal identity.

Деяния экстремистской направленности посвящают на основы конституционного устройства и безопасности государства. Они являются одним из наиболее значимых источников политических рисков и кризисов.

Основная опасность экстремизма заключается в быстроте его распространённости среди несовершеннолетних, которые в силу своих социальных характеристик, остроты восприятия окружающей обстановки, отсутствия толерантности являются той частью общества, где наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала.

Результаты изучения на уровне личности всех социально – психологических взаимодействий и взаимосвязей дает возможность определить приоритеты профилактического воздействия не только на конкретную личность, но и организовывать такое воздействие на других лиц, в поведении которых обнаруживают себя аналогичные факторы [5].

Как отмечает Б.М. Камергоев, членам организаций экстремисткой направленности «в основном являются молодые люди в возрасте до 30 лет, и нередко, в том числе — несовершеннолетние лица 14-18 лет» [3].

Согласно проведенным эмпирическим исследованиям (Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян, О.В. Шлегель и др.), в гендерном соотношении среди совершивших преступления экстремистской направленности преобладают лица мужского пола, нежели женского (93% к 7%). При этом, как отмечают в своих исследованиях Д.И. Аминова и Р.Э. Оганян, «лица мужского пола наиболее склонны к совершению актов уголовно наказуемого экстремизма в возрасте 16 - 18 лет, а де-

вушки включаются в экстремистскую деятельность в возрасте от 18 до 25 лет» [1].

Не имея в основной массе своей определенных идеологических установок, несовершеннолетние наиболее подвержены влиянию различных экономических, политических, социальных и других факторов риска, способствующих формированию радикальных взглядов и убеждений. По справедливому замечанию С.И. Кушнера, «причины преступности среди молодых людей в разных странах очень похожи между собой. Это и социально-экономическое неравенство, неблагополучие в семьях, безнаказанность при совершении первых проступков, неуверенность молодых людей в своем будущем, отсутствие знаний о некоторых областях жизни» [4]. Е.С. Ермакова выделяет несколько основных причин молодежного экстремизма:

- экономические (экономическая трансформация, породившая социальные группы, падение жизненного уровня населения, рост безработицы среди молодежи);
- социальные (проблемы в семье, конфликты со сверстниками, социальное неравенство);
- политические (недоверие к существующим российским политическим институтам, неверие в способность оказать хоть какое-то влияние на происходящие политические процессы);
- культурно-нравственные (инфантильность, кризис национальной и культурной идентичности);
- образовательные (ослабление воспитательных функций образовательных учреждений);

— психологические причины (высокая тревожность, низкая устойчивость к неопределенности ксенофобов) [2].

Из внешних факторов распространения экстремизма среди несовершеннолетних следует выделить глобализацию и развитие информационных технологий, которые предоставили возможность, в том числе и свободной циркуляции политических идей между российской и политизированной молодежью других стран.

Если раньше для формирования протеста нужны были фанатики, то с развитием информационных технологий и изобретением социальных сетей, сделавших мир прозрачным, работа провокаторов, как правило, активизирована через Интернет, который используется для формирования экстремистских настроений, особенно среди молодежи, внедрения в их сознание мировоззрения, поведенческих стереотипов и идеологических установок, направленных на разрушение нашего государства. В частности, в условиях проведения специальной военной операции на Украине и в Донбассе Национальный антитеррористический комитет (НАК) зафиксировал факты вовлечения в свои ряды членами украинских неонацистских группировок российской молодежи и склонение ее к совершению преступлений, в том числе с использованием самодельных взрывных устройств¹.

Особую опасность в последние годы приобрели такие форматы социальных сетей как «Instagram» и «Tik Tok». С их помощью проводятся призывы на несанкционированные митинги, а также противоправная агитация молодежи.

Основная характерная черта личности несовершеннолетнего, совершающего экстремистские преступления – его внутреннее радикальное позиционирование. Это означает, что подросток проявляет самые крайние формы негативного отношения к принятым нормам поведения.

Можно выделить следующие цели, которые преследуют несовершеннолетние при совершении рассматриваемой категории преступлений:

1) насилие в любой форме как самоцель;

2) наличие конкретной цели и желание конкретного результата;

3) наличие фанатичности (идейности).

Однако, стоит отметить, что зачастую подростки совершают экстремистские преступления без особых на то причин, присутствует бессознательность, результат не носит определенный характер.

Социально – психологическая характеристика несовершеннолетнего экстремиста – основной фактор, который способствует так называемой экстремистской активизации его личности. В наибольшей степени членами радикальных формирований становятся вчерашние школьники, так как их возраст и психика наиболее оптимальны для восприятия и усвоения противоправных идей.

Наиболее характерными для подростков являются установки, присущие экстремизму, к числу которых относятся: опора на эмоции, инстинкты и стихийность. Несовершеннолетним внушают, что именно они абсолютно точно знают, как «изменить мир к лучшему, преобразовать общество» и кроме них никто этого сделать не сможет. Тем самым оправдываются самые жестокие насильственные методы достижения поставленных целей.

Также для несовершеннолетнего экстремиста характерна такая черта, как максимализм. Его можно назвать психологическим двигателем экстремистской идеологии. Зачастую он обрастает идейной одержимостью.

Основными движущими факторами вступления молодежи в ряды радикалов также являются чувство собственной отчужденности, поиск самоопределения, идентичности. В экстремистских группах они обретают так называемое «братство», духовную цель, чувство собственных сил и возможностей.

Всестороннее изучение личности несовершеннолетнего экстремиста позволит своевременно и результативно предупреждать данный вид преступлений. Ключевым моментом в профилактике преступлений экстремистской направленности является выявление на ранней стадии лиц, способных к совершению преступлений экстремистской направленности. Следовательно, уже в школах должен присутствовать сотрудник, который будет проводить социологические и психологические исследования развития экстремистских настроений среди подростков, взаимодействовать с подразделениями по делам несовершеннолетних.

Должна быть усовершенствована и работа по сбору сведений о несовершеннолетних лицах, уже совершивших преступления экстремистской направленности. Эффективная систематизация таких сведений позволит наиболее четко индивидуализировать наказание в каждом конкретном случае, учитывать особенности сложившейся поведенческой ситуации.

Пристатейный библиографический список

1. Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм / Под науч. ред. Р.А. Адельханяна. — М. Триада ЛТД, 2005. — С. 62: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002714239> (дата обращения 28.04.2022).
2. Ермакова Е.С. Понятие и причины экстремизма среди молодежи // Молодой ученый. — 2017. — № 51 (185). — С. 221.
3. Камергоев Б.М. Особенности распространения молодежного экстремизма // Социально-политические науки. — 2018. — № 3. — С. 55.
4. Кушнир С.И. Социальные причины преступности в подростковой среде // Человек. Преступление и наказание. — 2015. — № 1. — С. 71-75.
5. Семочкина А.А. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершающего насильственные преступления // Вестник Московского университета МВД России. — 2020. — № 8 — С. 150-153.

¹ В НАК сообщили о фактах вербовки неонацистами молодежи в Сибири / Национальная Служба Новостей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.rambler.ru/crime> (дата обращения 28.04.2022).

АЛЬ-ХАММУД Ибрахим Ариф Абдулхуссейн

аспирант специальности «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» Юридического института Российский университет дружбы народов

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИЮ В ЕГИПТЕ

В статье подчеркивается, что во всем арабском регионе уровень коррупции велик. Это относится в полной мере и к Египту. Коррупция влияет на повседневную жизнь граждан и усиливает чувство незащищенности, мешает отдельным лицам осуществлять свои права и свободы и отвлекает ценные ресурсы, которые могли бы быть использованы для содействия экономическому и социальному развитию. Автор, исследуя ответственность за коррупцию в Египте, приходит к выводу, что антикоррупционное законодательство Египта в недостаточной мере развито. При этом в стране в области противодействия коррупции достигнут определенный прогресс. Представляется необходимым пересмотреть правовую базу Египта в части антикоррупционных положений на соответствие с международными антикоррупционными стандартами.

Ключевые слова: коррупция в Египте, наказание, ответственность, пассивный и активный подкуп, взятка, государственный сектор, частный сектор.

AL HAMMOUD Ibrahim Arif Abdulhussain

postgraduate student of the specialty "Criminal Law and Criminology; Penal Enforcement Law" of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION IN EGYPT

The article emphasizes that the level of corruption is high throughout the Arab region. This applies fully to Egypt. Corruption affects the daily lives of citizens and increases the sense of insecurity, prevents individuals from exercising their rights and freedoms and diverts valuable resources that could be used to promote economic and social development. The author, investigating the responsibility for corruption in Egypt, comes to the conclusion that the anti-corruption legislation of Egypt is insufficiently developed. At the same time, some progress has been made in this area in the country. It seems necessary to revise Egypt's legal framework in terms of anti-corruption provisions in accordance with international anti-corruption standards.

Keywords: corruption in Egypt, punishment, responsibility, passive and active bribery, bribery, public sector, private sector.

Ни одно государство в мире не застраховано от коррупции, ее негативных экономических и политических последствий. Коррупция – это системное явление. Она является комплексной проблемой и касается не только международного сообщества в целом, но и отдельно взятого государства.

А.А. Каширкин, со ссылкой на исследование А. Цайльхофер¹, указывает, что хотя общественный феномен коррупции стар, как и само человечество, этому явлению в течение десятков лет не было уделено должного внимания. Только в 1990-е гг. в мире этот феномен попал под пристальное внимание, как ученых, так и общественности. Коррупционным проявлениям стали уделять повышенное внимание и в политике. Начинается процесс разработки международных антикоррупционных стандартов².

Данные веяния, касающиеся противодействия коррупции, рождают новые программы, не только на международном уровне [1], но и на национальном. Антикоррупционное движение непосредственно коснулось и Египта, поскольку происходящие события в Египте высветили потребность граждан в борьбе с коррупцией и обеспечении подотчетно-

сти со стороны политической элиты. Египет, являясь страной с очень высоким уровнем коррупции, был подвержен риску насильственных столкновений. Коррупция обеспечивала топливо для социальных нарушений, подрывала легитимность государства. Это в значительной степени поставило под угрозу мирное развитие общества³.

В Египте в конце 2011 г. начались массовые протесты. Эти протесты касались изменения устоявшихся авторитарных режимов. «Арабская весна», как движение жестких протестов и гражданских войн была направлена не только на смещение существовавших режимов, но и на их коррупционную составляющую [2]. Как указывает И.В. Левакин, для таких переломных этапов развития общества, характерен расцвет коррупции, который, связан с кардинальными изменениями в социально-экономических отношениях [3]. Высокий уровень коррупции в Египте вызвал дальнейшую нестабильность. После этих потрясений в Египте⁴ начинаются определенные преобразования, формируется новый дискурс

1 Цайльхофер А. Теория и практика борьбы с коррупцией в Европе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/files/12/15tsailhofer.pdf>.

2 «Конвенция против транснациональной организованной преступности» (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // «Бюллетень международных договоров». – № 2. – 2005. – С. 3-33. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров». – 2006. – № 10, октябрь. – С. 7-5 и др.

3 На тот момент (страны оценивались по шкале от 0 (высокая коррумпированность) до 10 (высокая чистота)) в индексе восприятия коррупции международной антикоррупционной организации Transparency International за 2011 год у Египта -2,9. (Dev Kar & Karly Curcio, Illicit Financial Flows from Developing Countries, 2000 – 2009, GLOBAL FIN.INTEGRITY (Jan. 2011). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iff-update.gfintegrity.org/index.html>) (дата обращения: 22.04.2022 г.).

4 25 января 2022 международная неправительственная организация Transparency International (ТИ) опубликовала Индекс восприятия коррупции за 2021 год. Египет по показателям находится на 117 месте. (Corruption Perception Index 2021 – CPI). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 24.04.2022 г.).

о реформах в стране, борьба с коррупцией приобретает ключевое значение⁵.

И хотя данные и информация, касающаяся масштабов коррупции в Египте, по-прежнему ограничены, а доверие общества к государственной антикоррупционной политике остается довольно хрупким, тем не менее, намечился некий прогресс, касающийся решения проблем коррупции. В Египте был создан потенциал для принятия различных мер по предупреждению коррупции, в основе которого лежит Национальная стратегия борьбы с коррупцией Египта⁶, являющаяся общим стратегическим планом Египетского государства в области противодействия коррупции на период 2019-2022 гг.⁷

Стратегия является важной вехой в разработке и реализации эффективной и скоординированной антикоррупционной политики в Египте и направлена на создание такой национальной культуры, которая отвергает коррупцию и поддерживает правосудие, честность и лояльность.

При этом следует отметить, что наиболее заметной тенденцией в международной антикоррупционной правовой работе за последние годы стала криминализация коррупционных преступлений. Однако законодательная антикоррупционная база Египта значительно отстает от других арабских стран (например, Марокко, ОАЭ). Так, например, система борьбы с коррупцией в Египте не реализуется последовательно.

Египет не принял отдельного закона о борьбе с коррупцией и не включил в свои правовые акты положения, которые стали общепринятыми в части противодействия коррупции во всем мире. К таким общепринятым положениям традиционно относятся, например, расширение толкования коррупции, для охвата круга возможных участников коррупционных преступлений.

Коррупционные преступления в основном изложены в Уголовном кодексе Египта⁸. Египетский уголовный кодекс № 58 от 1937 года⁹ (далее УК Египта¹⁰) криминализует активный и пассивный подкуп, злоупотребление служебным положением и использование государственных ресурсов для личной выгоды.

Статьи 103-111 УК Египта предусматривают ответственность за взяточничество, как в государственном, так и в частном секторе.

Так в ст. 103 УК Египта установлен запрет государственному должностному лицу / государственному служащему на получение взятки. Если такое лицо «просит за себя или за третье лицо, или принимает, или берет обещание или пожертвование для выполнения любых обязанностей, связан-

ных с его должностью, то оно считается взяточником¹¹». Данная статья устанавливает наказание в виде каторжных работ¹² и штрафа в размере не менее одной тысячи фунтов, не превышающего сумму взятки.

В то же время ст. 103 bis УК Египта для данной категории лиц устанавливает, что если такое лицо «требует для себя или для третьей стороны, или принимает обещание или пожертвование за выполнение или воздержание от выполнения работы, которую он ошибочно считает или утверждает, что она является частью его должностных обязанностей, считается взяточником». Такое лицо и подлежит такому же наказанию, которое предусмотрено в ст. 103 УК Египта.

УК Египта определяет взяточничество госслужащих как тяжкое преступление, подпадающее под категорию преступлений против государственной службы и общественных интересов. При этом, поскольку, основное сосредоточение по коррупционным преступлениям указывает на взяточничество, то представляется, что это отражает озабоченность египетского правительства по данным преступным деяниям, а также в предотвращении злоупотребления госслужащими своими полномочиями в личных целях.

Кроме того, статьей 107 УК Египта уточняется, что любая выгода, принятая или полученная взяточдателем или лицом, которого он назначает для этого, должна рассматриваться как обещание или пожертвование, независимо от его названия или вида, и независимо от того, является ли эта выгода материальной или нематериальной. Тем самым египетский законодатель подчеркивает, что ответственность за взятку наступает как при принятии или получении любых материальных средств, так и при принятии или получении иных нематериальных благ. Содержание данной статьи указывает на «любую выгоду», таким образом, взятки могут принимать форму как финансовых, так и нефинансовых преимуществ.

В соответствии со ст. 107 bis УК Египта устанавливается равное наказание для взяточдателя и посредника, в соответствии с наказанием, предусмотренным для взяточника. Таким образом, посредник рассматривается УК Египта как соучастник во взяточничестве и считается виновным во взяточничестве, если принимает предложение или предлагает быть посредником в даче взятки. Однако, взяточдатель или посредник могут быть освобождены от наказания, если добровольно сообщили властям о преступлении или признаются в нем. Наконец, лицо, которое либо принимает предложение, либо предлагает свою услугу в качестве посредника во взятке, то такое деяние считается преступлением, даже если оно является только предложением или акцептом на предложение.

Стоит отметить, что ст. 105 УК Египта предусматривает ответственность государственного должностного лица / гражданского служащего за принятие подарков или пожертвования. Такая ответственность устанавливается при принятии ими подарков или пожертвований за выполнение или воздержание от выполнения своих должностных обязанностей, или воздержание от выполнения каких-либо своих должностных обязанностей, или отказа от выполнения своих должностных обязанностей, или невыполнение своих должностных обязанностей с целью получения за это компенсации. Наказание устанавливается в виде лишения свободы¹³

5 Касательно международных обязательств отметим, что Египет ратифицировал Конвенцию Организации Объединенных Наций против Коррупции в 2005 году и является государством – участником Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. С июля 2014 года Египет является также государством – участником Арабской антикоррупционной конвенции 2010 г. (Arab-Convention-Against-Corruption.pdf. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://star.worldbank.org> (дата обращения: 22.04.2022 г.), изданной Лигой арабских государств.

6 Egypt Launches the National Anti-Corruption Strategy. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.egyptembassy.net/media/Egypt_Anti-CorruptionFactSheet.pdf (дата обращения: 22.04.2022 г.).

7 Первая Национальная стратегия борьбы с коррупцией Египта была разработана на 2014 – 2018 гг.

8 Отметим, что, по-видимому, никакого официального перевода Уголовного кодекса Египта на английский, французский и русский языки нет. Таким образом, последующие замечания основаны на неофициальных переводах.

9 В Египетский уголовный кодекс № 58 от 1937 года постоянно вносятся изменения. Последние правки были внесены в 2017 г.

10 Новая редакция.

11 Law No. 58 01 The Year 1937 Promulgating The Penal Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawyer-egy.com>. (дата обращения: 23.04.2022 г.)

12 Согласно ст. 14 УК Египта, «наказание в виде каторжных работ предусматривает принудительное привлечение осужденного к выполнению тяжелых работ, определенных правительством, в течение всей жизни осужденного, если данное наказание носит пожизненный характер, либо в течение срока, определенного судом, если наказание является временным».

13 В соответствии с статьей 18 УК Египта, наказание в виде лишения свободы заключается в помещении осужденного в одну из

на срок, установленный приговором суда, и выплаты штрафа в размере не менее ста фунтов и не более пятисот фунтов.

Если же государственное должностное лицо / гражданский служащий, который выполняет или воздерживается от выполнения работы, связанной с его должностными обязанностями, например, в результате просьбы, рекомендации, то в порядке ст. 105 бис УК Египта, ему грозит наказание.

Данным наказанием является: лишение свободы и выплата штрафа в размере не менее двухсот фунтов и не более пятисот фунтов.

УК Египта не содержит положений о криминализации подкупа иностранных государственных должностных лиц. Статья 111 УК Египта, в качестве должностных лиц признает:

1. Сотрудников ведомств, находящихся под контролем правительства;

2. Членов государственной или местной палаты представителей, независимо от того, избираются они или назначаются;

3. Арбитров или экспертов, доверенных лиц при банкротстве, а также судей и управляющих при банкротстве;

4. Любое лицо, назначенное на государственную службу;

5. Членов советов директоров, директора и служащие корпораций, компаний, ассоциаций, организаций и учреждений, если государство или государственный орган вносят долю в их капитал, либо участвуют в ином качестве.

При этом УК Египта конкретно не рассматривает сотрудников публичных международных организаций или иностранных должностных лиц в качестве государственных должностных лиц. Трудно согласиться с тем, что подкуп иностранных государственных должностных лиц может рассматриваться и криминализироваться в соответствии со статьями 2¹⁴ и 3¹⁵ УК Египта, касающихся, принципов гражданства и территориальности которых применяются к уголовному законодательству Египта.

Однако в УК Египта введены изменения. Так, например, если УК Египта ранее была не охвачена коррупция в частном секторе, то в настоящее время ст. 106 УК Египта эта ответственность предусмотрена.

Так в соответствии с указанной статьей, любой работник, который требует для себя или для третьей стороны, или принимает или берет обещание в пожертвовании, в том числе без извещения или одобрения своего работодателя, чтобы выполнить или воздержаться от выполнения порученной ему работы, или вмененной ему обязанности, считается взяточником. Наказание за это деяние предусмотрено в виде

лишения свободы на срок не более двух лет и штрафом в размере не менее двухсот фунтов, но не более пятисот фунтов.

Кроме того, любой член правления акционерного общества, кооперативной ассоциации или союза, созданного в соответствии с правилами, установленными законом, или любого учреждения или ассоциации, которые юридически считаются общественными организациями, а также любой директор или сотрудник этих органов, который требует для себя или для третьей стороны, принимает или берет обещание или пожертвование для выполнения или воздержания от выполнения работы, связанной с его должностными обязанностями, или которую он ошибочно считает или утверждает, что такие обязанности являются частью его работы, связанной с его должностью, считается взяточником и подлежит тюремному заключению на срок не более семи лет и штрафу в размере не менее пятисот фунтов и не более того, что ему передали или обещали передать, даже если преступник не выполнил работу, или воздержался от ее выполнения, или не выполнил обязанности, вытекающие из его функциональных обязанностей (ст. 106 А УК Египта).

При этом в Египте нет законов, предусматривающих защиту информаторов о преступлениях коррупционной направленности. Однако, правительство Египта, как представляется, в не должной мере оценивает вред коррупционной преступности. Коррупция не является преступлением «без жертв», единственной жертвой во многих случаях являются общественные интересы в целом. По этой причине любая антикоррупционная стратегия должна включать элементы, направленные на выявление наличия коррупции. Они включают элементы, призванные побудить тех, кто стал свидетелем или знает о коррупционных инцидентах, сообщать о них.

При поощрении тех, кто знает о коррупции, сообщать о ней, самой большой проблемой часто является тот факт, что те, кто непосредственно становится жертвой, часто уязвимы для запугивания или мести со стороны правонарушителей, либо потому, что они принадлежат к уязвимым группам. Поэтому Египту необходимы законы о защите осведомителей, раскрывающих информацию о коррупционных деяниях.

Выводы. Ответственность за коррупцию в Египте в недостаточной мере развита, поскольку УК Египта, в котором сосредоточена ответственность за коррупционные преступления, не подготовлен для рассмотрения всего спектра преступных деяний, связанных с коррупцией. В то же время ответственность за взяточничество допускает довольно жесткое наказание в виде каторжных работ и лишения свободы, при этом предусматривает очень низкие штрафы. Следует также отметить, что большое число государственных чиновников пользуются иммунитетом от судебного преследования. Поэтому применение положений о борьбе с коррупцией носит, скорее всего, случайный характер. Представляется необходимым пересмотреть правовую базу Египта в части антикоррупционных положений на соответствие с международными антикоррупционными стандартами.

Пристатейный библиографический список

- центральных или общих тюрем на срок, к которому он приговорен. Этот период не может составлять менее 24 часов и не более трех лет, за исключением особых случаев, предусмотренных законом. Все осужденные, приговоренные к ограничению свободы на срок не более трех месяцев, могут ходатайствовать о приеме на работу за пределами тюрьмы вместо отбывания наказания в виде лишения свободы в соответствии с ограничениями, предусмотренными Законом о расследовании уголовных преступлений, если только приговор не предусматривает, что он должен быть лишен такого выбора.
- 14 Статья 2 УК Египта. Положения настоящего закона также применяются к лицам, упомянутым здесь ниже: Первое: Любое лицо, совершившее за границей деяние, которое делает его/ее исполнителем или соучастником преступления, совершенного полностью или частично в египетской стране. Второе: Любое лицо, совершившее за границей одно из следующих преступлений: А. Уголовное преступление против государственной безопасности, как это предусмотрено в частях 1 и 2 Книги II настоящего закона.
- 15 Статья 3 УК Египта. Любой египтянин, совершивший за границей деяние, которое считается уголовным преступлением или проступком в соответствии с настоящим законом, подлежит наказанию в соответствии с его положениями, если он/она возвращается в страну, и деяние наказуемо в соответствии с законодательством страны, где оно совершено.

1. Борисов С.В., Каширкина А.А., Морозов А.Н. и др. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации / Под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. – М.: ИЗиСП, 2015. – 296 с.
2. Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 3. – С. 2-18.
3. Левакин И.В. Коррупция: социально-экономические и историко-правовые закономерности // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 34-36.

ВОРЖЕВ Иван Сергеевич

аспирант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Вся человеческая история — это история того, каким образом в разные времена складывались отношения обычного члена общества с государственными структурами этого общества, как формировались и распространялись общечеловеческие ценности, которые сейчас являются неоспоримыми. Цивилизованным может считаться только то общество, членам которого обеспечен высокий уровень личных свобод, и эти свободы гарантированы, в том числе, и законами данного общества.

Одной из гарантий общих гражданских свобод является гарантия неприкосновенности жилья, которая является такой же важной и неотъемлемой, как гарантия неприкосновенности личной жизни и гарантии обеспечения других общественных свобод. Во многих государствах данные гарантии прописаны в их Конституциях, что говорит об их несомненной важности для общества.

В статье проведем анализ зарубежных норм права в плане взаимосвязи права граждан на неприкосновенность жилища с иными правами, задекларированными государством и относящимися к области личных свобод.

Ключевые слова: конституция, страна, закон, жилье, неприкосновенность жилища, уголовный кодекс.

VORZHEV Ivan Sergeevich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF INVIOABILITY OF HOUSING IN THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

All human history is the history of how at different times the relations of an ordinary member of society with the state structures of this society developed, how universal human values were formed and spread, which are now undeniable. Only that society can be considered civilized, whose members are provided with a high level of personal freedoms, and these freedoms are guaranteed, among other things, by the laws of this society.

One of the guarantees of general civil liberties is the guarantee of the inviolability of the home, which is as important and inalienable as the guarantee of the inviolability of private life and the guarantee of other public freedoms. In many states, these guarantees are spelled out in their Constitutions, which indicates their undoubted importance for society.

In the article, we will analyze foreign norms of law in terms of the relationship between the right of citizens to the inviolability of their home with other rights declared by the state and related to the field of personal freedoms.

Keywords: constitution, country, law, housing, home inviolability, criminal code.

Практически в каждой стране закон предусматривает очень суровое наказание за нарушение права неприкосновенности жилья, вплоть до уголовной ответственности с последующим длительным сроком тюремного заключения. Юридическим основанием для применения такого наказания могут служить различные законы, принятые в государстве, а также международные юридические акты.

Неприкосновенность жилья как юридическая норма в ряде стран существует почти тысячу лет. Например, в Англии на законодательном уровне она существует с 1215 года и прописана в Хартии Вольностей. Сэр У. Питт говорил по этому поводу, что даже самый бедный в Британии человек способен абсолютно законным образом противодействовать воле Короны [1, с. 4]. Его жилище может быть очень бедным и неудобным, готовым развалиться при первом порыве ветра. Но даже в такое жилье не может войти король, если хозяин жилья не желает того.

Если рассматривать в качестве примера Японию, то в Конституции этого государства норма о неприкосновенности жилья была введена в 1947 году и прописана в 35-й статье. Тогда же были прописаны случаи, когда данное право граждан может быть нарушено¹.

В Италии норма о неприкосновенности жилья была отражена в Конституции в 1948 году и закреплена в 14-й статье [2]. Согласно итальянским законам, проникновение в частное жилище, проведение в нем определенных юридических действий возможно исключительно в соответствии с законами, обеспечивающими в государстве неприкосновенность личности и частных свобод.

Похожее требование имеется и в польском законодательстве, оно закреплено в 504-й статье польской Конститу-

ции². Согласно нормам польского права проведение обысковых мероприятий в жилище, любом другом помещении, а также на транспорте возможно при строгом соблюдении законов, регламентирующих подобные действия. Аналогичные нормы имеются в Основных Законах Болгарии, Венгрии и других стран.

Большой интерес представляет опыт Германии как государства, имеющего давние юридические традиции в плане обеспечения прав и свобод граждан. Тот факт, что жилище каждого человека является неприкосновенным, законодательно отражен в 13-й статье Конституции Германии с 1949 года³. Для проведения обысковых мероприятий необходимо иметь судебное постановление, а если ситуация безотлагательная, то необходимо заручиться поддержкой других юридических структур. При этом, если необходимо нарушить неприкосновенность жилища с целью предотвращения совершения преступления, либо для обеспечения безопасности окружающих, должностные лица имеют право это делать, беря ответственность исключительно на себя. В немецком законодательстве также сказано, что несанкционированное проникновение в жилище официальных лиц допускается для предотвращения распространения опасных заболеваний и для спасения жизни людей, которым угрожает реальная опасность.

Уголовный Кодекс ФРГ, равно как и Уголовный Кодекс нашей страны, устанавливает ответственность за неправомерное проникновение в жилище. Данная ответственность может быть связана с лишением свободы. В зависимости от

1 Конституция Японии. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=37>.

2 Конституция Польши. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm.

3 Конституция ФРГ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.100dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru.

сопутствующих обстоятельств, нарушение неприкосновенности жилища может носить обычный характер (регулируется параграфом 123) и тяжкий характер (наказание определяется по нормам параграфа 124)⁴.

При этом Уголовный Кодекс ФРГ применяет расширенное толкование понятия «Жилье». Под ним подразумевается не только помещение, в котором проживает человек, но и любые изолированные и защищенные от постороннего доступа складские, производственные, транспортные, общественные и иные помещения. При этом термин «жилье» по законодательству ФРГ не распространяется на автомобили и другой транспорт, по той причине, что транспортные средства предназначены для перемещения человека, а не для его проживания, пусть даже временного. Данные требования являются вполне разумными, исходя из менталитета и национальных традиций жителей немецкого государства.

Стоит обратить внимание на такой факт. В немецком законодательстве сам факт незаконности чего-либо не образует состав преступления. Это всего лишь признак, указывающий на противоправность данного деяния.

Нарушение норм неприкосновенности по немецкому законодательству относится к категории длящихся преступных деяний. При этом данное деяние целиком и полностью зависит от желания и воли лица, совершающего данное преступление, и это лицо имеет реальную возможность в любой момент прекратить свои противоправные действия.

Что касается УК Франции, то в его редакции от 1992 года составы преступлений сгруппированы в отдельные разделы на основании объектов, на которые данные преступления посягают. Это общеевропейская норма, и законодатели Франции стараются ее придерживаться⁵.

Так вот, во французском УК в редакции от 1992 года все преступления, связанные с неправомерным доступом в жилище, находятся в разделе преступлений, относящихся к кражам. Отдельной статьей идет кража, совершенная при несанкционированном проникновении в жилище или помещение иного рода с использованием открытия замка, взлома, либо проникновения любым другим способом. Деяния, имеющие данный состав преступления, по французскому законодательству относятся к категории проступков. Возможные санкции предусматривают до 5 лет лишения свободы, либо штраф до полумиллиона франков.

Законодательства США и России в части незаконного проникновения в жилище отличаются существенным образом. По законам США может защищать свое жилище от несанкционированного проникновения всеми возможными способами, при этом он имеет право нанести преступнику существенный вред здоровью и даже смерть. Подобным образом можно защищать не только свое жилище, но любую частную территорию. В разных штатах законы могут немного отличаться, но в целом они одинаковые, основаны на так называемой «Доктрине Крепости». Согласно этой доктрине, место проживания человека, а в ряде штатов и любое другое место, где человек пребывает на законных основаниях, в том числе его автомобиль, имеют статус неприкосновенности, а любое проникновение в эти места без согласия хозяина считается уголовным преступлением. По американским законам любой человек имеет право активно защищать свое жилище от несанкционированного проникновения, в том числе с нанесением преступнику вреда здоровью и даже смерти. Если незаконно проникший в помещение будет убит, это станет считаться действиями обороняющегося в рамках необходимой обороны, и никаких других дополнительных причин для причинения преступнику смерти не нужно. Данные нормы законодательно закреплены в статье 3.06 Примерного УК США, где говорится, что использование любого насилия для пресечения преступного посягательства на неприкосновенность жилища и сохранность имеющегося в пользовании имущества будет абсолютно законным, если

обороняющийся считает необходимым из складывающихся обстоятельств применить такое насилие для защиты имущества, имеющего движимый или недвижимый характер.

В США можно причинить существенный вред здоровью и даже смерть тому, кто незаконно проник в чужое жилище, в нашей стране степень противодействия должна соответствовать уровню реальной опасности. Российское законодательство четко определяет, когда можно нанести вред преступнику, незаконно проникшему в жилище, а когда нельзя. Подробнее об этом говорится в 8-й главе Уголовного Кодекса России⁶.

Имеется еще один важный момент. В российском законодательстве, а также в законодательстве большинства бывших союзных республик, преступления, связанные с незаконным проникновением в жилище, относятся к преступлениям против прав и свобод. В законодательствах многих западных стран это преступления имущественного характера, либо преступления, посягающие на неприкосновенность собственности.

Подводя итоги, хочется отметить, что выполненное сравнение норм отечественного и зарубежного законодательства, относящегося к преступлениям против неприкосновенности жилища, выявило как схожие черты, так и существенные различия. Данный анализ дает возможность лучше понять правовую суть законодательства в данной области права. Это важно, потому что проблема защиты прав граждан имеет высокую актуальность.

Общие нормы по защите неприкосновенности частной собственности от несанкционированного проникновения на ее территорию примерно одинаковы у нас и за рубежом. Об этом говорит сравнение законодательств России с законодательствами Германии, США, и других государств. Везде основные принципы неприкосновенности прописаны в Конституции и имеют развернутое определение в уголовных кодексах государств. Везде проникновение вопреки воли хозяина допускается только по решению суда, либо при наличии не терпящих отлагательства чрезвычайных ситуаций.

В нашей стране неприкосновенность частной собственности, в том числе неприкосновенность жилища, хорошо защищена на законодательном уровне. Но количество преступлений в данной сфере не снижается. На то есть разные причины. Это незнание гражданами своих законных прав, а также незнание прав сотрудников силовых структур. Подобная ситуация и является частой причиной разногласий между гражданами и правоохранительными органами.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: Учеб. пос. / Под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. - М., 2004. - 528 с.
2. Конституция Итальянской Республики / Пер. с итал. Л.П. Гринберга // Конституции государств Европейского Союза / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. - М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. - С. 423—450.

4 Уголовный кодекс ФРГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/?p=5854&page=4>.

5 ID=100104265,100104266,100104297,100105714,100105716,100105741,100105841,100105868.

6 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ». - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

Зорина Н. С.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОСУЖДЕННЫМИ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Тема преступности несовершеннолетних вызывает серьезное беспокойство со стороны общества и государства. Ведь именно родители должны заниматься воспитанием детей, но зачастую отсутствие внимания со стороны семьи приводит к противозаконным действиям. И когда несовершеннолетний попадет в исправительное учреждение, то перед воспитателями данного учреждения стоит задача помочь восстановить навыки взаимодействия с окружающими и научиться заново уважительно относиться к обществу. В данной статье рассматриваются особенности несовершеннолетних осужденных, наиболее важные изменения в их психическом и физическом развитии. Выделены актуальные проблемы во взаимоотношениях с родственниками, сверстниками и специалистами воспитательных колоний. Выделены основные формы психических отклонений. Особое внимание уделяется профилактическим рекомендациям, которые в дальнейшем помогут организовать процесс воспитательных работ.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, пенитенциарные учреждения, несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, воспитательные работы.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

FEATURES OF EDUCATIONAL WORK WITH JUVENILE CONVICTS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

The topic of juvenile delinquency causes serious concern on the part of society and the State. After all, it is parents who should be engaged in the upbringing of children, but often the lack of attention from the family leads to illegal actions. And when a minor gets into a correctional institution, the educators of this institution face the task of helping to restore the skills of interaction with others and learn to respect society anew. This article examines the characteristics of juvenile convicts, the most important changes in their mental and physical development. Actual problems in relations with relatives, peers and specialists of educational colonies are highlighted. The main forms of mental disorders are highlighted. Special attention is paid to preventive recommendations that will help to organize the process of educational work in the future.

Keywords: juvenile delinquency, penitentiary institutions, juvenile convicts, educational colonies, educational work.

На сегодняшний день особое место занимает проблема преступности несовершеннолетних. Ведь именно в подростковом возрасте происходит формирование личности, приобретение жизненного опыта, определенных знаний и навыков.

Несовершеннолетние, которые в раннем возрасте совершают преступления, тяжело поддаются перевоспитанию и могут в дальнейшем создавать резерв для взрослой преступности. Такое состояние преступности несовершеннолетних в России вызывает обоснованную тревогу в обществе [1].

Таким образом, анализ данных таблицы 1 дает возможность сделать вывод о том, что среднесписочная численность несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, так же устойчиво снижается: в 2021 г., по

сравнению с 2019 г., этот показатель уменьшился на 368 лицо (29,4%) [2].

В последние годы отмечается тенденция к ухудшению социально-демографических, психологических, педагогических характеристик несовершеннолетних осужденных. Большое количество педагогически запущенных регистрируется в воспитательных колониях, у которых присутствует дезориентация и низкий уровень образования.

По мнению Леоновой О. В. у лиц, не достигшим совершеннолетия, существуют следующие формы психических отклонений:

1. Психопатологический синдром, который проявляется, как бессердечность по отношению к другим, ложь, причинения вреда другим людям.

Таблица 1. Динамика среднесписочной численности несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях [2].

Год	2019	2020	2021
Среднесписочная численность несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях	1251	1017	883
Прирост / снижение, %	7,6%	18,7%	13,2%

2. Невропатические черты, выражены раздражительностью, резкой обидчивостью и тревогой.

3. Низкий уровень саморазвития [3].

В подростковом возрасте прежде всего происходит рост организма, как физически, так и психологически. Подростки в этом возрасте более остро воспринимают окружающий мир и общество в целом, особенно сказывается на психическом состоянии подростка и его жизнедеятельности в дальнейшем. Происходит изменение его структуры сознания. Вследствие таких изменений подростки часто подвержены перепадам настроения, повышенной активностью, что не всегда совпадает с их возможностями. Тем самым игнорируют просьбы взрослых, стремясь доказать свою самостоятельность, которая в последствии может привести к неблагоприятным последствиям.

В свою очередь, стоит сказать, что огромную роль играет воспитание со стороны родителей, так как именно в семье закладывается фундамент жизненных ценностей и установок. Но зачастую в семьях отсутствует понимание жизненных установок, что может привести к вседозволенности несовершеннолетних и совершения ими незаконных действий. Как следствие, подросток попадает в места лишения свободы.

Таким образом, по нашему мнению, пенитенциарные учреждения должны организовать воспитательную работу с несовершеннолетними осужденными, которая будет направлена на формирование и восстановление навыков взаимодействия с коллективом. Где будет присутствовать, прежде всего уважение к самому себе, а также и к обществу в целом.

Одной из основных проблем, с которой сталкиваются несовершеннолетние осужденные, поступающие в воспитательную колонию, это – адаптация к условиям отбывания наказания. Не менее важной проблемой, является девиантное поведение несовершеннолетних осужденных, которое проявляется в период отбывания лишения свободы. Так же, особое внимание, нужно обратить, что несовершеннолетние осужденные, имеют определенные формы зависимости, такие как; алкоголизм, никотиновая зависимость, токсикомания и наркомания [4].

Воспитательная работа помогает несовершеннолетним преодолеть личностную деформацию. Она должна организовываться с учетом характера и поведения личности осужденного, причин совершения преступного деяния. Следует тщательно изучать характер и личность несовершеннолетнего осужденного. Именно глубокое изучение личности позволяет эффективно проводить воспитательную работу, использовать ее методы и направления. Также это дает возможность оценивать результат исправления несовершеннолетнего осужденного [5], [6].

Однозначно, стоит сказать, что при воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными, необходимо принимать во внимание и индивидуальные особенности подростка, учитывать его поведение, уделять внимание положительным чертам его характера, стремиться создавать условия для желания исправляться несовершеннолетним осужденным.

Необходимо также акцентировать особое внимание на принятие требований и методов воспитания со стороны несовершеннолетних осужденных, чтобы достичь положительного результата. И тем самым воспитательная работа должна быть организована в рамках целостной воспитательной концепции, где специалисты, которые работают с подростками, должны понимать, что только компетентная позиция поможет достичь эффективного результата.

Несомненно, нужно учитывать тот факт, что воспитательная работа должна опираться на потенциал личности несовершеннолетнего осужденного. Прежде всего подросток должен не только воспринимать воспитателя, но и уважительно к нему относиться. Ведь если взаимоотношения между сотрудником учреждения и несовершеннолетним осужденным будут взаимосвязаны, то и процесс положительного результата будет происходить быстрее и эффективнее. Для этого воспитателю необходимо установить благоприятный психологический контакт с подростком.

Стоит, также сказать, что психологическая работа заключается в восстановлении психологического здоровья несовершеннолетних. Ведь у многих подростков, присутствует психические нарушения, природные патологии, в том числе и образ жизни, который вел подросток на свободе (употребление алкоголя, никотиновая зависимость).

В свою очередь, стоит учитывать, что несовершеннолетние осужденные, не могут измениться полностью и забыть свои незаконные действия. И психолого-педагогическая задача, состоит в том, чтобы несовершеннолетнего осужденного направить на формирование социальных норм и ценностей.

Однозначно воспитателям следует соблюдать определенные рекомендации, которые в дальнейшем помогут организовать процесс воспитательных работ:

- стараться не акцентировать внимание на замечаниях и нотациях по отношению несовершеннолетних, а больше использовать методов, стимулирующих к повышению самооценке;

- ни при каких обстоятельствах не унижать и не оскорблять воспитанников, а стремиться проявлять обеспокоенность за них и сосредоточиться на проблемах несовершеннолетних;

- своевременно хвалить воспитанника и верить в его будущие успехи.

Таким образом, воспитательная работа с несовершеннолетними осужденными, необходимо проводить комплексно. Должны быть задействованы, и сотрудники воспитательной колонии, психологи и педагоги. Только при совместной работе, возможно получить положительный результат.

Пристатейный библиографический список

1. Степанчикова С.А. Криминология: учебн. пособие. - М.: МИЭМП, 2010. - 190 с.
2. Федеральная служба исполнения наказаний. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 21.04.2022).
3. Леонова О.В. Особенности проведения некоторых следственных действий по уголовно-процессуальному законодательству // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: Сборник научных статей. - Самара: Самарский университет, 2012. - С. 112-118.
4. Зорина Н.С. Девиантное поведение несовершеннолетних как фактор преступности // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. - Москва: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. - С. 310-313.
5. Степанов М.В. Воспитательная работа – ведущее средство исправления осужденных // Юридический журнал. - 2014. - № 1. - С. 111-115.
6. Кравцова М.М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой. – (Психолог в школе). - М.: Генезис, 2005. - 111 с.

КОШЕЛЕВ Роман Игоревич

аспирант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ В СПОРТИВНОЙ СФЕРЕ

Спорт — это производственная и общественная деятельность, в которой непосредственно участвуют сотни миллионов людей, а косвенно — почти каждый из нас. Для спортивной сфере характерны отдельные преступления разной степени общественной опасности.

Следует отметить, что с общественной точки зрения реакция правоохранительной системы на преступления, происходящие в спортивной среде, далеко не всегда справедлива.

Проанализирована прецедентность общественной опасности в спортивных правоотношениях.

Ключевые слова: спорт, прецедентность, социальная опасность, преступление.

KOSHELEV Roman Igorevich

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

THE PRECEDENCE OF PUBLIC DANGER IN SPORTS

Sport is an industrial and social activity in which hundreds of millions of people directly participate, and indirectly almost every one of us. The sports sector is characterized by individual crimes of varying degrees of public danger.

It should be noted that from a public point of view, the reaction of the law enforcement system to crimes occurring in the sports environment is far from always fair.

The precedent of public danger in sports legal relations is analyzed.

Keywords: sport, precedent, social danger, crime.

Прецедентность социальной опасности преступных деяний, совершенных в спортивной области, говорит о том, что характер посягательства может напрямую влиять на чувства, мысли и сознание общественных масс. Прецедентность определяется следующими параметрами:

1. Как широко распространено в обществе данное преступное деяние.

2. Отношением преступника к собственным действиям, прогнозом на будущее преступное поведение [1, с. 93].

Если заводят разговор о прецедентности социальной опасности преступных деяний в спортивной среде с точки зрения массовости такого рода преступлений, то нужно понимать, что подобного рода преступная деятельность часто никак не фиксируется, то есть, имеет большой уровень латентности [3, с. 21]. При этом преступления в спортивной среде, даже выявленные, вовсе не единичны, и о них нельзя говорить как об эксцессах отдельных личностей или как о некой случайности и статистической погрешности. Это достаточно частое явление, с которым необходимо бороться.

Когда мы говорим о прецедентности социальной опасности в разрезе ценностей лица, совершившего преступление, мы вполне обоснованно полагаем, что данное лицо может снова совершить подобное преступное деяние. При этом нужно понимать, что любое действие, в том числе преступное, это элемент социальной практики конкретного человека. Его деяния проявляются в негативном отношении к нормам социума, поэтому оцениваются обществом с правовой точки зрения. И если человек совершает рецидивы, его негативный социальный опыт постоянно растет. Наоборот, если обществу удастся пресечь негативные социальные проявления индивидуума, негативный общественный опыт постепенно исчезает, так как у такого лица меняется линейка общественных ценностей, которые становятся более соответствующими общественным нормам. Отсюда можно сделать

вывод, что для профилактики негативных рецидивов обществу следует воздействовать на индивидуум таким образом, чтобы поменять ценностную ориентацию с отрицательной на положительную. Это приведет к снижению уровня прецедентности.

Любая противоправная деятельность двойка по своей сути. Его можно рассматривать как социальное явление, и с этой точки зрения оно является вариантом взаимосвязи двух субъектов. Первый субъект — это действие бездействия. Данные понятия объединяются в одно — деяние, которое имеет юридическое и психологическое толкование. А психология — это наука, которая, в числе прочего, описывает с научной точки зрения поступки человека, опираясь на проверенные теории. С юридической точки зрения получается, что без обращения к психологии невозможно понять содержание человеческого поведения, скрытый смысл человеческих поступков. Нельзя говорить просто о каких-либо правовых деяниях, их не существует. Деяние — это вариант человеческого действия, вариант проявления активности. В зависимости от вариантов данной активности, она может носить преступный характер, а может оставаться юридически нейтральной. Когда активность имеет преступный характер, это преступление, совершенное в результате определенной человеческой деятельности. При этом деятельность может носить особенный специфический характер, например занятие спортом. В этом случае мы имеем преступление в спортивной области. Дело в том, что правонарушение с объективной точки зрения носит конкретный характер, потому что это нарушение известного и заранее наложенного запрета. Данная конкретность в уголовном кодексе описывается составом преступления, что уже выступает в виде правовой формулировки преступного деяния. Если более подробно рассмотреть состав преступления, то всегда можно найти взаимосвязь между

содержанием и тем юридическим смыслом, который федеральный законодатель вкладывает в формулировки.

Если сравнивать одинаковые преступные деяния, одно из которых было совершено в обычных условиях, а другое в специфических, которые определились типом взаимосвязи рассматриваемых субъектов, то во втором случае деяние будет представлять более высокую социальную опасность по рискам, связанным с прецедентностью [2, с. 196]. Дело в том, что в этом случае преступник полностью осознает противоправность собственных действий и высокий уровень собственной отрицательной ценностной ориентации, но все равно совершает преступление. Человек имеет развитое сознание, что дает ему возможность выступать носителем социальных взаимоотношений. Если он приветствует стандартные отношения, принятые в данном социуме, то его поведение не может считаться негативным. Но если он сознательно направляет свою деятельность на борьбу с социальными устоями, делает что-то вопреки принятым нормам, такая деятельность будет априори опасной для общества.

Кроме перечисленных выше факторов на уровень прецедентности влияют отношения внутри участников преступной группы. По этой причине предусмотрена статья 35 Уголовного Кодекса России¹, и ее применение говорит о том, что противоправное деяние имеет высокий уровень социальной опасности.

Если вернуться к более узкой области, к преступлениям, совершаемым в спортивной сфере, то нужно признать, что оценка прецедентности будет носить достаточно сложный характер. Дело в том, что на такие преступления оказывает влияние большое количество факторов, которые трудно учесть заранее. По этой причине для оценки уровня прецедентности предстоит разобраться со всеми факторами, которые могли повлиять на протекание преступления. Более того, необходимо дать социальную оценку каждому фактору, и определить наиболее оптимальный вариант реагирования государственных структур на имеющийся вариант поведения, обусловленный выявленными факторами. Окончательное решение необходимо выносить, учитывая реальный уровень социальной опасности, который имеет негативное поведение индивидуума. А поскольку на его поведение влияет много факторов, то нужно предусмотреть не только каждый фактор в отдельности, но и их сочетание. Имеет смысл провести градацию факторов по уровню их влияния на опасность поведения индивидуума, а также выявить наиболее опасные сочетания данных факторов. Также следует понять, какие факторы оказали наибольшее влияние на поведение индивидуума, объективные или субъективные.

Подводя итоги, можно сказать, что противоправные деяния в спортивной области нужно рассматривать как специфические действия человека или группы людей, когда каждый из участников совершенного преступного деяния вносит свой вклад в его совершение. При этом каждый участник несет ответственность:

1. За поступки, совершенные непосредственно им. И эти поступки носят преступное свойство, поскольку вносили свой вклад в совершение общего преступного деяния.

2. За общий результат преступного деяния, поскольку каждый участник приложил к этому свою руку, пусть даже он преступно бездействовал.

Если рассматривать вопросы, связанные с прецедентностью противоправных деяний в спортивной сфере, то следует обращать внимание на специфику данной сферы.

Во-первых, может быть несколько человек, принимавших непосредственное участие в противоправном действии, но в этом случае:

1. Признаки виновности могут быть лишь на одном из участников, при этом не имеет значение, была вина умышленной, или спортсмен действовал халатно или неосторожно. Другие участники априори определяются как невиновными.

2. Виновный может при этом действовать самостоятельно, либо совместно с другими участниками, которые не могут подвергаться уголовному преследованию.

Во-вторых, часто возникают ситуации, когда кто-то один выступает зачинщиком совершения противоправного действия, но сам не совершает его, либо не доводит до конца, эта роль выпадает другому участнику, который в конечном счете и становится преступником ввиду собственной неосторожности или халатности.

В-третьих, преступление может совершить человек, обладающий определенной профессиональной подготовкой, либо это преступление, связанное с осуществлением функций менеджмента в спортивной сфере. В данном случае следует различать правонарушителя, обладающего необходимыми знаниями и полномочиями и других участников, которые могли просто не подозревать, что тоже участвуют в совершении преступления ввиду отсутствия у них необходимых компетенций. И в данном случае можно говорить только о прецедентности в отношении лица, имеющего эту компетентность.

Таким образом, прецедентность социальной опасности в противоправных деяниях, совершенных в спортивной области, должна рассматриваться с учетом характера совершения данного деяния и степени участия каждого в рассматриваемом преступлении. При анализе данных показателей стоит обращать внимание на следующее. Уровень социальной опасности любого человеческого поступка зависит от степени вреда, который был нанесен охраняемым законом социальным отношениям. Именно по этому критерию можно судить о динамике уровня общественной опасности, что позволяет отдельно анализировать похожие по другим критериям преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева А.П. Преступность в сфере профессионального спорта // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. - 2009. - № 2. - С. 92-95
2. Бондарев В.А., Жмурко Р.Д. Преступления в сфере спорта // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2019. - № 11-1. - С. 196-199;
3. Рожнова К.Ю. Детерминанты возникновения преступности в области спорта // Вестник Пензенского государственного университета // Пенза: Пензенский государственный университет. - 2021. - № 2 (34). - С. 20-25.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // «Собрание законодательства РФ». - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович

доктор юридических наук, профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. С. и Н. Г. Столетовых, старший советник юстиции

ГОРШКОВА Наталья Андреевна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ НЕОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ И ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются особенности конструирования санкции статей 124 и 125 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также показатели деятельности судов Российской Федерации за период 2017 по 2021 гг. в области назначения наказания за неказание помощи и оставление в опасности. В статье устанавливаются общие закономерные тенденции судебной деятельности в сфере пенализации преступлений, предусмотренных статьями 124 и 125 УК РФ. Уточняется какие виды наказания являются наиболее предпочтительными в этой области. Дается общая оценка правоприменительного подхода относительно наказуемости данных преступных деяний.

Ключевые слова: неказание помощи; оставление в опасности; уголовное наказание; законодательная пенализация; судебная пенализация.

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, professor of Prosecutor's Supervision for observance of laws in the OSA and participation of the prosecutor in criminal proceedings sub-faculty of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the A. G. and N. G. Stoletov Vladimir State University, senior justice adviser

GORSHKOVA Natalya Andreevna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Institute of Law of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, lieutenant colonel of internal service

THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS OF PENALIZATION OF CRIMES COMMITTED IN VARIOUS FORMS OF FAILURE TO PROVIDE ASSISTANCE AND LEAVING IN DANGER

The article discusses the features of the design of the sanction of articles 124 and 125 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), as well as the performance indicators of the courts of the Russian Federation for the period 2017 to 2021, in the field of sentencing for failure to provide assistance and leaving in danger. The article establishes the general natural tendencies of judicial activity in the field of penalization of crimes provided for in articles 124 and 125 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is specified what types of punishment are the most preferable in this area. A general assessment of the law enforcement approach regarding the punishability of these criminal acts is given.

Keywords: failure to provide assistance; leaving in danger; criminal penalty; legislative penalization; judicial penalty.

В современных условиях постоянно надвигающихся угроз на граждан Российской Федерации, очевидна обеспокоенность государства в обеспечении их максимальной защищенности. Достаточно привести печальный пример новой коронавирусной инфекции COVID-19, которая с начала 2020 г. поразила большое количество населения. Но благодаря нормам, включенным в гл. 16 УК РФ, личность и ее интересы ставятся во главу угла и обеспечиваются целым комплексом запретов, устанавливающих ответственность как за прямые посягательства на жизнь и здоровье, так и за посягательства, ставящие под прямую угрозу сохранение жизни и здоровья граждан. В частности, к последним относятся те, что ставят под угрозу личность, не способную самостоятельно принять меры к самосохранению. Это больные категории граждан, малолетние, престарелые и иные социально уязвимые слои населения.

Устанавливая прямую обязанность для отдельных категорий граждан оказывать помощь, в УК РФ сконструированы два общих состава преступления, применяемые в отношении виновных в случае неказания с их стороны такой помощи. Это ст. 124 «Неказание помощи больному» и ст. 125 «Оставление в опасности». Применение этих норм на практике вызывает определенные затруднения как минимум по двум причинам. Во-первых, это отсутствие отдельных праворазъясняющих положений со стороны Верховного Суда Российской Федерации, во-вторых, бланкетностью самих данных норм, что требует обращения ко многим постоянно меняющимся нормативным правовым актам различной юридической силы и ведомственной принадлежности и, в-третьих, «терминологической разрозненностью в российском законе» [1, с. 86]. При этом, на наш взгляд, оценить востребованность соответствующих статей в практической деятельности и ре-

гулятивные особенности по сдерживанию преступной активности возможно при подробном анализе законодательной и судебной пенализации.

Обращаясь к вопросам наказуемости преступления, совершаемого в форме неказания помощи и оставления в опасности, в первую очередь отметим то, как законодатель сконструировал соответствующие санкции данных статьей. Так, рассматривая санкцию ст. 124 УК РФ «Неказание помощи больному», мы видим, что ч. 1 данной статьи предусмотрены следующие виды наказаний: штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо арест на срок до четырех месяцев. По ч. 2 ст. 124 УК РФ санкция предусматривает следующие виды ответственности: принудительные работы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Рассматривая санкцию ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» очевидно, что за данное преступление предусмотрены следующие виды наказания: штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительные работы на срок до одного года, либо принудительные работы на срок до одного года, либо арест

Таблица 1. Виды наказаний, назначаемых осужденным за преступления, сопряженные с неоказанием помощи

год / вид наказания	лишение свободы	лишение свободы условно	исправ. работы	обязат. работы	штраф	иные виды наказания условно	ограничение свободы
2017 г.	5	7	22	21	46	2	0
2018 г.	5	13	22	28	57	0	2
2019 г.	7	9	26	26	42	3	0
2020 г.	1	8	16	21	41	1	1
2021 г.	4	7	11	20	37	2	0
общие значения за 5 лет	22	44	97	116	223	8	3

Таблица 2. Показатели сроков лишения свободы, назначаемых осужденным за преступления, сопряженные с неоказанием помощи

год / срок наказания	до 1 года вкл.	от 1 до 2 лет вкл.
2017 г.	5	0
2018 г.	3	2
2019 г.	7	0
2020 г.	0	1
2021 г.	4	0
Итого	19	3

на срок до трех месяцев, либо лишение свободы на срок до одного года.

Анализируя данные санкции, можно определить, что законодатель выбрал весьма гуманный путь установления уголовной ответственности за указанные преступные деяния, даже вопреки тому, что они поставляют в опасное для жизни состояние потерпевших. По степени законодательной наказуемости, т.е. легальной пенализации, ст. 124 УК РФ оценивается в 20 %, а ст. 125 УК РФ – 5 %.

Для определения фактической наказуемости (судебной пенализации) обратимся к статистике, которая приводится на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. А именно рассмотрим количество ежегодно осуждаемых и виды мер ответственности, назначаемые им за совершение данных преступлений.

Так, в 2017 г. за преступления, предусмотренные ст.ст. 124, 125 УК РФ, было осуждено 108 чел., в 2018 г. – 129; в 2019 г. – 116, в 2020 г. – 90, в 2021 г. – 84 [2]. Если произвести подсчеты среднего количества осуждаемых за 5 лет, то получим весьма скромный показатель ежегодно осуждаемых – порядка 105 чел. в год. Этот показатель сравнительно небольшой с учетом того, что в среднем по всем составам УК РФ в совокупности осуждается ежегодно порядка 530 тыс. чел.

Вместе с этим мы наблюдаем планомерную динамику по снижению количества осуждаемых по преступлениям, связанным с неоказанием помощи. По состоянию на конец 2021 г. в сравнении с 2017 г. их общее количество снизилось на 24 чел. Наибольшее количество осужденных установлено нами в 2018 г. – 129 чел., в остальные же годы тенденции по снижению этих показателей просматриваются весьма четко.

При этом примечательно, что состав, предусмотренный ч. 1 ст. 124 УК РФ ежегодно имеет нулевые показатели. Вся основная масса осуждаемых приходится на ч. 2 этой статьи. И вместе с этим, количество осуждаемых по ст. 125 УК РФ, гораздо больше, чем по ст. 124 УК РФ.

Далее отметим к каким видам наказания приговаривают виновных. Возьмем обобщенные данные за период с 2017 по 2021 гг. Из 13 видов наказания, известных современному УК РФ, судами задействовано было лишь 5. Так, самым популярным за 5 лет является наказание в виде штрафа. К нему было приговорено в совокупности 201 осужденный или 42,7 % от общего количества осужденных по рассматриваемым статьям за 5 лет. На втором месте по популярности находится наказание в виде обязательных работ (104 осужденных). На третьем месте – исправительные работы (95 осужденных). На четвертом месте расположилось условное осуждение к лишению свободы (41 чел.). Пятое место – лишение свободы (20

осужденных). Шестое место – условное осуждение к иным видам наказания (7 чел.). Седьмое место – ограничение свободы (3 осужденных) (см. Таблицу 1).

По всей видимости такое превалирование наказаний, не связанных с изоляцией от общества, говорит о том, что суды весьма гуманно подходят к выбору вида наказания и выбрали гуманистический подход к оценке преступных действий в виде неоказания помощи.

Несмотря на то, что наказание в виде лишения свободы располагается только на пятом месте в нашем ранжированном ряду популярных наказаний, стоит рассмотреть подробнее на какие именно сроки по длительности назначалось это наказание. Сроки лишения свободы расположились следующим образом: на срок до 1 года включительно было осуждено наибольшее количество лиц – 17, на срок свыше 1 до 2 лет включительно – 3 чел. (см. Таблицу 2).

Такие невысокий границы сроков наказания определены самим законодателем. Так, самым суровым является срок лишения свободы, предусмотренный ч. 2 ст. 124 УК РФ – до 4 лет лишения свободы, что относит это преступление в ряд преступлений средней тяжести. В то время как по ст. 125 УК РФ максимальный срок лишения свободы определен в виде 1 года. Соотнося те сроки, которые установлены в санкциях этих статей и сроки, которые фактически назначают суды, мы видим, что назначенное наказание в виде лишения свободы, как правило, не превышает 1 года, что говорит об экономии судами репрессии и назначении наказания в виде лишения свободы в основном в рамках нижней границы санкций статей 124 и 125 УК РФ. При этом освобождали от наказания по различным основаниям суды не так активно. Немного и оправдательных приговоров.

Таким образом, по итогам проведенного исследования пенализации преступлений, совершаемых в различных формах неоказания помощи и оставления в опасности, нами установлено, что за период с 2017 по 2021 гг. динамика количества осуждаемых за эти преступления, характеризуется планомерным снижением. Наблюдается четкое превалирование наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Это говорит о том, что суды весьма гуманно подходят к выбору вида наказания и используют гуманистический подход к оценке соответствующих преступных деяний. На первом месте по популярности среди прочих видов наказания находится штраф. Наказание в виде лишения свободы располагается только на пятом месте в ранжированном ряду по количеству ежегодно осуждаемых, при этом его срок в большинстве случаев составляет не более 1 года.

Пристатейный библиографический список

1. Берчанский К.А. Правовое регулирование первой помощи и уголовной ответственности за ее неоказание // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 86-101.
2. Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 мес. 2017 г. – 12 мес. 2021 г. (Форма № 10.3). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.06.2022).

СТРАХОВ Игорь Андреевич

аспирант Московского городского педагогического университета

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИИ ЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОВЕРЕННОГО ЛИЦА

В статье рассмотрены вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, препятствующих реализации законных прав и обязанностей представителей кандидатов и избирательных объединений при проведении выборов, референдума. Рассмотрен успешный зарубежный опыт привлечения к уголовной ответственности при совершении указанных действий стран СНГ, в частности Республики Узбекистан. Представлены предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства в сфере привлечения к уголовной ответственности лиц, препятствующих законной деятельности доверенных лиц кандидатов и избирательных объединений. Цель данной работы – выработка предложений по развитию уголовного законодательства Российской Федерации в части обеспечения уголовно-правовой охраны отдельных участников избирательного процесса. В качестве основных задач исследования можно выделить, в частности, анализ законодательства некоторых стран СНГ в области избирательного права в части привлечения к уголовной ответственности в связи с воспрепятствованием законной деятельности доверенных лиц кандидатов и избирательных объединений с целью заимствования положительного опыта и его интеграции в систему национального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: доверенное лицо кандидата, уголовное законодательство, уголовный закон, представитель, избирательное объединение, избирательное право.

STRAKHOV Igor Andreevich

postgraduate student of the Moscow City Pedagogical University

ON CERTAIN ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY ARISING WHEN OBSTRUCTING THE LEGITIMATE ACTIVITIES OF A PROXY

The article deals with the issues of bringing to justice persons who hinder the exercise of the legal rights and obligations of representatives (proxies) of registered candidates and electoral associations during elections, referendums, and nationwide voting. The successful international experience of bringing to criminal responsibility in the commission of these actions of the CIS countries, in particular the Republic of Uzbekistan, is considered. The article presents proposals for improving the Russian criminal legislation in terms of bringing to criminal responsibility persons who interfere with the legitimate activities of proxies of candidates and electoral associations. The purpose of this work is to improve the criminal legislation of the Russian Federation in terms of providing criminal protection for individual participants in the electoral process. The main objectives of the study include, in particular, the analysis of the legislation of the CIS countries in the field of electoral law in terms of criminal prosecution in connection with the obstruction of the legitimate activities of proxies of candidates and electoral associations in order to borrow positive experience and integrate it into the system of national legislation of the Russian Federation.

Keywords: candidate's proxy, criminal law, criminal law, representative, electoral association, electoral law.

Право избирать и быть избранным, право участвовать в референдуме, Общероссийском голосовании – основные конституционные права гражданина, обеспечивающие его непосредственное участие в реализации государственных функций в управлении государственными делами лично или посредством избираемых представителей. Как отмечается в докладе, представленном Уполномоченным по правам человека России в 2019 году, избирательные права – важнейший компонент системы политических прав человека, предоставляющий гражданам возможность непосредственно участвовать в управлении государством, а сами выборы, если они действительно свободны, являются важным показателем демократии в обществе. Интенсивность оптимизации правового регулирования и стабильность нравственных ориентиров в этом сегменте общественных отношений являются своеобразными индикаторами зрелости общества¹. Внедрение и активное применение новых форм голосования способствует активной трансформации избирательного процесса, создает

новые условия для реализации гражданами своих прав, но, вместе с тем, несет и определенные риски.

Вопросы применения уголовной ответственности в отношении лиц в связи с совершением ими преступлений, посягающих на избирательные права граждан, права на участие в референдуме и Общероссийском голосовании, находятся в поле правового регулирования положений статей 141-142.2 главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» Уголовного Кодекса Российской Федерации.

В этой связи особое внимание следует обратить на преступления, уголовная ответственность за совершение которых установлена статьей 141 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии». Всесторонний и полный анализ положений уголовного закона, характеризующих объективную сторону преступлений, объектом посягательства которых выступают избирательные права граждан, показывает, что воспрепятствование осуществлению каких-либо законных действий в рамках избирательного процесса, является нормой общего характера, а объект посягательства, в свою очередь может быть расширен, в зависимо-

¹ Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/upload/files/doklad2019.docx?ysclid=l2ztyxjv9h> (дата обращения: 10.05.2022).

сти от актуальных изменений в избирательных процедурах и избирательном законодательстве.

Важно отметить, что статьей 141 Уголовного Кодекса Российской Федерации, определен ограниченный перечень лиц, в отношении которых происходит нарушение их прав (объект посягательства). Потерпевшим по данному составу может быть признан гражданин Российской Федерации, чье активное право избирать, пассивное право быть избранным, а также активное право участвовать в референдуме или Общероссийском голосовании было нарушено, член избирательной комиссии, комиссии референдума, Общероссийского голосования, выполняющий возложенные на него в соответствии с законодательством Российской Федерации функции, а также близкие члены указанных комиссий.

Объективную сторону основного состава данного преступления составляют следующие альтернативные действия:

1) воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав, права на участие в референдуме или общероссийском голосовании;

2) нарушение тайны голосования;

3) воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей.

Данное преступление характеризуется формальным составом: моментом совершения преступления является момент совершения одного из действий, предусмотренных объективной стороной, а не момент наступления каких-либо общественно-опасных последствий.

Важно отметить, что российским законодательством не дается четкой дефиниции понятию «воспрепятствование» в контексте правовой охраны избирательных прав граждан и права на участие в референдуме, общероссийском голосовании. В диспозиции ч. 1 ст. 141 Уголовного Кодекса Российской Федерации² не указано конкретных способов совершения данного преступления. Воспрепятствование осуществлению гражданином избирательных прав и права на участие в референдуме может состоять в различных действиях, носящих, как правило, оценочный характер, например, в ограничении законной предвыборной агитации, ограничении возможности ознакомления членами соответствующей избирательной комиссии со списками избирателей, необоснованном отказе в подаче заявлений о включении в список избирателей, и т.д. Так, С. Л. Солодовниковой данное понятие определяется как совершение действий (бездействий), которые способны служить реальным и существенным препятствием в реализации избирательных прав граждан [1].

Вопросы воспрепятствования деятельности избирательных комиссий также законодательно не закреплены. По мнению С.Д. Князева, в качестве примеров такого воспрепятствования можно выделить следующее:

а) действия по срыву их заседаний;

б) блокирование помещений;

в) лишение возможности для членов комиссии участвовать в ее работе;

г) создание условий, препятствующих выдаче избирательных бюллетеней;

д) создание условий, которые препятствуют подведению итогов голосования [2].

Данные подходы видятся логичными и обоснованными, содержат достаточно исчерпывающий и полный спектр оснований, позволяющих дать определение понятию «воспрепятствование» в контексте избирательного права.

Вопросы воспрепятствования законной деятельности субъектов избирательного права и процесса находят свое отражение в законодательстве зарубежных стран. Так, законодатель часто при описании объективной стороны состава преступления о воспрепятствовании осуществлению избирательных прав нередко добавляет: «свободно избирать и быть избранными» (ст. 191 Уголовного Кодекса Республики Беларусь), «свободному осуществлению» (ст. 146 Уголовного Кодекса Республики Казахстан, ст. 147 Уголовного Кодекса Республики Узбекистан), конкретизируя тем самым характеристику права, в отношении которого осуществляется посягательства. В Уголовном Кодексе Украины имеется две самостоятельные статьи, в которых закреплена ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме (ст.ст. 157, 160).

Отдельно считаем целесообразным остановиться на опыте уголовного законодательства Республики Узбекистан, где существует заслуживающая внимания практика установления ответственности за воспрепятствование деятельности доверенных лиц кандидата на выборную должность (ст. 147). Так, указанной статьей предусмотрена ответственность за воспрепятствование путем насилия, угроз, обмана или подкупа свободному осуществлению гражданами права избирать или быть избранными депутатами или Президентом Республики Узбекистан, вести предвыборную агитацию, осуществлению доверенными лицами кандидатов в депутаты или кандидатов в Президенты Республики Узбекистан их полномочий, а равно воспрепятствование свободному участию граждан в референдуме. Данная правовая конструкция видится весьма логичной и обоснованной.

Участие в избирательном процессе доверенного лица является формой представительства. Представительство в российском праве – это форма осуществления юридически значимых действий одним лицом (представителем), в пользу и от имени другого, на основании соответственно доверенности, в силу закона, административного акта или по официальному полномочию. Действующее избирательное законодательство предоставляет кандидатам, политическим партиям, выдвинувшим кандидатов, список кандидатов, достаточно широкие права в части решения вопросов представления их интересов в процессе подготовки и проведения выборов. Интересы кандидатов, политических партий могут представлять члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса, доверенные лица, уполномоченные представители, наблюдатели. В период избирательной кампании участие доверенного лица кандидата на выборную должность становится неотъемлемой частью избирательного процесса. Как отмечают исследователи, представительство, с которым тесно связаны выборы, выступает основанием законной власти. Правомерным следует считать положение, когда представитель облечен распорядительными правами и связан обязательствами, выводимыми из формального доверия либо из закона, при этом доверитель условно оставляет свои права за собой [3].

Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³ установлен

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ.

3 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 14.03.2022) // Собрание законодательства РФ.

правовой статус доверенного лица кандидата, избирательного объединения. Законом установлен достаточно широкий спектр прав и обязанностей доверенного лица, а именно доверенные лица кандидатов, избирательных объединений вправе: осуществлять в любых, не запрещенных действующим законодательством законом формах и любыми разрешенными методами агитационную и иную деятельность, направленную на обеспечение победы кандидата или избирательного объединения на выборах, представлять от имени кандидата или избирательного объединения предвыборную программу, вступать во взаимодействие с населением при проведении встреч с избирателями, публичных и иных массовых мероприятия, участвовать в установленном законом порядке в организации публичных мероприятий агитационного характера, присутствовать по статусу на заседаниях избирательных комиссий различного уровня, а также во время их непосредственной работы.

Таким образом, вопросам правового статуса представителей кандидата законодатель уделяет достаточно большое внимание. Институт представительства в избирательном процессе является фактором обеспечения принципа гласности и открытости избирательного процесса, способствует реализации конституционных прав участников избирательного процесса – кандидатов и избирательных объединений.

Важная роль представителей в избирательном процессе, их широкий объем прав и обязанностей накладывает на законодателя необходимость обеспечения такого статуса с точки зрения государственно-правовой охраны их прав, свобод и законных интересов. В настоящий момент, законодательно предусмотрена административно-правовая ответственность за нарушение прав в том числе представителей в избирательном процессе. Так, согласно статье 5.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴ нарушение прав члена избирательной комиссии, комиссии референдума, наблюдателя, иностранного (международного) наблюдателя, доверенного лица или уполномоченного представителя кандидата, избирательного объединения, члена или уполномоченного представителя инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума либо представителя средства массовой информации на осуществление наблюдения и на своевременное получение информации и копий избирательных документов, документов референдума, документов общероссийского голосования, получение которых предусмотрено законом влечет наложение соответствующего административного штрафа⁵. Указанным законом определен закрытый перечень нарушений прав представителя, за которые лицо подлежит административной ответственности. Вместе с тем, из перечня охраняемых законом прав представителя в данном случае «выпадают» такие права, как, например, право присутствовать на всех заседаниях избирательных комиссий различного уровня, право присутствовать при осуществлении соответствующей избирательной комиссией работы со списками избирателей, с избирательными бюллетенями, укрепительными удостоверениями, протоколами об итогах голосования и сводными таблицами без дополнительного разрешения, право присутствовать при проведении выборки

и при проверке подписных листов, право выступать от имени кандидата не охватываются объемом административно-правовой охраны указанной статьи, несмотря на закрепление указанных прав избирательным законодательством.

Исходя из вышеизложенного, видится логичной и обоснованной правовая позиция законодателей Узбекистана, касаемо включения в объект уголовно-правовой охраны представителей кандидата. Обусловлено это, прежде все, важной ролью и широким объемом прав представителя. По своей сути, представитель кандидата – основное лицо, обеспечивающее пассивное избирательное кандидатов, способствующее реализации установленных законом прав и обязанностей кандидата.

Законодательством Республики Узбекистан установлена уголовная ответственность за воспрепятствование деятельности доверенных лиц кандидата на выборную должность (ст. 147 Уголовного Кодекса Республики Узбекистан). По нашему мнению, указанная позиция законодателя по данному вопросу, безусловно, заслуживает положительной оценки, поскольку институт доверенных лиц кандидата на выборные должности, в первую очередь, призван обеспечить надлежащую реализацию пассивного избирательного права гражданина.

С учетом изложенного видится логичным заимствование зарубежного опыта и внесение поправки к статье 141 Уголовного Кодекса Российской Федерации с целью криминализации деяний, направленных на воспрепятствование деятельности не только кандидатов, но и их доверенных лиц, наряду с иными участниками избирательного процесса. Современное избирательное законодательство закрепляет институт доверенного лица в избирательном процессе кандидата как одну из правовых гарантий реализации пассивного избирательного права граждан, обеспечивая при этом кандидатам возможность наделения представителей достаточно широким спектром полномочий, при этом лишь малая часть из них обеспечивается мерами административной ответственности. Видится, что иные права доверенных лиц кандидатов, нарушение которых не охватывается соответствующим составом административного правонарушения, подлежат уголовно-правовой охране, что является одной из форм пресечения возможных фальсификаций в избирательном процессе.

Пристатейный библиографический список

1. Солодовникова С.В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 205.
2. Князев С.Д. Актуальное диссертационное исследование о правовых презумпциях в избирательном праве Российской Федерации // Избирательное право. – 2012. – № 3. – С. 54.
3. Старостина И.А. Институт представителей в избирательном праве: нормативно-правовые характеристики // Вестник московского университета. – 2010. – Серия 11. Право. – С. 79.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ.

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ.

ЮНДИНА Мария Андреевна

выпускник магистратуры кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, помощник адвоката в Адвокатской конторе № 31 «Аснис и партнеры» Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»

Юндина М. А.

АНАЛИЗ СОСТАВА НАЕМНИЧЕСТВА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ «ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о возможности отнесения состава наемничества к военным преступлениям по российскому законодательству. С этой целью автором приводится уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 359 УК РФ, а также положений международного гуманитарного права. В статье делается вывод о невозможности отнесения наемничества к категории военных преступлений исходя из определения военных преступлений.

Ключевые слова: наемничество, военные преступления, международное гуманитарное право, вооруженный конфликт, вербовка, обучение, финансирование.

YUNDINA Maria Andreevna

master's degree graduate of Criminal law and criminology sub-faculty of the Faculty of Law of the M. V. Lomonosov Moscow State University, Assistant Attorney at Law Office No. 31 "Asnis and Partners" of the Bar Association "Moscow City Bar Association"

ANALYSIS OF THE CRIME OF MERCENARISM AND ITS RELATIONSHIP WITH THE CONCEPT OF «WAR CRIMES»

This article is devoted to the consideration of the issue of the possibility of classifying mercenarism as a war crime under Russian law. To this end, the author provides a criminal-legal description of the Art. 359 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the provisions of international humanitarian law. The article concludes that it is impossible to classify mercenarism as a war crime based on the definition of war crimes.

Keywords: mercenarism, war crimes, international humanitarian law, armed conflict, recruitment, training, financing.

Для рассмотрения вопроса о возможности отнесения состава наемничества к военным преступлениям необходимо сначала дать определение понятия «военные преступления». Военными преступлениями следует считать уголовно-наказуемые нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные в ходе и в связи с вооруженным конфликтом. Для установления наличия в деянии лица состава военного преступления, в первую очередь, должна быть дана оценка его действий с точки зрения правомерности, соблюдения установленных правил ведения военных действий в соответствии с нормами международного гуманитарного права, а только затем должна быть дана уголовно-правовая оценка таким действиям, исходя из норм уголовного права. При этом, важно учитывать, что за совершение подобного действия (либо бездействия) ответственность наступает только в том случае, если это деяние было запрещено нормами международного уголовного права. Уголовная ответственность за военные преступления предусмотрена ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда, а также национальным законодательством.

В российской доктрине господствующей является точка зрения о том, что наемничество (ст. 359 УК РФ) является военным преступлением (преступлением против основ международного гуманитарного права). Так, Р.А. Адельханян [1, с. 316], О.С. Капинус [12, с. 491], Н.Ф. Кузнецова [4, с. 353], А.В. Наумов [5, с. 1004], Э.С. Тенчов [10, с. 805], Е.Н. Трикоз [11, с. 269] относят наемничество к категории военных преступлений.

По мнению некоторых авторов наемничество следует относить к числу военных преступлений, поскольку данное преступление совершается в связи с военным конфликтом или в его интересах [1, с. 97-98].

Существует, однако, и иная точка зрения о том, что действия наемника следует рассматривать исключительно с точки зрения совершения убийства по найму, то есть совершенного с целью получения материальной выгоды, которая

в данном случае является целью совершаемого преступления [6, с. 19]. Также можно выделить позицию И.М. Пшенично-ва, согласно которой в настоящее время уголовное законодательство нуждается в системе преступлений, которые сопряжены с наймом. К числу таких преступлений, по мнению автора также следует отнести и «международный найм» [8, с. 25]. Также ряд авторов, например, Г.А. Есаков [2, с. 51] и В.Н. Русинова [9, с. 110], считают, что состав преступления, предусмотренный ст. 359 УК РФ, нельзя отнести к военным преступлениям.

Наемничество вызывает однозначно негативную реакцию в нормах как международного, так и российского законодательства, однако, в правоприменительной деятельности часто возникает большое количество проблем, связанных с разной интерпретацией рассматриваемого понятия в различных правовых системах.

Так, в нормах международного права отмечается, что к числу главных характеристик наемника следует отнести отсутствие гражданства территории той страны, на которой происходит вооруженный конфликт, отсутствие принадлежности к личному составу государства, который принимает участие в вооруженном конфликте¹.

Основной целью наемника, принимающего участие в вооруженном конфликте, является извлечение им какой-либо материальной выгоды. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что наемника нельзя отнести к числу комбатантов, а, значит, в отношении него не могут быть применены положения международного гуманитарного права [3, с. 44-47].

При этом вознаграждение, предоставляемое наемнику, в соответствии со ст. 359 УК РФ должно быть больше вознаграждения

1 Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

гражданина комбатанта, то есть имеет место ограничительное толкование ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 к Женевским конвенциям 1949 г.

Такое толкование в УК РФ подтверждается и судебной практикой. Так, городской суд г. Нальчика 26 ноября 2014 года признал виновным Нагоева М.З. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 359 УК РФ, так как он выразил добровольное согласие на участие в качестве наемника в вооруженном конфликте на территории Сирийской Арабской Республики в целях получения материального вознаграждения².

Закрепленные в Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г.³ способы наемничества полностью отражены в диспозиции ст. 359 УК РФ, хотя эта Конвенция не была ратифицирована Россией.

Фактически наемник является субъектом, который подлежит уголовной ответственности за совершение им преступлений общеуголовной направленности (например, убийство, причинение вреда здоровью и т.п.). Однако нормами российского законодательства также предусмотрена ответственность и за сам факт осуществления конкретным лицом наемничества, что позволяет квалифицировать совершенные преступления по совокупности (в соответствии с общими правилами квалификации преступлений, предусмотренными ст. 17 УК РФ).

Положениями упомянутой Конвенции закреплено, что наемник – это также и лицо, которое осуществляет какие-либо действия, которые могут привести к изменению конституционного строя государства, нарушению его суверенитета и территориальной целостности и т.п.

Ст. 359 УК РФ закрепляет и само понятие «наемник» (в применении к вышеуказанной статье). Так, под ним следует понимать лицо, которое действует в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, которое не проживает постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, которое направлено для исполнения официальных обязанностей.

Некоторым авторами указывается, что данное понятие вызывает практические проблемы в квалификации действий того или иного субъекта [3, с. 44-47]. Так, например, можно отметить, что применение к ст. 359 УК РФ, в отличие от положений международного права, не выделяет в качестве признака наемника отсутствие факта вхождения в личный состав вооруженных сил государства, которое участвует в вооруженном конфликте.

Данная проблема может оказать влияние, например, при оценке действий иностранного гражданина, который в настоящее время в соответствии с законодательством Российской Федерации может проходить военную службу по контракту на ее территории. Фактически, без вышеуказанного дополнения о том, что наемник – это лицо, которое не вошло в личный состав вооруженных сил государства, участвующего в вооруженном конфликте, любого иностранного гражданина, действующего в интересах РФ, можно фактически считать наемником.

В настоящее время нормами российского уголовного законодательства предусмотрено, что наемником считается [7, с. 60-65]:

- физическое вменяемое лицо, которое достигло возраста уголовной ответственности;
- лицо должно совершить определенные действия (принять участие в качестве наемника в вооруженном конфликте или в военных действиях);
- лицо должно иметь цель получить материальное вознаграждение;

– у лица должно отсутствовать гражданство того государства, на территории которого он принимает участие в вооруженном конфликте;

– лицо не должно проживать на территории государства, на территории которого он принимает участие в вооруженном конфликте;

– лицо не должно выполнять какие-либо официальные полномочия (то есть быть, например, военнослужащим);

– лицо должно совершить преступление в ходе вооруженного конфликта или военного действия.

Вышеуказанные признаки не носят альтернативного характера, все из вышеперечисленных признаков должны быть установлены для того, чтобы действия того или иного лица были квалифицированы как действия наемника.

Кроме того, нормами УК РФ предусмотрена уголовная ответственность не только за участие в боевых действиях в качестве наемника, но и за осуществление действий, направленных на вербовку, обучение, финансирование и осуществление иного материального обеспечения наемника.

Стоит отметить, что криминализация наемничества в УК РФ заметно выделяется по сравнению с объемом криминализации данного преступления в Уголовном кодексе Франции⁴ и УК ФРГ⁵. Так, оба кодекса не называют данный состав именно наемничеством, не криминализованы финансирование и обучение наемников. В УК ФРГ понятие «наемник» распространяется только на граждан, что сужает объем криминализации, предусмотренный международными нормами, а в Уголовном кодексе Франции и вовсе происходит сужение субъекта данного преступления до военнослужащих вооруженных сил Франции. В Уголовном кодексе Испании состав наемничества и вовсе не упоминается.

Для большей наглядности сравнение объема криминализации наемничества приведено в таблице 1.

Таким образом, нельзя не отметить успешный опыт российского законодателя при криминализации наемничества.

Анализируемый состав (ст. 359 УК РФ) является составом преступления, по которому на территории Российской Федерации и в настоящее время возбуждаются уголовные дела. Так, за период с 2016 г. по 2021 г., согласно официальной статистике Судебного департамента⁶ было возбуждено 7 уголовных дел за участие в военных действиях в качестве наемника (2 уголовных дела в 2016 г., 3 уголовных дела в 2017 г. и 2 уголовных дела в 2018 г. соответственно).

За анализируемый период лица к уголовной ответственности за вербовку, обучение, финансирование и осуществление иного материального обеспечения наемника не привлекались.

Между тем, в практической деятельности правоприменительных органов именно осуществление уголовного преследования по рассматриваемой статье вызывает значительные трудности, несмотря на относительно небольшое количество совершаемых преступлений. В качестве примера можно привести Апелляционное определение Московского городского суда⁷, в котором оспаривалась законность приговора, вынесенного в отношении гр. Ж. по ч. 3 ст. 359 УК РФ. Так, согласно апелляционной жалобе адвоката, органами предварительного расследования и судебными органами был сделан только лишь предположительный вывод об участии гр. Ж. в качестве наемника в вооруженном конфликте немеждународного характера на юго-востоке Украины с июля 2014 г. по февраль 2016 г.

Данные выводы были сделаны на основании допроса свидетелей, которые носили предположительный характер, не был установлен факт использования гр. Ж. огнестрельного оружия в отношении мирного населения, а также отсутство-

2 Приговор Нальчикского городского суда от 26 ноября 2014 г. по делу № 1-372/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vEeekU1lESmX/>.

3 Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников // Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи от 04.12.1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4 Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 г. // Науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова. – СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. ст. 412-7, ст. 413-1.

5 Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. С. 208.

6 Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php>

7 Апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2018 № 10-14076/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

Таблица 1. Сравнительная характеристика криминализации наемничества.

	Россия	Франция	Германия
Наказуемые деяния	Вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечения, использование наемников, а также участие в вооруженном конфликте	Набор (вербовка)	Вербовка
Субъект преступления	В ч. 1 ст. 359 УК РФ – общий субъект. В ч. 3 ст. 359 специальный субъект – наемник (по смыслу примечания)	Общий субъект, но наемником может быть только военнослужащий ВС Франции	Общий субъект, но понятие «наемник» распространяется только на граждан

вали доказательства, свидетельствующие об осуществлении выплаты ему материального вознаграждения за участие в вооруженном конфликте. Кроме того, согласно формулировке второй апелляционной жалобы, наемником не может являться гражданин, который выехал в качестве добровольца на территорию другого государства, при условии включении его в состав вооруженных сил воюющей стороны.

Таким образом, рассмотренный пример подтверждает необходимость существенного пересмотра дефиниции «наемник», которая содержится в российском уголовном праве на сегодняшний день, поскольку, как показывает правоприменительная деятельность, отсутствие в нормах УК РФ положения о том, по каким критериям следует отличать «наемника» от «добровольца» может привести к сомнениям при вынесении приговора и последующему обжалованию вынесенного приговора.

Проанализировав указанный состав преступления, следует перейти к рассмотрению вопроса о причинах непризнания наемничества военным преступлением. В первую очередь, следует отметить, что под военным преступлением понимается уголовно-наказуемое нарушение международного гуманитарного права. То есть сначала необходимо установить наличие соответствующего запрета в нормах международного гуманитарного права. Однако ни в договорном, ни в обычном международном гуманитарном праве не содержится запрета на использование наемников. В ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 к Женевским конвенциям 1949 г. лишь дано определение наемника и указано, что такое лицо не является субъектом международного гуманитарного права, аналогичное положение содержится в правиле 108 Обычного международного гуманитарного права. Упоминанная ранее Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., которая как раз устанавливает запрет на использование наемников, не является составной частью международного гуманитарного права, так как она имеет своей целью обеспечение соблюдения принципа самоопределения народов в соответствии с международным публичным правом, в то время как международное гуманитарное право имеет совершенно иную цель — регулирование поведения сторон, участвующих в вооруженном конфликте, и направлено на сведение к минимуму причинения вреда при боевых действиях.

Именно отсутствие запрета на использование наемников в международном гуманитарном праве и привело к не включению состава наемничества в военные преступления по международному уголовному праву. Так, в ст. 8 Римского статута наемничество не указано в перечне военных преступлений. То есть, при буквальном толковании определения военных преступлений наемничество не может быть отнесено к военным преступлениям.

Стоит отметить, что само по себе использование наемников может нарушать *jus ad bellum* или иные нормы международного публичного права, но при этом использование наемников не подпадает под нарушения *jus in bello*.

Важно также указать, что международное сообщество на данный момент не пришло к единому мнению о том, содержится ли в нормах международного гуманитарного права запрет на использование наемников, например, в докладе ООН по вопросу наемников 2003 г. данный вопрос так и не был ре-

шен и оставлен для будущего рассмотрения. На настоящий момент ответ на данный вопрос так и не разработан.

Таким образом, исходя из буквального толкования норм международного гуманитарного права, а также определения военных преступлений, наемничество не является военным преступлением.

Пристатейный библиографический список

1. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дис. ... д.ю.н. М., 2003.
2. Есаков Г.А. Российский опыт криминализации серьезных нарушений норм международного гуманитарного права // Вестник Московского университета. 2015. № 3. Сер.11. Право.
3. Кокамбо Ю.Д., Скоробогатова О.В., Кузнецова К.Е. Наемничество и частные военные компании в контексте современного международного и российского права // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 86.
4. Кузнецова Н.Ф. Преступления против мира и безопасности человечества // Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов / Под ред. проф. Г.Н. Борзенкова и проф. В.С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3.
5. Курс российского уголовного права. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002.
6. Павлуцкая С.В. Убийства, совершаемые при отягчающих обстоятельствах, характеризующих особенности субъективной стороны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009.
7. Пархоменко С.В., Литвинцев А.А. Понятие «Наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3.
8. Пшеничников И.М. Ответственность за наем в Российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017.
9. Русинова В.Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование: дис. ... к.ю.н. М., 2005.
10. Тенчов Э.С. Преступления против мира и безопасности человечества // Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник. М., 2005.
11. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007.
12. Уголовное право России. Особенная часть. Том 2 / Под ред. О.С. Капинус. М., 2015.

АБАКУМОВ Евгений Степанович

старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Применение электронно-телекоммуникативных средств в современном обществе предопределило необходимость внедрения электронного документооборота в сферу уголовно-процессуальных отношений. Однако возможности использования электронного документа в стадии предварительного расследования нормативно урегулированы ненадлежащим образом, либо не регламентированы вовсе. Такая ситуация не позволяет участникам уголовного судопроизводства в полной мере реализовывать свои законные интересы, что является нарушением конституционного права на доступ к правосудию. Автор обращает внимание на целесообразность расширения сферы электронного взаимодействия между различными субъектами уголовного процесса и упрощения схемы такого взаимодействия.

Ключевые слова: электронный документ, уголовно-процессуальные отношения, субъект уголовного процесса, предварительное расследование, возбуждение уголовного дела.

АБАКУМОВ Evgeniy Stepanovich

senior operative for particularly important cases of the Main Directorate of the MIA of Russia for the North Caucasus Federal District

ORGANIZATIONAL ISSUES OF THE USE OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS

The use of electronic and telecommunication means in modern society has predetermined the need for the introduction of electronic document management in the sphere of criminal procedural relations. However, the possibilities of using an electronic document at the stage of preliminary investigation are regulated improperly, or are not regulated at all. This situation does not allow participants in criminal proceedings to fully realize their legitimate interests, which is a violation of the constitutional right to access to justice. The author draws attention to the expediency of expanding the scope of electronic interaction between various subjects of criminal proceedings and simplifying the scheme of such interaction.

Keywords: electronic document, criminal procedural relations, subject of criminal proceedings, preliminary investigation, initiation of criminal proceedings.

Проблема использования электронного документооборота в уголовном судопроизводстве стоит особенно остро. Об этом свидетельствуют результаты диссертационных исследований, проведенных с 2003 года по настоящее время [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Доказательственное значение электронного документа и возможности его использования в иных значениях при производстве по уголовному делу постоянно является предметом обсуждения в периодической печати и научно-представительских мероприятиях.

Причина этого – распространение применения электронно-коммуникативных средств в различных областях жизнедеятельности современного общества. Информатизация судебной системы обозначена как одно из направлений обеспечения доступности и открытости правосудия в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406. Ее реализация требует расширение возможностей использования информационных технологий в уголовно-процессуальных отношениях, возникающих между участниками уголовного процесса.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает возможности применения информационно-цифровых технологий при доказывании по уголовным делам, предусматривая при этом особый порядок изъятия электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ),

Абакумов Е. С.

проведение допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ), направление исполнительного листа судом для исполнения в органы принудительного исполнения Российской Федерации в форме электронного документа (ст. 393 УПК РФ), выполнение процессуальных документов электронным способом (ст. 474 УПК РФ). Кроме этого, согласно ст. 474.1 УПК РФ, электронный документооборот допускается при подаче ходатайства, заявления, жалобы, представления (вместе с приложениями) могут быть поданы в суд посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Вместе с тем понятийный аппарат, связанный с использованием электронного документооборота в уголовном судопроизводстве, требует своей отраслевой регламентации в целях единого толкования правоприменителями и иными участниками процесса.

Легальное определение электронного документа содержится в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 (ред. от 30.12.2021) № 149-ФЗ. Согласно п. 11.1 ст. 2 указанного нормативного акта, «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также

для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

Согласно «Порядка подачи в Верховный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», утвержденного приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 46-П «электронный документ – документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации». Продублировано данное определение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». Отметим, что в приведенном постановлении Пленума Верховного Суда РФ дифференцированы понятия «электронный документ» и «документ в электронном виде». Под последним понимается «электронный образ документа» или «электронный документ». Электронный образ документа, в свою очередь, подразумевает переведенную в электронную форму с помощью средств сканирования копию документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенную электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В специальной литературе «электронный документ» понимается как «совокупность данных в памяти вычислительной системы, предназначенных для восприятия человеком с помощью соответствующих программных и аппаратных средств» [8, с. 95]. Применительно к уголовно-процессуальной деятельности представители юридической общественности предлагают различные определения электронного документа. Так, по мнению И. Н. Подволоцкого, электронный документ – это «...любые сведения, хранимые, обрабатываемые и передаваемые с помощью автоматизированных информационных и телекоммуникационных систем, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законодательством, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания и приобщенные к уголовному делу специальным постановлением» [9, с. 125]. Согласно позиции Л. Б. Красновой «Электронный документ – один или несколько взаимосвязанных по установленному правилу файлов, содержащих совокупность электронно-цифровых объектов, отражающих сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах; отражающих реквизиты, позволяющие подтвердить его подлинность и целостность; имеющих возможность представления в форме, пригодной для восприятия человеком» [10, с. 13-14]. С. Т. Фатулин предлагает под электронным документом понимать «...форму электронно-цифрового отображения информации, зафиксированной на материальном носителе, содержащую сведения о фактах, входящих в предмет доказывания по делу, имеющую установленные реквизиты, полученную с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства и предназначенную для хранения и дальнейшего использования» [11, с. 41]. С. С. Кузьмин считает, что электронный документ – документ, информация в котором представлена в виде цифрового двоичного кода [12, с. 102].

Представляется, что излишнее использование специальных технических терминов при определении понятий, суть которых должна быть понятна субъектам уголовно-процессуальной деятельности, неоправданно. Язык уголовного судопроизводства должен быть ясен для каждого участника процесса, в том числе не обладающего специальными познаниями в технических отраслях знаний. В этой связи более удобным для восприятия представляется определение электронного документа, содержащегося в п. «б» ч.2 ст.2 проекта ФЗ № 39828-3 «Об электронном документе» – это форма подготовки, отправления, получения или хранения информации с помощью электронных технических средств, зафиксированная на электронном материальном носителе. Необходимо дифференцировать определение электронного документа, используемого в тексте уголовно-процессуального закона и нормативных источниках, и литературе, предназначенных для нужд применения специальных познаний.

Порядок использования электронных документов в рамках досудебного производства в настоящее время проходит процесс оформления и нуждается в четкой нормативной регламентации. Однако, в отдельных случаях использование электронной информации, которая может быть истолкована как электронный документ, имеет свое практическое применение достаточно давно. Так, в соответствии с приказом МВД России от 29.08.2014 (ред. от 09.10.2019) № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» подача заявления о преступлении возможна в виде электронного заявления (п. 10 Инструкции). Юридическая сила такого заявления приравнивается к сообщению о преступлении, поданному в традиционных письменной или устной форме, и может послужить поводом для возбуждения уголовного дела о совершенном или готовящемся преступлении, либо, например, поводом к возбуждению уголовного дела о заведомо ложном сообщении об акте терроризма (ст. 207 УК РФ).

Однако, нормативно неопределенным является вопрос об уведомлении заявителя, обратившемся в правоохранительный орган с электронным заявлением, о результатах его рассмотрения. В приведенной инструкции обозначено, что такой способ получения информации о совершенном или готовящемся преступлении не предусматривает оформление талона-уведомления о приеме и регистрации заявления (п. 37 Инструкции), что не согласуется с положением ч. 4 ст. 144 УПК РФ, в соответствии с которой заявитель должен быть уведомлен о принятии сообщения с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия.

По сути, заявитель может оставаться в неизвестности относительно последствий своего обращения: принято ли по заявлению процессуальное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, продлен ли срок проверки сообщения о преступлении, проведены ли какие-либо следственные действия и т.п. Такая ситуация сопряжена с нарушением конституционного права лица на доступ к правосудию. Целесообразно предусмотреть обязанность обратной связи с заявителем посредством использования электронного документооборота.

Кроме этого, следует оговориться, что возможность подачи электронного заявления в суд по делам частного обвинения в силу требований ст. 318 УПК РФ, не предусмотрена. Причина этого в том, что абсолютное большинство граждан

не имеют электронной подписи, наличие которой является обязательной при подаче документов в суд в соответствии с ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ и, кроме этого, невозможно выполнить требование о подаче соответствующего количества копий заявления по числу лиц, в отношении которых оно подается (ч. 6 ст. 318 УПК РФ). В такой ситуации имело бы место перекладывание бремени изготовления копий с заявителя на суд.

В целом, в настоящее время досудебное производство характеризуется слабой вовлеченностью в электронный документооборот. Несмотря на то, что должностные лица органов предварительного расследования вне зависимости от ведомственной принадлежности, как правило, обладают электронной подписью, ее применение сводится к подписанию сопроводительных документов причем с обязательным дублированием на бумажных носителях. Не регламентирует закон право обращения участников уголовного процесса, имеющих в деле собственный или представляемый интерес (потерпевший, его представитель, подозреваемый, обвиняемый, защитник и др.) с жалобами или ходатайствами к следователю, руководителю следственного органа, прокурору. Также лицо, производящее расследование, не вправе ходатайствовать перед судом в случаях, предусмотренных законом, о производстве следственных действий либо о применении мер процессуального принуждения посредством подачи соответствующих документов в электронном виде.

В то же время, поручения следователя, данные в порядке п.п. 4 и 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, направляются в своем большинстве в рамках электронного документооборота, что существенным образом сокращает сроки их исполнения (исключается время почтовой пересылки).

Повышение эффективности работы органов предварительного расследования видится во внедрении электронного документооборота при осуществлении прокурорского надзора и процессуального контроля. Акты прокурорского реагирования на выявленные нарушения при осуществлении предварительного следствия и дознания, указания по уголовным делам со стороны контролирующих органов и иные процессуальные документы, особенно не подлежащие приобщению к материалам уголовного дела, выполненные в форме электронного документа, позволят незамедлительно уведомить следователя (дознателя) о принятых решениях и оперативно на них реагировать.

В данной статье затронуты далеко не все проблемы, касающиеся использования электронного документооборота в рамках досудебного производства. Однако очевидно, что применение электронного документа требует расширения сферы использования и детальной нормативной регламентации путем совершенствования норм уголовно-процессуального законодательства. Полноценное электронное взаимодействие должно найти свое отражение на всех этапах предварительного расследования, начиная с порядка приема сообщения о преступлении и заканчивая принятием итогового решения по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Кукарникова Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Воронеж, 2003. – 203 с.
2. Рыбин А.В. Электронный документ как вещественное доказательство по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: процессуальные и

криминалистические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 2005. – 192 с.

3. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2018. – 250 с.
4. Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Челябинск, 2010. – 234 с.
5. Сергеев М.С. Правовое регулирование применения электронной информации и электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве: отечественный и зарубежный опыт: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Казань, 2018. – 322 с.
6. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 2020. – 216 с.
7. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Хабаровск, 2022. – 210 с.
8. Борковский А.Б. Англо-русский словарь по программированию и информатике (с толкованиями): ок. 6000 терминов. – М., 1992. – 335 с.
9. Подволоцкий И.Н. Правовые и криминалистические аспекты понятия «документ» // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 117-128.
10. Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. – Воронеж, 2005. – 24 с.
11. Фаткулин С.Т. Проблемы применения электронных документов в уголовном и арбитражном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 40-44.
12. Кузьмин С.С. Процессуально-правовое понятие и значение электронного документа // Вестник ВГУ. Серия Право. – 2007. – № 1. – С. 99-112.

АБДУЛЛОЗОДА Парвиз Саъдулло

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия и прокурорского надзора Юридического факультета Таджикского национального университета

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПЕРЕДАЧИ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, В ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с процессуальным порядком передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в иностранном государстве на основе международно-правовых актов и национального законодательства постсоветских стран. Отмечается, что передача указанной категории лиц осуществляется прежде всего в интересах осужденного. Чаще всего осужденные стремятся отбывать наказание в виде лишения свободы в том государстве, в котором ему более «выгодно» исполнять наказание по личным соображениям. Передача осужденных как уголовно-процессуальный механизм имеет свой порядок, и его соблюдение является обязательным. Сложившаяся практика предполагает необходимость согласия осужденного, государства, осуществляющего передачу, и принимающего государства. Принявшее государство самостоятельно обеспечивает исполнение наказания. Предлагаются меры по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также эффективности механизма передачи осужденных лиц в иностранное государство.

Ключевые слова: международное сотрудничество, процессуальный порядок, передача лиц, осужденный, лишение свободы, отбывание наказания, постсоветские страны, уголовно-процессуальное законодательство.

ABDULLOZODA Parviz Sadullo

Ph.D. in Law, associate professor of Justice and prosecutor`s supervision sub-faculty of the Law Faculty of the Tajik National University

PROCEDURAL ORDER FOR THE SURRENDER OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT TO THE FOREIGN STATE TO SERVE PUNISHMENT ON THE EXAMPLE OF POST-SOVIET COUNTRIES

The article considers actual issues related to the procedural order of surrender of persons sentenced to imprisonment to serve their sentences in a foreign state on the basis of international legal acts and national legislation of post-Soviet countries. It is noted that the surrender of this category of persons is carried out primarily in the interests of the convicted person. More often convicts seek to serve a sentence of imprisonment in the state in which it is more "advantageous" for him to execute the sentence for personal reasons. The author emphasizes the lack of uniformity in terms of the competence of the central bodies of the post-Soviet countries carrying out the transfer: in some countries it is the General Prosecutor's Office, in others - the Ministry of Justice. The established practice requires the consent of the convicted person, the transferring state and the receiving state. The receiving state independently ensures the execution of the punishment. Measures are proposed to improve the criminal procedural legislation, as well as the effectiveness of the mechanism for surrendering convicted persons to a foreign state.

Keywords: international cooperation, procedural order, surrender of persons, convicted person, imprisonment, serving a sentence, post-Soviet countries, criminal procedural legislation.

Передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в иностранном государстве прежде всего осуществляется в интересах осужденного. Это исходит из гуманных соображений мирового сообщества, в том числе государств. Государства сотрудничают с целью защиты прав граждан за границей и лиц, проживающих на территории государств, ожидая того, что передача будет способствовать наилучшему исправлению осужденных с обеспечением условий наименьшей изоляции от общества – посредством появления у осужденных возможности встречаться со своими родственниками и исполнять наказание в близкой им этнической среде - по языку, культуре, религии, характеру и др.

Передача осужденных как уголовно-процессуальный механизм имеет свой порядок, и его соблюдение является обязательным. Процесс передачи лиц должен начинаться с инициативы осужденного и его близких родственников. Как правило, осужденный инициирует передачу перед компетентными лицами или органами государства, в котором он отбывает наказание. А близкие родственники обращаются к компетентным органам государства, в котором в дальнейшем лицо должно исполнять приговор, по соображениям

местоположения компетентного органа и возможности быть ближе к обвиняемому, о чем свидетельствует существующая практика. Это не основание или условие международного договора и не норма национального законодательства, а скорее сложившаяся практика. Имеется немало примеров, когда в одном случае обвиняемый ходатайствует перед компетентным органом государства, которое исполняет приговор, а его близкие родственники обращаются к компетентным органам принимающего государства¹.

Компетентные органы государств, в которых осужденные отбывают наказание в виде лишения свободы, обязаны информировать осужденного о том, что он может отбывать наказание в государстве, гражданином которого он является или имеет постоянное место жительства в нем, причем по его инициативе о передаче. Перед началом процедуры осужденным необходимо дать свое согласие. При даче согласия компетентные лица должны разъяснить последствия передачи. Согласие выражается в письменной форме, т.е. осужденный пишет заявление с содержанием, что он является

¹ Архив Генеральной Прокуратуры РТ. 2019.

ся гражданином другого государства или имеет постоянное место жительства на территории иностранного государства, в заявлении он просит о его передаче в иностранное государство для дальнейшего отбывания наказания и выражает свое согласие на передачу. Заявление пишется на имя компетентного лица (центрального органа) и в нем указывается о разъяснении ему последствий передачи. Заявление утверждается компетентным лицом учреждения, в котором осужденный непосредственно отбывает наказание. В заявлении осужденный имеет право написать о правовом основании передачи, причинах согласия о передаче, прилагая информацию с копией приговора суда, данных об исправительной колонии и т.п. Если осужденный по возрасту, физическому или психическому состоянию не может дать свое согласие добровольно, то согласие дает законный представитель.

Если инициатива исходит от близких родственников, то согласие в дальнейшем получают от самого осужденного. Такое же положение действует при ходатайстве законных представителей. Согласно положениям отдельных международных договоров о передаче осужденных адвокат с согласия осужденных имеет право также ходатайствовать о передаче осужденных².

Чаще всего осужденные стремятся отбывать наказание в виде лишения свободы в том государстве, в котором им более «выгодно» исполнять наказание по личным соображениям. В.Б. Шабанов, исследуя преимущества условий исполнения наказания в виде лишения свободы в Германии, отмечает, что «при таких условиях содержания российские граждане, отбывающие наказание в Германии, как правило, не ходатайствуют об отбывании оставшегося наказания на родине» [13, с. 9].

Следует отразить один из спорных вопросов в данном контексте, но в противоположной ситуации. А.М. Смирнов считает проблемным вопрос передачи осужденных из РФ в Республику Таджикистан (далее - РТ). В качестве примера он приводит статистические данные об отказе таджикских компетентных органов от их передачи в РТ: в 2013 г. – это 379 отказов, в 2014 – 176, в 2015 – 57, в 2016 г. данных нет, а в 2017 г. – 411 осужденным Генеральной прокуратурой РТ было отказано в передаче. При проведении исследования А.М. Смирновым вопрос о передаче в РТ рассматривался в отношении 885 осужденных, т. е. удельный вес отказов очень высок [12, с.231-232].

Никто не может ограничить лицо в праве ходатайствовать о передаче, поскольку это предусмотрено в международных договорах и в крайней случае есть возможность передачи лиц на основе принципа взаимности. Но не надо забывать, что также необходимо и согласие осужденных, и согласие государства, которое передает лиц, и государства, которое принимает. В этом нет сомнений в сложившейся практике. Довод А.М. Смирнова о том, что тезис об «исполнении международно-правовых обязательств» недостаточно обоснован, поскольку ни в одном международном договоре не предусмотрено то, что государство обязано принимать своих граждан и лиц, имеющих в нем постоянное место жительства, осужденных за рубежом³. Государство *по мере возможности* должно принимать этих лиц. Прежде всего, именно государ-

ство, гражданином которого является осужденный, должно стремиться к передаче, а не государство, выносящее приговор, которое скорее заинтересовано в надлежащем исполнении приговора. В настоящее время аналогичная ситуация наблюдается также и в РТ. Так, многие граждане Афганистана осуждены в РТ и исполняют наказание в виде лишения свободы. Несмотря на имеющиеся международные договоры о передаче осужденных в Афганистан, граждане этого государства исполняют наказание в Таджикистане⁴.

Возвращаясь к проблемам передачи лиц в РТ, то до 2013 г. серьезных проблем не было. После массовых ходатайств осужденных о передаче в РТ постепенно стали возникать проблемы. Встает вопрос: почему осужденные стремятся отбывать наказание в РТ? Во-первых, в РТ родственные связи очень сильны и родственники в рамках закона часто навещают осужденных; во-вторых, наказание в виде лишения свободы эффективно отбывать на территории того государства, которое назначает наказание; в-третьих, чаще всего осужденные рассчитывают на положения закона об амнистии, которые часто применяются в республике в их отношении⁵.

Проблемы приема граждан обусловлены тем, что, во-первых, в исправительных учреждениях РТ отсутствуют места для дальнейшего отбывания наказания. При массовых приемах исправительные учреждения не могут обеспечить права осужденных независимо от гражданства⁶; во-вторых, расходы на доставку осужденных должен оплатить РТ, а в Таджикистане не выделен отдельный фонд для передачи осужденных. Если возлагать оплату на близких родственников, то не все родственники имеют такую возможность, что приводит к нарушению равноправия осужденных; в-третьих, многие осужденные, которые ходатайствуют о передаче, совершили некоторые специфические преступления, и в соответствии с Конвенцией Таджикистан может отказать в их приеме; если принят отдельный осужденный, то и другие тоже потребуют приема.

По указанным причинам в настоящее время введено ограничение на передачу осужденных граждан РТ. По официальным данным Генеральной прокуратуры РТ, в 2016, 2017 и 2018 гг. РТ не осуществил передачу осужденных в иностранные государства и не принял осужденных из иностранных государств⁷. По нашему мнению, эти меры в РТ имеют переходный и временный характер. РТ не равнодушен к судьбе своих граждан⁸. Последний договор о передаче лиц Таджи-

4 Архив Генеральной Прокуратуры Республики Таджикистан. 2019.

5 За годы независимости в Таджикистане до 2020г. был принят 16 нормативно-правовой акт об амнистии: В 1991-1992гг., 1994-1999гг., 2001г., 2006г., 2007г., 2009г., 2011г., 2014г., 2016г., и 2019г.

6 Перегруженность учреждений исполнения наказания является одним из оснований отказа в удовлетворении заявлений или ходатайств о передаче осужденных. Такая практика действует во всем мире. Согласно ч. 10 ст. 43 Закона Грузии «В удовлетворении заявления/ходатайства о выдаче осужденного может быть отказано, если: выдача осужденного создает угрозу общественному порядку, противоречит интересам государственной безопасности Грузии; учреждения исполнения наказания Грузии перегружены; заинтересованные лица отказали в возмещении расходов, связанных с выдачей осужденного...». Преимущество практики Грузии заключается в том, что эти вопросы регламентированы в национальном законодательстве.

7 Архив Генеральной Прокуратуры Республики Таджикистан. 2019.

8 Во многих ответах на заявления или ходатайства о передаче осужденных, которые отклонены, Генеральная прокуратура РТ ссылается на положение ст. 35 Консульского Устава Республики

2 Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 43. Ст. 5978.

3 Соглашение между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания от 12 июля 2006 г.

кистан заключил с Китаем 13 сентября 2014 г., и это обусловлено тем, что в Китае в отношении 4 граждан РТ приняты приговоры, предусматривающие смертную казнь⁹.

Практика РТ свидетельствует о том, что государства при передаче и принятии осужденных исходят из целесообразности и эффективности данной передачи. Она также свидетельствует о временных сложностях с приемом граждан. Последние годы РТ заключает все новые международные договоры о передаче осужденных лиц, однако это не означает, что РТ должен принимать всех осужденных, которые являются его гражданами или имеют постоянное место жительства в РТ. Поэтому приводимые в научной литературе доводы об обязанности государств принимать своих граждан, осужденных за рубежом, являются необоснованными. Кроме того, по практике передачи осужденных только одним государством очень сложно оценить отношение государства к передаче осужденных лиц на теоретическом уровне. В целом, передача осужденных лиц развивается как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике Таджикистане, как и в других странах¹⁰.

Помимо самого осужденного и его близких родственников, право ходатайствовать за осужденного имеют законный представитель и компетентные органы иностранного государства с согласия осужденного, т.е. компетентные органы обоих государств имеют право обратиться с запросом о передаче осужденных, о чем указывается в международных договорах, национальном законодательстве и литературе [3, с. 35].

В какие компетентные органы или к каким компетентным лицам осужденные должны обращаться с ходатайством или заявлением – предусматривают нормы национального законодательства, причем они ссылаются на международные договоры¹¹, а если передача имеет место на основе принципа взаимности, то ключевую роль в определении компетентных лиц играет национальное законодательство.

Согласно ст. 1 Конвенции СНГ ««компетентный орган» - государственный орган, который в соответствии с национальным законодательством (курсив мой - А.П.) и настоящей Конвенцией принимает решения о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания»; Статья 5 Европейской конвенции предусматривает, что «запросы направляются министерством юстиции запрашивающего Государства министерству юстиции запрашиваемого Государства. Ответы направляются по тем же каналам. Лю-

бая Страна может посредством заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы указать, что она воспользуется другими каналами связи (курсив мой А.П.)».

Когда речь идет об инициативе компетентных органов государства, имеются в виду центральные органы. Законодательство постсоветских государств по данному вопросу не единообразно. В качестве центральных органов по передаче осужденных в постсоветских государствах выступают Генеральная прокуратура или Министерство юстиции. В Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Латвии, Таджикистане и Туркменистане в качестве центрального и компетентного органа выступает Генеральная прокуратура. А в России, Грузии, Молдове, Украине и Эстонии в качестве центрального органа выступает Министерство юстиции. В УПК Азербайджана, Армении, Литвы и Узбекистана не содержатся кодифицированных норм о компетентном органе по передаче, хотя эти функции в данных государствах возложены на определенные органы. Например, в Азербайджане на Министерство юстиции [10, с.280], в Узбекистане – на Генеральную прокуратуру. Анализ национального законодательства постсоветских государств показывает, что не всегда компетентный орган как центральный орган имеет одинаковую компетенцию при решении вопроса о передаче. Это прежде всего обусловлено тем, что в государстве вопрос передачи осужденных решает не центральный орган, а суд. Но при взаимодействии как государства, которое передает, так и государства, которое принимает осужденных, центральные органы равноправны. Они выступают от имени своего государства. Именно центральный орган в целях защиты интересов государства и общества и безопасности государства должен взаимодействовать с такими органами своих государств, как органы внутренних дел, органы национальной безопасности государств и т.п., при решении вопроса передачи осужденных. Например, при передаче лиц, осужденных за шпионаж, можно напрямую создать проблемы в области безопасности государства¹².

В российской литературе выделяется несколько этапов процедуры передачи осужденных в государства гражданства с учетом процессуальных гарантий реализации их прав: этап предварительного рассмотрения ходатайства об отбывании наказания в государстве гражданства; этап разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства; этап согласования интересов договаривающихся сторон; заключительный этап [9, с. 48-49].

После принятия заявления или ходатайства от осужденных или их близких родственников, законных представителей и адвокатов в соответствии с международными договорами и нормами национального законодательства (поскольку не все международные договоры предусматривают заявления или ходатайства всех названных лиц, например адвоката¹³)

Таджикистан, утвержденного по постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 июля 1998 г. № 275 г., которое предусматривает: «Консул обязан, по просьбе заинтересованных лиц и по своей инициативе посещать граждан Республики Таджикистан, находящихся в местах заключения, и выяснить условия их содержания». И дает совет, что для выяснения условий содержания осужденных можно обращаться в дипломатические представительства или консульские учреждения РТ за границей (Архив Генеральной Прокуратуры РТ).

9 Приговоренных к смертной казни в Китае таджикистанцев вернут на родину. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news-asia.ru/view/5/8296>

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.tj/ru/international-cooperation/the-treatment-and-the-necessary-documents-for-the-convicted-persons-their-relatives-and-legal-representatives-to-pass-to-serve-out-their-sentences-in-the-republic-of-tajikistan.html>

11 Разумеется, при определении норм национального законодательства центральный орган играет важную роль. Если в национальном законодательстве центральным органом по передаче осужденных определена Генеральная прокуратура, государство не может взять обязательство передать запрос через министерство юстиции.

12 В декабре 2017 г. директор ФСБ Александр Бортников заявил, что в России за последние пять лет были осуждены 137 кадровых разведчиков иностранных спецслужб и их агентов (Обмен шпионами между Россией и Эстонией попал на видео. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2018/02/11/spy/13:39> (обновлено: 11 февраля 2018)). Обычно в отношении лиц, осужденных за шпионаж, передача не производится, их возможно обменять на других заключенных, основанием чего является в большой степени политическая воля государства (Пять самых известных обменов заключенными. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160525/1439248257.html> (обновлено: 25.05.2016)).

13 Статья 4 Конвенции СНГ: «С ходатайством о передаче осужденного вправе обращаться в компетентный орган Договаривающихся Сторон сам осужденный, его близкие родственники, законный представитель и адвокат».

компетентные органы государства и компетентные органы иностранного государства по передаче осужденных самостоятельно взаимодействуют друг с другом. В качестве основания начала производства по передаче осужденных выступает запрос¹⁴. Возможно использование иных понятий в международных договорах и нормах национального законодательства, таких как поручение, просьба¹⁵, ходатайство, обращение и т.п. – по существу, они имеют одинаковый смысл. Запрос о передаче осужденных всегда составляется в письменной форме. Но по содержанию здесь нет таких сложных требований, которые предъявляются, например, к запросу об оказании правовой помощи или к запросу о выдаче. Запрос о передаче осужденного должен быть заверен подписью и скреплен гербовой печатью компетентного органа. В запросе о передаче осужденных указывается: название компетентных органов государства и иностранного государства с местом их расположения; как правило, выражается уважение к компетентным органам иностранного государства; в основе запроса лежит ссылка на существующие международные договоры между государствами (если нет договора, то исполнение не обязательно); указываются данные лица передачи – фамилия, имя, отчество и дата рождения, гражданство или постоянное место жительства и место исполнения наказания; и т.д. Но международные договоры предусматривают много и иных документов, которые в качестве приложения закрепляются в запросе. Перечень документов, которые в качестве приложения закрепляются в запросе о передаче лиц из государств исполнения наказания, отличается от перечня документов в запросе принимающего государства, и данное обстоятельство влияет на содержание запроса.

Если имеется в виду запрос о передаче из государства, в котором осужденный исполняет наказание, то в нем указывается приблизительно следующее: «направить в наш адрес решение суда или другого компетентного органа о признании приговора суда с установлением порядка и условий отбывания наказания (в том числе вида исправительного учреждения) и т.п.»¹⁶

В соответствии со ст. 7 Берлинской конвенции в случаях обращения компетентного органа государства, судом которого вынесен приговор, к компетентному органу государства, гражданином которого является осужденный, в целях передачи осужденного для отбывания наказания к обращению прилагаются:

«а) удостоверение копии приговора и имеющихся по делу решений вышестоящих судебных инстанций, документы о вступлении приговора в законную силу; б) документ о части наказания, отбытой осужденным, и той части наказания, которая подлежит дальнейшему отбыванию в соответствии с законодательством государства, судом которого вынесен приговор...»¹⁷.

Но в случае, если запрос направляет принимающее государство, то какие требования предъявляются к перечню документов в качестве приложения к запросу? Этот вопрос

не регламентирован в Берлинской конвенции. Не всегда одинаковы возможности предъявить документы со стороны государства, выносящего приговор, и государства, принимающего осужденного. Данный вопрос учтен при правовой регламентации в Европейской конвенции и Конвенции СНГ, которая была принята после Берлинской конвенции. Согласно ст. 8 Конвенции СНГ к просьбе прилагаются: «сведения о личности осужденного (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения); сведения о гражданстве осужденного или его постоянном месте жительства; текст статей закона, из которых видно, что деяния, за которые лицо осуждено к лишению свободы, являются преступлением в Государстве исполнения приговора; письменное согласие осужденного..., а в случае неспособности осужденного к свободному волеизъявлению – согласие его законного представителя».

В соответствии со ст. 6 Европейской конвенции в качестве подтверждающего документы выступает государство исполнения приговора (в случае просьбы от государства вынесения приговора), которое предоставляет ему: «документ или заявление, указывающие, что осужденный является гражданином этого Государства; копию соответствующего закона Государства исполнения приговора...; заявление, содержащее информацию о признании и исполнении приговора и какой процедуры оно будет придерживаться».

Название данной статьи Конвенции дифференцирует при направлении запроса принимающую сторону и государство, которое передает лицо. Если запрос направляет компетентный орган государства вынесения приговора, кроме указанных документов, к просьбе прилагаются: удостоверенные «копии приговора и имеющихся по делу решений вышестоящих судебных органов, документов о вступлении приговора в законную силу; текст статей уголовного закона, на основании которых лицо осуждено...».

В соответствии со ст. 6 Европейской конвенции в случае запроса о передаче государство вынесения приговора предоставляет «следующие документы государству исполнения приговора, если только любое из этих государств уже не указало, что оно не согласится на передачу:

удостоверенную копию судебного решения и закон, на котором оно основано; заявление, указывающее, какая часть наказания уже отбыта, включая информацию о предварительном заключении...».

Учитывать положения международных договоров о перечне документов обязательно при направлении запроса. Информацию об обстоятельствах дела и обстоятельствах передачи компетентные органы иностранного государства получают из этих документов. Если не учитывать положения международных договоров, то возможны отклонение или отказ в передаче или принятии осужденных. Нормы международных договоров о перечне документов имеют открытый характер, и международные договоры предусматривают только обязательный перечень документов при обращении. Компетентные органы имеют право прикрепить в качестве приложения к запросу и другие документы – это документы, которые, как они считают, дают более подробную информацию об обстоятельствах дела, и это способствует ускорению процесса передачи. В разумных пределах при необходимости компетентные органы государств требуют друг от друга и другие документы для осуществления передачи осужденных и вынесения приговора.

К запросу о передаче обычно прилагаются такие документы, как заявление или ходатайство о передаче, копия приговора, справка о вступлении приговора в законную

14 Статья 2 Европейской конвенции: «Запрос о передаче может быть сделан либо Государством вынесения приговора, либо Государством исполнения приговора».

15 Статья 4 Конвенции СНГ: «Просьба о передаче осужденного может исходить как от Государства вынесения приговора, так и от Государства исполнения приговора».

16 Архив Генеральной Прокуратуры Республики Таджикистан. 2019.

17 Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания, в государстве, гражданами которого они являются (Берлин, 19 мая 1978 г.) // Ведомости ВС СССР. 1979. № 33. Ст. 539.

силу, справка о дополнительной мере наказания, справка об отбытой и не отбытой части наказания, справка о применении актов амнистии и помилования, характеристика на осужденного, справка о гражданстве и постоянном месте жительства и т.п.¹⁸

Переходим к исследованию вопроса о принятии решений о передаче осужденных в другое государство и фактической передаче осужденных. При получении запроса центральные органы как компетентные лица должны ознакомиться с запросом и его содержанием и тщательно проверить все прилагаемые документы. Как отмечает В.М. Волженкина, «ходатайства для принятия решения направляются в государство вынесения приговора» [3, с. 35]. А.Г. Калугин и Д.В. Шинкевич пишут: «Решение о передаче осужденного в страну его гражданства принимает государство, где вынесен приговор, вступивший в законную силу» [6, С. 173]. Государство, в котором центральный орган компетентен в решении вопроса о передаче осужденных, самостоятельно решает вопрос о передаче осужденных. Например, в Белоруссии и Латвии вопрос передачи осужденных в иностранное государство решает Генеральная прокуратура, в Казахстане и Туркменистане – Генеральный прокурор, а в Киргизии и Таджикистане – Генеральный прокурор или его заместители. Несмотря на это, при решении вопроса передачи осужденных в иностранное государство уполномоченный орган или должностные лица этого органа выступают от имени центрального органа. Министерство юстиции тоже может решать вопросы передачи осужденных, о чем свидетельствует законодательная практика Грузии и Украины. А в государствах, в которых центральный орган выступает как канал связи, а вопросы передачи решает суд, обстоятельства иные. Например, специфика передачи осужденных по национальному законодательству ФРГ, в отличие от УПК РФ, заключается в том, что предполагается взаимодействие и сотрудничество с федеральными землями, чьи высшие земельные суды должны решать вопрос о допустимости такой передачи лица для дальнейшего отбывания наказания в государстве его гражданства [11, с. 104].

Т.С. Эфендиев пишет, что «компетентными органами иностранного государства признаются органы, имеющие право принимать решение о передаче осужденного. К ним относятся, как правило, министерства юстиции и прокуратура» [14, с.9]. Следует отметить, что в некоторых постсоветских государствах, в которых вопрос передачи решает суд, независимо от того, что их компетентный орган направил поручение о передаче, суд может отклонить или отказать в передаче осужденных. Поэтому при направлении поручения о передаче в рамках международных договоров центральный орган в запросе просит представить максимальный перечень документов, предъявленных в суд. После того, как иностранное государство принимает решение о принятии осужденных и отправляет все документы в центральный орган этого государства, соответственно, те документы, которые собраны на территории своих государств, центральный орган (компетентный орган) представляет в суд для решения вопроса передачи осужденных.

В решении вопроса передачи осужденных суд является независимым. Суд в соответствии с представленным запросом и документами проверяет основания передачи осужденных, условия передачи осужденных, условия, при которых

передача осужденного не производится, т.е. имеются ли основания для отказа в передаче и в соответствии с нормами международных договоров и национального законодательства принимает решение. В случае предъявления ненадлежащим образом оформленных документов суд имеет право отложить передачу осужденных.

После принятия решения о передаче осужденных, отклонении или отказе в передаче осужденного в иностранное государство центральный орган уведомляет центральный орган иностранного государства. Если принято положительное решение, то компетентные органы решают в рамках международных договоров, норм национального законодательства или международных договоренностей место, время, порядок транзитной перевозки и организации передачи осужденного.

Фактическую передачу организует учреждение исполнения наказания или другие органы, которые в некоторых постсоветских странах подведомственны Министерству юстиции, а в некоторых – Министерству внутренних дел (например, в Казахстане) или, несмотря на подведомственность Министерству внутренних дел, – самостоятельные структуры, такие как Пенитенциарная служба (например, в Грузии до 2018 г. действовало Министерство исполнения наказаний и пробации). Определение органа, который организует передачу, не так распространено в уголовно-процессуальном законе постсоветских стран.

После передачи осужденных со стороны государства вынесения приговора и принятия государством исполнения наказания в отношении лиц действует юрисдикция государства исполнения наказания. Принявшее государство самостоятельно признает и обеспечивает исполнение наказания.

Как отмечает О.В. Панюшкина, «международные договоры устанавливают основания и условия признания иностранного приговора. Сама процедура признания международными договорами не регулируется. На внутригосударственное законодательство ложится задача обеспечить правоприменителю возможность исполнения норм международных договоров, признанных иностранных приговоров» [8, с. 353].

В данном контексте В. Ерохин отмечает, что «исполнение не отбытого до передачи осужденного наказания, а также полное или частичное освобождение от наказания после принятия решения об исполнении приговора осуществляется в соответствии с законодательством государства исполнения приговора. Пересмотр приговора в отношении переданного осужденного может быть осуществлен только компетентным судом государства вынесения приговора» [5, с. 36]. Как отмечает А.В. Гриненко, «...государство, которое принимает лицо для дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы, не должно ставить под сомнение приговор, вынесенный в иностранном государстве и вступивший в законную силу» [4, с. 4]. Одно из этих требований: «государство исполнения приговора обеспечивает продолжение отбывания наказания в соответствии со своим законодательством, не ухудшая положение осужденного» [1, с. 211]. По мнению Т.С. Эфендиева, «приговор иностранного государства должен быть легализован» [5, с. 11].

Среди постсоветских стран невозможно найти хотя бы два государства, которые имели бы единообразный уголовный кодекс по содержанию и по определению меры наказания и условий исполнения наказания. Как отмечает Е.В. Быкова, «в правоприменительной практике возникают различные коллизии» [2, с. 53]. С учетом данной проблемы суд

18 Архив Генеральной Прокуратуры Республики Таджикистан. 2019.

государства независимо решает судьбу дальнейшего исполнения приговора, но о результатах необходимо осведомить компетентные органы государства, выносящего приговор, через центральный орган. В отношении лиц возможны применение помилования или амнистии и наступление таких же правовых последствий осуждения, как и в отношении лиц, осужденных на территории этого государства за совершение такого же преступления.

Как отмечает Л.А. Лазутин, «передача осужденного лица ... предусматривает производство процессуальных действий, с тем чтобы исполнение принимающим осужденное лицо государством приговора (курсив мой. – П.А.) иностранного уголовного суда в части, касающейся вида, меры, порядка и условий отбывания, максимально соответствовало наказанию, определенному передаваемому лицу» [7, с. 310]. По мнению А.Г. Калугина и Д.В. Шинкевича, «передача осужденного... добровольное признание и исполнение принимающим осужденное лицо государством приговора иностранного уголовного суда в максимальном соответствии в части, касающейся вида, меры, порядка и условий отбывания наказания, определенного передаваемому лицу. Несомненно, в этих обстоятельствах признание исполнения наказания является составной частью передачи лиц» [6, с. 169].

Таким образом, передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в иностранное государство – это добровольное взаимодействие компетентных органов государств и признание и исполнение приговора в этой части является составной частью передачи осужденного.

Передача осужденных лиц является механизмом международного сотрудничества, однако для реализации данного механизма необходимо установить порядок реализации. В некоторых постсоветских странах, особенно в прибалтийских странах (Латвия и Эстония), передача лиц регламентируется как процесс исполнения наказания, хотя в этом случае исполнение наказания является составной частью передачи осужденных. Передача осужденных – это не только процесс исполнения наказания, но и процесс перевода лиц из одного государства в другое государство, и без сотрудничества этот процесс невозможен. Исполнение наказания как составная часть передачи осужденных лиц начинается только после фактического приема осужденных государством их гражданства или места фактического проживания.

С расширением сферы применения передачи осужденных лиц расширяются и проблемы данного института. В любом случае принятие своих граждан, осужденных в других государствах, является правом государства, поскольку при передаче осужденных одним из условий является согласие государства, которое их принимает. Принятие осужденных лиц не составляет обязанность государств, соответственно нет и обязанности государств по их передаче.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюков П.Н. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. 368 с.
2. Быкова Е.В. Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является: значение и проблемы. Прокурорская и следственная практика. 2006. № 3/4. С.51-54

3. Волженкина В.М. Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции / Науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 1998. 44 с.
4. Гриненко А.В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства. Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 3-4.
5. Ерохин В. Передача осужденных на родину для дальнейшего отбывания наказания. Российская юстиция. 1999. № 8. С. 35-36.
6. Калугин А.Г., Шинкевич Д.В. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики: Учеб. пособие. Красноярск, 2006. 192 с.
7. Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс. Екатеринбург, 2008. 404 с.
8. Панюшкина О.В. Нормы законодательства Российской Федерации о признании и исполненные приговоров иностранных судов. Вестник ВГУ. Сер. Право. 2007. № 2. С. 353-359
9. Санташов А.Л., Санташова Л.Л. Процессуальные гарантии реализации прав осужденных к лишению свободы на различных этапах передачи для отбывания наказания в государство их гражданства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 48-52.
10. Санташова Л.Л. Зарубежный опыт передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство их гражданства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 226-231
11. Санташова Л.Л., Серякова И.Н. Санташов А.Л. Особенности передачи осужденных для отбывания наказания по законодательству ФРГ // Закон и право 2017. № 12. С.102-104
12. Смирнов А.М. Процессуальный порядок передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания в государство их гражданства наказания // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21-23 нояб. 2017 г.): В 8 т. Рязань, 2017. С. 231-232.
13. Шабанов В.Б. Европейский опыт передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государства их гражданства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 11-13
14. Эфендиев Т.С. Передача лица для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является // Российский следователь. 2009. № 22. С. 8-13.

ЗАВГОРОДНЕВА Екатерина Валерьевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Статья посвящена рассмотрению оснований наделения лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ, особым уголовно-процессуальным статусом. Отмечается, что наличие такой категории лиц многими учеными оценивается как противоречащее конституционным нормам. Указывается, что причиной отступления законодателем от ряда фундаментальных принципов права выступает не только социальное значение деятельности данных лиц в государственном масштабе, но доверие, оказываемое им обществом самим фактом наделения определенными полномочиями. Делается вывод, что предусмотренные УПК РФ изъятия из общего порядка производства заключаются не только в обеспечении гарантий обоснованности и законности принимаемых уголовно-процессуальных решений в отношении таких лиц, но и в том, что первоочередной задачей органов расследования должно быть исключение возможной связи подлежащего расследованию преступного события с противодействием выполнению этими лицами общественно значимых функций.

Ключевые слова: уголовный процесс, лица с особым статусом, общественно значимые функции, неприкосновенность, гарантии.

ZAVGORODNEVA Ekaterina Valerjevna

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Orenburg State University

REFLECTIONS ON THE REASONS FOR THE SPECIAL CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS

The article is devoted to the consideration of the grounds for granting persons listed in Article 447 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation a special criminal procedural status. It is noted that the presence of such a category of persons is assessed by many scientists as contrary to constitutional norms. It is indicated that the reason for the legislator's deviation from a number of fundamental principles of law is not only the social significance of the activities of these persons on a state scale, but the trust placed in them by society by the very fact of granting certain powers. It is concluded that the exceptions provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation from the general procedure of production consist not only in ensuring the validity and legality of the criminal procedural decisions taken against such persons, but also in the fact that the primary task of the investigation bodies should be to exclude the possible connection of the criminal event to be investigated with the counteraction to the performance of socially significant functions by these persons.

Keywords: criminal proceedings, persons with special status, socially significant functions, immunity, guarantees.

Производство по уголовным дела в порядке гл. 52 УПК РФ относится к одному из трех видов усложненных особых производств, выделенных в части четвертой уголовно-процессуального закона, дифференциация которых определяется категорией лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Но если в главах 50 и 51 УПК РФ отдельное выделение категорий лиц продиктовано их определенными личностными особенностями (несовершеннолетие и невменяемость), то в гл. 52 УПК РФ такой особенностью является занимаемое лицом положение, его особый общественный статус.

К лицам с особым статусом (ч. 1 ст. 447 УПК РФ) законом отнесен ряд представителей органов законодательной, исполнительной и судебной власти. При этом достаточно закономерным и легко объяснимым ссылкой на положения Конституции РФ является отнесение к таким лицам Президента РФ, прекратившего исполнение своих обязанностей, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации и судей в связи с их наделением на уровне основного закона государства соответственно президентской (ст. 91), депутатской (ст. 98) и судейской (ст. 122) неприкосновенностью. При этом распространение последней из

перечисленных конституционных норм на всех без исключения судей обусловлено единством их статуса, вне зависимости от уровня суда [1, с. 181].

Вместе с тем, в приведенном в ч. 1 ст. 447 УПК РФ перечне содержатся не только субъекты, обладающие конституционной неприкосновенностью. В частности, этого нельзя сказать о депутатах законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и местных органов самоуправления, о должностных лицах Счетной палаты РФ, прокурорах, следователях и др. В отношении отнесения таких лиц к субъектам с особым статусом в научной литературе высказываются суждения о том, что подобное положение противоречит конституционным нормам и, прежде всего, нормам, гарантирующим равенство всех российских граждан перед законом и судом (ст. 19), а также государственную защиту их прав и свобод (ст. 45). Более того, исходя из положений признаваемых приоритетными норм международного права, не должна иметь места никакая дискриминация прав граждан на равную защиту закона. Данное положение отражено в ст. 26 Пакта о гражданских и политических правах. Согласно же ст. 2 указанного документа обязанностью государства яв-

ляется правовая защита потерпевшего даже в том случае, если причиненный ему вред стал результатом действий официального лица, реализующего свои должностные полномочия. В этой связи К. Д. Ванян указывает на резкое ограничение прав граждан на доступ к правосудию в случае совершения в их отношении преступлений кем-либо из лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, при этом, по его мнению, компенсация причиненного ущерба потерпевшим в лучшем случае откладывается на неопределенный срок [2, с. 512].

Следует отметить, что с момента появления в УПК РФ гл. 52 в перечень перечисленных в ч. 1 ст. 447 субъектов неоднократно вносились дополнения. Так, в 2002 г. п. 2 указанной нормы дополнился такими лицами, как присяжные и арбитражные заседатели. Но в отличие от судей, обладающих неприкосновенностью весь период обладания судебским статусом, в отношении такой гарантии для добавленных в норму лиц содержится важное уточнение – лишь в период осуществления ими правосудия¹.

В 2003 г. в указанную норму добавлен п. 9, включивший в перечень особых субъектов членов избирательной комиссии и комиссии референдума, обладающих правом решающего голоса². В 2007 г. комментируемая норма «обогатилась» еще тремя пунктами: в апреле – пунктом 10³ и в июне – пунктами 6.1и 6.2⁴, наделивших особым уголовно-процессуальным статусом соответственно зарегистрированного кандидата в депутаты Государственной Думы и зарегистрированного кандидата в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ – в первом случае и председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ (с 2010 г. – председателя Следственного комитета РФ⁵) и руководителя следственного органа – во втором.

В этой связи указанный перечень затруднительно назвать исчерпывающим и неизменным, поскольку нельзя исключить вероятность его дальнейшего расширения, о чем многими исследователями продолжают вноситься предложения законодателю. Нами в этом отношении разделяется позиция ученых, настаивающих на минимальном перечне обладающих особым статусом субъектов уголовно-процессуальных отношений. Но, вместе с тем, в отношении предлагаемой некоторыми авторами ревизии уголовно-процессуального законодательства с целью исключения из него гл. 52 УПК РФ и возврата к прежнему положению дел, когда особенности производства по делам обладающих неприкосновенностью лиц были отражены только в нормах, регламентирующих порядок принятия ряда процессуальных решений и проведения ряда уголовно-процессуальных действий [2, с. 316], считаем необходимым высказать возражение. На наш взгляд, напротив, объединение кодифицированным законодательством в одной

главе бывших ранее разрозненными норм об особенностях привлечения к уголовной ответственности специальных субъектов в самостоятельный правовой институт является положительным явлением, облегчающим деятельность правоприменителя, поскольку для него отпадает необходимость обращения к нормам иных отраслей права.

Тем не менее, считаем, что отнесение отдельных граждан к категории специальных или особых субъектов уголовно-процессуальных отношений должно быть достаточным образом обоснованно до полной ясности причины отступления законодателем от ряда фундаментальных принципов права. Такой причиной может выступать исключительно социальное значение деятельности данных лиц в государственном масштабе.

В этой связи, как уже отмечалось, что не нуждается в дополнительном обосновании необходимость особого отношения в уголовно-процессуальной сфере к лицам, наделенным конституционной неприкосновенностью. При этом отметим, что, несмотря на то, неприкосновенность некоторых из перечисленных в ст. 447 УПК РФ лиц в федеральном законодательстве напрямую не отражена, ее необходимость обусловлена закреплением в нем таких принципов, как независимость и невмешательство в их профессиональную деятельность. Поэтому установленные УПК РФ изъятия из общих правил расследования уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц не предполагают приобретение ими личных выгод или исключение уголовной ответственности, наступление которой лишь жестко увязано с выполнением предусмотренных гл. 52 УПК РФ условий, но призваны способствовать реализации указанных принципов и обеспечению гарантий эффективности выполнения такими лицами возложенных на них важнейших общественных и государственных функций. Поэтому юридически основанием допустимости таких исключений являются конкурирующие в данном случае с принципом равенства граждан принципы разделения властей и независимости.

Деятельность лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ непосредственно связана с решением общественно значимых задач. В основном речь идет о деятельности должностных лиц государственных органов, требующей повышенных гарантий их самостоятельности и независимости. Исключения составляют адвокаты, деятельность которых не связана с государственной службой, но от этого она не становится менее общественно значимой.

Осуществление государственной, публичной деятельности предполагает наличие определенных властных и иных полномочий, которыми и обусловлено особое отношение к данным категориям субъектов в сфере уголовно-процессуальных отношений. В научной литературе полномочия рассматриваются как отраженные в законе требования к определенным действиям властных субъектов и их поведению в целом, как их право на принятие решений и обязанность при этом действовать на началах разумности и добросовестности. При этом закрепление особых полномочий осуществляется на уровне конституций, а наиболее полный их перечень содержится в так называемых статутных законах и положениях о соответствующих органах [3, с. 45; 4, с. 153].

Статутные законы и законы об органах, регламентирующие полномочия и деятельность включенных в гл. 52 УПК

1 Федеральный закон от 29 мая 2002 № 58-ФЗ (ред. от 29.12.2010) // СЗ РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2027.

2 Федеральный закон от 04 июля 2003 № 94-ФЗ (ред. от 09.03.2016) // СЗ РФ. – 2003. – № 27 (ч. 2). – Ст. 2708.

3 Федеральный закон от 26 апреля 2007 № 64-ФЗ (ред. от 01.06.2017) // СЗ РФ. – 2007. – № 18. – Ст. 2118.

4 Федеральный закон от 05 июня 2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

5 Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 16.

РФ категорий лиц, имеются в настоящее время практически для каждой из них. Исключение составляют следователи, для которых издание закона о статусе затруднительно в связи с их различной ведомственной принадлежностью.

В связи с тем, что приобретение статуса каждого из перечисленных в ст. 447 УПК РФ лиц осуществляется не иначе, как посредством назначения или избрания на соответствующую должность, это предполагает определенные цензы не только к возрасту, образованию, профессиональному опыту, но и к их моральному облику. Последний ценз имеет прямое закрепление, в частности, в законах об органах практически всех профессиональных юридических сообществ, а также в нормах обязательных для исполнения их представителями соответствующих кодексов профессиональной этики. И здесь не являются исключением лица, занимающие должности следователя и руководителя следственного органа, поскольку ч. 1 ст. 16 Федерального Закона «О Следственном комитете Российской Федерации», предъявляемые к ним требования касаются не только профессиональных, но и моральных качеств⁶.

Именно соответствием личности лиц необходимым цензам обусловлено то доверие, которое оказывает им общество самим фактом избрания или назначения на должности, непосредственным образом влияющие на должное функционирование государства.

На важную роль такого фактора, как доверие к общественным институтам и их властным представителям и необходимость его направленного формирования для нормального развития правового государства, обоснованно указывается многими исследователями [5, с. 18; 6, 154]. В частности, по мнению Т. П. Скрипкиной, оказание доверия предполагает представление об объекте оценки с позиции его надежности и потенциальной полезности (значимости) его будущих действий [7, с. 85], поэтому подразумевает определенные ожидания со стороны общества в отношении отдельных действий, решений и поведения в целом представителей определенных профессиональных сообществ и должностных лиц. Такое ожидание базируется на должностовании в представлении граждан соответствия действий указанных лиц выполняемым ими общественно значимым функциям, а также существующим в обществе правовым и моральным нормам и критериям справедливости.

На наш взгляд, наличие в отношении абсолютного большинства субъектов рассматриваемого института повышенных строгих требований, в том числе моральных, к их облику и поведению, само по себе должно предполагать минимальную вероятность с их стороны проявления противоправного поведения. Исходя из этого, предусмотренные г. 52 УПК РФ изъятия из общего порядка производства по уголовным делам заключаются не в обеспечении больших гарантий обоснованности и законности принимаемых уголовно-процессуальных решений в отношении наделенных специальным статусом лиц, поскольку такие гарантии должны быть предоставлены каждому гражданину, вне зависимости от его общественного положения, и каждый вправе на них рассчитывать, а в том, что первоочередной

задачей органов расследования должно быть исключение возможной связи подлежащего расследованию преступного события с противодействием выполнению указанными лицами общественно значимых функций.

Пристатейный библиографический список

1. Корнакова С.В., Щербакова И.А. Гарантии независимости, обеспечивающие статус судьи в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 433. – С. 180-185.
2. Ванян К.Д., Гильманов И.Р., Костерин В.В., Лысов Н.Н. Неприкосновенность отдельных категорий лиц как институт уголовно-процессуального права // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики-2020: Сб. докладов по мат-лам Междунар. науч.-практ. Ростов-на-Дону – Таганрог, 23–24 октября 2020 г. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – С. 511-517.
3. Корнакова С.В., Щербакова И.А. Правовой статус судей: терминологические проблемы определения содержания понятия // Российский судья. – 2018. – № 4. – С. 43-47.
4. Олейник О.М. Договор о передачи полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. – 2015. – № 12. – С. 150-158.
5. Корнакова С.В. К вопросу о факторах, влияющих на формирование доверия общества к суду и правосудию // Российский судья. – 2020. – № 1. – С. 14-19.
6. Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76. – С. 151-175.
7. Скрипкина Т.П. Психология доверия: учеб. пособ. / Ред. Г.С. Прокопенко. – М.: Изд. центр «Академия», 2000. – 264 с.

⁶ Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 403-ФЗ (ред. от 01.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 15.

ИВАНОВА Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Сибирского федерального университета

НЕДБАЙЛОВ Павел Андреевич

магистрант юридического института Сибирского федерального университета

ПОРЯДОК СОБИРАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуется проблема сбора цифровой информации при производстве предварительного расследования по уголовным делам. Рассматриваются основные способы вовлечения цифровой информации в уголовный процесс. Определяются следственные и иные процессуальные действия, направленные на закрепление цифровой информации, поднимаются дискуссионные вопросы, связанные с законодательным регулированием порядка обращения со сведениями, представленными в цифровой форме, при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: цифровая информация, доказывание, сбор доказательств, цифровое доказательство, электронный носитель информации, следственное действие.

IVANOVA Olga Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

NEDBAYLOV Pavel Andreevich

magister student of the Institute of Law of the Siberian Federal University

THE PROCEDURE FOR COLLECTING DIGITAL INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the problem of collecting digital information in the course of a preliminary investigation in criminal cases. The main ways of involving digital information in the criminal process are considered. Investigative and other procedural actions aimed at securing digital information are determined, debatable issues related to legislative regulation of the procedure for handling information presented in digital form during the investigation of criminal cases are raised.

Keywords: digital information, evidence, collection of evidence, digital evidence, electronic media, investigative action.

Иванова О. Г.

Недбайлов П. А.

В современном обществе стремительно развиваются цифровые технологии, электронные способы коммуникации и обмена информацией. Электронно-цифровая форма взаимодействия между различными субъектами давно приобрела общедоступный характер и на сегодняшний день играет важнейшую роль практически во всех сферах деятельности человека. Юриспруденция, уголовное право и уголовный процесс не являются исключением.

Увеличивается количество преступлений, совершаемых в электронно-цифровой среде, способы их совершения становятся все более разнообразными. Кроме того, сведения и об «общеуголовных» преступлениях зачастую сохраняются именно в цифровой форме. Все это указывает на необходимость использования цифровой информации в уголовном процессе, в том числе в качестве доказательств по уголовным делам.

Отыскание и закрепление сведений (в том числе представленных в цифровой форме), имеющих значение для уголовного дела, представляют собой основу процесса доказывания по уголовному делу. При этом каждому виду доказательств соответствует свой определенный порядок собирания и закрепления доказательственной информации, а нарушение данного порядка приводит к признанию полученных доказательств недопустимыми. Вместе с тем в ст. 74 УПК РФ не выделяется самостоятельного вида «цифрового доказательства», в связи с чем возникает закономерный во-

прос: как и в какой форме данный вид информации может быть вовлечен в уголовный процесс?

Мы разделяем позицию относительно того, что в современных реалиях уголовного судопроизводства цифровая информация может восприниматься в рамках одного из уже существующих видов доказательств – вещественного доказательства или иного документа [9, ст. 705], и подробно на этом останавливаться не будем. Представляется важным обратить внимание на то, как и какими конкретно способами информация, представленная в цифровой форме, может быть собрана в ходе осуществления досудебного производства по уголовному делу.

В ст. 86 УПК РФ законодателем закреплено лишь два собирания доказательств по уголовному делу – это проведение следственных или иных процессуальных действий. Соответственно, данный порядок будет распространяться и на собирание цифровой информации.

Правовой анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что в рамках производства следственных действий также существует несколько основных способов собирания цифровой информации, которые заключаются либо в изъятии электронных носителей информации у их владельцев с последующим исследованием имеющейся на них цифровой информации, либо в копировании необходимой информации без изъятия ее непосредственных носителей.

Далее остановимся на конкретных следственных действиях, направленных на собирание цифровой информации. Носителем цифровой информации всегда является электронное или иное техническое устройство, специально предназначенное для хранения и обработки такого рода информации. Поскольку такое устройство представляет собой материальный объект (смартфон, ноутбук, планшет, видеорегиистратор, карта памяти и т.д.), то самый простой и эффективный способ получения необходимой цифровой информации заключается в изъятии ее носителя. Такое изъятие может осуществляться в рамках производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, обыска, личного обыска, выемки. Дальнейшее же исследование информации осуществляется посредством ее осмотра.

При этом, как отмечает О.В. Добровлянина, «необходимо ограничивать выемку электронных носителей информации (и копирование интересующей следствие цифровой информации) от выемки, например, сотового телефона, который был украден» [6, с. 645]. В первом случае действия субъекта доказывания в первую очередь направлены на получение доказательственной информации, представленной в цифровой форме. В связи с чем обязательному соблюдению будут подлежать не только общие правила производства следственных действий, но и особенности, предусмотренные ст. 164.1 УПК РФ, касающиеся обязательного участия специалиста и понятых. Во втором случае изъятию подлежит предмет преступного посягательства, который не содержит в себе какой-либо цифровой информации, имеющей значение для расследования уголовного дела. В связи с чем указанные правила в данной ситуации применяться не будут.

Обязательность участия специалиста при изъятии электронных носителей информации является крайне дискуссионным вопросом. Несмотря на, казалось бы, прямое законодательное регулирование данного положения, в научной литературе не утихают споры по этому поводу. Обобщив теоретические предложения различных авторов, можно выделить следующие основные подходы к решению данного вопроса.

В первом случае критерием обязательности участия специалиста является потребность уполномоченных лиц в специальных познаниях, необходимых для изъятия электронных носителей информации. На это обращает внимание С.Н. Воробей, который отмечает, что «при изъятии таких электронных носителей, как карт флеш-памяти, CD дисков и иных подобных носителей, нет необходимости в привлечении специалиста, поскольку такие носители используются повсеместно и достаточно просты в обращении» [2, с. 113].

С.В. Зуев и В.С. Черкасов в своей работе называют положения об обязательном привлечении специалиста при изъятии электронных носителей информации анахронизмом и предлагают предоставить следователю право привлекать специалиста для изъятия электронных носителей информации только тогда, когда для этого действительно требуются специальные умения и знания [8, с. 196]. В обоснование своих выводов они указывают на то, что в условиях современного развития общества взаимодействие с различными техническими устройствами уже не вызывает необходимости в использовании субъектом доказывания каких-либо специальных познаний и навыков.

Во втором подходе предлагается учитывать способ, а также саму процедуру изъятия цифровой информации. Так, А.Р. Гузин и Ю.М. Валиева предлагают допустить возможность изъятия электронных носителей информации без участия специалиста, если при их изъятии не производится копирование содержащейся на них информации [5, с. 34].

На это обращает внимание и Ю.В. Гаврилин, который отмечает, что обязательное участие специалиста необходимо либо в случаях, когда заявлено ходатайство о копировании информации с электронных носителей, либо «если в ходе

следственного действия проводится непосредственное восприятие и исследование информации, содержащейся на электронном носителе информации как, например, в случае его осмотра, либо при осуществлении копирования информации» [3, с. 48].

Неоднозначно законодатель урегулировал и порядок обращения с электронными сообщениями, имеющими значение для уголовного дела. Так, в ч. 7 ст. 185 УПК РФ законодатель предусмотрел, что электронные сообщения или иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения, при наличии достаточных оснований полагать, что они имеют значение для уголовного дела, по решению суда могут быть осмотрены и изъяты в ходе выемки.

Однако не совсем понятно, что имел в виду законодатель, предусматривая возможность «изъятия» самих электронных сообщений. Если смысл был в изъятии электронных носителей таких сообщений (мобильных телефонов, планшетов и т.д.), то использованная формулировка представляется достаточно спорной. Если же законодатель буквально указывает на возможность выемки сообщений, то есть своего рода сведений — информации, представленной в электронной форме, то это противоречит ст. 183 УПК РФ, предусматривающей возможность выемки только предметов или документов, но никак не информации в чистом виде.

Здесь же стоит затронуть проблему, связанную с сохранением тайны переписки, почтовых и иных сообщений. Согласно ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения, и если в случае изъятия и осмотра электронных сообщений ст. 185 УПК РФ прямо предусматривает необходимость получения судебного решения, то, например, порядок осмотра мобильных телефонов и их содержимого согласно ст. 177 УПК РФ такого требования не содержит.

Более того, определением Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» было указано, что проведение осмотра и экспертизы с целью получения имеющей значение для уголовного дела информации, находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий в установленном законом порядке, не предполагает вынесения об этом специального судебного решения¹. При этом «засиленная» конституционным судом следственная практика по изъятию мобильных телефонов и последующему осмотру их содержимого на наш взгляд представляется достаточно спорной и требует дальнейшего осмысления и регулирования в соответствующих нормах УПК РФ.

Цифровая информация не может быть непосредственно воспринята человеком. Для ее восприятия всегда необходимо использование определенных технических средств или устройств, специально предназначенных для преобразования ее в форму, пригодную для усвоения человеком. Таким образом, человек не может являться носителем цифровой информации, и она, соответственно, не может быть получена в результате производства следственных действий, направленных на взаимодействие с самим человеком — допрос, очная ставка, освидетельствование.

1 Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.05.2022 г.).

Однако важно отметить, что сведения, полученные в ходе, например, допроса, могут быть зафиксированы на электронном носителе информации. Так, согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киностемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия печатаются. Федеральным законом от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», УПК РФ и вовсе был дополнен статьей 189.1, допускающей проведение допроса, очной ставки и опознания путем использования систем видео-конференц-связи². При этом применение видеозаписи в ходе данных следственных действий является обязательным условием их осуществления.

Учитывая, что современные средства аудио- и видеозаписи являются цифровыми, в результате их применения создается файл данных, который обладает всеми свойствами цифровой информации. По окончании допроса данный файл записывается на электронный носитель информации и в соответствии с ч. 8 ст. 166 и ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ оформляется приложением к протоколу допроса.

Цифровая информация при расследовании преступлений может быть собрана и в рамках проведения контроля и записи переговоров. Как уже отмечалось, в условиях современного общества большинство переговоров осуществляется посредством использования смартфонов и других технических устройств, а все записи хранятся на специальных серверах в форме цифровой информации. Результатом записи переговоров является фонограмма, которая в последствии и передается следователю или дознавателю. Таким образом, собирание цифровой информации в ходе контроля и записи переговоров осуществляется посредством изъятия ее носителя в порядке ч. 8 ст. 186 УПК РФ, который в последствии приобщается к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства [7, с. 126].

При этом, согласно общим правилам производства следственных действий, закрепленным в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных частью первой статьи 164.1 УПК РФ.

В связи с чем на сегодняшний день очень актуален второй способ собирания информации путем проведения следственных действий, заключающийся в копировании такой информации без изъятия ее носителей. В данном случае копирование может быть осуществлено при производстве практически тех же следственных действий, в рамках которых возможно изъятие электронных носителей информации. При этом в протоколе следственного действия должны быть указаны технические средства, примененные при осуществлении копирования информации, порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены и полученные результаты, а к протоколу должны прилагаться электронные носители информации, содержащие информацию, скопированную с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия.

Кроме того, помимо традиционного копирования информации, представленной в виде файлов, электронных

документов, аудио- и видеозаписей (то есть фактического «переноса» указанных сведений с одного электронного носителя информации на другой), на сегодняшний день широко распространен и иной способ закрепления цифровой информации, заключающийся в изготовлении скриншотов — снимков экрана, запечатлевающих исследуемую информацию. Получение доказательственной информации в данном случае является специфической формой копирования цифровой информации, а применяется данный способ при необходимости зафиксировать какие-либо сообщения, переписки, информацию, размещенную в социальных сетях или на страницах веб-сайтов, а также иные сведения, представленные в цифровой форме и неподдающиеся копированию в «традиционном» понимании.

Цифровая информация может содержаться не только на конкретном устройстве, локальном электронном носителе, но и в «компьютерной» сети, в том числе сети «Интернет». При нахождении необходимой информации в сети (YouTube, социальные сети, сайты) она в большинстве случаев хранится не на устройствах, обеспечивающих доступ к ней, а на специальных серверах, созданных непосредственно для хранения, обработки и передачи такой информации. Расположение таких серверов может быть неизвестно, либо они могут располагаться далеко за пределами юрисдикции Российской Федерации. В таком случае доступ к ним субъекта доказывания будет затруднен или невозможен, а зачастую попросту лишен процессуального смысла. В данной ситуации собирание цифровой информации возможно посредством осуществления следственного осмотра, а все необходимые сведения закрепляются посредством такого следственного действия, как осмотр предметов.

Важно отметить, что если в случаях осмотра конкретного технического устройства (телефона, компьютера), когда цифровая информация хранится именно в памяти данного устройства, осуществление такого следственного действия как «осмотр предметов» еще в какой-то мере уместно и может быть оправданно, то в случае получения информации из компьютерной сети (сети «Интернет»), когда осмотру подлежит не само цифровое устройство, как предмет, а, например, сайт или веб-страница, осуществление «осмотра предметов» выглядит странным.

При этом само цифровое устройство в большинстве таких случаев не имеет никакого отношения к событию преступления, а является лишь способом получения доступа к цифровой информации, размещенной на определенном информационном ресурсе. Как отмечает А.А. Балашова, «при использовании компьютера, фактически не относящегося к расследуемому событию, для осуществления доступа в компьютерную сеть в процессе производства следственного действия, визуальное восприятию участников осмотра подлжит преобразованная с его помощью компьютерная информация, физически находящаяся на других электронных носителях, вне границ объекта осмотра» [1, с. 123]. Таким образом, законодатель не закрепил конкретного следственного действия, направленного на получение цифровой информации, содержащейся в компьютерной сети, а следственная практика пошла по пути «подмены» объекта осмотра.

В связи с чем, Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин предлагают «регламентировать процедуру изъятия доказательственной информации, находящейся на соответствующих страницах интернет-сайтов (сайтов социальных сетей, блогов, электронной почты, иных интернет-сервисов), путем введения в УПК РФ самостоятельного вида осмотра — дистанционного осмотра информационных ресурсов, который будет производиться в помещении следственного органа (органа дознания)» [4, с. 111-112].

А.Н. Першин также указывает на целесообразность и перспективность введения в УПК РФ нового вида следственного осмотра — осмотра сетевых информационных ресурсов [10, с. 13].

² Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – [Электронный ресурс] – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.05.2022 г.).

Помимо этого, предлагается выделение также и дистанционного обыска, под которым понимается «принудительное обследование информационной системы, находящейся на электронных носителях за пределами места производства следственного действия, доступ к которым ограничен ее обладателем и осуществляется посредством компьютерных сетей» [1, с. 133]. Разграничение же между дистанционным осмотром и дистанционным обыском должно состоять в том, что обыск будет направлен на принудительное получение информации из источников, доступ к которым в обычном порядке ограничен для неограниченного круга лиц. Осмотр же должен представлять получение информации из общедоступных информационных источников.

Интересным является вопрос, связанный с собиранием цифровой информации посредством осуществления судебной экспертизы. Цель экспертизы заключается не в закреплении той цифровой информации, которая была изъята или скопирована у ее владельцев, а в получении совершенно новой информации, основанной на исследовании полученных таким образом сведений, отражаемой в заключении эксперта. Следователь (дознатель) передает эксперту собранную в рамках других следственных действий цифровую информацию и ставит перед ним соответствующие вопросы, ответы на которые будут представлять значимую для дела информацию. При этом часть сведений (фотографии, схемы, графики) могут находиться в цифровой форме, располагаться на цифровых носителях информации (CD-диск и т.д.) и являться частью заключения эксперта в качестве приложений. Таким образом, в рамках проведения экспертизы в какой-то части может быть собрана новая цифровая информация, приобретающая доказательственную силу в качестве заключения эксперта, хотя сама судебная экспертиза, как следственное действие, конечно, на собирание цифровой информации в полной мере не направлена.

В рамках иных процессуальных действий цифровая информация может быть собрана путем осуществления запросов и приобщения к материалам дела в качестве вещественного доказательства или иного документа предоставленной от различных субъектов информации, находящейся на электронных носителях. Кроме того, закон наделил подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также защитника правом участвовать в процессе собирания доказательств путем представления документов и предметов субъекту доказывания для приобщения их к материалам дела.

С учетом изложенного можно сделать следующие выводы. Цифровая информация, в рамках производства предусмотренных законом следственных действий, может быть получена в результате осуществления таких следственных действий, как осмотр предметов, места происшествия, местности, жилища, иного помещения, обыск, личный обыск, выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, судебная экспертиза. Сведения, полученные в ходе проведения допроса или очной ставки, в том числе путем проведения видео-конференц-связи, также могут быть зафиксированы в форме цифровой информации, представленной на соответствующих электронных носителях.

В зависимости от обстоятельств, при производстве следственных действий цифровая информация может быть либо изъята вместе со своими носителями, либо скопирована без изъятия последних.

При производстве иных процессуальных действий цифровая информация может быть получена путем направления следователем или дознавателем соответствующих запросов. Кроме того, цифровая информация может быть вовлечена в уголовный процесс в результате приобщения представленных от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, граж-

данского истца, гражданского ответчика, а также защитника сведений, находящихся в цифровой форме.

При этом стоит отметить, что законодательные положения, регулирующие порядок и особенности собирания цифровой информации, отличаются рядом существенных проблем. Спорно выглядят положения, связанные с обязательным участием специалиста при изъятии электронных носителей информации. Противоречивыми представляются формулировки, предписывающие производить «выемку» электронных сообщений, содержащиеся в ст. 185 УПК РФ. Налицо отсутствие должного регулирования порядка получения цифровой информации, содержащейся в компьютерных сетях и в сети «Интернет», в связи с чем следственная практика вынуждена идти по пути адаптации уже существующих следственных действий к современным реалиям развития общества. Еще более важной представляется проблема, связанная с соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на тайну переписки и телефонных переговоров. Представляется, что положения УПК РФ, регламентирующие порядок производства следственных действий, которые потенциально могут посягать на конституционные права человека и гражданина, должны содержать положения об ограничении соответствующих прав только на основании судебного решения.

Все это указывает на то, что вопросы, связанные с порядком собирания цифровой информации и обращением с электронными носителями информации при проведении следственных действий, требуют большего внимания со стороны законодателя.

Пристатейный библиографический список

1. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2020.
2. Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Закон и право. – 2020. – № 1.
3. Гаврилин Ю.В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4.
4. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Собирание доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды академии МВД России. – 2018. – № 3.
5. Гузин А.Р., Валиева Ю.М. Проблемы регламентации собирания электронной информации в действующем законодательстве // *Juvenis scientia*. – 2017. – № 1.
6. Добровлянина О. В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 1.
7. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018.
8. Зуев С.В., Черкасов В.С. Новые правила изъятия электронных носителей и копирования информации: преимущества и недостатки новеллы // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 2.
9. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2019. – № 2.
10. Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов — новый вид следственного действия? // Российский следователь. – 2020. – № 1.

КЛЕЩЕВ Сергей Вячеславович

заместитель начальника кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Клещев С. В.

МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В США

В статье рассматриваются нормативные акты США, регулирующие вопросы противодействия киберпреступности, дается характеристика органов, ведущих работу по данному направлению. Анализируются существующие в США проблемы борьбы с киберпреступностью. В первую очередь отмечается отсутствие в США всеобъемлющего стратегического подхода к выявлению, остановке кибератак, наказанию лиц, их осуществляющих. Предлагаются меры для повышения ее эффективности. Подчеркивается необходимость конвергенции транснациональных усилий и ресурсов государственного и частного секторов, обеспечения надлежащей подготовки правоохранительных органов для проведения киберрасследований. Отмечается, что главным приоритетом для правительства США является укрепление международного сотрудничества и создание альянсов для коллективного реагирования на общие киберугрозы. Также следует устранить конфликты в функциях учреждений, ответственных за противодействие киберпреступности, уделяя особое внимание рационализации усилий, сокращению дублирования и уточнению юрисдикции. Делается вывод, что все эти области должны быть подкреплены всеобъемлющей стратегией киберприменения США, направленной на выявление, остановку глобальных кибератак и наказание лиц, их совершающих.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступники, киберрасследования, правоохранительные органы, стратегия, координация.

KLESHCHEV Sergey Vyacheslavovich

Deputy Head of Organization and provision of disclosure and investigation of crimes sub-faculty of the Tver branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

METHODS OF COUNTERING CYBERCRIME IN THE UNITED STATES

The article examines the US regulations regulating the issues of countering cybercrime, and gives a description of the bodies working in this area. The problems of combating cybercrime existing in the USA are analyzed. First of all, there is a lack of a comprehensive strategic approach in the United States to identify, stop cyber attacks, and punish those who carry them out. Measures are proposed to improve its effectiveness. The need for convergence of transnational efforts and resources of the public and private sectors, ensuring proper training of law enforcement agencies for conducting cyber investigations is emphasized. It is noted that the main priority for the US government is to strengthen international cooperation and create alliances for a collective response to common cyber threats. Conflicts in the functions of institutions responsible for countering cybercrime should also be eliminated, paying special attention to rationalizing efforts, reducing duplication and clarifying jurisdiction. It is concluded that all these areas should be supported by a comprehensive US cyber enforcement strategy aimed at identifying, stopping global cyber attacks and punishing those who commit them.

Keywords: cybercrime, cybercriminals, cyber investigations, law enforcement agencies, strategy, coordination.

Киберпреступность остается постоянной и безграничной угрозой, которая продолжает расти в размерах и масштабах, затрагивая как развивающиеся страны, так и страны с более высоким уровнем развития. Широкое использование технологий и растущие темпы подключения к Интернету по всему миру в сочетании с продолжающимся развитием новых технологий, которые обеспечивают анонимность в Интернете, сделали киберпреступность низкорисковым и высокодоходным предприятием для широкого круга государственных и негосударственных субъектов.

Однако, несмотря на относительно продолжающийся рост темпов киберпреступности во всем мире, правоохранительные органы пытаются идти в ногу со временем; страны по всему миру продолжают бороться с натиском киберпреступности, которая затронула их граждан, правительственные учреждения, гражданское общество и бизнес.

Несмотря на различия в профилях преступников и мотивах, большинство актов киберпреступности были признаны транснациональными по своему характеру в оценках имеющихся данных правоохранительных органов. Трансграничный характер Интернета означает, что преступники могут легко создавать совершенно новые категории преступле-

ний, которые могут пересекать границы с помощью нажатий на клавиши клавиатуры.

Один инцидент киберпреступности может поразить бесчисленное количество жертв во многих разных странах независимо от местонахождения преступников, что означает, что в расследованиях киберпреступлений часто должны участвовать правоохранительные органы, прокуроры и судьи в нескольких юрисдикциях. Это создает сложности для расследований правоохранительных органов, связанных с киберпреступностью, включая вопросы экстерриториальной юрисдикции и эффективности механизмов международного сотрудничества.

США признают серьезность проблемы киберпреступности как для общественного, так и для частного секторов, и предпринимает серьезные шаги для борьбы с этим видом киберугроз.

Федеральный закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях ("CFAA"), 18 U.S.C. § 1030, является основным законодательным механизмом судебного преследования за киберпреступность, включая хакерство, а также охватывает некоторые связанные с вымогательством преступления, такие как в контексте программ-вымогателей. CFAA

предусматривает как уголовные, так и гражданские наказания (которые в уголовном контексте могут варьироваться от 10 до 20 лет лишения свободы за некоторые преступления с отягчающими обстоятельствами).

Другие соответствующие законы, применимые к киберпреступлениям, включают Закон о защите электронных коммуникаций ("ЕСРА"), который обеспечивает защиту сообщений при хранении и передаче. В соответствии с Законом о хранящихся сообщениях (Раздел II ЕСРА), 18 U.S.C. § 2702, умышленный доступ без разрешения (или превышение разрешенного доступа) к объекту, предоставляющему услуги электронной связи ("ECS"), которые могут включать, среди прочего, поставщиков услуг электронной почты, является уголовным нарушением.

В дополнение к федеральным законам многие штаты приняли законы, запрещающие хакерство и другие киберпреступности, некоторые из которых шире, чем описано в федеральных законах. Нью-Йорк, например, запрещает сознательное использование компьютера с намерением получить доступ к компьютерным материалам (нарушение компьютерных прав), Уголовный закон Нью-Йорка § 156.10, с наказанием до четырех лет лишения свободы.

Правоохранительные органы играют важную роль в достижении целей кибербезопасности США, расследуя широкий спектр киберпреступлений. Министерство внутренней безопасности (DHS) работает с другими федеральными агентствами для проведения высокоэффективных уголовных расследований, чтобы победить киберпреступность, уделяя приоритетное внимание набору и обучению технических экспертов, разрабатывая стандартизированные методы и широко обмениваясь передовыми практиками и инструментами кибер-реагирования. Следователи по уголовным делам и эксперты по сетевой безопасности с глубоким пониманием технологий, используемых злоумышленниками, и конкретных уязвимостей, на которые они нацелены, работают над эффективным реагированием и расследованием киберинцидентов.

В 2008 году была создана Национальная объединенная целевая группа по киберрасследованию (NCIJTF) для выполнения функций координационного центра по координации деятельности правительства и обмену информацией о киберрасследованиях. Возглавляемая ФБР NCIJTF служит национальным центром для координации расследований киберугроз и позволяет обмениваться информацией между более чем 20 представителями агентств из правоохранительных органов, разведывательных и военных структур.

Структуры DHS, такие как Секретная служба США и Иммиграционная и таможенная служба США (ICE), имеют специальные подразделения, посвященные борьбе с киберпреступностью. Секретная служба США поддерживает целевые группы по электронным преступлениям, которые сосредоточены на выявлении и обнаружении международных киберпреступников, связанных с кибер-вторжениями, банковским мошенничеством, утечками данных и другими преступлениями в сфере компьютерной информации. Отдел киберразведки Секретной службы внес непосредственный вклад в арест транснациональных киберпреступников, ответственных за кражу сотен миллионов номеров кредитных карт и потерю около 600 миллионов долларов финансовыми и розничными учреждениями. Секретная служба также управляет Национальным институтом компьютерной криминалистики, который предоставляет сотрудникам правоохранительных органов, прокурорам и судьям киберподготовку и информацию для борьбы с киберпреступностью.

Центр по расследованию киберпреступлений (СЗ) Иммиграционной и таможенной службы США (ICE) по расследованиям в области внутренней безопасности (HSI) предоставляет компьютерные технические услуги для поддержки внутренних и международных расследований трангранич-

ных преступлений. В состав СЗ входят Группа по борьбе с киберпреступлениями, Группа по расследованию случаев эксплуатации детей и Группа компьютерной криминалистики. Этот современный центр предлагает поддержку и обучение киберпреступности федеральным, государственным, местным и международным правоохранительным органам. СЗ также управляет лабораторией компьютерной криминалистики, которая специализируется на извлечении цифровых доказательств и предлагает обучение навыкам компьютерного расследования и судебной экспертизы.

Сегодня в США существуют проблемы в установлении четкого разграничения ролей различных правительственных учреждений, занимающихся вопросами, связанными с киберпространством, и процесса межучрежденческой координации. Это усугубляется тем, что нет центрального органа для надзора за такой координацией.

В Соединенных Штатах существует множество правительственных учреждений и правоохранительных органов, играющих роль в обеспечении соблюдения киберпреступности, которые часто имеют дублирующие и перекрывающиеся функции без какой-либо одной организации или лица, отвечающего за координацию. Это привело к неэффективности, избыточности и трудностям в обеспечении того, чтобы усилия Конгресса США по надзору были привязаны к всеобъемлющему стратегическому подходу к киберпреступности между учреждениями.

Недавние отчеты подчеркивают ошеломляющий пробел в правоприменении для киберпреступности, ссылаясь на то, что в США вероятность успешного судебного преследования киберпреступления оценивается в 0,05%, что намного ниже 46%-го уровня судебного преследования за насильственные преступления¹.

Соединенным Штатам в настоящее время не хватает всеобъемлющего всеобъемлющего стратегического подхода к выявлению, остановке кибератак, наказанию лиц, их осуществляющих. В настоящее время:

1. Существует растущая волна киберпреступности. Ежегодно регистрируется около 300 000 вредоносных киберинцидентов, в том числе до 194 000. Атаки обходятся экономике США от 57 до 109 миллиардов долларов в год, и эти расходы растут².

2. Существует серьезный пробел в киберприменении: анализ общедоступных данных показывает, что киберпреступники могут действовать почти безнаказанно по сравнению с «физическими» преступниками.

3. В США нет всеобъемлющей стратегии киберприменения, направленной на атакующего киберпреступника. Несмотря на выпуск в 2018 г. Национальной киберстратегии, Соединенным Штатам по-прежнему не хватает всеобъемлющего стратегического подхода к тому, как они идентифицируют, преследуют и наказывают киберпреступников, а также организации и страны, часто стоящие за ними.

Национальная киберстратегия не соответствует критериям эффективного стратегического подхода, который позволяет осуществлять надлежащий надзор. Этот документ содержит приоритеты для укрепления киберприменения и является важным первым шагом. Тем не менее, остается мало деталей относительно того, как федеральные, государственные и местные агентства планируют ее реализовать.

Чтобы закрыть пробел в киберприменении, необходима всеобъемлющая стратегия правоприменения, которая вносит фундаментальный баланс в политику кибербезопас-

1 To Catch a Hacker: Toward a comprehensive strategy to identify, pursue, and punish malicious cyber actors. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thirdway.org/report/to-catch-a-hacker-toward-a-comprehensive-strategy-to-identify-pursue-and-punish-malicious-cyber-actors> (дата обращения: 24.04.2022).

2 Там же.

ности США: от пристального внимания к созданию лучшей киберзащиты, от вторжения до более энергичных усилий по преследованию злоумышленников. В настоящее время США требуются меры, которые позволили бы усовершенствовать правоприменение для лучшего выявления, преследования и привлечения к ответственности киберпреступников. Для достижения целей этой стратегии потребуются как внутренние, так и международные компоненты, а также существующая структура и процесс.

Учитывая масштабы как волны киберпреступности, так и разрыва в правоприменении, с которым сталкивается страна, ясно, что нынешний подход к борьбе с киберпреступностью недостаточен. Сосредоточение внимания на создании максимально безопасной цели без существенного внимания к атаке позволяет злоумышленникам продолжать действовать с чувством безнаказанности.

Большинство усилий по кибербезопасности в настоящее время носят оборонительный характер, сосредоточены на защите систем и сетей. Создание лучших брандмауэров против атак, создание лучших паролей и обучение пользователей - все это имеет решающее значение. Но стратегия, в первую очередь, разработанная вокруг строительства неприступных кибер-стен и устойчивых к ошибкам пользователей, не может быть успешной.

Необходимо предпринять усилия для идентификации, выявления и наказания нападающего. Нужно изменить расчет злонамеренных кибер-акторов, уравновесив защиту систем с нападением, предназначенным для остановки и сдерживания человека. Помимо частного сектора, собственный подход правительства к кибербезопасности также носит в основном оборонительный характер.

К сожалению, американские правоохранительные органы и дипломатические усилия ограничены в ресурсах для борьбы с растущей волной киберпреступности. Без этих ресурсов сотрудники правоохранительных органов не смогут противостоять новым вызовам, связанным с киберпространством. В частности, сбор цифровых доказательств является ключевым компонентом большинства киберрасследований, однако федеральные, государственные и местные правоохранительные органы сталкиваются с трудностями из-за отсутствия подготовки по такому сбору доказательств и нехватки экспертного персонала, который можно было бы призвать к оказанию технической помощи в киберрасследованиях.

Требуется сбалансировать эти ресурсы, усилив способность правоохранительных и государственных органов сосредоточиться на привлечении к ответственности тех людей, которые крадут деньги, идеи и личные данные американцев.

Существуют также проблемы с обеспечением надлежащей подготовки правоохранительных органов для проведения киберрасследований. Подготовка сотрудников правоохранительных органов к рассмотрению дел в области кибербезопасности потребует повышения технических возможностей нескольких специальностей: детективов, которые расследуют преступления, специализированных криминалистических техников, которые анализируют цифровые устройства и подписи, и служб быстрого реагирования, которые защищают места преступлений.

Атрибуция или идентификация происхождения и лиц, ответственных за кибератаку, сложна и трудоемка, но не невозможна. Для этого часто требуются команды следователей, состоящей из судебных экспертов, сотрудников правоохранительных органов и специалистов по кибербезопасности.

Атрибуция часто требует тесного сотрудничества между правоохранительными органами и другими государственными органами и жертвами кибератак для сбора доказательств и обмена информацией об угрозах. Разведывательные органы также не могут собирать и анализировать разведанные о киберугрозах, если не существует эффективного механизма

для обмена информацией между частным сектором и государственными учреждениями.

Поскольку одних лишь усилий правительства недостаточно, успешные подходы требуют конвергенции транснациональных усилий и ресурсов государственного и частного секторов. На сегодняшний день сотрудничество правительства с субъектами частного сектора, как на местном, так и на глобальном уровне, является фрагментарным. Предотвращение и расследование киберинцидентов требует значительных технических навыков и возможностей. МОО либо отстают от частного сектора в развитии этих навыков, либо не располагают необходимыми ресурсами в том же масштабе, что и организации частного сектора.

В то же время частный сектор не может заменить правоохранительную деятельность. Только правоохранительные органы имеют право на арест, судебное преследование и принятие других соответствующих мер против киберпреступников. Единственный путь вперед в новом контексте заключается в том, чтобы обеспечить более тесное оперативное сотрудничество между государственным и частным секторами, чтобы в полной мере использовать стороны всех инструментов и юрисдикций, необходимых для успешного сокращения киберпреступности³.

Растущее недоверие к Соединенным Штатам в глобальном пространстве, особенно в областях, связанных с разведкой, усилило необходимость обеспечения прозрачной и достоверной атрибуции кибератакам. Атрибуция атак является первым этапом процесса, который позволяет предпринимать принудительные действия против злонамеренных кибер-субъектов. При этом усилия США по атрибуции должны быть тесно скоординированы со странами-партнерами.

Предложенная администрацией Трампа инициатива по киберсдерживанию является потенциальным путем для такой коалиции. Но для обеспечения того, чтобы эта инициатива была наиболее эффективной, она должна также решить проблемы, которые препятствовали совместному присвоению в прошлом, включая значительные задержки, вызванные бюрократическими процессами и проблемами в обмене информацией между Соединенными Штатами и странами-партнерами. Эти совместные усилия по атрибуции будут включать в себя больше, чем просто сбор, анализ и обмен цифровыми доказательствами.

Данные проблемы могут быть решены или, по крайней мере, смягчены путем:

– Увеличения объема ресурсов для технологических достижений в киберрасследованиях, предназначенных для активизации усилий по кибератрибуции на федеральном уровне и уровне штатов. Системы и процессы кибератрибуции в настоящее время находятся в зачаточном состоянии по сравнению с физическими преступлениями, и часто они слишком дороги для многих штатов и населенных пунктов, чтобы преследовать их самостоятельно.

– Консультирования Федеральным правительством системных операторов по инструментам и лучшим процедурам для использования в случае нарушения, чтобы они могли получить максимум судебных доказательств.

– Создания альянсов, существенного совершенствования процессов и механизмов обмена информацией между странами-партнерами и рационализации бюрократических процессов для повышения своевременности и результативности совместных усилий по борьбе с киберпреступлениями.

Глобальный характер киберугрозы требует целенаправленного и преднамеренного руководства и координации в

3 Partnerships are our best weapon in the fight against cybercrime. Here's why. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2020/01/partnerships-are-our-best-weapon-in-the-fight-against-cybercrime-heres-why/> (дата обращения: 24.04.2022).

высших эшелонах правительства США для укрепления международной координации и сотрудничества по устранению разрыва в правоприменении. Чтобы поймать международных киберпреступников, понадобятся скоординированные международные усилия, сотрудничество в построении дела и сотрудничество в привлечении преступников под стражу.

Усилия Конгресса по повышению уровня координатора Государственного департамента по кибервопросам до утвержденного Сенатом поста посла являются важным шагом в обеспечении того, чтобы Соединенные Штаты имели лидерство, необходимое для укрепления международного сотрудничества и координации. Управление координатора по кибервопросам сыграло важную роль в укреплении жизненно важного сотрудничества на оперативном уровне, которое происходит между правоохранительными органами США и федеральными агентствами, включая министерства внутренней безопасности и обороны, и их иностранными коллегами.

Но разрешения Конгресса на повышение должности Управления координатора по киберпроблемам недостаточно. Управлению также должен быть предоставлен четкий мандат, предусматривающий придание особого внимания устранению пробелов в правоприменительной деятельности в его работе, включая активизацию его усилий по программам атрибуции и дипломатической подготовки, а также необходимые ресурсы и персонал Конгресса, чтобы иметь возможность сделать это. Это имеет решающее значение для продвижения перебалансировки в подходе к кибербезопасности Америки к тому, который ставит Государственный департамент в центр в качестве ключевого субъекта для прогресса.

Это означает, что укрепление международного сотрудничества и создание альянсов для коллективного реагирования на общие киберугрозы, в том числе исходящие от национальных государств, должны быть главным приоритетом для правительства США. Соединенные Штаты также должны работать над укреплением своего лидерства в международных организациях, которые занимаются этими вопросами, таких как ООН, Группа семи (G7), НАТО.

Чтобы поймать киберпреступников, потребуется международная помощь в создании доказательств против них. Договоры о взаимной правовой помощи (MLAT) и соглашения о взаимной правовой помощи (MLAAs) являются одним из таких инструментов для содействия сотрудничеству в расследовании преступлений с использованием кибернетических технологий и судебном преследовании. Эти обязательные договоры и соглашения, как правило, подписываются на двусторонней основе между Соединенными Штатами и другими странами, чтобы формализовать параметры их сотрудничества в области уголовного правосудия.

Эти договоры могут быть важнейшими инструментами для обмена данными и цифровыми доказательствами в киберрасследованиях и судебных преследованиях.

Недавно принятый «Облачный закон» позволяет Соединенным Штатам заключать соглашения с другими странами для обеспечения прямого доступа к данным, хранящимся в технологических компаниях, а также повышать стандарты гражданских свобод. Конгресс должен продолжать выполнять свою надзорную функцию по оценке эффективности любых соглашений и оценке того, необходимы ли какие-либо дальнейшие законодательные изменения в этих процессах правовой помощи. Договоры могут быть критически важными инструментами для обмена данными и цифровыми доказательствами в киберрасследованиях и судебных преследованиях.

Чтобы начать улучшать способность правительства предпринимать принудительные действия против киберпреступников, необходимо провести всестороннюю оценку текущих усилий правительства во всех учреждениях, играющих роль в обеспечении соблюдения законов в области ки-

берпространения, чтобы определить, что работает, что, возможно, потребует усиления и изменения. Как минимум, без исходных статистических данных трудно измерить усилия правительств, разработать бюджетную смету для нынешних уровней усилий и обосновать необходимость увеличения бюджета, необходимого для поддержки повышения уровня правоприменения. Этот базовый уровень в настоящее время не существует.

Без точных данных о киберпреступности правоохранительные органы не могут принимать обоснованные политические решения для наилучшего решения этой проблемы. Более эффективные меры по представлению отчетности также способствовали бы сокращению числа незарегистрированных преступлений.

В дополнение к отсутствию процесса определения приоритетности киберугрозы, ФБР не имеет всеобъемлющих показателей эффективности, которые устанавливают цели для кибермошенничества, большой и растущей категории преступной деятельности.

Многие федеральные агентства со специальными агентствами, которые играют определенную роль в киберрасследованиях, и количество государственных и местных правоохранительных органов, также ведущих расследования, приводят к аналогичным или перекрывающимся обязанностям между этими организациями. На федеральном уровне, в частности, это может повлечь неэффективность, избыточность и трудности в обеспечении того, чтобы усилия Конгресса по надзору были привязаны к всеобъемлющему стратегическому подходу к обеспечению соблюдения киберпространения между агентствами.

Существует постоянная путаница относительно того, какое агентство ведет расследование определенных видов киберпреступлений, особенно когда в расследовании участвуют несколько агентств.

Реформы должны быть сосредоточены на устранении конфликтов в функциях учреждений, ответственных за противодействие киберпреступности, уделяя особое внимание рационализации усилий, сокращению дублирования и уточнению юрисдикции. Без этих реформ останутся нерешенными вопросы о том, как точно оценивать прогресс каждого из этих учреждений и увязывать этот прогресс с всеобъемлющим стратегическим подходом, привязанным к ресурсам и персоналу. Чтобы эти расследования были максимально эффективными и результативными, следователи, расследующие киберпреступления, нуждаются в ясности в отношении того, какое агентство берет на себя ведущую роль в координации усилий.

Все эти области должны быть подкреплены всеобъемлющей стратегией киберприменения США, направленной на выявление, остановку глобальных кибератак и наказание лиц, их совершающих. Эта всеобъемлющая стратегия должна включать план преобразования межведомственного сотрудничества в области обеспечения соблюдения киберпространения как внутри страны, так и на международном уровне. Ни одно агентство не может справиться с этой проблемой в одиночку. Всеобъемлющая внутренняя стратегия потребует сотрудничества между множеством федеральных агентств, которые играют роль в киберрасследованиях.

Полагаем, предлагаемые меры позволят повысить эффективность борьбы с киберпреступностью в США.

ЛЮБИМОВА Алина Алексеевна

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, старший лейтенант полиции

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА БЕЗНАЛИЧНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Защита имущественных прав потерпевших на стадии предварительного расследования является одним из важнейших вопросов на современном этапе развития системы уголовного судопроизводства. Автором статьи рассмотрены вопросы практики применения наложения ареста на безналичные денежные средства подозреваемого и (или) обвиняемого, как меры по обеспечению защиты имущественных прав потерпевших в уголовном судопроизводстве. Выявлены проблемные аспекты реализации ареста на безналичные денежные средства. Подчеркивается важность законодательного урегулирования сроков предоставления ответов на запросы следователя. Кроме того, указано на необходимость введения в уголовно-процессуальное законодательство понятия «электронный документ». На основе проведенного анализа даны конкретные предложения по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: безналичные денежные средства, подозреваемый, обвиняемый, арест имущества, кредитная организация, имущественный ущерб, запрос следователя, электронный документ.

LYUBIMOVA Alina Alekseevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

ARREST OF NON-CASH FUNDS OF THE SUSPECT, ACCUSED AS A WAY OF PROTECTION OF THE PROPERTY RIGHTS OF VICTIMS: FEATURES OF REALIZATION

Protection of proprietary rights of victims at the stage of preliminary investigation is one of the most important issues at the present stage of development of criminal proceedings. The author of article considers questions of practice of arrest of non-cash money of the suspected and (or) accused, as a measure on maintenance of protection of the property rights of victims in criminal proceedings. The problematic aspects of arrest of non-cash funds have been revealed. The importance of legislative regulation of deadlines in the criminal procedural legislation is pointed out. On the basis of the carried out analysis concrete offers on perfection of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation are given.

Keywords: non-cash funds, suspect, accused, arrest of property, credit institution, property damage, request of the investigator, electronic document.

Любимова А. А.

Согласно статистическим сведениям, приведенным на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации¹, за 2021 год из числа всех совершенных преступлений в сфере экономики, по которым производство предварительного следствия обязательно, доля преступлений, совершенных в сфере экономической деятельности, составляет 41,1%, доля преступлений против собственности – 33,0%. В связи с этим одной из задач подразделений органов предварительного расследования является обеспечение возмещения имущественного ущерба, причиненного потерпевшим в результате совершения этих преступлений.

Указанная задача решается посредством двух последовательных процессуальных действий следователя. В первую очередь следователь устанавливает материальное положение подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. На данном этапе следователь направляет соответствующие запросы, согласованные с руководителем следственного органа, в кредитные организации, пенсионный фонд Российской Федерации, Федеральную налоговую службу, Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). При этом следует отметить, что на практике указанные сведения получают именно посредством запросов, так как данный способ занимает меньше времени у следователя, по сравнению с тем, если бы, например, данные сведения получались посредством проведения таких следственных действий, как выемка или обыск, которые в том числе требуют судебного решения. Однако, данный способ

критикуется некоторыми теоретиками, например Грачевым С. А., который в своей статье «Банковская тайна в уголовном судопроизводстве: коллизии толкования и правоприменения» [1, с. 15] указывает на необходимость получения сведений о счетах, вкладах физических лиц и всех операций по ним только по судебному решению. В данной позиции не учитывается временной фактор, так как на получение следователем судебного решения будет затрачено дополнительное время, которое в условиях ограниченности производства предварительного следствия может быть значительным.

После получения полной информации о материальном положении подозреваемого, обвиняемого следователем выносится постановление о вынесении перед судом ходатайства о применении меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, если таковое имеется, что соответственно служит вторым этапом его процессуальной деятельности, в полной мере разрешающим вышеуказанную задачу.

Согласно п. 13.1 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) имуществом признаются любые вещи, включая безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях. Именно безналичные денежные средства, как имущество подозреваемого, обвиняемого, на которое может быть наложен арест, представляет наибольший интерес. Это связано с тем, что согласно исследованию, проведенному Н. И. Кирияковой в статье «Соотношение наличных и безналичных в современной экономике: вытеснение или сохранение?», доля наличных денежных средств в денежной массе Российской Федерации постепенно снижается за счет проведения политики Центрального банка России, направленной на производство безналичных расчетов [3, с. 536]. Таким образом, можно сделать вы-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 24.04.2022).

вод, что большинство граждан Российской Федерации хранят и используют денежные средства в безналичной форме.

Следует иметь в виду, что как таковых безналичных денежных средств в законе не существует, в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) они являются обязательственными правами (правами требования), а не вещами [2, с. 174]. «Безналичные денежные средства – это запись на банковском (расчетном) счете, которая отражает обязательственные отношения между кредитной организацией и владельцем счета» [4, с. 25]. При наложении ареста на безналичные денежные средства, находящиеся на счете подозреваемого, обвиняемого, постановление суда будет представлять собой предписание, направленное банковской организации, о запрете совершения каких-либо операций с указанными денежными средствами.

Казалось бы, какие могут быть сложности и проблемы в наложении ареста на безналичные денежные средства, если, по сути, данная процедура ничем не отличается от наложения ареста на какой-либо иной вид имущества подозреваемого, обвиняемого и отработана годами практики следственных и судебных органов. Однако, проблемы могут возникнуть на самом первом этапе процессуальной деятельности следователя, а именно при сборе информации о материальном положении подозреваемого, обвиняемого. Первый вопрос, который встает перед следователем на данном этапе, это в какие кредитные организации направлять запросы о наличии счетов. Согласно официальным сведениям Центрального банка Российской Федерации² по состоянию на 01.05.2022г. существует 364 действующих кредитных организаций. При этом на практике следователь направляет запросы только в самые распространённые, «популярные» кредитные организации, то есть примерно в 6-10 кредитных организаций. Таким образом, следователем могут быть собраны неполные сведения о материальном положении подозреваемого, обвиняемого, что в последующем не сможет должным образом обеспечить права потерпевшего на возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Однако, следует учесть тот факт, что в настоящее время доступ следователя к сведениям кредитных организаций несколько упрощен за счет того, что согласно ч. 1.1 ст. 86 Налогового кодекса РФ банк обязан сообщить в налоговый орган информацию об открытии или о закрытии счета, вклада (депозита), об изменении их реквизитов и иных данных индивидуальных предпринимателей и физических лиц. Но при этом следует учитывать, что в таком случае следователю сначала необходимо направить запрос о предоставлении таких сведений в налоговый орган по месту жительства и (или) по месту регистрации подозреваемого, обвиняемого. И только после получения ответа из соответствующего налогового органа направлять запросы в кредитные организации. В данном случае перед нами также встает проблема затраты времени на все эти манипуляции, а как известно, срок предварительного следствия ограничен двумя месяцами в соответствии с ч. 1 ст. 162 УПК РФ. Также длительное время, которое требуется для получения данных о банковских счетах и вкладах подозреваемого, обвиняемого, могут позволить указанным лицам совершить банковские операции по снятию или перечислению денежных средств, находящихся на их счетах и вкладах, скрыв таким образом от органов предварительного следствия свое имущество и не позволив тем самым наложить на него арест в целях дальнейшего исполнения приговора в части гражданского иска, заявленного потерпевшим, либо других имущественных взысканий.

Другой проблемой, которая также возникает на этапе направления запросов в кредитные организации, является проблема формы запроса и способ его направления. Несмотря на развитие информационно-телекоммуникационных технологий во всех сферах жизни общества, в практической деятельности кредитные организации по-прежнему требуют предоставления запросов в бумажной форме с «живыми» печатью и подписями следователя и руководителя следственного органа. Данное обстоятельство безусловно является проблемой, так как бумажный запрос соответственно должен быть направлен нарочно или посредством почтового отправления. И первый, и второй способы направления запросов требуют много времени. С одной стороны, при нарочном направлении запроса он быстрее попадет на рассмотрение в кредитной организации, соответственно, и ответ

будет получен быстрее. С другой стороны, такой способ направления запроса может быть удобен в условиях небольшого города, где все банки, допустим, можно объехать в течение рабочего дня, но если это большие города, например, такие как Москва и Санкт-Петербург, то на направление запросов таким способом вероятно уйдет больше времени, чем при направлении их почтой. При направлении запроса почтовым отправление, он должен быть сначала зарегистрирован с присвоением исходящего номера в канцелярии следственного подразделения и только после этого отправлен адресату посредством почтовой сети. При этом следует учесть время доставки запроса по почтовой сети, так как обычно запросы направляются не заказными, а обычными письмами в целях экономии денежных средств.

Решением рассмотренных проблем, по нашему мнению, может служить в первую очередь внесение изменений в действующие нормы УПК РФ, а именно, предлагается часть четвертой статьи 21 изложить в следующей редакции: «4. Требования, поручения и запросы, в том числе в форме электронных документов, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, представляемые в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами в срок не позднее 10 суток с момента получения указанных документов». По нашему мнению срок в 10 суток является оптимальным для подготовки и направления запрашиваемой информации.

Также следует дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 60.1 нормой, содержащей понятие электронного документа: «электронный документ - зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п.п. 11, 11.1 ст.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ)».

Таким образом, основной проблемой наложения ареста на безналичные денежные средства подозреваемых, обвиняемых является затрата длительного времени на получение следователем сведений о банковских счетах и вкладах подозреваемых, обвиняемых из кредитных организаций. Данная проблема в свою очередь может послужить причиной невозможности наложения ареста на безналичные денежные средства, поскольку в то время, пока следователем будут собраны необходимые сведения, подозреваемый, обвиняемый может скрыть свои безналичные денежные средства путем осуществления какой-либо банковской операции, например, по переводу или снятию денежных средств. А это равным образом не позволит в полной мере осуществить защиту имущественных прав потерпевших. Выход из этой ситуации видится в законодательном закреплении и практическом применении в досудебном уголовном судопроизводстве электронного документооборота, а также законодательном урегулировании сроков представления ответов на запросы следователей предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

Пристатейный библиографический список

1. Грачев С.А. Банковская тайна в уголовном судопроизводстве: коллизии толкования и правоприменения // Российский следователь. – 2021. – № 8. – С. 11-15.
2. Иванов Д.А., Уханова Н.В., Филатова И.В. Сущность и категориальный перечень имущества, на которое может быть наложен арест в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 173-179.
3. Кириякова Н.И. Соотношение наличных и безналичных в современной экономике: вытеснение или сохранение? // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 12. – С. 534-539.
4. Куликов А.С. Арест разных видов имущества по уголовному делу. Ошибки следствия и судов // Уголовный процесс. – 2022. – № 5. – С. 24-31.

² Количественные характеристики банковского сектора Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/lic/ (дата обращения: 15.05.2022).

МУСТАФИНА Гульнара Мажитовна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

МЕЛЬНИКОВА Алина Сергеевна

доцент кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным законодательством действий по получению образцов для сравнительного исследования. Наличие противоречий в законе может послужить основанием для признания добытых источников недопустимыми. В целях улучшения качества правового регулирования представляется актуальным рассмотреть проблематику толкования оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства при получении образцов для сравнительного исследования.

Ключевые слова: противодействие преступности, оперативно-розыскная деятельность, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, права и свободы человека и гражданина.

MUSTAFINA Gulnara Mazhitovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MELNIKOVA Alina Sergeevna

associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

THE RATIO OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE AND CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION IN OBTAINING SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH

This article discusses the features of the legal regulation of operational investigative and criminal procedure legislation of actions to obtain samples for comparative research. The presence of contradictions in the law may serve as a basis for recognizing the extracted sources as unacceptable. In order to improve the quality of legal regulation, it seems relevant to consider the problems of interpretation of operational investigative and criminal procedure legislation when obtaining samples for comparative research.

Keywords: crime prevention, operational investigative activities, criminal proceedings, criminal proceedings, human and civil rights and freedoms.

Обеспечение законности и правопорядка является основной функцией правоохранительной системы. Государство в рамках установления приоритетных задач развития на следующее десятилетие всегда обращает внимание на уровень преступности и способность правоохранительных систем противостоять вызовам времени, преступным угрозам. Для качественного выполнения обязанностей, направленных на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности и охраны природы государством предоставлены отдельные полномочия по осуществлению государственного принуждения и применения мер профилактики.

Уголовное законодательство является основным и единственным законом, защищающим гражданина и человека от преступления, а виновное лицо, подвергающее наказанию, с помощью инструментариев уголовного судопроизводства и деятельности органов исполнительной власти в сфере правоприменения.

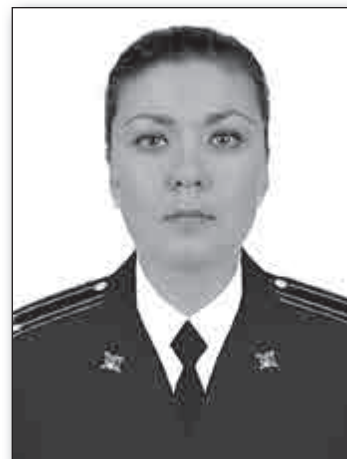
Качественное взаимодействие между оперативными сотрудниками и органами предварительного расследования уголовных дел позволяет эффективно и быстро добиваться задач уголовного судопроизводства, достигая неизбежности

и неотвратимости наказания лица, и уголовного процессуального законодательства позволяет избежать двойного толкования, обеспечивая сотрудников правоохранительной системой и инструментарием противодействия преступности.

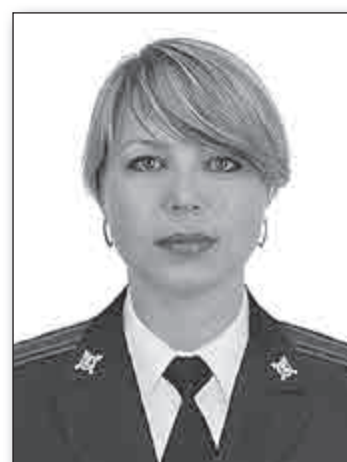
Одним из способов доказывания причастности лица к совершенному преступлению является проведение судебных экспертиз, позволяющий соотнести следы, оставленные на месте преступления и обнаруженные сотрудниками правоохранительных органов с полученными образцами для сравнительного исследования у лиц, проверяемых на факт причастности к совершенному деянию.

Идентификация следов позволяет с точностью утверждать факт нахождения проверяемого лица на месте совершения преступления, наделяя органы предварительного расследования основанием для принятия решение о выборе статуса подозреваемого. В совокупности с остальными доказательствами идентификация следов, путем соотношения позволяет предъявить обвинение в отношении лица, совершившего преступление.

Способом получения образцов для сравнительного исследования являются проведение оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследо-

Мустафина Г. М.

Мельникова А. С.

вания» (ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ «Об ОРД»)) или «Получение образцов для сравнительного исследования» (ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ)).

Проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий являются основными инструментариями в сборе доказательств о преступной деятельности лица и его изобличения.

Качество проведенных первоначальных следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий, направленных на собирание объектов, предметов, следов о преступлении или лице его совершившем является основой для принятия решения о наличии, либо отсутствии события или состава преступления, а также дальнейшего доказывания, проведения предварительного расследования.

Образцы для сравнительного исследования играют важную роль в доказывании причастности к совершенному деянию наряду с другими доказательствами и служат основанием для проведения исследований и судебных экспертиз. Не имея образцов для сравнительного исследования, невозможно идентифицировать и установить связь, подтверждающую событие, место, время, способ и ряд других обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следует отметить, что согласно статье 17 УПК РФ ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и оценивается правоприменителем по внутреннему убеждению. Статья 75 УПК РФ определяет, что доказательства, полученные с нарушением уголовно-процессуального законодательства, не имеют юридической силы и являются недопустимым доказательством.

Придерживаясь требований уголовно-процессуального законодательства части 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД» закрепляет необходимость составления протокола при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с требованиями УПК РФ [1].

По мнению В. А. Лазарева «возможность использования сведений, полученных не процессуальным, но законным путем, определяется, главным образом, принципиальной возможностью проверки их достоверности» [2].

Однако, в настоящее время между ФЗ «Об ОРД» и УПК РФ присутствуют неточности, коллизии, которые могут привести к двойному толкованию, либо признанию результатов оперативно-розыскной деятельности не подлежащими оцениванию в качестве источника доказательств, либо оспариванию и в последующем признанию недопустимым доказательством.

Так, ФЗ «Об ОРД» усматривает обязательство правоприменителя в вынесении постановления о проведении оперативно-розыскного мероприятия лишь по проверочной закупке, контролируемой поставке, оперативному внедрению и оперативному эксперименту. Осуществление оперативно-розыскного мероприятия в виде сбора образцов для сравнительного исследования не требует от правоприменителя (оперативного сотрудника) ведомственного санкционирования в виде постановления о проведении действия и вынесения постановления.

УПК РФ в части 3 статьи 202 устанавливает необходимость в вынесении процессуальной службой постановления о получении образцов для сравнительного исследования.

Анализ оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что действия, направленные на достижение одного и того же результата, в виде получения (сбора) образцов для сравнительного исследования с целью последующего направления на судебную экспертизу или исследование выполняются различными способами: обычным протоколированием, либо сопровождающегося вынесением постановления.

Таким образом, если проведенное следственное действие, направленное на получение образцов для сравнительного исследования, подразумевает необходимость составления постановления и протокола, то оперативно-розыскное мероприятие, проводимое гласно в отношении лица оформляется лишь протоколом.

Кроме того, следственные органы вправе направить органу дознания поручение о проведении отдельных следственных действий.

Возникает коллизия, что один и тот же субъект правоприменения – оперативный сотрудник, исполняя поручение следователя о проведении следственных действий в виде получения образцов для сравнительного исследования, действует на основании вынесенного следователем постановления и разъясняет его содержание участвующим лицам.

При проведении же оперативно-розыскного мероприятия необходимость в вынесении постановления и разъяснения содержания, основания проводимых действий отпадает.

Таким образом, отсутствие в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» условия вынесения постановления при проведении оперативно-розыскного мероприятия «сбор образцов для сравнительного исследования» противоречит положениям УПК РФ по проведению следственного действия [3] «получение образцов для сравнительного исследования», в связи с чем может возникнуть коллизионные аспекты в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Разные требования, имеющиеся в уголовно-процессуальном и оперативно-розыском законодательстве, могут породить «двойной стандарт» к проведению проверочных мероприятий в отношении подозреваемых лиц. Наличие данной коллизии может негативно сказываться на оценке доказательств, приобщенных к материалам уголовного дела при дальнейшем судебном разбирательстве.

С точки зрения авторского подхода в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» необходимо внести изменения о необходимости ведомственного санкционирования проведения оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования». Это позволит устранить двойные требования к проведению однотипных действий путем применения норм уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

Наличие одинакового подхода к проведению схожих действий путем использования оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства позволяет более эффективно проводить контрольные и надзорные функции, направленные на повышение качества охраны прав и свобод человека и гражданина.

Пристатейный библиографический список

1. Лапин Е.С. Юридическая характеристика оперативно-розыскного мероприятия «сбор образцов для сравнительного исследования» // Право. Законодательство. Личность. - 2016. - № 2 (23). Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика.
2. Садчиков А.С. Использование образцов для сравнительного исследования, полученных оперативно-розыскным путем, в процессе доказывания. - 2022. - № 18 (63). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scilead.ru/article/2134-ispolzovanie-obraztsov-dlya-sravnitel'nogo-issledovaniya>.
3. Кудрявцева А.В., Кудрявцева Ю.А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России (процессуальная природа, порядок, доказательственное значение) монография. – Москва, 2014.

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

МАСЛЕННИКОВА Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

В настоящей статье рассматриваются особенности подготовки и проведения проверки показаний на месте в ходе расследования дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России, обеспечивающих изоляцию от общества. Предложены тактические, организационные и режимные особенности подготовки и проведения проверки показаний на месте по уголовному делу данной категории.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, проверяемый, следователь, подозреваемый, тактический прием, дезорганизация деятельности исправительного учреждения.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

MASLENNIKOVA Ekaterina Aleksandrovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF PREPARATION AND VERIFICATION OF TESTIMONY ON THE SPOT DURING THE INVESTIGATION OF THE DISORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

This article discusses the specifics of preparing and conducting on-site verification of testimony during the investigation of the disorganization of the activities of institutions of the Russian penal system that provide isolation from society. The tactical, organizational and regime features of the preparation and verification of testimony on the spot in a criminal case of this category are proposed.

Keywords: verification of testimony on the spot, the person being checked, the investigator, the suspect, tactical technique, disorganization of the activities of the correctional institution.

По уголовным делам при расследовании дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), одним из распространенных следственных действий является проверка показаний на месте. Это следственное действие имеет достаточно сложный характер и вносит весомый вклад в установлении истины по делу. Сложность проверки показаний на месте происхождения заключается проявлением в ходе его производства элементов других следственных действий, таких как: допрос с выходом допрашиваемого на место преступления, осмотр места происшествия и обыск последнего, следственного эксперимента по возможности тех или иных действий преступника по показаниям и уточнениям допрашиваемого лица на месте проверки, опознания места, предметов, следов, как подтверждение достоверности событий преступления [1, с. 60].

Познавательного-удостоверительная следственная роль проверки показаний на месте приобретает особое значение с позиции содержания и тактики проведения данного действия, отличного от перечисленных выше схожих следственных действий, как некоторый итог утвердительного или неподтвержденного участия в преступлении подозреваемого

(обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) лица. Доказательственное значение получаемой в ходе его проведения информации является, как бы итогом ранее проведенных других следственных действий, говорит о его несомненной весомости в доказанности преступления.

Полученные в ходе проведения проверки показаний на месте ранее допрошенного лица, подозреваемого в совершении преступления по ст. 321 УК РФ, данные – установленные следствием ранее и новые доказательства – могут подтверждать или опровергать события преступления, его обстоятельства, факт участия в нем конкретных лиц и их вину. К ним относятся: факт совершения лицом преступления, его детальная ориентация в действиях, следах, обстановки места преступления, забытых, использованных, утерянных, спрятанных им предметах. Это обусловлено еще и специфическим территориально-материальным характером какой-либо части территории или помещения исправительного учреждения. Следовая информация, доказательства на месте дезорганизующих действий имеют, как правило, минималистический характер, но в данных условиях учреждения могут носить безусловный и правдивый смысл с позиции доказыва-

ния. Не последнюю роль в подтверждение события, факта и действий преступника для следователя, могут иметь не только результаты и других следственных действий, но и собранная им видео регистрационная информация со стационарных и переносных камер видеонаблюдения исправительного учреждения и его сотрудником.

На подготовительном этапе проверки показаний на месте по делам данной категории, по нашему мнению, необходимо установить целесообразность проведения этого действия. На необходимость его проведения могут указывать следующие обстоятельства уголовного дела:

- сомнения в наличии или отсутствии осведомленности допрашиваемого лица о месте происшествия, его вещественной и пространственной обстановке, отдельных предметах и частях исправительного учреждения;

- подозреваемый (обвиняемый) может показать на месте выброшенные, спрятанные предметы, следы преступления или следы попыток уничтожения возможных улик преступления;

- допрашиваемое лицо предлагает показать место, где произошли дезорганизующие действия, или места подготовки преступления, или сокрытия его следов, отдельные предметы, возможно имеющие статус вещественных или иных доказательств;

- есть определенные противоречивые данные в показаниях различных лиц, в том числе с показаниями допрашиваемого подозреваемого (обвиняемого), либо оговора или самоговора в совершении преступления;

- требуется установить иных причастных к преступлению лиц и обстоятельства, способствовавшие преступлению – через уточнения подготовки преступления, маршрут движения, детализации обстоятельств, действий, следов и предметов попутно преступлению, места ухода с места преступления и действий по сокрытию его следов и вещественных доказательств его совершения.

В ходе подготовки проверки показаний на месте с осужденным рекомендуется, по нашему мнению, определить, организовать и провести следующее: допрос лица с детализацией всего хода подготовки, осуществления и сокрытия преступления; установления истинности мотивов участия в проверке допрашиваемого; определения времени его проведения и участия необходимых лиц (специалиста, следователя, допрашиваемого лица, сотрудников охраны, технического сотрудника, понятых и др.); сбор и инструктаж всех участников проверки показаний на месте; в случае проведения следственного действия за пределами исправительного учреждения – обеспечение работы группы охраной, транспортом, средствами связи и видеорегистрации; определение с участием допрашиваемого лица места начала движения группы – с фото- и видеофиксацией последней; организовать проведение проверки в такое время суток (используя возможности режима функционирования учреждения и его администрации), что бы исключить «пресечение» следственной группы с другими осужденными исправительного учреждения, сохраняя тайну следствия и исключая «отрицательного» влияние последних на участников расследуемого события.

В ходе проведения самой проверки от точки начала движения рекомендуются следующие тактические приемы:

- акцентирование действий проверяемого лица с детализацией и объяснением через задаваемые вопросы суть, мотив его действий;

- предложение проверяемому лицу без навязывающих вопросов повторить («проговорка») отдельные установленные фактические обстоятельства и данные, отыскать их, осмотреть, объяснить свои действия;

- максимально использовать технико-криминалистические средства поиска, обнаружения, фиксации и предвари-

тельного осмотра обнаруженных следов и предметов (вещественных доказательств);

- детальное описание всего обнаруженного с пояснением проверяемого и, возможно, специалиста в протоколе следственного действия;

- приложение к протоколу проверки показаний на месте возможной фототаблицы или видеозаписи, иллюстрирующих ход и результаты следственного действия.

Данные тактические приемы проведения проверки показаний на месте можно отнести и как принципы заключительного этапа данного следственного действия.

Отдельно хочется остановиться на принципах проверки показаний на месте. В ходе осуществления следственного действия рекомендуется внимательно следить за самостоятельностью всех пояснений и действий, начиная от момента движения следственной группы, даваемых лицом пояснений и ответов на вопросы. Также целесообразно, в некоторых случаях, провести реконструкцию предполагаемого места преступления, чтобы объективно и полно установить новые обстоятельства, получить новые доказательства по уголовному делу, проверить на истинность имеющиеся доказательства.

Проверка показаний на месте одновременно нескольких лиц по одному уголовному делу не допустима по причине стовора, угроз или иных негативных обстоятельств расследования преступления.

Движение следственной группы рекомендуется начать, когда проверяемого лицо движется впереди всей группы, подтверждая принцип отсутствия подсказки и навязывания дачи показаний.

В случае непредвиденного появления в момент подготовки и проведения проверки показаний на месте других осужденных исправительного учреждения, рекомендуется, по нашему мнению, удалить последних, используя административный ресурс учреждения, в частности работы сотрудников отдела режима и охраны, начальника отряда, начальника оперативного отдела, начальника учреждения.

Таким образом, подводя краткий итог, отметим, что тактические особенности подготовки и проведения проверки показаний на месте в ходе расследования дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), на территории исправительного учреждения, имеют некоторые специфические особенности. Они связаны со особым режимом работы исправительного учреждения и тех уголовно-наказуемых действий, нарушающих режим его работы, требующих установления и доказывания в отношении определённых лиц, статусом проверяемого лица, тактических и процессуальных принципах следственного действия, основных тактических рекомендаций его проведения.

Реализация тактических особенностей подготовки и проведения проверки показаний на месте в условиях исправительного учреждения, позволяет существенно, на наш взгляд, повысить эффективность проверки имеющихся в деле и получение новых доказательств, устанавливающих истину по уголовному делу данной категории преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Особенности расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества: учеб.-практ. пособие / А.В. Акчуринов, Э.В. Лядов, Е.В. Назаркин, Л.В. Новикова, О.А. Белов, А.Г. Цивкунов. – Рязань: Академия ФСИН России, 2012. – 75 с.

НГУЕН Тху Чанг

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СУД ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ И ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВЬЕТНАМА

Во Вьетнаме Суд по семейным делам и делам несовершеннолетних является новым специализированным судом, официально включенным в закон и организованным в судебной системе после 2014 года. Целью статьи является исследование об этом суде для выявления недостатков и ограничений, которые все еще существуют, тем самым представляя ряд рекомендаций по повышению эффективности судебной системы Вьетнама в целом.

Ключевые слова: суд, семейные дела, несовершеннолетние, судебная система, Вьетнам.

NGUYEN Thu Trang

postgraduate student of the Institute of Law of the People's Friendship University of Russia

SPECIALIZED FAMILY AND JUVENILE COURT IN VIETNAM

In Vietnam, the Family and Juvenile Court is a new specialized court formally incorporated into the law and organized in the judiciary after 2014. The purpose of the article is to research about this court in order to identify the shortcomings and limitations that still exist, thereby presenting a series of recommendations to improve the efficiency of the Vietnamese judicial system as a whole.

Keywords: Court, family case, juvenile, judicial system, Vietnam.

Нгуен Т. Ч.

1. Введение

Вьетнам стал первой страной в Азии и второй страной в мире, ратифицировавшей Конвенцию Организации Объединенных Наций о правах ребенка 20 февраля 1990 года. В «преамбуле» Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка ясно говорится, что ребенок по причине его физической и умственной незрелости нуждается в особой защите и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения. Согласно статье 3 этой Конвенции во всех действиях в отношении детей, осуществляемых государственными или частными учреждениями социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь¹.

Последовательно занимаясь защитой детей, работой по проведению судебной реформы, Вьетнам всегда ставил на первое место вопрос о совершенствовании своего законодательства и системы защиты прав детей. При этом особое внимание уделяется детям – нарушителям закона, особенно в тех случаях, когда несовершеннолетние совершили преступления. Это направление приносит много практических значений в борьбе с нарушениями законодательства и преступлениями, связанными с несовершеннолетними.

Обнародование новой Конституции в 2013 году создало заметный шаг для судебной реформы во Вьетнаме. Впервые специализированный суд, известный как «Суд по семейным делам и делам несовершеннолетних», был официально включен в Закон об организации Народного суда 2014 года. Это альтернатива Закону «об организации Народного суда» 2002 года с множеством новых прогрессов не только по содержанию, но и по законодательным методам.

До того, как суд по делам семьи и несовершеннолетних официально регулируется в Законе, ежегодно суду общей юрисдикции должно было рассматривать большой объем дел, связанных с семьями и несовершеннолетними. По данным Верховного народного суда, в 2012 году народные суды рассмотрели дела 6.425 несовершеннолетних обвиняемых,

что на 1.853 обвиняемых больше, чем в 2011 году. Согласно статистике Департамента уголовной полиции Министерства общественной безопасности, в 2013 году было выявлено 7.208 случаев, 10 603 правонарушителя были подростками, из них 10.211 субъектов были лицам мужского пола (96,3 %), 392 – были лицам мужского пола женского пола (3,7 %). Преступления, совершенные несовершеннолетними в возрасте от 16 до 18 лет, составили наибольшую долю – около 71,8 % [1].

Таким образом, создание Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних свидетельствует не только о соблюдении международных обязательств Вьетнама, но и об урегулировании судебной ситуации во Вьетнаме.

2. Правовые основы суда по семейным делам и делам несовершеннолетних

Суды по семейным делам и делам несовершеннолетних Вьетнама действуют на основе Конституции 2013 года Вьетнама, Закона «Об организации народных судов» 2014 года, и подзаконные акты. К подзаконным актам можно перечислить следующие акты: Циркуляр 01/2016/ТТ-СА, предусматривающий организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального подчинения, народных судах районов, уездов, провинциальных городов и т.п.; Циркуляр № 02/2018/ТТ-TANDTC о рассмотрении уголовных дел с участием лиц моложе 18 лет, подведомственных Суду по семейным делам и делам несовершеннолетних.

В главе VIII конституции 2013 года расписываются общие положения о структуре, функции и принципы деятельности народных судов. Эти положения дальше конкретизируются в Законе «Об организации народных судов» 2014 года.

В целях произведения единообразной организации по всей стране специализированных судов в целом, судов по семейным делам и делам несовершеннолетних в частности, от 21 января 2016 года Председатель Верховного народного суда издал Циркуляр No 01. Это Циркуляр регулирует организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального значения; Народные суды районов, уездов, поселков и областей городов и приравненных к ним. В этом циркуляре были установлены конкретные положения о компетенции и порядке организации судов по семейным делам и делам несовершеннолетних. Председа-

¹ Конвенция о правах ребенка, принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 13.05.2022)

тель Верховного народного суда также имеет ведущее заключение к судам всех уровней с точки зрения кадровой работы, требований к помещениям и профессии, а также требований по координации с политическими организациями, организациями социального обеспечения, центральными и местными органами здравоохранения и образования по рассмотрению дел, подведомственных Суду по семейным делам и делам несовершеннолетних².

После реализации циркуляра № 01 Верховный народный суд провел церемонию оглашения решения о создании Суда по делам семьи и несовершеннолетних при Народном суде Хошимина 4 апреля 2016 г. Это первый суд по семейным делам и делам несовершеннолетних во Вьетнаме, и новый специализированный суд в соответствии с Законом об организации народных судов 2014 года. Затем были созданы Суд по семейным делам и делам несовершеннолетних при Высшем народном суде в Ханое, при Высшем народном суде в Дананге, и при Высшем народном суде в Хошимине. 22 июня 2018 года Верховный народный суд продолжил проведение церемонии открытия Суда по делам семьи и несовершеннолетних при Народном суде провинции Донгхап. До сих пор Суд по семейным делам и делам несовершеннолетних был создан только в 3 высших народных судах и 2 провинциальных народных судах.

По поручению директора Департамента правового и научного управления Верховного народного суда 21 сентября 2018 года Председатель Верховного народного суда, господин Нгуен Хоа Бинь издал Циркуляр, в котором подробно описывается порядок рассмотрения уголовных дел с участием лиц, не достигших 18-летнего возраста, подведомственных судам по семейным делам и судам по делам несовершеннолетних. Настоящим Циркуляром предусмотрено рассмотрение уголовных дел, по которым обвиняемый не достиг 18-летнего возраста, или уголовных дел, по которым потерпевшим является лицо в возрасте до 18 лет, получившее тяжелую травму или нуждающееся в медицинской помощи, не имеющие здоровой семейной среды, как и другие лица, не достигшие 18-летнего возраста (далее – участники процесса, не достигшие 18-летнего возраста), подпадает под юрисдикцию Суда по делам семьи и несовершеннолетних.

3. Организации суда по семейным делам и делам несовершеннолетних

Согласно статье 4 Циркуляра № 01/2016/ТТ-СА специализированные суды организуются следующим образом³:

Подготовка к организации суда: Исходя из организационных условий, Главный судья народного суда провинции или города центрального подчинения оценивает необходимость организации Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних при Народном суде провинции, района и приравненного к нему в соответствии с территориальной юрисдикцией; пересматривает существующие кадры судей и судебных секретарей; подготавливает досье с просьбой об организации Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних.

Досье для запроса организации Суда включает в себя: проект организации суда (Проект должен быть рассмотрен, проголосован и одобрен партийным комитетом по кадрам народного суда провинции или города); заявление об организации суда; заявление об организации Суда по делам се-

мьи и несовершеннолетних (направляется в Верховный народный суд)

Организационно-кадровый отдел Верховного народного суда в течение 30 рабочих дней со дня поступления Досье с требованием об организации специализированного суда обязан рассмотреть это Досье. Если Досье удовлетворяет всем требованиям, оно представляется председателю Верховного народного суда для рассмотрения и принятия решения об организации Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних. В случае, если председатель Верховного народного суда решит не создавать специализированный суд при народном суде провинции, района и приравненном к нему, Организационно-кадровый отдел Верховного народного суда письменно уведомляет народные суды провинций и городов центрального подчинения о результатах.

Фактически, параллельно с созданием Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних Верховный народный суд также организовал подготовку по вопросам применения положений закона и навыков для решения и вынесения судебных решений по делам, касающимся семей, а также несовершеннолетних правонарушителей. В ходе подготовке международные эксперты и судьи Верховного народного суда поручили судьям и секретарям непосредственно заниматься делами, касающимися семей и несовершеннолетних, а также обмениваться мнениями и обсуждать для выработки наилучших решений.

Персонал Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних принципиально не отличается от персонала других специализированных судов. В штат суда по семейным делам и делам несовершеннолетних во Вьетнаме также входят судьи и судебные секретари. В руководящую группу этого суда входят председатель Высшего суда и его заместители. В частности, в Суде по семейным делам и делам несовершеннолетних при Народном суде города Хошимина в настоящее время работает 30 сотрудников, в том числе 15 судей (в том числе 1 главный судья, 02 заместителя главного судьи) и 15 профессиональных секретарей.

4. Юрисдикция судов по семейным делам и делам несовершеннолетних

С момента вступления в силу Закона «об организации народных судов» 2014 года Верховный народный суд выпустил документы, четко определяющие структуру и организацию судебной системы во Вьетнаме. В частности, Циркуляр № 01/2016/ТТ-СА предусматривает организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального значения; при народных судах районов, уездов, поселков и провинциальных городов и их приравненных. И особенно в Циркуляре № 02/2018/ТТ-TANDTC подробно описывается порядок рассмотрения уголовных дел, в которых участниками разбирательства являются лица в возрасте до 18 лет.

Согласно статье 40 Закона «об организации народных судов» 2014 год, суды по семейным делам и делам несовершеннолетних имеют общую задачу по урегулированию дел первой инстанции в соответствии с законом и апелляционных дел, по которым обжалуются решения судов первой инстанции и решения, которые еще не вступили в законную силу⁴. В частности, суд по семейным делам и делам несовершеннолетних районного/уездного народного суда имеет полномочия разрешать в порядке первой инстанции дела о браке и семье, подпадающие под юрисдикцию районного народного суда, как это предусмотрено статьей 35 настоящего Кодекса⁵. Суды по семейным делам и делам несовер-

2 Thông tư 01/2016/ТТ-CA Quy định việc tổ chức các Tòa chuyên trách tại Tòa án nhân dân tỉnh, thành phố trực thuộc Trung ương, Tòa án nhân dân huyện, quận, thị xã, thành phố thuộc tỉnh và tương đương / Ст. 4 Циркуляра 01/2016/ТТ-CA, предусматривающий организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального подчинения, народных судах районов, уездов, провинциальных городов и т.п.

3 Điều 4, Thông tư 01/2016/ТТ-CA Quy định việc tổ chức các Tòa chuyên trách tại Tòa án nhân dân tỉnh, thành phố trực thuộc Trung ương, Tòa án nhân dân huyện, quận, thị xã, thành phố thuộc tỉnh và tương đương / Ст.4 Циркуляра 01/2016/ТТ-CA, предусматривающий организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального подчинения, народных судах районов, уездов, провинциальных городов и т.п. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vbqp.toaan.gov.vn/webcenter/portal/htvb/chi-tiet/?dDocName=TOAAN008052> (дата обращения: 13.05.2022)

4 Điều 40 Luật tổ chức Tòa án nhân dân 2014 số 62/2014/QH13 /Ст. 40 Закона «Об организации народных судов» 2014 года № 62/2014/QH13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-to-chuc-Toa-an-nhan-dan-2014-259724.aspx> (дата обращения: 13.05.2022)

5 Khoản 2, điều 36 Luật tổ chức Tòa án nhân dân 2014 số 62/2014/QH13 /П.2 ст. 36 Закона «Об организации народных судов» 2014 года № 62/2014/QH13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-to-chuc-Toa-an-nhan-dan-2014-259724.aspx> (дата обращения: 13.05.2022)

шеннолетних народных судов городского/провинциального уровня уполномочены:

а) Урегулировать в порядке первой инстанции споров и ходатайств о браке и семье, находящихся под юрисдикцией народного суда городского /провинциального уровня, указанного в статье 37 настоящего Кодекса;

б) Разрешать в апелляционном порядке дела, по которым не вступившие в законную силу решения по семейным делам районных/уездных народных судов, обжалуются или опротестованы в соответствии с настоящим Кодексом⁶.

Пункт 6 статьи 3 Циркуляра № 01/2016/ТТ-СА предусматривает, что суды по семейным делам и делам несовершеннолетних разрешают следующие дела⁷:

а) Уголовные дела, по которым обвиняемый не достиг 18-летнего возраста, или уголовные дела, по которым подсудимым является лицо, достигшее 18-летнего возраста и старше, а потерпевшим является лицо в возрасте до 18 лет, которое тяжело повреждено психологически или нуждается в помощи с точки зрения условий жизни, образования из-за отсутствия здоровой семейной среды, как у других людей в возрасте до 18 лет;

б) Рассмотрение и решение о применении административных мер в Народном суде в отношении несовершеннолетних;

с) Семейные дела, предусмотренные Гражданским процессуальным кодексом.

Кроме того, для уголовных дел, касающихся несовершеннолетних, используются два типа залов судебных заседаний: зал по уголовным делам и дружественный зал.

Суды по семейным делам и делам несовершеннолетних проводят судебные разбирательства в зале по уголовным делам по следующим делам, подпадающим под юрисдикцию суда⁸:

1. По уголовному делу, при котором имеется обвиняемый в возрасте от полных 16 до 18 лет, совершивший тяжкие преступления умышленными и особо тяжкие преступления.

2. По уголовному делу, при котором имеется подсудимый в возрасте от 14 до 16 лет, совершивший одно из особо тяжких преступлений, указанных в статьях 123, 134, 141, 142, 144, 151, 168, 169, 170, 171, 248, 249, 250, 251, 252 и 299 Уголовного кодекса 2015 года.

3. По уголовному делу, при котором имеется подсудимый, не достигший 18-летнего возраста, так и подсудимый, достигший 18-летнего возраста и старше.

4. По уголовному делу, при котором обвиняемым является лицо, которому исполнилось 18 лет или старше, но потерпевшим является лицо в возрасте до 18 лет, которое серьезно повреждено психологически или нуждается в поддержке условий жизни или образования из-за отсутствия

здоровой семейной среды, как и другие лица в возрасте до 18 лет⁹.

Уголовные дела, не подпадающие под вышеуказанные дела, будут производиться в дружественном зале суда.

Суд по семейным делам и делам несовершеннолетних обеспечивает соблюдение принципа информационной безопасности в отношении несовершеннолетних при раскрытии дел, особенно по делам о преступлениях, связанных с сексуальным насилием, в которых несовершеннолетние были причинены вред. Для рассмотрения семейных дел Суд всегда гарантирует такие принципы, как: гарантировать законные интересы и права несовершеннолетних детей; обеспечить, чтобы желания детей в возрасте полных 07 лет и старше учитывались объективно и в соответствии с законом. Все дети от полных 07 лет обследуются в детской комнате, чтобы убедиться, что дети психологически устойчивы, уверенно проявляют свою волю и стремления, не поддаются влиянию родителей.

В экспериментальной модели судов по семейным делам и судам по делам несовершеннолетних в Хошимине и провинции Донгхап Верховный народный суд разделил только дела о браке и семье, чтобы передать юрисдикцию Суду по семейным делам и делам несовершеннолетних. Что касается порядка и процедур разрешения брачно-семейных дел, то они по-прежнему соответствуют положениям Гражданского процессуального кодекса 2015 года, функция поддержки и помощи людям, в том числе детям, в подготовке к адаптации в новой семье еще не гарантирована. Длительное урегулирование бракоразводного процесса (особенно в случае имущественных споров) вызывает у вовлеченных сторон, особенно несовершеннолетних, чувство усталости, давления, аффектации, и негативное влияние на их психику [2, с. 93].

В процессе разрешения дела также должно быть участие специалистов в области ухода и защиты детей, женщин и других уязвимых групп, чтобы минимизировать психологическое давление на стороны судебного разбирательства, особенно в отношении с несовершеннолетними [3, с. 315].

5. Заключение

Образование судов по семейным делам и делам несовершеннолетних действительно является новым прогресс в судебной системе Вьетнама, которая выражает усилия государственных аппаратов в защите прав человека и гражданина, особенно детей. При этом, необходимо отметить, что, чтобы эффективнее реализовать функции специализированного суда, в дополнение к созданию модели Суда по семейным делам и делам несовершеннолетних с дружественным залом, также нужно завершить соответствующие законы, кодексы и подзаконные документы, и повысить сотрудничество между компетентных органов вне суда.

Пристатейный библиографический список

1. Văn Nghiệp Chúc, Mô hình Tòa gia đình và người chưa thành niên - Báo Nhân Dân / Ван Нгыеп Чук. Модель суда по семейным делам и делам несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nhandan.vn/thoi-su-phap-luat/mo-hinh-toa-gia-dinh-va-nguoi-chua-thanh-nien-205963/> (дата обращения: 13.05.2022)
2. Ветошкин С.А. Ювенальное право: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 169 с.
3. Рабец А.М. Ювенальное право Российской Федерации: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 362 с.
4. Khoản 2, điều 38 Luật tổ chức Tòa án nhân dân 2014 số 62/2014/QH13 /П.2 ст. 38 Закона «Об организации народных судов» 2014 года № 62/2014/QH13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-to-chuc-Toa-an-nhan-dan-2014-259724.aspx> (дата обращения: 13.05.2022)
5. Khoản 6 điều 3 Thông tư 01/2016/TT-CA Quy định việc tổ chức các Tòa chuyên trách tại Tòa án nhân dân tỉnh, thành phố trực thuộc Trung ương, Tòa án nhân dân huyện, quận, thị xã, thành phố thuộc tỉnh và tương đương / П.6 ст.3 Циркуляра 01/2016/ТТ-СА, предусматривающий организацию специализированных судов при народных судах провинций и городов центрального подчинения, народных судах районов, уездов, провинциальных городов и т.п. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vbpq.toaan.gov.vn/webcenter/portal/htvb/chi-tiet?dDocName=TOAAN008052> (дата обращения: 13.05.2022)
6. Điều 4 Thông tư số 02/2018/TT-TANDTC quy định chi tiết việc xét xử vụ án hình sự có người tham gia tố tụng là người dưới 18 tuổi thuộc thẩm quyền của Tòa gia đình và người chưa thành niên / ст.4 Циркуляра № 02/2018/ТТ-ТАНДТС о рассмотрении уголовных дел с участием лиц моложе 18 лет, подведомственных Суду по делам семьи и несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-02-2018-TT-TANDTC-huong-dan-xet-xu-vu-an-hinh-su-co-nguoi-duoi-18-tuoi-384042.aspx> (дата обращения: 13.05.2022).
7. Điều 5 Thông tư số 02/2018/TT-TANDTC quy định chi tiết việc xét xử vụ án hình sự có người tham gia tố tụng là người dưới 18 tuổi thuộc thẩm quyền của Tòa gia đình và người chưa thành niên / ст.5 Циркуляра № 02/2018/ТТ-ТАНДТС о рассмотрении уголовных дел с участием лиц моложе 18 лет, подведомственных Суду по делам семьи и несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Thu-tuc-To-tung/Thong-tu-02-2018-TT-TANDTC-huong-dan-xet-xu-vu-an-hinh-su-co-nguoi-duoi-18-tuoi-384042.aspx> (дата обращения: 13.05.2022).

РАДНЕВА Елена Георгиевна

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

САВЧЕНКО Иван Геннадьевич

слушатель 5 курса Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, младший лейтенант полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены некоторые вопросы, возникающие при реализации права на защиту подозреваемого (обвиняемого) на современном этапе развития уголовного процесса. Проанализированы проблемные аспекты и внесены предложения для их регулирования. Раскрыты особенности проблем реализации права на защиту лиц, являющихся несовершеннолетними. Определена необходимость совершенствования процессуально-процедурной регламентации прав, реализуемых подозреваемым (обвиняемым) во время проведения уголовного процесса по делу.

Ключевые слова: право на защиту, реализация права на защиту, подозреваемый, обвиняемый, уголовный процесс, несовершеннолетний.

RADNEVA Elena Georgievna

lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

SAVCHENKO Ivan Gennadjevich

student of the 5th course of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, junior lieutenant of police

SEPARATE PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT TO DEFENSE AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses some of the problems arising in the exercise of the right to defense of a suspect (accused) at the present stage of the development of the criminal process. The problematic aspects are analyzed and proposals for their regulation are made. The peculiarities of the problems of realization of the right to protection of persons who are minors are disclosed. The necessity of improving the procedural regulation of the rights exercised by the suspect (accused) during the criminal process in the case is determined.

Keywords: right to defense, realization of the right to defense, suspect, accused, criminal trial, minor.

Несомненно, что степень развития института прав человека в государстве определяет показатель уровня развития самого государства, а соответственно механизм реализации норм, регламентирующий возникновение и регулирование прав человека, свидетельствует о законности, правопорядке, демократизме. Оформление только лишь статуса прав человека является недостаточным для их реализации, поэтому должен существовать эффективный механизм, позволяющий обеспечивать их защиту. В связи с этим, следует полагать, что права и свободы человека и гражданина, согласно Конституции Российской Федерации, получили статус социальной ценности, требуют внедрения правового механизма обеспечения их реализации и гарантирования.

Из этого следует, что для обеспечения права на защиту в уголовном процессе должен функционировать нормативный механизм, позволяющий данное право гарантировать. Отметим, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепляет право человека на осуществление его защиты лично либо защитником в уголовном судопроизводстве. В аспекте настоящего исследования объем полномочий защитника в некоторой степени имеет ограничения, что соответственно существенно сужает право подозреваемого (обвиняемого) лица на защиту.

Опираясь на положения ст. 15 УПК РФ, а именно: на принцип обеспечения равноправия и состязательности сторон, следует заметить, что на этапе предварительного следствия к соответствующим полномочиями защитника относятся осуществление сбора доказательств по делу и обеспечение принципа законности. Право защитника на участие в уголовном процессе с момента, когда осуществлено

фактическое задержание лица, которое соответственно находится под подозрением в совершении преступного деяния, закреплено в п. 3 ст. 49 УПК РФ и предопределяется положениями ст. 91, 92 УПК РФ и ст. 100 УПК РФ в виде применения к лицу заключения под стражу как соответствующей меры пресечения.

Указанное представляет собой несоответствие положениями уголовно-процессуального закона и реальной практики осуществления задержания лиц. Соответственно момент проведения фактического задержания, закрепленный в УПК РФ, поскольку на практике реализуется посредством осуществления специальных действий сотрудниками органов внутренних дел, которые задержанное лицо доставляют дознавателю либо следователю, которые могут принять соответствующее решение, связанное с возбуждением уголовного дела. [1, с. 685-689]

Следует отметить, что на стадии предварительного расследования осуществляется сбор доказательств, в связи с этим участие защитника в этом процессе должно быть урегулировано. Учитывая, что защитник принимает участие в проведении различных следственных действий, и следовательно редко бывает заинтересован в этом, то целесообразно закрепить реальную возможность защитника проводить сбор доказательств: осуществлять применение в необходимых случаях средств видео- и аудио-съемки в процессе участия в следственных действиях.

Защитник со своим подзащитным должны иметь возможность обсуждать и согласовывать соответствующую позицию по проведению определенного следственного действия, для этого им необходимо достаточное количество

свиданий. Обращает на себя внимание также тот факт, что полученные защитником доказательства могут быть приобщены к материалам конкретного дела только на основании усмотрения на это следователя, который может принимать и необоснованные решения по данному направлению.

Из этого можно сделать вывод, что в современном уголовном процессе принцип равноправия сторон не соблюдается, оно имеет лишь декларативный характер. Следует полагать, что на уровне закона существует необходимость провести урегулирование соответствующего порядка рассмотрения органами предварительного следствия поданных стороной защиты ходатайств.

Среди проблемы обеспечения права на защиту следует указать также несовершеннолетнее лицо, оказавшееся вовлеченным в уголовный процесс в качестве подозреваемого (обвиняемого). Реализовать право на защиту такого участника должны соответствующие органы, которыми проводится следствие по конкретному уголовному делу, что обусловлено необходимыми властными полномочиями в данном вопросе. Здесь важно проследить момент вступления защитника к участию в деле, где подозреваемый либо обвиняемый являются несовершеннолетним лицом. Таким образом, момент получения таким лицом статуса подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ) либо же обвиняемого (ч. 1 ст. 47 УПК РФ) должно совпадать с моментом, когда в дело вступает защитник несовершеннолетнего. [2, с. 67-68]

Полагаем, что целесообразно указанные случаи дополнить обстоятельствами реализации иных действий, имеющих процессуальный характер, когда в отношении несовершеннолетнего принимается решение о возбуждении уголовного дела, либо права такого лица затрагиваются при осуществлении проверки в порядке ст. 144 УПК РФ сообщения о совершении преступного деяния.

Следует обратить внимание в данном аспекте и на требования международных документов, положения которых введены в отечественное законодательство. В связи с этим при осуществлении уголовного процесса в отношении несовершеннолетнего лица дознаватель либо следователь должны предпринять действия, связанные с: разъяснением (до осуществления процессуальных действий) соответствующего права несовершеннолетнему на защиту посредством проведения разъяснений в протокольной форме с описанием соответствующих положений уголовно-процессуального закона, закрепленных в ст. 16, 50 УПК РФ; с момента проведения первого процессуального действия с участием несовершеннолетнего лица принять необходимые обеспечительные меры для допуска законного представителя, а также защитника (по назначению либо по соглашению).

Защитник не может навязывать свою помощь лицу, находящемуся под подозрением (обвинением), поскольку это противоречит Кодексу адвокатской этики. [3, с. 228-234]. При этом дознаватель, следователь не вправе давать рекомендации либо даже указывать на выбор конкретного защитника, занимая в данном вопросе нейтральную позицию.

В случаях, когда защитник не был приглашен подозреваемым (обвиняемым) лицом либо законным представителем такого лица, то соответствующим должностным лицом должен быть рассмотрен вопрос о том, чтобы привлечь адвоката по назначению в соответствии с ч. 3 ст. 16, ч. 2 ст. 50 УПК РФ. Для этого в соответствующее адвокатское образование направляется процессуальное решение дознавателя либо следователя для гарантирования участия защитника в данном процессе. В постановлении должна быть указана необходимая информация о лице, которому требуется защита, его статусе по делу, квалификация уголовно-правовой нормы, которая была нарушена данным лицом. [4, с. 59-63].

Полагаем целесообразным вносить в такое постановление более полные сведения о подозреваемом (обвиняемом) в несовершеннолетнем возрасте, при этом указывая его пол,

возраст, родной язык, описание в краткой форме совершенного лицом преступного деяния, его социальное положение, а также иные признаки, которые могут способствовать обеспечению наиболее эффективной защиты.

Данная информация будет способствовать пониманию и оцениванию защитником возможностей своего участия по делу, формированию первоначального отношения к подзащитному до первой встречи с ним. Особенно важно указывать родной язык лица, находящегося под подозрением либо обвинением, поскольку может быть необходима помощь специалиста-переводчика.

Заметим, что среди проблемных аспектов реализации права на защиту несовершеннолетнего следует также назвать и неприятие несовершеннолетнего к противоположному полу, поскольку могут в процессе сотрудничества между защитником и подзащитным возникнуть сложности в связи с возрастными изменениями последнего, а также необходимо учитывать физиологические, психологические, поведенческие, социальные особенности.

Постоянная смена защитника (по назначению) может негативно отразиться на качественной защите прав лица, не достигшего совершеннолетия, здесь в связи с неокрепшей психикой подростка может иметь место негативное и девиантное поведение, что будет оказывать неблагоприятное влияние на ход предварительного расследования в целом. Полагаем, что для того, чтобы сформировать у несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) верное представление о каждой смене лица, назначенного ему в качестве защитника, то целесообразно составлять документ, который бы смог отразить соответствующие причины, с которым мог бы ознакомиться как сам несовершеннолетний, так и его законный представитель.

Суммируя изложенное, отметим, что выявленные причины и предложенные дополнения будут способствовать формированию эффективного механизма, связанного с обеспечением реализации права на защиту, в частности участия защитника в процессе по делу, учитывать индивидуальные особенности подзащитного лица. Определено, что существует необходимость совершенствования процессуально-процедурной регламентации прав, реализуемых подозреваемым/обвиняемым во время проведения уголовного процесса по делу.

Пристатейный библиографический список

1. Петрова И.А. Сущность и проблемы обеспечения права на защиту в досудебном производстве // *Аллея науки*. – 2019. – № 1 (28). – С. 685-689. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=37130487>.
2. Ясельская В.В. О совершенствовании порядка разрешения ходатайств на стадии предварительного расследования // *Уголовная юстиция*. – 2018. – № 2 (6). – С. 67-68.
3. Журба О.Л., Раднева Е.Г. Отдельные проблемы реализации права на защиту на современном этапе развития уголовного судопроизводства // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки*. – 2019. – Т. 5 (71). – № 4. – С. 228-234.
4. Сафонова А.А. Некоторые проблемы вступления защитника в уголовное дело // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. – 2022. – № 1. – С. 59-63.

САФОНОВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований учебно-научного комплекса Судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

БОНДАРЕВА Ирина Олеговна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩИХ УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

Статья посвящена вопросам актуальности проведения одного из самых распространенных следственных действий - допросу. Рассмотрены понятие следственного действия, а также, непосредственно, допроса в уголовно-процессуальной науке и криминалистической литературе. Дан анализ общим условиям, присущим всем видам допроса на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства. Подробному описанию подлежало каждое из условий, присущих проведению допроса.

Ключевые слова: допрос, следственное действие, уголовно-процессуальный кодекс, виды допроса.

SAFONOV Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Technical and forensic provision expert research sub-faculty of the Training and Research Complex of Forensic examination of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

BONDAREVA Irina Olegovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

GENERAL CONDITIONS OF INTERROGATION

The article is devoted to the relevance of conducting one of the most common investigative actions - interrogation. The concept of investigative action, as well as, directly, interrogation in criminal procedure science and forensic literature are considered. The analysis is given of the general conditions inherent in all types of interrogation at the stage of preliminary investigation and trial, each of the conditions inherent in the interrogation was subject to a detailed description.

Keywords: interrogation, investigative action, criminal procedure Code, types of interrogation.

Уже достаточно давно непреложным фактом в криминалистической тактике является указание на значимость и, пожалуй, наибольшую используемость в практике расследования преступлений такого следственного действия как допрос. Последний активно используется на всех стадиях расследования уголовного дела, а тактические и методические основы допроса, разработанные криминалистами, судебными психологами, также успешно применяются в рамках оперативно-розыскных мероприятий и проверочных действий.

Вместе с тем, рассматриваемое следственное действие является достаточно сложным по своему содержанию. Ошибочно полагать, что ввиду своей повышенной распространенности в сравнении с другими следственными действиями, допрос достаточно прост в своей реализации от планирования и до последней подписи в протоколе. Собственно данная мысль не нова и представлена в учебной литературе по криминалистике.

Изложенные выше положения в совокупности с практическими вопросами производства рассматриваемого следственного действия (и его отдельных видов), свидетельствуют о достаточно высокой актуальности темы работы несмотря на глубокую ее разработанность в научной плоскости.

Действующий уголовно-процессуальный закон не раскрывает детального понятия «следственного действия», обходясь указанием в п. 32 ст. 5 Кодекса на то, что как раз процессуальное действие является следственным, судебным или иным действием, которое предусмотрено УПК¹. Другими словами, следственное действие выступает одной из разновидностью процессуальных действий. Подробный анализ

содержательной стороны именно следственных действий, их целевого назначения, субъектов, которые их применяют, и особой процессуальной формы, установленной именно для данных действий, позволил ученым-процессуалистам сформулировать определение для рассматриваемого понятия.

Так, одна из распространенных трактовок под следственным действием понимает перечисленные в уголовно-процессуальном законе процессуальные действия специально уполномоченных государством объективных, беспристрастных, компетентных субъектов уголовно-процессуальных отношений, направленные на собирание доказательств и осуществляемые в строго регламентированной законом процессуальной форме [1].

Наряду с отсутствием легального определения следственного действия, уголовно-процессуальный закон не указывает и полного перечня самих этих действий. Однако презюмируется, что данный перечень является исчерпывающим, а из содержания самого закона (главы 24-27) возможно выделить и сами эти следственные действия, закрепленные в соответствующих нормах, устанавливающих порядок их производства. Так законодателем выделены осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний, судебная экспертиза. В то же время это не окончательное деление. В отдельных случаях нормами закона устанавливаются подвиды указанных следственных действий. Такими подвидами могут выступать допрос несовершеннолетнего, несовершеннолетнего подозреваемого/обвиняемого, допрос обвиняемого, допрос эксперта, которые прямо установлены законом и имеют определенные особенности производства относительно общего порядка. Законодателем

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона № 294-ФЗ от 19.05.2022). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

рассматриваемое нами следственное действие было помещено в главу УПК, посвященную так называемым вербальным действиям – получаемая доказательственная информация формируется благодаря беседе, вербальному началу (например, допрос и очная ставка), или беседе наряду с визуальным контактом (например, опознание и проверка показаний).

Говоря о процессуальной регламентации допроса, нельзя не остановиться на общих условиях производства следственных действий, поскольку данные условия носят базовый, определяющий характер для всех остальных частных случаев производства того или иного следственного действия.

Общие условия производства следственных действий напрямую связаны с таким термином, как «процессуальная форма», которая определяет общий порядок, последовательность, правила и условия производства всех (без изъятий) следственных действий.

Согласно положениям ст. 164 УПК РФ к таковым условиям относятся запрет на производство следственных действий в ночное время; запрет на применение насилия, угроз и иных незаконных мер; обязанность обеспечения безопасности жизни и здоровья участников следственного действия; допустимость привлечения к следственному действию лиц, обладающих специальными познаниями, а также специальных технических средств; обязанность протоколирования следственного действия².

Указанные выше правила (условия) перечислены в самом общем виде и, поскольку целью нашей работы выступает конкретное следственное действие, далее постараемся описать именно особенности применения как общих, так и специальных правил к допросу.

Допрос является, пожалуй, самым известным и, соответственно, самым разработанным как в процессуальном, так и в тактико-криминалистическом отношении. Считается, что его процессуальная форма наиболее детализирована [1]. Решение о производстве допроса принимается уполномоченным должностным лицом исходя из имеющейся информации о наличии у того или иного человека (вне зависимости от того вовлечен он в процесс или нет) данных об обстоятельствах расследуемого уголовного дела. Соответственно, основной целью допроса выступает получение доказательств в виде показаний допрашиваемого лица. В процессуальном смысле данное следственное действие можно разбить на три крупные составляющие: вызов лица для производства допроса; непосредственный допрос; фиксация результатов допроса. Исходя из этого, а также руководствуясь классификацией допроса по процессуальному статусу участников следственного действия и, соответственно, видов получаемых показаний (показания свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта, специалиста) уголовно-процессуальным законом установлены как общие, так и особенные требования к процессуальной форме.

С учетом положений уголовно-процессуального законодательства и позиции ведущих ученых-процессуалистов, в качестве общих требований можно выделить следующие:

1. Требования по кругу участвующих лиц. Допрос проводится индивидуально с допрашиваемым, посторонние лица к участию в следственном действии не допускаются. Изъятия из этого требования касаются несовершеннолетних, а также лиц, не владеющих языком судопроизводства. При этом прямое указание на именно индивидуальное общение с допрашиваемым в законе отсутствует, однако вытекает из дальнейших указаний по возможности или необходимости привлечения различных лиц (адвокат, педагог, психолог, законные представители, переводчик, специалист), а также из самой логики расследования и необходимости соблюдения тайны следствия.

2. Требования относительно места производства допроса сформулированы в ч. 1 ст. 187 УПК РФ. По общему правилу данное следственное действие проводится либо по месту

производства предварительного расследования, либо по месту нахождения допрашиваемого.

3. Требования относительно времени производства допроса сформулированы в ч.ч. 2, 3, 4 ст. 187, ч. 1 ст. 191 УПК РФ. Законодательно установлены временные рамки самого допроса и перерыва между допросами в случае его продолжительного характера – не более 4 часов для допроса и не менее 1 часа для перерыва. Таким образом, допрос не может продолжаться более 8 часов. Изъятия могут касаться лиц, которым по медицинским показаниям устанавливаются меньшие временные периоды допроса или несовершеннолетних, время допроса которых значительно уменьшено исходя из возрастных диапазонов (до 7 лет, от 7 до 14 лет, старше 14 лет).

4. Требования относительно непосредственного производства следственного действия, так называемого хода допроса сформулированы в ст. 189, 189.1 УПК РФ. Установлена необходимость разъяснения прав, ответственности (кроме несовершеннолетних и обвиняемого) за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний, порядка производства следственного действия. Использование в ходе допроса наводящих вопросов запрещено. Допрашиваемому могут быть предъявлены вещественные доказательства и документы. В недавно введенной норме, посвященной особенностям допроса путем использования систем видеоконференц-связи, обязательным является оглашение протокола допроса.

5. Требования по фиксации допроса. Данные требования также прямо закреплены уголовно-процессуальным законом в ст.ст. 164, 189, 189.1, а также с максимальной детализацией особенностей фиксации следственного действия в протоколе – в ст. 190.В ч. 4 ст. 189.1 УПК имеется прямое указание на обязательность применения видеозаписи в ходе допроса. Материалы видеозаписи приобщаются к протоколу³. Интересно, что в данной норме (введена Федеральным законом от 30.12.2021) законодатель наконец отошел от указания на киносъемку, которая до сих пор фигурирует в большинстве иных следственных действий, как рудиментарная форма фиксации, настойчиво копируемая из законодательства РСФСР. В любом случае в соответствии со ст. 164 УПК допрашивающее лицо предупреждает участников о применении технических средств фиксации.

В специальной криминалистической литературе по тактике производства следственных действий имеются более расширенные и углубленные их определения по сравнению с уголовно-процессуальным правом. Кроме того, зачастую учеными приводятся классификации следственных действий и, собственно, особенности тактики их производства. Не исключение в этом отношении и рассматриваемое нами следственное действие – допрос. Анализ криминалистической литературы позволяет охарактеризовать допрос, как процессуальное действие, содержание которого заключается в собирании и проверке ориентирующей или доказательственной информации, получаемой вербально от лица, владеющего подобной информацией в режиме диалога и который облечен в процессуальную форму.

Изложенное позволяет заключить, что несмотря на то, что общие условия проведения следственных действий распространяются и на допрос, он обладает рядом специфических черт и признаков, реализующихся в момент его проведения.

Пристатейный библиографический список

1. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головки. - М.: Статут, 2016. - 1278 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона № 501-ФЗ от 19.05.2022). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона №501-ФЗ от 19.05.2022). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

СОКОЛОВ Юрий Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОТОКОЛ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

С учетом стремительного развития информационных технологий в российском информационном обществе, автор закономерно поднимает вопрос о плановой замене бумажного письменно-печатного протокола на электронный документ. Анализируются отдельные нормы уголовно-процессуального закона, регламентирующие применение технических средств в ходе предварительного расследования и исследования доказательств в судебном производстве. Акцентируется внимание на правовой основе для депонирования электронной криминалистически значимой информации. Делаются и предлагаются развернутые выводы по постепенной замене письменной протокольной формы уголовного судопроизводства на форму электронного документа.

Ключевые слова: информационные технологии, криминалистически значимая информация, электронный документ, электронный носитель информации.

Соколов Ю. Н.

SOKOLOV Yuriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty, associate professor of Information law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

ELECTRONIC PROTOCOL OF PROCEDURAL ACTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: «PROS» AND «CONS»

Taking into account the rapid development of information technologies in the Russian information society, the author naturally raises the issue of the planned replacement of a paper written and printed protocol with an electronic document. Separate norms of the criminal procedure law regulating the use of technical means during the preliminary investigation and examination of evidence in court proceedings are analyzed. Attention is focused on the legal basis for depositing electronic forensically significant information. Detailed conclusions are made and proposed on the gradual replacement of the written protocol form of criminal proceedings with the form of an electronic document.

Keywords: information technologies, forensically significant information, electronic document, electronic information carrier.

Можно утверждать, что развивающееся информационное общество оказало и продолжает оказывать серьезное влияние на аналоговую составляющую РФ в сфере уголовного судопроизводства. Появление и совершенствование информационных технологий (новых форм информации) электронного государства, электронного правосудия, электронного доказательства, электронного документа, электронной подписи, электронного носителя информации и др., предполагает по-иному обратиться к классической форме закрепления криминалистически значимой информации.

С учетом возникновения, обнаружения, обособления, закрепления, исследования, проверки и оценки названной информации, ее движения, закономерно возникает вопрос о замене бумажного письменно-печатного протокола на электронный документ.

Согласно действующему закону, протокол следственного действия может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве названных действий допускается применение фотосъемки, аудио- и видеозаписи. Полученные в результате этого электронные носители информации, а также иные аналогичные носители, но уже сформированные или изъятые (представленные) в ходе проведения данных действий, прилагаются к соответствующему протоколу (ч. 2 и ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

Таким образом, законодатель допускает создание образа будущего протокола в электронной форме и его последующего перевода на бумажный носитель с помощью упомяну-

тых средств. После его предъявления для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии, внесением с их стороны необходимых замечаний, дополнений или уточнений, которые удостоверяются подписями этих лиц, протокол подписывается следователем и названными лицами (ч. 2 и ч. 8 ст. 166 УПК РФ). После выполнения перечисленных действий изготовленный протокол получает статус процессуального источника доказательства и может быть использован в ходе дальнейшего доказывания по уголовному делу.

В связи с чем, можно утверждать, что уже на данном этапе развития информационных технологий, возможно изготовление будущего протокола в электронной форме, его обособление от иной электронной информации, содержащейся на отдельном электронном устройстве, с помощью которого он был создан, его хранение, передача, защита, а в случае необходимости и уточнение.

Замена письменной формы на электронную, наделение созданного файла необходимыми реквизитами и, в первую очередь, электронной подписью позволит создать и в дальнейшем использовать полноценный электронный документ (аналог письменного документа) как источника криминалистически значимой информации в электронной форме.

Сегодня во всех без исключения органах государственной власти происходит замена бумажных документальных носителей на электронные документы, развертываются и успешно эксплуатируются системы электронного документооборота [4], а бумажный носитель становится уже аль-

тернативным или исключительным. Безусловно, уголовное судопроизводство имеет свое назначение и принципы, однако уголовный процесс не должен являться исключением в рамках единой государственной информационной политики и создаваемой принципиально новой основы экономики нашего государства [9].

П. С. Пастухов предлагает уйти от некоторых доктринальных положений теории доказывания и более «широко» посмотреть на доказательство в свете природы электронной информации, а то и совсем отказаться от протокола следственных и судебных действий как отдельного вида уголовно-процессуального доказательства [6].

Полный отказ от документальной формы ведения уголовного дела, спорный вопрос и мы не разделяем данную точку зрения [5], [2], [3]. Необходимо не отказываться от документальной формы, а усовершенствовать ее, где-то упростить имеющуюся процедуру протоколирования следственных и иных процессуальных действий, но без ущерба информационной безопасности получаемого документа, а значит и достоверности собираемых электронных доказательств. Можно согласиться с мнением ряда ученых [1], [7] в том, что источником криминалистически значимой информации служит человек, обладающий специальными познаниями или нет, но представляющий следственные материалы суду, путем их непосредственного восприятия и закрепления в письменной форме. В связи с чем, первичным источником такой информации выступает следователь, который отразив допустимые сведения для себя, документирует их для других с целью доказывания преступного деяния, учитывая при этом возможные замечания или уточнения, поступающие от участвующих в следственном действии лиц.

Исходя из того, что в судебном производстве суд должен непосредственно исследовать представленные доказательства (ст. 240 УПК РФ), в качестве источников информации, содержащейся в протоколе следственного действия, могут быть допрошены его непосредственные участники или воспроизведены соответствующие электронные носители информации, прилагаемые к данному протоколу. Таким образом, суд может устранить возникшие у него сомнения в содержании протокола того или иного процессуального действия.

Если предположить, что данный протокол будет оцениваться судом в электронной форме, то принципиальных различий в процедурных вопросах его анализа не произойдет. Кроме того, технология электронной подписи представленного электронного документа обеспечит его достоверность и идентификацию лиц, его подписавших. Суд может воспроизвести соответствующие приложения, вложенные в файл электронного протокола (фотоснимки, аудио- и видеозаписи, материалы электронного наблюдения, графические изображения и т.п.), тем самым выполнить все законные требования. Если у суда останутся сомнения, по существу, исследуемых доказательств, он всегда может их устранить путем допроса субъектов доказывания (составивших протокол) или иных участников следственных действий.

Заслуживают внимания нормы права, содержащиеся в уголовно-процессуальных законах бывших союзных республик, ранее входивших в состав СССР и регламентирующих порядок проведения допроса в ходе предварительного расследования, т.е. создающих правовую основу для депонирования криминалистически значимой информации.

Например, лицо может быть допрошено, если:

- существует реальная опасность его смерти или ухудшения здоровья, что может помешать его допросу в ходе рассмотрения дела по существу;
- на длительное время покидает территорию государства;
- необходимо применение специальных мер защиты [10, ст. 114, 217, 225].

Подобные «хранилища» допустимых источников информации имеются у субъектов оперативно-розыскной деятельности, когда следователь поручает им, на основании судебного решения, выемки электронных сообщений, проведение контроля и записи переговоров подозреваемого, обвиняемого или других лиц содержащие сведения имеющие значение для уголовного дела (ч. 7 ст. 185, ст. 186 УПК РФ). Аналогичные базы данных создаются и эксплуатируются операторами связи в отношении информации о входящих и исходящих соединениях абонента и (или) абонентского устройства (ст. 186.1 УПК РФ).

Считаем целесообразным дальнейшее модернизирование единой государственной информационной системы, содержащей отдельные базы данных вышеназванных и иных источников криминалистически значимой информации, в рамках ГАС «Правосудие» [8]¹. В подобной системе может аккумулироваться информация, полученная в ходе досудебного производства, по аналогии с существующей базой судебных решений.

В случае необходимости, субъекты криминалистической деятельности и доказывания смогут обращаться к накопленным сведениям в электронной форме, совершать необходимые информационные процессы, связанные с оценкой имеющейся информации, ее передачей в рамках электронного документооборота из одной стадии уголовного судопроизводства в другую. Воспроизведения в процессе криминалистической деятельности созданных или представленных электронных носителей информации, передачи необходимых процессуальных документов в соответствии с потребностями иных участников уголовного процесса и т.п.

Полагаем, что на смену письменной протокольной форме уголовного судопроизводства должна прийти альтернативная форма электронного документа, как допустимая форма электронных доказательств. Обнаруженная, закреплённая, исследованная, проверенная и оцененная криминалистически значимая информация, получит статус единого информационного продукта, который может быть использован в доказывании на всех стадиях уголовного процесса.

Таким образом, возможно сделать следующие выводы по постепенной замене письменной протокольной формы на форму электронного документа.

1) Названная замена должна проходить поэтапно.

Первоначально, электронный документ должен стать альтернативной формой протокола процессуального действия, дублирующей его содержание в электронном виде.

2) При развертывании соответствующих информационных технологий, позволяющих создавать и накапливать данную информацию в электронной форме, появление необходимых программно-аппаратных средств для ее хранения, передачи, воспроизведения и обеспечения иных ин-

1 Речь идет о созданных или создаваемых государственных информационных системах (подсистемах) досудебного и судебного производства, особого порядка уголовного судопроизводства в рамках существующей и полноценной функционирующей ГАС «Правосудие» // См.: ч. III «Мероприятия Программы».

формационных процессов, актуальных для обеспечения отдельных этапов доказывания преступления – перейти на электронную форму протокола. Названная форма, обеспечит возможность использования электронного документа как электронного доказательства и последующего формирования электронного уголовного дела.

Письменная форма протокола процессуального действия будет оставаться допустимой, для отдаленных районов нашего государства в связи с имеющимся цифровым разрывом между отдельными регионами РФ.

3) При создании полноценной информационной системы, позволяющей осуществлять криминалистическую деятельность в рамках всего уголовного процесса, полностью отказаться от письменного протокола следственного и иного процессуального действия, перейти на ведение уголовного дела в электронной форме.

4) Целесообразно создание единой системы электронных доказательств. Истребование, воспроизведение, исследование, проверка и оценка которых будет актуальна в рамках доказывания в ходе предварительного слушания и дальнейшего судебного следствия.

5) Данная система должна быть интегрирована в существующую ГАС «Правосудие», как дополнительный закрытый контур, содержащий электронные доказательства, на которые распространяется правовой режим профессиональной (следственной и судебной) тайны. Доступ к данной информационной системе (подсистеме) будут иметь все суды общей юрисдикции в зависимости от категории расследуемых преступлений, иные властные субъекты.

6) Поставленные задачи направлены на долгосрочную перспективу, могут найти свое отражение в последующих редакциях федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2022 и последующие годы» или принятием нового, аналогичного документа учитывающего интересы органов предварительного расследования.

7) Необходимы дальнейшие уточнения существующей общей теории криминалистики, с учетом информационных технологий и оборота цифровых данных, уточнения порядка движения электронной информации, имеющей криминалистическое значение (электронной криминалистики).

Предлагаемые подходы могут уточняться, в зависимости от дальнейшего развития имеющихся электронных информационных технологий и оборота цифровых данных.

И в заключении хотелось бы отметить, что нынешнее состояние криминалистики, действующего уголовно-процессуального закона, правоприменительной практики, связанных с активным использованием электронных информационных технологий в ходе движения криминалистически значимой информации, требует существенной корректировки. С учетом имеющихся электронных средств доказывания, появлением новых и постепенной заменой старых, предлагается их дальнейшее развитие и совершенствование. Полагаем, что законодателю еще многое предстоит сделать в данной области, а задача исследователей помочь ему в создании единой концепции применения информационных технологий и оборота цифровых данных в криминалистике и уголовном судопроизводстве в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.С., Бостанов Р.А. Использование производных доказательств в уголовном процессе. – М.: «Юрлитинформ», 2013. – 320 с.
2. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 6-12.
3. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 587-595.
4. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и план мероприятий по ее реализации, утв. распоряжением Правительства РФ от 27.09.2004 г. № 1244-р // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3981.
5. Мещерякова О.А. Организационно-процессуальные меры предупреждения утраты уголовных дел в системе профилактики преступности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – № 2. – С. 141-145.
6. Пастухов П.С. «Электронные доказательства» в состязательной системе уголовно-процессуальных доказательств // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 192, 193.
7. Папшин С.А. Доказательства в российском уголовном процессе. – М.: Комплекс-Прогресс, 1999. – 104 с.
8. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе «Развития судебной системы России на 2013 – 2020 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.
9. Программу «Цифровая экономика в РФ» // Утв. распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.
10. УПК Грузии (от 09.10.2009 г. № 1772-Пс). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurytrial.ru/library/item/8847> (дата обращения: 01.06.2022 г.).
11. УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-VI (с изм. и доп. по сост. на 02.01.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 01.06.2022).

СОЧИВКО Ольга Ивановна

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России, майор внутренней службы,

ПЛОТКИН Дмитрий Матвеевич

кандидат юридических наук, следователь по особо важным делам в отставке, почетный работник прокуратуры РФ, старший советник юстиции, член Союза писателей России

ПРИМЕНЕНИЕ ГИПНОЗА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Авторы отмечают, что применение гипноза в юридической практике вызывало неоднозначное отношение юристов и общественников. При этом многочисленные эксперименты доказывали действенность метода для установления истины. С течением времени прямые запреты стали рекомендательными, и гипноз используется следственными органами, хотя и не очень широко, в исключительных случаях, для получения оперативной информации. Важно получить письменное добровольное согласие на применение гипноза к свидетелям и потерпевшим. По отношению к подозреваемым или обвиняемым использовать данный метод не разрешается. Авторами приведены примеры из практики следователя по особо важным делам Рязанской областной прокуратуры Д. Плоткина о применении гипноза для получения необходимой информации от свидетеля. Исходя из приведенного примера, авторы отметили, что использование такого своеобразного и до конца официально не признанного метода, как гипноз, для проведения следственных действий в отдельных случаях не только возможно, но и необходимо, также акцентировали внимание, что с помощью гипноза можно восстановить детали преступления, получить уникальные сведения, которые не могут быть получены никаким другим способом. В завершение сделан вывод, что в отечественной правоохранительной практике методика применения гипноза при проведении следственных действий находится на начальном этапе развития, но есть надежда, что она найдет свое место в деле борьбы с преступностью и станет началом формирования нового перспективного направления – криминалистической гипнологии, чьей задачей будет улучшение тактического оснащения следственной практики.

Ключевые слова: уголовный процесс, гипноз, свидетель, потерпевший, гипноопрос.

SOCHIVKO Olga Ivanovna

Ph.D. in psychological sciences, lecturer of Penitentiary psychology and penitentiary pedagogy sub-faculty of the Kuzbass Institute of the FPS of Russia, major of internal service

PLOTKIN Dmitriy Matveevich

Ph.D. in Law, Retired Investigator on particularly important cases, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Advisor to Justice, Member of the Union of Writers of Russia

THE USE OF HYPNOSIS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

The authors note that the use of hypnosis in legal practice caused an ambiguous attitude of lawyers and social activists. At the same time, numerous experiments proved the effectiveness of the method to establish truth. Over time, direct prohibitions have become recommended, and hypnosis is used by the investigating authorities, although not very widely, in exceptional cases, to obtain operational information. It is important to get written voluntary consent to the use of hypnosis to witnesses and victims. In relation to the suspects or accused, to use this method is not allowed. The authors provide examples from the practice of the investigator in particularly important cases of the Ryazan regional prosecutor's office D. Plotkin on the use of hypnosis to obtain the necessary information from a witness. Based on the above example, the authors noted that the use of such a peculiar and completely not recognized method as hypnosis is not only possible for investigative actions in some cases, but also necessary, also focused that the details of the crime can be restored with hypnosis, get unique information that cannot be obtained in any other way. In conclusion, it was concluded that in domestic law enforcement practice the methodology for the use of hypnosis during investigative actions is at the initial stage of development, but there is hope that it will find its place in the fight against crime and will become the beginning of the formation of a new promising direction - forensic hypnology, whose task There will be an improvement in the tactical equipment of investigative practice.

Keywords: criminal process, hypnosis, witness, victim, hypno -poll.

Применение гипноза в юридической практике вызывало неоднозначное отношение юристов и общественников уже в XIX веке. Многочисленные эксперименты доказывали действенность гипноза для установления истины. Введение человека в безвольное состояние, некая «переорганизация» его сознания могли дать ценные сведения тем, кто проводил сеанс, и при этом нанести вероятный вред тем, кто находился под его воздействием. Проблемы применения гипноза при совершении следственных действий рассматривались в трудах многих ученых: например, Г. Шнейкерт в работе «Тайна преступника и пути ее раскрытия» (М., 1925) подробно описывал приемы гипноза, показавшие свою эффективность на практике. Но споры относительно этической и юридической стороны данного метода не утихали и даже становились объектом рассмотрения на заседаниях самых авторитетных международных организаций, например на Международном полицейском конгрессе (1903) или семинарах ООН. Итог обсуждений состоял в запрете на использование подобных методов в юридической практике. Тем не менее с течением времени прямые запреты стали рекомендательными, и гипноз используется следственными органами, хотя и не очень широко, в исключительных случаях, для получения оперативной информации.

Примером необходимости применения рассматриваемого метода является желание свидетеля (потерпевшего) помочь следствию, когда во время стресса он утратил способность воспроизвести в деталях произошедшее. Добровольное согласие в письменном виде на применение к данным лицам гипноза обязательно. По отношению к подозреваемым или обвиняемым использовать данный метод не разрешается.

Условия применения гипноза, следующие: 1) проводят его специалисты – психиатры и психологи; 2) у них отсутствует личная заинтересованность в результатах, они не знают подробностей происшедшего.

Гипноопрос происходит так: специалист вводит свидетеля (потерпевшего) в состояние гипнотического сна, контролирует его состояние, задает вопросы, выводит из состояния гипноза. При этом состоянии пациента во время сеанса может пройти три стадии: легкая (сонливость); средняя (абсолютная расслабленность, но наличие уверенности в том, что сонливость можно преодолеть, хотя на это нет желания); 3) глубокая (отсутствует реагирование на раздражители и сохраняется речевой контакт лишь со специалистом).

Все производимые действия следует записывать на видео, чтобы затем проанализировать поведение опрашиваемого.

емого, заметить мелкие детали и установить правильность ведения сеанса специалистом.

На наш взгляд, применение гипноза – достаточно эффективный метод, который можно и нужно использовать при проведении следственных действий. Обратимся к примерам его применения на практике.

Документальный фильм «Охота на слонов» из цикла «Криминальная Россия» основан на реальных событиях 90-х в Рязанской области, когда в регионе действовала «слоновская» банда. Расследование их преступной деятельности возглавлял следователь по особо важным делам прокуратуры Рязанской области Дмитрий Плоткин. В фильме показаны действия специалиста по гипнозу, проводившего опрос потерпевшей – супруги гражданина К. – генерального директора акционерного общества «Пико». К. был убит выстрелом из пистолета в подъезде своего дома на глазах у жены. Нападавшего она не запомнила – подъезд был плохо освещен, супруги стояли спиной к киллеру. Из вероятных примет потерпевшая К. могла назвать только наличие усов.

Преступление долгое время оставалось нераскрытым, и лишь через несколько лет следственная группа Д. Плоткина вернулась к расследованию убийства, когда шли следственные действия по преступлениям организованной преступной группировки «слоновская». Конечно, потерпевшая не смогла за давностью лет ни вспомнить приметы преступника, ни опознать его среди находящихся под следствием участников банды.

Следователь Д. Плоткин предложил гражданке К. пройти гипноопрос для восстановления в памяти деталей убийства. Получив согласие, специалист ввел ее в состояние гипнотического транса, и первой явной ее реакцией стали слезы.

Вопросы были такими: Как вы с супругом зашли в последний раз в подъезд их дома? Что вы увидели? Какого цвета? Какие запахи ощутили? Гражданка К. описала обстановку и события как нарезку из «стоп-кадров»: «Вижу стены, дверь лифта. Я стою, рядом Сережа (муж). В глубине вижу силуэт человека с матерчатой сумкой... Раскрываются двери лифта, я вхожу туда. Сережа должен войти за мной». После этого женщина кричит: «Сережа! Сережа!» и начинает рыдать. В состоянии гипноза она слышит выстрел, ощущает запах гари, дыма, видит, как преступник убегает. Он в темной куртке, худощавый, среднего роста, под носом у него темновато. Раньше ей казалось, что это усы, но это просто такое строение лица. Куртку она описала в деталях.

Затем ей представили фотографии как преступников, так и других лиц, не имеющих отношения к банде. Когда потерпевшая дошла до фотографии участника «слоновской» группировки Сергеева, то громко вскрикнула: «Вот он!», кинула его фотографию на пол и снова стала плакать.

Также К. рассказала о том, что происходило после убийства: она выбежала на улицу и увидела убежавших преступников. Сеанс завершился. Полученные сведения облегчили задачу следственных органов, впоследствии исполнители убийства А.В. Сергеев и Н.Н. Савин за участие в бандитской группировке и совершение преступлений (включая убийство К.) были осуждены и приговорены к наказанию в виде 15 лет лишения свободы с отбыванием первых семи лет в тюрьме.

Таким образом, исходя из приведенного примера, можно отметить, что использование такого своеобразного и до конца официально не признанного метода, как гипноз, для проведения следственных действий в отдельных случаях не только возможно, но и необходимо. С его помощью можно восстановить детали преступления, получить уникальные сведения, которые не могут быть получены никаким другим способом.

Кроме того, в практике следователя Д. Плоткина применялся гипноз для получения необходимой информации от свидетеля.

В Рязани неожиданно без вести пропал мальчик – ученик одной из школ города, а на следующий день пропала его мать. По заявлению их родственники по данным фактам возбудили уголовное дело. В процессе осмотра расположенной на первом этаже многоэтажного дома двухкомнатной квартиры исчезнувших были открыты два люка в подпол. В подполе обнаружены трупы хозяйки квартиры и ее сына.

Согласно заключению судебно-медицинских экспертов, их смерть являлась насильственной и наступила в результате асфиксии. В ходе расследования установлено, что данная квартира располагалась поблизости от железнодорожного вокзала. Ее хозяйка за несколько дней до исчезновения сдала одну из комнат двум лицам, приехавшим из Узбекистана. На

момент возбуждения дела этих лиц в квартире не оказалось. Фамилии и другие данные этих лиц не были известны.

В то же время выяснилось, что из квартиры пропал телевизор и другие ценные вещи. Следователи установили машину такси, которая подъезжала к дому жертв. Ее водитель дал показания о том, что подвозил двух граждан Узбекистана от данного дома до города Тулы. Среди их вещей был телевизор, который они продали на рынке. Следствие выдвинуло версию о совершении убийств матери и ее сына этими гражданами Узбекистана.

При допросе племянницы потерпевшей выяснилось, что она перед исчезновением родственников заходила к тете и видела лежащий там паспорт одного из арендаторов комнаты с русской фамилией, это документ гражданина Узбекистана. Ради интереса она открыла тот паспорт, но что там было написано, не помнит.

В ходе следствия девушке (племяннице) предложено подвергнуться гипнозу с целью «оживления» ее памяти. Сеанс гипноза произведен с письменного согласия в присутствии матери и следователей. Исследование проводил врач-психиатр Х. – длительное время практикующий гипнотизер.

Испытуемая довольно легко вошла в стадию гипнотического сна. При этом она смогла вспомнить номер паспорта и фамилию его владельца И. – гражданина Узбекистана русского происхождения.

На основании этой информации был направлен запрос в Узбекистан.

Органами внутренних дел РФ гражданин Узбекистана И. был объявлен в международный розыск. Задержать его удалось примерно через 10 лет на территории Украины. Была произведена его экстрадиция в Россию, и гражданина И. доставили в Рязань.

По делу об убийстве женщины и ее несовершеннолетнего сына следствие возобновили. Впоследствии уголовное дело по обвинению гражданина Узбекистана И. в убийстве двух лиц было направлено в суд, и он был осужден на длительный срок лишения свободы.

Таким образом, применение гипноза по уголовному делу позволило установить лицо, совершившее преступление (убийство двух лиц), объявить его в розыск, задержать и привлечь к уголовной ответственности.

Этот факт – лучшее подтверждение тому, что правильное использование гипноза способствует расследованию уголовного дела и установлению лица, совершившего преступление.

Разумеется, факты, полученные в результате использования гипноза, не являются доказательствами по уголовному делу в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ, но представляют собой оперативную информацию, которая может послужить сбору таких доказательств и помочь следствию установить и изобличить преступника.

Определенную сложность при применении гипноза в процессе следствия представляет правильное оформление документов о проведении такого действия. Представляется, что при данных обстоятельствах можно оформлять акт судебно-медицинского обследования лица с применением гипноза применением видеозаписи по постановлению следователя о назначении такого обследования. В акте необходимо отражать дату, время, место обследования, специалиста, его квалификацию, присутствующих, ход обследования и его результаты. Суд вправе оценивать данный акт и указанные в нем сведения, как и другие, прочие, материалы по делу.

При этом не исключается возможность легализации и трансформации из оперативной информации в доказательственную проведение допроса в качестве свидетелей участников сеанса гипноза, выемки носителя его видеозаписи, просмотра и приобщения к делу.

Итак, в отечественной правоохранительной практике методика применения гипноза при проведении следственных действий находится на начальном этапе развития, но есть надежда, что она найдет свое место в деле борьбы с преступностью и станет началом формирования нового перспективного направления – криминалистической гипнологии, чьей задачей будет улучшение тактического оснащения следственной практики.

СЛЮСАРЕНКО Екатерина Сергеевна

следователь следственной части Главного следственного управления ГУ МВД России по Ставропольскому краю, адъюнкт Академии управления МВД России

Слюсаренко Е. С.

СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Принятие решения о приостановлении предварительного расследования является достаточно распространенным в следственной практике. В определенной степени это является препятствием для достижения задач уголовного судопроизводства. Пробелы в законодательной регламентации порядка приостановления производства по уголовному делу не позволяют в должной мере реализовывать права и законные интересы участникам процесса, имеющим в деле собственный интерес. Автор обращает внимание на необходимость законодательной корректировки отдельных норм, предусматривающих уведомление о приостановлении расследования, своевременности наделения процессуальным статусом лица, совершившего преступление, избрании в отношении него мер пресечения, а также доказывании обстоятельств деяния, обуславливающих законность и обоснованность решения о приостановлении досудебного производства.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, участник уголовно-процессуальных отношений, розыск подозреваемого, права и обязанности субъектов уголовного процесса.

SLYUSARENKO Ekaterina Sergeevna

investigator of the investigative part of the Main Investigative Department of the MIA of Russia in the Stavropol Territory, adjunct of the Academy of Management of the MIA of Russia

OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN MAKING A DECISION TO SUSPEND PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

The decision to suspend the preliminary investigation is quite common in investigative practice. To a certain extent, this is an obstacle to achieving the objectives of criminal proceedings. Gaps in the legislative regulation of the procedure for suspending proceedings in a criminal case do not allow the rights and legitimate interests of participants in the process who have their own interest in the case to be properly realized. The author draws attention to the need for legislative adjustment of certain norms providing for notification of the suspension of the investigation, the timeliness of granting procedural status to the person who committed the crime, the election of preventive measures against him, as well as proving the circumstances of the act that determine the legality and validity of the decision to suspend pre-trial proceedings.

Keywords: suspension of preliminary investigation, participant in criminal procedural relations, search for a suspect, rights and obligations of subjects of criminal proceedings.

Нормативное ограничение сроков предварительного расследования обуславливает существование института приостановления производства по уголовному делу. Соблюдение установленных законов процессуальных сроков имеет достаточно серьезное значение в плане обеспечения прав и свобод участников уголовно-процессуальных отношений, условием реализации конституционных гарантий.

Традиционное понимание сроков применительно к правоотношениям, возникающим между участниками уголовного процесса, сводится ко времени, отведенному для принятия процессуальных решений о начале и окончании расследования, проведению следственных действий, направленных на получение доказательств [1, с. 19].

Потребность в приостановлении расследования и, соответственно экономии процессуального срока, возникает тогда, когда проведение следственных мероприятий невозможно в силу причин, определенных ст. 208 УПК РФ, смысл которых заключается в отсутствии лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, либо невозможности его участия в производстве по делу. Иными словами, приостановление расследования – это констатация факта невозможности достижения задач уголовного судопроизводства на данном этапе производства по делу в силу наличия объективных препятствий.

Реализация назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), невозможна без установления лица, совершившего преступление, а также доказанности обстоятельств, регламентированных ст. 73 УПК РФ, в число которых входит виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и др. [2, с. 197]. Завершение расследования, вне зависимости от формы (составление обвинительного заключения, прекращение уголовного дела (уголовного преследования), применение принудительных мер медицинского характера) предполагает наличие лица, в отношении которого данные процессуальные решения могут быть приняты.

Соотношение института приостановления производства по уголовному делу с вопросом назначения уголовного судопроизводства в юридической литературе не имеет единого мнения. Одни авторы полагают, что посредством приостановления предварительного расследования создаются условия для раскрытия преступления, а значит установления объективной истины по уголовному делу [3, с. 5]. Другие считают, что при приостановлении следствия, напротив, нарушается нормальное развитие всего уголовного судопроизводства, так как направление уголовного дела в суд либо его прекращение становится невозможным [4, с. 21].

Заслуживает внимание точка зрения о рассмотрении приостановления производства по уголовному делу в двух

аспектах: узком и общепроцессуальном [5, с. 96]. Согласно общепроцессуального подхода, принятие решения о приостановлении следствия, действительно не может обеспечивать достижение задач расследования - установление всех обстоятельств преступного деяния и лица, его совершившего. Однако, в то же время, узкое понимание рассматриваемого института означает «...эффективность процесса, так как способствует экономии, как людских, так и материальных ресурсов, в связи с невозможностью осуществления дальнейшей деятельности по причинам, определенным законом» [5, с. 97].

Следует подчеркнуть, что приостановление производства по уголовному делу, по сути, явление негативное, которое может повлечь ограничение конституционных прав граждан, имеющих собственные интересы в уголовном производстве.

Законодатель обязывает властного субъекта, принявшего решение о приостановлении расследования, уведомить об этом целый круг лиц: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и др. (ч. 1 ст. 209 УПК РФ). Однако в тексте закона отсутствует уточнение каким образом и в каком объеме такое уведомление должно осуществляться. Буквальное толкование приведенной нормы позволяет полагать, что направление обозначенным в законе субъектам уголовно-процессуальных отношений копии постановления о приостановлении производства не предусмотрено. Часть 2 ст. 208 УПК РФ регламентирует направление копии постановления о приостановлении предварительного следствия только прокурору, не обозначая при этом срок, в течение которого данное требование должно быть выполнено. Отсутствует ясность о необходимости уведомления заинтересованных лиц в случае отмены прокурором решения о приостановлении производства по делу и направлении материалов уголовного дела для дополнительного расследования.

Следует помнить, что одним из основных средств реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса, является обжалование решений, принятых должностными лицами органов предварительного следствия и дознания. Пользование таким правом означает наличие осведомленности о принятом решении, об основаниях его принятия, соблюдения законных условий, предусмотренных УПК РФ для данного процессуального действия.

Что касается потерпевшего, то право получения копии постановления о приостановлении производства по уголовному делу, предусмотрено для данного субъекта в п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Однако вполне можно предположить, что копия рассматриваемого постановления предоставляется исключительно при наличии об этом заявленного ходатайства. Для подозреваемого и обвиняемого право на получение копии постановления о приостановлении расследования в числе прав обозначенных лиц специально не предусмотрено.

В этой связи абсолютно верным представляется высказывание В. С. Шадрина о том, что реализация прав участниками предварительного расследования невозможна без их информирования о наличии прав и знании механизмов их использования [6, с. 15].

Рассуждая об обеспечении прав граждан при принятии решения о приостановлении производства по уголовному делу, следует акцентировать внимание на содержательной части постановления о приостановлении расследования. Законодатель не указывает, что должно быть отражено в таком постановлении.

Как было отмечено ранее, в ходе расследования должны быть установлены обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ. Принятие решения о приостановлении производства возможно только после доказанности события и состава преступления. Данное обстоятельство должно быть обязательно отражено в постановлении о приостановлении расследования. Детально надлежит расписать основание приостановления. Отдельные авторы предлагают, кроме этого, перечислять следственные и процессуальные действия и их результаты, направленные на устранение оснований приостановления дела [7, с. 156].

Представляется, что постановление о приостановлении должно быть максимально подробным и обстоятельным. Чем содержательнее оно будет, тем легче и доступнее в плане понимания для участников уголовного судопроизводства, что им позволит более эффективно реализовывать права и законные интересы, в том числе право на обжалование.

Наличие соответствующего процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется расследование и принимается решение о его приостановлении, также направлено на соблюдение прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Имеющиеся в уголовном деле доказательства должны обосновывать признание лица, привлекаемого к ответственности, подозреваемым либо обвиняемым. Целесообразно избрание в отношении указанных лиц соответствующей меры пресечения. Причем, если приостановление производства сопровождается объявлением лица в розыск, то представляется правильным нормативно предусмотреть возможность заочного заключения под стражу. К сожалению, действующая редакция ст. 108 УПК РФ в части пятой допускает это исключительно в случаях объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск.

Установлению возможного места пребывания лица, скрывающегося от следствия (дознания), может способствовать наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, в том числе электронные сообщения или иные передаваемые по сетям электросвязи сообщения, родственников подозреваемого (обвиняемого). Причем продолжительность ареста не должна находиться в прямой взаимосвязи с приостановлением производства по делу.

Предложенные рекомендации направлены на совершенствование механизма реализации прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, которые затрагиваются процессуальным решением о приостановлении предварительного расследования.

Пристатейный библиографический список

1. Маслов И.В. Актуальные проблемы правовой регламентации процессуальных сроков в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003.
2. Лифанова Л.Г. Отдельные проблемы демократизации предварительного расследования // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / Ред. О.И. Андреева, А.С. Князьков, Н.В. Ольховик, Л.М. Прокументов, М.К. Свиридов, В.А. Уткин. - Томск, 2021.
3. Шатило К.Д. Приостановление дознания и предварительного следствия. - М., 1963.
4. Закирова Э.Ф. Приостановление предварительного следствия в случае, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам: дис. ... канд. юрид. наук. - Ижевск, 2004.
5. Лившиц Ю.Д., Кочетова А.В. Некоторые вопросы эффективности приостановления производства по уголовному делу в кн.: Сб. науч. трудов. - Челябинск, 2004.
6. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: автореф. ... дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1997.
7. Егорова М.С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003.

ТОКАРЕВА Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, Ленинградская область

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, Ленинградская область

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье исследуется современное состояние и тенденция развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих деятельность прокурора, органов предварительного расследования и суда, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Освещаются вопросы, связанные с осуществлением прокурором, следователем, возложенных на них задач, по осуществлению уголовного преследования, что, непосредственно связано с контролем выполнения названных конституционных предписаний в их деятельности.

Ключевые слова: предварительное расследование, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, уголовное судопроизводство, уголовное дело, следователь, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, полномочия.

ТОКАРЕВА Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Leningrad region

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Leningrad region

TOPICAL ISSUES ARISING AT THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT

The article examines the current state and trend of development of criminal procedural norms regulating the activities of the prosecutor, preliminary investigation bodies and the court, when concluding a pre-trial cooperation agreement. The issues related to the implementation of the tasks assigned to them by the prosecutor, the investigator, for the implementation of criminal prosecution, which is directly related to the control of the implementation of these constitutional prescriptions in their activities, are highlighted.

Keywords: preliminary investigation, pre-trial cooperation agreement, prosecutor, criminal proceedings, criminal case, investigator, person with whom a pre-trial cooperation agreement was concluded, powers.

Деятельность института досудебного соглашения о сотрудничестве регулируется нормами главы 40.1 УПК РФ. Исследуемая глава получила свое закрепление на законодательном уровне в результате принятия Федерального закона от 29.06.2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Нормы главы 40.1 УПК РФ разъясняют и регламентируют порядок заявления ходатайства, порядок рассмотрения ходатайства, правила составления соглашения, особенности проведения предварительного следствия и судебного разбирательства, а также основания пересмотра приговора.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве ставит своей целью упрощение процедуры по раскрытию уголовных дел, представляющих сложность с помощью соглашения между стороной защиты и обвинения.

Лицо, совершившее преступление имеет несколько процессуальных статусов в течение всего предварительного расследования, начиная от подозреваемого, обвиняемого, лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, до статуса подсудимого, а впоследствии осужденного или оправданного.

Сторона обвинения обязана разъяснить возможность заявления такого ходатайства на досудебной стадии, при этом инициатива заключения соглашения должна быть исключительно со стороны защиты, а именно от обвиняемого. Соглашение не может быть навязано против воли лица, совершившего преступление.

Институт досудебного соглашения не позволяет заключать соглашение несовершеннолетним лицам. Ряд авторов предлагает дополнить список лиц категорией несовершеннолетних. Невозможность заключить досудебное соглашение, с целью снижения размера наказания ущемляет права лиц, не достигших возраста восемнадцати лет. При этом, если несовершеннолетний содействовал следствию в раскрытии и расследовании преступления, избощичении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, судам следует учитывать эти обстоятельства при назначении несовершеннолетнему наказания.

Должностные лица, осуществляющие предварительное расследование обязаны неукоснительно соблюдать предписанные законом правила, касаемо любой их форм. При применении норм, регулирующих процедуру досудебного соглашения, у стороны защиты и обвинения нередко возникает масса вопросов, которые на сегодняшний день не имеют ответов.

Найти компромисс и повысить эффективность сотрудничества между сторонами обвинения и защиты помогает криминалистическая тактика, которая содержит ряд рекомендаций. Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения на стадии предварительного расследования следует рассматривать как тактическую операцию, имеющую свои цели, условия и средства реализации, осуществляемому установленными субъектами и направленную на специальный объект. Применение методов, способствующих привлечению лица

должно быть с соблюдением принципов уголовного судопроизводства, где одним из важнейших является принцип обеспечения прав обвиняемого, уважения его достоинства и чести. При сомнении суда в законности действий должностных лиц по отношению к обвиняемому и легализации способов получения доказательств в ходе предварительного расследования, такие доказательства не будут считаться допустимыми.

Помимо законодательной стороны, стоит учитывать и психологические особенности каждого из участников процесса, особенно внимание уделяется подозреваемому или обвиняемому. Не стоит пренебрегать нормами морали и нравственности.

Обвиняемый, желающий способствовать раскрытию преступления посредством заключения досудебного соглашения, должен заявить об этом ходатайство. Учитывая юридическую безграмотность большинства населения нашей страны, не каждый обвиняемый может знать о таком праве. При этом нормы УПК РФ не закрепляют за следователем обязанность по разъяснению возможности заключения соглашения. Некоторые авторы указывают, что имея интерес в сотрудничестве, следователь разъясняет возможность заключения соглашения о сотрудничестве, поэтому относят это к праву, а не к обязанности. Однако, поскольку заявление обвиняемым (подозреваемым) ходатайства о заключении соглашения существенно отражается на его процессуальном статусе, на реализации права на защиту, презумпции невиновности, разъяснение такого права обвиняемому (подозреваемому), на наш взгляд, должно найти закрепление в нормах главы 40.1 именно в качестве обязанности следователя.

Стоит обратить внимание на возможность обжаловать отказ заключить соглашение, ограничение проявляется в праве следователя отказать в удовлетворении ходатайства. Субъектом, имеющим право отказать в заявленном ходатайстве, должен быть исключительно прокурор, при этом стоит закрепить обязанность за следователем в обязательной передаче такого ходатайства прокурору без права решать вопрос об отказе или удовлетворении. Правильным было бы оставить право на выражение своей позиции относительно заявленного ходатайства.

Существует мнение, что справедливость восстанавливается в судебном порядке, следовательно, отказ в заключение соглашения можно было бы обжаловать в суде. С другой стороны, заключение соглашения предусмотрено между сторонами защиты и обвинения, суд не может принуждать к заключению соглашения, так как не является стороной по делу.

Не редки случаи, когда обвиняемый не может реально оценить условия соглашения и возможные гарантии. Изначально институт досудебного соглашения носил договорной характер, при этом в действительности обязанности возникают лишь у обвиняемого, а гарантии не являются стопроцентными. Получается обвиняемый, полагается на смягчение наказания, не понимая, что оценка степени сотрудничества будет произведена только в судебном заседании, где прокурор должен высказать мнение и дать оценку такому сотрудничеству. Как указывалось ранее, оценка, произведенная одним лицом, возможно, будет иметь субъективный характер. Следует дополнить соглашение, а именно конкретизировать, что нормы УК РФ, понятны обвиняемому, он осознает предоставленные ему права и возложенные на него обязанности.

Существенным недостатком соглашений следует признать и отсутствие в них информации о разъяснении обвиняемому процессуальных последствий заключения соглашения, а именно того, что при выполнении условий соглашения дело может быть рассмотрено в особом порядке, предусмотренном главой 40.1, а также того, что обвиняемый имеет право ходатайствовать о таком порядке.

Вспоминая о целях уголовного судопроизводства, можно сказать, что желание сотрудничества говорит о сожалении обвиняемого и желании помочь в расследовании преступления, такая процедура способствует исправлению человека. При оценке степени и качества сотрудничества обвиняемого, стоит обращать больше внимания на искренность и желание с его стороны, а не результаты сотрудничества. В такой си-

туации важно сохранять гарантии относительно снижения размера наказания.

Заключение соглашения происходит между прокурором и обвиняемым, его мнение не зависит от мнения иных должностных лиц. На стадии проверки ходатайства, заявленного обвиняемым, следует обеспечить возможность встречи указанных субъектов, с целью выяснения прокурором позиции обвиняемого. Прокурору как лицу, принимающему итоговое решение перед направлением дела в суд, стоит убедиться и проверить добровольность и осознанность принятого решения обвиняемым. Это обеспечит дополнительные гарантии соблюдения прав обвиняемых.

В ходе проверки прокурор использует самые разнообразные средства и способы выявления невыполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве. Прокурор должен в полной мере использовать предоставленные ему законом полномочия с тем, чтобы проверка была полной, объективной, ее выводы аргументированы ссылками на надлежащий закон, не допускали неопределенности, двусмысленности.

Не менее важным моментом при заключении досудебного соглашения, является защита обвиняемого, который решил сотрудничать со стороной обвинения. Практически всегда обвиняемому приходится изобличать лиц, которые имеют отношение к совершенному преступлению, такие действия ставят под угрозу в дальнейшем самого обвиняемого и членов его семьи.

В процессе уголовного судопроизводства не обходится без противоречия участников, с одной стороны это норма, так как принцип состязательности сторон применяется на протяжении всего процесса, с другой стороны содействие следствию идет в разрез с интересами остальных соучастников преступления. Такое обстоятельство заставляет опасаться обвиняемого и идти на сделку с правосудием.

Обеспечивая права и безопасность обвиняемого, сторона обвинения рассчитывает на добросовестное поведение при сотрудничестве со стороны обвиняемого. Однако, возможны случаи, когда обвиняемый, используя данный институт в целях смягчения наказания, сообщает ложные и недостоверные сведения. В таком случае статья 317.8 УПК РФ гласит, что если после назначения подсудимому наказания в соответствии с положениями настоящей главы будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом XV УПК РФ.

Один из способов защиты обвиняемого — это выяснение всех деталей, а именно желание обвиняемого, добровольность заключения соглашения, понимание сути процесса и его последствий. Опять же данное явление противоречиво, соглашаясь на сотрудничество, обвиняемый уже признает свою вину, по факту отказываясь от защиты.

Практики выдвигают предложение, которое будет обеспечивать права обвиняемого и даст минимальные гарантии его защиты. Предложение звучит следующим образом, при заключении и составлении соглашения прокурор осведомлен о квалификации совершенного деяния, соответственно он соглашается с оценкой преступления, тогда следует законодательно закрепить недопустимость ухудшение положения лица в части квалификации преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Тисен О.Н. К проблеме ограниченной преюдиции фактов, установленных в отношении субъекта досудебного соглашения о сотрудничестве // Электронный журнал «Российская юстиция». – 2014. – № 10. – С. 67.
2. Полякова И.И. Особенности полномочий прокурора и следователя при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019. – № 4. Том 2. – С. 126-129.

ТРИФОНОВА Кристина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПОДГОТОВКЕ К ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ПУТЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются отдельные аспекты по подготовке к предъявлению для опознания дистанционным способом. Анализируются условия производства опознания путем видео-конференц-связи. Отмечается, что подготовительный этап имеет двойственный характер. Представлены рекомендации по составлению поручения и требования к техническому оснащению.

Ключевые слова: предъявление для опознания, видео-конференц-связь, веб-конференции, место производства предварительного расследования, поручение.

TRIFONOVA Kristina Alekseevna

Ph.D. in Law, associate professor of Preliminary investigation sub-faculty of the Educational and Scientific Complex for the Preliminary Investigation in the Internal Affairs Agencies of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ACTIVITIES OF A TRIAL INVESTIGATOR TO IDENTIFY SUBSEQUENT VIDEOCONFERENCING: CRIMINAL PROCEDURAL AND FORENSIC ASPECTS

The article discusses certain aspects of preparing for presentation for identification by remote means. The conditions for the production of identification by videoconferencing are analyzed. It is noted that the preparatory stage has a dual character. Recommendations on the preparation of instructions and requirements for technical equipment are presented.

Keywords: presentation for identification, video conferencing, web conferences, place of preliminary investigation, assignment.

Стремительно развивающаяся информатизация уголовного судопроизводства, необходимость адаптации института доказывания к современным реалиям[1] обусловила дополнение Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) ст. 189.1, в которой предусмотрена возможность производства предъявления для опознания путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов (далее – опознание по ВКС), помимо допроса и очной ставки. Дистанционный способ производства опознания позволяет непосредственно следователю, как властному субъекту, владеющему всей совокупностью информации по уголовному делу, максимально контролировать производство следственного действия, давать оценку поведению его основных участников и результату. А.П. Рыжак также отмечает, что опознание по ВКС обусловлено необходимостью «формирования внутреннего, собственного убеждения»[2] у следователя по итогам его производства. Такой способ производства не противоречит положениям ст. 152 УПК РФ, экономит процессуальные силы и средства, а при наличии технической возможности не исключает производство всех видов опознания. Не стоит забывать и об исключительности данного следственного действия, «его нельзя провести повторно, цена ошибки особенно велика»[3]. Хотя в ст. ст. 189.1 и 193 УПК РФ не конкретизируется местонахождение опознаваемого объекта или опознающего, представляется, что наиболее востребованным в следственной практике может быть случай нахождения именно опознающего лица вне места расследования, например, в связи с его длительной командировкой либо в случае совершения преступления в отношении иногороднего лица.

Условиями для производства опознания по ВКС, помимо общих условий, будут являться: отраженная в процессуальных документах невозможность нахождения (оперативного прибытия) участника опознания по месту производства

расследования; наличие технической возможности производства опознания по ВКС в местах производства следственного действия, отсутствие угрозы разглашения государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны либо данных о лице, в отношении которого приняты меры безопасности, так как сведения об участнике опознания должны быть указаны в поручении.

Далее рассмотрим специфические аспекты подготовки опознания по ВКС, которая в таком формате имеет двойственный характер: подготовительные действия процессуального и организационного характера надлежит совершить следователю, которому поручено производство предварительного следствия (далее – основной следователь) и следователю, которому будет направлено поручение для оказания содействия в его организации по месту нахождения одного из участников следственного действия (далее – факультативный следователь). Исходя из буквального толкования положений ст. 189.1 УПК РФ, следует отметить факультативный характер полномочий второго следователя непосредственно при производстве опознания по ВКС: оформление и направление подписки, о том, что основным следователем были разъяснены права, обязанности, ответственность и порядок производства следственного действия, оглашен соответствующий протокол предъявления для опознания, а также организовано направление видеозаписи следственного действия, осуществленной по его месту нахождения.

При этом не стоит забывать, что посредством предъявления для опознания проверяется причастность лица к совершенному преступлению, следственное действие носит неотложный характер, соответственно действия следователей не терпят промедления, требуется постоянное взаимодействие основного и факультативного следователя путем различных средств связи.

Действия факультативного следователя на этапе подготовки будут направлены на вызов участника (опознающего) следственного действия, находящегося вне места производства предварительного расследования, обеспечение участия понятых, подготовку технических средств. Если же вне места расследования находится опознаваемый объект, то перечень действий факультативного следователя увеличивается в виде необходимости подбора предъявляемых объектов, помимо подготовки технических средств.

Рассмотрим действия следователя по подготовке к производству опознания по ВКС, когда вне места расследования находится опознающий. Основному следователю надлежит направить поручение, сущность которого не тождественна поручению, указанному в ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Такое поручение направлено на надлежащую организацию производства следственного действия. Поручение адресуется на имя начальника соответствующего территориального органа внутренних дел. В описательной части указываются основные сведения по уголовному делу (факт, дата возбуждения, номер уголовного дела, невозможность обеспечения участия опознающего в месте производства расследования, указание на возникшую необходимость производства опознания), процессуальный статус и личные данные участника опознания, в объеме необходимом для обеспечения его участия в следственном действии, данные технического сотрудника отдела информационных технологий, связи и защиты информации. Указанный сотрудник будет выступать в качестве специалиста при производстве следственного действия, его роль заключается в проверке и поддержании качества сеанса ВКС, настройке необходимого оборудования: персональные компьютеры, подключенные к единой системе информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России), веб-камеры, динамики, микрофоны.

В заключительной части должна указываться просьба обеспечить прибытие участника следственного действия к указанному времени с учетом часового пояса субъекта РФ, проинформировать о данных технического сотрудника вне места производства расследования. Срок исполнения указанного поручения ограничен сроком производства следственного действия.

Основному следователю изначально предстоит выяснить наличие технической возможности производства опознания, как в месте расследования, так и по месту нахождения факультативного следователя. Законодатель предусмотрел возможность использования только системы видео-конференц-связи государственных органов. Длительное время такая система применяется в судах общей юрисдикции, но одним из ее недостатков является проблема технической оснащенности всех судов. В связи с этим в условиях распространения COVID-19 дистанционный способ рассмотрения гражданских и арбитражных дел дополнился возможностью проведения веб-конференций в режиме реального времени посредством сети Интернет, что не допускается при производстве следственных действий по уголовным делам, так как необходимо использование защищенных каналов связи государственных органов. Следует обеспечить надлежащее качество изображения, происходящего в кабинетах следователей, т.е. там, где будут находиться опознаваемые объекты и опознающий, посредством подсоединения веб-камер (камер внешнего протоколирования) и вывода изображения на экран мониторов основного и факультативного следователя. Изображение опознаваемых желательно выводить на дополнительный монитор (ЖК-панель) с высоким качеством раз-

решения. На качество изображения будут влиять высокая производительность оборудования и широкополосная связь для передачи данных, кроме того, необходимо обеспечить непрерывность видеосвязи. Камеры внешнего протоколирования будут осуществлять аудио и видеозапись хода, содержания и результата следственного действия. Такую камеру следует размещать на штативе с целью обеспечения максимально полного визуального контроля опознающего и опознаваемых объектов, а также других участников следственного действия. Попадание прямого света в объектив камеры должно быть исключено. УПК РФ не регламентирует технические характеристики оборудования и канала связи. При ответе на вопрос технических характеристик интересен опыт зарубежных государств, в частности ст. 91-1 УПК Республики Узбекистан предписывает, что при проведении следственных действий в режиме видеоконференцсвязи используемые технические средства и оборудование должны отвечать следующим минимальным требованиям по: качеству изображения - разрешение 1920×1080, 50 кадров в секунду; качеству звука - частота диапазона 100 - 12 000 Гц; обеспечению информационной безопасности - с использованием защищенного канала связи VPN [4].

Отмеченные рекомендации специфичны непосредственно для данного способа производства предъявления для опознания и могут быть использованы сотрудниками ОВД, наряду с традиционными элементами подготовки к данному следственному действию в целях получения его достоверного результата.

Пристатейный библиографический список

1. Костенко Н.С., Рыжкова О.А. Онлайн-допрос на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: миф или реальность // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 132-136
2. Рыжаков А.П. Следственные действия по ВКС. Вопросы и ответы. Уголовный процесс. 2022. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.ugpr.ru/952817> (дата обращения: 18.03.2022).
3. Попова О.А. Тактические аспекты предъявления для опознания лиц в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 107. С. 106-109
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХП (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.03.2022 г.) // ИС Параграф «Юрист». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения 20.03.2022).

ФАЙРУШИНА Римма Дамировна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

ИМАЕВА Юлия Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан

РОЛЬ ПЕРЕВОДЧИКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

В статье освещается уголовно-процессуальный статус переводчика, его роль в ходе расследования уголовных дел органами дознания. С учетом уголовно-процессуальных положений переводчик наделен комплексом различных прав и обязанностей, основной из которых является осуществление качественного перевода для лиц не владеющих, либо не в достаточной степени владеющих языком уголовного судопроизводства. Остро стоит вопрос об определении квалификации переводчика, который привлекается в качестве участника уголовного судопроизводства, а также в вопросе поиска переводчика, в особенности это касается производства дознания, сроки которого являются сжатыми.

Ключевые слова: иные участники, переводчик, орган дознания, дознаватель, должностные лица предварительное расследование, уголовное судопроизводство.

FAYRUSHINA Rimma Damirovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IMAEVA Yuliya Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil Law and process sub-faculty of the Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan

THE ROLE OF THE TRANSLATOR DURING THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES BY THE BODIES OF INQUIRY

The article illuminates the criminal procedure status of the translator, his role during the investigation of criminal cases by the bodies of inquiry. Given the criminal procedure provisions, the translator is endowed with a complex of various rights and obligations, the main of which is the implementation of a qualitative translation for people who do not own, or not sufficiently owning the language of criminal proceedings. The question is acutely about determining the qualification of a translator, which is involved as a participant in criminal proceedings, as well as in the issue of searching for a translator, especially concerns the production of inquiry, the terms of which are compressed.

Keywords: translator, inquiry body, inquiry officer, officials preliminary investigation, criminal proceedings.

Иные участники уголовного судопроизводства, а именно их участие в уголовном процессе стало осуществляться достаточно давно. Исторические памятники права содержат в себе достаточное количество указаний на участие свидетелей, переводчиков, экспертов, специалистов и понятых. Следует сказать, что анализ уголовно-процессуальных научных источников и законодательства исторического периода свидетельствует о том, что названные участники уголовного процесса всегда выполняли вспомогательные функции – осуществляли подтверждение, использовали их специальные знания. В настоящее время, задачи участия рассматриваемых субъектов уголовного процесса практически не изменились, вместе с тем, регламентация их процессуального статуса вышла на новый качественный уровень. Указанные участники получили набор прав и процессуальных обязанностей. Таким образом, иные участники уголовного процесса на протяжении исторического развития отечественного уголовного процесса оказывали неоценимую помощь в достижении целей уголовного процесса. Именно с их помощью удалось максимально минимизировать судебные и следственные ошибки.

Иные участники уголовного процесса заняли прочное место в общей системе. Законодатель объединил их по признаку не относимости к стороне защиты или обвинения, что изначально подразумевало их незаинтересован-

ность в его исходе¹. Среди указанных участников следует выделить свидетеля, понятого, переводчика, специалиста, эксперта и лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Названные участники уголовного процесса исполняют возложенные на них законодателем обязанности. Так, переводчик, эксперт и специалист осуществляют, в силу наличия у них определенных специальных знаний оказывают помощь органам предварительного расследования в осуществлении перевода, использования технических средств, подтверждения с помощью определенных технологий различных фактов. Свидетели, в силу ставших им известных фактов осуществляют их подтверждение или опровержение. Понятые представляют собой определенную форму общественного контроля и используются в процессе проведения различных процессуальных действий для подтверждения определенных фактов. Таким образом, система иных участников уголовного процесса сгруппирована по признаку незаинтересованности в исходе дела. Вместе с тем, результаты их деятельности, а также

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

Файрушина Р. Д.

Имаева Ю. Б.

участия, зачастую обуславливают конечный результат расследуемого уголовного дела.

Анализ уголовно-процессуальных положений показал, что услуги переводчика могут быть предоставлены подозреваемому или обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу или гражданскому ответчику, а также свидетелю.

В уголовно-процессуальной литературе существует достаточное количество исследований, которые посвящены проблематике участия в уголовном процессе переводчика. Так, Я.В. Жданова в своем исследовании отмечает, что на сегодняшний день сложилась такая практика, которая свидетельствует о том, что органы предварительного расследования пытаются ограничить право граждан на пользование услугами переводчика. В основном мотивировочные решения, связанные с отказом в услугах переводчика, содержат в себе указание на спекуляцию конституционным правом. В особенности это касается тех лиц, которые обладают знаниями русским языком, но изъявляют желание использовать в рамках уголовного судопроизводства свой родной язык. Такие примеры, в частности, существуют на территории республик Российской Федерации, в том числе Республики Башкортостан. Исследователь связывает такое положение дел с тем, что привлечение переводчика является издержкой уголовного судопроизводства и его оплата осуществляется из средств федерального бюджета [1].

Решением данной проблемы могло бы быть разрешение лицам, которые изъявляют желание пользоваться переводчиком, использовать его услуги не за счет федерального бюджета, а за счет собственных средств. Однако существуют и противники указанной точки зрения. На практике и так достаточно случаев, которые связаны с тем, что подозреваемый, обвиняемый сами приглашают и оплачивают услуги переводчика за свой счет. Как отмечает Я.В. Жданова, подобный практический казус должен быть недопустим с позиции законности при производстве по уголовным делам. В таких случаях прокуроры должны реагировать и исполнять функцию прокурорского надзора за законностью на предварительном расследовании, вопреки сложившейся практической необходимости [1].

Следующей проблемой, которая раскрывается в рамках различных научных исследований, является проблема наличия определенной квалификации у привлекаемых к уголовному судопроизводству переводчиков. На сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает необходимость наличия у переводчика специальной квалификации. Исходя из этого возникают проблемы при переводе, зачастую он бывает «некачественным». Указанную ситуацию можно разрешить путем введения минимальных квалификационных требований к лицам, которые привлекаются в качестве переводчика [2].

Далее обратим внимание на рассмотрение дискуссионных вопросов процессуального статуса переводчика в рамках уголовного судопроизводства. В соответствии с положениями ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации переводчик является полноправной процессуальной фигурой, наделенной как правами, так и обязанностями². Законодатель, на наш взгляд, оговорил в рамках указанной нормы лишь отдельные необходимые права. Так, переводчик вправе задавать различные вопросы участникам уголовного судопроизводства, в том числе лицам, осуществляющим уголовное преследование. Вместе с тем, указанные вопросы должны быть необходимы для уточнения перевода. Кроме того, переводчик имеет право знакомится с протоколами следственных действий, а также протоколами судебных заседаний, в рамках которых он принимал участие. Переводчик обладает также правом приносить жалобы на действия (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Помимо прав, указанная норма предусматривает и определенные ограничения, связанные с участием переводчика в рамках уголовного судопроизводства. Так, переводчик не вправе осуществлять заведомо неправильный перевод, разглашать ставшие ему известными данные предварительного расследования, а также уклоняться от явки. Кроме того, как уже отмечалось, за заведомо неправильный перевод или разглашение ставших ему известными данных

предусмотрена уголовная ответственность по ст. 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации³.

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальный статус переводчика обозначает его как полноправного участника уголовного судопроизводства, вместе с тем, указанные выше проблемы, не позволяющие в полной мере утверждать, что текущее законодательное регулирование участия переводчика в рамках уголовного процесса является совершенным.

В заключении отметим, что важным в группе иных участников является переводчик. Так, переводчик выступает ключевой фигурой, которая способствует реализации принципа языка в российском уголовном процессе, а также в рамках осуществления отдельных его этапов. С учетом уголовно-процессуальных положений переводчик наделен комплексом различных прав и обязанностей, основной из которых является осуществление качественного перевода для лиц не владеющих, либо не в достаточной степени владеющих языком уголовного судопроизводства. В рамках рассмотрения данного вопроса о привлечении к уголовному судопроизводству переводчика были выявлены следующие проблемы. Во-первых, остро стоит вопрос об определении квалификации переводчика, который привлекается в качестве участника уголовного судопроизводства. Зачастую, в связи с отсутствием необходимого переводчика, должностным лицам, которые осуществляют предварительное расследование, приходится привлекать лиц, которые обладают не достаточными знаниями необходимыми для осуществления качественного перевода. Более того, зачастую, привлекаемые переводчики не обладают знаниями уголовно-процессуальной терминологии, что ставит под сомнение качество осуществляемого ими перевода. Во-вторых, остро стоит вопрос поиска переводчика, в особенности это касается производства дознания, сроки которого являются сжатыми. Должностные лица, которые осуществляют предварительное расследование, стараются во что бы то ни стало найти хоть кого то, кто более или менее имеет представление о необходимом языке. К делу привлекаются преподаватели вузов, колледжей, техникумов, студенты вузов и т. д. Изыскиваются возможности приглашения представителей той или иной диаспоры. Можем отметить, что указанное положение дел не может способствовать осуществлению должного процессуального порядка предварительного расследования и ведет к возможности недостижения целей уголовного процесса. Таким образом, с целью комплексного решения обозначенных проблем, существует необходимость проработки введения в российское уголовное судопроизводство института судебных переводчиков, что позволит освободить органы дознания от обязанности поиска переводчика, а также позволит пользоваться качественными услугами, что в свою очередь обеспечит должную реализацию принципа языка уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Жданова Я.В. Язык уголовного судопроизводства в РФ: теория и практика // Инновационное развитие российской экономики: материалы X Международной научно-практической конференции. Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; Российский фонд фундаментальных исследований. – 2017. – С. 77-81.
2. Юртаева В.Н., Шигуров А.В. Проблемные аспекты привлечения переводчика в российском уголовно-процессуальном праве // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности: материалы международной научно-практической конференции. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саранск, 2019. – С. 140-143.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 3 июня 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – 16 июня.

² Там же.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-360-363

БУЙ Конг Фу

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов

НГУЕН Дык Чунг

магистрант Академии народной безопасности Министерства общественной безопасности Вьетнама

ПРАВО НА МОЛЧАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО ВО ВЬЕТНАМЕ

Право хранить молчание – это новое право обвиняемых во вьетнамском уголовном процессе. В частности, предоставление этого права юридическому лицу – новому виду обвиняемого вызывает ряд правовых вопросов, требующих уточнения. В первую очередь статья направлена на теоретический анализ право на молчание обвиняемого; закрепления уголовной ответственности обвиняемого – юридического лица в уголовном и уголовно-процессуальном праве Вьетнама; выяснение некоторых правовых вопросов о праве на молчание юридического лица в качестве обвиняемого и предложение некоторых рекомендаций по усовершенствованию законодательства.

Ключевые слова: право на молчание, обвиняемый, юридическое лицо, уголовный процесс.

BUI Cong Phu

postgraduate student of the of Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

NGUYEN Duc Trung

Magister student of the People's Security Academy of the Ministry of Public Security of the Vietnam

RIGHT TO SILENCE OF LEGAL ENTITIES AS ACCUSED IN VIETNAM

The right to silence is a new right of defendants in Vietnamese criminal proceedings. More specifically, the provision of this right for a new subject of the defendant is a criminal legal entity also raises a number of legal issues that need to be clarified. The article first analyzes the defendant's right to silence; on the provision of the criminal liability of the defendant being a legal person in the criminal law and criminal procedure of Vietnam; point out some legal issues that need clarifying about the right to silence of the defendant as criminal and give some suggestions for completion.

Keywords: right to silence, individuals, legal entity, criminal procedure.

Буй Конг Фу

Нгуен Дык Чунг

Право на молчание или право не давать показания стало частью международного права, закрепленного в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, который Вьетнам подписал в 1982 году. В частности, в пункте g части 3 статьи 14 этого пакта предусматривается, что во время судебного разбирательства по уголовному делу каждый имеет право на полное и равное равенство следующих минимальных гарантий: «...g) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.»¹

Считается, что право на молчание происходит от «предупреждения Миранды» в законодательстве США. По мнению Верховного суда, до начала допроса полиция должна дать подозреваемому следующую отсрочку: «Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вы понимаете свои права?» [1].

Право на молчание признается во многих правовых системах мира и считается важным средством ограничения

применения телесных пыток, которые считаются причиной противоправности в процессе рассмотрения уголовных дел. Можно сказать, что право на молчание является основополагающим правом человека - обвиняемых, подсудимых в процессе разрешения уголовных дел и признание этого права для физического лица является международным стандартом защиты прав человека. Однако страны и правовые системы в настоящее время имеют разные взгляды на предоставление юридическим лицам - преступникам права на молчание. В рамках данной статьи мы анализируем право на молчание юридического лица как обвиняемого во Вьетнаме, указывая на нерешенные вопросы, которые требуют исследования и совершенствования для обеспечения реализации этого права юридического лица на практике.

1. Уголовное, уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама о совершивших преступления юридических лиц

Во Вьетнаме, исходя из неотложных требований практики, в целях содействия преодолению недостатков и ограничений в рассмотрении правовых нарушений юридических лиц в последние годы, особенно нарушений в области экономики и окружающей среды, в то же время, создавая условия для лучшей защиты прав лиц, пострадавших от нарушений прав

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах ООН от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml (дата обращения: 01.04.2022).

юридических лиц, вопрос уголовной ответственности коммерческих юридических лиц отмечен в Уголовном кодексе 2015 года, а именно: «1. *Коммерческие юридические лица привлекаются к уголовной ответственности только при соблюдении следующих условий: а) преступные деяния совершены от имени коммерческих юридических лиц; б) преступные деяния совершены в интересах коммерческих юридических лиц; в) преступные деяния совершены по указанию, управлению или с одобрения коммерческих юридических лиц; г) срок исковой давности для рассмотрения уголовной ответственности, указанный в пункте 2 и пункте 3 статьи 27 настоящего Кодекса, не истек.* 2. *Уголовная ответственность коммерческих юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц*»².

Коммерческие юридические лица являются субъектом преступлений, но не всех преступлений, указанных в Уголовном кодексе 2015 года. Коммерческие юридические лица несут уголовную ответственность только за определенные преступления, которые непосредственно связаны с деятельностью коммерческих юридических лиц. В частности, коммерческие юридические лица привлекаются к уголовной ответственности только за 33 преступления, как это предусмотрено в статье 76 Уголовного кодекса. Из 33 составов есть преступления, непосредственно связанные с производственной и предпринимательской деятельностью коммерческих юридических лиц, такие как уклонение от уплаты налогов; контрабанда; уклонение от уплаты социального страхования, медицинского страхования, страхования по безработице для работников. Уголовная ответственность юридических лиц также предусматривается за менее серьезные нарушения, непосредственно связанным с предпринимательской деятельностью коммерческих юридических лиц, таких как финансирование терроризма и отмывание денег.

Можно утверждать, что регулирование уголовной ответственности коммерческих юридических лиц исходит из следующих трех причин: Во-первых, хотя во Вьетнаме уже действуют административные санкции в отношении коммерческих юридических лиц, совершивших нарушения, и хотя обращение в форме наказания за административные нарушения может быть своевременным, они не в полной мере учитывают и не сдерживают нарушителей; Во-вторых, закрепление уголовной ответственности коммерческих юридических лиц также обеспечивает справедливость при рассмотрении преступлений, избегая случаев, когда физические лица пользуются собирательными именами, уклоняются от ответственности от имени компании, предприятия за совершение преступных деяний; В-третьих, как государство-член Азиатско-Тихоокеанской группы по борьбе с отмыванием денег (АТГ), Вьетнам отвечает за полное выполнение Рекомендаций Финансовой целевой группы по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), включая Рекомендацию 2, касающуюся «обеспечения уголовной ответственности юридических лиц». Более того, в современных условиях международной экономической интеграции, если Вьетнам применяет только механизмы административных санкций к нарушителям, будет несправедливо совершать те же серьезные нарушения, что вьетнамские предприятия, действующие за рубежом,

могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с законами принимающей страны, а предприятия, действующие во Вьетнаме, подлежат только административным санкциям.

Наряду с обнародованием в 2015 году Уголовного кодекса, определяющего уголовную ответственность для коммерческих юридических лиц, Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) в 2015 году также предусматривает процедуры рассмотрения уголовной ответственности юридических лиц (но не указан именно коммерческие юридические лица). Положения Уголовного кодекса об уголовной ответственности коммерческих юридических лиц служат предпосылкой для установления процедур рассмотрения вопроса о юридической ответственности в Уголовном кодексе. Поэтому процесс разрешения уголовных дел должен уточнять вопросы, которые необходимо доказать при ведении производства в отношении обвиняемого юридического лица, и одновременно уточнять обстоятельства и преступные деяния физического или юридического лица (при наличии). В случае, если юридическое лицо приняло решение или направило физическое лицо на совершение преступного деяния, необходимо привлечь к уголовной ответственности как физическое, так и юридическое лицо за совершенное им преступление, чтобы раскрыть и справиться с преступлением всесторонне, прозрачно, и в соответствии с законом [3].

Видно, что, в отличие от физического лица, юридическое лицо не может самостоятельно участвовать в уголовном судопроизводстве, а должно проходить через законного представителя. Поэтому пунктом 1 статьи 434 УПК 2015 года добавлены положения о законном представителе юридических лиц: «Все процессуальные деятельности юридического лица, привлекаемого к уголовной ответственности, осуществляются через его законного представителя. Юридические лица обязаны направлять и обеспечивать своих законных представителей для полноценного участия в деятельности по уголовному возбуждению, следствию, уголовному преследованию, судебному разбирательству и исполнению судебных решений по просьбе компетентных органов и лиц.» При участии в судебном разбирательстве законным представителям юридических лиц прописываются определенные права и обязанности, установленные государством в статье 435 УПК 2015 г.

2. Право на молчание коммерческих юридических лиц как обвиняемого во вьетнамском законодательстве

Правовое понятие обвиняемого было впервые оговорено в УПК 1988 года (статья 34) и повторно использовано в статье 49 УПК 2003 года и изменено и дополнено некоторое содержание статьей 60 УПК 2015 г. Вьетнама. Правовое положение обвиняемых во Вьетнамском уголовном процессе прошло длительный процесс формирования и сильно изменилось в процессе своего завершения и развития. В современное время уголовно-процессуальное право заинтересовано в укреплении и повышении правового статуса обвиняемых [4].

В частности, пункт 1 статьи 60 определяет: «*Обвиняемым является физическое или юридическое лицо, которое было привлечено к уголовной ответственности. Права и обязанности юридического лица как обвиняемого осуществляются через законного представителя юридического лица в соответствии с положениями настоящего Кодекса.*» Помимо задачи обеспечения точного выявления, справедливого, беспристрастного и своевременного обращения со всеми преступлениями, предупреждения преступлений, недопущения преступлений, не обвинения

2 Điều 75, Bộ luật hình sự Việt Nam năm 2015, sửa đổi bổ sung năm 2017 / Уголовный кодекс 2015 г. СРВ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-hinh-su-2015-296661.aspx> (дата обращения: 06.04.2022).

невиновных людей, перед УК 2015 года также стоит задача содействия защите справедливости, защите прав человека, гражданских прав, защите социалистического режима, защите интересов государства, законных прав и интересов организаций и отдельных лиц. Это прорыв в правовом мышлении законодателей, а также конкретизация обязательств в договорах по правам человека, участником которых является Вьетнам, при продвижении задачи защиты законных прав и интересов субъектов, участвующих в процессе. Одним из таких прав является право на молчание обвиняемого, упомянутое в статье 60 УПК в 2015 г.

Пункт d части 2 статьи 60 этого закона предусматривает, что обвиняемый имеет право «не быть принужденным к даче показаний против себя или к признанию себя виновным». Кроме того, статья 435 УПК 2015 г. также предусматривает, что законный представитель юридического лица имеет право «не давать показаний против юридического лица, или признавать вину юридического лица, которое он представляет». Можно утверждать, что вьетнамское уголовно-процессуальное законодательство последовало за тенденцией Европейского Союза, приняв предоставление права на молчание юридическим лицам, совершившим преступления в уголовном судопроизводстве, и это право осуществляется через законного представителя юридического лица.

Таким образом, хотя термин «право на молчание» не прямо употребляется, положения о правах обвиняемого в целом и коммерческого юридического лица в качества обвиняемого в частности наглядно демонстрирует содержание права на молчание. Соответственно, обвиняемый – физическое или коммерческое юридическое лицо (через законного представителя), не обязуется давать показания. Непредставление показаний проявляется в молчании обвиняемого перед процессуальным органом. Когда обвиняемый хранит молчание, процессуальный орган не вправе принуждать его к даче показаний незаконным путем. Таким образом, можно понять, что обвиняемый имеет полное право хранить молчание. Непредставление обвиняемым ответа органу или лицу, ведущему разбирательство, не будет считаться отягчающим обстоятельством.

Однако практика раскрытия уголовных дел в последние годы по-прежнему показывает, что процессуальные органы по-прежнему в некоторой степени придают значение рассмотрению преступлений, а не защите прав субъектов, участвующих в разбирательстве, а в этом случае - обвиняемого; при этом по умолчанию обвиняемый должен заявить о преступлении, если обвиняемый не заявит о нем, будет считаться упрямым, сопротивляющимся, а значит, будет серьезно наказан. Исходя из этих ложных представлений, отсутствовало разъяснение права обвиняемого на дачу показаний, и на самом деле было много случаев соблазнения, применения телесных наказаний для пыток подозреваемого с целью получения признания вины [2].

УПК 2015 г. признает право хранить молчание, признает и защищает права человека в уголовном судопроизводстве. Однако со дня независимости и до сих пор Вьетнам является страной, в которой применяет процессуальную модель, которая ориентированная на допрос. Согласно этой модели, роль органа, проводящего процесс, высоко оценивается, особенно на этапе расследования. Более того, задачей, которую должны выполнять органы, осуществляющие процесс, является быстрое и оперативное разрешение уголовных дел, обеспечивая предупреждение преступных деяний. Сосредоточение внимания на роль и задачи процессуальных органов непред-

намеренно игнорирует справедливость, обеспечение прав человека, гражданства, законных интересов обвиняемых, включая право на молчание. Таким образом, как гласит УПК, право молчания коммерческих юридических лиц как обвиняемого было передано через представителя юридического лица. Однако изучение положений о праве на молчание обвиняемых как коммерческих юридических лиц показывает, что есть некоторые вопросы, подлежащие обсуждению:

Во-первых, целью права на молчание является защита обвиняемых от применения телесных пыток следственного органа для сбора показаний, особенно когда они арестованы или задержаны в ходе следствия, сводя к минимуму противоправную ситуацию. Однако коммерческие юридические лица (через своих представителей для участия в процессе расследования) не могут подвергаться превентивным мерам, таким как арест, задержание, заключение под стражу, изоляция от общественной жизни. С другой стороны, представитель коммерческого юридического лица часто получает поддержку от адвоката или от юридического отдела юридического лица, поскольку юридические лица имеют больше ресурсов, чем физические лица. Поэтому есть некоторые мнения, что риск того, что применение телесных пыток в процессе допроса для взятия показаний к обвиняемым – коммерческим юридическим лицам, совершившим преступления, скорее всего, очень низкое. Поэтому не стоит оговаривать, что обвиняемый как коммерческое юридическое лицо имеет право хранить молчание.

С другой стороны, когда коммерческое юридическое лицо совершает преступление, законный представитель этого юридического лица может быть прямо или косвенно причастен к преступному деянию юридического лица и даже может нести личную уголовную ответственность. Таким образом, можно видеть, что представители юридического лица и юридическое лицо являются двумя независимыми друг от друга субъектами, способными к конфликту интересов друг с другом в одном уголовном деле. Осуществляется ли право на молчание обвиняемых - коммерческих юридических лиц в полной мере через законного представителя?

Во-вторых, коммерческое юридическое лицо является организованной структурой, в которой многие лица и организации являются владельцами, сотрудниками и другими работниками. Когда уголовное расследование происходит в отношении конкретного коммерческого юридического лица, более вероятно, что физические лица и организации внутри этого юридического лица будут запрошены для дачи показаний, но эти лица не имеют права хранить молчание, чтобы отказать предоставить информацию, наносящую ущерб их юридическому лицу. Видно, что указанные физические лица входят в состав юридического лица, но не имеют права отказать в предоставлении информации. Это несколько нарушило право юридического лица хранить молчание на практике.

В-третьих, объем права обвиняемого/подсудимого на молчание затрагивает только показания против него и признание вины. То есть, право на молчание в УПК 2015 г. имеет возможность влиять только на свидетельские показания, не защищая действия самооговора. Таким образом, право на молчание обвиняемого - юридических лиц во Вьетнаме также ограничивается объемом свидетельских показаний и признаний вины законного представителя юридического лица. Видно, что, если коммерческое юридическое лицо просит предоставить документы, имеющие содержание его обвинения сам себе юридического лица, то в это время законный

представитель не может ссылаться на право хранить молчание, чтобы отказаться от предоставления.

Юридическое лицо, с его природой как организации, а не как естественного человека, само должно выражать себя не словами, а должно быть через представителя. Поведение организации отличается от поведения индивида тем, что поведение организации в значительной степени выражается через внутренние документы организации, которые хранятся отделами или компетентными лицами в организации. Таким образом, принуждение юридического лица к предоставлению документов, имеющих содержание, которое является самооговором, по сути, является нарушением права юридического лица на молчание.

3. Рекомендации и заключение

Исходя из приведенного выше анализа, мы считаем, что необходимо усовершенствовать институт по праву на молчание обвиняемых в целом и обвиняемых, являющихся коммерческими юридическими лицами в частности во Вьетнаме, в следующем направлении:

Во-первых, должны быть конкретные положения о праве обвиняемого хранить молчание в процессе разрешения уголовных дел, в том числе обвиняемых как коммерческих юридических лиц, чтобы избежать различных толкований на осуществление права на молчание, а также отношения судебного решения со стороны процессуальных органов, когда обвиняемый осуществляет право на молчание. Тем самым подтверждается необходимость обеспечения полного и единообразного осуществления права обвиняемого на молчание. Для обвиняемых, являющихся коммерческими юридическими лицами, согласно действующим правилам, право на молчание осуществляется через представителя. Однако данный представитель юридического лица также может быть причастен к разрешаемому уголовному делу и, может быть, одним из обвиняемых дела. В этом случае коммерческому юридическому лицу необходимо сменить законного представителя. Осуществление права на молчание перед процессуальным органом поможет юридическому лицу защитить право на протяжении всего процесса расследования.

Во-вторых, необходимо передать право молчания коммерческого юридического лица самому юридическому лицу, а не просто представителю юридического лица. В это время любой член этого коммерческого юридического лица имеет право ссылаться на это право хранить молчание, чтобы отказаться от предоставления информации или показаний, которые являются компрометирующими против юридического лица. Это гарантирует, что юридическое лицо - организация многих внутренних структур, пользуется полным правом на молчание, как для юридического лица, так и для физических лиц юридического лица.

В-третьих, необходимо дополнить положения о необходимости предоставлять соответствующие документы, имеющие содержание обвинения себе в рамках защиты права на молчание коммерческих юридических лиц. Соответственно, коммерческие юридические лица имеют право хранить молчание, не быть принужденными к признанию вины или предоставлению документов и доказательств против себя. Данное положение направлено на конкретизацию права на молчание в соответствии с характером, особенностями, организации и деятельности коммерческих юридических лиц.

Вьетнамское законодательство признает уголовную ответственность коммерческих юридических лиц в Уголовном

кодексе 2015 года и право на молчание в Уголовно-процессуальном кодексе 2015 года, что является конкретизацией обязательств Вьетнама в международных договорах, участником которых является Вьетнам, таких как: Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, Конвенция против коррупции, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. В то же время это также приверженность Вьетнамского дома гражданам и торговым организациям по чистой судебной системе, максимальной защите прав человека, гражданских прав личности в обществе, а также справедливости в торговой конкуренции. Вышеуказанные положения конкретизируют Конституцию Социалистической Республики Вьетнам 2013 года в борьбе с преступностью; способствуют защите суверенитета и безопасности страны, защите режима, защите прав человека, гражданских прав, защите и продвижению социалистической рыночной экономики для развития в правильном направлении, эффективной борьбе с коррупцией, обеспечивают социальный порядок и безопасность; создают безопасную и здоровую социальную и экологическую среду для всех людей; отвечают требованиям международной интеграции Вьетнама.

Пристатейный библиографический список

1. Quyền im lặng hay là cảnh báo Miranda. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://anhsgluat.com/quyen-im-lang-hay-la-canh-bao-miranda/> (дата обращения: 03.04.2022).
2. Trịnh Thị Hằng. Đảm bảo quyền im lặng trong tố tụng hình sự Việt Nam. 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khoaluat.vinhuni.edu.vn/ngghien-cuu-khoa-hoc/seo/bai-viet-dam-bao-quyen-im-lang-trong-to-tung-hinh-su-viet-nam-81006> (дата обращения: 06.04.2022).
3. Bạch Ngọc Du. Truy cứu trách nhiệm hình sự đối với pháp nhân phạm tội. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/phap-luat/truy-cuu-trach-nhiem-hinh-su-doi-voi-phap-nhan-thuong-mai-pham-toi> (дата обращения: 06.04.2022).
4. Буй Конг Фу. Процессуальный статус обвиняемого в уголовном процессе законодательстве Социалистической Республики Вьетнам: Историко-правовой анализ/ Евразийский юридический журнал. 2020. № 6 (145). С. 330-333. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eurasialaw.ru/en/2020/6-145-2020> (дата обращения: 06.04.2022).

МУТУЛОВА Алтына Саналовна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

КАНДУЕВА Баина Дармаевна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

САНДЖИЕВА Виктория Николаевна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

ЧЕТЫРОВА Гильяна Николаевна

магистрант 2 курса направления 40.04.01 «Юриспруденция» магистерской программы «Уголовный процесс, судебная власть, прокуратура, адвокатура» Калмыцкого государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности эксперта. Несмотря на то, что эксперт не относится к лицам, имеющим самостоятельный процессуальный интерес, в настоящее время расследование большинства уголовных дел не обходится без его участия. В связи с этим исследовано место эксперта в современном уголовном судопроизводстве. Проанализированы требования, которые предъявляются к эксперту. Дана оценка дискуссии относительно необходимости введения требования о проведения экспертизы только государственными экспертными учреждениями. Также исследован вопрос о механизме определения необходимости проведения экспертизы в конкретном уголовном деле.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, иные участники уголовного судопроизводства, эксперт, экспертиза по уголовным делам.

MUTULOVA Altyna Sanalovna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

KANDUEVA Baina Darmayevna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

SANJIEVA Viktoriya Nikolaevna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

CHETYROVA Gilyana Nikolaevna

magister student of the 2nd course of the direction 40.04.01 «Jurisprudence» of the master's program «Criminal Procedure, Judicial branch, Prosecutor's Office, Advocateship» of the Kalmyk State University

SOME ISSUES OF THE EXPERT'S ACTIVITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses some aspects of the expert's activity. Despite the fact that the expert does not belong to persons who have an independent procedural interest, currently the investigation of most criminal cases is not complete without his participation. In this regard, the place of the expert in modern criminal proceedings is investigated. The requirements that are imposed on the expert are analyzed. The assessment of the discussion on the need to introduce the requirement for the examination by state expert institutions is given. The question of the mechanism for determining the need for an expert examination in a specific criminal case is also investigated.

Keywords: criminal proceedings, other participants in criminal proceedings, expert, expertise in criminal cases.

Российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет развернутый перечень субъектов – участников уголовно-процессуальных отношений. Их разграничение проводится по степени заинтересованности в исходе процесса и цели, которую они преследуют, участвуя в нем. Рассматривая правовое положение эксперта в уголовно-процессуальных отношениях можно заметить следующее.

Он входит в группу тех участников, которые уголовно-процессуальным законодательством обозначены как

иные участники уголовного судопроизводства. Основным признаком, который присущ субъектам этой группы, является их незаинтересованность в исходе рассматриваемого дела. Они участвуют в процессе исключительно для содействия основным участникам процесса в достижении главной цели уголовного судопроизводства – сформировать объективную и обоснованную позицию по конкретному уголовному делу.

Эксперт как лицо, обладающее познаниями в определенной сфере человеческой деятельности, помогает

правильно оценить те обстоятельства, с которыми участники процесса сталкиваются в рамках рассмотрения дела. Кроме того, результаты экспертного исследования могут установить новые факты, способные исключить или подтвердить ранее существовавшую версию следствия или дознания. Это, в конечном счете, направлено на достижение более эффективного результата по соответствующему уголовному делу [5, с. 37].

В связи с этим эксперта можно охарактеризовать как лицо, обладающее определенными знаниями, которые востребованы в рамках расследования уголовного дела. В качестве экспертов выступают как юридические лица – экспертные организации, так и отдельные физические лица. Экспертными организациями могут быть как государственные, так и негосударственные судебно – экспертные учреждения (некоммерческие партнерства, частные учреждения, автономные некоммерческие организации и др.). На это указывается, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Из этого также исходит и Конституционный суд Российской Федерации (Определение от 18 декабря 2003 г. № 429-О). В то же время следует заметить, что даже в случае назначения экспертом организации, проводит конкретные исследование и оформляет заключение физическое лицо – работник экспертной организации.

Для привлечения лица в качестве эксперта, как правило, не требуется наличия у него каких-либо специальных разрешений и допусков. Это означает, что главным критерием назначения эксперта является наличие познаний в соответствующей сфере и, как следствие, наличие возможности ответить на вопросы, которые ему ставит следователь (дознатель) и некоторые другие участники уголовного судопроизводства. В то же время отдельные виды экспертиз могут проводиться только специализированными организациями, имеющими разрешения (допуски) на осуществление соответствующих видов экспертной деятельности. В частности, судебно-медицинскую экспертизу могут проводить только специализированные судебно-медицинские бюро, создаваемые в каждом субъекте Российской Федерации в форме государственных учреждений. Это же относится к проведению судебно-психиатрической экспертизы, которую также проводят соответствующие государственные учреждения.

Некоторые виды экспертиз, например, почерковедческую, трасологическую и т.п., могут проводить экспертно-криминалистические подразделения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Правовой основой деятельности подобных подразделений выступает Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Соответственно лицо, которое работает в соответствующих учреждениях, именуется государственным судебным экспертом. Указанный Закон определяет права и обязанности государственного эксперта. При этом в рамках уголовного судопроизводства соответствующие права и обязанности устанавливаются УПК РФ. В связи с тем, что данный нормативный акт применительно к уголовно-процессуальным отношениям является специальным, его нормы подлежат приоритетному приме-

нения по отношению к нормам, закрепленным в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В литературе ведется полемика относительно соотношения уголовно-процессуального законодательства и законодательства об экспертной деятельности. В частности, высказывается мнение, что при установлении правового статуса эксперта приоритет должен отдаваться законодательству об экспертной деятельности [1, с. 218-223 и др.].

В литературе с момента принятия УПК РФ идет дискуссия относительно того, верным ли является решение законодателя, допускающее возможность проведения экспертиз лицами, которые могут и не являться сотрудниками государственных экспертных учреждений. Некоторые исследователи расценивают подобный подход в негативном ключе, усматривая в этом возможность для злоупотреблений. Ими предлагается внесение изменений в законодательство, которые допускали бы проведение экспертиз только сотрудниками государственных экспертных организаций [1, с. 23, 277 и др.]. Однако согласиться с подобным радикальным суждением нельзя. Считаем, что современное законодательство закрепляет сбалансированный подход в отношении определения лиц, которые могут выступать экспертами в уголовном судопроизводстве. Проведение экспертизы только сотрудниками государственных экспертных учреждений не может быть оценено положительно по нескольким причинам. Во-первых, сфера применения экспертизы достаточно широка, и для самого государства нецелесообразно содержать штат государственных экспертов по всем возможным экспертным направлениям. Во-вторых, нужно учитывать, что российское законодательство закрепляет равенство организаций всех форм собственности. В связи с этим, закрепление государственной монополии в этой сфере противоречило бы данному принципу. И в-третьих, могут возникнуть сомнения в беспристрастности соответствующих экспертов. Ведь при закреплении подобных предложений сложится такая ситуация, когда и предварительное следствие, и проведение экспертизы будет находиться в руках государства, что может привести к необъективности расследования.

Главным критерием, который характеризует эксперта в уголовном судопроизводстве, является наличие у него знаний в определенных сферах науки, техники, ремесла и т.п. Знания можно в данном случае можно понимать информацию об объектах, процессах, которые имеют место в определенных областях сферах деятельности человека. Предполагается, что познания в указанных областях человеческой деятельности становятся востребованными при проведении расследования конкретного уголовного дела. В литературе по-разному определяется категория специальных знаний, которыми должен обладать эксперт. По нашему мнению, наиболее удачное определение специальных знаний дано Е. Р. Россинской, которая понимает под ними: «систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки и техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта, которые необходимы для решения поставленных вопросов, которые возникают в процессе гражданского судопроизводства»

[6, с. 9]. В самом уголовно-процессуальном законодательстве не содержится определения категории «специальные знания», также не установлены критерии, которые позволили бы определить их содержание. В литературе неоднократно вносились предложения об устранении данного законодательного пробела [5, с. 9].

Осведомленностью о том, что конкретное лицо имеет необходимые знания, должен обладать следователь (дознатель), который назначает экспертизу как средство получения доказательств по конкретному уголовному делу. Таким образом, при возникновении потребности получения доказательств посредством проведения экспертизы следователь (дознатель) должен предпринять определенные меры по нахождению соответствующих экспертных организаций или индивидуальных лиц, которые могут выступить в роли экспертов. Поиск может осуществляться различными способами: посредством сети «Интернет», путем направления запросов в соответствующие организации и т.п. При решении вопроса о привлечении того или иного эксперта следователь должен учитывать опыт проведения экспертиз, наличие образования в той сфере, где проводится экспертиза, имеющиеся у эксперта сертификаты и допуски и т.п.

Нужно отметить, что вопрос о целесообразности привлечения эксперта и проведения экспертизы лежит в сфере компетенции следователя. Именно он в конечном итоге ответственен за сбор доказательств по делу, их полноту и объективность. То же время, если другие лица, участвующие в процессе, видят, что необходимые доказательства могут быть добыты только посредством проведения экспертизы, а она следователем не проводится, у них есть основания обжаловать бездействие следователя, выразившееся в неназначении экспертизы [4, с. 57].

В настоящее время развитие науки и техники приводит к тому, что и сами эксперты, проводя экспертизы, делают однозначные выводы, что является одним из важнейших факторов при расследовании преступлений. Ведь не секрет, что еще несколько десятилетий назад эксперт в своем заключении по многим вопросам делал выводы с определенной степенью вероятности. Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время роль эксперта при расследовании уголовных дел возрастает.

Пристатейный библиографический список

1. Комиссарова Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: Дис. ... докт. юрид. наук. Том 1. – М., 2013.
2. Конторова Д.Г., Рубеко Г.Л., Колисниченко Е.А. Отдельные проблемы рассмотрения арбитражными судами дел о признании незаконными постановлений и действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей // Материалы III Республиканской научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности Республики Калмыкия. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2010.
3. Курепина Н.Л., Рубеко Г.Л. Правовые формы противодействия коррупции на различных этапах развития российского государства: исторический анализ // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 4.
4. Литвинцева Н.Ю. Права личности в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016.
5. Лукошкина С.В., Буфетова М.Ш. Заключение и показания эксперта в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 2.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2014.
7. Рубеко Г.Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия. – Элиста, 2017.
8. Рубеко Г.Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.
9. Рубеко Г.Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. – 2016. – № 10.

БУЙ Ши Нам

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов

АДАПТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ ВЬЕТНАМА

В статье рассматриваются конкретные положения международных конвенций, связанных с борьбой с преступностью, в том числе содержание, связанное с вопросом о юридических лицах, подлежащих уголовной ответственности, таких как: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года; Конвенция ООН против коррупции 2003 года, вступившая в силу 18 сентября 2009 года; Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных коммерческих операциях 1997 года и Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Как участник этих международных конвенций, Вьетнам конкретизировал их в Уголовном кодексе Вьетнама.

Ключевые слова: международная конвенция, юридическое лицо, корпоративное юридическое лицо, уголовная ответственность, наказание, уголовное правонарушение.

BUI Sy Nam

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

ADAPTING INTERNATIONAL CONVENTIONS ON ESTABLISHMENT OF LEGAL ENTITIES' CRIMINAL LIABILITY TO VIETNAM'S CRIMINAL CODE

This article reviewed specific provisions of international conventions related to the fight against crime including contents concerning legal entities' criminal liability such as the United Nations Convention against Transnational Organized Crime 2000; United Nations Convention against Corruption 2003, with effect from September 18, 2009; OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions 1997 and Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism 1999. As a party to these international conventions, Vietnam has concretized them in Vietnam's Criminal Code.

Keywords: international convention, legal entity, corporate legal entity, criminal liability, punishment, criminal offense, subject bearing criminal liability.

Буй Ши Нам

1. Введение

Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года (далее УК 2015) предусматривает, что коммерческие юридические лица (далее ЮЛ) также подлежат уголовной ответственности (далее УО) наряду с субъектами уголовного преступления, которые являются физическими лицами. Регулирование УО коммерческих юридических лиц связано не только с ситуацией правовой практики во Вьетнаме, но и с тем, что Вьетнам является участником международных конвенций и договоров по борьбе с преступностью. Объективная и всесторонняя оценка содержания международных конвенций дает Вьетнаму основу для интернализации этих положений, одновременно повышая эффективность в борьбе с преступностью, особенно преступлениями, совершаемыми ЮЛ. Объективная и всесторонняя оценка содержания международных конвенций дает Вьетнаму основу для интернализации этих положений, одновременно повышая эффективность в борьбе с преступностью, особенно преступлениями, совершаемыми ЮЛ.

2. Материалы и методы

Согласно науке международного права (далее МП), международная ответственность ЮЛ в целом и международная УО, в частности, всегда связаны с теорией и практикой о регулируемых субъектах МП. Необходимо всесторонне изучить УО ЮЛ с точки зрения МП с учетом конкретных конвенций в современной практике международных отношений [9]. Для реализации целей данной статьи проанализировано

основное содержание международных конвенций, связанных с обеспечением УО ЮЛ через систему данных и документов. Автор также акцентировал внимание на оценке принятия международных конвенций в Уголовном кодексе Вьетнама, основываясь на анализе фактической ситуации построения Уголовного кодекса Вьетнама, связанного с положениями УО ЮЛ, чтобы предложить решения по совершенствованию уголовно-правовой системы.

3. Результаты

Исходя из реальности жизни, в последние десятилетия законы многих стран регулируют УО ЮЛ. На сегодняшний день 119 стран мира признали УО ЮЛ в правовой системе [2]. В Юго-Восточной Азии (АСЕАН) до сих пор было 6 стран, регулирующих УО ЮЛ, в том числе: Таиланд, Сингапур, Индонезия, Филиппины, Малайзия и Вьетнам. ЮЛ своей деятельностью, помимо положительных ценностей в рыночной экономике, совершают еще и серьезные уголовные преступления. И эти акты становятся все более изощренными и сложными, особенно такие, как загрязнение окружающей среды, уклонение от уплаты налогов, производство и продажа, перевоз контрафактных товаров, запрещенных товаров; торговое мошенничество; уклонение от уплаты налогов или уклонение от уплаты страховых взносов для работников; нарушение авторских прав; нанесение серьезного ущерба антропогенной среде и дестабилизация экономической и политической безопасности многих стран. УО ЮЛ регули-

руется каждой страной по-разному в зависимости от фактического положения этой страны, поэтому сходства нет. Время инициирования для криминализации ответственности ЮЛ в каждой стране также различно, есть страны, которые реализуют до того, как появятся международные договоры, регулирующие УО ЮЛ (таких как Великобритания, США, Австралия ...), и есть страны, которые начинают криминализовать ответственность ЮЛ после присоединения к международным договорам и обязуются трансформировать нормы МП в национальную систему уголовного права (например, Вьетнам).

Под решающим влиянием и влиянием института УО ЮЛ в законодательстве многих стран мира, а также интерактивной взаимосвязью индивидуальной УО в международном уголовном праве, что способствовало формированию нового института международного уголовного права, это институт УО ЮЛ [1]. Судя с исторической точки зрения, тип УО ЮЛ имел предпосылку, практическую и правовую основу сразу после Второй мировой войны. Как только союзный блок был сформирован и нацистский режим был побежден, союзнические документы установили создание международного военного трибунала (Нюрнбергского процесса) для суда над нацистскими преступниками. В заявлении трибунала утверждалось, что нацистская партия и вооруженные структуры СС и Геттапо являются преступными организациями, которые должны прекратить свое существование. Члены вышеупомянутых военно-политических организаций сами подпадают под действие международной УО за преступления, совершенные отдельными лицами. Это исключительный случай рассматривания УО ЮЛ (организаций) в МП.

Теоретически вопрос УО ЮЛ с международно-правовой точки зрения действительно привлек внимание в последние десятилетия, поскольку криминогенная обстановка, совершаемая ЮЛ, возросла по количеству и масштабам. В частности, существует много видов преступлений, которые, как правило, действуют транснационально, такие как: коррупция; отмывание денег; терроризм и т.д. реализуются ЮЛ с экономическим потенциалом, такими как корпорации, финансовые компании, банки. Поэтому, исходя из действующих положений законов государств по вопросу УО ЮЛ, международное сообщество в рамках ООН разработало и приняло международные договоры по борьбе с преступностью, в том числе о признании УО ЮЛ. Хотя количество положений, в которых упоминается эта ответственность, невелико по сравнению с общим числом международных договоров по предупреждению преступности, в силу особенностей организационной структуры и деятельности ЮЛ широта института УО ЮЛ в международном праве охватывает практически все преступное деяние ЮЛ при жизни. Международными договорами, регулирующими УО ЮЛ, являются:

Во-первых, Конвенция ОЭСР о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 года. Эта конвенция вступила в силу в 1999 году и в настоящее время насчитывает 44 государства-участника. В ней конкретно предусматриваются вопросы, связанные с ответственностью ЮЛ по борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных деловых операциях. В соответствии с настоящей Конвенцией каждое Государство-участник принимает необходимые меры в соответствии с основополагающими принципами своей внутренней правовой системы для установления ответственности ЮЛ за подкуп иностранных публичных должностных лиц. Взятничество, подлежащее признанию государствами-участниками уголовным преступлением, включает:

– Акты умышленного предложения, обещания или предоставления иностранным должностным лицам прямо или косвенно материальных или иных интересов или третьим лицам стремление к тому, чтобы это должностное лицо действовало или не действовало в официальной налоговой области для получения или получения выгоды для бизнеса для получения выгоды для бизнеса или иных ненадлежащих интересов в процессе международных торговых операций;

– Акты соучастия, включая акты подстрекательства, содействия, поощрения или делегирования взяток иностранным должностным лицам;

– Подкуп иностранных должностных лиц в случае неоконченного преступления и неоконченного соучастия также считается преступлением той же степени, что и неоконченное преступление, и неоконченное соучастие.

В Конвенции ОЭСР подчеркивается, что взяточничество должно подлежать эффективным, соразмерным и сдерживающим санкциям, если внутреннее законодательство не признает УО ЮЛ, включая денежные санкции.

Во-вторых, Конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Это глобальная многосторонняя конвенция, участником которой также является Вьетнам. Конвенция предусматривает, что каждое Государство-участник принимает необходимые меры в соответствии с правовыми принципами государства, с тем чтобы ЮЛ, имеющее штаб-квартиру на его или ее территории или организованное в соответствии с его собственным национальным законодательством, привлекалось к ответственности, когда лицо, ответственное за управление ЮЛ или контроль над ним, в этом качестве совершение преступления, подпадающего под действие Конвенции¹. Соответственно, акт умышленного, прямо или косвенно, незаконного предоставления или мобилизации финансовых ресурсов с намерением использовать или четко осознавать, что такие финансовые ресурсы частично или полностью используются для террористической деятельности, как это определено в восьми конвенциях о международной борьбе с терроризмом, а также направленный на совершение любого другого акта (убийство или причинение тяжкого вреда гражданским лицам или любому другому лицу, не участвующему в военном конфликте, запугивание населения или правительства или международной организации совершением или непринятием какого-либо деяния)². Кроме того, в Конвенции подтверждается, что юридическая ответственность ЮЛ вообще не затрагивает ответственности физических лиц, совершивших преступление финансирования террористической деятельности. Конвенция также требует, чтобы каждое государство-участник обеспечивало, чтобы ЮЛ, несущие юридическую ответственность за финансирование терроризма, подвергались эффективным и надлежащим уголовным, гражданским или административным санкциям, включая штрафы.

Кроме того, исходя из специфики финансирования терроризма, Конвенция также предусматривает обязательства ЮЛ следующим образом:

– Кредитно-финансовые учреждения должны использовать наиболее эффективные меры для выявления своих постоянных или текущих клиентов, а также уделять особое внимание сомнительным операциям;

1 Ст. 5 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.

2 П. 1, ст. 5 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.

– Требуется от финансово-кредитных организаций применения мер по проверке юридического существования и фактической организационной структуры клиентов и обязанности оперативно сообщать в компетентные государственные органы о своих подозрениях в необычно крупных сделках;

– Финансово-кредитные организации должны вести не менее 5 лет всю необходимую отчетность о внутренних и международных сделках.

Финансовые и кредитные ЮЛ должны хранить не менее 5 лет все необходимые записи о внутренних и международных сделках.

Вышеуказанные обязательства должны быть адаптированы к законодательству стран, гражданами которых являются финансово-кредитные ЮЛ.

В-третьих, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция). Это глобальная многосторонняя конвенция, которую Вьетнам ратифицировал, присоединился и официально вступил в силу 8 июня 2012 года. В разделе, посвященном положениям УО ЮЛ, конвенция четко указывает: Каждое Государство-участник принимает необходимые меры в соответствии с правовыми принципами своего государства с целью определения юридической ответственности ЮЛ за совершение тяжких преступлений, связанных с организованной преступной группой, или за преступления, совершенные от имени ЮЛ.³

Согласно Палермской конвенции, УО ЮЛ определяется, когда ЮЛ совершает действия, определенные в пяти видах деяний, упомянутых выше, что является транснациональной организованной преступностью. В науке международного уголовного права, данный вид преступлений является одним из немногих международных преступлений, на сегодняшний день считающихся основой юридической ответственности ЮЛ. Однако обязанности устанавливать юридическую ответственность ЮЛ каждого государства не была до конца регулирована, она ограничена правовой базой каждой страны и в соответствии с волей законодателей каждой страны. В Палермской конвенции также подчеркивается, что УО ЮЛ не затрагивает УО физических лиц, совершивших преступные деяния. Физические лица несут УО в независимости от УО ЮЛ и с конкретными системами наказания, указанными в Уголовном кодексе государств. Это отмечается в Конвенции следующим образом: Государство-участник обеспечивает, чтобы юридические лица несли юридическую ответственность, подлежали уголовным или неуголовным наказаниям, которые являются соразмерно эффективными и оказывают сдерживающее воздействие, включая штрафы⁴. Таким образом, Конвенция предоставила право рассматривать, выносить решения и применять санкции государствам и законам государств-участников в отношении транснациональных организованных преступлений, совершенных ЮЛ.

В-четвертых, Конвенция ООН против коррупции 2003 года, вступившая в силу 18 сентября 2009 года. Вьетнам является участником этой Конвенции 30 июня 2009 года.

В соответствии с Конвенцией каждое государство-участник обязано принимать в соответствии со своими правовыми принципами необходимые меры для определения ответственности ЮЛ за такие действия, совершенные от имени ЮЛ, как: подкуп должностных лиц и публичных долж-

ностных лиц; растрата, незаконное присвоение имущества публичным должностным лицом; злоупотребление своими функциями в целях получения незаконной прибыли и обогащения; взятничество; хищение имущества; отмыwanie доходов, приобретенных преступным путем.

Конвенция также предусматривает права государств-участников, с учетом их правовых принципов, устанавливать уголовную, гражданскую или административную ответственность.⁵ Кроме того, согласно Конвенции, ответственность ЮЛ не наносит ущерба УО физических лиц, совершивших правонарушение. Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает, чтобы ЮЛ, привлеченные к ответственности, подвергались эффективным, соразмерным и сдерживающим уголовным или неуголовным санкциям, включая денежные санкции.

Из обзора международных конвенций, устанавливающих ответственность ЮЛ, в том числе уголовную, можно сделать следующие выводы:

– УО ЮЛ устанавливается на основании УО физических лиц, предусмотренной международными договорами о борьбе с международными преступлениями. Соответственно, ЮЛ несет УО, если уголовное преступление совершено физическим лицом от имени такого юридического лица;

– ЮЛ в отношении УО ЮЛ является более ограниченной, чем у физических лиц, поскольку страны могут устанавливать и определять, является ли ответственность ЮЛ уголовной, гражданской или административной, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства;

– Несмотря на то, что УО ЮЛ определяется на основании уголовных преступлений, совершенных физическими лицами от имени ЮЛ, она не зависит от УО ЮЛ связанными с ними физическими лиц-нарушителей. Привлечение к УО ЮЛ физических лиц не освобождает от УО ЮЛ и наоборот.

– Страны могут вводить санкции в соответствии с основополагающими принципами своих правовых систем. Однако вводимые санкции, в том числе денежные, должны быть эффективными, соразмерными и сдерживающими уголовными или неуголовными.

Таким образом, можно видеть, что закрепление положений об уголовной ответственности ЮЛ в международных конвенциях, независимо от объема или сферы применения, должно осуществляться в соответствии с волей государств-участников, что ведет к разнообразному признанию уголовной ответственности ЮЛ в разных странах. Кроме того, криминализация уголовной ответственности ЮЛ, совершающих уголовные преступления, была в значительной степени обеспечена странами и более эффективно и практически адаптирована к системе уголовного права.

В настоящее время Вьетнам является государством-участником таких международных конвенций, как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности; Конвенция ООН против коррупции; Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма и является активным членом АТГ (Азиатско-Тихоокеанская группа по борьбе с отмыванием денег). Вьетнам также является членом, который обеспечивает соблюдение и уважение принципа *Pacta sunt servanda* в международном праве.⁶ Поэтому для гармонизации международного права и права Вьетнама Уголовный ко-

3 Подробнее см. п. 1, ст. 5, Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.

4 П. 4, ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.

5 П. 1 и п. 2, ст. 26 Конвенции ООН против коррупции, принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года.

6 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года.

декс Вьетнама 2015 года (пересмотренный в 2017 году) адаптировал положения об УО ЮЛ из вышеуказанных правовых документов в положения главы XI об уголовной ответственности юридических лиц. Соответственно, Уголовный кодекс 2015 года предусматривает УО корпоративных ЮЛ только в соответствии с текущей политико-экономической ситуацией во Вьетнаме; условия несения уголовной ответственности корпоративными юридическими лицами; объем уголовной ответственности; санкции для корпоративных юридических лиц и основания для принятия решения о санкциях для корпоративных юридических лиц; обстоятельства, отягчающие и смягчающие уголовную ответственность юридических лиц и вопросы, связанные с санкциями, такие как определение санкций по делам о совершении множественных правонарушений; краткое изложение санкций по многим судебным решениям, освобождение от санкций и освобождение от судимости.

В Уголовном кодексе корпоративные юридические лица во Вьетнаме при совершении правонарушений должны нести уголовную ответственность по 33 уголовным обвинениям.⁷ Признание уголовных обвинений, по которым корпоративные юридические лица подлежат уголовной ответственности, в Уголовном кодексе 2015 года (в редакции 2017 года) в целом удовлетворяет требованиям, указанным в Международной конвенции против преступности. Кроме того, в нем также излагаются императивные положения Конвенции, особенно те, которые касаются озабоченностей всего мира в области предупреждения преступности в настоящее время, а также возникающих проблем в области развития Вьетнама, таких, как экологические проблемы; экономические преступления и транснациональная организованная преступность; преступления, связанные с высокими технологиями и интеллектуальной собственностью; предотвращение стихийных бедствий и адаптация к ним; и охрана природных ресурсов. Таким образом, можно сделать вывод, что посредством положений о преступлениях в Уголовном кодексе 2015 года уголовное право Вьетнама признало и кодифицировало множественное содержание международных конвенций, участником которых является Вьетнам.

Тем не менее, помимо составов, по которым корпоративные юридические лица во Вьетнаме привлекаются к уголовной ответственности, в Уголовном кодексе отсутствуют многие содержания и уголовные преступления, изложенные в международных конвенциях. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о добавлении новых уголовных обвинений в соответствии с международными конвенциями, которые Вьетнам добровольно подписал и стал участником. Следует добавить еще несколько преступлений, за которые корпоративные юридические лица должны нести уголовную ответственность, такие как финансирование терроризма, воспрепятствование правосудию, взяточничество, коррупция, которые были охвачены Конвенцией против коррупции и Конвенцией против транснациональной организованной преступности, участником которой является Вьетнам.

Что касается санкций в отношении корпоративных юридических лиц в уголовном праве Вьетнама, Уголовный кодекс Вьетнама 2015 года (пересмотренный в 2017 году) устанавливает следующие основные санкции: штраф; срочная приостановка операции и бессрочная приостановка операции. Дополнительные санкции включают запрет на ведение бизнеса; запрет на работу в определенных областях; запрет на сбор средств; штраф в случае не является главной санкци-

ей. Каждое правонарушение, совершенное корпоративным юридическим лицом, подлежит только одной первичной санкции и, где это применимо, одной или нескольким дополнительным санкциям. Можно выяснить, что регулирование санкций в отношении корпоративных юридических лиц, совершающих правонарушения, в Уголовном кодексе Вьетнама соответствует правовой практике и обществу Вьетнама, а также обеспечивает эффективное выполнение международных обязательств в этой области, зафиксированных в международных конвенциях, участником которых является Вьетнам.

4. Заключение

В контексте сложившейся мировой практики борьбы с преступностью международные организации, прежде всего, Организация Объединенных Наций, имеют международные конвенции как правовую базу глобального характера для рассмотрения и оценки регулирования ответственности в целом и УО ЮЛ, в частности, для юридических лиц. Они должны гибко адаптироваться в зависимости от конкретной ситуации в каждой стране и регионе для обеспечения эффективной борьбы и предупреждения преступлений, совершаемых юридическими лицами. Как участник международных конвенций в этой области, Вьетнам издал Уголовный кодекс 2015 года (пересмотренный в 2017 году), который строго применяет и соблюдает принцип *pacta sunt servanda* международного права и признает УО ЮЛ корпоративных юридических лиц в Уголовном кодексе, чтобы сделать предупреждение преступности и борьбу с ней более эффективными. В частности, Уголовный кодекс 2015 года (в редакции 2017 года) определяет, что корпоративные юридические лица должны нести УО ЮЛ по 33 обвинениям, а также конкретно предусматривает санкции за указанные правонарушения, совершенные корпоративными юридическими лицами. Это конкретно демонстрирует диалектическую связь между международным правом и национальным правом, утверждая при этом положительное влияние международных договоров на формирование положений об уголовной ответственности юридических лиц во вьетнамском законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Тонстук В. Л. Международное право, Уолтерс Клубер Н. В. – Москва, 2010.
2. Kế hoạch Chính phủ lấy ý kiến nhân dân về dự thảo BLHS sửa đổi năm 2015./ Правительственный план исследования общественного мнения в отношении поправок и изменений уголовного кодекса 2015 года СРВ.
3. Trách nhiệm pháp lý và Trách nhiệm hình sự của pháp nhân trong luật quốc tế, PGS. TS Nguyễn Thị Thuận, Trách nhiệm hình sự của PNTM – nhận thức cần thống nhất, Nxb tư pháp, 2020, tr.105 / Юридическая и уголовная ответственность юридических лиц в международном праве, доц., к.м.н. Нгуен Тхи Тхуан, уголовная ответственность юридических коммерческих лиц – свод понятий. - Изд. «Юстиция», 2020. – С. 105.

7 Điều 76, Chương XI, Bộ luật hình sự năm 2015 (Sửa đổi bổ sung năm 2017) / ст. 76 УК 2015 СРВ.

КЕРИМОВА Аделя Рафиковна

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при применении меры пресечения в виде запрета определенных действий. Авторами обращается внимание на недостатки действующей системы мер пресечения. Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в статью 98 УПК РФ были внесены изменения, а именно внесены дополнения в пункт 4.1, посвященный запретам определенных действий, и добавлена новая статья — статья 105.1, также посвященная запрету определенных действий. Авторы взяли за основу законопроект конструкции статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: домашний арест, подсудность, мера пресечения, порядок продления, запрет определенных действий, соразмерность.

KERIMOVA Adelya Rafikovna

postgraduate student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE APPLICATION OF THE PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS

The article discusses some of the problems that arise when applying a preventive measure in the form of a ban on certain actions. The authors draw attention to the shortcomings of the current system of preventive measures. Federal Law of April 18, 2018 No. 72-FZ "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of a ban on certain Actions, bail and house arrest", Article 98 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was amended, namely, an addition to paragraph 4.1 on prohibitions of certain actions, and a new article was added – article 105.1, also devoted to the prohibition of certain actions.

Keywords: house arrest, jurisdiction, preventive measure, extension procedure, prohibition of certain actions, proportionality.

В 2018 году (в апреле) в УПК РФ появилась новая мера пресечения, которая носит название «запрет определенных действий». Такое дополнение было необходимо в связи с тем, что сферы, в которых стоит применять меры пресечения, постоянно увеличивались. Однако, они не были связаны с такой мерой пресечения, как «заключение под стражу». При этом такие меры, как «домашний арест» или «залог» тоже являлись недостаточными.

Появление в УПК РФ новой меры пресечения можно назвать значимым событием. Это связано с тем, что в УПК внесены изменения, касающиеся регламента избрания судом существующих мер пресечения. При этом собственно меры пресечения не подвергались изменению со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ. Мер было семь, и они являлись «классическими» [7]. Введение данной меры пресечения направлено на решение комплекса задач:

- 1) гуманизацию уголовного процесса;
- 2) повышение эффективности уголовного преследования;
- 3) экономию бюджетных средств и снижение репутационных рисков в связи с вынесением решений Европейским судом по правам человека.

Мера пресечения в виде запрета определенных действий существует уже более трех лет. Судами накоплен определенный опыт ее применения, но отдельные вопросы практики не имеют однозначной интерпретации [5]. Это приводит к ошибкам в решениях судов, которые замечают вышестоящие судебные инстанции.

Мера пресечения, называемая запретом определенных действий, закреплена в статье 105.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ. По отношению к другим мерам пресече-

ния она находится посередине, становясь промежуточными звеном между более и менее строгими мерами [2]. Полный перечень запретов прописан в части 6 названной статьи. Согласно закону, количество запретов, которым могут быть подвергнуты подозреваемые, обвиняемые шесть, но в п. 2 данной статьи предусмотрено три отличных друг от друга запрета: на посещение и участие в некоторых мероприятиях; на приближение к некоторым объектам; на нахождение в некоторых местах [6].

Оценить, насколько данная мера пресечения эффективна, можно только через призму осуществляющих уголовное преследование.

В апреле 2021 года широкому обсуждению подверглось уголовное дело против журналистов издания DOXA, где в центре внимания была не только суть обвинения (призывы к участию несовершеннолетних в несогласованных митингах), но и удивительные детали, связанные с мерой пресечения. Басманный суд Москвы запретил четверым сотрудникам студенческого журнала DOXA в течение двух месяцев покидать дом с 00:00 до 23:59 часов. Журналистам, которых обвиняют по уголовному делу о вовлечении несовершеннолетних в совершение противоправных действий, оставили всего минуту свободного времени в день. Это явилось примером того, как мера, введенная ради гуманизации уголовно-процессуальной практики, используется в прямо противоположных целях.

Данный пример доказывает, что запрет определенных действий может не только не уступать домашнему аресту по объему и строгости налагаемых ограничений и запрещений, но и превосходить его. Это говорит о проблемах и с формулировкой нормы, и с судебной практикой ее применения.

Суд не должен идти путем соблюдения лишь формального, внешнего соответствия судебного решения норме закона.

Так, Кудрявцева А. В. считает, что запрет определенных действий позволяет увеличить возможность для того, чтобы учитывать специальные и общие условия для применений мер пресечения. Кроме того, по ее мнению, запрет определенных действий, состоит из ряда разных ограничений, что расширяет вариативность применения данной меры пресечения [4].

Необходимо также отметить, что эта мера пресечения может применяться в 2-х разных формах:

а) как самостоятельная;

б) как дополнительная вместе с другими мерами: домашний арест и залог.

К сожалению, статистика применения данной меры не оправдала позитивных прогнозов. Так, по данным судебной статистики РФ за 2019 г., судами было удовлетворено: 305 881 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания; 32 550 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и продлении срока ее применения; 1 796 ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и продлении срока применения данной меры. В 2020 году данные показатели выглядят следующим образом: 279 813 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания; 33 687 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и продлении срока ее применения; 5335 ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий и продлении срока применения данной меры¹. Приведенные показатели демонстрируют малое число применений в качестве меры пресечения запрета определенных действий в сравнении с более жесткими мерами пресечения, но при этом наблюдается тенденция роста удовлетворения таких ходатайств.

Критически высказывается в отношении рассматриваемой меры пресечения и ряд ученых-процессуалистов. Так, доктор юридических наук профессор Н.Н. Апостолова высказывает мнение о том, что «прямая трактовка части 1.1 статьи 97, части 8.1 статьи 106, части 7 статьи 107 УПК РФ допускает комбинированное применение совместно с запретом определенных действий других мер пресечения, что создает риск множественного ограничения прав обвиняемого» [2].

В приведенных выше примерах по отношению к подозреваемому или обвиняемому можно применить одновременно две меры пресечения вместо одной. Это, стоит отметить, противоречит самому принципу применения мер пресечения и может привести к значимым проблемам на практике. Так, в отношении Винтер М.А., обвиняемой в совершении пяти преступлений, одно из которых является особо тяжким была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Также, суд счел, что исходя из тяжести преступлений, в совершении которых предъявлено обвинение, в совокупности с данными о личности обвиняемой, имеются достаточные основания полагать, что в случае отсутствия предусмотренных законом запретов и ограничений, устанавливаемых на период домашнего ареста, у обвиняемой Винтер М. А. будет иметься реальная возможность воздействовать на свидетелей совершенных преступлений с целью склонения

к изменению показаний. В отношении обвиняемой были установлены запреты в виде: посещения любых общественных мероприятий и участия в них; общения со свидетелями по настоящему уголовному делу; отправления и получения почтово-телеграфных отправок; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; разрешения обвиняемой Винтер М.А. ежедневных прогулок с 10 до 12 часов при отсутствии нарушений действующего законодательства РФ и Краснодарского края, с правом посещения ближайших магазинов и аптек².

Сложившаяся картинка вызывает вопрос о важности и необходимости разделения залога, домашнего ареста и запрета на определенные действия. Изменения, внесенные в часть 1 статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентируют, что домашний арест представляет собой изоляцию обвиняемого от общества в спец учреждении или в жилом помещении. Здесь не прописаны существовавшие ранее термины «полная изоляция» или «частичная изоляция». То есть, становится очевидным, что речь в новой редакции статьи идет о том, что обвиняемый или подозреваемый не сможет при этой мере пресечения выходить за пределы помещения (жилого и лечебного). В случае, когда судья все-таки разрешает этому лицу выходить за пределы одного помещения, должна быть избрана другая мера пресечения, а именно запрет на определенные действия. Его положения прописаны в пункте 1 части 6 статьи 105.1. Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Таким образом, запрет на совершение определенных действий может включать себя некоторую свободу передвижения. В то время как домашний арест такой свободы не подразумевает. Подозреваемый или обвиняемый в последнем случае должен находиться в пределах одного помещения (жилого или лечебного).

В таком случае регламентировать в отношении домашнего ареста запреты на управление автомобилем, выход из помещения, посещение определенных мест является бессмысленным.

Еще одно различие этих двух мер пресечения состоит в сроках их избрания. Так, например, срок домашнего ареста избирается также, как и срок заключения под стражу. Запрет определенных действий в случае преступлений небольшой и средней тяжести избирается сроком на максимум 12 месяцев, в случае совершения тяжких преступлений избирается сроком на 24 месяца, а в случае особо тяжких преступлений — на 36 месяцев.

Стоит заметить, что еще тяжелее дифференцировать залог с запретом определенных действий и собственно запрет определенных действий. Эти меры прописаны в пункте 8.1 статьи 106 УПК РФ.

Дело в том, что мера пресечения «залог» предполагает внесения залога, который обеспечит явку обвиняемого или подозреваемого в суд (к основателю, следователю) и предупреждение противоправных действий. При этом абсолютно то же самое наблюдается и при применении меры пресечения «запрет определенных действий». Добавление к этим положениям обязательств, которые прописаны частью 6 статьи 105.1 УПК РФ, приведут к тому, что практически невозможно

¹ Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/15/s/13>. (дата обращения: 12.01.2022).

² Постановление № 1-127/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-127/2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/tB58MZVrn2lt/> (дата обращения: 12.01.2022).

будет понять, какую именно меру из двух перечисленных избрал суд.

Очевидно, что данные меры пресечения на практике будут пользоваться большой востребованностью и даже популярностью. В связи с чем не может не появиться вопрос: по какой причине перечисленные запреты не используются при личном поручительстве, присмотре за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым, подписке о невыезде и наблюдении командования воинской части?

В случае, если запреты при избрании мер пресечения, перечисленные в части 6 статьи 105.1 УПК РФ, будут выбраны правильно, будет повышена их эффективность, что приведет к дальнейшему повышению их востребованности на практике.

Регламентация новой меры пресечения, И.П. Бондаренко, оценивает как позитивное явление, наряду с ее свойством к сочетанию с иными мерами. Лишь сочетание рассматриваемой меры пресечения с заключением под стражу и домашним арестом представляется неприемлемым. Задача по расширению практики применения запрета определенных действий, по его мнению, должна быть возложена на суд, поскольку органы предварительного расследования менее заинтересованы в широком применении наименее строгих мер пресечения. И.П. Бондаренко, предлагает дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ путем внесения новых, не предусмотренных указанной нормой запретов, сформулировав их следующим образом: «употреблять алкоголь, наркотические и другие одурманивающие вещества, играть в азартные игры, совершать иные провоцирующие девиантное поведение действия» [3].

В настоящее время до сих пор остается открытым вопрос контроля и организации исполнения запретов, возлагаемых судами на подозреваемых (обвиняемых).

Принятие новой меры пресечения должно было «разбавить» количество применяемых более строгих мер пресечения, особенно заключение под стражу, домашний арест или залог, однако, как считают О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.Ю. Епихин «такая мера пресечения небезопасна и не исполняет функцию по реальному ограничению человека от конкретных действий» [1].

Фактически при выборе тех или иных запретов нет гарантии, что подозреваемый или обвиняемый может повторить или совершить иное действие, нарушающее права других граждан, на которые эти запреты направлены.

По сей день многие ученые и практики выражали недовольство фактической реализацией предложенных профилактических мер в «жизнь», поскольку проконтролировать выполнение установленных запретов, особенно тех, нарушение которых носит латентный характер, крайне сложно.

Также есть мнение, что для реализации предложенной нормы необходимо привлечение к правоохранительным органам дополнительных сил и средств, так как помимо технических средств контроля необходимо проводить регулярные рейды в отношении всех лиц, подвергнутых применению меры пресечения в виде ограничения на совершение определенного действия. Однако, в настоящее время данное предложение нереально исполнить, так как расширение штата правоохранительных органов представляется нецелесообразным [8].

В результате проведенного анализа нами были сделаны следующие выводы.

Следует рассмотреть вопросы, связанные со сроком запрета на управление транспортным средством и общим

сроком наказания с лишением права управления транспортным средством. Срок запрета должен засчитываться в срок последующего наказания. Делать это следует по аналогии с запретом на покидание места жительства и дальнейшего наказания в виде лишения свободы.

Ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ нуждается в корректировке и изложении ее в следующей редакции: «Подозреваемый или обвиняемый не может быть ограничен в праве использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения со следователем, с дознавателем, защитником и контролирующим органом...».

Необходимо расширить перечень запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ за счет включения запретов на употребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ, компьютерные игры или азартные игры.

Принятие норм УПК РФ, предусматривающих применение новой меры пресечения должно сопровождаться внедрением новых технических средств и проработкой кадровых вопросов. Без комплексного решения, рассмотренных проблем, указанные нормы будут иметь исключительно декларативный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. - 2018. - № 436. - С. 226-230.
2. Апостолова Н.Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция. - 2019. - № 3. - С. 23-25.
3. Бондаренко И.П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. - 2021. - № 1. - С. 26-30.
4. Кудрявцева А.В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти // Уголовный процесс. - 2019. - № 2. - С. 50.
5. Стельмах В.Ю. Мера пресечения «запрет определенных действий» // Российский следователь. - 2020. - № 2. - С. 21.
6. Уткина С.С. Запрет определенных действий. Обзор региональной судебной практики // Уголовный процесс. - 2021. - № 11. - С. 45.
7. Цветкова Е.В., Симагина Н.А. К вопросу о введении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий // Современное право. - 2019. - № 7-8. - С. 133-137.
8. Челищева В. Запрещаю вам звонить и писать! // Новая газета. - 2018. - № 1. - С. 18-19.

РОМАНОВА Нелли Львовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ТАТАРНИКОВ Владимир Германович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

ТОЛСТИХИН Александр Николаевич

доцент кафедры физической подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск, полковник полиции

ВЕРШИННИНА Маргарита Константиновна

студент 3 курса Факультета подготовки специалистов для судебной системы Юридического факультета, Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматриваются проблемы, связанные со взаимодействием сотрудников следственных и оперативных подразделений при производстве следственных действий. Отмечается, что следственные действия имеют ряд особенностей и сложностей, доказывающие о необходимости оказания содействия следователям в их производстве, ведь от качества производства зависит правильность раскрытия и расследования преступлений. Поэтому необходимо применить ряд мероприятий, направленных на повышение уровня содействия и взаимопомощи сотрудниками следственных и оперативных подразделений за счёт детальной регламентации всех условий такого взаимодействия, а также четкого распределения обязанностей между ними.

Ключевые слова: следственные действия, уголовное дело, следователь, сотрудник оперативного подразделения, оперативно-розыскная деятельность.

ROMANOVA Nelli Lvovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

TATARNIKOV Vladimir Germanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of judicial and law enforcement activities sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

TOLSTIKHINA Aleksandr Nikolaevich

associate professor of Physical training sub-faculty of the East-Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, colonel of police

VERSHININA Margarita Konstantinovna

student of the 3rd course of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System, Faculty of Law of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

MODERN PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN EMPLOYEES OF INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL UNITS IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article discusses the problems associated with the interaction of employees of investigative and operational units in the production of investigative actions. It is noted that investigative actions have a number of features and difficulties that prove the need to assist investigators in their production, because the correctness of the disclosure and investigation of crimes depends on the quality of production. Therefore, it is necessary to apply a number of measures aimed at increasing the level of assistance and mutual assistance by employees of investigative and operational units through detailed regulation of all conditions for such interaction, as well as a clear distribution of responsibilities between them.

Keywords: investigative actions, criminal case, investigator, operative unit employee, operational investigative activity.

В современном мире особое значение при расследовании уголовных дел имеет производство следственных действий, как одних из первостепенных процессуальных действий в досудебном производстве. Производство данных процессуальных действий позволяет обеспечить сбор необходимой доказательственной информации, от которых, в дальнейшем, зависит обоснованная исхода уголовного дела.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, следственные действия производятся только после вынесения следователем соответствующего постановления (ч. 1 ст. 164 УПК РФ). Исходя из этого, можно сделать предварительный вывод, что следственные действия являются достаточно распространенным способом реализа-

ции процессуальной функции следователя [1, с. 186-189], что свидетельствует о прочной связи между ними. Но, учитывая специфику каждого уголовного дела, его объем, количество эпизодов, а также иные обстоятельства, следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность¹.

Так, сотрудники оперативных подразделений – это лица, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с ведомственным распределением функций и в пределах установленных законом полномочий. Сотрудники оперативных подразделений, так же, как и следователи преследуют цель защитить жизнь, здоровье, права и свободы

* Научный руководитель – Каландаришвили Х. А. к.ю.н., ст. преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминологии ВСФ РГУП.

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.03.2022) // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

человека и гражданина, собственность, а также обеспечить безопасность общества и государства от преступных посягательств². Также следят за соблюдением основных конституционных прав и свобод человека и гражданина [2, с. 88-92]. Следует также заметить, что все эти действия имеют существенное значение для законного и справедливого разрешения уголовного дела [3, с. 92-97].

Но, несмотря на наличие схожих качеств, оперативные сотрудники не имеют такого огромного значения для следственных действий, они, к сожалению, осуществляют деятельность исключительно вспомогательного характера.

Так, рассмотрим несколько моментов, доказывающие реальное наличие проблемы во взаимодействии между сотрудниками следственных и оперативных подразделений:

1. Полное отсутствие конкретики в положениях уголовно-процессуального законодательства, касаемо совместного производства следственных действий. Данное препятствие на пути к совместной отлаженной деятельности является наиболее весомым, поскольку именно на нормативную базу опираются сотрудники данных подразделений, в силу их профессии, а также важности соответствия законам осуществляемой ими деятельности. Так, для решения существующей проблемы, в первую очередь, необходимо интегрировать оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное законодательства путем закрепления в УПК РФ норм, регламентирующих порядок производства оперативно-розыскных действий [4, с. 48-53];

2. Сходства отдельных следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями. Проводя сравнительный анализ между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, было выявлено несколько групп внешне схожих действий. Так, например, можно сопоставить друг с другом такие следственные действия, как допрос, опознание и наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, а также опрос, отождествление личности и контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений соответственно в качестве оперативно-розыскных мероприятий. Кроме именного сходства данных действий, они также имеют схожую сущность:

Во-первых, допрос и опрос направлены на получение необходимой информации и сведений;

Во-вторых, опознание и отождествление личности различны по способу осуществления, но в конечном итоге преследуется цель идентификации объекта (личности для оперативно-розыскного мероприятия).

Последняя группа не исключение. Как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, так и контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений тесно связаны с содержанием самих сообщений [5, с. 11-15].

На первый взгляд возникает вопрос, в чем же тогда заключается сложность, ведь исходя из наличия сходств между следственными действиями и оперативно-розыскными мероприятиями, проблем в совместном осуществлении сотрудниками соответствующих подразделений быть не должно. Однако, следственные действия имеют наиболее сложную процедуру проведения, а также иную правовую природу, ведь результаты оперативно-розыскных мероприятий запрещается использовать в процессе доказывания (ст. 89 УПК РФ). Здесь встает вопрос об определении круга полномочий сотрудников оперативных подразделений, и, в целом, наличии возможности допущения к производству следственных действий;

3. Стереотип приоритета статуса следователей. Так, в обществе традиционно сложилось мнение о том, что следователи являются непосредственными организаторами и исполнителями процессуальных действий, направленных на раскрытие и расследование преступлений, ведь следователи имеют процессу-

альную самостоятельность. Данное явление свидетельствует о второстепенной роли сотрудников оперативных подразделений при предварительном расследовании. Но на деле, в большинстве случаев именно результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий, например, в рамках дела оперативного учета, позволяют достичь тех целей, которые определяют результативность деятельности следователя [6, с. 56-61].

Таким образом, можно сделать вывод, что производство следственных действий требует много времени и затрат, как интеллектуальных, так и физических. Именно поэтому, осуществление данных действий целесообразно производить совместными силами сотрудников следственных и оперативных подразделений. Такое взаимодействие обеспечит высокий уровень качества и эффективности расследования преступлений за счет четкого распределения функций между сотрудниками, количества профессиональных точек зрения по конкретному обстоятельству уголовного дела, а также возможности выполнять несколько задач одновременно.

Пристатейный библиографический список

1. Пономаренко Е.В. Производство следственных действий как способ реализации процессуальной функции следователя // Общество и право. - Воронеж, 2016. - № 1 (55). - С. 186-189.
2. Смолькова И.В., Каландаришвили Х.А. Презумпция невиновности - конституционный принцип российского уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2019. - № 2 (24). - С. 88-92.
3. Романова Н.Л., Днепровская М.А., Каландаришвили Х.А. Правовая природа судебного штрафа: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. - 2019. - № 3 (86). - С. 92-97.
4. Колосович М.С. Современные вопросы процессуальной регламентации негласного производства и взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений // Вестник Казанского юридического института МВД России. - Казань, 2016. - № 1 (23). - С. 48-53.
5. Барабанов Н.П., Михайлин В.В. Сравнительный анализ отдельных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства // Человек: преступление и наказание. - Рязань, 2016. - № 2 (93). - С. 11-15.
6. Артюхов А.В., Австрийсков А.В., Горных С.А. Проблемы взаимодействия сотрудников оперативных и следственных подразделений // Общество: политика, экономика, право. - Волгоград, 2019. - № 1 (66). - С. 56-61.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349.

СИРОТИНИН Дмитрий Алексеевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ-КРИМИНАЛИСТА В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ, ПРОВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ

В статье рассмотрены процессуальные аспекты статуса следователя-криминалиста в контексте возможности производства им следственных действий, проводимых с использованием видео-конференц-связи. Отмечена актуальность участия следователей-криминалистов в следственных действиях, характеризующихся необходимостью применения высокотехнологичных криминалистических средств, а также технико-криминалистических средств аудиовизуальной фиксации.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следователь-криминалист, дистанционное следственное действие, поручение о допросе лица, допрос по видеосвязи.

SIROTININ Dmitriy Alekseevich

senior lecturer of Criminalistics sub-faculty of the Rostov branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

SOME PROCEDURAL ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF A FORENSIC INVESTIGATOR IN INVESTIGATIVE ACTIONS CONDUCTED USING VIDEO CONFERENCING

The article discusses the procedural aspects of the status of a forensic investigator in the context of the possibility of his investigative actions carried out using video conferencing. The relevance of the participation of forensic investigators in investigative actions characterized by the need to use high-tech forensic tools, as well as technical and forensic means of audiovisual fixation is noted.

Keywords: video conference call, forensic investigator, remote investigative action, order to interrogate a person, interrogation by video link.

Уголовно-процессуальные институты формируются с учетом развития науки уголовного процесса, законодательства и практики. Их совершенствование и изменение продолжают с учетом возникающих потребностей. Вводимые новшества прочно закрепляются в практике, подтверждая актуальность и необходимость принятых решений.

Так, Федеральным законом от 02.12.2008 № 226-ФЗ внесены изменения в УПК РФ и процессуально введено понятие следователя-криминалиста как участника уголовного судопроизводства. Согласно п. 40.1 ст. 5 УПК РФ он уполномочен «осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству» [1].

Процессуальный статус следователя-криминалиста твердо закрепился в следственной практике, несмотря на существенные отличия от статуса следователя. Для сравнения обратим внимание, что последний является должностным лицом, уполномоченным «осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия», предусмотренные УПК РФ. Как видим, понятие «следователь-криминалист» характеризуется более значительным числом условий и признаков, чем понятие «следователь».

Тем не менее, должность следователя-криминалиста, как таковая, с этой же формулировкой названия, не нова. Так, ранее следователь-криминалист существовал в следственных подразделениях некоторых ведомств (ФСБ и других). Но в то время такое название сотрудника следственного органа не вызвало вопросов, так как должность следователя-криминалиста являлась лишь штатно-кадровой категорией и не рассматривалась процессуально. Аналогичным образом, в органах прокуратуры должность прокурора-криминалиста так же не порождала столько вопросов и обсуждений, сколь должность следователя-криминалиста в Следственном комитете.

Следует отметить, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ признаков ведомственной характеристики следователя-криминалиста, данный участник рассматривается учеными и практиками чаще всего применительно к должностному статусу сотрудника СК России. В настоящее время практическая деятельность следователей-криминалистов укрепила на ос-

нове стабильно сложившихся процессуальных механизмов в соответствии с действующим законодательством, в том числе ведомственными нормативными актами.

Так, согласно Приказу Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» одними из основных направлений деятельности следователей-криминалистов являются криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования и производство предварительного расследования [2]. В части криминалистического сопровождения расследования следователи-криминалисты уполномочены использовать технико-криминалистические средства, применять при производстве следственных действий криминалистическую и специальную технику, средства аудиовизуальной фиксации. В сфере производства предварительного расследования следователи-криминалисты вправе участвовать в производстве следственных и процессуальных действий либо производить их лично. Указанные полномочия следователи-криминалисты осуществляют на основании письменных поручений руководителей следственных органов, в подчинении которых они находятся. Процессуальные аспекты деятельности следователей-криминалистов стабильны и отлажены в многолетней практике.

Вместе с тем, новые изменения в уголовно-процессуальной сфере всегда в той или иной мере затрагивают комплекс процессуальных полномочий, прав и обязанностей участников уголовного-судопроизводства, устанавливают механизмы их реализации в различных условиях.

30.12.2021 Федеральным законом № 501-ФЗ внесены очередные изменения в УПК РФ, затрагивающие регулирование проведения допроса, очной ставки и опознания. Изменения касаются введения в порядок производства указанных следственных действий использования систем видео-конференц-связи.

Несмотря на отсутствие в новой норме прямых оснований и условий для производства следственных действий с использованием видео-конференц-связи, из смысла ч 2 ст.189.1 УПК РФ следует, что такой порядок может быть применён в случае, когда лицо, участие которого в следственном действии необходимо, находится в ином месте. Для этого следователь, в производстве которого находится уголовное дело, направля-

ет следователю по месту нахождения лица, участие которого планируется в следственном действии, соответствующее письменное поручение об организации данного участия.

Следует обратить внимание, что похожая ситуация предусмотрена статьёй 152 УПК РФ, когда при необходимости производства следственного действия в другом месте следователь поручает его производству другому следователю, направляя соответствующее поручение. В этом случае, лицом, проводящим следственное действие будет являться следователь, которому направлено поручение. В случае же производства следственного действия с использованием системы видео-конференц-связи следователем, осуществляющим следственное действие, остаётся следователь, направивший поручение. А следователь, организующий явку лица, лишь участвует в следственном действии.

Помимо указанного существенного различия этих двух механизмов, обеспечивающих производство следственного действия в условиях пребывания лица в другом месте, следует отметить закреплённую процессуально неотъемлемую особенность производства следственного действия с использованием видео-конференц-связи, заключающуюся в совокупности обеспечительных мер и требований, подлежащих обязательному выполнению. В их числе следует рассматривать применение высокотехнологичных технических устройств системы видео-конференц-связи, а также технико-криминалистических средств видеозаписи, которая согласно ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ является обязательной.

Некоторые исследователи, анализируя перечень субъектов из числа должностных лиц следственных органов, которым может быть поручено исполнение данного поручения, усматривают, что таким участником следственного действия может являться следователь-криминалист [3. С. 5-6]. Действительно, такая точка зрения не противоречит концепции деятельности следователя криминалиста, как в части выполнения поручения об участии в следственном действии без принятия уголовного дела к производству, так и в сфере применения криминалистической техники и средств аудиовизуальной фиксации.

Однако, следует обратить внимание на некоторые процессуальные аспекты участия следователей-криминалистов в производстве следственных действий, в том числе проводимых с использованием видео-конференц-связи.

С учетом общих правил производства следственных действий, предусмотренных ст. 164 УПК РФ, количество участников следственного действия может быть различно, и определяется следователем, исходя из конкретных условий и хода расследования.

Вместе с тем, необходимо отметить, что, по смыслу ст. 189.1 УПК, в производстве следственных действий, проводимых с использованием видео-конференц-связи, можно выделить две группы субъектов. Первая группа относится к следователю, инициировавшему и направившему соответствующее поручение об организации участия лица в следственном действии, а вторая группа относится к следователю, получившему и исполняющему данное поручение. Далее рассмотрим возможную процессуальную правомочность следователя-криминалиста в каждой из таких групп.

При рассмотрении вопроса о процессуальной возможности проведения следственного действия анализируемой категории следователем-криминалистом либо его участия в таком следственном действии прежде всего следует исходить из нормы, закреплённой в п. 40.1 ст. 5 УПК РФ, устанавливающей процессуальное значение следователя-криминалиста. С учетом того, что в УПК РФ нет иных норм об этом, данное значение является основополагающим. Таким образом, в его полномочия входит осуществление предварительного следствия, а также по поручению руководителя следственного органа участие в производстве или производство отдельных следственных действий без дела к производству.

Согласно ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ направить письменное поручение об организации участия лица в следственном действии с использованием видео-конференц-связи может только следователь, которому поручено производство предварительного расследования. Таким образом, даже при наличии поручения руководителя следственного органа следователю-криминалисту о производстве следственного действия, он не может инициировать его проведение (направить поручение) в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ, если он сам не является лицом, которому поручено производство предварительного расследования по данному уголовному делу. Вместе с тем, статья 189.1 УПК РФ не содержит тождественность

между следователем, направившим указанное поручение, и следователем, проводящим данное следственное действие. С учетом этого, можно сделать вывод о допустимости проведения в полном объёме следователем криминалистом следственного действия с использованием видео-конференц-связи, если ранее данный порядок был инициирован следователем, в производстве которого находится уголовное дело, а следователю-криминалисту руководителем следственного органа дано письменное поручение о его проведении. Аналогичным образом следует рассматривать не только проведение следователем-криминалистом следственного действия, но и участие в нём.

Рассматривая вопрос процессуальной возможности выполнения следователем-криминалистом поступившего из другого следственного органа поручения об организации участия лица в следственном действии с использованием видео-конференц-связи, важно обратить внимание на следующий аспект.

Должностное лицо, выполняющее такое поручение, не является лицом, проводящим данное следственное действие (в отличие, например, от выполнения поступившего в порядке ст. 152 УПК РФ поручения о производстве следственного действия, по которому следователь, выполняющий такое поручение, в полном процессуальном объёме уполномочен на производство данного следственного действия). Таким образом, по письменному поручению об организации участия лица в следственном действии, проводимом с использованием видео-конференц-связи, следователь, выполняющий данное поручение является лишь участником следственного действия, проводимого должностным лицом другого следственного органа. При этом данным поручением не охватываются вопросы участия следователя-криминалиста в следственном действии. Более того, согласно п. 1.3. Приказа № 53 полномочиями по поручению следователю-криминалисту об участии в следственном действии обладает лишь руководитель, в подчинении которого находится следователь-криминалист. В то же время, представляется неоднозначной возможность прямого поручения руководителя подчинённому следователю-криминалисту о его участии в следственном действии по уголовному делу, находящемуся в юрисдикции другого следственного органа.

Таким образом, в этом контексте не усматривается однозначность в решении вопроса в участии следователя-криминалиста в следственных действиях, проводимых в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ, в части выполнения поступивших из другого следственного органа поручений об организации участия лиц в следственном действии. Это обусловлено изложенными выше особенностями процессуального статуса следователя-криминалиста. Тем не менее, с учетом централизованной структуры и внутриведомственным взаимодействием следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, выработка путей решения данной ситуации представляется возможной.

Следует отметить, что с учетом процессуально закреплённых требований к организации проведения следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи, заключающихся в применении высокотехнологичного оборудования, а также технико-криминалистических средств видеозаписи хода и результатов следственных действий, участие следователей-криминалистов является принципиально важным. Также фиксация должна осуществляться в порядке ст. 166 УПК РФ с учетом всех особенностей, предусмотренных ст. 189.1 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
3. Рыжиков А.П. Допустимые пределы использования систем видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования. Комментарий к Федеральному закону от 30 декабря 2021 года № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

ЧАСОВНИКОВА Ольга Георгиевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, Ленинградская область

ТОКАРЕВА Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, Ленинградская область

МЕСТО ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СИСТЕМЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассматриваются аспекты, отражающие место досудебного соглашения о сотрудничестве в системе зарубежных стран, его практического значения, как инструмента, применяемого для достижения публично значимых целей в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: предварительное расследование, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурор, уголовное судопроизводство, уголовное дело, следователь, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, полномочия.

CHASOVNIKOVA Olga Georgievna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Leningrad region

ТОКАРЕВА Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Leningrad region

THE PLACE OF THE PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT IN THE SYSTEM OF FOREIGN COUNTRIES

The article discusses aspects reflecting the place of the pre-trial cooperation agreement in the system of foreign countries, its practical significance as a tool used to achieve publicly significant goals in criminal proceedings.

Keywords: preliminary investigation, pre-trial cooperation agreement, prosecutor, criminal proceedings, criminal case, investigator, person with whom a pre-trial cooperation agreement was concluded, powers.

В настоящее время в Российской Федерации действует достаточно гибкая система наказания за совершаемые преступления, которая позволяет смягчать ответственность. Одна из процедур, влияющая на назначение и размер наказания – заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, которая введена и детально регламентирована главой 40.1 УПК РФ, Федеральным законом от 29.06.2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Однако, такое соглашение не стало новеллой для отечественного законодательства, поскольку, еще с давних времен предусматривался упрощенный порядок судопроизводства, при котором лицо, совершившее преступление признавало свою вину. С развитием общественных отношений и модернизацией общества законодатель стремился регламентировать, закрепить в нормах права соглашение о сотрудничестве лица с органами правосудия, достигая положительного эффекта от такого сотрудничества для каждого из участников процесса.

Рассматриваемый институт значим, как средство повышения эффективности расследования преступлений, в первую очередь в целях экономии времени и средств.

Поспешность на этапе разработки Федерального закона со временем проявилась в несовершенствах, что повлекло противоречивые вопросы касательно его практического применения.

Так, например эффективность, выражающаяся в сокращении сроков и экономии времени при проведении расследования с одной стороны, может поставить под сомнение полноту проведения расследования с другой стороны.

Появление нового института, как правило, сопровождается проблемами его применения и толкования, досудебное соглашение исключением не стало. Основной задушкой института являлась борьба с преступными группировками, со-

ответственно заключение такого соглашения должно было применяться в конкретных исключительных случаях. В следственно-судебной практике круг деяний, по которым возможно заключение такого соглашения намного шире.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве впервые появился за рубежом. В отечественное судопроизводство понятие «сделка с правосудием» пришло из США, но при этом в практическом применении между указанными странами есть существенные отличия.

В силу политических взаимоотношений с другими странами Российская Федерация не всегда учитывала и изучала зарубежный опыт в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Тем не менее, с развитием данных отраслей права и ввиду их совершенствования, приходится обращаться к зарубежной законодательной системе, поскольку, процесс постоянного развития теоретического потенциала науки уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации не может ограничиваться рамками национальной правовой системы. Ввиду этого, вполне закономерен интерес к изучению опыта зарубежных стран.

Изначально, заложенный смысл и порядок процедуры «сделки», существенно differs с процедурой, предусмотренной УПК РФ. В странах англосаксонской правовой системы, институт досудебного соглашения напоминает «сделку». К примеру, между понятием «деятельное раскаяние» и «досудебное соглашение о сотрудничестве» в УПК РФ стоит четкое разграничение, и, это не тождественные категории. Американская система уголовного права рассматривает «деятельное раскаяние», как часть института досудебного соглашения о сотрудничестве. Определяя круг стран, для объективного сравнительного анализа, следует обращать внимание на эффективность правовой системы, которая проверена временем и стабильно функционирует. В числе «первопроходцев» можно отметить Англию и США, поскольку, именно там были первые упоминания об институте досудебного со-

глашения. Следует обратить внимание на опыт европейских стран, однако действовать по шаблону не стоит, в силу разного исторического пути и особенности менталитета, копируя механизм вряд ли можно добиться положительного результата. В континентальных странах, как и в Российской Федерации, закрепление на законодательном уровне данного института произошло намного позже, чем появились его первые прообразы. Сделка, как правовое явление уже существовала, даже применялась в конкретных случаях, но для признания этой процедуры, как отдельного института потребовалось ни одно столетие. За основу формирования института досудебного соглашения в России был взят пример сокращенной формы уголовного судопроизводства Италии.

В зарубежных странах обвиняемому предоставляются явные гарантии снижения наказания за счет того, что сторона обвинения, а именно прокурор берет на себя обязанность в части снижения и уменьшения объема обвинения, либо размера наказания. При этом, сторонам соглашения предоставляется широкий спектр полномочий, а суд не участвует в разработке условий и положений. Прокурор, при выполнении обвиняемым всех условий сделки, в свою очередь, не оспаривает снижения размера наказания или его смягчения.

Вызывает определенный интерес и, положение о том, что расторжение подобных соглашений разрешены суду, только в случае соглашения стороны защиты и обвинения, и, при существенных нарушениях закона, при, его заключении. Как и в законодательстве Российской Федерации, суд, усматривая нарушения, при заключении соглашения, осуществляет судопроизводство в общем порядке.

Заметным отличием является и временной этап, на котором возможно заключение досудебного соглашения. В странах англосаксонской системы отсутствуют строгие ограничения, поскольку, возможность пойти на «сделку с правосудием» появляется не только на досудебной стадии, но и на судебной, а также при пересмотре приговора суда по различным основаниям. Такое положение дает явное преимущество лицу, совершившему преступление. Статья 317.1 УПК РФ, ограничивает лишь периодом, в который входит начало уголовного преследования до момента объявления об окончании предварительного следствия.

Существенная разница наблюдается и, в отношении прокурора, касаясь его полномочий по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. В отечественном судопроизводстве в отличие от американского варианта в перечень полномочий прокурора не входит изменение квалификации, также прокурор не может давать гарантии по улучшению положения обвиняемого. Это, своего рода, гарантия соблюдения прав, заложенных в основе принципов уголовного судопроизводства, где четко прописано, что наказание должно быть справедливым, а правосудие осуществляется исключительно судом. При этом, суд выполняет возложенные на него обязательства в полной мере, исследует все обстоятельства уголовного дела, поверяет законность порядка заключения соглашения и оценивает степень сотрудничества обвиняемого с правоохранительными органами. В зарубежных странах судья фактически соглашается с мнением и выводами стороны обвинения, здесь не усматривается осуществление правосудия судом, как это должно быть.

Институт досудебного соглашения в России нельзя назвать чем-то уникальным или совершенным, поскольку, заимствование некоторых основ зарубежного законодательства «имеет место быть». Можно выделить общие черты и некоторые сходства со странами англосаксонской и континентальной системы права. Ряд ученых высказывает мнение, что отечественная версия досудебного соглашения больше схожа со сделкой, применяемой в континентальной системе права. Страны континентальной Европы наиболее осторожно используют данный институт, в отличие от США и Англии. Главное их отличие заключается в широте полномочий правоохранительных органов при заключении соглашения.

Так, изначально сделка с правосудием в Италии, была нацелена на снижение наказания, назначаемого судом, подсудимому, за то, что он сообщит значимую информацию. Оно, не могло превышать 2/3 от максимальной санкции за данное пре-

ступление, что находит общие черты с российской моделью «сделки с правосудием». Однако, в странах с континентальной системой права, например Германии, в отличие от российской уголовно-процессуального законодательства, у обвиняемого, к моменту заключения соглашения, существует возможность ознакомления с материалами уголовного дела. Такие страны как Великобритания и Франция и вовсе крайне редко прибегают к использованию соглашения о сотрудничестве.

Проводя анализ норм, можно выявить различия касательно влияния тяжести преступления. Изначально, целью появления данного правового института было повышение эффективности раскрытия преступлений, совершаемых организованными группами. Применение института досудебного не зависит от тяжести совершенного преступления, в отличие от зарубежной модели, где применение такого соглашения возможно лишь по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Как отмечалось ранее, возникновение такой процедуры уголовного судопроизводства уходит глубоко корнями в США. По многочисленным историко-правовым источникам было установлено, что институт так называемого на западе «сотрудничества со следствием» буквально за 50 лет своего существования, получил огромное распространение на всей территории США и достиг колоссальных размеров.

Ввиду большой загруженности судов и на то время острой ситуации внутри США, требовалось принятие срочного эффективного решения с наименьшими финансовыми затратами. Таким решением было введение института досудебного соглашения, что позволило снизить нагрузку на судебную систему.

Введение института досудебного соглашения одобряет Европейский суд по правам человека и положительно относится к его применению.

Отечественную модель института досудебного соглашения можно назвать синтезом англосаксонской и континентальной системы права. За счет англосаксонской системы права была рассмотрена возможность введения и существования «сделки с правосудием», а порядок проведения процедуры был определен с помощью модели континентальной системы права.

Можно сделать определенный вывод, что, Российская Федерация не копировала чью-либо модель института досудебного соглашения, а изучив практику его применения и опыт зарубежных стран, создала собственную модель «сделки с правосудием». Развитие отечественной системы права и общественных отношений постоянно совершенствуется, поэтому требуется реформирование и обновление существующих норм, и, уже заметна положительная динамика.

Пристатный библиографический список

1. Лодыженская И.И., Панфилов Г.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правоприменения и пути их преодоления // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С.163.
2. Вальшина И.Р. Некоторые проблемные аспекты досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения // Евразийская адвокатура. 2014. № 5. С. 29-30.
3. Дудина Н.А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния. Автореф. дис. ... канд.юр. наук. Красноярск. 2015. С.10.
4. Строганова Т.Ю. Понятие и признаки досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2018. № 7. С.30.
5. Сапронова К.В. Процессуальные особенности признания своей вины как условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 2. С. 206.
6. Пиюк А.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и пути их решения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 4 (22). С. 73.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-380-381

ГОЛУБЦОВА Ксения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Института права Самарского государственного экономического университета

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье проводится анализ взаимодействия социального государства и уголовно-исполнительной системой. Авторами отмечается, что механизм социального государства обладает признаками административно-правового (или организационно-правового) механизма социальной защиты, что обуславливается повышенным социальным статусом сотрудников уголовно-исполнительной системы, т.к. предоставление сотруднику уголовно-исполнительной системы определенной льготы связано не только с законодательным закреплением данного права, но и с наступлением определенного юридического факта, а точнее фактического состава, а именно наступление определенных жизненных оснований и совершение управленческого (административного) решения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, социальная защита, государство, материальные блага, социальная политика.

GOLUBTSOVA Kseniya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

THE WELFARE STATE AND THE PENAL SYSTEM: INTERACTION ISSUES

The article analyzes the interaction of the welfare state and the penal system. The authors note that the mechanism of the welfare state has the features of an administrative-legal (or organizational-legal) mechanism of social protection, which is caused by the increased social status of employees of the penal enforcement system, because the provision of a certain benefit to an employee of the penal enforcement system is associated not only with the legislative consolidation of this right, but also with the onset of a certain legal fact, or rather, the actual composition, namely the onset of certain vital grounds and the commission of a managerial (administrative) decision.

Keywords: penal enforcement system, social protection, state, material benefits, social policy.

В начале рассмотрения вопросов о социальной защите персонала пенитенциарного учреждения, на наш взгляд, необходимо исследовать этимологию понятия «социальная защита», при этом необходимо рассмотреть такие категории как «социальная защищенность», «социальное обеспечение», «социальная помощь» и т.д.

Перечисленные нами термины тесно связаны с понятием социальное государство. Кочеткова Л. Н. указывает, что впервые теория социального государства была выдвинута Лоренцем фон Штейном [1], который отмечал, что социальное государство должно способствовать «экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан» [2].

В настоящее время термин «социальное государство» имеет различные толкования и наполняется различным содержанием. Так отдельные авторы придерживаются крайних точек зрения и понимают под социальным государством такое государственное образование, которое занимается агрессивным насильственным перераспределением материальных благ в пользу отдельных групп населения [3]. На наш взгляд, данный подход не совсем верен. Для характеристики государства как социального недостаточно только материального обеспечения отдельных категорий граждан, необходимо чтобы государство решало более общую задачу – обеспечение достойной жизни человека во всех ее проявлениях.

Несмотря на различные подходы к сущности социального государства, считаем, что социальное государство – это государство, которое создает и обеспечивает общественный режим (состояние) социальной защищенности населения.

Основным нормативно-правовым актом, определяющим статус сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), является федеральный закон от 19 июля 2018

г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [4], который не только дал определение термина «сотрудник», но и закрепил права и обязанности сотрудников, а также требования, предъявляемые к сотрудникам как при поступлении на службу, так и при ее прохождении: дееспособность, отсутствие судимости, соответствие требованиям к состоянию здоровья, российское гражданство.

Так, В. В. Карпунина, К. А. Мещеряков отмечают, что социальные права сотрудников уголовно-исполнительной системы закреплены в ст. 11 указанного закона [5]. По мнению Р. В. Нагорных социальная государственная защита относится к категории социальных гарантий, определяющих правовой статус государственных служащих. Объем социальных гарантий зависит от вида органа власти, в котором проходит службу госслужащий и от источника правового регулирования [6].

По нашему мнению, социальная защита – это деятельность государственных и общественных структур, органов и организации, а также отдельных граждан, по созданию режима защищенности, в рамках реализации социальной политики. Конституция и нормативно-правовые акты, конкретизирующие и наполняющие реальным содержанием социальные права лишь образуют то правовое пространство, в котором функционирует весь механизм социальной защиты человека.

Применительно к рассматриваемой проблеме, в уголовно-исполнительной системе данный механизм обладает признаками административно-правового (или организационно-правового) механизма социальной защиты,

Рисунок 1.

что обуславливается повышенным социальным статусом сотрудников. О. О. Корнейчук замечает, что достижение данной цели возможно только при сформированном действенном административно-правовом механизме социальной защиты [7].

Мы поддерживаем мнение ученых о том, что говоря об особенностях организационно-правового механизма социальной защиты сотрудников пенитенциарной системы, необходимо иметь в виду именно административно-правовой механизм, т.к. предоставление сотруднику уголовно-исполнительной системы определенной льготы связано не только с законодательным закреплением данного права, но и с наступлением определенного юридического факта, а точнее фактического состава, а именно наступление определенных жизненных оснований и совершение управленческого (административного) решения (приказа, распоряжения и т.д.).

Так, структура денежного довольствия сотрудников УИС выглядит следующим образом. (См. рис. 1.)

По мнению Н. А. Бондаренко и И.О. Демьяновой в систему или содержание социальной защиты необходимо включать такие институты социальной безопасности как социальное страхование; социальное обеспечение; социальная помощь [8].

Отметим, что Конституция и нормативно-правовые акты, конкретизирующие и наполняющие реальным содержанием социальные права, образуют то правовое пространство, в котором функционирует весь механизм социальной защиты человека.

Таким образом, социальное государство – это государство, правовым императивом деятельности которого является создание условий, обеспечивающих всестороннее развитие личности, в том числе осуществляющих свою трудовую или служебную деятельность в особых условиях. То есть это государство, которое создает и обеспечивает общественный режим (состояние) социальной защищенности населения.

Основа социальной политики России, как социального государства, и социальной защиты граждан закреплена в Конституции РФ, на основе которой приняты законодательные и нормативные акты, образующие правовой механизм социальной защиты, в том числе и сотрудников пенитенциарной системы.

Для обеспечения социальной защищенности населения, в том числе и сотрудников уголовно-исполнительной системы, недостаточно только законодательного закрепления социальных прав и гарантий, необходимо чтобы данные права реализовывались, воплощались в жизнь.

Пристатейный библиографический список

1. Кочегкова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. – 2008. – № 3. – С. 69-79.
2. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // *Вестник экономической безопасности*. – 2017. – № 3. – С. 95-100.
3. Мартышин О.В. Идея социального государства и ее противники // *Государство и право*. – 2011. – № 12. – С. 5-15.
4. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон с изменениями и дополнениями от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ // *Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru)* 06.06.2022 г.
5. Карпунина В.В., Мещеряков К.А. Правовой статус сотрудника УИС // *Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. 2019. – Воронеж, 2019. – С. 57-58.
6. Нагорных Р.В. Гарантии социальной защиты сотрудников правоохранительных органов в контексте модернизации законодательства о государственной службе // *Конституция Российской Федерации и современный правопорядок*. Московская юридическая неделя. Материалы XV Международной. научно-практической конференции: в 5-ти ч. – М., 2019. – С. 99-103.
7. Корнейчук О.О. Необходимость совершенствования законодательства о социальной поддержке сотрудников УИС и классификация их социальных гарантий // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2016. – № 3 (40). – С. 28.
8. Бондаренко Н.А., Демьянова И.О. Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование в РФ // *Ученые заметки ТОГУ*. – 2017. – № 1. – Т. 8. – С. 431.

МИНКОВА Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России

Минкова Е. А.

ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УИС

Статья посвящена проблеме детерминации коррупционных преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Коррупция остается одной из глобальных проблем современности, которая не обошла стороной ни один орган государственной власти, ни одно государство в целом. Феномен коррупции в том, что она возникла на заре цивилизации, как только возникло государство, и продолжает существовать и по сей день, разрушая все сферы жизни общества. Совершенно очевидно, что не смог остаться в стороне и такой специфический орган исполнительной власти, как Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации. Все вышесказанное подтверждает необходимость поиска современных, действенных механизмов борьбы с данным негативным явлением.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность в УИС, Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации, детерминация преступности, уголовно-исполнительная система, осужденный, сотрудник уголовно-исполнительной системы, исправительное учреждение.

MINKOVA Elena Anatolyevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Management and organization of UIS activities sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

DETERMINATION OF CORRUPTION-RELATED CRIMES IN THE PENAL SYSTEM

The article is devoted to the problem of determining corruption crimes in institutions and bodies of the penitentiary system. Corruption remains one of the global problems of our time, which has not bypassed any public authority, not a single state as a whole. The phenomenon of corruption is that it arose at the dawn of civilization, as soon as the state arose, and continues to exist to this day, destroying all spheres of society. It is quite obvious that such a specific executive body as the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation could not stand aside. All of the above confirms the need to search for modern effective mechanisms to combat this negative phenomenon.

Keywords: corruption, corruption crime in the penitentiary system, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, crime determination, penitentiary system, convict, employee of the penitentiary system, correctional institution.

«Если бы в России чиновники не брали взятки, жизнь в стране была бы совершенно невозможной»

А. И. Герцен

Проблема противодействия коррупции и ее проявлениям на протяжении всей истории развития российского государства являлась одним из основных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности. Однако как показывает практика, государство не может искоренить коррупцию, а зачастую бессильно перед лицом данного социально негативного явления.

Коррупция – сложное социальное и правовое явление и понятие.

Сам термин «коррупция» происходит от лат. *corruptio* «подкуп, продажность; порча, разложение; растление» – термин, обозначающий использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам.

К сожалению, приходится констатировать, что в вопросах противодействия коррупции Россия традиционно занимает одно из последних мест и относится к категории высокоруптурированных стран. Итак, в 2021 г. в мировом

рейтинге стран по уровню коррупции, Россия заняла 139 место из 180. Нас обогнули даже такие страны, как Ангола, Мали, Либерия, Того и ряд других африканских стран¹. Комментарий здесь излишни...

Первое место в этом рейтинге заняла Дания, второе – Финляндия, третье – Новая Зеландия, традиционно это страны, так называемого развитого социализма.

В соответствии с Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», коррупция отнесена к угрозам национальной безопасности, что в очередной раз подтверждает значимость проблемы и необходимость ее решения, как на государственном уровне, так и на уровне уголовно-исполнительной системы в частности.

Коррупционная преступность, захлестнувшая в целом всю Россию, зеркально отражается и на деятельности ФСИН России, так как «общество создает тюрьму по своему образу и подобию» [3, с. 345]. Приходится признать, что зачастую сотрудники УИС сами совершают коррупционные преступления в стенах учреждений, созданных для исполнения уголов-

1 Рейтинг стран по уровню коррупции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nonews.co/directory/lists/countries/corruption (дата обращения: 16.05.2022).

ных наказаний, направленных на исправление осужденных, на профилактику преступности в дальнейшем.

Так, в 2021 г. в УИС было возбуждено 389 уголовных дел, среди которых большинство – это получение взятки (87), превышение должностных полномочий (38) и злоупотребление должностными полномочиями (28) – все это, как мы видим, преступления коррупционной направленности².

Что говорить о рядовых сотрудниках, если «Федеральная служба исполнения наказаний стала чемпионом среди российских федеральных ведомств по числу уличенных в коррупции руководителей»³. Так, с 2015 года за коррупционные преступления осуждены директор службы и три его заместителя.

Все вышесказанное в очередной раз подтверждает, что необходимы реальные меры антикоррупционного характера, способные минимизировать уровень коррупционных проявлений в системе исполнения наказаний.

О важности и актуальности указанной проблемы говорит и тот факт, что в декабре 2020 года Директор ФСИН России утвердил План противодействия коррупции сотрудниками Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2023 годы, определивший ключевые направления деятельности системы в данной сфере.

Раскрывая детерминацию коррупционных преступлений в УИС, нельзя не сказать о проблеме комплектования кадрового состава УИС. Приходится констатировать, что зачастую в систему исполнения наказаний, особенно на должности младшего начальствующего состава, приходят случайные люди, отдаленно представляющие себе основные цели и задачи службы, моральный и нравственный облик которых далеки от совершенства, для которых материальная выгода стоит выше права и морали. На наш взгляд, происходит это в связи с тем, что в сложившейся обстановке кадровому аппарату приходится принимать в систему кандидатов из-за необходимости укомплектовать свободные штатные единицы в кратчайшие сроки. Все это, в конечном итоге, и приводит к такому значительному количеству запрещенных связей персонала с осужденными. Так, в 2021 г. их количество составило – 112. Что особенно настораживает, так это тот факт, что более половины из них (58) допустили сотрудники отделов безопасности, то есть те, кто в рамках своей служебной деятельности должны этому противостоять⁴. Кроме того, достаточно высоким остается число изъятых запрещенных предметов (0,7 млн рублей, 38,6 тыс. единиц средств связи, более 24 тыс. литров спиртных напитков, 24804 г наркотических, психотропных веществ или их аналогов⁵.

Проведенное в 2013 г. реформирование УИС, в рамках которого денежное довольствие сотрудников значительно возросло⁶, в очередной раз доказало, что проявления кор-

рупции не всегда находятся в прямой корреляционной связи с денежным содержанием персонала. Практика показывает, что преступлений коррупционной направленности меньше не становится, значит, причина кроется значительно глубже.

Раскрывая детерминанты коррупционных преступлений в УИС, нельзя не назвать такие факторы социального и организационно-правового характера, как низкий престиж службы по сравнению с другими силовыми ведомствами, зачастую случайный выбор места службы, психологические и физические перегрузки, нередко приводящие к профессиональной деформации. Кроме того, ненормированный рабочий день, денежное содержание, не всегда отражающее в полном объеме сложности выполняемых задач, работа со спецконтингентом, зачастую слабая материально-техническая оснащенность места службы – все это, на наш взгляд, приводит к коррупционным рискам.

Таким образом, низкий престиж службы, упущения в кадровой работе, слабый подбор кандидатов, текучесть кадров, низкая социально-правовая защищенность персонала и неудовлетворенность условиями труда – вот, на наш взгляд, основные детерминанты коррупционной преступности в учреждениях и органах УИС.

В заключении отметим, что на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системе необходимо новое поколение профессионалов, отвечающих реалиям сложившейся в стране социальной, экономической и геополитической обстановки, на высоком уровне осуществляющих свою деятельность, подготовка которых, без сомнения, должна осуществляться специализированными вузами ФСИН России, где особо следует обратить внимание на воспитательную работу с персоналом, направленную на повышение уровня правосознания сотрудников УИС и получению ими навыков антикоррупционного поведения.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюкова Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых осужденными в исправительных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. - Рязань, 2006. - 243 с.
2. Минкова Е.А. Проблема кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы в детерминации пенитенциарной преступности: // Уголовно-исполнительное право. - 2014. - № 1 (17). - С. 62-65.
3. Митфорд Дж. Тюремный бизнес / Пер. с англ. Ю.А. Неподаева; Под общ. ред. И.Б. Михайловской. - М., 1978. - С. 345.

2 См.: Данные ФСИН России. Форма ФСИН-7. 2021 г.

3 Из кресла на нары: как руководители ФСИН занимали места своих подопечных. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://pasm1.ru/archive/316480/>? (дата обращения: 25.05.2022).

4 См.: Данные ФСИН России. Форма ФСИН-7. 2021 г.

5 См.: Данные ФСИН России. Форма СБ-1. 2021 г.

6 См.: О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от [19.07.2011 № 247-ФЗ] Ст. 2, ч. 3 ст. 20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12188106/>? Об установлении окладов месячного денежного содержания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: постановл. Правительства РФ [от 03.11.2011 № 878]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12191579/>

СУЛЕЙМАНОВ Таят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

НАЗАРКИН Евгений Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент Академии ФСИН России

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ПРАКТИКА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ОСУЖДЕННЫМ

Принудительные меры медицинского характера (ПММХ) являются правовым средством воздействия на лиц, совершивших общественно опасное деяние, страдающих психическим расстройством. Судебная практика применения принудительных мер медицинского характера показывает увеличение количества общественно-опасных деяний, совершаемых лицами, страдающими психическими расстройствами. Институт применения принудительных мер медицинского характера нуждается в дальнейшем совершенствовании законодателем и учеными в области уголовного права ввиду незавершенности правового регулирования вопросов, связанных с применением принудительного лечения.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, наказание, осужденный, учреждения и органы УИС, обязательное лечение.

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

NAZARKIN Evgeniy Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of the Academy of the FPS of Russia

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

THE PRACTICE OF COMPULSORY TREATMENT DURING THE PERIOD OF SERVING A SENTENCE BY A CONVICTED PERSON

Compulsory measures of a medical nature (PMMR) are a legal means of influencing persons who have committed a socially dangerous act, suffering from a mental disorder. Judicial practice in the application of compulsory medical measures shows an increase in the number of socially dangerous acts committed by persons suffering from mental disorders. The institution of the application of compulsory medical measures needs to be further improved by the legislator and scientists in the field of criminal law due to the incompleteness of the legal regulation of issues related to the use of compulsory treatment.

Keywords: compulsory measures of a medical nature, punishment, convict, institutions and bodies of the penitentiary system, compulsory treatment.

Применение принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ) затрагивает права и интересы лица, в отношении которого проводится лечение, поэтому данная тематика вызывает определенные нестыковки в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Дело в том, что цель применения указанных мер – обеспечение безопасности общества от подобных посягательств и одновременно оказание таким лицам медицинской помощи. Однако эти больные, страдающие психическим расстройством, находятся в фактической изоляции, что неизбежно связано с ограничением их прав и свобод. Следовательно, уголовно-правовое положение данных лиц требует научного осмысления и внесения изменений в уголовное законодательство с целью совершенствования норм, касающихся регламентирования применения ПММХ.

Рассматриваемая сфера общественных отношений параллельно регулируется ведомственными и межведомственными подзаконными актами, в силу чего возникают различные коллизии по вопросам регулирования общественных отношений в этой области. Неизменность законодательства, касающегося этого вопроса, усложняет применение его норм судебными органами. Назрела не-

обходимость более четко установить уголовно-правовой статус применения принудительных мер медицинского характера и регулирования соответствующих общественных отношений [1, с. 180]. В результате будут приведены в соответствие уголовно-правовые нормы, регулирующие данный правовой институт, и условия сложившейся действительности.

Применение ПММХ имеет двойственную природу регулирования: основания, цели, порядок назначения, освобождения регламентируется блоком уголовного законодательства, сама процедура основывается на стандартах лечения, разрабатываемых Минздравом России, а ее длительность зависит от состояния болезни больного. Назначение и исполнение ПММХ в отношении осужденных, у которых диагностировано психическое заболевание, осуществляется самостоятельно и не зависит от исправления осужденного. Цели наказания и принудительного лечения не совпадают. Применение данных мер не влечет за собой судимости, они не учитываются для установления рецидива совершения преступления [8, с. 14].

Согласно уголовному законодательству ПММХ назначаются лицам, страдающим психическим расстройством, но не

исключающим их вменяемости, наряду с наказанием и проводятся непосредственно во время отбывания наказания. Тем не менее, данные меры, по сути, видом лечения и не включают в себя такие составляющие, как кара и уголовная ответственность.

ПММХ, назначенные одновременно с любым наказанием, подвергаются особому правовому регулированию и заключаются в принудительном амбулаторном наблюдении и лечении у врача-психиатра. Сходство ПММХ с наказанием состоит в том, что оба этих института представляют собой меру государственного принуждения и назначаются только по решению суда, причем первые могут быть назначены судом исключительно после проведения предварительного расследования и наличия заключения специалиста.

Принудительное лечение осужденного в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях невозможно, потому как лечение в условиях стационара предполагает невменяемость пациента. А если лицо является осужденным, то это означает его вменяемость, даже несмотря на то, что у него имеется психическое заболевание. Исполнение амбулаторного наблюдения у врача-психиатра находится в ведении администрации пенитенциарного учреждения и его медицинской части, если же человек осужден к наказанию, не связанному с лишением свободы, то на инспекторов уголовно-исполнительной инспекции и территориальный орган здравоохранения [2, с. 51].

Обращает на себя внимание тот факт, что в учреждениях и органах УИС содержится значительное число осужденных, которые находятся под наблюдением у психиатра (по данным ученых-исследователей О. А. Макушкиной, С. В. Полубинской, ежегодное их количество составляет 130 тыс. человек [3, с. 19]).

Суд при назначении наказания осужденному учитывает наличие у него психического расстройства и согласно нормам ст. 97 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) одновременно назначает ему ПММХ. Закон рассматривает таких осужденных как вменяемых лиц, но страдающих психическими расстройствами. Важным моментом при назначении ПММХ осужденным является противодействие их уклонению от лечения. В связи с этим мы предлагаем предусмотреть в отношении осужденных к исправительным работам уголовную ответственность за отказ от принудительного лечения, например его замену на более строгое наказание.

С 2012 года амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра, как принудительный вид меры медицинского характера, предусмотрено для отдельной категории осужденных, совершивших в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Принудительное лечение к данным осужденным применяется в виде амбулаторного наблюдения и лечения у врача-психиатра также в период условного освобождения от наказания [4, с. 92]. Субъект, страдающий расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, в случае уклонения от прохождения назначенного судом лечения, может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 314 УК РФ.

Общим правилом назначения ПММХ для осужденных является проведение судебной психолого-психиатрической экспертизы, с учетом ее результатов суд принимает решение о назначении, продлении и прекращении ПММХ. Однако в отношении осужденных принять решение о замене вида ПММХ невозможно. Если психическое состояние осужденного ухудшится, то при наличии соответствующего заключения эксперта он подлежит освобождению от наказания. В этом случае суд признает осужденного на данный период невменяемым и направляет его на принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях [5, с. 10].

Субъекты, страдающие психическим расстройством, направленные судом для прохождения ПММХ по месту жи-

тельства, ставятся на учет в органах полиции, а в психоневрологическом отделении, где проходят лечение, они находятся под наблюдением врача-психиатра.

Если подытожить вопросы применения ПММХ, то их назначение наряду с наказанием имеет некоторые особенности. Такое применение не меняет правовую природу, порядок назначения и прекращения принудительных мер. Осужденный при этом признается субъектом преступления, является вменяемым, но у него имеется психическое расстройство. Тем не менее ПММХ суд назначает ему в связи с совершением преступления. Отрицательная оценка деянию дается в приговоре суда, а целью назначения принудительного лечения осужденному за преступление является поддержание его психического здоровья [6, с. 46]. Вид принудительного лечения определяется судом при вынесении приговора.

Итак, необходимо отличать назначение ПММХ от назначения наказания. Первые не содержат признаков кары за совершенное деяние, а представляет собой меру уголовно-правового характера, один из видов государственного принуждения. Прекращение их применения, если они назначены осужденному наряду с наказанием, производится судом по представлению органа, исполняющего наказание, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Одновременное назначение указанных мер и наказания, которое осужденный отбывает в местах лишения свободы, нередко рождает некоторые проблемы, связанные с правоприменительной практикой. К таким проблемам можно отнести недопустимость замены вида принудительного лечения, назначаемое осужденным, установление предельного срока амбулаторного лечения. Такой вид принудительного лечения, как амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра, не может ограничиваться сроками назначенного наказания. Срок лечения пациента должен зависеть от его психического состояния здоровья, а само лечение способствует достижению целей наказания, но не является элементом кары за совершенное преступление. К осужденным может применяться исключительно одна форма лечения – амбулаторное наблюдение и лечение у врача-психиатра. В случае ухудшения психического состояния осужденного он по решению суда освобождается от дальнейшего отбывания наказания, и ему назначается принудительное лечение в условиях стационара [7, с. 85].

Пристатейный библиографический список

1. Бавсун М. В. Принудительные меры медицинского характера: актуальные вопросы применения // Вестник Кузбасского института. - 2020. - № 3 (44). - С. 180.
2. Степанова Э. В. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение – мера медицинского характера при исполнении наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2016. - № 11 (174). - С. 50-52.
3. Макушкина О. А., Полубинская С. В. Принудительные меры медицинского характера, назначенные наряду с наказанием: правовая регламентация и организация исполнения // Российский психиатрический журнал. - 2013. - № 6. - С. 19-22.
4. Макушкина О. А., Полубинская С. В. Организационные и правовые проблемы исполнения принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях // Социальная и клиническая психиатрия. - 2014. - № 24 (3). - С. 91-94.
5. Васеловская А. В. Особенности принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. - 2019. - № 1 (38). - С. 9-15.
6. Сошина Л. А. К вопросу о законодательном определении термина «принудительные меры медицинского характера» // Сибирский юридический вестник. - 2010. - № 1. - С. 45-50.
7. Хакимов М. Д. Освобождение от наказания в связи с психическим расстройством // Проблемы экономики и юридической практики. - 2014. - № 5. - С. 84-88.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-386-387

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Института права Самарского государственного экономического университета

ГОЛУБЦОВА Ксения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИИ России

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОТДЕЛА ОХРАНЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье анализируются вопросы социальной защиты сотрудников отдела охраны уголовно-исполнительной системы. Авторами не только анализируются нормативно-правовые акты, но и рассматриваются проблемные вопросы в сфере реализации социальных гарантий сотрудников отдела охраны. Действительно в настоящее время наиболее эффективным средством стимулирования служебной деятельности сотрудников стало материальное обеспечение в форме компенсации за сложность, напряженность и специальный режим несения службы, которые по своей сути являются социальными гарантиями. Так, весьма значимыми являются проблемы медицинского обеспечения и санаторно-курортного лечения. В статье также предлагаются меры по решению вышеуказанных проблемных вопросов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, отдел охраны, социальная защита, государство, жилье, социальная программа.

ZINKOV Evgeniy Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the Institute of Law of the Samara State University of Economics

GOLUBTSOVA Kseniya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF SOCIAL PROTECTION OF EMPLOYEES OF THE DEPARTMENT OF PROTECTION OF THE PENAL SYSTEM

The article analyzes the issues of social protection of employees of the Department of protection of the penal enforcement system. The authors not only analyze regulatory legal acts, but also consider problematic issues in the implementation of social guarantees for employees of the security department. Indeed, at present, the most effective means of stimulating the performance of the employees has become material support in the form of compensation for the complexity, tension and special regime of service, which in essence are social guarantees. Thus, the problems of medical support and sanatorium treatment are very significant. The article also suggests measures to address the above problematic issues.

Keywords: penal enforcement system, security department, social protection, state, housing, social program.

В настоящее время Россия переживает сложный период, затрагивающий все сферы политической и социально-экономической жизни государства, что обусловило появление социально незащищенных слоев населения, а также категорий граждан, нуждающихся в дополнительной поддержке и защите. В данных условиях социальная защита – это одно из важнейших направлений государственной политики.

Обострившиеся социальные конфликты, наложенные на гуманистическую уголовную политику государства, привели к концентрации в местах лишения свободы наиболее опасных лиц, преступивших закон, что усложнило и так не простую оперативную обстановку.

Социальная защита – это деятельность государственных и общественных структур, органов и организации, а также отдельных граждан, по созданию режима защищенности, в рамках реализации социальной политики.

Основным нормативно-правовым актом, определяющим статус сотрудника УИС, является федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ [1].

Социальная защита представляет собой деятельность государственных и общественных структур, органов и организации, а также отдельных граждан, по созданию режима защищенности, в рамках реализации социальной политики.

В уголовно-исполнительной системе данная деятельность имеет признаками административно-правового (или организационно-правового) механизма социальной защиты, что обуславливается повышенным социальным статусом сотрудников.

Принимаемые в настоящее время нормативно-правовые акты, предусматривающие социальные гарантии сотрудников УИС и членов их семей, а также проводимые в соответствии с ними преобразования дают положительные результаты. Однако все еще подавляющее большинство сотрудников УИС (73 %) считают предоставленные гарантии хуже, чем у сотрудников других правоохранительных органов.

В первую очередь данный результат опроса связан с социально-бытовыми гарантиями. Так по данным исследования, проведенного нами в 2021 г. на тот момент в жилье, нуждалось порядка 52,1 % сотрудников УИС.

По мнению опрошенных нами респондентов, в том числе и сотрудников отдела охраны, большинство из них нуждаются в жилье или в улучшении жилищных условий. Главная проблема необеспеченности сотрудников жильем, по их мнению, состоит в недостаточном объеме финансирования данной сферы, в частности единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства

жилого помещения. Кроме того, для того чтобы встать на очередь для получения выплаты необходимо иметь стаж в УИС 10 лет. Также, в отличие от сотрудников МВД России, на сотрудников ФСИН России не распространяется действие льготной ипотечной системы кредитования. В связи с этим большинством респондентов социальные гарантии, предоставляемые сотрудникам УИС, в сравнении с сотрудниками других правоохранительных органов, оцениваются как худшие.

Следует отметить и тот факт, что большое количество споров, касаемых постановки и снятия с учета сотрудников как нуждающегося в улучшении жилищных условий, разрешаются в судебном порядке [2].

Исследовавший данную проблему Э. С. Григорьев отмечает, что в отличие от УИС, накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих предусматривает лишь 3 года службы и к тому же она не предусматривает критерия нуждаемости в жилище, что, не смотря на имеющиеся проблемы, ее делает более привлекательной. Также интересным является предложение о компенсации части процентной ставки при ипотеке, взятой в коммерческом банке [3].

Структуру организационно-правового механизма можно представить следующим образом:

- субъекты: государство; страховые организации; общественные организации; внебюджетные организации; благотворительные фонды;

- объекты социальной защиты: сотрудники УИС, в том числе сотрудники отделов охраны, члены их семей, инвалиды, пенсионеры и т.д., на кого распространяются данные меры;

- содержанием социальной защиты выступают законодательно закрепленные социальные гарантии, по поводу которых возникает соответствующее правовое отношение.

Актуальными остаются проблемы:

- обеспечения сотрудников УИС медицинскими страховыми полисами (в следствие чего сотрудники остаются не включенными в систему обязательного медицинского страхования);

- обеспечения санаторно-курортным лечением.

С целью устранения данных проблем приоритетными направлениями деятельности пенитенциарной медицины должны стать:

- повышение профессиональных качеств медицинских работников и качества оказания медицинской помощи;

- организация тесного взаимодействия ФСИН России с органами управления и учреждениями государственной системы здравоохранения;

- обновление парка медицинской техники и аппаратуры и создание амбулаторных центров медико-социальной реабилитации.

В социально-педагогической сфере остро стоит проблема реализации сотрудниками права на первоочередное устройство детей в дошкольные учреждения, что обусловлено их нехваткой, следовательно, переполненностью, а в некоторых регионах (например, в районах расположения ЛИУ) отсутствием.

Незнание видов отпусков и оснований их предоставления создает проблему реализации социально-психологических гарантий. Выход из данной ситуации нам видится в повышении уровня правовой культуры сотрудников и членов их семей.

Самой проблемной по реализации социальных гарантий является социально-экономическая (финансовая) сфера.

Таким образом, для повышения уровня социальной защиты сотрудников УИС необходимо:

- четко определить процедуры финансового обеспечения деятельности органов и учреждений в соответствии с предполагаемыми ассигнованиями на реализацию социальных программ;

- пересмотреть и продолжить формирование нормативной правовой базы, регулирующей в современных изменившихся условиях вопросы социальной защиты и их ресурсное обеспечение, в частности предусмотреть решение проблемных вопросов в разделе XIX «Социальная защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы» Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года.

Пристатейный библиографический список

1. О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон с изменениями и дополнениями от 30 апреля 2021 г. № 116-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 06.06.2022 г.
2. Обеспечение жильем сотрудников ФСИН текст с изменениями от 26 апреля 2021 г. [Электронный ресурс] // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – 2021. – № 1. Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/podborki/obespechenie_zhilem_sotrudnikov_fsin/ (дата обращения: 06.06.2022).
3. Карпов Э.С. О некоторых проблемах правового регулирования денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения сотрудникам уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – № 1. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/podborki/obespechenie_zhilemsotrudnikov_fsin (дата обращения: 06.06.2022).

ТЯБИНА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, ученый секретарь ученого совета Университета ФСИН России

КОЧКИНА Оксана Владимировна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Использование цифровых технологий стало одной из главенствующих тенденций развития ключевых сфер общества. Данный тезис подтверждает ситуация пандемии, заставившая перевести в дистанционный формат значительную часть жизни как отдельных граждан, так и целых государственных институтов. Интенсивный процесс цифровизации не мог не коснуться и такого важного вида государственной деятельности как уголовный процесс, поскольку в данном случае цифровые технологии являются достаточно эффективным средством обеспечения доступа к правосудию. Однако вопросы их использования на сегодняшний день нуждаются в пристальном внимании, поскольку сфера уголовного процесса является одной из основных сфер, затрагивающих конституционные права человека, и задача их гарантированности при использовании информационно-коммуникационных средств должна находиться в приоритете.

Ключевые слова: суд, уголовное судопроизводство, правосудие, цифровые технологии, доступ к правосудию, видеоконференц-связь.

TYABINA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, secretary of the academic Council University of the Federal penitentiary service of Russia

KOCHKINA Oksana Vladimirovna

Ph.D. in Law, senior researcher Department for the study of problems of employment of prisoners and economic problems functioning of the system - executive system center for the study of management problems and organization of execution of punishments in the penal system, Research Institute of the FPS of Russia

INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The use of digital technologies has become one of the main trends in the development of key spheres of society. This thesis is confirmed by the situation of the pandemic, which forced to transfer to a remote format a significant part of life of both individual citizens and entire state institutions. The intensive process of digitalization could not fail to affect such an important public activity as the criminal process, because in this case, digital technology is a fairly effective means of providing access to justice. However, the issues of their use today require close attention, since the sphere of criminal procedure is one of the main areas affecting constitutional human rights, and the task of guaranteeing them with the use of information and communication means must be a priority.

Keywords: court, criminal proceedings, justice, digital technologies, access to justice, video conferencing.

Термин «информационные технологии» используется практически повсеместно. Однако, прежде чем говорить о нем в контексте уголовно-процессуальных правоотношений, обратимся к его определению. В соответствии с п 3.17 ГОСТ Р 33.505-2003: «Единый российский страховой фонд документации» под цифровыми технологиями понимаются технологии, использующие электровычислительную аппаратуру для кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной чистотой [1].

Данный термин отражает сугубо техническую характеристику информационных технологий. В контексте уголовно-процессуальных правоотношений требуются некоторые уточнения. В частности, определить для чего же и какими средствами возможно применение данных технологий в процессе возбуждения и расследования уголовного дела.

Самым очевидным способом применения цифровых технологий в уголовном процессе является их использова-

ния в процессе доказывания. Например, в качестве одной их форм доказательств. В данном случае цифровая информация может выступать в качестве первичного следа, т. е. сведений о совершенном преступном деянии, отраженном в виде двоичного кода, записанного на специальном носителе. К таким следам могут относиться цифровые видео- и аудиозаписи, электронные документы, сообщения электронной почты и мессенджеров [2, С. 79].

В соответствии со ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) помимо изъятия носителя цифровой информации, у правоохранительных органов есть возможность копирования информации на иной съемный носитель. В данном случае цифровая информация выступает предметом фиксации, т.е. объектом поисковой деятельности следователя [2, С. 79].

Кроме этого, использование цифровых технологий может служить средством фиксации доказательств по уголов-

Тябина Ю. А.

Кочкина О. В.

ному делу. Помимо внесения сведений в протокол (который в большинстве случаев также изготавливается с помощью технических средств) чаще всего следы совершения преступления фиксируются при помощи цифровых устройств: средства фото-, аудио- и видеозаписи.

Также цифровые технологии могут быть использованы и в процессе коммуникации между участниками уголовного судопроизводства непосредственно в суде. Речь идет о системе видеоконференцсвязи, актуальность которой была подтверждена в условиях пандемии. Обзор Верховного суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 от 30.04.2020 разъяснил, что использование в ходе судебного разбирательства системы видео-конференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников [3].

В УПК РФ закреплено около 30 норм, имеющих непосредственное отношение к использованию технических средств в уголовном судопроизводстве, включая нормы, регламентирующие порядок использования технических средств, применяемых для решения частных задач, решаемых в ходе предварительного расследования, в том числе и для обеспечения охраны прав и законных интересов граждан [4, С. 48].

Еще одним направлением использования цифровых технологий является ведение электронного документооборота, позволяющего значительно упростить и ускорить расследование и разрешение уголовного дела. Кроме того, значительно упрощается доступ к правосудию, путем подачи соответствующих документов (ходатайств или иной информации, касающейся уголовного дела) в правоохранительные органы и возможности оперативного получения ответа по ним. В зарубежных странах активно используется электронная форма документооборота, в то время как в российском уголовном процессе это направление находится еще в процессе становления.

Несмотря на активное применение государством цифровых технологий в области организации взаимодействия физических и юридических лиц с государственными органами, в сфере уголовного судопроизводства электронный документооборот нашел свое применение лишь частично, в основном на стадии судебного разбирательства (возможность подачи документов в электронном виде через ГАС «Правосудие» в разделе «Уголовное судопроизводство», карточка с частичной информацией о деле на официальном сайте суда, направление судебных извещений путем SMS-сообщений и пр.).

В ходе предварительного расследования у участников уголовного судопроизводства таких возможностей практически нет, что значительно усложняет и затягивает данный этап уголовного судопроизводства. Следует иметь в виду, что уголовный процесс как специфическая сфера общественных отношений, не может быть полностью гласным на досудебных стадиях, о чем говорится в ст. 161 УПК РФ. Поэтому в данном случае речь не идет о размещении информации об уголовном деле в публичном доступе (как например, карточек с частичной информацией о деле в суде, размещенных на

официальном сайте). Но в целях упорядочения обмена информацией именно между участниками уголовного процесса по конкретному уголовному делу путем предоставления доступа к электронному делу в силу процессуального статуса в части касающейся, введение электронного документооборота представляется необходимым.

Внедрение цифровых технологий в российский уголовный процесс обусловлено не только возрастающим потенциалом научно-технического прогресса, но и тем фактом, что инновационные средства являются одним из направлений реализации целевых установок государственной политики и являются одним из способов повышения качества и доступности правосудия. Учитывая специфику данной сферы применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве должно осуществляться с учетом обеспечения гарантии прав граждан.

Пристатейный библиографический список

1. ГОСТ Р 33.505-2003: Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием
2. Зазулин А.И. Функции информационных технологий в уголовном процессе // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17. № 1. С. 75-82.
3. Обзор Верховного суда Российской Федерации по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 от 30.04.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.05.2022).
4. Родивилина В.А. Технические средства в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 47-54.

САРДАРОВ Джамил Ровшан оглы

аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского университета дружбы народов

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦИФРОВОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В работе анализируется влияние пандемии на развитие цифрового судопроизводства в Российской Федерации. Автор анализирует Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ а также процесс его принятия и разработки, в результате чего в процессуальное законодательство был внесен целый ряд масштабных поправок в сфере электронного правосудия. Кроме того, автором анализируются существующие проблемы и недостатки электронного правосудия и предлагаются меры по его совершенствованию.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационное общество, электронное правосудие, информационная инфраструктура, правовое регулирование.

SARDAROV Jamil Rovshan Ogly

postgraduate student of Judicial power, law enforcement and human rights activity sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

INFLUENCE OF THE PANDEMIC ON THE FORMATION OF THE DIGITAL COURT PROCEEDINGS

The paper analyzes the impact of the pandemic on the development of digital litigation in the Russian Federation. The author analyzes the Federal Law of December 30, 2021 № 440-FZ, as well as the process of its adoption and development, as a result of which a number of large-scale amendments in the field of e-justice were introduced into the procedural legislation. In addition, the author analyzes the existing problems and shortcomings of e-justice and proposes measures to improve it.

Keywords: digital economy, information society, e-justice, information infrastructure, legal regulation.

Актуальность внедрения в судопроизводство современных технологий очевидна и не вызывает споров. Возможность удалённого участия в судебном процессе позволяет не только решить ряд проблем, которые возникли в связи с введением режима повышенной готовности, но и в целом позволит повысить доступность правосудия, а также существенно сократить издержки. Отметим, что действующее процессуальное законодательство содержит нормы, позволяющие подавать документы в суды посредством сети Интернет, а также использовать системы видеоконференцсвязи на участие в судебных заседаниях. Правда, эти возможности весьма ограничены. В частности, документы, подаваемые в электронном виде, затем представляются суду в подлинниках, а участие в судебном заседании предполагает использование только систем видеоконференц-связи самих судов.

Пандемия COVID-19 внесла значительные изменения на формат судебных заседаний, следствием чего стало переключение множества судебных заседаний в онлайн-режимы. Более того, она показала на несовершенства существующего законодательства в сфере нормативно-правового регулирования отправления правосудия дистанционным способом.

Для разрешения существующих проблем Правительством РФ был внесен Проект Федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе»¹ и 30.12.2021 года был подписан Президентом РФ, в результате чего он стал Федераль-

ным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

Характерно, что изначально на данный законопроект, прежде чем он стал Федеральным законом, в первом чтении Правовым Управлением Аппарата ГД ФС РФ был сделан ряд замечаний юридико-технического порядка, в частности: дублирование без изменений положений действующего законодательства, несогласованность норм законопроекта и процессуальных кодексов и т.д. [1]. Ко второму чтению часть замечаний была исправлена, однако появились новые критические замечания. Так, например, законопроектом были определены способы направления участнику арбитражного и гражданского процесса судебного извещения в электронном виде, но при этом не установлено, в каких случаях суд может направить такое уведомление, а многие иные нормы требовали соответствующих уточнений [2]. На этапе третьего чтения какие-либо замечания отсутствовали.

На наш взгляд, столь большое количество замечаний на анализируемый законопроект связано со спешностью его разработки и принятия. Несмотря на ведущуюся ранее работу по цифровизации правосудия, пандемия COVID19 и последующий за ней локдаун довольно резко осложнили доступ к правосудию, в результате чего государству пришлось форсировать работу по модернизации электронного правосудия.

Проанализируем основные нововведения принятого Федерального закона от 30.12.2021 № 440-ФЗ:

а) изменен порядок применения электронных документов в судопроизводстве – соответствующие изменения были внесены в гражданский, арбитражный и административный процессуальный кодекс.

2 Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. N 1. 2022.

1 Проект Федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 06.04.2021) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 06.04.2021

Так, среди прочего указанным Федеральным законом от 30.12.2021 № 440-ФЗ был введен новый вид участия в судопроизводстве – посредством вебконференции;

б) при подачи искового заявления истца в арбитражном и гражданском процессе должны указывать один из идентификаторов, а также дату и место рождения (для организаций – ИНН);

в) внесены изменения в систему судебных извещений: теперь возможно их направлять посредством Госуслуг при наличии согласия сторон (это относится как к гражданскому, так и к арбитражному процессу);

г) появилась возможность подать искомое заявление через Госуслуги.

Безусловно, указанные нововведения можно охарактеризовать положительно, однако существенным обстоятельством, снижающим их эффективность на практике в гражданском процессе, следует назвать весьма низкий уровень материально-технической оснащенности судов общей юрисдикции, в результате чего фактически, даже несмотря на принятые нововведения, у сторон не будет возможности ими воспользоваться.

Через реализацию права на выбор предпочтительной формы подачи процессуальных документов в судебный орган, сторона, участвующая в деле, взаимодействует с судом посредством определенной формы судебной коммуникации. Безусловно, на сегодняшний день стоит отметить возрастающий уровень коммуникации с судами посредством электронного взаимодействия, что крайне удобно. Конечно, в первую очередь подобная тенденция весьма характерна для арбитражного процесса, но за последние несколько лет можно отметить и возросший уровень информатизации судов общей юрисдикции, что подтверждается нижеприведенной статистикой.

Так, за 2021 год количество пользователей интернет-портала ГАС «Правосудие» кратно возросло: число уникальных пользователей увеличилось до 19 млн человек, а общее количество обращений к интернет-порталу составило 3,3 млрд. В 2017 году в федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде поступило около 280 тысяч исковых заявлений и иных документов процессуального характера, в 2018 году – почти 700 тысяч, в 2019 году – уже свыше миллиона. В 2020 и 2021 количестве дел, поданных в электронном виде, составило более 2 и 5 млн дел соответственно.

В федеральные арбитражные суды в электронном виде в 2017 году подано около 300 тысяч исковых заявлений и иных документов процессуального характера, в 2018 году – чуть менее 400 тысяч, в 2019 году – почти полмиллиона [3].

Отметим, что не смотря на все преимущества электронного вида, они не лишают смысла принципа диспозитивности, поскольку актуальность выбора формы обращения, поскольку существование только электронной формы коммуникации с судом является дискриминационной по отношению к различным категориям граждан, не имеющих доступа к Интернету, и не владеющими навыками электронного взаимодействия [4].

Постановлением Правительства РФ № 1406 в 2012 году была утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», одной и задачей которой является обеспечение открытости и доступности правосудия в России³. Логично, что в контексте рассматрива-

емого вопроса повышение доступности неразрывно связано с внедрением и модернизацией цифровых технологий.

Актуальность данных шагов подтверждается и статистикой: по состоянию на январь 2022 года в России насчитывается 129,8 млн интернет-пользователей. По данным Kerios, за 2021 год количество интернет-пользователей в России увеличилось на 5,8 млн (+4,7 %) [5]. Согласно статистике Росстата, на январь 2022 года количество жителей составляло 145,4 млн. человек. Исходя из данной статистики, на первый взгляд может сложиться впечатление что Интернетом пользуются от 89 % от общей численности населения. Однако, поскольку у активного интернет-пользователя как правило 2 средство выхода в Интернет (смартфон и компьютер), то более близкая к реальности картина свидетельствует о примерно 60-65 % активных интернет-пользователях от всего населения.

Поэтому, внедрение только электронной формы взаимодействия с судебными органами поставит оставшуюся часть граждан в крайне затруднительное положение и усложнит доступ к правосудию. Таким образом, сохранение права на выбор формы подачи процессуальных документов в суд не только соответствует принципу диспозитивности, но и расширяет возможности его реализации.

Одним из важнейших элементов электронного судопроизводства является система извещения сторон:

1) Так, в соответствии со ст.ст. 121-123 АПК РФ предоставлена возможность направления электронных судебных извещений, в частности для этого в арбитражном процессе внедрена система «Электронный страж». Кроме того, с начала 2022 года в арбитражном и гражданском процессах стало возможно направлять судебные извещения посредством портала «Госуслуги», для чего необходимо согласие лиц, участвующих в деле⁴.

2) в гражданском процессе электронное извещение возможно только лишь в отношении юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления и только при условии наличия у суда информации, что сторона процесса надлежаще извещена о времени и месте первого судебного заседания согласно ч. 2.1 ст. 113 ГПК РФ. В отношении физических лиц возможна только традиционная форма судебной повестки и посредством СМС-уведомления.

Однако, юридические лица должны самостоятельно отслеживать информацию по движению дела на сайте соответствующего суда, что на наш взгляд создает неудобства данной системы. На наш взгляд, система электронного извещения лиц, участвующих в деле в гражданском судопроизводстве, нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Во-первых, целесообразным представляется разработать и внедрить электронный сервис по аналогии с «Электронным стражем» в арбитражном процессе, для более удобного и оперативного извещения сторон.

Во-вторых, на наш взгляд физические лица несправедливо ограничены в праве на получение извещения электронным способом. В научной литературе не раз критически указывалось на недостатки традиционного способа судебного извещения – судебной повесткой, наиболее распространенным недостатком которого отмечается длительное отсутствие нахождения стороны по месту своей регистрации [6], [7], [8], [9], [10]. Нередки случаи, когда лицо зарегистрировано по одному адресу, а проживает совсем по-другому.

3 Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 23.12.2021) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. ст. 13.

4 Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 1. 2022.

Что касается СМС-извещений и писем на электронную почту, то данные способы связи все сильнее уходят в прошлое. На сегодняшний день лидирующие места занимают смартфоны на операционной системе Android и iOS, позволяющих выходить в Интернет в практически любом месте планеты в режиме онлайн, а наиболее удобными способами связи между абонентами стали различные мессенджеры - Viber, Whatsapp, Telegramm и т.д. Наиболее популярным мессенджером в России, согласно статистическим исследованиям является WhatsApp – по данным ВЦИОМ на февраль 2021 года, им чаще всего пользуются 73 % опрошенных. В тройку самых востребованных также входят Viber (26 %) и Telegram (18 %) [11].

Исходя из приведенных статистических данных, автор полагает целесообразным рассмотреть вопрос об их включении в надлежащий способ судебного извещения граждан в качестве альтернативы традиционному способу.

Обратимся для этого к правовым нормам, которыми регулируется институт извещения в гражданском процессе. Так, в соответствии со ст. 113 ГПК РФ не установлено запрета использование «иных средств связи», а мессенджер, как указывает Ю.А. Луконина, можно отнести к этой категории [12]. Кроме того, чтобы признать извещение полученным надлежащим образом, требуется единовременное соблюдение двух условий: его заблаговременность и фиксация вручения.

Что касается фиксации вручения судебного извещения посредством мессенджера, то современные приложения позволяют легко реализовать данную опцию. Однако, до недавнего времени оставался вопрос о том, получило ли уведомление в таком случае надлежащее лицо – участник судебного процесса. Так, с 1 марта 2022 года организации, владеющие мобильными приложениями по мгновенному обмену данными, стали обязаны идентифицировать своих пользователей по номеру телефона и оператору связи⁵. Указанное обстоятельство, по мнению диссертанта позволяет исключить возможность признания судебного извещения, в случае его направления посредством мессенджеров, недостоверным, что создает своего рода процессуальную презумпцию.

Существование данной презумпции, однозначно позволит предоставить право выбора лицу, участвующему в деле, предпочтительный в отношении него способ извещения, заявив соответствующее ходатайство и указав свой номер телефона. В том случае, если суд не сможет удостовериться, что извещение через мессенджер было доставлено и получено получателем, он направит уже традиционное извещение.

Следовательно, представляется целесообразным обязанность по идентификации пользователя владельцем соответствующего мессенджера, позволит создать в гражданском процессе еще один способ судебного извещения, благодаря которому будет реализован принцип процессуальной экономии, а судебные извещения будут доставляться настолько быстро, насколько это возможно. Еще одним неоспоримым достоинством данного способа будет являться отсутствие требований к высокому уровню информатизации суда, в котором рассматривается дело.

Таким образом, представляется целесообразным предоставить гражданам, предоставить право выбора на получение

электронного извещения посредством получения его в мессенджере.

Для этого, предлагается изложить ч. 1 ст. 113 ГПК РФ в следующей редакции: «Лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, **включая мобильные приложения по мгновенному обмену сообщениями**, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату».

Пристатейный библиографический список

1. [Заключение ПУ Apparata ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» (первое чтение) // СПС КонсультантПлюс
2. Заключение ПУ Apparata ГД ФС РФ «На проект федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (второе чтение) // СПС КонсультантПлюс
3. Суддеп подвел итоги работы в 2021 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/237378/> (дата обращения 25.04.2022)
4. Кондюрина Ю.А. Реализация принципов арбитражного и гражданского процесса в упрощенном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 55-59.
5. Интернет в России в 2022 году: самые важные цифры и статистика. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/internet-v-rossii-v-2022-godu-samye-vazhnye-cifry-i-statistika/> (дата обращения 25.04.2022)
6. Луконина Ю.А. Надлежащее извещение в эпоху цифровизации правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2022. № 1. С. 32-34.
7. Марченко А.Н., Судоргина Е.В. Надлежащее извещение участников гражданского судопроизводства: заметки из адвокатской практики о проблемах процессуального института // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 46-48.
8. Томилов А.Ю., Данилов Д.В. Правовые пробелы процессуального порядка уведомления, извещения и обмена процессуальными документами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 106-118.
9. Лясковский И.К. Фикция извещения в гражданском процессе // Закон. 2018. № 1. С. 71-81.
10. WhatsApp, Telegram, Viber: главные отличия «большой тройки» мессенджеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6156fef89a7947827bf5a9b7> (дата обращения 28.04.2022)
11. Луконина Ю.А. Надлежащее извещение в эпоху цифровизации правосудия по гражданским делам // Администратор суда. 2022. № 1. С. 32-34.

5 Постановление Правительства РФ от 20 октября 2021 г. № 1801 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>

ОСИПОВ Данила Денисович

преподаватель Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются некоторые особенности частной детективной и охранной деятельности, анализируются мнения отечественных исследователей в области юридических наук и права по данному вопросу. Исследуются положения отечественной нормативно-правовой базы в сфере правового регулирования частной детективной и охранной деятельности. Анализируются признаки, по которым следует разграничивать вышеназванную деятельность от других видов деятельности.

Ключевые слова: частная детективная деятельность, частная охранная деятельность, правоохранительная деятельность, частный детектив, частный охранник, частная сыскная деятельность, предпринимательская деятельность.

OSIPOV Danila Denisovich

lecturer of the Samara State University of Economics

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF PRIVATE DETECTIVE ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE

The article examines some of the features of private detective and security activities, analyzes the opinions of domestic researchers in the field of legal sciences and law on this issue. The article examines the provisions of the domestic regulatory framework in the field of legal regulation of private detective and security activities. The author analyzes the signs by which the above-mentioned activity should be distinguished from other types of activity.

Keywords: private detective activity, private security activity, law enforcement activity, private detective, private security guard, private detective activity, business activity.

Частная детективная деятельность имеет весьма длительную историю собственного становления. Ее цели и задачи, а также полномочия частных детективов определялись с учетом господствующей в различных государствах социально-экономических и духовно-нравственных формаций. Безусловно, в современной России детективная деятельность известна не так давно, только лишь с принятием одноименного закона. Причиной этому явилось отрицание советским обществом необходимости в поддержании правопорядка частными организациями несмотря на то, что в дореволюционной России данная деятельность имела место быть, и как отмечают некоторые исследователи – весьма успешно развивалась.

Нормативно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности осуществляется на основе положений отечественных нормативно-правовых актов. Основной из них – это закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [1].

Следует иметь в виду, что частная детективная и охранная деятельность не способна устранить и разрешить все проблемы в сфере защиты и охраны конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации [2, с. 37].

Мы полагаем, что под частной детективной деятельностью понимают особый механизм коммуникаций граждан и государства в лице уполномоченных органов с целью обеспечения правопорядка в стране. Частная детективная деятельность по своей природе является коммерческой, предпринимательской деятельностью, предусматривающая извлечение прибыли.

Понятие частной детективной и охранной деятельности содержится в ст. 1 вышеназванного закона. Необходимо отметить, что на субъектов вышеназванной деятельности не

распространяется правовой статус сотрудников органов правопорядка.

Однако, исследователями и учёными в области юридических наук выдвигаются иные позиции относительно вышеописанного определения. Так, М.Ф. Демина, в своих научных трудах указывает, что определение данной деятельности дает уникальную возможность соотносить ее с правоохранительной [3]. Несмотря на это, данные виды деятельности обладают определённым рядом особенностей, которые отличают ее от множества других:

– Во-первых, по своему характеру, частная детективная деятельность регламентируется не только одноименным законом, но и другими нормативно-правовыми актами;

– Во-вторых, поскольку детективная деятельность является коммерческим видом деятельности, то ее основной целью выступает извлечение прибыли;

– В-третьих, вышеупомянутая деятельность имеет самостоятельную структуру, так как она носит исключительно целенаправленный вид, единую цель и структурированные задачи, которые регламентируются соответствующим законом;

– В-четвертых, деятельность субъектов осуществляется исключительно на договорной основе, иными словами, пределы и время ее реализации определяется конкретным гражданско-правовым актом, то есть договором;

– В-пятых, данный вид деятельности реализуется посредством исключительно особых способов и средств достижения цели;

– В-шестых, субъекты детективной деятельности не наделены правами, присущими должностным лицам (например, сотрудники полиции);

– Наконец, детективная деятельность имеет в своей основе исключительно превентивный характер [5, с. 38].

Исходя из анализа положений вышеупомянутого закона, полномочия частных детективов существенным образом ограничены. Так, например, они не вправе осуществлять в целях защиты прав и законных интересов своих заказчиков оперативно-разыскные мероприятия. Поскольку их проведение является исключительной компетенцией уполномоченных органов исполнительной власти. Несмотря на это частная детективная деятельность направлена на защиту и охрану весьма разнообразных конституционно-правовых категорий, среди которых:

- жизнь и здоровье граждан;
- их собственность, включая интеллектуальную;
- охрана объектов и имущества;

Закон о частной детективной и охранной деятельности строго определяет особенности реализации вышеназванной деятельности, тем самым устанавливает следующее:

- требования по ознакомлению и специальной подготовке сотрудников данной деятельности;
- особый порядок применения и функционального использования как специальных технических средств, так и огнестрельного оружия.

Стоит отметить, что исследуемая проблематика не ограничивается регулированием только одним законом. Так, нормы, содержащие в себе регулирование вышеназванной деятельности представлены ФЗ «Об оружии» и «О полиции», Уголовном кодексе РФ [6] (далее – УК РФ) и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации [7].

В Российской Федерации выдаёт лицензию на осуществление частной детективной деятельности – Главное управление Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (в сокращённом варианте – ГУ Росгвардия)

Особое место в деятельности частного детектива занимает розыск без вести пропавших лиц, поскольку это в значительной степени способствует достижению социально-полезного результата.

Частный детектив обладает определёнными полномочиями, с помощью которых может легально осуществлять устный опрос граждан и должностных лиц (только с их согласия), наводить справки, производить внешний осмотр строений и сооружений, предметов, документов с согласия владельца.

Таким образом, со вступлением в силу закона о частной детективной и охранной деятельности, признана ее легитимность. Однако, нормативно-правовая регламентация не лишена недостатков. Так, анализ научных публикаций последних лет показывает, что полномочия частных детективов весьма ограничены, что затрудняет ими исполнение своих договорных обязательств, и делает ее весьма непривлекательной для лиц, желающих осуществлять предпринимательскую деятельность.

Мы полагаем, что расширение полномочий субъектов детективной деятельности, прежде всего позволит усилить ее привлекательность для потенциальных предпринимателей, а также позволит сократить бюджетные расходы на правоохранительный сектор.

Говоря об особенностях частной детективной деятельности следует отметить, что к ним относится прежде всего: весьма широкая собственная нормативно-правовая регламентация, которая включает в себя не только одноименный закон, но и положения отечественного уголовного и административного законодательства и др.; по своей сущности ис-

следуемая деятельность является коммерческой, то есть всецело направлена на систематическое извлечение прибыли (указанное обстоятельство фактически разграничивает ее от других видов деятельности органов исполнительной власти в области обеспечения правопорядка); имеет собственную специфическую структуру, а именно – конкретные задачи, особые методы и средства их достижения; ее реализация осуществляется только на договорной основе, путем заключения гражданско-правового соглашения между сторонами (тогда как между физическим или юридическим лицом и государством, в лице органов правопорядка, подобная процедура отсутствует); спектр прав и обязанностей субъектов частной детективной деятельности существенным образом ограничен, как уже упоминалось ранее им запрещено проведение большинства процессуальных действий (ОПМ, следственные действия); некоторые исследователи полагают, что вышеназванная деятельность зачастую носит «предупредительный» или «сопутствующий» правоохранительной деятельности характер.

Представленные выше обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения дальнейших научных разработок в области нормативно-правовой регламентации частной детективной деятельности, имеющей целью ее совершенствования.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 27.12.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС К+ (дата обращения 05.09.2021 г.).
2. Шаронов С.А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности в контексте совершенствования гражданского законодательства // Государство и право. 2016. № 6. С. 37-40.
3. Демина М.Ф. Административно-правовое регулирование частной детективной и охранной деятельности и разрешительной системы // Информационно-аналитический портал «Предпринимательство и право». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2691> (дата обращения: 05.09.2021).
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС К+ (дата обращения 05.09.2021 г.).
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // СПС К+ (дата обращения 05.09.2021 г.).

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

Позий В. С.

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВАНДАЛИЗМА

В статье рассматриваются элементы криминалистической характеристики вандализма как преступления, направленного на уничтожение общественных ценностей, моральных принципов. Проведенное исследование свидетельствует, что при расследовании вандализма особое внимание необходимо уделить личности преступника, способам и обстоятельствам совершения преступных действий, а также следовой картине совершения вандализма. Приводятся статистические данные о совершенных случаях вандализма, об ущербах, причиненных ими.

Ключевые слова: вандализм, общественный порядок, криминалистическая характеристика, следовая картина, способ совершения вандализма.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

FEATURES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF VANDALISM

The article deals with the elements of the criminalistic characterization of vandalism as a crime aimed at the destruction of public values and moral principles. The conducted research shows that when investigating vandalism, special attention should be paid to the identity of the offender, the methods and circumstances of the commission of criminal acts, as well as the trace picture of the commission of vandalism. Statistical data are given on committed cases of vandalism, on the damage caused by them.

Keywords: vandalism, public order, criminalistic characteristics, trace picture, method of committing vandalism.

В настоящее время, к сожалению, наблюдается снижение значимости общественных ценностей, моральных принципов, что приводит к совершению противоправных деяний, асоциальным поступкам. Российское уголовное законодательство закрепило уголовную ответственность за совершение таких преступных деяний, одним из которых является вандализм (ст. 214 УК РФ).

Вандализм несет в себе общественную опасность, которая выражается в причинении значительного имущественного вреда, грубом нарушении общественного порядка, нарушении моральных устоев общества. Вандализм затрагивает два аспекта – физический и моральный. Первый вызывает причинение имущественного вреда, ущерб от разрушений, второй – нарушение спокойствия граждан, нарушение общественной нравственности и общественного порядка.

Общество терпит большие потери от актов вандализма, совершаемых в транспорте, в коммунальном хозяйстве, культурной сфере и т. д. К социальным и межнациональным конфликтам могут привести акты вандализма в отношении культурных и религиозных символов отдельных социальных групп, памятников истории и культуры.

На сегодняшний день достаточно высокими показателями продолжает характеризоваться уровень преступности, в структуре которой преступления против общественного порядка и общественной нравственности имеют значительный удельный вес. Продолжает расти количество несовершеннолетних с девиантным поведением, которое обусловлено их воспитанием в неблагополучной среде, отсутствием друзей и нормального общения со сверстниками, которое обусловило зависимость от Интернета, употребление алкоголя и наркотиков.

Вандалы разбивают лобовые стекла поездов (ущерб в 5,5 млн рублей) и повреждают стеклопакеты в салонах вагонов (5,8 млн рублей), наносят граффити на вагоны (8,2 млн рублей), ломают стеклоочистители (8,8 млн рублей), портят сиденья (3,7 млн рублей) и другое внутривагонное оборудование (11,4 млн рублей или 21,6% от общей суммы ущерба) [1]. Огромный ущерб вандализм наносит и в других областях. Существенным фактором повышенной общественной опасности вандализма является негативное его влияние на общественное развитие, общественное спо-

койствие. В 2016 году в Республике Крым было зарегистрировано 22 случая, раскрыто и расследовано – 8; в 2017 году зарегистрировано 11, раскрыто и расследовано – 3; в 2018 году зарегистрировано 8, раскрыто и расследовано – 2; в 2019 году зарегистрировано 8, раскрыто и расследовано – 2; в 2020 году количество зарегистрированных фактов вандализма составило 13, при этом раскрыто и расследовано было 3 [2]. Увеличение количества совершенных фактов вандализма в 2020 году по сравнению с тремя предыдущими годами можно связать с ростом социальной напряженности на фоне ограничительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, а также перераспределением сил и средств правоохранительных органов, в частности, в МВД по Республике Крым, часть которых была задействована для осуществления контроля за соблюдением ограничительных мер, что повлияло на должный уровень охраны общественного порядка в целом, и в том числе на предупреждение и пресечение фактов вандализма.

Негативное влияние на человека, его душевное спокойствие оказывают различные разрушения, поломки, выведение из строя механизмов и сооружений, поскольку в сознании человека это ассоциируется с угрозой для него лично, отсутствием стабильности. У людей вызывают страх, беспокойство, неуверенность в завтрашнем дне разбитые стекла в витринах, испорченные объекты инфраструктуры, поскольку в сознании человека это воспринимается как потеря контроля над асоциальной прослойкой населения, признак деградации общества.

В связи с отмеченным большую актуальность приобретает проблема раскрытия актов вандализма и их расследования. Реализация целей и решение задач уголовного судопроизводства во многом зависит от оперативности, законности и мотивированности принятия решения уполномоченными лицами о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Важными факторами благополучного расследования являются положительные ответы на вопросы: достаточно ли полно и точно закреплены следы совершенного преступления, все ли обстоятельства, связанные с преступлением, были выявлены, имеется ли информация о подозреваемых, совершивших преступление.

Для преодоления затруднений в расследовании вандализма, повышения эффективности расследования нужно выработать научные рекомендации по организации расследования вандализма, имеющие под собой тщательные теоретические исследования и подтвержденные практической деятельностью сотрудников правоохранительных органов. Это возможно посредством разработки соответствующей частной криминалистической методики, составной частью которой является криминалистическая характеристика преступления.

Анализ положений действующего уголовного законодательства и специальной литературы позволяет заключить, что вандализм, как следует из УК РФ, представляет собой предусмотренное уголовным законом самостоятельное умышленное преступное деяние, проявляющееся в осквернении зданий и сооружений, повреждении имущества, имеющее под собой хулиганские мотивы, либо мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, на общественном транспорте или в иных общественных местах.

В общественном сознании традиционно вандализм воспринимается как агрессивное поведение, не имеющее конкретных целей и мотивов. Вандализм обычно описывается как бессмысленное, абсурдное, противоестественное, извращенное поведение. Но такой подход к пониманию вандализма не поддерживается в специальных исследованиях, поскольку акты вандализма не лишены смысла и мотивов, которые следует искать либо в природе поврежденного имущества, либо в действиях лица, совершающего акт вандализма, их повод и значение [3, с. 126].

А. П. Бохан, изучив уголовные дела, возбужденные по ст. 214 УК РФ, сделал вывод, что в 85,7 % случаев акты вандализма совершаются в виде порчи имущества, всего в 4,3 % случаев – в виде осквернения зданий или иных сооружений, на оставшиеся 10% приходится случаи совершения обоих действий, предусмотренных диспозицией ст. 214 УК РФ (как в отношении зданий и сооружений, так и имущества). Как правило, это случаи разрисовывания зданий или иных сооружений, что приводит как к уменьшению их стоимости, так и необходимости ремонтных работ для приведения разрисованных поверхностей в исходное состояние [4, с. 118].

Таким образом, предметом вандализма является материальный предмет, который подвергается воздействию преступником: здания и сооружения, предназначенные для занятия спортом и отдыха людей, в которых живут или работают люди; иные сооружения – памятники, остановки общественного транспорта и прочие объекты.

Под понятие акта вандализма в его уголовно-правовом значении также подпадает порча, разрушение имущества, установленного на транспорте.

Криминалистическая характеристика вандализма позволяет установить пути получения информации о составляющих совершенного преступления, его обстоятельствах, способах совершения вандализма, времени, месте и обстановке его совершения, личности преступника(-ов), типичных следах преступления.

При изучении свойств личности преступника-вандала специфичным является его пол. Вандализм совершают в большинстве случаев лица мужского пола, что подтверждается многолетней практикой и различными исследованиями. Также это подтверждается анализом совершенных и раскрытых фактов вандализма за последние пять лет в Республике Крым, так большая часть преступлений (92%) совершена мужчинами до 30 лет. Пять фактов, то есть 8 % от общего числа вандализма совершено тремя женщинами, одна из которых совершила три указанных преступления, при этом к ней были применены принудительные меры медицинского характера.

Наиболее опасен групповой вандализм. Группа может состоять из двух и более человек, иногда – до 10 человек и более. Так, в Крыму из общего числа раскрытых фактов вандализма в группе было совершено 3 преступления. Как правило, это лица мужского пола в возрасте от 14 до 30 лет. Объединение в группы обуславливается характером вандалистской деятельности и обстоятельствами, на нее влияющими (проведение футбольных матчей, политических акций, концертов рок-групп, национальная или религиозная деятельность и т. п.), а также увлеченными преступников. Зачастую разрушения имущества носят импульсивный, ситуативный характер.

В большинстве случаев акт вандализма не готовится, но при этом в 65 % случаев применяются какие-либо орудия разрушения. Вандалы, как правило, совершают разрушения в районах своего проживания [5, с. 239]. Часто ими являются так называемые вандалы-«граффитисты». Ими чаще являются студенты или «вольные художники».

К чаще всего встречаемым способам вандализма относятся: нанесение на различные объекты надписей, знаков, символов; битие стекол, повреждение мягких сидений, разрисовывание объектов краской и т. д.

Для совершения вандализма преступниками используются различные орудия и средства: камни, ножи, арматура, любые подручные средства, а также предметы хозяйственно-бытового назначения: топоры, ножовки, лакокрасочные материалы, кисти, щетки, аэрозольные баллончики и пр.

Особенностями обстановки совершения вандализма являются: беспорядочность, игнорирование общественных норм и правил поведения; отсутствие надлежащего контроля и охраны предмета преступного посягательства; недоступность для наблюдения места совершения акта вандализма в момент непосредственного его совершения, при этом открытость и доступность результатов деяния всеобщему обозрению и др.

Местом совершения вандализма выступают: общественный транспорт, кинотеатры, парки, скверы, спортивные и культурные учреждения, подъезды домов, дворов и др. Вандализм чаще всего совершается в вечернее (18.00-22.00 ч.) и ночное время суток (23.00-04.00 ч.), в выходные дни. Количество актов вандализма растет при проведении различных публичных массовых мероприятий. Отличительной особенностью вандализма является то, что момент совершения преступного деяния не должен быть доступен широкому обозрению, а его результаты должны хорошо просматриваться максимально возможному количеству людей [5, с. 240].

Специфика вандализма заключается и в том, что его следы всегда остаются на месте преступления. К ним относятся: следы разрушения, следы пальцев рук, обуви, автоматотранспортных средств, лакокрасочные покрытия, части одежды, баллончики из-под краски и пр. Обнаруженные на месте преступления разнообразные следы могут свидетельствовать о том, что преступление совершалось группой лиц.

Необходимо отметить, что вандалы в основном тщательно не скрывают следы преступления либо не предпринимают серьезных усилий для их сокрытия.

Таким образом, криминалистическая характеристика вандализма включает в себя анализ способов совершения преступления, орудий его совершения, следовой картины преступления, обстановку, личность субъектов преступления. Именно указанная информация, взаимосвязь между собой перечисленных элементов позволяет следователю выдвигать обоснованные версии совершения вандализма, определять ключевые направления расследования данного преступления, необходимые силы и средства для его раскрытия.

Пристатейный библиографический список

1. Ущерб от вандализма в пригородных поездках с начала года составил более 52 млн рублей // Сайт ОАО «Российские железные дороги». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=246823> (дата обращения: 12.05.2022).
2. Сотрудники полиции Симферополя за неделю задержали четверых граффитчиков // Сайт Министерства внутренних дел по Республике Крым. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://82.xn--b1aew.xn--p1ai/news/rubric/1268/> (дата обращения: 12.05.2022).
3. Руденкин Д.В., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Кривошекова М.С. Молодежный вандализм в среде мегаполиса: границы нормы и девиации // Образование и наука. - 2018. - Т. 20. - № 2. - С. 125-146.
4. Бохан А.П. Уголовно-правовая характеристика вандализма и ограничения его от смежных составов преступлений и административных правонарушений // Теория и практика общественного развития. - 2018. - № 9. - С. 117-120.
5. Куприянова Д.А., Махова И.В. Криминалистическая характеристика вандализма // Правопорядок в России: проблемы совершенствования: сб. науч. статей Всерос. конф. - М., 2017. - С. 239-244.

ХАНОВА Алина Альбертовна

аспирант 3 года очной формы обучения кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАХ В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

На сегодняшний день, мы видим, что проблема, связанная с сексуальным насилием по отношению к несовершеннолетним достаточно актуальна, что подтверждает достаточно частое количество совершения данного преступного посягательства. Кроме этого, вследствие изучаемого преступления имеются последствия, которые нельзя назвать благоприятными для жизни и здоровья потерпевшего. Проведенные исследования, дают нам понять, что покушения на половую неприкосновенность наносят непоправимый вред психическому здоровью ребенка, так как в течение продолжительного времени произошедшее не может забыться, что оказывает влияние на самооценку лица, а также накладывает отпечаток на характер и взаимоотношение с окружающими людьми в последующем.

Ключевые слова: специалист, педагог, психолог, несовершеннолетний, сексуальные преступления.

KHANOVA Alina Albertovna

postgraduate student of the 3rd year full-time education of Criminalistics sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University

PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF SEXUAL PROCEDURES AGAINST MINORS AND MINORS

Currently, the problem of sexual abuse of children has become more urgent due to the relatively high frequency of relevant offenses and extremely unfavorable medical and social consequences for the health of the victim. Numerous studies show that sexual assaults, having a negative impact on the entire sphere of a child's mental activity, remain in memory for a long time, affect his self-esteem, as well as the further development and nature of future relationships with others.

Keywords: specialist; teacher; psychologist; minor; sexual crimes.

Ханова А. А.

В процессе расследования уголовных дел о сексуальных посягательствах в отношении несовершеннолетних и малолетних необходимо учитывать психологические особенности указанной категории лиц. В силу своего возраста потерпевшие могут находиться в состоянии психического расстройства и уклоняться от дачи показаний, а также могут утратить доверие к взрослым, включая сотрудников правоохранительных органов. Согласно статистическим данным, в 86 % случаев пострадавшие были здоровы, только в силу своего юного возраста они не могли понять истинный характер выполняемой с ними деятельности. В 10 % случаев на момент совершения актов сексуального насилия диагностировалось хроническое психическое расстройство, преходящее психическое расстройство, слабоумие или другое психическое заболевание. Причем в 4 % случаев у пострадавших была задержка умственного развития, не связанная с психическим расстройством [1, с. 40-41].

В соответствии с этим большое значение при проведении следственных действий имеет участие грамотного детского психолога и педагога, которые имеют опыт работы с несовершеннолетними.

При допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет и/или по усмо-

трению следователя при допросе потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет установлено обязательное участие педагога.

Под *педагогом* понимается лицо, обладающее специальными знаниями в области педагогики, детской и юношеской психологии. Как отмечает Т. Д. Телегина [2, с. 90-91] «функции педагога являются схожими с обязанностями переводчика. Они обеспечивают возможность взаимодействия несовершеннолетнего свидетеля с другими участниками уголовного судопроизводства».

В процессе проведения следственных действий, где принимает участие несовершеннолетнее лицо, правильно выбранная кандидатура педагога, может оказаться весьма полезной. Так, теория криминалистики и уголовного процесса [3, с. 9] связывает участие педагога с необходимостью использования специальных педагогических приемов и методов во время допроса, чтобы в полной мере изучить психику подростков, правильно оценить их восприятие, запоминание и способность к воспроизведению и помочь следователю при допросе с учетом особенностей возраста несовершеннолетнего, условий его обучения, особенностей его умственного развития, а также с целью установления психологического контакта с испытуемым.

В педагогике существуют игровые приемы, цель которых - вовлечь ребенка в общий разговор, развить его общительность и отвлечь внимание, чтобы у ребенка была возможность отдохнуть.

При допросе несовершеннолетней жертвы в случаях изнасилования, насильственных действий сексуального характера важную роль играет участие грамотного педагога. Ведь девочки-подростки могут замкнуться в себе, винить себя в случившемся или злиться на окружающий мир, потому что они в шоке и не осознают себя объектом сексуального интереса.

Педагог, принимая участие в следственных действиях, приглашается для оказания помощи при решении вопросов, связанных с особенностями несовершеннолетнего, для оказания положительного воздействия на него. Для решения же вопросов, направленных на выявление психических недостатков, психологических особенностей несовершеннолетнего, необходима помощь *психолога*. Поэтому участие педагога при допросе несовершеннолетнего потерпевшего не исключает участия в нем и психолога. Привлечение психолога способствует даче правдивых показаний, что помогает всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств совершенного преступления [4, с. 69].

Под специальными психологическими знаниями понимают знания в области психологии, при помощи которых расследование преступлений проходит оперативно и наиболее эффективно. Психология занимается изучением и рассмотрением закономерностей, механизма и свойств психической деятельности человека. Все эти знания невозможны без участия таких направлений психологии, как инженерная психология, общая психология, возрастная психология, психология личности, медицинская психология и т.д.

Знание психологических закономерностей, психических процессов, свойств высшей нервной деятельности может помочь в установлении истины в расследовании преступлений, разоблачить ложь. Специалист должен не только знать о психических состояниях и свойствах личности, но и уметь правильно воздействовать на них для отражения действительности. Как отмечает М. И. Еникеев «специалист-психолог может дать ряд полезных рекомендаций по учету поведенческих особенностей проходящих по делу лиц, установлению с ним психологического контакта, выявлению особенностей их мотивационной сферы, рекомендовать наиболее эффективные приемы правомерного психологического воздействия на них, способы диагностики и преодоления ложных показаний» [5, с. 139].

Участие специалиста-психолога необходимо следователю для помощи в правильной формулировке вопроса на допросе и очной ставке, с учетом знаний об особенностях психики человека. С. В. Сурменева указывает, что «Основная цель привлечения психолога к расследованию уголовных дел - оказание ему психологической помощи, которая заключается в создании психологического комфорта и стабилизации состояния несовершеннолетнего в условиях предварительного следствия, а также в правильном отражении со стороны следователем сведений, полученные от несовершеннолетнего в протоколах следственных действий» [6, с. 38].

Наиболее полную картину деятельности специалиста-психолога, по нашему мнению, дает Михайлова А. Ю. [7, с. 95-104]:

1) *участие в следственных действиях*. Во время участия психолог задает второстепенные вопросы, разъясняет вопросы следователя с учетом возраста и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего. В таком случае профессиональный психолог может взять на себя ведущую роль в проведении допроса после обсуждения этого вопроса со следователем. Во время расследования психолог следит за эмоциональным состоянием несовершеннолетнего.

2) *консультация следователя*. Психолог может помочь следователю определить тактику и стратегию следственной деятельности.

3) *проведение предварительной беседы для того, чтобы подготовить несовершеннолетнего к следственным действиям*. На этом этапе не задаются вопросы об обстоятельствах совершения преступления, если несовершеннолетний сам поднимает вопрос, его следует выслушать, не задавать вопросы и предупредить, что тема будет обсуждена позже.

4) *психологическое обследование несовершеннолетнего*. Это необходимо для определения наиболее эффективной тактики дальнейшего взаимодействия, и для последующей оценки показаний несовершеннолетнего.

5) *получение информации от несовершеннолетних с помощью методов прикладной психологии* (методы активации памяти, познавательные интервью, использование кукол, рисование и др.).

6) *составить субъективный портрет предполагаемого агрессора со слов несовершеннолетних*.

7) *консультировать законных представителей несовершеннолетнего*.

8) *психологический анализ показаний несовершеннолетних*. Психолог дает предварительную оценку достоверности показаний несовершеннолетнего, оценивает вероятность искажения информации. Такая оценка необходима, когда показания несовершеннолетнего потерпевшего являются основным или единственным доказательством в уголовном процессе, при подозрении на клевету со стороны потерпевшего, в случаях изменения или спутанности показаний, а также при наличии противоречащих друг другу показаний нескольких несовершеннолетних.

9) *кризисное вмешательство*. Если несовершеннолетняя жертва находится в состоянии острого кризиса, требуется краткосрочное психокорректирующее вмешательство.

Законодательством закреплено обязательное участие психолога только в отношении свидетелей и потерпевших по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в остальных случаях право выбора специалиста (педагога или психолога) принадлежит следователю.

В процессе работы с несовершеннолетними потерпевшими по изучаемой категории уголовных дел следователь и психолог должны соблюдать основные принципы работы с потерпевшими от сексуального насилия, а именно:

1) в доступной форме разъяснять потерпевшему смысл и задачи следственного действия, обосновывать его необходимость;

2) предоставить потерпевшему возможность частично контролировать ситуацию допроса;

3) проявлять уважение к чувствам потерпевшего, осознавая серьезность происшедшего;

4) сохранять объективную и спокойную позицию;

5) избегайте давления;

6) объясняет, что многие жертвы насилия могут испытывать похожие чувства (стыд, вина, бессилие и т.д.);

7) не давать углубляться в переживания;

8) продемонстрировать убежденность в том, что потерпевший не может быть виновен в том, что он потерпел;

9) демонстрируют убежденность в том, что насилие не причиняет непоправимого вреда;

10) оказывать помощь ребенку в получении необходимой медицинской, психологической и социальной помощи.

Кроме этого, в случае необходимости к участию в уголовном судопроизводстве может привлекаться *психиатр*. Для оценки психического состояния обвиняемого (подозреваемого). Психиатр в первую очередь должен решить вопрос о наличии психического заболевания, как в момент совершения преступления, так и во время обследования обвиняемого. Если в процессе проведения экспертизы будет выявлено наличие психического заболевания, эксперт обязан дать заключение, обосновав его: мог ли обвиняемый во время совершения правонарушения руководить своими действиями или отдавать себе отчет о них. Если не мог, лицо, совершившее преступление, признается экспертом невменяемым, т.е. таким лицом, к которому могут быть применены лишь меры социальной защиты медицинского характера. Суд имеет право назначать повторную экспертизу. Перед психиатрами могут ставиться и другие вопросы, требующие разъяснения специалиста, например уточнение времени начала заболевания, характер его дальнейшего течения, возможности выздоровления.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что основной задачей участия психологов, психиатров и педагогов является содействие получению полных и достоверных показаний несовершеннолетнего [8, с. 146].

Качественное психологическое сопровождение расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, осуществляемое квалифицированным психологом, позволяет решить ряд проблем, возникающих при расследовании преступлений данной категории. Участие педагога и психолога в следственных действиях выражается в помощи в области детской психологии. Он может быть незаменим как для ребенка, нуждающегося в надлежащих жизненных ориентирах, так и для следователя, который заинтересован в исчерпывающей информации о преступлении и частоте неудачных попыток «поговорить» с самой жертвой. Для оценки состояния подозреваемого (обвиняемого) может быть вызван эксперт-психиатр. Совокупность действий этих лиц способствует полному объективному и тщательному расследованию преступлений с применением сексуального насилия в отношении несовершеннолетних и принятию судом законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

Пристатейный библиографический список

1. Халиуллина А.Ф. Особенности расследования насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних: дисс. ... канд. юрид. наук. - Уфа, 2018. - С. 40-41.
2. Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - С. 90-91.
3. Мелникова Э.Б. Участие специалистов в следственных действиях. - М., 1964. - С. 9.
4. Елагина Е.В., Григорян Г.С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // Криминалистика. - 2010. - № 2 (7). - С. 69.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология. - М.: Норма, 2005. - С. 139.
6. Сурменова С.В. Формы использования специальных психологических знаний в уголовном процессе России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - 2014. - Вып. 17. - С. 38.
7. Михайлова Ю.А. Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации // Психология и право. - 2016. - № 4. - С. 95-104.
8. Курмаева Н.А. Проблемы участия специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых // Пробелы в российском законодательстве. - 2009. - № 1. - С. 146.

АЛИМПИЕВ Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного экономического университета

ФАЛЬКИНА Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент Уральского государственного экономического университета

ОБЩЕСОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются современные основные правовые механизмы, способные оказать профилактическое воздействие на детей, склонных к совершению преступлений, правонарушений и совершению иных социально-опасных действий, анализируются основные направления деятельности некоторых субъектов профилактики по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний. В публикации анализируются профилактические меры, которые возможно применить к несовершеннолетним для предупреждения вовлечения их в совершение антиобщественных действий. Вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий безусловно порождает ликвидацию положительных ценностных установок и криминализации их в дальнейшем. Профилактические меры призваны способствовать устранению причин и условий, связанных с совершением правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: профилактика, правонарушение, труд, семья, воспитание, образование, безопасность, культура, досуг, вовлечение, несовершеннолетний, безработица, виктимность, поведение, ребенок, деньги, жилье, жизнь, меры, предупреждение.

ALIMPIEV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of the Ural State University of Economics

FALKINA Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Ural State University of Economics

GENERAL SOCIAL PREVENTION OF INVOLVEMENT OF MINORS IN THE COMMISSION OF ANTISOCIAL ACTIONS: CURRENT STATE AND PROBLEMS

The article examines the modern basic legal mechanisms that can have a preventive effect on children who are prone to committing crimes, offenses and other socially dangerous actions, analyzes the main activities of some subjects of prevention to prevent the involvement of minors in the commission of illegal acts. The publication analyzes the preventive measures that can be applied to minors to prevent their involvement in the commission of antisocial actions. The involvement of minors in the commission of antisocial actions certainly generates the elimination of positive values and criminalization in their future. Preventive measures are designed to help eliminate the causes and conditions associated with the commission of offenses and crimes.

Keywords: prevention, offense, work, family, upbringing, education, safety, culture, leisure, involvement, minor, unemployment, victimization, behavior, child, money, housing, life, measures, prevention.

Общесоциальный уровень профилактики включает в себя деятельность органов государственной власти, социальных институтов и общественных организаций, направленную на разрешение противоречий в социально-экономической, культурно-идеологической и информационной областях жизнедеятельности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указывает на следующие национальные интересы в долгосрочной перспективе: повышение качества жизни и благосостояния граждан Российской Федерации; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктив-

Алимпиев С. А.

Фалькина Т. Ю.

ного информационно-психологического воздействия¹. Кроме того, ликвидация безработицы значительным образом способствует снижению уровня виктимности среди несовершеннолетних, поскольку благосостояние как семьи в целом, так и наличие денежных средств на карманные расходы у детей и подростков предупреждают их вовлечение в совершение антиобщественных и преступных действий.

В феврале 2020 года численность населения России, находящегося в трудоспособном возрасте (с 15 лет), составила 74,5 миллиона человек. Уровень занятости населения, то есть отношение численности занятых к общей численности населения в возрасте от 15 лет, составил 58,9 %. Уровень безра-

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021, № 400 // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.

ботицы (отношение численности безработных к численности трудоспособного населения) составил 4,6 %.

Уровень безработицы молодежи в возрасте до 24 лет почти в 3 раза выше среднероссийского уровня безработицы населения. Традиционно наиболее высокий уровень безработицы характерен для молодежной группы 15 – 19 лет. Если до 2019 года он непрерывно снижался: с 28,4 % – в 2017 году до 24,7 % – в 2019 году, то в 2020 году увеличился до 27,2 % [5].

Российским движением школьников проведен опрос 3700 несовершеннолетних, представителей разных регионов Российской Федерации в возрасте от 12 до 17 лет с целью уточнения, с какого возраста подростки готовы начать свою трудовую деятельность. Результаты показали следующее: 34 % опрошенных заявили о готовности начать трудовую деятельность с 14 лет, 30 % респондентов обозначились о намерении подрабатывать с 15-16 лет, 12 % – с 17 лет, оставшаяся часть тех, чье мнение было учтено в рамках опроса, дожидаются совершеннолетия. При этом, 32 % респондентов отметили, что имеют на настоящий момент оплачиваемый трудовой опыт, однако, считают оплату недостойной.

С точки зрения действующего законодательства Российской Федерации в области труда и занятости, государство дает несовершеннолетним льготы и дополнительные гарантии.

Федеральный закон РФ от 24.07.1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» гарантирует осуществление органами исполнительной власти субъектов РФ мероприятий, способствующих профессиональной ориентации и профессиональному обучению детей в возрасте от 14 лет. Часть 2 статьи 11 Федерального закона № 124-ФЗ определяет перечень гарантий и льгот несовершеннолетним, достигшим возраста 15 лет, в случае приема их на работу².

Трудовой кодекс РФ, в статье 63, устанавливает минимальный возрастной порог, позволяющий заключение трудового договора и условия, которые необходимо соблюсти. Глава 42 ТК РФ характеризует особенности трудоустройства несовершеннолетних, регулирует вопросы оплаты труда, ограничивает перечень работ, где возможен труд несовершеннолетних и определяет гарантии при расторжении с ними трудового договора³.

Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации»⁴ и Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» регулируют отношения, связанные с оказанием содействия органами государственной службы занятости населения в подборе подходящей работы и трудоустройстве детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей и иные важные вопросы⁵.

На практике, как свидетельствуют результаты совместного исследования платформы по поиску работы «HeadHunter» и компании «АРТ Личность», рейтинг долж-

ностей для несовершеннолетних соискателей возглавляют: «административный персонал», «курьер», «промоутер», «оператор call-центра», «расклейщик объявлений». В основном, работодатели готовы предложить для несовершеннолетних сезонную занятость или оплачиваемую стажировку, только 8 % из них предлагают подросткам работу на постоянной основе⁶.

Также важным условием снижения виктимологических рисков для несовершеннолетних является улучшение жилищных условий нуждающихся семей. До 2020 года в России действовала федеральная целевая программа «Жилище», способствующая формированию рынка доступного жилья экономкласса, отвечающего требованиям энергоэффективности и экологичности и выполнению государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством⁷.

Несмотря на это, проблема доступности жилья сохраняет свою актуальность: по данным Росстата, доступность жилья снизилась в 67 из 85 субъектов; в очереди на улучшение жилищных условий стоят около 4 миллионов семей; среднее время ожидания предоставления жилых помещений социального использования составляет 15-20 лет.

В числе социальных мер виктимологической профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий следует отметить мероприятия, направленные на улучшение психологического климата внутри семьи. Рассматривая роль семьи в формировании нравственности детей отметим, что именно нравственно-педагогическая и социальная ущербность семьи, проявляющаяся в нездоровой морально-психологической атмосфере, грубости и неправильной линии семейного воспитания ведет к дефектному формированию личности несовершеннолетнего и, как правило, к его преступному и виктимному поведению.

Учитывая важность этих факторов, Распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, называющая приоритетами деятельности государственных органов: утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, создание условий для обеспечения семейного благополучия и ответственного родительства⁸.

Первоочередными мерами профилактики факторов семейного неблагополучия являются: обеспечение всесторонней государственной поддержки общественных организаций и благотворительных фондов, занимающихся проблемами семьи и детства; создание целевых программ по социально-правовой защите семей с несовершеннолетними детьми; осуществление экспертизы законопроектов на предмет их соответствия основным приоритетам государственной семейной политики; осуществление постоянного мониторинга положения российских семей и координация профилактической деятельности в соответствии с полученными результатами; использование потенциала средств массовой информации в формировании ценностей семьи и брака, в правовом про-

2 Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998, № 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/.

3 Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001, № 197-ФЗ // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

4 О занятости населения в Российской Федерации: Закон РФ от 19.04.1991, № 1032-1 // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/.

5 О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21.12.1996, № 159-ФЗ // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/.

6 Официальный сайт онлайн-рекрутинг платформы «HeadHunter». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ekaterinburg.hh.ru/article/research>.

7 О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 12.12.2010, № 1050 // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109742/.

8 Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014, № 1618-р // Правовой сайт «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/.

свещении семьи с целью недопущения криминализации и виктимизации детей и подростков.

Кроме того, решению возложенных задач по снижению факторов риска виктимизации несовершеннолетних успешно решает Национальный проект «Образование», включающий ряд федеральных проектов: «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Поддержка семей, имеющих детей», «Цифровая образовательная среда», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Социальные лифты для каждого»⁹.

На сегодняшний день в рамках нацпроекта открыто более ста детских технопарков «Кванториум» для освоения перспективных инженерных направлений. На основе образовательного центра «Сириус» созданы региональные центры выявления и развития талантов детей.

Наравне с социальной трансформацией, высоким профилактическим потенциалом обладает идеология как ценностно-нормативный регулятор общественных отношений. Учитывая важность идеологической составляющей в структуре общественных интересов, необходимо сохранение и приумножение российских культурных ценностей и национального достоинства, дальнейшего духовного и интеллектуального развития общества.

В числе реализуемых государственными органами и общественными институтами идеологических мер предупреждения вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий можно выделить следующие: пропаганду национальной культуры народов России путем проведения фестивалей и конкурсов среди несовершеннолетних; защиту культурного, духовно-нравственного наследия и исторических традиций посредством развития музейного и библиотечного фондов, профилактической работы в образовательных организациях и пропаганды российских культурных традиций в средствах массовой информации; повышение уровня правосознания несовершеннолетних (борьба с правовым нигилизмом, распространением культурных ценностей преступного мира).

Первоочередными мероприятиями, направленными на их ликвидацию, являются разъяснительная и воспитательная работа сотрудников правоохранительных органов с несовершеннолетними и их законными представителями, правовое обучение населения, информирование несовершеннолетних об их правах и способах защиты.

Не стоит забывать и о средствах массовой информации, основное предназначение которых состоит в том, чтобы формировать общественное мнение и тем самым создавать условия, благоприятствующие предупреждению антиобщественного поведения несовершеннолетних и совершения ими правонарушений. Достигается это следующими способами: во-первых, путем введения запрета на рекламу табачных изделий и алкогольной продукции; во-вторых, исключением из эфирного времени специальных рубрик, телепередач, сериалов и кинофильмов, демонстрирующих сцены антиобщественного или преступного поведения; в-третьих, трансляцией социальной рекламы с указанием «телефонов доверия» для детей и подростков, видеороликов, призывающих к ведению здорового образа жизни, напоминающих правила безопасного поведения для отдельных возрастных групп и категорий граждан и так далее.

Таким образом, предупредительная роль средств массовой информации заключается в изменении моделей общественного поведения, привлечении внимания к проблемам социума, создании обстановки нетерпимости и общественного осуждения нарушителей правопорядка, обеспечении добровольного и сознательного выполнения несовершенно-

летними и их законными представителями установленных социальных норм.

В заключении хотелось бы сказать, что система общесоциальной профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий выступает довольно эффективным современным правовым механизмом, но степень ее эффективности во многом будет зависеть от комплексности, последовательности, систематичности и масштабности проведения превентивных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Дашков Г.В., Королева М.В., Мацкевич И.М. и др.; отв. ред. В.Е. Эминов. Криминология: учебник. – Москва: Проспект, 2019. – 368 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebs.prospekt.org/book/27620> (дата обращения: 21.05.2022).
2. Криминология: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 800 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1052213> (дата обращения: 01.05.2022).
3. Криминология: учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 1008 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1710063> (дата обращения: 11.05.2022).
4. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Ювенальная криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 343 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1028472> (дата обращения: 21.05.2022).
5. Ляшок В.Ю. Молодежная безработица в России: масштабы проблемы // Экономическое развитие России. – 2021. – № 4. – Том 28. – С. 77-80.
6. Расулова З.О. Актуальные проблемы профилактики вовлечения несовершеннолетних лиц в совершение антиобщественных действий // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 3 (68). – С. 32-35.
7. Польшиков А.В., Буданова Е.А. Проблемы предупреждения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. – № 2. – С. 202-209.
8. Рогова Е.В. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные меры, применяемые к несовершеннолетним преступникам: учебное пособие. – Иркутск: Восточно-Сибирский юридический институт МВД России, 2017. – С. 25.
9. Поликашина О.В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

⁹ Официальный сайт Министерства Просвещения Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/>.

МУРСАЛИМОВ Айнур Тагирович

преподаватель кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В данной статье рассматривается актуальность существования специальной правовой нормы – мошенничества в сфере кредитования путем анализа статистических данных о состоянии преступности и количестве осужденных за 2021 год. Проведен расчет коэффициента преступности и коэффициента осужденных за 2021 год по преступлениям в сфере мошенничества (статьям 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ). Проведена оценка целесообразности использования специальных правовых норм и отражено авторское видение применения уголовного законодательства в отношении мошеннических действий.

Ключевые слова: противодействие преступности, мошенничество в сфере кредитования, уголовное право, специальные составы.

MURSALIMOV Ainur Tagirovich

lecturer of Constitutional law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF CRIME IN THE SPHERE OF CREDITING

This article examines the relevance of the existence of a special legal norm – fraud in the field of lending by analyzing statistical data on the state of crime and the number of convicts for 2021. The calculation of the crime rate and the convict rate for 2021 for crimes in the field of fraud (articles 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 Criminal Code of the Russian Federation). The expediency of using special legal norms was assessed and the author's vision of the application of criminal legislation in relation to fraudulent actions was reflected.

Keywords: crime prevention, fraud in the field of lending, criminal law, special compositions.

Государство, определяя базовые права и свободы граждан, реализует общепризнанные и ратифицированные стандарты, правила и принципы международного права¹ и принятые к исполнению международные обязательства².

Экономические отношения составляют основу реализации всех направлений деятельности государства, социальных институтов, благополучия каждой семьи и каждой личности (ч. 1 ст. 7, ст. 8 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)). Качество обеспечения прав и свобод напрямую зависит от содержания внутренней политики государства, совершенства действующего законодательства, регулирующего правовые отношения, наличия пробелов, коллизий в праве, состояния правопорядка, правоприменения и правосудия.

В системе гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина кредитные отношения составляют важную часть механизма экономики и социального развития страны, социума и благополучия личности. Они призваны стимулировать социальную и экономическую активность всех субъектов сфер производства, предоставления услуг и потребления. Конституцией РФ для этого определены необходимые политико-социальные, экономические и правовые предпосылки. Сами же механизмы кредитных отношений должны опираться на достаточно полноценное и всесторонне проработанное нормативно-правовое регулирование, а также систему защиты от противоправных и криминальных посягательств³.

1 См.: ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

2 См.: О международных договорах Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 июня 1995 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант-Плюс».

3 См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

По мнению отдельных исследователей, кредитные отношения представляют собой элемент системы экономической и национальной безопасности Российской Федерации [1].

В контексте общих мер противодействия криминалу в Российской Федерации актуализирована проблема уголовно-правовой охраны собственности от преступных посягательств путем мошенничества. В Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), наряду с другими специальными составами мошенничества, введен состав криминального посягательства на собственность путем обмана – предоставления банку или иной кредитной организации заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ)⁴.

Актуальность обращения внимания к вопросу о наличии специальных правовых норм мошенничества, предусмотренных статьями 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) породили споры в научных кругах с момента внесения изменений в уголовное законодательство, так как не вписывались в положение о криминализации или декриминализации деяния. Точкой отсчета правовой обоснованности наличия специальных правовых норм мошенничества принято считать 29 ноября 2012 года, когда законодательной властью принято решение о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации.

При разработке и принятии законопроекта не в полной мере было учтено сочетание принимаемой ст. 159.1 УК РФ с нормами действующего законодательства, а также некоторые последствия ее использования. К примеру, на момент принятия законопроекта в УК РФ уже существовали нормы, предусматривающие ответственность за аналогичные пре-

4 См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 ноября 2012 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ступления, такие как «Мошенничество» (ст. 159 УК РФ), «Незаконное получение кредита» (ст. 176 УК РФ), «Причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения» (ст. 165 УК РФ) [2].

Уголовное законодательство сегодня уже выработало правоприменительную практику в реализации специальных правовых норм: статей 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ, отказавшись при этом от специальной правовой нормы – статьи 159.4 УК РФ (Мошенничества в сфере предпринимательской деятельности). Постановлением Пленума от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Верховный суд вносит отдельные разъяснения в правоприменении специальных норм и порядку квалификации. С учетом изменяющейся правоприменительной практики, новых способов совершения мошенничеств, в том числе с использованием информационных телекоммуникационных систем, Верховный суд Российской Федерации вносит изменения в разъяснительный документ. Однако общие принципы квалификации уже выработаны и используются органами предварительного расследования и судами.

В настоящее время правоприменители всех уровней сталкиваются с проблемой точной квалификации по общему и специальным составам мошенничества. Огромное количество деяний, первоначально квалифицированных по одному из составов мошенничества, в последующем получают иной вид квалификации в течение предварительного расследования и судебного разбирательства.

О существовании данной проблематики свидетельствует материал проверки, зарегистрированный в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях Отдела МВД России по Уфимскому району в 2019 году по факту отсутствия возврата в кредитную организацию денежных средств путем предоставления недостоверных сведений. Однако органом дознания вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Законными основаниями процессуальному решению послужили доводы об отсутствии умысла у лица на хищение денежных средств и сложившейся трудной жизненной ситуации, установленные в ходе опроса лица, причастного к неисполнению кредитных обязательств, а также об усмотрении гражданско-правовых отношений по неисполнению кредитного договора.

Аналогичный факт рассмотрен Орджоникидзевским судом г. Уфы Республики Башкортостан. В ходе анализа судебного решения установлено, что лицо, используя чужие анкетные данные и официальные документы (паспорт) оформило кредитный договор на покупку автомобиля. Денежные средства были потрачены действительно на покупку автомобиля, то есть хищения денежных средств не произошло. Автомобиль был выведен незаконным путем из залогового имущества, описанного банком, и реализован неустановленным лицом, местоположение автомобиля не установлено.

Суд пришел к выводу о наличии в действиях лица, оформившего договор кредитования, состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.1 УК РФ.

Эти негативы квалификации мошенничества в сфере кредитования деформируют судебно-следственную практику, нивелируют значение принципов уголовного законодательства (ст. 3. Принцип законности, ст. 4. Принцип равенства граждан перед законом, ст. 8. Наличие основания уголовной ответственности), искажают правовое сознание, понижают правовую культуру.

В целях установления рациональности пребывания специальных правовых норм в сфере мошенничества в уголовном законодательстве необходимо также осуществить криминологический анализ статистических данных.

Статистические данные о количестве мошеннических проявлений на территории России по данным МВД России, Генеральной прокуратуры России, Статистики Верховного суда Российской Федерации свидетельствуют о росте количества зарегистрированных сообщений о фактах мошенничества. Согласно статистическим данным МВД России в 2021 году зарегистрировано 311 211 преступлений, квалифицированных по статье 159 УК РФ. Верховный суд Российской Федерации в отчетной документации указывает, что за 2021 год осуждено по статье 159 УК РФ 15 162 человека. Таким образом, доля осужденных в 2021 году составило всего 5% от числа зарегистрированной преступности. При расчете, что население страны в 2021 году в среднем находилось согласно данным Росстата на уровне 146 171 015 человек, коэффициент преступности на 100 000 населения (т.е. доля лиц, в отношении которых совершено мошенничество, квалифицированное по статье 159 УК РФ) составляет 213 человек, коэффициент осужденных – 10 человек.

Квалифицированы по специальным правовым нормам мошенничества – статьям 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ в 2021 году 28 395 преступлений. Осуждено – 5 419 человек, т.е. 19%. Коэффициент преступности составил 19 случаев на 100 000 населения, коэффициент осужденных – 3 человека на 100 000 населения.

Следует заметить, что применение наказания в виде лишения свободы также не актуализирована при рассмотрении преступлений в области мошенничества. Так по статье 159 УК РФ к лишению свободы приговорены 4 932 человека, по специальным правовым нормам (статьям 159.1-159.6 УК РФ) суммарно – 336 человек.

Это свидетельствует о чрезмерно мягкой уголовно-правовой политике в отношении финансово-кредитной и информационной телекоммуникационных сфер правовых отношений. Сегодня наблюдается рост преступлений в финансово-кредитной сфере, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возрастает общественная опасность от данных видов преступлений, что требует от законодателя качественного и эффективного реагирования на данные вызовы времени.

Использование специальных правовых норм в уголовном законодательстве создает дополнительные проблемы в квалификации преступлений, не позволяя оперативно реагировать на поступающие сообщения, а напротив, пытаться искусственно создавать условия для переквалификации преступлений в сторону правовых норм, менее подверженных индивидуальному контролю со стороны вышестоящих органов.

Таким образом, в ходе рассмотрения проблем, с которыми сталкивается правоприменитель, а также анализ статистических данных позволяет сделать вывод о нецелесообразности использования специальных правовых норм в области мошенничества в пользу единой правовой нормы – статьи 159 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Зоидов К.Х., Рахматова З.И., Зоидов З.К. Совершенствование механизма государственного регулирования банковской системы для обеспечения экономической безопасности национальной экономики: // Региональные проблемы преобразования экономики. - 2017. - № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 06.05.2022).
2. Ахияров Р.А. Спорные вопросы квалификации мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) // Евразийская адвокатура. - 2016. - № 3 (22). - С. 37-40.

ЧЕРНЫШОВ Виктор Валентинович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и организации деятельности УИС Академии ФСИН России

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ЦЕЛИ, СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Исследованы вопросы методов и моделей прогнозирования преступности. Прогнозирование и прогнозы являются исходным элементом нормативно-правового обеспечения стратегии развития всех социально-экономических систем, включая законодательство и практику правоохранительной деятельности. В работе расширяется понимание преступности как одного из определяющих факторов качества жизни населения. Предложено использование прогнозов при разработке управленческих решений на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочные периоды.

Ключевые слова: прогнозирование, криминологический прогноз, факторный анализ, модели, дополнительные количественно-качественные факторы.

CHERNYSHOV Viktor Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Management and organization of the UIS sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

CRIME FORECASTING: GOALS, STATE AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

The issues of methods and models of crime forecasting are investigated. Forecasting and forecasts are the initial element of regulatory support for the development strategy of all socio-economic systems, including legislation and law enforcement practice. The paper expands the understanding of crime as one of the determining factors of the quality of life of the population. The use of forecasts in the development of management decisions for short-, medium- and long-term periods is proposed.

Keywords: forecasting, criminological prognosis, factor analysis, models, additional quantitative and qualitative factors.

Чернышов В. В.

Прогнозирование – один из методов управления различными системами, формирующий основу оценивания перспектив (стратегии) их развития. На основе прогнозирования и его результатов (прогнозов тенденций и состояний) анализируются возможные варианты развития и выбираются наиболее приемлемые (достижимые, результативные, эффективные) альтернативы.

Наибольшее распространение на практике получили три группы подходов, основой которых являются методы экспертных оценок, методы обработки совокупности статистических (временных, пространственных и иных групп) характеристик объектов, методы ситуационного анализа.

Методы экспертных оценок наиболее распространены и многообразны по сложности, организации и процедуре исполнения. Их основу составляет неформализованный процесс выявления закономерностей развития объекта в виде логических процессов, выявленных экспертами, а не на строгих аналитических зависимостях. В простейшем виде экспертный прогноз представляет собой интуитивные представления, основанные на опыте и знаниях эксперта. Более сложные методы экспертных оценок используют многоступенчатые опросы экспертов с последующей обработкой методами математической статистики.

Методы, основанные на обработке совокупности статистических характеристик объектов, относятся к формализованным методам формализованного прогнозирования. Их содержание и особенности применения для прогнозирования преступности подробно рассмотрены в настоящей работе [1].

Методы ситуационного анализа относятся к жестко детерминированным моделям, хотя, зачастую, используют экспертные оценки. Они предполагают однозначные ответы эксперта на вопрос: «Что будет, если?». В факторном анализе преступности их применение ограничено вследствие

высокого уровня неопределенности индивидуальной преступности. Распространение получили лишь модели построения дерева решений.

Прогнозирование преступности (криминологическое прогнозирование) – процесс научного познания будущего состояния преступности на основе изучения факторов, определяющих ее прошлое, современное и будущее состояния, включая вероятность появления новых видов преступлений. Неопределенность и риск – основные условия сложности и необходимости прогнозов недетерминированных (стохастических) процессов, к которым в полной мере относится преступность.

Основным способом описания неопределенности является вероятностная оценка ожидаемого результата (состояния) процесса. В статистических моделях преступности неопределенность описывается совокупностью статистических переменных (преступности и факторов). Этот способ является основным в современном факторном анализе. На практике неопределенность часто учитывают упрощенным способом: введением в детерминированные оценки поправок на риск, определяемые экспертами [2]. Учет неопределенности моделирования преступности целесообразно вести на основе статистических вероятностных оценок и их дополнением экспертными поправками. Их учет позволяет учесть изменения преступности вследствие ограниченности информации по отдельным факторам, оказывающих значительное влияние на преступность. Например, дезорганизация деятельности учреждения УИС – относительно редкое явление, но влияние на пенитенциарные преступления значительно.

В настоящей статье рекомендован совместный учет статистических показателей неопределенности в моделях прогнозирования и коррекция результатов по оценкам влияния непредсказуемых факторов. В наибольшей степени это представляется результативным для оценивания преступлений

Рисунок 1. Риски, инициированные неопределенностью

отдельными личностями (индивидуального прогнозирования). Цели криминологического прогнозирования социально-экономических объектов состоят в определении закономерностей и выявлении вероятных тенденций эволюции преступности, ее структуры и социально-экономических последствий [3]. Цели индивидуального прогнозирования состоят в определении вероятности и сроков совершения преступления отдельными преступниками в зависимости от совокупности их причин и сопутствующих условий.

Криминологический прогноз – основной результат прогнозирования. Он состоит в количественном оценивании будущего уровня преступности на основе сложившегося состояния и прогнозируемых изменений социально-экономической среды, включая ожидаемые изменения уголовного законодательства и уголовной политики. Прогноз и совокупности характеристик личности преступника, помимо ожидаемых факторов преступности в регионах, определяется индивидуальными характеристиками личности и их эволюцией в прогнозируемом периоде.

Прогнозирование и прогнозы являются исходным элементом нормативно правового обеспечения стратегии развития всех социально-экономических систем, включая законодательство и практику правоохранительной деятельности. Преступность относится к числу социальных процессов, имеющих наиболее высокую неопределенность, определяющая неопределенность прогностических оценок. Адекватность управленческих решений ожидаемым процессам развития преступности и отдельным преступлениям является определяющим результатом правоохранительной деятельности, риск потерь от преступности. Прогнозирование региональной преступности может стать эффективным инструментом повышения качества управления правоохранительной деятельностью, возможности которого используются ограниченно. Селекция факторов региональной преступности снижает неопределенность влияния факторов, позволяет повысить рациональность использования ресурсов правоохранительной системы.

Анализ работ по факторному анализу и прогнозированию преступности позволила выявить следующие направления повышения их результативности:

- в настоящее время практически отсутствует система прогнозирования, как региональной преступности, так и индивидуальных преступлений и их видов;
- несоответствие методов и инструментария прогнозирования целям его использования в управлении. Конечной целью анализа и основой прогнозирования должно стать определение комбинации факторов, оказывающих наибольшее влияние на преступность;

- ограниченное использование возможностей статистического моделирования (обоснования факторных нагрузок, кластерного анализа, программных комплексов статистической обработки информации и др.);

- ограниченность достоверности используемых методов верификации и необходимость их развития. Верификация должна определить качество использования моделей на этапе принятия решений об использовании прогнозов в управлении;

- необходимость сопровождения криминологического прогнозирования криминологическим программированием как элементом стратегического управления преступностью. Криминологическое программирование включает разработку целей, направлений и способов их достижения, нормативное, организационное и ресурсное обеспечение в течение определенного периода времени. Детерминированные оценки параметров криминологического программирования преступности на стратегический период в настоящее время вследствие проблем социально-экономического развития страны и уровня преступности представляются недостижимыми.

Проблемы качества прогнозирования преступности определяются совокупностью объективных и субъективных факторов. Объективные факторы неопределенности формируют системный риск управленческого решения, независимый от качества управления. Субъективные факторы определяют дополнительную (несистемную) неопределенность управленческого решения и дополнительный риск управленческих решений.

К объективным факторам неопределенности относятся:

- открытое множество факторов, определяющих преступность, связи между которыми и влияние на преступность не детерминированы, и непрерывно изменяющиеся. Конкретная оценка значимости факторов преступности всегда носит вероятностный характер;

- в составе факторов преступности значительную роль играют индивидуальные особенности характера личности, определяющие непредсказуемые действия, провоцирующие преступления.

К субъективным факторам риска следует отнести характеристики качества управления:

- квалификация персонала правоохранительных органов;
- качество учета преступности;
- неоптимальность финансирования правоохранительной деятельности;
- обоснованность требований к практическим результатам их использования;
- несовершенство факторного анализа преступности, прежде всего, постпенитенциарной.

В процессе управления преступностью вследствие объективности прогнозов многие субъективные факторы риска снижаются или даже уничтожаются. Одновременно вследствие развития теории и практики правоохранительной деятельности с одной стороны, и уровня организации преступной деятельности, с другой стороны, формируются новые факторы риска. Можно предположить изменение во времени риска, инициированного объективной неопределенностью. Прогнозирование полезно постольку, поскольку оно снижает уровень неопределенности относительно уровня, существовавшего до того, как сделан прогноз.

Результаты прогнозов преступности могут использоваться для определения:

– тенденции и перспективы развития процесса в течение определенного времени;

– наиболее вероятное состояние преступности в объекте (регионе);

– потенциального преступника, например, из числа лиц, освобожденных досрочно. Эти три вида результатов принято называть исследовательскими;

– прогнозы, характеризующие желательное состояние объекта (нормативные прогнозы) определяют, например, уровень преступности в регионе, отказ отдельного лица от совершения постпенитенциарного рецидива и др.

В процессе развития современной методологии и методов прогнозирования преступности выделяются три этапа.

В условиях формирования рыночной экономики вследствие радикальных изменений системы управления и их последствий значительно возросла преступность при одновременном снижении результативности правоохранительной деятельности. Дальнейшее развитие системного анализа и прогнозирования преступности стало объективно необходимо. Расширились исследования преступности государственными структурами, их основной целью было признано оценивание результативности ее управления. Минюстом РФ были подготовлены методические рекомендации по подготовке прогнозов в УИС, в которых прогностическая информация определена как необходимое условие выработки обоснованного управленческого решения. Рекомендовано использование прогнозов при разработке управленческих решений на кратко-, средне- и долгосрочные периоды, в том числе для обоснования концепций развития УИС, федеральных и региональных целевых программ и др. [4].

В последнее десятилетие активно продолжалась работа научным сообществом и практическими работниками правоохранительной системы проблем прогнозирования преступности. Пришли к пониманию того, что преступность является одним из определяющих факторов качества и уровня жизни населения, на основании этого наращиваются усилия правоохранительной системы борьбы с преступностью в стране. Актуальными стали работы по развитию количественных методов факторного анализа и прогнозирования преступности. Методы математической статистики в исследованиях преступности приобретают все большее значение, позволяют обеспечить более глубокое понимание целей, стимулов и условий совершения преступлений. Итоговой целью анализа и основой прогнозирования преступности становится обоснование комбинации факторов, оказывающих наибольшее влияние на преступность, как объект эффективного использования имеющихся ресурсов.

Цели факторных анализа моделей преступности как методической основы прогнозирования в зависимости от направлений их использования делятся на три группы [5; 6].

Первая группа моделей – прогнозирование преступности как некоторого итогового результата деятельности правоохранительных органов и общества без оценивания влияния отдельных факторов.

Вторая группа – модели, цель которых состоит в оценивании влияния отдельных факторов на уровень региональной преступности.

Третья группа моделей имеет большие возможности использования в практике формирования стратегических планов и программ правоохранительной деятельности.

Таким образом можно сделать вывод:

– во-первых, объективные прогнозы преступности являются необходимым элементом обоснованности нормативно-правового обеспечения стратегии развития всех социально-экономических систем, включая законодательство и практику правоохранительной деятельности. Адекватность управленческих решений прогнозируемым тенденциям развития преступности оказывает определяющее влияние на результативность правоохранительной деятельности;

– во-вторых, качество прогнозирования преступности определяется совокупностью объективных и субъективных факторов. Объективные факторы неопределенности формируют системный риск управленческого решения, независимый от качества управления. Субъективные факторы определяют дополнительную (несистемную) неопределенность управленческого решения и дополнительный риск управленческих решений. Снижение значимости субъективных факторов (основное направление – повышение адекватности методов и инструментария прогнозирования) предполагает развитие теории и расширения практики использования прогнозов в управлении преступностью;

– в-третьих, дальнейшее развитие теории и практики прогнозирования региональной преступности должно вестись по двум направлениям.

Первое – развитие теории и методики прогнозирования преступности;

Второе направление – стимулирование правоохранительными органами исследований процессов прогнозирования преступности, использования их результатов в разработке отраслевых планов и программ, их общественного обсуждения.

Третье направление – совершенствование методики и инструментария моделирования и прогнозирования региональной преступности и ее видового состава.

Пристатейный библиографический список

1. Антонян Ю.М. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. ВВКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации». – М., 2018.
2. Кудрявцев В.Н., Эминов В.В. Криминология. – Москва, 2009.
3. Терехин В.И., Чернышов В.В. Моделирование региональной экономической преступности // Финансовая экономика. – 2019. – № 4.
4. Концепция развития УИС до 2030 года.
5. Терехин В.И., Чернышов В. В. Эффективность и результативность уголовно-исполнительной системы России: оценивание и планирование. Академия ФСИН России. – Рязань, 2019. – 211 с.
6. Терехин В.И., Чернышов В.В. Моделирование региональной экономической преступности. // Финансовая экономика. – 2019. – № 4.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-408-411

АЛИЕВ Шапи Изиевич

кандидат юридических наук, доктор социологических наук, доцент, директор Дагестанского гуманитарного института (филиала) Академии труда и социальных отношений, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ИДРИСОВА Аида Джупалаевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры экономико-правовых и общеобразовательных дисциплин Дагестанского государственного университета, филиал в г. Избербаш

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО И СУДЕБНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ (ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА)

Европейский союз принял решение о стандартах надлежащей практики в области взаимной правовой помощи и регулярно проверяет соблюдение этих стандартов. В настоящее время Европейский союз переходит к системе взаимного признания решений и приговоров по уголовным делам. Когда эта система будет введена в действие, сотрудничество значительно ускорится: решение или приговор, вынесенный в любом государстве-члене, может быть приведен в исполнение в качестве такового в любом другом государстве-члене.

В области предупреждения и борьбы с организованной преступностью опыт Европейского Союза может помочь в определении возможностей и перспектив противодействия трансграничной организованной преступности.

Ключевые слова: опыт, Европейский союз, организованная преступность, противодействие.

ALIEV Shapi Izievich

Ph.D. in Law, Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Director of the Dagestan Humanitarian Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

IDRISOVA Aida Jupalaevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of Economics and the legal and educational disciplines sub-faculty of the Dagestan State University, branch in the city Izberbash

THE MAIN DIRECTIONS OF PROSECUTORIAL AND JUDICIAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME (THE EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION)

The European Union has decided on standards of good practice in the field of mutual legal assistance and regularly checks compliance with these standards. Currently, the European Union is moving to a system of mutual recognition of decisions and sentences in criminal cases. When this system is put into effect, cooperation will be significantly accelerated: a decision or sentence passed in any Member State can be carried out as such in any other Member State. In the field of prevention and combating organized crime, the experience of the European Union can help in identifying opportunities and prospects for countering cross-border organized crime.

Keywords: Experience, European Union, organized crime, counteraction.

Международные контакты между органами прокуратуры основаны на двусторонних и немногих многосторонних договорах о взаимной правовой помощи. Неофициальные контакты поддерживаются Международной ассоциацией прокуроров и другими аналогичными неправительственными организациями.

Реалии Европейского Союза:

– для содействия прямым контактам между прокурорами была создана специальная структура - Европейская судебная сеть. Эта система включает в себя компьютерные связи между государствами-членами, и со временем, возможно, даже позволит автоматически переводить и передавать запросы.

– Несколько государств-членов Европейского союза направили за границу судей по связям, наделенных особыми

полномочиями по содействию в получении ответов на запросы о выдаче и взаимной правовой помощи, а также более общими полномочиями по развитию международного сотрудничества.

– Прокурорское и судебное сотрудничество развивается также путем прямых контактов через шенгенские структуры.

– В настоящее время создается международная организация Евроюст для оказания помощи в координации судебного преследования по трансграничным делам.

Среди самых больших трудностей в вопросах экстрадиции и взаимной правовой помощи - отсутствие информации о том, как должен быть сформулирован запрос, чтобы он мог быть легко рассмотрен в другой стране, и отсутствие информации о том, какой прогресс достигнут в запрашиваемом государстве в ответе на запрос. В тех (редких) случаях, когда

практикующий специалист лично знаком со своим коллегой в другой стране, разрешено использовать неформальные каналы. Европейский Союз решил создать более прочную базу для этих неформальных контактов, создав «Европейскую судебную сеть» (ЕСС) [1].

Эта сеть состоит в основном из центральных органов, ответственных за международное судебное сотрудничество по уголовным делам, а также судебных или других компетентных органов, имеющих конкретные обязанности в контексте международного сотрудничества. ЕСС сосредоточен на информации, предоставляемой государствами-членами. Эти ежегодные отчеты используются в попытке определить стратегии. За прошедшие годы качество и полезность этих ежегодных отчетов улучшились, хотя необходимо продолжать работу по повышению достоверности, надежности и международной сопоставимости данных.

Одна из особенностей ежегодных отчетов заключается в том, что они содержат информацию о развитии сотрудничества в отношении серьезных преступлений, таких как организованная преступность, коррупция, незаконный оборот наркотиков и терроризм. ЕЕС способствует развитию сотрудничества различными способами. Прежде всего, он организует регулярные встречи (не менее трех раз в год) представителей контактных центров. На этих встречах рассматриваются, например, тематические исследования, общие вопросы политики и практические проблемы. Организация встреч в различных странах-членах ЕС дает дополнительную выгоду: принимающая страна может представить свою систему международного сотрудничества, а участники - познакомиться друг с другом. Оба фактора важны для укрепления доверия к системе уголовного правосудия друг друга.

Во-вторых, ЕСП готовит различные инструменты для практиков. Одним из очень полезных инструментов является CD-гом, который предоставляет практикам информацию о том, какие виды помощи могут быть запрошены в различных государствах-членах (арест активов, электронное наблюдение и т.д.) по каким видам преступлений, как их запрашивать и к кому обращаться. CD-гом также содержит тексты соответствующих международных документов и национального законодательства.

Вторым инструментом является компьютеризированный «атлас» органов власти в различных государствах-членах, который показывает, кто и что компетентен делать в различных государствах-членах в отношении международного сотрудничества. В ближайшем будущем, контактные пункты во всех пятнадцати государствах-членах будут связаны друг с другом защищенной компьютерной связью, которую можно будет использовать не только для отслеживания запросов, но даже для отправки самих запросов.

Третьим инструментом является единая модель для запросов о взаимной правовой помощи. В настоящее время рассматривается вопрос о разработке системы автоматического перевода этих запросов, по крайней мере, сначала на основные европейские языки.

Одним из направлений по сотрудничеству в сфере противодействия организованной преступности в европейских странах является институт магистратов по связям. Концепция магистрата по связям основана на положительном опыте растущей сети офицеров по связям, используемых для развития сотрудничества между правоохранительными ор-

ганами. В правоохранительной деятельности офицер связи использует прямые контакты для облегчения и ускорения международного сбора и обмена информацией, в частности, информацией стратегического характера [2].

Магистрат по связи – это должностное лицо, обладающее специальными знаниями в области судебного сотрудничества, которое направляется в другое государство на основе двусторонних или многосторонних договоренностей, с целью повышения скорости и эффективности судебного сотрудничества и содействия лучшему взаимопониманию между правовой и судебной системами соответствующих государств [3].

Магистрат по связи не имеет экстерриториальных полномочий, а также в противном случае должен полностью уважать суверенитет и территориальную целостность принимающего государства. До настоящего времени магистраты связи использовались почти исключительно в странах Европейского Союза. Как правило, судьи по связям направляются в страны, с которыми наблюдается «большой поток» запросов о взаимной помощи и где различия в правовых системах вызывают задержки. Франция проявляет наибольшую активность в направлении магистратов по связям и направляет их не только в Германию, Италию, Нидерланды, Испанию и Великобританию, но и за пределы Европейского Союза.

Франция также рассматривает возможность направления объединенного магистрата по связям в страны Балтии (Эстонию, Латвию и Литву). Несколько других стран Европейского Союза направили одного или двух мировых судей по связям: Великобритания – во Францию и Италию; Италия – во Францию (и рассматривает возможность направления одного в Испанию и Великобританию); Нидерланды – во Францию (и рассматривает возможность направления одного в США); Финляндия – в Эстонию (и рассматривает возможность направления одного в Российскую Федерацию); Германия – во Францию; и Испания – в Португалию [4].

Судьи по связям работают на общем уровне (содействуя обмену информацией и статистическими данными и стремясь определить проблемы и возможные решения) и на индивидуальном уровне (давая юридические и практические советы властям своего государства и принимающего государства о том, как лучше сформулировать просьбы о взаимной помощи, чтобы обеспечить своевременный и надлежащий ответ, и пытаясь определить контактные лица, которые могут помочь в ускорении решения вопросов).

Точный профиль работы магистрата по связям варьируется в зависимости от таких факторов, как типы дел и степень наличия прямых контактов между судебными органами двух государств. Преимущества, с точки зрения направляющего государства и принимающего государства, многочисленны. Снижаются языковые проблемы, запросы о судебном сотрудничестве могут обсуждаться уже до их отправки с целью выявления возможных проблем, а также создается основа для укрепления доверия к правовой системе друг друга.

Свои особенности имеет судебное сотрудничество. Взаимная правовая помощь и экстрадиция основаны на неполной совокупности двусторонних договоров и, в редких случаях, многосторонних договоров. Эти договоры, как правило, охватывают лишь некоторые правонарушения и предлагают лишь ограниченные меры. Запросы должны направляться через центральный орган. Процедура, как правило, медленная и неопределенная, а запросы часто не удовлетворяются

из-за бюрократической инерции, широких оснований для отказа и различий в уголовном и процессуальном законодательстве. Реальность Европейского Союза - все государства-члены Европейского союза являются участниками широких многосторонних договоров о взаимной правовой помощи и экстрадиции.

Европейский союз принял решение о стандартах надлежащей практики в области взаимной правовой помощи и регулярно проверяет соблюдение этих стандартов. Отдельные договоры Европейского союза о взаимной правовой помощи и об экстрадиции были разработаны для обновления и дополнения существующих многосторонних договоров, подготовленных в рамках Совета Европы.

В настоящее время Европейский союз переходит к системе взаимного признания решений и приговоров по уголовным делам. Когда эта система будет введена в действие, сотрудничество значительно ускорится: решение или приговор, вынесенный в любом государстве-члене, может быть приведен в исполнение в качестве такового в любом другом государстве-члене.

Создана система взаимной оценки, в рамках которой эксперты из разных стран оценивают практическое осуществление международного сотрудничества в целевой стране.

Государства-члены Европейского Союза являются участниками Конвенции Совета Европы о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года. Однако Конвенция 1959 года была разработана почти полвека назад. С тех пор представления о том, как должна оказываться взаимная помощь, значительно изменились, особенно в Европе, где накоплен большой опыт в этой сфере. Наметилась четкая тенденция к упрощению и ускорению процесса оказания взаимной помощи путем устранения условий и оснований для отказа. Поскольку у государств-членов Европейского Союза много общих дел, они стали ожидать определенных стандартов поведения - ведь если центральный орган одной страны сам медленно или небрежно отвечает на запросы, он вряд ли может ожидать, что другие будут лучше реагировать на его просьбы о помощи.

В 1998 году Европейский Союз решил принять ряд стандартов по надлежащей практике взаимной правовой помощи [5]. Каждое государство-член должно было в течение одного года подготовить национальное заявление о надлежащей практике. Затем они были распространены среди всех государств-членов. Идея заключалась в том, что государства-члены публично обязуются соблюдать эти стандарты и могут быть привлечены к ответственности. Наборы стандартов включают, по крайней мере, следующие восемь пунктов: а. подтверждать все срочные запросы и письменные обращения, если только ответ по существу не будет отправлен быстро; б. при подтверждении запросов и обращений сообщать имя и контактные данные органа (и, если возможно, лица), ответственного за выполнение запроса; с. отдавать приоритет запросам, помеченным как «срочные»; д. если запрашиваемая помощь не может быть оказана полностью или частично, предоставить объяснение и, если возможно, предложить обсудить, как можно преодолеть трудности; е. Если представляется, что помощь не может быть оказана в полном объеме в установленный срок и это нанесет ущерб разбирательству в запрашивающем государстве, сообщить об этом запрашивающему

государству; ф. представлять запросы, как только будет определена конкретная помощь, которая необходима, и объяснять причины для обозначения запроса как «срочного» или установления срока; г. обеспечивать, чтобы запросы представлялись согласно соответствующему договору или договоренностям.

Пятнадцать стран Европейского Союза подготовили собственную Конвенцию о взаимопомощи (принята 29 мая 2000 года). Она не является самостоятельным договором, а дополняет конвенцию Совета Европы 1959 года и протокол к ней. Она актуализирует эти более ранние договоры, отражая не только «передовой опыт», о котором говорилось выше, но и развитие следственных методов и механизмов [6]. Учитывая, что эта Конвенция и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности разрабатывались в одно и то же время, не стоит удивляться тому, что они имеют много общих идей.

Из-за ограничений юрисдикции (а также, возможно, из-за глубоко укоренившегося недоверия к системам уголовного правосудия других стран) решения, принятые в ходе расследования организованной преступности, не могут быть непосредственно исполнены за рубежом. Например, если суд в одной стране постановляет арестовать подозреваемого, заморозить его активы или провести обыск в его доме в поисках улик, необходимо запросить взаимную правовую помощь, чтобы это решение было исполнено за рубежом. Этот процесс неизбежно занимает определенное время, в течение которого подозреваемый может опустошить свои банковские счета и переехать в третью страну. До сих пор мало внимания уделялось тому, что в некотором смысле можно рассматривать как параллель взаимной правовой помощи: признание действительности решения, принятого иностранным органом или судом, и приведение его в исполнение как такового. Этот принцип позволит компетентным органам быстро получить доказательства, арестовать активы и обездвигнуть правонарушителей. Разумеется, это также отвечает интересам жертвы.

Организованная преступность, как и преступность в целом, не распространяется случайным образом. Она часто является спланированной и преднамеренной деятельностью. Соответственно, она в значительной степени зависит от наличия мотивированных преступников, от наличия возможностей для совершения преступления и от направленности работы тех, кто стремится контролировать организованную преступность.

В соответствии с этим так называемым ситуационным подходом государства-члены изучают способы обеспечения того, чтобы совершение преступлений было более трудным, чтобы совершение преступлений было сопряжено с большим риском для преступника (в частности, риском обнаружения и задержания) и чтобы возможные выгоды для преступника от совершения преступлений были уменьшены или устранены.

Европейский саммит в Тампере также подчеркнул важность предупреждения преступности. Он предложил разработать и определить общие приоритеты в области предупреждения преступности. Элементы политики предупреждения преступности содержатся в резолюции Совета от 21 декабря 1998 года о предупреждении организованной преступности. В марте 2001 года Комиссия и Европол пред-

ставили отчет о европейской стратегии по предупреждению организованной преступности.

Один из шагов в разработке и определении приоритетов был сделан 15 марта 2001 года, когда Европейский Союз принял решение о создании сети по предупреждению преступности. Эта сеть состоит из контактных лиц в каждом государстве-члене, представляющих не только органы власти, но и гражданское общество, деловые круги и известные криминологи. Сеть функционирует путем организации встреч, составления базы данных и другими способами, стремясь собрать и проанализировать данные об эффективных мерах по предупреждению преступности на местном и региональном уровне с целью распространения информации об «успешной практике».

Даже если государства-члены Европейского союза смогут эффективно разрабатывать свои законы и системы для предупреждения и контроля организованной преступности в пределах своих границ, этого будет недостаточно.

Предотвращение и контроль над организованной преступностью требует глобального сотрудничества. Особое внимание уделяется сотрудничеству с так называемыми странами-кандидатами. В настоящее время Европейский Союз ведет активные переговоры с двенадцатью странами о вступлении в ЕС.

В декабре 1999 года Европейский Союз принял дополнительное решение начать подготовку к распространению этого процесса на Турцию. Расширение такого масштаба с пятнадцати государств-членов до 28 станет для ЕС не столько эволюционным шагом, сколько прыжком в неизвестность. Институты, интересы, политика, расстановка сил - все изменится. В этом процессе значительное внимание уделяется предупреждению и борьбе с организованной преступностью. Европейский Союз уже принял большое количество мер (так называемый *acquis communautaire*), а государства-члены внедрили их в свое внутреннее законодательство и практику.

Во избежание ситуации, когда организованные преступные группы воспользуются внезапным расширением Европейского Союза, страны-кандидаты также должны полностью принять и внедрить *acquis communautaire*. С этой целью 28 мая 1998 года Европейский Союз заключил со странами-кандидатами так называемый пакт о предварительном вступлении в ЕС о том, как должен осуществляться этот процесс. Ведется значительная работа на многосторонней и двусторонней основе по оказанию помощи странам-кандидатам в этой работе. Второе направление - это Российская Федерация. Опять же во время финского председательства был подготовлен специальный План действий Европейского Союза по совместным действиям с Российской Федерацией по борьбе с организованной преступностью. По сути, это устанавливает структуру и процесс для постоянных консультаций и сотрудничества между Европейским союзом и Российской Федерацией. Кроме того, существует более широкое соглашение о «партнерстве» с Российской Федерацией (и с Украиной), которое обеспечивает основу для сотрудничества. Другие географические регионы, с которыми Европейский Союз стремится укрепить сотрудничество, включают Средиземноморье, Юго-Восточную Европу, Китай, Северную Америку, Латинскую Америку и Карибский бассейн.

Европейский Союз также активно работает через межправительственные организации, такие как Совет Европы и

Организация Объединенных Наций. Например, в ходе переговоров по Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности страны Европейского союза очень тесно сотрудничали друг с другом, стремясь к тому, чтобы итоговая Конвенция была как можно более эффективной и широкой.

Таким образом, Европейский союз принял решение о стандартах надлежащей практики в области взаимной правовой помощи и регулярно проверяет соблюдение этих стандартов. На наш взгляд, в области предупреждения и борьбы с организованной преступностью опыт Европейского Союза может помочь в определении возможностей и перспектив противодействия трансграничной организованной преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Joint Action of 22 April 1996 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning a framework for the exchange of liaison magistrates to improve judicial cooperation between the Member States of the European Union (96/277/JHA) // Official Journal of the European Communities. 1996. Vol. 39, L 105. P. 1-2.
2. Офицеры связи: основные участники в транснациональной полицейской деятельности / Под. ред. Лудо Блока, Моники ден Боер. Гаага, 2013.
3. Кислухин В.А. Полиция стран Бенилюкса: положительный опыт требует изучения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 18. С. 78.
4. Корнеллис Л. На пути к национальной полиции. Кер-кебош. Цейст, 2013. С. 44
5. Вопросы правовой помощи и сотрудничества государств-членов в расследовании уголовных и иных правонарушений в таможенной сфере стали предметом отдельных конвенций ЕС. Последней из них — Конвенция о взаимном содействии и сотрудничестве между таможенными администрациями 1997 г. //Ю. 1998. С. 24.
6. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902175>.

КИМ Вадим Олегович

начальник кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ИВАЩЕНКО Юрий Владимирович

преподаватель кафедры физической подготовки Ростовского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

По итогам 2021 года число лиц, привлеченных к ответственности по ст. 318 УК РФ (Применение насилия в отношении представителя власти) поставило пятилетний рекорд, увеличившись по сравнению с 2020 годом на 16,4 %. Количество лиц, привлеченных к ответственности по данной статье, резко увеличилось впервые с 2017 года — до этого, согласно статистике судебного департамента, их число ежегодно уменьшалось.

Система профессиональной подготовки требует своевременного развития с целью обеспечения государственной и общественной безопасности. Данное направление считается приоритетным, поскольку от уровня профессиональной подготовленности личного состава ОВД также зависит и личная безопасность каждого сотрудника ОВД при выполнении им оперативно-служебных задач. С учетом анализа статистических показателей, опроса действующих сотрудников, в статье проводится исследование негативных факторов, влияющих на несовершенство физической подготовки сотрудников органов внутренних дел. Обозначены оптимальные пути устранения указанных препятствий.

Ключевые слова: физическая подготовка, профессиональная подготовка, сотрудники ОВД, органы внутренних дел.

KIM Vadim Olegovich

Head of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

IVASHCHENKO Yuriy Vladimirovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF PHYSICAL TRAINING OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND WAYS TO SOLVE THEM

According to the results of 2021, the number of convicts under Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation (Use of violence against a representative of the authorities) set a five-year record, increasing by 16.4 % compared to 2020. The number of convicts under this article showed an increase for the first time since 2017 — before that, according to the statistics of the judicial Department, their number decreased annually.

The system of professional training requires timely development in order to ensure State and public security. This direction is considered a priority, since the level of professional readiness of the personnel of the Department of Internal Affairs also depends on the personal safety of each employee of the Department of Internal Affairs when performing operational and official tasks. Taking into account the analysis of statistical indicators, the survey of current employees, the article examines the negative factors affecting the imperfection of physical fitness of employees of internal affairs bodies. The optimal ways to eliminate these obstacles are indicated.

Keywords: physical training, professional training, police officers, internal affairs bodies.

В настоящее время, существует реальная необходимость развития современной многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования в области подготовки кадров МВД России. Система профессиональной подготовки сотрудников полиции требует своевременного развития с целью обеспечения государственной и общественной безопасности.

В рамках служебно-прикладной физической подготовки выступает педагогически ориентированный процесс обеспечения специально направленной физической подготовки сотрудников в соответствии со специализацией. Необходимо разрабатывать индивидуальный комплекс тренировок, благодаря которым накапливаются умения и навыки, направленные на воспитание у обучающихся физических способностей, а также иных, связанных с оперативно-служебной деятельностью.

Актуальность темы указанного исследования обосновывается показателями преступлений, совершенных в отношении представителей государственной власти. В соответствии со статистическими показателями преступлений за 2021 год, прослеживается резкий рост деяний, попадающих под состав преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ (Применение насилия в отношении представителя власти).

Как ранее было отмечено, в 2021 году число лиц, привлеченных к ответственности по ст. 318 УК РФ составило 7523 человека. Общее число осужденных по указанной статье поста-

вило пятилетний рекорд, увеличившись по сравнению с 2020 годом на 16,4 %. Рекордным является и число осужденных за неопасное насилие к представителю власти: в 2020 году их было 5687, что на 18 % меньше, чем в 2021 году. Количество лиц, привлеченных к ответственности по данной статье, показывает рост впервые с 2017 года — до этого, согласно статистике, их число ежегодно уменьшалось¹.

Таким образом, практика позволяет сделать выводы о важности уровня физической, психологической подготовки, в том числе выработанных профессионально-прикладных умений и навыков при решении служебных задач сотрудника органа внутренних дел. Следовательно, Государственный образовательный стандарт совместно с Концепцией образовательной политики МВД России разработали программу по подготовке новых специалистов, способных не только овладеть теоретическим материалом, но и проявить себя как профессионал с соответствующей служебной и физической подготовкой.

Прежде всего, служебно-прикладная физическая подготовка представляет собой отдельный вид физического воспитания, осуществляемого на основании и в соответствии с

1 Сетевое издание РБК Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/22/62614a2f9a79479125d98653> (дата обращения: 05.03.2022).

ведомственными приказами и особенностями оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности в ОВД.

Подготовка психофизических качеств сотрудников МВД России организуется и проводится в соответствии с нормативными документами МВД России. Среди них основными документами являются:

– приказ МВД России № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»;

– приказ МВД России № 450 «Об утверждении наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации»;

Наставлением по организации физической подготовки в ОВД определена основная цель – «формирование физической готовности сотрудников к успешному выполнению оперативно-служебных задач, умелому применению физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, а также обеспечение высокой работоспособности в процессе служебной деятельности»².

Первоначальная цель занятий по физической подготовке – развитие основных физических качеств сотрудников, таких как сила, быстрота, выносливость, ловкость, которые в процессе осуществляемой деятельности будут способствовать повышенной работоспособности, и содействовать успешному решению оперативно-служебных задач.

После должного уровня развития физических качеств, будущим специалистам, необходимо должным образом изучить и отработать приемы самостраховки, ведь именно они способствуют минимизации полученных травм в результате применения физической силы, направленной на решения оперативных задач.

Несмотря на наличие нормативно-правовых актов, регламентирующих физическую подготовку сотрудников полиции, существует ряд факторов, влияющих на недостижение целей, указанных в них.

Одним из основных является некачественная организация занятий по физической подготовке в подразделениях МВД России. В связи с загруженностью и плотным рабочим графиком, имеющим место в правоохранительной системе, отсутствует реальная возможность присутствия личного состава на занятиях по физической подготовке. Указанный негативный момент в основной части связан с нехваткой кадров для замещения должностей.

Отсутствие инициативы самосовершенствования физической подготовки у действующих сотрудников МВД России. Данный фактор обуславливается множеством негативных моментов, имеющихся в жизнедеятельности не только сотрудников, но и граждан. Отсутствует мотивация к занятиям физическими упражнениями и самосовершенствованию.

Несомненно, для успешного решения задач у сотрудников полиции имеется огнестрельное оружие и специальные средства, состоящие на вооружении правоохранительных органов. Этот факт дает уверенность сотрудникам полиции в том, что лица, вынашивающие преступный замысел не смогут противостоять им. Но в данном случае необходимо не забывать о необходимости минимизации вреда, и склонения к приоритетному применению физической силы, вместо огнестрельного оружия и специальных средств.

Так же, не менее актуальным негативным моментом является недостаточная теоретическая подготовленность сотрудников полиции. Незнание, либо не достаточное знание нормативно-правовых актов, регламентирующих физическую подготовку, в том числе порядок применения физической силы, создает реальную угрозу жизни и здоровью самих сотрудников полиции, а также угрозу причинения ущерба охраняемым действующим законодательством общественным отношениям.

Как неблагоприятный фактор необходимо отметить и отсутствие иллюстраций по выполнению боевых приемов борьбы, в связи с чем отсутствует правильность понимания техники изложенной в наставлении по организации физической подготовки в ОВД [1]. Решение данной проблемы находит свое отражение в учебно-практических пособиях и

видеоматериалах, подготавливаемых образовательными организациями МВД России.

Для успешного решения оперативно-служебных задач, необходим комплекс сформированных теоретических знаний, навыков и умений, указанных в Наставлении об организации физической подготовки в ОВД РФ.

В образовательных организациях системы МВД России, так же существует ряд моментов, негативно влияющих на формирование будущих специалистов. По нашему мнению, одним из основных неблагоприятных факторов является отсутствие, либо несовершенство практико-ориентированного подхода при проведении занятий по физической подготовке.

Практико-ориентированный подход при проведении занятия по физической подготовке, обеспечивает формирование у обучающихся физической готовности к различным оперативно-служебным ситуациям, что в свою очередь способствует беспрепятственному, умелому и эффективному применению физической силы в рамках решения практических оперативно-служебных задач.

Для точного и правильного моделирования практических ситуаций, связанных с применением физической силы, преподавательским составом кафедр физической и специальной подготовки учебных заведений системы МВД России, должен производиться анализ практических ситуаций положительного и отрицательного опыта применения физической силы, в том числе производится анализ опыта применения физической силы практическими работниками различных подразделений системы МВД России.

Перед началом отработки практической ситуации, преподавателем должна озвучиваться фабула оперативной ситуации, и предоставляться возможность импровизации обучающемуся в указанной ситуации. После выполнения обучающимся задач, поставленных перед ним преподавателем кафедры физической подготовки, должен производиться его опрос, с целью выяснения правильности выбора основания для применения физической силы, и подбора комплекса боевых приемов борьбы. В последующем должен производиться анализ и разбор конкретных моментов смоделированной ситуации, по результатам которого должна выноситься объективная оценка действий обучающихся с точки зрения действующего законодательства.

Смоделированные практические ситуации должны постоянно видоизменяться, в результате чего будет сформирована готовность будущих специалистов к действиям в отношении правонарушителей, у которых при себе имеются холодное, огнестрельное оружие, либо иные предметы конструктивно схожие с ним.

Таким образом, физическая подготовка сотрудников ОВД, занимает одно из лидирующих мест в системе профессиональной подготовки кадров. В настоящее время существует реальная необходимость совершенствования физических качеств, практических навыков и умений сотрудников ОВД. Для обеспечения личной безопасности сотрудников, и защиты интересов общества и государства, необходимо как минимум устранить негативные факторы, изложенные в указанной статье.

Пристатейный библиографический список

1. Сетевое издание РБК Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/04/22/62614a2f9a79479125d98653> (дата обращения: 05.03.2022).
2. Мешев И.Х. Актуальные проблемы физической подготовки сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Образование. Наука. Научные кадры. - 2020. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/iFWzc> (дата обращения: 24.05.2022).

² Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71647620/> (дата обращения: 12.05.2022). – Текст : электронный.

МАНУКЯН Алинэ Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЕРЕВОЗКИ И СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАЩИЩАЕМОГО ЛИЦА В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ

Действующее российское законодательство предусматривает институт государственной защиты отдельных категорий лиц, который реализуется в связи с их осуществлением определенных обязанностей в рамках уголовного судопроизводства или иной профессиональной деятельности и при условии наличия реальной угрозы их жизни, здоровью и имуществу. Важно отметить, что указанный институт является комплексным и он предусматривает помимо мер безопасности применение инструментов социальной и правовой поддержки защищаемых лиц. Однако в рамках данной научной статьи представляется необходимым сконцентрировать внимание на особенностях, специальных теоретических знаниях, практических навыках и на отдельных аспектах обеспечения мер безопасности в отношении указанных лиц.

Ключевые слова: сотрудники полиции, защита, обеспечение безопасности, перевозка, сопровождение, специальная подготовка.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

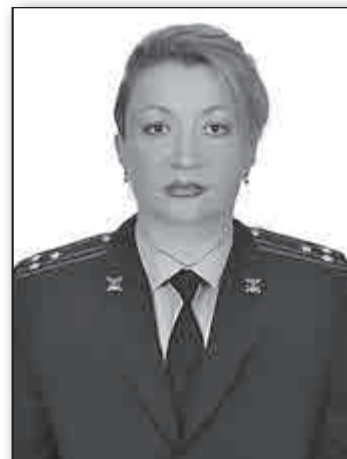
SOME ASPECTS OF TRANSPORTATION AND ACCOMPANYING A PROTECTED PERSON WITHIN THE FRAMEWORK OF STATE PROTECTION

The current Russian legislation provides for the institution of state protection for certain categories of persons, which is implemented in connection with their implementation of certain duties in the framework of criminal proceedings or other professional activities and subject to a real threat to their life, health and property. It is important to note that this institution is complex and, in addition to security measures, it provides for the use of instruments of social and legal support for protected persons. However, within the framework of this scientific article, it seems necessary to focus on the features, special theoretical knowledge, practical skills and certain aspects of ensuring security measures in relation to these persons.

Keywords: police officers, protection, security, transportation, escort, special training.

В современной правовой литературе вопросы перевозки и сопровождения защищаемых лиц исследуются крайне редко, что связано с узкой направленностью вышеназванной практической деятельности сотрудников компетентных подразделений правоохранительных органов. В большинстве своем научный интерес вызывает перевозка и сопровождение лиц, осуществляемое в рамках функционирования уголовно-исполнительной системы, однако важно отметить, что указанный процесс организован совершенно иначе, нежели транспортное перемещение защищаемых лиц. Подобные отличия объективно обусловлены особенностями правового статуса перевозимого лица.

Следует отметить оправданность правовой регламентации особенностей государственной защиты указанных категорий лиц в рамках самостоятельных федеральных законов, так как несмотря на их общую схожесть по структуре, они в полной мере отражают специфику участия указанных лиц в уголовном процессе или профессиональной деятельности. В правовой литературе достаточно часто высказываются мнения о необходимости объединения

Манукян А. Р.

указанных федеральных законов в один и систематизации их нормативных положений, однако данная трансформация представляется нецелесообразной по причине усложнения юридической техники в случае их совмещения, что существенно затруднит толкования данных норм и их применение на практике.

Под государственной защитой понимают совокупность мер безопасности, мер социальной и юридической поддержки, которые осуществляются уполномоченными на то органами в отношении отдельных категорий лиц в связи с выполнением данными лицами определенных обязанностей [1].

Под специальной подготовкой сотрудников правоохранительных органов представляется необходимым понимать совокупность знаний и навыков, которые используются в процессе осуществления конкретных профессиональных полномочий. Указанная подготовка подразумевает как наличие общей подготовленности данных сотрудников, связанной с особенностями института государственной защиты в целом, так и развитие специальных компетенций уполномоченных лиц, позволяющих

учитывать все существующие угрозы, возникающие в процессе обеспечения безопасности защищаемых лиц непосредственно в момент их перевозки и сопровождения с использованием транспортного средства [5].

Анализируемый институт ориентирован не только на применение соответствующих мер, но и обладает сложной структурой, в связи с чем следует отметить системность и многоплановость указанной деятельности. Учитывая тот факт, что в процесс государственной защиты могут быть вовлечены не только правоохранительные органы, но и иные государственные учреждения в зависимости от специфики деятельности защищаемой лица, следует отметить существенное значение эффективного межведомственного взаимодействия в анализируемой сфере с учетом конфиденциальности информации о соответствующем лице.

В первую очередь уполномоченные сотрудники правоохранительных органов должны четко понимать, кто относится к категориям защищаемых лиц. В правовой литературе достаточно часто исследуются отдельные категории лиц, но правоохранительных органов должны обладать информацией о всем многообразии субъектов, в отношении которых могут применяться соответствующие меры защиты в тех или иных условиях.

Отметим, что действующий институт государственной защиты формировался в российской правовой системе постепенно, в том числе и в части расширения перечня лиц, к которым применяются соответствующие защитные действия.

Анализ перечня защищаемых лиц позволяет сделать вывод, что в настоящее время существует весьма масштабное количество должностей, в рамках осуществления которых возникают ситуации, связанные с профессиональной деятельностью, создающие угрозы для указанных лиц, в связи с чем им может потребоваться защита. В 2021 году указанный перечень лиц был дополнен государственными гражданскими служащими органов внешней разведки Российской Федерации в связи с распространением случаев негативного воздействия на них по мотивам их профессиональной деятельности [3].

Помимо вышеназванных лиц с 2004 года перечень субъектов, к которым могут применяться меры государственной защиты расширился участниками уголовного судопроизводства, в отношении которых из-за их связи с конкретными уголовными делами возникают угрозы их жизни, здоровью и (или) имуществу.

Выделение категорий напрямую связаны с функционированием конкретного лица в рамках профессиональной деятельности в определенной сфере или же с его участием в уголовном судопроизводстве. Без обеспечения защиты в данном контексте под вопросом ставится возможность его дальнейшей профессиональной деятельности на соответствующей должности или участие в уголовном судопроизводстве, так как во многих случаях при возникновении серьезных угроз жизни, здоровью и имуществу люди способны отказываться от своей работы и от выступления в качестве определенного значимого лица в уголовном разбирательстве [6].

Как уже отмечалось ранее, государственная защита подразумевает не только определенный состав и четко

установленный в законодательстве перечень защищаемых лиц, но и особую совокупность защитных мер, которую осуществляют уполномоченные сотрудники правоохранительных органов. Так, представляется необходимым сконцентрировать внимание на таком виде государственной защиты как применение мер безопасности. Выбор указанной разновидности государственной защиты обусловлено проблематикой данной научной статьи.

К мерам безопасности, применяемым в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов относятся следующие: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об их имуществе; временное помещение в безопасное место; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; переселение на другое место жительства; замена документов, изменение внешности [5].

Меры безопасности, применяемые в отношении участников уголовного судопроизводства абсолютно те же, единственной особенностью является применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое. Помимо этого, возможность применения мер из перечисленных пунктов предусмотрена только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

На основе анализа нормативных положений, регламентирующих особенности применения вышеназванных мер безопасности, следует отметить, что отдельно в качестве самостоятельной меры безопасности сопровождение защищаемого лица с использованием транспортного средства не выделяется. Также, транспортные средства в федеральном законодательстве рассматриваются лишь в одном аспекте – для судей и других должностных лиц, подлежащих защите предусмотрена возможность замены государственных регистрационных знаков используемых им или принадлежащих ему транспортных средств с целью обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице. Для участников уголовного судопроизводства российское федеральное законодательство закрепляет аналогичную возможность, но в рамках охраны при соответствующей необходимости. Таким образом, российский законодатель весьма фрагментарно рассматривает аспекты перевозки и сопровождения защищаемых лиц, однако знания их тесной связи с мерами безопасности является обязательным для уполномоченных сотрудников [2].

Говоря о специальной подготовке сотрудников подразделений физической защиты для сопровождения защищаемого лица следует отметить, что правовыми основами ее осуществления выступают все вышеназванные акты, так как они достаточно подробно регламентируют особенности организации и осуществления государственной защиты в отношении отдельных лиц, у которых имеются соответствующие поводы и основания для применения мер безопасности и др. Однако если рассматривать

правовые основы непосредственно в отношении самой подготовки сотрудников уполномоченных органов, то в данном контексте возникает множество вопросов.

Учитывая тот факт, что в настоящее время перевозка и сопровождение с использованием транспортного средства никак не регламентируется федеральным законодательством. самостоятельного нормативного подхода к регулированию особенностей данной деятельности в российском законодательстве не разработано. Также важно отметить, что отдельных актов, которые бы как-то более или менее комплексно подходили к решению вышеназванных проблем не принято, в том числе даже на уровне ведомственного правотворчества [4].

Практические навыки сотрудники подразделений физической защиты получают в результате проведения практических занятий, которые подразумевают активный формат взаимодействия обучающихся с целью выработки эффективного поведения в особых условиях, связанных с обеспечением безопасности защищаемых лиц. Практические навыки целесообразнее всего совершенствовать в форме моделирования различных ситуаций. В рамках заявленной проблематики практические навыки указанных сотрудников связаны не только с правоохранительной деятельностью, но и с особенностями эксплуатации транспортных средств, которые могут подвергаться воздействию извне.

Таким образом, специальная подготовка при использовании транспортного средства для сопровождения защищаемого лица осуществляется для сотрудников подразделений физической защиты с целью приобретения ими необходимого объема теоретических знаний об институте государственной защиты и особенностях правового статуса защищаемых лиц и специфических практических навыков, обусловленных процессом перемещения указанных лиц с посредством транспортного средства. Теоретическая и практическая составляющие указанной подготовки имеют равно важное значение для развития профессиональных компетенций вышеназванных сотрудников, так как их деятельность напрямую связана с процессом обеспечения жизни и здоровья защищаемых лиц.

Особый функционал сотрудников, к компетенции которых относится обеспечение безопасности защищаемых лиц, требует более длительного времени их подготовки, что определяется ведомственными нормативно-правовыми актами. Отдельных упоминаний о специальной подготовке, связанной с сопровождением защищаемых лиц с использованием транспорта, указанные акты не содержат, что обуславливает рассмотрение данных аспектов в рамках профессиональной подготовки сотрудников подразделений физической защиты.

Российское законодательство не уделяет существенного внимания вопросам транспортного сопровождения защищаемых лиц, в настоящее время существует острая необходимость более полного исследования данного процесса с целью совершенствования нормативных положений, а также практики подготовки уполномоченных сотрудников подразделений физической защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 31.12.2004 № 900 «Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите» // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 2. - Ст. 158.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921; 2021. - № 18. - Ст. 3055.
3. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 17. - Ст. 1455; 2021. - № 15 (Часть I). - Ст. 2439.
4. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 07.02.2017) // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 34. - Ст. 3534; 2017. - № 7. - Ст. 1026.
5. Гутиева И. Г. Проблемы государственной защиты должностных лиц и участников уголовного судопроизводства // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 8 (159). - С. 316.
6. Лукинский А. В. Институт государственной защиты: понятийный аппарат // Вестник Московского университета МВД России. - 2012. - № 11. - С. 67.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-417-418

РЕДЬКИНА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

НЕМЦУРОВА Элиза Магометовна

магистрант 1 курса Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: ПОНЯТИЕ, ИДЕИ И ЗАРОЖДЕНИЕ ЕГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье поднимается вопрос о значительном влиянии процессов глобализации и информатизации на различные сферы общества как в мире, так и в Российской Федерации. Особо важную роль сыграло внедрение инновационных технологий в юриспруденцию, где они обеспечивают качественное и открытое судопроизводство, путем создания «электронного правосудия». Основными преимуществами такого правосудия является открытость и доступность информации о деятельности судов, экономия времени и затрат для всех участников производства, повышении качества исполнения судебных актов и проводимых судебных экспертиз и другие.

Ключевые слова: электронное правосудие, информационные технологии, видеоконференцсвязь, аудиозапись, инновационный процесс, судопроизводство, отправление правосудия, электронная подача документов, дистанционные технологии, технический прогресс.

REDKINA Elena Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

NEMTSUROVA Eliza Magometovna

magister student of the 1st course of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ELECTRONIC JUSTICE: CONCEPT, IDEAS AND ITS ORIGIN IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article raises the question of the significant impact of the processes of globalization and informatization on various spheres of society both in the world and in the Russian Federation. A particularly important role was played by the introduction of innovative technologies into law, where they provide high-quality and open legal proceedings, through the creation of "electronic justice". The main advantages of such justice are openness and accessibility of information about the activities of the courts, saving time and costs for all participants in the proceedings, improving the quality of execution of judicial acts and conducted forensic examinations, and others.

Keywords: electronic justice, information technologies, videoconferencing, audio recording, innovation process, judicial proceedings, administration of justice, electronic filing of documents, remote technologies, technical progress.

Редькина Е. Н.

Немцурова Э. М.

В XXI веке, в условиях развития научно-технических, инновационных процессов значительное внимание уделяется эволюции информационных и коммуникационных технологий не только в мире, но и на национальном уровне. Одним из гарантов такого развития выступает, подписанный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Указ №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, в котором особо важными для нас являются положения об ускорении технологического развития РФ, путем внедрения цифровых технологий в различные сферы общества и создание передачи, обработки и хранения больших объемов информации, что доступна для организаций.

К перечню таких сфер относятся экономическая, политическая, социальная, а также правовая, в которой активно используются соответствующие технологии для обеспечения судопроизводства, путем создания так называемого «электронного правосудия».

Под электронным правосудием понимается способ отправления правосудия, при котором используются информационные технологии, что позволяют использовать в любом судопроизводстве безбумажный обмен данными в электронном виде между всеми участниками процесса [5, с. 19].

Необходимо отметить, что в настоящее время в значительном количестве судов РФ применяются различные элементы такого вида правосудия, среди которых: видеоконференцсвязь, СМС-оповещение участников судебного процесса, электронная подача документов и многие другие. В связи с этим, законодателем пришлось принять целый ряд нормативно-правовых актов, посвященных развитию электронного правосудия, таких как ФЗ от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»² и другие, задачей которых является контролировать инновационные

1 Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «Консультант Плюс».

2 Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации», от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ // СПС «Консультант Плюс».

способы и средства, что используются при отправлении правосудия.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что Российская Федерация делает уверенные шаги в направлении развития и укрепления демократических основ правосудия, путем принятия разного уровня актов, создания новых концепций и регламентов, что позволяют обеспечивать всем гражданам равный доступ к информации о деятельности судов и раскрытию принципа открытости и гласности [1, с. 14].

Для решения важных задач используются различные современных информационных технологии, с помощью которых государство имеет возможность перейти от традиционного способа отправления правосудия к более новому, т.е. упомянутой автором ранее системе электронного правосудия [2, с. 233]. Следует отметить, что данный вид правосудия имеет свои преимущества, среди которых открытость и доступность информации о деятельности судов; свобода поиска информации о деятельности судов любым законным способом и другие³.

История становления электронного правосудия достаточно обширна. В начале система данного вида правосудия имела емкий набор механизмов, который позволял ей работать лишь в тестовом режиме, однако, за последний период времени были разработаны и введены в действие большой перечень сервисов: в части обращений граждан это «Интернет-приемная», «Гостевая книга председателя», в которой ведется приеме граждан онлайн, различные видеоприемные и так далее [3, с. 9].

В процессе развития информационных и коммуникационных технологий в государстве, способности видеоконференцсвязи значительно расширяются. Если ранее такие технологии применялись лишь для обеспечения присутствия отдельных участников производства в зале судебного заседания на расстоянии, то сегодня они применяются и во многом другом, так, например, при опросе потерпевших в рамках программы защиты свидетелей, где с помощью технических средств представляется возможным изменять голос, скрывать внешность до неузнаваемости, что обеспечивает абсолютную безопасность.

Снабжение судов данными средствами было предусмотрено в ныне действующей федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы». План предусматривал оснащение 95 % федеральных судов общей юрисдикции к концу 2017 года, а уже к 2020 видеоконференцсвязь должна была быть в 100 % арбитражных судов, что, как показала практика марта 2020 по 2021 год – было крайне необходимо. Также к 2018 году данными программами были оборудованы 100 % судов субъектов федерации (областных, краевых и приравненных к ним), более 60 % районных судов и гарнизонных военных, а также более 50 % учреждений ФСИН⁴.

Целью данной целевой программы стали не только повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, но и обеспечение доступности и открытости правосудия, что, безусловно, важно для граждан. Не мало важным становится тот факт, что использование технических средств благоприятно скажется в создании условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе и повышении качества исполнения судебных актов и проводимых судебных экспертиз. Её неоспоримым достоинством является именно экономия как времени, так и затрат для всех участников производства.

Другим же новым техническим средством является аудиозапись заседания, которая не только помогает секретарю судебного заседания, но и дисциплинирует остальных, ведь фиксирует каждое сказанное слово. Несмотря на тот факт, что ведение письменного протокола не было упразднено,

однако ведение записи теперь служит основным средством фиксации хода процесса⁵.

Следует отметить, что существующий ранее метод уведомления давал способность недобросовестным участникам производства злоупотреблять правом, т.е. уклоняться от получения извещений о заседаниях, тем самым затягивать процесс, а потом пытаться обжаловать акты, ссылаясь на то, что уведомление было неподобающе передано. Таким образом, мы наблюдаем тенденцию развития не только качества проведения самого судебного разбирательства, но и в полной мере обеспечение всеми техническими способами досудебные процессы [4, с. 34].

Делая акцент на совершенствовании институтов демократии, а также процессов в части инновационных возможностей перехода на «электронную систему правосудия» и изменениях, что происходят ввиду развития общества, необходимо иначе взглянуть на способы реализации общепринятых принципов правосудия. Ресурсы вышеупомянутой системы на деле целиком и полностью предоставляют соблюдение гарантий составляющей принципов правосудия.

Из этого следует, что Всемирная сеть Интернет, которая развивается небывало стремительными темпами в значительном большинстве государств, в том числе и в Российской Федерации, где в корне изменились сложившиеся годами механизмы и средства обмена информацией⁶. Россия является просторной площадкой, для использования уникальных технологических средств для высококачественного слияния всех регионов на базе построения единого информационного пространства и электронного государства⁷.

О необходимости и актуальности становления и развития электронного правосудия свидетельствуют коренные изменения, что наблюдаются на основе продвижения технических средств в судебный процесс, для реализации принципов судебной системы, а информатизация органов правосудия растет ежегодно. Именно поэтому, в данной работе исследуются современные электронные механизмы исполнения основных принципов демократии национальной системы правосудия, ведь всё последующее ее развитие производится через призму инновационных технологий, что обеспечивают открытость и доступность для всех граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Ловцов Д.А., Ниесов В.А. Актуальные проблемы создания и развития единого информационного пространства судебной системы России // Информационное право. - 2013. - № 5. - С. 13-18.
2. Торопов А.В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности. - Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2020. - № 3 (293). - С. 233-234.
3. Фролов А.О., Фролова С.В. Внедрение информационных технологий в деятельность судов // Новый юридический вестник. - 2018. - № 3 (5). - С. 7-10.
4. Чвириков В.В., Чижов М.В. Перспективы внедрения в судебную деятельность информационных и коммуникационных технологий // Российское правосудие. - 2015. - № 7. - С. 32-40.
5. Чижов М.В. Организационные предпосылки применения видеоконференцсвязи в судебной деятельности арбитражных судов и судов общей юрисдикции // Гражданский и арбитражный процесс. - 2013. - № 6. - С. 17-22.
6. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 16.02.2007 № 20 «Об эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» // СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 -2024 годы»// СПС «Консультант Плюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «Консультант Плюс».

3 Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ (последняя редакция), 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

4 Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» от 19 ноября 2003 г., 22 марта 2005 г. // СПС «Гарант».

ТИНГАЕВА Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы по подготовке сотрудников для работы в органах предварительного расследования, повышение эффективности деятельности следователей, дознавателей при расследовании уголовных дел, при минимальной затрате времени. Затрагиваются вопросы совершенствования профессиональных навыков и профессионального мастерства у сотрудников, а также проблемы совершенствования и подготовки кадров в целях успешного расследования преступлений.

Ключевые слова: совершенствование, эффективная деятельность, профессиональные навыки, профессиональное мастерство, оптимизация, практические знания, повседневная деятельность.

TINGAEVA Irina Vladimirovna

senior lecturer of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

CURRENT ISSUES OF IMPROVING TRAINING OF EMPLOYEES FOR PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES

The article considers topical issues of training employees to work in the preliminary investigation bodies, improving the effectiveness of investigators, investigators in the investigation of criminal cases, with a minimum of time spent. The issues of improving the professional skills and skills of employees, as well as the problems of improving and training personnel in order to successfully investigate crimes, are addressed.

Keywords: improvement, effective activity, professional skills, professional skill, optimization, practical knowledge, daily activities. =

Очень часто возникает множество вопросов к сотрудникам полиции органов внутренних дел по качеству и профессионализму их деятельности. В частности, возникают вопросы к сотрудникам органов предварительного расследования. Жалобы граждан, это даже не столько вопросы, сколько критика, выступающая против каких-либо необоснованных действий следователей, дознавателей, и их руководителей. Возмущения граждан порой настолько велико, что руководству приходится принимать активные меры в отношении того следователя или дознавателя, у которого в производстве находится уголовное дело. А причиной тому выступает как правило, незнание и неумение следователем или дознавателем правильно расценивать сложившуюся ситуацию по уголовному делу и принять законное по ней решение.

Для молодых сотрудников, поступивших на службу в ОВД, – это уже эмоциональный стресс, что на них возложили ответственность по расследованию уголовного дела. Как показывает практика, у сотрудников, окончивших ведомственные высшие учебные заведения, стрессоустойчивость выше, чем у лиц, окончивших гражданские вузы. Несмотря на это, все они прикладывают максимум усилий, для качественного расследования и направления уголовного дела в суд.

И вот тут возникают вопросы как же совершенствовать подготовку молодых сотрудников, поступающих на службу в органы предварительного расследования? Само

понятие совершенствование – это улучшение, модернизация, рационализация, повышение качества [1]. В связи с чем совершенствование подготовки молодых сотрудников предполагает получение ими новых практических знаний, эффективность их повседневной деятельности, при минимальном затрате времени.

Повышение эффективности деятельности следователей, дознавателей и всей системы предварительного следствия в ОВД, с точки зрения современных требований, непосредственно связано с проблемой оптимизации. Оптимизация процесса расследования предполагает повышение эффективности комплексом средств, наиболее выгодных, наилучших в конкретной ситуации. Все аспекты оптимизации предварительного расследования сводятся в конечном счете к проблеме совершенствования и подготовки кадров в целях успешного расследования преступлений своей подследственности. И здесь, конечно, необходимо обратить внимание на применение в деятельности новых достижений науки, новейших тактических приемов расследования, новейшей криминалистической техники, которые также зачастую требуют определенных знаний, умений и навыков. Все больше при расследовании уголовных дел, сотрудники обращаются к новым научным открытиям, особенно при раскрытии и расследовании отдельных категорий преступлений, таких как преступлений в сфере информационных технологий, банковских мошенничеств и т.д.

Все вышеизложенное говорит о необходимости создания учебных программ по повышению профессионального уровня и специальной подготовки молодых сотрудников для органов предварительного расследования.

Но все чаще главной проблемой является формирование штатов органов предварительного расследования, где при отборе кадровых единиц необходимо руководствоваться принципиальным подходом. К будущим сотрудникам ОВД предъявляется ряд требований, к которым относятся: возрастные ограничения, также граждане, поступающие на службу в органы внутренних дел, должны владеть государственным языком Российской Федерации, быть способными по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника. Все эти требования в одинаковой степени распространяются как на молодых сотрудников, окончивших ведомственные учебные заведения, так и на тех, кто закончил гражданские вузы. Единственным отличием выступает тот факт, что этим требованием лица, окончившие ведомственные учебные заведения, должны были соответствовать еще при поступлении.

При наличии всех вышеперечисленных факторов необходимо совершенствовать формы и методы подготовки, проводить занятия, причем на этих занятиях необходимо обеспечивать практическую направленность по решению конкретных задач служебной деятельности. Основное внимание здесь необходимо уделять обучению профессионального мастерства, которое будет направлено на эффективный процесс расследования, и будет обеспечивать его законность. И здесь необходимо рассмотреть несколько основных форм повышения профессионального мастерства сотрудников органов предварительного расследования:

- проведение занятий – семинаров совместно с органами прокуратуры и судами;
- проведение занятий с участием специалистов из различных областей науки (медицина, криминалистика и т.п.);
- доведение до личного состава методических обзоров и статистических данных, с целью информирования и анализа о состоянии преступности на территории РФ;
- совместное изучение действующего законодательства и правил его применения;
- обеспечение методической литературой, обеспечение новейшей техникой и аппаратурой, которая необходима при расследовании отдельных видов преступлений.

Ко всему прочему, стоит отметить, если стоит задача о совершенствовании профессиональных навыков сотрудников органов предварительного расследования, то не стоит забывать о техническом обеспечении. И здесь речь идет не только о компьютеризации, и программном обе-

спечении, но и о криминалистических аппаратах, криминалистических средствах, без которых порой невозможно продвинуться в расследовании уголовного дела.

Ну и конечно же если говорить о рациональности, об успешном окончании расследования, то не стоит забывать о правильном, грамотном, планировании рабочего дня. В основу рациональной организации работы следователя и дознавателя должно быть, положено планирование, которое обязательно, так как от правильной организации зависит качество работы. Неправильное планирование труда, негативно сказывается на результатах работы.

Таким образом, подводя итог к вышеизложенному, можно сделать вывод, что все профессиональные навыки сотрудника органов предварительного следствия, полученные при выполнении своих служебных обязанностей, при выполнении и решении определенных задач, оттачивания и развитие профессиональных навыков, передачи передового опыта, приводит к эффективной деятельности, и расценивается как степень достижения определенных законом задач, ради исполнения которых и функционирует данный орган. Совершенствование деятельности, решение многообразных, ответственных и сложных задач, стоящих перед органами внутренних дел, невозможны без кадрового, социально-правового, финансового и материально-технического обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М.: Русский язык. З. Е. Александрова, 2011.
2. Байдаев М. М. Интенсификация обучения сотрудников территориальных органов внутренних дел Российской Федерации // Мир образования – образование в мире. – 2014. – № 3 (55).
3. Кикоть В. Я. Организационно-правовое и информационное обеспечение реализации кадровой политики МВД России в сфере подготовки кадров: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2002.

ШИРШОВ Борис Витальевич

преподаватель кафедры административной деятельности и охраны общественного порядка Волгоградской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается актуальный вопрос правовых основ организации Российской полиции. Важный вопрос затронула реформа МВД 2011 г., заменившая ранее федеральные законы новой, благоприятной базой данных полиции, ранее принятым Законом о полиции, в котором обозначены основные направления деятельности полиции. Поэтому они играют особую роль в решении многих проблем, связанных с инновациями. Организации и тактика, защищающие общественный порядок, являются взаимосвязанными и взаимозаменяемыми элементами единого процесса, который защищает общественный порядок и нравственность. Они дополняют друг друга и способствуют наиболее эффективному выполнению задач правоохранительных органов в этой сфере. Тактический успех в непосредственной охране порядка, конкретные последствия предупреждения преступности, контроля и раскрытия информации определяют эффективность организации. С развитием систем защиты общественного порядка и нравственности, улучшением структуры и управления внутренними учреждениями, внедрением передового опыта в области охраны порядка и безопасности, а также взаимоотношений между наукой и техникой, организациями и тактикой под влиянием использования последних достижений.

Ключевые слова: полиция, права, обязанности, статус, закон, правопорядок.

SHIRSHOV Boris Vitaljevich

lecturer of Administrative activity and public order protection sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF POLICE ACTIVITY AT THE PRESENT STAGE

The article deals with the topical issue of the legal foundations of the organization of the Russian police. An important issue was raised by the reform of the Ministry of Internal Affairs in 2011, which replaced earlier federal laws with a new, favorable police database, previously adopted by the Law on the Police, which outlines the main areas of police activity. Therefore, they play a special role in solving many problems related to innovation. Organizations and tactics that protect public order are interrelated and interchangeable elements of a single process that protects public order and morality. They complement each other and contribute to the most effective implementation of the tasks of law enforcement agencies in this area. Tactical success in the immediate protection of order, the specific consequences of crime prevention, control and disclosure of information determine the effectiveness of the organization. With the development of public order and morality protection systems, the improvement of the structure and management of internal institutions, the introduction of best practices in the field of order and security, as well as the relationship between science and technology, organizations and tactics influenced by the use of the latest achievements.

Keywords: police, rights, duties, status, law, law and order.

Ширшов Б. В.

В деятельности сотрудника полиции есть одна самая важная задача - защищать жизнь и здоровье граждан, их права и свободы от преступлений. Для выполнения этой задачи полицейские наделены правом государственного принуждения. Для грамотной реализации своих функций сотрудники должны при получении информации о преступлении немедленно прибыть на место происшествия, чтобы пресечь незаконную деятельность и устранить угрозы для эффективного обеспечения безопасности.

Охрана и организация общественного порядка имеет ключевое значение деятельности сотрудников ОВД, прокуратуры, судов и общественных организаций, это связано с тем, что они непосредственно учувствуют в поддержании общественного порядка, уделяя особое внимание предупреждению и пресечению общественных правонарушений [1, с. 34]. Отделы по охране общественного порядка выполняют поставленные на них функции с доблестью и честью, а также справиться со своей организационной и административной деятельностью. Организационная деятельность подразумевает выполнение ряда функций административного характера. Такая деятельность состоит из определения незаменимых

и научно аргументированных функций защиты общественного порядка и протиповорства преступности.

На местном уровне для защиты прав и свобод личности, собственности, чести и достоинства, интересов страны и общества в целом, в целях поддержания порядка, общественного спокойствия, слаженной работы предприятий, организаций и учреждений, коммуникаций, и средств связи, а также ликвидации причин нестабильности [2, с. 51].

Меры по обеспечению личной безопасности включают защиту людей от преступлений, пожаров, автомобильных аварий, техногенных аварий и других экстремальных ситуаций [3, с. 2]. Доступность и безопасность домов, продуктов питания, промышленных товаров и услуг важны в этой деятельности. В доклассовом обществе порядок регулировался обычаями и традициями [4, с. 12]. Из-за разделения труда возникновение частной собственности и сословия, общественного порядка и морали, а также общественной безопасности регулировались в первую очередь законом и моралью и охранялись государством.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что порядок в обществе занимает очень важную категорию в

государстве, детерминированную базисом общества, установившуюся в результате соблюдения социальных норм (норм права, морали, общепринятых правил общежития и др.) систему общественных отношений, неприкосновенность которой гарантируется всей политической системой государства, обществом [5, с. 592].

Нормативно-правовая основа правоохранительной деятельности и защиты прав граждан - отдельные положения Конституции Российской Федерации. Национальная защита прав и свобод граждан также упоминается в ст. 5, 37, 48, 52, 71, 72, 114 Конституции Российской Федерации.

Важными понятиями, разъясняющими сущность правоохранительной функции государства, являются «общественный порядок и нравственность» и «общественная безопасность». В Основном законе термин «безопасность» используется 12 раз в различных контекстах для решения различных вопросов, касающихся регулирования закона и поддержания порядка в обществе.

Гарантии деятельности сотрудников полиции:

Дежурный сотрудник полиции, как при исполнении своих обязанностей является представителем правительства и находится под защитой государства. Сотрудник полиции при исполнении своих обязанностей подчиняется только своему непосредственному начальнику. Никто не имеет права вмешиваться в законную деятельность сотрудников полиции, кроме оправданных законом [6].

Угрозы воспрепятствования исполнению сотрудником полиции его служебных обязанностей, оскорбление, сопротивление или применение силы в отношении сотрудника полиции влекут за собой наказание в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Законодательные требования к сотруднику полиции обязательны для исполнения гражданами и должностными лицами, невыполнение требований, а также юридическая ответственность [7, с. 23].

Жизнь, здоровье, честь и достоинство сотрудника полиции и его семьи находится под государственной защитой. Под защитой от преступных посягательств также находится имущество, принадлежащее ему или членам его семьи. Данные меры защиты распространяются и на близких родственников.

Административная ответственность сотрудников органов внутренних дел, имеющих специальные звания, регламентирована ст. 2.5. КоАП РФ.

В. А. Козбаненко отметил, что с помощью специального заявления об административной ответственности государственных служащих действия, противоречащие их действиям, могут быть оценены как нарушение деятельности административно-территориального изолятора [8, с. 18]. Кроме того, ученый сообщил, что помимо административных и дисциплинарных административных правонарушений, в ряде случаев основанием административной ответственности может быть преступление.

Уголовную же ответственность за совершение преступления сотрудники полиции несут наравне с другими гражданами Российской Федерации.

Фундаментальные теории полицейской службы:

1. Континентальная теория - полиция является слугой высших властей, а люди практически не участвуют или вообще не участвуют в выполнении своих обязанностей и не имеют с ними никакой прямой связи.

2. Теория самоуправления - полицейские рассматриваются как слуги общества, которые защищают эффективность своих функций в соответствии с выраженными пожеланиями народа.

Концепции полицейской службы:

1. Старые концепции - эта старая философия означает бросать больше людей в тюрьму, а не держать их вне тюрьмы. Наказание является единственным инструментом борь-

бы с преступностью. Критерий эффективности работы полиции больше зависит от арестов.

2. Современная концепция - полицейская служба сегодня расширила свою деятельность, включив в нее определенные аспекты социального обслуживания на благо людей. Их критерием эффективности является отсутствие преступности [9, с. 236].

Все полицейские функции и виды деятельности могут быть классифицированы как их линейные или не линейные. Линейные функции – это, те задачи, которые непосредственно способствуют достижению организационных целей, тогда как нелинейные функции – это, те задачи, которые дополняют выполнение линейных задач.

Линейные виды деятельности далее подразделяются на подкатегории: основные линейные и вспомогательные линейные функции, обе из которых относятся к полевой службе [10, с. 201].

Таким образом, полиция представляет собой сочетание строения тела. В связи с этим необходимо внести соответствующие коррективы и согласования в деятельность этих органов. Поэтому важно своевременно и эффективно издавать нормативные акты, а также вносить изменения и дополнения в соответствующую базу данных полиции. В первую очередь это связано с тем, что в динамике развития полиции наряду с функцией охраны и отстаивания интересов постоянно развивающегося общества и государства возникает множество задач, требующих решения и корректировки.

Пристатейный библиографический список

1. Административное право и процесс: Полный курс – Тихомиров Ю.А. - Москва, 2016.
2. Полиция // Юридическая энциклопедия.
3. Соколов А.Ю., Аникин С.Б., Ильгова Е.В. Административное право РФ. Учебник для бакалавров. - М.: НОРМА, 2017.
4. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник для подготовки государственных служащих. - М.: Статут, 2014. - 592 с.
5. Баталина В.В. История государства и права России: учебное пособие. - М., 2011.
6. Россинский Б.А. Административное право и административная ответственность. Учебное пособие для СПО. - М.: НОРМА, 2018.
7. Чашин А.В. Правозащитная деятельность. Анализ уголовных, гражданских и административных дел // Дело и сервис. - 2018.
8. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих: Теоретико-административные аспекты. - Москва, 2003.
9. Герасименко А.Н. Информационное обеспечение взаимодействия ОВД с общественными объединениями по охране правопорядка (организационные и правовые вопросы): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2008. - 236 с.
10. Демидов Ю.Н. Учебник для студентов вузов. Административная деятельность полиции. - М.: ГРИФ, 2014.

МАНУКЯН Алине Романовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК ОРГАН ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Органы внутренних дел занимают одно из наиболее значимых мест в жизни общества и государства, а также затрагивают практически все сферы общественной жизни в процессе реализации своих задач и функций. Несмотря на отсутствие четко сформулированного легального определения органов внутренних дел, их роль достаточно велика, а полномочия весьма обширны. Структура органов внутренних дел представляется нам в двух вариантах, когда органы внутренних дел выступают как часть МВД, в таком случае, они занимают место его подразделений на разных уровнях. И второй вариант, когда МВД можно рассматривать как орган внутренних дел, являющийся частью структуры ОВД. В статье рассматриваются понятия, сущность, полномочия, структура, правовой статус ОВД.

Ключевые слова: ОВД, понятие, задачи, полномочия, функции, структура, полиция.

MANUKYAN Aline Romanovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE CONCEPT, TASKS AND FUNCTIONS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES AS AN EXECUTIVE AUTHORITY

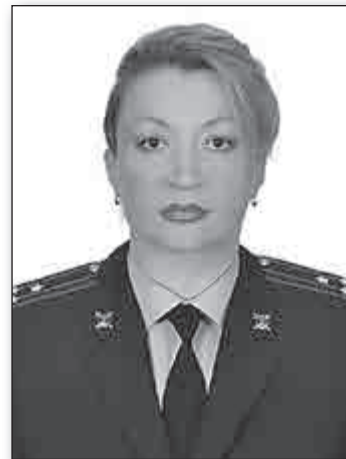
The internal affairs bodies occupy one of the most significant places in the life of society and the state, and also affect almost all spheres of public life in the process of implementing their tasks and functions. Despite the absence of a clearly formulated legal definition of internal affairs bodies, their role is quite large, and their powers are very extensive. The structure of the internal affairs bodies is presented to us in two versions, when the internal affairs bodies act as part of the Ministry of Internal Affairs, in which case they take the place of its divisions at different levels. And the second option is when the Ministry of Internal Affairs can be considered as an internal affairs body, which is part of the structure of the Department of Internal Affairs. The article discusses the concepts, essence, powers, structure, legal status of the Department of Internal Affairs.

Keywords: internal affairs bodies, concept, tasks, powers, functions, structure, police.

Одна из важнейших ролей в деятельности исполнительной ветви власти в государстве принадлежит ОВД. Это основывается и на историческом опыте России, так как еще в 1802 году, когда только было создано первое Министерство внутренних дел, его полномочия были крайне обширны, и затрагивали не только «полицейскую» сферу деятельности, но и иные, то есть все внутренние дела государства. Сфера деятельности МВД даже на современном этапе развития России намного шире, нежели у иных министерств и ведомств. Так как в систему МВД входит не только полиция, но и иные органы внутренних дел, к числу которых, например, относится управление по вопросам миграции, то можно считать, что полномочия данного министерства затрагивают не только одну конкретную сферу общественной жизни, но как минимум несколько.

Органы внутренних дел входят в систему органов исполнительной власти, из чего следует, что данные органы имеют соответствующие полномочия, в том числе полномочия как административные органы. Так как они относятся к исполнительной ветви власти, то их деятельность распространяется не только на сферу охраны общественного порядка и безопасности, но и на сферу административной деятельности. Органы внутренних дел рассматриваются не только как часть административной системы государства, но и как правоохранительные органы, но так или иначе, они все же относятся к исполнительной власти [1].

Структура органов внутренних дел имеет вертикальный характер, так как они не подчиняются власти на местах, то есть, к примеру, органами внутренних дел в субъекте не руководит его глава или орган власти субъекта, а они напрямую подчиняются вышестоящему органу внутренних дел, на уровне федерального округа или на федеральном уровне.

Манукян А. Р.

Особенности и характер исследуемой проблемы определяются тем, что статус и полномочия органов внутренних дел, является объектом исследований такой науки, как административное право. В работах Агапова А. Б., Архипова Д. Н., Волкова А. М., Габричидзе Б. Н., Гришин Д. А., Кониной Н. М., Липатовой Э. Г., и других авторов обстоятельно рассмотрены статус, полномочия и сфера их деятельности [2].

Понятие ОВД не имеет правовой легализации, ни один нормативно-правовой акт не содержит четкого определения данного термина. Но, следует уточнить тот факт, что органы внутренних дел – категория, широко распространенная как в нормативно-правовой базе, так и на практике. Часто встречаются упоминания и отсылки к этому понятию, но четкой его формулировки так и нет ни в одном правовом акте.

На уровне субъекта взаимодействие органов внутренних дел с иными органами государственной власти регулируется соглашениями, так как напрямую отношений подчиненности органы власти субъекта с ОВД не имеют, так как последние являются территориальными органами федеральных органов, которыми выступают Министерство внутренних дел и входящие в него подразделения: отделы, управления.

С момента создания первого Министерства внутренних дел в 1802 году, было сразу понятно, что его полномочия и выполняемые им функции довольно обширны, так как в них входили не только полицейские функции, но и иные, затрагивающие все сферы внутренней жизни государства. Что говорит о важности данных органов в жизни государства, данные органы находятся под пристальным вниманием не только властных структур, но и общественных, а также граждан непосредственно. Это объясняется функциями, выполняемыми ими, так как данные органы имеют широкие воз-

возможности по применению силовых и не силовых мер, для выполнения этих функций.

Первой и значительной группой функций выступают функции по обеспечению общественной безопасности. Мы выделяем ее на первом месте, так как это наиболее важная с точки зрения целостности государства и общества функция, от которой в первую очередь зависит безопасность граждан, права, и свободы которых призваны защищать ОВД. Политическая функция, перед которой стоит основная задача – сохранение общества и государства в том состоянии, в котором оно находится. Также ОВД осуществляют функции предупреждения преступлений и пресечения административных правонарушений.

Важно уточнить, что деятельность ОВД основывается на задачах, поставленных перед ОВД. Поэтому, в первую очередь, нам стоит рассмотреть задачи, которые стоят перед данными органами. Среди них: обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. Органы внутренних дел осуществляют данную задачу исключительно в пределах своих полномочий в соответствии с законами и внутренними нормативными актами МВД; деятельность по борьбе с преступностью, которая раскрывается в выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений и административных правонарушений; деятельность по проведению проверочных мероприятий, а также пресечению административных правонарушений; осуществление полномочий по контролю оборота оружия на территории РФ; обеспечение безопасности дорожного движения; контроль за частной детективной и охранной деятельностью; охрана государственного имущества и организаций. Есть еще ряд задач, выполняемых органами внутренних дел, мы перечислили только основные из них.

Для подробного изучения органов внутренних дел, нам необходимо раскрыть систему данных органов. Ее можно рассматривать как горизонтальную и как вертикальную. Начнем с вертикальной системы МВД, составной частью которой являются органы внутренних дел. Она рассматривается по уровням – какую территорию распространяются полномочия того или иного органа. На федеральном уровне представлены органы МВД, полномочия которых распространяются на всю территорию РФ, в частности, это центральный аппарат МВД РФ. Под окружным уровнем подразумевается перечень органов, полномочия которых распространяются на территории федерального округа, к ним относятся управления МВД по федеральным округам и управления МВД на транспорте по федеральным округам. Межрегиональный уровень подразумевает под собой то, что органы, относящиеся к нему, распространяют свои полномочия на два и более региона РФ, в частности это линейные управления на транспорте, оперативные бюро и центры специального назначения МВД России. Уровень региональный распространяется на отдельные субъекты РФ, такие как республики, края, области, автономные округа и т.д. в него входят министерства внутренних дел по республикам, управления МВД по иным субъектам. Нижестоящий уровень – районный. К ним относятся: управления, отделы МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям, в том числе по нескольким муниципальным образованиям, управлений, отделы МВД России по закрытым административно-территориальным образованиям, на особо важных и режимных объектах, линейные отделы МВД России на транспорте, Управление МВД России на комплексе «Байконур» [3].

На горизонтальном уровне система МВД выглядит следующим образом: Органы внутренних дел, в том числе и полиция; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России».

В структуру органов внутренних дел входят: полиция; управления по вопросам миграции; следственные органы и органы предварительного следствия.

В полномочия ОВД входит совершенствование законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения, осуществление соответствующего контроля и надзора. Также они осуществляют руководство деятельностью Госавтоинспекции, в полномочия которой входит контроль за ремонтом дорог, оценка их состояния, контроль конструкции и технического состояния автотранспортных средств

(данное полномочие реализуется посредством технического осмотра транспортного средства, при постановке его на учет), регистрация и учет автотранспортных средств, контроль за перевозкой грузов, в пределах их компетенции, то есть крупногабаритных, опасных и тяжеловесных, также осуществляет розыск транспортных средств и регулирует дорожное движение. Для ОВД также характерна группа полномочий, которые относятся исключительно к административной сфере деятельности, так как управление по вопросам миграции является органом чисто административного характера. Органы внутренних дел входят в систему органов исполнительной власти, из чего следует, что данные органы имеют соответствующие полномочия, в том числе полномочия как административные органы. Так как они относятся к исполнительной ветви власти, то их деятельность распространяется не только на сферу охраны общественного порядка и безопасности, но и на сферу административной деятельности.

Органы внутренних дел осуществляют совместную деятельность с иными территориальными органами власти. Взаимодействие ОВД и ФНС выражается в том, что органы внутренних дел ведут дела об административных правонарушениях, в том числе и о правонарушениях налогового законодательства. Относительно взаимодействия с судебной властью, то здесь все наиболее просто, так как в компетенцию органов внутренних дел входит осуществление административного преследования, пресечение административных правонарушений и ведение дел по административным правонарушениям, которые позже передаются в суд, и по которым суд выносит решение. Также взаимодействие с судом выражается в том, что в административном судопроизводстве органы внутренних дел могут выступать в качестве административного истца или ответчика.

К ОВД относятся и органы, осуществляющие предварительное следствие, по делам, относящимся к их компетенции. Также относятся к органам внутренних дел Управления по вопросам миграции, так как они, во-первых, входят в структуру МВД, а во-вторых, осуществляют административную деятельность в отношении вопросов миграции населения, а также в отношении легализации иностранных граждан и лиц без гражданства.

ОВД занимают в структуре органов исполнительной власти одно из наиболее значимых мест и являются одним из основных субъектов данной ветви. В соответствии с положением о МВД, полиция также относится к органам внутренних дел, а ее полномочия в сфере охраны прав граждан более чем обширны. В целом, мы можем сказать, что, так как органы внутренних дел имеют полномочия практически во всех сферах общественной жизни, то и взаимодействие они осуществляют почти со всеми органами государственной власти. Полномочия ОВД весьма обширны и затрагивают различные сферы жизни общества. Несмотря на отсутствие четко сформулированного легального определения органов внутренних дел, они занимают одно из наиболее значимых мест в жизни общества и государства, а также затрагивают практически все сферы общественной жизни в процессе реализации своих задач и функций. Структура органов внутренних дел представляется нам в двух вариантах, когда органы внутренних дел выступают как часть МВД, в таком случае, они занимают место его подразделений на разных уровнях. И второй вариант, когда МВД можно рассматривать как орган внутренних дел, являющийся частью структуры ОВД.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 19.02.2021) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации».
2. Кодзокова Л.А., Кумышева М.К. Место органов внутренних дел в системе органов исполнительной власти и их взаимодействие с иными органами // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 4 (167). - С. 314.
3. Черкисенко С.В. Цели, задачи и функции органов внутренних дел Российской Федерации: правовое закрепление // Вестник Национального института бизнеса. - 2018. - № 31. - С. 167-170.

БОНДАРЬ Антон Геннадьевич

старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, капитан полиции

КУМЫШЕВА Марина Кадировна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

В настоящей статье рассматривается ретроспектива международной практики противодействия коррупционным и экономическим деликтам, что может обуславливать важность противодействия указанным деяниям как несколько тысяч лет назад, так и в настоящее время.

Особое упоминание получили вопросы применения правоприменительной практики борьбы с экономической и коррупционной преступностью, а также мерам общего и специального предупреждения в ряде зарубежных стран.

Проведённое исследование позволило сформировать выводы не только о текущем состоянии рассматриваемой преступности, но также обратиться и к зарубежному опыту в данном направлении, что предоставило возможность сформировать отдельные выводы и рекомендации, которые могут быть направлены в целях декриминализации различных сфер общественных отношений от противоправных посягательств со стороны коррупционной и экономической преступности.

Ключевые слова: коррупция, экономическая преступность, зарубежный опыт, история коррупции.

BONDAR Anton Gennadjevich

senior lecturer of Law enforcement organization sub-faculty of the North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, captain of police

KUMYSHEVA Marina Kadirovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Law enforcement sub-faculty of the North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

HISTORICAL RETROSPECTIVE AND ANALYSIS OF INTERNATIONAL PRACTICE IN COMBATING ECONOMIC AND CORRUPTION CRIMES

This article discusses a retrospective of the international practice of countering corruption and economic torts, which may determine the importance of countering these acts both several thousand years ago and at the present time.

Special mention was made of the application of law enforcement practice in the fight against economic and corruption crime, as well as general and special warning measures in a number of foreign countries.

The study made it possible to draw conclusions not only about the current state of the crime in question, but also to turn to foreign experience in this direction, which made it possible to form separate conclusions and recommendations that can be directed in order to decriminalize various areas of public relations from unlawful encroachments by corruption and economic crime.

Keywords: corruption, economic crime, foreign experience, history of corruption.

Как показывает историческая ретроспектива вопросы противодействия коррупционным и экономическим преступлениям волновали человечество во все времена и эпохи.

Так, содержание «Кодекса Хамурапи», используемого примерно в 1750 годах до нашей эры содержит нормы ответственности за противоправные деяния, связанные с противодействием ростовщичеством, борьбой со взяточничеством, а также общественных отношений в области порядка управления в державе Вавилон [6]. В свою очередь «Эдикт Нармаба», получивший распространение в обществе Древнего Египта, примерно в 1200 году до нашей эры, подразумевал взяточничество и хищение государственного имущества к наиболее опасным деликтам, за реализацию которых предусматривались самые суровые меры ответственности из имеющихся [7]. Спустя примерно тысячелетие, в соответствии с законода-

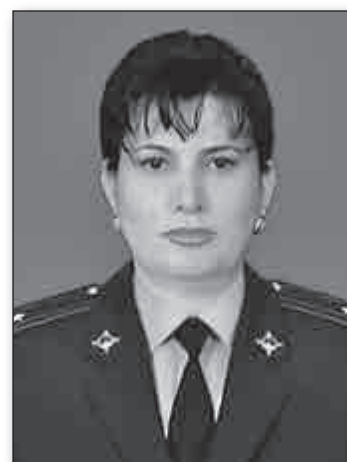
тельным актом именованным «Lex Calpurnia de repetundis» [2], действующим на территории Римской Республики, государственным деятелям под угрозой страшной кары, воспрещалось получать драгоценности, дорогие подарки от лиц, находящихся в прямой и ли косвенной подчиненности.

Изучая ретроспективу противодействия экономическим преступлениям, по нашему мнению, также достаточно примечательным выглядит Уголовный Кодекс Наполеона, который состоялся в 1810 году. В рамках указанного нормативно-правового акта вошли положения о юридической ответственности за такие деликты как незаконная азартная деятельность, обман на торгах, мошенничество при поставках товаров [8].

В настоящее время указанные нормативно-правовые акты можно считать историческими образцами нормативно-

Бондарь А. Г.

Кумышева М. К.

правового регулирования противодействия экономическим и коррупционным преступлениям, которые как видно из приведенной ретроспективы и по сей день являются одними из самых опасных, и существующих практически во всех сферах общественной жизни общества.

Рассматривая ретроспективу состояния преступности за предыдущие периоды, по нашему мнению следует обратиться к фактическим данным за 2021 год. Настороженность в среде теоретиков и правоприменителей вызывают тенденции увеличения количественных показателей экономических преступлений, совершенных в течении 2021 года. По сравнению с январем - декабрем 2020 года на 11,6% увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 117,7 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,9%. Материальный ущерб от указанных преступлений составил 641,9 миллиардов рублей. Количество преступлений коррупционной направленности за период 2021 года составило 35051, среди них 25927 преступлений совершено при осуществлении экономической деятельности, в том числе в приоритетных отраслях экономики [9]. Как можно заметить из настоящего статистического анализа, отчетливо прослеживается взаимосвязь между экономическими и коррупционными деликтами, последние из которых осуществляются коррупционной преступностью в сфере экономики. Данный факт, может объясняться тем, что такие преступления могут осуществляться со стороны лиц, которые обладают организационно-распорядительными функциями в коммерческих организациях, не имеющими отношения к непосредственной служебной деятельности на государственной (муниципальной) службе.

Опираясь на указанные данными, можно с уверенностью утверждать, что государственная политика в области противодействия экономическим и коррупционным деликтам на территории Российской Федерации реализуется на постоянной основе, однако её результаты не способствуют существенному снижению криминального воздействия со стороны экономической и коррупционной преступности. В связи с чем, нами сделано предположение, что тесная взаимосвязь экономической и коррупционной преступности оказывает существенное влияние как на совершение таких деликтов в целом, так и на механизмы их осуществления в частности.

Обращаясь к вопросам противодействия коррупционным и экономическим преступлениям, по нашему мнению следует обратить пристальное внимание на опыт зарубежных стран.

В уголовном законодательстве Республики Таджикистан по линии специального предупреждения противоправных деликтов, криминализованы следующие деяния: ст. 246 УК РТ «Хищение денежных средств, выданных в качестве кредита» и ст. 264 УК РТ «Незаконное получение кредита» (дотаций при отсутствии признаков хищения) [1]. Данная законодательная инициатива позволила решить проблему с разграничением указанных деяний, в пользу их более качественной квалификации.

Свод законов США в свою очередь признаёт оконченными преступления, связанные с мошенничеством при получении субсидий (дотаций) не только при наступлении общественно-опасных последствий, но и без такового, в случае если предметом противоправного посягательства являются денежные средства или материальные ценности, принадлежащие государству [10].

Рассматривая правоприменительную практику противодействия коррупции в ряде зарубежных стран, считаем целесообразным обратить внимание на следующие аспекты:

В государстве Южная Корея важнейшим вектором политики в области противодействия коррупционной агрессии является внедрение политики «прозрачности». В практической плоскости она реализуется в том числе посредством онлайн-системы контроля за рассмотрением заявлений и обращений граждан со стороны должностных лиц государственных органов, вне зависимости от направления деятельности таких органов [4].

В тоже время в США выстроена и действуют достаточно строгие условия для наказания лиц, которые совершают коррупционные преступления. Так, за совершение преступлений коррупционной направленности, к субъекту противоправного деликта применяются санкции, предусматривающие тюремное заключение от 15 лет, вместе с необходимостью трехкратного возмещения, отталкивающегося от суммы коррупционной сделки [3].

В заключении хотелось бы отметить особая роль в практике противодействия коррупционной агрессии, которая сложилась на территории Сингапура, на территории которого сформированы специализированные органы «Антикоррупционное бюро», которое имеет в своём подчинении свои аппараты оперативных служб, а также следственный департамент [5].

В связи с анализом вышеизложенного считаем целесообразным выделить ряд авторских предложений, которые могут иметь положительное значение для декриминализации общественных отношений от влияния экономической и коррупционной преступности, действующей на территории Российской Федерации:

1. Необходимо сформировать на базе «Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России» и его территориальных управлений подведомственные следственные подразделения, должностные лица, которых были заняты лишь расследованием экономических и коррупционных преступлений;
2. Направить усилия на формирование качественных программ профессиональной подготовки (повышения квалификации) сотрудников занимающихся документированием экономических и коррупционных преступлений;
3. Пересмотреть положения антикоррупционного законодательства, в пользу ужесточения санкционной политики за совершение экономических и коррупционных деликтов.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#pos=8;145&pos2=2491;-99
2. Акимова Н.В. Истоки коррупции и особенности борьбы с ней в России XIV-XVII веков // История государства и права. - 2008. - № 8.
3. Карепова С.Г., Сорокин О.В. Разработка рекомендаций по противодействию коррупции: международный опыт // Социально-гуманитарные знания. - 2016. - № 6.
4. Моисеев В.В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. - 2013. - № 3.
5. Харичева М.С. Международный опыт борьбы с коррупцией: Сингапур // Вестник Калининградского юридического института МВД России. - 2011. - № 3 (25). - С. 121-125.
6. Тураев Б.А. История древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. - 3-е изд. - Л.: Соцэкгиз, 1936. - Т. I. - 359 с.
7. Аристотель. Политика // Соч.: В 4-х Т. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - С. 375-644.
8. Захватаев В. Н. Кодекс Наполеона. - М., 2012.
9. Сводный отчет по России о результатах работы по защите средств федерального бюджета, направленных на реализацию приоритетных национальных проектов за 2021 год: сборник статистической информации. ФКУ «ГИАЦ МВД России». - М., 2022. - 89 с.
10. Свод законов США. Титул 18. Ст. 1001 // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Ред. О.А. Жидков; сост. В.И. Лафитский. - М.: Прогресс, Универс, 1993. - С. 156-184.

КОВАЛЕНКО Эдуард Витальевич

преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант полиции

КОДЗОВ Анзор Борисович

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАДИКАЛИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье анализируются детерминанты молодежного радикализма и экстремизма. Отмечается, что основной детерминантой является глобализация, а наиболее уязвимой социальной группой перед идеологией экстремизма оказалась молодежь. Выделяются социально-психологические факторы молодежного экстремизма. Указывается, что оппозиционность молодежи существующему жизненному укладу создает предпосылки для формирования угрозы безопасности общества и государства. Делается акцент на необходимости со стороны государственных органов осуществления профилактических мероприятий и противодействия молодежному радикализму и экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм; угроза; безопасность; профилактика; противодействие; молодежь.

KOVALENKO Eduard Vitaljevich

lecturer of Organization of law enforcement activities sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia, senior lieutenant of police

KODZOV Anzor Borisovich

PhD in Law, lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

PREVENTIVE MEASURES TO COUNTER RADICALISM AND EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT

The article analyzes the determinants of youth radicalism and extremism. It is noted that the main determinant is globalization, and the most vulnerable social group before the ideology of extremism was the youth. The socio-psychological factors of youth extremism are singled out. It is indicated that the opposition of young people to the existing way of life creates the prerequisites for the formation of a threat to the security of society and the state. Emphasis is placed on the need for government agencies to implement preventive measures and counteract youth radicalism and extremism.

Keywords: extremism; threat; security; prevention; opposition; the youth.

Нынешний этап социального развития характеризуется возросшей угрозой радикализма и экстремизма, которые стали одной из самых опасных проблем XXI века. Основным определяющим фактором этих явлений является глобализация, которая угрожает существовавшей ранее культурной самобытности. И наиболее уязвимые социальные группы, подверженные воздействию этих идеологий, оказались молодыми людьми, которых легко увлечь чем-то новым.

Отличительной чертой молодых людей является разнообразие культур и субкультур, где они могут выразить себя, проявить свою индивидуальность и испытать процесс роста. Кроме того, эти процессы не всегда бывают без дефектов, и в некоторых случаях их развитие может негативно повлиять на молодых людей. Следовательно, недостатки социализации приводят к радикализации и экстремизму в молодежной среде. Поэтому необходимо, чтобы правоохранительные органы решительно боролись с любыми проявлениями ксенофобии, национализма и религиозной вражды.

Сегодня экстремизм среди молодежи угрожает будущему нашей страны. Как мы все знаем, молодежь является ресурсом национальной безопасности, гарантом социального прогресса и развития и социальных изменений. Благодаря

своей способности быстро адаптироваться, они определили возможность позитивного влияния на позитивные социальные изменения. Нельзя также отрицать тот очевидный факт, что большинство участников демонстраций, маршей, демонстраций, в том числе незаконных, являются молодежной аудиторией.

Будучи социальной группой, наиболее уязвимой для радикального национализма и ксенофобии, сегодняшняя молодежь не свободна от контента, распространяемого некоторыми средствами массовой информации и другими источниками, которые призывают к проявлениям активизма, экстремистской деятельности, национализма, расовой и религиозной нетерпимости и действиям, направленным на борьбу с радикальными проявлениями.

Кроме того, активно используя возможности глобального информационного пространства, эти материалы могут распространяться среди неограниченного числа пользователей, а совместные действия экстремистских групп и их лидеров могут координироваться при планировании экстремистской деятельности, а также могут быть сформулированы стратегии поведения участников [5]. Следовательно, молодые люди с их характерным максимализмом, нигилизмом,

Коваленко Э. В.

Кодзов А. Б.

отсутствием конструктивной гражданственности и способностью открыто выражать националистические взгляды могут легко превратить ксенофобские взгляды в насилие, основанное на расизме. Следовательно, необходимо знать причины этих демонстраций, чтобы предотвратить преступления и преступления, склонные к экстремизму.

Следовательно, исходя из вышеперечисленных обстоятельств, можно сделать вывод, что радикализм проявляется как крайний, бескомпромиссно поддерживающий все точки зрения и концепции в социально-политической сфере, и что он сосредоточен главным образом на решающих изменениях существующей социальной системы.

Многие исследователи используют радикализм и экстремизм как синонимы [4]. Однако следует подчеркнуть, что эти понятия имеют определенные различия, в том числе определение радикализма как идей и методов его реализации и определение экстремизма как методов и средств борьбы, которые проявляются в действиях.

Основой радикализма является негативное отношение к социальной и политической жизни общества и поиск выхода из конфронтации как единственного возможного выхода из статус-кво. Радикализм не имеет четкой политической позиции, он в большей степени определяет роль дестабилизации, которая проявляется в различных формах экстремизма и терроризма. Появление радикального мышления ультралевых или ультраправых связано с социальным дисбалансом и общей неопределенностью и нестабильностью, вызванными снижением потенциала социальной мобильности молодежи [1], [2].

Что касается молодежного экстремизма, то следует подчеркнуть, что психосоциальные факторы, подталкивающие эту аудиторию к деструктивным идеологиям, направлены на обновление образа жизни и образа жизни.

Следовательно, нелогичность и иррациональность современной молодежи, а также их непримиримое противодействие существующему образу жизни создали предпосылки для формирования угроз обществу и национальной безопасности.

В этом случае задачей государственных институтов является предотвращение и борьба с молодежной активностью. Однако следует понимать, что чрезмерная жесткость может привести к девиантному поведению, что может еще больше усугубить радикальные эмоции. С другой стороны, проявляя чрезмерную мягкость в борьбе с грубыми, провокационными и социально резонансными нарушениями социальных норм, преступлениями и преступлениями, которые могут вызвать экстремистские тенденции [4].

Отсюда мы признаем, что национальная структура управления должна опираться на научные знания и практический опыт, чтобы эффективно реализовать процесс социальной зрелости и развития молодежи. Учитывая непредсказуемость, к которой склонны молодые люди, необходимо предотвращать необдуманные социальные действия, которые только усиливают их активность, проявляющуюся в агрессивности и крайней несознательности. Ведь, как известно, фанатизм и нигилизм расположены на полюсах крайнего сознания. Агрессия определяется желанием молодых людей демонстрировать шокирующие, провокационные и смелые действия.

Общество также не может оставаться равнодушным. Это должно мешать плану развития молодежного экстремизма не только путем его предотвращения, но и путем предотвращения перехода в позитивную фазу. Вообще говоря, задача общества-оказывать возможное влияние на формирование мировоззрения молодежи [4].

Поскольку молодые люди более восприимчивы к экстремистским проявлениям, чем представители поколений среднего и старшего возраста, существует приверженность экстремистским взглядам в социально-политической сфере

по следующим причинам: отсутствие необходимых знаний, маргинальный и нестабильный статус, отсутствие статуса во взрослой жизни, желание выделяться, максимализма, неустойчивого сознания, некритического мышления и неспособности идти на компромисс. Эти причины необходимо учитывать при организации взаимодействия государства с радикальной молодежью.

Учитывая особенности факторов и процессов, определяющих активность и одно из ее проявлений, а именно молодежный экстремизм, очевидно, что эта конкретная социально-демографическая группа является наиболее благоприятной аудиторией для культивирования идей, присущих этим идеологиям.

Поэтому при обобщении детерминант молодежного радикализма и экстремизма необходимо учитывать, что их предотвращение - это предотвращение их проявлений. В то же время следует учитывать тот факт, что глобализация способствовала развитию этого явления, что устранило ранее существовавшие культурные особенности, которые не были активно приняты молодой общественностью. По этой причине правительство должно уделять особое внимание молодежным сообществам и субкультурам, где радикализм наиболее распространен и популярен.

Необходимо также определить тип активности, предвестник экстремизма, поскольку личные мысли в его развитии решительно становятся экстремизмом, и в них в большом количестве участвует молодежь. Лучший способ борьбы с этим типом участия - развенчать эти идеи. В целом, понимание степени радикализации молодежи будет лучшим способом предотвратить экстремизм. Сегодня мы можем наблюдать, что профилактика молодежного экстремизма ограничивается формальными мероприятиями, которые не дали никаких результатов. Для комплексного решения этой проблемы следует использовать весь существующий потенциал государства, государственных институтов и гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Абазов А.Б. Задачи правоохранительных органов по предупреждению межнациональных и межрелигиозных конфликтов // Закон и право. - 2018. - № 2. - С. 49-51.
2. Абазов А.Б. Радикализация молодежи: к вопросу о роли органов местного самоуправления в организации мер противодействия // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 2. - С. 48-51.
3. Гедутошев Р.Р. Концептуальные основы, детерминирующие экстремистскую среду и терроризм в условиях глобализации // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 104-107.
4. Журтов А.Б., Ордоков М.Х. Экстремизм: понятие, социально-экономические, политические и исторические причины явления, тенденции его развития // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 4 (143). - С. 398-399.
5. Карданов А.Р. Мотивационные факторы распространения идеологии терроризма и экстремизма в глобальном медиапространстве // Проблемы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. - № 4. - С. 59-62.

ХИДИРЗОДА Махфират Умар

доктор философских наук, профессор, Член Центральной комиссии по выборам и референдумам Республики Таджикистан

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена исследованию проблем идеологической безопасности в условиях усиления угроз гибридного характера. Идеологическая безопасность оценивается как составная часть национальной безопасности в современном обществе. Исходя из этого необходимо принятие мер комплексного характера, направленного на защиту идеологического пространства страны. Укрепление нормативной правовой основы выступает одним из них. Вместе с тем важно усовершенствование мер информационного и культурного характера, так как информация и культура также выступают средствами осуществления идеологических нападков.

Ключевые слова: идеология, идеологическая безопасность, идеологическая угроза, идеологическое пространство, идеологическое противостояние, идеологические средства, экстремизм, терроризм.

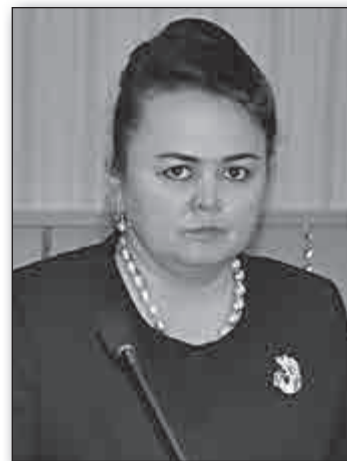
HIDIRZODA Mahfirat Umar

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Member of the Central Commission for Elections and Referendum of the Republic of Tajikistan

IDEOLOGICAL SECURITY IN THE GENERAL SYSTEM OF NATIONAL SECURITY

The article is devoted to the study of the problems of ideological security in the face of increased threats of a hybrid nature. Ideological security is assessed as an integral part of national security in modern society. Based on this, it is necessary to take comprehensive measures aimed at protecting the country's ideological space. Strengthening the regulatory framework is one of them. At the same time, it is important to improve measures of an informational and cultural nature, since information and culture also act as means of carrying out ideological attacks.

Keywords: ideology, ideological security, ideological threat, ideological space, ideological confrontation, ideological means, extremism, terrorism.

Хидирзода М. У.

Проблема безопасности волновала человечество во все времена, однако в современном мире уровень озабоченности по данному вопросу значительно возрос, так как изменилась специфика угроз и вызовов, представляющих опасность для стабильного развития мирового сообщества.

Сегодня человечество озадачено решением таких актуальных социально-политических проблем, как борьба с коррупцией, торговли людьми, терроризмом и экстремизмом и тд. Несмотря на свою специфику и способов проявления, все они несут собой нестабильность и угрожают национальной и государственной безопасности различных стран.

Именно поэтому противодействие этим угрозам выступает важнейшей задачей любого общества. Мировая практика на сегодняшний день разработало множество способов борьбы с этими опасностями. Однако все эти механизмы и технологии должны постоянно совершенствоваться для сохранения своей максимальной эффективности.

В перечне указанных проблем особое место принадлежит идеологическим угрозам, в связи с чем проблема безопасности выходит на первый план во всеобщей повестке дня внутренней и внешней политики государств. Особенность идеологических угроз заключается в том, что в них основной акцент делается на общественное сознание

и психологию. В результате уязвимость сообществ перед вышеупомянутыми угрозами возрастает.

Идеологическая безопасность как составной компонент национальной безопасности вообще, представляет собой состояние защищённости идеологического пространства от влияния внутренних и внешних информационно-психологических и идеологических воздействий. Она выступает необходимым идейно-ценностным составляющим для полноценного формирования пояса безопасности для любого общества. Учитывая тот неоспоримый факт, что духовное и идейное составляющее имеет важное значение для регулирования социальных отношений в любом обществе, идеологическая безопасность приобретает особую значимость.

В указанном ракурсе весьма обоснованно мнение, приведенное в журнале «Политическое образование», в котором даётся конкретное определение взаимодействия идеологии и безопасности государства. Указанное взаимодействие конкретизировано в семи положениях, в том числе:

«Положение 1. Безопасность каждого государства, безусловно, имеет свое специфическое духовно-идеологическое основание.

Положение 2. Последнее, как правило, интегрирует духовные принципы, сформировавшиеся в обществе в

ходе его развития с идеологиями, существующими в нем в конкретные исторические периоды.

Положение 3. Особое место в механизме формирования системы безопасности конкретного государства занимает идеология господствующих в нем социальных сил.

Положение 4. Система безопасности государства выполняет функцию обеспечения существования всех социальных групп конкретного государства, а значит, является своеобразной базой существования, развития и функционирования их идеологий.

Положение 5. Практика свидетельствует, что роль тех или иных идеологий в отношении безопасности государств может меняться и меняется с изменением социальных ситуаций.

Положение 6. Каждая идеология, существующая в обществе, по-своему трактует проблемы безопасности, но обязательно, так или иначе, трактует.

Положение 7. В разные периоды развития государств воздействия их систем безопасности на идеологические процессы, идущие в них, отличаются друг от друга. Есть периоды, когда они находятся в состоянии тесного взаимодействия, а есть периоды, когда они существенно отдаляются друг от друга. Но нет периодов, когда бы они не взаимодействовали, друг на друга» [2].

Необходимо отметить, что данная классификация отражает реальную значимость идеологии для обеспечения безопасности государства.

Что касается исследования проблем идеологической безопасности, как самостоятельного направления в Таджикистане, то она в последние десятилетия рассматривалась в контексте исследования других проблем, в частности информационной безопасности, проблемы взаимодействия религии и государства, а также противодействия экстремизму и терроризму. Хотя политические дискурсы на тему поиска национальной идеи и государственной идеологии продолжаются уже много лет. Во всяком случае, после приобретения суверенитета и провозглашения идеологического плюрализма изучением данного вопроса занимаются лишь отдельные политологи. Хотя нынешняя ситуация, связанная с усилением угроз гибридного характера, усиливает необходимость исследования проблемы идеологической безопасности для таджикского общества. С учетом выше указанного необходимо акцентировать внимание на характер угрозы идеологической безопасности для таджикского общества, которая по силу различных причин является наиболее уязвимым в этом вопросе.

Таджикистан, как и другие страны постсоветского центральноазиатского региона, подвержен различному типу идеологических угроз в силу множества причин, как внутренних, так и внешних. Это можно аргументировать следующим:

– во-первых, страна по своему геополитическому расположению находится в зоне столкновения интересов сверхдержав. Исходя из этого, осуществление идеологических нападений выступает составной частью целенаправленной деятельности геополитических сил в данном направлении;

– во-вторых, это зона, где проходит линия разделения цивилизаций - ислама с другими цивилизациями. Следовательно, противоречия и идеологические угрозы имеет

свою специфику, т. е. они осложнены еще и цивилизационными различиями и противоречиями;

– в-третьих, это буферная зона, разделяющая границы СНГ от Афганистана, где война и нестабильность продолжают уже несколько десятилетий. В идеологическом плане нынешнее состояние афганского общества представляет реальную угрозу не только Таджикистану, но и странам центральноазиатского региона. Угроза распространения «талибизма», как террористической идеологии, является реальностью сегодняшнего дня.

Следующей особенностью выступает распространение идеологии религиозного экстремизма и радикализма, что значительно повышает уязвимость общества в данной направленности.

Вышеуказанные причины повышают актуальность организации эффективного идеологического противодействия, способного обеспечить безопасность страны. Необходимым шагом выступает формирование нового подхода к идеологическим вопросам, признания истинной значимости защиты идеологического пространства, создания устойчивой информационно-технологической системы, способной надежно защищать интересы государства и общества.

Необходимо отметить, что советское прошлое Таджикистана имело особое отношение к идеологии и ее реализации. Согласно С.А.Маршаку: «На идеологию работала гуманитарная наука с ее институтами и учреждениями, выработка идеологии было подчинено искусство, литература, средства массовой информации. Можно утверждать, что существовала целая идеологическая индустрия, имеющая различные службы, современные технические средства распространения идеологии, хорошо подготовленные, квалифицированные кадры. Все это позволяло определять приоритеты в идеологических спорах, завоевывать сторонников и новых приверженцев, иметь выигрыш в условиях идеологической битвы [5, с. 142-144]. Конечно же, резкое изменение идеологического пространства после такого рода идеологической обеспеченности и трансформации государственного и политического строя предполагает определенные трудности.

Идеологическая безопасность как составляющая национальной безопасности, вопросы ее обеспечения и укрепления, специфика и формы предусмотрены Конституцией и другими нормативными правовыми актами Республики Таджикистан. Статья 8 Конституции страны по этому поводу гласит: «В Таджикистане общественная жизнь развивается на основе политического и идеологического плюрализма.

Идеология ни одной партии, общественного объединения, религиозной организации, движения и группы не может быть признана как государственная» [3, с. 6]. Этим и определяется конкретное отношение государства к идеологии. Указанный конституционный принцип позволяет сделать вывод о том, что провозглашаемый идеологический плюрализм, предполагает наличие плюрализма мнений, как одного из важных принципов демократии. На этом основании в Таджикистане функционирует многопартийная система. До 2015 года существовала и партия религиозного типа. Однако после осуществленной неудачной попытки государственного переворота деятельность данной партии

была запрещена, а сама внесена в список партий, экстремистского и террористического толка. Указанный факт еще раз подтверждает практическую применимость третьего положения, приведенного выше цитаты, согласно которой в механизме формирования системы безопасности конкретного государства особое место занимает идеология господствующих в нем социальных сил. Что касается религиозной партии, то она не была господствующей, но была официально зарегистрированной и действующей партией парламентского типа. Исходя из этого, можно заключить, что идеологические угрозы имеют не только внешний характер, но и элементы самой политической системы могут породить такого рода угроз.

На данный момент в стране действуют семь политических партий, которые обеспечивают представленность интересов различных социальных групп. Шесть из них являются партиями парламентского типа и все они придерживаются светской направленности.

Следующим важным моментом выступает определение нормативной правовой основы обеспечения идеологической безопасности. Закона Республики Таджикистан «О безопасности» определяет следующие виды безопасности: «экономическая безопасность», «продовольственная безопасность», «общественная безопасность», «военная безопасность», «экологическая безопасность», «информационная безопасность», «внешняя безопасность», «внутренняя безопасность» [1]. Следовательно, **идеологическая безопасность** в качестве конкретной правовой категории и виде безопасности не указана, что на наш взгляд, в определенной степени осложняет организацию эффективной деятельности, направленной на обеспечение идеологической безопасности общества.

Следует признать, что идеологическая угроза в современном обществе не миф и не политическая страшилка, а реально существующая угроза. Исходя из этого, на наш взгляд, в связи с особенностями современного этапа развития общества, усиления угроз идеологического характера весьма важным и своевременным выступает выделение «идеологической безопасности» как отдельного и самостоятельного вида безопасности в Законе, что в определенной степени способствовало бы усилению нормативно-правовых основ организации деятельности в данном направлении.

На сегодняшний день одним из важных составляющих идеологической безопасности выступает обеспечение информационной и культурной безопасности, так как ныне идеологическая экспансия осуществляется именно информационными и культурными средствами. Как идеологический инструмент общества информация способна коренным образом изменить характер и скорость политических процессов, так как информация в существующей системе общественных отношений выполняет различные функции, такие как интеграционная, направляющая и мобилизационная, а также обеспечение идеологического единства общества. Никто не может отрицать, что социальная среда любого общества способна сохранять свою самобытность и единство без необходимой информации. Иными словами, информация как средство общения - это социальный механизм, имеющий психологический, ценностный и коммуникативный характер, и влияющий на суть политиче-

ских процессов. Необходимо отметить, что в современном мире любой политический процесс, прежде всего, имеет информационный характер, так как именно информационное сопровождение способно активизировать субъектов на обеспечение динамичности рассматриваемых нами процессов. Поэтому когда речь идет об информации, как способе социального общения, то, в первую очередь, подразумевается, что для совершения определенного социального взаимодействия информация просто необходима.

Речь идет об укреплении информационного пространства, которое должно быть, прежде всего, направлено на обеспечение государственной и национальной безопасности, поддержание стабильности и безопасности, правопорядка [10, с. 61].

Для осуществления мер, направленных на обеспечение информационной безопасности в Таджикистане Указом Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года, под №1175 принята Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан. В данном документе «выделяются четыре основные составляющие национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере. Первая составляющая национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления республики, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и

научного потенциала страны» [4]. Данный компонент отражает именно идеологическую направленность мер, осуществляемых в рамках обеспечения информационной безопасности. Идеино-ценностная сущность указанных элементов заключается в том, что все они напрямую связаны с общественным сознанием и психологией, благодаря которым формируется общность позиций, мнений и взглядов, обеспечивающих социальную и политическую интеграцию общества.

Кроме этого, данная Концепция, определяя цели информационной защиты в духовной сфере, гласит: «Обеспечение информационной безопасности Республики Таджикистан в сфере духовной жизни имеет целью защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, связанных с развитием, формированием и поведением личности, свободой массового информирования, использования культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и норм общественной жизни, с сохранением культурного достояния народа Таджикистана, реализацией конституционных ограничений прав и свобод человека и гражданина в интересах сохранения и укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, здоровья граждан, культурного и научного потенциала Республики Таджикистан, обеспечения обороноспособности и безопасности государства» [4]. Перечисленные компоненты духовной сферы в содержательном плане составляют систему ценностей, основываясь на которых формируется духовно-нравственный и ценностный устои общества. С идеологических позиций они представляют собой комплекс идей, ценностей и норм, обеспечивающих идейную интеграцию общества. На осно-

ве осознания и признания общности указанных ценностей формируется и развивается идентичность различных социальных групп, способствуя формированию единой позиции, признания и осознания себя как «Таджикистанца».

Специфика современной культурной экспансии заключается в том, что она осуществляется путем продвижения идеологии ненасилия, т.е. применением «мягкой силы» или «культурной дипломатии». Согласно Н.М.Сирота: «Идейные ценности являются важнейшим компонентом «мягкой силы» как одной из ключевых составляющих могущества и возможностей государств» [7, с. 4]. Иными словами, благодаря именно идейным ценностям осуществляется реализация стремлений сверхдержав к мировому лидерству. На наш взгляд, «мягкая сила» это своеобразное идеологическое наступление с целью распространения своих культурных ценностей.

Идеология мягкой силы предполагает использование мягких инструментов влияния, которые могут иметь желаемые результаты. Согласно А.Радикову и Я.Лексютинной: «Инструменты “мягкой силы” включают коммуникацию, в том числе информационные технологии и, особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры, крупномасштабные мероприятия (например, Олимпийские игры, ЭКСПО). Носителями “мягкой силы” могут быть и известные торговые марки (бренды), достижения в науке, технике, искусстве и даже мода» [6, с. 20]. На первый взгляд они выглядят совершенно «безобидными» и вполне приемлемыми. Однако эти инструменты социально-психологического и идеологического воздействия способны трансформировать массовое сознание, способствовать распространению чужой идеологической или ценностной позиции, тем самым, привести к социальной деградации общества.

Провозглашаемые лозунги относительно прав человека, свободы выбора, право на выбор пола и ориентации, господство других демократических ценностей и т.д. выступают инструментами влияния. Эти инструменты способны манипулировать массовым сознанием, особенно сознанием молодого поколения, которое наиболее уязвимо в данном аспекте. У части молодежи, с еще не сформировавшимися морально - ценностными и политическими позициями, всякое чужое вступает объектом особого внимания и притяжения. В результате они окажутся добычей в сети идеологов и технологов «мягкой силы», тем самым представляя угрозу общности и стабильности. С.С. Ятимов по этому поводу справедливо отмечает, что «задача иницирующих идеологию субъектов как раз заключается в том, чтобы различными способами, все больше подчинить. Подчинить, чтобы управлять. Управлять, чтобы достичь соответствующие политические цели» [12, с. 63]. Следовательно, использование культуры как идеологического инструмента преследует цель культурного порабощения, с целью постепенного уничтожения идентичности наций. Так называемая и широко пропагандируемая в последние десятилетия идеология массовой культуры призвана обеспечить и идеологическое господство заинтересованных сил.

Следует учитывать, что культурная безопасность так же прямым образом зависит от эффективно организован-

ной идеологической системы безопасности. Культурная безопасность предполагает наличие ситуации, в которой обеспечивается надежная защищенность культурных ценностей от внешней угрозы. Создание такой обстановки требует использования комплекса мер нормативно-правового, структурного, институционального и организационного, и конечно же, идеологического характера.

Что касается современной реальности Таджикистана, то явно ощущается культурное влияние различного характера. В такой ситуации под реальной угрозой остается национальная культура с ее системой ценностей. Данная культурная экспансия осуществляется именно механизмами «мягкой силы», которая ощущается постоянно. Сохранение своей идентичности в условиях наличия стремлений для оказания культурного влияния одно из сложных задач, которое стоит перед обществом. Необходимо осознание того неоспоримого факта, что уклон в любую сторону чревато не поправимыми последствиями. Известно, что целевой аудиторией в такой ситуации выступает именно молодежь, так как именно она наиболее подвержена идеологическому дискурсу в данной ситуации. Идейная убежденность молодежи национальным культурным ценностям выступает надежным конструктом на пути упрочения основ национальной государственности.

Поэтому важным и своевременным механизмом выступает именно идеологическое противодействие, способное обеспечить надлежащую защиту национальных культурных ценностей. Этому вынуждает асимметричный характер культурной экспансии, которая в сила создавать непредсказуемые угрозы существованию культуры-донора. Практика показывает, что культурная экспансия может быть детерминирована различными факторами, в том числе социально-политического и экономического характера. Учитывая это, Президент страны, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон, оценивая проведенную работу по укреплению государственного суверенитета в своей книге «Горизонты суверенитета» отмечает, что: «Культурная политика независимого государства Таджикистан направлена на укрепление духовных устоев государственности, развитие творческого мышления народа, рост национальной гордости и чувства патриотизма всех жителей страны, сохранение мира, стабильности и взаимопонимания всех социальных слоев населения и в целом на укрепление национального самосознания. Все меры, вытекающие из этого процесса, будут способствовать обеспечению культурной независимости страны. [11, с. 270] Культурная независимость выступает как составная часть государственной независимости, культурной и духовно-нравственной независимости каждого члена общества. Именно поэтому поиск путей обеспечения идейной устойчивости каждого отдельного субъекта политики имеет актуальное значение для дальнейшего упрочения государственных устоев.

Укрепление национальной государственности в период интенсивного смешения культурных ценностей требует созидательных усилий и устойчивых противодействий. Поэтому обеспечение культурной безопасности является одним из способов обеспечения национальной и государственной безопасности, и для его реализации принимаются конкретные меры. В качестве угроз в этом процессе признана девальвация моральных ценностей, пропаганда

разновидностей массовой культуры, основанные на насилии, информационные манипуляции.

Следующей угрозой, опасность которой издавна известна человечеству, является идеология терроризма и экстремизма. "Террористическая идеология — это та мощная пружина, которая способна раскрутить маховик террористической деятельности, втягивая в нее целые группы, слои населения, этносы, сплачивая их для достижения неких витальных целей, даже если пути достижения этих целей носят насильственный и преступный характер. Идеология — это тот элемент террористической деятельности, который можно использовать для ее идентификации и отграничения от общеуголовной преступности" [9]. Идеология экстремизма и терроризма выступает основным орудием, направленным на активизацию позиций вышеуказанных деструктивных сил, их укреплению за счет привлечения новых ресурсов, в том числе человеческих, а также средством распространения.

Каждый раз, проявляясь в новом облики, данная идеология показывает особую живучесть. Дойдя до наших дней, она выступает в более опасном и угрожающем виде, используя религию, как политического фактора, для достижения определенных целей. Ныне религиозный терроризм и экстремизм угрожает существованию человечества в полном смысле этого слова. Принимаемые меры противодействия и борьбы до сих пор не дали желаемых результатов.

В Таджикистане принимаются конкретные меры, направленные на профилактику, выявление, устранение и пресечение угроз террористического и экстремистского характера, одним из которых выступает Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг. Учитывая наличие угроз в этом направлении в Стратегии приводятся, что: «Экстремистскими и террористическими организациями ведется активная пропагандистская работа по привлечению в свои ряды молодежи, в том числе путем поиска новых членов и использованием социальных сетей» [8, с. 63]. Это свидетельствует о том, что экстремистские силы совершенствуют методы своей работы, используя социальные сети и другие средства интернет-коммуникации. Следовательно, в таких условиях повышается уровень угрозы, так как вся пропагандистская работа направляется на завоевание умов молодого поколения с еще не сформировавшимися политическими и идеологическими позициями.

Также важно упомянуть, что деятельность в этом направлении требует интеграцию усилий, как государства, так и всего общества. Актуальность проблемы заключается в том, что превентивные меры в этом направлении могут оказаться эффективнее, чем сама борьба с ними. Поэтому актуален учет особенностей социокультурных факторов.

На основе вышеприведенного анализа относительно значимости организации идеологического противодействия и обеспечения идеологической безопасности можно прийти к выводу о том, что в нынешней геополитической ситуации нашей стране необходимо национальная идеология, которая смогла бы объединить в себе ценности, идеи и нормы, способные консолидировать все общество, все социальные и политические слои. Она должна оперировать ценностями национального характера, которая

стоит выше всяких политических целей и интересов, следовательно, не должна представлять интересы какой-нибудь конкретной политической силы, что противоречило бы Конституции страны. Практика показывает, что под руководством Лидера нации мы смогли решить жизненно важные вопросы укрепления национальной и государственной независимости, смогли выйти на путь устойчивого развития. Единственным уязвимым моментом остается именно идеологическая безопасность, над которым следует тщательно поработать.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РТ «О безопасности» // ЗРТ от 27.11.2014 г., № 1137, от 15.03.2016 г., № 1283 от 03.08.2018 г., № 1540).
2. Идеология и безопасность государства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lawinrussia.ru/content/ideologiya-i-bezopasnost-gosudarstva> (дата обращения: 14.03.22).
3. Конституция Республики Таджикистан. [Текст]. Душанбе, 2016. 135 с.
4. Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан // Указ Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 года. № 1175.
5. Маршак С.А. Идеологическая безопасность нации: к вопросу о формировании новой идеологии российского общества [Текст] / Общество и право. 2004. № 4 (6). С. 142-144.
6. Радиков А., Лексютина Я. "Мягкая сила" как современный атрибут великой державы [Текст] // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. - С. 19-26.
7. Сирота Н.М. Политика и идеология [Текст]. М., 2015. 216 с.
8. Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг. Душанбе, 2021. 122 с.
9. Террористическая идеология: сущность и проблемы противодействия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tksu.ru/about_the_university/ (дата обращения: 16.02.22)
10. Хидирзода М.У. Истиклолият ва стратегияҳои муваффақ [Текст]. Душанбе, 2016. 253 с.
11. Эмомалӣ Раҳмон. Уфуқҳои истиқлол. Душанбе, 2018. 400 с.
12. Ятимов С.С. Идеология ва манфиатҳои миллӣ [Матн]. Душанбе, 2015. 192 с.

АНДРЕЕВА Людмила Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗИННАТУЛЛИН Вячеслав Валерьевич

магистрант направления подготовки МПГ07 Строительство (в области образования и науки) Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье рассматриваются вопросы формирования коммуникативной компетентности студентов ВУЗов при использовании в обучении проектного подхода. Приводятся данные о показателях сформированности коммуникативной компетенции студентов. Описываются требования к применению метода проектов в образовательном процессе.

Ключевые слова: проектный метод обучения, коммуникативная компетентность, работа в команде.

ANDREEVA Lyudmila Mikhaylovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

ZINNATULLIN Vyacheslav Valerjevich

magister student, direction of training MPG07 Construction (in the field of education and science), Ufa State Petroleum Technical University

FORMATION OF STUDENTS' COMMUNICATIVE COMPETENCE IN THE APPLICATION OF THE PROJECT METHOD OF TEACHING AT THE UNIVERSITY

The article discusses the issues of formation of communicative competence of university students when using a project approach in teaching. The data on the indicators of the formation of students' communicative competence are given. The requirements for the application of the project method in the educational process are described.

Keywords: project-based learning method, communicative competence, teamwork.

Проектное обучение на сегодняшний день является основной составляющей при получении профессиональных знаний студентами в ВУЗе. Суть данного вида обучения предполагает научно-исследовательскую работу учащихся над какой-либо профессиональной проблемой. Такой вид подхода предполагает приобретение более глубоких знаний путем активного изучения реальных проблем. Проектная деятельность, наряду с организационной, научной, производственной, исследовательской, и педагогической зафиксирована в действующих Федеральных государственных стандартах, как основной вид профессиональной деятельности, к которой должен быть готов выпускник высшего учебного заведения [2]. Формирование проектной компетенции будущего специалиста становится одной из главных целей в деятельности ВУЗа. Она формируется при активном использовании методов проектного обучения студентов.

По требованиям современных работодателей будущий специалист на выходе должен обладать не только знаниями в своей области, но и способностью правильно преподнести эти знания в коллективе; владеть навыками осуществления эффективной коммуникации в профессиональной среде; обладать способностью грамотно излагать мысли в устной и письменной речи; обладать способностью к деловой переписке; обладать способностью участвовать в информационно-коммуникационных процессах разного уровня, в проведении информационных кампаний.

В научно-исследовательских работах А.В. Богдановой и А.Н. Ярыгина особое место уделено выявлению уровня сформированности коммуникативных компетенций обучающихся в вузе. В числе доминирующих показателей выявлена значимость владения коммуникативными технологиями в будущей профессиональной сфере, которая включает в себя умение выражаться точно, правильно строить свою речь, обладать богатым словарным запасом, логически и четко излагать свои мысли. Особое место в исследованиях ученых уделена роль знаний различных речевых стилей студентами, столь необходимых в официально-деловой среде, что, безусловно, служит высоким показателем освоения профессиональной компетентности будущих специалистов [1]. Умение работать с документами, владеть речевым этикетом, саморегулироваться, управлять собственным поведением, владеть эмоциональным состоянием, уметь показывать навыки ко-

мандной работы, демонстрировать толерантность по отношению к тем, кто обладает яркими индивидуальными качествами, высказывать уважение к окружающим, обладающим собственным мнением и отстаивающим его – необходимые составляющие компетентного обучения при получении знаний для успешной трудовой карьеры.

Проектное обучение предполагает получение профессиональных знаний и умений, полученных на основе рассмотрения проблем, существующих в реальных условиях. Решение таких проблем требует от обучающихся знания коммуникативных навыков, так как групповая работа при решении познавательных и практических задач способствует использованию приобретённых знаний коммуникативных технологий, развивает критическое мышление, нарабатывается опыт нахождения знаний из различных источников.

Усвоение основ проектного обучения может проходить и во время учебных занятий в интерактивной форме, и во время работы над различными проектами, как в аудитории, так и во время внеаудиторной работы. Такой вид преподавания основывается на методологии, предполагающей комплексное использование коммуникативных, поисковых, исследовательских, проблемных, презентативных технологий.

Порядок организации проектной деятельности в общем виде можно представить в виде алгоритма, показанного на рисунке 1.

При проектной технологии практические знания должны опираться на знание теоретических основ, как базовых дисциплин, так и дисциплин профессионального цикла. Процесс проектного обучения будет включать основные этапы подготовительного периода, деятельность по решению проблем, анализ проделанной работы. Содержание этапов проектного обучения будут зависеть от уровня сложности проектов. Они могут быть различными.

Практически на каждом этапе обучающиеся приобретают коммуникативные навыки, участвуя в подготовке и обсуждения проекта, подборе команды, сборе информации, работе над проектом, оформлении и защите проекта.

Одним из условий создания команды при проектно-модельном методе обучения является правильное распределение обязанностей в соответствии с индивидуальными особенностями студентов. Благоприятный психологический и моральный климат в команде, включающий взаимосвязь и

Рисунок 1. Алгоритм этапов работы над проектом

взаимную требовательность, стимулирует результативность труда команды и каждого отдельного участника. Создание эффективной команды проекта должно соблюдать следующие условия:

- сформулированные руководителем цели работы команды должны быть ясны, понятны и согласованы со всеми участниками проекта;
- участники группы должны быть одинаково заинтересованы в конечном результате;
- должны соблюдаться сроки и качество выполняемых работ, намеченные планом;
- внутри группы должен преобладать творческий настрой, стремление добиться успеха;
- внутригрупповой психоэмоциональный климат должен держаться на позитиве и способствовать преодолению любых возникающих трудностей.

Эффективная работа команды в группе будет проводиться при наличии различных типов студентов. Они должны обладать определенными качествами:

1. Организатор-координатор (студент руководитель команды) - как правило, это руководитель команды, член команды практического и прагматического склада мышления с навыками планирования и организации практической проектной деятельности.
2. Генератор идей - предлагает новые способы решения идей проекта, уделяя особое внимание главным проблемам, с которыми сталкивается группа.
3. Исполнитель - выполняет всю практическую работу, систематически и эффективно в полном объеме и указанные сроки.
4. Оформитель - умеет оформлять проекты; активация его деятельности на финальной стадии проекта позволит успешно презентовать его, ибо он обладает мастерством придания законченной формы действиям команды; умеет направлять внимание и придает определенные рамки групповым обсуждениям и результатам совместной деятельности.

При обучении студентов с использованием проектного метода важен индивидуальный подход. В каждой группе, как правило, есть студенты с разными способностями, поэтому следует учитывать эти особенности при выборе проектного задания. Так более сильные студенты имеют возможность выполнять более глубокие и сложные исследования, а менее подготовленным студентам, требуется больше внимания и поддержки со стороны преподавателя.

Творческому человеку труднее всего бывает сосредоточиться на логике. С учетом индивидуальных способностей студентов можно их подключать на различных этапах реализации проекта. Это только будет способствовать развитию творческих устремлений студентов при одновременном глубоком понимании проблемы, а также оптимальному управ-

лению своей деятельностью по работе над проектом и достижению намеченных результатов.

Проектный метод обучения активно используется при обучении студентов Уфимского государственного нефтяного технического университета в рамках проведения практических занятий, учебных практик и междисциплинарных проектов. Активно развивается направление проведения межвузовских проектов.

В заключении выделим некоторые преимущества проектного обучения и развития коммуникативных навыков:

- применение технологии проектного обучения является способом влиять в трудовые коллективы, оперативно осваивать самые передовые и наукоемкие технологии. Это возможно благодаря тому, что азы технологий и методики их освоения уже заложены, а опыт работы в коллективе и формируемые коммуникативные и творческие навыки являются залогом успешной трудовой деятельности;
- работа над проектом даст возможность студенту развить творческое и критическое мышление;
- познакомит с элементами исследовательской деятельности и сформирует в этой сфере опыт (уметь анализировать проблему, наблюдать, собирать информацию, прорабатывать источники, строить гипотезу, обобщать, делать выводы);
- формирует организационные и управленческие умения (генерировать свои идеи, проектировать, принимать решения);
- выявит у студентов способность к самооценке, уметь делать выбор и оценивать последствия этого выбора.

В целом проектное обучение способствует повышению мотивации студентов к учебе, развитию креативного мышления и умения выражать, обосновывать, и отстаивать свое собственное мнение, тем самым развивать коммуникативные, творческие и исследовательские способности.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Текст]. - М.: Проспект, 2017. - 160 с.
2. Богданова А.В., Ярыгин А.Н. Структура информационно-коммуникативной компетентности как отражение ее деятельности природы и социального влияния // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. - 2013. - № 1 (12). - С. 300-303.

ГРОГУЛЕНКО Надежда Владимировна

доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЛЕВАШОВ Дмитрий Андреевич

бакалавр по направлению подготовки «Химическая технология природных энергоносителей и углеродных материалов» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗНАЧЕНИЕ «ЦИФРОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ» СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА НЕФТЕГАЗОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В статье авторы акцентируют внимание на необходимости постоянного развития цифровых компетенций специалистов нефтегазовой сферы для повышения экономической эффективности предприятий. Исследователи доказывают востребованность человеческого капитала на высокотехнологичных предприятиях. В ближайшие десятилетия развитие информационных технологий обусловит потребность общества в непрерывном обновлении и получении новых цифровых компетенций специалистов. Достижение освоения сквозных цифровых компетенций возможно только в случае трансформации системы непрерывного образования и развития интеллектуального капитала общества.

Ключевые слова: информационные технологии специалистов нефтегазовых предприятий, цифровые компетенции, система образования цифровой экономики.

GROGULENKO Nadezhda Vladimirovna

associate professor of Social and political communication sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

LEVASHOV Dmitry Andreevich

bachelor in the field of study "Chemical technology of natural energy carriers and carbon materials" of the Ufa State Petroleum Technological University

THE SIGNIFICANCE OF "DIGITAL COMPETENCES" OF SPECIALISTS FOR THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES AT OIL AND GAS ENTERPRISES

In the article, the authors focus on the need for continuous development of digital competencies of oil and gas specialists in order to increase the economic efficiency of enterprises. Researchers prove the demand for human capital in high-tech enterprises. In the coming decades, the development of information technologies will determine the need of society for continuous updating and obtaining new digital competencies of specialists. Achieving the development of end-to-end digital competencies is possible only if the system of continuous education is transformed and the intellectual capital of society is developed.

Keywords: information technologies of specialists of oil and gas enterprises, digital competencies, education system of the digital economy.

В глобализованном мире очень быстро распространились цифровые технологии, а экономика, рынок труда и общество в целом меняются с невероятной скоростью. Главным фактором развития современной экономики являются цифровые технологии, позволяющие повышать производительность, в том числе нефтегазовых предприятий, рост инноваций, конкурентоспособность. Как следствие, перестраивается рынок труда. Уходят в прошлое многие профессии, которые необходимы для выполнения единообразных задач. В свою очередь, появляются рабочие места, позволяющие людям более активно взаимодействовать с цифровыми инструментами и искусственным интеллектом [9].

Цифровизация общества характеризуется глубоким проникновением информационных технологий (ИТ), Интернета, социальных медиа в повседневную жизнь человека. Из-за этого меняется информационно-технологическая парадигма развития экономики. В современном обществе накоплен такой весомый объем ИТ, что он позволил сломать рамки консервативных механизмов локальной экономики, внедряя востребованные высокотехнологичные сквозные технологии в комплекс ТЭК. Развитие ИТ и их распространение создает инструментальную базу для развития цифровой экономики (ЦЭ), т.е. увеличения эффективности хозяйственной деятель-

ности субъектов за счет использования достижений цифровизации общества. Кроме технологий движущей силой развития ЦЭ являются компетенции субъектов. Нефтегазовые предприятия и граждане должны владеть компетенциями для того, чтобы использование ИТ привело к требуемым социальным и экономическим эффектам ЦЭ. Компетенции обуславливают способность субъекта к осуществлению какой-либо деятельности. При этом компетенцией могут обладать и отдельные специалисты, и предприятия, объединяя нескольких специалистов для ведения экономической деятельности [2].

Цифровые компетенции - есть способность специалистов предприятия ТЭК создавать инновации, используя цифровой контент и технологии, повышающие эффективность экономической деятельности предприятия. Также состав цифровых компетенций будет изменяться в зависимости от отрасли, которая является основой предприятия, и предметной области, в которой работает тот или иной специалист. Для использования достижений цифровизации общества в российской топливно-энергетической экономике требуются специальные навыки по работе и с технологиями, и с информационными данными. Бывшие совсем недавно востребованными навыки «компьютерной грамотности» становятся

обыденной компетенцией на высококонкурентном рынке. Взамен им резко возрос спрос на специалистов с «цифровыми компетенциями». Исследователи определили несколько видов цифровых навыков, такие, как: общие, профессиональные, комплементарные и навыки использования сервисов цифровой экономики [3]. До этого речь шла о подготовке ИТ-специалистов, однако сейчас подготовка в сфере алгоритмизированной обработки данных необходима каждому специалисту. Система подготовки кадров является одной из движущих сил для развития цифровой экономики [1]. Только подготовленные специалисты смогут создать и применить программные алгоритмы обработки цифровых данных в разных сферах экономики, создать высокотехнологичные товары и услуги, внедрить инновации. Несмотря на блуждающее мнение о том, что цифровизация многим россиянам грозит увольнением, современные нефтегазовые предприятия остро нуждаются в развитом человеческом капитале [7]. Так как развитие научно-технического прогресса по своей сути базируется на умении человека ставить творческие задачи ради создания инноваций. Можно сделать вывод, что применение ИТ только усиливают процесс роста человеческого капитала на инновационных нефтегазовых предприятиях. В современном обществе доступно множество ИТ и возможностей их применения [5]. Цифровые технологии являются совокупностью ИТ, производящей сбор и обработку цифровых данных. В цифровые технологии входят известные и новые ИТ, позволяющие найти новое применение в современной экономике за счет уменьшения стоимости получения, продвижения и обслуживания ИТ. Для целей государственной политики в области цифровой экономики эксперты выделяют понятие «сквозные технологии», под которыми принято понимать ИТ-технологии, влияющие на освоение новых рынков [6]. К ним относятся в первую очередь навыки работы с большими данными, системами распределенного реестра, развитие искусственного интеллекта и др. Содержание цифровых технологий может значительно различаться для различных отраслей экономики [4].

Исследования показывают, что из-за развития ИТ и многообразия сфер их применения возникает потребность общества в непрерывном обновлении и получении новых компетенций [8], [4]. Развитие ЦЭ должно быть поддержано системой образования, где в основном возникает и развивается интеллектуальный капитал общества. Однако, система образования также стоит перед вызовами цифровизации, требующих организационных, методических и технологических преобразований. При этом попытки искусственного ограничения цифровых компетенций какими-либо требованиями могут быть губительными. Квалификация специалиста современной экономики состоит из множества знаний, умений и навыков, которые возможно структурировать с помощью линейного программирования. Их количество и комбинация будут постоянно меняться в зависимости от разрабатываемых ИТ, а также от количества востребованных видов деятельности. Поэтому необходимо регулярно структурировать и обновлять матрицу цифровых компетенций для контроля за процессом их формирования у высококвалифицированных специалистов.

Пристатейный библиографический список

1. Герасимова Е.В., Костылева Е.Г. Совершенствование профориентационной работы в вузе на примере Уфимского государственного нефтяного технического университета // Нефтегазовое дело. - 2013. - № 11-1. - С. 29-33.
2. Костылева Е.Г., Сидорин Н.О., Слетов П.А. Информационная и энергетическая безопасность как важная составляющая национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 7 (146). - С. 425-426.
3. Султангареев М.Р., Костылева Е.Г. Оценка экономической эффективности применения цифровых технологий в нефтегазовой отрасли // Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе. Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции. - 2020. - С. 97-99.
4. Костылева Е.Г., Зарипова Д.Р. Условия формирования модели инновационного развития нефтегазовой отрасли России на примере предприятия «Роснефть» // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 4 (155). - С. 450-451.
5. Костылева Е.Г., Валеев М.Р. Влияние глобализации на развитие топливно-энергетического комплекса // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 451-452.
6. Костылева Е.Г., Фрязинов Н.Ю. Влияние глобализации экономики на развитие конкурентоспособности нефтехимических предприятий // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 474-475.
7. Gaisina L.M., Belonozhko M.L., Tkacheva N.A., Abdrakhmanov N.Kh, Grogulenko N.V. Principles and methods of synergy modeling of management system at oil and gas sector's enterprises // Espacios. - 2017. - Vol. 38. - № 33.
8. Kostyleva E.G., Safin T.I., Galin I.N. Influence of digitalization of economy on social responsibility of engineering workers of fuel and energy complex // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 7 (146). - С. 446-447.
9. Ustinova O.V., Rudov S.V., Kostyleva E.G., Grogulenko N.V., Kulishova N.D. The processes of globalization in the Russians' views // Man in India. - 2016. - Vol. 96. - № 7. - P. 2165-2177.

КРАЧИНСКАЯ Ольга Владиславовна

кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков Волгоградской академии МВД России

ДИДАКТИКА КАК НАУКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

В настоящее время в современных условиях профессионального образования, ориентированного на вхождение России в мировое общекультурное пространство, все более актуальной становится проблема поиска ответов на ключевые вопросы дидактики: цели и ценности образования; методы, технологии, педагогические приемы; содержание образования. В современной науке теория обучения (дидактика) понимается как научная дисциплина, в которой процесс обучения является объектом, включающим органически взаимосвязанные обучения. С момента появления человека существует также обучение во всех его разновидностях. Необходимость передать потомкам накопленные знания и достижения породила формирование теории обучения. В статье рассматривается вопрос дидактики как науки, вопрос ее становления и развития.

Ключевые слова: дидактика, теория образования, обучение, наука, субъект и объект обучения.

KRACHINSKAYA Olga Vladislavovna

Ph.D. in philosophical sciences, Head of Foreign languages sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

Крачинская О. В.

DIDACTICS AS A SCIENCE: FORMATION AND DEVELOPMENT

At present, in the modern conditions of professional education, focused on Russia's entry into the global general cultural space, the problem of finding answers to key questions of didactics is becoming more and more urgent: the goals and values of education; methods, technologies, pedagogical techniques; the content of education. In modern science, the theory of learning (didactics) is understood as a scientific discipline in which the learning process is an object that includes organically interrelated learning. Since the appearance of man, there has also been training in all its varieties. The need to pass on the accumulated knowledge and achievements to descendants gave rise to the formation of the theory of learning. The article deals with the question of didactics as a science, the question of its formation and development.

Keywords: didactics, theory of education, teaching, science, subject and object of learning.

Дидактика и ее вопросы не теряют своей актуальности и в настоящее время и являются предметом исследований многих ученых. В последние годы проблемам современного образования и воспитания посвящены работы Л.М. Перминовой, Е.Н. Селиверстовой, М.А. Крамера, В.А. Попкова, А.В. Коржуева, М.А. Чошанова и др.

Дидактические основы высшего образования в российской педагогической науке подробно описаны в работах С.И. Архангельского, Г.И. Шукиной, И.Т. Огородникова, И.Я. Лернера, М.Н. Скаткина, В.С. Леднева, В.И. Загвязинского, Ю.Г. Фокина и др.

В советский период проблемы дидактики разрабатывались П. Блонским, С. Шацким и Л. Занковым.

Многие ученые придерживаются мнения, что термин «дидактика» впервые появился в работах немецкого педагога Вольфганга Ратке (Ratichia) (1571-1635), введшего его для преподавания. Традиционно в учебниках по истории педагогики признается, что основоположником дидактики является Ян Амос Коменский.

По мнению профессора М. А. Чошанова, который утверждал, что дидактика берет свое начало из диалектики. В 1120 году французский философ Гуго Сен-Викторский в своей книге «Дидакаликон» сформулировал основные этапы планирования учебного процесса в высшей школе. Гуго Сен-Викторский сформулировал правила дидактики и систематического преподавания и обучения, используя методы диалектики, признанные дидактикой высшей школы Возрождения [1, с. 113].

Важное событие в становлении дидактики как науки произошло в XVI веке, тогда в своих работах профессор Парижского университета Пьер де ла Рами и его единомышленники гуманисты Рудольфус Агрикола и Филип Меданштон пересмыслили древнегреческое понимание диалектики и преобразовали обучение в науку о преподавании. Это направление в науке оказало благотворное воздействие на ученых всей Европы.

Таким образом, только через 500 лет Вольфганг Ратке подхватил эстафету Гуго Сен-Викторского, в 1612-13 годах им была выдвинута гипотеза, в которой В. Ратке предложил назвать «дидактикой» «новое искусство учения».

Чешский педагог-гуманист Ян Амос Коменский, в середине XVII века создал предпосылки возникновения дидактики в виде универсального искусства обучения.

Немецкий педагог Иоганн Герbart (1776-1841 гг.), в начале XIX века проработав идею Коменского, постарался придать дидактике статус целостной и гармоничной теории в связи с чем дидактика получила оформленное определение и устойчивое место в педагогике.

Работы великих дидактов того времени: И.Г. Песталоцци, Я.А. Коменского, К.Д. Ушинского, В. Ратке, И.Ф. Гербарта, Ж.Ж. Руссо, П.Ф. Каптерева, А. Дистервега, предполагали создание дидактической системы, требующей описание единого начала процесса обучения и требования к обучающему и обучаемому.

Главной и основной стала идея поиска универсального метода, искусства «всех учить всему», при этом не рассматривалась идея разработки и обоснования единых принципов обучения и научных закономерностей, связывающих процесс обучения в единую систему. Таким образом, в данный исторический период, дидактика развивалась как прикладная наука.

Благодаря научным работам выдающегося педагога К. Ушинского и трудам его последователей, таких как: Н. Корф, Н. Бунаков, В. Стоюнин, А. Острогорский П. Каптерев, и другие, в конце XIX века дидактика начала свое активное развитие как наука в системе отечественной педагогики.

В советский период дидактикой ее развитием и основными проблемами занимались такие специалисты-педагоги как: Леонид Занков, Станислав Шацкий, Павел Блонский.

Таким образом, несмотря на пройденный исторический путь, на всем протяжении развития педагогики и дидактики основные задачи дидактики остаются неизменными. Проблемы все те же: поиск и разработка новых методов обучения, цели и содержание обучения, принципы организации работы учебных заведений и т.д.

Подробнее остановимся на вопросах и особенностях дидактики школы высшего образования, С. И. Архангельский в 70-х гг. XX в., в своей работе «Некоторые проблемы теории обучения в высшей школе» проводя исследование организацию обучения, сделал обоснованный вывод об отсутствии теории обучения в высшей школе, и заявил о необходимости ее ско-

рейшего формирования. Также в своей работе С. И. Архангельский особо указал о недостаточности и недопустимости простого ее копирования по образцу и подобию дидактики средней школы, подчеркнув, необходимость руководствоваться при этом научным пониманием имеющейся специфики и сущности задач высшей школы, а также ее дальнейшего прогрессивного развития и функционирования [2].

Процесс трансформации теории обучения в высшей школе можно отследить, опираясь на учение В.С. Степина, выделявшего три типа научной рациональности: классический, неклассический и постнеклассический [3].

В течение трех веков продолжалось формирование классической дидактики. Транслятором культуры, «передатчиком знаний» была отведена роль преподавателя, в то время как обучающийся выступал в качестве слушателя, основная роль, отводившаяся ему состояла в заучивании и запоминании этих знаний. Указанная образовательная модель обучения в сегодняшних реалиях является недостаточной, недостатком ее является то, что она способна лишь отражать взгляды определенного исторического периода. В современной теории дидактики указанные концепции уже не являются актуальными и утрачивают свое значение. Дидактическая теория преследует цель классического конструирования и построения принципов и методов обучения, при этом, не сосредотачиваясь на проблеме выявления объективных закономерностей, связывающих всю теорию обучения в единую систему.

Рассматривая проблемы данного этапа, можно отметить, следующие факторы, обуславливающие развития и становления дидактики высшей школы в классический период:

- особенность классической рациональности, в виде механической картины мира, обобщение опытных фактов, наглядность и очевидность теории, и т. д. как ведущие методы исследования;

- передовой опыт работы высших учебных заведений Античности и Средневековья, основы которого складываются на принципах историчности и систематичности в обучении, выделении индивидуальных особенностей человека в процессе обучения, развитии самостоятельности мышления, взаимосвязь с жизнью и т.д.;

- открытие классиками дидактики новых принципов природосообразности, последовательности, систематичности, прочности, доступности, наглядности и т.д., универсальный подход «всех учить всему».

Временем распространения неклассического типа научной рациональности принято считать конец XIX – первую половину XX вв. Кибернетическая картина мира – это объект изучения сложной системы, обладающий системным качеством целого, не сводимого к свойствам образующих его элементов.

Постнеклассический тип научной рациональности получил свое распространение во второй половине XX в. в результате популяризации синергетической картины мира. Само развивающаяся система с точки зрения современных теорий. Широкое распространение междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследований характеризует данный этап.

В дидактике современной высшей школы одной из главенствующих теорий является теория контекстного обучения закономерности, которой обосновал А.А. Вербицкий, считая, что в настоящее время происходит активная трансформация классических принципов дидактики. Согласно чего, основой высшего образования на современном этапе необходимо считать формирование у студентов (курсантов) познавательной потребности и опыта решения профессионально-специализированных задач и соответствующего учебного материала.

В современных условиях высокой интенсивности жизни в мире, анализируя рынок труда, при котором некоторые профессии востребованы, а другие нет, актуальными становятся вопросы усвоения учебного материала и инструментах и методов измерения полученных знаний и качества образования.

В постнеклассический период характерна ориентация процесса обучения в высшей школе на контекстнокомпетентный подход вследствие чего существовавшие дидактические отношения заменяются новыми отношениями «студент (курсант) – учебно-профессиональная задача», «студент (курсант) – учебный проект».

Анализируя эволюционный период данной темы, приходим к выводу, что дидактика высшей школы еще относительно молодая отрасль дидактики, но за прошедшие полвека лет она сделала значительный шаг по пути своего развития. Находясь еще в процессе окончательного формирования как целостная теория, дидактика высшей школы продолжает

трансформироваться, испытывая влияние постнеклассической научной рациональности.

Как и любая наука, дидактика имеет свой собственный объект, которым является учебный процесс в высших учебных заведениях. На современном этапе развития человека происходит постоянное и непрерывное обучение личности на протяжении всей его жизни, высшее образование доступно практически любому человеку, в результате чего зона охвата дидактикой значительно увеличивается и затрагивает проблемы получения образования пожилыми людьми (от 20 лет и старше).

Известный советский педагог А.С. Макаренко полагал, что в качестве предмета педагогики выступают педагогические отношения, а не человек, и определял в качестве предмета дидактики как основного дидактического отношения «учитель – ученик», «педагог – студент (курсант)» [4, с. 242]. В.И. Загвязинский придерживается иной точки зрения, считая, что в трактовке предлагаемой А. С. Макаренко, последний не учитывает некоторых принципиально важных аспектов. С его точки зрения, в процессе обучения существенное значение имеет не только отношение в системе «учитель – ученик», но и само познание, выражающееся в отношении «ученик – изучаемый материал». Если принять во внимание субъективные отношения между людьми, которые также охватывают межличностные отношения или отношения между человеком и миром (реальностью). Формирующиеся дидактические, воспитательные отношения обязательно включают в себя личность, охватывают личность как учителя, так и ученика, иначе получается безличная, бесчеловечная «сухая педагогика. Огромное значение в учебном процессе имеют чувства, оценки, взгляды, мысли, варианты и способы деятельности обучающихся, а также учителя, его замыслы, идеи и творческий потенциал. В дидактическом плане отношение «учитель-изучаемый материал» важно, так как оно связано с поиском и отбором материала, идей занятий, проектированием процесса обучения в целом и отдельных актов обучения. Таким образом, предмет дидактики может быть представлен как анализ процесса и результатов педагогической деятельности, как со стороны самого учителя, так и со стороны экспертов, оценивающих его действо [5, с. 43].

Основным вектором дидактической науки остается обоснование цели высшего образования, социальных функций высшего образования, подходов и методов проектирования образовательного процесса в высшей школе. Особенности высшего образования, существенные различия в подходе к определению целей высшего образования, принципов, форм, методов и технологий. Важные особенности во взаимодействии субъектов образовательного процесса определяют специфику дидактики высшей школы. Учитывая, что дидактика высшей школы пока еще окончательно не сформировалась, многие ее понятия еще определены нечетко, так как это не точная наука, поэтому, сколько людей столько и мнений, но в целом ее понятийный аппарат складывается и развивается.

Пристатейный библиографический список

1. Чошанов М.А. Дидактическая инженерия, или Как учить в цифровую эпоху // Народное образование. - 2016. - № 4/5. - С. 113-132.
2. Архангельский С.И. Некоторые проблемы теории обучения в высшей школе. - М.: Знание, 1973. - С. 62.
3. Степин В.С. Теоретическое знание. - М.: Прогресс-Традиция, 2003. - С. 162.
4. Макаренко А.С. Сочинения: В 7 т. - Т. V. Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в советской школе. - М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. - 558 с.
5. Загвязинский В.И. Дидактика высшей школы: текст лекций / Гос. комитет СССР по народному образованию. - Челябинск: ЧПИ, 1990. - С. 89 с.

ХИСАМУТДИНОВ Ирек Ришатович

магистрант Института химических технологий и инжинринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

ХИСАМУТДИНОВА Юлия Владиславовна

магистрант Института химических технологий и инжинринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

ЛАТЫПОВА Эльвира Рашитовна

кандидат педагогических наук, доцент Института химических технологий и инжинринга Уфимского государственного нефтяного технического университета (филиал в г. Стерлитамаке)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ

В данной статье рассматриваются принципы и стратегии дискурса делового общения между собеседниками, заинтересованных во взаимодействии друг с другом, а также стратегии уклонения от ответа и коммуникативные способы их реализации. В ходе проведенного анализа, достигнуты поставленные цели исследования, направленные на рассмотрение принципов институционального дискурса и подтверждение эффективности стратегии отношений уклонения от ответа в процессе деловых переговоров. Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в необходимости конвенционализации и стандартизации речевых средств, используемых в процессе деловых контактов, для достижения поставленных целей. Материалом исследования стратегии дипломатического общения послужили материалы различных исследователей, ученых и общественных деятелей. В свою очередь были раскрыты принципы, формы и методы рационального построения институционального дискурса. Стратегия дискурса делового общения реализуется в коммуникативных тактиках, под которыми понимаются речевые приемы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретных ситуациях. Однако, в процессе делового общения, возникают вопросы, ответ на которые может привести к отрицательному ходу развития переговоров. Для выхода из затруднительного положения, в научной статье представлены речевые фрагменты, репрезентирующие техники ухода от ответа в процессе международного дипломатического общения. Для детального изучения техники уклонения от ответа, в настоящей статье представлены речевые фрагменты из интервью, пресс-конференций, совещаний и других видов публичных деловых переговоров общественных и политических деятелей. Проведенный анализ тактик ухода от ответа в процессе дипломатических переговоров доказал свою эффективность и позволяет в значительной мере повлиять на ход повествовательной линии и скорректировать ее развитие.

Ключевые слова: дипломатическое общение, коммуникативная стратегия, стратегия уклонения от ответа, дипломатический дискурс.

HISAMUTDINOV Irek Rishatovich

magister student of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University" (branch in Sterlitamak)

HISAMUTDINOVA Yuliya Vladislavovna

magister student of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University" (branch in Sterlitamak)

LATYPOVA Elvira Rashitovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Institute of Chemical Technologies and Engineering of the Ufa State Petroleum Technical University" (branch in Sterlitamak)

COMMUNICATIVE TECHNIQUES FOR IMPLEMENTING A STRATEGY OF EVASION IN DIPLOMATIC COMMUNICATION

This article views the principles and strategies of the discourse of business communication between interlocutors interested in interacting with each other, and also evasion strategies and communicative ways to implement them. In the course of the analysis, the goals of the study, aimed at considering the principles of institutional discourse and confirming the effectiveness of the evasion strategy in the process of business negotiations, were achieved. The scientific and practical significance of the study lies in the need for the conventionalization and standardization of speech means used in the process of business contacts to achieve the goals. Materials of various researchers, scientists and public persons were used as the material for the study of the strategy of diplomatic communication. In turn, the principles, forms and methods of rational organization of institutional discourse were revealed. The strategy of the discourse of business communication is implemented in communicative tactics, which means speech techniques for a chieving the objectives in specific situations. However, in the process of business communication, there are questions, the answer to which can lead to a negative development of negotiations. To get out of the predicament, the article provides speech fragments, representing evasion techniques in the process of international diplomatic communication. For a detailed study of the evasion technique, this article provides speech fragments from interviews, press conferences, meetings and other types of public business negotiations of public persons and politicians. This analysis of evasion tactics in the process of diplomatic negotiations has proved its effectiveness and allows to have significant effect on the course of the narrative line and adjust its development.

Keywords: diplomatic communication, communication strategy, evasion strategy, diplomatic discourse.

На современном этапе развития общества, крайне важно определить последовательность действий при проведении деловых переговоров различных форм общения, выстроить общий план по достижению поставленных целей и определить вектор поведения в зависимости от ситуации. От результатов предварительного контакта и произведенного первого впечатления, зависит положительный результат дальнейших переговоров. Процесс деловых переговоров включает в себя следующие принципы:

1. Официальность и вежливость общения;
2. «Межличность». Суть данного принципа заключается в принятии точки зрения оппонента и выстраивании обоюдного диалога;
3. «Многоплановость». Данный принцип предусматривает построение контакта, используя различные инструменты подачи информации (манера речи, тон, интонация)
4. «Целеполагание». Помимо основной намеченной цели, важно предусмотреть и второстепенные цели, которые, в дальнейшем помогут достичь наилучшего результата в процессе деловых переговоров.
5. «Непрерывный контакт». В процессе делового общения важно не допускать прерывание диалога, поскольку молчание, жесты и мимика имеют непосредственную роль в решении поставленных целей [3].

Несмотря на различные принципы, стратегии и формы построения делового общения, в процессе контакта возникают вопросы, ответ на которые может привести к отрицательному ходу делового дискурса. Для уклонения от ответа отвечающий вынужден выбрать стратегию, которая позволяла бы косвенно отвечать на поставленный вопрос. В данной статье исследуются стратегии уклонения от ответа в ситуации дипломатического общения.

Цель исследования – рассмотреть стратегию уклонения от ответа, а также способы её реализации в процессе дипломатического общения.

Цель исследования предполагает решение следующих задач:

1. Описать сущность дипломатического дискурса;
2. Рассмотреть понятие «коммуникативная стратегия»;
3. Рассмотреть общую характеристику коммуникативных стратегий в дипломатическом дискурсе;
4. Изучить приемы реализации стратегии уклонения от ответа в дипломатической практике.

Как известно, человек в течение жизни вступает в различные отношения с другими людьми. Интерес исследования дипломатического языка, вызван множествами факторами, основными из которых являются: рост роли дипломатии в современном обществе и интенсивное развитие международной дипломатии, который принято называть дипломатическим дискурсом [9].

На сегодняшний день не существует единой классификации стратегий дипломатического дискурса. Ниже, рассмотрены классификации и тактики исследователей А.С. Кожетовой, М.Л. Маркова, Е.В. Ключева, И.Н. Борисовой, О.Н. Паршиной, М.П. Чурикова.

Согласно определению А.С. Кожетовой, дипломатический дискурс характеризуется как один из видов институционального дискурса, и представляет собой устойчивую систему коммуникативных отношений в процессе дипломатического общения. Термин институциональный дискурс носит следующее определение – это устойчивая система, обладающая характером статусно-ролевых отношений, которая, носит коммуникативную роль в жизнедеятельности обще-

ства. В процессе дипломатического общения осуществляются функции символического принуждения, выраженного нормативным предписанием и легитимации определенных способов мировидения, модели поведения собеседника, векторы ориентации и т. д.

М.Л. Марков выделяет дипломатический дискурс, как жесткую структуализацию, максимально ограничивая речевую роль и глобально определенные цели, при этом фиксируя обмен коммуникативных ролей в ходе дипломатического общения [8].

Тактика дипломатического общения отличается высокой степенью конвенционализации и стандартизации речевых средств, используемых в высказываниях. В свою очередь, дискурс деловых переговоров, являясь одной из разновидностей институционального дискурса, обладает особыми статусно-ролевыми, целевыми и структурными характеристиками, выделяющими его в особую коммуникативную разновидность. Основными его отличиями от других тактик переговоров является жесткая сценарная основа, которая отвечает целям и задачам делового общения [7].

В дипломатическом общении применяется целый ряд коммуникативных стратегий, одной из которых относится стратегия уклонения от прямого ответа. Согласно определению Е.В. Ключева, под коммуникативной стратегией понимается совокупность запланированных теоретических ходов, предусмотренных заранее и реализованных в ходе речевого взаимодействия, для достижения коммуникативной цели. Тактика дипломатического общения понимается как совокупность практических ходов в реальном процессе дипломатического коммуникативного взаимодействия [2].

И.Н. Борисова разделила коммуникативные стратегии делового общения на два типа – осознанные и подсознательные. Осознанные стратегии, по ее мнению, направлены преимущественно на достижение практической цели, а подсознательные, в свою очередь не имеют конкретно обдуманного плана действий. Подсознательная стратегия, как правило, присутствует в спонтанных непринужденных разговорных диалогах [1].

Исследуя стратегии и тактики, характерные для дипломатического дискурса, О. Н. Паршина выделяет следующие стратегии:

1. Стратегия самопрезентации
2. Стратегия дискредитации и нападения
3. Стратегия самозащиты
4. Информационно-интерпретационная стратегия
5. Стратегия формирования эмоционального настроения адресата.

Согласно М.Ю. Рябовой, одной из главных стратегий дипломатического дискурса является стратегия уклонения от ответа [5].

М.П. Чуриков, под термином «уклонение от ответа» понимает реакцию, которая сводится к избеганию прямого ответа на поставленный вопрос, к отказу публично комментировать явления и факты, к сокрытию собственного мнения по какой-либо проблеме. М.П. Чуриков стратегию уклонения от ответа разделяет на следующие тактики: признание в некомпетентности; избегание комментирования; уклонение через апелляцию к фактору времени; уклонение через апелляцию к фактору сложности; уклонение через апелляцию к более компетентному источнику; игнорирование вопроса интервьюера; постановки встречного вопроса [6].

Для детального изучения дипломатического дискурса, тактики уклонения от ответа, в качестве материала исследу-

дования стали фрагменты из 15 пресс-конференции, интервью и международных переговоров. При отборе материала использовался метод сплошной выборки. Всего было подобрано 14 примеров реализации тактик уклонения от ответа, с использованием стратегии уклонения от ответа. Согласно классификации М.П. Чурикова, данные примеры были разделены на следующие группы тактик: тактика признания в некомпетентности, тактика избегания комментирования, тактика апелляции к фактору времени, апелляции к фактору сложности, апелляции к более компетентному источнику, тактика игнорирования вопроса или части вопроса, и тактика постановки встречного вопроса. Рассмотрим более подробно некоторые примеры реализации данных тактик в процессе дипломатического общения.

Признание в некомпетентности.

На одном из брифингов Марии Захаровой был задан вопрос:

– «Планируется ли создание специальных экономических зон для собственников малого и среднего бизнеса в рамках этих объединений?» – «Я уточню, поскольку не являюсь экспертом в области малого и среднего бизнеса»

Следующим примером является ответ представителя госдепа Мари Харф:

– «So foreign fighters. And are those mostly from Europe? Is that your understanding?» – «I don't know the answer to that. I can check and see if there's more of a breakdown» («Daily Press Briefing, August 20, 2014»).

Реализация данной тактики осуществлена за счет прямой «don't know the answer», тем самым демонстрируя её неосведомленность относительно данного вопроса. Свою некомпетентность в данном вопросе Мари Харф пытается компенсировать за счет фразы, «I can check and see».

2. Избегание комментирования.

В качестве примера тактики отказа от комментирования рассмотрим ответ пресс-секретаря Главы государства Дмитрия Пескова. В ответ на предложение наложения ареста на государственные активы ответил: «Это я никак не комментирую» (Песков отказался комментировать обращение акционеров ЮКОС...). Уклонение от комментария выражается реализацией отрицания «никак не комментирую»: отказ от комментирования усилен отрицательным наречием «никак».

В одном из интервью Дональда Трампа спросили, что он думает о водном кризисе Флинта, на что он ответил: «I don't want to comment on that. They've got a very difficult problem and I know have a very difficult communication time going, tactics but I shouldn't be commenting on Flint.» («Clinton, Sanders seize on Flint»). Данная тактика реализуется при помощи глагола в отрицательной форме «didn't don't want to comment», а также глагола «shouldn't be commenting». Использование сразу двух отрицательных конструкций является усилением отказа от комментирования, свидетельствует о нежелании политика говорить на эту тему.

3. Уклонение через апелляцию к фактору времени.

В качестве примера использования данной тактики, рассмотрим пример диалога на деловом совещании, между директором и подчиненным.

Подчиненный: Я хотел бы добавить кое-что к данному докладу, если это возможно. Директор: К сожалению, Иван, я улетаю на деловую встречу в Москву в 11.00 часов утра, и, у меня очень мало времени. Может ли это подождать, до моего приезда?

Так же в данном примере, мы видим употребление такой тактики, как «постановка встречного вопроса», которая

подтверждается словами директора «у меня очень мало времени», «Может ли это подождать, до моего приезда?»

Следующим примером использования данной тактики уклонения от ответа станет диалог представителей двух английских фирм на деловой встрече.

– I hope it will. Have you seen the contract yet? -Sorry, I didn't have any time. I have to fly to France at 12 o'clock. Can I see the contract and we will discuss it when I come back?

На данном примере видно, что один из участников диалога пытается избежать прямого ответа, ссылаясь на недостаток времени. Об этом свидетельствует фраза «I didn't have any time. I have to fly to France at 12 o'clock. Can I see the contract and we will discuss it when I come back».

4. Игнорирование вопроса или части вопроса интервьюера.

Рассмотрим данную тактику на примере госсекретаря США Хиллари Клинтон.

– «Madame Secretary, any comments on the Iran deal?» – «Thank you all» («The art of the Iran deal»).

К тактике игнорирования вопроса прибегает также представитель Государственного департамента США Джон Кирби:

– Can we move on from Syria?... No, just one more on Syria, please. – Next question, please («Daily Press Briefing Washington, DC June 1, 2016»).

Итак, коммуникативные приемы данной тактики уклонения от ответа заключаются в использовании следующих фраз «давайте второй вопрос», «Thank you all», «Next question, please».

5. Уклонения через апелляцию к более компетентному источнику.

Примером может послужить следующий диалог в ходе деловой встречи.

А. — Потребуется ли это дополнительных затрат сверх запланированных? Б. — Да, конечно. А. — Нам придется их поделить поровну? Б. — Я думаю, этот вопрос мне нужно решать вместе с остальными членами правления.

Как видно из данного примера, для уклонения от прямого ответа, один из участников апеллировал необходимостью обращения к более компетентным коллегам. Далее рассмотрим отрывок диалога участников деловой встречи на английском языке.

Pavlov: Let's go into the main question of our today's discussion. I expect you want to discuss our new contract. Green: That's right. Have you seen our latest price-list? Pavlov: Yes, we have. There is only one thing in it our parties can't agree to. That is the 5% increase in the price. I would like to discuss this point. How about canceling this increase in price? Green: Well, you must try to see the price from our point of view. And actually, I should discuss the canceling with my CEO....

Тактика реализуется за счет конструкций «вопрос должен быть адресован», «вопрос нужно адресовать» «мне нужно обсудить с...», также может использоваться сослагательное наклонение («было бы лучше»), которое делает ответ более мягким и вежливым; в английской речи употребляются такие конструкции, как «I'd refer you», «I'd have to refer you».

6. Постановка встречного вопроса.

Примером в данном пункте могут послужить следующие диалоги:

Дмитрий: Хорошо. Итак, как вы знаете, ..., я бы хотел, чтобы каждый из вас, как руководитель департамента, подготовил бы мне отчет о возможных вариантах уменьшения рас-

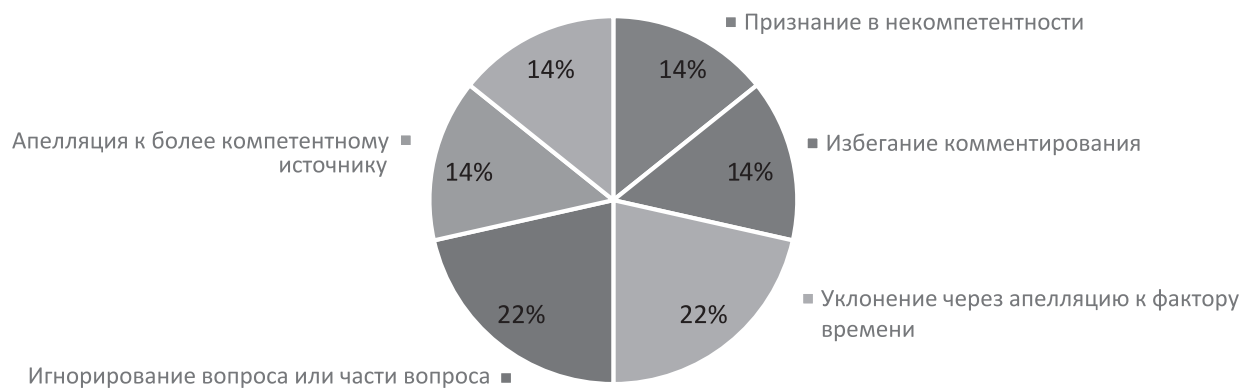

Диаграмма 1. Количественное соотношение употребления тактик ухода от ответа в процессе международного дипломатического общения.

ходов в разрезе ваших отделов. Семён: Что касается другого нашего вопроса, Дмитрий ...

Тактику переключения на другую тему в речи зарубежных политиков мы также рассмотрим на примере представителя Госдепартамента США Джен Псаки:

– «With the Minsk agreement, do they comply? You pass a judgment that Russia is not complying with the agreement, can you assess whether Ukraine is complying?». – «I listed a range of specific ways Russia is not complying». В данном случае тактика реализуется за счет введение новой микротемы, основным маркером которой является собственное имя существительное «Russia».

Таким образом, все указанные выше примеры демонстрируют использование тактик уклонения от ответа в процессе дипломатического общения. Количественное соотношение данных тактик также представим в виде диаграммы.

На основании данных, представленных в диаграмме 1, приходим к выводу, что наибольшими в количественном соотношении являются следующие тактики: игнорирования вопроса или части вопроса, и уклонение через апелляцию к фактору времени (по 3 примера – 21,4%); апелляция к более компетентному источнику, тактика постановки встречного вопроса, и тактика признания в некомпетентности и избегания комментирования имеют представлены одинаковым количеством – по 2 примера – по 14,2%.

В данной работе была описана сущность дипломатического дискурса, рассмотрено понятие «коммуникативная стратегия» – стратегия формирования положительного имиджа объекта коммуникации, спроса и стимулирования сбыта.

Рассмотрена общая характеристика коммуникативных стратегий в дипломатическом дискурсе, изучены приемы реализации стратегии уклонения от ответа в дипломатической практике, была рассмотрена только одна группа коммуникативных стратегий, а именно стратегия уклонения от прямого ответа. Рассматриваемая нами стратегия реализуется в том случае, если говорящий не желает делиться необходимой информацией, или не намерен выполнять действие, о котором его просит коммуникативный партнер. Стратегия уклонения от ответа в речи реализуется при помощи большого многообразия тактик, которые по-разному классифицируются авторами. Все стратегии и тактики, которые были приведены в качестве примера в данной работе, имеют одну общую цель, которая заключается в намерении говорящего повлиять на ход повествовательной линии и скорректировать её развитие. Опираясь на вышеуказанное исследование, приходим к

выводу, что стратегия уклонения от прямого ответа является эффективной и популярной и активно используется в процессе дипломатического общения

Пристатейный библиографический список

1. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. Государственный университет, 1996. – С. 29.
2. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения. – Москва: Рипол классик, 2019. – С. 79.
3. Матвеева Г.Г. Системность речи. – Саратов: Урал, 2019. – С. 67.
4. Матвеева Г.Г. Межвузовский сборник научных трудов: Личность, речь и юридическая практика. – Ростов-на-Дону: ДЮИ, 2016. – С. 95.
5. Рябова М.Э. Межвузовский сборник научной литературы: Специфика устной и письменной коммуникации в интернете. Актуальные проблемы устной и письменной коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. – Саранск: Типография Красный Октябрь, 2016. – С. 64.
6. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения. – Пятигорск: Снег, 2018. – С. 81.
7. Олешков М.Ю. Основы функциональной лингвистики, дискурсивный аспект. – Нижний Тагил: Фолиант, 2016. – С. 45.
8. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. – Саратов: Слово, 2005. – С. 24.
9. Хисамутдинова Ю.В., Латыпова Э.Р. Особенности межкультурной коммуникации при ведении деловых переговоров. – Стерлитамак: Перспективы лингвистического знания: молодежь и наука. – 2018 – С. 4.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-444-445

КОРОБОВА Александра Петровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

КРЫСЬКО Валерия Николаевна

магистрант Самарского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается проблема распределения властных полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами с учетом основополагающих принципов федерализма. Раскрываются сущность и содержание федерализма как одной из известных базовых территориальных форм государственного устройства, предопределяющей необходимость четкого определения предметов ведения РФ, с одной стороны, субъектов РФ, с другой стороны, и предметов совместного ведения – с третьей. Анализируются достоинства и недостатки используемого в настоящий момент и конституционно закрепленного подхода к решению этого вопроса с точки зрения необходимости укрепления государственности и сохранения самобытности народов РФ, проживающих в отдельных регионах нашей страны. Акцентируется внимание на проблемных аспектах разграничения полномочий между двумя уровнями власти, формулируются предложения по их разрешению с учетом возможностей действующего федерального законодательства и законодательства субъектов РФ.

Ключевые слова: полномочия, субъекты федерации, муниципальная власть, государственная власть, государство, федерализм, предметы ведения, федеративное устройство, федерация, компетенция.

KOROBOVA Aleksandra Petrovna

Ph. D. In Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

KRISKO Valeriya Nikolaevna

magister student of the Samara State University of Economics

ON THE ISSUE OF THE DISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN THE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS SUBJECTS

The article deals with the problem of the distribution of power between the Russian Federation and its subjects, taking into account the fundamental principles of federalism. The article reveals the essence and content of federalism as one of the well-known basic territorial forms of government, which determines the need for a clear definition of the subjects of jurisdiction of the Russian Federation, on the one hand, the subjects of the Russian Federation, on the other hand, and subjects of joint jurisdiction, on the third. The advantages and disadvantages of the currently used and constitutionally fixed approach to solving this issue are analyzed from the point of view of the need to strengthen statehood and preserve the identity of the peoples of the Russian Federation living in certain regions of our country. Attention is focused on the problematic aspects of the separation of powers between the two levels of government, proposals are formulated for their resolution, taking into account the possibilities of the current federal legislation and the legislation of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: powers, subjects of the federation, municipal power, state power, state, federalism, subjects of competence, federal structure, federation, competence.

Основным законом государства – Конституцией РФ – в ст. 1 декларируется, что Российская Федерация признается государством с федеративным государственно-территориальным устройством [4]. В этом случае само собой подразумевается, что суверенные административные единицы, объединенные в составе РФ, обладают некоторыми признаками независимости при решении ряда законодательно установленных вопросов и обладают определённой политической самостоятельностью, позволяющей интерпретировать данные территориальные единицы в качестве автономных государственных образований [3, с. 44].

Принимая во внимание вышесказанное, можно утверждать, что любое государственно-территориальное устройство в целом и федеративное, в частности, предопределяет, с одной стороны, организационно-структурное деление и методологию построения внутренней территории государства, а с другой, – способ взаимодействия и определения взаимоотношений между центром и субъектами и иными государственными образованиями в мире. Иными словами, речь может идти не только о том, как организовано пространство внутри государственных границ, но также о том, каков объем юрисдикции того или иного властного органа и характер связей органов разного уровня.

Как отмечает в своем исследовании В.Г. Заякин, устанавливаемый и поддерживаемый государством принцип федерализма как основополагающий принцип организации территории страны позволяет достичь наибольшей гармонизации и обеспечения интересов как центра, так и регионов, способствует реализации полномочий, аккумуля-

рованию и перераспределению финансовых ресурсов [2, с. 202]. Особенности построения системы взаимодействия по принципам федерализма позволяют не только обеспечить качественную защиту среды обитания областей, краев, республик, автономных образований и т.д., входящих в состав РФ в качестве ее субъектов, отстаивание интересов регионов, учесть специфику их исторического, географического, демографического, экономического, культурного развития, состояние экологии, но и организовать наилучшим образом систему органов государственной и муниципальной власти и их эффективное функционирование на местах, наладить связи между органами власти разного уровня. Как известно, для любой системы характерно как наличие отдельных элементов, так и определенного рода взаимосвязи между ними. Федеративное государство как раз и представляет собой такую сложную систему взаимосвязей и взаимозависимостей. Таким образом, если использовать известные философские категории, рассуждая о значении федерализма как формы государственно-территориального устройства, ее преимуществах применительно к нашему государству, можно сделать вывод о том, что федерализм способствует достижению «целого и частного», «универсального и конкретного», что необходимо в силу реализации приоритетов демократии и функционирования правового государства [1, с. 42], и что таким образом федеративная форма является оптимальной для многонационального государства со столь обширной территорией, какой обладает Российская Федерация.

Вместе с тем данная форма государственно-территориального устройства и способ построения органов публичной

власти и реализации ими соответствующих компетенций неизбежно влечет за собой возникновение целого ряда проблем, затрудняющих результативное достижение государством стоящих перед ним стратегических целей и задач. К примеру, среди таких проблем можно выделить следующие:

1) создаются предпосылки для диспропорционального развития субъектов РФ и на этой основе возникает разница в уровне жизни, материального обеспечения, социальной, транспортной инфраструктуры и т.д. в центральных и отдаленных субъектах РФ;

2) у ряда регионов возникает стимул к развитию большей автономности в составе РФ и на этой почве может появиться стремление к выходу из состава единого государства;

3) разноплановое становление государства и реализация им соответствующих полномочий, что объясняется тем, что, с одной стороны, центр в решении большинства федеральных вопросов становится более директивным, сосредотачивая всю полноту полномочий в своих руках, с другой, – возрастает самостоятельность регионов в решении вопросов совместного ведения, что провоцирует их желание покинуть состав РФ;

4) не предполагается существование эффективных, реально действующих механизмов в части всестороннего участия регионов в решении социально-экономических, политических, культурных, правовых задач, представляющих принципиальную важность для развития государства;

5) существует дискуссионность решения финансовых вопросов при аккумулировании, распределении и использовании денежных средств консолидированного бюджета;

6) наличие традиционного, самобытного характера ряда субъектов РФ не всегда соответствует общему характеру построения и функционирования РФ, а также позиционированию России на внешнемировой арене;

7) затрудненность слаженного сотрудничества между руководителями федерального уровня и уровня субъектов РФ в силу наличия недопониманий, разного видения в вопросе о векторах развития регионов и т.п. [8, с. 150-152].

В свете отмеченных проблем, как считает А.А. Никитин, четкое разграничение предметов ведения, предельно четкая детерминация вопросов, подлежащих разрешению органами центра и регионов РФ, является инструментом, позволяющим снизить степень остроты дискуссий, возникающих при организации государственной и муниципальной власти [6, с. 324]. Несмотря на закрепление полномочий в ст. 71, 72, 73 Конституции РФ, до сих пор их интерпретация рождает двойное понимание и несогласованность политики центра и регионов, что требует своего настоятельного разрешения.

Для разрешения отмеченных выше трудностей особый интерес вызывает Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ, регулирующий отношения между представительными и исполнительными органами РФ и субъектов РФ с точки зрения соблюдения конституционных принципов и приоритетов [7]. В соответствии с указанным нормативно-правовым актом уточняется, что на основе предварительно заключенного соглашения возможна передача части полномочий исполнительных органов власти уровню регионов, если конституционными положениями не предусмотрено изначальное решение указанных вопросов центральными органами власти. В таком случае указанное соглашение не только является удобной формой сотрудничества между центром и субъектами РФ, но и влияет на избираемые эффективные формы и методы устройства государства.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что с учетом многонационального состава, обширности территории Российского государства федерализм является наиболее оптимальной формой организации и построения взаимоотношений между центром и регионами, поскольку он способствует достижению следующих задач:

– позволяет учитывать национальную асимметричность, самобытность населяющих территорию РФ народов;

– стабилизирует и укрепляет государственный строй России;

– создает равные предпосылки для диалога различных субъектов РФ с центральными органами РФ;

– с учетом специфики территориального, социального-экономического, традиционного уровня развития обеспечиваются возможности для получения финансовых средств

федерального бюджета, что принципиально важно для устойчивого функционирования регионов РФ;

– возникает равенство реализации совместных проектов и программ между различными субъектами России;

– служит гарантией всесторонней защиты и обеспечения установленных в Основном законе прав и свобод человека и гражданина [5, с. 54-55].

Вместе с тем требуется уточнение ряда принципов и способов построения взаимоотношений между центром и регионами с тем, чтобы на местах нивелировать проблемы унитаризма и продвижения идеи самобытности, чреватой возникновением споров и иных форм разногласий. В вопросе распределения полномочий между органами власти РФ и ее субъектов требуется создание компромисса, обеспечение приоритетов соблюдения прав и свобод, разделения властей, а также защиты интересов населения для того, чтобы федеральное территориальное устройство способствовало максимальному упрочнению и стабилизации как государственной, так и общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Андриченко Л.В. Конституционный федерализм: проблемы разграничения полномочий // Современный российский федерализм и местное самоуправление в контексте перспектив развития российского государства и права: Межвузовский сборник по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования ТАССР, и Школы молодого ученого. Отв. ред. И.А. Уминова-Конюхова, Е.Д. Костылева. 2019. С. 40-54.
2. Заякин В.Г. Современные проблемы распределения полномочий между органами власти Российской Федерации и ее субъектов // Молодой ученый. 2020. № 51 (341). С. 202-204.
3. Камилова Д.В., Джамалутдинова Д.Б. Конституционно-правовая природа разграничения предметов ведения и полномочий между уровнями государственной власти // Закон и право. 2019. № 5. С. 43-44.
4. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Консультант Плюс: справ, правовая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 07.05.2022).
5. Марокко Н.А. К вопросу о структуре принципа разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ // Социально-политические науки. 2019. № 3. С. 52-57.
6. Никитин А.А. Распределение полномочий между уровнями публичной власти в Российской Федерации в контексте принципа федерализма // Международное и национальное право в условиях интеграции правовых систем. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.И. Петренко. Чебоксары, 2022. С. 323-327.
7. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения 07.05.2022).
8. Эриашвили Н.Д. Некоторые проблемы федеративной формы устройства российского государства // Мировая экономика: проблемы безопасности. 2021. № 2. С. 149-154.

ЛАНОВОЙ Вадим Геннадьевич

кандидат юридических наук, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

Лановой В. Г.

ГОСУДАРСТВО И ЕГО СУВЕРЕНИТЕТ В УСЛОВИЯХ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье дается содержание категории «государственного суверенитета» через раскрытие понятий «процесс глобализации», «внутренняя политика», «внешняя политика», «глобальная политика», «государство» и его основные функции. Утверждается, что государственный суверенитет должен пониматься не только в его юридическом контексте, а прежде всего как реальная возможность осуществления управления общественными отношениями как предписывают нормы права и объективная жизненная необходимость существования самого государства в соответствии с целями внутренней, внешней и глобальной политики. Автором на основе социологического и психологического подходов к пониманию права и государства, достаточно общей теории управления общественными процессами делается вывод, что в системе управления «государство-общество» существуют прямые и обратные связи между субъектом и объектом управления, то есть общество всегда оказывает то или иное влияние на принятие властных решений. Но их качество напрямую зависит от уровня политической и правовой культуры каждого человека. В социально-психологическом контексте государственный суверенитет представляет собой совокупность личностных нравственных, культурных суверенитетов представителей власти и человека на принципе диктатуры совести каждого.

Ключевые слова: глобализация, культура, власть, идеология, политика, государство, суверенитет, функции государства, нравственность, право, социальное управление, система управления.

LANOVOY Vadim Gennadjevich

Ph.D. in Law, Head of State and civil law disciplines sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

THE STATE AND ITS SOVEREIGNTY IN THE CONTEXT OF THE GLOBALIZATION PROCESS

The article gives the content of the category of "state sovereignty" through the disclosure of the concepts of "globalization process", "domestic policy", "foreign policy", "global policy", "state" and its main functions. It is argued that state sovereignty should be understood not only in its legal context, but primarily as a real possibility of managing public relations as prescribed by the norms of law and the objective vital necessity of the existence of the state itself in accordance with the goals of domestic, foreign and global policy. The author, on the basis of sociological and psychological approaches to understanding law and the state, a fairly general theory of management of social processes, concludes that in the "state-society" management system there are direct and inverse links between the subject and the object of management, that is, society always has one or another influence on the adoption of power decisions. But their quality directly depends on the level of political and legal culture of each person. In the socio-psychological context, state sovereignty is a set of personal moral and cultural sovereignties of the authorities and the individual on the principle of the dictatorship of everyone's conscience.

Keywords: globalization, culture, power, ideology, politics, state, sovereignty, functions of the state, morality, law, social management, management system.

Существование государства на протяжении цивилизационного развития всегда характеризовалась сложным и противоречивым взаимодействием с обществом. Как управляющая система государство должно реализовывать комплекс функций в интересах большинства граждан, разрешать противоречия между субъектами социальных отношений, определять вектор прогрессивного развития. Но история всех без исключения государств и современная реальность показали, что органы власти играют и деструктивную роль в организации управления общественными процессами. Что обусловлено различными факторами, к которым прежде всего следует отнести условия глобализационных процессов, а именно их организационно-управляющий элемент. Понимание сущности таких явлений как государство и его суверенитет в процессе глобализации

раскрывается через призму управленческих процессов различного уровня.

Термин «глобализация» используется в современных социологии, политологии и юриспруденции примерно с конца XX столетия для характеристики совокупности экономических и общекультурных явлений, которые воздействуют на исторически сложившиеся общности, существующие в различных регионах планеты, отчасти разрушая их культурную идентичность, а отчасти интегрируя в некую (только формирующуюся) глобальную культуру, которой в перспективе предстоит объединить все человечество. То есть глобализация – процесс цивилизационного развития, обусловленный природной инвариантностью¹ существования и

1 Инвариантность – свойство величин, уравнений, законов оставаться неизменными, сохраняться Инвариантность вытекает

существования социокультурных и экономических систем. А любой процесс (в том числе и объективный) всегда управляется субъективно. В данной сложной системе управления государства в лице конкретных органов власти и должностных лиц как «геополитические игроки» одновременно могут являться и объектом, и субъектом управления. Общество в целом и отдельные народы объектом управления. В данной динамически развивающейся системе роль государств определяется реальной возможностью осуществлять внутреннюю, внешнюю и глобальную политику (определенные конкретной целью и средствами ее достижения действия). Где внутренняя политика – преследует цели локализованные границами государства; внешняя политика – преследует за пределами границ государства цели, которые не могут быть отнесены к глобальной политике. И, наконец, глобальная политика – преследует разные по нравственной составляющей цели в отношении глобальной организации жизнедеятельности человечества. Любая из перечисленных политик – деятельность конкретных организаций, политико-правовых институтов и отдельных лиц. Причем следует отметить следующую взаимосвязь: успешное осуществление внутренней и внешней политики обусловлено их соответствием вектору цели глобальной политики, определенной по целям, путям и средствам их достижения.

Государство по своей природе является общественно-правовым, а по сущности – политическим явлением. Под природой следует понимать источник его появления и генезиса, а также базовый механизм саморазвития [см.: 5, с. 184].

В современных отечественных науках, занимающихся государственной проблематикой отсутствует единственно-верное определение государства. Более того, его не существует и в международном праве. В межамериканской Конвенции о правах и обязанностях государства 1933 года дается лишь совокупность признаков данного явления, к которым относят: постоянное население; определенная территория; правительство; способность вступать в отношения с другими государствами². Но это лишь форма, которая в полном объеме не раскрывает сущность данного социально-правового явления. Остаются не разрешенными вопросы: как определить постоянность населения с учетом миграционных процессов; как, кем и когда определялась территория, границы государств; кто, каким образом организует управленческие структуры и определяет их полномочия; какие критерии у способности вступать в отношения с другими государствами?

В отечественной теории государства и права принято понимать под государством политико-правовой институт единой, универсальной, суверенной власти, обладающей монополией на применение мер принуждения и правотворческую деятельность. Его характеризуют следующие признаки: публичность власти, то есть отделение ее от общества (управленцы и их деятельность на постоянной основе); наличие фискальной системы; территориальное деление населения;

наличие правовой системы; монополия на правотворчество; монополия на легальное применение силы, физического принуждения; наличие устойчивых правовых связей территории (гражданство, подданство); обладание определенными материальными средствами для проведения своей политики; монополия на официальное представительство всего общества; суверенитет; государственная символика.

Остановимся наиболее подробно на двух существенных признаках: монополия на правотворческую деятельность и суверенитет. Остальные с точки зрения автора, являются производными от них.

Первый говорит об исключительном праве органов власти в лице конкретных должностных лиц создавать любые юридические нормы, выступающие основанием и регулятором взаимоотношений между людьми, определяющих структуру и полномочия самих государственных органов. Следует учесть, что власть – система взаимоотношений представителей управленческой элиты как на территории одной страны, так и на межгосударственном уровне. В ее основе лежат устоявшиеся в течение длительного времени (в некоторых случаях не одного десятка поколений людей) личностные связи (служебные, дружественные, родственные). А также способность отдельных лиц (или небольшой группы лиц) влиять на культурные, политические и экономические процессы, на нормотворческую и правоохранительную деятельность. Это власть с большой буквы. Соответственно власть с маленькой буквы – осуществление управления на разных уровнях (государственный и надгосударственный) в соответствии с действующим законом, инструкцией, поручениями, советами, «стоящими за спиной» третьими лицами [см.: 6, с. 7, 28, 74, 97, 140, 198]. Нужно понимать, что любое решение (выраженное в правотворческой деятельности государства) принимается в политико-экономических интересах меньшинства и в пользу управляемого большинства исключительно для поддержания уже существующего государственного строя и социальной организации в целом.

В отечественной юриспруденции под суверенитетом понимается верховенство государственной власти. В данную юридическую конструкцию входит: распространение власти на население и все социальные структуры общества; исключительная и монополия возможность применения силовых и принудительных мер, которыми не располагают другие субъекты политики; осуществление управления в специфических формах, прежде всего юридических (правотворческой, правоприменительной и правоохранительной); прерогатива отдельных государственных органов отменять, признавать нелегитимными нормативные акты и решения других субъектов политики, если они противоречат государственным установлениям. Кроме того, государственный суверенитет в соответствии с международными договорами должен включать такие основополагающие принципы внешней и глобальной политики, как единство и неделимость территории, неприкосновенность территориальных границ и невмешательство во внутренние дела. Следовательно понятие «суверенитет» для государства, страны и населяющего общества должно иметь такое же значение, что и понятие «права и свободы» для человека. Так ли это?

из материального единства мира, из принципиальной однородности физических объектов и их свойств. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1972. – С. 145.

2 См.: ст. 1. Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.zakon.kh> (дата обращения: 01.02.2022).

В действительности трактовка данных категорий носит исключительно задекларированный в нормативно-правовом акте характер, что не соответствует результатам практической реализации этих юридических норм в жизни. Что хорошо видно из реализации государством своих основных функций (направлений деятельности, сферы внутренней, внешней, глобальной политики государства): экономической, политической, социальной, культурно-воспитательной и т.д. Автором не проводится принятое в науке теории государства и права разделение функций на внутренние и внешние, так как в процессе современной глобализации данные направления деятельности находятся в тесной взаимосвязи между собой. Например:

1. Экономическая функция отражается в степени участия государственных органов в экономических процессах и уровне влияния на них. Ее реализация напрямую зависит как от внутренней так внешней политики в области экономики, протекающей в русле глобальной политики, реализуемой крупными геополитическими субъектами. Сегодня в нашей стране Центральный банк России осуществляет монополично «эмиссию наличных денег и организует наличное денежное обращение»³ в нашей стране, то есть независимо от государственных органов (Правительства прежде всего), и не всегда в интересах общества. И это исключительное право дано ЦБ России Основным Законом⁴. В соответствии с Определением Конституционного суда Российской Федерации от 14.12.2000, «данные полномочия по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения»⁵. Политика Банка России проходит в русле экономических тенденций, определяемых ФРС США и Международным валютным фондом. То есть ЦБ России по факту является «дочерней фирмой» вышеперечисленных международных организаций, что дает возможность оказывать негативное управленческое воздействие на социально-политическую, экономическую ситуацию в стране, а следовательно, и принятие важных политических решений высшими должностными лицами.

2. Политическая функция должна в полной мере обеспечивать функционирование механизма государственной власти. Ее содержание раскрывается через формирование органов государственной власти, правотворчество, защита государственного суверенитета и конституционного строя.

Основным направлением данной деятельности государства является правотворчество, которое следует рассмотреть в контексте принципа разделения властей.

3 Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.04.2022).

4 См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 10.01.2022). – Ст. 75.

5 Определение Конституционного суда Российской Федерации от 14 декабря 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 10.04.2022).

Общеизвестно, что законодательная власть создает законы, призванные урегулировать тот или иной вид общественных отношений. Исполнительная власть путем принятия управленческих решений (в форме вынесения нормативно-правовых и правоприменительных актов) претворяет их в жизнь. Судебная власть осуществляет контроль над соблюдением норм закона. Исходя из данного выше определения государства это – разделение полномочий в иерархически единой системе государственных органов как субъекта управления. А это конкретные люди, представители управляющих элит, которые осуществляют свои властные полномочия, исходя из личных идеологических установок, сформированных на основе базовых ценностных для человеческих взаимоотношений категорий – «нравственность» и «безнравственность». Человек, наделенный властью, осуществляя управленческую деятельность, руководствуется имеющимися у него личными убеждениями, моральными принципами, взглядами на базовые общечеловеческие ценности, личным пониманием добра и зла, справедливости, морали.

Кроме того, следует учитывать векторы направленности глобальной, а соответственно внутренней и внешней политики. Следовательно, защита конституционного строя (как элемент политической функции) фактически во всех странах мира, в том числе и в России заключается в принятии управленческих решений различного уровня, призванных обеспечивать функционирование социальной организации, в основе которой лежит концепция несправедливого жизнеустройства. И действительно в субъективно созданных условиях социального неравенства мы равны в правах только юридически.

3. Социальная функция должна проявляться в поддержании необходимого уровня жизни граждан, в заботе о слабозащищенных слоях населения. Органы власти обязаны осуществлять ее через организацию систем здравоохранения, пенсионного обеспечения, создание учреждений социальной защиты и т.д. Насколько эффективно реализуется данная функция ответить однозначно сложно. По-прежнему уровень пенсий, заработных плат остается незначительно выше, а то и в большей части ниже прожиточного минимума (опять же устанавливаемого конкретными людьми, чей уровень жизни несбыточная мечта большинства граждан). Система здравоохранения работает не эффективно. Помощь населению зачастую оказывается некачественными специалистами, да и стоимость самого лечения не каждому по карману. Но если мы будем говорить о качестве управления в рамках сегодняшней внутренней и внешней политики, как это не парадоксально звучит, его можно оценить на удовлетворительно. Так как управленческая деятельность органов власти в строгих рамках протекающих глобализационных процессов реализует несправедливую концепцию жизнеустройства, а соответственно обеспечивает существование общественной организации, изначально базирующейся на принципе социального неравенства (в терминологии К. Маркса буржуазного общества). Следовательно, одинаково достойно все граждане проживать не могут априори.

4. Культурно-воспитательная функция. Культура всегда выступает важнейшим компонентом общественной жизни,

под которым понимается вся система знаний о мироздании, теоретические неформализованные навыки, которые в обществе существуют объективно, но не передаются от поколения к поколению в готовом к употреблению виде на основе работы генетического аппарата. Культура передается от поколения к поколению на основе взаимоотношений людей в обществе и на основе памятников культуры, материальных носителей информации, что в целом и составляет культурную среду. Следовательно, воспитание является важнейшим управленческим процессом, развивающим в сознании человека правильное восприятие окружающего мира во всем его сложном многообразии, определяющим нравственные принципы поведения. С помощью механизма правового регулирования государство обязано принимать нормативные акты в сфере культуры, которые должны целенаправленно формировать морально-эстетическую и нравственную модель в обществе. Современные мировые культурные тенденции (являющиеся неотъемлемой частью процесса глобализации) направлены на уничтожения традиционных институтов семьи, образования и науки. Размывается понятие патриотизма, формируется космополитический взгляд на уникальные национальную и культурную идентичности. Великая история нашей страны (в особенности советского прошлого) растворяется в плюрализме исторических мифов или откровенной лжи. В средствах массовой информации, сети интернет и телевидению пропагандируется культ успешного бездельника космополита, занимающегося паразитической деятельностью. Следует отметить, что властью в 2020 году предприняты попытки законодательно закрепить базовые принципы традиционной семьи, защиту исторической правды⁶. Однако механизм реализации данной юридической нормы до настоящего времени не разработан, что в действительности достаточно сложный политический и социальный процесс, требующий коренного реформирования системы образования, которая должна прививать человеку совершенно иные мировоззренческие установки, как систему взглядов на единый мир вокруг себя как единый процесс развития человека в единой системе мироздания на принципах нравственности, социального и юридического равенства, справедливости.

Автор остановился на кратком анализе четырех функций государства, не затрагивая правоохранительную, экологическую и т.д. Так как эффективность направления данных видов деятельности напрямую зависят от реализации ранее рассмотренных. С точки зрения автора наиболее важнейшей функцией государства является культурно-воспитательная. Ведь внутреннюю, внешнюю и глобальную политику государства реализуют конкретные люди, наделенные властью.

На основании изложенного можно сделать вывод, что государственный суверенитет должен пониматься не только в его юридическом контексте, а прежде всего как реальная возможность осуществления управления общественными отношениями как предписывают нормы права и объективная

жизненная необходимость существования самого государства в соответствии с целями внутренней, внешней и глобальной политики. Причем цели данных направлений деятельности не должны противоречить интересам общества, что возможно только при нравственно ориентированном управлении в культурно-воспитательной сфере.

Следует учитывать, что в системе управления «государство-общество» существуют прямые и обратные связи между субъектом и объектом управления, то есть общество всегда оказывает то или иное влияние на принятие властных решений. Однако их качество напрямую зависит от уровня политической и правовой культуры каждого человека, которые формируются не только социальной средой, но и личностным саморазвитием. Государственный суверенитет – это совокупность личностных нравственных, культурных суверенитетов представителей власти и человека на принципе диктатуры совести каждого.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 10.04.2022).
2. Конвенция о правах и обязанностях государств (г. Монтевидео, 26 декабря 1933 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http: online.zakon.kh](http://online.zakon.kh) (дата обращения: 01.04.2022).
3. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2022).
4. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 10.04.2022).
5. Малахов В. П. Философия права. – М., 2007.
6. Хазин М., Щеглов С. Лестница в небо. Краткая версия. – М.: РИПОЛ классик, 2017.
7. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1972.

⁶ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 10.04.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-450-451

КИСЕЛЁВА Злата Алексеевна

магистрант 2-го года обучения направления «Политический менеджмент и связи с общественностью» спец. «политология» Башкирского государственного университета

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна

кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Статья посвящена изучению идейных истоков, послуживших стимулом к возрождению правого радикализма на современной Украине, рассматриваются взаимосвязи праворадикальных политических сил с идеологией украинского национализма начала XX века, ставших идеологическим фундаментом Организации украинских националистов и принятых к действию Украинской повстанческой армией. В статье исследуется украинский национализм в ретроспективе, рассмотрены работы Ф. Духинского, концепция украинского национализма М. Грушевского, Н. Михновского, идеи теоретиков ОУН Я. Стецько и Н. Сциборского. Отмечено, что сегодня на Украине официально учреждена фашистская идеология и символика, происходит юстификация фашизма и героизация пособников гитлеровцев; определено, что современные правые радикалы, как и их идейные предшественники из ОУН и УПА, конечной своей целью видят создание моноэтничного украинского государства и возвышение украинской нации любыми средствами и методами.

Ключевые слова: Украина, национализм, нация, сепаратизм, русофобия, ксенофобия, терроризм, декоммунизация, реваншизм, радикализм, украинский национализм, праворадикальные партии.

KISELYOVA Zlata Alekseevna

magister student of the 2nd year of study of the direction "Political management and public relations" spec. «political science» of the Bashkir State University

MAYATSKAYA Olga Borisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Political science and public relations sub-faculty of the Bashkir State University

FEATURES AND PROSPECTS OF RELATIONS OF THE STATE AND RELIGION

The article is devoted to the study of the ideological sources that served as an incentive for the revival of right-wing radicalism in modern Ukraine, examines the relationship of right-wing political forces with the ideology of Ukrainian nationalism of the early 20th century, which became the ideological foundation of the Organization of Ukrainian Nationalists and adopted by the Ukrainian Insurgent Army. The article examines Ukrainian nationalism in retrospect, considers the works of F. Dukhinsky, the concept of Ukrainian nationalism by M. Hrushevsky, N. Mikhnovsky, the ideas of the OUN theorists Ya. Stetsko and N. Stsiborsky. It is noted that today in Ukraine the fascist ideology and symbols are officially established, the justification of fascism and the glorification of the accomplices of the Nazis are taking place; it is determined that modern right-wing radicals, like their ideological predecessors from the OUN and UPA, see the creation of a mono-ethnic Ukrainian state and the rise of the Ukrainian nation by any means and methods as their ultimate goal.

Keywords: Ukraine, nationalism, nation, separatism, Russophobia, xenophobia, terrorism, decommunization, revanchism, radicalism, Ukrainian nationalism, right-wing parties.

«Революция достоинства» 2014 г. высветила ряд политических и идеологических концептов, которые на протяжении последних тридцати лет культивировались и активно возвращались на политическом поле Украины, предоставив новые возможности националистическим силам актуализироваться и интегрировать многочисленные элементы праворадикального мировоззрения. Несмотря на то, что в 2019 г. блок националистических и радикальных организаций Всеукраинского объединения «Свобода» не прошёл в Верховную Раду, не следует полагать, что он не обладает существенным политическим весом, поскольку идеология праворадикального национализма на Украине, своими корнями уходит в радикализм ультраправых партий, к идеям, насаждаемым ещё членами Организации украинских националистов, созданной в 1929 г. в результате объединения Украинской войсковой организации и Союза украинской националистической молодежи. Современные украинские националисты всецело опираются на их базовые постулаты и сегодня, сохраняя преемственность поколений, так, например, достаточно вспомнить, как они хлебом-солью встречали немецкую армию как освободительницу с самых первых дней ВОВ: «Причину того, что немецких солдат радостно встречали на Украи-

не, найти несложно...мы мечтали о новом украинском государстве...и любая война против Советского Союза казались нам полезной войной» [5, с. 232]. Созданию Украинской повстанческой армии предшествовала активная деятельность в 1920-1940 гг. подпольных организаций, таких как УВО и ОУН. УПА была сформирована в октябре 1942 года, действовала преимущественно на Западной Украине и воевала против советских войск, сотрудничая с гитлеровцами. В послевоенные годы активная борьба с ОУН продолжалась, вплоть до 1955 г., за эти годы погибли двадцать пять тысяч военнослужащих, пограничников, сотрудников органов госбезопасности и милиции, а также более тридцати тысяч человек из числа партийных работников.

В. Ющенко ещё в 2010 г. своим указом признал членов УПА борцами за независимость Украины, присвоил звания Героя Украины командиру УПА Р. Шухевичу и лидеру ОУН С. Бандере. Небезызвестный Институт национальной памяти Украины предложил праздновать 14 октября как день основания Украинской повстанческой армии. На протяжении десятилетий на Украине ставился вопрос об официальном признании УПА воюющей стороной во Второй мировой войне и предоставлении ветеранам УПА государственных льгот. В мае 2015 года бывший тогда президентом Украины

П. Порошенко предоставил ОУН-УПА статус «борцов за независимость» Украины.

В настоящее время мы отчетливо видим, как на Западе в худшем варианте возрождаются национализм и фашизм. Под предлогом борьбы с «декоммунизацией» сносятся и уничтожаются памятники героям-освободителям. И Украина здесь в авангарде событий: избавляясь от памятников советским деятелям, которые и создали независимую УССР, она планомерно уничтожает собственную историю. Сегодня на Украине с подачи хунты, пришедшей к власти в результате государственного переворота, официально учреждена фашистская идеология, символика, объявлены героями и борцами за свободу пособники фашистов, им возведены памятники и созданы музеи, для детей и молодёжи написаны новые учебники, в которых новые «герои-националисты» заменили собой правду о ВОВ. Из праздничного и официального календаря на Украине исключён День Победы 9 мая и другие даты советской эпохи. Дело дошло до того, что премьер Украины А. Яценюк заявил о том, что именно Советский Союз развязал вторую мировую войну и аннексировал Украину, таким образом, выходит, что не фашистская Германия, развязавшая страшнейшую в истории человечества войну, является её виновником, а СССР. Отметим, что подобного рода измышления и заявления не стали чем-то новым в послевоенной истории, а появились сразу же в первые годы «холодной войны» на Западе, у наших бывших союзников.

П. Порошенко в период всего своего президентства последовательно продолжал продвигать идеи украинских националистов в жизнь, используя идеологические концепты, сформулированные изначально в ультранационалистическом сегменте украинского политического поля прошлого века. Для украинского национализма характерна крайняя политизация этничности, желание трансформировать его в нечто похожее на политическую партию, либо даже в вооруженную организацию или бандформирование, ведущее вооруженную борьбу за свои идеи, например, такие как: «ИРА при «Шинн Фейн» в Ирландии, ЭТА при «Батасуне» в Испании, УЧК при албанской Демократической партии в Косово, «Народные силы самообороны» при Рабочей партии Курдистана, «Тигры освобождения Тамил-Илама» при тамильском Народном фронте в Шри Ланке... Легальных националистов и радикалов/экстремистов объединяет принципиальное сходство идеологии, различают их только методы, используемые для достижения общих целей – политические в первом случае и насильственные во втором. В случае победы националистического проекта добровольческие военизированные формирования обретают официальный статус и становятся частью вооруженных сил – «Кайтселийт» в Эстонии, «Земесардзе» в Латвии, батальоны «нацгвардии» на Украине» [2, с. 2713].

Рассматривая украинский национализм в ретроспективе, мы не можем не отметить «вклада» польского историка Ф. Духинского, разработавшего интеллектуальный базис для «ранних» украинских националистов, а также концепцию украинского национализма М. Грушевского, пытавшегося историю украинства отследить до периода, предшествовавшего появлению Киевской Руси, труды Н. Михновского, в которых украинский национализм приобрёл наиболее радикальные, крайние, откровенно агрессивные формы, трансформировавшиеся в лозунг, который и сегодня является опознавательным знаком для любого укронациста - «Украина для украинцев». Современные ультранационалисты, ярые радикалы вдохновляются идеями из трудов теоретиков ОУН Я. Стецько и Н. Сциборского. Так, Известное сегодня всему мировому сообществу и легендарное среди украинских националистов приветствие «Слава Украине! — Героям слава!» было взято из лозунгов ОУН.

Отдельно хотелось бы остановиться на работах ярого защитника этнонационализма, ориентированного на европей-

скую расовую гигиену Д. Донцова, которому принадлежат следующие высказывания: «Украинский народ является избранным народом, ибо «они созданы из той глины, из какой Господь создает избранные народы»» [4, с. 153], далее в своей книге «Дух нашей давнины» Донцов раскрывает «нордическую расу» как, вероятно, высший тип, ставший предтечей украинского народа. В книге «Дух России», Донцов призывает Запад осознать силу России, признать её мощь, надо сказать, что данное политическое завещание оказалось довольно прозорливым и удивительным образом предвосхитило события сегодняшних дней: «идеология московитского коммунизма и идеология царизма - только две разные формы того же явления, собственно, того же феномена общего характера, который является ничем другим, как московитским мессианством, которое ведёт войну против Запада»» [3].

Идеалом Донцова и всего украинского национализма является создание этнократического режима, поскольку сторонникам национализма присуще этноцентрическое видение мира, когда национальная идея становится навязчивой, а желание этнической унификации населения приводит к ненависти и враждебности к «инородцам», развитию ксенофобии, именно тогда для достижения тотальной однородности нации прибегают к альтернативным методам ассимиляции: «насильственная ассимиляция, изгнание, истребление «инородцев», причем их использование обусловлено не злой волей и людоедскими наклонностями националистов, а самой логикой националистического дискурса»» [1, с. 213].

Таким образом, мы можем сказать, что современные украинские правые радикалы, ультранационалисты, как и их идейные предшественники из ОУН и УПА, конечной целью своей деятельности видят создание моноэтничного украинского государства, возвышение украинской нации над всеми остальными, причём любыми способами и средствами, поскольку согласно их логике, интересы украинской нации имеют неоспоримые преимущества, отсюда и лозунг: «Украина превыше всего!». Идеология украинских радикальных националистов возводится на идеях «антимоскальства», русофобии, расизма, антикоммунизма и антилиберализма.

Пристатейный библиографический список

1. Геллнер Э. Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991. - 320 с.
2. Гудименко Д. В. Национализм в современном мире: типологизация и формы проявления. - С. 2713. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2021/VoprNIFO-102021-Gudimenko.pdf>.
3. Донцов Д. Идеология. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/176527#cite_note-2.
4. Донцов Д. Хрестом і мечем // Объединение или разъединение. - Торонто, 1967. - 320 с.
5. Рис Л. Нацисты: Предостережение истории / Лоуренс Рис: пер. с англ. Марии Козловой. - М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. - 448 с.

ПЕТРОГРАДСКАЯ Альбина Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Статья посвящена анализу актуальных вопросов молодежной политики, реализуемой на муниципальном уровне. Автор указывает на ряд имеющих место проблем в данной сфере, выявляет причины неэффективной муниципальной молодежной политики и предлагает направления её совершенствования.

Ключевые слова: молодежная политика, молодежь, муниципалитет, стратегия муниципального образования, социальная практика.

PETROGRADSKAYA Albina Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and philosophy sub-faculty of the Samara State University of Economics

TOPICAL ISSUES OF MUNICIPAL YOUTH POLICY AT THE PRESENT STAGE

The article is devoted to the analysis of topical issues of youth policy implemented at the municipal level. The author points out a number of problems in this area, identifies the causes of ineffective municipal youth policy and suggests ways to improve it.

Keywords: youth policy, youth, municipality, strategy of municipal formation, social practice.

Проблема разработки эффективной молодежной политики в настоящее время актуальна как никогда. Особое внимание к молодежи, её стремлениям и проблемам обусловлено тем, что будущее нашего государства находится в руках именно нынешних молодых людей. Развитый интеллектуальный потенциал, сформированные ценности, успешная реализация современной молодежи во многом являются показателем и залогом благополучия и качества нашего общества. Таким образом, молодежь является своего рода гарантом стабильности и успешности нашего государства и стратегическим ресурсом общества в целом.

Молодежная политика реализуется на всех уровнях власти: государственной, региональной, муниципальной.

Целью государственной молодежной политики является формирование условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развития потенциала молодежи и его использование в интересах инновационного развития страны [2, с. 175].

Для достижения указанной цели современных молодых людей важно активно вовлекать в социальную практику, информировать о том, какие у них есть возможности для саморазвития, образования, повышения квалификации; всячески поддерживать научную, творческую и предпринимательскую активность современной молодежи. Также важнейшей задачей молодежной политики РФ является патриотическое воспитание, формирование духовных, нравственных, культурных ценностей, правовое воспитание.

Цель муниципальной молодежной политики практически повторяет цель данной политики на государственном уровне – это формирование мер, направленных на создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, для развития ее потенциала в интересах муниципального образования, региона, страны в целом [1, с. 175].

Для успешной реализации молодежной политики на муниципальном уровне важно активно апробировать разработанные к настоящему времени федеральные, региональные и местные программы в анализируемой сфере.

Реализацией молодежной политики в муниципалитетах занимаются местные органы власти, на которые согласно п. 34 ст. 16 Федерального Закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] возложены обязанности по проведению разного рода мероприятий с детьми и молодежью.

Функционирование и реализация молодежной политики в регионах предполагают учет наиболее важных проблем молодежи того или иного муниципального образования в разных сферах жизни. К таким сферам относят культурную сферу, сферы образования, здравоохранения, а также вопросы обеспечения качественного досуга молодых. Муниципальным властям важно обеспечить своему молодому населению эффективную систему социальной поддержки, уделять внимание его профессиональному обучению, а также трудоустройству.

Между тем, как показывает практика, в настоящее время реализация молодежной политики в муниципалитетах сопровождается рядом проблем.

На наш взгляд, одной из основных проблем, связанных с реализацией молодежной политики, являются не до конца сформированные система построения, механизмы осуществления и методы оценки ее эффективности. Из-за того, что проведение работы с молодежью часто подвергается сомнениям, она корректируется в зависимости от ситуации, не имея, как правило, четкой структуры. Особенно острой эта проблема является в муниципальных образованиях.

Основными проблемами в сфере государственной молодежной политики являются:

- недостаточное нормативно-правовое обеспечение;
- отсутствие необходимой инфраструктуры, ее неразвитость;
- кадровый состав, который бы был направлен на решение вопросов формирования резерва надежных и ответственных исполнителей в сфере молодежной политики.

Данные проблемы глобальны, и решаться они должны на федеральном уровне. Что касается муниципальных образований, то здесь есть еще ряд проблем, среди которых можно отметить следующие:

1. На государственном уровне нет конкретно обозначенных целей и критериев молодежной политики, которые позволили бы установить для нее свое особое место в структуре государственного и муниципального управления. Результатом стало недопонимание, как таковой, роли молодежной политики представителями других областей деятельности. На уровне муниципалитетов данная политика также слишком расплывчата. В лучшем случае там имеются лишь местные акты, которые отмечают ее наличие, но до населения это не доводится, и она может и вовсе не проводиться.

2. Органами власти муниципальных образований недооценена роль молодого населения в процессах общественного развития. Так, регулярно появляется молодежь с отсутствием веры в себя и свои силы, следовательно, у молодых людей пропадают желание и способность к участию в социально-экономических и общественно-политических отношениях. Это приводит к тому, что они становятся неэффективными для муниципальных образований, а их потенциал не раскрывается и не используется [3, с. 249].

В целом, основная сущность проблем муниципальной молодежной политики заключается в противопоставлении, с одной стороны, объективного общественного запроса на решение молодежной проблемы, а с другой стороны, того факта, что до настоящего времени местные власти не уделяют достаточного внимания использованию потенциала молодежи [4, с. 149]. Среди основных причин указанных проблем в сфере реализации молодежной политики на муниципальном уровне можно отметить:

– отсутствие в ряде регионов учреждений как высшего, так и среднего профессионального образования, следствием чего является отток молодежи в более крупные города и регионы. Как показывает практика, наиболее яркая молодежная политика ведется в именно в образовательных организациях. Соответственно, та часть населения, которая остается в малых муниципалитетах, где они отсутствуют, не вовлекается в рассматриваемый процесс.;

– значительная территориальная разобщенность и отсутствие районных центров, следствием чего является отсутствие единой молодежной политики в регионе. То есть не происходит формирования управления молодежью райцентром, поселения обособлены, а, следовательно, такое явление как молодежная политика для них непонятно, проблемно. Иногда это происходит на добровольных началах, если есть активисты, как правило, из школ, или же это считается «неэффективной тратой времени»;

– отсутствие квалифицированных кадров на территориях муниципальных образований, которые бы обеспечивали работу с молодежью. Привлечение специалистов, владеющих соответствующими компетенциями, является одной из важнейших проблем практически в любой сфере, в том числе и на уровне муниципалитетов. Поэтому так важен вопрос обеспечения грамотного квалифицированного кадрового состава, который следует формировать на стадии обучения [6, с. 683].

По указанным, а также многим другим причинам в муниципальных образованиях молодежная политика реализуется неэффективно, зачастую активность молодежи в них имеет место только на бумаге.

Для решения указанных проблем целесообразно, в первую очередь, детально разработать стратегию муниципального образования в сфере работы с молодежью. В рамках данной стратегии необходимо охватить все важнейшие сферы деятельности, имеющие значение для молодых людей: качественный досуг, саморазвитие, образование, культурное, нравственное и патриотическое развитие, спорт и т.д. При этом прежде, чем разрабатывать данную стратегию, важно провести качественное и всеобъемлющее исследование

проблем, с которым сталкивается современная молодежь. Необходимо регулярно проводить в данной возрастной категории опросы, исследования. Кроме того, целесообразно при работе с молодежью использовать результаты исследований психологов, педагогов, социологов, специализирующихся на анализе проблем современных молодых людей.

Разработанная стратегия должна содержать систему мероприятий по улучшению общественной самоорганизации и проявления молодежных инициатив во всех сферах жизнедеятельности муниципалитета [5, с. 18].

Таким образом, государственная молодежная политика является важным направлением в системе государственного и муниципального управления, однако ее роль на местах в большинстве случаев незначительна. Из-за этого проблемы ее проведения в настоящий момент стоят остро, однако их решение возможно путем принятия законодательных инициатив, совершенствования системы местного самоуправления с учетом специфики местных условий и оказания большего внимания данной сфере, а также поддержки специалистов в данной области.

Пристатейный библиографический список

1. Атаманова Ю.С. Муниципальный уровень реализации молодежной политики в РФ // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. сборник статей Международной научно-практической конференции. 2019. С. 174-177.
2. Зелинская М.В., Должиков В.А. Проблемы государственного и муниципального управления молодежной политикой России // Экономика и управление в условиях современной России. Материалы IV национальной научно-практической конференции, текстовое электронное издание. 2020. С. 175-179.
3. Макарова О.А., Тумуров Ж.Т. Проблемы реализации муниципальной молодежной политики // Молодежь в условиях цифровизации общества: международный, национальный и региональный аспекты. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Е.В. Матвеевой, А.А. Митина. 2020. С. 246-250.
4. Паздников Д.В. Молодежная политика и проблемы ее реализации на муниципальном уровне // Инновационный дискурс развития современной науки. Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 147-154.
5. Середа А.С., Бурдельный П.П., Харченко С.Н. Механизмы и способы реализации молодежной политики на муниципальном уровне // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 5 (39). С. 18-20.
6. Снигирева А.А. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне // Форум молодых ученых. 2021. № 6 (58). С. 682-685.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.

ПРИПЕЧКИН Виктор Владимирович

кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, заслуженный работник высшей школы РФ

ТРУД, ДОБРО И СЛАВА ПЕТРА I В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РОССИИ

Автор исследует процесс становления и развития России в период царствования Петра I. Раскрывается неординарность личности Петра Великого. Показаны противоречия и трудности в реализации первых реформ перестройки правовой и просветительские парадигмы эпохи Просвещения. Анализируется эволюция системы и источников права, развитие новой модели государственно-церковных отношений. Дан анализ военной реформы как основы формирования института военной службы.

Ключевые слова: преобразование, реформы, государственные преступления, нравственность, просвещение.

PRIPETCHKIN Viktor Vladimirovich

Ph.D. in historical sciences, professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the North-West brunch, St. Petersburg of the Russian State University of Justice

THE WORK, GOODNESS AND GLORY OF PETER I IN THE TRANSFORMATION OF RUSSIA

The author examines the process of formation and development of Russia during the reign of Peter the Great. The originality of Peter I's personality is revealed. The contradictions and difficulties in implementation of the first reforms and restructuring of legal and enlightenment paradigm of the age of Enlightenment are revealed. Peter's views on the restructuring of economic transformations in Russia are shown. The analysis of the military reform as the basis for the formation of the institute of military service is given.

Keywords: transformation, reforms, state crimes, morality, enlightenment.

Актуальность темы связана со знаменательной датой, когда в конце мая (по старому стилю) 2022 года Россия будет отмечать 350 со дня рождения Петра Великого одного из выдающегося реформатора XVIII века в переломный момент отечественной истории.

Вторая половина XVII и начало XVIII веков характеризуется для российского государства ростом значения в социально-политической жизни Европы. В своих исследованиях видные ученые того времени: Герберштейн, Ульрих фон Гуттен, Мильтон, Флейчер, Лейбниц и др. отмечали успехи российского государства и предсказывали начало широких преобразований в период правления Петра I.

Усиление восприимчивости России формировали подходы к западной культуре и политической жизни и соответствовало возрастанию интереса европейских стран к России. Для западного мира вступление России в существующую и сформировавшуюся систему политической и культурной жизни имело также большое значение. Это для России означало начинающийся новый период в ее истории. Это время совпадает с царствованием Петра Великого.

Царствование Петра I является одним из основных периодов в истории России, когда жизнь нашего государства пошла по новому пути, по которому она живет и в настоящее время.

Петр I ввел Россию в семью европейских государств, от общения с которыми она была отторгнута татаро-монгольским нашествием, многочисленными войнами и низким культурным уровнем. Поэтому изучение петровского времени представляет собой огромной научный исследовательский интерес. Между существующими жизнеописаниями Петра I едва ли самое выдающееся место занимают исследования А.Г. Брикнера – профессора Казанского и Юрьевского университетов, а также наших современников: Е.В. Ефимова, М.П. Погодина, В. Селюнина, Н. Эльденмана, Е.В. Анисимова и многих других исследователей.

В истории России трудно найти примеры петровских преобразований и реформ долговечности институтов, созданных волей человека. Вся история России, главным образом, состоит в том, что она обращалась из азиатской страны в европейское государство и главным периодом этого процесса является исторический период царствования Петра I. По-

этому понятно то восхищение, которое вызывал и вызывает великий реформатор России [2, с. 343-342].

Мечтой Петра I было использовать совершенное «воспитывающее» законодательство и создание идеальной государственной структуры, ради мифического всеобщего блага. Одним из главных государственных механизмов в реализации этой цели стала выделенная в системе отношений, должна была сыграть полиция. В главе «О полицейских делах» в регламенте Главного Магистрата 1724 года указывалось, что «Полиция особливое свое состояние имеет, а именно: она споспешствует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравочения, всем безопасность подает от разбойников» [1, с. 332.]

Вплоть до азовских походов молодой Петр не посвящал себя серьезно ни делам иностранной политики, ни законодательным трудам, т. к. его всецело интересовал восточный вопрос, явившийся главным двигательным и толчком к путешествию царя за границу. За полтора года пребывания за границей Петр с посольством посетил Курляндию, Бранденбург, Голландию, Англию и Австрию, встречался с влиятельными князьями и монархами, изучал корабельное дело и другие ремесла. С возвращением Петра из-за границы начинается новая эпоха: во всем царю принадлежит инициатива по организации общественно-политических и экономических задач, преодолевая трудности, неудовлетворенность и противоречивость на пути прогресса и реформ.

Делая свои первые шаги на этом поприще, Петр I сталкивается с противоречиями, недовольством и не без оснований. Резкость и жестокость характеризую Петра, его страстное, порой не сдержанное обращение с людьми не могли остаться скрытыми от народа. Таким образом, в эпоху первых реформ Петра I, когда каждое преобразование сопровождалось сопротивлением, сурово подавлявшемся, – казалось, что всякая инициатива правительства должна быть принята через послушное и беспрекословное повиновение.

Здесь главным источником мнений и суждений о Петре I были акты процессов по государственным преступлениям того времени. Так, в 1696 г. в стенах Московского андреевского монастыря, во время обсуждения событий в России, разбирались действия и образ правления Петра I, оглашались жалобы на недостатки управления, несправедливость судей, лихоимство служилых людей, а поездки царя за границу вы-

зывали решительные порицания, выражались жалобы на молодого царя, который, по их мнению, не оправдывает возложивших на него надежд.

Вся деятельность Петра Великого, как законодателя и правителя была похожа на бой, на постоянные схватки с реакционными силами.

Нельзя, на наш взгляд, утверждать, насколько путешествия Петра явились исходной точкой и последовавших за ними реформ. С другой стороны, нельзя подвергать сомнению связь преобразований с прибыванием Петра за границей. Многие исследователи отмечают, что именно с нее начинается в управлении и в законодательной деятельности Петра нечто новое, заставляющее изменить эпоху во внутренней жизни России.

По возвращении Петра из путешествий начинается этап преобразований в виде формирования семи Коллегий (по вопросам народного просвещения, вопросам усовершенствования природы, по улучшению нравов, поощрения искусств, развития торговли, по составлению законов, по распространению христианской веры). Все эти Коллегии должны были, за исключением законодательной, иметь подведомственные места во всех местах российского государства. Не упущен был и вопрос о создании учреждения апелляционной инстанции, где рассматривались жалобы в центральные органы Коллегий.

Государство в этот период окончательно подчинило церковь. Духовный регламент 1721 упразднил патриаршество, объявив главой церкви царя. Управление церковью сосредоточилось в Синоде. При нем существовала должность обер-прокурора, назначаемого из светских лиц.

К важным в процессе реформистской деятельности Петра была эволюция системы источников права в России, расширение надзорных полномочий Правительствующего Сената, реформирование российской судебной системы. Была произведена кодификация делового языка в «генеральном регламенте» петровских Коллегий, создание отечественной прокуратуры.

Огромное значение имел принятый в 1722 году Табель о рангах, определяющий систему чинов и продвижение по службе – военной и гражданской. Табель о рангах содействовал пополнению дворянства выходцами из низов. Несмотря на некоторый бюрократизм (служебная лестница насчитывала 14 классов), Табель о рангах стал прогрессивным документом эпохи. Он содействовал идее Петра, ратовавшего за то, чтобы все члены общества служили государству, благу России.

В экономике господствовала политика поощрения внутренней торговли и промышленности при активном внешне-торговом балансе. Поощрение «полезных и нужных», с точки зрения государства, видов производства сочеталось с запрещением и ограничением выпуска «ненужных» товаров. Развитие промышленности диктовалось исключительно нуждами ведения войны и было особой заботой Петра. В области внутренней и внешней торговли в петровское время большую роль играла государственная монополия на заготовку и сбыт основных товаров (соль, лен, пенька, меха, икра, хлеб и др.) В 1724 г. был введен новый таможенный тариф, предполагавший высокие пошлины на иностранные товары.

Большое внимание было уделено развитию науки международного права, формированию модели государственно-церковных отношений, военной реформы как основы формирования института военной службы, реформы в области просвещения и др.

Так, в результате решений в области просвещения, в каждой области основывались университеты, в которых всякий желающий мог получить возможность обучения и должен был провести три года в русском или заграничном университете. В январе 1724 году Петр I подписал указ об основании Академии наук, которая была открыта в 1725 году.

Устанавливался особый порядок метрических данных рождения, браков и смертей, по которым осуществлялся ежемесячный статистический отчет. В результате этого, определялась необходимость уголовного судопроизводства, в котором строгость соединялась бы с мягкостью, рассматривались вопросы устройства приютов для сирот и калек и многое др.

Многие петровские реформы были направлены на коренную реорганизацию вооруженных сил страны: создание

регулярной армии и постройку мощного отечественного флота. «Потешные» полки 1687 г. были не чем иным, как ядром новой армии. Они стали своеобразной школой боевой подготовки для новых формирований. Указ от 19 ноября 1699 г. предусматривал формирование 30 пехотных солдатских полков. А указ 1705 г. завершил складывание «рекрутиньи». К концу царствования Петра в новой регулярной армии было 126 полков общей численности 200 тыс. солдат всех родов оружия. Казачья и регулярная конница насчитывала более 100 тыс. человек. Создание регулярной армии сопровождалось оснащением ее современным вооружением.

Для обучения офицеров в 1698-1699 гг. была основана бомбардирская школа при Преображенском полку, а в начале нового столетия создавались математическая, навигацкая (морская), артиллерийские, инженерные, иностранных языков и даже хирургические школы. В 20-х гг. XVII в. для подготовки унтер-офицеров действовало 50 гарнизонных школ. В 1715 г. в Петербурге была открыта Морская академия, готовившая морских офицеров. В 1716 г. было положено начало подготовке офицерских кадров через гардемариинскую роту.

В 1700 г. в России был введен новый календарь, по которому летоисчисление началось от рождения Христова, а не «сотворения мира», как раньше 1 сентября.

Для сохранения и демонстрации исторических и природных «раритетов» была построена Кунсткамера – первый русский музей. В Петербурге была основана астрономическая обсерватория, созданы библиотека и Ботанический сад.

В этих реформах предполагалось введение в России всего того, что в западноевропейских государствах выработывалось на пути развития права, нравственности и просвещения в условиях длительного исторического периода. В эпоху Петра были сделаны попытки осуществить хотя бы некоторые части этих реформ. Так, к практическому образованию в школе вводилась математика и арифметика, созданная им Академия наук должна была соответствовать английская «Королевская Академия». Путём целой системы каналов Петр задумал «улучшить природу»; а торговлю поощрял требованием, чтобы его поданные учреждали торговые компании. Предпринимались попытки кодификации, особым законом предусматривалось сохранение в неприкосновенности родовые поместья. Даже в условиях Северной войны Петр Великий уделял большое внимание внутренним делам и ходу выполнения реформ в России.

Твердой рукой, не зная путь, уверенный в себе, Петр I повел народ России на путь прогресса, по направлению в Европу. А те, кто отказывался следовать за реформами Петра, тот подвергался опасности быть принесенным в жертву как изменник.

Можно определить с оценкой любого общества, что процесс принятия и реализация масштабных по тому времени реформ, да в современный период развития, представляет собой сложный и порой противоречивый процесс.

Петр Великий, являясь величественной личностью, проникнутый большим патриотизмом к своему Отечеству, преодолевая громадные трудности, он посвятил себя и свои силы преобразованию российского государства с целью превратить Россию в цивилизованную страну мирового сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. – Лениздат, 1989. – С. 489.
2. Верховский П.В. Учреждение Духовной Коллегии Духовный регламент. – Т. I. – М., Ростов-на-Дону, 2016. – С. 316.
3. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия. – Т. 1. – СПб., 1861. – С. 572.
4. Заозерский Н.И. Россия в период реформ Петра I. – М., 1973. – С. 397.
5. Лихачев Д.С. Славянская культура в эпоху формирования и развития славянских наций в XVIII – XX вв. – М., 1978. – С. 481.
6. Павленко И.Н. Россия в период реформ Петра I. – М.: Наука, 1973. – С. 531.
7. Погодин М.П. Пётр Великий. В кн. Историко-критические отрывки. – Т. 1. – М., 1846. – С. 403.

АБДИНОВ Ильгар Эльдар оглы

соискатель Национальной академии наук Азербайджана

УЧАСТИЕ РОССИИ В ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В последние годы ориентация России на Восток представляет собой важную тенденцию в международных отношениях. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является примером того, как российская внешняя политика представляет свою эволюцию через призму меняющихся событий в Азии. В данной статье авторы пытаются проанализировать интересы России в ШОС, ее отношения с Китаем и то, как они могут повлиять на дальнейшую работу ШОС. Основным вкладом этой статьи является анализ внешней политики России в Евразии с акцентом на ШОС через её отношения с Китаем, крупной азиатской державой.

Ключевые слова: BRI, Китай, ЕАЭС, внешняя политика, Россия, ШОС, региональная безопасность.

ABDINOV Ilgar Eldar ogly

competitor of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

RUSSIAN ENGAGEMENT IN SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION: MOTIVES AND CURRENT SITUATION

In recent years, Russia's orientation to the East has been an important trend in international relations. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is an example of how Russian foreign policy presents its evolution through the lens of changing events in Asia. In this article, the authors try to analyze Russia's interests in the SCO, its relations with China, and how they can affect the future work of the SCO. The main contribution of this article is an analysis of Russia's foreign policy in Eurasia with a focus on the SCO through its relationship with China, a major Asian power.

Keywords: BRI, China, EAEU, foreign policy, Russia, SCO, regional security.

Для России повышенное внимание к восточному и южному направлениям внешней и внешнеэкономической политики стало в последние годы одним из важнейших признаков возвращения на позиции великой державы. Экономический поворот на Восток, устанавливающий новую модель внешнеэкономических отношений, не означает ухода от Европы или замены зависимости России от европейских рынков односторонней зависимостью от Китая. В контексте российско-американского противостояния усовершенствовалось азиатское направление российской внешней политики, как в политической, так и экономической сферах.

Россия является государством-основателем ШОС и играет в ней одну из важных ролей. Это было ясно с самого начала, еще в период переговоров в рамках «Шанхайской пятёрки». В 1996 году государства Центральной Азии предложили организовать переговоры в формате «4+1», поскольку молодые республики Центральной Азии не имели достаточного опыта для проведения серьезных переговоров с Китаем. Россия рассматривает ШОС как важный элемент международной системы, как один из столпов будущего многополярного мира. В дополнение внешней роли ШОС, для России важна и ее роль в самом регионе. В рамках ШОС интересы Китая, России и стран Центральной Азии сбалансированы при обсуждении вопросов регионального значения, что частично подтверждается медленным прогрессом самой организации.

Вопрос участия России в Центральной Азии и ее политики в отношении ШОС был довольно популярен среди исследователей [8], обсуждавших российско-китайское сотрудничество и конкуренцию, результатом которых является «построение многосторонней системы безопасности и сотрудничества, ориентированной на ШОС, на основе концепции многосторонней операции по обеспечению

безопасности как утилитарной внешней политики» [2] переформулировали вопрос расширения как проблему поиска баланса между глобализационными (российская точка зрения) и регионализационными (китайская точка зрения) тенденциями в стратегии ШОС и заявили, что на практическом уровне это позволит согласовать основные интересы России и Китая в Евразии [4] продвигал ШОС как средство углубления экономической взаимозависимости в Евразии, связывая экономические инициативы, такие как BRI и ЕАЭС, и приглашая государства-члены ШОС внести свой вклад в эти инициативы [10], и оба утверждали, что асимметричные мотивы Китая и России мешают ШОС стать хорошо зарекомендовавшей себя региональной организацией. В этих статьях обсуждаются российско-китайские отношения в рамках ШОС. Однако в данной статье авторы анализируют российско-китайские отношения в целом как системную переменную развития ШОС.

Структурные предпосылки для участия России

Деятельность ШОС в области безопасности имеет важное значение для России. ШОС была создана на основе объединения потенциала стран-участниц в борьбе с «тремья бедами» в регионе: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Россия тоже пострадала от этой проблемы, хотя и не в этом регионе, а на Северном Кавказе. Именно поэтому Россия была заинтересована в объединении усилий с другой региональной державой для борьбы с сепаратизмом и экстремизмом.

С самого начала Россия выступала за объединение усилий государств-членов ШОС для повышения уровня безопасности в регионе. В 2001 году террористические акты в США лишь подтвердили правильность направления деятельности ШОС по противодействию международному терроризму. Россия выступала партнером США в борьбе с террористическими группировками в Афгани-

стане и продвигала эту позицию в ШОС. Однако Россия не приветствовала присутствие США в центральноазиатском регионе и использовала платформу ШОС для продвижения своих позиций в регионе. Позиция России по поводу участия США в регионе окончательно оформилась после того, как западные государства раскритиковали действия правительства Узбекистана во время протестов. В июне 2005 года она поддержала предложение Узбекистана установить окончательную дату вывода американских войск с территорий государств-членов ШОС [6]. Тем не менее, Россия сотрудничала с Соединенными Штатами в Афганистане до 2015 года, когда Соединенные Штаты прекратили сотрудничество в ответ на действия России на Украине.

Центральная Азия была неотъемлемой частью России в течение двух столетий – сначала в составе Российской империи, а затем в составе СССР. Соответственно, Россия по – прежнему имеет особые интересы в этом регионе и исторически связана с ним – политически, экономически и культурно. В рамках ШОС после распада СССР Россия преследует, среди прочего, цель сбалансировать участие Китая в регионе [9]. У российской элиты нет однозначного подхода к Китаю: одни выступают за сотрудничество с Китаем в противовес Соединенным Штатам, в то время как другие призывают к более осторожной политике в отношении своего восточного соседа, учитывая размеры его экономики и населения. Поэтому перед Россией стоит дилемма, как выстраивать свою политику в рамках ШОС – углублять отношения между странами-участницами или поддерживать их на относительно низком уровне, превращая организацию в своего рода региональную диалоговую площадку.

Великая Евразия как идея российско-китайского сближения

В 2018 году, выступая с Посланием Президентом Федеральному Собранию, президент России Владимир Путин обозначил всеобъемлющее стратегическое партнерство с Китаем во внешнеполитической сфере [7]. Рассматривая многосторонние инициативы, Путин заявил, что Россия продолжит работу над проектом создания Большого евразийского партнерства. В официальном дискурсе этот флагманский внешнеполитический проект президента России рассматривается как “точка сборки” различных российских интересов: развитие интеграции на постсоветском пространстве, укрепление взаимовыгодных партнерских отношений с государствами Европы и Азии, использование многосторонних форматов для выработки новых правил игры в Евразии. Все эти усилия направлены на создание взаимосвязанной, сбалансированной и безопасной среды на континенте для совместного развития всех заинтересованных государств Евразии.

В российских экспертных кругах на фоне ухудшения отношений между Россией и Западом была разработана концепция Большой Евразии, заявившая, что прежняя идея Большой Европы путем сопряжения ЕС с ЕАЭС от Лиссабона до Владивостока заменяется Большой Азией от Шанхая до Санкт-Петербурга, и отметившая, что ШОС и БРИКС могут сыграть важную роль в создании такой политической схемы.

Дополнительный импульс движению к созданию широкого Евразийского экономического пространства

дал Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 года о большом евразийском партнерстве с участием ЕАЭС, Китая, Индии, Пакистана и Ирана. Эта идея сотрудничества по линии ЕАЭС-ШОС-АСЕАН, высказанная президентом России ранее на саммите Россия-АСЕАН в Сочи, была поддержана китайской стороной. В. Путин также отметил идею создания Большого евразийского партнерства, сформированного на основе ЕАЭС и китайской инициативы “Один пояс, один путь”, и охарактеризовал ее как гибкий проект, открытый для других членов.

Концепция Большого евразийского партнерства является результатом постоянных усилий России по улучшению своей стратегической среды путем постоянной корректировки общей стратегии, что в разное время привело к продвижению таких проектов, как Транспортный коридор Север-Юг и Евразийский экономический союз. Основными особенностями Большой Евразии являются следующие:

1) Большая Евразия – это новый вид международного объединенного образования, сформированного на основе российско-китайского сближения и усилий по объединению ЕАЭС и БРИ.

2) Другие незападные организации и группы (в первую очередь ШОС, АСЕАН и БРИКС) будут играть важную роль в этом процессе.

3) Большая Евразия еще не является официальной организацией или даже группой. Это своего рода партнерство, основанное на общих интересах незападных государств.

4) Государства-участники имеют два типа интересов: политические и экономические. Первый основан на озабоченности по поводу однополярного мира, в котором Соединенные Штаты и их союзники стремятся играть гегемонистскую роль и не учитывают интересы и суверенитет других государств. В этой связи Большая Евразия вырабатывает принципиально иной подход к мировой политике, основанный на уважении международного права, возникшего после Второй мировой войны, ведущей роли Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности, различных культурных традиций и политических систем, плюрализма и демократии не только внутри стран, но и в международных отношениях. Эти принципы созвучны принципам «мирного сосуществования», которые развивающиеся страны впервые выразили на Бандунгской конференции в 1955 году, и так называемому «Шанхайскому духу» ШОС.

5) Экономические интересы могут служить основой для широкого партнерства. Эти интересы включают в себя отношения между ЕАЭС и ШОС и укрепление экономической составляющей ШОС после присоединения Индии и Пакистана и, возможно, Ирана. В будущем также возможно формирование общего пространства свободной торговли. Россия и Китай уже предложили создать двустороннее соглашение о свободной торговле в 2016 году. Кроме того, Китай уже создал такую зону с АСЕАН, а в рамках ЕАЭС создана зона свободной торговли. В результате все эти ЗСТ могут быть расширены или даже объединены.

6) Большая Евразия будет открытым партнерством для всех, включая Европу. Интерес, проявленный европей-

скими государствами к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ), предложенному Китаем, БРИК и, совсем недавно, ЕАЭС, свидетельствует о том, что такая возможность возможна.

Значительную роль в успехе этой инициативы играет российско-китайское взаимодействие в двустороннем формате, а также на основе международных организаций, членами которых являются Россия и Китай или с которыми они сотрудничают. Этот тезис был подчеркнут Владимиром Путиным во время Международного форума BRI в Пекине в мае 2017 года. Как пояснил президент России, суммирование потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, БРИК, ШОС и АСЕАН, может стать основой для формирования Большого Евразийского партнерства. Таким образом, две флагманские инициативы лидеров России и Китая – Большое евразийское партнерство и БРИК – имеют общую повестку дня, которая в нынешних условиях противостоит растущей хаотичности международных политических и экономических отношений.

Озабоченность, высказанная Владимиром Путиным на открытии Международного форума BRI по поводу фрагментации глобального экономического и технологического пространства, созвучна основным тезисам выступления Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 года [11].

Поэтому обе страны выступают против фрагментации международных отношений и деглобализации, поддерживая идеи открытости и свободной торговли, а также ключевую роль международных институтов.

Китайско-российские отношения всестороннего партнерства и стратегического взаимодействия охватывают практически все сферы, и в каждой из них достигнуты значительные результаты сотрудничества. В новую эпоху Китай и Россия продолжают развивать сотрудничество во всех областях, придавая особое значение следующим пяти приоритетным направлениям:

1. Укрепление взаимного политического доверия. В двустороннем контексте Китай и Россия соблюдают международное право и международные отношения, проводят равноправную и дружественную политику, а также взаимно поддерживают усилия по защите суверенитета, обеспечению безопасности и реализации других жизненно важных интересов. Обеим странам также необходимо поддерживать тесные контакты на высшем уровне, развивать ведущую роль глав государств в двустороннем сотрудничестве, расширять диалог между их правительствами через различные механизмы, обеспечивать взаимопонимание и разрешать сомнения, укреплять диалог и сотрудничество между законодательными органами, развивать двусторонние региональные и неправительственные обмены и дружбу между народами.

2. Углубление делового сотрудничества, развитие устойчивого роста торговли между Китаем и Россией и совершенствование ее структуры. Важно наращивать взаимные инвестиции, реализовывать масштабные совместные проекты, поощрять активное участие в сотрудничестве среднего и малого бизнеса двух стран, развивать финансовое сотрудничество для предоставления финансовых гарантий экономического и технического партнерства. Также необходимо развивать сотрудничество на всех уровнях

в области добычи и добычи природных ресурсов, электроэнергетики и атомной энергетики, укреплять китайско-российские отношения стратегического партнерства в области энергетических ресурсов, содействовать реализации транспортных и инфраструктурных проектов, продолжать улучшать условия грузовых перевозок между двумя странами, развивать связи в сельском хозяйстве, промышленности, науке и технике, авиации, космонавтике и других областях.

3. Укрепление сотрудничества в области безопасности. Важно развивать связи между органами национальной обороны и государственной безопасности двух стран, повышать роль консультаций и других механизмов по вопросам стратегической безопасности Китая и России, укреплять контакты в области создания потенциала безопасности, угроз общей безопасности и других вопросов, формулировать планы дальнейшего сотрудничества, развивать военно-техническое сотрудничество наряду с развитием обмена военными технологиями, проводить совместные исследования и производство, а также развивать другие углубленные формы взаимодействия. Используя совместные военные учения (сухопутные, морские, противоракетные, с использованием компьютерного моделирования), необходимо усилить координацию действий двух стран в военной сфере и совместно отражать угрозы международной безопасности, в том числе в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности.

4. Расширение гуманитарного сотрудничества. Необходимо развивать связи в области образования, готовить специалистов высокого уровня по всем направлениям взаимодействия, содействовать изучению России в Китае и изучению Китая в России, организовывать совместные культурные мероприятия, дни культуры, кинофестивали, телевизионные фестивали, перекрестные годы и другие масштабные мероприятия, способствовать развитию обменов и углублению сотрудничества между профессиональными культурными организациями, художественными университетами и художественными коллективами, поддерживать культурные центры России и Китая в активном проведении мероприятий, распространении культуры каждой страны, развитие контактов в области туризма, науки, здравоохранения, спорта и в других областях.

5. Укрепление сотрудничества по глобальным и региональным вопросам. Необходим постоянный обмен мнениями по ситуации в мире и важным международным вопросам, выработка общей позиции между Китаем и Россией, планирование внешнеполитического взаимодействия. Следует продолжать координацию позиций и сотрудничество в области продвижения многополярного мира и укрепления ключевой роли ООН в международных делах, совместно противодействовать разрыванию систем противоракетной обороны в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, обеспечивать глобальную и региональную стратегическую стабильность, совместно содействовать многосторонней безопасности и развитию торгово-экономического партнерства в рамках ШОС, наращиванию международного влияния Организации, осуществлять плодотворное внешнеполитическое сотрудничество по ядерным вопросам Северной Кореи и Ирана., по проблемам Сирии и Афганистана, по терроризму, информаци-

онной безопасности и другим международным повесткам дня через такие многосторонние механизмы, как БРИКС, G20, Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества.

Российское руководство не преувеличивает успехи ШОС. Однако она рассматривает ШОС как важный механизм международного сотрудничества в регионе. В статье рассматривается политика России в ШОС и в целом в Евразии через призму российско-китайских отношений. В то время как предыдущие исследования склонялись к анализу российской политики в рамках ШОС, авторы решили рассматривать китайско-российские отношения как структурную переменную политики ШОС. Сегодня такой подход позволяет наблюдать динамику развития международных отношений в Евразии с точки зрения развития отношений между Россией и Китаем, двумя крупнейшими военными державами Евразии. Политика России в ШОС сводится к укреплению региональной безопасности и углублению отношений с крупнейшими азиатскими государствами в целях установления многополярного миропорядка. Россия не заинтересована в расширении экономической деятельности в рамках ШОС, поскольку имеет исторические связи с государствами Центральной Азии и избегает масштабного финансового вторжения Китая в регион.

Однако в будущих исследованиях следует также обратить внимание на российско-индийские и китайско-индийские отношения и их влияние на политическую динамику в Евразии. Кроме того, будущие исследования должны быть сосредоточены на американо-индийских отношениях, которые играют важную роль в формировании повестки дня ШОС.

Пристатейный библиографический список

1. Denisov I., Fenghua L., and Sun Z. (2018). Russia and China: Cooperation in a New Era. Results of the 19th National Congress of the Communist Party of China and of the Russian Presidential Election (Policy Brief No. 17). [Electronic resource]. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Policybrief17-En.pdf>.
2. Denisov I.E., and Safranchuk I.A. (2016). Four Problems of the SCO in Connection with Its Enlargement. *Russian Politics & Law*, 54 (5-6): 494-515. DOI: 10.1080/10611940.2016.1296304
3. Mekhdiev E.T., Prokhorova V.V., Makar S.V., Salikhov G.G., Bondarenko A.V. Smart Cities in Future Energy System Architecture / *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2018. T. 8. № 5. С. 259-266. EDN: ANEGJA.
4. Na-Xi L., Meng-Fang H., and Shan-Bing L. (2019). How the Belt and Road Initiative Can Help Strengthen the Role of the SCO and Deepen China's Cooperation with Russia and the Countries of Central Asia. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 75 (1): 56-68. DOI: 10.1177/0974928418821484.
5. Perskaya V., Sokolova E., Mekhdiev E., Guliev I. Drivers of deepening the BRICS countries partnership (based on a comparative analysis of national development strategies) // *Espacios*. 2019. T. 40. № 42. С. 1-9.
6. Pradt T. (2020). The Prequel to China's New Silk Road. Preparing the Ground in Central Asia. Palgrave Macmillan. p. 67.
7. Putin V. (2018). Presidential Address to the Federal Assembly. Retrieved from Official Internet Resources of the President of Russia website. [Electronic resource]. – Access mode: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/56957>.
8. Yun Y., and Park K. (2012). An Analysis of the Multilateral Cooperation and Competition between Russia and China in the Shanghai Cooperation Organization: Issues and Prospects: Russia and China in the SCO. *Pacific Focus*, 27 (1): 62-85. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2012.01076.x.
9. Scepanovic J. (2020). Institutions, cooperation, and hegemony: a comparative analysis of Russia's cooperative hegemonic strategy in Central Asia's key institutional frameworks, *Asian Security*, DOI:10.1080/14799855.2020.1784877
10. Song W. (2014). Interests, Power and China's Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). *Journal of Contemporary China*, 23 (85): 85-101. DOI: 10.1080/10670564.2013.809981.
11. Xi J. (2017). Full Text: Keynote Speech by H.E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the Opening Session of the World Economic Forum Annual Meeting. Davos, 17 January 2017. Retrieved from The State Council Information Office website. [Electronic resource]. – Access mode: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm.
12. Медведева М.Б., Аржаев Ф.И. «Шелковый путь» и евразийский экономический союз: сложности сопряжения // *Финансы, деньги, инвестиции*. 2017. № 4 (64). С. 3-8.
13. Соловова Ю.В. Трансформации мировой энергетической системы в контексте тенденции энергетического перехода // *Дискуссия*. 2021. № 4 (107). С. 49-58. EDN: EDUZDG.

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

КОРОЛЕВСКИХ Анастасия Николаевна

старший преподаватель кафедры прикладной механики Тюменского индустриального университета

СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО О НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕЯХ И ЦЕЛЯХ РОССИИ

В статье представлен анализ анкетного опроса сельских жителей юга Тюменской области, проведенного в 2021 году учеными Тюменского индустриального университета в рамках проекта «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». В опросе приняли участие 1000 респондентов, из них 286 сельские жители, ответы которых позволили оценить их отношение к национальным идеям и целям, сформулированным на государственном уровне.

Ключевые слова: национальная идея, национальные цели, сельские жители, занятость, здоровье, благополучие россиян, цифровая экономика.

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals

KOROLEVSKIKH Anastasiya Nikolaevna

senior lecturer of Applied mechanics sub-faculty of the Tyumen Industrial University

RURAL COMMUNITY ABOUT NATIONAL IDEAS AND GOALS OF RUSSIA

The article presents an analysis of a questionnaire survey of rural residents in the south of the Tyumen region, conducted in 2021 by scientists from the Tyumen Industrial University as part of the project "Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening the all-Russian identity". The survey involved 1,000 respondents, of which 286 were rural residents, whose answers made it possible to assess their attitude to national ideas and goals formulated at the state level.

Keywords: national idea, national goals, rural residents, employment, health, well-being of Russians, digital economy.

В обращении к федеральному собранию (2005 г.) Президент России обратил внимание на необходимость инвестирования в человеческий капитал путем развития таких значимых отраслей как здравоохранение, образование, сельское хозяйство, строительство и др. На необходимость развития данных сфер в сельских поселениях юга Тюменской области обращают внимание в своих исследованиях и региональные ученые [3-6].

В Указе Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» находим основные направления национальных проектов: «демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт» [1].

С 2020 г. ученые Тюменского индустриального университета в консорциуме с пятью российскими университетами участвуют в реализации Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности». Руководит проектом д.социол.н., профессор Башкирского государственного университета Шайхисламов Р.Б. Региональные исследования возложены на д. социол. н., профессора ТИУ Хайруллину Н.Г. [5]. Согласно плану реализации научных исследований в городах и сельских поселениях юга Тюменской области в конце 2021 г. был проведен онлайн-опрос 1000 человек, из них 286 человек – жители сельских поселений. Среди сельских жителей 45 %

составили мужчины, 55 % - женщины. В выборочной совокупности сельские жители составили 21,0 %, что соответствует сложившейся структуре населения области.

В анкете блок вопросов был посвящен заявленной теме: первоочередные национальные идеи, цели, отношение к ним и оценка субъектов реализации национальных целей.

Рассмотрим ответы на вопрос, могут ли быть у россиян общие идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых они способны объединиться. Три четверти участников опроса положительно ответили на данный вопрос (да – 40,5 %, вполне – 34,3 %). Отрицательную оценку находим у 8,1 7,2 % опрошенных (скорее всего, нет 5,7 % и однозначно, нет – 2,4 %). Остальные затруднились с ответом. Далее представим пять наиболее важных объединительных идей: «В России нет бедности», «Россияне – самые образованные люди», «В России самые комфортные условия жизни», «Россияне – здоровый народ», «В России самая чистая окружающая среда».

Выше мы цитировали заявленные национальные цели, поэтому далее рассмотрим оценки сельских жителей, характеризующие отношение к каждой цели в отдельности с небольшой ее характеристикой.

В результате реализации национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» должен произойти рост численности населения, продолжительность жизни должна составить 78 лет, уровень бедности снизиться в два раза, а число занимающихся физкультурой и спортом увеличиться до 70 % [2]. По мнению каждого пятого респондента (21,4 %), рассматриваемая цель может и должна быть реализована только государством. Чуть более четверти участников опроса (28,6 %) считают, что для этого нужны совместные действия государства и всех россиян. Каждый десятый (11,0 %) высказался, что

наибольший эффект будет достигнут усилиями конкретного человека, преследующего свои интересы. По их мнению, она не может и не должна быть реализована только государством и гражданами страны. При этом 9,0 % сельчан уверены, что данная цель не может быть достигнута усилиями государства, общества и отдельного человека. Одновременно чуть более четверти сельчан (28,1 %) затруднились с ответом. Отметим здесь, что при оценки всех других национальных целей число, затруднившихся с ответом составило от 28,1 до 31,4 %, поэтому не будет повторять данный вариант ответа. Вариант ответа: данную цель нельзя ставить: пусть все идет как идет отмечен в ответах 1,9 % сельчан.

Реализация следующей цели «Возможности для самореализации и развития талантов» должна позволить нашей стране к 2030 г. войти в десятку стран по качеству образования, научных исследований. Кроме того, реализована система поддержки талантливых детей и молодежи; волонтерства и др. По мнению пятой части опрошенных (19,5 %), цель может и должна реализована усилиями государства. Около трети участников опроса (31,4 %) считают, что нужны совместные усилия государства и россиян. При этом 12,9 % респондентов утверждают, что эффективнее действия конкретного человека, который преследует личные интересы. В три раза меньшее число участников опроса не верят в достижимость рассматриваемой цели.

Национальная цель «Комфортная и безопасная среда для жизни» принимается для улучшения жилищных условий россиян за счет увеличения вводимого жилья; улучшение качества городской среды, дорог; снижение выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду в два раза. Около трети респондентов (30,5 %) уверены, что реализацией данной программы должно заниматься только государство. Чуть более четверти участников (28,6 %) полагают, что еще нужны усилия всех россиян. А 6,7 % сельских жителей заявили о необходимости конкретных действий отдельного человека, который преследует свои интересы. По мнению 1,9 % участников, данная цель недостижима.

По мнению чуть более четверти сельских жителей (28,6 %) национальная цель «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» должна и может быть реализована государством. Такое же число респондентов утверждают, что помимо государства, нужны еще и усилия всех россиян. Каждый десятый считает, конкретные действия отдельного человека, преследующего свои интересы, будут более эффективными. Пессимистов, которые считают ее недостижимой, оказалось 2,9 %.

Укажем, что реализация данной цели должна позволить к 2030 году повысить темпы роста производства выше общемировых темпов; обеспечить устойчивый рост доходов россиян и пенсионеров не ниже инфляции; довести число предпринимателей до 25 млн. чел.

Для внедрения цифровых технологий в экономике, здравоохранении, образовании, государственном управлении; обеспечения полной доступности услуг населению в электронном виде; Интернета для каждого домовладения провозглашена национальная цель «Цифровая трансформация». По мнению каждого третьего участника опроса (34,8 %), указанная цель может и должна быть реализована государством. Каждый пятый участник (19,5 %) полагает, что кроме государства реализацией должны заниматься и все россияне. При этом 8,1 % респондентов полагают, что эффективнее цель будет и может быть реализована конкретными действиями отдельного человека, который преследует свои интересы, а не совместными усилиями

государства и россиян. По мнению 4,3 % сельчан, указанная цель важна, но недостижима. Отметим, что 1,9 % участников заявили, что такую цель ставить нельзя: пусть все идет как идет.

Заключение. Анализ ответов сельских жителей, проживающих на юге Тюменской области, позволил оценить гражданскую позицию данной категории населения. Исходя из ответов видно, что наиболее актуальными являются для них две национальные цели «Цифровая трансформация» и «Комфортная и безопасная среда для жизни», что обусловлено слабым развитием на селе сети Интернет и не самыми лучшими условиями жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71937200/#friends> (дата обращения: 10.03.2022)
2. Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 10.03.2022)
3. Устинова О.В., Хайруллина Н.Г., Колесник Е.А. Государственная политика повышения рождаемости в условиях нестабильности. Тюмень: ТИУ, 2021.
4. Хайруллина Н.Г. Роль государства в развитии человеческого потенциала // В сборнике: Проблемы устойчивого развития в отраслевом и региональном аспекте. Материалы международной научно-практической конференции. В 2 томах. Тюмень, 2020. С. 262-266.
5. Хайруллина Н.Г. Российское гражданское общество: региональный аспект // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 375-376.
6. Шестаков С.А. Динамика социально-политической ситуации в Тюменской области // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 320-322.

ДАУТОВА Танзиля Ахтямовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ГЕНДЕРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется состояние органов государственной власти РФ с точки зрения адекватного гендерного представительства в них. Имеющиеся диспропорции рассматриваются в их хронологических изменениях и динамике. Устранение сложившихся непропорциональных гендерных позиций предлагается на путях более динамичного развития институтов гражданского общества и системы мер по повышению политической культуры населения.

Ключевые слова: гендер, законотворчество, должности гражданской службы, гендерная асимметрия, коррупция, гражданское общество, «критическая масса».

DAUTOVA Tanzilya Akhtyamovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State management sub-faculty of the Bashkir State University

GENDER REPRESENTATION IN PUBLIC AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the state of state authorities of the Russian Federation from the point of view of an adequate gender representation in them. The existing disproportions are considered in their chronological changes and dynamics. The elimination of the prevailing disproportionate gender positions is proposed on the path of a more dynamic development of civil society institutions and a system of measures to improve the political culture of the population.

Keywords: gender, lawmaking, civil service positions, gender asymmetry, corruption, civil society, critical mass.

Даутова Т. А.

Равенство полов является одной из наиболее актуальных задач в политической, экономической, социальной жизни современного демократического общества. Гендер определяется концепцией задач, функций и ролей, предназначенных обществом женщинам и мужчинам в их общественной и личной жизни¹. Гендерное равенство подразумевает равное обладание женщинами и мужчинами социально ценными благами, возможностями, ресурсами и вознаграждениями. Гендерное равенство не означает, что мужчины и женщины становятся совершенно одинаковыми. Это означает, что равны их возможности и жизненные шансы, идентичен их социально-политический статус. Равное представительство мужчин и женщин в законодательных и исполнительных органах власти демократического государства является важнейшим условием стабильного и динамичного его развития. Непропорциональное гендерное представительство несет с собой потенциал несправедливого решения проблем стратегического и тактического плана, генерирует конфликт интересов, дестабилизирует режим общественного согласия в общенациональном (или региональном) масштабе.

В законотворчестве, общественном сознании современного российского общества, и особенно экспертного сообщества ученых и политиков, проблема равного представительства мужчин и женщин во властных структурах не получила должного внимания. По умолчанию предполагалось, что гендерные интересы учитываются автоматически, либо данному вопросу не придавался социально значимый статус. В контексте рассматриваемой темы важно отметить, что все

нормативно-правовые акты современной России гарантируют равный доступ мужчин и женщин к государственно-властным структурам. Однако на практике сохраняется диспаритетное представительство мужчин и женщин в органах власти. Единственным документом, отразившим вопросы женского представительства, является Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы. Документ определяет основные направления государственной политики в отношении женщин; он нацелен на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации женщинами². Но, это скорее рамочный документ, который носит рекомендательный характер, не содержит конкретных целевых показателей и охватывает лишь малую долю факторов, влияющих на гендерное неравенство. Кроме того, реальные механизмы осуществления данного направления не разработаны. В самом документе термин «гендер» не упоминается вовсе.

В 2022 году доля женщин в составе Государственной Думы РФ составляет 19 %. В статистическом срезе обозначен чрезмерный перекоп в сторону маскулинизации депутатского корпуса, минимальное представительство в нем женщин. Однако динамический срез позволяет обнаружить рост женщин в представительных органах власти. Динамика количества женщин-депутатов в Государственной Думе РФ представлена в графике № 1. Как видим, отмечается плавное снижение доли женщин в Государственной Думе 3 созыва (2000-2003 гг.) и такое же плавное повышение начиная с 4 созыва. В результате последних выборов (2021 г.) количество

1 Гендерные аспекты: практика применения. Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cawater-info.net/bk/15-1.htm>

2 Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы.

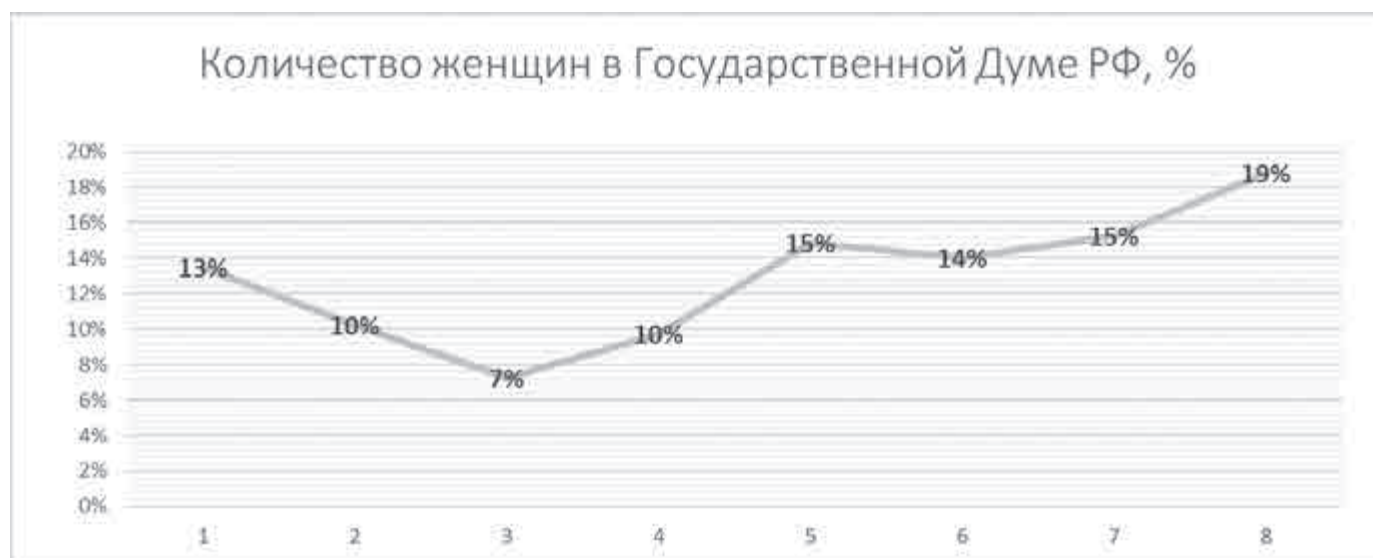

График 1. Доля женщин в Государственной Думе РФ, в % по каждому созыву

женщин-депутатов в российском парламенте увеличилось на 4 %.

Более подробный анализ гендерного состава руководящих органов Госдумы позволяет сделать следующие выводы. За все 8 созывов Председателем Государственной Думы РФ ни разу не выбиралась женщина. На 2022 год 2 женщины являются Заместителями Председателя ГД; ни одна женщина не возглавляет фракцию (всего 5 фракций), кроме того, во фракции ЛДПР женщин-депутатов нет вообще. Из 32 комитетов ГД только 4 женщины являются Председателями, это комитеты по: вопросам семьи, женщин и детей; культуре; просвещению; развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. 3 женщины возглавляют Комиссии (всего 8 комиссий)³. Они руководят Комиссией по вопросам депутатской этики (В.В. Терешкова), Комиссией по обеспечению жилищных прав граждан (Хованская Г.П.) и Счетной комиссией (Кармазина Р.В.). Таким образом, в российском парламенте представленность женщин носит социально-ориентированный характер и реализуется в таких сферах, как образование, культура, социальная защита, экология, правовое просвещение, гражданская активность, благотворительность. В Совете Федерации ФС РФ в 2022 году из 170 представителей органов власти субъектов федерации сенаторы – женщины составляют 36 человек (21,2 %)⁴, чуть больше чем в Государственной Думе. Совет Федерации возглавляет женщина, что в анализируемом контексте является положительным примером. Вместе с тем, в 2011 году в верхней палате ФС РФ женщин-сенаторов было всего 13 %. Таким образом, состав высшего законодательного органа нашей страны является гендерно не сбалансированным. В то же время женщины занимают посты Председателя Центрального банка России, председателя Центральной избирательной комиссии РФ, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, председателя территориальной избирательной комиссии (ТИК) «Сириус».

3 Официальный сайт Государственной думы Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/duma/about/>.

4 Официальный сайт совета Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/structure/members/>.

Рассмотрим, как представлены женщины в высших органах исполнительной власти РФ. Нужно отметить, что главой Правительства РФ ни в досоветской истории, ни в советский и постсоветский периоды никогда не была женщина. В 2022 г. из 10 Заместителей Председателя Правительства РФ только 2 являются женщинами, и в статусе министра только 1 женщина является федеральным министром по культуре (при общем количестве министров – 21 чел.)⁵.

В российских регионах ситуация в части гендерного представительства во власти сильно различается. В России 85 субъектов Федерации, в разные периоды современной истории женщина была губернатором только в пяти регионах – это Владимирская и Мурманская области, ХМАО (на май 2022 год единственная женщина-губернатор), Забайкальский край, Камчатский край и Санкт-Петербург. Ещё в трёх – Пермский край, Ульяновская и Сахалинская области, женщина была исполняющей обязанности губернатора. По регионам разброс показателя представленности женщин в законодательных собраниях субъектов составлял от 5 % в Омской области до 46 % – в Чукотском автономном округе, 40 % в Москве. В законодательных собраниях Чеченской республики и Магаданской области женщины в 2019 году вообще не были представлены⁶. Что касается двух соседних республик Башкортостана и Татарстана, представленность женщин в 2022 году в законодательных органах в Государственном собрании – Курултае Республики Башкортостан составляет 18 %, Госсовете Республики Татарстан – 14 %.

Согласно данным Росстата на 2019 год количество женщин на государственных должностях и должностях гражданской службы было больше и составляло 559,3 тысяч человек, а мужчин – 204,4 тыс. Сферу государственного управления в России можно назвать преимущественно женской, поскольку женщин в два раза больше, но более детальная разбивка по уровню иерархии показывает другую картину: чем выше должность, тем выше в процентном соотношении мужчин. В результате анализа данных по категориям и группам должностей федеральной гражданской службы выявлено, что в группе должностей «выс-

5 Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/>.

6 Гендерное неравенство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tochno.st/materials/gendernoe-neravenstvo#part2>.

Таблица 1. Женщины и мужчины, замещающие государственные должности и должности федеральной государственной гражданской службы, по категориям и группам должностей в 2019 г., тыс. человек

Государственные должности и должности федеральной гражданской службы	Женщины	Мужчины	Распределение по полу, %	
			Женщины	Мужчины
тыс. человек	403,8	145,0		
В том числе:				
государственные должности РФ	4,0	7,1	61	39
должности федеральной гражданской службы – всего	96,0	92,9	74	26
из них:				
руководители – всего	13,7	19,4	66	34
в том числе по гр. должностей:				
высшие	0,2	1,3	30	70
главные	0,7	2,1	47	53
ведущие	12,9	16,1	69	31

шие» мужчин - 70 %, «главные» - 53 %, а в ведущих должностях уже женщин больше на 38 % (таблица 1). В категории «помощники» (советники) на высших должностях мужчин более чем в 2 раза больше (68 % против 33 %), в категории «специалисты» - мужчины занимают почти две трети «высших» должностей, в категории «обеспечивающие специалисты» на всех должностях преобладают женщины[1].

Таким образом высший уровень управления принадлежит мужчинам, а именно этот уровень разрабатывает и принимает государственные управленческие решения.

На наш взгляд, законодательство, создаваемое парламентами РФ и ее субъектов, объективно способствует сохранению и усугублению гендерного неравенства, потому что полноценно не учитывает женских интересов. Следует отметить, что сама по себе гендерная асимметрия негативно сказывается и на мужчинах, и на женщинах: доминирование в одной сфере неизбежно оборачивается слабостями в другой. Низкое представительство женщин в органах управления и власти не позволяет развиваться новым, альтернативным стилям управления. Также существует предположение, что отсутствие женщин во власти повышает вероятность коррупции государственных чиновников и криминальности бизнеса. В исследовании, проведенном отделением Transparency International в Чехии в 2014 году, рассматривается вопрос взаимосвязи гендерного равенства и коррупции: множество примеров из разных стран всего мира свидетельствуют о том, что страны, где женщины представлены во власти лучше, менее склонны к коррупции. Авторы другого исследования предполагают, что причина взаимосвязи представленности женщин и уровнем коррупции заключается в том, что женщины во власти уделяют больше внимания таким сферам, как борьба с бедностью, образование и здравоохранение, и заботятся о том, чтобы финансовые средства достигли благополучателей без коррупции [2] Согласно теории «критической массы», женщины не могут существенно влиять на какие-либо изменения до тех пор, пока их количество не вырастет от нескольких человек, представленных номинально, до приемлемого уровня, способного влиять на принятие решений и продвижение своих инициатив⁷. По оценкам Организации Объединенных Наций, только тогда, когда в составе депутат-

ского корпуса той или иной страны больше 20 % женщин, законодатели всерьез начинают разрабатывать законопроекты в интересах детей. И только тогда, когда среди законодателей около 30 % женщин, появляются законы и государственные программы, отвечающие насущным интересам женщин.

Вышеприведенный анализ показывает, что проблема равного гендерного представительства в органах государственной власти в России и в ее субъектах остается актуальной. Причинами этого, вероятнее всего, являются, во-первых, инерционный потенциал сильных патриархальных традиций в недалеком прошлом страны, во-вторых, недостаточное развитие институтов и традиций гражданского общества в современной России и, в-третьих, слабое развитие политической культуры всего населения страны. Именно устранение двух последних факторов позволит «перезагрузить» современную российскую политическую систему в более адекватную требованиям времени форму и обеспечит более полный учет всех слоев населения (особенно среднего класса и бедных слоев). Это послужит стабилизации политических процессов в обществе и динамичному росту экономического состояния и благополучия российского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Женщины и мужчины России. 2020 год: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 239 с
2. Women and corruption: What positions must they hold to make a difference? // Journal of Economic Behavior & Organization. – Volume 151. – July 2018. – P. 219-233.

⁷ Непредставительная власть. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/special/womenassembly/>.

ПЕТРОВСКИЙ Евгений Иванович

слушатель 2 Факультета Академии управления МВД России

ЛАЩЁНОВ Михаил Сергеевич

кандидат социологический наук, доцент кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

ВКЛАД ОБЩЕСТВЕННЫХ СОВЕТОВ ПРИ ГУ МВД РОССИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ В ДЕЛО УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА В СТОЛИЦЕ

В современных условиях организация эффективного взаимодействия полиции и институтов гражданского общества становится составной частью правоохранительной политики государства и залогом успешной борьбы с преступностью. Мониторинг положительной практики организации партнерского взаимодействия выступает необходимым и востребованным инструментом совершенствования совместной деятельности субъектов правоохранительной направленности.

В статье рассматривается деятельность Общественных советов при ГУ МВД России по г. Москве в сфере обеспечения законности и правопорядка, соблюдения прав и свобод граждан, осуществления общественного контроля за деятельностью полиции, а также реализованные мероприятия, способствующие расширению диапазона субъектов профилактического взаимодействия и увеличению числа активных (неспециализированных) участников правоохранительного процесса.

Ключевые слова: общественный совет, общественный контроль, полиция, профилактика правонарушений, законность и правопорядок.

PETROVSKIY Evgeniy Ivanovich

student of the Academy of Management of the MIA of Russia

LASHCHENOV Mikhail Sergeevich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Theory and methodology of public administration sub-faculty of the Academy of Management of the MIA of Russia

THE CONTRIBUTION OF THE PUBLIC COUNCILS UNDER THE MAIN DIRECTORATE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA FOR THE CITY OF MOSCOW TO THE CAUSE OF LAW AND ORDER IN THE CAPITAL

In modern conditions, the organization of effective interaction between the police and civil society institutions is becoming an integral part of the law enforcement policy of the state and the key to a successful fight against crime. Monitoring of the positive practice of organizing partnerships is a necessary and in-demand tool for improving the joint activities of law enforcement entities.

The article deals with the activities of the Public councils under the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Moscow in the field of law and order, observance of the rights and freedoms of citizens, public control over the activities of the police, as well as implemented measures that help expand the range of subjects of preventive interaction and increase the number of active (non-specialized) participants in the law enforcement process.

Keywords: public council, public control, police, crime prevention, legality and law and order.

Петровский Е. И.

Лашчёнов М. С.

В соответствии с российским законодательством Министерство внутренних дел Российской Федерации является главным базисным правоохранительным органом страны, выполняющим важнейшую государственную функцию по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан. С начала реформирования правоохранительной системы страны был взят курс на развитие связей с общественностью и населением, установление общественного доверия и поддержки граждан, обеспечение открытости и публичности в деятельности полиции.

Осуществление сотрудничества полиции и общественности осуществляется по следующим направлениям: активное привлечение общественных объединений и организаций, граждан в сферу предоставления полиции необходимой и достоверной информации; оказание содействия в поддержании правопорядка в обществе; осуществление профилактики правонарушений и их предупреждение; оказание помощи органам правопорядка при проведении общественно-политических, культурных, спортивных и иных социально значимых мероприятий.

Работа органов внутренних дел по взаимодействию с общественностью и СМИ строится на следующих принципах: общественное доверие и поддержка граждан, доступность и открытость руководства и сотрудников полиции для граждан и СМИ; оперативность в подаче материала, своевременность и достоверность освещения общественно значимых событий и резонансных преступлений; подотчетность и ответственность руководителей органов внутренних дел перед гражданами и общественностью.

Ежегодные социологические исследования общественного мнения о деятельности полиции выступают основной оценкой их эффективности с позиции общественности [1]. За последние годы отношение общества и граждан к деятельности сотрудников правоохранительных органов стало постепенно меняться в лучшую сторону, но все еще остается на невысоком уровне. В результате социологического опроса, проведенного среди москвичей сотрудниками Управления информации и общественных связей ГУ МВД России по г. Москве (далее – УИиОС ГУ МВД России по г. Москве) в 2020 году, уровень доверия к по-

лиции оказался самым низким по сравнению с другими силовыми структурами, отвечающими за безопасность граждан. В целом, лишь треть москвичей доверяют полиции полностью, но при этом 23,3% опрошенных оценили ее работу как неудовлетворительную. Деятельность сотрудников районных органов внутренних дел в обеспечении правопорядка и законности в местах проживания москвичей более половины респондентов оценили как удовлетворительную и успешную [2].

В любом демократическом обществе существует объективная необходимость и социальная потребность участия граждан в управлении делами государства в сфере обеспечения охраны общественного порядка. Благодаря активному взаимодействию органов внутренних дел с институтами гражданского общества и СМИ становится возможным создание благоприятного социального фона для правоохранительной деятельности полиции.

В современных условиях неоценимую помощь полиции оказывают Общественные советы при ТОВД МВД России. Рассмотрим это направление на примере деятельности Общественных советов при ГУ МВД России по г. Москве и его территориальных подразделений. В соответствии с Указами Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» и от 28 июля 2011 № 1027 «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» и принятыми в дальнейшем ведомственными нормативными документами они призваны осуществлять общественный контроль за деятельностью полиции на постоянной основе. По своему правовому статусу Общественные советы являются совещательными органами, решения которых носят рекомендательный характер.

Перед Общественными советами поставлены следующие основные задачи: привлекать граждан, общественные объединения и организации к реализации государственной политики в правозащитной сфере; оказывать содействие правоохранительным органам в вопросах противодействия преступности; оказывать гражданам и организациям правовую помощь в защите их законных прав и свобод; осуществлять общественный контроль за деятельностью ОВД; участвовать в рассмотрении гражданских инициатив по вопросам деятельности органов внутренних дел; проводить общественную экспертизу принимаемых законов и иных нормативно-правовых актов по вопросам правоохранительной деятельности.

В состав Общественных советов на добровольных началах вошли представители общественных объединений ветеранов, правозащитных организаций, духовенства, деятели науки и культуры. При ГУ МВД России по г. Москве созданы и функционируют следующие комиссии: по информационному сопровождению деятельности совета с институтами гражданского общества; по вопросам соблюдения прав граждан и общественному контролю за деятельностью ОВД; по повышению безопасности дорожного движения, обеспечению прав и ответственности всех его участников; по координации работы групп общественных наблюдателей на массовых общественно-политических и культурно-спортивных мероприятиях; по проведению работы по патриотическому и правовому воспитанию сотрудников ОВД; по защите прав и законных интересов сотрудников ОВД и членов их семей.

Ключевой задачей Общественных советов всех уровней является обеспечение доверия и поддержки гражданами усилий полиции в борьбе с преступностью, формирование партнерских отношений между полицией и населением, защита и отстаивание интересов и прав граждан, осуществление общественного контроля деятельности полиции.

Особое значение придается работе по укреплению взаимодействия полиции с органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и СМИ, установлению активного диалога с представителями традиционных конфессий, общественных организаций, этнических землячества и диаспор по вопросам профилактики преступлений, экстремизма и обеспечения межнационального согласия. Осуществляя функцию контроля за работой сотрудников органов МВД и соблюдением ими правовых норм и законности, в минувшем году общественными активистами в Москве проведено 32 посещения и рабочих бесед с руководителями районного звена ОВД и мест временного содержания задержанных правонарушителей. По результатам проверок приняты меры по устранению выявленных нарушений.

Совместно с сотрудниками УИиОС ГУ МВД России по г. Москве активисты проводят мониторинги общественного

мнения по оценке эффективности работы столичной полиции. Кроме того, в рамках проведения акции «Гражданская инициатива» общественники регулярно проводят проверки деятельности ТОВД районного уровня, определяют лучших из них. Итоги этой работы отражаются открытой печати и в сети Интернета.

При активном участии членов общественных советов 17 ноября 2021 года в МВД РФ были подведены итоги XI Всероссийского конкурса «Народный участковый». На сайте газеты «Комсомольской правды» свое мнение о качестве работы участковых уполномоченных полиции высказали около двух млн. человек. Большинство из предложенных было реализовано.

За последнее время в столице произошел резкий скачок преступлений, совершаемых дистанционным путем (в 2018 году – 13 827, 2021 году – 51 005). Руководством совета при ГУ МВД г. Москвы было налажено конструктивное взаимодействие с Общественной палатой г. Москвы, в рамках которого проведены следующие мероприятия: «круглый стол» на тему «Проблема и профилактика дистанционных преступлений», разработана и представлена памятка под названием «Как уберечь себя и близких от дистанционных хищений», состоялось расширенное заседание рабочей группы по защите прав пользователей сети Интернет. В целом, следует отметить, что подобные «технологии информирования» [3] довольно востребованы и активно используются в практической деятельности пресс-службы ГУ МВД России по г. Москве

Члены Общественных советов участвовали в заслушивании ежегодных отчетов участковых уполномоченных полиции перед жителями районов. Прямое общение с людьми позволяет выявлять наиболее волнующие жителей проблемы, помогает полиции видеть реальное положение дел на местах и определять задачи по улучшению работы с местным населением.

Важным направлением в работе общественных советов является правовая защита граждан, в том числе и сотрудников полиции. В столичных СМИ, социальных сетях и ведомственных печатных изданиях общественники оперативно давали свои комментарии – опровержения тех материалов «желтой» прессы и фейков в сети Интернет, в которых искажалась истинная картина по резонансным преступлениям и действиям полиции в этой ситуации.

Общественные советы совместно с добровольными организациями правоохранительной направленности внесли огромный вклад в наведение правопорядка на столичных дорогах. Благодаря поступившей от них информации пресечены 361 000 правонарушений, задержаны 28 000 водителей с признаками опьянения. В 2021 году в столице с привлечением общественников, волонтеров, дружинников полицией проведен ряд оперативно-профилактических мероприятий и операций, направленных на предотвращение преступлений, таких как: «Привентив», «Подросток и семья», «Твой выбор», «Надзор», «Нелегал – 2021».

Информационная открытость, прозрачность, честность и принципиальность в деятельности руководителей органов внутренних дел и их постоянная готовность к сотрудничеству с общественностью и населением повышают положительный имидж полиции, вызывают общественное доверие и готовность россиян оказывать ее сотрудникам свое содействие и практическую помощь в решении задач по борьбе с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Зуева О.В. Изучение общественного мнения как способ оптимизации деятельности полиции// *Logos et Praxis*. - 2017. - Т. 16. - № 2. - С. 100-106.
2. Мониторинг общественного мнения по вопросам обеспечения безопасности / Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования - Москва, 2019. - С. 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/dsmir/documents/socio/> (дата обращения: 01.06.2022).
3. Намруева Э.В., Идиянова О.И. Технологии взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации // *Вестник Адьягейского государственного университета*. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2021. - № 1 (274). - С. 78-83.

РАХМАТУЛЛИНА Зия Борисовна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Башкирского государственного университета

КОВРОВ Владимир Федорович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье рассматриваются проблемы адаптации и повышения доступности культурного наследия и современного искусства для всех категорий населения, включая и людей с ограниченными возможностями здоровья благодаря использованию цифровых технологий. Авторы обосновывают, что создание виртуальных концертных залов, онлайн-трансляций, развитие электронной библиотеки, создание виртуальных музеев и мультимедийных гидов ломают барьеры для приобщения к объектам культурного наследия людей с ограниченными возможностями здоровья, включая и молодежь этой категории.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная адаптация, доступность, люди с ограниченными возможностями здоровья, цифровые технологии.

RAKHMATULLINA Zilya Borisovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social work sub-faculty of the Bashkir State University

KOVROV Vladimir Fedorovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Sociology and youth work sub-faculty of the Bashkir State University

PROBLEMS OF ADAPTATION AND INCREASING ACCESSIBILITY OF CULTURAL HERITAGE FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

The article deals with the problems of adapting and increasing the accessibility of cultural heritage and contemporary art for all categories of the population, including people with disabilities through the use of digital technologies. The authors substantiate that the creation of virtual concert halls, online broadcasts, the development of an electronic library, the creation of virtual museums and multimedia guides break down barriers to familiarize people with disabilities with cultural heritage sites, including young people in this category.

Keywords: cultural heritage, cultural adaptation, accessibility, people with disabilities, digital technologies.

Прежде всего, рассмотрим российское право в вопросах культурного наследия. Оно опирается на Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» и Федеральный закон РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1]. В последнем можно найти более широкое понятие культурного наследия: «Культурное наследие – совокупность унаследованных человечеством от предыдущих поколений объектов, представляющих историческую и культурную ценность». Далее в законе мы читаем уточнение: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации относятся: объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивили-

заций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [2].

Сегодня особо актуальной является проблема того, как преобразовать объекты культурного наследия, используя современные технологии, и на основе этого повысить доступность для всех граждан, в том числе и граждан с ограниченными возможностями здоровья. Это связано с тем, что рост качества жизни граждан и благополучие страны напрямую зависят от развития культурной сферы, её цифровизации и воспитания творческих личностей. Именно цифровые технологии смогут сделать по-настоящему доступными объекты культурного наследия для всех людей. Благодаря цифровым технологиям увеличивается численность посетителей музеев, библиотек, концертных залов, что проявилось в период пандемии COVID-19. Следовательно, культурное наследие народов необходимо адаптировать, трансформировать под новые формы, используя для его передачи подрастающим поколениям современные цифровые технологии.

В этой связи рассмотрим понятие культурной адаптации. Приобщение к культурному наследию является процессом обучения, при котором происходит усвоение культурных норм, ценностей и традиций подрастающими поколениями. И особая роль здесь отводится воспи-

танию, причём приобщение к культуре следует начинать ещё с раннего детства, до поступления ребёнка в школу. Ключевую роль в этом процессе играет ближайшее окружение ребёнка, а именно его семья и родственники.

И здесь мы приходим к пониманию сути процесса культурной адаптации самого человека. В Большой Советской Энциклопедии даётся следующее определение: «Культурная адаптация – приспособление человеческих сообществ, социальных групп и отдельных индивидуумов к меняющимся историческим (социальным) условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картин мира, способов жизнеобеспечения, направлений и технологий деятельности, а также номенклатуры её продуктов, механизмов коммуницирования и трансляции социального опыта» [3].

Исходя из понимания процесса культурной адаптации самого человека, перейдём к рассмотрению культурной адаптации как процесса. Для того, чтобы культурное наследие и традиции того или иного народа не теряли своей актуальности, сохраняли свои характерные черты, своеобразие и самобытность на протяжении веков и были поняты и приняты новыми поколениями, необходима адаптация самой культуры. Содержание понятия культурной адаптации с этой точки зрения раскрывается в социологическом словаре следующим образом: «Культурная адаптация – (англ. adaptation, cultural; нем. Adaptation, kulturelle) процесс активного приспособления культуры к условиям конкретной окружающей среды, который определяет специфические, характерные черты данной культуры» [8].

Соответственно, для решения проблемы сохранения культурного наследия требуется создать «адаптивную зону», т.е. комплекс условий для трансформации культурных традиций сообразно времени, потребностям и интересам подрастающих поколений. И задача здесь состоит в том, чтобы отыскать и определить те современные способы и формы, которые помогут донести до молодёжи, в том числе и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, содержание культурного наследия и важность его сохранения. Уже сегодня делаются шаги в этом направлении.

На сайте «Культура.РФ» есть возможность посмотреть спектакли (блок «театр – спектакли онлайн»), фильмы (блок «кино – фильмы онлайн»), послушать классическую музыку (блок «музыка – концерты онлайн») и т.д. Также стоит отметить развитие библиотек в цифровой форме (национальная и научная) и сайтов с аудиокнигами. Несомненно, что цифровые проекты предоставляют большие возможности для деятельности учреждений культуры и образования. Это касается и вопроса виртуализации музеев. На наш взгляд, один из способов усовершенствования работы музеев заключается в применении интерактивной формы работы, когда посетители не просто знакомятся с представленными объектами, экспонатами, но и вовлекаются в непосредственное взаимодействие с ними. На примере уже существующих интерактивных музеев в Москве, можно расширить и дополнить формы и методы деятельности музеев в Республике Башкортостан.

К примеру, это может быть организация различных фестивалей, основанных на легендах народов нашей республики. Так, есть много национальных башкирских эпосов, мифов и легенд, среди которых выделим героические эпосы – «Урал-батыр» и «Акбузат», историю о несчастной судьбе девушки по имени Исенбика, в честь которой названа скала Бурзянского района республики. В этом ряду особое место в искусстве занимает образ национального героя башкирского народа Салавата Юлаева.

Заметим, что первые шаги на пути к инклюзивному обществу через культуру наша республика уже делает. Так, в своем отчете «О ходе реализации региональных проектов и приоритетных задачах национального проекта «Культура» министр культуры Республики Башкортостан Амина Шафикова сказала: «По проекту «Цифровая культура» общий объем средств составляет 9,233 млн. рублей. По состоянию на 22 октября 2020 г. освоение составляет 94,6 % (8,732 млн. рублей). Федеральные средства освоены на 100 %. По двум проектам – «Культурная среда» и «Цифровая культура» - по состоянию на 22 октября 2020 г. заключены 360 контрактов. Наибольшее число контрактов заключено по региональному проекту «Культурная среда» - 353. Контракты заключались на строительные работы, приобретение оборудования, модернизацию учреждений» [9].

Это касается республиканского телевидения, на котором с 2012 года используется аппаратура скрытого субтитрования телевидения. С помощью данной аппаратуры инвалиды с нарушениями слуха могут смотреть различные программы и получать актуальную информацию о событиях [6].

Говоря о применении цифровых технологий в работе учреждений культуры, мы не ведём речь о том, чтобы заменить искусство виртуальными технологиями. Речь идёт о том, чтобы сделать доступными объекты культурного наследия для всех людей независимо от того, как далеко они живут или каково состояние их здоровья. Послушать концерт в Башкирской государственной филармонии им. Х. Ахметова, посмотреть выставку в Башкирском государственном художественном музее им. М. В. Нестерова или спектакль в Башкирском государственном академическом театре драмы им. Мажита Гафури могут далеко не все жители республики. Отсюда необходимо обратить внимание на проблему доступности для жителей регионов и отдалённых поселений, в том числе и людей с ограниченными возможностями здоровья объектов культурного наследия и современного академического искусства. Думается, успешный результат передачи культурного наследия подрастающим поколениям зависит от продуманного использования современных цифровых технологий. «Современная цифровая техника открывает возможности фото- и видеofиксации исчезающих традиций для создания большой единой общероссийской базы и дальнейшего распространения», – говорит директор Государственного русского дома народного творчества имени В. Д. Поленова Тамара Пуртова, – «Широкая аудитория одним нажатием «мышки» сможет прикоснуться к традициям самых разных национальностей. У жителей страны появится возможность узнать, какие песни пели в том или ином селе, какие обряды бытовали, как развивается ре-

месло и что сегодня делается для сохранения и актуализации нематериального наследия» [5].

По данным опроса ВЦИОМ, интерес россиян к культурному наследию постепенно возрастает. Немалую роль сыграло то, что теперь у многих появилась возможность обратиться к цифровым платформам и интернет-ресурсам культуры (Национальная электронная библиотека, портал культурного наследия России «Культура.РФ», исторический портал «История.РФ», цифровые проекты отдельных музеев и т.д.).

Всё сказанное выше имеет важнейшее значение для людей с ограниченными возможностями здоровья, поскольку применение цифровых технологий ломает барьеры для их приобщения к объектам культурного наследия и к современному искусству. Более того, как отмечает в своей статье М. В. Воронова: «Эмоциональное погружение в историю народного искусства способствует возрастанию потенциала возможностей человеческого организма, пробуждают чувство уверенности в себе, веру в свои возможности. Элементом реабилитации здесь является натуротерапия – принцип самоисцеления» [4]. Возможность проявить себя особенно важна для этой категории людей, поскольку самореализация раскрывает человека как полноценного члена общества, помогает ему ощутить уверенность в своих силах и удовлетворить творческие потребности. А творчество, в свою очередь, осуществляет интеграцию инвалидов в общество, поскольку его сложно представить без общения. Добавим, что это является одним из аспектов гуманизации социальных отношений.

И в заключении подчеркнём: «Сегодня современное общество должно стремиться к развитию процессов гуманизации социальных отношений, которые создают важные предпосылки для перехода от принципа социальной полезности к социальной толерантности, к признанию и уважению прав и достоинств каждого человека независимо от его способностей или убеждений» [7, с. 1188].

Пристатейный библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 30.04.2021). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 29.04.2022).
2. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Статья 3. Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/8aa9478dba49e6a5c251a3332d51e78e4839a9d8/ (дата обращения: 28.04.2022).
3. Большая Советская Энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/culturology/Адаптация_культурная (дата обращения: 27.04.2022).

4. Воронова М.В. Особенности организации досуга людей с ограниченными возможностями здоровья // Мультидисциплинарный научный журнал Sciences of Europe, 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-dosuga-lyudey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 29.04.2022).
5. Журавлева М., Паньков В. Культура в «цифре». Почему растёт интерес к культурному наследию и академическому искусству. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rbcplus.tilda.ws/kultura-v-cifre> (дата обращения: 02.05.2022).
6. Путь к инклюзивному обществу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3707304?query=культуру%20люди%20с%20ограниченными> (дата обращения: 3.05.2022).
7. Рахматуллина З.Б. Проблемы инклюзивного образования // Современное общество в условиях социально-экономической неопределённости». XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения»: Сборник материалов. – Москва: МАКС Пресс, 2021. – 1241 с.
8. Социологический словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/social/АДАПТАЦИЯ_КУЛЬТУРНАЯ (дата обращения: 18.04.2022).
9. Доклад министра культуры Республики Башкортостан Амины Ивниевны Шафиковой «О ходе реализации региональных проектов и приоритетных задачах национального проекта «Культура» 29.10.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.bashkortostan.ru/presscenter/lectures/1344/> (дата обращения: 4.05.2022).

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-470-474

ФАЙЗУЛЛИН Фаниль Саитович

доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, академик АН РБ

ФАЙЗУЛЛИН Ильгиз Фанилевич

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник института стратегических исследований академии наук Республики Башкортостан

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА

В статье анализируется образование как человеческий капитал развития региона на основе статистических материалов и результатов социологических исследований, определяются главные тенденции и противоречия развития системы образования региона на примере Республики Башкортостан. Образование рассматривается как базовый фактор, на основе которого формируется и функционирует ресурсный потенциал, в процессе реализации которого происходит повышение производительности труда, качества образа жизни населения, преодоления существующей социальной дифференциации между различными социальными группами и обеспечение устойчивого социально-экономического развития общества. Утверждается, что при высоком формальном уровне образования работников, показатели производительности труда в России в целом и в регионах существенно отстаёт от других цивилизованных стран мира. Низкая производительность труда и низкая капитализация навыков и знаний экономически активного населения связана со спецификой модели российского рынка труда. Снижение качества трудового капитала и неблагоприятная среда в этих условиях для креативных работников стали причинами торможения социально-экономического прорыва в жизни страны. Все это приводит к необходимости качественных преобразований в Российской системе, как рынка труда, так и института образования. Обосновывается необходимость разработки социальной программы, направленной на решение этих проблем, повышения эффективности использования образования как человеческого капитала в целях интенсификации развития региона.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, система образования, повышение эффективности человеческого капитала, регион, трудоустройство, безработица, социальная программа.

FAYZULLIN Fanil Saitovich

Ph.D. in philosophical sciences, chief researcher of the Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

FAYZULLIN Ilgiz Fanilevich

Ph.D. in sociological sciences, senior researcher of the Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

THE ROLE OF EDUCATIONAL POTENTIAL IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL OF THE REGION

The article analyzes education as the human capital of the region's development on the basis of statistical materials and the results of sociological research, identifies the main trends and contradictions in the development of the region's education system on the example of the Republic of Bashkortostan. Education is considered as a basic factor on the basis of which the resource potential is formed and functions, during the implementation of which there is an increase in labor productivity, the quality of the lifestyle of the population, overcoming the existing social differentiation between different social groups and ensuring sustainable socio-economic development of society. It is argued that with a high formal level of education of workers, labor productivity indicators in Russia as a whole and in the regions significantly lags behind other civilized countries of the world. Low labor productivity and low capitalization of skills and knowledge of the economically active population is associated with the specifics of the model of the Russian labor market. The decline in the quality of labor capital and the unfavorable environment in these conditions for creative workers have become the reasons for the inhibition of the socio-economic breakthrough in the life of the country. All this leads to the need for qualitative transformations in the Russian system, both the labor market and the institute of education. The necessity of developing a social program aimed at solving these problems, increasing the efficiency of using education as human capital in order to intensify the development of the region is substantiated.

Keywords: human potential, human capital, education system, improving the efficiency of human capital, region, employment, unemployment, social program.

Файзуллин Ф. С.

Файзуллин И. Ф.

Потребности устойчивого социально-экономического прогресса диктуют необходимость максимальной реализации трудового потенциала, основанного на развитии знаний каждого гражданина страны. Именно так производительные силы человека превращаются в человеческий капитал.

В последнее время наибольшую популярность приобретает точка зрения, при которой человеческий капитал — это не до конца оценённый и значительный ресурс общества, имеющий гораздо большее значение, чем природные ресурсы, недра, приобретённое богатство. Наконец приходит понимание в обществе того, что человеческий капитал — это не только человек сам по себе играющий решающую роль в экономической системе общества, он одновременно феномен, нуждающийся в инвестициях для создания базовых знаний и развития компетенций, повышения квалификации и обеспечения дополнительным образованием. Глубина и сложность проблем, стоящих перед обществом требует от своих граждан знаний во многих смежных областях. Человеческий капитал, основанный на знаниях, приобретает и увеличивается путем инвестирования и становится фактором длительного экономического эффекта. В связи с этим, человеческий капитал представляется как достаточно сложное и многогранное понятие. Существует большое количество его определений, которые можно объединить в две группы. В узком смысле человеческий капитал трактуется как здоровье и как некая совокупность знаний, умений, навыков и способностей индивидов, которые приобретаются в процессе получения общего образования, профессиональной подготовки и практического опыта, что даёт возможность активно участвовать в общественно полезном труде [1, с. 24, с. 61]. Существует другая группа учёных, для которых характерен расширенный подход к понятию «человеческий капитал». Помимо ранее перечисленных характеристик человеческого капитала, они включают в него мотивацию, энергию, моральные, материальные и нравственные ценности, которые способствуют росту производительности труда и приносят дополнительный доход [2, с. 75, с. 27]. Второй подход на наш взгляд более точно отражает сущность человеческого капитала. Вместе с тем, следует добавить к этому, что в человеческом капитале органически сочетаются ресурсы и система накопления, реализации имеющегося потенциала.

Фундаментальной основой человеческого капитала является образование. Образование — это источник будущего экономического роста страны. Школьное образование закладывает базовые знания и навыки, способствуя накоплению человеческого капитала. Дальнейшее обучение после школы, нацелено на получение определенной профессии. В ССУЗах и ВУЗах даются определенные профессиональные знания и навыки, возможность их применения на практике и получения первоначального представления о рынке труда в виде производственной практики. Также высшее учебное заведение обеспечивает дипломом бакалавра, специалиста, магистра и свидетельством о присвоении научной степени, которое имеет определяющее значение на рынке труда, и подтверждается репутацией и именем ВУЗа, заработанное годами деятельности в сфере образования. Но наиболее важной его функцией является развитие общего культурного капитала, закладывающего универсальную основу для дальнейшей профессиональной деятельности и последующего развития. Накопление знаний далее происходит в процессе профессиональной деятельности. Причем, умения и знания, полученные на предыдущих этапах обучения, повышают эффективность дальнейших инвестиций в человеческий капитал и, как результат, обеспечивают возможность успешной деятельности в различных областях. На макроуровне высокообразованная рабочая сила представляет собой человеческий потенциал страны [3, с. 124].

Образование — важнейший социальный потенциал не только страны, но и регионов, способствующий их конструктивному развитию. Сегодня республиканская сфера образования становится мощнейшим ресурсом развития региона.

Система образования Республики Башкортостан считается одной из самых больших в Российской Федерации. По данным на 01.01.2021 года здесь имеются:

1014 дошкольных образовательных организаций, 307 филиалов, 489 групп дошкольного образования при общеобразовательных организациях, 45 частных детских садов с общим контингентом воспитанников 238971 человек;

1301 общеобразовательная организация (1289 дневных, 2 вечерние, 10 частных), 569 филиалов с общим количеством обучающихся 498441 человек;

96 профессиональных образовательных организаций осуществляют подготовку квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена с количеством обучающихся 96954 человека;

9 государственных вузов, 6 филиалов российских государственных вузов, 2 негосударственных вуза и 2 филиала негосударственных вузов с общим количеством обучающихся 97299 человек;

462 организации дополнительного образования детей различной ведомственной принадлежности, в том числе в системе образования — 211, в системе культуры — 115, в системе физической культуры и спорта — 136, в которых занимаются 538047 человек [4, с. 56].

Современный этап социально-экономического развития Республики Башкортостан характеризуется значительными изменениями системы образования, связанными с реализацией национального проекта «Образование», ключевыми направлениями которого является: развитие инфраструктуры образования, совершенствование содержания образования, профессиональное развитие педагогических работников и управленческих кадров, возвращение воспитания в систему образования. Проект направлен на решение прорывных задач развития отрасли общего, дополнительного и профессионального образования в целях достижения национальной цели развития Российской Федерации.

Система образования в республике работает в рамках государственной программы «Развитие образования в Республике Башкортостан» с общим объёмом финансирования на 2020 год — 57,4 млрд. рублей (2019 год 55,1 млрд. рублей) [5, с. 3]. Для сравнения в 2018 году — 49,6 млрд. рублей, в 2017 года — 42,8 млрд. рублей выделено из бюджетов различных уровней. Таким образом в 2020 году рост в финансировании образования составил 34,11 % в сравнении с 2017 годом. Однако, это не решает проблему образования, эта сфера остаётся по-прежнему недофинансированной.

По показателям обеспеченности бюджетными ресурсами среднее образование в России сталкивается с серьезным недофинансированием. Так, согласно экспертным оценкам объём финансирования сферы образования в России составляет порядка 4 % ВВП, при этом 9,3 % душевого ВВП на одного учащегося средней школы. В странах же сопоставимого уровня развития расходы на одного учащегося составляют от 20 до 25 % душевого ВВП.

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года необходимым условием для формирования инновационной экономики является модернизация системы образования как одного из факторов динамичного экономического роста и социального развития общества, источника благополучия граждан и безопасности страны. Стратегическими целями государственной политики в области образования являются обеспечение доступности и качества образования, отвечающего требованиям современного инновационного социально-ориентированного развития Республики Башкортостан; совершенствование системы общего, среднего профессионального, высшего и дополнительного образования. Достижение этих целей осуществляется в ходе реализации государственной программы Республики Башкортостан «Развитие образования в Республике Башкортостан», утверждённой постановлением Правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 года № 54 [6, с. 5].

Ключевыми задачами системы образования являются:

- создание современных организационно-экономических механизмов, обеспечивающих равную доступность услуг общего образования детей;

- модернизация профессионального образования для устранения дефицита квалифицированных рабочих кадров в регионе;

- формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов, а также системе отдыха, оздоровления и дополнительной занятости детей, подростков и учащейся молодёжи Республики Башкортостан;

- создание условий для предоставления всем категориям обучающихся равных возможностей в получении качественного образования в соответствии с современными требованиями;

- развитие кадрового потенциала сферы образования и системы государственной поддержки педагогических работников, в том числе внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников;

- создание современной инфраструктуры, обеспечивающей равную доступность услуг общего образования детей.

Ни одна из этих задач не может быть решена без качественной перестройки сферы образования по содержанию и процессу. В связи с этим следует в дальнейшем проектировать и осуществлять реформу сферы образования и подготовки кадров как важнейшего человеческого потенциала будущей национальной инновационной системы. Повышение качества образования в республике призвано способствовать повышению социально-экономического и культурного капитала региона. Реализация государственной политики на всех уровнях управления должна обеспечить развитие системы образования, а также стабильное функционирование образовательных организаций.

Сфера образования в целом должна одновременно трактоваться как масштабный и развивающийся рынок образовательных услуг и продуктов; как ключевой инструмент достройки технологических цепочек, обеспечения конкурентоспособности продуктивных видов деятельности, учитывая их локализацию на территории страны; как ключевой источник формирования человеческого капитала, включающая в себя также вопросы воспитания, культурной и духовной жизни молодёжи. Это фактически означает, что подлинный успех реформирования образования будет определяться теми результатами, которые будут создавать школа, ССУЗ, ВУЗ, средние профессиональные учебные заведения, система СМИ, теми способами и инструментами мышления, которые усвоят сегодняшние обучаемые, и которые будут обеспечивать их трудовую деятельность через 10-15 лет.

Анализ динамики системы образования в регионе раскрывает целый ряд противоречий, решение которых становится весьма актуальным. Численность обучающихся в 2015-2016 учебном году в государственных и муниципальных, в частных, в государственных и муниципальных вечерних (сменных) общеобразовательных организациях составляла 444442. В последующем она имела положительную динамику и в 2020-2021 учебном году уже составляла 498441 обучающихся. Таким образом, численность обучающихся в общеобразовательных организациях увеличилась на 53999 человек. Из статистических данных (см. Таблица 1), видно, что последние годы кризисного периода, связанного с «демографической ямой» снижаются, в немалой степени благодаря политике проводимой федеральным и республиканским правительством по стимулированию рождаемости. При этом число дневных общеобразовательных организаций в 2011-2012 (уч. г.) составляла 1667 ед., в 2015-2016 учебном годах - 1375 ед., (сокращение на 292 единицы). За период с 01.01.2016 года по 01.01.2021 года количество образовательных учреждений сократилось ещё на 74 и составило 1301 единицу. Следует отметить, что уменьшение количества образовательных учреждений произошло в основном за счёт снижения количества

сельских общеобразовательных школ, в результате так называемой «оптимизации». Очевидно, что при решении вопросов об оптимизации школ не учитывался тот факт, что Республика Башкортостан относится к региону с большим количеством сельского населения. На 01.01.2021 г. по данным Башкортостанстата из общей численности населения 2511,0 тыс. человек (62,6 %) – городское население, 1502,8 тыс. человек (37,4 %) – сельское население (по Российской Федерации 74,7 % и 25,3 % соответственно).

Социологические исследования показывают, что отсутствие возможности водить ребенка в садик, в школу побуждает молодёжь перемещаться в места, где это более доступно. Этот фактор повлиял в свою очередь на снижение количества обучающихся в 10-х классах сельских школ. К нему добавилось отсутствие работы и низкая оплата труда на селе, что также становится стимулом для учащихся сельских школ начинать самостоятельную жизнь за пределами сельской местности и обеспечивать себя материально. В связи с тем, что высшее образование становится на сегодня доступным детям из среднеобеспеченных семей, значительная часть сельской молодёжи нередко рассматривает ССУЗы как первичную ступень для получения возможности продолжить в дальнейшем учёбу в ВУЗе. Как правило, после окончания 9 класса подростки стремятся уехать в город или крупный районный центр на обучение в ССУЗах или начинают трудовую деятельность. В своё время в 2008-2010 годах по этой проблеме проводились масштабные социологические исследования. Прошло более 10 лет, но, к сожалению, выводы не сделаны, решения по этой проблеме не приняты. Поэтому вопрос на сегодняшний день остаётся актуальным.

Сменность занятий в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных организациях за пять лет (в период с 2011 уч.г. по 2016 уч.г.) в целом значительно снизилась с 1420 ед. до 1086 ед. Однако, следует отметить, что в городских поселениях сменность в указанный период увеличилась с 195 ед. до 206 ед., а в сельских – снизилась с 1225 ед. до 880 ед. За последние 5 лет показатель «Доля обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях, занимающихся в одну смену, в общей численности обучающихся в государственных (муниципальных) общеобразовательных организациях» повысился на 6,9 %. Достижению планового значения способствовал ряд мер, принимаемых Правительством Республики Башкортостан по ликвидации второй смены. В 2020 году за счёт капитального ремонта введены 2667 мест в 33 общеобразовательных организациях, введены в эксплуатацию 7 школ на 2320 мест[7].

Таблица № 1 свидетельствует о том, что несмотря на сокращение количества образовательных организаций, осуществляющих деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования со 114 до 96 единиц количество студентов здесь неуклонно растёт. Так если в 2016/2017 учебном году в этой системе училось 99137 человек, то в 2020/2021 учебном году уже 108234 человек, что составило прирост на 9,18 %. Всё это обусловлено мероприятиями, проводимыми правительством по стимулированию программы среднего профессионального образования. Помимо этого, повлияли факторы, о которых мы говорили выше.

Количество студентов высших учебных заведений в Республике Башкортостан неуклонно падает с 114417 в 2015/2016 учебном году и до 97299 обучающихся в 2020 г. Сокращение составило 14,96 %. Здесь наблюдается такая же картина, как и в Российской Федерации в целом.

Самое большое количество студентов, обучавшихся в ВУЗах Российской Федерации, было в 2008/09 учебном году и составило 7513,1 млн. человек. На начало 2021 учебного года количество студентов в стране снизилось по сравнению с 2008/09 учебным годом в 1,85 раза и составило 4049,3 человек. (См. Таблицу № 2).

Снижение количества выпускников высших учебных заведений с 2010 по 2020 год составило более 3 млн. студентов. В

Таблица № 1. Данные Башкортостанстата за 2015-2021 годы по образованию в РБ.

Учебный год (данные на начало учебного года)	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21
Общеобразовательные организации	1375	1353	1320	1318	1318	1301
Численность обучающихся в общеобразовательных организациях	444442	456587	468348	478155	488342	497940
Образовательные организации среднего профессионального образования		114	112	97	96	96
Численность студентов		99137	102139	103045	104229	108234
Принято студентов		32254	33407	33985	32691	33700
Выпущено		25285	27304	26643	26171	24717
Образовательные организации высшего образования	9	8	8	8	8	8
Численность студентов, чел.	101654	96384	59753	94109	92697	92914
Принято студентов – всего, чел.	25966	25453	25664	24994	25072	24788
Выпущено бакалавров, специалистов, магистров – всего, человек	31164	24883	21748	21427	21060	19647
Частные образовательные организации высшего образования	2	2	2	2	2	2
Численность студентов, чел.	12763	9028	7799	6416	4490	4385
Принято студентов – всего, чел.	3945	2415	2441	1369	1172	1218
Выпущено бакалавров, специалистов	3551	3715	3915	2499	721	450

Таблица № 2. Данные Росстата по количеству студентов обучающихся в ВУЗАХ с 2000-2020 г.г.

Годы	2000	2005	2008	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Образовательные организации высшего образования	965	1068	1134	1115	896	818	766	741	724	710
Численность студентов, тыс.чел.	4741,4	7064,6	7513	7049,8	4766,5	4399,5	4245,9	4161,7	4068,3	4049,3
Принято, тыс. человек	1292,5	1640,5	1642	1399,5	1221,8	1157,8	1141,9	1147,9	1129,4	1093,3
Выпущено, всего человек	635,1	1151,7	1358	1467,9	1300,5	1161,1	969,5	933,2	908,6	844,980

результате экономика страны недополучает ежегодно свыше 300 тысяч выпускников ВУЗов – специалистов, имеющих высшее образование. Масштаб потерь существенный. Огромный интеллектуальный человеческий потенциал страны остался не реализованным.

За последние 6 лет в Республике Башкортостан наблюдалась тенденция снижения количества лиц, получивших высшее образование. Однако необходимо более пристально рассмотреть внутреннюю градацию этого тренда. В зависимости от уровня подготовки он значительно разнится. Значительно снизилось количество специалистов с высшим профессиональным образованием за указанный период с 30059 до 16535 человек. А количество лиц, имеющих диплом бакалавра, выросло с 2096 ед. (2010г) до 16726 ед. (2015 г.), соответственно, магистра с 448 до 1454., что вызвано значительными изменениями в системе федерального образовательного стандарта.

Анализ статистических материалов свидетельствуют о том, что сложилось достаточно острые проблемы трудоустройства выпускников учебных заведений и их обеспечения работой в соответствии с полученной специальностью.

Так, в 2010 году из 8535 выпускников получили направление на работу 5271 человек, что составляет 62 %, в 2015 году из 10663 человек - 5563 человек (52 %). К 2019 году в России показатели численности занятых в экономике с высшим образованием составляло более 25 млн. человек (33,6 %), со средним профессиональным около 40 млн. 34,5 %. В 2021 году в Республике Башкортостан 31,6 % занятых имели высшее 27,3 % среднее специальное образование.

Исследования, проведённые Росстатом в 2020 году 33,2 % работающей части населения сказали, что их работа не соответствует специальности, полученной ими в учебном заведении. При этом так утверждает 40,1 % работников, имеющих

среднее профессиональное и 24,9 % респондентов, имеющих высшее образование. Таким образом, у каждого 3-го работника полученные в средне-профессиональных и высших учебных заведениях, полученный интеллектуальный потенциал остаётся неиспользуемым. Материалы этого исследования обнаружили, что 52 % опрошенных считают, что они обладают квалификацией и навыками для выполнения сложной работы по сравнению с выполняемыми в настоящее время трудовыми функциями [8]. Социологическое исследование, проведённое Институтом социально-экономических исследований УФИЦ РАН, получило аналогичные данные. Здесь также как и по Российской Федерации каждый третий имеющий высшее образование работают не по специальности.

В 2020 году в России 22,9 % работников различных хозяйств прошли переподготовку, повышение квалификации, дополнительное обучение. Что же касается Республики Башкортостан, где достаточно высокий уровень индустриализации этот же показатель несколько выше и составляет 29,6 %. Следует также отметить, что в настоящее время существенно возрастает стремление работников развивать свой профессиональный потенциал и его реализовать. Так, в Республике Башкортостан около 50 % опрошенных работников выразили желание повысить свою квалификацию и компетентность путём участия в различных формах обучения. Это связано не только с желанием на этой основе повысить свою заработную плату, но и осознание для решения социальных задач обеспечения интенсификации и устойчивости экономического развития, как общества, так и своего региона.

Ещё 15 лет назад в России наблюдались процессы роста занятости. Однако, в настоящий период значительная часть выпускников профессионального образования работают не по специальности. Необходимо отметить также, что на фоне

указанных выше процессов занятости населения с высшим образованием, уровень безработицы по данной категории за последние 6 лет несколько изменился. Среди безработных в Башкортостане 25,4 % люди с высшим образованием, 23,0 % со средним специальным образованием, и 27,3 % подготовленных по специально программе квалифицированные рабочие. Основной рост безработицы приходится на население с высшим образованием. В то же время среди безработных со средним общим образованием и подготовленных по специальной программе происходит сокращение удельного веса [9].

В 2021 году (по состоянию на 01.11.2021 г.) численность безработных граждан в Республике Башкортостан по методологии Международной организации труда составила 75,7 тыс. человек, что на 40,5 % ниже значения показателя за аналогичный период прошлого года (127,2 тыс.). Численность занятого населения составила 1830,4 тыс. человек, что соответствует уровню занятости населения 56,2 %. уровень безработицы по методологии МОТ составил 4,0 % от численности рабочей силы, в Российской Федерации — 4,4 %, в Приволжском федеральном округе — 3,7 %. В прошлом 2020 году соответственно по республике — 6,6 % в России — 6,3 %, в ПФО — 5,6 %.

Кроме того, по состоянию на 1 декабря 2021 года суммарная численность работников, находившихся под риском увольнения, составила 14769 (22747) человек, в том числе:

численность работников, находившихся в простое по инициативе администрации, — 4131 (7 136) человек;

численность работников, работавших неполное рабочее время, — 6773 (10650) человека;

численность работников, которым были предоставлены отпуска по соглашению сторон, — 2525 (3107) человек;

численность работников, предполагаемых к увольнению, — 1340 (1854) человек [10].

Таким образом, ещё дополнительно 19,51 % от общего количества безработных могут в любой момент потерять работу (находятся в состоянии неполной занятости). Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что огромный трудовой потенциал региона в настоящее время недостаточно реализуется.

Следует согласиться с мнением специалистов утверждающих, что при высоком формальном уровне образования работников, сегодня в стране остаётся низкой производительность труда и низкая капитализация навыков и знаний экономически активного населения, которая связана спецификой модели рынка труда в России. Снижение качества трудового потенциала и неблагоприятная среда для креативной деятельности стали причинами торможения социально-экономического прорыва в жизни страны. Всё это приводит к выводу о необходимости качественных преобразований, как российской системы рынка труда, так и института образования.

В России пока не идет полноценная реформа образования. Государство проигрывает в подготовке молодежи к выполнению сложных социально-экономических задач. Необходимо обучение и воспитание молодёжи, учитывающее основные цели развития страны. Как известно, слабая школа равнозначна слабому государству. Реформирование системы высшего образования, несомненно, должно рассматриваться как принципиальный шаг к разворачиванию дальнейшего процесса, охватывающего как среднюю школу, так и дошкольное воспитание. Современная система реформирования должна осуществляться на основе научно-обоснованной социальной программы. В этой программе должны рассматриваться восстановление органическое сочетание обучения и воспитания, в известной мере разрушенное в настоящее время, создание сбалансированной взаимосвязи потребностей в конкретных профессиях и структур подготовки специалистов, совершенствования расстановки кадров, расширения и повышения эффективности обучения, переподготовки и повышения квалификации работающего насе-

ления и стимулирования этого процесса. Одним из важных разделов этой программы должен быть посвящён проблемам занятости - трудоустройству безработных из-за которой общество теряет огромный трудовой капитал населения.

Следует также осуществить подлинно массовый тренинг — переподготовку вузовских

выпускников 90-х–2000-х годов для новых компетенций, соответствующих новым Федеральным образовательным стандартам, отражающим необходимый человеческий потенциал, способствующий интенсификации прогрессивного развития

Данные исследования выполнены в рамках государственного задания 075-03-022-001 ИСЭИ УФИЦ РАН на 2022 год, а также государственного задания «социально-экономические и демографические факторы развития человеческого капитала в Республике Башкортостан» ГАНУ

ИСИ АН РБ на 2022 год.

Пристатейный библиографический список

1. Дятлов С. А. Основы теории человеческого капитала. СПб.: СПбУЭФ, 2004.
2. Капелюшников Р. И. Концепция человеческого капитала. Критика современной буржуазной политэкономии. М.: Наука, 1977. 80 с.
3. Жиленкова Е.П., Шеватурина Я.В. Концепция развития понятия человеческого капитала: исторические аспекты основных положений и системный анализ // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 2. С. 73-79.
4. Файзуллин Ф. С. Социальный капитал и разработка технологии его реализации // Проблемы востоковедения. 2021. № 1. С. 23-29.
5. Файзуллин Ф.С., Шафиков М.Т., Файзуллин Т.Ф., Тимирова Л.Н. Научно-образовательный потенциал региона. Уфа: ЗАО «Ак Идель Пресс», 2014. 156 с.
6. «РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН В ЦИФРАХ» Статистический сборник. Уфа, 2021.
7. Итоговый отчёт Министерства образования и науки о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования Республики Башкортостан за 2020 год. Уфа, 2021.
8. Постановление правительства Республики Башкортостан от 21 февраля 2013 года № 54 о государственной программе «Развитие образования в Республике Башкортостан» (с изменениями на 26 ноября 2021 года).
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Obschee-obrazovanie.pdf>
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1
11. Комплексное наблюдение условий жизни населения 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html
12. Информационный портал занятости населения Министерства семьи и труда РБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashzan.ru/posts/195817>.

ЛЫСЕНКО Нелли Алексеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

МОЛЧАНОВА Светлана Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРМАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена анализу классической концепции юридического формализма в западной юридической науке. Рассматривая различные аспекты данного явления, автор обращает особое внимание на формалистский метод, позволяющий ученым-юристам и философам права постичь глубинную сущность политико-правовых явлений и процессов. Особый интерес и безусловную ценность представляет также то, что автор посвятил свою статью зарубежному опыту исследования юридического формализма, а также использовал англоязычные источники, не переведенные на русский язык.

Ключевые слова: право, форма, юридический формализм, правовая система, законодательство, суд.

LYSENKO Nelly Alekseevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

MOLCHANOVA Svetlana Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

CLASSICAL CONCEPTION OF LEGAL FORMALISM IN WESTERN LEGAL SCIENCE

The article is devoted to the analysis of the classical concept of legal formalism in Western legal science. Considering various aspects of this phenomenon, the author pays special attention to the formalist method, which allows legal scholars and philosophers of law to comprehend the deep essence of political and legal phenomena and processes. Of particular interest and unconditional value is also the fact that the author devoted his article to foreign experience in the study of legal formalism, and also used English-language sources not translated into Russian.

Keywords: law, form, legal formalism, legal system, legislation, court.

Как известно, юридический формализм делает понятие формы центральным для понимания права и правоотношений. Данный подход является традиционным для западной философской традиции и был присущ ей с самого начала. Но что именно подразумевается под формой?

В классической греческой философии форма определяет природу чего-либо. постижение объектов и явлений состоит в том, чтобы исследовать их сущность и природу. Подобная точка зрения предполагает, что есть нечто, оно представляет собой не то, чем определено, и, таким образом, отличается от других вещей, а также от хаоса – непонятной неопределенности. Принцип, который делает что-то тем, чем оно является, и отличает от того, чем оно не является, представляет собой форму [4, p. 25].

Классическое определение формы формулируется следующим образом: форма есть принцип, который составляет не только тождество объекта с другими объектами того же рода, но и единство, которое позволяет рассматривать его как единый объект.

Кроме того, форма объекта содержится в его определении, а также эквивалентна его концу либо цели. Она не только одинакова во всех объектах того же рода, но и воплощает принцип единства в каждом из них.

Наконец, форма упорядочивает неопределенную множественность материи, которую различные чувственные качества (цвет, структура, запах и т.д.) объединяют, образуя единый объект. Ни один объект не возможен и не мыслим, иначе как вышеописанный союз формы с материей; форма

является универсальной и умопостижимая, материя конкретна и чувственна [4, p. 26].

Это описание формы указывает на три взаимосвязанных аспекта:

- во-первых, чтобы понимать объект через его форму, необходимо рассматривать его как имеющий определенный характер. Данный характер, в свою очередь, представляет собой совокупность характеристик, и это позволяет нам определить объект как то, чем он является. Спецификация характеристик, которые относятся к форме объекта, не является исчерпывающим перечислением всех его индивидуализирующих атрибутов. Скорее, она требует выбора тех характеристик (атрибутов), которые имеют решающее значение, и о которых можно сказать, что они действительно характеризуют объект. Таким образом, выяснение формы объекта влечет за собой разделение характеристик (атрибутов), определяющих объект, и тех, которые являются просто случайными [1, с. 87-88];

- во-вторых, форма является средством классификации. Наличие формы делает объект не только тем, чем он является, но и классифицируемым с помощью других объектов того же рода. Таким образом, форма означает не полностью индивидуализированную особенность объекта, но и общий класс, под который он подпадает. Иными словами, форма относится и к видам, и к сути;

- в-третьих, форма есть принцип единства. Форма – это абстрактное представление того, что связывает существенные признаки друг с другом, так что вместе они определяют ха-

рактик объекта. Соответственно, форма, представляет собой единую структурированную сущность, обладающую набором характеристик (атрибутов), которые делают объект тем, чем он является. Таким образом, форма есть идея, которая раскрывает внутреннюю организацию объекта как единого целого.

Подводя итог этому классическому пониманию формы, можно сказать, что она показывает характер, вид, и единство как три аспекта умопостижимости.

Сторонник юридического формализма понимает право и правовые отношения именно в свете этой традиционной концепции формы. Форма правоотношения олицетворяет собой принцип единства, который придает отношениям соответствующий характер и позволяет классифицировать их с юридическими отношениями как таковыми, имеющими одинаковый характер и отличимыми от правоотношений, имеющих иной характер.

Следует помнить, что каждый из трех аспектов формы – характер, вид, и единство – применим по отношению к правоотношениям. Характер юридических отношений определяется совокупностью признаков, в нашем понимании отношений как воплощения определенного юридического либо политико-правового режима. В случае частного права к этим признакам относятся:

- прямая связь истца и ответчика;
- институциональная связь посредством судебного разбирательства;
- доктринальная связь через причинно-следственную связь и другие характеристики (атрибуты) соответствующих прав и обязанностей.

В случае систематического отсутствия этих юридических маркеров связи между истцом и ответчиком отсутствовали бы и частноправовые отношения как таковые. Наличие же этих характерных черт отличает частное право от других отраслей права и видов правопорядка, тем самым делая возможными отношения частного права.

Классификация правоотношений отражает осознание юристами того, что разные способы судебных актов имеют разные наборы юридических характеристик. Разница в характере свидетельствует о различии в природе. Единство правоотношения заключается в его связности. Согласно формалистской точке зрения, юридически понятное отношение не состоит в совокупности концептуально разрозненных или несовместимых элементов, которые просто оказались рядом по какой-либо причине. Напротив – каждое конкретное правоотношение образует нормативную единицу, каждый признак которой выражает объединяющий принцип, пронизывающий все правоотношения и превращающий их в целостное юридическое явление.

Среди трех аспектов формальной понятности аспект единства является главным – поэтому в правовых отношениях принцип единства отношения определяет его характер и классификацию. Принцип единства устанавливает условия, при которых определенные юридические признаки сливаются в одно юридическое отношение [2, р. 820].

Таким образом, формируется характер отношения путем исключения из него черт, не обладающих корректной взаимосвязью и не образующих единое целое.

Кроме того, различные виды юридических отношений имеют функции, которые не только различны, но и по-разному организованы, – так что различные виды единства, применимые к юридическим отношениям, выполняют классификационную функцию. Действительно, с точки зрения

формалиста, контраст между частным правом и другими правовыми порядками опирается на различные принципы единства, которые проявляются в различных видах правоотношений.

Следует иметь в виду, что формальное понимание правоотношений в значительной степени отличается от формального понимания естественных и артефактных объектов и предметов:

- черты, определяющие характер объектов, – это предикаты, описывающие физические характеристики (атрибуты);
- признаками, определяющими характер правоотношений, являются правовые концепции, доктрины, принципы и институциональные механизмы;
- к правоотношениям применяется более строгая концепция единства – особенно в сфере частного права.

Частное право ценит собственную внутреннюю согласованность. Связность частноправовых отношений означает нечто большее, чем совокупность ряда иных независимых черт, атрибутов либо характеристик. Если речь идет о частноправовых отношениях, то их признаки не могут существовать во взаимном безразличии, которое отделяет элементы требования истца и ответчика друг от друга, а также от судебной (и в целом юридической) среды. Напротив, когерентность указывает на существование некоей внутренней связи между различными чертами, которые когерентны [3, р. 566].

Для того, чтобы юридических отношения были согласованными, их составные черты должны сойтись воедино – но не посредством какого-либо действия вне их самих, не за счет своеобразного «искусственного объединения», а благодаря тому, что они концептуально связаны таким образом и в таком смысле, который еще предстоит объяснить; что они взаимно обусловлены и внутренне принадлежат друг другу.

Пристатейный библиографический список

1. Фома Аквинский. Сумма теологии. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.
2. Simpson A. W. B. Legal Iconoclasts and Legal Ideals. // *Criminal Law Review*. – 1990. – № 58. – P. 819-835.
3. Unger R. The Critical Legal Studies Movement. // *Harvard Law Review*. – 1983. – № 96. – P. 561-576.
4. Weinrib E. J. The Idea of Private Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 238 p.

ЛЫСЕНКО Нелли Алексеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

МОЛЧАНОВА Светлана Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и иностранных языков Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРМАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена актуальной юридической проблематике – современному пониманию юридического формализма. Рассматривая различные аспекты данного явления, автор обращает особое внимание на формалистский метод, позволяющий ученым-юристам и философам права постичь глубинную сущность политико-правовых явлений и процессов. Особый интерес и безусловную ценность представляет также то, что автор посвятил свою статью зарубежному опыту исследования юридического формализма, а также использовал англоязычные источники, не переведенные на русский язык.

Ключевые слова: право, частное право, юридический формализм, правовая система, законодательство, суд.

LYSENKO Nelly Alekseevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

MOLCHANOVA Svetlana Evgenjevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Linguistics and foreign languages sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

MODERN UNDERSTANDING OF LEGAL FORMALISM IN WESTERN LEGAL SCIENCE

The article is devoted to topical legal issues - the modern understanding of legal formalism. Considering various aspects of this phenomenon, the author pays special attention to the formalist method, which allows legal scholars and philosophers of law to comprehend the deep essence of political and legal phenomena and processes. Of particular interest and unconditional value is also the fact that the author devoted his article to foreign experience in the study of legal formalism, and also used English-language sources that were not translated into Russian.

Keywords: law, private law, legal formalism, legal system, legislation, court.

Проблематика юридического формализма является одной из наиболее актуальных в юриспруденции на сегодняшний день, поскольку его понимание ведет к особому пониманию права как уникального явления, обеспечивая необходимый комплексный подход к изучению данного вопроса.

В современной академической дискуссии термину «формализм» нередко придается осуждающий характер [1, р. 821]. Соответственно, это негативно сказывается как на понятийно-категориальном и терминологическом аппарате, так и на философской традиции.

«Формализм подобен загнанной в подполье ереси, догматы которой должны быть угаданы и защищены от уничтожительных комментариев недоброжелателей, – пишет британский ученый-юрист и философ права Эрнест Вейнриб. – Все знают, что юридический формализм утверждает различие права и политики. Любопытство этого различия делает формализм в лучшем случае жалким побегом от социальной значимости закона, а в худшем случае – от порочного камуфляжа реалий власти. В подобных условиях невозможно догадаться, что формализм, правильно понятый и лишенный налета враждебной полемики, воплощает глубокую и неотвратимую истину о внутренней согласованности права» [2, р. 22].

Наиболее яркая трактовка юридического формализма встречается в критических работах авторитетного юриста Роберто Юнгера. По его словам, в основе формалистского разграничения права и политики лежат три ключевых тезиса:

формализм утверждает возможность «метода юридического обоснования», который «можно четко противопоста-

вить бесконечным спорам о главных условиях общественной жизни» [3, р. 564]. Этот метод обоснования состоит в модусе рациональности – который представляет собой «сдержанный, относительно аполитичный метод анализа» [3, р. 564] и который по своему характеру отличается от менее определенной рациональности политической и идеологической борьбы;

особая рациональность права имманентна правовому материалу, на который оно действует. Формалистская доктрина характеризуется проработкой следствий права с внутренней – по отношению к праву – точки зрения. Унгер, соответственно, определяет правовой анализ как концептуальную практику, которая работает изнутри коллективной традиции институционально определенных материалов [3, р. 565];

формализм предполагает, что официальные правовые материалы «отображают – хоть и всегда несовершенно – понятный моральный порядок» [3, р. 565]. Формализм опирается на некое руководящее видение человеческих ассоциаций, которое обеспечивает нормативная теория, освящающая традицию в целом, – и, тем не менее, она позволяет некоторым полученным в нем пониманиям и решениям быть отвергнутым как ошибочным.

Таким образом, формализм можно резюмировать как предложение возможности «имманентной моральной рациональности» [3, р. 574]. Каждый термин в этой фразе соответствует одной из трех характеристик в описании Юнгера:

- во-первых, закон обладает своеобразной рациональностью, выражает формалистское негативное отношение к праву через противопоставление политическому оправданию;

- во-вторых, имманентное действие правовой рациональности, положительно характеризует самобытность права через утверждение о том, что содержание права вырабатывается изнутри;

- в-третьих, мораль устанавливает измерение этой рациональности, приписывая ее применению нормативную силу.

Единственное замечание, которое необходимо добавить к рассуждениям Юнгера, заключается в том, что формализм есть интегративное понятие. Рациональность, имманентность и нормативность которые, с точки зрения формалиста, характеризуют право, не являются разрозненными и случайно объединенными атрибутами – напротив, они представляют собой взаимосвязанные аспекты единого системного комплекса.

Для формалиста закон не просто рационален и имманентен, но и нормативен, – точнее, он обладает каждым из этих качеств лишь постольку, поскольку имеет два других:

- рациональность права состоит в том, чтобы быть имманентным и нормативным для правоотношений;
- имманентность права отражает его понимание себя как место нормативной рациональности;
- нормативность права есть функция собственной эффективности в воплощении в своих доктринах и институтах рациональности имманентно им.

Формализм постулирует не просто совместное присутствие особенностей, на которые проницательно указывает Юнгер, но и их взаимную зависимость и взаимосвязь в едином подходе к правопониманию.

Основной единицей формалистического анализа являются правоотношения. Право соединяет различных людей через совокупность всевозможных элементов:

- юридически значимых случаев;
- правил;
- норм;
- доктрины;
- принципов;
- концепций;
- процессов.

Все они активизируются, когда, в частности, подается судебный иск – например:

- если претензия касается нарушения договора, правоотношения определяются доктринами и концепцией договорного права, а также сопутствующими ему процедурами решения;
- если иск касается причинения вреда, правоотношения вбирают в себя нормы, понятия и процессы деликтного права и т.д.

Формализм рассматривает эти отношения как юридические явления – причем здесь слово «юридические» используется в этимологическом смысле, относится к так называемому «декларативному праву» и, следовательно, выходит за рамки такого постулируемого аспекта права, как «lex». Важно иметь в виду, что юридический компонент рассматривается с точки зрения не его статуса в позитивном праве, но его понятности во внутренней целостности нормативно-правового комплекса.

Юридические отношения могут быть поняты и истолкованы специфически юридическим способом, который не исчерпывается позитивистским исследованием существования права или закона либо действительности отношений. Позитивное право действительно имеет решающее значение для выявления доктрин и процессов, которые составляют частно-

правовые отношения, – однако сама категория позитивного права связана с подобными отношениями не как с конструктом позитивного права, а, по словам Юнгера, как с локусом «имманентной моральной рациональности» [3, p. 575].

Для экспликации юридического качества правоотношений используется формализм, ориентированный на их внутреннюю структуру. Формалист хочет понять, как компоненты правоотношения соотносятся друг с другом, и постичь совокупность, которую они вместе образуют. Является ли правоотношение совокупностью автономных элементов, случайно сопоставляемых и слабо связанных друг с другом – подобно песчинкам в куче песка? Или это элементы взаимозависимые, составляющие внутренне согласованное целое?

В основе формализма лежит приоритет формального над сущностным. Это проявляется в следующем:

- формализм прямо не оценивает существенные достоинства отдельных юридических определений;
- вместо этого он сначала исследует внутренний принцип организации правоотношений – и только в свете него оценивает сущностные характеристики;
- из такого внимания к формальному возникает формалистская дифференциация права от политики.

Те, кто утверждают неизбежно политический характер права, рассматривают политику как непосредственное взаимодействие с существенными достоинствами или недостатками отдельных правовых механизмов.

Формалист не отрицает того, что юридические явления имеют политические предпосылки и последствия, но, тем не менее, считает, что конкретно юридический аспект этих договоренностей отражает формальные соображения, которые в некотором существенном смысле предшествуют суждению о том, что, по существу, желательно.

Иными словами, тематика юридического формализма представляется нам гораздо более обширной, сложной и комплексной, чем принято считать в среде теоретиков права и юридических практиков – причем как отечественных, так и зарубежных. Очевидно, что юридический формализм заслуживает пристального внимания и внимательного изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Simpson A.W.B. Legal Iconoclasts and Legal Ideals // *Criminal Law Review*. – 1990. – № 58. – P. 819-835.
2. Weinrib. E.J. The Idea of Private Law. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 238 p.
3. Unger R. The Critical Legal Studies Movement // *Harvard Law Review*. – 1983. – № 96. – P. 561-576.

КАЗАРИНА Виктория Владимировна

Генеральный директор ИП «Казарина», г. Москва

РЕИНЖИНИРИНГ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ МЕБЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: В статье исследуется возможность применения различных подходов к реинжинирингу бизнес-процессов на мебельных предприятиях. Трансформирующиеся конкурентные условия диктуют новые правила реализации и производства мебельной продукции. В первую очередь, конъюнктура мебельного рынка претерпела изменения, вызванные ограничительными мероприятиями. Большинство мебельных предприятий вынуждены были перейти на онлайн-продажи. От качества предоставляемой информации на сайтах, скорости обработки онлайн-заказа, а также доставки и обслуживания стали зависеть объем выручки и деловая репутация предприятия, снижение уровня которых может быть вызвано наличием проблемных и узких мест в текущих бизнес-процессах.

Ключевые слова: реинжиниринг, бизнес-процессы, мебельные предприятия, выручка.

KAZARINA Viktoriya Vladimirovna

General Director of IP "Kazarina", Moscow

RE-ENGINEERING OF BUSINESS PROCESSES IN A FURNITURE ENTERPRISE

Abstract: The paper explores the possibility of applying different approaches to reengineering of business processes in furniture enterprises. Transforming competitive conditions dictate new rules for sales and production of furniture products. First of all, the furniture market environment has undergone changes caused by restrictive measures. Most furniture companies have been forced to switch over to online sales. The quality of information provided on websites, the speed of online order processing, as well as delivery and service, began to determine the amount of revenue and business reputation of the enterprise, the decline in which may be caused by the presence of problems and bottlenecks in the current business processes.

Keywords: re-engineering, business processes, furniture enterprises, revenue.

Казарина В. В.

В литературных источниках под реинжинирингом бизнес-процессов понимают «изменение подходов по управлению организацией с фундаментальной точки зрения, в целях оптимизации необходимых показателей деятельности организации, таких как стоимость реализованной продукции или оказываемых услуг, уровень клиентского обслуживания, проведение маркетинговых исследований, финансовой составляющей, модификация автоматизированных систем управления» [2, с.52-67]. Осуществлять реинжиниринг бизнес-процессов необходимо при принятии решения, к примеру, о проведении реорганизации, в частности, при реструктуризации структурных подразделений, совершенствовании организационной структуры, радикальных изменений текущих процессов и потоковых процессов. В постоянной конкурентной борьбе предприятия и организации вынуждены постоянно искать пути улучшения своего положения для выживания на рынке. Для этого им необходимо осуществлять мероприятия по оптимизации деловых процессов в целях оптимизации производственного процесса.

В работе исследовалась деятельность предприятия по производству мебельной продукции. Мебельное предприятие осуществляет производство, оптовую и розничную продажу мебели.

В функционировании мебельной организации исследователи выделяют «два основных бизнес-процесса

«закупка сырьевых и материальных ресурсов» и «реализация мебельной продукции», стоит отметить, что эти процессы рассматриваются как основополагающие в организации по производству мебельной продукции, при этом процесс закупки сырьевых и материальных ресурсов в данном случае не содержит проблемных и узких мест». [1, с. 139-146].

Узкие и проблемные места выявлены в бизнес-процессе по реализации мебельной продукции, который, в свою очередь, характеризуется основной ролью, т.к. данный бизнес-процесс генерирует основные финансовые результаты организации. Рассмотрим процесс работы данного бизнес-процесса и представим его графически в виде модели, в которой отражены процессы прохождения готовой продукции от производственной площадки до конечного потребителя продукции (клиента). На рисунке 1 представлена структурная модель бизнес-процесса «реализация мебельной продукции», на условиях заключенного договора между организацией и конечным потребителем – клиентом.

Количество реализуемой мебельной продукции зависит от различных условий, в первую очередь – «качества продукции, маркетинговой стратегии, гибкой ценовой политики на мебель, минимальных сроков производства мебельной продукции по индивидуальным заказам, минимального срока доставки и качества сборки» [3, с. 339].

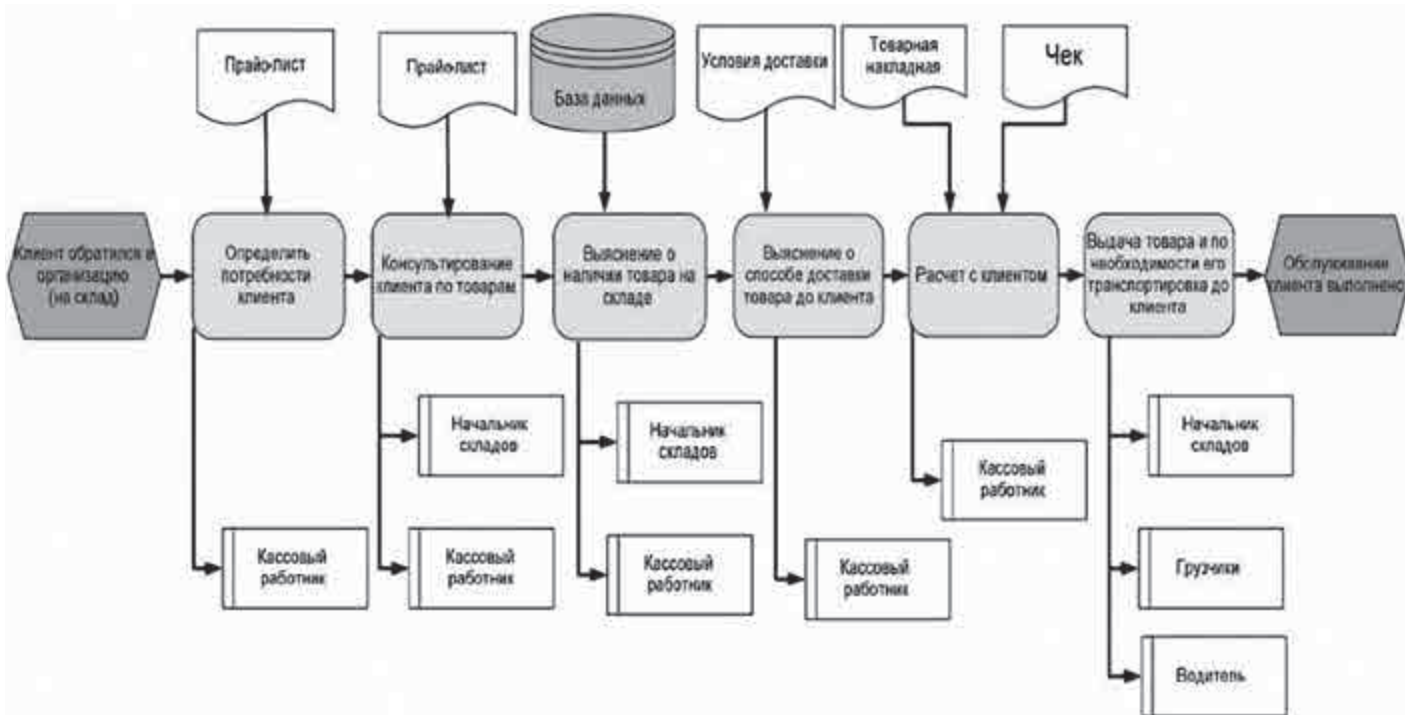

Рисунок 1. Структурная модель бизнес-процесса «реализация мебельной продукции», на условиях заключенного договора между организацией и конечным потребителем – клиентом

Слабым звеном ключевых бизнес-процессов «Реализация мебельной продукции» и «закупка сырьевых и материальных ресурсов», по мнению некоторых исследователей, «выступают такие составляющие, как неэффективная бонусная система, значительное число участников на конкурентном рынке, постоянно растущие цены на материалы и комплектующие» [4, с.133].

Оптимизация и отсеечение слабых звеньев основных бизнес-процессов позволит повысить показатели финансово-хозяйственной деятельности, что позволит удержать на мебельное предприятие на конкурентоспособном уровне, а также повысить уровень продаж, и привлечь новых клиентов

Для проведения оптимизации бизнес-процессов и отсеечения слабых звеньев необходимо выявить критерии для проведения оптимизации, рассматриваемые в виде последовательных звеньев, взаимосвязанных между собой. К данным критерием мы относим:

1. Проблемы и текущее состояния бизнес-процессов
2. Необходимые условия прохождения процессов, вытекающих из плана развития организации
3. Анализ и диагностика состояния бизнес-процессов «как есть».

В качестве наиболее значимых инструментов, направленных на повышение результативности мебельного предприятия, удержания позиций на конкурентном рынке можно отнести методы моделирования с учетом анализа бизнес-процессов. В данном случае предлагается осуществлять реинжиниринг на основе процессного подхода, рассматриваемого как инструмент, направленный на повышение выручки мебельного предприятия, снижения потерь.

Согласно национальному стандарту ИСО 9001, процессный подход рассматривается как «управленческая

стратегия менеджмента предприятия или организации, которая представлена в виде единой целостной системы с использованием коммуникационной методологии для контроля над внутрипроцессными изменениями. Следовательно, неотъемлемой составляющей выступает процесс» [5, с. 117].

Осуществление управления на основе процессного подхода в целях проведения оптимизации бизнес-процессов на мебельном предприятии необходимо осуществлять в несколько этапов:

- описание основных бизнес-процессов;
- определение долгосрочных и краткосрочных целей;
- составление реестра бизнес-процессов;
- определение ответственности и компетенций по каждому бизнес-процессу;
- определение необходимых ресурсов для бизнес-процессов;
- критерии оценки результативности бизнес-процессов;
- реализация и управление бизнес-процессами;
- контроль и оценка бизнес-процессов;
- реализация мер, направленных на улучшение бизнес-процессов.

В условиях применения процессного подхода сначала необходимо провести описание ключевых бизнес-процессов, опираясь на регламентирующий документ ГОСТ Р ИСО 9001:2015. Руководством предприятия должна быть поставлена задача определения ключевых бизнес-процессов, с целью их дальнейшей классификации и сопоставления с направлениями деятельности и планом развития.

Далее ответственным службам предприятия необходимо осуществить определение основных целей деятельности мебельного предприятия на краткосрочную и долгосрочную перспективу. Это позволит сформировать

Таблица 1 Степень влияния проблемных мест на бизнес-процесс

Наименование бизнес-процесса (БП)	Степень влияния			
	Снижение темпов выручки	Объем реализованной (произведенной) продукции	Неэффективный управленческий учет	Замедление прохождения процессов
БП 1	высокий	средний	низкий	высокий
БП 2	низкий	низкий	средний	средний
БП 3	средний	высокий	высокий	низкий

текущее состояние и основное направление функционирования каждого бизнес-процесса в направлении поддержания необходимого уровня конкурентоспособности мебельного предприятия и повышения эффективности его деятельности. Для устранения узких и проблемных мест в ключевых бизнес-процессах «Реализация мебельной продукции» и «закупка сырьевых и материальных ресурсов» используются различные подходы, но в данном случае степень влияния слабого звена на бизнес-процесс можно определить по шкале с разделением на уровни: низкий, средний, высокий, которая представлена в таблице 1.

Степень влияния «Снижение темпов выручки» показывает, что в случае наличия проблемных мест в первом бизнес-процессе высок риск снижения чистой прибыли, снижение выручки может быть связано как с низкой покупательской способностью, так и с неэффективной маркетинговой и рекламной стратегией. Степень влияния «Объем реализованной (произведенной) продукции» имеет высокий уровень в третьем бизнес-процессе, связанным непосредственно обслуживанием клиентов, где риск каждой ошибки достаточно велик. Степень влияния «Неэффективный управленческий учет» и «Замедление прохождения процессов» отражает низкий уровень управленческого контроля при переходе товарной продукции между подразделениями (к примеру, от склада при производстве до склада торговой точки) и отсутствия взаимопологающего контроля на местах, вызванным разделением трудовых обязанностей.

Таким образом, руководству мебельного предприятия необходим постоянный анализ прохождения бизнес-процессов и эффективное устранение узких и проблемных мест при их выявлении.

Пристатейный библиографический список

1. Грачева Д.О., Тельнова Н.Н., Козел И.В., Воробьева Н.В., Байчерова А.Р. Особенности выявления качественно-количественных характеристик понятия «Бизнес-процесс» // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 4. С. 139-146.
2. Манцивода А., Пономарев Д. К семантическому документному моделированию бизнес-процессов // Вестник Иркутского государственного университета. Серия: Математика. 2019. Т. 29. С. 52-67.
3. Безрукова Т.Л., Шанин И.И. Инновационное развитие предприятий на основе реинжиниринга бизнес-процессов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2014. Т. 2. № 1 (6). С. 338-343.
4. Парахина В.Н., Борис О.А., Безрукова Т.Л., Безруков Б.А., Кириллова С.С. Оценка социальной и инновационной ориентации предприятий и компаний // Обзор прикладных социально-экономических исследований. 2014. Т. 8. № 2. С. 132-140.
5. Шанин И.И., Хорохордин Е.П., Посыльная Е.Ю. Анализ бизнес-процессов на коммерческих предприятиях // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2020. Т. 8. № 2 (49). С. 116-122.

КВИТЧУК Маргарита Александровна

кандидат экономических наук, доцент, заместитель начальника кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России

КВИТЧУК Анатолий Сергеевич

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры транспортной безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ОБРАЩЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ

Появление новых средств платежа и обмена на современной стадии технологического уклада предусматривает появление новых возможностей и связанных с ними угроз, которые должны быть идентифицированы для сохранения экономического и общественного благополучия. Объектом исследования выступают элементы финансовой системы, обеспечивающие функцию платежа и обмена. Предметом исследования выступают цифровые валюты, как новый элемент финансовой системы. Цель исследования – идентификация потенциальных угроз для экономических элементов совокупной системы национальной безопасности от внедрения и использования новых децентрализованных средств платежа и обмена. Методы исследования предполагают теоретико-эвристический анализ феномена, опирающийся на мнение и аргументацию официальных источников. Результатом исследования выступает научно-обоснованная и аргументированная позиция на природу и содержание цифровых валют и совокупный признак влияния на экономическую безопасность всего хозяйственного комплекса страны.

Ключевые слова: финансовые ресурсы, национальная безопасность, крипто валюта, экономическая безопасность, механизмы регулирования.

KVITCHUK Margarita Aleksandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Deputy Head of Accounting, analysis and audit sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

KVITCHUK Anatoliy Sergeevich

Ph.D. in Law, professor, Head of Transport security sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

ECONOMIC SECURITY AND CIRCULATION OF DIGITAL CURRENCIES

The emergence of new means of payment and exchange at the current stage of the technological order provides for the emergence of new opportunities and related threats that must be identified in order to preserve economic and social well-being. The object of the study is the elements of the financial system that provide the function of payment and exchange. The subject of the study is digital currencies as a new element of the financial system. The purpose of the study is to identify potential threats to the economic elements of the aggregate national security system from the introduction and use of new decentralized means of payment and exchange. The research methods assume a theoretical and heuristic analysis of the phenomenon, based on the opinion and argumentation of official sources. The result of the study is a scientifically grounded and reasoned position on the nature and content of digital currencies and a cumulative sign of the impact on the economic security of the entire economic complex of the country.

Keywords: financial resources, national security, cryptocurrency, economic security, governance mechanisms.

Рассматривая цифровые валюты, необходимо отметить, что как новый инструмент, претендующий на роль замены фиатных денег или новую эволюционную форму финансовых инструментов, они, несомненно, имеют как преимущества, так и недостатки [3, с. 52-60]. Одним из центральных преимуществ цифровых валют постулируется децентрализация, то есть отсутствие пространственной связи между покупателем и продавцом валюты. При этом основной формой цифровых валют на сегодняшний момент выступают криптовалюты, как фактические средства платежа и обмена в цифровой среде.

Однако, экономическая безопасность государства строится на принципах контроля, регулирования, распределения ресурсов и возможности обратной связи и наблюдения за событиями и явлениями финансового мира. Таким образом, государству необходим поиск новых со-

всем еще неосвоенных механизмов и маркеров регулирования экономики.

Соответственно отсутствие мониторинга за событиями и явлениями экономического и финансового мира не обеспечивает должной меры безопасности, как экономической среды, так и совокупных элементов национальной безопасности. Рассмотрим экономическую безопасность через основание дуальности природы цифровых валют.

По мнению многих отечественных исследователей, крипто валюта в настоящее время - это новый инструмент, который несет значительные риски [1, с. 19-22], в их числе, децентрализация системы майнинга [4] и счетов.

Как уже было сказано ранее: преимуществом децентрализации является отсутствие пространственной привязки эмиссии цифровой валюты как и запуска её в обращение. Но недостатком в это же время остается от-

сутствие возможности контроля и регулирования биткоин-адресов, фактически как происходит эмиссия (майнинг), в каких объёмах и для каких нужд, государство отследить не в состоянии. Что привело к «трансформации теневого сектора» [4] во всём мире. При этом становится очевидным, что национальные экономические системы становятся уязвимыми перед подобной системой эмиссии финансовых инструментов, соответственно для экономической безопасности хозяйственного комплекса страны, это вполне осязаемые угрозы.

Децентрализация источников эмиссии своим следствием имеет анонимность депозит – адресов. Анонимность транзакции выражается в отсутствие пространственной привязки покупатель-продавец, что с одной стороны является преимуществом для личного пользования, с другой стороны для экономики государства это расширение масштабов теневого сектора. Риском является также удалённость и отсутствие необходимости личного присутствия. Пользователи, которые проводят незаконные операции по купле-продаже чего-либо, осуществляют сделки через специальное программное обеспечение с целью достижения полной анонимности для всех сторон сделки. Получение доступа к незаконному интернет-ресурсу обеспечение транзакций и расчётов по ним осуществляются с использованием цифровых валют, при этом основным средством расчёта выступает криптовалюта - биткоин.

Так, отечественные исследователи, установили, что основным видом экономической деятельности, в которых осуществляется легитимация неформальных доходов, является строительство, которое занимает почти 40 процентов от всех объёмов неформальных доходов в реальном секторе экономики [2, с. 60-68].

Одним из основных путей использования цифровых валют являются официальные платёжные системы. Также распространены так называемые биржи биткоинов, которые представляют собой условно легальные места обмена цифровых валют.

Еще одним риском для экономической безопасности государства является организация биткоин миксеров. Смысл работы биткоин миксера состоит в следующем: различные ресурсы интернет (обменник валют, биржа, службы микширования и т.п.), часть которых работают вполне официально, сбрасывают пользователям свой сгенерированный биткоин - адрес для внесения депозита. После внесения клиентом своих средств на ресурс интернет, он выдаёт пользователю «чистые» биткоины из личного резерва на другие адреса, которые указывает пользователь, за подобную операцию назначается комиссия (по факту за микширование цифровых валют). Для поддержания большей анонимности все исходящие транзакции распределяются во времени, а сумма средств и комиссии за микширование делятся на части случайным способом. Такой способ движения денежных средств практически не поддаётся ни мониторингу, ни регулированию, ни контролю участников сделки.

В заключение еще раз выделяем главное:

Возникли новые секторы национальной экономики, а также понятия и определения, появившихся в связи с развитием электронных цифровых ресурсов в области экономической и финансовой безопасности.

Произошло закрепление на федеральном уровне появившихся первых понятий и определений, вошедших в национальную экономику.

На данный момент государство не имеет полного контроля над появившейся финансовой системой.

Необходимо обозначить границы ответственности юридических и физических лиц и следить за их соблюдением.

Цифровые валюты необходимо рассматривать, как эволюционный этап развития международных финансовых систем. В тоже время, новизна использования, отсутствие средств контроля и регулирования может привести к неконтролируемому росту экономических преступлений, связанных с использованием цифровых валют. [2, с. 60-68].

Пристатейный библиографический список

1. Дворянkin О.А., Клочкова Е. Н. Криптовалютный инструмент наркобизнеса // Наркоконтроль. – 2018. – № 4. – С. 19-22. - DOI:10.18572/2072-4160-2018-4-19-22.
2. Полийчук А.С. Легализация доходов в части неформальной экономики России: критический анализ и меры противодействия // Дискуссия. – 2022. – № 2 (111). – С. 60-68. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-2-111-60-68. – EDN EKIWKKT.
3. Умаров Х.С. Криптовалюты как инвестиции: преимущества и риски / Х. С. Умаров // Дискуссия. – 2022. – № 1 (110). – С. 52-60. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-1-110-52-60. – EDN XIODYQ.
4. Martin J. Drugs on the dark net: how cryptomarkets are transforming the global trade in illicit drugs. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2014. 92 p. DOI: 10.1057/9781137399052.

КОСТЫЛЕВА Елена Геннадиевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЗАРИПОВА Диана Рафисовна

магистрант по направлению подготовки «Промысловые трубопроводные системы» Уфимского государственного нефтяного технического университета

МАЗИТОВА Алсу Асгатовна

магистрант по направлению подготовки «Промысловые трубопроводные системы» Уфимского государственного нефтяного технического университета

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Авторы анализируют проблемы и перспективы развития российского трубопроводного транспорта. В статье раскрывается сущность стратегического развития управления в данной отрасли нефтегазовой промышленности.

Ключевые слова: стратегическое планирование и управление, трубопроводный транспорт.

KOSTYLEVA Elena Gennadjevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Social and political communications sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

ZARIPOVA Diana Rafisovna

magister student of the direction "Field pipeline systems" of the Ufa State Petroleum Technological University

MAZITOVA Alsu Asgatovna

magister student of the direction "Field pipeline systems" of the Ufa State Petroleum Technological University

STRATEGIC PLANNING AND MANAGEMENT OF THE OIL AND GAS INDUSTRY AND THE RUSSIAN ECONOMY

The authors analyze the problems and prospects for the development of Russian pipeline transport. The article reveals the essence of strategic management development in this branch of the oil and gas industry.

Keywords: strategic planning and management, pipeline transport.

В нынешних реалиях в нефтегазовой отрасли сложнейшие многоуровневые задачи осуществляются с применением сложнейшего компонентного анализа, который представляет собой неотъемлемую часть универсального системного подхода. Подобная технология используется аналогично и для разрешения управленческих проблем [4]. Реализация системного анализа особо успешна в тех случаях, когда специалисты на ранних этапах формирования идеи владеют незначительным количеством информации и маленьким объемом исходных данных о той или иной задаче. Минимальный объем информации не представляет возможности выбрать объективный алгоритм решения задачи, состоящий из построения последовательной матрицы, отражающей ход действий; не дает осуществить анализ какого-либо одного из новых подходов создания математической модели, включающей в себя качественную и количественную оценки.

В организациях нефтегазодобывающей промышленности объект с недостаточно достоверной или с недостающей информацией отражается в виде некой системы. Чтобы разрешить задачи данной организации, привлекается научный персонал для определенной профессиональной отрасли. Высококвалифицированные специалисты применяют различные многофакторные аналитические методы для решения изобретательских задач [2]. Затем их деятельность анализируется, в результате чего определяется последовательность всех этапов для достижения поставленной цели, разрабатываются методические указания и возможный план реализации, а также рассматривается перспектива возврата к предыдущим этапам в случае необходимости. В случае выполнения всех рекомендаций и четкого соблюдения необходимых мер на выходе будет представлена некая структура, в основе которой выстроится цепочка из всех необходимых этапов. По-

сле изучения и проведения этих этапов получается методика, которая выявляет все проблемы и выделяет наиболее значимую для постановки цели. Именно она впоследствии будет являться сподвижником при решении важнейших задач практического назначения в нефтегазодобывающих организациях. Довольно сложно составить комплекс разноплановых приемов, в которых будет содержаться цепочка связанных между собой маневров, выполняемых не только последовательно, но и параллельно. В связи с этим и применяются различные методики универсального системного подхода с составными моделями, структура которых может быть абсолютного любого формата и разного рода. Рассмотрим процесс использования системного подхода на примере равноуровневой организации нефтегазодобывающей отрасли.

Трудно поспорить, что на сегодняшний день одной из самых стратегически важных областей не только в Российской Федерации, но и во всем мире является нефтегазодобывающая отрасль промышленности. Вопросы добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья будут актуальными всегда, о чем свидетельствует рост спроса на различные виды топлива, на абсолютно все продукты нефтепереработки и нефтехимии [3]. Однако ввиду плохих показателей нефти и общей тенденции истощения запасов углеводородов остро встает вопрос не только о надобности разработок новых месторождений, но и о развитии нефтепереработки и нефтехимии во всем мире [5]. Процесс эксплуатации химических заводов связан с рядом проблем, самой важной из которых является острое ужесточение экологических требований, предъявляемых ко всем видам топлива. Это, в свою очередь, влечет за собой множество эксплуатационных и других видов затрат. Проанализировав динамику

строительства нефтехимических заводов, было заявлено, что на Западе в течение текущего десятилетия не было построено новых подобного рода предприятий. За рубежом отдают предпочтение инвестициям в проекты, благодаря которым можно будет добиться улучшения характеристик переработанного сырья с точки зрения экологической целесообразности.

Поскольку в России существенно уменьшились объемы добываемой нефти, остро встает вопрос о решении ситуации, связанной с восстановлением запасов нефти. Многие нефтегазодобывающие предприятия также сталкиваются с проблемами экспорта сырой и переработанной нефти. В связи с этим страна довольно серьезно нуждается и перспективных направлениях, способствующих решению данных проблем. Все вышеупомянутые процессы напрямую связаны с системой трубопроводного транспорта. Большая часть углеводородов на территории России транспортируется с помощью магистральных трубопроводов «Транснефти» - ведущей компании в России, оказывающей услуги по транспортированию нефти и разрабатывающей широкую сеть трубопроводов, что гарантирует бесперебойную и своевременную доставку продукции с места сбыта до конечного потребителя - и российского, и зарубежного. Автоматизированность, простота в применении и надежность, окупаемость при строительстве, минимальные негативные воздействия на экологию и окружающую среду, действенность вне зависимости от климатических условий и возможность перемены сразу нескольких видов продукции по одному трубопроводу подтверждают необходимость развивать и совершенствовать системы трубопроводного транспорта [6], [7]. Поэтому данная задача стратегического развития данной области нефтегазодобывающей отрасли остается как никогда актуальной в наши дни, так как существование альтернативных видов транспортировки углеводородов, таких как морской - весьма интенсивно развивающийся на данный момент вид транспорта, железнодорожный и автомобильный, требует быть конкурентоспособными, а значит и продвинутыми с точки зрения стратегического планирования и системного подхода.

В последовательности: разработка месторождений, добыча углеводородов, перемещение сырья и нефтепереработка, трубопроводный транспорт выступает в роли промежуточного этапа, напрямую зависящего от предыдущего. Поэтому его следует рассматривать как центральный и принципиально важный проект для инвестиций, нуждающийся в комплексном и системном детальном изучении.

Для обеспечения пролификации транспорта нефти, а также сохранения надежной и безопасной эксплуатации нефтегазопроводов следует качественно относиться к таким важнейшим задачам как капитальный ремонт сооружений, модернизация и усовершенствование объектов, несущие практическую, экономическую и экологическую ценность. Таким образом, определяющую роль в достижении таких результатов играет именно стратегия предприятия, которая формируется с учетом ценовой политики сырья и мест спроса. Стратегия представляет собой некую «политику поведения» в каких-либо новых непривычных условиях или измененной окружающей обстановке. Она заключается в выборе определенных приоритетов и установлении неких решений относительно проекта и его ресурсов. Неэффективно разработанная стратегия приводит к плачевным последствиям. В процессе трубопроводного транспорта последствия могут нести геоэкологический, экономический характер в случае аварийных ситуаций и отказов.

Рассмотрим процесс формирования стратегического управления. Он включает в себя такие основополагающие этапы, как постановка цели, анализ, планирование и непосредственная реализации выбранной стратегии, совокупность всего вышеупомянутого, в первую очередь, должна привести к экономической эффективности. Чаще всего руководители предприятий трубопроводного транспорта разрабатывают стратегии на длительный период времени, составляющий приблизительно десять лет [1]. Это связано с

тем, что нефтегазодобывающие предприятия являются многоуровневыми и проекты такого масштаба являются долгосрочными. Также не менее важным аспектом стратегического планирования организаций трубопроводного транспорта является экологическая целесообразность, которая должна поддерживаться на высоком уровне и соответствовать международным нормам и требованиям. Это может потребовать привлечение соответствующего дополнительного персонала, что повлечет за собой развитие системы управления персоналом. Так, мы видим многогранность такого понятия, как «стратегия» [8], [9].

В заключение хотелось бы сказать, что трубопроводный транспорт играет немаловажную роль в благосостоянии нефтегазодобывающей промышленности и экономики страны в целом, поэтому нуждается в качественном стратегическом планировании и управлении, направленных не только на развитие и совершенствование имеющихся технологий, но и на разработку новых. Ведь благополучная реализация трубопроводного транспорта является неотъемлемой частью успеха всей нефтегазовой отрасли, следовательно, и процветания всего государства.

Пристатейный библиографический список

1. Гайсина Л.М., Левашов Д.А. Трудовой коллектив как институт социальной реабилитации людей с ограниченными возможностями // Интеллектуальные технологии и средства реабилитации и абилитации людей с ограниченными возможностями (ИТСР-2018). Труды III международной конференции. - 2018. - С. 325-329.
2. Козлова Ю.Б., Грогуленко Н.В., Нафикова Л.И. Особенности кампании продвижения продукции научно-исследовательской организации на примере Государственного унитарного предприятия Института нефтехимпереработки Республики Башкортостан // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 3 (142). - С. 384-385.
3. Костылева Е.Г., Валеев М.Р. Влияние глобализации на развитие топливно-энергетического комплекса // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 451-452.
4. Костылева Е.Г., Зарипова Д.Р. Условия формирования модели инновационного развития нефтегазовой отрасли России на примере предприятия «Роснефть» // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 4 (155). - С. 450-451.
5. Костылева Е.Г., Фрязинов Н.Ю. Влияние глобализации экономики на развитие конкурентоспособности нефтехимических предприятий // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 5 (156). - С. 474-475.
6. Левашов Д.А. Интернет как сфера развития молодежного предпринимательства // Современные социальные технологии работы с молодежью в интернет-коммуникациях. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ответственный редактор Р.Б. Шайхисламов. - 2019. - С. 143-147.
7. Султангареев М.Р., Костылева Е.Г. Оценка экономической эффективности применения цифровых технологий в нефтегазовой отрасли // Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе. Сборник научных трудов IV Всероссийской научно-практической конференции. - 2020. - С. 97-99.
8. Mekhdiv E.T., Prokhorova V.V., Makar S.V., Salikhov G.G., Bondarenko A.V. Smart Cities in future energy system architecture // International Journal of Energy Economics and Policy. - 2018. - Т. 8. - № 5. - С. 259-26.
9. Guliyev I.A., Mekhdiv E.T., Litvinyuk I.I., Bondarenko A.V., Yanguzin A.R. Global refining industry in retrospect, and evaluation of Russia-European Union petroleum products' trade perspectives // International Journal of Energy Economics and Policy. - 2017. - Т. 7. - № 5. - С. 209-216.

МАКАР Светлана Владимировна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института региональной экономики и межбюджетных отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

ХАКИМОВ Руслан Миратович

кандидат технических наук, доцент кафедры управления качеством Башкирского государственного университета

ХРИСТОДУЛО Дмитрий Антониевич

студент IT-института Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ОБЪЕКТОВ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Долговечность зданий исчисляется как срок службы незаменимых при ремонте конструкций – в первую очередь фундаментов и стен. Заменить или подвергнуть ремонту можно, в лучшем случае, лишь часть стены или фундамента, или определенные их элементы, а также различные сменяемые конструкции – кровельные и фасадные покрытия, оконные и дверные блоки, детали внешней и внутренней отделки и многое другое. Возможностью полной или частичной замены тех или иных элементов конструкций здания и определяется их ремонтпригодность. В нефтегазовой промышленности, где крайне интенсивные и сложные условия эксплуатации вопрос оценки долговечности и остаточного эксплуатационного ресурса крайне актуален. Объектом исследования является фактор долговечности и остаточного срока эксплуатации объекта нефтегазовой промышленности. Предметом исследования выступают эвристические методы технико-экономического анализа. Целью данного исследования является – детекция метода оценки долговечности объекта на проектной стадии производства работ и определение остаточного ресурса в условиях эксплуатации объекта.

Ключевые слова: экономическая долговечность, функциональная долговечность, остаточный ресурс, физический износ, ремонт

MAKAR Svetlana Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Institute of Regional Economics and Inter-Budgetary Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation

KHAKIMOV Ruslan Maratovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Quality management sub-faculty of the Bashkir State University

HRISTODULO Dmitriy Antonievich

student of the IT Institute of the Ufa State Petroleum Technical University

FUNCTIONAL AND ECONOMIC DURABILITY OF OIL AND GAS INDUSTRY FACILITIES

The durability of buildings is calculated as the service life of structures that are not replaced during repair – primarily foundations and walls. It is possible to replace or repair, at best, only a part of the wall or foundation, or certain elements thereof, as well as various replaceable structures – roofing and facade coverings, window and door blocks, details of exterior and interior decoration and much more. The possibility of complete or partial replacement of certain structural elements of the building is determined by their maintainability. In the oil and gas industry, where extremely intensive and difficult operating conditions, the issue of assessing durability and residual operational life is extremely relevant. The object of the study is the factor of durability and residual life of an oil and gas industry facility. The subject of the study is heuristic methods of technical and economic analysis. The purpose of this study is to detect a method for assessing the durability of an object at the design stage of work and to determine the residual resource in the conditions of operation of the object.

Keywords: economic durability, functional durability, residual resource, physical wear, repair.

Понятие долговечность здания - фундаментальный фактор воспроизводства основных фондов в нефтяной и газовой промышленности. Долговечность необходимо определять на стадии разработки проекта, но не на стадии строительства или эксплуатации. Для понимания фактора долговечности и остаточного эксплуатационного ресурса необходимо различать и понимать, что такое долговечность здания (сооружения) Используя различные нормативно – методические источники сформулируем что такое долговечность здания.

Долговечность здания – такой период времени, в котором объект нефтяной и газовой промышленности функционирует в условиях нормальной эксплуатации. Что подразумевается под нормальной эксплуатацией здания, также представим определение. **Нормальная эксплуатация здания** – период эксплуатации объекта, с сохранением функциональных свойств объекта и необходимых параметров для ведения основной и вспомогательной деятельности. Ключевой

параметр объекта в условиях эксплуатации, это надёжность, рассмотрим из чего она складывается. Надёжность объекта включает в себя две составляющие: 1. Безотказность - сохранением работоспособности конструктивных элементов без перерывов в течение заданного периода времени (нормативного срока службы); 2. Ремонтпригодность - приспособленностью конструктивных элементов зданий и сооружений к предупреждению, обнаружению и устранению повреждёний путем проведения ремонтно-строительных мероприятий.

Согласно ГОСТ 27751-2014 «Надёжность строительных конструкций и оснований. Основные положения» – для обеспечения требуемой долговечности строительного объекта при его проектировании необходимо учитывать три фактора [1].

Первый это условия эксплуатации по назначению, то есть эксплуатация объекта должна соответствовать проектным условиям.

Второй, это расчетное влияние окружающей среды на эксплуатируемый объект, то есть, необходимо количественно на стадии проектирования учесть влияние факторов окружающей среды на эксплуатацию объекта.

Третий это, свойства применяемых материалов, возможные средства их защиты от негативных воздействий среды, а также возможность деградации их свойств в процессе эксплуатации.

При проектировании объектов нефтегазовой промышленности нужно учесть степень возможного влияния агрессивных сред и других сложных условий эксплуатации (попеременное замораживание и оттаивание, наличие противоледных реагентов, воздействие морской воды, выбросов промышленных производств и т.д.).

Мероприятия по поддержанию долговечности конструкций и оснований объектов нефтегазовой промышленности при учете конкретных условий эксплуатации объектов нефтегазовой промышленности, с их расчетными сроками службы определяются генеральным проектировщиком при согласовании с заказчиком.

Остаточный ресурс здания или сооружения – промежуток времени до момента наступления предельного технического состояния, при котором дальнейшая техническая эксплуатация объекта невозможна без проведения комплекса восстановительных мероприятий.

Предельное состояние - состояние здания (сооружения), при котором его дальнейшая эксплуатация недопустима или нецелесообразна, либо восстановление его работоспособного состояния невозможно или нецелесообразно.

Остаточный ресурс здания (сооружения) определяется следующими факторами: начальной надежностью к моменту окончания строительства, продолжительностью службы здания, нагрузками и воздействиями на него. Скорость снижения надежности здания зависит от условий эксплуатации и их стабильности во времени – наличия и величин особых нагрузок, механических и климатических воздействий.

При проведении экспертизы промышленной безопасности любого здания (сооружения) (например, зданий котельных) основной задачей - установить, можно ли данные сооружения безопасно эксплуатировать и в течение какого периода. То есть необходимо определить остаточный ресурс этих зданий.

Следует отметить, что здания (сооружения) бывают не поднадзорные и поднадзорные Ростехнадзору, Зданий и сооружений (далее - ЗиС), являющиеся опасными производственными объектами, конструкции которых исчерпали нормативный срок эксплуатации, расчет остаточного ресурса является обязательным.

Необходимость определения остаточного ресурса зданий (сооружений) возникает при следующих обстоятельствах:

В отношении объектов нефтяной и газовой промышленности.

1. При оценке объекта нефтяной и газовой промышленности для целей учёта, когда определяется разница между стоимостью по балансу и величиной износа. В случае операций на рынке недвижимости нет возможности эффективно реализовать операцию купли-продажи, не имея полной информации о техническом состоянии объекта. Предварительная оценка документации по проекту при эксплуатации объекта формирует искажённое представление о предмете оценки. Поэтому необходимо проводить предварительно общее обследование конструктивных элементов объекта. По результатам обследования производят сопоставление современным требованиям нормативных документов по следующим параметрам: качество материалов и конструктивных элементов, уровень комфорта, соответствие функциональному, санитарно-гигиеническому, теплотехническому требованиям нормативов и условиям безопасности. С приближенной оценкой рассчитывается остаточный жизненный цикл здания и его отдельных элементов.

2. Оценка технических параметров объекта и его элементов для целей реализовать реконструкцию или капитальный ремонт. В таком случае важнейшей задачей выступает

изыскание возможностей для дальнейшего использования объектов в виде продления времени эксплуатации и установление какие факторы, уменьшают их стоимость объекта (обесценивание) на момент его обследования.

3. По требованиям представителей Ростехнадзора. Основной целью технического осмотра зданий и сооружений – выявить реальный остаточный ресурс жизненного цикла и принять решение либо: а) снос, б) капитальный ремонт или реконструкции на основании обнаруженных дефектных проявлений несущей, ограждающей конструкции, инженерной системы и оборудования.

4. При возникновении аварийной ситуации, по результатам которой было повреждено что-либо из несущих конструкций данного объекта; По результатам аварии на опасном производственном объекте, вследствие которой были повреждены несущих конструкций объектов нефтяной и газовой промышленности, обязательное условие, это реализация экспертиз промышленной безопасности, где одна из процедур – оценка и расчеты остаточных ресурсов. Данная норма установлена пунктом 2 статьи 7 Федерального закона №116-ФЗ.

5. В случае возникновения сверхнормативного отклонения в виде деформации объекта, вызванных климатическими и технологическими факторами;

6. При неполноте проектных документов, или отсутствие наличия в проекте и документах информации о сроках эксплуатации объекта нефтяной и газовой промышленности. Необходимость расчета остаточных ресурсов в этом случае объясняется целями нахождения сроков (в годах), при которых в дальнейшем эксплуатация приостанавливается для реализации капитальных ремонтов для усиления и частичных замен конструктивных элементов. Когда в документах проекта время эксплуатации не определено, возможен допуск для использования данных по аналогичным вариантам или согласование с Ростехнадзором по установленной методике, для учета результата анализа проекта, детекции необходимых норм использования и технического мониторинга (экспертного обследования).

7. Мониторинг объекта перед его пуском в эксплуатационный цикл, на стадии до выполнения капитальных ремонтов и, в случае направления от судебно-строительной экспертизы и другое.

Заключение

Оценка долговечности необходима для построения «инновационных экосистем» [2] в нефтяной и газовой промышленности. При этом помимо коммерческого эффекта от продления срока эксплуатации необходимо учитывать «социальный эффект» [3] от отсутствия простоев и возможных остановок основной деятельности из-за технических причин, вызванных убыванием эксплуатационного ресурса.

Пристатейный библиографический список

1. ГОСТ 27751-2014 «Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения».
2. Кириллова Е.А., Дли М.И., Какатунова Т.В., Епифанов В.А. Трансформация модели тройной спирали в условиях формирования инновационных экосистем в промышленности // Дискуссия. – 2022. – № 1 (110). – С. 16-30. – DOI 10.46320/2077-7639-2022-1-110-16-30. – EDN PFOLZD.
3. Хайруллин В.А., Макар С.В., Ямалова Э.Н., Асадуллин М.Р. Социальная ставка дисконтирования, социальный эффект и реализация национальных целей развития России // Дискуссия. – 2021. – № 4 (107). – С. 79-91. – DOI 10.46320/2077-7639-2021-4-107-79-91. – EDN MBHDTX.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-488-490

МУХАМАДИЕВА Эльвира Фанировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИМУЛЛИНА Снежана Радиковна

магистрант Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИМУЛЛИНА Наталья Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления Башкирского государственного университета

ГИЛЯЗОВА Алиса Ильдаровна

студент Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

На сегодня главной целью государственной кадровой политики является эффективная и профессиональная работа государственных служащих. Формирование эффективной системы управления персоналом учреждения – это использование комплекса мер, позволяющих концентрировать трудовые ресурсы организации в определенном порядке, позволяющим реализовать поставленные цели экономического субъекта наиболее рациональным образом. Поэтому целью публикации данного исследования является поиск методов управления персоналом государственного учреждения, так как эффективность деятельности организации зависит от профессиональных и личностных качеств государственного служащего, его знаний и умений, а так же освоенных компетенций.

Ключевые слова: управление персоналом, государственный служащий, анализ состава кадров государственного учреждения, государственное учреждение.

MUKHAMADIEVA Elvira Fanirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economic security sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GALIMULLINA Snegana Radikovna

magister student of the Institute of Economic and Service of the Ufa State Petroleum Technological University

GALIMULLINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in economic sciences, associate professor of Public Administration sub-faculty of the Bashkir State University

GILYZOVA Alisa Ildarovna

student of the Institute of the History and State Management of the Bashkir State University

IMPROVING THE PERSONNEL MANAGEMENT OF A PUBLIC INSTITUTION

Today, the main goal of the state personnel policy is the effective and professional work of civil servants. The formation of an effective personnel management system of an institution is the use of a set of measures that allow the organization's labor resources to be concentrated in a certain order, allowing the economic entity to realize its goals in the most rational way. Therefore, the purpose of the publication of this study is to search for methods of personnel management in public institutions, since the effectiveness of the organization depends on the professional and personal qualities of a civil servant, his knowledge and skills, as well as mastered competencies.

Keywords: personnel management, civil servant, analysis of the personnel of a state institution, a state institution.

Введение.

Как любой другой вид управления государственная служба должна реализоваться профессиональными кадрами, поэтому на кадровую службу возлагаются обязанности подбора и отбора кадров, формирования кадрового резерва, использования персонала, анализа текучести кадров и др. Кадровая служба государственного учреждения определяет кадровую политику, прогнозирует обеспеченность кадрами, проведение аттестации персонала, кадрового роста и динамического движения учреждения.

Кадровая политика бывает пассивной и реактивной, что определяется стилем руководства и развитием. Пассивная кадровая политика строится на выполнении обязанностей возложенных вышестоящими органами власти и отсутствии каких бы то ни было креативных процессов. Активная кадровая политика строится на постоянном поиске новых методов воздействия на персонал, использовании новых технологий,

цифровых решений и постоянном улучшении условий труда государственных служащих.

Методология исследования.

Теоретические основы исследования базировались на трудах следующих авторов: К.С. Жуковой, Е.К. Карпунина, А.В. Катункиной, А.Я. Кибанова, В.Ю. Корнюшина, А.И. Лагунова и других.

Для социально-экономического развития РФ необходима эффективная система государственных учреждений для предоставления общественных благ населению страны. Различный характер работы учреждений определяет и порядок принимаемых решений и управление персоналом учреждения. Для достижения эффективности системы управления персоналом в учреждении необходимо использование методов управления для получения максимальных результатов деятельности.

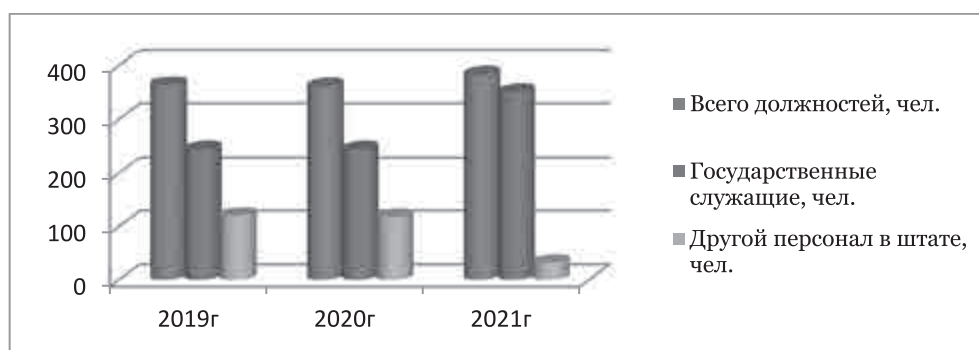

Рисунок 1. Динамика численности персонала государственного учреждения за 2019-2021 годы

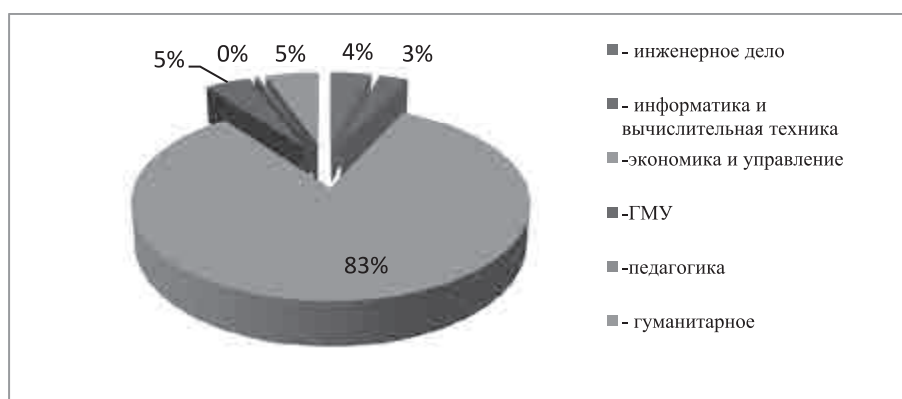

Рисунок 2. Состав государственных гражданских служащих по образованию

В государственном управлении используется методы определения квалификационных характеристик персонала: государственный экзамен кандидатов на возможную должность при отборе и подборе кадров, а также аттестация уже работающих служащих с периодичностью раз в три года. На практике применяются следующие методы:

- биографические (анализ каждого работника по персональным данным и сведениям по его трудовой деятельности);
- опросные данные по персоналу (достижения и взыскания работника);
- оценка результатов деятельности персонала (описание работы, объемы выполненных работ и услуг);
- дискуссия (решение поставленной проблемы для оценки качества принимаемых решений работником);
- экспертный (оценка работника со стороны другим экспертом);
- сравнительный и оценочный.

Результаты исследования.

Объектом исследования выступает государственное учреждение Башкортостанстат. Первоначально был рассмотрен структурный состав персонала. Анализ позволяет дать оценку трудовых ресурсов государственного учреждения. Далее рассмотрены динамические показатели численности персонала учреждения на рисунке 1.

Представленные на рисунке 1 сведения характеризуют рост показателей, что положительно отражается на деятельности учреждения. Это вызвано необходимостью проведения Всероссийской переписи населения РФ и расширением направлений цифровизации экономики, ротацией, обновлением кадров и увеличением штата.

В составе государственных служащих основную долю занимают специалисты – 76,2 % в 2019 году 80,0 % в 2020 году, 82,9 % в 2021 году. Это связано со спецификой работы учреждения.

Структура гендерного состава государственных служащих учреждения показала, что численность женщин (93 %) превышает численность мужчин (7 %), что связано с характером выполняемых работ данного учреждения. Гендерный состав государственных служащих отражает общую тенденцию формирования персонала учреждения.

Для работы государственных служащих на законодательном уровне сформированы критерии в области информационных и коммуникативных навыков. Государственные программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и стратегии развития характеризуют компетенции, необходимые для эффективной деятельности в цифровой управленческой среде, определяющие ценностные ориентации государственного служащего [1]. Это вызвало необходимость рассмотреть состав кадров по образованию государственных служащих на рисунке 2.

Как видно из представленных данных, приведенных на рисунке 3, кадровому менеджменту необходимо рассмотреть вопрос о приеме на работу государственных служащих по образованию, связанному с цифровизацией экономики и инфографикой. Приоритетом такой работы должны являться направления ГМУ, экономика, информатика и вычислительная техника.

Наибольшее количество служащих имеет экономическое образование, поэтому необходимо их обучить навыкам цифровой экономики, построения инфографики.

В процессе исследования выяснилось, что большая часть государственных служащих имеет опыт работы от 25 лет и

Таблица 1. Мероприятия по совершенствованию управления персоналом государственного учреждения

Проблемы	Мероприятия	Результат (эффект)
1. Старение кадров учреждения	Формирование кадрового резерва и привлечение высококвалифицированных кадров	Замещение выходящих кадров, преемственность
2. Привлечение сотрудников с гуманитарным образованием	ДПО на базе ведущих вузов республики	Повышение производительности труда. Повышение уровня знаний и навыков сотрудников
3. Прием на работу новых сотрудников, не имеющих опыт работы	Внедрение наставничества и использование обучающих курсов в первые месяцы работы персонала	
4. Неравномерность распределения статистической работы в течение года (есть периоды интенсивной загрузки и отсутствия таковой)	Цифровизация процессов и планирование статистической работы	Равномерность выполняемой работы и избежание выгорания на работе
5. Наибольшее количество сотрудников имеет экономическое образование, полученное в период ограниченной информатизации и цифровизации, что требует их переобучения	Повышение квалификации и мотивация персонала, получившего цифровые компетенции на основе эффективного контракта, обеспечение доступа к информации в зависимости от уровня ее защиты [4]	Повышение производительности труда. Повышение доли электронного сбора информации до 96 %. Повышение статистической грамотности
6. Текучесть кадров в предыдущие периоды времени	Создание благополучного морально-психологического климата в организации	
7. Низкая заработная плата начинающих специалистов	Внедрение эффективного контракта	Повышение качества первичной статистической информации
8. Формальность проведения аттестации «своего» персонала	Расширение компетентностного подхода	Эффективность управления персоналом

выше, что вызывает озабоченность по причине приближения таких кадров к пенсии и необходимости замены специалистов. Увеличилась численность персонала со стажем работы до 5 лет, что говорит об обновлении персонала и необходимости адаптации работников и повышения квалификации.

Таким образом, полученные результаты исследования показывают динамичный рост показателей управления персоналом учреждения. Одним из факторов такого положения является гендерный состав персонала [2], его омоложение и квалификационные характеристики. Вместе с тем необходимы управленческие решения по дополнительному обучению кадров, повышению квалификации и ротации, что позволит адаптироваться к цифровым технологиям и освоить новые компетенции.

Заключение.

Приоритетными направлениями является содействие профессиональному развитию гражданских служащих и получению дополнительного профессионального образования работниками, служебному росту и социальной защищенности [3].

Так же считаем, что необходим анализ и социальная диагностика государственных служащих. Это достигается на основе мониторинга социальных проблем и путей их решения. Негативные факторы внешней среды нерешенные проблемы отражаются на эффективности труда.

В таблице 1 представим свод предлагаемых мероприятий и предполагаемый эффект от внедрения.

Эффективность государственных услуг зависит от качества человеческих ресурсов, что определяет эффективность работы всех сфер экономической и социальной жизни, поскольку современная экономика – это не только рыночная экономика, но и сопровождаемая идеологическими и административно-управленческими контролирующими органами.

Выводом данной публикации является необходимость внедрения представленных мероприятий, что позволит по-

высить эффективность использования трудовых ресурсов государственного учреждения.

Пристатейный библиографический список

1. Оборин М.С. Формирование цифровых компетенций управления государственных служащих в условиях нового экономического формата // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2021. Т. 7. № 2. С. 69-81.
2. Галимуллина Н.А., Галимуллина С.Р. Статистический анализ социальной защищенности женщин // В сборнике: Работающая женщина: возможности профессиональной реализации VS дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства). Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 277-282.
3. Игнатъева О.Н., Галимуллина Н.А., Гарипов Р.Р. Анализ методов управления в органах государственной исполнительной власти // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 356-358.
4. Патрушева Д.Е., Мухамадиева Э.Ф. Коммерческая тайна и ее защита // В сборнике: Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства, регионов, предприятий. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор О.В. Мамателашвили. 2017. С. 244-246.

ПОТАПОВ Алексей Николаевич

старший преподаватель кафедры физической и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России

ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВЕДОМСТВЕННЫХ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ

В данной статье отражаются особенности воспитания курсантов уголовно-исполнительной системы. Особое внимание уделяется нравственности, патриотизму и моральным качествам будущего сотрудника ФСИН России (далее – Федеральная служба исполнения наказаний). Для минимизации подрыва авторитета службы, а также улучшения состояния психологической обстановки в коллективе, необходимо проводить психолого-воспитательную работу, направленную на улучшение профессиональных навыков, повышение стрессоустойчивости. Считаем важнейшим компонентом взаимодействия курсантов с проблемами общества, привлекая к волонтерской деятельности, что положительно сказывается на сознании обучающихся. В последнее время количество участия возросло.

Ключевые слова: курсанты, уголовно-исполнительная система, нравственное поведение, ФСИН России, профилактическая работа.

POTAPOV Aleksey Nikolaevich

senior lecturer of Physical and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

EDUCATION OF MORAL BEHAVIOR OF CADETS OF DEPARTMENTAL UNIVERSITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

This article reflects the features of education of cadets of the penitentiary system. Particular attention is paid to morality, patriotism and moral qualities of the future employee of the Federal Penitentiary Service of Russia. To minimize the undermining of the authority of the service, as well as to improve the state of the psychological situation in the team, it is necessary to carry out psychological and educational work aimed at improving professional skills and increasing stress resistance. We consider the interaction of cadets with the problems of society to be the most important component, involving them in volunteer activities, which has a positive effect on the minds of students. Recently, the number of participations has increased.

Keywords: cadets, penitentiary system, moral behavior, Federal Penitentiary Service of Russia, preventive work.

Внимание к состоянию нравственности уделялось всегда, так как данное качество позволяет характеризовать человека, а также предугадать модель его поведения в той или иной ситуации. В отношении курсантов такая модель поведения должна быть идеально отточенной: с точки зрения субъектов, которые воздействуют на него в процессе воспитания и усвоения им норм и правил общественной жизни, очень часто пример вносит свои коррективы, становясь идеалом поведения. Такой способ стал обязательной частью воспитания, курсанты, изучая историю своего государства, извлекают те памятные фигуры и лица, которые ближе тому или иному человеку, что позволяет вдохновляться поступком героя и выстраивать свои действия, основываясь на прошлом опыте той или иной конкретной личности. В любое время важно помнить прошлое, но, чтобы воспитать новый пример для гордости, необходимо приложить немало усилий. Ввиду нехватки кадрового состава сотрудников ФСИН России, данная работа должна проводиться в ключе, агитирующем к государственной службе, уделении внимания к стимулированию и поощрению сотрудников, направить силы на социальные гарантии.

Общество — это первоисточник тех правил и обычаев, которые распространены в нашей жизни. В свою очередь общество культивирует нравственные нормы с помощью традиций и законов [1, с. 2]. А потому, говоря об одном

виде воспитания, мы понимаем, что остальные развиваются в том же направлении, так как одно невозможно без другого. Если мы прививаем чувство долга, любовь к Родине, то отсюда вытекают и нравственные черты. Нравственное воспитание определяет ценностные ориентации индивида, его отношение к природе, обществу и самому себе [3, с. 68]. Ценностные ориентации – ступени перевода ценностей в деятельность. Они опосредующее звено между объективной для человека социальной средой и его индивидуальным сознанием [4, с. 1055].

Нравственность не ограничивается лишь одним определением, потому в литературе мы можем встретить множество подходов ученых к описанию понятия. Остановимся на следующем определении: нравственное воспитание — оказание воздействия на сознание, чувства и волю военнослужащих с целью формирования у них необходимых разъяснение военнослужащим духовно-нравственных черт и качеств. [1, с. 611].

Основные направления нравственного воспитания:

- ознакомление курсантов знаниями о предъявляемых требованиях со стороны общества к их профессиональному и нравственному облику;
- стимулирование потребности в морально-психологическом и физическом самосовершенствовании;
- целенаправленная организация нравственно-значимой деятельности курсантов, в процессе которой форми-

руется, осознается и переживается личностный смысл моральных принципов и норм, предотвращаются негативные действия и поступки, формируются нравственные чувства, такие как ответственность, гордость и доблесть;

- изучение и использование в воспитательных целях индивидуальных особенностей, влияния общественного мнения и здорового социально-психологического климата в коллективах подразделений (учебных групп и взводов);

- использование духовно-нравственного потенциала общественных объединений в интересах воспитания курсантов.

В ходе выделения направлений, стоит отметить, что среда обучающихся не оторвана от реалий мира, более того, чтобы эффективно функционировать в пределах социума, появляется необходимость в более детальном изучении общественных процессов. На основе этого можно сделать вывод, что коллектив курсантов довольно-таки закрытая группа, которой необходимо больше времени взаимодействовать с внешними (или их можно назвать посторонними лицами), для выявления особенностей, изучения человека как такового. Для реализации этих идей поддерживаем систему кураторства, которая позволяет:

- сплотить коллектив, установить и развить доверительные отношения между друг другом;

- изучить в процессе совместного времяпровождения культурно-исторические памятники региона и страны в целом;

- духовно просвещать курсантов, которые в процессе осваивают новые социальные роли, чувствует себя важной единицей социума;

- воспитать внутренние установки, изучить себя, что приводит к желанию самосовершенствования.

Дополнительным шагом считаем участие курсантов в волонтерской деятельности, которая активно развивается в существующих реалиях. К примеру, на официальных сайтах субъектов Российской Федерации ФСИН России появились данные об участии сотрудников в мероприятиях волонтерского характера. Подрастающее поколение привлечь и заинтересовать в участии в добровольчестве проще, плюс развитие медиасреды позволяет желающим узнавать о множестве проектов, которые разрабатываются, а также о необходимости участия в них курсантов.

Курсанты Самарского юридического института стали первыми в региональном рейтинге общественных центров гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи движения «Волонтеры Победы» в Самарской области по итогам I квартала 2022 года. Поводом для гордости также считается проведение юбилейной 30-й российской студенческой весны, охват этого мероприятия включил в себя участие 9-ти государств, помимо 85-ти субъектов Российской Федерации. Курсанты стали частью такого мероприятия, которое позитивно сказывается на личностном росте и развитии.

Общероссийская акция помощи «Мы вместе» также не обошла стороной: была организована помощь в получении QR-кодов пожилым людям, а также сбор гуманитарной помощи нуждающимся лицам. Примечательно, что добровольческая деятельность не обязательно должна быть к чему-то приурочена, курсанты помогают ветеранам боевых действий и труженикам тыла облагораживать тер-

риторию, помогать по дому и хозяйству. Безусловно такая деятельность повышает не только уровень нравственного воспитания, но и влияет на патриотический дух курсантов. Те принципы, которые закладываются субъектами обучения в процессе служебно-боевой подготовке, реализуются с помощью таких мероприятий, позволяющих проявить себя и почувствовать себя нужным и важным в том обществе, в котором находится курсант. Привычная нам работа по воспитанию курсантов требует изменения, так как и само общество идет по пути инноваций.

Нами было проанализировано количество занятых курсантов в приведенных выше мероприятиях, чтобы выяснить, какой процент постоянных участников и временных. В ходе подсчета было установлено, что неизменный процент участников составляет 55%, соответственно, остальные 45% – так называемые новички. При увеличении мероприятий, в которых необходима добровольческая деятельность, можно прогнозировать следующее: за вычетом определенного процента выпускников из постоянного (неизменного) состава, около 10-15% человек из переменного будут переходить в постоянный, тем самым сохраняя баланс и даже пополняя количество. Таким образом, считаем, что достижение задачи нравственного воспитания можно добиться оказанием курсантами добровольной помощи, в этом случае с точки зрения педагогики, усвоение пройдет более эффективно, так как нет факторов, воздействующих на процесс принудительно, задействованы будут внутренние ресурсы обучающегося.

Пристатейный библиографический список

1. Военная педагогика: учебник для вузов. - СПб.: Питер, 2008. - 640 с.
2. Капщунова И.К. Генезис нравственно-правового воспитания студентов юридических вузов: дис. ... канд. пед. наук. - СПб., 2007. - 174 с.
3. Фортгова Л.К., Овчинников О.М. Культура личности курсантов как задача эдагогика // Молодой ученый. - 2015. - № 8. - С. 1055-1057.
4. Фофанов А.М. Формирование научного мировоззрения курсантов вуза: (нравственный аспект): учеб. пособие; Воен. ин-т физ. культуры. - СПб., 2004. - 57 с.

СУСЛОВ Юрий Евгеньевич

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СУСЛОВ Евгений Юрьевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СТАНКЕЕВ Андрей Игоревич

магистрант Северо-Западного института управления – филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ОРГАНИЗАЦИИ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЕКТАМИ

В статье рассматриваются существующие подходы к развитию необходимых организационных компетенций для ведения эффективной проектной деятельности. Проанализированы стандарты Международной ассоциации управления проектами, определены составные элементы организационной компетентности. Рассмотрена модель оценки зрелости проектного управления. Систематизирован инструментарий оценки проектной деятельности в организации по различным аспектам. Сформулированы рекомендации по развитию проектных компетенций организации в соответствии с рассмотренной моделью оценки зрелости.

Ключевые слова: проектное управление, компетентность организации, зрелость проектного управления.

SUSLOV Yuriy Evgenjevich

Ph.D. in economical sciences, professor of Management sub-faculty of the North-Western Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

SUSLOV Evgeniy Yurjevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Management sub-faculty of the North-Western Institute of Management – branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

STANKEEV Andrey Igorevich

magister student of the North-Western Institute of Management, branch of the RANEPA under the President of the Russian Federation

DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATION'S COMPETENCIES IN PROJECT MANAGEMENT

The article discusses the existing approaches to the development of the necessary organizational competencies for conducting effective project activities. The standards of the International Project Management Association are analyzed, the constituent elements of organizational competence are determined. Considered the model of project management maturity assessment. Systematized the tools for evaluating project activities in the organization on various aspects. Formulated recommendations for the development of the organization's project competencies in accordance with the considered maturity assessment model.

Keywords: project management, competence of the organization, maturity of project management.

Многие российские компании достигли сегодня того уровня зрелости, когда дальнейшее развитие невозможно без внедрения различного рода инноваций и трансформации существующих структур, процессов. Сегодня для того, чтобы создать эффективное проектное управление в организации недостаточно нанять компетентных опытных сотрудников, необходимо создание соответствующей организационной среды, которая позволила бы гармонично реализовывать в ней проекты.

Международной ассоциацией управления проектами – International Project Management Association (IPMA) разработаны подходы, позволяющие оценить компетен-

ции в области проектного управления как отдельных сотрудников, так и организации в целом. Особый интерес вызывает модель оценки зрелости проектного управления IPMA DELTA, в рамках которой выделяются три модуля:

– module individuals – оцениваются компетенции ключевых «игроков»: руководства, участников, заинтересованных лиц, причем оцениваются не только профессиональные компетенции, но и личностные (IPMA ICB);

Суслов Ю. Е.

Суслов Е. Ю.

Станкеев А. И.

– module projects – оценивается непосредственно проектная деятельность, а именно: результаты проектной деятельности и методы и инструменты, которые используются для ее осуществления (IPMA PEB);

– module organization – оценивается компетентность проектного управления с позиции компании, а именно: вовлеченность CEO в процессы проектной деятельности, интегральная польза от осуществления проектной деятельности и так далее (IPMA OCB).

В рамках module individuals оцениваются такие компетенции как вовлеченность, межличностные коммуникации, лидерство, надежность и личностная целостность, переговоры, творческий подход, командная работа, самоорганизация и самокритичность, фокус на результат. В рамках module organization – стратегия, руководство, структуры и процессы, правила и стандарты, культура и ценности, власть и интересы. Причем компетенции эти оцениваются на уровне знаний, навыков и умений, после чего выставляется общая оценка, позволяющая оценить те или иные компетенции в целом.

Еще одним стандартом, вызывающим интерес в вопросах профессиональных стандартов в области проектного управления, является IPMA Organizational Competence Baseline – требования к компетентности организации в области проектного управления. Здесь рассматривается компетентность организации в области проектного управления в целом, под чем подразумевается способность организации интегрировать все имеющиеся ресурсы в проекты при непосредственной поддержке и контроле со стороны системы управления и руководства.

Компетентный персонал – залог эффективности проектной деятельности. Компетенции персонала должны включать не только методологию проектного управления, но и поведенческие компетенции, связанные с межличностным взаимодействием, лидерскими качествами и командообразованием – все это необходимо потому, что работа над реализацией любого проекта всегда связана с межличностным взаимодействием, которое порой протекает не так эффективно, как это необходимо для успешной реализации проекта.

Система обеспечения компетентности персонала дает возможность, предоставляя необходимые для этого условия, развивать компетентность персонала, функционирование этой системы – задача руководства компании. Для этого необходимо определить, какие именно компетенции необходимы персоналу на той или иной роли в проектной деятельности, после чего осуществлять подбор персонала на основании полученных данных. Обучение персонала также должно учитывать эту информацию.

Конечно, оценка компетенций здесь является одним из важнейших этапов проектной деятельности в целом. Оценка может проводиться практически любым удобным для компании способом: тестирование, аттестация и так далее.

Остановимся более подробно на стандарте IPMA OCB, так как именно этот стандарт позволяет оценить компетентность всей организации в целом в области проектного управления, что, несомненно, эффективнее оцени компетентности отдельных сотрудников. Компетентность, согласно данному стандарту, включает в себя следующие элементы:

1. Руководство проектами, программами, портфелями чаще является ответственностью высшего руководства,

включает в себя (но не ограничивается) разработку стратегического видения, различного рода политик, рекомендаций и ознакомление с ними сотрудников, принятие решений, мониторинг и контроль эффективности работы проектной команды, а также руководство устойчивым развитием компетентности организации в проектном управлении и конечном лидерство.

2. Проектное, программное и портфельное управление.

3. Организационное согласование проектов, программ и портфелей позволяет обеспечивать согласованность ключевых организационных структур и структур проектного, программного и портфельного управления (так, для реализации проектов чаще всего формируются проектные команды, структура которых отличается от структуры организации). Эта работа проводится менеджером проектной команды при поддержке других функциональных менеджеров. Группа включает в себя те элементы, которые позволяют согласовать структуры, процессы и культуры проектов со структурами, процессами и культурами других внешних и внутренних сторон организации.

4. Ресурсы проектов, программ и портфелей. Цели и ожидания не всегда соответствуют имеющимся ресурсам, поэтому менеджером проекта при участии сотрудников таких функциональных отделов как отдел закупок, финансовый, юридический отделы проводится работа по оценке доступности ресурсов, их приобретению и развитию.

5. Компетентность сотрудников так же не всегда соответствует целям и ожиданиям руководства относительно их уровня, включая коммуникативность, умение работать в команде, эффективность и так далее. Менеджер проекта при участии отдела по работе с персоналом и других функциональных отделов формулирует требования к компетентности участников проектной команды, оценивает их текущее состояние, выстраивает план по приобретению недостающих компетенций и развитию других.

Для оценки уровня развития компетентности организации в области проектного управления IPMA предлагает использовать модель IPMA DELTA, которая была описана выше. IPMA DELTA – предпочтительный с точки зрения Ассоциации подход, но не единственный. Однако и IPMA DELTA, и IPMA OCB основаны на концепции компетентности, их цель – предоставить организациям видение концепции компетентности организации в области проектного управления, именно с их помощью организации имеют возможность развить, усовершенствовать свою компетентность.

Оценка компетентности согласно IPMA DELTA базируется на следующих классах компетентности: начальный, определенный, стандартизируемый, управляемый и оптимизируемый.

На начальном уровне стандарты есть лишь в ряде проектов, а их применение ограничено. Управление стандартами и вовсе отсутствует. Заинтересованной стороной является владелец проекта, цели и результаты соответствуют друг другу, но чаще всего нарушаются бюджетные и временные ограничения, требования к содержанию. Успешность проекта ограничивается успехом отдельных участников проектной команды, то есть проекты в принципе зависят от компетентности отдельных участников проектной команды.

На определенном уровне стандарты присутствуют частично, применение стандартов различается в зависимости

от самого проекта. Управление стандартами ограничено. Заинтересованными сторонами являются владелец проекта и основные внутренние заинтересованные стороны. Цели и результаты соответствуют друг другу на более низком уровне, чем принято в отрасли.

На стандартизируемом уровне присутствует большинство стандартов, применяются они частично. Начиная с этого класса управление проектами присутствует в отдельных проектах. Заинтересованные стороны-участники те же, что и на определенном уровне. Цели и результаты соответствуют друг другу на том уровне, который соответствует отрасли. Проекты успешны, так как реализуются в соответствии со стандартами.

На управляемом уровне присутствуют все стандарты, применяются они в большинстве проектов. Частично присутствует и управление стандартами. К прочим заинтересованным сторонам добавляются основные внешние заинтересованные стороны. Результаты выше средних по отрасли, порой возможен перерасход бюджета. Проекты здесь реализуются с учетом потребностей программы и/или портфеля.

На оптимизируемом уровне различного рода стандарты внедрены и используются в максимальном объеме. Проектная система постоянно контролируется, анализируется и совершенствуется. Стандарты в области управления для их максимально эффективного использования адаптируются под нужды каждого проекта. Руководство активно участвует в проектном управлении: формулирует цели, согласовывает миссии, стратегии и видение. В организациях этого класса используются количественные показатели для определения отклонений, которые неизбежно возникают в процессе проектного управления, главная задача здесь – определить КРП и приоритеты проектного управления. Проекты реализуются строго соответствуют запланированным бюджетам, срокам и планам, цели, поставленные перед проектной командой и проектом, в целом достигаются. Именно на этом уровне у молодых специалистов появляется возможность продвигаться по карьерной лестнице при поддержке организации, которая позволяет развивать компетентность каждого участника проектной команды.

Организации каждого класса компетентности имеют свои цели развития.

Организации класса «начальный» необходимо развивать с помощью различного рода программ развития, руководителем которой должен быть назначен руководитель, непосредственно осуществляющий руководство проектной деятельностью организации. Успешность программы зависит от наличия лидера и способности адаптироваться к внешним и внутренним изменениям. Особое внимание необходимо уделять развитию знаний в области проектного управления – то есть обучение.

Организации класса «определенный» в рамках своего развития должны уделять особое внимание стандартизации процессов, включая стандартизацию проектного управления. Контроль их создания и применения накладывается на руководство. Должны быть созданы структуры для руководства и проектного управления. Ключевые заинтересованные стороны должны быть включены в управление внешними и внутренними заинтересованными сторонами.

Организации класса «стандартизированный» для развития в первую очередь должны точно понимать все создан-

ные ранее стандарты и применять их в процессе проектного управления максимально полно. На этом уровне к управлению должны быть подключены и критически настроенные внешние заинтересованные стороны, чья вовлеченность и критика поможет провести «работу над ошибками» и существенно повысить эффективность проектной деятельности организации.

Организации класса «управляемый» по сути являются достаточно компетентными в проектной деятельности, однако развитие все же возможно путем фокуса на новейших стандартах управления проектами, эти стандарты должны быть согласованы со всеми структурами организации, как ключевыми, так и проектными командами. Ко всему прочему к проектной деятельности должны быть привлечены все без исключения заинтересованные стороны, что позволит повысить их удовлетворенность, тем самым и результативность проектной деятельности.

Организации класса «оптимизируемый» являются своего рода вершиной компетентности организаций в области проектного управления, однако и здесь, например, ранее разработанные стандарты могут быть адаптированы под нужды каждого отдельного проекта, что существенно увеличит результативность и эффективность проектной деятельности. Цели организации в целом должны постоянно актуализироваться в соответствии с окружением, результативностью работы и так далее. Данный класс подразумевает полную согласованность всех структур организации, цели организации, удовлетворенность заинтересованных сторон – приоритет работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современных условиях для устойчивого развития организации недостаточно просто обеспечить создание системы проектного управления, а необходимо обеспечить ее постоянное совершенствование. Для этих целей могут быть использованы стандарт IPMA OCB и модель зрелости IPMA DELTA, которые основаны на концепции компетентности, их цель – предоставить организациям инструмент для оценки компетентности в области проектного управления, анализа проблемных зон и определения направлений совершенствования.

ХАЛИКОВА Эльвира Анваровна

кандидат экономических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

БОРОВКОВА Елизавета Аркадьевна

бакалавр Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В статье рассмотрены современные аналитические инструменты для оперативного финансового управления проектами на промышленном предприятии, заключающиеся в формировании управленческой отчетности и на ее основе визуализации финансовых метрик/индикаторов с применением Дашборда. Предлагаемый инструментарий позволяет идентифицировать уровень безубыточности проекта, оперативно контролировать уровень операционных затрат в разрезе постоянных и переменных, контролировать неисполнение запланированного уровня операционной прибыли и определять факторы, оказывающие негативное влияние на финансовый результат проекта.

Ключевые слова: проект, финансовое управление, Дашборд, финансовые метрики, управленческая отчетность, прибыль, уровень маржинальности проекта.

KHALIKOVA Elvira Anvarovna

Ph.D. in economical sciences of the Ufa State Petroleum Technological University

BOROVKOVA Elizaveta Arkadjevna

bachelor of the Ufa State Petroleum Technological University

ANALYTICAL TOOLS FOR FINANCIAL PROJECT MANAGEMENT AT THE ENTERPRISE

The article discusses modern analytical tools for the operational financial management of projects at an industrial enterprise, which consist in the formation of management reporting and, based on it, the visualization of financial metrics/indicators using the Dashboard. The proposed tools allow you to identify the break-even level of the project, quickly control the level of operating costs in the context of fixed and variable, control the non-fulfillment of the planned level of operating profit and determine the factors that have a negative impact on the financial result of the project.

Key words: project, financial management, Dashboard, financial areas, management reporting, profit, project margin level.

Современный инструментарий визуализации данных на основе формата управленческой отчетности являются неотъемлемой частью системы финансового управления проектами на промышленных предприятиях, способствуют быстрому и обоснованному принятию управленческих решений по контролю финансовых метрик проекта, а также обеспечивают будущую эффективность бизнеса.

Каждое предприятие должно выбрать тот вид аналитического инструментария, который, по их мнению, сможет своевременно идентифицировать узкие места и проблемные зоны в системе финансового управления проектами. В научной статье авторы предлагают использовать два типа анализа: «план-факт» анализ для оперативного контроля финансовых метрик бюджета дохода и расхода проекта, а также методологию факторного анализа.

«План-факт» анализ – это методика анализа результатов деятельности предприятия, которая направлена на сравнение плана с фактом, следовательно, высчитывается отклонение, на основе которого определяется причина полученных отклонений. Это один из методов финансового контроля исполнения бюджета. Чтобы провести «план-факт» анализ, нужно выбрать, какие показатели анализировать, и определить по ним уровень существенности. Определить порядок действий «план-факт» анализа и утвердить, в каком виде представлять результат [1].

Первоначально для проведения «план-факт» анализа необходимо создать таблицу данных, которая будет являться базой для проведения данного анализа. Одним из элементов

проведения анализа может стать управленческий отчет - бюджета доходов и расходов на предприятии по конкретному проекту [2]. Визуализация данных управленческой отчетности с использованием метода «план-факт» анализа представлена в таблице 1.

Если значение факта будет больше, чем значения плана, значит, результат является положительным и также наоборот, если значение факта будет меньше, значит, результат будет отрицательным. Отрицательный показатель дельты свидетельствует о том, что необходимо в будущем ввести корректировки в составление бюджета. Как примером может служить увеличение объемов реализации, или уменьшение затратной части бюджета предприятия. Также стоит ввести допустимое отклонение на предприятии, которое не повлияет, либо повлияет в меньшей мере на финансовые результаты.

В данной интерпретации подходит вариант, когда любое перевыполнение плана считается несомненно положительным событием. В этом случае диапазон значений достаточно разделить всего на три смежных интервала:

- «плохо» (меньше 85 %);
- «внимание» (от 85 до 95 %);
- «хорошо» (превышает 95 %).

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод, который поможет скорректировать нынешнюю картину управленческой отчетности и исправить нынешнее по проекту. Иными словами, при явном отклонении от нормы ввести лимитируемые статьи бюджета проекта, которые помогут минимизировать отклонения.

Таблица 1. «План-факт» анализ БДР отчетности проекта за 2021 г., тыс.руб.

Показатели	2021		
	План	Факт	Δ
Выручка	2 625,89	2 352,89	-273,00
Переменная себестоимость работ	961,53	319,53	-642,00
Маржинальная прибыль	1 664,36	2 033,36	369,00
Уровень маржинальности, %	2,84	3,46	0,62
Административно-управленческие расходы	141,62	141,62	0,00
ЕВITDA	904,88	1 126,28	221,40
Амортизация	1,68	1,68	0,00
Прибыль от продаж	903,20	1 124,60	221,40
Прочие доходы	0,15	0,15	0,00
Прочие расходы	11,97	11,97	0,00
Прибыль до налогообложения	1 510,92	1 879,92	369,00
Текущий налог на прибыль	302,19	375,99	73,80
Чистая прибыль	1 208,73	1 503,93	295,20

Подготовив сводную таблицу, для нахождения дельты необходимо использовать формулу:
Факт-План=Δ

Вторым типом анализом является факторный анализ. Факторный анализ – это методика исследования влияния факторов, которые связаны с результивным показателем функциональным характером, иными словами, может быть выражен математической зависимостью.

Факторный анализ имеет свойство манипуляции с факторами. Как правило, он позволяет методом исключения оставлять один фактор и исследовать его влияние на функцию.

Данным методом можно исследовать один из основных финансовых метрик проекта – выручку. Показатель выручки зависит от двух факторов: цены и объема работ, в отношении отчетного периода к предыдущему (по формуле индекса Паше):

Выручка на 31.12.2021 г. составляет 586,00 тыс. руб. = Цена 117,20 (тыс. руб) * Объем 5 (шт)

Выручка на 30.09.2021 г. составляет 310,11 тыс. руб.= Цена 103,37 (тыс.руб.) * Объем 3 (шт)

Выручка увеличилась на 275,89 тыс. руб. Данное увеличение за один квартал произошло за счет увеличения цены на 13,83 тыс. руб. (47,08 %) и увеличение объема на 2 шт (40 %). А теперь сделаем те же расчеты, но в другом порядке, то есть посчитаем первоначально изменение объема (по формуле индекса Ласпейреса):

Влияние объема: разница объема, умноженная на текущую цену = (5 - 3) * 117,20 = 234,40 тыс. руб.

Влияние цены = 275,89 – 234,40 = 41,49 руб.

Обратите внимание, что из двух схожих расчетов, показатели получаются разными из-за применения метода цепных подстановок. Если существует необходимость в добавлении новых показателей в модель, то все совместные эффекты будут добавляться к первому показателю, чтобы это избежать, будет использоваться интегральный метод.

Для более наглядной аналитики и визуализации данных по проектам авторы статьи предлагают использовать аналитический инструмент отображения результатов - дашборд. Дашборд – это виды разных таблиц, диаграмм и графиков, которые показывают финансовые метрики, введенные в сводную таблицу [3]. Дашборд является незаменимым инструментом в бизнесе и, в частности, в си-

стеме финансового управления проектами, где имеются массивные объемы информации и финансовых значений. Основным преимуществом дашборда от обычной диаграммы является возможность отслеживать динамику заданного вами периода финансовых значений, показывать сводную таблицу и другую аналитическую информацию по разным проектам благодаря фильтрам, используемым в самой программе.

Основные задачи дашборда:

- представить набор данных максимально наглядным и понятным;
- держать под контролем ключевые бизнес—показатели;
- находить взаимосвязи, выявлять негативные и положительные тенденции, находить слабые места в организации рабочих процессов;
- давать оперативную сводку в режиме реального времени [3].

Таким образом, рассмотренный аналитический инструмент лег в основу разработки Дашборда для оперативного управления финансовыми метриками в разрезе отдельного взятого проекта, так и в целом по всем проектам.

Пристатейный библиографический список

1. Ванчухина Л.И., Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Практико-ориентированный анализ финансового состояния предприятия: учебное пособие; УГНТУ. - Уфа: Изд-во УГНТУ, 2017. - 195 с.
2. Ванчухина Л.И., Лейберт Т.Б., Халикова Э.А. Бизнес-планирование: от теории к практике: учеб. пособие; УГНТУ. - 2-е изд., испр. и перераб. - Уфа: Изд-во УГНТУ, 2016. - 305 с.
3. Волвин В. Аналитическая фабрика: как настроить финансовую аналитику под задачи бизнеса: практическое руководство. - Москва: Альпина Паблишер, 2021. - 548 с. - ISBN 978-5-9614-6211-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://znanium.com/catalog/product/1841926> (дата обращения: 19.05.2022).

АЛДАТОВ Константин Батразович

аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИННОВАЦИЙ В БРАЗИЛИИ И ИНДИИ

В статье рассматриваются подходы Индии и Бразилии к финансированию инновационной деятельности. Автор обращает внимание на необходимость разработки механизмов по стимулированию инновационных технологий, сочетающих государственное и частное финансирование. Систематическая оценка государством текущих проблем и выработка путей их решения с привлечением частного сектора является одной из важных составляющих инновационной политики указанных стран. Проанализированы фискальные льготы, способствующие сокращению нагрузки на бизнес. Кроме того, рассмотрены подходы государств к поддержке инновационных предприятий на их начальном этапе.

Ключевые слова: инновации, государственная поддержка инноваций, инновационная политика, глобальный инновационный индекс, венчурное финансирование, Банк промышленного развития Индии, Совет по развитию технологий.

ALDATOV Konstantin Batrazovich

postgraduate student of the RANEPa under the President of the Russian Federation

GOVERNMENT SUPPORT OF INNOVATIONS IN BRAZIL AND INDIA

The article provides a description of government support of innovations in Brazil and India. Apart from that, the article analyzes experience of these countries connected with financial support based on governmental and private resources. The author examines public policies and instruments that were established in Brazil and India in order to stimulate innovations. Tax incentives and grants are among those instruments. Evaluating results and implementing solutions are those basic mechanisms that help businesses in their first stages of development.

Keywords: innovations, government support of innovations, innovation policy, Global Innovation Index, Development Bank of India, Entrepreneurial Mobilization for Innovation, National Confederation of Industry.

Технологии и инновации являются важнейшими двигателями развития государства и его экономического роста. В целях ускорения развития экономики, государству важно рассуждать не только на использование иностранных технологий, но и на создание собственных. Рассмотрим на примере Бразилии и Индии инструменты и способы развития странами собственных технологий.

Бразилия. Стоящие перед Бразилией проблемы в области технологий связаны с динамикой экономического роста: возникавшие периоды экономического подъема существовали наряду с бедностью и другими социальными проблемами, такими как доступ к качественному образованию, здравоохранению и ряду основных государственных услуг. В стране с такого рода проблемами наука, технологии и инновации часто считаются второстепенными вопросами.

Однако именно из-за имеющихся недостатков и слабых сторон страна должна прилагать дополнительные усилия, направленные на научно-техническое развитие, поскольку новые технологии могут сократить целый ряд проблем за счет, например совершенствования предоставления государственных услуг и обеспечения более эффективного использования природных ресурсов.

Реализация такого подхода требует от государства обеспечения значительных, стабильных и непрерывных инвестиций в науку и технологии (НИОКР).

Частный сектор также должен увеличить свои инвестиции в исследования и разработки (НИОКР). Например, создание ассоциации «Бизнес за мобилизацию инноваций» (MEI) при координации Национальной конфедерации промышленности Бразилии (CNI) направлено на включение инноваций в стратегии компаний, работающих в Бразилии, а также на повышение эффективности их инновационной политики.

В 2004 году Национальная конфедерация промышленности Бразилии с помощью Национальной службы про-

изводственного обучения (SENAI) и Социальной службы промышленности (SESI) запустили так называемый «Инновационный призыв к промышленности», целью которого является финансирование развития инноваций и повышение эффективности деятельности бразильских промышленных компаний. В марте 2020 года, Национальной конфедерацией промышленности Бразилии были созданы новые проекты, на которые было выделено 30 миллионов бразильских реалов для решения проблем различных категорий, включая проблемы, вызванные пандемией коронавирусной инфекции (COVID-19).

Несмотря на важность частных инвестиций, любая страна, финансирующая инновации, требует прямого и косвенного участия государственного сектора. Страны по всему миру инвестируют государственные ресурсы в исследовательскую деятельность, проводимую университетами, научно-исследовательскими институтами и компаниями. Государственные ресурсы необходимы для получения новых знаний и сокращения рисков, связанных с частными исследованиями. Кроме того, существуют также косвенные механизмы, направленные на стимулирование частных инвестиций в НИОКР.

За последние 20 лет Бразилия разработала несколько государственных стратегий и инструментов для финансирования и поддержки инноваций. Правительство создало кредитные программы, налоговые льготы, гранты для исследовательских проектов в компаниях, механизмы предоставления начального капитала и инвестиции в стартапы, в дополнение к традиционным грантам на исследования в университетах и государственных институтах.

Например, в области здравоохранения Бразилия создала широкую систему государственных исследовательских лабораторий, таких как Фонд Освальдо Круса, Институт Адольфо Лутца и Институт Бутантан, и прочее. Эта система превратила страну в важный центр эпидемиологических ис-

следований, который сыграл решающую роль в преодолении кризиса COVID-19.

В настоящее время финансовый кризис ставит под угрозу прогресс, достигнутый различными правительствами за последние десятилетия. Уровень государственных инвестиций в НИОКР ниже, чем 20 лет назад, и многие государственные меры по финансированию инноваций сокращаются или находятся под угрозой приостановки.

Так, в 2020 году Глобальный инновационный индекс был посвящен теме «Кто будет финансировать инновации?», в которой были представлены текущее состояние и эволюция механизмов финансовой поддержки, а также анализ необходимых достижений и остающихся проблем. Обсуждение этой темы имеет фундаментальное значение для инновационных усилий бизнеса и для определения государственной инновационной политики.

При поддержке лидеров ассоциации «Бизнес за мобилизацию инноваций» (MEI) Национальная конфедерация промышленности Бразилии по-прежнему остается приверженной цели обеспечения ресурсами инновационной деятельности и гарантирует, что государственная политика в этой области систематически оценивается на основе фактических данных и научных результатов. Отметим, что такая оценка это действенный способ превратить инновации в основу инклюзивного и устойчивого развития страны.

Индия. Индия вступила на путь создания благоприятных условий для бизнеса, создав экосистему, способствующую развитию инноваций. Правительство Индии выдвинуло несколько важных инициатив по стимулированию инноваций, таких как инициатива Startup India initiative, программа Управления главного научного советника правительства Индии AGNI, Atal Tinkering Labs, новая политика в области прав интеллектуальной собственности, Миссия «Умный город» и др. Все эти инициативы в сочетании с феноменальными научными исследованиями укрепляют позиции Индии как центра инноваций и знаний. Однако финансовый аспект играет решающую роль в плодотворности этих инновационных усилий.

Различные налоговые льготы предлагаются Департаментом научных и промышленных исследований (DSIR) Правительства Индии в деятельности по реализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых научными учреждениями и практиками для поддержки и успешного развития инноваций.

В частности, Совет по развитию технологий (TDB) – важная заинтересованная сторона в индийской инновационной экосистеме – предоставляет льготные кредиты и способствует развитию индийской промышленности путем разработки и коммерциализации местных технологий и адаптации импортных технологий для внутреннего применения. Совет по содействию исследованиям в биотехнологической сфере (BIRAC) поддерживает высокорисковые стартапы из академических кругов, стартапы или инкубаторы, у которых есть неординарные идеи на стадии зарождения или планирования.

В Индии наблюдается феноменальный рост частного и иностранного частного акционерного, венчурного капитала. Правительство также играет важную роль в создании и развитии отраслевого сегмента путем различных налоговых льгот.

Кроме того, финансовые учреждения, такие как Банк промышленного развития Индии и Банк развития малых предприятий Индии оказывают поддержку инновациям и коммерциализации инновационных технологий. Например, Банк развития малых предприятий Индии управляет индийским инновационным фондом – зарегистрированным венчурным фондом, который инвестирует в молодые инновационные индийские фирмы.

Несмотря на наличие нескольких инструментов, многие блестящие идеи предпринимателей, особенно на начальном уровне, не воплощаются в жизнь из-за их неспособности получить доступ к надлежащему уровню финансирования. Поэтому крайне важно, чтобы все потенциальные идеи, даже из самых отдаленных уголков мира, имели возможность быть реализованными и поддержанными. Эпоха глобализации требует разработки надежного механизма отбора технологий и финансирования, с помощью которого лучшие идеи по всему миру могли бы быть отобраны и возвращены от этапа концепции до коммерциализации. Кроме того, существует острая потребность в крупномасштабном государственном гранте для поддержки высокорисковых инноваций с сильным бизнес-потенциалом.

Отчет о Глобальном инновационном индексе (ГИ) за 2020 год дает ценную информацию об инновационных моделях стран и позиции каждой страны по различным инновационным показателям. Глобальный инновационный индекс сыграл важную роль для Индии в формировании ее политики и разработке действенной программы повышения эффективности инноваций.

Пандемия коронавирусной болезни (COVID-19) вызвала широкомасштабные сбои, оказав негативное влияние на глобальный бизнес и экономику [5]. По мере того, как мир приспосабливается к своей новой реальности, бизнес лидерам необходимо использовать самые инновационные технологии, чтобы повысить устойчивость и выйти из кризиса более сильными. Правительства по всему миру работают, разрабатывая фискальные стимулы путем снижения процентных ставок, корректировки налогов и введения моратория на взыскание долгов по кредитам. Правительство Индии также занимается разработкой стимулов для начинающих компаний, предпринимателей и других компаний с высоким риском, чтобы помочь ослабить последствия вспышки коронавируса. Все такие инициативы будут иметь большое значение для смягчения последствий нарушения индийской инновационной экосистемы.

Пристатейный библиографический список

1. Hall B. & Lerner J. The Financing of R&D and Innovation. In B. Hall & N. Rosenberg (Eds.), Handbook of the Economics of Innovation (609–639). Amsterdam: Elsevier, 2010.
2. Lerner J., & Schoar A. Introduction. In J. Lerner & A. Schoar (Eds.), International Differences in Entrepreneurship (1-13). Chicago: University of Chicago Press, 2010.
3. Sheikh, Fayaz Ahmad. «Science, Technology and Innovation Policy 2013 of India and Informal Sector Innovations» // Current Science. - 2014. - Vol. 106. - № 1. - P. 21-23.
4. Mashelkar R. A. From Imitation to Innovation // India International Centre Quarterly. - 2006. - Vol. 33. - № 3/4. - P. 172-181.
5. Danish Institute for International Studies. “COVID-19: Impact and innovative responses.” Innovative responses to COVID-19: Future Pathways for ‘Techvelopment’ and Innovation // Danish Institute for International Studies. - 2020. - P. 9-28.

НИГМАТУЛЛИН Шамиль Ирекович

аспирант Уфимского государственного нефтяного технического университета

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ*

В условиях современных тенденций движущей силой социально-экономического развития являются инновации, определяющие сценарии инновационного развития общества. В статье представлена эволюция подходов к вопросам инновационного развития, рассмотрены основные положительные и отрицательные стороны российского инновационного развития. Автором проведен анализ развития инновационных процессов в России через индикаторы уровня инновационной активности, инновационной производительности и затрат на инновации, отражающие уровень стабильности, баланса явлений и процессов, оказывающих влияние на развитие инновационных процессов в стране.

Ключевые слова: инновации, развитие региона, инновационное развитие, инновационная деятельность, инновационный процесс, индикаторы.

NIGMATULLIN Shamil Irekovich

postgraduate student of the Ufa State Petroleum Technological University

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF INNOVATION PROCESSES IN THE REGION **

In the conditions of modern trends, the driving force of socio-economic development is innovation, which determines the scenarios of innovative development of society. The article presents the evolution of approaches to the issues of innovative development, examines the main positive and negative aspects of Russian innovative development. The author analyzes the development of innovation processes in Russia through indicators of the level of innovation activity, innovation productivity and innovation costs, reflecting the level of stability, balance of phenomena and processes that affect the development of innovation processes in the country.

Keywords: innovation, regional development, innovative development, innovative activity, innovation process, indicators.

При современных условиях развития общественных отношений, экономика, приобретая черты инновационной экономики, дает импульс созданию и практической реализации новшеств, которые обеспечивают повышение качества и конкурентоспособности продукции, создают преимущества в виде сокращения расходов и длительности производственно-коммерческого цикла производства продукции, но, что является самым главным, способствуют появлению наукоемких технологий, производству высокотехнологичной продукции, появлению высокопроизводительных рабочих мест, возникновению технико-технологических ноу-хау.

В современных представлениях скорость развития инновационных процессов определяет создание новых знаний, приобретение новых способностей и умений, формирование новых компетенций, повышая эффективность элементов действующей экономической системы [1].

Представленные в таблице 1 теоретические направления развития экономической науки, показывают вклад представителей-исследователей в развитие концептуальных основ теории инноваций.

Путь воплощения идеи в инновацию не автономен, он лежит через согласованные действия участников инновационного процесса, гибко приспособляемых к появлению новых технологических решений, координирующих усилия в иницировании инноваций и получении эффекта на уровне региона или страны [3].

Основываясь на опубликованных исследованиях, проведенных в рамках проекта НИУ ВШЭ «Исследование активности субъектов инновационного процесса: возможности применения новых методологических подходов»¹, в 2020 году

были обозначены основные положительные и отрицательные стороны российского инновационного развития.

К положительным относятся:

- 1) рост человеческого капитала и науки;
- 2) повышение уровня развития бизнеса в стране;
- 3) рост уровня технологического развития и экономики.

К отрицательным аналитики относят следующие:

- 1) отсталый уровень развития институтов;
- 2) несовершенство правового регулирования инновационной деятельности в регионах;
- 3) политическая и макроэкономическая нестабильность;
- 4) снижение уровня развития рынка инноваций;
- 5) снижение развития инновационной инфраструктуры.

Проведем анализ показателей, отражающих развитие инновационных процессов в РФ на основе официальных данных о науке и инновациях и макроэкономических показателях Росстата РФ, а также данные ежегодных статистических сборников НИУ ВШЭ².

В анализируемый период с 2016 по 2020 год уровень инновационной активности организаций промышленного сектора варьировался в значениях, не превышающих 20 %. Среди других отраслей, представленных в таблице 2, это наиболее высокий результат. Последующее снижение показателя обуславливается преимущественно снижением интенсивности

процесса: возможности применения новых методологических подходов». Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Наука. Технология. Инновации. Экспресс-информация института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. Дата выпуска 13.02.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/242165289.html>.

2 Статистические сборники НИУ ВШЭ «Индикаторы инновационной деятельности» за 2016 – 2021 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/primarydata/ii> (дата обращения: 14.02.2022).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90037/19.

** The reported study was funded by RFBR, project number 19-310-90037/19.

1 Расчеты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ по данным Росстата; результаты проекта «Исследование активности субъектов инновационного про-

Таблица 1. Эволюция подходов к вопросам инновационного развития [2]

Направление экономической мысли	Представители	Вклад в исследования инновационного развития
Классическая экономическая теория	А. Смит, Д. Рикардо и др.	В рамках данного направления было проведено исследование взаимосвязи разделения труда и механизацией труда. Сформулирована модель устойчивого экономического роста: разделение труда → производительность труда → доход → механизация → НТП.
Комбинаторный подход	Й. Шумпетер, Ф. Хайек и др.	Инновация — это аналог конкуренции, но более высокого уровня, чем ценовая конкуренция. Обозначены такие особенности развития экономической системы как ограниченный уровень информационного обеспечения, неопределенность условий, обеспечивающих базу инновационного процесса.
Подход, основанный на циклах	Н. Кондратьев	В основе теории больших циклов или так называемых длинных волн установлено, что существующий экономический цикл продолжается порядка 50-60 лет и переходит в новый цикл, если созданы условия для накопления изобретений и массового их внедрения в общество, то есть в основе изменения циклов лежит научно-технический прогресс.
Неоклассическая теория	Р. Солоу, А. Янг, Н. Калдор	Предложена функциональная зависимость Кобба-Дугласа взамен В. Леонтьева, показывающая взаимозаменяемость главных факторов производства – капитала и труда. В основе данной теории лежит научно-технический прогресс как условие обеспечения устойчивого экономического роста и повышения уровня жизни общества.
Теория эндогенного роста	П. Ромер и Дж. Хикс	В рамках данной теории экономическая динамика обеспечивается развитием инновационных технологий и происходит аккумуляция накопленного капитала знаний. Это позволяет обеспечить рост одного сектора, который ускоряет рост другого сектора, что в свою очередь поддерживается развитие всей экономической системы
Эволюционный подход	Р. Нельсон, С. Винтер	Определено, что инновации определяют необратимый переворот в экономике и обществе. В соответствии с данным подходом под экономическими агентами понимаются предприятия, обладающие ограниченной возможностью всех вариантов развития. Выбирается тот вариант, который заранее предопределяет уровень доходности вложенного капитала. Представители данного подхода представляют технологии как генератор общественных знаний, которые обладают как частным, так специфическим характером.

Таблица 2. Уровень инновационной активности организаций, %

Отрасль	2016	2017	2018	2019	2020	Изменение, % (2020/2016)
Промышленное производство	10,5	17,8	15,6	15,1	16,2	154
Строительство	1,5	9,6	7,6	3,7	3,9	260
Сельское хозяйство	4,0	4,6	4,2	4,2	6,6	165

инновационных процессов в среднетехнологичных производствах.

Как показали результаты анализа, представленные на рисунке 1, инновационная активность строительной отрасли также начиная с 2017 года снижается. Основной причиной снижения является отсутствие реализации инноваций на строительном рынке из-за неразвитой градостроительной среды. Рост показателя в период 2016-2017 связан с восстановлением положительной динамики роста прямых иностранных инвестиций в российскую экономику.

В научно-технической сфере за период с 2013 года по 2020 год наблюдается дисбаланс источников финансирования затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Преобладающую долю занимает средства федерального бюджета, выделяемые на финансирование науки и инноваций, которая составляет 60 %, доля внебюджетного финансирования составляет 40 %. На протяжении всего анализируемого периода данное соотношение практически не изменялось в пользу увеличения внебюджетных источников финансирования [4].

Затраты на технологические инновации преимущественно связаны с внедрением нововведений, нацеленных на повышение

эффективности производственных процессов. В период 2016-2020 затраты на инвестиционную деятельность промышленного производства имели положительную тенденцию (таблица 3).

Значительное снижение затрат на инвестиционную деятельность строительной отрасли в 2020 связывают с влиянием COVID-19. Для сдерживания распространения эпидемии в России, как и во многих странах, был принят ряд мер по ограничению экономической активности, в том числе приостановка работы предприятий в конце марта – мае, а также введение режима самоизоляции населения.

В настоящее время намечалась положительная тенденция в увеличении объема производства и реализации сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, поэтому затраты на инвестиционную деятельность в сельском хозяйстве, в сущности, практически стабильны, имея лишь колебание в 2020 году из-за пандемии.

В рейтинге ведущих стран мира по величине внутренних затрат на исследования и разработки в расчете по паритету покупательной способности национальных валют Россия занимает девятое место. Их объем в 2020 г. составил 45382,5 миллионов долларов. В пятерку лидеров входят США, Китай, Япония, Германия и Республика Корея (таблица 4).

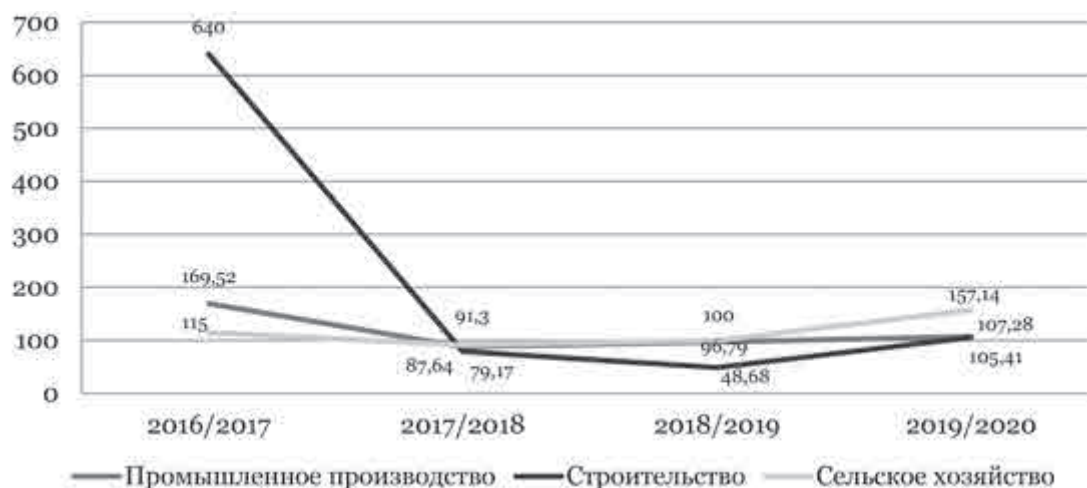

Рисунок 1. Изменение уровня инновационной активности организаций, %

Таблица 3. Затраты на инновационную деятельность, млн. руб.

Отрасль	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Изменение (2020/2016), %
Промышленное производство	787232,5	856794,0	893881,3	984315,5	1168528,8	148,44
Строительство	7,3	196,4	49,7	10,9	13,5	184,9
Сельское хозяйство	15073,6	15942,0	22033,3	49393,2	39692,8	263,33

Таблица 4. Внутренние затраты на исследования и разработки по странам, млн. долл.

Страна	2000 г.	2010 г.	2020 г.	Позиция страны
США	269513,0	410093,0	657459,0	1
Китай	32936,6	212138,3	525693,4	2
Япония	98918,3	140565,6	173267,1	3
Германия	530908,7	87036,2	148149,8	4
Республика Корея	18521,1	52165,7	102521,4	5
Франция	33284,7	50901,5	73286,5	6
Индия	16761,4	41232,6	58721,4	7
Великобритания	25156,7	37568,4	56935,7	8
Россия	10504,4	33080,9	45382,5	9
Тайвань	9158,1	25043,0	44014,3	10
Италия	15478,4	25403,1	39279,4	11
Бразилия	16589,9	32461,8	36315,5	12
Канада	16745,4	24898,2	31031,0	13

Стоит отметить, что в 2010 и 2000 годах лидерские позиции были у тех же стран, что и в 2020 году. Значит можно предположить, что эта тенденция будет сохраняться и дальше. США, Китай и Япония ежегодно направляют не менее 15 % средств бюджета на исследования и разработки. Возможно, что Россия в последующие годы попытается подняться на несколько строчек выше в этом рейтинге.

Самые наименьшие затраты у Канады, Бразилии, Италии и Тайваня. С 2000 года эти страны не вкладывают большие средства в инновационные исследования. Можно предположить, что это связано с небольшими национальными доходами.

Проведенный анализ развития инновационных процессов в России через индикаторы уровня инновационной активности, инновационной производительности и емкости затрат на инновации позволяет оценить уровень стабильности, интеграции, баланса, цикличности, агрегирования явлений и процессов, оказывающих влияние на развитие инновационных процессов в стране.

Приставительный библиографический список

1. Лейберт Т.Б., Третьяков К.А. Управление инновационными процессами развития предприятий. – Монография. – Уфа, 2012. – С. 91.
2. Статистика науки и инноваций: краткий терминологический словарь/под ред. Л.М. Гохберга. – М.: ЦИСН, 1996. – С. 129.
3. Нигматуллин Ш.И. Анализ инновационного развития регионов России // Аудит и финансовый анализ. – 2020. – № 5. – С. 144-147.
4. Родионова Л.Н., Руднева Ю.Р. Управление инновациями: экономические аспекты. – Монография. – Уфа, 2009. – С. 248.

КИЗЬКО Илья Петрович

магистрант 2 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

СТАДИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ОРГАНИЗАЦИИ: АНАЛИЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

В настоящей работе рассматриваются наиболее известные менеджериальные модели жизненного цикла организации (ЖЦО) и финансовые методы их идентификации. На основании метода знаков денежных потоков приводится распределение российских публичных компаний. Показано, что в период до 2020 года количество растущих компаний сократилось в два раза. Отмечается переход большого количества компаний на стадиях Роста и Зрелости к Спаду в 2014-2016 годах. Показана также тенденция на постепенное изменение распределения на рынке в направлении к стадии Зрелости, которая существует с 2019 года. Ключевой вызов российского публичного рынка – мотивация появления компаний на стадии Роста и увеличения их числа.

Ключевые слова: ЖЦО, жизненный цикл.

KIZKO Ilya Petrovich

magister student of the 2nd course of the National Research University "Higher School of Economics"

CORPORATE LIFE CYCLE: THE DISTRIBUTION ON THE RUSSIAN MARKET

In this article we review most known managerial models of Corporate life cycle theory and the financial methods of stage identification. Using the cash flow sign method, we show the distribution for Russian public companies. We show that the number of growing companies on the Russian market has dropped two times by 2020. Also, we show the switch made by companies from Growth and Maturity to Decline stage in 2014-2016. A tendency of return to Maturity is observed since 2019. The key challenge of the Russian market is to motivate the emergence of Growth stage companies.

Keywords: corporate life cycle, life cycle.

Кизько И. П.

Теория жизненного цикла организации (ЖЦО) является одним из набирающих популярность инструментов для изучения деятельности компаний, их устройства и внутренних процессов, коммерческой и финансовой деятельности. Будучи созданной как учение в области прикладного менеджмента, она получила дальнейшее развитие в микроэкономических, маркетинговых, финансовых и других исследованиях компаний и корпораций.

Ключевым преимуществом и мотивацией к использованию данной теории при исследовании деятельности компаний является то, что ЖЦО, в отличие от других финансовых и нефинансовых показателей, может самостоятельно описывать текущее состояние компании, наиболее вероятные приоритеты развития, уровень корпоративного управления и вероятные последствия. Это полезно при изучении крупных выборок (рынков в целом, отраслевых кластеров), так как позволяет делать выводы на основе одного фактора.

К ключевым менеджериальным моделям ЖЦО относятся исследования Грейнера, Адизеса и Миллера-Фрейзена. Модель Грейнера появилась в 1972 году, в ней выделяются пять стадий: создание, управление, делегирование, координирование, партнерство. Завершаясь, каждая стадия предусматривает прохождение через кризисную точку, создавая таким образом периоды роста и спада. К

ключевым факторам для стадии относятся возраст, размер, рост отрасли, эволюционные и революционные изменения. Важное ограничение модели состоит в том, что она не предусматривает разрушения компании.

Одна из наиболее известных теорий предложена И. Адизесом, она представляет собой модель из 10 стадий (от создания идеи до разрушения организации), природа которой имеет сходство с жизненным циклом человека. Ключевая мысль заключается в том, что стадия определяет фокус внимания компании (например, для Роста это выручка, для Зрелости – прибыль), способность переносить изменения (высокая для стадии Зрелости и низкая для Спада), преобладающий тип лидерства. Модель также допускает разрушение компании до перехода к Зрелости за счет попадания в «проблемы-ловушки» и возможность возврата к предыдущим стадиям цикла.

Модель Миллера-Фрейзена является еще одной известной теорией, в которой распределение основано на рыночном положении компании в процессе развития. В частности, для стадии Зарождения характерно «выживание» компании, для Роста – признание ценности продукта, для Зрелости – стабилизация уровня продаж, а для Спада – развитие бюрократизации и разрушение. Рассмотренные модели ЖЦО нашли широкое применение в области прикладного менеджмента, а также стали бази-

Таблица 1

Стадии ЖЦО	Рост	Зрелость	Спад
DP	Низкий	Средний	Высокий
SG	Высокий	Средний	Низкий
CEV	Высокий	Средний	Низкий
AGE	Низкий	Средний	Высокий

Таблица 2

Стадия	Операционный	Финансовый	Инвестиционный
Зарождение	–	+	–
Рост	+	+	–
Зрелость	+	–	–
Перелом	+	–	+
Спад	–	–	+

сом для исследований в смежных отраслях – в том числе, в области прикладных финансов.

Равно как и управленческая деятельность и рыночное поведение, финансовые процессы в компаниях при продвижении по стадиям ЖЦО протекают по-разному. Это обстоятельство отмечено во множестве работ и позволило сформулировать финансовые модели идентификации стадии цикла. Такие модели принято разделять на две группы: методики, в которых стадия компании определяется вне зависимости от внешних факторов и рынка, и методы, показывающие распределение на основе ранжирования конкретного показателя.

К наиболее известным методам второй группы относят исследование Энтони и Рамеша, в котором компании относят к одной из трех стадий (Рост, Зрелость, Спад) на основании значений следующих величин: объем дивидендов в чистой прибыли (DP), темпы роста продаж (SG), капитальные затраты к стоимости компании (CEV) и возраст фирмы (AGE). Изначально компании распределяются по каждому показателю, определялся средний балл, после чего оценивается стадия ЖЦО. (См. табл. 1.)

Преимуществом метода (и одновременно его недостатком) является естественная «нормировка» результатов – то есть, используя его сложно оценить «абсолютное» состояние рынка и динамику его изменения, поскольку значение показателей компаний оценивается относительно самих себя.

Пожалуй, один из самых признанных и применяемых методов идентификации стадий был предложен в работе В. Дикинсон, который основан на анализе знаков денежных потоков. Этот метод относится к первой группе исследований. Согласно модели, операционный поток отрицателен на стадиях Зарождения и Спада (в силу отрицательной прибыли) и положителен на стадиях Роста и Зрелости, когда деятельность компании стабильна. Инвестиционный поток отрицателен на всех стадиях, когда компания развивается и растет (т.е., все кроме Спада). Финансовый поток положителен для стадий Зарождения и Роста (когда компании активно привлекают заимство-

вания) и отрицателен на стадиях Зрелости и Спада (когда фирмы обладают соответствующими активами для возврата обязательств). Также Дикинсон предусматривает стадию «Перелома», расположенную между зрелостью и спадом, в период которой компании необходимо совершать инвестиционные затраты и реорганизацию для возврата к росту. В случае удачного прохождения стадии компания продолжает развитие, а в обратном – разрушается. (См. табл. 2.)

Для целей нашего исследования мы использовали метод Дикинсон, объединив стадии Зарождения и Роста, а также исключив стадию Перелома. Нами были получены данные финансовой отчетности 170 публичных российских компаний из базы данных Блумберг за 2012-2020 годы.

Представим отраслевое распределение отобранных компаний (классификация Блумберг). (См. рис. 1.)

Рассмотрим результаты распределения компаний по стадиям ЖЦО. (См. табл. 3.)

Согласно нашим результатам, на всем рассматриваемом периоде количество компаний на стадии Роста сокращалось, при этом в 2012-2016 годах их количество превышало треть рынка. В период с 2013 по 2015 годы доминирующей являлась стадия Зрелости, однако в дальнейшем большая часть компаний перешла на стадию Спада. Необходимо отметить, что процесс перехода продлился до 2017 года, после чего распределение стало вновь стабильным. Мы считаем, что причинной данного «смещения» являлся экономический кризис, начавшийся в 2014 году и продлившийся до середины 2016 года – в связи с постепенным разрушением устоявшихся рыночных реалий, компаниям приходилось изменять свою деятельность: адаптироваться к новым рынкам, вносить изменения в продукт, заниматься импортозамещением и др., и, вероятно, не всем компаниям удалось успешно это сделать. Также стоит отметить, что большая часть рассматриваемых компаний относится к реальному сектору, что тоже может объяснять сложность быстрой адаптации (в сравнении, например, с технологическими компаниями).

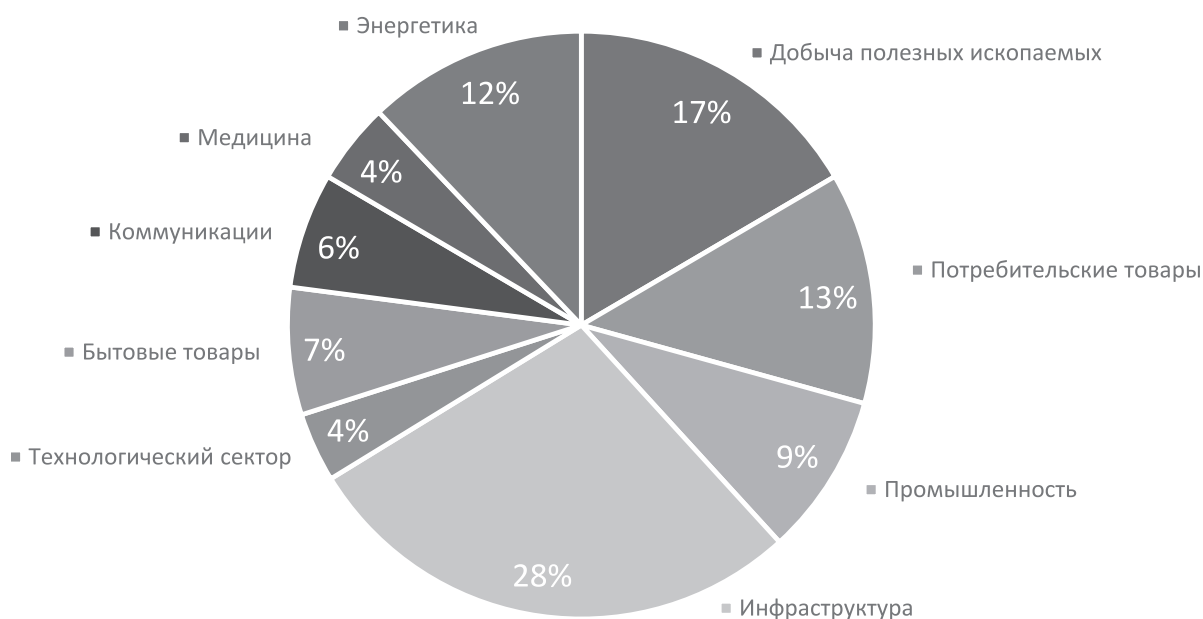

Рисунок 1.

Таблица 3

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Рост	63	73	62	61	59	36	32	33	31
Зрелость	52	77	80	68	63	40	52	57	60
Спад	14	19	19	36	55	85	84	70	69

Тем не менее, после 2016 года наблюдается положительный тренд на возвращение компаний на стадию Зрелости и снижение количества фирм на стадии Спада.

Мы считаем, что ключевой задачей отечественной экономики является стимулирование перехода компаний к Росту. Очевидно, что на текущий момент доля растущих компаний незначительна (менее трети), а тенденция 2012-2016 годов, к сожалению, была утрачена. В определенном смысле сейчас наблюдается «старение» российского рынка, поскольку компании на стадии Зрелости и Спада, как правило, не способны создавать внедрять достаточно инноваций в экономическую деятельность.

Пристатейный библиографический список

1. Anthony J., Ramesh K. Association between accounting performance measures and stock prices-A test of the life cycle hypothesis. // Journal of Accounting and Economics. – 1992. – № 15. – P. 203-227.
2. Dickinson V. Future Profitability and the Role of Firm Life Cycle. – 2006.
3. Grabowski H., Mueller D. Life-Cycle Effects on Corporate Returns on Retentions. // The Review of Economics and Statistics. – 1975. – Vol. 57. – № 4. – P. 400-409.
4. Miller D., Friesen P.A. longitudinal Study of the Corporate Life Cycle // Management Science. – 1984. – № 30 (10). – P. 1161-1183.
5. Адизес И. Жизненный цикл организаций. – 1998.

ПЯТАК Никита Андреевич

аспирант РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ АЭРОПОРТОВ

В последнее время авиатранспортная отрасль становится наиболее привлекательной для развития государственной экономики. Правительства различных стран стараются моделировать развитие авиационной деятельности за счет введения различных инноваций и усовершенствования градообразующих авиапредприятий. Это позволяет взглянуть на аэропорт, как на сегмент экономической прибыли. В современном мире уже сложно представить путешествия поездом или автобусом, все чаще люди прибегают к выбору авиационной транспортировки. Это и дает нам повод разобрать модели управления аэропортом, их цели и задачи.

Ключевые слова: аэропорт, экономика, авиация, управление.

RYATAK Nikita Andreevich

postgraduate student of the RANEPA under the President of the Russian Federation

MODERN FORMS OF AIRPORT OWNERSHIP AND AIRPORT'S MANAGEMENT

Recently, the air transport industry has become the most attractive for the development of the state economy. Governments of various countries are trying to model the development of aviation activities by introducing various innovations and improving the city-forming aviation enterprises. This allows us to look at the Airport as a segment of economic profit. In the modern world, it is already difficult to imagine traveling by train or bus, more and more people are resorting to the choice of air transportation. This gives us a reason to analyze airport management models, their goals and objectives.

Keywords. Airport, economy, aviation, management.

Актуальность данной темы обусловлена чрезвычайным интересом со стороны правительства и частных инвесторов к развитию авиационного сегмента в Российской Федерации. Чтобы приоткрыть занавес и более подробно узнать структуру и форму собственности аэропортового сектора экономики, предлагаю более подробно изучить данный материал.

Государственная политика в области управления аэропортами во многом предопределена формами собственности, которые преобладают в той или иной стране. Структура собственности аэропорта определяет, работает ли он как коммерческое предприятие или нет. Если аэропорт работает как коммерческое предприятие, то очевидно, что оператор (обслуживающая компания) аэропорта стремится максимизировать доходы акционеров. Аэропорты могут находиться в собственности или управляться правительством, частным сектором или комбинацией обеих. Как результат, большинство основных международных аэропортов можно категоризовать следующим образом:

- находится в собственности и под управлением государства (publically owned and operated);
- находится в собственности государства и управляется независимыми некоммерческими корпорациями;
- акционирован, находится в собственности и под управлением государства
- отдан в концессию (concessioned);
- частично приватизирован (partially privatized);
- полностью приватизирован (fully privatized).

Аэропорты, находящиеся в собственности и под управлением государства – это аэропорты, которые находятся в собственности и под управлением правительства страны, в которой расположен аэропорт. Это определение не делает различий между уровнями правительств (например, муниципальное или федеральное) или теми случаями, когда

собственность и управление распределены между разными уровнями правительства, а также включает общественный характер все еще независимых аэропортов, которым правительство передает собственность или ответственность за эксплуатацию аэропорта. Цели аэропортов, которые являются общественной собственностью и управляются государством, значительно отличаются от целей частных аэропортов. В фокусе, помимо максимизации доходов владельцев аэропортов, могут быть некоммерческие цели – такие, как обеспечение благосостояния различных заинтересованных сторон. Gillen (2010) утверждает, что для таких аэропортов, «наблюдается несогласованность между авиационной политикой и эффективностью использования аэропортовых активов». Эта структура собственности принята всеми системами аэропортов в таких странах, как Испания, Португалия, Норвегия и Финляндия. В то же время, несмотря на долю частной аэропортовой собственности, один или более аэропортов в Швейцарии, Китае, Индонезии, Бахрейне, Катаре, Дубае, Японии и Сингапуре остаются в государственной собственности.

Аэропорты в США также находятся в государственной собственности и управлении. Однако оператор аэропорта фактически передает большинство функций, оставляя себе лишь малую часть. Часто это приводит к вертикальной интеграции с особым вниманием к авиационному рынку, в котором авиакомпания фактически участвуют в совместных предприятиях с аэропортом.

Государственная собственность, управляемая независимыми некоммерческими компаниями – это управление аэропортом независимой некоммерческой компанией, что представляет собой, по сути, уникальную канадскую модель. Канадская аэропортовая администрация (CAA) управляет аэропортами на основе 60-летних арендных соглашений. Взамен некоммерческие организации платят ежегодную земельную ренту Министерству транспорта Канады. Некоторые

аэропорты остаются под прямым контролем Министерства транспорта. Цель максимизации прибыли однозначно отсутствует у аэропортов, которые находятся в государственной собственности и управляются некоммерческой корпорацией. Эти аэропорты имеют цели, обозначенные в контрактах с правительством. Они содержат техническое обслуживание доходной базы и некоммерческие цели, такие как поддержка роста авиационных поездок, региональное развитие и устойчивое финансовое управление, а также управление окружающей средой, включающее в себя развитие инфраструктуры региона, округа, где располагается аэропорт.

Государственная собственность и управление (акционированное) – во многих случаях аэропорт остается в государственной собственности, но акционирован. Это подразумевает, что операторы аэропортов как коммерческие предприятия имеют целью обеспечить возврат инвестиций. Примеры модели – аэропорт Singapore's Changi и Norway's Avinor AS (оператор международного аэропорта Осло). Приведем пример высокодоходных государственных аэропортов и операторов. Аэропорт Манчестера в Великобритании полностью находится в собственности города Манчестера и различных местных советов, и, очевидно, имеет цель по максимизации прибыли. В результате прибыльности он растет и приобретает доли в других аэропортах земного шара.

Аэропорты в концессии – концессии означают продажу правительством права управления аэропортом частному оператору на определенный период времени. Их характерная особенность в том, что мотивом правительства является передача частному сектору права управления, но не собственности. Несмотря на то, что аэропорт остается в государственной собственности, оператор стремится принести доход своим владельцам. Фактически оператор аэропорта ограничен условиями концессии. В прочих случаях они могут взимать плату за предоставление авиационных услуг как собственник. Концессии особенно часто встречаются в Южной Америке, где Аргентина, Чили, Уругвай и Перу продали права на управление в одном или нескольких аэропортах частным лицам. Стамбульский аэропорт, международный грузовой аэропорт в Египте и международный аэропорт King Khalid в Саудовской Аравии также находятся в концессии.

Вариантом аэропортовой концессии является концессия «строительство-эксплуатация-передача» (BOT), которая дает частной компании права строить или достраивать аэропорт, а также эксплуатировать его в течение оговоренного срока, прежде чем он будет возвращен правительству. В Индии BOT-концессии были внедрены в New Delhi Indira Gandhi International Airport и Mumbai International Airport. Право на концессию может длиться относительно короткий период – несколько лет, или относительно долго, как, например, в Мехико, где Aeropuertos del Sureste de Mexico (ASUR) получила в 50-летнюю концессию более девяти аэропортам, включая Канкун. В Индии и New Delhi Indira Gandhi International Airport, и Mumbai International Airport управляются частными компаниями на условиях аренды на 30 лет. Аэропортовым властям принадлежит по 25% в каждой из компаний.

В некоторых случаях право на управление аэропортом может быть бессрочным¹. В таком случае право компании

управлять аэропортом определено более четко, чем право владения.

В Азии такая структура владения становится более популярной и часто связана с частичной приватизацией компании, управляющей аэропортом, хотя аэропорт и остается государственным активом. Malaysia Airports Berhad, который управляет, но не владеет 20 аэропортами, включая Kuala Lumpur International Airport, примерно на $\frac{3}{4}$ находится в государственной собственности. В Таиланде правительству принадлежит примерно 70% компании Airports of Thailand, которая управляет пятью главными аэропортами Таиланда.

Частично приватизированные аэропорты – частичная приватизация аэропортов означает частичную передачу собственности аэропорта из государственного сектора в частный. Это может осуществляться посредством размещения акций на публичном рынке или путем их закрытой продажи. Необходимо учитывать, что поскольку частный сектор преследует возврат инвестиций, фокус аэропорта сместится на получение дохода для акционеров. В случае Ciampino and Fiumicino International Airports в Италии, Vienna International в Австрии, Brussels Airport в Бельгии, Copenhagen International в Дании, Окленд и Веллингтон в Новой Зеландии частный сектор получает контрольный пакет аэропорта, в то время как соответствующее правительство является миноритарным акционером.

С другой стороны, большинство главных аэропортов в Германии остаются государственными, а частный сектор является миноритарным акционером. То же можно сказать и о Charles de Gaulle International (Франция), Malpensa International (Италия), Birmingham (Великобритания) и Athens International (Греция).

Частичная государственная собственность не обязана ограничивать мотив к получению прибыли. Несмотря на более чем 50% долю государства, Fraport Ag расширил свое присутствие в Болгарии, Индии, Саудовской Аравии, Китае и Перу. Схипхол, так же, как и остальные аэропорты Голландии, принадлежат Schiphol Group, который в свою очередь принадлежит государству Дания, городам Амстердам и Роттердам, а около 8% принадлежат Aeroports de Paris (AoP). Schiphol Group расширяет свои интересы в Северной Америке, Европе и Австралии.

Частные аэропорты – аэропорт является частным, если собственность полностью передана частному сектору. В этом случае процесс передачи может быть осуществлен либо через публичное размещение, либо через закрытые торги. Аэропорт полностью принадлежит и управляется частными компаниями и обязан максимизировать прибыль акционеров. В результате основные управленческие решения направлены на обеспечение создания прибыли в краткосрочном и долгосрочном периодах. В большинстве случаев передача аэропорта частным лицам есть предмет специальных условий. Текущие операции в аэропорту, как правило, регулируются обслуживающей компанией аэропорта.

Недавний тренд по направлению к приватизации замедлился (ACI 2010). Это может быть объяснено недавними мировыми экономическими событиями, которые отрица-

¹ В последние годы стали гораздо чаще заключаться контракты типа BOO и ROO, предусматривающие, что эксплуатируемый концессионером объект возвращается концеденту только в том случае, если концессионер нарушает условия концессионного

договора, относящиеся прежде всего к эксплуатации объекта и порядку ценообразования. Речь здесь идет о так называемой «бессрочной концессии», или «мягкой» приватизации, как ее иногда называют. Кроме того, на основе классических формул возникли контракты типа DBOT, предполагающие проведение строительства, на основе разработанного самим концессионером проекта.

тельно сказались на стоимости и доступности финансирования для крупных проектов и снизили ожидаемые цены продаж. Например, 30%-й пакет испанского аэропортового оператора (AENA) был выставлен на продажу в 2018 году, но позже отложен до улучшения рыночных условий. Кроме того, вопрос о том, примет ли правительство предложение продать больше своей доли в Schipol, до сих пор не решен. Сделка по приватизации чикагского аэропорта О'Хара провалилась в 2019 году. Тем не менее, глобальный финансовый кризис не помешал приватизации нескольких государственных китайских аэропортов.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в течение последних двух десятилетий в мире существовал тренд по вовлечению частного капитала в собственность и управление аэропортами. Появились формы регионального участия. Частные аэропорты наиболее характерны для Австралии и Новой Зеландии, частично приватизированные – для Европы. В Латинской Америке многие страны выбрали продажу аэропортов в концессии. В Азии, где государство играет традиционно главную роль в аэропортовом секторе, уровень частного участия повысился. В Северной Америке многие аэропорты остаются в государственной собственности. По причине возникших экономических трудностей последних нескольких лет процесс роста частного участия замедлился. Зачастую аэропорт может принадлежать одному лицу, а управляться другим. В случаях, когда аэропорт принадлежит государству и управляется государством либо принадлежит государству, а управляется некоммерческой организацией, наиболее часто встречается наличие некоммерческих целей в дополнение к получению дохода для владельцев.

Информацию о режимах регулирования в мире сложно получить, но очевидно, что вариантов регулирования довольно много. В Европе ценовое регулирование аэропортов варьируется от страны к стране. Существуют региональные соглашения по ценовой методологии, единая база по калькуляции цен и независимая регуляция. Учитывая, что ЕС принял Директиву об аэропортовых сборах, может быть увеличено соглашение по вопросам, охваченным общими рамками, такими как консультации с пользователями.

США и Канада предлагают значительную свободу аэропортам в установлении сборов. Это связано с тем, что государственные и некоммерческие организации сильно вовлечены в аэропортовый сектор. В результате аэропорты хоть частично, но имеют некоммерческие цели, отличные от получения дохода.

Новая Зеландия недавно ввела Требования по раскрытию информации, которые призваны повлиять на стимулы, возникающие у поставщика авиационных услуг. Детализируя Входные Методологии, которые регулятор использует для оценки того, имеет ли место злоупотребление рыночной властью, можно сделать вывод, что новый режим представляет собой теневое регулирование.

Производительность австралийских аэропортов постоянно росла. Исследования говорят о том, что в течение нескольких разных периодов, которые длились с 1990 по 2017 года, в дополнение к возросшей производительности, австралийские аэропорты продемонстрировали рост технологических изменений. И хотя эти исследования не проверяют того, оказывает ли нормативная среда влияние на производительность аэропортов, многие недавние работы (Assaf 2017) сопоставляют изменение производительности до и после приватизации австралийских аэропортов и отмечают, что рост

производительности оказался выше именно в послеприватизационный период.

На сегодняшний день важно постоянно анализировать информацию относительно инновационных подходов в деятельности аэропортов, а также происходящие изменения во внешних и внутренних условиях. Это позволит своевременно оценить складывающуюся вокруг компании ситуацию, вскрыть новые тенденции и скорректировать сформированные ранее проектные установки. Залог успеха во многом заключается в том, чтобы правильно провести сбор необходимых данных (сведений) и на основе этого «наладить» работу всех происходящих в компании управленческих процессов, направив их в нужное русло.

Международная практика показывает, что такая мощная отрасль как авиационный транспорт не может самостоятельно без участия и контроля со стороны государства полностью обеспечить необходимый уровень предоставляемых авиапассажирам, безопасность полетов, а также обслуживание грузов и транспортных средств. Именно в связи с этим важно в первую очередь обращать внимание государства на вопросы, которые следует регулировать. Данное направление должно представлять собой систему инструментов и мер, при помощи которых государство воздействует на работу авиапредприятий и осуществляет мониторинг их эффективности. Государство регулирует авиатранспортную отрасль за счет законодательных инициатив, обеспечивающих организацию управленческих процессов с учетом международных соглашений в области воздушного транспорта.

Пристатейный библиографический список

1. Handle with care – Europe's airport ground handling business to be liberalised further. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: centreforaviation.com.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cityofchicago.org/content/dam/city/depts/dao/general/pdf/Public_Info/Airline_Agreements/ORD_Use_Agreement.pdf.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ACRP report - Airport Cooperative Research Program, National Research Council (U.S.). Transportation Research Board, United States. Federal Aviation Administration – Google.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.flyertalk.com/forum/hertz/441156-what-airport-concession-recovery.html>.
5. Regulation, competition and network evolution in aviation (Gillen&Morrison). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: researchgate.net.
6. Airports Council International Europe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: aci-europe.org.

ВАЛЕЕВ Рамис Сагитович

магистрант Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

МАЯЦКАЯ Ольга Борисовна

кандидат философских наук, доцент Факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ

Статья посвящена изучению взаимоотношений государства и религии в современном обществе; исследуются отношения государства и различных религиозных конфессий, определяется базовое понятие «свобода совести», «светское государство». В статье автором показано, что политика и религия во всех аспектах их взаимовлияния и взаимодействия представляют собой динамичный процесс, поскольку, являясь многомерными подсистемами общества, они входят в отношения на различных уровнях культуры, деятельности, ментальности, институциональных образований и иных социальных проявлений; определено, что взаимосвязи политики и религии изменчивы как во временном измерении, так и в пространственном: человечеству известны примеры, указывающие на высокую степень взаимовлияния политики и религии, вплоть до их слияния, а также существует достаточное количество примеров, говорящих о разрыве между политикой и религией в общественной жизни.

Ключевые слова: государство, религия, политика, общество, конфессия, государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, светское государство, клерикализм, церковь.

VALEEV Ramis Sagitovich

magister student of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

MAYATSKAYA Olga Borisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

FEATURES AND PROSPECTS OF RELATIONS OF THE STATE AND RELIGION

The article is devoted to the study of the relationship between the state and religion in modern society; relations between the state and various religious confessions are studied, the basic concept of "freedom of conscience", "secular state" is defined. In the article, the author shows that politics and religion in all aspects of their mutual influence and interaction are a dynamic process, since being multidimensional subsystems of society, they enter into relationships at various levels of culture, activity, mentality, institutional formations and other social manifestations; it is determined that the relationship between politics and religion is changeable both in time and in space: mankind knows examples that indicate a high degree of mutual influence of politics and religion, up to their merging, and there are also a sufficient number of examples that speak of a gap between politics and religion in public life.

Keywords: state, religion, politics, society, confession, state-confessional relations, freedom of conscience, secular state, clericalism, church.

Взаимоотношения государства и религии всегда вызывали множество споров, различных мнений и трактовок данного вопроса, поскольку они весьма сложны и неоднозначны, достаточно сказать, что и в XXI веке нет единого ответа на вопрос, что есть «светское государство», «секуляризация», «государственная религия», «свобода совести» и т.д. Сегодня существует ряд документов, в том числе и международного права, в которых обозначается существенность и немаловажность защиты религии, её свободы как стержневого фактора миропонимания, отмечается, что свобода совести - это широчайшая категория, включающая в себя помимо вероисповедания, свободу убеждений и свободу мысли: «Мы берем на себя обязательство противостоять таким угрозам безопасности, как нарушения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, и проявления нетерпимости, агрессивного национализма, расизма, шовинизма, ксенофобии и антисемитизма» [5].

В целом можно сказать, что международное право сегодня устанавливает двусоставную структуру свободы совести, включающую в себя мировоззренческий и поведенческий аспекты, которые в свою очередь проявляются в праве «иметь» религию и «менять» её, а также «исповедовать» религию единолично или сообща, в различных формах обрядов и богослужений, так в Резолюции Парламентской Ассамблеи

самблеи Совета Европы отмечено, например, что: «Свобода вероисповедания не должна рассматриваться как предлог для оправдания нарушения прав женщин, будь то явного или скрытого, основанного на законе или нет, осуществляемого с формального согласия или без такового со стороны жертв — женщин. Защита женщин от нарушения их прав во имя соблюдения религиозных догматов, поддержка и полное соблюдение принципов гендерного равенства является долгом государств-членов Совета Европы» [6].

Таким образом, международное право, говоря об определённых ограничениях свободы религии, делает акцент именно на поведенческий аспект, в то время как мировоззренческий аспект при этом никак не ограничивается, даже в критических условиях, ограничение свободы совести может быть реализовано исключительно в интересах общественной безопасности и порядка, соблюдения прав других лиц. Принцип свободы совести — это, прежде всего, неприятие любой дискриминации на основе религии, защита прав и религиозной самобытности национальных меньшинств, религиозная свобода, которая реализуется в праве родителей воспитывать детей согласно принципам их религии, праве на замену обязательной военной службы альтернативной, недопущение вмешательства государства во внутренние дела конфессий и т.д.

Размышляя о взаимоотношениях государства и религии, нельзя не вспомнить «Философию религии» Г.-В.Ф. Гегеля, в которой великий мыслитель размышлял о мудрости мира и основах государства: «государство есть истинный образ действительности; а в нем истинная нравственная воля воплощается в действительность, и дух живет в своей истинности. Религия есть божественное знание, знание человека о Боге, и знание себя в Боге. Это - божественная мудрость и область абсолютной истины. Но есть и другая мудрость, мудрость мира... В общем, религия и основа государства - одно и то же» [1, с. 296]. Специалист в сфере теории государственно-религиозных отношений М.О. Шахов видит взаимоотношения государства и религии как комплекс модифицирующихся форм взаимосвязей государства и религии: «взаимоотношений институтов государства, с одной стороны, и институциональных образований конфессий (религиозных объединений, духовно-административных центров, конфессиональных учреждений), с другой стороны. В основе этих отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений» [4, с. 9].

В начале 90-х годов прошлого столетия взаимоотношения между государством и религиозными объединениями стали развиваться в России в новом для них русле – на основе партнерских и сотруднических отношений, вследствие чего, свобода совести стала анализироваться не только исключительно через призму атеизма, государственно-церковные отношения стали регулироваться новыми законами, церковь получила права юридического лица, началась легализация религиозных обществ, так в указанный период, количество зарегистрированных религиозных объединений РПЦ возросло до 11000. Такие партнёрские взаимоотношения способствовали возрождению монастырей, церквей и в целом, национальной культуры, национально-культурной идентичности граждан России. Сегодня многими исследователями отмечается особая роль религии, определённая развитием в стране идентификационной модели светских принципов государственности. В своё время, А.Ю. Григоренко представил три модели взаимоотношений государства и религии: сегрегационную, сепарационную и интегративную модели [2, с. 107]. При сепарационной модели, по мысли Григоренко, атеистическое мировоззрение является главенствующим и все духовно-религиозное подпадает под запрет, как это было в Советском Союзе; при сепарационной модели государство не противостоит религии, следуя идеалам свободы совести и свободы личности; при интеграционной модели взаимоотношения между государством и религией строятся как союзнические, когда государство интенсивно привлекает к общественным и политическим делам церковь, причём данные партнёрские отношения весьма распространены.

Некоторые исследователи обеспокоены состоянием свободы совести в стране, например, С.А. Бурьянов обращает внимание на угрозы «клерикализации» власти, которые, на наш взгляд, несколько преувеличены: «Клерикальная идеологизация государства - нарушение мировоззренческого нейтралитета, выражающееся в сращивании институтов государства с религиозными организациями, доктринальные установки, которых используются в качестве государственной идеологии» [3].

В настоящее время мы можем говорить о том, что происходит не только эволюция прежней концептуальной модели, а смена парадигм, согласно которым «свобода совести»

является узловым, системным, основополагающим правом в системе прав человека, соединённым с удовлетворением мировоззренческой потребности, осуществление которой создаёт мировоззренческую идентичность, привносит смысл жизни исключительно на основе свободного выбора. В эпоху постмодерна трансформировались принципы взаимоотношений политики и религии, прежде всего, из-за того, что претерпели изменения и сами ценностные критерии, на первый план выдвинулись такие коренные ценности как права человека, демократия, уважение ко всем верованиям, т.е. в развитых странах сформировалась новая иерархия ценностей: человек – общество – государство, вверху которой находится человек, следовательно, мировая научная мысль, постепенно продвигаясь к новой системе, пришла к тому, что основным мерилom религиозной политики должно стать право каждого человека на свободу вероисповедания, на мировоззренческую свободу, а не только взаимные интересы государства и религии.

Пристатейный библиографический список

1. Гегель Г.-В.Ф. Философия религии: В 2-х т. Издание 2-е, испр. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. - Т. 1. - 415 с.
2. Григоренко А.Ю. Государственно-церковные отношения в современной России и проблема религиозной свободы и нетерпимости // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. - М., 2000. – 314 с.
3. Бурьянов С.А. Свобода совести в Российской Федерации. Специализированный доклад за 2010 г. подготовленный при содействии МХГ и интернет-издания «Портал-Credo. Ru». Часть 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=291G>.
4. Вероисповедная политика Российского государства / Под ред. М.О. Шахова. - М., 2003. - 207 с.
5. Хартия Европейской безопасности. Принята ОБСЕ 19.11.1999г. в г. Стамбуле. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/f/125811.pdf>.
6. Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1464 (2005) «Женщины и религия в Европе» (принята 4.10.2005). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusoir.ru/06articles/06articles-zakon/06articles-zakon-ww/06articles-zakon-ww-2/06articles-zakon-ww-2-1/06articles-zakon-ww-2-1-9/>.

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЙНУЛЛИН Руслан Анварович

кандидат биологических наук, доцент Башкирского государственного медицинского университета

ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ И ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию проблем обеспечения социально-экономического, политического, духовного и культурного суверенитета страны, создания предпосылок духовной безопасности и целостности в условиях полиэтничного и поликультурного пространства. Авторами рассмотрены основные экзистенциальные угрозы, влияющие на аксиологическую безопасность многонациональной и поликультурной России и роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в обеспечении идейного единства населения и культурного, духовного и аксиологического суверенитета этносов.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, аксиологическая безопасность, ценностная субъектность этноса, экзистенциальные угрозы, национальная политика, поликультурная социальная среда.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technical University

GAYNULLIN Ruslan Anvarovich

Ph.D. in biological sciences, associate professor of the Bashkir State Medical University

THE PROBLEM OF EXISTENTIAL THREATS AND AXIOLOGICAL SECURITY OF MULTINATIONAL AND POLY CULTURAL RUSSIA

The article is devoted to the study of the problems of ensuring the socio-economic, political, spiritual and cultural sovereignty of the country, the creation of prerequisites for spiritual security and integrity in a multi-ethnic and multi-cultural space. The authors consider the main existential threats affecting the axiological security of multinational and multicultural Russia and the role of traditional Russian spiritual and moral values in ensuring the ideological unity of the population and the cultural, spiritual and axiological sovereignty of ethnic groups.

Keywords: spiritual and moral values, axiological security, value subjectivity of an ethnic group, existential threats, national policy, multicultural social environment.

Было принято считать, что в основе национальной и культурной безопасности в полиэтничном государстве лежит внутренняя политика властей, направленная на выстраивание межнациональных и межконфессиональных отношений. Можно согласиться с данным утверждением, в целом до настоящего времени подобное понимание сути национальной политики даже соответствовало действительности. И Советский Союз в своей истории подобное развитие событий пережил – в огромной стране, где согласно переписи 1989 г. сосуществовали 128 больших и малых народов [1], обостряются противоречия, которые в некоторых территориях приобретают национальный окрас. Несмотря на внешние факторы, распад СССР был обусловлен внутренними факторами, отчасти отходом от сложившейся в течение всей истории России внутренней политики в области межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия, ростом национального самосознания народов, но, прежде всего, интересами политической элиты страны. Эти интересы были прикрыты необоснованными утверждениями о правах каждого этноса на политическую субъектность. В действительности право, предполагающее выбор, был преподнесен как необходимость политической субъектности каждого этноса. Более 76% населения 9 союзных республик, участвовавших на референдуме, 17 марта 1991 года на всенародном голосовании выступили за необходимость сохранения Союза Советских Социалисти-

ческих Республик, но эти голоса не были услышаны. Вся современная геополитика вокруг границ России подпитывается последствиями тех событий, которые разделили многонациональные территории вновь образованных суверенных государств на территории по критериям коренных и некоренных, государствообразующих и малочисленных этносов. Проблема ценностной субъектности этносов стала одним из факторов внешнего воздействия на внутренние процессы в постсоветском пространстве.

В период формирования Русского государства в XIV-XVIII веках неудачные попытки насильственной русификации и христианизации присоединившихся окраин, стали историческим уроком и предпосылкой формирования многовековой внутренней национальной политики с правом каждого народа на свой язык, культуру и религию. Гарантии языковой, культурной и религиозной самобытности каждой нации в полиэтничном и поликультурном пространстве всегда выступали механизмами обеспечения необходимых предпосылок внутренней стабильности страны. В основе внутренней стабильности и безопасности России всегда находилась ценностная субъектность каждого этноса в полиэтничном и поликультурном пространстве. Это обусловлено тем, что ценностная субъектность этноса лежала и лежит в основе государственной национальной политики нашей страны. А свою очередь государственная национальная политика, исходящая из понимания

ценностной субъектности каждого этноса, выступает основным регулирующим механизмом этнополитических, этносоциальных, этнопсихологических и этнокультурных процессов в стране и является политикой определения целей, принципов, главных направлений реализации международных отношений. Но, необходимо понимание, что только ценностная субъектность каждого этноса в многонациональной и поликультурной стране способна гарантировать формирование условий внешней и внутренней политической, социально-экономической и духовной безопасности государства в международной арене. Ценностная наполненность любой безопасности объясняет степень осознанности самой проблемы. Не только национальная безопасность, но и экономический, политический, духовный суверенитет может быть обеспечен и гарантирован, если сущностное понимание данного суверенитета каждым членом общества аксиологизируется, то есть наполняется экзистенциальным содержанием. Поэтому, обеспечение внутренней и внешней безопасности возможно только при устранении аксиологических угроз. Аксиологическая угроза связана, прежде всего, возможностью воздействия на человека, манипулируя его эмоциональным, психическим и оценочным восприятием окружающей действительности, явлений и процессов, деформируя психологическую целостность отдельного индивида. Проявлением подобной деформации являются психологическая и эмоциональная неустойчивость, утрата способности осознанно принимать решения, отрицание своей системы ценностей, стремление пересмотреть духовное и культурное ядро собственного бытия.

В постиндустриальном обществе меняется не только характер, но и природа безопасности. На смену опасности физического уничтожения приходит угроза психологической целостности отдельного индивида, его духовной и культурной самобытности и самости. Аксиологическая безопасность становится интегративным и универсальным явлением, формирующим предпосылки физической и духовной, экономической и политической, этнической и культурной безопасности человеческого бытия. Экзистенциальность аксиологической безопасности обуславливается тем, что именно система ценностей и ценностных ориентаций субъекта выступает феноменом сознания, осмысленности в понимании перспектив, возможностей и направлений развития его собственного бытия. Система ценностей способна человеку, с одной стороны, обеспечить его самость, индивидуальность, а с другой – формировать условия исторической преемственности, этнической и культурной идентичности, гарантировать понимание источников угроз, опасностей и рисков. Рассмотрение угроз, опасностей и рисков через систему ценностей приводит к осознанию экзистенциального значения духовной и культурной безопасности.

Аксиологические угрозы не менее опасны, чем угрозы физического уничтожения, тем более, если они воздействуют целенаправленно и организовано. Здесь нужно понимать, уровни существующих угроз. Когда отдельный индивид оказывается перед угрозой аксиологического характера, связанной с «демократизацией» системы образования, отказом от гуманистического составляющего в ней, отсутствием идеологического составляющего в государ-

ственной внутренней политике, наводнением иностранного в культуре – это один уровень. Но, когда аксиологическая угроза становится фактором внешней политики участников международных отношений с целью воздействия на социальную обстановку внутри какого-то государства, проблема безопасности приобретает совершенно другой характер. И в первом, и во втором случаях аксиологическая безопасность в проекции на будущее страны носит экзистенциальный характер, но степень интенсивности воздействия оказывается не одинаковой. И, следовательно, возможная и необходимая ответная реакция на угрозы требует со стороны государства соответствующей интенсивности в информационной, психологической, идеологической и аксиологической сферах.

Современные реалии показывают, что трансформационные процессы в международных отношениях и глобальное противостояние интересов, обостряют проблемы выработки адекватного ответа на насущные вопросы осуществления национальной политики внутри государства и обеспечения национальной безопасности на международном уровне. И этот адекватный ответ, прежде всего, должен быть связан противостоянием аксиологическим угрозам. Современные разрушительные политтехнологии, применяемые для решения корыстных целей, связанных с экономическими, политическими и духовными противоречиями и интересами, основаны на стремлении разрушить существующие общественные отношения внутри конкурирующего государства. Стремление некоторых государств к гегемонии в мире привело к пониманию, что экономическая глобализация не дает необходимых и ожидаемых результатов воздействия на другие государства, применение военного воздействия не гарантирует безопасность ни одному участнику конфликта, но к тому же угрожает существованию самой цивилизации. Поэтому большинство политтехнологов исходят из того, что наиболее безопасным, а порой и единственным, способом воздействия на конкурента остается создание условий для внутренней конфронтации и социального противостояния в обществе через конфликт системы ценностей членов данного общества. А в такой стране как Россия, конфликт ценностей может происходить не только в сферах социальной и политической справедливости, но и в духовной, профессиональной и, прежде всего культурной и этнической сферах.

В сложившейся внешнеполитической ситуации вокруг России перед каждым гражданином, обществом и государством возникает необходимость осмысления общей безопасности, которая может быть обеспечена идейным единством населения, сбалансированной внутренней политикой, способной гарантировать не только экономическую и политическую стабильность каждому человеку, но и равнозначный культурный, духовный и аксиологический суверенитет всем этносам. Основным фактором внешней безопасности страны становятся внутренняя стабильность и прогрессивное развитие социальных отношений, языковой, культурный и аксиологический суверенитет многонационального населения. Геополитическая ситуация вокруг России, сложившаяся после распада СССР, способствовала принятию программных документов № 1666 29 от 19 декабря 2012 г. «О Стратегии государственной националь-

ной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [2] и № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [3], направленных на реализацию соответствия социально-экономического, политического и духовного развития РФ с ее внешнеполитическим статусом в мировой политической системе. Но ситуация кардинально поменялась за последние 10 лет. Принятая указом Президента РФ от 19.12.2012 г. и отредактированная Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, оказалась недостаточной. И суть проблемы заключается в том, что в данном программном документе национальная политика рассматривается как внутригосударственная политика и направлена на «координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления (далее также – государственные органы и органы местного самоуправления) и их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации» [2]. Но сферы осуществления национальной политики России в настоящее время должны выходить за рамки государства и должны стать геополитической. Задачи перед национальной политикой России, которые ставят современные реалии, двояки: с одной стороны, необходимо гарантировать права многонационального населения на самобытность, языковой, культурный и этнический суверенитет внутри страны, а с другой – обеспечивать идейную, духовную и гражданскую целостность в международной арене. Это обусловлено тем, что межнациональные отношения, система ценностей и культура внутри страны становятся средствами и механизмами внешнего воздействия на конкурента, решения экономических, политических, социальных культурных и духовных интересов на международном уровне.

Геополитические события последнего времени хорошо продемонстрировали, что любая безопасность – экономическая, политическая, национальная или культурная – начинает приобретать аксиологический характер. Полностью пересмотрены средства и механизмы воздействия при решении противоречий и столкновении интересов между государствами. Основным средством воздействия становится создание условий, вызывающих изменения при оценке событий, явлений и переосмысления системы ценностей. Поэтому, в дополнение к озвученным выше Стратегиям, готовится новый документ стратегического планирования – Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4]. Время для принятия подобного программного документа пришло – необходимы новые подходы и алгоритмы, средства и технологии координирования реализации Стратегий государственной национальной политики и национальной безопасности. Стратегия национальной безопасности направлена на предотвращение межнациональных противоречий на меж- и внутригосударственных уровнях. Государственная национальная политика, способная формировать оптимальные условия в межнациональных отношениях, обеспечении

интересов государства, общества, человека и гражданина, сочетании общегосударственных интересов и интересов народов России, является основным фактором внутренней стабильности и внешнеполитической устойчивости в прогрессивном развитии государства. Но в условиях глобализации, формирования транснациональных структур, внешнего давления на внутригосударственные процессы, информационных войн и расширения миграционных процессов не только этносы, но и целые государства оказываются перед проблемой обеспечения не только социально-экономического и политического суверенитета, но и духовной и культурной самостоятельности. Дополнение Стратегий государственной национальной политики и безопасности документом стратегического планирования по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, должно способствовать поиску средств и механизмов обеспечения территориального и ценностно-мировоззренческого единства Российской Федерации как многонациональной и многоконфессиональной страны.

Принятые Стратегии и подготовленный документ стратегического планирования ценностную субъектность каждого этноса и «традиционные российские духовно-нравственные ценности» характеризуют как источники экзистенциальной безопасности россиянина, каждого этноса, многонационального общества и российской государственности. Но данные ценности способны обеспечивать безопасность только в том случае, когда они осмыслены, отрефлексированы, восприняты субъектом общественных отношений и оценены им как экзистенциальные сущности. Непонимание или отрицание экзистенциальной сущности данных ценностей могут стать предпосылками обострения не только общественных, но и межнациональных отношений, ценой которого может стать не только утрата принципов справедливого и равноправного развития этносов, но и условий обеспечения социально-экономической, политической, духовной и культурной самостоятельности, сохранения территориальной целостности государства. В «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» для сохранения социально-экономической, политической, культурной и духовно-нравственной целостности и устойчивости российского общества, формирования общенациональной идеи, способной консолидировать многонациональное население вокруг единого идейно-духовного ядра экзистенциально значимыми названы «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [4]. Ценности, названные экзистенциально значимыми, не только направлены на гарантирование отдельному субъекту границы его прав и свобод, удовлетворение физических и духовных интересов и потребностей, но и на определение сферы ответственности, связанные с обеспечением «морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традицион-

ных общечеловеческих ценностей» и сбережением «народа России и сохранению его идентичности ..., развитию человеческого потенциала, поддержанию гражданского мира и согласия в стране» [4].

Потенциал экзистенциально значимых ценностей может быть реализован только через организованную внутреннюю политику государства, направленную на все стороны социальной действительности. Во всей структуре общественных отношений определяющим фактором, влияющим на экономическую, политическую и культурную и идейную целостность общества и его безопасность становятся развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций, обеспечение устойчивости макроэкономической ситуации, стимулирование темпов роста экономики, улучшение материально-технической базы организаций культуры. Стабильность социально-экономических, политических, духовных и культурных отношений на всех уровнях, независимо от размеров объединения, является необходимой основой устойчивого развития, как отдельного члена общества, так и всего социума. Российское многонациональное общество в последние два десятилетия под воздействием внутренних преобразований всех сторон общественной жизни и под влиянием внешних мировых процессов, подвергается постоянным испытаниям исторически сложившихся особенностей в межнациональных отношениях. Следует признать, что предпосылки изменений в социальных отношениях носят объективный характер, но при этом особую актуальность приобретает роль государства, его способность обеспечивать необходимые условия для управляемого развития процессами социально-экономического, политического, духовного и культурного развития и взаимодействия, обеспечения национальной безопасности страны. Необходимость функциональной национальной политики государства, и ее значимость для социально-экономической, политической и идейно-духовной безопасности многонационального российского общества особенно усиливается в условиях внешнего воздействия противоречий между мировыми ведущими государствами, международными властными структурами, межгосударственными организациями, объединениями и блоками. Единственным действенным средством преодоления серьезных внутренних противоречий и способности противостояния внешним разрушающим факторам целостности в многонациональных обществах становится национальная государственная политика, основанная на принципах справедливого и равноправного развития каждого этноса.

В завершении следует отметить, принятые в 2012 и 2015 годах Стратегии остаются актуальными, подготовленный документ стратегического планирования о традиционных российских духовно-нравственных ценностей своевременен. Сложилось на данный момент и понимание сути проблемы со стороны населения России – социологические опросы ВЦИОМ и Левада-центра реально демонстрируют осознание россиянами экзистенциальных угроз,

связанных с геополитической обстановкой вокруг России и роли аксиологической безопасности для дальнейшего существования и суверенного развития страны. Внешние факторы, создающие экзистенциальные угрозы, ослабили внутренние противоречия социально-экономического, этнического, культурного характера. Но поддержка государственных институтов и власти населением, связана, прежде всего, с отложенными ожиданиями. Эксперты в один голос утверждают, что ожидания населения связаны с надеждой на скорые изменения в социальной, экономической и политической сферах на принципах справедливости.

Пристатейный библиографический список

1. Национальный состав населения России 1926-1989 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tonalli.livejournal.com/3517.html?ysclid=l2fm15s4tc>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001201212190001>.
3. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512310038>.
4. Проект Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967>.

ВЕЗЛОМЦЕВ Виктор Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Академии ФСИН России

МАКАРОВА Валентина Владимировна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры философии и истории Академии ФСИН России

КОРРУПЦИЯ, ДЕМОКРАТИЯ, ЭКОНОМИКА И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

В работе анализируется литература о причинах истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды и эффективности экологической политики. В исследовании рассматривается, как коррупция и экономика влияют на эффективность экологической политики, и предлагается найти новое соотношение этих переменных для гармонизации экологических стандартов в сторону улучшения окружающей среды. Коррупция, демократия и экономика рассматриваются комплексно в качестве переменных, объясняющих экологическое благополучие. Коррупция выделяется как существенный фактор, определяющий экологическую политику, в то время как демократия рассматривается как фактор, оказывающий незначительное влияние. Авторы приходят к выводу, что улучшение качества окружающей среды в результате увеличения доходов менее вероятно в развивающихся странах с институциональным беспорядком, а сокращение коррупции в этих странах способствует более высоким темпам экономического роста и более эффективной экологической политике.

Ключевые слова: демократия, экономика, коррупция, экологическая политика, окружающая среда, экологические проблемы.

VEZLOMTSEV Viktor Evgenjevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

MAKAROVA Valentina Vladimirovna

Ph.D. in Law, lecturer of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

CORRUPTION, DEMOCRACY, ECONOMY AND ENVIRONMENTAL WELL-BEING

The paper analyzes the literature on the causes of depletion of natural resources, environmental pollution and the effectiveness of environmental policy. The study examines how corruption and the economy affect the effectiveness of environmental policy, and suggests finding a new ratio of these variables to harmonize environmental standards in the direction of improving the environment. Corruption and the economy are considered comprehensively as variables explaining the effectiveness of environmental policy. Corruption is singled out as a significant factor determining environmental policy, while democracy is seen as a factor that has little impact. The authors conclude that improving the quality of the environment as a result of increased incomes is less likely in developing countries with institutional disorder, and reducing corruption in these countries contributes to higher rates of economic growth and more effective environmental policy.

Keywords: democracy, economy, corruption, environmental policy, environment, environmental problems.

Экологическая проблема – это самая долгосрочная и не теряющая своей актуальности проблема современности. К сожалению, коррупция усугубляет уже существующие проблемы в этой сфере. По данным Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, коррупция, связанная с окружающей средой, включает в себя: хищения при реализации экологических программ, масштабную коррупцию при выдаче разрешений и лицензий на эксплуатацию природных ресурсов, подкуп сотрудников правоохранительных органов. ООН также определило секторы, наиболее подверженные риску: лесное хозяйство, добычу нефти, торговлю видами, находящимися под угрозой исчезновения и утилизацию опасных отходов. Так многие из крупнейших мировых производителей и экспортеров древесины, включая Бразилию и Индонезию испытали значительный экологический ущерб из-за незаконных вырубок, которые стали возможны благодаря коррумпированным чиновникам. Больше половины древесины, произведенной в мире в последние годы, является результатом таких вырубок, причем большая ее часть связана со взяточничеством и коррупцией [1, р. 12]. Некоторые авторы утверждают, что лучшим решением проблемы коррупции является сокращение возможностей заниматься ею. Они, сосредоточив внимание

исключительно на коррупции в государственном секторе, пришли к выводу, что лучший способ противодействовать коррупции – это уменьшить участие государства в экономике [2, р. 4-6].

Однако вмешательство государства (посредством регулирования или другими способами) важно там, где присутствуют сбои рынка [3, 4], и ярким примером этого является экологическая сфера. Многие экологические аспекты относятся к общественным благам или характеризуются неопределенными правами собственности. Эти особенности подразумевают, что экологические проблемы не могут быть решены без вмешательства государства. В каждом случае, когда общественные интересы регулируются политиками и бюрократами, коррупция потенциально будет являться проблемой, и экологическая политика непосредственно относится к этой категории. Поэтому влияние коррупции на системы экологического регулирования заслуживает пристального внимания.

Все исследования, посвященные влиянию демократии и коррупции на экологию можно объединить в два больших блока. Эти направления, по-видимому, развивались параллельно и независимо друг от друга, так как в каждом из них абсолютизируется либо роль коррупции, либо демократии.

Авторы-защитники природы, писавшие в 1960-х и 1970-х годах, часто призывали к гоббсовскому подходу решения экологических проблем. По их мнению, свобода должна быть ограничена для сохранения общих благ в целом и для окружающей среды в частности [5, 6, 7]. Другая точка зрения, в которой подчеркивалась эффективность демократии для окружающей среды, появилась в 1980-х годах. Ее сторонники говорили о склонности демократий к международному сотрудничеству, отзывчивости демократии к требованиям граждан, доступности информации об ухудшении окружающей среды и возможности открыто возражать против этого [8, 9]. Ярким примером такого подхода является работа Ф. Агудеро-Клинка и Дж. Санчеса-Гарсии, в которой они провели исследование Канарских островов и выяснили, что основной причиной экологически разрушительных решений является ухудшение демократических институтов [10].

Что касается теории демократии и экологической политики, то влиятельное исследование было проведено М. Макгуайром и М. Олсоном [11]. По их мнению, необходимо увеличить численность правящего класса, который можно было бы считать показателем демократии, и что в свою очередь положительно повлияет на предоставление общественных благ, таких как качество окружающей среды. Р. Дикон предоставил результаты исследования, которые подтверждают интерпретацию качества окружающей среды как общественного блага и подтверждают положительное влияние демократии на качество окружающей среды [12]. М. Торрас и Дж. Бойс [13], В. Харбо [14] также отмечают положительное влияние демократии на качество окружающей среды.

Ряд исследователей сделали акцент на изучении влияния демократии на экологическую политику, а не на качество окружающей среды. Так Р. Конглтон [15] оценил положительное влияние демократии на вероятность подписания глобальной конвенции о сокращении выбросов озоноразрушающих веществ. Е. Ноймайер [16] представил статистические данные о положительном влиянии демократии на степень приверженности стран охране окружающей среды. Он рассматривает вероятность подписания многосторонних природоохранительных соглашений, участия в природоохранительных неправительственных организациях, площадь охраняемой территории страны, наличие национальных советов по устойчивому развитию и доступность экологически значимой информации в качестве мер для принятия экологических обязательств. Р. Фредрикссон [17] представил теоретическую модель, в которой демократия интерпретируется с точки зрения расширения участия граждан в избирательном процессе и конкуренции за поддержку электората. Это стимулирует администрацию лучше представлять общественные интересы, что должно привести к более эффективной экологической политике.

Несмотря на то, что большая часть современной литературы свидетельствует о положительном влиянии демократии на эффективность экологической политики, некоторые авторы отвергают дихотомию демократия – диктатура и утверждают, что ни рыночно ориентированная демократия, ни автократия не могут решить экологические проблемы удовлетворительным образом. Дж. Дризек [18], например, предлагает радикальную децентрализацию политической структуры для решения экологических проблем.

Так же в большом количестве исследований анализируется влияние коррупции на реализацию экологической политики.

В докладе Всемирного банка о коррупции в лесном хозяйстве подчеркивается пагубное влияние коррупции на управление лесами и их сохранение [19]. Агентство по экологическим расследованиям в своем отчете о вырубке лесов в Индонезии утверждает, что леса уничтожаются, потому что Индонезия является одной из самых коррумпированных стран в мире» [20]. В более раннем отчете о незаконной вырубке древесины в Индонезии Агентство по экологическим расследованиям говорило о том, что существуют формальные правила для защиты исчезающего вида деревьев, соблюдение которых не представляет никаких сложностей, но, коррупционные связи между правоохранительными органами и «лесными баронами» настолько сильны, что реализация этих правил практически невозможна – полиция действует в интересах контрабандистов, а не исполняет закон. Агентство делает соответствующий вывод: «в основе проблемы незаконных вырубок лежит коррупция» [21, р. 21]. П. Роббинс представляет теоретическую основу для анализа коррупции и использует ее для изучения обеспечения защиты природного заповедника в Раджастхане, Индия. Он считает, что отсутствие должной защиты природного заповедника напрямую связано с коррупцией среди сотрудников данного заповедника [22]. Мнение о том, что коррупция препятствует охране окружающей среды, изложено природоохранителем прокурором Мадрида: «Несоблюдение законов об охране окружающей среды коренится в коррупции политической системы. [...] Несоблюдение экологических законов является лучшим барометром коррупции в политической системе» [23].

Р. Лопес и С. Митра утверждают, что коррупция и эффективность экологической политики характеризуются отрицательной взаимосвязью. Авторы показывают, что повышенная чувствительность бюрократии к взяткам как повышает уровень коррупции, так и снижает уровень защиты окружающей среды [24]. Р. Дамания показывает, что экологические нормы неэффективны, если чиновники сильно коррумпированы. Он приводит доводы в пользу полной дерегуляции, если нет возможности уменьшить коррупцию [25]. Х. Уэлш в своем исследовании осуществил анализ прямых и косвенных последствий коррупции. Он утверждает, что коррупция влияет на качество окружающей среды, поскольку препятствует формированию и соблюдению экологических норм (прямого воздействия). Кроме того, коррупция оказывает дополнительное воздействие на окружающую среду, поскольку она снижает экономический рост. Таким образом, коррупция будет оказывать дополнительное воздействие, поскольку уровень доходов влияет на качество окружающей среды (косвенный эффект). Косвенный эффект коррупции может быть как положительным, так и отрицательным, в зависимости от уровня дохода. Общее влияние коррупции на качество окружающей среды, по оценкам автора, всегда отрицательно [26].

П. Фредрикссон и Дж. Свенссон представили теоретическую модель, в которой на формирование экологической политики влияют политическая нестабильность и коррупция. Политическая нестабильность снижает возможность подкупа администрации предприятиями, загрязняющими окружающую среду, и, таким образом, повышает жесткость экологической политики. В частности, модель предсказывает, что, хотя в целом коррупция имеет тенденцию снижать строгость экологической политики, ее влияние уменьшается с ростом политической нестабильности [27].

Наконец, Дж. Уилсон и Р. Дамания сформулировали теоретическую модель, которая учитывает политическую

конкуренцию за голоса избирателей, коррупцию и экологическую политику. Авторы показывают, что политическая конкуренция (фундаментальный компонент демократии) увеличивает затраты на разработку неоптимальной экологической политики (т.е. действующая партия теряет голоса). Из этого следует, что политическая конкуренция повышает эффективность экологической политики. Но авторы также отмечают, что необходимо проводить различие между крупной и мелкой коррупцией, где первая связана с разработкой политики, а вторая – с реализацией политики. Поскольку чувствительность бюрократов к мелкой коррупции не зависит от политической конкуренции, коррупция все еще может негативно повлиять на соблюдение экологических правил, несмотря на высокую политическую конкуренцию.

Таким образом, как теоретические, так и эмпирические исследования подтверждают вывод о том, что институциональные условия влияют на то, как политики реагируют на экологические проблемы, и что демократия и коррупция являются двумя важными переменными в этом процессе [28].

Стоит отметить, что существует мало убедительных доказательств причинно-следственной связи между демократией и коррупцией, если рассматривать их как переменные в современном мире. То есть просто наличие демократии не влияет на уровень коррупции, и наоборот. Установлено, что только длительная история (более 40 лет) демократии приводит к снижению уровня коррупции [29]. Поэтому, даже, несмотря на корреляцию, эти переменные можно рассматривать независимо в анализе на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Если мы согласимся принять во внимание, что демократия и коррупция взаимосвязаны, делать это нужно осторожно, так как существует ряд стран, которые демонстрируют высокий уровень коррупции, но являются демократиями, и есть автократии с низким уровнем коррупции. Италия служит примером первого варианта: она имеет более чем 50-летнюю историю демократии, но необычно высокий уровень коррупции для ее уровня развития. Примером второго варианта является Сингапур – он не является либеральной демократией, но имеет очень низкий уровень коррупции.

Таким образом, рост экологических проблем в середине XX века привлек внимание общественности к особой связи между демократией и состоянием окружающей среды, какова роль демократии в определении того, как будут решаться те или иные экологические проблемы? Первая волна литературы – в конце 1960-х и 1970-х годах – скептически относилась к достоинствам демократий в отношении защиты окружающей среды из-за связи между демократией, рыночной экономикой и индивидуальной свободой [30, 31]. Однако, получив данные о негативном состоянии экологии в диктатурах Латинской Америки, Азии и Африке, появилось новое направление литературы, которое определило демократию как способ содействия экономическому и экологическому благополучию [32, 33].

Совсем недавно академический интерес сместился в сторону вопроса о влиянии коррупции на качество окружающей среды [34, 35, 36]. Этот интерес последовал за очевидным разграблением природных ресурсов, происходящим в развивающихся странах, где часто доминируют коррумпированные режимы. Это также соответствует растущему осознанию негативных последствий коррупции для экономики, а также для производства и предоставления общественных благ. В настоящее время активно проводятся эмпирические исследования влияния демократии и коррупции на эффек-

тивность экологической политики и сохранения ресурсов. В целом, эти исследования показывают, что демократия является значительным положительным фактором, а коррупция – значительным негативным фактором, определяющим защиту окружающей среды.

Однако проблема этих исследований заключается в том, что они фокусируются либо на демократии, либо на коррупции. Это мешает объективному пониманию рассматриваемой проблемы, так как две переменные сильно коррелируют друг с другом, и поэтому индивидуальная оценка их влияния абсолютизирует важность каждой из них. Другими словами, коэффициенты страдают от переоценки. Л. Пеллегрини в своей работе «Коррупция, развитие и окружающая среда» провел тщательную проверку того, указывают ли эмпирические данные на то, что демократия и коррупция являются фундаментальными факторами, определяющими эффективность экологической политики, когда эти две переменные используются одновременно. Им был сделан вывод, что одна из двух переменных является основной при воздействии на экологическую политику, в то время как другая переменная имеет второстепенное значение [1].

Хотя большая часть литературы посвящена непосредственно экологическим проблемам, таким как темпы вырубки лесов, концентрация загрязняющих веществ в окружающей среде и эрозия почв, так же необходимо делать акцент на экологической политике и, что на нее влияет. Такой подход имеет как минимум два преимущества. Во-первых, на фактическое использование ресурсов и уровень качества окружающей среды влияют несколько факторов (например, климатические условия), которые находятся вне контроля директивных органов. Эти внешние факторы важны, но их трудно контролировать эконометрически. При изучении связи между институциональными показателями и экологической политикой, эти факторы будут учитываться номинально. Во-вторых, фактические уровни экологических переменных часто медленно приспосабливаются к проводимой политике. На них влияет история развития, и актуальные экологические проблемы будут оказывать влияние только на будущее качество окружающей среды. Также Р. Патнэм утверждает, что для оценки качества политических институтов важно сосредоточиться на показателях эффективности, а не на результатах. В качестве примера он предлагает сосредоточить внимание на реализуемой экологической политике, а не на качестве воздуха [37, р. 65-66].

Изучив дискурс о детерминантах качества окружающей среды, можно сделать вывод, что существуют убедительные доказательства влияния коррупции на качество экологической политики, в то время как существует мало неоспоримых доказательств того, что демократия является важным определяющим фактором. Это связано, скорее всего, с тем, что в более ранних работах, переоценивалась роль демократии в экологической политике из-за отсутствия индекса коррупции в качестве контрольной переменной. Другими словами, повышение демократических стандартов должны соответствовать низкому уровню коррупции, чтобы стимулировать более эффективную экологическую политику, и что демократических процедур как таковых недостаточно.

Так же существует ряд переменных, связанных с условиями окружающей среды, которые могут влиять на ее качество. Эти переменные также влияют на эффективность экологической политики, но их чрезвычайно трудно контролировать эконометрически. Среди этих переменных есть те, которые включают географические/физические характе-

ристики, такие как климатические условия (например, сила доминирующих ветров, количество осадков), географическое положение страны (не имеющей выхода к морю или острова) и характеристики почвы (например, подвержение эрозии или опустыниванию). Другие характеристики будут связаны с экономическими условиями (например, специализируется ли страна на производстве энергоемких товаров) и сроками развития страны. В любом случае все указывает на то, что эти недостающие переменные не являются основными движущими силами экологической политики.

Так же необходимо отметить, что некоторые из факторов, определяющих качество экологической политики, сами могут быть подвержены влиянию коррупции. В частности, школьное образование является одним из вариантов косвенного влияния коррупции на экономический рост.

Представленные выше результаты не свидетельствуют о том, что демократия играет значительную роль в улучшении качества экологической политики. Однако необходимо рассмотреть взаимосвязь между демократией и доходом, чтобы правильно оценить влияние демократии на экологическую политику. Вполне возможно, что более высокий доход повысит спрос на более строгую охрану окружающей среды, и только тогда более демократическое правительство сможет повлиять на экологическую политику.

Действительно, Л. Пеллегрини в своей работе приводит доказательства корреляции дохода и демократии. По его мнению, экологическая политика, как правило, более эффективна в странах с высоким уровнем дохода и хорошо развитой демократией [1, р. 91]. Но, есть те, кто с ним не согласен, ссылаясь на то, что рассматривая корреляцию дохода и демократии, он анализировал влияние демократии на экологическую политику стран с высоким уровнем дохода, но могут существовать страны, в которых нет высокого уровня дохода и развитой демократии одновременно [1, р. 92].

Некоторые авторы утверждают, что в ходе своего становления развитые страны впервые испытали снижение качества окружающей среды из-за увеличения производства. Затем, по мере дальнейшего увеличения их доходов, в этих странах наблюдалось улучшение ряда показателей качества окружающей среды [38]. На более позднем этапе развития более чистые технологии производства и снижение доли загрязняющей продукции в общем объеме производства позволили снизить уровень загрязнения при одновременном увеличении масштабов экономики.

Р. Барро утверждает, что при низком уровне демократии ее рост будет способствовать экономическому развитию [39]. В то же время фактические данные убедительно свидетельствуют о том, что коррупция оказывает негативное воздействие на экономическое развитие [40, 41]. Когда снижение уровня коррупции приведет к более высоким темпам роста экономики и доходов, экологическая политика улучшится.

Кроме того, страны могут перенимать друг у друга положительный опыт разработки национальной экологической политики. Экологически чистые технологии производства, принятые в развитых странах, будут распространяться и станут доступными для развивающихся стран.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Проведенный анализ, показывает, что демократия и коррупция должны рассматриваться в качестве объясняющих переменных для эффективности экологической политики. Можно сделать вывод, что положительное влияние демократии на охрану окружающей среды, обусловлено кор-

реляцией между высоким уровнем демократии и более низким уровнем коррупции.

Также, необходимо учитывать причинно-следственную связь между историей демократии и коррупцией, которая может дать дополнительные возможности демократии косвенно влиять на экологическую политику в долгосрочной перспективе.

Мы пришли к выводу, что нет убедительных доказательств значительного положительного влияния только демократии на экологическую политику.

Уровни коррупции практически не изменяются с течением времени, а стратегии их снижения требуют политической воли и много времени. Понимание того, как коррупция влияет на экономический рост, может помочь в поиске политики, направленной на ослабление воздействия коррупции на экономику в краткосрочной перспективе. Аналогичным образом, когда мы анализируем экологическую политику в странах, характеризующихся высокой степенью коррупции, мы можем ожидать, что она окажется неэффективной. Знание того, как коррупция воздействует на экологическую политику может помочь ослабить это воздействие.

Хотя последствия коррупции для экономического роста и охраны окружающей среды могут предполагать пессимистические перспективы для благосостояния развивающихся стран, они предполагают, что новый акцент на коррупции в академическом и политическом сообществе может принести двойную выгоду: ускорение экономического роста и повышение эффективности охраны окружающей среды. Одним из результатов международных усилий по борьбе с коррупцией является Конвенция ООН против коррупции 2003 года. Для того чтобы конвенция имела реальный эффект, необходимо уделять должное внимание ее осуществлению и другим соглашениям, которые направлены на предотвращение коррупции.

В целом, в данной работе исследовалось влияние коррупции и демократии на экономическое развитие и охрану окружающей среды. Несмотря на растущее количество литературы по этим темам, необходимы дальнейшие исследования для выявления факторов, способствующих распространению коррупции, для изучения влияния коррупции на благосостояние общества и для обеспечения вклада в разработку государственной политики для эффективного решения этих проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Pellegrini L. Corruption, Development and the Environment (Springer, 2011). P. 160.
2. Lambsdorff J. G. The institutional Economics of Corruption and Reform. Theory, Evidence, and Policy. Cambridge university press. 2007. P. 304.
3. Acemoglu D., & Verdier T. (2000). The choice between market failures and corruption // American Economic Review. № 90 (1). Pp. 194-211.
4. Banerjee A.-V. (1997). A theory of misgovernance // Quarterly Journal of Economics. № 112 (4). Pp. 1289-1332.
5. Ehrlich P. R. The population bomb. New York: Ballantine Books, 1968. P. 228.
6. Hardin G. (1968). Tragedy of the commons // American Association for the Advancement of Science. № 162 (3859). Pp. 1243-1248.

7. Heilbroner R. L. An inquiry into the human prospect. New York: Norton, 1974. P. 150.
8. McCloskey H. J. (1983). Ecological ethics and politics. Totowa: Rowman and Littlefield, 1983. P. 167.
9. Payne R. A. (1995). Freedom and the environment // *Journal of Democracy*. № 6 (3). Pp. 41-55.
10. Aguilera-Klink F., & Sánchez-García J. (2005). Environmental degradation as a result of democratic disruption: The case of the Canary Islands // *Proceedings of the 6th International Conference of the European Society for Ecological Economics*. Lisbon. Pp. 14-17.
11. McGuire M. C., & Olson M. (1996). The economics of autocracy and majority rule: The invisible hand and the use of force // *Journal of Economic Literature*. № 34 (1). Pp. 72-96.
12. Deacon R. Dictatorship, democracy, and the provision of public goods. University of California, Santa Barbara CA, USA. 2003. Pp. 1-58.
13. Torras M., & Boyce J. K. (1998). Income, inequality, and pollution: A reassessment of the environmental Kuznets Curve // *Ecological Economics*. № 25 (2). Pp. 147-160.
14. Harbaugh W. T., Levinson A., & Wilson D. M. (2002). Reexamining the empirical evidence for an environmental Kuznets curve // *Review of Economics and Statistics*. № 84 (3). Pp. 541-551.
15. Congleton R. D. (1992). Political-institutions and pollution-control // *Review of Economics and Statistics*. № 74 (3). Pp. 412-421.
16. Neumayer E. (2002). Do democracies exhibit stronger international environmental commitment? A cross-country analysis // *Journal of Peace Research*. № 39 (2). Pp. 139-164.
17. Fredriksson P. G., Neumayer E., Damania R., et al. (2005). Environmentalism, democracy, and pollution control // *Journal of Environmental Economics and Management*. № 49 (2). Pp. 343-365.
18. Dryzek J. S. Rational ecology: Environment and political economy. Oxford, OX, UK; New York, NY, USA : B. Blackwell. 1987. P. 270.
19. Callister D. J. Corrupt and illegal activities in the forestry sector: Current understandings, and implications for World Bank Forest Policy. Forest Policy Implementation Review and Strategy Development: Analytical Studies. Washington: World Bank. 1999. March 2001. P. 52.
20. Environmental Investigation Agency and Telapak. Above the law: Corruption, collusion, nepotism and the fate of Indonesia's forests. London: EIA and Telapak Indonesia. 2003. P. 38.
21. Environmental Investigation Agency and Telapak. Timber trafficking: Illegal logging in Indonesia, South East Asia and international consumption of illegally sourced timber. London: EIA Telapak. 2001. P. 34.
22. Robbins P. (2000). The rotten institution: Corruption in natural resource management // *Political Geography*. № 19 (4). Pp. 423-443.
23. Aguilera-Klink F., & Sánchez-García J. (2005). Environmental degradation as a result of democratic disruption: The case of the Canary Islands // *Proceedings of the 6th International Conference of the European Society for Ecological Economics*. Lisbon. Pp. 14-17.
24. Lopez R., & Mitra S. (2000). Corruption, pollution, and the Kuznets Environment Curve // *Journal of Environmental Economics and Management*. № 40. Pp. 137-150.
25. Damania R. (2002). Environmental controls with corrupt bureaucrats // *Environment and Development Economics*. № 7. Pp. 407-427.
26. Welsch H. (2004). Corruption, growth, and the environment: A cross-country analysis // *Environment and Development Economics*. № 9. Pp. 663-693.
27. Fredriksson P. G., & Svensson J. (2003). Political instability, corruption and policy formation: The case of environmental policy // *Journal of Public Economics*. № 87 (7-8). Pp. 1383-1405.
28. Wilson J. K., & Damania R. (2005). Corruption, political competition and environmental policy // *Journal of Environmental Economics and Management*. № 49 (3). Pp. 516-535.
29. Treisman D. (2000). The causes of corruption: A cross-national study // *Journal of Public Economics*. № 76 (3). Pp. 399-457.
30. Ehrlich P. R. The population bomb. New York: Ballantine Books. 1968. P. 228.
31. Heilbroner R. L. An inquiry into the human prospect. New York: Norton, 1974. P. 150.
32. McCloskey, H. J. Ecological ethics and politics. Totowa: Rowman and Littlefield. 1983. P. 167.
33. Payne R. A. (1995). Freedom and the environment // *Journal of Democracy*. № 6 (3). Pp. 41-55.
34. Lopez R., & Mitra S. (2000). Corruption, pollution, and the Kuznets Environment Curve // *Journal of Environmental Economics and Management*, 40. Pp. 137-150.
35. Fredriksson P. G., & Millimet D. L. (2001). Bureaucratic corruption and environmental policy: Theory and evidence from the United States // *Journal of Public Economics* 87 (2003). Pp. 1407-1430.
36. Damania R., Fredriksson P. G., & List J. A. (2003). Trade liberalization, corruption, and environmental policy formation: Theory and evidence // *Journal of Environmental Economics and Management*. № 46 (3). Pp. 490-512.
37. Putnam R. D. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press. 1993. P. 275.
38. Grossman G. M., & Krueger A. B. (1995). Economic-growth and the environment // *Quarterly Journal of Economics*. № 110 (2). Pp. 353-377.
39. Barro R. (1996). Democracy and growth // *Journal of Economic Growth*. № 1 (1). Pp. 1-27.
40. Mauro P. (1995). Corruption and growth // *Quarterly Journal of Economics*. № 110 (3). Pp. 681-712.
41. Mo P. H. (2001). Corruption and economic growth // *Journal of Comparative Economics*. № 29 (1). Pp. 66-79.

ВИНОГРАДОВА Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социального инжиниринга Уфимско-го государственного нефтяного технического университета

ХАСАНОВА Диана Дамировна

бакалавр Архитектурно-строительного института Уфимского государственного нефтяного технического университета

ФИЛОСОФИЯ В АРХИТЕКТУРЕ

Статья посвящена проблеме взаимосвязи философии и архитектуры, той роли, которую играет философское мышление в развитии теории и практики архитектуры. Особое внимание уделяется мировоззренческим аспектам творчества архитектора, подчеркивается альтруистический характер его деятельности, требующей понимания потребностей и интересов людей, для которых создаются проекты. В результате исследования делается вывод о том, что архитектура – это своеобразное зримое проявление мировоззрения и философии определённой эпохи.

Ключевые слова: философия, архитектура, мировоззрение, онтология, бытие, творчество, технология, эстетика.

VINOGRADOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy, history and social engineering sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KHASANOVA Diana Damirovna

bachelor student of the Architectural and Construction Institute of the Ufa State Petroleum Technical University

PHILOSOPHY IN ARCHITECTURE

The article is devoted to the problem of the relationship between philosophy and architecture, the role played by philosophical thinking in the development of the theory and practice of architecture. Particular attention is paid to the worldview aspects of the architect's work, the altruistic nature of his activity is emphasized, which requires an understanding of the needs and interests of the people for whom the projects are created. As a result of the study, it is concluded that architecture is a kind of visible manifestation of the worldview and philosophy of a certain era.

Keywords: philosophy, architecture, worldview, ontology, being, creativity, technology, aesthetics.

Архитектура - это искусство и наука строить, проектировать здания и сооружения, создавать пространственную среду для жизни и работы человека [1]. Проектируя какое-либо сооружение, человек задается вопросом, что такое хорошее здание. В тот момент, когда возникает данный вопрос, он становится философским, потому что помещение — это пространство для деятельности человека и знак цивилизации. В этом случае мы вынуждены задавать себе такие вопросы, как нам жить, и как должно функционировать наше общество. Эти вопросы исследовались и решались философами на протяжении всей истории человечества. Все, что воспринимается архитекторами, воспринимается через призму их миропонимания, имеющего отношения к жизненной философии человека. На многие вещи влияет то, кем они являются как личность, их культурное и интеллектуальное состояние, а также текущее и историческое воздействие на окружающую среду, в которой они находятся.

Проектирование – это процесс творческий, требующий не только сложных физических усилий, но и умственных, потому что нельзя создать что-то важное и достойное, не размышляя об этом. Человеку свойственно искать смысл в решениях, которые он принимает, и в основе его рассуждений лежит нечто вроде философской парадигмы. Любой архитектор должен всегда помнить о людях, которые будут пользоваться результатами его творчества, жить в построенных им зданиях, и, соответственно, учитывать потребности этих людей. В архитектуре, как, впрочем, и во многих других видах творческой деятельности, хороший мастер — это по своему естеству альтруист, который не думает о своём личном процветании, избилении, не стремится к славе, а жертвует многим ради других людей, вкладывая в мир частичку себя, частицу красоты. Естественно, что добросовестный архитектор должен любить своё занятие и тех, для кого он создаёт свои проекты.

Философия является основой того, о чем размышляет человек, что он делает и проектирует, на что смотрит, как мыслит, что использует и в чем живет. Всякое фундаментальное новое мышление, возникающее в философии, отображается в архитектуре, в зависимости лишь от того, насколько это вероятно построить.

Философия и архитектура взаимосвязаны, поскольку они стремятся понять некоторые из самых фундаментальных проблем человеческого существования. Жилье, как первый архитектурный жест, поднимает этический вопрос, касающийся философии: как мы стремимся жить или каков аспект пригодности для жизни в застроенной среде? Философия также исследует способы и логику постановки вопросов, посредством диалога исследуя возникающие в разных областях проблемы. Четыре основные ветви философии — метафизика, этика, логика и эпистемология — породили бесчисленное множество дополнительных специализаций, появляющихся в архитектурном мышлении. В поисках выхода для выражения своих проектов архитекторы часто могут искать подход, овладевая определенными концепциями, основанными на философских и теоретических работах мыслителей. Именно здесь дизайн соответствует философии. Философия является областью знания, которая порождает новые вопросы и проблемы, пока продолжаются дискуссии. Философия всегда присутствует везде, где существует идея. Практика архитектуры как деятельность, независимая от мысли, невозможна.

Основная категория философской мысли, являющаяся предметом изучения онтологии, — это «бытие», которое в самом широком смысле определяется как существование. С древних времен, с момента появления философии, основной вопрос был именно в существовании. В то же время понятие архитектуры греческими мыслителями также воспринималось как проявление творчества. Вот почему в древности архитектура стала рассматриваться как искусство. Отсюда,

можно сделать вывод, что онтология отвечает на вопросы «Что есть наш мир, и как он устроен?», а архитектура организовывает его, создает и выстраивает. Поэтому, описание мира – это общая черта в функциях философии и архитектуры. Впрочем, с философской точки зрения, архитектура отражает окружающий мир, проектируя его, а философия осмысливает человека и его мировоззрение, законы его существования и развития. Таким образом, архитектура – это одновременно и философия города, и философия жизни человека.

А.Г. Раппопорт, российский теоретик архитектуры и архитектор, в своей статье «Архитектура и онтология» анализирует проблемы современной теории архитектуры. «Иногда приходится читать, что архитектура «моделирует» образ мира или онтологическую действительность. Что это значит? Это значит, что отношение архитектуры к миру не исчерпывается тем, что архитектура составляет часть этого мира, что архитектура входит в мир или включается в него. Это значит еще и то, что, не будучи равной всему миру по объему и составляя лишь часть мира, архитектура символически отражает его структуру в целом» [4]. Следовательно, архитектура является частью культуры, выражающей общественное сознание мира, в котором мы живем.

Пространственная природа архитектуры связана не только с ее функциональным предназначением, но также имеет отношение и к духовной сфере эстетики. Важная составляющая архитектуры – это её способность оказывать глубокое эмоционально-художественное воздействие на человека. Ландшафтная архитектура демонстрирует нам интересные образцы пространственной композиции. Для неё характерно использование различных элементов, таких как; ландшафт земли, деревьев или водоёмов. Различные климатические, природные, ландшафтные и пространственные факторы напрямую влияют на архитектуру разных стран.

В философии нового времени, особенно XVIII века, под влиянием Юмовского скептицизма и Кантовского трансцендентализма понятие бытия было оттеснено на задворки философской мысли. В философских системах Гегеля и Фихте самому бытию отводится довольно скромное место. Гегель писал: «Чистое бытие есть чистая абстракция и, следовательно, абсолютно-отрицательное, которое, взятое так же непосредственно, есть ничто» [3]. Другое его ещё более емкое выражение: «Для мысли не может быть ничего более мало-значущего по своему содержанию, чем бытие» [3].

Однако в двадцатом веке наметилась тенденция возвращения к антропологическим вопросам, сопровождаемая эпистемологическим и методологическим ответом на неокантианскую и позитивистскую школы мысли и критикой немецкого субъективного идеализма. Начиная с конца девятнадцатого века в трудах Франца Brentano и его ученика Эдмунда Гуссерля обнаруживается эта тенденция, получившая дальнейшее развитие в работах Николая Гартмана, Макса Шелера и Мартина Хайдеггера. Однако «нигилистическая онтология» конца девятнадцатого века была характерна для доминирующей философии разума. Его питательной средой стал утопический революционный активизм индустриально-технологической цивилизации в двух вариантах: социальный революционизм и технологическая воля, переустройство человечества не только на земле, но и во всей Вселенной, переустройство, которое грозило уничтожить все живое» [9].

При этом нельзя сказать, что эти этапы развития философии характеризуются полным отсутствием внимания к осмыслению бытия. По-прежнему сохраняется интерес к категориям, составляющим основу учения о бытии. В частности, проблема пространства, как одной из онтологических категорий, его сущности и статуса, всегда остается в сфере актуальности философской мысли.

Нужно помнить, что архитектура – это и техническая наука, и художественное творчество. Вот почему концепция пространства, без которой немислим разговор об архитектуре, должна идти в обоих направлениях. Если говорить о математике, то здесь пространство – это «логически мыслимая форма (или структура), выступающая в качестве среды, в которой производятся другие формы

и определенные построения» [6]. Так, в элементарной геометрии пространство или плоскость выступают в качестве среды, в которой строятся различные фигуры. Чаще всего пространства представляют собой фиксированные отношения, напоминающие обычные пространственные отношения по формальным свойствам (расстояние между точками, равенство фигур и т. д.), поэтому можно сказать, что эти пространства представляют собой логически мыслимые пространственно-подобные формы.

Каждая структура характеризуется формой и состоит из множества физических элементов. Однако архитектор работает не только с элементами, но и с такой категорией, как пространство, которое не является физическим объектом и существование которого опосредовано тем, как организовано взаимодействие материальных элементов.

Несмотря на разное понимание места и роли архитектуры в философии искусства, изучение философской мысли прошлого и настоящего дает нам возможность абстрагироваться от общепринятых представлений об архитектурных сооружениях, и не просто рассматривать их в перспективе с точки зрения утилитаризма. Особо важной является возможность проследить мировоззренческие предпосылки появления тех или иных стилей в архитектуре, архитектурных сооружений и способов существования в сфере пространственной среды и символических отношений. Изменения в архитектуре – это не только изменения архитектурных стилей и инженерных сооружений, но и «духовные проявления», проявление мировоззрения времени, зримое проявление философии времени.

Архитектура – одно из главных творческих проявлений человеческой жизни. Она сочетает в себе эстетику и прагматизм, идеи и материю, творчество и технологии. Человек философски подходит к созданию окружающей среды и зданий, в которых он живет, что и делает архитектуру уникальной. Понимание архитектуры как культурного бытия через философию не только возможно, но и перспективно для предсказания будущего архитектуры. Философия фактически является той творческой основой, которая определяет рождение нового архитектурного стиля.

Пристатейный библиографический список

1. Архитектура. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Гайденко П. П. Бытие и разум // Вопросы философии. – 1997. - № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=167.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philosophy.ru/upload/iblock/cbe/cbef5087e885826fe7f6f538013e2af6.pdf>.
4. Раппопорт А.Г. Архитектура и онтология. – 1985. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papardes.blogspot.com/2011/11/1985.html>.
5. Терехова Г.Л. Философия архитектуры: Учебное пособие. - Тамбов: Издательство ТГТУ, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.totalarch.com/philosophy_architecture_terekhova.
6. Толочек В.А. Современная психология труда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipkfr.nspu.ru/file.php/1/Tolochek_V.A._Sovremennaja_psikhologija_truda.pdf.
7. Философия архитектуры - бытие в системе пространства/ Научные статьи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosofia.ru/70505> (дата обращения: 8.05.2022)
8. Харрис К. Предыстория философии архитектуры/ Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 8.05.2022)
9. Шелер М. Новый опыт философской антропологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.net/9_10958_maks-sheler-noviy-opit-filosofskoy-antropologii.html.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

«ДОБЛЕСТНЫЕ УКРАИНЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ СМЕЛО ОТСТУПАТЬ, А ЖЕСТОКИЕ И АЛЧНЫЕ РУССКИЕ ТРУСЛИВО НАСТУПАЮТ»: РАЗРУШЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РЕЗУЛЬТАТЕ СВО

Информационный постмодерн – это особая коммуникативная стратегия, которая использует фиктивные культурные объекты, цифровизацию античности, суррогаты, симулякры, фейки, управление хаосом, провокацию, разобщенность, реактивность и эмоциональность потребителя. Специальная военная операция на Украине знаменовала тектонические изменения политики, права, экономики, военного искусства, включая онтологию. Специальная военная операция на Украине – это отмена деконструкции классического бытия.

Ключевые слова деконструкция, ЦИПСО, виртуализация, социальное конструирование, социальный инжиниринг, политика памяти, фальсификация, кодирование.

GOFMAN Aleksandr Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

TIMOSCHUK Aleksey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

“THE VALIANT UKRAINIANS CONTINUE TO RETREAT BOLDLY, WHILE THE CRUEL AND GREEDY RUSSIANS COWARDLY ADVANCE”: THE DESTRUCTION OF NON-CLASSICAL COMMUNICATIVE REALITY AS A RESULT OF SWO

Informational postmodernity is a special communicative strategy that uses fictitious cultural objects, digitalization of antiquity, surrogates, simulacra, fakes, chaos control, provocation, disunity, reactivity and emotionality of the consumer. The special military operation in Ukraine marked tectonic changes in politics, law, economics, military art, and social-communicative ontology. A special military operation in Ukraine is the abolition of the deconstruction of classical existence.

Keywords: deconstruction, CIPSO, virtualization, social construction, social engineering, memory politics, falsification, coding.

Постмодернистским антикоммуникативным мемом киевской хунты выступал Кличко, а виртуальным агентом антиномичной «зрадоперемоги» стал Арестович, спикер офиса Президента Украины. Его интеллектуальная биография отражает тот хаос, в котором Украина находится последние годы: биолог, психолог, актёр, военный, политик. Главная функция комедианта-разведчика в политическом истеблишменте Украине – обеспечивать информационное манипулирование, убеждать украинцев в неизбежной победе и перепрограммировать потери в достижения. Типичные реплики Арестовича: «Вот-вот все закончится. Ещё 2-3 недели. Максимум», «Азов в Мариуполе – это эвакуация», «Северодонецк – гениально расставленная ловушка», а его переодевание в женское платье и игра в танчики делает этот персонаж идеальным мемом для контрпропаганды: в листовках солдат ВСУ спрашивают, ради кого они умирают – это переодевший «Люся Арестович», «пианист Зеленский» или «кровавый авантюрист Беня Коломойша». Украинский постмодернистский паноптикум не нуждается в бретерстве – он сам себя дискредитирует.

«Российская весна 2.0» 2022 г. способствовала возрождению надежды не только на справедливое мироустройство и новый этап деколонизации, но и на возвращение классической бинарной онтологии и гносеологии. Коллективный Запад отчаянно пытается отчаянно сохранить свою гегемонию, поэтому легализует нацизм и иные формы радикализма (фашизм, терроризм) как методы достижения в гибридной войне. Не последнее место занимает и постмодернизм как технология дестабилизации социальной реальности через релятивизацию, дегероизацию, подмену. Марксистская этика и эстетика опиралась на классические категории – нрав-

ственный идеал, служение, доброе, прекрасное, трагическое, героическое, возвышенное. Постмодерн – это эстетика декаданса, деконструкции, иронии, эклектики, хаоса, шизоанализа; этика цинизма, пародийности, симуляции, децентрации, ситуативности, потребления, вуаеризма, сладострастия, эксплуатации.

Великий марксистский проект создания справедливого общества на классических принципах этики и эстетики можно оценить спустя сто лет его реализации, которые совпали с освобождением российского общества от капиталистического глобализма. Неоднозначность деконструкции постсоветских республик практически продемонстрировал Президент РФ В.В. Путин, который указал накануне начала СВО в Украине, что она не может заключаться только в сносе памятников советским вождям и переименовании улиц. Если бы украинские националисты были системны и последовательны, то они бы тщательно сберегали память В.И. Ленине, И.В. Сталине и Н.С. Хрущеве, которые подарили им огромное индустриально развитое государство. Однако политическое мифотворчество украинского неонацизма ослепляет. Пересмотр советских достижений в Украине сопровождался ускоренной деиндустриализацией и сейчас довершается деконструкцией границ. Вместе с тем, советское прошлое остается магнитом для множества советских людей, которые видят в нем, прежде всего, социальную справедливость, равные возможности, действенные социальные лифты и экономические выгоды от совместного хозяйствования европейских народов.

Знамена красного цвета с серпом и молотом – это ещё и реминисценция советского освобождения Донбасса от фашизма. В промышленном сердце СССР гитлеровцы уста-

новили в Донбассе беспощадный оккупационный режим. Правительству П.А. Порошенко и В.А. Зеленского уверенно шло по фашистскому пути – закрытие оппозиционных СМИ и партий, убийство политиков и общественных деятелей, создание националистических карательных батальонов. Поэтому знамена марксизма-ленинизма для жителей бывшего СССР означают освобождение от фашизма и нацизма, справедливость, равенство, человечность. Как и во второй половине Великой Отечественной войны идёт освобождение Каховки, Херсона, Мариуполя, Харькова. Народная милиция ЛДНР используется в качестве объединяющего символа красное знамя. Вместе с тем, это движение снизу идёт параллельно иным рассогласованным процессам: драпировке мавзолея В. И. Ленина во время Парада 9 мая и тому, что среди левых нет однозначной поддержки СВО.

Революция 2022 г. против 1991 г. открыла неожиданную поддержку идеалов СССР в лице опального украинского политика Т.Н. Монтян, которая, как Ленин в Разливе, выходит в мир из подполья, что, в современных условиях означает передача Ютуб послания из Дахаба. Полмиллиона подписчиков в Телеграм канале, миллионные просмотры эфиров, а также преследование её деятельности со стороны ЦИПСО ВСУ и цензорами Ютуба, позволяют считать Т.Н. Монтян весомым лидером общественного мнения, консолидирующего вокруг себя советских и русскоязычных людей со всего мира.

Монтян в своих выступлениях выводит по институционализму «Школа юного кальмара» исходит из того, что социалистическая система является самой перспективной в эволюционном развитии, т.к. капитализм основан на системных экономических ограничениях и социальной сегрегации. Советская власть занималась «вполне человеком»: развивала детей, устраивала социальные лифты, давала работу, образование, медицинское обеспечение, содействовала развитию письменности и культуры самобытных народов. Коллективизм, дружба, честность, интернационализм – это нравственный капитал СССР. В ответ на постоянную критику «совка» от своих слушателей Монтян аргументирует, что необходимо учесть недостатки и запустить проект СССР 2.0 или новый экономический и идеологический союз постсоветских народов, построенный на классических ценностях, уважении и справедливости.

Монтян – это не только гражданский журналист, политик и единокорочец. Публицист, получивший юридическое образование в МГУ, работала уголовным адвокатом и строит свою общественную сеть «СССР 2.0» на серьёзной научной основе. Монтян интересуют источники по стратегии развития общественных институтов (перуанский экономист Эрнандо де Сото «Загадка капитала»), а также граница проведения общественного ресурса в условиях роста народонаселения и пределов социотехнического развития (американский эколог Гаррет Хардин «Трагедия ресурсов общего пользования»). Однако, наиболее важной теоретической опорой Монтян стала фундаментальная работа лауреата Нобелевской премии по экономике Элинора Остром «Управляя общим», где детализируются меры по сохранению баланса экосистемы и недопущения истощения ресурсов. Монтян полагает, что в управлении общим побеждают социалистические идеи как более справедливые. Она принадлежит к поколению политиков, которые всегда считали распад СССР крупнейшим предательством элит вроде Горбачева-Ельцина и, соответственно, результатом циничной и прагматичной спецоперации коллективного Запада.

Капитализм нацелен на хищническую максимизацию прибыли и эксплуатацию; и никуда не может уйти от колониаторской и пиратской сущности накопления капитала. Для расширения своей ресурсной и трудовой базы капитализм использует все средства – девальвацию культуры, войну, идеологию фашизма, нацизма, терроризма и иные радикальные социальные формы. Социализм выступает за умеренное потребление, солидарность масс трудящихся, долгосрочное планирование, выравнивание условий труда, качества жизни и доходов. В долгосрочной перспективе, принимая во внимание устойчивое развитие в условиях ограниченности ресурса, самая гуманная стратегия будущее мира – социалистическое, коллективистское, коммунитарное.

СССР был прав с точки зрения обще-социального, глобально-экологического отношения к стратегии будущего. Несомненно, у него были недостатки и просчёты в микроэкономике, молодёжной политике, избыточной криминализа-

ции. Однако даже его мобилизационная экономика и недостаток потребительских товаров в ближайшей перспективе нам покажутся разумными и обоснованными в связи крахом глобальной стратегии либерального рынка. Западный проект смог убедить абсолютное большинство в своей успешности и безальтернативности. Однако события в Украине сложились как пазл все прошлые колониаторские преступления коллективного Запада – от плантаторского рабства африканцев и геноцида коренных индейцев до военных операций в Корее, Вьетнаме, Ливии, Югославии и Сирии.

Спецоперация также сорвала маски с гуманитарного права. Гуманитарное право, ООН, демократия, либеральный рынок, образование – это лишь инструменты США для внедрения своей колониаторской политики. Главное – чтобы в США все было хорошо, для этого приносятся в жертву целые государства.

Мы не должны забывать, что людей стало слишком много на Земле и социальный дарвинизм никуда не исчез. Конфликты будут только нарастать. Жизнь человека ценится в зависимости от капитализации его государства и международного блока. Переход от гуманитарного права к прайдовому будет только увеличиваться [1]. Почему мы верим в нашу победу? Поскольку многополярный мир – это более справедливое эволюционное решение. Восемь миллиардов человек на Земле могут позволить себе умеренное потребление. Стандарт жизни золотого миллиарда экологически не обоснован. Планетарная угроза исходит именно от недружественных для России стран или государств с самым высоким уровнем жизни, который они поддерживают, прежде всего, за счет создания спекулятивного капитала и создания высокого уровня добавленной стоимости в своих странах. Недружественные страны, объявившие санкции России, поставляют оружие Украине, а также стремятся контролировать мировую денежно-кредитную политику и технологии, что становится все более недоступным в условиях роста экономики Китая, Индии, Ирана.

СССР постоянно был под санкциями, т.к. Запад не мог допустить альтернативный вариант глобализации. Растущая русофобия и путинофобия на Западе, с одной стороны, порождены старым антисоветизмом, с другой стороны – сопротивлением гендеризму и педерастии со стороны России, т.к. Путин стал мемом для антигомосексуального движения, для людей, которые не хотят уроков по смене пола для своих первокурсников. Поэтому так популярны на Западе нарративы «русские плохие», «Россия возрождает СССР», «Путин – второй Гитлер», «Украина – вторая Чехословакия». Хотя трезвым аналитикам в США понятно, что В. В. Путин не собирался нападать на Украину, у него нет планов по её оккупации; однако он понимал, что при определенных обстоятельствах, ему придется провести военную операцию, что есть сценарий, которые могут его подтолкнуть к этому, например, усиление инфраструктуры НАТО в Украине, нападение ВСУ на ЛДНР, ядерная угроза России со стороны Украины [2, 3].

Санкции проявили сразу, кто есть кто. Мы долгое время обманывали друг друга с Западом, лицемерили, пытались вести многовекторную политику. Сейчас честно разругались и стало легко на душе. И сразу стало понятно, почему экономика СССР была все время мобилизационной, почему так важно иметь сильную армию и новейшее вооружение, стали понятны политика Ленина и Сталина, которые вновь стали символами интернационализма, мобилизационной экономики, классической этики и эстетики.

Пристатейный библиографический список

1. Панищев А.Л. Человек и род: от естественного права к прайдовому // Фундаментальные исследования. - 2007. - № 12. - С. 34.
2. Тимощук А.С. Россия Путина как эмерджентный проект // Учёные записки: научно-практический журнал (ВФ РАНХиГС). - 2018. - № 1 (25). - С. 78-81.
3. Mearshimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. - 2014. - N 5. - P. 1-10.

МУХТЯРОВА Нория Харисовна

кандидат философских наук, кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного аграрного заочного университета

САВИНА Виктория Витальевна

кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного аграрного заочного университета

ШЕПИЛОВ Александр Григорьевич

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного аграрного заочного университета

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Актуальность работы состоит в том, что гражданская идентичность может быть рассмотрена как одно из значимых условий формирования и успешного функционирования гражданского общества. Использование ее личностных ресурсов делает такое функционирование более или менее эффективным, дает возможность защитить общество как систему от энтропийных явлений, от поглощения другими государствами и культурами.

Цель работы состоит в определении основных личностных ресурсов гражданской идентичности в России. В ходе работы используется системный подход, дающий возможность выявить содержание, а также сформировать представление о ее различных личностных ресурсах. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов в различных областях политической действительности российского общества, а также политики идентичности нашего государства.

Ключевые слова: гражданская идентичность, личность, личностные ресурсы, политика идентичности, гражданское общество.

MUKHTYAROVA Noriya Kharisovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Social and humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian State Agrarian Correspondence University

SAVINA Viktoriya Vitaljevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, Head of Social and humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian State Agrarian Correspondence University

SHIPILOV Aleksandr Grigorjevich

Ph.D. in agricultural sciences, associate professor of Social and humanitarian disciplines sub-faculty of the Russian State Agrarian Correspondence University

PERSONAL RESOURCES OF CIVIC IDENTITY IN MODERN RUSSIA

The relevance of the work is that civil identity can be considered as one of the significant conditions for the formation and successful functioning of civil society. The use of its personal resources makes such functioning more or less effective, makes it possible to protect society as a system from entropic phenomena, from absorption by other states and cultures.

The purpose of the work is to identify the main personal resources of civic identity in Russia. In the course of the work, a systematic approach is used, which makes it possible to identify the content, as well as to form an idea of her various personal resources. The practical significance of the work lies in the possibility of using the results in various areas of the political reality of Russian society, as well as the identity policy of our state.

Keywords: civil identity, personality, personal resources, identity policy, civil society.

Изучение проблем персональной и социальной идентичности и идентификации традиционно связывается с достижением личностью ряда общественно значимых статусов и ролей, среди которых особое значение имеет статус гражданина государства. Как следствие, в научный оборот введено понятие гражданской идентичности, которое может трактоваться «во-первых, как осознание принадлежности к обществу граждан того или иного государства, имеющей для индивида значимый смысл; и во-вторых, как феномен индивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий эту общность как коллективный субъект» [10, с. 183]. В рамках данного понятия отражается осознание человеком своей соотнесенности с сообществом, что выражается в единстве индивидуального тождества с образом государственных структур и коллективного образа

общества как компонентов гражданской идентичности личности.

Персона осознает свою принадлежность к определенной социальной группе, реализуя данный процесс вместе с «эмоциональным и ценностным персональным смыслом группового членства» [2, с. 140]. Это дает возможность ей удовлетворить потребности в принадлежности к группе и достигнуть комфортной связи с социальной реальностью. Второй компонент гражданской идентичности дает возможность достигнуть личности осознания ее единства с коллективным субъектом, что предполагает прохождение персоной политической и гражданской социализации путем усвоения приемлемых форм и способов поведения, а также норм граждански значимого поведения [12].

В литературе полагается, что структурными элементами гражданской идентичности являются когнитивный, ценностный и эмоциональный компоненты [3]. Когнитивный компонент гражданской идентичности включает в себя множество знаний и представлений личности о своей принадлежности к конкретной социальной группе, обладании общих признаков, принципах и основаниях такого объединения, гражданстве, принципах и основаниях взаимодействия гражданина и государства [10]. Эмоциональный компонент гражданской идентичности предполагает наличие чувства гордости и стыда, которые вызваны единством с общественно-политической общностью. Именно такие эмоциональные компоненты трактуются некоторыми учеными как один из наиболее важных показателей гражданской идентичности. Ценностный компонент гражданской идентичности включает в себя аксиологические ориентиры всех возможных форм взаимодействия гражданина с государством, с которым он себя соотносит. К таким ценностям можно отнести уважение прав и свобод гражданина, признание за каждым гражданином свободы выбора, толерантность, самоуважение [7]. Определяется мотивационная сторона поведения человека как гражданина.

Ценностный компонент гражданской и правовой идентичности выражает совокупность представлений о праве, законности и правопорядке, а также персональном отношении к ним со стороны персоны [1]. Личность оценивает такие политические ценности, как справедливость, власть, правовой и государственный порядок, правовая норма поведения.

Исходя из проведенного анализа, можно утверждать, что гражданская идентичность имеет функциональную значимость, поскольку определяет основание группового самосознания, мотивирует человека к совершению действий, а также является залогом стабильности государства [2, с. 141].

Гражданская идентичность как форма социальной самоидентичности имеет ряд ресурсов, одним из которых можно считать социальную активность и личностную зрелость как неотъемлемое свойство персоны и ее гражданской самоидентичности. Основанием представленного ресурса можно считать возрастающая роль возрастающая роль личности в государственном и общественном регулировании процессов. А.А. Фомин и А.И. Симанина исходят из утверждения о том, что на личность возлагается ответственность за происходящие социально-политические изменения, что предполагает использование ресурса социальной активности и личностной зрелости для участия человека как социального субъекта в решении актуальных общественных проблем. Так, ученые демонстрируют достаточно высокий процент людей, которые гордятся своим гражданством, совмещенный с низким уровнем гражданской активности [11, с. 123-124]: в более, чем половине случаев наличие нежелание опрошенных участвовать в политических собраниях и митингах лишь на том основании, что данные действия не могут оказать влияние на политические процессы в России.

В данном контексте социальная активность и зрелость личности можно трактовать как ресурс гражданской идентичности персоны по той причине, что на основании гражданского мировосприятия определяется ценностное ядро личности и социально приемлемых форм ее поведения, что позволяет влиять на взаимодействие отдельного человека и государства.

Социальная активность как «система знаний о социальной действительности и о себе, это система сложных социальных навыков и умений взаимодействия, сценариев и

моделей поведения в шаблонных социальных ситуациях, позволяющих обеспечить мгновенную адаптацию, быстро и конструктивно принимать решения, учитывая сложившуюся конъюнктуру» [11, с. 125] дает возможность формировать просоциальную активность личности как субъекта социальной интеракции и формировать повестку дня в процессе своего взаимодействия с обществом и государством. Представленная позиция оказывает влияние на восприятие государства и человека как его гражданина [6].

Мы видим, что социальная активность как ресурс личностный ресурс гражданской идентичности связана с активным действием субъекта социальных отношений и основана на актуальных представлениях о гражданском обществе, его ценностях и идеалах, отношении к структурным организациям, а также способности субъектов российского общества сохранять или видоизменять имеющиеся институты общества.

Не менее важным личностным ресурсом гражданской идентичности можно считать возможность обеспечения единства и самосознания личности как гражданина поликультурного общества лишь на том основании, что она присваивает себе общечеловеческие нравственные ценности [8, с. 177], признает свободу самовыражения и учитывает многообразие социальны установок, норм и ценностей. Гражданская идентичность предполагает личностные ресурсы формирования и сохранения государственности и возможность снижения напряжения в межкультурном, межэтническом взаимодействии граждан одного государства. Необходимым условием сохранения государственности может считаться формирование в человеке представлений о его идентичности с гражданственностью и стремлением сохранить и поддерживать ее.

Л.М. Дробижева [4] показывает, что гражданская идентичность может быть понята как консолидирующее основание социальной интеракции граждан одного государства. Такое основание не снимает негативного эмоционального предубеждения в отношении «иных» граждан, однако оказывает позитивное влияние на непосредственное межэтническое общение в системе трудовых и неформальных отношениях, поскольку основано на рациональных и регулятивных установках и формах проявления гражданской идентичности.

Как следствие, именно гражданская идентичность может считаться основанием снижения конфликтности современного общества, поскольку осознание того факта, что все мы являемся гражданами одного сообщества, может стать стабилизирующим фактором в государстве и основанием для снижения количества конфликтов между гражданами одного государства. Таким образом, можно говорить о том, что личностным ресурсом гражданской идентичности является наличие знаний, на основании которых формируется позитивное эмоциональное отношение к гражданам своего государства вне зависимости от их этнических, религиозных, национальных и иных признаков. Использование такого ресурса позволяет снизить конфликтность социальной среды и достигнуть общих принципов гражданской идентичности всеми субъектами государства. Именно по этой причине данный личностный ресурс гражданской идентичности представляется крайне важным для России [9, с. 7].

Кроме того, важным личностным ресурсом гражданской идентичности в современной России может считаться ее нормативная природа. Существует ряд научных разработок, в которых полагается, что нормативная природа гражданской идентичности выражается в совокупности правовых

норм, которые закрепляют и регламентируют правовой статус человека, фиксируют множество прав и свобод гражданина как участника различных общественно-политических отношений. Более того, становится возможным достижение нормативно закрепленного формализованного правового статуса автономной личности, а также ее права на самоопределение и достижение самоидентичности. Использование представленной природы гражданской идентичности позволяет отождествить себя с определенным институционализированным сообществом в качестве его члена за счет использования совокупности нормативных оснований соответствующих статусов. Именно такие свойства становятся основанием консолидации формализованных сообществ в российской действительности, что способствует консолидации всего общества вокруг обладания определенными признаками гражданства. Вместе с тем, представленная логика работает в отношении дифференцирующих признаков и соответствующих социально-политических групп.

Кроме того, ученые демонстрируют, что «изучение сущности и способов достижения гражданской идентичности имеет значительные перспективы. Столкновение и конкуренция ценностей и мировоззрений, актуальная современная геополитическая ситуация приводит к осознанию необходимости проведения государственной политики идентичности, направленной на интеграцию национального сообщества, формирование определенного представления о нации с опорой на исторические и культурные основания» [5, с. 132]. Для российской действительности использование нормативной природы гражданской идентичности означает возможность выработки основных принципов реализации так называемой политики идентичности, формирования образа «своего» в мире «других» и отстаивания национальных интересов в современных геополитических условиях.

В итоге, мы видим, что гражданская идентичность имеет ряд личностных ресурсов, к которым можно отнести социальную активность и личностную зрелость персоны, возможность обеспечения единства и самосознания личности как гражданина, нормативную природу гражданской идентичности. Все представленные ресурсы имеют высокую ценность, поскольку позволяют достигнуть высокого участия человека в жизни общества и государства, выполняют консолидирующую общественную функцию, снижая риски конфликтности в структуре всего государства, а также формализуют статусы и роли людей как граждан государства.

Пристатейный библиографический список

1. Безгина Н.В. Правовая и гражданская идентичность в структуре современной социализации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2011. - № 2. - С. 302-311.
2. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. - 2010. - № 5-6 (43-44). - С. 140-141.
3. Волосов М.Е. Краткий юридический словарь [Электронный ресурс] / Волосов М.Е., Додонов В.Н., Панов В.П. - НИЦ ИНФРА-М, 2012. - 303 с.
4. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. - 2017. - Т. 26. - № 1. - С. 7-31.
5. Ерохин В.С. Нормативная природа гражданской идентичности // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. - 2022. - № 1. - С. 123-132.
6. Егоров И.В. Гражданское мировосприятие личности: постановка проблемы в координатах личностной зрелости и просоциальной активности // Педагогика и психология: диалог о воспитании: материалы VII Сибирского педагогического семинара. - Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. - С. 6-19.
7. Ефименко В.Н. Структурные компоненты и содержательное наполнение понятия «гражданская идентичность» // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 11. - С. 250-254.
8. Кравченко Н.Ю. Гражданская идентичность как условие снижения конфликтности общества // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. - 2016. - Т. 16. - Вып. 2. - С. 177-180.
9. Кравченко Н.Ю. Гражданская идентичность современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. - 2016. - Т. 16. - Вып. 1. - С. 5-8.
10. Монастырский Д.В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы // Гуманитарий юга России. - 2017. - Том 23. - № 1. - С. 181-188.
11. Фомин А.А., Симанина А.И. Социальная активность, гражданская идентичность и личностная зрелость как проявления гражданского мировосприятия молодежи // Актуальные проблемы психологического знания. - 2015. - № 3 (36). - С. 123-135.
12. Shamionov R.M. The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. - 2020. - Том. 17. - № 3. - С. 459-472.

ПАРИЛОВ Олег Викторович

доктор философских наук, профессор, профессор Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия

СОБКО Руслан Васильевич

кандидат философских наук, доцент Нижегородской духовной семинарии

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

магистрант Нижегородского государственного педагогического университета

СПИРИН Василий Константинович

магистр философии, преподаватель Нижегородской духовной семинарии

РОЛЬ МАСОНА С. Е. ДЕСНИЦКОГО В ПРОСВЕЩЕНИИ И ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Представитель умеренно-либерального крыла русского масонства С. Е. Десницкий сыграл большую роль в просвещении России во второй половине XVIII столетия. Философ, правовед, проводник европейской культуры Нового времени, он вместе с тем выступал за обучение на русском языке. Ученый утверждал идею правового государства, прав личности. Ему присущ материалистический взгляд на мировую историю, социальный прогресс. Будучи апологетом абсолютной монархии, С. Е. Десницкий вместе с тем утверждал концепцию разделения властей, выступал за смягчение крепостного права, гласность судопроизводства, расширение законодательных полномочий сената, что означало ограничение власти императрицы. Предложения мыслителя по либерализации российского общества опережали время.

Ключевые слова: философия С. Е. Десницкого, просвещение, либерализм, правовое государство, европейская образованность.

PARILOV Oleg Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of the Russian State University of Justice

SOBKO Ruslan Vasiljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

VOROKHOBOV Aleksandr Vladimirovich

magister student of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University

SPIRIN Vasilij Konstantinovich

magister of philosophy, lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

THE ROLE OF THE MASON S. E. DESNITSKY IN EDUCATION AND LIBERALIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

The representative of the moderate-liberal wing of Russian Freemasonry S. E. Desnitsky played a big role in the enlightenment of Russia in the second half of the 18th century. Philosopher, jurist, conductor of the European culture of modern times, he at the same time advocated education in Russian. The scientist argued the idea of the rule of law, the rights of the individual. He has a materialistic view of world history, social progress. Being an apologist for absolute monarchy, S. E. Desnitsky, at the same time, affirmed the concept of separation of powers, advocated the mitigation of serfdom, the transparency of legal proceedings, the expansion of the legislative powers of the senate, which meant limiting the power of the empress. The thinker's proposals for the liberalization of Russian society were ahead of their time.

Keywords: philosophy of S. E. Desnitsky, education, liberalism, rule of law, European education.

Крупный российский масон, основатель петербургской ложи Озириса С.Е. Десницкий (1740-1789) сыграл заметную роль в просвещении России 2-й половины XVIII века, как проводник идеи западного буржуазного либерализма. С. Е. Десницкий был доктором римского и российского права, коллежским асессором, публичным ординарным профессором юриспруденции Московского университета, членом Императорской Российской академии. Этот видный ученый, философ, по выражению Н. М. Коркунова, явился «праотцом русской юридической профессуры» [1, с. 17]. Первоначальный курс обучения он прошел в духовной семинарии Троице-Сергиевой Лавры, но в конце концов пошел по пути европейского образования: в университете Глазго (Шотландия) он изучал юри-

спруденцию, математику, химию, историю, философию. На его становление как философа, юриста большое влияние оказали европейские мыслители, правоведы: Д. Юм, Г. Гроций, однако главным образом его мировоззрение формировалось под влиянием нравственной философии А. Смита.

Подобно М. В. Ломоносову, как российский ученый, просветитель, С.Е. Десницкий, преодолевая противодействие профессоров-иностранцев, боролся за то, чтобы лекции по правоведению читались на русском языке, а не на латыни или на немецком. В конце концов Екатерина II приняла сторону русского ученого, высказавшись о том, что «в университете пристойнее читать лекции на русском языке, а особливо юриспруденцию» [1, с. 79].

Но в целом С.Е. Десницкий явился проводником западно-либерального мировоззрения эпохи Нового времени. Мыслитель унаследовал рационализм европейского Просвещения и связанные с ним иллюзии, будто знание закона есть главный путь достижения справедливости и правопорядка: «Нужно всем вообще прилежать к познанию своего закона для соблюдения единственно токмо собственности и свободы» [2, с. 188]. Сосредоточение его главных научных интересов на защите прав личности, прав собственности, по нашему убеждению, уже есть сюжет европейского либерализма с присущими ему имманентизмом, прогрессизмом, которые в XIX столетии стали объектом критики отечественных христианских авторов [3]. В духе европейского Нового времени мыслитель трактует человеческую историю как линейное поэтапное восхождение, выделяет «четыре состояния рода человеческого»: звероловческий и собирательный; скотоводческий; хлебопашеский; коммерческий. Очевиден материалистический взгляд на историю, который также критиковался христианами мыслителями следующего столетия [4, 5]. Этапом хозяйственной деятельности, по С.Е. Десницкому, определяются этические нормы народа; абсолютно земными, материальными являются основные критерии социального прогресса: развитие права собственности, материальное производство и уровень богатства. Последнее, по убеждению просветителя, выступает главным критерием как личного, так и социального бытия: «Превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими... Есть начало и освоение всех чиновположений и оного разделения властей, которые столько ныне взюшли в употребление во всех государствах» [6, с. 274]. Таким образом, С.Е. Десницкий выступил ярким выразителем общей для западноевропейской и русской философии идеи исторического прогрессизма [7], но, в отличие, к примеру, от Иоахима Флорского или В.С. Соловьева [8], он закладывает в идею прогресса материальный фактор. По его убеждению, стремление к прогрессу заложено самой природой в человека: «Попечительна о блаженстве смертных природа; верховное счастье человека, по-видимому, утвердила на всегдашнем его устремлении к высшему состоянию. Одни желания рождают в нем другие; а как первые, так и последние всегда влекут его и возносят к возвышению ... его жизнь на верх благополучия» [6, с. 275]. Исходя из этого, как буржуазный либерал, он считает коммерческую стадию наивысшей («в сем состоянии великое рода человеческого делается преобразование в житии, нравах и правительствах» [6, с. 275]), ибо на этом этапе качественно увеличивается производство материальных благ – наивысшего развития достигают земледелие, ремесло, искусства, торговля, «зидуются грады, возносятся мраморные палаты, и человек, наследив сие новое и великолепное жительство, среди богатств, красот и убранства раболепно почитаемый, делается всемирным союзником и властелином над множеством прибегающих к нему ... напитан бывает он страстями и новыми бесчисленными снабден средствами к исполнению своих желаний» [6, с. 277]. Соответственно этому несравненно большую силу получает «Понятие о праве собственности, по которому дозволяется человеку употреблять свою вещь по произволению, ... Право отыскивать собственную вещь от всякого завладевшего оною

неправедно, ... Право отчуждать свою собственность другим» [6, с. 291].

С.Е. Десницкий выступал апологетом абсолютной монархии: «Монарх всероссийский в Российской церкви и империи есть самодержец» [2, с. 210]. Но вместе с тем он являлся проводником идеи Ш. Монтескье о разделении властей, стремясь «приноровить учреждение таких властей к нынешнему возвышающемуся российскому монаршескому состоянию» [2, с. 210], а также правовой регламентации общественных и государственных отношений. Он критиковал существующие ограничения в правах целых слоев общества. Не отрицая крепостное право, он выступал за смягчение участи крепостных: ссылаясь на екатерининский «Наказ», предлагал наделить некоторой собственностью крестьян, которой помещик награждал бы трудолюбивых; осуждал продажу крестьян в розницу и предлагал регламентировать законом продажи или переводы крестьян в другие деревни. Впрочем, в его трудах латентно присутствует критика крепостного права: придавая большое значение праву собственности, полагая его неотъемлемым правом человека, он порицает то положение, когда человек (крепостной крестьянин) является объектом собственности помещика. В целом, очевиден антифеодальный характер позиции С. Е. Десницкого, его стремление к буржуазному пути развития российского общества.

Десницкий сыграл заметную роль в создании нового Уложения. Он рассматривал эту работу как повод для проведения в России реформ, приближающих коммерческое состояние. Им было написано «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), где предлагается не разделение властей в смысле создания конституционной монархии с системой сдержек и противовесов, а образование подчиненных неограниченному монарху учреждений, осуществляющих законодательную, судебную и исполнительную функции. Революционным было его предложение новой модели законодательной власти. Согласно его проекту, она должна осуществляться императрицей совместно с сенатом, состоящим из 600-800 депутатов – влиятельных людей из разных сословий. Главный принцип выбора в сенат – имущественный ценз, уровень богатства. Основной целью сената было законотворчество. И хотя по Десницкому ни один законопроект не может быть принят без высочайшей санкции монарха, на деле данный проект был попыткой ограничения абсолютной власти императрицы, обеспечения прав различных сословий.

Мыслитель выступил сторонником гласности судопроизводства, публикации в печати решений судов, учреждения адвокатуры, принципа состязательности: «Во многих государствах опытом дознано, что без споров в суде справедливости доходить иного средства другого никакого нет» [9, с. 302]. В духе правового государства он утверждал идею организационно-правовых гарантий законности деятельности бюрократического и судебного аппарата самодержавной России; выступал за государственное покровительство промышленности, торговле, наукам и искусствам, за поддержку мануфактур и банков. В работе «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным» он поднимает проблему определения границ государственного вмешательства в нравственную сферу

личности. Мыслитель ратовал за смягчение уголовного наказания (чрезмерная жестокость, по его убеждению, вызывает «сожаление об виноватом ... и негодование против судей» [9, с. 306]), а также за равенство всех перед уголовным законом. В «Представлении об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» он писал, чтобы «всяк без изъятия в своей вине казнен был» [9, с. 310].

С.Е. Десницкий явился проводником одной из ключевых либеральных идей европейского Просвещения – идеи полового равенства. Ему присуща неоднозначная трактовка семьи, брачного союза: «В просвещеннейшие веки христианские супружество несравненно большую получило себе твердость и совершение, когда оно Сам истинный Бог всемогущим словом неразлучным утвердил» [9, с. 261]. Но реальное его отношение к семье сугубо прагматично – статус жены в процессе истории возвышается по мере увеличения ее хозяйственной пользы: «Жены и при сем начале для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества» [10, с. 262]. И в конечном итоге в просвещенном обществе торжествует желанная С.Е. Десницкому идея равенства мужчины и женщины: «При возвышающемся народов состоянии женский пол не токмо уравнен мужескому, но в некоторых случаях и предпочтен оному» [10, с. 267]. Для автора это показатель общественного прогресса. Позднее эти же самые идеи будут отстаиваться различными сословиями революционного российского общества, но уже как взаимоисключающие и с оружием в руках [11], [12], [13].

Пристатейный библиографический список

1. Покровский С.П. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. – М.: Наука, 1999. – 168 с.
2. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М.: Госполитиздат, 1952. – В 2 т. Т. I. – С. 188-236.
3. Парилов О.В. «Три разговора...» Вл. Соловьева и современное толерантное общество // Соловьевские исследования. – 2010. – № 3 (27). – С. 31-38.
4. Парилов О.В. Хилиастические мотивы в творчестве Ф. М. Достоевского, сформированные под влиянием концепции всемирной теократии В. С. Соловьева // Соловьевские исследования. – 2013. – № 2 (38). – С. 16-28.
5. Собко Р.В. Нравственная характеристика понятий «Ветхий» и «новый» человек в творчестве свт. Тихона Задонского / Собко Р.В., Ю.А. Гуторов, А.А. Пешков [и др.] // Феномен святости в истории русской цивилизации: сборник статей по материалам всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 28-29 ноября 2019 года. – Нижний Новгород, 2019. – С. 241-248. – EDN CMLJPN.

6. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях... // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М.: Госполитиздат, 1952. – В 2 т. Т. I. – С. 269-292.
7. Парилов О.В., Собко Р.В. Идеиная преемственность В.С. Соловьёва и Иоахима Флорского // Соловьевские исследования. – 2011. – № 2 (30). – С. 26-32.
8. Собко Р.В. Богословие как историософская схема: рассуждения о тринитарной концепции Иоахима Флорского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2011. – № 2. – С. 110-115.
9. Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М.: Госполитиздат, 1952. – В 2 т. Т. I. – С. 293-333.
10. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. – М.: Госполитиздат, 1952. – В 2 т. Т. I. – С. 258-268.
11. Собко Р.В. Св. Иоанн Кронштадтский и свящ. Георгий Гапон как выразители религиозно-социального идеала в России начала XX века // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – 2020. – № 18. – С. 473-486. – EDN FRTEQU.
12. Собко Р.В. Социальное государство: историческая и богословская ретроспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 308-311. – EDN WPWWUE.
13. Собко Л. Реформация 1517 и Революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской Духовной семинарии. – 2018. – № 16. – С. 449-457. – EDN YQYBCP.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-530-531

СИРИН Сергей Анатольевич

кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного медицинского университета Минздрава России

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье проводится анализ причин возникновения правового нигилизма в современной России. Автор исследует вопрос о соотношении понятий «причины» и «источники» правового нигилизма. Кроме того, в статье аргументируется утверждение автора о том, что причины правового нигилизма, а именно некоторые из них, могут быть одновременно и его отрицательными последствиями.

Учитывая причины возникновения и распространения правового нигилизма в России, автор, указывая на объективную невозможность выявления исчерпывающей спецификации причин правового нигилизма, уделяет внимание таким вопросам, как экономическое расслоение общества, коррумпированность властных структур, особенности российского законодательства, нравственности и справедливости закона, влияние средств массовой информации на представления людей о праве, отсутствие консолидирующей государственно-правовой идеологии.

Ключевые слова: правовой нигилизм, философия, Россия, нигилисты, политика.

SIRIN Sergej Anatoljevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of the Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia

SOCIO-PHILOSOPHICAL REASONS FOR THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LEGAL NIHILISM IN MODERN RUSSIA

The article analyzes the causes of the emergence of legal nihilism in modern Russia. The author explores the question of the relationship between the concepts of "reasons" and "sources" of legal nihilism. In addition, the article argues the author's assertion that the causes of legal nihilism, namely some of them, can simultaneously be its negative consequences.

Taking into account the reasons for the emergence and spread of legal nihilism in Russia, the author, pointing out the objective impossibility of identifying an exhaustive specification of the causes of legal nihilism, pays attention to such issues as the economic stratification of society, the corruption of power structures, the peculiarities of Russian legislation, the morality and fairness of the law, the influence of the media on people's ideas about law, the lack of a consolidating state-legal ideology.

Keywords: legal nihilism, philosophy, Russia, nihilists, politics.

Сири́н С. А.

В современном обществе одной из первостепенных проблем, помимо глобальных, является проблема правового нигилизма, а именно, отрицание законов и права как социального института в целом.

Нигилизм – первоначально философия морально-гносеологического скептицизма, возникшая в России 19 века в первые годы царствования царя Александра II. Этот термин широко использовался Фридрихом Ницше для описания распада традиционной морали в западном обществе. В XX веке нигилизм охватывал множество философских и эстетических установок, которые в том или ином смысле отрицали существование подлинных нравственных истин или ценностей, отрицали возможность познания или общения, утверждали предельную бессмысленность или бесцельность жизни или жизни [1].

В русской литературе нигилизм, вероятно, впервые был использован Н.И. Надеждиным в статье 1829 года в «Вестнике Европы», в которой он применил его к Александру Пушкину. Надеждин, как и В.В. Берви в 1858 г., отождествлял нигилизм со скептицизмом. Михаил Никифорович Катков, известный консервативный журналист, интерпретировавший нигилизм как синоним революции, представил его как социальную угрозу из-за его отрицания всех нравственных принципов.

Также писатель, Иван Тургенев в своем знаменитом романе «Отцы и дети» (1862 г.), использовал этот термин через образ Базарова-нигилиста. В конце концов, нигилисты 1860-х и 1870-х годов стали рассматриваться как растрепанные, неопрятные, неуправляемые, оборванные люди, восставшие

против традиций и общественного порядка. Затем философия нигилизма стала ошибочно ассоциироваться с цареубийством Александра II в 1881 г. и политическим террором, который применялся активистами в то время подпольных организаций, выступавших против абсолютизма [6].

Если для консервативных элементов нигилисты были проклятием времени, то для либералов, таких как Н.Г. Чернышевский они представляли собой лишь преходящий фактор в развитии национальной мысли – этап борьбы за индивидуальную свободу – и подлинный дух бунтарского молодого поколения. В своем романе «Что нужно сделать?» Чернышевский стремился обнаружить в нигилистической философии положительные стороны [1].

По существу, нигилизм XIX века представлял собой философию отрицания всех форм эстетизма; он выступал за утилитаризм и научный рационализм. Классические философские системы были полностью отвергнуты. Нигилизм представлял собой грубую форму позитивизма и материализма, бунт против установленного общественного порядка; оно отрицало всякую власть государства, церкви или семьи. Он основывал свою веру только на научной истине; наука была бы решением всех социальных проблем [4; 5].

На мышление нигилистов 19-го века оказали глубокое влияние философы, ученые и историки, такие как Людвиг Фейербах, Чарльз Дарвин, Генри Бакл и Герберт Спенсер.

Так как нигилисты отрицали двойственность человека как соединения тела и души, духовной и материальной субстанции, они вступили в ожесточенный конфликт с цер-

ковными властями. Поскольку нигилисты поставили под сомнение учение о божественном праве королей, они вступили в аналогичный конфликт со светскими властями. Так как они презирали все социальные связи и семейный авторитет, конфликт между родителями и детьми стал столь же имманентным, и именно эта тема лучше всего отражена в романе Тургенева [2].

Если говорить про современную Россию, то проявления правового нигилизма имеют свои особенности, так как правовая система Российской Федерации находится на очень низком уровне развития. Причиной этого являются многочисленные противоречия, встречающиеся в этой системе и возникающие в результате правового нигилизма, в том числе и исторические противоречия. Если говорить о том, что отрицание права возникло в последнее время, то это будет несправедливым (в отличие от всего остального мира) заявлением по отношению к России. Нигилистические идеи с древних времен имели место в душе русского человека [3].

Одним из показателем несправедливости власти является ситуация, произошедшая в России не так давно с бывшим Хабаровским губернатором.

Когда в 2018 году двум кандидатам удалось сместить губернаторов, были посеяны семена сегодняшних силовых игр и народных протестов. Одним из таких оппозиционных губернаторов является Сергей Фургал из ультраправой Либерально-демократической партии (ЛДПР), который одержал убедительную 70-процентную победу над действующим губернатором Вячеславом Шпортом в Хабаровском крае на Дальнем Востоке России [10]. Его избрание демонстрирует, как новые политические силы угрожают влиянию Кремля за пределами Москвы. Направляя разочарование избирателей и заручившись поддержкой сильных политических машин, кандидаты от оппозиции могут добиться неожиданных побед.

Два года споров вокруг избрания С. Фургала достигли апогея 9 июля 2020 года, когда он был арестован по подозрению в организации убийств двух бизнесменов пятнадцатью годами ранее. Еще в 2019 году политологи объявили Фургала «нежелательным кандидатом для Кремля». Российский медиа-гигант РИА Новости сообщил, что его арест был частью более крупного расследования деятельности организованной преступной группы.

Одним из важных сигналов, который Кремль использует для оценки лояльности, является явка избирателей. Конституционный референдум 2020 года, в который были включены поправки, продлевающие срок полномочий Владимира Путина на пост президента до 2036 года, стал прекрасной лакмусовой бумажкой региональной лояльности президенту и его режиму. Хабаровский край показал вторую по величине явку избирателей среди всех административно-территориальных единиц России – всего 44 процента. Неспособность Фургала мобилизовать достаточное количество избирателей в поддержку Кремля могла стать последним толчком к смещению его с занимаемой должности.

Через два дня после ареста Фургала тысячи хабаровчан собрались на демонстрацию и шествие. Ежедневные собрания до 50 000 протестующих продолжались в течение нескольких месяцев после ареста. Перед лицом возмущения общественности В.В. Путин назначил на место Фургала Михаила Дегтярева. Выбор кандидата от ЛДПР, должен был удовлетворить критиков; вместо этого это еще больше разожгло протесты, потому что Дегтярев является московским политиком и членом «кадрового резерва», прошедшим курс в президентской академии управления.

Итак, в нашей стране причинами правового нигилизма выступают:

- Эгоцентризм представителей высших политических кругов;
- Пренебрежение правовыми правилами представителями уполномоченных органов;
- Некорректная работа судебной системы, избирательность права по отношению к различным слоям населения;

– Наличие противостояния между классами (в России, можно сказать, отсутствует средний класс, остались только богатые и бедные слои населения);

– Преступность, которая имеет экономическую подоплеку [7].

Стремление к государству всеобщего благосостояния также явно растет. Этот сдвиг был мотивирован устойчивым снижением реальных доходов граждан с 2014 года, что было вызвано годами экономической стагнации и безудержной инфляцией цен на продукты питания. За последний год некоторые товары первой необходимости подорожали на десятки процентов. Кажущийся стабильным российская государственная система все больше начинает выдыхаться. Возникает вопрос, насколько нынешняя модель правления способна создать импульсы для развития и предложить россиянам привлекательное видение будущего? Прогрессирующая централизация «вертикали власти» не привела к большим успехам в государственном управлении [8].

Это касается как простых граждан, так и государственно-административного аппарата [9].

Беспорядки в Казахстане в январе 2022 года только усилили опасения Кремля, что даже кажущаяся стабильной система может столкнуться с серьезной проблемой. Эти события также выявили риски, связанные с выбранной в стране моделью преемственности президентов. Как оказалось, отставной руководитель никогда не может чувствовать себя в полной безопасности. Пример Нурсултана Назарбаева, вероятно, укрепил убежденность Путина в том, что только пожизненная власть является железной гарантией личной безопасности.

Таким образом, пока уровень жизни граждан РФ будет на уровне бедности, трудно требовать соблюдения правовых норм и правил. Именно поэтому нужно повышать уровень жизни населения, заниматься просветительской деятельностью, люди должны знать и соблюдать свои права и обязанности.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности. – СПб., 2013.
2. Балакин А.В. Правовой нигилизм в современной России // Молодой ученый. – 2018. – № 6 (192). – С. 122-123. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/192/48346/> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Бастрыкин А.И. Теория государства и права. – СПб, 2005.
4. Варламова Н.А. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее и будущее России // Открытое общество: Информационно-аналитический бюллетень. – 2002. – № 1 (12). – С. 12.
5. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 7. – М., 1956.
6. Степин В.С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. Издание Московско-Петербургского философского клуба. – М., 2010. – С. 22.
7. Теория государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2009 (автор главы – В.Д. Попков).
8. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 25.
9. Победу Фургала на выборах губернатора Хабаровского края приписали Ишаеву. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/40944779-pobedu-furgala-na-vyborah-gubernatora-habarovskogo-kraja-pripisali-ishaevu/>.

DOI 10.46320/2073-4506-2022-5-168-532-534

СОЛОВЬЕВА Анжелика Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия

ТЕХНОЛОГИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В данной статье рассмотрены проблемы патриотического воспитания будущих юристов, с учетом вызовов современных реалий. На основе обобщения инновационного опыта в сфере воспитательной работы выделены наиболее перспективные и эффективные технологии, адаптированные к высшей школе и нацеленные на формирования патриотического сознания и готовности выполнения гражданского и профессионального долга.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, инновационные педагогические технологии, гражданское самосознание, вариативность педагогических форм и методов.

SOLOVJEVA Anzhelika Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the Rostov branch of the Russian State University of Justice

TECHNOLOGIES OF PATRIOTIC EDUCATION OF FUTURE LAWYERS IN MODERN CONDITIONS

This article discusses the problems of patriotic education of future lawyers, taking into account the challenges of modern realities. Based on the generalization of innovative experience in the field of educational work, the most promising and effective technologies adapted to higher education and aimed at the formation of patriotic consciousness and readiness to perform civic and professional duty have been identified.

Keywords: patriotic education, innovative pedagogical technologies, civic consciousness, variability of pedagogical forms and methods.

Жизнь современного общества становится все более сложной и противоречивой, в новых геополитических реалиях формируются новые риски и угрозы для общества и государства. В сложившихся условиях особое значение для защиты национальных интересов и обеспечения общественной безопасности приобретает патриотическое воспитание будущих юристов. Одно из ведущих мест в образовательной системе студентов юридических вузов должен занимать комплекс технологий формирования патриотического сознания, готовности выполнения гражданского и профессионального долга по защите прав и интересов граждан, а также защите Родины. Сегодня патриотизм наряду с высоким уровнем правового самосознания являются профессионально значимыми характеристиками и критериями профессиональной пригодности для всех юридических специальностей. Важная роль в формировании будущего облика страны с учетом актуальных преобразований принадлежит молодежи, способной к безупречному исполнению служебного долга.

Процесс формирования взглядов, убеждений, моральных ориентиров и ценностно-смысловых установок, как проблема, связанная с осмыслением содержания нравственно-мотивационной сферы студентов актуализирована в условиях глобальных вызовов на фоне социальных, политических процессов и манипуляций в информационном пространстве.

В последнее время отмечается мировоззренческий кризис, который выражается в подрыве устоев общества, падении уровня культуры, деформации исторической памяти, формировании потребительских настроений и эгоизме. Наиболее уязвимой категорией в современной России, являются молодые люди, чей юношеский макси-

мализм в сочетании со стремлением в самореализации требует максимальных результатов в режиме «здесь и сейчас». В связи с этим целью патриотического воспитания в высшей школе должно стать развитие социальной активности, гражданской ответственности, долга перед обществом, становление юношества, обладающего способностью проявлять эти качества в созидательном процессе укрепления государства, обеспечения его жизненно важных интересов и устойчивого развития. Воспитание гражданина и патриота – это создание педагогических условий для саморазвития студента, сохраняющего культуру и природу родного края, формирование профессионала нового типа, как человека чести способного осознано встать на защиту Родины.

Традиционно формирование патриотизма и гражданской ответственности осуществляется по следующим направлениям:

– гражданско-патриотическое воспитание, основными задачами которого являются формирование устойчиво сознательного социального поведения, правовой культуры, гражданской позиции, в основе которой лежит добровольное служение закону, своему народу, выполнению своего профессионального долга и гражданских обязанностей;

– нравственно-этическое – формирование высших идеалов на основе сопричастности к истории своего народа, способность руководствоваться социально значимыми ценностями в профессиональной деятельности;

– военно-патриотическое и героико-историческое воспитание – одна из составляющих системы воспитания вуза, ориентированная на формирование у молодых людей гордости за свою страну, армию, воинские традиции предков и способности встать на защиту Отечества;

– социальное развитие – одно из важных направлений воспитательной работы, связанное с активизацией межпоколенческих связей, направленное на формирование способности к состраданию, проявлению заботы о нуждающихся в защите, потребности в реализации добровольчества и волонтерства, как форм социальной активности;

– здоровьесберегающее и физкультурно-спортивное, в рамках которого формируется мотивация к здоровому образу жизни, умения преодолевать трудности и выдерживать различные нагрузки, воспитание воли к достижению победы.

В современной России система стратегических приоритетов и целей, определяющих национальную безопасность, предполагает развитие широкого спектра технологий, форм и методик патриотического воспитания молодежи. Зависимость образовательного эффекта от культурных, информационных и политических условий во многом затрудняет и ограничивает достижение ключевых задач патриотического воспитания. Поистине космические скорости возникновения новых угроз, особенно в информационном пространстве, влияющих на формирование мировоззрения молодежи требуют от образовательной системы такой же стремительности в реагировании и применении нестандартных методов противодействия. Традиционные педагогические приемы уже не достигают необходимого воспитательного результата. Инновационная направленность патриотического воспитания заключается в сочетании классических, устоявшихся в образовательной практике, неоднократно апробированных и доказавших свою эффективность воспитательных технологий с современными формами и направлениями.

На концептуальном уровне современные подходы нашли свое отражение в государственных программных документах:

в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. как приоритетная задача выделена необходимость развития высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, готовой к мирному созиданию и защите Родины [1];

в Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. среди ключевых целей обозначены: укрепление гражданской идентичности, сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования, а также приоритетных задач: развитие военно-патриотического воспитания граждан, повышение престижа службы в Вооруженных Силах РФ и правоохранительных органах, создание условий для вовлечения молодежи в волонтерские движения, приобщения к отечественной истории, культуре, увековечению памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, изучению фольклора и народного творчества; осуществление просветительской, патриотической и военно-патриотической работы среди молодежи, изучение и популяризация, в том числе через медиапроекты, отечественной истории [2].

Вариативность методов и форм патриотического воспитания в высшей школе определяется целями и задачами. Просветительские мероприятия, как правило, проходят в виде открытых лекций, круглых столов, студенческих

конференций, бесед, диспутов, кинопоказов, экскурсий и посещений музеев, а также памятных мест.

Для вузовского образования характерно преобладание научно-исследовательских направлений работы, чем определены и современные форматы, например, историографические поисково-исследовательские проекты, предполагающие работу с открытыми архивными материалами и экспедиционные изыскания.

К сожалению, в последнее время, недостаточно внимания уделяется программам творческой направленности, несмотря на колоссальный потенциал в разнообразии форм и технологий. Творческое мероприятие, будь то конкурс, фестиваль, спектакль, или концерт – это событие, стимулирующее поиск нестандартных решений, в котором студент имеет возможность проявить инициативу, индивидуальность, нестандартный подход и организаторские способности в независимости от академической успешности.

Участие в акции волонтеров, театрализованном представлении, или поисковой экспедиции – это всегда форма активного соучастия в совместной созидательной деятельности. Воспитательный процесс, организованный как событие, способен изменить траекторию духовного развития личности, т. к. наполнен чувствами и переживаниями. Молодой человек, создавший образ на сцене, или видеоролик патриотического содержания приобретает новый, эмоционально окрашенный опыт, который способствует формированию смыслов, представлений и ценностей.

Педагогическая деятельность по организации патриотического воспитания не может быть эффективной без учета того факта, что современное студенчество погружено в медиа пространство различных интернет-ресурсов. Неограниченные информационные потоки формируют эталоны и предлагают различные нравственные ориентиры, многие из которых носят деструктивный характер. Противостоять этим угрозам можно только создавая альтернативную информационную среду, вовлекая в этот процесс самих студентов. Информационные технологии уже стали неотъемлемой частью жизни молодежи, но именно они могут позволить молодым людям стать активными участниками образовательного процесса, а педагогам повысить динамичность и гибкость использования различных форм воспитательной работы.

Творческими проектами, использующими интернет-ресурсы могут стать: создание, наполнение и техническая поддержка тематического контента в социальных сетях; создание слайд шоу и видеороликов; проведение прямых трансляций; онлайн-опросы; вебинары; виртуальные экскурсии.

Сегодня набирают популярность интернет-площадки, где молодежь может делиться результатами литературного творчества. Интересным может оказаться педагогический опыт организации конкурса малых литературных форм, посвященных Великой Отечественной войне: письмо в прошлое «Спасибо тебе солдат!»; исторический очерк, посвященный событиям и людям в свете исторических событий; записки-воспоминания «Память сердца...» (короткие мемуарные рассказы участников и очевидцев событий, связанных с Великой Отечественной войной); эссе «Нет в России семьи такой, где не памятен был свой герой...». По-

добные форматы позволяют создать условия для противодействия фальсификации отечественной истории.

Информационные технологии позволяют вовлечь в воспитательный процесс большее количество студентов даже в дистанционной форме, что на фоне современных реалий может быть особенно ценно.

Сфера влияния различных медиа в интернет-пространстве на молодежную аудиторию растет, поэтому необходимо задействовать этот ресурс, не только как пропагандистский инструмент, но как площадки для реализации творческой активности, создания самостоятельных проектов патриотической направленности. Необходимо учитывать возрастные и коммуникационные характеристики контингента обучающихся в юридических вузах, так как для молодежи сегодня привлекательными являются такие формы познавательной активности, как квесты, геймификации, онлайн-эстафеты. Сегодня запущены различные медиа проекты, направленные на популяризацию отечественной истории, например «Медиапобеда». Образцом реализации самых современных форм патриотического воспитания, направленных на формирование интеллектуальной элиты, имеющей иммунитет против радикализации, являются инновационные начинания Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения Юнармия, членам которого открывается доступ к сотням захватывающих событий, в которых есть возможность реализовать собственные идеи. Примером востребованной у молодых людей образовательной программы является уникальный проект Школа юных корреспондентов, реализуемый совместно с «Парк Патриот Медиа». Специфической особенностью телекоммуникационных проектов является возможность осуществлять межпредметные связи и обеспечивать формирование профессиональных и общекультурных компетенций.

Особое значение имеет развитие такой формы социальной активности для будущих правоведов, как киберволонтерство, которое заключается в выявлении противоправного и вредоносного контента, так как требует непосредственного взаимодействия с правоохранительными органами. В современных условиях проблема использования информационного пространства для оказания негативного психологического воздействия на широкий круг аудитории с целью дестабилизации ситуации в стране и общественного устройства, реализации экстремистской деятельности и актуализации провокационных идей. Привлечение студенческой молодежи в качестве кибердружинников выполняет не только профилактическую роль, но и создает условия для формирования активной гражданской позиции.

Юрист призван служить закону, потому он, в определенной степени, проводник политики государства, являясь государственным служащим, облеченным не только бременем власти, но соответствующей ответственности. Одно из направлений востребованных сегодня инноваций в юридическом образовании – правовое сопровождение государственного строительства. Потребность в патриотически воспитанных юриста, способных действовать в русле национальных государственных интересах весьма велика. На необходимость подготовки юристов-государствоведов указывают А. В. Малько и А. Ю. Саломатин [5]. В связи с

этим актуализируется вопрос необходимости насыщения образовательной программы юридических вузов общегуманитарным содержанием, усиления элементами философских, политологических и социологических знаний, что способствует формированию гражданского самосознания. Системное осмысление современных социально-политических процессов позволит студентам сформировать устойчивую мировоззренческую позицию, построенную на альтруистических этических нормах, ценностях и жизненных смыслах.

В заключении хочется отметить, что вызовы современных реалий требуют быстрых, своевременных и нестандартных решений в области реализации патриотического воспитания студенческой молодежи. Опираясь на традиции отечественной системы юридического образования, не исключая и советский период, имеющий богатый опыт подготовки специалистов с высокой степенью гражданской ответственности, взяв на вооружение современные технологии, необходимо создавать систему патриотического воспитания, в которой сочетается принцип преемственности и инноваций.

Пристатейный библиографический список

1. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.05.2015 № 996-р.
2. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016 № 326-р.
3. Бочаров Т., Дмитриева А. Юридическое образование в России и за рубежом: между университетом, профессией, государством и рынком. – Москва: Норма, 2021. – 232 с. – DOI 10.12737/1816213.
4. Капинус О.С. Значение нравственных ценностей в системе подготовки кадров для органов прокуратуры // Правовое и духовное образование в системе воспитания молодежи: сборник статей по материалам научно-практической конференции (г. Москва, 24 января 2019 г.) / Под ред. Н.В. Субановой, К.А. Комогорцевой; Университет прокуратуры Российской Федерации; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М.: МФЮА, 2019. – 280 с.
5. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Юридическое образование в глобализирующемся обществе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2017. – № 5. – С. 16-31.

ХАМИДУЛИН Артем Маратович

кандидат философских наук, кандидат богословия, старший преподаватель кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия

Хамидулин А. М.

ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ИСКУССТВА (НА ПРИМЕРЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ)

В статье рассматривается феномен религиозного искусства, конкретно конфессионального искусства, обладающего культовым значением. Предметом исследования является христианское религиозное искусство. Предлагаются варианты классификации, согласно которым церковное искусство тяготеет к служебным или смешанным искусствам. Отмечаются специфические особенности религиозного искусства, в котором выделяется гносеологическое и праксеологическое измерения. Концептуализируются категории «эстетический максимализм» и «эстетический минимализм», выявляется теологическая обоснованность этих позиций. Христианское искусство рассматривается через проблематику красоты как одного из критериев истины. Выделяются критерии бытования художественной выразительности в религиозной традиции. Методологией исследования основывается на философско-теологическом анализе культуры. Новизна исследования заключается в рассмотрении фундаментальных гносеологических оснований христианского религиозного искусства. Религиозное искусство трактуется как через преобразование окружающей реальности (творческий акт) выразить идею реальности трансцендентной. Традиционные церковные критерии допустимости эстетических образов (канон) осмысливаются через теорию познания. Определено, что религиозный образ духовной реальности формирует определенный культурно-эстетический стиль, который находит свое материальное воплощение в произведениях религиозного (церковного) искусства. Делается вывод о познавательной-практической основе религиозного искусства, о том, что функциональная цель религиозного искусства состоит в том, чтобы предоставить человеку возможность пережить опыт сакрального через приобщение к эстетическому объекту.

Ключевые слова: религиозное искусство, церковное искусство, религиозная культура, конфессионально искусство, культ, гносеология, праксеология, философия, канон, апофатика, мистика, истина, практика.

KHAMIDULIN Artem Maratovich

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Theology, senior lecturer of Philosophy and theology of the Kozma Minin Nizhny Novgorod Pedagogical University, associate professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the Russian State University of Justice

PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL ANALYSIS OF THE FOUNDATIONS OF RELIGIOUS ART (ON THE EXAMPLE OF THE CHRISTIAN TRADITION)

The article deals with the phenomenon of religious art, specifically confessional art, which has a cult significance. The subject of the research is Christian religious art. Classification options are proposed, according to which church art gravitates toward service or mixed arts. The specific features of religious art are noted, in which the epistemological and praxeological dimensions are distinguished. The categories of "aesthetic maximalism" and "aesthetic minimalism" are conceptualized, the theological validity of these positions is revealed. Christian art is considered through the problem of beauty as one of the criteria of truth. Criteria for the existence of artistic expressiveness in the religious tradition are singled out. The research methodology is based on the philosophical and theological analysis of culture. The novelty of the study lies in the consideration of the fundamental epistemological foundations of Christian religious art. Religious art is interpreted as expressing the idea of transcendental reality through the transformation of the surrounding reality (creative act). Traditional church criteria for the admissibility of aesthetic images (canons) are comprehended through the theory of knowledge. It is determined that the religious image of the spiritual reality forms a certain cultural and aesthetic style, which finds its material embodiment in the works of religious (ecclesiastical) art. The conclusion is made about the cognitive and practical basis of religious art, that the functional goal of religious art is to provide a person with the opportunity to experience the sacred through familiarization with the aesthetic object.

Keywords: religious art, church art, religious culture, confessional art, cult, epistemology, praxeology, philosophy, canon, apophaticism, mysticism, truth, practice.

Введение

Христианская церковь за свою 2000-летнюю историю создала великое разнообразие художественных форм. Объектом данного исследования является религиозное, христианское (конфессиональное) искусство, обладающее культовым значением (церковное искусство). Предметом исследования являются принципиальные основания религиозного, христианского, церковного искусства (разли-

чия в понимании религиозного искусства в православии, католичестве, протестантизме не является предметом изучения данной статьи). Методология исследования включает в себя элементы историко-сравнительного, герменевтического и функционального подходов. Рассматриваемая нами тема формируется на пересечении таких крупных тем как «искусство», «религия», «философия», «богословие» и периодически попадает в поле внимания таких за-

рубежных и отечественных исследователей как: G. Pattison, G. Graham, R. Hazelton, S. Jonas, Е.Г. Яковлев, В.В. Бычков, И.А. Тульпе, В.М. Розин, Г.Г. Коломиец, П.В. Ляшкенко [1], [2], [3], [4], [8, с. 27-64], [12, с. 120-136], [18], [21], [23], [24].

Искусство – это многогранное понятие, которое, как и любое подобное «простое» понятие («искусство», «философия» или «вера») имеет множество определений. В античном мире «искусством» назывался широкий спектр практической и теоретической деятельности людей, например, кораблестроение, гончарное мастерство, арифметика или диалектика. В связи с чем стоит заметить, что категории «искусство» и «техника» были связаны в сознании древних греков прочной ассоциативной связью [10, с. 89-94]. Позднеантичное разделение всех искусств на свободные и служебные (позже «механические»), предполагало, что такие привычные нам виды искусства как живопись, скульптура и архитектура попадали чаще всего в разряд служебных, поскольку требовали приложения физических усилий (в отличие от грамматики, риторики, диалектики, музыки, арифметики, геометрии и астрономии, которые предполагали умственный труд). С этой точки зрения, конфессиональное искусство имеет по большей части служебный характер, поскольку предполагает работу с физическим материалом (в меньшей степени это касается религиозной музыки и риторики). Классификация искусств эпохи нового времени, принадлежащая, в частности, Шарлю Баттё [6, с. 378-390], предполагает разделение искусств на утилитарные, ориентированные на удовольствия (музыка, живопись, скульптура) и смешанные (ораторское искусство и архитектура). Церковные искусства в этом отношении тяготеют к смешанным искусствам, поскольку выполняют вполне определенную, прикладную функцию.

Два измерения искусства

Как справедливо пишут про категорию «религиозное искусство» Д.А. Головушкин и И.Р. Гумарова, «...зачастую оно является всего лишь «рамочным понятием» и может наполняться в зависимости от «предпочтений» [9]. Так, религиозным искусством можно считать как любые произведения с религиозным содержанием, так произведения, имеющие непосредственно конфессиональный, культовый функционал. В данной статье речь идет о втором понимании религиозного искусства, образцы которого непосредственно относятся к сфере сакрального (священного). Все попытки вписать религиозное и конкретно христианское, церковное искусство в некую категорию, классифицировать его приводят к пониманию того, что оно обладает собственной спецификой.

На первый взгляд, представляется очевидным, что церковное искусство лежит в плоскости эстетического – оно стремится с одной стороны увидеть и выразить нечто прекрасное по своей сути, содержащееся в окружающей реальности, с другой же стороны, искусство предполагает создание прекрасного, как чего-то нового, не существовавшего до этого прежде (представляется допустимым и объединение этих возможностей – выражение красоты окружающего мира путем создания чего-то нового).

Христианское богословие дает основание и тому и другому, усматривая в первой функции искусства умение увидеть в гармонии и тонкой настройке вселенной творе-

ние Бога, («Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» – Рим. 1:20). В этом случае речь идет о гносеологическом измерении или аспекте искусства, т.е. об эстетическом раскрытии сущего. Очевидно, предполагается, что с точки зрения христианского богословия, красота не только в глазах смотрящего, но, что красота объективно (стоит добавить, что, по крайней мере, с точки зрения Абсолюта) присуща миру. Вторая функция искусства сводится к способности человека к творчеству. Выражаясь библейским языком, в сынах и дочерях Адама и Евы в силу их творения Богом по образу и подобию Своему предполагается способность творить новые вещи таким образом, чтобы они были «хороши весьма». В этом случае речь идет об эстетической праксеологии (тот самый служебный или декоративно-прикладной характер религиозного искусства), т.е. не только познании красоты мира, как в первом случае, но и преобразовании мира путем создания красивых объектов.

Гносеологическое измерение религиозного искусства

Помимо дискурса о красоте как прикладном мастерстве привлекает внимание познавательное, гносеологическое измерение искусства. Действительно, искусство есть форма познания мира. К числу познавательных особенностей искусства относится то, что оно 1) видит мир целостным, неразделенным; 2) производит удвоение реальности (помимо материальной данности наличествует особая – художественно осмысленная плоскость бытия); 3) выражает свое знание через образы и эмоции (т.е. оно более иррационально, интуитивно, чем рационально); 4) в значительной степени говорит не только об окружающем мире как объекте познания, но и познающем субъекте – человеке. Поэтому все произведения искусства, в том числе религиозного, содержат в себе одновременно нечто, говорящее об объективной реальности и содержащее субъективный отпечаток его творца.

Итак, искусство есть форма познания окружающей действительности. Для конфессионального искусства – и в этом заключается его примечательная особенность – человек выражает, отображает, подражает (в значении понятия «мимесис») не просто окружающий мир в значении мира природного или социального, но мир духовный (или же выявляет сущностные свойства мира материального, которые в итоге оказываются глубже, фундаментальнее знакомой нам материальности, а потому более духовны, чем материальны). Кстати, если смотреть шире, то христианский взгляд предполагает, что окружающий мир, будучи творением Бога, является средством Его постижения, соответственно красота окружающего природного мира коррелирует с красотой мира трансцендентного, такой теологический фундамент, кстати, лежит в рассуждениях христианских авторов о религиозной природе искусства. Однако, вернемся к основной линии нашего рассуждения. Если с окружающим природным миром мы имеем ежедневный опыт общения, то с миром духовным нет (возможность мистического общения со сверхъестественным, даже согласно религиозным традициям, является чем-то экстраординарным), и этот момент открывает для нас про-

странство не просто для гносеологического, но для социально-гносеологического измерения церковного искусства, которое мы и рассмотрим подробнее.

Эстетический максимализм и эстетический минимализм

Если рассматривать церковное искусство как форму знания о духовной реальности, закономерно возникает вопрос об источнике нашего знания о Боге. Наиболее простой ответ на этот вопрос заключается в том, что о Боге мы можем узнать из окружающей нас действительности, «транспонировав» ту красоту, гармонию, разумность и целесообразность нашего мира на мир духовный. Второй путь – Откровение – сложнее и вот почему.

Отечественный специалист по эстетике Е.Г. Яковлев, обращая внимание на взаимосвязь рационального и эмоционального начал в религиозном искусстве, пишет: «Рационалистическая обусловленность эмоциональной структуры художественного субъекта особенно ясно проступает в социальной детерминированности художественного творчества, в наличии у него определенного мировоззрения, являющегося не только концепцией, но и мироощущением» [24, с. 81]. Отталкиваясь от этой мысли, можно привести в пример факт исторического противостояния между Бернардом Клервосским и аббатом Сюже (Сугерием) из монастыря Сен-Дени [17, с. 79-117], которое имело в том числе и эстетическое измерение. Позиции этих двух выдающихся церковных деятелей XI-XII вв. представляют собой два, видимым образом, противоположных мироощущения касательно применимости художественных средств выразительности в церковной жизни. Первая позиция, которой придерживался Бернард из Клевро, предполагает минимализм и лаконичность форм, вторая же, разделяемая аббатом Сюже, – пестроту красок, игру цвета и света и активное использование драгоценных материалов в культе. Трудность заключается в том, что обе эти позиции можно обосновать с точки зрения христианского откровения. В пользу «эстетического минимализма» говорит факт умаления Сына Божия, принявшего «зрак раба» (кенозис), в пользу позиции «эстетического максимализма» (роскоши церковного культа) – факт Преображения и Воскрешения Иисуса Христа. И это только самые очевидные примеры, которые можно собрать и из Ветхого Завета – суровая лаконичность Неопалимой Купины, явившейся Моисею с одной стороны, и иерусалимский храм, исполненный божественного присутствия и славы, с другой. Примечательно в этом отношении еще и то, что Второе Пришествие Иисуса Христа ожидается «во славе», а Небесный Иерусалим описывается Иоанном Богословом как сверкающий град из драгоценных камней. Соответственно, исходя из того, какой образ божественного мы выбираем, такую мы и получаем церковную культуру – пышную, условно, «барочного» типа или напротив лаконичную и аскетическую в духе скандинавского минимализма. Примеры того и другого теологическо-культурологического дискурса о сверхъестественном наличествуют как в виде монументальных сооружений христианской традиции, так и, что даже более интересно, в виде религиозно-мировоззренческой парадигмы.

Исходя из чего следует выделить два фундаментальных вопроса. Первый вопрос заключается в том, какая эстетическая стилистика, какой эстетический опыт с большей достоверностью способны отразить, выразить духовную реальность и в конечном счете Бога? Ответ на этот вопрос предполагает изучение эстетической нагруженности всех форм религиозного откровения, поскольку непосредственного доступа у исследователей к трансцендентной сфере нет и ученые вынуждены изучать мнение религиозных традиций по этому поводу. В этом отношении позиция внеконфессионального исследователя всегда состоит в феноменологическом подходе (эпохе), такая своего рода «кантианская» позиция предполагает, что речь идет не об изучении духовной реальности как таковой, а об изучении мнения верующих людей (в том числе мистиков) об этой реальности.

Второй вопрос заключается в том, как люди воспринимают ту самую духовную реальность, какие существуют образы Бога, каковы их динамика и взаимодействие? Подобного рода историко-искусствоведческие вопросы восприятия религиозных смыслов через призму эстетики открывают социально-гносеологическое измерение вопроса о церковном искусстве, они должны стать предметом интересов будущих ученых.

Ответ с точки зрения философии религии может быть следующим: 1) Бог есть Абсолют, соответственно, все наши представления о божественной реальности не способны выразить ее в полноте, 2) все наши познавательные категории являются недостаточным для рационального описания реальности, во многом именно поэтому эстетическое, интуитивное познание приобретает в этом отношении свое преимущество в силу образно-символического характера (христианское культовое искусство в этом отношении принципиально символично – оно никогда не равно само себе, но всегда отсылает к иной реальности), 3) следовательно, позиции эстетического минимализма и максимализма имеют равнозначное право на существование.

Красота как критерий истины

Здесь хотелось бы рассмотреть вопрос соотношения истины (в соответствии с корреспондентской концепцией соответствия нашего представления реальности) и красоты. То есть задуматься об оценке адекватности художественного выражения самой духовной реальности одновременно с теологической и научной точек зрения. Признаками истинного знания являются ясность, когерентность, простота, красота и практика. Нас интересует такой признак как «красота».

А.Ю. Огородников в своей статье «Красота как критерий научной истины» [16, с. 87-91] приводит множество примеров, доказывающих то, что красота является существенным критерием научной истины, т.е. истины обоснованной, доказанной. Автор связывает феномен красоты (который присущ как реальности, так и особенностям работы нашего сознания) со структурированностью окружающей реальности (включая идеи гармонии, универсальности, симметрии и простоты). Действительно, в силу того простого факта, что есть нечто, а не ничто, это нечто отличается определенной организованностью и эта организованность (включая идею функционируемости всего

существующего), которая присуще и нашему сознанию, воспринимается как красота. Однако, научный журналист Филип Бол, приводя контрпримеры, свидетельствующие о том, что далеко не всегда красивые теории в последствии оказались истинными, а истинные теории не всегда красивыми, утверждает: «Связь между красотой и истиной так и не была доказана» [7]. В конце концов, не следует забывать и то, что как отмечает М.С. Лютаева в своей статье, посвященной религиозному искусству, «предмет может быть прекрасным вне зависимости от факта его наличного существования» [14, с. 81] – то есть такого существования, которое существует независимо от человеческого сознания или воображения.

Согласовывает две крайние точки зрения логичное до очевидности мнение физика и популяризатора науки Джеймса Трефила [20, с. 204], указавшего на то, что красота, несмотря на присущие ей объективные характеристики (универсальность, простота), в значительной степени зависит от субъективности восприятия, так одна научная гипотеза кажется одному красивой, а другому нет. Если бы разногласия между Бернардом Клервосским и аббатом Сюже (Сутерием) сводились бы только к обсуждению эстетических вопросов, такая позиция послужила бы основанием для их примирения. В силу различия не только от уровня, но и от стиля воспитания и образования красота является во многом субъективной категорией и потому лишь одним «из» признаков истинного знания. В этом отношении наиболее взвешенной позицией представляется точка зрения, согласно которой истина должна быть красива, пусть даже эта красота специфична и не всегда доступна для понимания неспециалистов. При этом с теологической, христианской точки зрения, та самая структурированность, организованность мира в некоторой степени отражает свойства Творца этой вселенной – это если смотреть на Абсолютную реальность «через» материальный мир. Что же касается взгляда на Абсолютную реальность непосредственно, то здесь основным теологическим критерием является соответствие художественного выражения (как и содержания последующих мистических откровений) изначальному мистически пережитому откровению, давшему зачастую начало религиозной традиции и закрепившемуся в качестве образцового, священного. В том и другом случае теологический подход предполагает однозначную трактовку красоты и истины в качестве необходимых атрибутов Абсолюта.

В конечном счете можно обозначить даже более интересную тему, которая открывается в связи с рассматриваемым вопросом. Речь идет о критериях соответствия духовного опыта – духовной реальности, которая открывается согласно свидетельствам людей, испытавших подобный опыт в мистическом переживании. Условно говоря, можно рассматривать все мистические свидетельства о духовной реальности, встречающиеся в Библии в качестве достоверных и оценивать некий мистический опыт человека, относящего себя к христианской традиции и живущего в условном 2500 году с точки зрения Библии, выявив некоторые существенные атрибуты, критерии образцовых с конфессиональной точки зрения переживаний (следует отметить, что такого рода опыт «различения духов» предлагается как в христианской, так и мусульман-

ской, и буддийской традициях [22, с. 93-105]). Но содержит ли духовный опыт, описанный в Библии, описание всей полноты духовного мира? Католический богослов Г.У. фон Бальтазар отмечал, что каждая отдельная грань образа Иисуса Христа, явленная в отдельном святом, указывает на целостный образ Бога (получается, что святость является одним из критериев христианской достоверности выражения духовной реальности, формализованные же критерии святости известны в христианских традициях разных конфессий в виде практики канонизации). При этом Г.У. фон Бальтазар пишет: «...очевидно, что Бог не может быть ограничен никакой системой, что к одной и той же центральной тайне существуют многообразные подходы» [5, с. 6]. Что справедливо и для выражения Абсолюта посредством церковного искусства. Что же касается соответствия художественных форм выражения той духовной реальности, которая открылась мистику, то в данном вопросе дела обстоят проще – то, что человек испытал, то он и старается изложить доступными ему средствами художественной выразительности.

Смыслы и оценки

Наше мышление обусловлено человеческой природой и культурной средой (верх – это хорошо, низ – это плохо; свет – это хорошо, темнота – это плохо; для врача Бог – это Целитель, для правителя – Правитель, для ученого – Мудрость, для деятеля искусства – Красота), поэтому, пожалуй, нельзя из суждения «ничто не способно выразить Бога» делать вывод, что для выражения религиозных смыслов целесообразно во всех случаях использовать совершенно любую стилистику. Данный принцип можно было бы назвать принципом большинства, поскольку речь идет о способности воспринимать отдельное произведение искусства в качестве красивого, однако ссылаясь на большинство имеет негативные коннотации («китч») и известный контраргумент, заключающийся в том, что экстравагантные произведения искусства подчас тоньше, умнее и в конечном счете красивее популярных в массах произведений – их нужно просто научиться понимать (т.е. уметь выявить заложенный автором смысла).

Безусловно, попытки эстетической апофатики, концептуального переворачивания и использования, например, условно низкой образности в высоком смысле имеют место во всех религиозных традициях (так, например, категория Бога как Ничто у Дионисия Ареопагита приобретает смыслы далеко отличные от нашего обыденного употребления данного понятия). Однако, представляется, что все же такое концептуальное религиозное искусство явно «не для всех», но для достаточно «рафинированной» публики, как, впрочем, и тексты христианских апофатиков. Хотя это и звучит по-снобистски, ведь все мировые религии имеют среди своих характерных признаков миссионерство, т.е. распространение своего понимания мира и того, что в этом мире делать человеку среди максимально широкого круга людей, тем не менее следует признать, что существуют объективно разные типы или стили религиозной жизни [19, с. 8-24]. Но даже в случае человека, имеющего у себя на книжной полке томик Дионисия Ареопагита, это не означает того, что тот же человек будет читать его «перед сном», так же как и человек, разобравшийся в

объекте концептуального искусства не факт, что поместит его в своем доме.

В искусстве (в религиозном особенно) принято исходить из фундаментального представления о прекрасном как гармонии, красоте, возвышенном, то есть из того, что в нашей культуре ассоциируется с красотой. Традиция как историко-эстетическая память культуры (концептуализированная при помощи греческого понятия «канон», имеющего социально-историческую смысловую нагруженность и трактуемого А.Ф. Лосевым в качестве «...принципа конструирования известного множества произведений» [13, с. 15]), выполняет по своей сути как раз такого рода нормирующую функцию, хотя, безусловно, и в известной степени она же ограничивает поиски новых форм выразительности, консервируя художественный взгляд определенной культурной эпохи. В дискурсе о каноничности религиозного искусства той или иной религиозной традиции можно также усматривать гносеологическое измерение. Дело в том, что эстетический канон религиозного искусства в конечном счете опирается на ряд теологических положений (догматов), признанных в данной религиозной традиции достоверными, истинно отражающими духовную реальность. Поэтому канон функционирует как гносеологическое правило, задача которого целесообразно художественными средствами передать предмет изображения (критерий такой достоверности хотя и также традиционен, восходит к мистическому откровению). В любом случае следует признать, что и на религиозное, в том числе церковно-христианское искусство, распространяется правило, согласно которому эстетические предпочтения склонны к дистанцированию от крайностей, что, в свою очередь, также служит основанием для формирования канона.

Значит ли это, что никакая оригинальность или «эстетическая апофатика» недопустима? Отнюдь нет, во-первых, потому что философия религии свидетельствует о наличии во всех мировых религиях представления о принципиальной невыразимости категорий священного (той самой тайны, которую нерациональным способом пытается передать религиозное искусство), во-вторых, потому, что стилистика восприятия Абсолюта меняется вместе с обществом и поэтому миссионерская задача церковного искусства состоит еще и в том, чтобы актуализировать главный смысл христианства для нашего времени. Наконец, в-третьих, оригинальная и даже откровенно маргинальная религиозная (в частности, христианская) образность, встречающаяся в последние десятилетия, вполне может быть проинтерпретирована в качестве выражения некой грани непостижимого Абсолюта. В конечном счете практика показала, что в культурной памяти остаются прежде всего образцы «сбалансированного искусства», сочетающего в себе высокую эстетичность и понятность для большинства людей.

Заключение

Подводя итог, представляется логичным вернуться к обозначенному разделению искусства на гносеологическое и праксеологическое измерения, отметив, что это разделение во многом условно. Так, следуя за желанием как можно четче провести границу между этими измерениями, мы наталкиваемся на некую фундаментальную преграду, и

именно поэтому правильно говорить даже не о двух измерениях или о двух функциях искусства (гносеологической и праксеологической), а об едином преобразующе-познающем эстетическом акте. Другими словами, категория «эстетическое» предполагает то, что реальность познается человеком через практику – творческий акт. И человек в своем познании активно вмешивается в окружающий мир, сакрализует его, стремясь сделать его схожим с миром божественным. Отсюда в религиозном сознании возникает не просто концепция художественного изображения сакрального, но сакральность самого художественного объекта, которая обосновывается установлением символической взаимосвязи художественного объекта и духовной реальности (онтология религиозного искусства). Этот художественный объект закономерно способен становиться объектом поклонения верующих, пусть даже объектом поклонения не как сам по себе, но в качестве символа духовной реальности, что, кстати говоря, гармонично соотносится с мнением В. В. Кандинского, который, характеризуя произведение искусства, говорил, что, возникнув, оно получает самостоятельное существование подобно живому, духовному существу, которое «...живет, действует и участвует в создании духовной атмосферы...» [11, с. 138] – тем более это замечание справедливо для явления религиозного искусства.

Православный богослов Д. Харт постулирует, что «...красота – эта категория, необходимая христианскому мышлению; все, что богословие говорит о триединой жизни Бога, даровании творения, воплощении Слова и спасении мира, дает место мышлению – да и поистине от него зависит – и повествованию (narrative) о прекрасном» [23, с. 24]. Действительно, христианское искусство – это повествование о прекрасном, это попытка через преобразования окружающей реальности непосредственно выразить идею божественности, приблизив, уподобив в творческом акте отдельную часть пространства (объекта) идеальному миру, точнее говоря, тому образу трансцендентной реальности, который присутствует в сознании верующего человека. Однако, нужно понимать, что в этом случае позиция религиозного человека (или, по крайней мере, большинства верующих людей) отличается от кантианской (непознаваемость вещей-в-себе) и подразумевает точку зрения гносеологического реалиста (идеалиста-платоника), для которого духовный мир и Бог не только существуют в реальности, но и в некоторой степени доступны для познания. Иначе говоря, между кантианской (мы познаем лишь образы предметов, которые формируются нашими чувствами, но не сами предметы) и платонической позициями (за материальным миром существует мир идеальный, и его возможно познать в умозрении) философствующая религиозная эстетика находится, в действительности, где-то по середине, соглашаясь с Кантом в том, что все наше знание есть лишь «карта», образ, отличный от «территории» трансцендентной, нуминозной реальности, но в то же время постулируя наличие духовного мира и веря в то, что наш опыт способен в какой-то степени отражать элементы божественного мира. Отечественный историк эстетики В. В. Бычков замечает, что «именно стремление к абсолютной полноте бытия, как к идеалу человеческой жизни, и составляет конечную цель эстетического опыта, а сама абсолютная полнота

бытия может быть осмыслена в качестве метафизической основы эстетики» [8, с. 29]. Смысл эстетического религиозного познания в этом отношении заключается в том, чтобы дать человеку возможность не просто рационально осознать, а скорее иммерсивно почувствовать, пережить опыт священного через соучастие, приобщение к эстетическому объекту. По своему использованию произведения христианского искусства, безусловно, имеют непосредственное практическое, культовое применение, однако в своей глубине они являют собой пример глубинного эстетического постижения духовной реальности. В итоге нашего исследования мы приходим к заключению, что религиозное, конкретно христианское, церковное искусство основывается на глубинном фундаменте гносеологии – христианское искусство представляет собой акт познания-переживания трансцендентной реальности в конечном счете Абсолюта.

Пристатейный библиографический список

- Graham, Gordon. *Philosophy, Art, and Religion Understanding Faith and Creativity*. – New Jersey, 2017.
- Hazelton, Roger. *A Theological Approach to Art*. – Nashville, Tenn., 1967.
- Jonas, Silvia. *Ineffability and its Metaphysics: The Unspeakable in Art, Religion, and Philosophy*. – New York, 2016.
- Pattison, George. *Art, Modernity, and Faith: Towards a Theology of Art*. – New York, 1991.
- Бальтазар Г.У. фон. *Богословие и эстетика // Богословие красоты / Под ред. Алексея Бодрова и Михаила Толстолуженко (Серия «Современное богословие»)*. – М.: Издательство ББИ, 2013.
- Баттё Ш. *Изящные искусства, сведенные к единому принципу // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли*. – М., 1962. – Т. 2.
- Бол Ф. *Наука и эстетика: всегда ли истина красива, а красота – истинна*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theoryandpractice.ru/posts/10048-istina-i-krasota> (дата обращения: 02.05.2022).
- Бычков В.В. *Эстетическая сущность искусства // Ориентиры... Вып. 2*. – М.: ИФ РАН, 2003.
- Головушкин Д.А., Гумарова И.Р. *Раздвигая или сужая границы ««дозволенного»». К проблеме определения понятия ««религиозное искусство» // Человек и культура*. – 2020. – № 5. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.5.31638. – [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31638 (дата обращения: 29.05.2022).
- Золотарева Т.А. *Идея техники в Античности // Гуманитарный вектор*. – 2019. – Т.14. – № 2.
- Кандинский В.В. *О духовном в искусстве*. – Нью-Йорк: МЛС, 1967.
- Коломиец Г.Г., Ляшенко П.В. *От русской теургической эстетики к утопической теургии красоты и искусства в философии русского зарубежья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. – 2022. – № 26 (1).
- Лосев А.Ф. *О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: сборник статей*. – М., 1973.
- Лютаева М.С. *Концепт «религиозное искусство» с точки зрения теории коммуникативных систем Никласа Лумана // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. – № 3 (39), октябрь 2021 г.
- Мария (Скобцова). *Типы религиозной жизни*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/typy-religioznoj-zhizni/> (дата обращения: 05.05.2022).
- Огородников А.Ю. *Красота как критерий научной истины // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. – 2019. – № 4.
- Пановски Э. *Аббат Сюжер и Аббатство Сен-Дени // Богословие в культуре средневековья*. – Киев, 1992.
- Розин В.М. *Философия, искусство, эзотерика как сообщающиеся сосуды, а также, в чем причина некоторой паузы эзотеризма // Философия и культура*. – 2022. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.1.37429. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37429.
- Тареев М.М. *Основы христианства. Система религиозной мысли. Том IV. Христианская свобода*. – Сергиев Посад, 1908.
- Трефил Дж. *200 законов мироздания*. – М.: Гелиос, 2007.
- Тулупе И.А. *Религия и искусство в системе культуры: дис. ... докт. философ. наук: 09.00.14*. – Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. – Санкт-Петербург, 2020.
- Хамидулин А.М. *Сравнительный анализ хроматических особенностей световых эпифаний в исламе, буддизме и христианстве // Исламоведение*. – 2017. – Т. 8. – № 2.
- Харт Д. *Красота бесконечного: Эстетика христианской истины*. – М.: ББИ, 2010.
- Яковлев Е.Г. *Искусство и мировые религии*. – М.: Высшая школа, 1985.

ХОМИЧ Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета им. А. А. Ежовского

БОДЯГ Марина Германовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Иркутского государственного аграрного университета имени А. А. Ежовского

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ТРАКТОВКА «УСЛОВНОСТИ» КАК УНИВЕРСАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

Предметом исследования данной статьи выступает понятие «условность», которое рассматривается с позиции определения его функции в современном социуме. Главной задачей исследования является доказательство статуса условности как универсальной категории. В процессе исследования особое внимание уделяется формулировке определения условности, которая выводится посредством анализа существующих в различных научных дисциплинах определений и констатации основных признаков условности, а также условий ее функционирования. Значимым для исследования становится сравнительный анализ условности и относительности как универсальных категорий, точкой отсчета в котором выбраны абсолютные мировые ценности. Новизна исследования заключается в прояснении размытости и многозначности понятия условность, а также в устранении неопределенности научного статуса этого явления. В итоге условность в ее универсальном значении определяется как способ отображения и преобразования действительности, проявляющийся в несовпадении бытийной и социально обусловленной картины мира и репрезентуемый при помощи символов и знаков. Выявлено, что условность характеризуется ограниченностью воссоздаваемого содержания, в то же время по договоренности принимаемого как абсолютная информация. Как когнитивная единица она указывает на дистанцию между действительностью и отражением в индивидуальном или коллективном сознании, понимание существования которой можно рассматривать как признак адекватного восприятия окружающего мира. Главным основанием для определения условности как универсальной категории является ее способность отражать законы общества и мышления.

Ключевые слова: условность, относительность, категория, абсолютные ценности, видимость, социальные законы, образ, модальность условности, реальная действительность, иллюзорная действительность.

KNOMICH Natalya Viktorovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty of the A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

BODYAG Marina Germanovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy, sociology and history sub-faculty of the A. A. Yezhevsky Irkutsk State Agrarian University

SOCIO-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF “CONDITIONALITY” AS A UNIVERSAL CATEGORY

The subject of the study of this article is the concept of “conditionality” which is considered from the position of determining its function in modern society. The main objective of the study is to prove the status of conditionality as a universal category. In the course of the research special attention is paid to the formulation of the conditionality definition which is derived by analyzing the definitions existing in various scientific disciplines and stating the main signs of conditionality as well as the conditions of its functioning. A comparative analysis of conditionality and relativity as universal categories becomes significant for the study in which absolute world values are chosen as a starting point. The novelty of the research lies in clarifying the vagueness and ambiguity of the conditionality concept as well as in eliminating the uncertainty of the scientific status of this phenomenon. It is revealed that conditionality is characterized by the limitation of the recreated content and by agreement accepted as absolute information. As a cognitive unit it indicates the distance between reality and reflection in individual or collective consciousness, the understanding of the existence can be considered as a sign of an adequate perception of the surrounding world. The main basis for defining conditionality as a universal category is its ability to reflect the laws of society and thinking.

Keywords: conditionality, relativity, category, absolute values, visibility, social laws, image, modality of conditionality, actual reality, illusory reality.

Актуальность и предмет исследования. С развитием интернета и активного общения в социальных сетях феномен «условность» изменяется как содержательно, так и категориально. Несомненный факт, что «информационная среда... оказывает трансформирующее воздействие на культуру в целом, перемещая ее феномены в киберинформационном пространстве» [6, с. 34]. Очевидно, что «условность» проявляется сейчас и на всех уровнях социальных отношений, и в процессе личностной актуализации.

Условности и социальные мифы настолько проникли в общество, стали привычными и естественными, что в настоящем и будущем нам стоит обязательно учитывать условную природу любых социальных явлений. В связи с этим необходимо рассмотрение условности в новом ракурсе, поскольку все чаще налицо подмена реальности «условностью», иллюзорностью, вымышленным миром, осознанно воспринимаемым как действительный. Если раньше «условность» рассматривалась как средство воссоздания

вторичных миров, миров искусства, социальных норм, то в настоящее время «условность» все чаще становится тождественной реальному бытийному существованию. Функцию условности в современном мире можно обозначить следующими двумя направлениями:

– наложение условности на реальность (встреча условного и действительного в информационном и социальном пространстве, то есть в этическом дискурсе – первичная «условность»);

– «условность» как проекция альтернативного социального пространства, конструируемого образами – вторичная «условность».

Условности играют в реальной жизни двойственную роль: диктуют заведомые ценности, в дальнейшем определяющие людские поступки, и, в свою очередь, являясь отображением определенных ценностных установок. Условности неотъемлемо связаны с общечеловеческими, национальными, индивидуальными ценностями. Ценности в современном мире утрачивают свой статус абсолютности, зачастую под незыблемыми ценностями понимаются условные, субъективные вещи, заданные социальным текстом. «Сегодняшние реалии показывают хрупкость ценностей, несоизмеримость ценностей «оригинала» и «макета»: рождается горькое сознание утраты, новое становится обыденным» [9, с. 297]. Являясь точкой отчета, ценности порождают разные информационные пространства: абсолютные ценности репрезентуются в киберсреде и непосредственно в социуме при помощи калькирования реальной действительности на условную проекцию, а относительные, вторичные, создают иллюзорное, придуманное жизненное пространство в информационном потоке. «Ценности – это произвольно проектируемые человеком феномены, с помощью которых наше сознание постигает жизнь и устанавливает истину» [1, с. 565]. Любое действие, совершаемое человеком, имеет осмысленное толкование только в соотношении с определенной системой ценностей, в разрезе которой можно обосновать стандарты поведения и мотивацию поступков.

Природа и содержание условных средств, проектирующих художественно ценное или альтернативное, зависит от выбранных человеком ценностных установок. Абсолютные ценности, не культурно обусловленные, а значит, не зависящие от человека, как правило, архетипичны и гармоничны в любом социальном представлении, относительные же содержатся в отдельных вещах и полностью зависят от условности их конфигураций и признаков. Кеплер утверждал, что все люди, включая необразованных, и даже животные способны понять гармонию, поскольку она архетипична и является прообразом Вселенной [10, с. 137]. Проявления абсолютного, его конкретизацией в социальном и кибернетическом пространстве всегда обусловлена заданными или предполагаемыми условностями. «Абсолют же содержит в себе все абсолютные качества полным, совершенным образом, однако нуждается в том, чего не имеет, т.е. в новизне [4, с. 125]. Соответственно, абсолютное неприкасаемо и непоколебимо в своем совершенстве, но вариативно в своих условных проявлениях.

Феномен «условность» в своем содержательном определении неизменно сталкивается с противоположной абсолютному категорией *относительности*, поскольку оба эти

понятия основаны на отношении к абсолютным мировым константам – ценностям. «Условность» и относительность – пересекающиеся понятия, т.к. выступают призмой для рассмотрения абсолютных универсальных ценностей и являются шкалой определения человеческих качеств, чувств и мыслей. Абсолютное всегда стремится выразиться через *относительное*, так же, как реальное, физически осязаемое, пытается презентовать себя с помощью условных средств в чувственном и духовном мире. Но в философской интерпретации *относительного* и *условного* есть значимые различия, выявить которые становится возможным только при выведении емкого философского определения феномена условности и обоснования его терминологического модуля.

Новизна исследования. Статус «условности» как таковой до сих пор не определен, поскольку пока это понятие рассматривалось в искусстве в синонимии с «художественным вымыслом», а в социокультурной среде как некая договоренность. Кроме того, «условность» в философском аспекте изучается сравнительно мало и однозначного определения понятия «условности» нет. Следует сказать, что неопределенность и размытость большого количества терминов – одна из актуальных проблем философии. Понятийно-категориальный аппарат требует более детального рассмотрения содержания, статуса и объема отдельных феноменов. По нашему мнению, закрепление за «условностью» статуса *понятие* не совсем корректно, поскольку этот феномен обозначает процесс, механизм трансформации реального в искусственно семиотическое, а *понятие* в науке больше констатируется как общая мысль об объекте или предмете, содержащая набор системных взаимосвязанных признаков. Несмотря на то, что иногда *понятие* может быть и конкретным, и абстрактным, как в случае с «условностью», она все же больше претендует на некую общность и категориальность.

Категории отражают наиболее существенные признаки, свойства, связи, определённые совокупности объектов реального мира, это обобщённая форма знания. Если понятия характеризуют отдельные виды, то категории отражают общие свойства всех объектов рода. Предельность категории в том, что ее содержание не может быть исчерпывающе выражено в отдельных частнонаучных определениях. Содержание, выражаемое категориями, входит в видовое понятие, но не исчерпывается родовым, т.е. категориальным, содержанием.

Типы и уровни категорий отличаются степенью их общности. Высшие уровни – философские категории – форма, содержание, часть и т.д., а частнонаучные – более конкретные и несколько ограниченные, например, сугубо литературоведческие, психологические или социологические. Феномен условности близок по своему значению философской категории относительности, однако существует ряд значительных различий, что не позволяет нам заменять условное относительным.

Основными масштабными перспективными вопросами исследования условности как философской категории становятся:

- определение основных содержательных признаков категории «условность»;
- выведение типологии «условности»;

– разграничение первичной и вторичной «условности» в процессе коммуникации;

– обозначение способов и механизмов создания *условного* в коллективной и индивидуальной картине мира, а также тождество и различие понятий *условное* и «условность».

– рассмотрение места «условности» в системе философских категорий, определение ее тождественное или второстепенное значение по отношению к главным философским в данной статье универсалиям.

Задачи и методы исследования. В рамках разработки теории «условности» конкретно в данной статье мы ставим перед собой две задачи:

Вывести универсальное определение условности и определить ее содержание, актуальное для современной социокультурной картины мира.

Задача решается посредством анализа существующих на данный момент определений условности, представленных понятийным аппаратом нескольких научных дисциплин. Также используется метод синтеза, помогающий вывести емкое определение условности в свете философской трактовки категории.

Определить статус условности в философском мировоззрении. Выявить различие между категорией *относительность*, уже прочно утвердившейся в философии, и категорией «условность». Продуктивным на этом этапе становится использование сравнительно-типологического и семантического методов исследования, а также для понимания категории *относительность* частично используется исторический метод.

Решение задачи 1. Мы можем говорить об универсальности и многофункциональности понятия «условность», поскольку она входит в терминологический аппарат многих, часто даже нетождественных наук. В информатике «условность» определяет механизмы перехода одних команд в другие. Ключевым здесь является наличие определенного условия при выполнении различного рода команд. Если условие обоснованно, то действие не прерывается и процесс развития продолжается, и в этом случае говорят об истинности условия. Кроме того, выполнение условия значительно ускоряет процесс и позволяет перепрыгнуть через цепочку связанных градационных действий. Если условие ложно, то действие продолжается по медленной, но верной последовательной схеме. Таким образом, «условность» позволяет координировать отношения, определяемые флагами процессора [3, с. 152], и ее основная функция определяется как координирующая.

В биологии «условность» – это качество, определяющее обязательное наличие условия для формирования определенного опыта, который возникает посредством временной связи между внешним раздражителем и реакцией живого организма и называется рефлексом. Здесь «условность» играет определяющую роль в выработке бессознательных действий для самосохранения [5, с. 6]. В математике любое графическое обозначение действительного объекта можно назвать «условностью», здесь ключевым условием появления условности выступает наличие воображаемой модели. В новейшем философском словаре Сагатовского В. Н. «условность» трактуется как предположение, допущение или договоренность, при-

знание «априори» общепринятости символов и знаков о придании предмету определенного названия [11]. В психологии «условность» определяется как личностная характеристика, выражающаяся в тенденции придерживаться социальных постулатов и догм [13]. В социологическом контексте понятие «условность» можно рассматривать как индикатор признака отражения, указывающий на нетождественность образа и его объекта, а также одно из существенных свойств искусства, подчеркивающее отличие художественного произведения от воспроизводимой в нем реальности [14]. Согласно «Краткой литературной энциклопедии», вторичная «условность» – это «отличающийся от жизнеподобия образ, способ создания таких образов. Толковый словарь русского языка трактует «условность» в ее самом обывательском восприятии: общепринятая, хотя и ненужная, бесполезная система правил, норма поведения [15].

В. Дмитриев считает также показателем условности нарушение логики реальности, любую деформацию её объектов [С. 54], а А. Михайлова определяет вторичную «условность» как «пересоздание форм, увиденных в жизни, в формы эстетические, где отбор и переформирование предметов действительности достигают особой цели». В таком пересоздании исследовательница видит «возможность непосредственно пережить то общее, существенное, что адекватного чувственного облика в жизни не имеет» [7, 188]. «Условность» воссоздается всегда при помощи образов, она неизменно вписывается в шкалу прекрасное–ужасное. «Основная эстетическая функция условности – это расширение границ реальности и построение человеком собственной модели мира посредством индивидуального образного языка» [12, 188].

Итак, суммируя все вышеперечисленные определения и интерпретации условности можно выделить обязательные элементы, характерные для феномена «условность»:

- наличие исходного объекта и проекционной плоскости, на которую может быть перенесен этот объект;
- обязательность наличия условия, то есть ограничения отображения этого объекта на проекционную плоскость;
- обязательность повторения этого условия;
- использование ряда семиотических средств для построения условной проекции объекта.

Но такое, на первый взгляд, исчерпывающее определение «условности» не выходит за устоявшиеся рамки понимания ее как способа отображения мира вокруг субъекта и индивидуума. В XXI в., благодаря стремительному развитию информационных технологий и вынужденный переход на дистанционные каналы личностной и профессиональной коммуникации, формируется новый тип мышления, значительно отличающийся от предшествующего периода. Развитие виртуальной среды уже относит «условность» в разряд собственно бытийных категорий, наполняет ее новым содержанием, где она становится не средством проектирования социальных явлений действительности, а целью человеческого существования как такового. В рамках новой мировоззренческой парадигмы теории условности требует переосмысления с точки зрения ее универсальной природы и роли в оформлении бытийной картины мира. Поэтому в философское представление об

«условности» нам видится нужным добавить еще одну ее характеристику: необходимость видения различия между изображаемым и изображенным, которая является одним из показателей интеллектуальной и социальной адекватности участников коммуникативного-социального процесса.

Итак, в философском осмыслении «условность» как способ отображения и преобразования действительности – это изначальное свойство любого явления, проявляющееся в несовпадении бытийной и социально обусловленной картины мира и репрезентуемое при помощи символов и знаков. «Условность» всегда характеризуется ограниченностью воссоздаваемого содержания, в то же время принимаемого как абсолютная информация. Как когнитивная единица она указывает на дистанцию между действительностью и отражением в индивидуальном или коллективном сознании, понимание существования которой можно рассматривать как признак адекватного восприятия окружающего мира.

В представленном определении «условность» трактуется как социальный феномен, но такое определение условности как свойства кажется нам достаточно узким, поскольку она не тождественна идее и не соизмерима с явлением. Это уже не просто результат «чувственного созерцания», а механизм, регулирующий возникновение закономерностей и связей, способ моделирования и рефлексии собственной жизни, одновременно являющийся средством познания и преобразования действительности. Поэтому в данной статье мы предприняли попытку рассмотрения «условности» именно как универсальной философской категории.

Решение задачи 2. Заявляя «условность» как категорию, мы сталкиваемся с понятием *относительное*, уже существующее в классической философии и в дихотомии с категорией *абсолютного* способное объяснить сущность явлений преобразования реального мира в мир иллюзорный, существующий только в результате договоренности в сознании людей. На наш взгляд, доказательство нетождественности и не взаимозаменяемости этих понятий как способов объяснения причинно-следственных связей, происходящих в мире изменений и природы отношения человека к миру, диктует потребность в другой категории, способной объяснить мотивы и закономерности создания вторичных иллюзорных миров.

Очень подробно категорию *относительного* анализирует Д. В. Пивоваров в статье «Абсолютное и относительное: категориальный анализ». *Относительное*, релятивное ученый определяет как отнесенное в определенное место, изменчивое, условное, зависимое от абсолютного. «Отношение – это условие выявления и реализации скрытых в сопричастных вещах свойств» [8, 107].

Аристотель трактует *относительное* как вторичное, зависящее от конкретных материальных характеристик объектов и непосредственно к ним относящееся. Средневековая философская мысль сопоставляет дихотомию *абсолютного* и *относительного* с небесным божественным царством и земным, мирским существованием. Материалистическая диалектика вообще отрицает *абсолютное* в чистом виде, трактует его только как часть *относительного*, поскольку каждая материя изначально относительна в

силу своего движения, необусловленности и изменчивости. В современном философском дискурсе *абсолютное* определяется как утвержденная бесконечность, непостижимая возможностями человеческого разума, автономная и вечная, и что самое важное – противоположная миру отношений. То есть *абсолютное* настолько реализовано и самодостаточно, что вступление его в любые отношения не меняет его исключительной природы.

Относительное, как и *условное*, всегда появляется между двумя противоположными категориями. В философии это могут быть целое и часть, необходимое и случайное, симметрия и асимметрия. *Абсолютное* и *относительное* соотносятся друг с другом как истинное и ложное, вечное и временное, безусловное и условное. *Относительное* всегда зависит от обстоятельств и условий, оно не устойчиво и требует определенную систему отчета и оценки, его роль состоит в характеристике явлений в их связи и взаимодействии с другими.

Результаты исследования. Тождественность понятий *относительное* и *условное* очевидна, однако, говоря об условности, мы, в первую очередь выделяем ее функциональную значимость и определенную модальность. Основное отличие *условного* от *относительного* – в его социальной природе. Категория *относительного* объясняет сам по себе эволюционно сложившийся социальный, нравственный и метафизический мир, а мировоззренческая категория «условности» сама способствует созданию новых миров в соответствии с все растущими желаниями современного потребительского общества, которые большей частью своей условны, поэтому говорить о выделении *условного* из категории *относительного* мы можем только с появлением таких характеристик общества как политическая идеология и потребительские не поддающиеся рациональному объяснению желания.

Обозначим некоторые конкретные моменты, позволяющие нам выделить «условность» в отдельную универсальную мировоззренческую категорию:

- «условность» не статична и не объясняет взаимные отношения вечных мировых субстант, она модальная категория, поэтому изначально субъективна и всегда материальна и социально обусловлена;

- дифференцирует и интегрирует два противоположных объекта: предмет или явление и его знаковую проекцию на условную плоскость;

- «условность» конкретно выражена при помощи различных визуальных и языковых знаков, она моделирует отображение реального мира: метафоры, гротеска, иносказания, аллегии, иронии, сарказма, символов и т.д.;

- цель условности – пережить что-то чувственно новое и ее смысл необъясним без социального контекста;

- «условность» динамична, имеет полярную основу и выступает в качестве интеграционного механизма между основными философскими категориями: пространство и время, абсолютность и относительность, истина и ложь, сущность и явление, причина и следствие, необходимость и случайность, форма и содержание, добро и зло, природа и человек;

- всегда воспроизводима, потому что имеет человеческую природу, создана человеком и всегда ограничена рамками какой-то мифологии;

– относительность условной *условности* налицо, но безусловная *«условность»* закреплена чувственно, на уровне подсознания, поэтому не поддается логическому объяснению и вследствие этого уже обладает неким статусом абсолютности. Переход из условной *«условности»* в безусловную назовем процессом *«абсолютизации»*, то есть результатом ее становится интерпретация *относительного* как *абсолютного*;

– роль *«условности»* не только объяснительная, но мотивационная и прагматическая, поскольку она выступает механизмом организации мыслительной и поведенческой системы человека;

– в отличие от категории *относительного* может быть определена количественно при помощи коэффициента в зависимости от своей принадлежности к первичной или вторичной степени воплощения. Коэффициент *«условности»* обратно пропорционален коэффициенту критического мышления.

– в то время как *относительное* расширяет чувственную и деятельностью свободу человека, *«условность»* ограничивает ее в силу своей правовой, социальной и этической регуляционной функции.

Выводы исследования. Итак, мы обосновываем некоторые моменты, которые позволяют нам отнести *«условность»* в ряд категориальных терминов. Основным доказательным признаком *«условности»* как категории является ее способность отражать законы общества и мышления. Изначально появляясь только в результате некоей договоренности, *«условность»* по истечении времени переходит в разряд безусловных категорий и начинает существовать независимо от воли людей, регулируя их поведение и сознание, определяя интересы, мотивы и стремления удовлетворить свои желания, повысить свою самооценку и стать полноценным принятым членом общества. Формирование *«условности»* как категории происходило в результате исторической социальной практики, которая всегда проявлялась в человеческом обществе как некий феномен, и только с развитием киберинформационного пространства стала носителем некоего социально-генетического и когнитивного опыта человечества.

В основе *«условности»* как универсальной категории находятся причинно-следственные и пространственно-временные отношения, определяющие ее созидательную роль в построении параллельной ирреальной картины мира. Общность *«условности»* со смежным ей понятием *относительного* заключается в потенциале обоих отображать явления объективной реальности, однако же *относительность* – это метафизическая категория, а *«условность»* – социальная и культурная. Искусственная природа условности наделяет ее высоким коэффициентом субъективности и прагматизма. Наряду с объяснительным потенциалом, *«условность»* обладает ярко выраженной созидательной функцией. Изначальные условности, исторически ставшие безусловными и естественными, зачастую определяют только этические нормы и могут быть определены как проявление первичной условности, тождественной категории *относительности*. Категориальное же проявление *«условности»* заключается, прежде всего, в проектировании мотивно-образного условного мира как альтернативы или замены реального.

Пристатейный библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения [Текст]; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.; 21 см. – (Социол. мысль Запада). – ISBN 5–01–001584–6.
2. Дмитриев В.А. Реализм и художественная *«условность»* [Текст]. – М.: Сов. писатель, 1974. – 279 с.
3. Зотов В. Система команд микропроцессорного ядра PicoBlaze, реализуемого на основе ПЛИС семейств Spartan-II, Spartan-III, Virtex, Virtex-E [Текст] // Компоненты и технологии. – 2003. – № 31. – С. 152-158.
4. Килис Ю.А. Смысл жизни как реализация гармонии абсолютного и относительного [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 125-128.
5. Физиология высшей нервной деятельности. Типы ВНД [Текст] / А.М. Купцова, Р.И. Зарипова, Н.И. Зиятдинова [и др.]. – Казань, КФУ, 2017. – 42 с.
6. Лопатинская Т.Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов [Текст] // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 4. – С. 34-38.
7. Михайлова А.А. О художественной условности [Текст]. – 2-е изд., перераб. – М.: Мысль, 1970. – 298 с.
8. Пивоваров Д.В. Абсолютное и относительное: категориальный анализ [Текст] // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2009. – № 7. – С. 104-120.
9. Супрон Н.В. Взгляд на проблему ценностей в эпоху постмодернизма [Текст] // Эпоха науки. – 2020. – № 22. – С. 296-299.
10. Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория [Текст]: Учение о гармонии в истории эстет. мысли. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
11. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма: авторский словарь [Текст]. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2013. – 291 с. – ISBN 978–5–9676–0489–8.
12. Хомич Н.В. Философский анализ антиутопической картины мира: монография [Текст] – М.: Перо, 2021. – 179 с. – ISBN 978–5–00189–784–2
13. Психологический словарь [Текст]: Более 2500 терминов / Авт.-сост.: В.Н. Копорулина [и др.]; Ред. Ю.Л. Неймер. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 637 с. – ISBN 5–222–03712–6.
14. Социологический словарь [Текст] / Акад. учеб.-науч. центр РАН-МГУ им. М. В. Ломоносова; отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; ученый секретарь О. Е. Чернощек. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 606 с. – ISBN 978–5–91768–098–9.
15. Толковый словарь русского языка: в 4 томах [Текст] / Сост. В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова; гл. ред. Б.М. Воли и Д.Н. Ушакова. – М.: Терра-Кн. клуб, 2007. – (Народная библиотека «Огонька»).

ЯКИМОВ Роман Васильевич

студент Национального исследовательского Томского государственного университета

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЗМА В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Данная статья посвящена развитию идей человекоцентризма. Антропоцентризм, который зародился в Античности как концепция, возводящая человека в центральную позицию той или иной ценностной модели, претерпел серьезные изменения в Средние века, что было мотивировано серьезным проникновением религии и Церкви во все сферы жизнедеятельности человека. Антропоцентризм средневекового толка рассматривал человека как существо, созданное Богом по «своему образу и подобию», человек не терял своей центральной позиции, но его действия мотивировались «Божественной волей» и «предписанием». Эпоха Возрождения, сменившая средние века – характеризовалась упадком церковного влияния и антисхоластическим настроем. Философская мысль обратилась к канонам античной философии, появилась вера в потенциал человека. Философия эпохи Возрождения не была «взором назад» или возвращением к исходным концепциям, в ней стали переплетаться античность и средневековье, что создало принципиально новую мировоззренческую систему. Антропоцентризм в эпоху Возрождения характеризуется симбиозом античной антропоцентричности и монотеистической мировоззренческой картины.

Ключевые слова: человекоцентризм, антропоцентричность, государство, общество, человек, средние века, возрождение.

YAKIMOV Roman Vasiljevich

student of the National Research Tomsk State University

THE DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF HUMAN-CENTRISM IN THE MIDDLE AGES AND THE RENAISSANCE

This article is devoted to the development of the ideas of human-centrism. Anthropocentrism, which originated in Antiquity as a concept that elevates a person to the central position of one or another value model, underwent serious changes in the Middle Ages, which was motivated by the serious penetration of religion and the Church into all spheres of human life. Anthropocentrism of the medieval persuasion considered man as a creature created by God in "his own image and likeness", man did not lose his central position, but his actions were motivated by "Divine will" and "prescription". The Renaissance, which replaced the Middle Ages, was characterized by a decline in church influence and an anti-scholastic attitude. Philosophical thought turned to the canons of ancient philosophy, there was a belief in the potential of man. The philosophy of the Renaissance was not a "look back" or a return to the original concepts, antiquity and the Middle Ages began to intertwine in it, which created a fundamentally new worldview system. Anthropocentrism in the Renaissance is characterized by a symbiosis of ancient anthropocentrism and a monotheistic worldview.

Keywords: human-centrism, anthropocentrism, state, society, man, middle ages, revival.

В Средние века философская мысль характеризовалась становлением духовности и изучением связи человека и Бога, что противопоставлялось Античной философии, которая акцентировала внимание на становлении человека и его интеллекта [1].

Средневековая философия, которая отождествлялась со всем Божественным и духовным, вгоняла человека в рамки субъекта, созданного Богом и живущим предопределённой жизнью в рамках «Божественного замысла». Зародилась концепция Креационизма, которая утверждала, что всё сотворённое Богом со временем изменяется и стремится к ничтожеству [2]. Но, с другой стороны, идеи Средневекового Провиденциализма, который утверждал, что Бог контролирует созданный им мир и человеческую историю, акцентировали внимание на том, что Бог контролирует жизнь и поведение даже отдельного человека. Что явилось своего рода трансформацией антропоцентризма в средневековом понимании. Теперь, человек ставился в позицию субъекта контролируемого, но контролировал его Бог, который являлся центральным субъектом. Этим самым, провиденциализм, также, ставил человека в центральную позицию. Блаженный Августин считал, что движущей силой всего является «Божественная воля», которая направляет историческое развитие в сторону достижения «Царствия Божьего», а, следовательно,

Якимов Р. В.

имеет своей целью создание наиболее благоприятных условий для человека и для его души.

Византийские философы Иоанн Зонара и Иоанн Малал рассматривали историческое развитие, как процесс обнаружения Божественного в мире, важным в данном направлении стало определение исторического процесса формулой – «деяния Божии через людей», что опять же ставило человека в один ряд с Богом, который для реализации своих замыслов обращался к человеческому существу.

Развитие средневековых теологических идей персонализма сильнее укоренили антропоцентричность. Персонализм акцентировал понимание человеческого существа как «персоны», что означало возведение его в категорию неделимой личности, которая была создана по образу и подобию Бога, обладала разумом и волей. Данная концепция сделала сильнейший сдвиг в сторону антропоцентричности, человек становился не просто существом, которое жило в соответствии с Божественным замыслом, но и имело волю, исполнять данный замысел. В отличие от античной философии, которая возвеличивала разум, воля человека передвигается на передний план. Подвластность Богу определяется ключевым значением исповеди в религиозном обряде. В отличие от античной философии, которая высоко ценила человека и его роль, средневековая философия превозносила человека,

ставила его над природой, ведь человек создан по образу и подобию Бога, следовательно, он выше остальной части сущего.

Очередным витком трансформации антропоцентризма в Средние века стало развитие идеи теоцентризма (в его монотеистическом понимании), когда античное понимание человека из «меры всех вещей» перешло в плоскость «венца творения». Теоцентризм имел более абсолютизированное значение и уверенно проникал во все сферы жизни человека [3]. На раннем этапе развития средневековой философии, в эпоху патристики, такие философы как Климент Александрийский и Иустин Философ развивали идеи истинности Христианского учения и догматов Церкви перед лицом язычества и античного образа жизни [4]. Человек продолжал оставаться антропоцентричным существом, но действия его подпадали под жёсткие рамки религиозной идеологии. Эпоха Зрелой патристики сильнее укоренила данные веяния, которые начали закрепляться в государственной политике стран, принимавших Христианство, как государственную религию. Философ Давид Анахт возводит человека в категорию «Украшение мира», он отделяет понятие плоти человека от его бессмертной души. Антропоцентризм прослеживается в обеих ипостасях, ведь плоть как земная оболочка, призвана стать украшением для мира, своей красотой наполнить его. В то время, как душа человека свободна в своём выборе, но она должна быть наставлена на сотворение добродетели и как итог, освободиться из «темницы» тела. Третий этап развития патристики закрепляет и обосновывает Церковные догматы. Важнейшим вопросом данного этапа становится проблема ипостасей Христа, влияние античной антропоцентричной философии сказывается на церковном разделении после Халкидонского Собора. Проблематика заключается в природе Христа как человека, Бога и его богочеловечности. Здесь, важную роль играют Иоанн Дамаскин и Бёэций. Этап Схоластического развития средневековой философии характеризуется систематизацией существующих представлений и попытками их обоснования.

Приближающаяся эпоха Возрождения характеризовалась упадком церковного влияния и антисхоластическим настроением [5]. Философская мысль обратилась к канонам античной философии, появилось вера в потенциал человека. Важно отметить, что философия эпохи Возрождения не была «взором назад» или возвращением к исходным концепциям, в ней стали переплетаться античность и средневековье, что создало принципиально новую мировоззренческую систему. Антропоцентризм в эпоху Возрождения характеризуется симбиозом античной антропоцентричности и монотеистической мировоззренческой картины [6]. Человек - творец самого себя и этим отличается от всех прочих природных существ. Так, по мере освобождения от христианского понимания человека, по мере секуляризации религиозных представлений человек сам становится на место Бога [7].

Данте Алигьери и Франческо Петрарка развивали гуманистическую концепцию, ставили в центр внимания человека, пытаясь обосновать его самодостаточность и самоценность. Божественная комедия Данте ставила в центр независимость человеческого существа от Божественной воли, воспевала его свободу и величие.

Парацельс развивал идеи учения Платона, начала возрождаться школа неоплатоников. Философская мысль в данном направлении руководствовалась идеализмом в вопросах познания человека, природы и Космоса.

Следует отметить, что влияние науки имело колоссальное значение на философскую мысль, появление натурфилософских концепций подвергало сомнению догматы Церкви о человеке, Боге, Космосе. В передний план выходит античное «знание» в вопросах познания. Развитию данного направления способствовали открытия Галилея, Коперника и Бруно. Претерпело трансформации и политическое управление,

начали изучать проблематику управления, поведение правителей и политических фигур. Человек изучается не только как объект управления, но и как его субъект. Данное направление можно отметить трактатом Николо Макиавелли «Государь». Томмазо Кампанелла развивает идею утопического и социального построения общества, которое ориентируется на всеобщее равенство и обеспечение достойного уровня жизни для человека, ориентируясь на его потребности [8]. В то же время Альберти развивал идею «идеального города», который своей красотой и удобством будет способствовать духовному развитию человека. Одновременно, нельзя говорить о том, что Церковь была в упадке и не претерпевала никаких изменений, появляется реформационное направление, которое стремится трансформировать церковную идеологию и принципы взаимоотношений Церкви и человека исходя из антропоцентричных ценностей. Особую роль в данном вопросе сыграли Эразм Роттердамский и Мартин Лютер.

В эпоху Возрождения человек, который рассматривался в средние века «хозяином природы», становится её частью. Природа бесконечна и развивается вместе с человеком. Даже в художественном проявлении, человек соединяется с природой, искусство приобретает новые краски, где изображается единство человеческого существа и бесконечной природы. Возрождение характеризуется своей научной направленностью и возвращением к некоторым Античным пониманиям антропоцентричности. Особая роль научности сказывается на острой необходимости поиска методов истинного знания и достижения истинности. Рене Декарт вводит принцип «Я мыслю, следовательно, существую», который носит в себе идеологическую нагрузку Сократовского принципа «человек мыслящий есть мера всех вещей». Именно «человек мыслящий» становится основным субъектом науки и философии.

Пристатейный библиографический список

1. Четчикова И.И. Философия, теология и наука в средневековье: история взаимоотношений // Вестник Казанского технологического университета. - 2010. - № 3. - С. 344-353.
2. Зайко А.В. Философия средних веков: метод. указания / Сост. А.В. Зайко; СПбГАСУ. - СПб., 2010. - 23 с.
3. Абдурахманов Г.М., Кулиев Т.Т. Теоцентризм и антропоцентризм в современном экологическом сознании // Юг России: экология, развитие. - 2012. - № 2. - С. 147-152.
4. Гусева А.А. Юстин Философ и проблема исторического в человеке // Vox. Философский журнал. - 2017. - № 2. - С. 1-15. Doi:10.24411/2077-6608-2017-00012.
5. Безрукова Н.В., Фомина Н.В. Антропоцентризм в культуре // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. - 2015. - № 11. - С. 774-775.
6. Загрядская А.С. Антропоцентризм как вектор преобразования христианской культуры в эпоху Возрождения // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - 2013. - № 4. - С. 189-193.
7. Гайденок П. От теоцентризма средних веков к антропоцентризму Ренессанса // Вестник культурологии. - 2002. - № 3. - С. 13-15.
8. Санников С.В. Утопия как антиутопия «Город Солнца». Томмазо Кампанелла в перспективе III тысячелетия // Альманах «Богомыслие». - 2020. - № 28. - С. 161-171.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.